ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 5

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ИТОГИ И УРОКИ ВОЙНЫ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Авторский коллектив двенадцатого тома:
В. А. Золотарёв (*руководитель авторского коллектива*), А. М. Соколов *(заместитель руководителя)*, А. И. Агеев, С. С. Антюшин, В. А. Афанасьев, О. А. Бельков, А. А. Будко, В. К. Гапон, И. С. Даниленко, В. Г. Егоров, Д. Н. Ермаков, С. М. Ермаков, Д. А. Журавлёв, В. П. Зимонин, Н. В. Илиевский, О. В. Каримов, А. А. Кокошин, О. Д. Кузнецова, М. М. Курочко, С. Я. Лаврёнов, А. И. Миренков, В. В. Панов, П. В. Петрий, М. С. Полянский, Ю. В. Рубцов, А. А. Саркисов, А. В. Тимченко, С. А. Тюшкевич, Д. Н. Филипповых, Б. В. Хилько

При участии:
Т. В. Анисимовой, О. В. Власова, В. Г. Кикнадзе, Е. М. Малышевой, Н. Г. Михальцова, Р. Г. Носова, Г. В. Ососкова, В. С. Параскевова, О. В. Саксонова, М. А. Селиванова, С. Б. Страшко, В. В. Тимченко, И. А. Федорченко, В. С. Хмельникова

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Н. И. Бритвин, М. В. Виниченко, М. И. Горелов, М. А. Елисеева, С. В. Запорожцева, Ю. В. Кожухов, Г. Э. Кучков, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, А. Г. Нещасный, И. А. Пермяков, Е. И. Рычкова, В. В. Соколов, Д. В. Суржик, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов

В26 **Великая** Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. — М.: Кучково поле, 2015. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0539-1

Двенадцатый том, завершающий фундаментальный многотомный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», посвящен итогам и урокам войны. В нем излагаются современные взгляды на наиболее дискуссионные проблемы ее истории, определено, в чем состоит всемирно-историческое значение Великой Победы над нацизмом и милитаризмом, рассматриваются цена и последствия войны, основные итоги войны в политической, геополитической, экономической, социальной, духовно-нравственной и других областях.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0539-1

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ ДВЕНАДЦАТИТОМНОГО ТРУДА «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 годов»

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках двенадцатый, заключительный том фундаментального труда, приуроченного к большому, знаменательному событию — 70-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

Каждый ее день, каждый час был наполнен беспримерным мужеством защитников Отчизны, горем и страданиями миллионов людей. Пройдя через суровые испытания, наш народ не покорился жестокому и беспощадному врагу, сохранил внутреннюю силу и достоинство — и победил. Отстоял свободу и независимость Родины, внес решающий вклад в освобождение Европы и всего мира.

Уверен, это масштабное, востребованное временем издание внесет свою лепту в сбережение нашей общей исторической, национальной памяти, будет интересно как специалистам, так и самому широком кругу читателей.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. ПУТИН

ОТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Выход в свет двенадцатого тома завершает масштабный научный проект, реализуемый в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации В. В. Путина от 5 мая 2008 г. о подготовке фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Позади огромный творческий труд большого числа научных коллективов и ученых, представляющих академическую и вузовскую науку. Не будет преувеличением сказать, что подготовка двенадцатитомника стала, пожалуй, самой серьезной за последние полвека проверкой для той части научного сообщества России, которая связана с анализом столь сложного и многоаспектного явления, каким предстает Великая Отечественная война.

Глубина и аргументированность анализа — вот критерий, по которому судят о подлинной ценности тех или иных исторических изысканий. В чем фундамент успешной реализации проекта «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»? Ответ прост — в наличии крупнейшей в мире исторической школы. Прошедшая важные этапы своего становления и развития за более чем 200-летний период, она создала необходимый комплекс пассионарности. Усилиями талантливых историков, философов, науковедов, а также коллективов исторических комиссий по обобщению опыта минувшего создавались методики, разрабатывалась методология исторических исследований, развивались базовые и вспомогательные исторические дисциплины.

При создании фундаментального многотомного труда по истории Великой Отечественной войны военные историки вряд ли справились бы с поставленной задачей в одиночку. Проект объединил вокруг себя историков и экономистов, специалистов военного дела и обществоведов, юристов и социологов, политологов и международников, крупных военачальников и представителей оборонно-промышленного комплекса.

Работа над настоящим многотомником опирается на прочные традиции создания фундаментальных трудов, которые накоплены отечественной наукой. Первым шагом в этом направлении стало шеститомное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза», увидевшее свет в 1960-е гг. Второй шаг уверенно сделали авторы фундаментального двенадцатитомного труда «История второй мировой войны. 1939–1945», опубликованного в 1970–1980-е гг. Конечно, и шеститомник, и двенадцатитомник были продуктом своего времени, создавались в атмосфере холодной войны и отражали официальную историческую концепцию советского периода, однако это не отменяет достоинств обоих изданий: они аккумулировали большой массив исторических фактов, не утративший своего значения по сей день, и несли в себе огромный познавательный и патриотический заряд.

Недостатки этих трудов сумела в значительной степени преодолеть состоящая из четырех книг работа «Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки», увидевшая свет в переломные 1990-е гг. Успешной была попытка раскрыть основные проблемы войны и дать оценку ее событиям, опираясь не на идеологические постулаты, а на результаты

научных исследований, осуществленных с учетом обновленной методологии и с широким использованием новых архивных материалов.

Настоящий двенадцатитомный труд аккумулировал достижения предшествующих поколений историков. В ходе реализации проекта на основе всестороннего изучения всего комплекса отечественных и зарубежных трудов по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, отечественных и зарубежных архивных документов, как ранее опубликованных, так и введенных в научный оборот в ходе работы над трудом, при использовании проблемно-хронологического подхода, явившегося фундаментом научной концепции труда, аргументированно изложено современное видение истории Великой Отечественной войны, выявлены и освещены многие не исследованные ранее актуальные темы, высказан взгляд по наиболее дискуссионным проблемам. В целом это позволило создать максимально достоверный научный труд, посвященный самому сложному этапу мировой истории XX в.

Основным средством борьбы в Великой Отечественной войне было вооруженное противоборство, но решающий ее фактор — усилия всего советского народа. Поэтому одним из главных объектов исследования оставался человек на войне, солдат и труженик тыла. Авторы акцентировали внимание на человеческом измерении войны. Мужество и самоотверженность, выносливость и свободолюбие, смекалка и изобретательность — без понимания этих черт наших предков исследование проблем ее истории не может быть полностью объективным.

Выход в свет многотомного фундаментального труда правомерно рассматривать как вклад в интеллектуальную регенерацию нации, под которой мы понимаем Русский мир, в последние годы так мощно заявивший о себе не только на постсоветском пространстве, но и в других регионах мира.

Особо надо сказать и о настоящем, двенадцатом томе труда. Его важнейшая черта — историко-прогностический характер, нацеленность в будущее. Коллектив авторов, стремясь выйти на новое качество понимания многочисленных проблем Великой Отечественной войны, обращал свой взор не только в прошлое. Цель была поставлена прямо и недвусмысленно — из войны и победы извлечь практические уроки в интересах развития современной России и ее вооруженных сил.

История, как известно, наказывает тех, кто не делает из нее выводов. Наша задача применительно к истории Великой Отечественной войны — вынести из прошлого опыта уроки, позволяющие избегать трагических ошибок и просчетов и успешно решать сложнейшие проблемы современности. Без осмысления и усвоения исторического наследия невозможен успех преобразований в нашей стране. Только таким образом мы утвердимся в настоящем и обеспечим себе достойное будущее.

К сожалению, здесь не все зависит от нас. В послевоенный период, предав забвению факты истории, многие политики и историки, как из стран бывших союзников, так и бывших противников, пытаются исказить причины минувшей войны, ее ход и последствия, умалить вклад Советского Союза в разгром Германии и Японии. Отдавая должное вкладу, внесенному в достижение общей победы всеми странами и народами антифашистской коалиции, мы решительно выступаем против тех западных историков и так называемых «историков либеральной волны» на постсоветском и постсоциалистическом пространствах, которые принижают ведущую роль в ней Советского Союза, единодушно признанную в годы войны всеми без исключения лидерами воюющих держав.

События последних нескольких лет и особенно 2014 г., предшествовавшего 70-летию Великой Победы, показали, насколько глубоко проросли события военного прошлого в нашу повседневность. Болезненная реакция Запада на законное, опиравшееся на результаты всенародного референдума воссоединение с Россией Крыма, государственный переворот на Украине, результатом которого стал приход к власти сил, предающих забвению общее победное наследие наших народов, режим экономических санкций, примененных странами Запада к России и имеющих своей конечной целью смену государственного курса Российской Федерации и низведение ее до положения региональной страны, — эти и им подобные явления напоминают о том, что недругов у нашей страны по-прежнему немало.

Особенное беспокойство вызывают попытки руководителей государств, бывших союзниками СССР по антигитлеровской коалиции и закладывавших в Ялте и Потсдаме контуры современного мира, разрушить систему мироустройства, которая позволила народам мира на протяжении последних семи десятилетий избегать глобальных конфликтов.

Североатлантический блок непосредственно придвинулся к границам России, втягивая в свою орбиту страны Восточной Европы, пока еще сохраняющие нейтральный статус. Военная инфраструктура расширяется в Прибалтике, Польше, Румынии, дорожная карта для вступления в НАТО предлагается Украине, Грузии, Молдавии. На территории ряда восточноевропейских стран размещаются или планируются к размещению элементы американской глобальной системы ПРО, представляющей собой угрозу для безопасности не только России, но и всего мира, поскольку она кардинально нарушает сложившийся стратегический баланс сил в мире.

Россия, будучи правопреемницей Советского Союза, который вместе с США, Великобританией, Китаем, Францией и другими государствами закладывал Ялтинско-Потсдамскую систему мироустройства, всеми силами противодействует ее разрушению, размыванию прошедших испытание холодной войной норм международного права, попыткам известных политических сил подстроить их под свои конъюнктурные интересы. Обречены на неудачу шаги наших оппонентов, посчитавших Российскую Федерацию слишком самостоятельной и немедленно включивших инструменты сдерживания, санкций, изоляции.

Возвращение Крыма в лоно России, последовательная поддержка соотечественников в Донбассе, появление после многих лет забвения Андреевского флага на просторах Мирового океана, четкая позиция России по Ближнему Востоку, сближение со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки, уверенная поступь в Арктике — эти и другие внешнеполитические акции начала XXI в. отражают не только возросшую мощь нашего государства, все более уверенно возвращающего себе статус мировой державы, но и подъем общественных настроений, укрепление народного духа. Разве не яркое проявление этого — блистательные победы российских сборных на Олимпиаде и Паралимпиаде в Сочи и на чемпионате мира по хоккею с шайбой?

Но все это многим не по нраву. Если прибегнуть к спортивной терминологии, нас хотят исключить из мировой высшей лиги, отвести нам место на скамейке штрафников. Одна волна санкций сменяет другую, договорились даже до того, что нашу страну следует оставить за бортом мировой финансовой системы, а то и — только вслушайтесь — лишить Россию статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. И это говорится о государстве — одном из учредителей Организации Объединенных Наций, внесшим решающий вклад в разгром германского нацизма и японского милитаризма.

Не выйдет! Как футбольный «матч смерти» советских спортсменов с командой люфтваффе в оккупированном гитлеровцами Киеве в 1942 г. стал для последних, заранее торжествующих, упивающихся своей безнаказанностью, не триумфом, а позором, так и сегодняшняя попытка усадить Россию на геополитическую скамейку штрафников обернется унизительным офсайдом для ее инициаторов.

Добиться военного превосходства над Россией ни у кого не получится, гарантией чему служат быстро совершенствующиеся и наращивающие свои боевые возможности Вооруженные силы Российской Федерации. Но в отстаивании собственной самостоятельной линии руководство страны и народ уповают не только на силовой фактор. За нами — правда истории, многовековой опыт защиты свободы и независимости, мудрость предков, призывавших при любых обстоятельствах держать порох сухим.

Потому многотомный фундаментальный труд в целом и двенадцатый том в частности нацелены не только на сохранение героического наследия предков, но и на активацию идеологии патриотизма, которая всегда сплачивала наш народ. Постижение прошлого, особенно его военной составляющей, во все времена играет необычайно важную роль в патриотическом воспитании населения, в первую очередь молодежи.

Новый фундаментальный труд о Великой Отечественной войне поможет государственным органам всех уровней, системе высшего и довузовского образования в организации

патриотического воспитания молодого поколения, всех граждан страны в соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Нам всем очевидно, что роль исторической науки в воспитании патриота России в условиях обострения современной информационной войны, открыто навязывающей чуждые нам взгляды, пытающейся стереть историческую память, фальсифицировать прошлое, в том числе историю Великой Отечественной войны, возрастает как никогда.

Комплексный анализ показал также, что события, лежащие в хронологических рамках 1914–1945 гг., в своем историческом смысле органически сопряжены и взаимосвязаны и находятся на одной прямой. С учетом этого обстоятельства, завершая двенадцатитомный фундаментальный президентский проект по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., мы закономерно разрабатываем шеститомный фундаментальный труд «Первая мировая война 1914–1918 годов». В сопряжении оба эти проекта выступают важнейшей органической основой для понимания процессов развития XX в. — одного из самых насыщенных в истории человечества и нашего Отечества.

Надо иметь также в виду, что выход в свет двенадцатитомника знаменует собой завершение работы над конкретным проектом, но вовсе не означает завершения процесса познания военного прошлого, связанного с событиями 1941–1945 гг. Начиная с 2015 г. научно-исследовательским центром (научного руководителя фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов») будет подготовлена к изданию серия сборников документов по важнейшим событиям и явлениям войны. Ее мы вправе рассматривать как ценнейшее приложение к фундаментальному многотомному труду, прокладывающее перспективу познания Великой Отечественной войны во всей многогранности этого события.

Председатель Главной редакционной комиссии
министр обороны Российской Федерации
Герой России
генерал армии

С. Шойгу

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие друзья!

Великая Отечественная война — это не имеющая аналогов в мировой истории битва сил добра с абсолютным злом, огромнейшее сражение по масштабам, вовлеченным ресурсам, уровню сопротивления врагу, трагизму и жертвенности народов Советского Союза.

Но чем дальше уходят в историю военные годы, тем больше усилий требуется для защиты исторической правды от влияния политической конъюнктуры. Уже выросло несколько поколений, которые знают о Великой Отечественной войне в лучшем случае по учебникам.

Семь десятилетий, прошедших со дня Великой Победы, убедительно показали, какую неоценимую роль сыграло поколение победителей в судьбе человечества, сбережении духовности и спасении от уничтожения целых народов.

Однако не только нравственный долг побуждает нас хранить память о бессмертном подвиге, совершенном советским народом в 1941–1945 гг. Мы, живущие ныне, обязаны критически осмыслить исторический опыт, творчески использовать его в сфере обеспечения военной безопасности наших стран, учитывая при этом как традиционные, так и новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь.

По-прежнему актуальны уроки Великой Отечественной войны, особенно в военно-политической сфере. Как известно, во многих регионах мира все заметнее становятся проявления неонацизма, политического, религиозного и этнического экстремизма.

Именно память о Победе, о войне сегодня остается той единственной силой, которая еще объединяет всех людей доброй воли и является главным фактором срыва планов наиболее деструктивных сил в мире, мечтающих о реванше.

Великая Отечественная война является главной составной частью Второй мировой войны. Именно Советский Союз был основным препятствием на пути нацистов к мировому господству, именно советско-германский фронт стал главной ареной невиданного по масштабам военного противоборства, именно Красная армия уничтожила большую часть живой силы и военной техники противника. Поистине неисчислимы жертвы, принесенные народами СССР на алтарь Победы.

К сожалению, вопрос о роли государств антигитлеровской коалиции в достижении победы в войне и поныне является одним из самых политизированных. В западной историографии нередко встречаются попытки преуменьшить всемирно-историческую роль СССР в разгроме фашизма, исказить подлинную картину событий и представить Советский Союз в виде поджигателя войны наряду с нацистской Германией. Предпринимаются активные попытки неправомерного пересмотра итогов Второй мировой войны и выгораживания истинных ее виновников. Тем самым нас, потомков победителей, стремятся лишить как общей истории, так и подлинного национального достоинства.

В подобной обстановке выход в свет фундаментального труда о Великой Отечественной войне имеет принципиальное значение. Убежден, что он станет достойным ответом фальсификаторам истории, внесет серьезный вклад в восстановление исторической правды, будет способствовать формированию у молодежи патриотических чувств и гордости за славные дела своих предков.

Министр обороны Республики Беларусь
генерал-майор А. Равков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами, уважаемые читатели, заключительный, двенадцатый том фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Ознакомившись с содержанием предшествующих томов труда, вы получили возможность составить целостное представление о Великой Отечественной войне, основные события и факты которой изложены в хронологической последовательности с большой полнотой и систематичностью. В соответствии с основополагающей идеей, заложенной в концепцию труда и заключающейся в том, что война представляла собой сложнейшее многофакторное явление, обстоятельно освещались не только вооруженное противоборство на сухопутных и морских театрах военных действий, но и другие стороны войны — политическая, экономическая, социальная, духовная, повседневно-бытовая.

Перед авторским коллективом двенадцатого тома стояла задача исключительно важного научного и общественно-политического значения — показать итоги Великой Отечественной войны и извлечь из ее опыта соответствующие уроки. Это крайне необходимо во имя поступательного развития Российской Федерации, обеспечения ее национальной и военной безопасности, сохранения суверенитета и территориальной целостности, а также в интересах строительства ее вооруженных сил адекватно вызовам и угрозам XXI в.

Как и в предшествующих томах, авторы настоящего труда следовали теоретическим и методологическим положениям, без учета которых невозможно сформировать целостное, объективное, непротиворечивое представление о Великой Отечественной войне как самом тяжелом испытании для нашей Родины за многие века ее существования. При этом они руководствовались принципами научности, историзма, объективности и системности, использовали строго достоверные источники, что позволило им обобщить огромный фактологический материал и прийти к научно обоснованным выводам. Тем самым полностью реализована концепция труда, выработанная Главной редакционной комиссией.

В ходе работы авторы исходили из ранее разработанной отечественными военными историками и подтвердившей свою жизненность научно аргументированной периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза, в соответствии с которой война делится на три качественно отличных друг от друга периода: 22 июня 1941 — 18 ноября 1942 г.; 19 ноября 1942 — конец 1943 г.; январь 1944 — 9 мая 1945 г. Война с Японией (9 августа — 2 сентября 1945 г.), в которую Советский Союз вступил в соответствии с союзническими обязательствами перед западными союзниками по антигитлеровской коалиции, рассматривается в труде как составная часть Второй мировой войны. Различные по характеру Великую Отечественную и войну с Японией объединяла главная цель — разгромить агрессоров, несущих ответственность за развязывание мировой войны на западе и востоке, обеспечить победу Объединенных Наций во имя установления прочного мира и гарантий свободного демократического развития народов.

Со стороны Советского Союза Великая Отечественная война была вынужденной. К ответным действиям советский народ и его вооруженные силы вынудила неспровоцированная агрессия нацистской Германии и ее союзников. Архивные изыскания, предпринятые в ходе работы над настоящим трудом, наряду с исследованием ранее опубликованных документов

дали дополнительные аргументы к опровержению версии современных ревизионистов от истории о якобы имевшихся у советского руководства планах превентивного нападения на Германию.

Документы и материалы, введенные в научный оборот при разработке труда, также неопровержимо свидетельствуют, что вторжение вермахта на советскую территорию было заранее спланировано и тщательно подготовлено. Ни о какой импульсивности действий нацистского руководства не может идти и речи, если учесть, что план «Барбаросса» — план войны против СССР был подписан за полгода до фактического открытия боевых действий и все это время педантично выполнялся военным командованием вермахта.

Агрессия нацистской Германии и ее союзников против СССР была обусловлена цивилизационными факторами и своими корнями уходила, как минимум, в XIII в., когда на пути германской агрессии на Чудском озере встали ратники Александра Невского. Из генерального плана «Ост», других документов нацистского руководства следует, что оно лишало восточнославянский этнос, как и ряд других «расово неполноценных» народов, права на существование. Нацисты считали себя продолжателями дела Тевтонского ордена, особенно в области геополитики. Доктрина этого ордена «Натиск на Восток» была хорошо усвоена руководством гитлеровской Германии. С появлением на мировой карте Советского Союза крестовый поход против исторической России приобрел ярко выраженную классово-идеологическую окраску.

Политические цели преступной войны нацистской Германии против СССР, будучи сформулированными в плане «Барбаросса», генеральном плане «Ост», директивах и приказах военного командования вермахта, состояли в том, чтобы, разгромив Красную армию, уничтожить СССР как государство, истребить и поработить его народы и, в конечном итоге, русскую цивилизацию.

По своим политическим целям и характеру война Советского Союза против нацистской Германии была Отечественной, освободительной, справедливой. В этих характеристиках отразился исторический выбор народов СССР, его политического и военного руководства. На военную силу они ответили силой. В условиях, когда иноземное нашествие угрожало самому существованию нашей страны и населявших ее народов, на первый план выдвинулись патриотические, национально-государственные интересы. Чувство патриотизма наших соотечественников в годы Великой Отечественной войны достигло своего наивысшего накала. В нем диалектически слились идея защиты Отечества, исторически присущая нашему народу убежденность в справедливости нового, социалистического общества, уверенность в своих силах, в руководстве страны, вера представителей различных религиозных конфессий в божественное провидение и сакральное предназначение исторической России.

Война с первого же дня стала всенародной. На защиту Отечества встало все население нашей страны, независимо от социальной принадлежности, возраста, рода деятельности, места проживания. В противоборстве с врагом объединились и фронт, и тыл. Возник также такой феномен, как практически полное совпадение интересов масс и политической элиты, был преодолен обозначившийся в 1930-е гг. конфликт власти и народа. По сути, каждый сознательный гражданин СССР ощутил свою личную ответственность за судьбу Отечества. Разумеется, неправомерно замалчивать тот факт, что известная часть населения СССР иначе встретила известие о фашистской агрессии и пошла на сотрудничество с врагом. Это, однако, не опровергает вывода о том, что в годину суровых испытаний подавляющее большинство советских граждан воспринимало существующий в стране социально-политический строй в качестве законного, сплотившись во имя защиты тех жизненных ценностей, которые им были понятны и близки.

В отличие от всех предшествующих войн, пережитых нашим народом, Великая Отечественная война стала особым состоянием общества, потребовавшим кардинальной перестройки всех сфер жизни — политической, экономической, военной, духовной, социальной, вызвала необходимость превратить страну в единый военный лагерь. Основным признаком этого особого состояния было подчинение всей жизни народа, деятельности государственных

и общественных организаций, экономики, науки, духовной жизни общества интересам справедливой войны, защите Отечества. Фронт и тыл стали единым целым, вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков в тылу врага приобрели определяющее значение; экономика работала преимущественно на нужды вооруженных сил; произошли перемены в политической надстройке, существенно возросло значение организаторской деятельности государства, правящей коммунистической партии. Население пошло на сознательное резкое снижение жизненного уровня, испытывая острую нужду и лишения военного времени. И все это — во имя победы над врагом.

Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии, а также война с милитаристской Японией рассматриваются в данном труде строго в контексте всемирной истории, с учетом закономерностей и тенденций мирового развития в 1920–1940-е гг. Демонстрация узлов межгосударственных противоречий и очагов будущего мирового катаклизма, зарождавшихся одновременно в Европе и Азии, отражает реальный ход событий и позволяет преодолеть европоцентризм в показе предыстории войны. Этой же цели служит и сбалансированное изложение событий последующего периода не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах мировой войны, чем дополнительно подчеркиваются участие советского народа в общемировой борьбе прогрессивных сил против нацизма и милитаризма и его вклад в победу над странами оси.

Великая Отечественная война рассматривается как важнейшая составная часть Второй мировой. Будучи справедливой и освободительной, Великая Отечественная придала такой же характер и Второй мировой войне в целом. Авторы труда исходят из убеждения, что политика западных демократий на начальном этапе Второй мировой войны проводилась прежде всего в их собственных узкокорыстных интересах. Лишь вступление Советского Союза в противоборство с нацистской Германией заставило правящие круги западных стран отказаться от эгоистической политики, изменить идеологию и практику ведения войны с фашизмом. Осознание страшной опасности, нависшей над всей человеческой цивилизацией, способствовало образованию широкого международного фронта борьбы с агрессором, воплотившегося в создании антигитлеровской коалиции и совместной борьбе Объединенных Наций с нацизмом и милитаризмом. Именно вступление СССР в непосредственное противоборство с нацистской Германией показало, что в войне с силами фашизма и милитаризма за свободу, демократию и мир народы разных стран способны подняться над геополитическими, классовыми, идеологическими и другими противоречиями, объединиться против общего врага.

Отстаивая свою землю и независимость, советский народ одновременно осуществлял и освободительную миссию в отношении других народов, попавших под гнет германского фашизма и японского милитаризма. Освободительная миссия Красной армии за пределами территории СССР логично вытекала из характера борьбы, которую он вел против нацистской Германии, ее сателлитов и союзников, и диктовалась необходимостью навсегда уничтожить военную машину агрессора. Наряду с военно-стратегическими соображениями советское руководство принимало во внимание и интернациональные задачи по оказанию помощи порабощенным народам Европы и Азии в избавлении от вражеской оккупации. СССР не преследовал цели приобретения каких-либо территориальных или материальных выгод, хотя советское руководство и не скрывало от союзников, что оно заинтересовано в утверждении на освобожденных территориях лояльных Советскому Союзу властей. Такого рода стремление было логичным и не выходило за рамки международно-правового порядка, который устанавливали другие участники антигитлеровской коалиции в тех странах, куда вступали их армии.

Инвективы, звучащие сегодня в адрес Советского Союза и его Красной армии и сводящиеся к обвинениям в оккупации стран Восточной Европы и установлении там антидемократических режимов, не имеют под собой объективной основы. Они также не подтверждаются документальными материалами как отечественных, так и зарубежных архивов.

В двенадцатом томе предпринята попытка всесторонне рассмотреть итоги Великой Отечественной войны, как и всей Второй мировой в целом, определить, в чем состоит ее

всемирно-историческое значение, сформулировать научно обоснованные выводы и уроки на будущее. На основе осуществленного в предыдущих томах анализа важнейших событий минувшей войны раскрывается опыт советского стратегического и военного планирования, прослеживается процесс развития отечественной военной мысли и военного искусства. Делается обоснованный вывод о том, что отставание в области военного искусства было одной из главных причин неудач и поражений Красной армии в первом периоде войны. Однако со временем советские военачальники приобретали ценнейший боевой опыт, извлекали уроки из проведенных сражений и боев, учились увереннее и искуснее управлять войсками.

Отставание от немецкого военного искусства значительно сократилось в ходе первых полутора лет войны. Начиная со Сталинграда все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования стали отличаться оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью. Верховное главнокомандование Вооруженных сил Советского Союза освоило и стало прибегать ко всем основным видам стратегических действий — стратегической обороне и стратегическому наступлению, включая его разновидность — контрнаступление. Активный характер действий, при котором характер ведения кампании властно навязывается противнику, стал преобладающим. Только наступательными действиями можно было вырвать у врага стратегическую инициативу, освободить оккупированную территорию, разгромить его вооруженные силы и одержать окончательную победу в войне. Из восьми кампаний, проведенных Вооруженными силами Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, и одной — в период Советско-японской войны, две были оборонительными и семь — наступательными.

Были найдены и успешно применены новые формы стратегических действий в виде операций групп фронтов. Привлечение к их участию значительных по составу группировок (от двух до четырех фронтовых объединений) позволяло Верховному главнокомандованию проводить операции с большими пространственными и временными показателями. Они являлись составной частью кампании, в рамках которой проводилось от трех до семи операций групп фронтов. Целями операций определялись разгром стратегических группировок противника и овладение важными в экономическом, политическом и военном отношениях районами (рубежами), а также вывод из войны отдельных государств.

Новым словом в военном искусстве стало широкое использование Ставкой ВГК в качестве фактора достижения стратегического успеха партизанского движения на оккупированной врагом территории. От эпизодических и разрозненных действий, что было характерно для первого периода войны, партизанские формирования в дальнейшем переходили к крупным, хорошо спланированным и подготовленным операциям в тесной координации с действиями фронтов действующей армии.

Новые достижения в военном искусстве были бы невозможны с Вооруженными силами СССР в том виде, в котором они вступали в войну. В данном томе обобщается опыт строительства в годы войны армии Победы. Вооруженные силы СССР в целом, каждый их вид и род войск приобрели новый облик. В организационной структуре вооруженных сил появились танковые и воздушные армии, артиллерийские корпуса прорыва, стрелковые и авиационные корпуса, однородные — истребительные, штурмовые, бомбардировочные — авиационные дивизии.

Совершенствование организационных форм вооруженных сил сочеталось с подготовкой военных кадров, приобретением ими богатого боевого опыта, выдвижением к руководству войсками нового, выдержавшего испытание современной войной командного состава. Сформировалась и постоянно наращивала успешную деятельность советская полководческая школа, уровнем подготовки и оперативно-стратегического творчества превзошедшая корпус военачальников противника.

Непреходящее значение имеют опыт и уроки советского стратегического и военного планирования (тем более что он анализируется в томе на фоне стратегического и военного планирования в Третьем рейхе), а также политического и стратегического руководства государством и вооруженными силами. Заслуживает внимания вывод о том, что невиданная ранее

степень централизации государственного управления стала одним из главных источников мощи СССР и его вооруженных сил. Командно-административная система управления, а также централизованное директивное планирование позволили советскому руководству даже при недостатке средств сосредоточить в интересах отражения врага все материальные и людские ресурсы, достичь прочного единства фронта и тыла. Для более наглядного и содержательного показа механизма государственного и военного управления он раскрывается через деятельность видных государственных руководителей и военачальников Советского Союза.

В томе анализируется теоретический и практический опыт создания и умелого применения стратегических резервов, которые во многом предопределяли успех как наступательных и оборонительных кампаний, так и стратегических операций. Этот опыт тем более ценен, что в первые полтора года войны советское Верховное главнокомандование не уделяло резервам должного внимания, из-за чего в 1941–1942 гг. противнику четырежды удавалось прорывать стратегический фронт обороны Красной армии. Сложнейшая задача восстановления сплошного фронта решалась главным образом путем выдвижения к участку прорыва стратегических резервов, восстановления и использования отошедших войск первого эшелона, переброски сил с других направлений, а также из восточных районов страны.

Если в начале войны стратегические резервы создавались за счет кадровых соединений внутренних военных округов, то с 1942 г. Ставка прибегала к иному способу, когда общевойсковые армии и соединения родов войск выводились в резерв ВГК из состава действующих фронтов, где пополнялись личным составом и вооружением, проходили обучение и сплачивание. В состав стратегического резерва наряду со стрелковыми, кавалерийскими, танковыми, авиационными корпусами и дивизиями, а также специальными частями входили — и чем дальше от начала войны, тем больше — общевойсковые, танковые и воздушные армии, резервы вооружения, боеприпасов и других материальных средств. Это давало возможность быстро массировать главные средства поражения противника и развивать успех на важнейших стратегических направлениях.

На существенно обновленном документальном материале авторы тома подтвердили вывод о приоритетности советско-германского фронта как основного во Второй мировой войне. По количеству развернутых здесь сил, масштабам и результатам проводившихся операций, степени ожесточенности противоборства Красной армии и вермахта на всех этапах войны он существенно превосходил все другие, взятые вместе. Против Вооруженных сил Советского Союза действовало почти три четверти всех войск фашистского блока, основная масса его боевой техники и вооружения. Именно здесь противник потерял почти 80% своей живой силы и техники.

Подчеркивание авторами тома решающей роли СССР и его армии в разгроме нацистской Германии и ее союзников не преследует цели принизить мощь и значимость военных усилий других стран антигитлеровской коалиции, а вызвано лишь стремлением утвердить объективный взгляд на одну из самых трагических страниц мировой истории. Это тем более необходимо в условиях, когда вклад СССР в разгром сил нацизма и милитаризма сегодня отрицается ревизионистами от истории.

Победа в войне опиралась на значительную экономическую, материальную базу. В годы войны стало фактом полное единство фронта и тыла. Эта проблема раскрывается в томе через углубленный анализ характера и итогов экономического противоборства, развития оборонной промышленности, а также всестороннего обеспечения фронта и тыла — военно-технического, продовольственного, медицинского, финансового.

Оборонно-промышленный комплекс, созданный в СССР в годы войны, обеспечил необходимые для победы материально-технические предпосылки. На нужды вооруженных сил в 1941–1945 гг. было затрачено 582,4 млрд рублей, что составило более половины всех расходов государственного бюджета. Благодаря тому, что народ ничего не жалел во имя грядущей победы, отечественный оборонно-промышленный комплекс смог в ходе войны не только ликвидировать временное превосходство Германии в производстве вооружений

и боевой техники, но и превзойти ее по их количеству и качеству. Достаточно сказать, что на завершающем этапе войны советские войска превосходили противника по танкам и штурмовым орудиям — в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 1,9 раза, по боевым самолетам — в 3,6 раза. Такое превосходство позволяло советским войскам успешно решать самые сложные оперативные и стратегические задачи.

В ходе извлечения уроков из трагических и одновременно героических военных лет в томе делается вывод, что испытание на прочность выдержали не только вооруженные силы и экономика страны, но и государственная система Советского Союза, советское общество, морально-психологический настрой народа. Духовно-нравственные основы победы рассматриваются авторами данного труда как совокупность ряда важнейших факторов: советского патриотизма, идейной убежденности советских людей в правоте их дела, патриотической роли церкви, а также благотворного влияния культуры и искусства, деятельности средств массовой информации и других форм воздействия на сознание людей.

Должное внимание уделяется авторами тома и международному значению опыта Великой Отечественной войны. Разгром сил фашизма и милитаризма в Германии и Японии во время Второй мировой войны, решающий вклад в который внес Советский Союз, явился закономерным и исторически обусловленным, неизбежным финалом агрессивных человеконенавистнических замыслов и устремлений реакционных сил на западе и востоке Евразии. Победить сильного и крайне опасного для мирового сообщества врага стало возможным во многом благодаря эффективным скоординированным действиям антифашистской коалиции, ядром которой были СССР, США и Великобритания. Нельзя, однако, забывать, что агрессия была бы задушена еще в зародыше, а конец длинной цепи военных авантюр, обрекших многие народы и страны на жестокие испытания, жертвы и лишения, мог быть положен значительно раньше, если бы еще накануне Второй мировой войны была создана действенная система коллективного противодействия силам нацизма и милитаризма.

К сожалению, этот очевидный вывод не был усвоен политиками, стоявшими во главе государств антигитлеровской коалиции в момент ее триумфа. Совместная победа над блоком фашистских государств сменилась не развитием сотрудничества государств-победителей, а жесткой конфронтацией. В томе проводится анализ происхождения и эволюции холодной войны, причин, характера и форм конфронтации стран Запада с одной стороны и Советского Союза и стран народной демократии с другой. Холодная война рассматривается как родившийся по итогам Второй мировой войны способ конфронтационного сосуществования двух полярных политических систем, как форма борьбы с целью не допустить доминирования геополитических оппонентов и навязать свои условия социально-политического и экономического развития. В отличие от «горячих» войн, основным содержанием которых является вооруженное противоборство, холодная война велась и ведется в иных, нелетальных сферах — военно-политической, экономической, научно-технической, культурной, информационной, однако по своим последствиям сравнима с глобальными войнами и вооруженными конфликтами.

Распад Советского Союза и системы социалистических государств, ликвидация одного из двух центров мировой силы породили у США как лидера западного блока государств стремление к однополярному миру, единоличному доминированию в решении международных вопросов. Конфронтация в мире не только не уменьшилась, но значительно усилилась. В качестве предлога для нее все чаще выдвигается несоответствие нормам западной демократии государственно-правового устройства в тех или иных странах, включая Россию. И хотя нашу страну и западные государства во главе с США уже не разделяет, как во времена СССР, непримиримость враждебных идеологий, базировавшихся на разных формах собственности и способах производства, опасность новой конфронтации от этого не уменьшается.

Таким образом, одним из главных уроков как Второй мировой, так и холодной войны для нас, живущих в XXI в., служит необходимость консолидировать усилия мирового сообщества по созданию механизма международного контроля над попытками любых сил утвердить однополярное мироустройство, подорвать международную стабильность путем нарушения

суверенных прав народов, под любым благовидным предлогом пытаться играть военными мускулами. Народы и страны могут и должны быть выше любых разногласий, когда решается вопрос о будущем всего человечества. Международный авторитет России позволяет надеяться на то, что ее голос будет для наших партнеров звучать веско и внушительно. При этом надо помнить, что в мире уважают и прислушиваются лишь к тем, кто способен за себя постоять и имеет для этого все необходимое. Отсюда главная задача — укреплять и развивать экономический потенциал нашей страны и ее вооруженные силы, являющиеся надежным гарантом безопасности нашего Отечества.

В томе впервые освещаются уроки событий 1941–1945 гг. с точки зрения появления новых технологий и способов ведения войны. В первую очередь, речь идет об информационных технологиях. Закономерно отмечается возрастающая роль психологических операций в современных войнах и локальных вооруженных конфликтах: они постепенно оттесняют собственно военные операции на второй план, которым определена ограниченная роль в общем сценарии военной кампании. Современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия.

Одним из проявлений информационной и психологической войны стала борьба за «современную» интерпретацию истории Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее неотъемлемой части. Она идет в русле геополитической конкуренции в современном мире, и ведут ее против России, к сожалению, как бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, так и противники. В мировой истории не было ни одной войны, которая не подвергалась бы фальсификации, но попытки извратить историю Великой Отечественной войны достигли невиданных масштабов. Развернувшиеся в последние годы процессы, связанные с переосмыслением событий прошедших лет, поисками путей обновления исторического знания о минувшей войне, зачастую сопровождаются проявлениями исторического нигилизма и антиисторизма.

Значительная часть материала, используемого в томе, либо прямо направлена на преодоление различных фальсификаций истории Великой Отечественной войны, либо может служить этой цели. Как и в предыдущих томах, авторский коллектив руководствовался требованием не выпускать из поля зрения перекосы, искажения и умолчания, допущенные в литературе. Именно поэтому была заново подвергнута критическому осмыслению основная сумма знаний о Великой Отечественной войне, реальные, достоверно установленные факты отделялись от вымыслов. Субъективизму и конъюнктурной погоне за сенсационностью противопоставлены совокупность достоверно установленных исторических фактов, объективность и взвешенность их оценок, строгое следование исторической правде во всех случаях, идет ли речь об успехах и победах или о «неудобных» сторонах и событиях войны.

Память о героическом прошлом рассматривается в томе как источник духовной силы, как мировоззренческая и нравственная опора для современных граждан России в их созидательной деятельности. Авторы специально остановились на анализе методологии фальсификации истории и применяемых при этом приемах, выявив основные направления искажения истории Великой Отечественной войны. Как антинаучные и идущие вразрез с задачами формирования исторического сознания соотечественников оцениваются попытки ряда зарубежных и, к сожалению, некоторых российских авторов свести войну к окружениям и отступлениям, ссылкам и депортациям. Историческая память народа сохранила Великую Отечественную войну как всенародный жертвенный подвиг, время невиданных испытаний и столь же невиданного ранее массового героизма. В этом смысле историческая наука не может не реагировать на запросы общественного мнения и не видеть за внешне безобидно звучащими призывами к «новому прочтению» истории явные и неявные попытки фальсификаторов истории «перевоевать» Великую Отечественную, кардинально пересмотрев ее причины, характер и итоги.

Правдивая история нашей страны становится ныне одним из краеугольных камней возрождения гражданского самосознания в России, формирования национальной идеи, отвечающей требованиям современного этапа развития страны, — такова научная и гражданская позиция авторов, и она нашла адекватное воплощение в содержании настоящего труда.

В работе над двенадцатым томом принимали участие специалисты ведущих научных, образовательных и военно-мемориальных учреждений Министерства обороны, Российской академии наук, Академии ФСБ РФ, Научно-исследовательского центра Военного университета МО РФ, Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Военной академии МО РФ, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Центрального музея Вооруженных сил РФ, Военно-медицинского музея МО РФ и других российских научных и образовательных учреждений.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда) Военного университета, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны РФ, Центрального архива Министерства внутренних дел РФ, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов, других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи тома, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ИТОГИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Освобождение мира от угрозы фашизма — главное военно-политическое событие XX в.

XX столетие вошло в историю человеческой цивилизации как век революций и войн. Это название принадлежит ему по праву: никогда прежде за столь малый по историческим меркам отрезок времени не происходило так много знаковых и значимых событий. Новейшая эпоха, отсчет которой принято вести с 1900 г., вместила в себя немыслимо много разного и противоречивого. Сотни вооруженных конфликтов и войн, среди которых две мировые и холодная, десятки масштабных революций и тысячи локальных переворотов, длительная и ожесточенная борьба за освобождение и возрождение стран колониального мира, — всё это в XX в. причудливо сочеталось с небывалым расцветом науки, техники, искусства и бурным, несмотря ни на какие потрясения, ростом населения планеты.

В мириадах разномасштабных явлений и процессов ушедшего века Великая Победа над фашизмом занимает особое место. Без всякого преувеличения она обеспечила будущее человечества и открыла новые возможности для его эволюции. Именно поэтому освобождение мира от угрозы фашизма является главным военно-политическим событием XX в.

Фашизм часто сравнивают с чумой, уподобляя его страшной болезни, едва не погубившей наш мир. Эта аналогия уместна и справедлива: опасность действительно была фатальной. Фашизм погубил огромное число людей. Многие миллионы отдали свои жизни, сражаясь с ним, но без этой жертвы, принесенной на алтарь Победы, мир ожидало страшное будущее. «Сокрушение Зла»[1] стало возможным благодаря бескомпромиссной борьбе, которую вели с фашизмом страны и народы антигитлеровской коалиции. Советский Союз сыграл в ней особую, исключительно значимую роль: приняв на себя главный удар врага, он выдержал страшный натиск и, собрав силы, нанес ему решающее поражение.

Великая Отечественная война по своему характеру, а также масштабам и ожесточенности борьбы не имеет аналогов в истории России. Победа в ней была завоевана небывало высокой ценой: человеческие потери, понесенные Советским Союзом, не просто беспрецедентны — эта война коснулась каждой семьи, оставив глубокие и незаживающие раны. Потребовалось колоссальное напряжение народных сил, чтобы восстановить страну. Тысячи разрушенных городов и деревень еще долго напоминали о страшном военном времени.

Однако высокий смысл и значение Великой Отечественной войны определяют не столько утраты, сколько обретения. Главным из них стала свобода, завоеванная в схватке с сильным и жестоким врагом. Освободительный характер Великой Отечественной войны против фашистской Германии нашел свое выражение в следующем:

Поверженный Рейхстаг

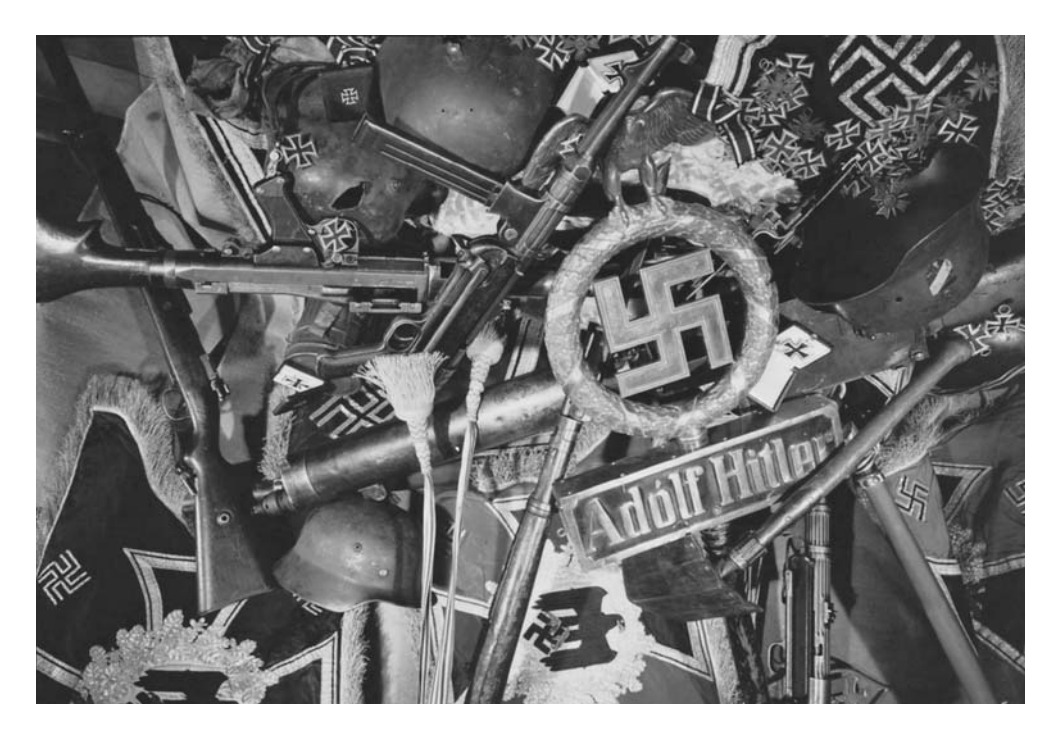
Красное знамя на квадриге Бранденбургских ворот

Группа советских офицеров в здании Рейхстага

Колонна пленных немецких солдат и «последняя надежда Германии» на улицах Берлина

Символы разгрома фашизма — трофейное оружие и знамена гитлеровских вояк

На одной из улиц Берлина в мае 1945 г.

Разрушенные здания на Фридрихштрассе в Берлине

— одержав победу в войне, наш народ сыграл решающую роль в уничтожении германского нацизма — самой страшной разновидности фашизма, являвшегося глобальной по масштабу угрозой;

— решился вопрос о сохранении самобытной и яркой российской цивилизации, имеющей многовековую историю;

— советский народ отстоял свое суверенное право на независимое, самостоятельное развитие и избранный им путь;

— освободительный характер Великой Отечественной войны проявился в военных действиях Красной армии за пределами территории СССР, освобождении от фашизма стран Европы, спасении многих миллионов человеческих жизней;

— «детища» победы — Ялтинско-Потсдамская система мироустройства и Организация Объединенных Наций, доказавшие свою эффективность даже в годы холодной войны, знаменовали освобождение человечества от абсолютизации войны как важнейшего и до той поры универсального инструмента регулирования международных отношений.

Фашизм готовил миру ужасную судьбу. Его переустройство предполагалось на основе тоталитарной модели, построенной на идее привилегированного положения «нордических народов», и прежде всего немцев. Всем остальным были уготованы порабощенное, бесправное положение, жестокая эксплуатация или даже физическое уничтожение. Агрессивная завоевательная политика являлась главным инструментом достижения этой цели. Развязанная фашизмом Вторая мировая война унесла более 55 млн жизней[2].

Многие планы, которые немецкие нацисты составляли с присущей им педантичностью, стали широко известны только после окончания боевых действий, как и совершенные ими чудовищные преступления. Не дожидаясь своей победы, фашисты активно реализовывали политику геноцида целых народов. 20 января 1942 г. в Берлине состоялась так называемая Ванзейская конференция — совещание специальных представителей министерств и ведомств рейха, на котором обсуждались пути и способы «окончательного решения еврейской проблемы». Евреев ожидало практически полное уничтожение: согласно документам Нюрнбергского процесса, были убиты около 6 млн евреев. Термин «холокост» (в переводе с древнегреческого — всесожжение) обычно связывают именно с уничтожением еврейского народа. Однако в последние годы всё большее распространение получает широкая трактовка этого понятия, согласно которой холокост представляет собой систематическое преследование и массовое уничтожение нацистами различных этнических и социальных групп, включая русских, поляков, цыган, душевнобольных и других[3].

Наибольшие людские потери понес Советский Союз. Судьба его народов была определена планом «Ост», детально регламентировавшим переселение и уничтожение более чем 75% населения СССР[4]. В период оккупации погибли более 13 млн 684 тыс. советских граждан. Из них преднамеренно истреблены — 7 420 370 человек, погибли на принудительных работах в Германии — 2 164 313 человек, умерли от жестоких условий оккупационного режима (голод, болезни) — 4 млн 100 тыс. человек[5].

Применительно к странам Запада нацистами также составлялись далеко идущие планы. Вслед за покорением Британских островов всё мужское население Великобритании подлежало депортации за Ла-Манш. Об этом говорилось в приказе главнокомандующего сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршала В. фон Браухича от 9 сентября 1940 г. Заранее были подготовлены списки лиц, подлежащих уничтожению. В них вошли члены парламента, деятели культуры и науки, священники. Около всех крупных городов предполагалось сооружение концлагерей.

Даже в отношении далекого от Европы Американского континента немецкие фашисты вели соответствующую подготовительную работу. Вскоре после нападения на СССР основоположник германской школы геополитики К. Хаусхофер, вдохновленный первыми успехами вермахта, представил А. Гитлеру подробный доклад, в котором говорилось о перспективах создания в Южной Америке «Новой Германии» в составе Уругвая, Парагвая, Перу, Чили, Аргентины, Боливии, части Бразилии. США предполагалось разделить, чтобы «иметь дело...

с разрозненными их областями, превращенными в отдельные страны»[6]. Более детальные и мрачные планы разрабатывались в ведомстве Г. Гиммлера, в соответствии с которыми еврейское население США подлежало истреблению, десятки миллионов людей — заключению в концлагеря.

Чудовищная практика фашизма обусловливает постоянное исследовательское внимание к этому явлению в истории человеческой цивилизации. Известно, что хотя фашизм как социально-политическая теория возник в первой четверти XX в., его идейные предпосылки начали формироваться много раньше. Не заглядывая далеко в глубь веков, отметим, что даже учение Ч. Дарвина о естественном отборе и философия сверхчеловека Ф. Ницше, весьма вольно толкуемые и препарированные идеологами фашизма, были использованы в качестве интеллектуальной базы их учения. Коммунистическая идея, столь ненавистная фашизму, также парадоксальным образом способствовала рождению своего антипода — ведь именно ей фашизм был призван противостоять. Подобную ситуацию в математике называют методом от противного.

Сила фашизма во многом заключается в его обращении к темной стороне человеческой натуры, создающей ему необходимую питательную среду: эгоизму, желанию получить преимущества за счет слабых, неприязни и даже ненависти к чужим и непохожим, насилию. Примечательно, что в семантическом смысле термин «фашизм» бессодержателен — в переводе с латыни он означает всего лишь «пучок», «союз». Эта особенность качественно отличает его от понятий «коммунизм», «консерватизм», «либерализм», которые, напротив, несут в себе выраженную содержательную нагрузку. Один из первых исследователей фашизма Ф. Шотгефер писал по этому поводу: «Фашизм носит имя, само по себе ничего не говорящее о духе и целях этого движения»[7]. А вот более позднее по своему происхождению понятие «нацизм» имеет иную природу. Это сокращенная версия термина «национал-социализм», и здесь очевидны как идеологическое звучание, так и прямая связь с названием партии НСДАП[8].

Проблема идентификации фашизма является одной их центральных при исследовании этого феномена. В энциклопедических изданиях советского периода фашизм трактовался как политическое течение и режим, основанные на крайнем национализме и насилии[9]. В западной историографии часто указываются признаки как присущие только фашизму, так и свойственные другим видам тоталитарных политических режимов. При этом определенные трудности связаны с тем, что в различных государствах те или иные признаки фашизма проявляются неодинаково или вообще отсутствуют. В документе РАН, подготовленном по указанию Президента России в 1995 г., в качестве основного признака фашизма называется крайний национализм[10]. Обращает на себя внимание и революционный, точнее контрреволюционный, характер фашизма. Например, А. А. Галкин, известный автор многих работ о фашизме, дает такое его определение: «Фашизм — это правоконсервативный революционизм, пытающийся, не считаясь с жертвами, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия»[11]. По мнению американского историка С. Пэйна, фашизм — это «форма революционного ультранационализма, имеющего целью возрождение нации на основе виталистской философии; структурированного по принципу экстремальной элитарности, массовой мобилизации, вождя; оценивающего насилие положительно как цель и метод; склонного считать нормой войну и/или военную мощь»[12].

В последние годы появляются всё новые трактовки фашизма, предлагаются различные определения, причем в большинстве случаев они носят предельно общий и размытый в смысловом отношении характер. В результате при желании к фашизму можно отнести едва ли не всё, что не отвечает либеральным представлениям о демократии[13]. Потенциальная опасность избыточно широких толкований проявляется двояко: «С одной стороны, усилия государства и общества, в том числе средств массовой информации и спецслужб, могут оказаться сосредоточенными на отторжении, противодействии, подавлении тех оп-

позиционных, протестных и т. п. групп и движений, позиции и требования которых должны не огульно развенчиваться, а учитываться в практической политике. С другой стороны, квалификация в качестве фашистских любых противников собственной политической линии может помешать разглядеть приход фашизма в его истинном обличье и сделать безоружным по отношению к нему»[14].

В последние годы на Западе оформилась выраженная тенденция к проведению смысловой демаркации между фашизмом и нацизмом. Предпринимаются такие попытки и в нашей стране. Проблема соотношения понятий «фашизм» и «нацизм» действительно существует и является актуальной. Понятно: это не полные синонимы, что и создает поле для соответствующих спекуляций. В общественное сознание настойчиво внедряется мысль, что фашизм является всего лишь радикальной правоконсервативной идеологией, одной из форм национализма. Утверждается, что хотя он и представляет собой определенную опасность, но качественно отличается от нацизма, который действительно означает войну, расизм и геноцид[15].

Сегодня даже нередки утверждения о большем различии, нежели сходстве между фашизмом и нацизмом. При этом авторы подобных теорий апеллируют как к генезису этих явлений, так и к соответствующей практике многочисленных фашистских режимов[16]. Феномен фашизма действительно не предполагает полного единообразия его проявлений. Итальянская, немецкая, испанская, венгерская, румынская и иные версии фашизма, несомненно, имеют как общие черты, так и свои особенности. Но при этом итальянский фашизм, немецкий нацизм, испанский фалангизм и прочие представляют собой разновидности одного явления, что подчеркивалось и его лидерами. Об этом, например, говорил Б. Муссолини в 1937 г. в своем выступлении «Братья по крови: фашизм и нацизм»[17].

Нацизм показал себя в качестве наиболее изуверской и агрессивной формы фашизма. Однако его радикализм, как и формальное признание им примата нации, а не государства, не дают сколько-нибудь серьезных оснований для того, чтобы противопоставлять нацизм фашизму, а тем более утверждать, что фашизма в Германии вообще не было. Подобный подход в корне ошибочен и таит в себе серьезную угрозу. Цель подобных «интеллектуальных» конструкций состоит в том, чтобы, отделив фашизм от нацизма, добиться его частичной реабилитации. В современной исторической и политической науке фашизм — это родовое понятие, а итальянский, немецкий и другие виды фашизма — его частные случаи.

Очевидно также, что термин «фашизм» уже с 1930-х гг. используется как в узком, так и в широком смысле слова. Узкий смысл неразрывно связан с итальянским фашизмом, ассоциирующимся прежде всего с именем Б. Муссолини. В широком смысле под фашизмом принято понимать все родственные итальянскому фашизму политические режимы, близкие ему в теоретическом и практическом выражении. Термин «нацизм» применяют для обозначения национал-социалистической идеологии и политического режима в гитлеровской Германии. Нацизм — это немецкий фашизм, обретший государственную форму в 1933–1945 гг.

Таким образом, подмена термина «фашизм» на «нацизм» неправомерна, они соотносятся как родовое и видовое понятие. СССР, воюя с нацистской Германией и ее союзниками, боролся прежде всего против фашизма как идеологии и глобального проекта изменения всего мироустройства. Фашизм — безусловное зло, и сокрушение его — многоплановое понятие. Во-первых, это уничтожение военной мощи фашизма и его государственности. Из всех стран-агрессоров, участвовавших во Второй мировой войне, наиболее значительным военным потенциалом обладала Германия. 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны — это история ожесточенного противоборства СССР с этой огромной силой. Основную тяжесть борьбы с Третьим рейхом и его европейскими союзниками вынес на своих плечах наш народ. На советско-германском фронте фашисты понесли самые ощутимые безвозвратные потери — 10 млн 344,5 тыс. человек (из них на долю Германии приходится 8 млн 876,3 тыс.). Кроме того, уже после 9 мая 1945 г. Красной армией были пленены 1,6 млн солдат и офицеров вермахта[18].

Истощенные узники концлагеря Освенцим после освобождения

Останки узников в печах крематория концлагеря Бухенвальд

Тела заключенных концлагеря Дахау в железнодорожном вагоне

Жители Нордхаузена хоронят узников концлагеря Дора-Миттельбау

Голландский патологоанатом показывает представителю СССР старшему лейтенанту Н. Н. Сагарову череп советского пленного, убитого в концлагере Амерсфорт

Военный разгром и капитуляция фашистской Германии означали и ликвидацию ее государственных структур. После самоубийства А. Гитлера, совмещавшего с 1934 г. посты президента и канцлера, и в соответствии с его завещанием полномочия главы немецкого государства перешли к адмиралу К. Дёницу, чье правительство обосновалось в г. Фленсбурге. Контакты западных союзников с «фленсбургским правительством» продолжались до 23 мая 1945 г. и были прерваны по настоянию СССР, а его министры арестованы. 5 июня представители Советского Союза, США, Великобритании и Франции подписали Декларацию о поражении Германии, и верховная власть на ее территории официально перешла в руки союзных администраций.

Во-вторых, это осуществление денацификации, демократизации, демонополизации и демилитаризации Германии, проводившихся на основании решений Потсдамской конференции большой тройки (17 июля — 2 августа 1945 г.) и постановлений союзнического Контрольного совета. Денацификация являлась социально-политической и духовной основой данной программы, включая: уничтожение нацистской партии, ее филиалов, организаций и учреждений, а также обеспечение того, чтобы они не возродились ни в какой форме; предотвращение нацистской деятельности и пропаганды; привлечение к суду лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против мира и человечности; удаление нацистов со всех ответственных постов; отмену нацистского законодательства; устранение нацистских доктрин из системы образования. Демократизация предусматривала постепенное воссоздание немецкой государственности на основе общечеловеческих ценностей и принципа выборности власти. В экономической сфере предполагалось разукрупнение промышленных объединений (декартелизация), при этом в качестве главной задачи были заявлены «полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней»[19].

В-третьих, сокрушение зла означало расследование преступлений фашизма и наказание виновных. Нюрнбергский процесс, ставший одним из важных итогов войны, сыграл особенную роль в освобождении мира от «коричневой чумы»: он стал правовым, моральным и политическим разоблачением фашизма, его планов завоевания мирового господства и страшной практики уничтожения целых государств и народов.

Впервые требование о привлечении к международному суду гитлеровских захватчиков и их сообщников было высказано в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г. В ноябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании была выработана совместная «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». В этом документе, опубликованном вскоре за подписями И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, говорилось о том, что главные преступники «будут наказаны совместным решением правительств союзников»[20].

Подробно эта тема обсуждалась на встрече большой тройки в Ялте в ходе Крымской конференции союзников (4—11 февраля 1945 г.). Тогда Ф. Рузвельт заявил о нежелательности публичной и открытой судебной процедуры, а также предпочтительности ее политического, а не юридического характера. У. Черчилль вообще высказывался в пользу бессудной казни нацистских лидеров[21]. Позиция И. В. Сталина была иной: он считал необходимым открытое и полноценное судебное разбирательство. В конечном счете, эта точка зрения возобладала[22].

В ходе Лондонской конференции (26 июня — 8 августа 1945 г.) представители Советского Союза, США, Великобритании и Франции выработали общие подходы к деятельности Международного военного трибунала, а 29 августа был опубликован согласованный список подсудимых — идеологов фашизма, политиков и военных.

Международный процесс над главными нацистскими преступниками, ставший, по сути, Судом народов над фашизмом, проходил с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г. в Нюрнберге. Место работы трибунала имело символическое значение. Именно в этом баварском городе с богатой историей в 1927 г. собрался первый съезд нацистской партии, здесь в 1935 г. были приняты печально известные расовые законы, а в 1938 г. состоялся последний съезд, в котором участвовало около миллиона человек.

Дворец юстиции, в котором проходил Нюрнбергский процесс

Советский караул у здания трибунала во время Нюрнбергского процесса

Общий вид зала заседаний Международного военного трибунала во Дворце юстиции

Одиночная камера — последнее пристанище главных немецких военных преступников

Индивидуальное наблюдение служащими военной полиции США за обвиняемыми в Нюрнбергской тюрьме

Судьи Нюрнбергского трибунала А. Ф. Волчков и И. Т. Никитченко в зале суда

Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, А. Йодль, Я. Шахт, А. Зейсс-Инкварт
и А. Шпеер на скамье подсудимых

Подсудимые Г. Геринг и Р. Гесс на Нюрнбергском процессе

Допрос военного преступника В. Кейтеля

Г. Франк и А. Йодль на суде истории

Нацистские преступники В. Функ (вверху), И. Риббентроп, Б. Ширах, В. Кейтель и Ф. Заукель на скамье подсудимых

Американский мастер-сержант Д. Вудз готовит петлю для приговоренного на Нюрнбергском процессе

В результате работы трибунала был создан прецедент исключительной важности: к уголовной ответственности впервые оказались привлечены руководители государства-агрессора — те, кто реально формировал и проводил политику войны. Подобные преступления было решено не относить к внутригосударственной компетенции. В приговоре Международного трибунала сказано: «Война — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими сторонами, но и затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера, оно является тягчайшим международным преступлением»[23].

Главные виновники преступлений фашизма понесли заслуженное наказание. 30 сентября 1946 г., после многомесячных заседаний, изучения тысяч документов, заслушивания сотен свидетелей, Нюрнбергский международный военный трибунал, состоящий из представителей Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции, огласил свой приговор. К смертной казни через повешение были приговорены Г. Геринг, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, В. Фрик, Г. Франк, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт и М. Борман (заочно). В ночь на 16 октября 1946 г. приговор был приведен в исполнение[24]. К пожизненному заключению осудили Р. Гесса, Э. Редера и В. Функа. А. Шпеер, Б. фон Ширах, К. фон Нейрат, К. Дёниц получили длительные — от 10 до 20 лет — сроки лишения свободы[25].

Возмездие свершилось. Но Нюрнбергский трибунал не просто осудил главных нацистских преступников, виновных в чудовищных преступлениях против мира и человечности. В его решениях была зафиксирована преступная природа агрессии, дано правовое определение преступлений против мира и человечности, военных преступлений, а также установлено, что субъектами ответственности за их совершение могут быть не только физические лица, но также юридические лица и государства. Руководство национал-социалистической партии, СД, СС, СА и гестапо были признаны преступными организациями. Трибунал не объявил преступными ни фашизм, ни даже нацистскую партию в целом. Формально причины этого лежали в юридической плоскости. Тем не менее в освобожденном послевоенном мире никто не сомневался в том, что фашизм несовместим ни с нормами морали, ни с нормами права, а денацификация стала не только волей победителей, но и желанием побежденных.

Нюрнбергский процесс продемонстрировал всему миру возможность и необходимость широкого международного сотрудничества в деле правовой защиты идеалов гуманизма и справедливости, а также наказания преступлений против мира и человечности. На Суде народов СССР, США, Великобритания и Франция, как и в годы войны, были вместе, несмотря на все идеологические, социально-экономические и геополитические различия между ними. Державы-победители, проявив разум, волю и способность к компромиссам, смогли выработать общую позицию в отношении как общечеловеческих ценностей, так и общечеловеческих преступлений, что нашло свое выражение в уставе и приговоре Международного военного трибунала. Суд народов стал своего рода эталонным образцом для проведения многих сотен процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Нюрнбергский прецедент имеет непреходящее значение и служит зримым напоминанием о возмездии всем явным и тайным сторонникам фашизма.

В своей тысячелетней истории России пришлось вести много войн. Точных статистических данных здесь быть не может, но существуют приблизительные подсчеты отдельных авторов, сделанные в разные исторические эпохи[26]. Согласно исследованиям выдающегося русского историка С. М. Соловьёва, только в период до татаро-монгольского нашествия Русь отражала военные вторжения на свои земли в среднем каждые четыре года. В XIV–XIX вв. Русь (Россия) воевала около 330 лет. Примерное число лишь крупных войн, в которых она участвовала, составляет более двухсот[27]. Но ни одна из них по своему значению, масштабам и последствиям не может сравниться с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Само название этой войны представляет собой точное в смысловом и научном отношениях определение. Великой она стала не только потому, что уникальна по задействованным силам и средствам, протяженности линии фронта, числу стратегических и армейских операций, цене, которую пришлось заплатить за победу. Ее исход имел судьбоносное значение, поскольку оказал определяющее влияние на развитие человеческой цивилизации. Называя эту войну Великой, мы также подчеркиваем, что май 1945 г. принес нашему народу не только огромную радость победы, но и особую ответственность за будущее, в том числе и перед лицом современных угроз.

Эта война была особенной и по своим движущим силам: весь советский многонациональный народ стал творцом победы. Из 196,7 млн человек, составлявших население СССР, в вооруженные силы были призваны около 34,5 млн советских граждан[28]. Все остальные, от мала до велика, тоже находились в боевом строю. Они жили и трудились, руководствуясь требованием: «Всё для фронта! Всё для Победы!». В этой войне наш народ совершил великий подвиг, проявил неодолимую силу духа, отстаивая свое право на свободное, самостоятельное развитие, право жить, растить детей и внуков, передавая им духовные ценности и традиции, веками питавшие нашу нацию. Поэтому война стала Отечественной.

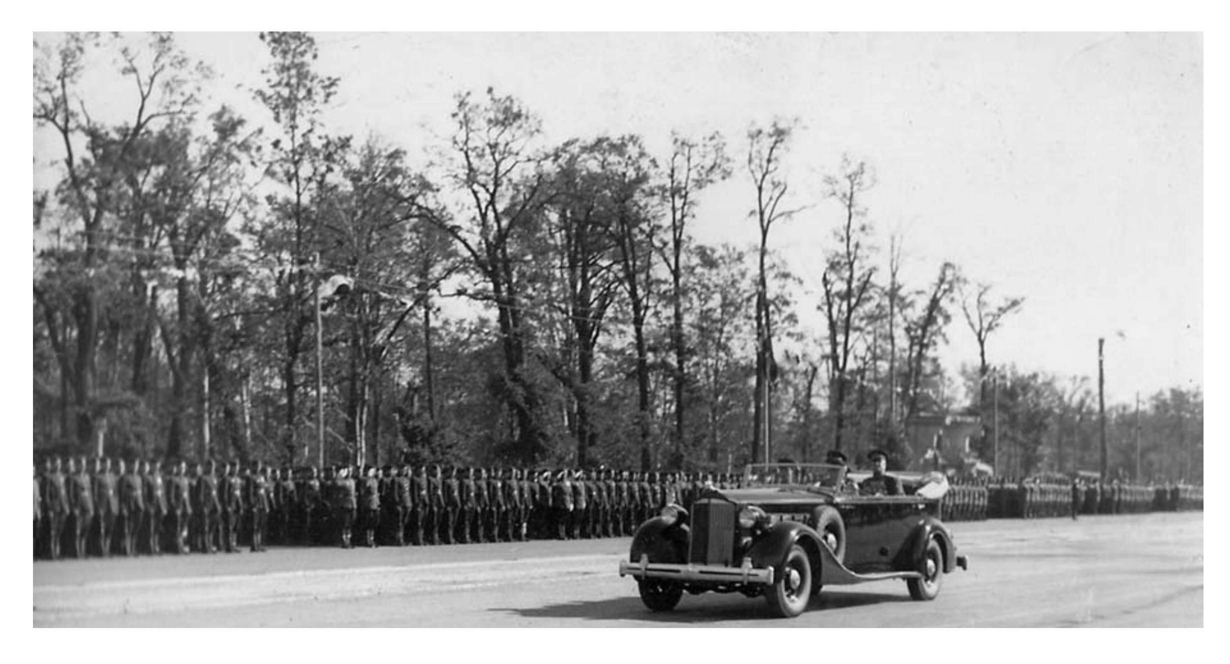
Нашествие Наполеона за 130 лет до нападения А. Гитлера также предопределило общенародный характер борьбы. Однако при всем сходстве с 1812 г. Великая Отечественная война качественно отличается от своей предшественницы. Исход войны с фашизмом не просто формировал будущее российского государства и общества, для многомиллионного народа решался вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»[29]. Высокие цели и особый характер войны стали очевидны в первые же ее часы. Об этом говорил 22 июня В. М. Молотов и заявил в своей знаменитой речи 3 июля И. В. Сталин, об этом песня-символ, песня-знамя «Священная война».

К моменту нападения на СССР Германия доминировала в Европе, установив в завоеванных странах так называемый «новый порядок», элементами которого были жесточайшая эксплуатация покоренных народов, расовые чистки, лагеря уничтожения. Вермахт, приобретший большой опыт ведения военных действий, обладал преимуществом первого удара. Очень многим казалось, что мощь фашистской Германии несокрушима. И на Западе мало кто тогда верил в способность СССР противостоять агрессии. Действительность, однако, оказалась иной. Через неудачи и поражения в тяжелых оборонительных боях и сражениях Красная армия сумела переломить ход борьбы: разгромив вермахт под Москвой, она доказала свою способность побеждать. Победы под Сталинградом, на Курской дуге, форсирование Днепра, освобождение временно оккупированной советской территории и Восточной Европы, перенос боевых действий на территорию врага, взятие Берлина стали частью нашей славной истории. Нападение фашистской Германии и ее союзников имело целью уничтожение СССР и порабощение его народа. Отразив агрессию, разгромив врага, изгнав оккупантов, Красная армия сорвала эти планы, защитила и спасла страну.

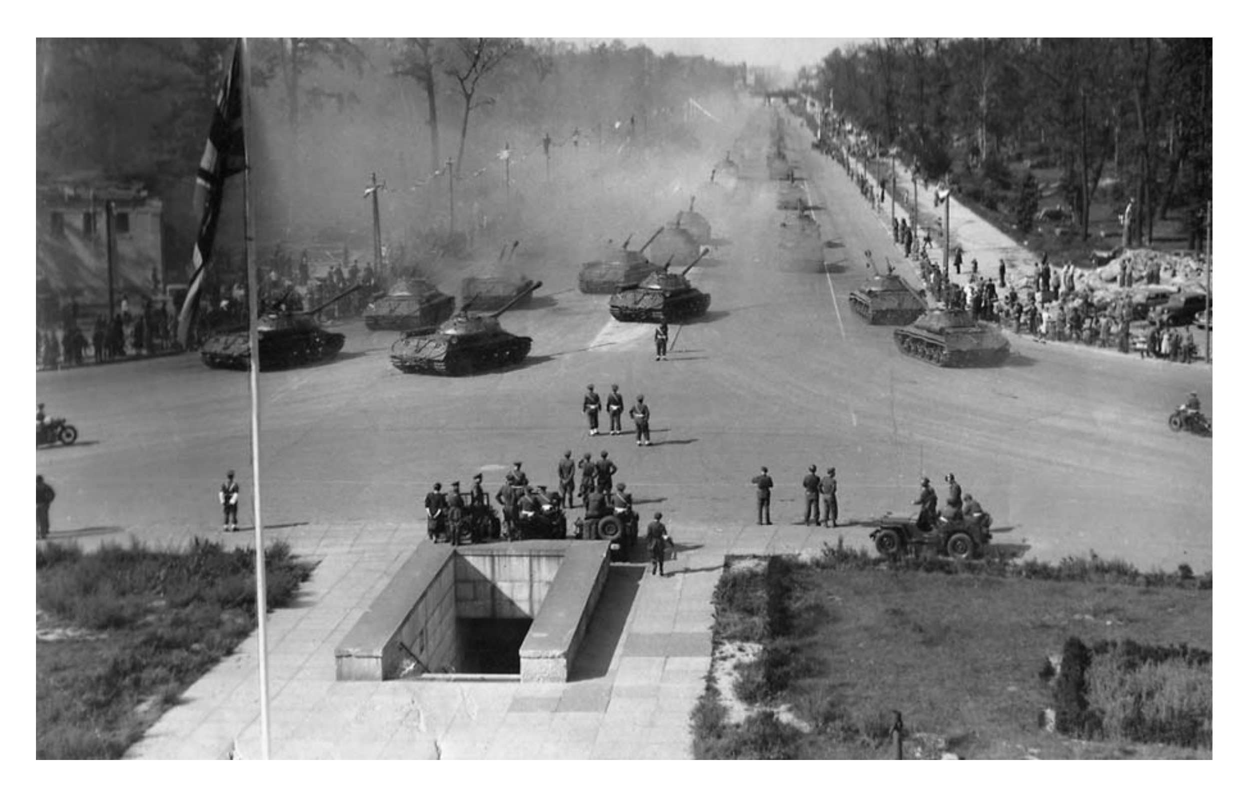
В борьбе с фашистской угрозой Советский Союз обрел иное, более высокое качество. Его международный авторитет и влияние неизмеримо выросли, но не это было самым важным. Народ, люди заметно изменились, причем необычным образом. Как известно, любая война ожесточает души и сердца, но в случае с Великой Отечественной это обстоятельство оказалось и второстепенным, и быстропроходящим. Главным же стало развитие самосознания и чувства собственного достоинства людей, переживших тяжелейшие испытания и одержавших беспримерную победу. Это способствовало позитивным переменам в их мировоззрении, ценностных ориентирах, мотивации деятельности, помогало вырабатывать независимость суждений и решений, что неизбежно вело к формированию более свободной и самостоятельной личности.

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Трибуна для почетных гостей

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Маршал Г. К. Жуков объезжает войска

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Колонна советских танков ИС-3

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Колонна английских танков А-34 «Комета»

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Колонна американских бронеавтомобилей М-8 «Грейхаунд»

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г.
Прохождение советского сводного полка 248-й стрелковой дивизии

Освободительный характер Великой Отечественной войны нашел свое выражение и в правовом статусе личности. Одним из ярких примеров этого является расширение религиозных свобод и сближение власти с Русской православной церковью. Показательно, что для И. В. Сталина и руководства страны в целом такой шаг не был вынужденным решением. Патриотическая позиция РПЦ оформилась без всякого внешнего инициирования в первый же день войны[30], а знаменитая встреча И. В. Сталина с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием и другими церковными иерархами состоялась 4 сентября 1943 г., когда исход войны уже определился. Гуманизация политики атеистического государства по отношению к Церкви и верующим стала сознательным действием власти, положительно воспринятым в обществе. При всем ограниченном характере перемен такая позиция заметно контрастировала с жесткой предвоенной практикой. Дух свободы проявился даже в экономической жизни СССР. Это сказалось, например, в развитии форм материального стимулирования труда и расширении рыночной торговли сельскохозяйственной продукцией.

Победа, одержанная над фашистской Германией, обеспечила сохранение многовековой российской государственности, обретшей по итогам Великой российской революции 1917 г. советскую социалистическую форму. Для СССР открылись широкие перспективы дальнейшего развития, что позволило уже к середине 1950-х гг. в основном ликвидировать причиненные фашистами разрушения, поднять из руин сотни городов и тысячи сел. Был восстановлен и превзойден довоенный промышленный и сельскохозяйственный потенциал страны. В области образования, науки и культуры страна также сделала огромный шаг вперед: по оценке ЮНЕСКО, к началу 1960-х гг. по уровню образования она вышла на третье место в мире. СССР овладел атомной энергией, создал ядерную бомбу, построил первую атомную электростанцию, стал первой космической державой.

Победа в Великой Отечественной войне дает осознание того, что история нашего Отечества представляет собой единый процесс, обладающий глубокой внутренней логикой. При всех многочисленных и разноаспектных различиях Русское царство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация представляют собой разные формы одного великого явления. Противопоставление этих форм нашего государства друг другу не только антиисторично, но и деструктивно, поскольку разрушает историческое сознание народа, сеет рознь между людьми, ослабляет нас физически и духовно.

Великая Отечественная война была освободительной не только потому, что советский народ отстоял свою свободу и независимость. Сокрушив фашизм, он принес свободу и другим народам. Эта задача изначально была важнейшей. В знаменитой речи И. В. Сталина, произнесенной 3 июля 1941 г., есть такие слова: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими»[31]. В постановлениях Государственного Комитета Обороны от 10 апреля и 27 октября 1944 г., многочисленных директивах и приказах Верховного главнокомандующего эта цель была конкретизирована. Там говорилось также о воссоздании независимых национальных государств и предоставлении им свободы в решении вопроса о своем государственном устройстве и социальном строе. Эта же позиция была заявлена в решениях международных конференций в Тегеране, Думбартон-Оксе, Ялте.

Сам факт создания антигитлеровской коалиции стал одним из крупнейших, знаковых событий прошедшего столетия. Мир увидел, что разные страны и народы при всех имеющихся цивилизационных различиях и противоречиях, всем многообразии и сложности национальных устремлений способны объединиться для противодействия глобальному злу во имя будущего. Совместная борьба с фашизмом непосредственно способствовала созданию принципиально новых условий для решения международных вопросов. Задолго до победы закладывались предпосылки послевоенного устройства мира на свободных, демократических началах. Война практически доказала возможность тесных союзнических отношений государств с различным социально-экономическим и политическим строем. При этом прежние

противоречия между СССР и его западными союзниками не только сохранялись, но даже усиливались по мере приближения к общей цели — уничтожению нацистского государства. Тем не менее в ходе войны удалось разработать институциональные формы будущего сотрудничества.

В 1941–1945 гг. на конференциях министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции, встречах большой тройки и в ходе повседневной дипломатической работы были выработаны принципы послевоенного устройства мира. Их реализация была призвана «преодолеть войну» как вечный способ разрешения международных противоречий. Новая Ялтинско-Потсдамская система миропорядка основывалась на идеях суверенного равенства, территориальной целостности и независимости государств. Она представляла собой, кроме всего прочего, механизм защиты от возрождения глобального фашизма. Идея Ф. Рузвельта о «четырех полицейских» в лице США, СССР, Великобритании и Китая (этот список вырос затем до пяти за счет Франции) основывалась на понимании особой ответственности этих государств за судьбы всего мира. Общая победа СССР и западных демократий над фашизмом стала необходимым условием создания Организации Объединенных Наций, призванной, как сказано в ее уставе, «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе»[32].

Роль, которую сыграл в войне с фашизмом Советский Союз, значительно укрепила его международный статус и влияние. СССР вошел в узкий круг мировых лидеров. На конференции в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.) он вместе с США, Великобританией, Китаем и Францией получил международное признание как великая держава, став постоянным членом Совета Безопасности ООН. На протяжении вот уже 70 лет ООН принадлежит важнейшее место в налаживании плодотворного межцивилизационного диалога, направленного на поддержание мира и согласия.

Говоря о влиянии победы на складывание новой системы международных отношений, нельзя не отметить мощный импульс, который благодаря ей получило национально-освободительное движение в странах Азии и Африки. В новых условиях стало невозможным и дальше сохранять колониальные империи, державшиеся на подчиненном, зависимом положении народов. Только за первые 15 послевоенных лет возникло 22 новых независимых государства.

Разгром нацистской Германии и ее союзников, освобождение мира от фашизма как глобальной и непосредственной угрозы не означал, к сожалению, полной ликвидации этого исключительно опасного идейно-политического явления. Это объясняется как живучестью его идеологии, спекулирующей на вечных темах национализма и человеческого неравенства, так и противоречивым, двойственным отношением к нему со стороны западных государств.

Даже в Западной Германии, то есть в той части страны, которая вошла в американскую, британскую и французскую зоны оккупации, «метастазы» фашизма были сохранены. Мало кто из стоявших за спиной нацистского руководства и способствовавших агрессии был привлечен к ответственности. Преимущественно наказали функционеров, в том числе и первой величины, а истинная элита Третьего рейха почти не была затронута[33]. Это отчасти продемонстрировали и судебные процессы, прошедшие по всей Германии в 1946–1949 гг. В этом отношении показательны, например, так называемые «нюрнбергские процессы», организованные и проведенные США. Всего перед американским судом предстали 185 обвиняемых, из которых признаны виновными — 142, приговорены к смертной казни — 24 (из них 11 помилованы), к пожизненному заключению — 20, к различным срокам — 98, оправданы — 35. Остальным восьми обвиняемым по разным причинам (умерли в тюрьме, по болезни, признаны невменяемыми) приговоры не были вынесены[34]. В 1951 г. многие осужденные попали под амнистию либо их сроки были существенно сокращены.

Но дело даже не в этом, а в том, что главные виновники — те, кто создал и финансировал фашизм как политическую силу, направлял и в значительной степени контролировал его деятельность, — почти не пострадали. Ф. фон Папен (бывший вице-канцлер) и Я. Шахт (министр экономики в правительстве А. Гитлера) были оправданы еще на главном процессе. В 1947 г. предстали перед судом (дело «США против Ф. Флика») «промышленные короли»:

Ф. Флик, А. Крупп и Ф. Тиссен. Характерно, что они также были оправданы. В июле 1948 г. судили Г. Круппа: военный трибунал признал его и десять директоров концерна виновными в разграблении промышленных предприятий других государств и использовании рабского труда, однако обвинение их в развязывании войны было отвергнуто. А. Круппа приговорили к лишению свободы на 12 лет, но уже в 1950 г. верховный комиссар США в Германии добился для него амнистии и возврата имущества. Вероятно, этим влиятельным людям вообще не стали бы доставлять «неудобства», если бы не было так необходимо считаться с общественным мнением, если бы не вскрылись преступления фашизма, заставившие весь мир содрогнуться. «Позитивная реморализация»[35] через судебную процедуру позволила представителям большого бизнеса «очистить репутацию» и войти в послевоенную историю как бы с чистого листа.

Получается, что только тех, кто оказался по тем или иным причинам непригоден для использования в новых условиях, казнили, продемонстрировав при этом избирательность правосудия. Многие фашисты вышли сухими из воды. Сегодня хорошо известно, что далеко не все попавшие в плен и совершившие реальные преступления нацисты были наказаны. Даже большинство офицеров СС из числа находившихся в западных зонах оккупации избежали серьезного наказания, отделавшись слушаниями в комиссии по денацификации или получив небольшие сроки. Многие из осужденных были помилованы либо выпущены на свободу досрочно. В результате на западе Германии денацификация имела нередко формальный характер. Например, в 1959 г. в органах юстиции ФРГ работали около 9 тыс. судей и прокуроров — бывших членов нацистской партии, что составляло примерно две трети от их общего числа[36].

Таким образом, на Западе посчитали возможным сохранить определенную часть фашистского проекта и наименее скомпрометированных представителей его элиты для дальнейшего использования в качестве политического инструмента. В этой связи несомненный интерес как материал для размышлений представляет аналитический документ «Идея мира для Европы 1944–1945», подготовленный для руководителей СС в 1944 г. и подписанный Г. Гиммлером. В нем, в частности, говорилось: «Германия ведет эту войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного сообщества народов Европы». В соответствии с этим планом предполагался «отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа... создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов... подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»[37].

Терпимое отношение к фашистским режимам в Испании, Португалии, Греции, Парагвае, Чили и некоторых других странах — явление того же порядка. Такая политика сделала возможными и деятельность неофашистских партий в ряде стран Европы, и «ползучую» реабилитацию фашизма в некоторых государствах постсоветского пространства: Латвии, Эстонии, Литве, Украине, Молдавии. С этим нельзя мириться. Призывая к пересмотру общепринятых мировых оценок исторических событий XX в., праворадикальные силы подрывают легитимность послевоенного мирового устройства. К сожалению, и спустя 70 лет после победы милитаризм и опора на военную силу остаются реалиями современной политики. Сегодня в мире вновь растут нестабильность и риски, в основе которых лежат претензии на монопольное политическое лидерство и национальный эгоизм.

В мае 1945 г. казалось, что зло уничтожено навсегда. Однако сегодня мы видим: фашизм не погиб в бункере под имперской канцелярией и не был казнен в Нюрнберге. Фашизм жив, потому что в мире есть политические силы, прямо в этом заинтересованные. Растет доля апологетической по отношению к фашизму литературы. Как правило, речь не идет об открытой публичной защите. Подобного рода примеры единичны, грубы и маргинальны. Однако вместе с тем всё более заметны попытки частичной реабилитации фашизма, в том числе через его заведомо ложное разъединение с нацизмом.

Не только цинично, но и преступно забывать о том, что принес фашизм миру. Уроки истории нельзя безнаказанно игнорировать. Желание мира и справедливости должно пре-

одолеть эгоистические расчеты и корыстные политические комбинации. В этой связи трудно переоценить значение исторической памяти о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, в которых человечество, столкнувшись с небывалыми вызовами, оказалось способным им противостоять.

Великая Отечественная война в контексте Второй мировой

Вторая мировая война по своим масштабам и кровопролитности, людским потерям и материальным утратам не имеет равных в мировой истории. В эту длившуюся долгих шесть лет войну было вовлечено 61 государство с общим населением около 1,7 млрд человек. 110 млн из них приняли непосредственное участие в военных действиях, примерно половину ждали смерть или ранение[38]. Ожесточенное противоборство протекало во всех сферах человеческой жизнедеятельности: от вооруженной борьбы до духовной, экономической, политической, дипломатической и информационно-пропагандистской. Война предъявила предельно жесткие требования к самим основам государственности режимов воюющих держав, жизнестойкости их народов, в конечном итоге, к их праву на существование. Сражения Второй мировой войны развернулись на огромном пространстве от Атлантики до Тихого океана, от льдов Гренландии до африканских пустынь. Однако начиная с 1941 г. главным театром военных действий стал советско-германский фронт. Именно здесь решалось будущее не только советского народа, но и всего человечества.

Для СССР война сразу приобрела всенародный характер, охватила все стороны и сферы жизнедеятельности государства. В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе многомиллионная масса людей, надевших военные шинели (34,5 млн человек) и вырванных из мирной жизни, по своей численности равнялась населению пяти европейских государств: Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Финляндии[39]. Свыше 26,6 млн советских людей отдали свои жизни за свободу и независимость своей Родины и всего мира[40]. Никогда прежде в своей многострадальной истории страна не сталкивалась с такими огромными потерями. При этом следует подчеркнуть, что другие ведущие участники антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны потеряли: США — 418 тыс., Великобритания — 450 тыс., Франция — 600 тыс. человек. Лишь потери Китая, составившие 20 млн человек, сопоставимы с утратами Советского Союза. Масштабы понесенных потерь свидетельствуют об огромной тяжести борьбы, которую в годы войны пришлось вынести народам Советского Союза. Это было обусловлено тем, что Великая Отечественная война стала не просто важной составляющей Второй мировой, но и определила ее основное содержание.

С нападением фашистской Германии на СССР центр вооруженной борьбы сразу же переместился на советско-германский фронт. Здесь развернулись крупнейшие сражения, коренным образом изменившие ход Второй мировой войны и преградившие путь фашистским агрессорам к мировому господству, распространению их экспансии на другие страны и континенты.

С приходом к власти в Германии нацистский режим возвел антиславянизм в виде антисоветизма в ранг государственной политики. В книге «Моя борьба» («Майн кампф») А. Гитлер констатировал: «Если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»[41]. Во «Второй книге» (написанной в 1928 г. и не получившей, по политическим соображениям, такой распространенности, как «Майн кампф») отдельная глава также посвящалась «восточной политике», которая была отнесена к важнейшим внешнеполитическим вопросам национал-социалистического движения в Германии[42]. Экспансионистскую политику на восточном направлении А. Гитлер намеревался использовать не только с целью «завоевания экспортных возможностей», но и «его беспощадной германизации»[43].

Советские солдаты, павшие на поле боя

Траурная церемония прощания с Героем Советского Союза майором В. Д. Шаренко

Похороны советского фронтового поэта

Немецкие пехотинцы возле поверженных солдат и техники союзников на пляже Дьеппа

Тела американских солдат, погибших в районе высадки «Омаха» в Нормандии

При этом провозглашенный расовый характер в войне на востоке, предполагавший истребление части «лишнего» населения на завоеванных территориях и заселение этих территорий немцами, позволял политически и идеологически обосновать предопределенность этой войны для немцев, мобилизовать боевой дух вермахта на беспощадную борьбу с противником, а также обеспечить дальнейшую реализацию так называемой политики гарантирования завоеванных побед, предполагавшей безжалостное подавление очагов сопротивления покоренных славянских народов и уничтожение значительной их части. Геноцид стал одним из главных составных элементов немецкой оккупационной политики на территории Советского Союза.

30 марта 1941 г. на совещании высшего генералитета А. Гитлер заявил, что война против СССР будет резко отличаться от войны на западе, это будет «борьба между расами», «борьба идеологий», «борьба на уничтожение»[44]. Косвенным свидетельством этого варварского курса стала статистика смертей в немецких концлагерях. Если из 235 тыс. английских и американских военнопленных здесь погибли 8300 человек, или 3,5% от общего числа, то в результате голода, болезней и расстрелов были умерщвлены около 3300 тыс. советских военнопленных[45]. Ежедневно в концлагерях расстреливались, погибали от болезней и истощения до 6 тыс. советских военнопленных[46]. Военнопленным из армий западных государств немцы не только позволяли получать посылки, но и нередко отпускали их домой.

Соответственно, война Германии против СССР не сводилась лишь к противоборству вооруженных сил, как это в значительной мере имело место по отношению к западным союзникам. Со стороны нацистской Германии она носила тотальный характер, ее конечной целью было не только уничтожение советской государственности, но и нанесение смертельного удара по самой славянской цивилизации. В связи с этим агрессор не проводил различие между фронтом и тылом, вовлекая в эпицентр кровавого противостояния гражданское население Советского Союза. В скорбный список поминовения вошло огромное число мирных граждан, умерших от голода и болезней, погибших при бомбардировках и артиллерийских обстрелах, сложивших свои головы в ходе карательных акций оккупантов, замученных в лагерях и расстрелянных, а также угнанных в Германию и не вернувшихся обратно.

В городах и селах любой житель мог быть арестован по незначительному поводу, подвергнут пыткам, расстрелян или повешен. Так, за два с лишним года оккупационного режима в Смоленске и его окрестностях были уничтожены свыше 135 тыс. человек, а более 87 тыс. смолян насильно отправлены на принудительные работы в Германию[47]. В Белоруссии были дотла испепелены вместе с их жителями 629 деревень[48]. Всего в годы войны на оккупированной территории оккупантами были преднамеренно истреблены более 7,42 млн человек гражданского населения, в том числе 216 431 ребенок[49], погибли на принудительных работах в Германии свыше 2,164 млн, умерли от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и прочее) 4,1 млн человек. А всего безвозвратные потери гражданского населения на оккупированной территории СССР составили 13 684 448 человек[50], из них на территории РСФСР — 1,8 млн, Украины — 3,256 млн, Белоруссии — 1,547 млн, Литвы — 370 тыс., Латвии — 313,8 тыс., Эстонии — 61 307, Молдавии — 64 246, Карелии — более 8 тыс. человек[51].

Основными причинами высокой смертности среди угнанных на принудительные работы и узников концлагерей являлись каторжный труд, плохое питание и жестокое обращение хозяев и лагерной администрации. Таким образом, более половины всех людских потерь Советского Союза — это мирные граждане (почти 13,7 млн из 26,6 млн человек), оказавшиеся на оккупированной противником территории, превращенной в огромный полигон смерти. Остальные европейские страны, капитулировав перед Германией, не понесли таких серьезных потерь.

Советскому Союзу противостоял не только коварный и жестокий, но сильный и опытный враг. Помимо собственных значительных людских и материальных ресурсов гитлеровская Германия к моменту нападения на СССР овладела ресурсами практически всех покоренных к тому времени стран Европы: Чехословакии, Австрии, Польши, Югославии, Греции, Дании, Норвегии, Франции. На стороне Германии воевали Венгрия, Румыния, Финляндия, Италия. Болгарские сухопутные части не сражались на восточном фронте, но привлекались к оккупации Греции и Югославии.

После нападения фашистской Германии на СССР Финляндия и Румыния для участия в военных действиях выделили по две армии, а Италия, Венгрия и Словакия — по одному корпусу. Румынский диктатор И. Антонеску заручился согласием А. Гитлера на расширение своих границ за счет территории Украины. Венгерское правительство за услуги А. Гитлеру надеялось «получить обратно все территории исторической Венгрии», претендуя на Трансильванию, а также на утраченные после Первой мировой войны словацкие и часть украинских земель. Итальянский диктатор Б. Муссолини направил свои войска на советско-германский фронт, стремясь не допустить «после германской победы над Россией слишком большой диспропорции между германским и итальянским вкладом в войну»[52].

Вклад каждой из перечисленных стран в боевые действия на стороне Германии был относительно невелик, однако в совокупности весьма значителен, причем по ходу войны он нарастал. Так, для участия в германском наступлении летом 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта были привлечены итальянская, венгерская и две румынские армии. Их общая численность составляла 648 тыс. солдат и офицеров. Прибывшие на восточный фронт итальянские, венгерские и румынские войска находились под полным контролем германского военного командования. В войсках агрессора воевали добровольцы из Испании, Швеции, Дании, Франции, Бельгии, Голландии, ряда славянских стран. В ходе самой войны вооруженные силы Германии пополнились 1,8 млн граждан других стран, включая коллаборационистов из Советского Союза. Фактически для ведения войны против СССР был сконцентрирован весь природно-ресурсный и экономический потенциал континентальной Европы.

Войну против Советского Союза А. Гитлер намеревался завершить максимум за четыре месяца. Вермахт был уверен в быстрой, практически гарантированной победе. Готовясь к нападению на СССР, немецкое командование сконцентрировало на основных стратегических направлениях силы, превосходящие советские войска в 3–4 раза. Умело проведенная дезинформационная кампания накануне войны позволила ему добиться стратегической внезапности, застать Советский Союз врасплох.

Катастрофическое для Советского государства начало войны привело к тому, что к концу 1941 г. погибла в боях или была взята в плен большая часть довоенного кадрового состава Красной армии. Велики были потери среди гражданского населения в прифронтовых районах. Города и населенные пункты часто становились эпицентром боя. Характерным примером в этом отношении является Сталинград. Только во время массированных налетов вражеской авиации в августе 1942 г. здесь погибли свыше 40 тыс. человек мирного населения[53]. Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя и Одессы, Керчи и Новороссийска, Смоленска и Тулы, Харькова и Ростова-на-Дону, Минска и Мурманска.

Советскому Союзу потребовались экстраординарные усилия, чтобы остановить рвущийся на восток вермахт. С началом войны созданная в стране политико-административная система, продемонстрировав свою устойчивость в экстремальных условиях военного времени, позволила в кратчайшие сроки перебазировать в восточные регионы страны тысячи промышленных предприятий, мобилизовать в армию миллионы людей, восполняя огромные потери РККА, сформировать десятки новых дивизий и бригад. Это стало неожиданностью для немецкого руководства.

Пленные красноармейцы несут тяжелораненого на самодельных носилках

Концлагерь для советских военнопленных

Доктор армии США осматривает советского подневольного рабочего, больного туберкулезом, на угольных шахтах в Дортмунде

Крушение расчетов на молниеносную победу поставило Третий рейх перед перспективой изнурительной, затяжной борьбы с Советским Союзом. Наиболее дальновидные представители правящей верхушки Германии пришли к выводу о ее бесперспективности. 29 ноября 1941 г. министр вооружения и боеприпасов Ф. Тодт рекомендовал А. Гитлеру принять решение о прекращении войны с Советским Союзом, поскольку «в военном и экономическом отношении война Германией уже проиграна»[54]. В кровопролитных сражениях при обороне Смоленска, Москвы, Киева, Ленинграда, Севастополя, Одессы, других городов и населенных пунктов Советского Союза вермахт, натолкнувшись на неожиданно стойкое сопротивление советского солдата, впервые с начала Второй мировой войны утратил пробивную силу. Это вынуждены были признать гитлеровские генералы, пытаясь объяснить причины поражений. «Русский солдат, — отмечал генерал-полковник Г. Гудериан, — всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью»[55]. Подтвердил это и генерал пехоты К. фон Типпельскирх, констатировав: «Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении»[56].

В ходе освобождения оккупированной врагом советской территории потери Красной армии составили 3395,8 тыс. человек. В боях за изгнание оккупантов с территории РСФСР (вместе с Крымом) безвозвратные потери Красной армии и ВМФ составили 1860,9 тыс., Украины — 968,1 тыс., Белоруссии — 213,6 тыс., Латвии — 130,2 тыс., Литвы — 137,2 тыс., Молдавии — 18,7 тыс., Эстонии — 67,1 тыс. человек[57].

В Европе нацистская Германия достигала своих целей малой кровью: общие потери вермахта убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести в войнах с Польшей, Францией, Англией, на Балканах и острове Крит, при захвате Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии, а также в Северной Африке и Атлантике составили около 300 тыс. человек[58]. Однако после 22 июня 1941 г. ситуация резко изменилась. По сведениям генерального штаба сухопутных войск вермахта, в первых пяти кампаниях (с 22 июня 1941 по 1 января 1944 г.), то есть за 30 месяцев и девять дней, противник потерял около 5 млн человек убитыми, пленными, пропавшими без вести и ранеными[59].

С врагом героически сражались не только регулярная Красная армия, но и многочисленное народное ополчение (около 2 млн человек), сформированное поначалу из слабо вооруженных, неподготовленных в военном отношении, но исполненных чувством искреннего патриотизма людей. Массовый характер приняли партизанское движение, борьба подпольщиков, охватившие до 2 млн человек. Значительная часть советского народа — из тех, кто был способен носить оружие, — поднялась на борьбу против врага.

В наиболее тяжелый для себя начальный период войны СССР получил от своих союзников минимум из того, в чем нуждался. В рамках подписанного в начале октября 1941 г. между представителями СССР, США и Англии соглашения — протокола о поставках, действовавшего до июня 1942 г., США выполнили свои обязательства по поставкам бомбардировщиков — на 29,7%, истребителей — на 30,9%, средних танков — на 32,3%, легких танков — на 37,3%, грузовиков — на 19%[60]. Основная доля запланированной помощи стала поступать из США лишь со второй половины 1943 г., то есть после битв под Москвой, Сталинградом и Курском, когда Красная армия уже сумела вырвать у врага стратегическую инициативу, и столь острая нужда в союзнической помощи отпала. Уже со второй половины 1942 г. в Советском Союзе выпускалось танков больше, чем в гитлеровской Германии[61].

Безусловно, поставки по ленд-лизу имели определенное значение для оснащения Красной армии, однако победу в Европе и на Дальнем Востоке советские войска одержали прежде всего благодаря отечественному оружию. В секретной брошюре «Ленд-лиз. Факты и фикция», изданной в 1945 г. в США администрацией экономической помощи иностранным государствам, роль ленд-лиза определялась следующим образом: «Военные материалы, которые мы поставляли по ленд-лизу, хотя и играли важную роль в достижении успеха вооруженными силами Великобритании и СССР, но тем не менее составляли очень небольшую часть от их общего производства вооружения и оснащения. Основные свои потребности наши союзники покрывали за счет своего собственного производства... Что касается вооруженных сил

Население одной из оккупированных деревень направляется на принудительные работы

Советский кавалерист разговаривает с русской девушкой, возвращающейся из фашистской неволи домой

Великобритании, то помощь по ленд-лизу, полученная из США, покрывала примерно одну пятую всех потребностей... Если взять русскую армию, то наша помощь удовлетворяла ее потребности в гораздо меньшей степени»[62]. Но главное, как справедливо отметил английский историк А. Верт: «Ленд-лиз, как бы полезен он ни был, все же не мог компенсировать колоссальной разницы между количеством крови, которую русские проливали на востоке и союзники проливали на западе»[63].

Негативную роль в общем развитии войны и сроках ее завершения сыграло оттягивание западными союзниками открытия второго фронта. Что касается содействия Советскому Союзу в его единоборстве с фашистской Германией, то, по мнению У. Черчилля, «ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали»[64]. Экономическая помощь Советскому Союзу не могла заменить второй фронт в Европе — это понимали и в стане союзников. Так, 22 апреля 1943 г. на пресс-конференции в Москве генерал Дж. Бирнс признал совершенно естественным, «что советские люди считают более важным снятие 30–40 немецких дивизий с советско-германского фронта, нежели получение танков и самолетов»[65].

Когда в июне 1944 г. второй фронт все же стал реальностью, действия антигитлеровской коалиции, диктуемые общей целью скорейшего разгрома нацистской Германии, в целом характеризовались согласованностью. Однако между СССР с одной стороны и США и Англией с другой постепенно нарастали разногласия относительно проблем послевоенного устройства мира. Но и в этой ситуации политические и военные деятели Запада не могли не признать решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. 27 сентября 1944 г. У. Черчилль в письме на имя И. В. Сталина заявил: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно Русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»[66]. В свою очередь, государственный секретарь США Э. Стеттиниус отмечал, что русские внесли вклад в войну, несоизмеримый с долларами или тоннами американской помощи по ленд-лизу[67].

Эти признания политиков-очевидцев дают адекватную оценку реальному вкладу Советского Союза в общий ход войны. В первые три года войны Красная армия практически в одиночку вела борьбу с большей частью немецко-фашистской армии и ее сателлитов. Советско-германский фронт намного превосходил другие театры военных действий Второй мировой войны (итальянский, североафриканский). В годы Великой Отечественной войны размер территорий, охваченных военными действиями на советско-германском фронте, составлял около 3 млн кв. км, что было больше площади Австрии, Англии, Бельгии, Дании, Германии, Голландии, Греции, Италии, Норвегии, Финляндии, Франции, Югославии, вместе взятых[68]. На различных этапах войны на советско-германском фронте с обеих сторон сосредоточивались одновременно около 13 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, до 20 тыс. танков, самоходных артиллерийских установок и штурмовых орудий, от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов[69].

С самого начала войны и до середины 1944 г. на советско-германском фронте вели боевые операции около 75% от общего состава действовавших вооруженных сил фашистской Германии, в то время как в боях в Северной Африке и Италии участвовало лишь от 1 до 6%[70]. В целом в годы Второй мировой войны около 93% активных боевых действий приходилось на советско-германский фронт[71]. За три года войны (июнь 1941 — июнь 1944 г., то есть до высадки англо-американских войск во Франции) 93% общих потерь немецкие войска понесли в боях с Красной армией[72].

Красная армия и Военно-морской флот разгромили 607 дивизий, составлявших главные силы Третьего рейха, здесь было разбито не менее 100 дивизий сателлитов Германии, в то время как англо-американские войска нанесли поражение 176 соединениям вермахта, причем преимущественно на завершающем этапе войны, когда судьба нацистской Германии была предрешена. 72% людских потерь Германии во Второй мировой войне (из общего

количества убитых, пленных и раненых) приходится на советско-германский фронт. Общие потери немецко-фашистских войск на советско-германском фронте составили 10 344,5 тыс. человек (всего Германия потеряла 13,6 млн человек)[73]. На советско-германском фронте была уничтожена основная часть военной техники и оружия вермахта: до 74—75% всех потерь за всю Вторую мировую войну[74]. В целом с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны советско-германский фронт по всем основным показателям превосходил другие фронты Второй мировой.

Вместе с тем существенным подспорьем для Советского Союза стало то, что на Тихоокеанском театре военных действий американские войска сковали основные силы японских вооруженных сил, тем самым снизив угрозу вторжения Японии на советский Дальний Восток. На других театрах военных действий союзниками также проводились крупные сухопутные и морские операции, происходили крупные сражения. Однако советско-германский фронт в четыре раза превосходил общие размеры североафриканского, итальянского и западного.

О том, насколько различалось сопротивление немецких войск на западе и востоке на заключительном этапе войны, свидетельствует запись в дневнике, сделанная министром пропаганды Й. Геббельсом 27 марта 1945 г.: «В настоящий момент военные действия на западе являются для противника не более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность разъезжать повсюду... население выходит навстречу американцам с белыми флагами; некоторые женщины опускаются до того, что приветствуют и даже обнимают американцев. При таких обстоятельствах войска не хотят больше сражаться и отходят назад без сопротивления или сдаются в плен»[75].

Союзная разведка оценивала войска вермахта на западном фронте «не как единую силу, а как большое количество слабых боевых групп, дезорганизованных и даже деморализованных, не имеющих достаточного оснащения и вооружения». Они полагали, что «можно увидеть конец войны в Европе»[76]. Один из американских корреспондентов так описывал то время: «Города падали, как кегли. Мы проехали 150 км, не слыша ни одного выстрела. Город Кассель сдался через посредство бургомистра. Оснабрюк 5 апреля сдался без сопротивления. Мангейм капитулировал по телефону»[77].

Иначе обстояло дело на советско-германском фронте, где ожесточенное сопротивление немцев продолжалось вплоть до последнего дня. На финальном в истории Третьего рейха военном совещании 22 апреля А. Гитлер согласился с предложением генерала А. Йодля «весь фронт против англосаксов повернуть на восток. Силы, введенные на этом фронте, бросить в сражение за Берлин, и эту операцию возглавить Верховному командованию вооруженных сил». Битва за столицу теперь объявлялась «сражением германской судьбы»[78].

На завершающем этапе войны Красная армия, вступив в страны Восточной Европы, вела сражения с целью избавления от германского нацизма народов других стран. Полностью или частично она освободила Румынию, Польшу, Болгарию, восточные районы Югославии, Австрии и Германии, Чехословакию, Венгрию, Норвегию (провинцию Финнмарк), Данию (остров Борнхольм), северо-восточные провинции Китая, Корею (до 38-й параллели).

Вопрос о допустимости и целесообразности вступления Красной армии на территорию европейских стран — то, что в советскую историографию вошло как «освободительная миссия Вооруженных сил Советского Союза», — не требует особых научных изысканий, поскольку лежит в плоскости здравого смысла и сложившейся международно-политической реальности.

Во-первых, вступление советских войск в 1944—1945 гг. на территорию ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы было вызвано необходимостью завершения разгрома вооруженных сил Германии и ее союзников. Логика вооруженной борьбы требовала довести военные действия до конца.

Во-вторых, вступление Красной армии на территорию Европы являлось согласованным с западными союзниками международно-правовым актом, направленным на реализацию совместных решений антигитлеровской коалиции и зафиксированным в пунктах Декларации

об освобожденной Европе, документах Тегеранской и Крымской конференций, а также в других договоренностях, в том числе соглашениях с правительствами или представительными органами ряда оккупированных стран (Чехословакия, Югославия, Норвегия).

В-третьих, миллионы пленных советских воинов и угнанных мирных жителей томились в фашистских концлагерях и ждали освобождения.

В-четвертых, было необходимо обеспечить безопасность границ Советского государства, которая, по мнению руководства СССР, могла быть относительно надежно достигнута путем прихода к власти в соседних странах лояльных политических режимов.

В-пятых, необходимо было гарантировать результаты победы, доставшейся большой кровью. На завершающем этапе войны отношения СССР и западных союзников были уже далеко не безоблачными, и рассчитывать на долговременное партнерство не приходилось.

Всего в ходе освободительного периода погибли более 1,089 млн наших сограждан, а общие потери, в том числе безвозвратные и санитарные, составили около 4 млн человек[79].

После разгрома нацистской Германии Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, принятым на Ялтинской конференции в январе 1945 г., вступил в войну против Японии, с которой, в отличие от западных союзников, вплоть до завершающего периода Второй мировой войны не вел прямого вооруженного противоборства. Тем самым он оказал огромную помощь вооруженным силам США и Великобритании. Сокрушив в трехнедельный срок миллионную японскую группировку, Вооруженные силы Советского Союза нанесли неприятелю урон, составивший почти треть потерь Японии за всю войну. Поражение Квантунской группировки, усугубленное утратой основных источников сырья и промышленных ресурсов Маньчжурии, явилось одним из определяющих факторов, заставивших Японию капитулировать в кратчайшие сроки. Немало жизней солдат и офицеров западных союзников было сохранено благодаря успешным действиям советских войск. Военная кампания против Японии завершила историю Второй мировой войны.

Тем более прискорбно, что в угоду геополитическим и иным расчетам западные идеологи, а вслед за ними историки и журналисты предпринимают многочисленные попытки дезавуировать, безосновательно опровергнуть решающую роль СССР в достижении победы.

Война в человеческом измерении

Человеческое измерение любой войны заключается в определении соотношения человеческого и античеловеческого в целях, средствах и методах ее ведения, в идеологии, политике, технологии боевых действий участвующих сторон, наконец, в общих результатах войны для населения воевавших стран не только как статистической совокупности, но и как социальных общностей, обладающих, подобно отдельному человеку, своей внешней и внутренней жизнедеятельностью. Война представляет собой очень сложный и противоречивый предмет для человеческого измерения. Не случайно известные ученые, художники и политики разных стран давали различные, в том числе противоположные оценки роли войны в истории[80]. Внутренняя жизнь людей не так видна, как внешние проявления войны.

Антиподом человечности является античеловечность, или антисоциальность. Человеческая жизнь, ее защита является высшей точкой отсчета проявления человечности, а посягательство на нее, наоборот, — высшим проявлением античеловечности. Война не только лишает людей жизни, но сопровождает ее потоком бедствий и страданий, шлейф которых долго тянется после войны.

Великая Отечественная война советского народа 1941—1945 гг., как ни одна другая война, представила истории невиданные масштабы трагизма и героизма народных масс, остроту и вселенское значение противоборства человечности и античеловечности в военной борьбе. Ее человеческое измерение имеет огромный смысл. Во-первых, для определения характера,

содержания и масштабов пережитого народами Советского Союза трагизма, бедствий и мучений, внесенных в их жизнь войной. Во-вторых, для раскрытия проявленного ими в борьбе с фашизмом героизма как высшего вида самопожертвования в борьбе за человечность. В-третьих, для осознания народами потенциала античеловечности, который содержится в современных и возможных в обозримом будущем войнах XXI в.

В войне, развязанной нацистской Германией против нашей страны, для граждан Советского Союза человечность была не предпочтительным принципом мировоззрения и морали, а руководством для их ежедневных поступков на фронте и в тылу. Во имя торжества человечности они жертвовали собой, когда требовала боевая обстановка, продолжали, не жалея сил и здоровья, нести непосильную ношу труда, создавая оружие и всё необходимое для фронта, для победы.

Не подлежат историческому забвению великий подвиг народов Советского Союза, принесенные ими жертвы во имя сохранения принципа человечности в организации жизни новых поколений всего человечества. В то же время эти поколения не вправе забывать изуверскую, изощренную античеловечность фашизма, проявленную в войне. События XXI в. показывают, что возрождение его новых, открытых и замаскированных разновидностей не исключено.

Еще древние мыслители пришли к выводу, что человек является мерой всех явлений и вещей. Люди рассматривают и оценивают все происходящее вокруг, собственные действия и внутренние состояния через призму интересов своего существования, развития и безопасности. Чем больше предмет или явление влияет или может влиять на повседневную жизнь и судьбу людей, тем большее значение имеет всестороннее и тщательное измерение его критериями их собственного бытия при абстрагировании от внешнего по отношению к человеку мира. Люди увлекаются творением внешнего мира, при этом его ценности порой ставят выше ценности самих людей, а иногда и собственной жизни. Это ведет к отчуждению между людьми, они становятся враждебными в отношениях между собой. Человеческое измерение раскрывает, в какой степени существование человека, других людей вообще является главной, исходной ценностью, а не только средством для создания внешних благ[81].

Измерение войны внешними по отношению к человеку, народу критериями не раскрывает ее исходной антисоциальной сущности. Ее античеловечность может затемняться фактами прибыльности, полезности для технического прогресса и прочим. Война может быть средством обогащения, решения различных реальных и виртуальных проблем одних человеческих групп и общностей за счет уничтожения, принуждения и ограбления других. При этом государства, которые привыкли в войнах получать большие приобретения и нести незначительные людские потери, относятся к войне иначе, чем страны, которые несли в войнах большие людские потери и материальные утраты.

Война в принципе антисоциальное, античеловеческое явление. Ее истоки (а не конкретные причины) всегда античеловечны, как и средства и методы ведения военной борьбы. История знает войны, когда участвующие в ней стороны преследовали несправедливые цели. Но не было и не может быть войн, когда стороны отстаивают справедливые цели и при этом стремятся достигнуть их исключительно гуманными средствами и методами. Война антисоциальна если не по целям, то по средствам их достижения. Многовековые усилия по гуманизации, ограничению жестокостей войны по отношению к человеку, зафиксированные в женевских и других международных соглашения, часто нарушаются. В войне Германии с СССР фашисты отказались их выполнять[82].

Успешные действия войск, солдат и офицеров в несправедливых, захватнических войнах неправомерно относить к героизму, так же как не оценивают критериями героизма дерзкие удачливые бандитские индивидуальные и групповые акции. Фашисты особо старались выдать разбойные действия своих войск даже за высшее проявление героизма, образец воинского рыцарства. Человеческое измерение деятельности войск должно соотноситься с политическими целями войны. Формальное сравнение может послужить косвенным оправданием, а то и восхвалением военных преступлений фашизма.

Мирные жители Житомира, убитые немцами

Жертвы фашистского террора в Харькове

Татьяна Онищенко держит на руках дочку, смертельно раненную осколками немецкой авиабомбы

Социально оправданное, человеческое участие в войне является по существу антивоенным. Фашистская Германия развязала войну против Советского Союза методом внезапного нападения безо всяких причин и поводов с его стороны. Отечественная война советского народа была вынужденным ответом с позиций высших критериев человечности. Фашисты попрали все нормы и принципы человечности в международных отношениях и ведении войны. В этом контексте Великая Отечественная война была величайшей в истории человечества антивоенной акцией. Она прекратила серию войн, которую развязывал и вел европейский фашизм. Ведь следствием его победы над Советским Союзом, если бы так случилось, было бы, вне всякого сомнения, продолжение войны Третьего рейха за мировое господство[83].

Именно по этой причине Великобритания, а за ней и США сразу же после нападения Германии на СССР заявили о его поддержке, а затем пошли на создание антигитлеровской коалиции. Великая Отечественная война была главным фронтом разгрома германского фашизма. Человеческое измерение этой войны призвано раскрыть и углубить ее восприятие современными и будущими поколениями как великую трагедию и героическое самопожертвование народа во имя торжества человечности в отношениях между будущими поколениями.

Подводя через 70 лет итоги Великой Отечественной войны, выясняя значение ее событий для нашей национальной и мировой истории, важно, как советует народная мудрость, за деревьями видеть весь лес. Иначе говоря, за судьбоносными событиями войны, решающими битвами и сражениями, деятельностью разных институтов и учреждений, возглавляющих их личностей надо видеть, чувствовать и верно оценивать усилия и жертвы народных масс, которые обеспечили доведение войны до победы над силами фашизма и милитаризма.

Человеческое измерение войны выявляет прежде всего гибель людей, но не ограничивается статистическими показателями. Оно призвано определить воздействие войны на человеческую составляющую социума. Люди в системе социума представляют не только статистическую совокупность, которую принято обозначать нейтральным в социальном отношении термином «население», но и многогранную социальную общность, обладающую конкретными количественными показателями и качественными свойствами и называющуюся народонаселением.

В войну было вовлечено всё дееспособное народонаселение страны. При этом возраст и состояние здоровья, определявшие границы дееспособности в мирное время, в военную пору были изменены в интересах увеличения числа привлекаемых на воинскую службу и к трудовой деятельности. При этом народонаселение следует понимать не как механическую статистическую совокупность его граждан, а как живую их общность, в которой люди связаны между собой множеством различных интересов и отношений, характерных для социума, в данном случае конкретно для советского социума в рассматриваемый период его истории. При таком подходе народонаселение Советского Союза предстает социальной общностью, каждая грань которой характеризует его конкретные социальные качества. В противном случае основной творец Великой Победы уходит как бы в тень узловых судьбоносных событий, его роль затушевывается значимостью политических и военных стратегических решений, деятельностью руководящих личностей, она обычно имеется в виду как само собой разумеющаяся. Война воспринимается рационально-поверхностно, без ощущения трагизма и героизма социального бытия людей в условиях военного времени.

В войнах уничтожаются не только необходимый и важный для существования и развития людей внешний мир, но и они сами, их жизни, физическое и психическое здоровье, разрушается сформированный внутренний мир, ориентированный на радостную и счастливую жизнь. Для человеческого измерения войны необходимо определиться с практическим проявлением человечности как социального качества, природа которого коренится в любви к людям. Человечность является показателем развития у человека, группы, народонаселения страны причастности и ответственности за судьбу человеческого рода. Отсутствие человечности — показатель разрыва с ним.

В наибольшей степени человеческое измерение войны характеризуется ее влиянием на динамику изменений общей численности народонаселения страны. Противоборствующие стороны стремятся защитить свое народонаселение, а противной стороны уничтожают. Социум, не обеспечивающий воспроизводство и защиту своего народонаселения, обречен на гибель. Защита существования и развития народонаселения представляет главную задачу государственных и общественных институтов социума. Применительно к Великой Отечественной войне научный интерес представляет выявление ее влияния на количественное движение состава и изменение качеств народонаселения Советского Союза, а также определение, какими людскими жертвами досталась победа.

Исходя из результатов переписи 1939 г., а также с учетом того, что в канун войны в состав Советского Союза вошли Прибалтика, западные районы Украины, Белоруссии, Бессарабия и Северная Буковина, общая численность народонаселения страны на 22 июня 1941 г. оценивается от 196 до 200 млн человек. Народы Советского Союза представляли собой сложную (более 100 национально-этнических общностей) и хорошо организованную общественно-политическую общность. Она формировалась в течение более 20 лет политического руководства и административного управления страной коммунистической партией, на основе идеологической и организаторской деятельности ее партийных организаций и руководящих органов, подконтрольных им всех государственных структур. Эта деятельность осуществлялась как демократическими, так и административно-силовыми методами, включая такие радикально-репрессивные, как заключения в тюрьмы и лагеря на основе упрощенных судебных процедур. В стране не было организованной и открытой политической оппозиции, хотя число несогласных с коммунистической идеологией и общественной практикой, как показала война, было значительным, но не решающим.

Во всех группах и слоях социума были созданы и активно действовали общественно-политические организации: молодежные, профсоюзные, советские, спортивные, оборонные, научные, творческие, женские и другие. Эти организации действовали во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. Вся система общественного воспитания и образования была основана на советской коммунистической идеологии. Сложная проблема обеспечения политического единства народонаселения страны с учетом его многоэтничного состава успешно решалась на основе партийно-государственной доктрины расцвета и сближения всех советских национально-этнических общностей. По существу, население Советского Союза в предвоенные годы представляло успешно формирующуюся политическую нацию.

Социально-демографические и общественно-политические качества народонаселения являются основными для человеческого измерения войны, но ими оно не исчерпывается. Важными показателями были также степень профессионально-трудовой и духовно-интеллектуальной общности. Политика государства была направлена на подготовку населения не только к мирному труду, но и к обороне страны. Не только политическое руководство страны, но и большинство народа ощущало рост военной угрозы. В целом состояние народонаселения Советского Союза было исключительно важным показателем возможности противостоять грядущей военной агрессии.

Фашистское политическое и военное руководство, готовя и осуществляя нападение на СССР с целью его полного разгрома, явно не оценило уровень общественно-политического единства его народонаселения, надеялось, что под шокирующими ударами внезапного нападения и блицкрига оно рассыплется, окажется неорганизованной, пассивной массой. Но несмотря на огромные потери, фронт не разваливался, а с каждым месяцем войны оказывал всё более ожесточенное сопротивление. Поддержка тыла не ослабевала, а возрастала. Население оккупированных территорий не только не приветствовало в массовом порядке новый оккупационный режим, а стало на путь пассивного противодействия и партизанской борьбы.

Красноармейцы у тел замученных немцами мирных жителей

При этом в войне, развязанной нацистской Германией, народы СССР ждал удар, превосходивший по силе и последствиям все вместе взятые удары за предыдущие четыре десятилетия XX в. Если в предшествующих войнах народонаселение как социально-демографическая общность несло потери и деформировалось, так сказать, в результате боевых действий и других бедствий войны, то для фашистов уничтожение и деградация народов Советского Союза были главной конечной целью планируемой войны. Фашистское руководство считало, что если большая численность народонаселения СССР сохранится после его разгрома как государства и тем более если будет продолжать расти, то через определенное время оно сформирует политическую, затем и военную оппозицию фашистскому режиму и свергнет его господство, а нацисты собирались сделать его всемирным и вечным.

Еще до прихода к власти А. Гитлер в своей книге «Майн кампф» писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом нашего довоенного времени. Мы начинаем движение в том направлении, в котором оно было прекращено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взгляд на землю на востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенного времени и сознательно переходим к земельной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»[84].

При разработке политики и стратегии ведения войны с Советским Союзом особо были выделены планы уничтожения и порабощения его народонаселения. Это была особо секретная часть общего плана подготовки и ведения войны в целях скрытия его чудовищной античеловечности, воплощенная в генеральном плане «Ост», содержание которого было изложено в начале главы. Командование вермахта в ходе боевых действий проявляло большое усердие по выполнению указаний фашистского политического руководства по беспощадному обращению с советскими военнопленными и гражданским населением. Об этом свидетельствует, в частности, «Памятка немецкому солдату», представленная на Нюрнбергском процессе в качестве документа обвинения и содержавшая следующие наставления и призывы: «Помни и выполняй: 1) Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2) Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»[85].

Крах блицкрига вынудил Германию уже в конце 1941 г. перейти к планированию широкой маневренной войны. Надежду на получение неисчерпаемых ресурсов для завершения борьбы за мировое господство пришлось заменить поиском ресурсов для ведения затяжной войны. Это заставило фашистское руководство существенно изменить политику и стратегию, в том числе по отношению к населению оккупированных стран, территорий и военнопленным. Нужна была огромная масса рабской рабочей силы и добровольного «пушечного мяса». Из этой ситуации нацистские лидеры пытались выйти за счет использования народонаселения оккупированных и зависимых стран Европы, советских военнопленных и населения захваченных районов.

Свыше 1800 тыс. граждан других стран и национальностей (в том числе и граждан СССР) пополнили вермахт и войска СС. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько полков, легионов и батальонов[86]. Среди военнопленных и населения оккупированных районов Советского Союза началась активная работа спецслужб по перекодированию морально-психологических и политико-идеологических установок советских граждан методами пропаганды, агитации, запугивания, втягивания в преступные акции и другими приемами вербовки в подразделения вермахта и даже СС.

Отдельным направлением преступной политики фашистской Германии по отношению к народонаселению на оккупированной территории были насильственный отбор и отправка трудоспособных людей, в первую очередь физически здоровой молодежи, на принудительные

работы в Германию. Всего за 1941–1944 гг. с советской территории в рейх были вывезены почти 5,3 млн человек, из них около половины погибли от каторжного труда, болезней, плохого питания и жестокого обращения[87].

Античеловечность политических установок фашистского руководства и соответствующих им методов ведения военных действий против Советского Союза имели своим следствием необычно большие (по сравнению с другими участниками антифашистской и антимилитаристской коалиции) потери и деформации его народонаселения, разрушения среды существования и развития. Установить после окончания войны число разрушенных городов и сельских поселений, фабрик и заводов, школ и вузов, хранилищ национальной культуры и центров развития науки, учреждений здравоохранения и спорта, транспортных средств и дорог, многого другого было не простой по объему и определению стоимости задачей. Но все же более сложной политической и технической задачей оказалось установление потерь и деформаций народонаселения страны как самовоспроизводящейся общности.

Политическое руководство страны вплоть до второй половины 1980-х гг. не могло, да и не хотело объяснить большие различия в потерях народонаселения Германии и Советского Союза, опасаясь, что эти различия будут отнесены на допущенные им недостатки в управлении страной и вооруженными силами. Поэтому давалась заниженная оценка потерь военнослужащих и гражданского населения. К тому же точно определить масштабы потерь было сложно без проведения всесоюзной переписи населения. Требовались большие затраты, серьезная научно-аналитическая работа, а социально-демографические исследования еще в 1930-е гг. были неоправданно свернуты по политическим мотивам. К тому же начавшаяся почти сразу после войны военно-политическая конфронтация между бывшими союзниками не способствовала открытости перед внешним миром. В результате первая значительная публикация о достоверно подсчитанных потерях личного состава Вооруженных сил СССР появилась только в 1993 г.[88]

Без полного учета деформаций народонаселения Советского Союза в результате его военных потерь, увечий, пережитых бедствий и страданий в течение военного времени, а также от оставленного войной морально-психологического бремени невозможно полное представление о Великой Отечественной войне, принесенных жертвах во имя победы над фашизмом, торжества человечности между конкретными людьми и народами.

В результате совместных усилий союзников по антигитлеровской коалиции фашизм был повергнут. Человеческое направление развития цивилизации ценой потерь жизни и здоровья десятков миллионов людей, пережитых бед и страданий, не говоря об утрате огромной массы ценностей, необходимых для нормального человеческого существования и развития, удалось сохранить. Но всеобщего торжества человечности не произошло. Война как плод и воплощение античеловечности не была сдана в архив истории, чего искренне желало и на что надеялось большинство людей, боровшихся с фашизмом в годы Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Больше того, убойно-разрушительный потенциал войны стал реальной угрозой существованию не только народонаселения отдельных стран, но и всему человечеству.

Человеческое измерение войны оценивает ее не только с позиции интересов живущих поколений, но и с позиций бытия будущих поколений. Борьба за предотвращение войны, за исключительно мирный способ организации общественной жизни и отношений между социумами все ощутимее становится главным условием продолжения исторического бытия человечества. Сегодня народы мира снова находятся в чрезвычайно сложной ситуации, когда необходимо осуществить выбор альтернатив решения сложных проблем, выхода из кризисных и тупиковых направлений национального и международного развития. Возрастает соблазн остановиться на радикальных, античеловеческих проектах, средствах и методах решения таких проблем. Насколько такой выбор опасен не только для тех, кто его делает, но и для других народов и всего человечества, показывает история Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной как ее особой и решающей составляющей.

Во имя будущего

Война Советского Союза против фашистской Германии и ее европейских союзников была не только Отечественной, национальной, не только главной частью Второй мировой, но и войной общечеловеческой, всемирно-исторической. Что касается идеологического, социального, геополитического, цивилизационного, ноосферного содержания, то Великая Победа, одержанная в ней, уникальна и бесценна: она спасла не только СССР, историческую Россию, но и все человечество от фашистского зла, гибели и разрушения цивилизации.

Эта победа создала новые, благоприятные условия для жизни мирового сообщества. В Советском Союзе и других странах-победителях наблюдалось ускорение исторического процесса, был сделан большой вклад в облегчение борьбы народов за национальное и социальное освобождение, за перспективу справедливого и прочного мира на планете. Вместе с тем проявились и некоторые негативные тенденции как в странах-победителях, так и в отдельных регионах и мировом сообществе в целом.

Вследствие этого понимание смысла победы, ее значения, ценности, иначе говоря — ее цены, в разных странах оказалось неодинаковым, причем существенно. Если в Советском Союзе неизменно отмечалось и подчеркивалось ее позитивное для истории значение, содержание ее цены, то на Западе, особенно в США и Великобритании, напротив, проявлялось негативное отношение. Старт этому был дан холодной войной, объявленной Советскому Союзу как месть за его решающую роль в достижении победы. Некоторые политические и военные деятели Запада победу над фашизмом стали называть ненужной, бессмысленной, а лозунг о безоговорочной капитуляции Германии — ошибкой Запада, так как его реализация лишь способствовала неоправданному затягиванию войны. Кроме того, по их мнению, участвуя в антигитлеровской коалиции, западные союзники играли на руку Советскому Союзу, ибо интересы Запада, в принципе, были гораздо ближе и теснее связаны с интересами Германии. При этом неспособность Запада достаточно быстро и четко уяснить эту истину явилась прямой причиной величайшей трагедии современности и породила бациллу третьей мировой войны[89].

Подобного рода взгляды на Великую Победу достаточно живучи в послевоенном мире, в том числе и в наши дни, даже в России. Недооценка величия победы над фашизмом как субъекта гордости народов современной России проявляется в различных формах, наиболее характерна в этом отношении вульгарно рыночная оценка, когда цена победы определяется числом человеческих жертв — «мы залили своей кровью, завалили врага своими трупами». Другие же полагают, что победа наших войск якобы достигалась благодаря многократному численному превосходству над противником и ценой неисчислимых жертв[90].

Многие авторы при сопоставлении потерь воюющих сторон используют несравнимые величины. Например, у агрессора берутся только безвозвратные потери вермахта в ходе боевых действий, к тому же без учета потерь войск союзников гитлеровской Германии: Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и других стран, а также национальных легионов, сражавшихся в составе вермахта и СС, — а это немалая часть вражеских потерь. В то же время у Советского Союза учитываются безвозвратные потери всего населения страны, в том числе уничтоженные нацистами в концлагерях, расстрелянные в ходе карательных операций мирные жители, а также умершие от голода и болезней. Часто не учитывается, что в число безвозвратных потерь Советского Союза вошли и предатели Родины, воевавшие против Красной армии. В большом ходу увлечение так называемыми расчетными данными о потерях, извлеченными из различных документов.

В связи с этим нельзя не упомянуть и о том, что многие авторы ссылаются на работы, изданные в западных странах, в большинстве которых людские потери Германии приводятся только в границах рейха 1937 г., а потери австрийцев и судетских немцев, лиц иностранного происхождения, служивших в вермахте, в эти данные не включаются. Кроме того, известно, что в 1945 г. учет потерь вермахта уже не велся, а они тогда были достаточно значительными.

Правомерно утверждать, что фальсификация числа людских потерь является сознательной. И осуществляется она в интересах социально-политических сил, которые полагают «незаконными» итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн. В основе такого подхода лежит желание принизить решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма, умалить всемирно-исторический подвиг Красной армии и советского народа. Для этого целенаправленно фальсифицируют категорию «цена победы», используя при этом не только несовершенство понятия «победа», но и еще большее несовершенство понятия «цена».

Это выражается в первую очередь в игнорировании системного подхода к пониманию общественного прогресса, комплексного характера его критериев. Проявляется упрощенное понимание войны как общественного явления, как двустороннего процесса, как противоборства двух социально-политических и военных сил, то есть тип войны отождествляется с видом войны, действием одной воюющей стороны по каким-либо причинам; нередко действия агрессора против мирного населения выдаются за общие издержки войны, и на этом основании ответственность за них распространяется и на пострадавшую сторону. Коалиционный характер войны также нередко трактуется упрощенно, значение победы над фашизмом либо не рассматривается вообще, либо показывается односторонне; цена войны сводится исключительно к жертвам, затратам, потерям.

В интересах исторической истины обратимся к смыслу понятий «победа» и «цена победы», опираясь при этом на принципы объективности и историзма. Это имеет большое значение для правильного понимания истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, места и роли их итогов и уроков в решении теоретико-методологических и практических проблем развития современной России и надежного обеспечения ее обороноспособности для исполнения Россией своего исторического предназначения.

Представление о победе издавна связывалось с разгромом вооруженных сил противника, а в последние два столетия — еще и с разрушительным воздействием на тыл противоборствующей стороны. Если были разгромлены вооруженные силы, а тыл противника подавлен настолько, что он не мог обеспечить восстановление военного потенциала и продолжение борьбы вооруженными средствами, то это означало сокрушение этой воюющей стороны. С течением времени в содержании понятия «победа» появлялись новые элементы, преимущественно социально-политического характера: оно все полнее отражало конкретно-историческое содержание войны, обусловленное, с одной стороны, политическими и военными целями и, с другой — соотношением сил борющихся сторон. Кроме того, в понятии «победа» все больше отражались черты, тенденции, присущие эпохе, в которую происходили войны. Тем самым военная победа приобретала более глубокий смысл, становилась еще и социальной, политической и прочее.

Еще более глубокой стала взаимосвязь военных и политических, экономических и территориальных, национальных и идеологических элементов в войнах XX в., в первую очередь мировых. С образованием Советского государства в войнах с его участием содержание победы приобрело качественно новые элементы идеологического и гуманистического, социально-политического характера. Это убедительно продемонстрировали итоги Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников. Главное заключалось в том, что военная победа СССР и других демократических сил над фашизмом закрепила прогрессивно-демократические тенденции исторического развития, убрала с пути главное препятствие — фашистскую политическую систему и ее военную машину. Потерпела поражение расистская идеология, военные преступники были наказаны. Победа над фашизмом создала новые условия для решения проблемы войны и мира.

Следовательно, в ходе многовековой истории войн победа, прежде всего военная, выступала показателем использования вооруженных сил как орудия политики, а в конечном счете означала момент перехода общества, страны из одного состояния в другое — от войны к миру. Достижение победы, сам ее факт всегда был переломным моментом в жизни народов как победившей, так и потерпевшей поражение сторон, а также и для союзников обеих воюющих сторон.

Вооруженные силы как носитель победы не являются самодовлеющей силой, они орудие политики определенных социально-политических сил: партий, политических организаций, классов, государств, народов. Вследствие этого военная победа является фактором воздействия военной силы на политические отношения государств, на все общественное развитие. Поражение, безоговорочная капитуляция немецко-фашистских войск обозначили военную победу Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции. В свою очередь, военная победа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах означала полную, Великую Победу, слагаемыми которой стали политическая, геополитическая, дипломатическая, идеологическая, экономическая победы.

Ход и исход Великой Отечественной войны показал органическую зависимость побед и поражений (и, конечно, полной, безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии), их содержания и значения от: характера войны и содержания эпохи, в которой была развязана, протекала и завершилась война; характера политических и военных целей, во имя которых была развязана и велась война, а также от материальных и духовных средств, используемых для их достижения, от степени их соразмерности, что так или иначе получило отражение в цене победы. Таким образом, характер Великой Отечественной войны как главной и решающей части Второй мировой, диалектика достижения Великой Победы позволяют утверждать, что ее цена — многогранна и не может быть выражена каким-то одним показателем: это спасение Отечества, народа-победителя от страшного и беспощадного врага — фашизма, от антигуманной политики и идеологии мракобесия, от рабства и физического уничтожения.

С первых дней вынужденной для Советского Союза войны его политическое руководство призывало все сделать для того, чтобы разгромить врага и одержать победу. Главные враги цивилизации — Германия и Япония, страны с гегемонистскими устремлениями, стремившиеся к достижению мирового господства, оказались разгромленными. Были сорваны политические и военные планы агрессоров, уничтожена их военная машина, а вместе с ней ликвидированы самые антигуманные, самые реакционные политические режимы. Основная преграда на пути социального прогресса была устранена.

Победа антигитлеровской коалиции закрепила и усилила стремление народов к новому общественному устройству, основанному на справедливом распределении собственности, демократических принципах, безопасности личности, создала возможность формирования мира на принципах разума и здравого смысла. Стало историческим фактом сохранение и укрепление многих государств, подвергшихся агрессии, в первую очередь Советского Союза, а вместе с ним и социалистической альтернативы как таковой; появились новые благоприятные возможности для развития национального и социального освобождения народов, находившихся в колониальной зависимости, и утверждения идеалов гуманизма.

Решение этих задач как раз и составило содержание освободительной миссии Советского Союза. Красная армия, освободив временно оккупированную территорию СССР, внесла решающий вклад в освобождение стран Европы, а затем и Азии, в разгром и искоренение фашизма. В результате победы Советский Союз получил справедливые границы, подтвердил право на вхождение в свой состав Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Закарпатской Украины (что до войны западные страны не признавали), области Петсамо и Кёнигсберга, а на востоке — Южного Сахалина и Курильских островов.

В освободительной миссии Советского Союза отразился исторический факт его основной, решающей роли в борьбе с фашизмом и разгроме Германии и ее союзников. СССР принял на себя основной удар агрессора, выстоял и победил. Другие страны антигитлеровской коалиции такой задачи не решали, что обусловило их значительно меньшие потери. Напряженность и характер вооруженной борьбы на фронтах Второй мировой войны были различными, они несли неодинаковую политическую и стратегическую нагрузку и потому сыграли разную роль в ходе и исходе вооруженного противоборства коалиций.

Убитые немецкие солдаты в украинской степи

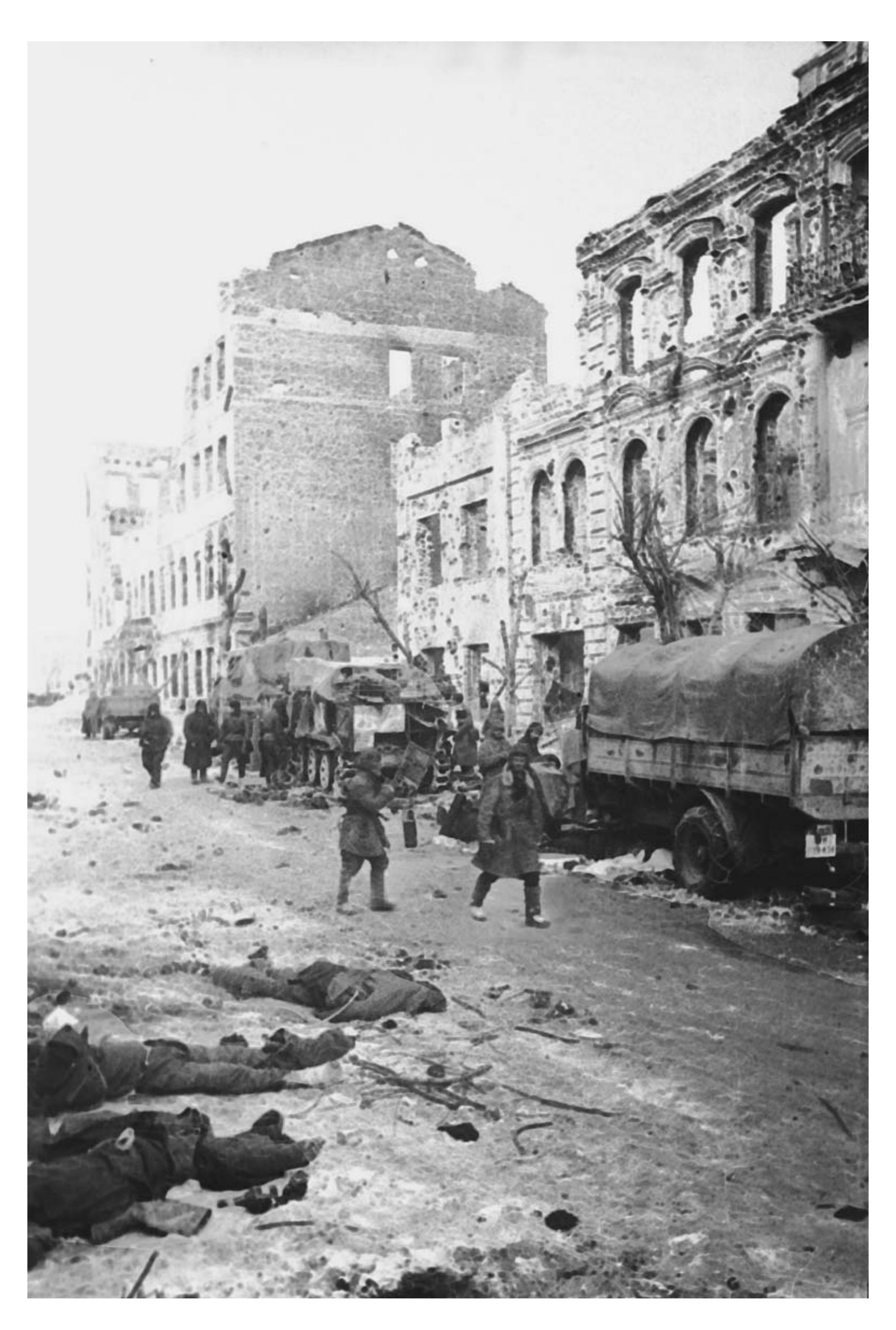

Бесславный конец на чужой земле

Трупы немецких «завоевателей» в полях под Сталинградом

Советские солдаты у разбитой немецкой колонны на улице освобожденных Черкасс

Наиболее интенсивными и напряженными были военные действия в Европе, где они охватили территорию 19 государств: Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Греции, Дании, Италии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии. На Европейском театре военных действий были самые большие людские и материальные потери. Вооруженная борьба в Азии проходила на территории 10 стран: Бирмы, Голландской Индии, Индии, Китая, Кореи, Малайи, Таиланда, Филиппин, Французского Индокитая, Японии. В Африке война охватила 11 государств: Алжир, Египет, Кению, Ливию, Марокко, Британское и Итальянское Сомали, Судан, Тунис, Эритрею, Эфиопию. Военные действия здесь велись преимущественно на узких участках фронта, носили очаговый характер: в них участвовало значительно меньше сил и средств, особенно танков, авиации, артиллерии, чем в Европе, и соотношение потерь было иное. Вне сферы вооруженной борьбы в годы Второй мировой войны находился весь Американский континент. Из 22 американских государств, объявивших войну странам фашистского блока, только США, Канада и Бразилия в разной мере участвовали в войне своими вооруженными силами. Большой размах имели военные действия на океанских и морских театрах военных действий. Они охватывали обширные акватории, архипелаги и отдельные острова Тихого, Атлантического, Северного Ледовитого, Индийского океанов, Средиземного, Балтийского, Черного и других морей.

Вооруженную борьбу в годы Второй мировой войны вели массовые многомиллионные армии, многочисленные военно-воздушные и военно-морские силы. Если в 1939–1940 гг. воевавшие государства в Европе имели под ружьем 10–13 млн человек, то к началу 1945 г. общая численность вооруженных сил обеих коалиций превышала 150 млн человек[91]. В антифашистской коалиции наиболее крупными вооруженными силами обладали СССР, США, Великобритания, Китай. Значительные людские контингенты были мобилизованы в Индии, Австралии, Канаде. Однако степень их боевого использования была неодинаковой. С наибольшим напряжением сражались Вооруженные силы СССР. США и Англия, имея многомиллионные армии, направляли на действующие фронты незначительную часть войск: вплоть до 1944 г. там было около трети вооруженных сил США и Великобритании. Основная же масса их войск не оказывала непосредственного влияния на ход вооруженной борьбы и ее результаты и, конечно, не имела боевых потерь.

Из стратегических фронтов и театров военных действий самым масштабным, активным и результативным был советско-германский фронт. На нем решались основные политические и стратегические задачи Второй мировой войны, были сосредоточены основные силы противоборствующих сторон и достигнуты основные результаты в пользу СССР и его союзников. Все это предопределило наибольшие потери личного состава войск и военной техники. Достаточно отметить, что до лета 1944 г. на советско-германском фронте находилось в среднем в 15–20 раз больше вражеских войск, чем на других фронтах Второй мировой войны. С июня 1944 г. количество соединений вермахта, действовавших против американских, английских и французских войск на Европейском театре военных действий, существенно возросло, но и тогда их было в 1,8–2,8 раза меньше, чем на советско-германском фронте. Следовательно, ход и исход вооруженной борьбы в годы Второй мировой войны определялись противоборством воюющих сторон именно на советско-германском фронте.

В ходе войны численность действующих армий противоборствующих сторон непрерывно возрастала. На фронте от Баренцева до Черного моря на различных этапах войны с обеих сторон находились от 8 млн до 12,8 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, от 5,7 тыс. до 20 тыс. танков, САУ (штурмовых орудий), от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов[92]. Активные боевые действия войск составили 93% времени существования фронта. Ни на одном из других фронтов не было столь напряженной и ожесточенной борьбы, в том числе и на западноевропейском, даже после открытия второго фронта, о котором нередко пишут как о главном фронте Второй мировой войны.

Однако факты истории неопровержимы: действия вооруженных сил США и Великобритании на западноевропейском фронте развернулись только тогда, когда силы фашистской Германии были истощены. Там находилось от 56 до 75 дивизий вермахта, то есть в несколько раз меньше, чем на советско-германском фронте. Боеспособность немецких войск на западе была ниже, чем на востоке, значительная часть их предпочитала сдаваться в плен, а не оказывать сопротивление англо-американским войскам.

В силу перечисленных выше факторов в сумме общих потерь стран антигитлеровской коалиции наибольшими они оказались у Советского Союза, чья армия вела военные действия на главном фронте Второй мировой войны. В ожесточенных сражениях Красная армия безвозвратно потеряла 8 666 400 человек (здесь учтены и потери в кампании на Дальнем Востоке)[93]. Кроме того, были миллионы раненых, контуженных, обмороженных. С этими потерями Красной армии соизмеримы потери вооруженных сил Германии и армий ее союзников. Аналогично обстоит дело и с потерями военной техники. В Красной армии они составили: танков и САУ — 96,5 тыс., орудий и минометов — 317,5 тыс. (в том числе и 50-мм минометы), боевых самолетов — 43,1 тыс. единиц. Потери противника на советско-германском фронте составили 74–75% от общих потерь Германии в годы Второй мировой войны. Она (без учета потерь ее союзников в Европе) утратила: танков и штурмовых орудий — 32,5 тыс., орудий и минометов — 289,2 тыс., боевых самолетов — 58,9 тыс.[94]

Чтобы иметь верное, а не предвзятое представление о людских потерях Советского Союза, следует оценивать и их характер на различных этапах войны. Факты свидетельствуют, что наибольшие потери советские войска несли в 1941 г., когда они вынуждены были вести военные действия, не будучи полностью укомплектованными и отмобилизованными, приведенными в полную боевую готовность. Момент неожиданности нанесения агрессором первоначального мощного удара долгое время оказывал отрицательное воздействие на части Красной армии. В целом первый период войны оказался самым неблагоприятным. Вермахт тогда имел несомненные преимущества в боевом опыте, маневренности и сосредоточении сил на направлениях главных ударов. Однако и в этих условиях Красная армия наносила немецким войскам ощутимые удары. Уже через несколько дней после нападения, 29 июня, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер записал в дневнике: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов: теперь это уже недопустимо»[95].

В ходе войны советские войска, командиры, военачальники, рядовые довольно быстро и основательно учились воевать по-новому, овладевать искусством ведения как оборонительных, так и наступательных боев и операций, управления войсками. Неуклонно росла техническая оснащенность Красной армии, осваивался опыт боев и сражений, активно развивалась военная теория, выводы которой находили применение в военной практике. Красная армия получала все большую морально-психологическую поддержку населения страны. Все это положительно сказалось как на эффективности действий советских войск, так и на уменьшении числа их потерь. Свидетельством тому являются ключевые сражения и битвы Великой Отечественной: Московская, Сталинградская, Курская битвы, сражения 1944 г. и за Берлин. Если безвозвратные потери советских войск в 1941 г. составили 31,8% от их общих потерь за всю войну, в 1942 г. — 27,3%, то уже в 1943 г., когда произошел коренной перелом в войне, безвозвратные потери уменьшились до 19,4%. Значительно меньшими они стали в 1944 и 1945 гг. — 14,8 и 6,7% соответственно [96]. При этом нужно учесть, что в 1944–1945 гг. Красная армия вела сражения как своей территории, так и на территории освобождаемых стран, в том числе и самой Германии, жертвуя жизнями своих воинов не только во имя независимости своей Родины, но и ради освобождения от фашизма народов других стран. Так, при освобождении Польши Красная армия потеряла более 600 212 солдат и офицеров, Чехословакии — 139 918, Венгрии — 140 004, Румынии — 68 993, Югославии — 7995, Австрии — 26 006, Норвегии — 3436 человек[97].

Подбитый танк «Тигр» из дивизии «Великая Германия»

Немецкие САУ «Веспе», подбитые в бою

Разбитое немецкое зенитное орудие

Ценность и значимость победы состоят не только в сохранении Советского Союза, его достижений, но и в создании необходимых условий для нового этапа, нового периода функционирования и развития гуманистической тенденции, воплощения принципов справедливости и народовластия в человеческой цивилизации. Победа Советского Союза, советского народа, Красной армии над нацистской Германией закрепила заложенную при создании СССР тенденцию новой общественной жизни на принципах гуманизма, справедливости и народовластия, придала ей новое содержание и огромную историческую мощь. СССР стал великой мировой державой; образовался мировой социалистический лагерь; перестала существовать колониальная система; стал существенно меняться и капитализм под воздействием гуманистической тенденции. Более того, Великая Победа ускорила формирование ноосферы, о которой писал великий русский, советский ученый В. И. Вернадский: она стала не только геологической силой, но и космологической во взаимодействии с социальной силой.

Победа положила начало глубоким переменам в расстановке социальных и политических сил на международной арене. Отчасти это стало возможным потому, что необходимость дать отпор фашистской опасности выдвинула на первый план общечеловеческие интересы. Подобного в истории еще не было. Именно эта опасность с одной стороны и героическая борьба советского народа, Красной армии с другой, а также все возрастающее давление народных масс заставили правящие круги Англии, Франции и США пойти на сотрудничество с Советским Союзом в войне со странами фашистского блока.

В момент смертельной угрозы руководство западных стран проявило реализм. Наиболее дальновидные государственные деятели на время были готовы забыть о разногласиях ради достижения победы. В основу антигитлеровской коалиции легли общие интересы по разгрому агрессора. Конечно, такая разнородная в социально-политическом отношении коалиция в ходе войны, особенно на ее последнем этапе, подвергалась большим испытаниям. Но она их выдержала. Надежды А. Гитлера и его окружения на раскол союзников не оправдались. Более того, плоды существования и деятельности антигитлеровской коалиции в годы войны выразились в создании Организации Объединенных Наций, и сегодня играющей значительную роль в жизни мирового сообщества.

Победа политически и практически поставила вопрос об устранении из жизни общества мировых войн как общественно-политического явления. Исторический опыт человечества наполнился новым содержанием: опытом международного сотрудничества в борьбе за выживание человечества, осознанием общей ответственности за мир на нашей пока еще, несмотря ни на что, живой планете. После Второй мировой войны образовался большой исторический промежуток времени без мировых войн, хотя были и кризисные явления в мировой политике, и локальные войны. Миролюбивым силам удалось предотвратить возникновение ядерной войны.

Но исторический опыт имеет и другой аспект, поскольку Вторая мировая война была жестоким и кровавым испытанием для человечества. В течение шести лет многие десятки миллионов людей были убиты, получили ранения, стали инвалидами. Резко возросли потери среди гражданского населения. Главным образом потому, что главари фашистской Германии проводили политику геноцида, и в первую очередь по отношению к народам СССР. Точно установить число погибших военнослужащих и гражданских лиц по ряду стран чрезвычайно трудно, поскольку во многих из них отсутствуют статистические данные потерь населения за войну в целом либо эти данные не отражают действительного положения. Кроме того, фашисты стремились всячески скрыть свои злодеяния, а после войны их адвокаты умышленно извращали показатели людских потерь отдельных стран.

В годы Второй мировой войны погибли не менее 60 млн человек[98]. Кроме прямых людских потерь, многие воевавшие государства понесли и большие косвенные потери. Мобилизация значительной части мужского населения в вооруженные силы, форсированное вовлечение женщин в систему общественно организованного труда, материально-бытовые трудности и прочее резко изменили режим воспроизводства народонаселения, снизили

показатели рождаемости и увеличили смертность. Самые большие прямые и косвенные потери населения понесли государства Европы. Здесь погибли более 40 млн человек, то есть значительно больше, чем на других континентах, вместе взятых. В годы войны почти во всех европейских странах на длительное время ухудшились условия существования и развития народонаселения.

Война серьезно деформировала возрастную, половую и семейно-брачную структуры народонаселения континента. Существенно снизились качество, а во многих странах и уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки. Более половины людских потерь в Европе приходится на СССР. Большая часть из них — гражданское население, погибшее в нацистских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налетов вражеской авиации. Тяжелая демографическая ситуация сложилась в Польше и Югославии, которые потеряли значительную часть своего населения: Польша — 6 млн, Югославия — 1,7 млн человек. Меньшие потери оказались во Франции — 600 тыс. и Великобритании — 370 тыс. Потери Германии составили 6771,9 тыс., Италии — 500 тыс. человек. Потери Голландии исчисляются в 270 тыс., Греции — 450 тыс., Чехословакии — 340 тыс., Румынии — 500 тыс., Венгрии — 430 тыс., Австрии — 374 тыс., Финляндии — 100 тыс. человек. США потеряли около 300 тыс. человек погибшими[99].

Большие различия в людских потерях применительно к отдельным странам, группам государств, регионам мира обусловлены, с одной стороны, характером и степенью их участия непосредственно в вооруженной борьбе, а с другой — социально-политическими целями, которые при этом преследовали воевавшие страны. Многие сотни тысяч военнопленных и миллионы мирных граждан были целенаправленно уничтожены на оккупированных немецко-фашистскими и японскими захватчиками территориях. С особым ожесточением гитлеровцы применяли тщательно разработанную ими политику физического уничтожения людей. Фашисты осуществляли массовый угон гражданского населения в Германию, где оно попадало либо на каторжные работы, либо в концентрационные лагеря. Так, из 18 млн граждан Европы, оказавшихся в гитлеровских концентрационных лагерях, были уничтожены свыше 11 млн человек[100].

Велики во Второй мировой войне и материальные затраты и потери. Подсчитано, что совокупные материальные издержки на подготовку и ведение войн, происходивших в первой половине XX в. (включая Вторую мировую войну), а также на ликвидацию последствий этих войн составили около 4 трлн 700 млрд долларов[101]. Подавляющая часть этой поистине астрономической суммы — 4 трлн долларов — приходится на Вторую мировую войну, при этом издержки войны отражают затраты и потери не только за период войны, но и охватывают в известной мере расходы предвоенных лет (накопление резервов, материальное обеспечение и подготовка вооруженных сил, оборудование театров военных действий и прочее), а также расходы послевоенного периода (например, восстановление разрушенного, проценты по военным займам, выплата пособий и пенсий).

В годы Второй мировой войны значительно выросли финансовые расходы на военные цели. Если в Первую мировую войну совокупные военные расходы из бюджетов государств составили 208 млрд долларов, то во время Второй мировой они достигли 1147 млрд долларов (695 млрд — страны антигитлеровской коалиции и 422 млрд — Германия с союзниками)[102]. Огромные военные расходы вели к крайнему напряжению финансов. Так, в Германии, где и в предвоенные годы затраты на содержание вермахта были весьма высокими, военный бюджет в 1943–1944 гг. по сравнению с 1938–1939 гг. вырос в шесть с лишним раз. Многократно возросли расходы в Англии, достигнув в 1944–1945 гг. 5 млрд 125 млн фунтов. США затратили на военные цели в 1944–1945 гг. 81 млрд долларов (в 1940–1941 гг. — 6 млрд), то есть за войну они увеличили свои военно-бюджетные расходы в 13,5 раза. Удельный вес военных расходов в последний финансовый год войны составил 85,7% федерального бюджета. В Советском Союзе объем ресурсов государственного бюджета, использованного на военные нужды в 1941–1945 гг., составил 582,4 млрд рублей[103].

Тяжелое бремя военных расходов серьезно отразилось на экономике воевавших стран. Доля военно-бюджетных издержек в национальном доходе США составила 43,4%, Англии — 55,7%, Германии — 67,8%, Японии — 49,7%, а доля прямых расходов в СССР достигла 55%. Значительную часть военных издержек составили потери, вызванные разрушениями и уничтожением материальных ценностей. Общая стоимость уничтоженных материальных ценностей во всех воевавших странах превысила 316 млрд долларов[104].

Особый урон хозяйству наносили действия немецко-фашистских войск. Варварскому разграблению были подвергнуты временно оккупированные области СССР. Отступая под ударами советских войск, гитлеровская армия применяла тактику выжженной земли. Ущерб от прямого уничтожения и разрушения материальных ценностей на территории СССР составил почти 41% потерь всех стран, участвовавших в войне. СССР потерял за годы войны около 30% национального богатства. В Польше фашисты уничтожили почти 40% национального богатства. В Югославии было разрушено около 40% промышленных предприятий, разорено почти 300 тыс. крестьянских хозяйств. Материальные потери Франции были тоже значительными и составили 21,5 млрд долларов. Материальных потерь почти избежали США: они составили лишь 1 млрд 267 млн долларов, или 0,4% от общей стоимости потерь материальных ценностей всех стран за время войны[105]. Материальные потери оказались сравнительно небольшими и для государств, которые не принимали активного участия в войне, находились далеко от театров военных действий.

Во Второй мировой войне были велики и косвенные материальные издержки, ведь война не только поглотила огромную массу материальных средств, но и препятствовала созданию новых материальных ценностей мирного назначения, нарушила структуру производства, сократила выпуск продукции мирного назначения, резко снизила или вовсе прекратила новое строительство. Косвенные издержки войны явились также результатом людских потерь, уменьшивших как производительные силы, так и возможности создания материальных благ. Снизилось качество жизни.

Своим вторжением в нашу страну германский фашизм причинил огромный урон как ее материальной, так и духовной культуре. На временно оккупированной территории фашисты разрушили 1710 городов, поселков городского типа, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 1890 машинно-тракторных станций. Советский Союз потерял в войне около 30% национального богатства страны. Удар агрессора наносился по всему народу, самым первоосновам его бытия, настоящему и будущему нашего общества.

В сознании народов СССР оказались уравновешенными идея защиты Отечества и национальная идея, вера в свои силы, правительство, коммунистическую партию, историческое предназначение СССР и вера религиозная. Отсюда — невероятный, выходящий за рамки приказов и директивных распоряжений партии и правительства, массовый героизм, проявленный советскими воинами и в начале войны, когда Красная армия отступала и терпела поражения, и на завершающем этапе, когда она стремительно наступала и вела победоносные сражения на территории других стран, в том числе и в Германии. Воевали не только армии и солдаты, но и две идеологии, два образа жизни.

«Любой боец Красной армии, — отмечалось в приказе народного комиссара обороны от 23 февраля 1942 г., — может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего Отечества. У Красной армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим, собственно, и объясняется, что Отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей Родины»[106]. Такой любви к Родине, такой духовной стойкости, какую проявляли народы СССР, защищая Родину в годы Великой Отечественной войны, история, наверное, не знала. В годы войны сыновняя любовь к земле отцов и дедов слилась с высоким сознанием личной ответственности за ее судьбу. Свершения советских людей во имя Родины приобрели одновременно и общечеловеческую ценность.

Таким образом, цена, которую заплатил советский народ за победу над фашистской Германией, — это выражение результатов ожесточенной борьбы на фронте и трудовой деятельности в тылу, в которой решался вопрос о жизни и смерти Советского Союза, его народов, материальной и духовной культуры, о жизни и смерти человеческой цивилизации, выражение обретений и жертв. И где те весы, на которых можно измерить, большие или малые были эти жертвы?

Никому не дано забыть, что самим своим существованием, своей свободой люди нашего времени обязаны Советскому государству, его вооруженным силам, советскому народу, выполнившим великую освободительную миссию в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Память об этом побуждает нас как зеницу ока беречь плоды Великой Победы над фашизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этот точный и одновременно образный термин предложен видными российскими учеными В. А. Золотарёвым и А. С. Орловым. См.: *Золотарёв В. А., Орлов А. С.* Сокрушение Зла. Великие тайны великой войны. М., 2006.

[2] Итоги Второй мировой войны. Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957. С. 593–640.

[3] См.: Encyclopedia of Genocide. Vol. 1. ABC-CLIO, 1999. P. 176.

[4] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 50–61.

[5] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 224.

[6] *Бачо Я.* Нацизм. От триумфа до эшафота. М., 2004. С. 6.

[7] Цит. по: *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск, 2000. С. 9.

[8] NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

[9] Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 1976. С. 253–254.

[10] «О сущности и признаках фашизма». Записка, подготовленная группой экспертов РАН в соответствии с указом Президента РФ от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» // Нужен ли Гитлер России? По материалам международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность» (Москва, 20–22 января 1995 г.). М., 1996. С. 320–321.

[11] Там же. С. 95.

[12] *Stanley G. Payne.* A History of Fascism. 1914–1945. Madison, L., 1995. S. 12.

[13] Например: «Фашизм — социально-политические движения, идеологии и государственные режимы тоталитарного типа. В любых своих разновидностях фашизм противопоставляет институтам и ценностям демократии так называемый новый порядок и предельно жесткие средства его утверждения. Фашизм опирается на массовую тоталитарную политическую партию (приходя к власти, она становится государственно-монопольной организацией) и непререкаемый авторитет вождя, фюрера» (Современная энциклопедия. М., 2000); «Фашизм — тип общественного и государственного устройства, противоположный конституционно-плюралистической демократии» (Новейший философский словарь. Минск, 1999); «Фашизм — крайне правые националистические идеология и движение с тоталитарной и иерархической структурой, диаметрально противоположные демократии и либерализму» (Политика. Толковый словарь. М., 2001); Аналогичные и близкие по содержанию определения даны в Большом юридическом словаре (М., 2003), Большом энциклопедическом словаре (М., 2000) и др.

[14] *Бельков О. А.* Фашизм: исторические реминисценции и современные реалии // Безопасность Евразии. М., 2010. № 1. С. 219.

[15] В этой связи необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Практически во всех определениях нацизма акцент делается на такую его характерную черту, как расизм, под которым прежде всего понимается антисемитизм, действительно занимающий в теории и практике германского нацизма весьма заметное место. Однако не только евреи рассматривались в Третьем рейхе как «недочеловеки». В эту категорию со всеми соответствующими последствиями были включены и славянские народы, которым отводилось незавидное будущее. В 1935 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге, а затем в рейхстаге были приняты печально известные расовые законы «О гражданстве рейха» и «Об охране германской крови и германской чести». Согласно этим документам, на германское гражданство, а значит, и на от-

носительную безопасность не могли претендовать те, кто не относился к немцам или родственным им «нордическим народам».

[16] *Evola J.* Il fascism visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo, Roma, 1989.

[17] *Griffin R.* Fascism. Oxford, N. Y., 1995.

[18] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 546.

[19] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 38–41.

[20] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1978. Т. 1. С. 264.

[21] Не только У. Черчилль, но и другие видные британские политики с предубеждением относились к идее процесса над главными военными преступниками. Например, Э. Бевин (министр иностранных дел лейбористского правительства К. Эттли) в беседе с И. Т. Никитченко (судья Верховного суда СССР, член Международного трибунала) заметил: «Поверьте, гитлеровские министры не стоят того, чтобы на них тратить слишком много времени. Расстрелять бы их всех, и время на суд не тратить» (*Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс и его уроки // Новая и новейшая история. 1965. № 3. С. 5).

[22] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4.

[23] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 7-ми т. Т. 7. М., 1961. С. 420.

[24] Г. Геринг покончил жизнь самоубийством в тюремной камере, приняв яд. Его труп был перенесен в зал, где проходила казнь, и положен под виселицей вместе с телами казненных.

[25] Подсудимые Г. Фриче, Ф. фон Папен и Я. Шахт были оправданы, несмотря на особое мнение советских судей.

[26] См. например: *Серебрянников В. В.* Войны России. М., 1998.

[27] *Модестов С. А.* Уроки геополитики России // Независимое военное обозрение. 1997. № 4. С. 4.

[28] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 212.

[29] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1947. С. 13.

[30] В этот день фактический глава РПЦ митрополит Сергий (И. Н. Страгородский) обратился к верующим с призывом встать на защиту Отечества и помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой».

[31] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1947. С. 16.

[32] Словарь юриста. М., 2005. С. 456.

[33] См. *Пленков О. Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 239.

[34] Процессы строились в соответствии с профессиональной и организационной принадлежностью группы подсудимых. Самым известным является суд над нацистскими врачами; особое внимание привлек также уникальный в мировой истории процесс, подсудимыми на котором стали нацистские судьи. Один из самых долгих процессов — разбирательство по делу руководителей нацистских министерств и ведомств.

[35] Здесь использована терминология из «Плана Маршалла».

[36] Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. М., 1961–1976. Т. 5. С. 197.

[37] Цит. по: *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя. СПб., 2006. С. 111–112.

[38] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1973. С. 5.

[39] Полвека назад: Великая Отечественная война. Цифры и факты. М., 1995. С. 96.

[40] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование // Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 140.

[41] *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.

[42] Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert. v. Gerhard L. Wenberg. Stuttgart, 1961. S. 163.

[43] См.*: Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 437.

[44] Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 581–582.

[45] Советская Россия. 1997. 21 июня.

[46] Великая Отечественная война (историография). Сборник обзоров ИНИОН РАН. М., 1995.

[47] Полвека назад: Великая Отечественная война. Цифры и факты. С. 87.

[48] Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 179.

[49] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 607.

[50] Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. 2-е изд., доп. и испр. М., 2005. С. 247.

[51] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 607.

[52] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2002. С. 280.

[53] Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 248.

[54] Цит. по: *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau — Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941–1942. Stuttgart, 1972. S. 184.

[55] Итоги второй мировой войны. Сб. статей. С. 133.

[56] Там же. С. 74.

[57] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 612.

[58] Военно-исторический журнал. 1962. № 12. С. 72.

[59] Полвека назад: Великая Отечественная война. Цифры и факты. С. 107.

[60] См.: Большая ложь о войне. М., 1971. С. 101.

[61] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М., 1963. С. 389.

[62] Цит. по: *Клюев С. В.* Мифы и правда. Л., 1969. С. 156–157.

[63] Новое время. 1967. 5 мая. С. 7.

[64] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941–1942 / Пер. с англ. М., 1955. С. 246.

[65] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 163. Л. 40.

[66] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 1. С. 260.

[67] Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 192.

[68] *Зверев Б. И.* Главный фронт борьбы с фашизмом. М., 1990. С. 4.

[69] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 120.

[70] См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 110.

[71] Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 120.

[72] Союзники в войне. 1941–1945. С. 28.

[73] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 614.

[74] Там же.

[75] *Геббельс Й.* Дневники 1945 г. Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1993. С. 298, 302.

[76] *Погью Ф.* Верховное командование. М., 1959. С. 246.

[77] *Орлов А. С.* За кулисами второго фронта. М., 2001. С. 292.

[78] *Beevor A.* Berlin: The Downfall of Berlin. 1945. L., 2002. P. 285.

[79] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 614.

[80] А. Е. Снесарев, проанализировав мнения известных людей о войне, сделал вывод: «Коллективное решение мыслителей, ученых и художников оказалось разрозненным и противоречивым, оно... не вынесло определенного приговора» (*Снесарев А. Е.* Философия войны. М., 2013. С. 97).

[81] Человеческое измерение событий внутренней и международной жизни является одним из важных направлений деятельности ОБСЕ, его проблемы широко обсуждаются на общественно-политических и научных форумах нашего времени. К сожалению, на практике представители западных стран проявляют метод двойных стандартов.

[82] Еще до нападения на СССР верховное командование вермахта направило в подчиненные объединения и соединения следующее указание: «Войска должны сознавать: 1. В этой борьбе пощада и основанное на принципах международного права снисхождение... являются ошибочными» (См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. М., 2002. С. 134).

[83] О стратегии борьбы фашистской Германии за мировое господство см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 11. М., 2015.

[84] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 44.

[85] Цит. по: Война и общество в XX веке. В 3-х кн. Кн. 3. М., 2008. С. 514.

[86] Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. С. 509–510.

[87] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 607.

[88] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993.

[89] См.: *Hobbs R.* The Myth of Victory. What is Victory in War? // Westview Press Colorado. 1999. P. 560.

[90] См.: Литературная газета. 1988. 22 июня.

[91] *Тюшкевич С. А.* К вопросу о цене войны и цене Победы // Политическое просвещение. № 3 (56). 2010. С. 27.

[92] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 721.

[93] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. С. 129–130.

[94] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 614.

[95] См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник: ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 60.

[96] Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 251.

[97] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 613.

[98] См.: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978. С. 25; *Урланис Б.* Народонаселение. Исследование, публицистика. М., 1976. С. 201–203.

[99] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 615.

[100] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 4. М., 1999. С. 293.

[101] История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. Итоги и уроки второй мировой войны. М., 1982. С. 145.

[102] Там же. С. 146.

[103] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928–1944. München, 1949. S. 555; Statistical Digest of the War. L., 1975. P. 195; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. P. 2. Washington, 1975. P. 1116.

[104] *Озер Д.* Должны ли люди голодать? (Полемика с мальтузианцами) / Пер. с англ. М., 1959. С. 138.

[105] История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 148.

[106] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 43.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПОБЕДЫ

Война и общество

События Великой Отечественной войны все более отдаляются от нас во времени, однако миллионы людей не перестают задумываться над причинами, породившими эту войну, над ее итогами, последствиями и уроками. Для общества эти проблемы актуальны и сегодня.

На протяжении всей человеческой истории война остается не только нежеланной для любого здорового общества реальностью, но и неотъемлемым элементом социально-политического инструментария, часто используемым способом решения серьезнейших международных и внутрисоциальных противоречий.

В самом начале 1940-х гг. советское общество еще не остыло от потрясений Гражданской войны. Трагедия Первой мировой также не успела изгладиться из народной памяти. Но уже в 1938 г. события у озера Хасан, масштабный военный конфликт на реке Халхин-Гол в 1939 г., война с Финляндией 1939–1940 гг. явились предвестниками самой разрушительной войны в истории человечества, ставшей небывалым испытанием для советского общества.

Хорошо известно, что любая война является производной сложных общественных процессов, специфическим состоянием общества, своеобразным отражением характера его внутренних и внешних связей. Принципиальная особенность Великой Отечественной войны заключается в том, что она на всех уровнях пронизала собой общественные отношения, проникла во все формы общественного сознания. В 1941–1945 гг. «общество» и «война» стали, условно говоря, равновеликими понятиями, что конечно, не означало их тождества. Великая Отечественная война велась и была выиграна советским обществом. При всей важности роли политического и военного руководства главными творцами победы стали миллионы «рядовых войны» — фронтовиков и тружеников тыла, мужчин и женщин, людей всех возрастов, национальностей и убеждений.

Систему военной безопасности любого государства образуют: общество (субстанциональный уровень), которое является основой безопасности; органы власти (концептуальный уровень, уровень стратегического руководства, определяющий оборонную и военную политику страны); вооруженные силы (инструментальный уровень). Во время Великой Отечественной войны особенно ярко проявилось их единство и эффективное взаимодействие. Иначе советская социальная система просто не смогла бы выстоять.

Рабочие Ленинградского станкостроительного завода имени Я. М. Свердлова
записываются добровольцами на фронт

Ленинградец вступает в народное ополчение

Ополченец Т. С. Кутузов в строю

Великая Победа, к которой советское общество шло настойчиво, беззаветно, жертвенно, стала закономерным итогом войны, но путь к ней был исключительно труден. Одна из главных трудностей, вставших перед советскими людьми, заключалась в необходимости превозмочь свои внутренние переживания, слабости, ошибки. СССР преодолел все препятствия, созданные войной: общество выдержало тяжелейшие испытания — от экономических до демографических; государство справилось со сложнейшими задачами управления и мобилизации сил в самой критичной и динамичной обстановке; вооруженные силы, приняв на себя мощный удар вермахта, выстояли, вырвали инициативу из рук врага и разгромили его.

В силу объективных условий, вклад в победу различных элементов и компонентов советского общества был не одинаков. Отношение к войне, к участию в борьбе с врагом могло меняться по мере развития событий на фронте и в тылу — от трагичного начала войны к ее славному завершению.

Первая мировая война (до 1940-х гг. называвшаяся также в разных странах «Великой», «Большой», «империалистической») со всеми ее ужасами, масштабом, огромными потерями, казалось бы, стала хорошей прививкой против воинственности, если не для всего человечества, то для народов Европы. Однако она, не разрешив прежних общественных противоречий, создала много новых, и не избавила мировое сообщество от иллюзии возможности решения острых политических и социально-экономических проблем за чужой счет и с приемлемым для себя риском.

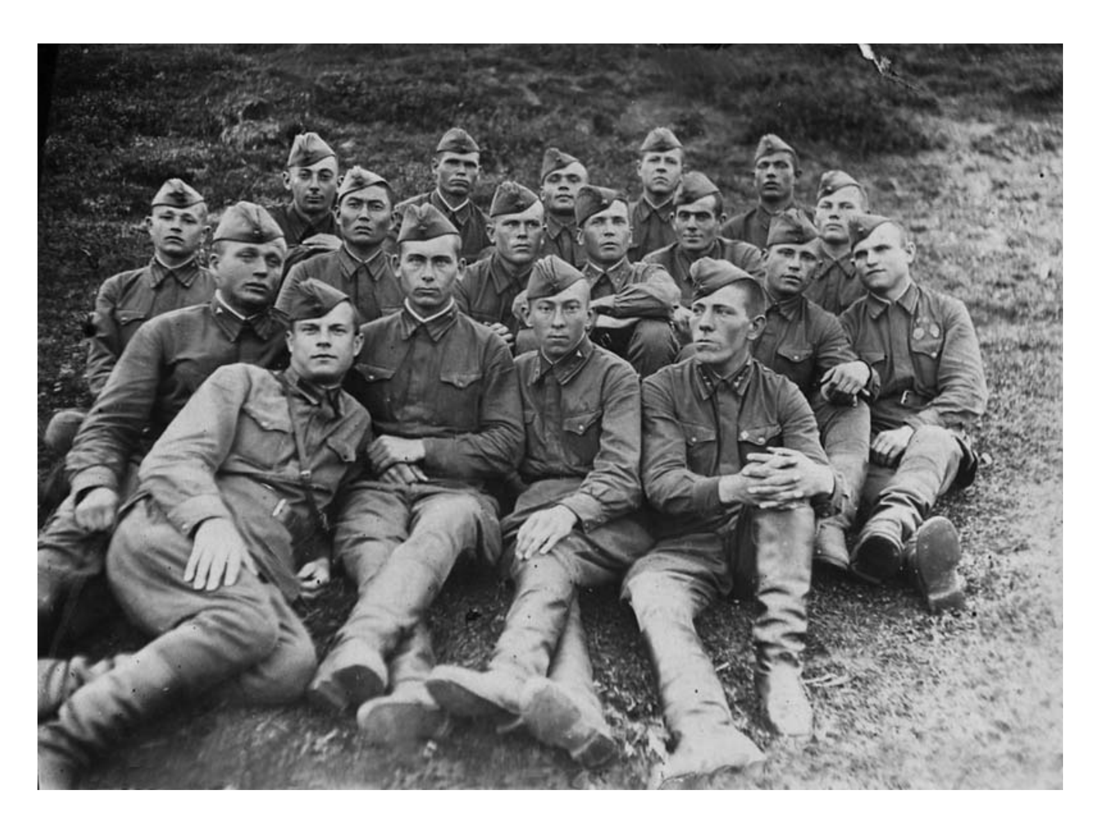
Предвоенная информационно-пропагандистская работа Советского государства ориентировала общественное мнение на то, что война, если ее развяжут империалисты, будет вестись на территории врага. Хрестоматийным в этом отношении стал кинофильм «Если завтра война». Подобные настроения получили определенное подтверждение и по результатам опыта, полученного СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х — начала 1940-х гг. Он показал, что в будущей войне не избежать потерь и, скорее всего, немалых. Но благоприятные для СССР итоги всех военных конфликтов только укрепляли веру в конечную победу. Это сочеталось с убеждением в необходимости наказания агрессора и освобождения порабощенных им народов, что для каждого советского человека являлось и гражданским долгом, и цивилизационной миссией.

Тем не менее были распространены и такие настроения, что длительной и масштабной войны не будет, просто не должно быть. Они основывались как на вере в силу Красной армии, так и на убеждении, что хладнокровно подготовленное и всестороннее обеспеченное массовое убийство одними людьми других глубоко аморально, сродни тяжелой общественной болезни и долго продолжаться не может. Так или иначе, многие советские люди до последнего момента надеялись, что войны не будет, а если враг все-таки нападет, то с ним удастся быстро справиться, тем более что к началу 1940-х гг. Советский Союз стал сильнее в военном и экономическом отношении.

22 июня 1941 г. война ворвалась в жизнь советского общества, давно встревоженного ее ожиданием, но все равно ошеломленного нападением и потрясенного первыми неудачами. Показательно то, что общество в целом не поддалось ни панике, ни унынию, ни неверию в собственные силы и компетентность руководства страны. По мере развития событий на фронте отношение к войне менялось. От недоумения, иногда подавленности и даже страха до уверенного и активного приближения победы. И все же главные чувства, которые двигали людьми, складывались из ненависти к агрессору, сломавшему мирный ход жизни советского общества, планы и надежды миллионов семей. В этой ситуации естественной была внутренняя потребность отомстить врагу за коварство, обман, вероломное нападение, собственный страх перед угрозой гибели близких, боль личных утрат, горе и смерть, принесенные агрессором в нашу страну и едва ли не в каждый дом. Социальное и психологическое напряжение военной поры, ее ужасы и лишения порождали закономерное стремление как можно быстрее закончить войну, наказав при этом захватчиков, уничтожив фашизм как вселенское зло.

Советские девушки-добровольцы отправляются на фронт

Пополнение для действующей армии из Мезенского района Архангельской области

Московские ополченцы слушают фронтовые сводки

Моряки линкора «Октябрьская революция» выступают на защиту Ленинграда

Именно эти чувства заставили многих советских граждан в первые же дни войны добровольно явиться в военкоматы. Желание лично вступить с врагом в бескомпромиссную борьбу и непосредственно участвовать в его разгроме было массовым. Сознательный личный выбор миллионов советских людей бороться до конца и сделать все возможное для победы был обусловлен целым рядом обстоятельств, сформировавших объективные условия и субъективные основания их самоотверженности и активной осознанной деятельности. И прежде всего этому способствовало чувство (пусть не всеми и не всегда осознанное) личной причастности к истории страны и всего мира, глубокой связанности собственного «я» и эволюции всего человечества. Это было проявлением своеобразного социального инстинкта при ясном понимании собственной роли.

В силу своей многоаспектной уникальности России независимо от ее конкретной государственной формы (имперской, советской или современной) всегда принадлежит ключевая роль в глобальных мировых процессах. Самая большая в мире территория, особое геополитическое положение между тремя океанами и в двух частях света, национально-культурное разнообразие, великие свершения в науке, искусстве, политике, экономике — все это сказывается на менталитете ее граждан и мотивах их деятельности. Стремление самоотверженно защищать такую страну не просто естественно, оно еще и отражает великодержавное (в смысле понимания своей принадлежности к великой державе и связанными с этим гордостью и ответственностью) мышление и поведение.

Во время Великой Отечественной войны доверие общества к власти (государству) было особенно значительным. Пожалуй, его уровень стал одним из самых высоких за всю отечественную историю, несмотря на общеизвестные примеры индифферентного или даже принципиально враждебного отношения к Советскому государству. Активно и эффективно работала система пропаганды, твердо отстаивая советскую идеологическую платформу и патриотическую позицию. При этом советские люди сами хорошо понимали опасность и ответственность момента, чрезвычайно высокую цену ошибки, возможного проигрыша войны. Политика нацистской Германии в силу своих антигуманных целей и жестокости их реализации предельно сузила возможности выбора. В результате, миссию СССР по борьбе с фашизмом поддержали и многие из тех, кто в свое время, не приняв советского режима и его идеологии, лишился Родины, например, генерал А. И. Деникин и другие деятели белой эмиграции.

В Великой Отечественной войне духовно-нравственный фактор проявился особенно ярко. Победа стала возможной благодаря превосходству морального духа советского народа, нравственного потенциала советского общества и государства над идеологией фашизма, духом милитаризма и вооруженной экспансии. Это было обусловлено историей и ментальностью нашего народа, а также тем, что СССР отстаивал свою свободу и независимость. Советские люди защищали свою землю и свое будущее, которых их хотели лишить. Немецкий народ, поддержав политическую программу А. Гитлера и идеологию нацизма и приняв участие в вероломном нападении на СССР, фактически согласился с циничными, хладнокровными планами нацистской верхушки ликвидировать Советский Союз и уничтожить значительную часть его населения. Великая Отечественная война ярко продемонстрировала важность проблемы ответственности народа за свой политический выбор.

Войне как сложному социальному феномену принадлежит значительное место в жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Для одних она источник власти, для других — средство получения доходов, для третьих — возможность достижения почета и славы, а для четвертых — опасность для жизни, причина страха и неуверенности в будущем. Эволюция человечества почти непрерывно сопровождается большими или малыми войнами. Подсчитано, что периоды относительного мира составили за последние пять тысячелетий менее трехсот лет[1]. В войнах и военных конфликтах, имевших место в XX столетии, погибли около 150 млн человек, были уничтожены колоссальные материальные и интеллектуальные ресурсы[2].

Анализ результатов, итогов, последствий и социальных уроков любой войны всегда основывается на понимании ее сущности, содержания и роли. Понятия это близкие, но не тождественные.

Колонна ленинградских ополченцев на марше у Нарвских триумфальных ворот

Подразделение народного ополчения Мурманска на военных занятиях

Добровольцы Московского инструментального завода по дороге на сборный пункт народного ополчения

Занятия ополченцев на улицах Куйбышева

Результаты войны представляют собой положение и соотношение сил противоборствующих сторон на момент окончания боевых действий. Исходя из этого, важнейшим результатом Великой Отечественной войны является взятие Красной армией Берлина.

Итоги войны — это закрепленные международными договорами результаты войны. С этой точки зрения, основной итог Великой Отечественной войны заключается в наказании агрессора и юридическом присоединении к территории СССР Восточной Пруссии (ныне — Калининградская область России).

Последствия войны — характеризуют влияние войны на последующее послевоенное развитие страны, включая международные отношения и внутренние изменения духовного, политического и социально-экономического характера[3]. Так, важнейшим последствием Великой Отечественной войны является укрепление международного авторитета Советского Союза, который, как и все державы-победители, был одним из организаторов создания Организации Объединенных Наций (ООН) и получил право вето в Совете Безопасности ООН. Более того, как страна, внесшая наибольший вклад в разгром фашизма, СССР при создании ООН получил еще два голоса без права вето. Эти голоса официально были отданы республикам, наиболее пострадавшим в войне, — Украинской и Белорусской ССР. Между тем до войны Советский Союз, по сути, находился в международной изоляции.

Как непосредственные, так и отдаленные последствия войны по содержанию подразделяются на несколько категорий:

— гуманитарные (жертвы): безвозвратные и санитарные;

— экономические (издержки и разрушения);

— социальные (изменение социальной, демографической, национальной, этнической, расовой, религиозной, профессиональной структуры общества);

— политические (изменение роли государства, политических партий и общественных движений в жизни общества, изменение характера осуществления демократических прав и свобод граждан);

— духовные (изменение целей, мотивов, установок, общественной идеологии и психологии людей);

— экологические (деградация природной окружающей среды);

— собственно военные (связанные с состоянием вооруженных сил и уровнем развития военного искусства).

Уроки войны представляют собой выводы из опыта ее подготовки, ведения, исхода, результатов и итогов, которые могут служить полезным, поучительным примером для последующих поколений, иными словами, это важный, существенный, необходимый опыт войны, те ее стороны, из которых можно извлечь что-либо поучительное и полезное на будущее. Уроки войны основываются на оценочных суждениях и потому порой могут быть весьма субъективными и конъюнктурными. Однако это не значит, что объективная оценка прошлого недостижима. Напротив, она возможна и необходима. В этом смысле общественная историческая память призвана создавать определенные гарантии против рецидивов войны. Великая Отечественная война в силу своего характера, особенностей, масштаба и значения предоставляет колоссальный фактический материал для объективного анализа вечных проблем войны и мира.

Ее основные уроки можно условно разделить на три группы:

— уроки для военно-политического руководства;

— уроки для военной организации общества;

— уроки для общества в целом.

Один из главных уроков первой группы состоит в необходимости постоянной и системной борьбы с военной опасностью, выявлении и нейтрализации причин и предпосылок военных конфликтов. Эта задача может быть решена только коллективными усилиями.

Следующий урок — это политическая ответственность власти. Вторая мировая война, а следовательно, и Великая Отечественная как ее составная часть, не была фатально предопределена. Ее можно было предупредить, если бы западным демократиям и Советскому Союзу удалось объединить свои возможности и действовать сообща. Но этого не случилось. Политический

эгоизм и амбициозность часто приводят к ошибочным решениям, так произошло и на этот раз. Безусловно, непосредственный виновник войны — германский фашизм. Именно на нем лежит вина за ее развязывание и последствия. Но свою долю ответственности за то, как развернулись события, пусть и в разной степени, несут другие субъекты мировой политики предвоенной эпохи: правительства Великобритании, Франции, США, Чехословакии, Польши и других стран. СССР как инициатор ряда проектов создания системы коллективной безопасности в Европе не заслуживает в этой связи серьезных упреков. Однако тема нереализованных возможностей предвоенной советской внешней политики не является исчерпанной или закрытой.

Военно-политическое руководство страны должно внимательно и всесторонне анализировать международную обстановку, геополитические тенденции и на этой основе научно прогнозировать развитие противоречий, которые могут спровоцировать возникновение и развитие военных конфликтов, предпринимать своевременные, решительные и всесторонние меры к их разрешению мирным путем. При этом очень важно внимательно и прагматично относиться к поиску союзников и выстраиванию с ними отношений в интересах военной безопасности страны, региона и мира в целом. Необходимо с учетом всех реалий международной обстановки адекватно решать проблемы обеспечения национальной безопасности и главной ее составляющей — военной мощи государства.

В поле постоянного внимания руководства страны должны находиться вопросы информационного и идеологического обеспечения своих действий. Это еще один универсальный урок из опыта Великой Отечественной войны, которая на многих примерах подтвердила ведущее значение духовного фактора и пропаганды как мощного средства влияния на общество. Предыстория и история Великой Отечественной войны наглядно продемонстрировали как изменчивость политики, так и относительную подчиненность ей идеологической и пропагандистской работы.

Оценка результатов и перспектив совместных действий часто зависела от выгоды и актуальности конкретных политических союзов. В этой связи показательны резкие изменения идеологической риторики Англии, Франции, СССР, причиной чего являлись зигзаги их политики. В качестве примеров назовем и «мюнхенский сговор», и тему советско-германских договоренностей 1939 г., и образование антигитлеровской коалиции.

Один из поучительных уроков войны состоит в том, что вопросы укрепления обороны страны, повышения боеготовности вооруженных сил должны всегда находиться в центре общественного внимания и под пристальным контролем руководства государства. Платой за иллюзии в сфере безопасности являются суверенитет и территориальная целостность страны, а иногда и само ее существование. Опыт предвоенной модернизации СССР и укрепления его вооруженных сил показывает, что в кризисное время военное строительство должно осуществляться не только с учетом экономических возможностей страны, но и с определенным опережением, основанным на реальной оценке существующих военных угроз. От этого зависит решение вопроса, к какой войне следует готовить вооруженные силы и какие оборонные задачи им предстоит решать.

Урок минувшей войны состоит и в том, что побеждает не та сторона, которая первой нанесла удар и достигла решающих успехов в самом начале военных действий, а та, у которой больше моральных и материальных сил, которая умело использует их и способна превратить потенциальную возможность победы в реальную действительность. Наша победа не была исторически предопределена, как это подчеркивалось в прошлом. Она была завоевана в упорной борьбе, ценой огромного напряжения всех сил государства, его народа и армии. Ни одно государство антигитлеровской коалиции не осуществило такой мобилизации людских и материальных ресурсов, как Советский Союз в годы войны, никто не перенес таких испытаний, какие выпали на долю советского народа и его вооруженных сил. За четыре года войны были мобилизованы (за вычетом повторно призванных) 29 млн 575 тыс. человек, а всего вместе с кадровым составом, находившимся в Красной армии и Военно-морском флоте на 22 июня 1941 г., встали в армейский строй (за годы войны) 34 млн 476 тыс. человек, что составило 17,5% всего населения страны[4].

Ополченец на страже Ленинграда

Преподаватели Саратовского автодорожного института в народном ополчении

Единство власти и народа как необходимое условие максимальной мобилизации всех сил общества, а также непосредственный опыт осуществления этой мобилизации является одним из ключевых факторов, предопределивших нашу победу, и важнейших уроков войны. Советский Союз, его многонациональный народ, его общество — главный победитель фашизма. Разумеется, такой подход вовсе не исключает признания важности союзнических отношений и благодарности за оказанную помощь. Однако опыт Великой Отечественной войны заставляет нас быть весьма осторожными в этом вопросе.

Как известно, руководство СССР неоднократно ставило перед Соединенными Штатами Америки и Великобританией вопрос об открытии второго фронта в Европе. Причем такая позиция исходила не из слабости Советского Союза, а диктовалась стремлением ускорить окончание войны и сократить людские потери. Однако второй фронт был открыт с трехлетним опозданием, лишь летом 1944 г. К тому времени Советский Союз собственными силами смог осуществить коренной перелом в противоборстве с фашистским блоком. США и Великобритания активизировали свое участие в войне с Германией лишь тогда, когда посчитали, что дальнейшее затягивание открытия второго фронта становится для них невыгодным. Что же касается помощи по программе ленд-лиза, то следует помнить о том, что объемы западных поставок в СССР оружия, снаряжения и продовольствия в силу объективных и субъективных причин были минимальны именно в 1941–1942 гг., когда положение на советско-германском фронте складывалось особенно тяжелое[5].

Ведущие политики Запада военной поры, в отличие от своих сегодняшних преемников, более объективно оценивали роль и место СССР в общей борьбе. Так, незадолго до Тегеранской конференции 1943 г. президент США Ф. Рузвельт отмечал: «Если дела в России пойдут и дальше так, как и сейчас, то возможно, что будущей осенью второй фронт и не понадобится»[6]. У. Черчилль также неоднократно признавал особую роль Советского Союза в войне с фашизмом. Мнение о том, что «Германия проиграла Вторую мировую войну в военном отношении еще до вторжения Запада», является достаточно распространенным и в послевоенной мировой историографии[7].

Урок оптимального использования союзнической поддержки при обязательных условиях реалистичной оценки союзников и выстраивания с ними прагматичных, взаимовыгодных отношений имеет универсальный характер: он важен как для власти, так и для общества в целом, причем не только в военное, но и в мирное время. Война показала большое значение согласованности военно-политической и военно-стратегической деятельности. Проводимая руководством страны военная политика в качестве обязательного условия своей эффективности предполагает учет всего комплекса факторов, обеспечивающих безопасность государства и общества: социальных, экономических, идеологических, информационных, собственно оборонных, внутри- и внешнеполитических. Последнее слово всегда принадлежит политическому руководству. Но военное ведомство, Генеральный штаб обязаны инициативно и активно участвовать в разработке предложений по военно-стратегическим аспектам политики.

Результаты операции, кампании, войны в целом во многом зависят от умения органов руководства правильно оценить характер и особенности вооруженной борьбы, верно спрогнозировать их изменения и принять, основываясь на этом, необходимые решения. В канун Великой Отечественной войны центральными органами военного управления СССР были сделаны вполне обоснованные выводы из опыта европейских кампаний вермахта, критически рассматривались собственные действия 1938–1940 гг. Однако это не привело ни к ревизии устаревших взглядов на начальный период войны, ни к переоценке значения стратегической обороны. Назревшие решения так и не были приняты, что стало одной из причин поражений Красной армии летом 1941 г.

Исторический опыт показывает, что уже в мирное время должна вестись подготовительная работа по организации военно-политического и стратегического руководства страной и вооруженными силами в условиях войны, включая систематическую отработку вопросов управления в высшем звене на учениях и тренировках. К сожалению, в этом смысле накануне войны было сделано далеко не всё. За все предвоенные годы не было проведено ни одного

Комсомольско-молодежный взвод Всевобуча на тактических занятиях

Работницы швейной фабрики изучают стрелковое оружие

Комсомольцы-отличники Абанского военно-учебного пункта С. Ф. Пузик и Н. С. Обухов

учения или военной игры, где органы стратегического руководства выступали бы в роли обучаемых и отрабатывали бы вопросы управления в условиях войны. Даже вопрос о главнокомандующем вооруженными силами был недостаточно четко продуман. Первоначально предполагалось, что им должен быть нарком обороны, однако очень скоро выяснилась ошибочность такого решения, и необходимые коррективы были внесены. Трудно понять, почему заранее не были подготовлены защищенные пункты управления для руководства страны, Наркомата обороны и Генерального штаба. В результате организацию стратегического руководства применительно к военному времени пришлось перестраивать буквально на ходу, в условиях острого дефицита времени. Все это не могло не иметь отрицательных последствий для процесса управления вооруженной борьбой и самого ее хода.

Отрицательно сказывалась разобщенность наркоматов обороны и ВМФ. Структура Генерального штаба и функции его подразделений были далеки от оптимальных форм. Многие важные органы даже не входили в его состав. Так, например, Разведывательное управление РККА начальнику Генштаба не подчинялось (его глава являлся заместителем наркома обороны), фактически же оно замыкалось на И. В. Сталина. В результате Генштабу было трудно полноценно решать вопросы стратегического применения вооруженных сил. В Наркомате обороны не было единого органа управления тылом, службы снабжения подчинялись наркому и его заместителям.

Командный состав РККА, в том числе его высшее звено, по-разному оценивал масштаб и остроту нависшей над страной угрозы. В этом проявились не только личные качества офицерского корпуса, но и определенные недостатки его профессиональной и идеологической подготовки. Свою негативную роль сыграли и проявления чинопочитания, недостаток самостоятельности в суждениях, стремление угодить вышестоящим начальникам, а также боязнь ответственности. Однако, несмотря на имевшиеся недостатки офицерского корпуса, связанные с особенностями его подготовки, издержками кадровой политики, предвоенными репрессиями, в целом он оказался на высоте решаемых задач. Многочисленные примеры профессионального руководства войсками и силами флота, грамотной организации боевых действий, беспримерной стойкости советских войск, ярко подтверждают это.

Опыт войны показал, что потребности военного строительства необходимо жестко соотносить с реальной оценкой существующих военных угроз. От этого зависит ответ на вопросы: к какой войне следует готовить вооруженные силы и какие оборонные задачи предстоит им решать? Тщательный анализ различных вариантов действий вероятного противника и гибкое планирование применения собственных сил и средств — важное условие успешных боевых действий.

Победы на фронте и в тылу стали возможны благодаря сплоченности общества, единства народа и власти. Народ верил в правильность политики и практической деятельности руководства страны, авторитет которого в глазах населения был огромен. Единство народа и его армии также не было лишь политическим лозунгом. Этот реальный фактор победы имел под собой прочную социальную и духовную основу. Красная армия, от солдата до маршала, была народной. Миллионы незримых нитей связывали вооруженные силы с народом, который помогал им необходимыми материальными средствами и поддерживал в воинах высокий моральный дух, уверенность в победе. Ведя Великую Отечественную войну, народ защищал и себя, и государство, и общественный строй. Именно здесь лежат основы массового героизма, мужества, самоотверженности, несгибаемой воли к победе. Движущей силой этого явилось понимание справедливого характера войны, необходимости любой ценой победить фашизм. Именно поэтому советские люди осознанно шли на любые жертвы, совершая ратные и трудовые подвиги во имя общей победы.

Одним из особых уроков Великой Отечественной войны является великодушие по отношению к мирному населению стран-противников. Он имеет выраженное общественное звучание. На временно оккупированной врагом территории СССР фашистами были преднамеренно истреблены более 7 млн 720 тыс. советских граждан[8]. Месть за своих погибших — вечный спутник войн, а одержанная победа всегда заставляет врага вспоминать

древнюю максиму: «Горе побежденным!» (лат. — Vae victis!). Великая Отечественная война в этом отношении уникальна: мы победили, но не мстили. Красная армия до мести народу поверженной Германии не унизилась.

Разумеется, во время войны бывало всякое, в том числе случаи насилия и бесчинств по отношению к гражданскому населению. Но отдельные преступления и преступная государственная политика по отношению к мирным людям — совершенно разные вещи. Никаких расправ над населением поверженной Германии со стороны Красной армии не было. Преступные действия конкретных лиц жесточайшим образом пресекались и карались. В соответствующих приказах и директивах Верховного главнокомандования были четко сформулированы гуманистическая позиция советского военно-политического руководства и требования к войскам[9]. Аналогичные по содержанию документы издавались и командирами всех уровней. Однако мести по отношению к невиновным не было не только поэтому. Главным здесь являлся сознательный выбор миллионов наших бойцов и командиров, многие из которых сами лишились в ходе развязанной фашизмом войны своих родных и близких. Самопожертвование солдат и офицеров советских войск при спасении немецких женщин и детей в затопленном берлинском метро, многочисленные примеры доброго и бескорыстного отношения советских людей к мирному населению Германии закладывались в фундамент новых отношений между нашими народами.

В ходе войны советское общество постоянно видоизменялось, менялось и его отношение к самой войне. В первые дни после нападения нацистского рейха в нем превалировали настроения недолговечности тяжких военных испытаний и скорой победы. Многим тогда «казалось, что Красная армия вот-вот нанесет ответный удар по фашистским войскам и обратит их вспять... мы не сразу осознали всю опасность беды, навалившейся на страну. Неясны были и возможные масштабы человеческих жертв и разрушений, которые несла с собой война»[10]. Но вскоре стало усиливаться неприятное и горькое осознание неотвратимой беды, которой уже не избежать, опасности, которую трудно будет преодолеть. Важную роль в понимании происходившего сыграла речь И. В. Сталина, с которой он обратился к советскому обществу 3 июля 1941 г.

Для очень многих советских людей стремительное и трагическое развитие событий начала войны было неожиданным и потому вдвойне тяжелым испытанием. Кто-то впал в смятение и отчаяние, кто-то был потрясен горем личных потерь, кто-то поддался страху и панике. Особенно трудно пришлось тем, кто уже вскоре после начала войны оказался в оккупации, попал под власть жестокого и сильного врага. Многие десятки миллионов людей встали перед необходимостью принятия самого важного решения в своей жизни. В подавляющем большинстве советские граждане быстро преодолели первоначальную слабость, обретя в борьбе за победу силу и высокий смысл действий. Фронтовики, труженики тыла, партизаны, подпольщики — все, каждый по своему, сражались с врагом мужественно и не щадя себя.

Но было и по-другому: по разным подсчетам, до миллиона советских граждан[11] в той или иной степени сотрудничали с врагом. Для большинства этих людей такой порочный выбор был вынужденным, нежеланным шагом, условием физического выживания. Однако для небольшой части он стал добровольным решением. Те, кто по разным причинам ненавидел советскую власть и неправомерно отделял ее судьбу от судеб России, сознательно встал на сторону нацистской Германии. Тем, кто, не имея твердой нравственной основы, решил переметнуться на сторону «сильного» из корыстного расчета, было все равно, кому и как служить. И первые, и вторые стали врагами своего народа и предателями Родины. Их относительная малочисленность доказывает, что «советский народ в своем большинстве с началом войны уже осознал себя исторической силой, способной решать судьбоносные задачи в условиях как мира, так и войны... Несмотря на ошибки, на трудности и тяготы войны, народы СССР в целом обрели «общую душу» в борьбе с фашизмом»[12].

Среди уроков Великой Победы — опыт создания и функционирования мобилизационной экономики. Советское государство, опираясь на энтузиазм и широкую поддержку всего общества, уже к середине 1942 г. перевело экономику на военные рельсы и построило

сложное, быстро растущее военное хозяйство. Советская военная экономика по темпам роста военного производства и способности обеспечить фронт всем необходимым превзошла экономику нацистской Германии, которая была переведена на военное положение задолго до нападения на СССР.

Превосходство советской экономики проявилось в том, что при меньших по объему промышленных мощностях и резко сократившейся базе стратегического сырья и материалов Советский Союз производил больше военной техники и вооружений, чем Германия. Известно, что в начале войны основные экономические показатели СССР были заметно ниже, чем у Германии и ее союзников. Однако отставание удалось быстро ликвидировать. За годы войны советская промышленность произвела больше современной техники, чем фашистская Германия: 112,1 тыс. боевых самолетов, 102,8 танков и САУ, 482,2 орудий, причем речь идет не только о количественных, но и о качественных показателях[13]. Несмотря на огромные потери пахотных земель, сельское хозяйство СССР в 1941–1945 гг. дало стране 4312 млн пудов зерна[14]. Сильные стороны советской экономической модели проявились и в деятельности транспорта и связи. Транспортная система СССР в годы войны осуществила грандиозные по своим масштабам перевозки людей, народно-хозяйственных грузов и боевой техники. Огромную роль в достижении победы над фашизмом сыграли научные силы страны, решившие важнейшие научно-технические проблемы оборонного значения.

Одним из основных источников победы в Великой Отечественной войне и уроков, которые мы извлекаем из ее опыта, является межнациональное единство советского народа. Расчеты А. Гитлера на то, что в результате первого мощного удара вермахта многонациональный СССР рухнет под тяжестью своих проблем, оказались ложными. Ни реальные трудности межнациональных отношений, ни перекосы и эксцессы национальной политики в годы войны не вызвали масштабного общественного кризиса. Напротив, стало очевидным, что ее магистральные направления, сформировавшиеся еще в первые годы советской власти, были правильными.

Урок патриотизма, который ниже будет рассмотрен подробно, очень важен не только для понимания причин и источников одержанной в 1945 г. победы, но также для анализа настоящего и строительства будущего нашего Отечества. Ненависть к агрессору тоже помогает победить, однако само по себе это чувство деструктивно, в то время как патриотизм созидателен. Только беззаветно любя Родину, народ готов идти на великие жертвы во имя лучшего завтрашнего дня. Многовековая история нашего государства свидетельствует о том, что патриотизм всегда выступал как необходимое условие создания и развития сильной державы, без которого невозможно привить в обществе понимание гражданского долга и уважение к закону, проводить плодотворную и самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Патриотизм — многоаспектный феномен. Это огромная сила укрепления единства народа, необходимая часть всех здоровых идеологических моделей, существующих в обществе, инструмент решения всех насущных проблем.

Важнейший урок Великой Отечественной войны — необходимость высокой политической бдительности в отношении возможных цивилизационных угроз. Фашизм с его тоталитарной природой и открытым антигуманизмом представлял собой глобальную опасность. Историческая заслуга советского народа перед всем человечеством состоит в том, что он внес решающий вклад в дело ликвидации нацистской террористической диктатуры, представлявшей собой наиболее кровавую и жестокую разновидность фашизма.

Актуальность этого урока несомненна. Несмотря на полное поражение фашизма во Второй мировой войне, неофашизм — реальность современного мира. Его сегодняшняя относительная слабость никого не должна вводить в заблуждение. Идея национальной исключительности с опорой на культ силы и аморализм при отсутствии системного противодействия способна в самые короткие сроки дать опасные всходы. Эта опасность вновь становится глобальной, а действия экстремистских, профашистских организаций требуют постоянного пристального внимания со стороны любого государства и общества. Принимаемые меры должны носить превентивный характер. В российском социуме есть ясное понимание этого обстоятельства, налицо и активная поддержка всеми структурами гражданского общества

соответствующих действий государственной власти как внешнеполитической, так и внутриполитической направленности[15].

В числе уроков Великой Отечественной войны особое значение имеют исторический оптимизм и историческое возмездие. Исторический оптимизм обусловлен реализацией общечеловеческих ценностей. Он воплощен в самом факте победы над фашизмом, в поражении нацистской Германии и ее союзников. Возмездие, настигшее виновников преступлений против мира и человечности, стало закономерным итогом борьбы с силами, посягнувшими на свободу и независимость народов. Важным слагаемым исторического возмездия стало наказание военных преступников. 1 октября 1946 г. Нюрнбергский трибунал огласил приговор бывшим нацистским лидерам и признал преступными руководство нацистской партии, СС, СД и гестапо. Нюрнбергский и Токийский процессы, как и сотни других процессов над фашистскими преступниками и их пособниками, стали не только судом народов, но и победой идеалов справедливости, торжеством добра над злом.

В СССР наиболее крупные и знаковые судебные процессы состоялись над руководителями так называемой Русской освободительной армии — бывшими советскими генералами А. А. Власовым, В. Ф. Малышкиным, Г. Н. Жиленковым и другими предателями Родины, а также над бывшими генералами Белого движения, служившими в вермахте, — П. Н. Красновым, А. Г. Шкуро и другими. Большой резонанс получили показательные процессы, проведенные в декабре 1945 — январе 1946 г. в Киеве, Минске, Риге, Смоленске и других городах над нацистскими военными преступниками, виновными в злодеяниях, и над пособниками оккупантов. Даже спустя многие годы после войны такие процессы еще проводились, потому что нет срока давности для военных преступлений и преступлений против человечности.

Актуальность основных уроков Великой Отечественной войны неоспорима. Их знание и учет в практической деятельности имеют большую значимость. Опыт войны ориентирует нас на поиск согласия во имя общих целей, на достижение единства и сплоченности общества, политической и экономической стабильности страны. Это верный и эффективный путь развития Российского государства, роста его экономического и военного могущества, укрепления международного престижа.

Великая Отечественная война, прервав поступательное развитие советского общества, кардинально его изменила. Причем следует различать воздействие на общество собственно войны как сложного, многофакторного процесса и влияние на общество одержанной в войне Великой Победы. Очевидно, что любая война, в том числе выигранная, комплексно и противоречиво воздействует на общественное и индивидуальное сознание, а у любой победы есть и обратная сторона — горечь утрат. Особенно это касается тех, кто потерял в войне родных и близких. Погибших не вернешь, но материальные потери, в принципе, возможно компенсировать. Однако общество и государство не всегда на это способны: либо социальная система не располагает необходимыми возможностями и ресурсами для подобной компенсации, либо это просто не признается необходимым.

При этом экономические, политические, духовные, демографические и другие параметры самого общества и особенности войны, через которую оно прошло, имеют определяющее значение. Так, США, на чьей территории со времен гражданской войны не велось боевых действий, практически не испытали сколько-нибудь значительного социального дискомфорта в связи с самыми масштабными и разрушительными войнами в человеческой истории. Иное дело Советский Союз, где непосредственному военному воздействию в годы Великой Отечественной войны подверглась территория, на которой проживало около половины населения страны.

Поэтому в разных социумах формируется различное отношение к войне. В США выработалась ее сравнительно легковесная и поверхностная оценка. Для американского общества война, которая может вестись в любой точке мира, но непременно за пределами континентальной части страны, — это, скорее, дополнительная возможность распространить американские принципы и американское доминирование, укрепить экономику, развить новые технологии. В этой связи даже уроки проигранных войн (например, Вьетнамской) не были усвоены американским обществом в полной мере.

Бойцы народного ополчения в бою под Москвой

Ополченцы Сталинградского тракторного завода выдвигаются на позицию

Бойцы рабочего батальона на огневом рубеже возле завода «Красный Октябрь» в Сталинграде

Сталинградские ополченцы братья Климовы с трофейным пулеметом

В российском обществе сложилось иное отношение к войне, потому что воздействие подавляющего большинства войн, которые Россия была вынуждена вести в свою защиту, было не опосредованным, а прямым и разрушительным. Великая Отечественная война принесла невероятные потрясения и несчастья советскому обществу. Она погубила 26,6 млн жизней, нанесла огромный экономический ущерб, значительно разрушила наиболее развитую европейскую часть страны, лишила крова миллионы семей, создала серьезные демографические проблемы.

Война изломала психику очень многих людей и чрезвычайно глубоко врезалась в индивидуальное и общественное сознание. В той или иной мере Великая Отечественная война оставила свой заметный след в истории и социуме всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, но для России этот след оказался особенно глубоким и значимым. И это не только глубокий шрам, напоминающий о боли и утратах. Всё гораздо сложнее. Напряжение сил в военные годы было очень высоким, не всем оно оказалось по плечу, ни для кого не прошло бесследно. Тем не менее, несмотря на беспрецедентную разрушительность Великой Отечественной войны, она вызвала в советском обществе заслуженную гордость за ратные и трудовые свершения народа-победителя, породив новые ценности и создав новый мир. Ради победы в этой войне люди действовали на грани человеческих возможностей, а порой открывали в себе новые, ранее неведомые силы и способности, поистине раздвигали границы возможного.

Война стала школой выживания в экстремальных условиях. Многих людей тяжелые обстоятельства закалили, вселили уверенность в себя, укрепили веру в историческую справедливость, в свою страну. Испытания способствовали развитию лучших качеств человеческой натуры, проявлению изобретательности, высвобождению и эффективному использованию социальной энергии общества в целом, разноплановых социальных групп, отдельных людей. Пройдя через войну, советские люди смогли лучше узнать самих себя, увидеть и понять собственные и чужие недостатки. В этом смысле война произвела неоднозначный и жестокий отбор: она губила всех — безразлично и не избирательно, но среди погибших на фронте и в оккупации были как те, кто не выдержал испытаний из-за собственной слабости, так и те, кто, обладая огромной внутренней силой, всегда оказывался впереди, жертвуя собой ради спасения других. Однако суть производимого ею отбора не в этом: война отделяет истинное от ложного, главное от второстепенного, обнажает подлинные смыслы, очищает общественную мораль. По-видимому, именно здесь лежит объяснение ее многозначного влияния на общество.

Особенную роль в жизни советского общества сыграла одержанная в войне Великая Победа. Она знаменовала собой полное достижение целей, содержание которых было продиктовано жизненно важными интересами народов Советского Союза и отвечало интересам развития человечества в целом. Победа повысила личную и коллективную самооценку, самоуважение и в этом отношении тоже заметно изменила общество, сделав его одновременно более свободным и ответственным. Этому же способствовал небывалый рост международного авторитета Советского Союза и его вооруженных сил.

Заданный Победой импульс сохранился в значительной мере вплоть до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствуют успехи послевоенного восстановления страны, освоение мирного и военного атома, покорение космоса, превращение СССР в одного из мировых лидеров, современный этап развития российской государственности. Победа для большинства советских людей, как непосредственных участников бескомпромиссной борьбы, так и тех, кто никогда не был на фронте, но жил ради нее, и даже для их потомков стала своеобразным коллективным знаком высшего отличия, предметом неизбывной гордости. Победа вот уже семь десятилетий является для российского общества заслуженным и неоценимым достоянием, которое никто не может отнять. Созидательный ресурс Великой Победы по-прежнему исключительно важен для России.

За долгие годы, прошедшие со дня 9 мая 1945 г., сменились поколения, и скорбь по погибшим, оставшись в российском обществе навсегда, утратила свою прежнюю остроту. Непосредственный опыт ведения боевых действий, когда-то столь значимый и актуальный,

поблек с развитием новых видов вооружений и военного искусства. Однако во все времена будут актуальны наиболее общие результаты военного опыта, принципы жизни и деятельности, выработанные и выстраданные нашим обществом в 1941–1945 гг. Война — от ее предыстории и до победного завершения — вот уже 70 лет рассматривается и анализируется историками, военными, экономистами, политологами, дипломатами, деятелями искусства, а по сути — всеми, кому близка и дорога Россия. Ее постижение постепенно приобретает более академичный характер, становясь все более объективным и полным. Объективно являясь одним из самых масштабных и судьбоносных событий в российской истории, Великая Отечественная война во всей своей сложности и многообразии имеет огромное значение для формирования каждого человека, для социализации любого члена российского общества.

Исторический ресурс всегда требует к себе со стороны общества внимательного и взвешенного отношения. Самое неразумное — использовать знание о своем прошлом во вред себе, искать в нем оправдание собственным слабостям и недостаткам. Акцентирование негатива, абсолютизация ошибок и просчетов, гиперболизация деструктивных явлений (коллаборационизма, предательства, трусости) — это то, на чем строят свои информационные удары по российскому обществу его противники. Подвиг народа, героизм людей, корни их силы, позволившей преодолеть все испытания и победить, — вот то, что в первую очередь нуждается в осмыслении и восприятии, потому что позволяет не только испытывать гордость за страну, сокрушившую фашизм, и своих предков, но и самим обрести источник крепости и силы. Честный и позитивно мотивированный анализ неудач, поражений, ошибок тоже очень важен: их игнорирование или замалчивание лишь усугубляет общественные болезни. Но при этом главной целью должно быть благо современного общества и стремление укрепить его основы — мировоззренческие, психологические, этические, правовые — будущих поколений.

Смыслы Великой Победы со временем становятся более многозначными и весомыми в жизни современного общества. Великая Отечественная война, которую СССР не на жизнь, а на смерть вел с фашизмом, была справедлива и бескорыстна. Победа 1945 г., достигнутая великим и благородным народом, знаменует собой величайшее в истории человечества сокрушение зла.

Победа — это важная политико-правовая доминанта истории социального развития России, Европы, всего мира. В этом смысле она может выступать в статусе важного критерия оценки истории и общества. Победа стала комплексным культурным феноменом советского общества, своеобразным проявлением всех его сфер — политической, экономической, социальной, духовной.

Победа, будучи величайшей ценностью российского общества, является вместе с тем предметом информационно-психологических атак его недругов и поэтому требует обоснованной и надежной защиты со стороны всего российского общества так же, как в 1941–1945 гг. за нее единым фронтом сражалось советское общество.

Победа — это неотъемлемая часть формирования ментальности народа России, важный элемент самосознания и идентичности ее граждан. Иметь за плечами такое масштабное и значимое для всего мира свершение своего народа — не только большая честь и важный элемент понимания роли своей страны в истории человечества. Это огромный жизненный ресурс и одновременно высокое обязательство соответствовать идеалам Победы.

Великая Отечественная война и одержанная в ней Победа остаются важнейшей частью современного миропонимания российских граждан. Их потенциал не будет исчерпан до тех пор, пока живет сама Россия. Критическое осмысление ее опыта и его творческое использование — актуальная задача для каждого нового поколения россиян. Итоги и уроки минувшей войны создают необходимые условия для сохранения мира, помогают преодолеть современные трудности и проблемы, служат делу укрепления национальной и международной безопасности. Великая Отечественная война во все времена должна оставаться предметом национальной гордости, духовной опорой и источником силы нашего народа. Долг служения Отечеству, высокий статус защитника Отчизны вправе занять ведущее место в общенациональной идее и способствовать объединению здоровых сил общества.

Роль идейного фактора в войне

Изучение войн и военных конфликтов доказывает важность достижения превосходства над противником не только в материально-техническом оснащении армии и флота, но и в морально-психологическом осознании важности разгрома неприятеля. В многовековой истории войн не раз случалось так, что воюющая сторона, обладая значительным военно-экономическим потенциалом и не уступая противнику в количестве и оснащении войск, все же терпела поражение.

Имея опыт подавления морально-политического и психологического состояния войск и населения противника, германское руководство не могло даже предположить, насколько устойчиво проявят себя идейные и патриотические убеждения советских людей. Гитлеровцы рассчитывали молниеносными действиями ошеломить и духовно обезоружить население Советского Союза. Даже крупные поражения Красной армии в первые месяцы войны не смогли сломить стремление советского народа к сопротивлению.

Значительную роль идейного фактора в достижении победы над врагом в своих научных исследованиях подчеркивал крупный военный теоретик, начальник Академии Генерального штаба РККА (1919–1921) А. Е. Снесарев. Он отмечал, что «эпицентр проблем познания войны — основной закон войны, закон главенства духовной стороны в явлениях боя»[16]. В свою очередь, известный российский литературовед и публицист В. В. Кожинов, тщательно проанализировав все причины победы наших войск под Москвой в конце 1941 г., пришел к выводу, что главной среди них оказался духовный фактор[17]. Выдающийся русский, советский писатель-фронтовик Ф. А. Абрамов, размышляя о будущем литературы о войне, говорил, что оно заключается «не столько в описании отдельных схваток и сражений (хотя и это немаловажно), сколько в углубленном осмыслении нравственных, идеологических и социально-философских основ минувшей войны»[18].

В Великой Отечественной войне противоборствовали не только противоположные социально-экономические системы, вооруженные силы и военные стратегии, но и две принципиально различные системы ценностей и идеологий. Фашизм как идеология проповедовал культ силы, расизм и крайний шовинизм — «превосходство арийской расы», необходимость завоевания для Германии «жизненного пространства». Особое значение придавалось воспитанию ненависти к коммунизму, коммунистам, советским людям.

Что касается духовного потенциала советского народа, то он был сформирован на базе исторической российской духовности, русского менталитета и авторитета священных символов — Родины, государства, армии. «Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, — писал в октябре 1942 г. матери с фронта летчик Ю. Казьмин, — мы побеждаем потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых — Родину»[19]. Духовный фактор в годы войны включал социалистическую идеологию и традиционные нравственные ценности, такие как патриотизм, коллективизм, социальная справедливость, совестливость, государственность.

Глубоко закономерно, что в ходе войны произошло определенное изменение в отношениях государства с религией, была прекращена грубая антицерковная кампания. Забыв прошлые обиды и гонения, Церковь поддержала Советское государство, призвала народ сплотиться вокруг государственно-политического руководства страны. Митрополит Вениамин (Федченков) писал в 1945 г.: «После недоразумений не случайно сотрудничество Церкви и Советского Союза, а искренно... Религиозный дух Церкви, независимо от политического строя, пойдет вслед и параллельно с социализмом»[20]. Ответственные за судьбы народа и страны государство и церковь стали активнее опираться на богатейшую русскую духовную традицию. Служители всех конфессий разделили судьбу своего народа в нелегкую годину войны.

По предложению Верховного главнокомандующего были учреждены ордена А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ф. Ф. Ушакова,

П. С. Нахимова. В январе 1943 г., в канун завершения Сталинградской битвы, был опубликован приказ о введении новой формы и офицерских погон. В том же году были учреждены суворовские военные и нахимовские военно-морские училища. Возрождение традиций старой русской армии проявилось и в самом объявлении войны с фашистской Германией Отечественной, по примеру памятных событий 1812 г. Этими важными государственными актами подчеркивались преемственность поколений, единство нашей тысячелетней истории и тот факт, что построенное новое общество не только не разрывает эти вечные связи, но, напротив, вбирает в себя все то лучшее, что было в истории России.

Великая Отечественная война убедительно доказала, что в послереволюционный период отечественной истории в стране сформировались и новые, священные для советских людей символы. «Под Сталинградом город не сдался и потому, — справедливо отмечает известный философ и социолог А. А. Зиновьев, — что он назывался Сталинград. Ленинград выстоял до конца, потому что он назывался Ленинград, а не Санкт-Петербург. Немцы, да и многие в мире не понимали, почему Ленинград не сдается, вот здесь и проявилась сила духа народа»[21].

Многонациональный народ сплотился перед общей бедой, перед лицом угрозы порабощения и физического уничтожения немецко-фашистскими захватчиками, проявив невиданные стойкость, мужество и самопожертвование. Ни одна война в тысячелетней военной истории не давала столь массовых примеров беспредельной самоотверженности, мужества, героизма. И даже враги признавали, что советский солдат сражался за свои идеалы сознательно и не щадя себя. Так, бывший генерал вермахта Г. Фриснер, вспоминая проигранную Германией войну, писал: «Я собственными глазами видел, как молодые красноармейцы на поле боя, попав в безвыходное положение, подрывали себя ручными гранатами»[22].

Многие авторы, тенденциозно освещая ход Второй мировой войны, вынуждены между тем констатировать, что ставка А. Гитлера на духовную капитуляцию советских людей в результате ошеломляющего внезапного удара и широкой психологической войны не дала, в конечном счете, того, к чему стремились фашисты. В сборнике воспоминаний бывших гитлеровских офицеров «Тотальная война» много прямых признаний, что психологический натиск на советских солдат и офицеров не сыграл той роли, которая ему отводилась. Общий вывод таков: «Упорство, с каким сражались красноармейцы, не давало оснований считать, что дух их поколеблен»[23].

Вместе с тем духовный потенциал советского народа нужно рассматривать во всей его сложности и противоречивости, обусловленной, с одной стороны, трудностями социалистического строительства, в частности обострением социально-политической борьбы и массовыми репрессиями, а с другой — убежденностью большинства граждан в правильности политики советского правительства. Нельзя не отметить тот факт, что у определенной части населения СССР имелось и другое отношение к войне, которое, как известно, выражалось по-разному. Было и пособничество врагу, и сотрудничество с ним на оккупированных территориях, и стремление отсидеться в тылу, и дезертирство, и прямое предательство, и тайное желание поражения своей страны, и многое другое. Война — всегда испытание человека на прочность. Не все смогли его выдержать. Эту сторону истории Великой Отечественной войны неправомерно замалчивать. Но и фокусировать внимание на этих уродливых и, в общем-то, нетипичных явлениях, — значит, искажать правду о Великой Отечественной войне, оскорблять память павших и живых. Тех, кто, не жалея своей жизни, принес нам победу.

Историческая правда о роли ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны состоит в том, что в армии и на флоте находилось до 60% всего ее состава, недаром партию называли сражающейся. «Хочу идти в бой коммунистом», «Если погибну, прошу считать меня коммунистом» — так писали в своих заявлениях советские воины во время самых тяжелых боев. Коммунистами были около 80% командного состава армии и флота. Среди воинов, удостоенных во время войны звания Героя Советского Союза, почти 71% составляли коммунисты[24]. За первые шесть месяцев войны из строя выбыли около полумиллиона коммунистов. Во многих ротах и батареях их оставалось по одному-два человека. Учитывая эти обстоятельства, были установлены новые, облегченные правила приема в партию особо отличившихся в боях

Комсомольский билет № 20405686 красноармейца Нурмаханова, павшего в бою

воинов, в частности для данной категории военнослужащих было отменено прохождение кандидатского стажа. Начиная с 1942 г. рост партийных рядов в действующей армии шел в основном за счет вступления в партию отличившихся в боях военнослужащих.

Изучение боевого опыта убедительно показало, что успешное выполнение боевых задач во многом зависело от состояния воинской дисциплины и действенности агитационно-пропагандистской работы в войсках. Сегодня известно, что боеспособность воинских частей и подразделений на две трети зависит от эмоционального подъема и психологической готовности к ведению боевых действий военнослужащими и только одна треть приходится на вооружение и боевую технику. Важнейшим фактором победы над врагом является высокое морально-психологическое состояние гражданского населения в тылу и его действенное влияние на защитников, спасителей Отечества, находящихся в действующей армии. Естественно, что на поддержание данных морально-психологических компонентов боеспособности войск способна влиять активная агитационно-пропагандистская деятельность государственных органов управления как при подготовке к войне, так и в условиях ведения боевых действий.

Война с Германией и ее союзниками стала битвой с фашистской идеологией и планами порабощения советского народа. В период тяжелейшего военного, экономического, политического и информационного противостояния вся полнота власти в стране, включая идейное воздействие на советское общество, была сосредоточена в руках Государственного Комитета Обороны СССР. На протяжении всей войны деятельность ГКО была направлена на формирование в массовом сознании неприятия идеологии, политики и морали оккупантов, ненависти к ним. Достижение морально-психологического осознания необходимости защиты Родины обеспечивалось созданием системы массовой, адресной, многослойной и конкретной деятельности. При организации ее проведения в годы войны учитывались настроения, ожидания и устремления советских людей не только на фронте, но и в тылу. Формирование указанных необходимых для военного времени морально-психологических качеств было централизованным благодаря деятельности Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), которое сосредоточило в своих руках всё руководство по печатной и устной пропаганде и агитации. Его директивы и рекомендации выступали своего рода активной формой и конкретным методом организационного и пропагандистского воздействия.

Герой Советского Союза
командир подлодки К-21
Н. А. Лунин

Герой Советского Союза
летчик-истребитель
Б. Ф. Сафонов

Герой Советского Союза А. С. Хлобыстов в кругу рабочих Карачаровского электромеханического завода

Так, для повышения стойкости войск в дни тяжелейших оборонительных боев в большой излучине Дона, обеспечения высокой личной ответственности у каждого воина за судьбу Сталинграда, за судьбу Родины исключительно большое значение имел приказ народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г., более известный среди фронтовиков под названием «Ни шагу назад!». В этом приказе излагалась не только суровая правда о чрезвычайно опасном положении на советско-германском фронте, но и предлагались конкретные, жесткие меры по предупреждению дальнейшего отступления войск. Осуждались отступательные настроения, указывалось на необходимость любыми средствами остановить продвижение немецко-фашистских войск, предусматривались самые строгие меры ко всем, кто проявит в бою трусость и малодушие, намечались практические меры по укреплению боевого духа и дисциплины воинов[25]. Важность выполнения данного приказа осознавали не только бойцы Красной армии, но и труженики тыла. Его воздействие ощутили разные возрастные, религиозные, национальные, профессиональные и социальные группы. Обратная связь проявлялась в письмах с фронта и тыла, в массовом движении по мобилизации сил и средств на разгром врага, в народном творчестве.

В годы войны накапливался опыт управления общественными процессами в экстремальных условиях военного времени. Информационно-психологическое воздействие было направлено прежде всего на ход военных действий и достижение победы. Основной упор делался на великое историческое прошлое и настоящее Родины, сознательное обращение к героическому прошлому русского народа в целях обеспечения патриотического порыва. Образцами для подражания становились «герои эпических побед» над иностранными завоевателями. Образ вождя И. В. Сталина, во время войны был превращен в символ патриотического дела, источник патриотического вдохновения и моральной поддержки. После битвы под Сталинградом ссылки на «сталинскую стратегию» и «сталинскую школу военного искусства» стали обыденным, повседневным явлением в формировании массового сознания, а в конце войны отождествление И. В. Сталина с победой достигло апогея с присвоением ему звания генералиссимуса.

Тема героизма советского народа в войне рассматривалась как основное направление в советской идеологии, проводниками которой были партийные органы. Агитационно-пропагандистская работа на фронте и в тылу была направлена на осознание бойцами Красной армии и населением страны необходимости защиты Родины и ее территориальной целостности. Формирование высоких морально-психологических качеств населения сражающейся страны достигалось не только прямым воздействием морально-нравственных идей, но и деятельностью учреждений культуры и искусства, направленной на формирование дружбы народов, верности идейным ценностям, разоблачение зловещего образа врага и единение фронта и тыла. Обеспечение патриотического подъема воинов на фронте и населения в тылу включало специфические агитационные и пропагандистские мероприятия, такие как злободневные лекции и доклады с различными категориями населения, митинги, партийные и комсомольские собрания, при этом многие мероприятия осуществлялись в рамках культурного шефства над частями армии и флота. Эта работа особенно активизировалась в периоды подготовки наступательных действий.

В тяжелые военные годы активно создавались нерушимые образы-символы, сочетающие реальные факты и вымыслы, подлинные события и идеологические штампы, формирующие героические черты для подражания у защитников Отечества. Героические примеры русского прошлого и подвиги бойцов Красной армии целенаправленно формировали неоднократно повторяемые образцы для массового подражания. Одним из таких ярких символов военных лет стал образ партизана — народного мстителя. Спустя неделю после начала войны появился один из самых известных плакатов военных лет «Родина-Мать зовет!», на котором женская фигура на фоне штыков держит в руках текст военной присяги. Он был издан миллионными тиражами на всех языках народов СССР. Художник И. М. Тоидзе представил исполненный духовной силы образ Матери-Отчизны. Основная сила воздействия этого плаката заключена в психологическом содержании самого образа, выражении взволнованного лица простой

русской женщины, ее призывающем жесте. В военных листовках и плакатах образ врага персонифицировался с А. Гитлером, фашизмом. Широкое распространение получил известный призыв писателя И. Г. Эренбурга «Убить фашиста!». Особая роль придавалась политической сатире в формировании образа врага. В целом в годы войны значительно меньше внимания уделялось формированию социалистических и революционных мотивов, но больше усилий было направлено на воспитание патриотизма и морально-психологического осознания отражения фашистской агрессии.

У подавляющего большинства советского народа даже в начале войны не было сомнений в победе над врагом. Массовый характер носило добровольное вступление в ряды действующей армии и создание из числа добровольцев различных военных формирований. Это утверждение справедливо и по отношению к тем, кто по разным причинам имел конфликтные отношения с советской властью. Только до конца 1941 г. в ряды РККА влились более 420 тыс. бывших заключенных, а за три года войны в войска были направлены около 1 млн ранее осужденных советских граждан.

Неожиданное начало войны со стороны гитлеровской Германии и исключительно жесткий характер противоборства не сразу были адекватно восприняты в массовом сознании, сформированном предшествующей идеологией веры в классовую солидарность и сознательность трудящихся стран фашистского блока. Уже самое начало военных действий заставило переосмыслить образ врага. Формирование морально-психологического осознания населением страны необходимости отражения фашистской агрессии, защиты Отечества служило составной частью системы информационно-психологического противоборства, осуществляемого информационными и психологическими средствами для достижения политических и военных целей, превосходства в духовной сфере и превращения полученного преимущества в решающий фактор победы над противником. Большую роль играли усилия ГКО и правительства, направленные на то, чтобы повлиять на восприятие людьми целей войны и сформировать мотивы, включавшие патриотизм, идейную убежденность, стремление освободить родной край, район, ненависть к врагу и стремление к мести, элементарное желание выжить и победить.

Опыт достижения морально-психологического осознания необходимости защиты Родины в годы Великой Отечественной войны доказывает, что наиболее эффективными оказывались не столько политические кампании и мероприятия, сколько результаты боев и сражений, война в целом. Именно стремление спасти и защитить Родину, свою семью, моральные и духовные ценности выступали ведущим мотивом деятельности бойца Красной армии. Само развитие военных событий убедительно говорило о морально-психологической, идейной и экономической прочности Советского Союза.

Сталинградская битва, ставшая важнейшим поворотным моментом в ходе Великой Отечественной войны, предоставляет богатый исторический материал для предметного рассмотрения проблем идейной мотивации противоборствующих армий, идейного фактора в войне в целом. Летом — осенью 1942 г., когда инициатива боевых действий все еще находилась в руках врага, на правобережье Волги решалась судьба Советского Союза и его народа. Результат битвы зависел не только от соотношения единиц боевой техники и оружия, которыми располагали противостоящие стороны, но и от силы идей, определяющих поступки и действия миллионов людей на фронте и в тылу.

Убежденность в правоте своего дела и патриотизм воинов порождали массовый героизм, который проявлялся в упорной борьбе за каждый дом, за каждый камень и клочок родной земли. Великая Отечественная война убедительно показала, что нельзя победить народ и армию, убежденно и самоотверженно преданные своему Отчеству и отстаивающие свою свободу и независимость. В междуречье Волги и Дона противник встретил сопротивление, которое он не в силах был преодолеть. В тяжелой боевой обстановке даже крайние меры сами по себе не в состоянии были бы остановить войска, отступавшие под ударами превосходящих сил врага. Да, дисциплинарные меры обладают силой устрашающего воздействия, но не они решают судьбу сражений и войн. В рассматриваемых событиях с особой яркостью

проявилось огромное воздействие на ход борьбы идейной и морально-психологической убежденности воинов в правоте и святости тех целей, реализация которых была связана с защитой Сталинграда.

Не только отечественная, но и иностранная пресса отмечала небывалое проявление морального духа советских войск. 28 сентября 1942 г. английская газета «Дейли телеграф» опубликовала статью «Сталинград — триумф моральной стойкости», где, в частности, говорилось: «В Сталинграде действует нечто большее, чем материальные условия, нечто превосходящее простую механику войны». В критический момент защитники Сталинграда преодолели самые жестокие испытания, невероятное напряжение физических сил и с большими потерями в уличных боях изменили ход боевых действий. Фронтовая печать, проводимые патриотические мероприятия и образцы героических поступков воспитывали солдат и офицеров в духе бесстрашия, верности воинской присяге, ненависти к фашистским агрессорам. Уже тогда, непосредственно в ходе событий, понималось огромное историческое значение победы в Сталинградской битве.

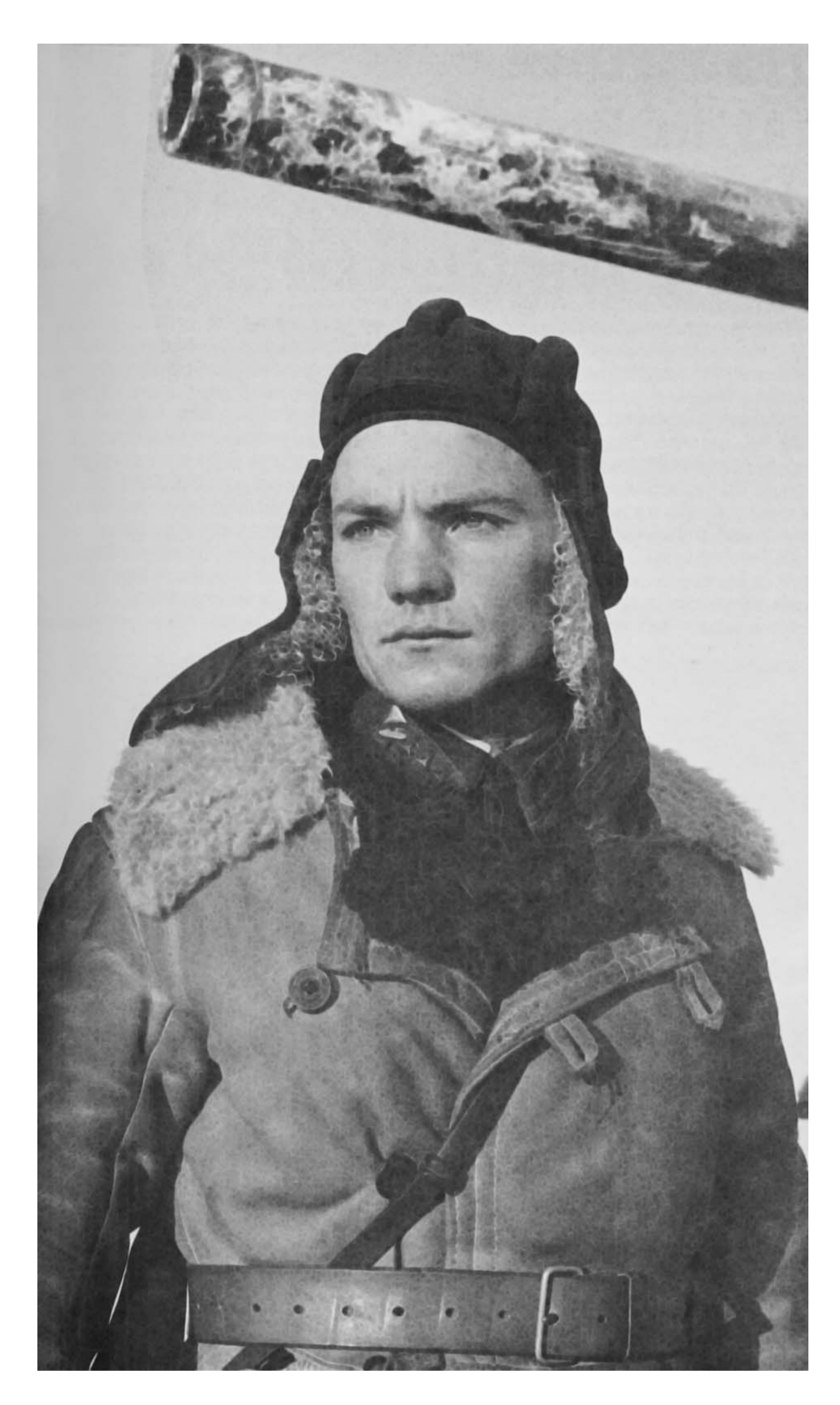
В ходе упорной и затяжной борьбы использовались самые различные формы морально-психологического обеспечения боя. Воинские соединения и части Красной армии в ходе войны накопили значительный опыт боевых действий в условиях крупного населенного пункта. Этот опыт стал достоянием всех защитников Сталинграда. Особое внимание уделялось созданию жесткой обороны. Анализировались причины потерь личного состава, изыскивались любые возможности для их сокращения и сбережения людей. Большую роль в укреплении морального духа защитников Сталинграда играла их постоянная духовная связь со всей страной. Фронтовая печать публиковала письма жителей Сталинграда и области, ветеранов Гражданской войны, трудящихся советских республик, городов, сел и деревень, а также воинов других фронтов с призывом стойко защищать город на Волге. Высокая морально-психологическая стойкость личного состава Красной армии была важным источником достижения победы войск в условиях напряженной вооруженной борьбы. Суровая боевая закалка воинов в сочетании с их идейно-патриотической убежденностью создали тот легендарный облик воина-сталинградца, который в ходе битвы на Волге привлек внимание всего мира.

Необыкновенное упорство и ожесточенность борьбы на улицах Сталинграда признавал и враг. После окончания войны некоторые генералы вермахта, выступая уже в качестве мемуаристов, стали писать о грандиозности сталинградской борьбы. Так, К. фон Типпельскирх считал битву за город «не поддающейся никакому описанию»: «Сталинград постепенно превращался в груду развалин, и в этом море руин немецкие пехотинцы и саперы, поддерживаемые танками, самоходными установками, огнеметами, артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, с гранатами и ножами в руках прокладывали себе путь от дома к дому, от подвала к подвалу и от развалины к развалине. Огромные военные заводы превратились в крепости. Но чем больше становилось развалин, тем больше укрытий находили обороняющиеся бойцы»[26]. При этом он умолчал об известном всему миру легендарном героизме защитников Сталинграда и вместо этого ограничился замечанием, что «эта битва стала действительно символом борьбы двух враждебных миров». Очевидно, ему было трудно обозначить реальную проблему, суть которой состояла в том, что войска вермахта сражались под знаменем агрессии и идеологии фашизма, а советские войска боролись за независимость, счастье и свободу своей Родины. Именно это обусловливало высокий морально-боевой дух защитников Сталинграда.

Психология войск противника, их идейная мотивация изначально содержали в себе предпосылки поражения. Грабительская война, которую вели гитлеровцы, не могла, конечно, воодушевлять ее участников высокими и достойными целями. Националистические догмы тоже служили достаточно ограниченной основой для длительных и тяжелых испытаний в борьбе с таким противником, как Красная армия и советский народ. Но агрессивность и системность пропагандистского воздействия могли в определенной степени компенсировать эти сущностные идеологические изъяны.

Герой Советского Союза Баыуржан Момышулы

Герой Советского Союза И. Т. Любушкин

Для успешного ведения войны с Советским Союзом в Германии с целью мощного идеологического воздействия на население и военнослужащих были созданы специальные отделы, организующие и осуществляющие пропагандистскую деятельность. В вермахте такие отделы подчинялись управлению по делам пропаганды, образованному еще в апреле 1939 г. В группах армий активно были задействованы отделы пропаганды и специальные пропагандистские роты. В их состав входили журналисты, фото-, кино- и радиорепортеры, сотрудники фронтовых газет, персонал по обслуживанию радиостанций и киноустановок, специалисты по изданию листовок и плакатов и различной литературы. В 1943 г. роты пропаганды были выделены в отдельный род войск. Центральным органом пропаганды являлось министерство народного просвещения и пропаганды во главе с Й. Геббельсом, созданное практически сразу после прихода нацистов к власти. В его состав входила служба пропаганды в восточных районах.

Немецкие солдаты и офицеры в своей основной массе были согласны с образом «русского врага», созданным официальной фашистской пропагандой, представлявшей противника как «недочеловека», «зверя», угрожающего германской нации. Мечты о скорой победе доминировали в сознании многих немецких солдат и офицеров в ходе сражений на подступах к Сталинграду, хотя противник и нес огромные потери. Участник похода Г. Вельц, отражая общие настроения, писал об этом времени: «Фортуна нам улыбается, военное счастье на нашей стороне! Тень германского орла уже нависает над Волгой!»[27] Немецкая пропаганда усиленно доказывала, что победа уже близка, и в памяти солдат вермахта бледнели ужасы «русской войны», забывалась тяжесть поражения под Москвой.

Завоевательные цели оставались прежними, однако боевой дух немецко-фашистских войск на втором году войны против СССР если и не был подорван, то в целом снижался. Боевой настрой гитлеровцев быстро менялся к худшему по мере развертывания гигантской панорамы Сталинградской битвы и увеличения потерь. Большое значение имел тот факт, что в ходе оборонительного периода битвы возникло, а затем в результате советского контрнаступления значительно усилилось кризисное состояние в психологии значительного числа солдат и офицеров противника, резко упал их боевой дух. Немецкий солдат Х. Шайберт писал своим родным в Лейпциг: «Судьба долго меня щадила и оберегала, чтобы заставить испытать самые ужасные муки, какие только могут быть на этом свете. За десять дней я потерял всех товарищей. После того как в моей роте осталось 9 человек, ее расформировали. Я теперь кочую из одной роты в другую. Несколько дней находился в мотоциклетном взводе. Этого взвода теперь тоже нет. Для многих из нас позиции в окрестностях Сталинграда стали могилой. Да, Сталинград — это такой крепкий орешек, о который можно сломать даже стальные зубы. Только тот, кто побывал здесь, может понять, что мы сейчас далеки от этой победы, как никогда раньше»[28].

В ходе Сталинградской битвы советские воины проявили истинно массовый героизм, явившийся одной из важнейших слагаемых достигнутой исторической победы. Действенным фактором в ходе всей Великой Отечественной войны являлась идеологическая и организаторская деятельность военных советов, командиров, политических органов, партийных и комсомольских организаций армии и флота. В ходе оборонительного сражения они добивались безусловного выполнения войсками категорического требования «Ни шагу назад!», а родившийся среди защитников Сталинграда призыв «За Волгой для нас земли нет!» был его закономерным продолжением.

Важную роль в войсках сыграл указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. об установлении полного единоначалия. В соответствии с ним командиры подразделений наряду с решением непосредственно боевых задач обязывались заниматься и идейно-политическим воспитанием воинов. Проводимые организационные и идеологические мероприятия способствовали повышению боевого духа, укреплению выдержки и самообладания всего многонационального личного состава войск, обеспечению высокой боевой активности и надежности. Чем напряженнее становилась обстановка на фронтах, тем активнее осуществлялась данная деятельность командиров, штабов и политработников. Собрания проводились в короткие промежутки между боями в мелких подразделениях, в непосредственной близости от вражеских позиций. Обсуждались самые злободневные вопросы, итоги прошедшего боя.

А. А. Жданов (второй слева) с группой Героев Советского Союза

Дважды Герой Советского Союза К. А. Евстигнеев у своего истребителя, изготовленного на средства колхозника В. В. Конева

Даже противник отмечал геройское, самоотверженное поведение советских солдат в бою. Так, оценивая истоки морально-боевой стойкости защитников Сталинграда, эсэсовская газета «Черный корпус» (Das Schwarze Korps) в номере за 29 октября 1942 г. вынужденно признала, что мир не видел еще подвигов, подобных тем, которые совершают защитники Сталинграда, и что выдумки о «комиссарском терроре» и «массовом психозе» — просто пропаганда. «Большевики наступают... и обороняются до физического уничтожения, до последнего солдата, до последнего патрона... Отдельные солдаты сражаются даже тогда, когда по человеческим понятиям это невозможно... Количество людей, гигантский потенциал вооружения не объясняют силы большевистского сопротивления. Другой противник не перенес бы сражений 1941 года даже при таком количестве людей и вооружения»[29].

Ставка Верховного главнокомандования в числе необходимых мер по организации отпора врагу потребовала усилить агитационно-пропагандистскую работу в войсках, в том числе действовавших на сталинградском и северокавказском направлениях, направив ее, в первую очередь, на разъяснение воинам необходимости неуклонного выполнения приказов командования. Одной из важных задач агитационно-пропагандистской работы в войсках являлось воспитание личного состава на боевых традициях нашего народа. Агитаторы умело использовали в своей работе патриотические письма, приходившие со всех концов страны. Чаще это были письма от трудовых коллективов. Труженики тыла рассказывали о состоянии дел на производстве, брали обязательства еще активнее помогать защитникам Отечества. Они выражали чувства гордости героизмом воинов-сталинградцев и уверенность в разгроме врага на волжских берегах. Такие письма, регулярно публиковавшиеся в военной печати, не оставляли равнодушными бойцов и командиров, вдохновляли их на дальнейшую самоотверженную борьбу с агрессором.

Регулярно выходили фронтовые газеты. Их корреспондентами работали многие известные всей стране писатели, поэты, журналисты. На страницах военной печати постоянно публиковались призывы «Ни шагу назад!», «Стоять насмерть!», пропагандировались подвиги, совершенные воинами в оборонительных боях, освещались лучшие тактические приемы обороны, рассказывалось об уязвимых местах тактики противника. С началом контрнаступления основным стал лозунг «Только вперед!». Военная печать являлась трибуной боевого опыта, способствовала обучению воинов передовым методам вооруженной борьбы. В своих постоянных рубриках «Герои Отечественной войны», «Герои нашего фронта», «Наши орлы боевые» газеты рассказывали об особо отличившихся воинах, героях боев.

В агитационно-пропагандистской работе среди личного состава использовались и материалы военной кинохроники об актуальных событиях на советско-германском фронте. С самого начала войны Центральная студия кинохроники направила киногруппы на все фронты, а также на Черноморский и Северный флоты, Ленинградская киностудия — на Северный фронт и Балтийский флот. В первые месяцы войны на экранах страны появились «Боевые киносборники», выпуски киножурнала «На защиту родной Москвы». Их показывали в кинотеатрах, заводских и фабричных клубах, а также в частях и подразделениях действующей армии. 18 февраля 1942 г. на киноэкраны вышел полнометражный фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Истинными соавторами снимаемых материалов были командиры и рядовые бойцы, которые, заботясь о кинооператорах, подчас спасали их от верной гибели в бою.

Содержание и формы агитационно-пропагандистской работы не оставались неизменными, они трансформировались в соответствии с изменением характера боевых действий. Накануне контрнаступления усилия командования были направлены на обеспечение высокой боевой активности личного состава, его уверенности в победе, высокого наступательного порыва. Непосредственно перед наступлением в частях зачитывались специальные обращения военных советов фронтов, каждому воину вручались газеты, призывающие личный состав проявлять в бою мужество и самоотверженность. «Настал грозный час расплаты с лютым врагом. Приказ дан. Вперед всесокрушающей лавиной, славные воины!» — говорилось, в частности, в обращении Военного совета Юго-Западного фронта. С получением

боевого приказа, переданного в части и подразделения в ночь перед контрнаступлением, в агитационно-пропагандистской работе важнейшей темой стало разъяснение каждому воину его места и роли в предстоящих боях. Там, где позволяла обстановка, состоялись митинги, на которых бойцы и командиры торжественно клялись с честью выполнить долг перед Родиной.

Огромную роль играло награждение отличившихся в боях солдат и офицеров орденами и медалями. Приказы о награждении немедленно доводились до личного состава. Широко использовалась при этом такая эффективная форма, как письма командования семьям и родственникам награжденных бойцов. Перед отправкой их содержание коллективно обсуждалось в подразделениях. Например, в частях 84-й стрелковой дивизии за короткий срок обсудили и отправили свыше ста благодарственных писем. Это способствовало подъему боевой активности не только отмеченных той или иной наградой, но и их однополчан. Особенно сильно данная форма влияла на молодых воинов, стремившихся не отстать от бывалых солдат. Не случайно среди награжденных за боевые подвиги, совершенные в ходе разгрома немецких войск под Сталинградом, большую долю составляла именно молодежь. Так, к февралю 1943 г., когда закончилась ликвидация окруженной группировки противника, в войсках Донского фронта 7659 комсомольцев были награждены орденами и медалями[30].

Большую агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу проводили агитмашины. Обычно с такой машиной в войска выезжали лектор, киномеханик, группа участников художественной самодеятельности или артистов. Так, в последние дни января 1943 г. на Сталинградский фронт приехал с бригадой артистов композитор М. Г. Фрадкин. Вместе с находившимся в Сталинграде поэтом Е. А. Долматовским он сочинил ряд песен. Ими же был создан «Гимн Сталинградской победы», текст которого распространялся среди воинов в виде листовок.

Многогранная идейно-политическая и культурно-воспитательная работа в войсках сталинградского направления способствовала росту боевой активности, стойкости и упорства воинов. Массовый героизм становился нормой поведения бойцов и командиров всех уровней, что явилось одним из важнейших факторов разгрома врага. 2 февраля 1943 г. войска Донского фронта закончили ликвидацию окруженной группировки противника. Сталинград по праву во всем мире стал символом необыкновенной стойкости, мужества и героизма советских воинов. Об истоках стойкости и героизма, морального превосходства над врагом советских воинов, особенно ярко проявивших эти качества при защите Сталинграда, очень кратко и в то же время емко написал дважды Герой Советского Союза генерал А. И. Родимцев, командовавший прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизией: «В поединок вступила не только сила огня и металла, но и... жизнеспособность убеждений, взглядов, или то, что мы называем идеологией»[31].

Значительный вклад в разгром врага внесло население Сталинграда и области. Его деятельность по оказанию организованной, систематической поддержки сражающимся войскам направлялась городским комитетом обороны, местными партийными и советскими органами, общественными организациями. В годы Великой Отечественной войны вся жизнь населения была подчинена интересам фронта, и Сталинград не был да и не мог быть исключением: «Большая часть населения региона сознательно мирилась с недостатком продуктов питания и промышленных товаров, с дополнительным бесплатным трудом (сверхурочная работа, обработка оборонных гектаров), с необходимостью подписываться на государственные займы, с обязательной покупкой билетов денежно-вещевых лотерей и другими подобными мероприятиями. Все понимали, что над страной нависла смертельная угроза и эту угрозу необходимо ликвидировать любой ценой»[32].

Как и москвичи при обороне столицы, многие тысячи сталинградцев трудились на строительстве оборонительных рубежей, самоотверженно готовили родной город к обороне. Более 225 тыс. жителей Сталинграда и области совместно с инженерными войсками фронта выполнили колоссальный объем работ: было отрыто почти 3860 км окопов и ходов сообщения, созданы противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы протяженностью 1863 км,

сооружено более 200 тыс. огневых точек. Одной только земли было перекидано свыше 20 млн кубометров[33].

На защиту Сталинграда вместе с воинами встали и горожане — люди разных возрастов и профессий. Они активно вступали в корпус народного ополчения, сформированный еще в 1941 г. К началу оборонительного сражения он насчитывал более 12 тыс. человек, был оснащен вооружением и снаряжением за счет местных ресурсов. Кроме того, на территории Сталинградской области действовало 79 истребительных батальонов (13 тыс. бойцов) и многочисленные группы местной ПВО[34]. Мирные жители, зачастую действовавшие по собственной инициативе, совершали мужественные поступки и подвиги во время оборонительных боев вблизи Сталинграда, уличных боев, а также в ходе советского контрнаступления и на оккупированной территории. Многие из них остались безымянными. В самые тяжелые дни обороны города, с 23 августа по 15 сентября, в воинские части влились 8 тыс. жителей города. А всего войска, оборонявшие Сталинград, пополнили 75 тыс. жителей областного центра, или 10,6% городского населения (по состоянию на 23 августа 1942 г.).

В своем докладе командующему 6-й армией генералу Ф. Паулюсу командир 14-го танкового корпуса Г. фон Виттерсгейм подчеркивал: «Частям Красной армии... оказана решительная поддержка всего населения Сталинграда не только строительством позиций... не только тем, что предприятия и крупные здания превращены в крепости, а в большей степени участием в боях с оружием в руках. Рабочие, одетые в спецовки, стояли на поле сражения насмерть... Ничего подобного мы до этого времени не наблюдали»[35].

В Великой Отечественной войне победили ценности более сплоченного, а следовательно, более сильного общества. Российская и советская цивилизация, ее культура и превосходящий противника духовный потенциал доказали свою большую жизненную силу.

Опыт информационно-психологического противоборства в ходе Великой Отечественной войны показывает, что обеспечение безопасности Отечества требует повседневной целенаправленной и наступательной работы государственных органов, правильно организованной и наполненной высоким идейным содержанием.

Опыт и уроки информационно-пропагандистского противоборства в годы войны

Вторая мировая война, частью которой явилась Великая Отечественная война советского народа, потребовала не только колоссального напряжения материальных и физических сил государств и народов, но и стала самым серьезным испытанием для духовного потенциала воюющих сторон. Развитие науки и техники повлияло на способы ведения вооруженной борьбы. Оно позволило, используя печать, радио, устное вешание, оказывать существенное воздействие на моральный дух группировок войск противоборствующих сторон и значительной части населения, превратив войну во всеобъемлющее, тотальное столкновение.

Бомбардировщики наряду с бомбами зачастую на сотни километров за линию фронта доставляли тысячи листовок. Радио, ставшее действительно средством массового воздействия, своими передачами через все границы и расстояния проникало в самые отдаленные уголки вражеской территории. Усиленный во много раз звуковещательной станцией голос, обращенный к конкретному слушателю, взывал к человеческой совести, настойчиво советовал поступать так, а не иначе, предлагал пути спасения и даже угрожал возможными карами за совершенные преступления. Вся эта мощная лавина форм, методов, способов воздействия на ум и сознание, психическое и психологическое состояние человека ежедневно обрушивалась на головы как непосредственно участвующих в боевых действиях солдат и офицеров, так и гражданского населения в глубоком тылу. Представляется целесообразным рассмотреть

опыт ведения информационно-пропагандистского противоборства на примерах деятельности специфических структур этого воздействия как со стороны нацистской Германии, так и Советского Союза.

С первых шагов своей деятельности на политическом поприще А. Гитлер уделял большое внимание пропаганде, и последующий успех фюрера в борьбе за власть тесно связан с его способностью оказывать на аудиторию большое психологическое воздействие. О том, какую роль гитлеровцы отводили пропаганде, свидетельствует такой факт. В зале, где проходил Нюрнбергский съезд НСДАП партии в 1936 г., на стене висел плакат: «Пропаганда привела нас к власти, пропаганда позволила сохранить власть, пропаганда дает нам возможность завоевать мир»[36]. В кратчайшие сроки Германии удалось построить империю государственной пропаганды, в которой новаторские технологии воздействия на аудиторию были доведены почти до совершенства. В них не было места морали, «великие цели» оправдывали преступные средства.

Военное министерство Германии с приходом к власти А. Гитлера тщательно проанализировало опыт пропаганды на войска и население противника в годы Первой мировой войны. В одном из закрытых материалов министерства в 1935 г. сообщалось: «Впервые в мировой войне пропаганда превратилась в решающее боевое средство»[37]. Практические основы работы по созданию германской военной пропагандистской машины для воздействия на противника начали закладываться в 1936 г., когда 26 июня на десятом заседании совета обороны рейха офицер генерального штаба майор Врохем сделал доклад под названием: «Важнейшие мероприятия по подготовке к ведению пропаганды на войне»[38]. В 1937 г. на учениях вермахта в качестве образцов пропагандистского воздействия на противника отрабатывались листовки на личный состав Красной армии и население Советского Союза. Их основу составляли тезисы и аргументы, опирающиеся главным образом на устрашение своей мощью, угрозы уничтожения, оскорбления и уничижения. Многие из этих листовок почти дословно были повторены с началом боевых действий против СССР.

Первую проверку на практике пропагандистские акции гитлеровской Германии прошли в марте 1938 г. в ходе кампании по присоединению Австрии. Они и натолкнули А. Гитлера на идею о создании специальных воинских пропагандистских формирований. Верховное командование вермахта по согласованию с министерством пропаганды приступило к формированию в составе армий (групп армий) рот пропаганды. Основными задачами этих рот являлись: подготовка пропагандистских материалов из зоны боевых действий, которые использовались местной печатью, фронтовыми газетами вермахта и радиостанциями рейха; ведение устного вещания через звуковещательные станции; распространение газет; осуществление цензурирования прессы.

Весной 1941 г. при министерстве Й. Геббельса было создано секретное ведомство «Винета», которое занималось разработкой и переводом пропагандистских материалов, предназначенных для личного состава Красной армии и населения СССР. Оно дислоцировалось на вилле бывшего посольства Персии в Берлине, его сотрудники работали день и ночь. Бюджет этого ведомства достигал 5 млн рейхсмарок, а штат насчитывал около 400 немецких сотрудников и более 1,5 тыс. переводчиков из стран, на которые велось радиовещание и готовилась печатная продукция[39].

С апреля 1941 г. пропагандистский аппарат вермахта начал непосредственную подготовку к ведению войны против Советского Союза. По указанию заместителя начальника штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерала В. Варлимонта отдел пропаганды ОКВ во главе с полковником Х. фон Веделем совместно с восточным отделом внешнеполитического управления НСДАП и министерством пропаганды готовил проект директивы «О применении пропаганды в операции «Барбаросса».

6 июня 1941 г. директива, явившаяся одним из основных документов по ведению Германией пропагандистской войны против СССР в ходе Восточного похода, была подписана начальником штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генералом А. Йодлем и передана в штабы групп армий, танковых групп, воздушных флотов, авиакорпусов и всех рот пропаганды, готовящихся к участию в военных

действиях против Советского Союза. В директиве определялись цели подрывной пропаганды против СССР, основные направления ее содержания, формы и методы. В ней указывалось на необходимость вызывать у советских людей недоверие к партии и советскому правительству, а нападение Германии представлять как поход «за освобождение населения от тирании Советов»[40]. Директива требовала в пропагандистских материалах маскировать истинные намерения рейха по уничтожению Советского государства и его граждан, скрывать планы массового грабежа и вывоза в Германию материальных и культурных ценностей СССР.

Когда 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут немецкая авиация и артиллерия наносили огневой удар по объектам на территории Советского Союза, при помощи агитационных снарядов было распространено свыше 50 млн листовок с обращением к красноармейцам и командирам Красной армии. В этом обращении вина за развязывание войны возлагалась на правительство, возглавляемое И. В. Сталиным, которое якобы нарушило договоры, заключенные с Германией, содержался призыв к его свержению и освобождению страны от евреев и коммунистов[41].

С началом войны против СССР гитлеровское командование в значительной степени недооценивало морально-психологическое состояние личного состава Красной армии и населения Советского Союза и переоценивало свои возможности в области ведения пропагандистской войны. Так, в названной выше директиве «О применении пропаганды в операции «Барбаросса» утверждалось, что «применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной армии обещает больший успех, чем в борьбе со всеми прежними противниками вермахта»[42]. Подобный оптимизм к началу похода на Восток разделяли и работники отдела пропаганды вермахта. Они были убеждены, что при помощи нескольких антибольшевистских лозунгов им удастся относительно легко пропагандистски разрушить «карточный дом СССР».

Именно для этой цели во вторгшихся на территорию СССР 22 июня немецких армиях находилось 12 рот пропаганды сухопутных войск, насчитывавших 2244 человека. Кадровый состав этих рот был укомплектован носителями русского языка, прежде всего балтийских немцев и иностранных специалистов, работавших в СССР в годы первых пятилеток. Кроме того, для работы с местным населением каждая группа армий имела специальный батальон пропаганды, который занимался изданием газет на языках оккупированных народов, ведением радиопропаганды через захваченные советские широковещательные радиостанции, показом кинофильмов[43].

Но уже 21 августа 1941 г., то есть через два месяца после вторжения, когда количество распространенных листовок достигло 200 млн экземпляров, верховный штаб вермахта вынужден был внести коррективы в содержание пропаганды. Он издал «Дополнительные указания по организации пропаганды против Советского Союза», в которых, ссылаясь на то, что советские люди «привыкли к сильному пропагандистскому влиянию», подчеркивалось: «Недостаточно использовать в пропаганде только негативные моменты, как то: угрозы, запреты и предупреждения. Необходимо все больший акцент делать на то, что немецкий солдат пришел не для того, чтобы уничтожить социализм, а с целью положить конец большевистскому рабству и создать условия для социальной справедливости»[44].

Для содержания и аргументации немецкой пропаганды того времени были характерны прежде всего неразборчивость в средствах и беспринципность. В подготовленных министерством пропаганды «Предложениях к составлению листовок для войск противника» в отношении их содержания указывалось: «Пропаганда разложения — грязное дело, не имеющее ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера и его сподвижников, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть благодаря этому доверию в раскрывшиеся для нас души солдат противника, заронить в них разлагающие их лозунги — совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действенны, — то этим будет достигнуто больше, чем самой доходчивой проповедью о большевистской опасности и плутократической системе, которая не будет воспринята солдатом противника, так как против этого яда его руководство ввело в него уже достаточную долю противоядия»[45].

Транспортировка к переднему краю громкоговорящей аппаратуры
для трансляции пропагандистских программ

Младший сержант А. В. Смирнов, старший сержант Г. М. Тер-Абрамов и военком С. И. Яковлев
загружают листовки в самолет

Летом 1942 г. германское командование настолько было уверено в успехе, в том числе и пропагандистском, что стало предпринимать дополнительные меры по усилению воздействия на военнослужащих Красной армии и население Советского Союза. По инициативе генерала А. Йодля отдел пропаганды верховного командования вермахта издал директиву «Об активной пропаганде против Красной армии», которая уточняла основные вопросы ее содержания, организации и ведения.

В апреле 1943 г. численность подразделений пропаганды вермахта достигла 15 тыс. человек. Они стали самостоятельным родом войск (до этого входили в состав войск связи), была введена должность начальника войск пропаганды. Войска пропаганды вермахта включали: 21 роту пропаганды сухопутных войск, семь взводов военных корреспондентов сухопутных войск, взвод военных корреспондентов сухопутных войск «Великая Германия», восемь батальонов пропаганды на оккупированной территории.

В германских военно-воздушных силах (люфтваффе) имелось восемь батальонов военных корреспондентов: 25 взводов военных корреспондентов люфтваффе, взвод военных корреспондентов люфтваффе «Герман Геринг», 6–8 взводов пропаганды люфтваффе.

В германских военно-морских силах (кригсмарине) имелось три батальона военных корреспондентов (по три полуроты), отдельная рота военных корреспондентов кригсмарине, отделение военных корреспондентов командующего подводными лодками, полк военных корреспондентов СС «Курт Эггерс», батальон пропаганды, запасной батальон пропаганды, учебный батальон пропаганды, технический батальон пропаганды, восточный батальон пропаганды, взводы восточных добровольцев-пропагандистов. Командующим войсками пропаганды был назначен начальник отдела пропаганды вермахта полковник Х. фон Ведель[46].

После Курска инициатива по планированию и проведению вооруженными силами пропагандистских операций, направленных на войска и население противника, перешла к войскам СС, основным пропагандистским подразделением которых являлся батальон военных корреспондентов, насчитывавший 27 полевых подразделений. В ноябре 1943 г. батальон был реорганизован в отдельный полк со штабом в Берлине, которому присвоено имя нацистского военного журналиста Курта Эггерса, погибшего в августе 1943 г. под Белгородом. Полк был укомплектован высокопрофессиональными специалистами: психологами, журналистами, художниками, полиграфистами, работниками рекламы. Однако особых успехов в пропаганде на личный состав Красной армии и население СССР эти войска так и не достигли. Сколь ни украшали немецкие оккупационные власти заборы и стены советских, других завоеванных стран городов и деревень красочными плакатами о прелестях жизни в Германии и «ужасах большевизма», они не могли заслонить собой страшные реалии «нового порядка» на оккупированных территориях.

В апреле 1945 г. командующий войсками пропаганды генерал-майор Х. фон Ведель был смещен со своего поста и новым командующим назначен командир полка СС «Курт Эггерс» полковник Г. д’Алкен. 15 мая 1945 г. остатки штаба полка и штаба командующего войсками пропаганды сдались в плен англичанам в районе альпийской крепости. Так бесславно закончилась пропагандистская деятельность немецких войск против СССР и Красной армии. Несмотря на столь серьезное внимание, уделявшееся ведению пропаганды, как со стороны руководителей рейха, так и самого вермахта, результативность проводимых германской армией акций не соответствовала их размаху, затраченным на ее проведение усилиям. Даже в период, когда пропаганда вермахта на войска и население противника находилась на вершине своих успехов, ей не удалось решающим образом ослабить моральный дух личного состава Красной армии.

Противоречия между содержанием немецкой пропаганды и действительностью наглядно проявлялись в расстрелах комиссаров, массовых убийствах евреев, концентрационных лагерях, в которых на медленную смерть были обречены миллионы советских военнопленных. Еще более скромными были результаты деятельности пропагандистского аппарата вермахта, направленной на население оккупированных районов Советского Союза. Да оно и не могло быть иначе. Геноцид населения и жестокие методы ведения войны оттолкнули от Германии

даже ту часть населения, которая первоначально была лояльно настроена по отношению к немцам. Пропагандистские кампании, базировавшиеся на субъективных оценках противника, ложных посылах в содержании, отражающем человеконенавистнические идеологические догмы, господствующие в стране и армии, к долговременному, устойчивому успеху привести не смогли.

В значительной мере эффективность немецкого пропагандистского воздействия снижалась мерами противодействия с нашей стороны, которые включали пропагандистские, военные, правоохранительные и психологические средства. С начала и до конца войны радиоприемники были изъяты у населения, что исключало возможность прослушивания зарубежных радиопередач. Самолеты и воздушные шары с листовками сбивались, распространяемые экземпляры собирались и уничтожались. За чтение вражеских листовок в разное время предусматривались достаточно жесткие меры наказания. По этому поводу проводились собрания в воинских подразделениях или на предприятиях, издавались специальные номера газет, готовились соответствующие радиопередачи. Как сами немецкие агитматериалы, так и изложенные в них тезисы либо полностью игнорировались, либо, исходя из их содержания, опровергались, а захватчики представлялись в невыгодном для них свете. Тем самым создавалась основа для ведения активной советской контрпропаганды и политической работы среди войск и населения противника, о чем пойдет речь ниже.

Политическая работа среди войск и населения Германии и ее сателлитов или специальная пропаганда, обращаясь со словом правды к войскам и населению противоборствующей стороны, способствовала достижению Великой Победы в героической борьбе советского народа против фашизма и японского милитаризма. Всего за время Великой Отечественной войны было издано и распространено свыше 20 тыс. наименований различного вида пропагандистской литературы на 20 иностранных языках общим тиражом 2 млрд 706 млн экземпляров, в том числе 10 млн экземпляров газет, 10 млн 200 тыс. агитационных брошюр, остальное количество составили различные виды листовок и обращений. Только одним ГлавПУ РККА было издано для войск противника 3225 наименований различных печатных материалов, из которых 2559 листовок (свыше 80%), 505 названий газет, 75 лозунгов, 54 брошюры, 46 плакатов. Кроме того, были выпущены 205 наименований агитационных патефонных пластинок для звуковещательных станций в количестве 85 тыс. 844 экземпляра. Тысячи немецких антифашистов были посланы как агитаторы в подразделения и части вражеских войск. Политорганами фронтов, армий и дивизий было издано более 20 тыс. видов агитационно-пропагандистских материалов на иностранных языках, из них 90% листовок. Состоялись сотни тысяч устных пропагандистских выступлений для вражеских войск с передней линии фронта. Лишь с апреля 1943 г. через мощные громкоговорящие установки было передано более 300 тыс. передач и через рупоры — 700 тыс. агитационных призывов-лозунгов.

Используя богатейший опыт, накопленный в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции против России, военно-политическое руководство СССР и командование Красной армии вели в годы Великой Отечественной войны непрерывную, изо дня в день нараставшую специальную пропаганду и агитацию. Специальной она была названа потому, что проводилась среди войск и населения противника, а также среди военнопленных на иностранных языках и с учетом их национальных особенностей. В работе на каждый специфический объект своего воздействия специальная пропаганда решала разные задачи.

Политическая работа среди войск противника осуществляла морально-политическое разложение вражеских армий, подрывала боевой дух солдат и офицеров, стремилась политически оторвать их от своего командования, склонить к разрыву с нацизмом и его лидерами, к индивидуальной и групповой сдаче в плен и организованной капитуляции. Это было главным направлением содержания специальной пропаганды, непосредственно влиявшей на ход вооруженной борьбы.

Среди населения вражеских и оккупированных германскими войсками стран политпропаганда проводилась с целью усиления антивоенных и антифашистских настроений

в народных массах, призывала их к активной борьбе против гитлеровской преступной клики и ее пособников, оказанию помощи моральному и политическому сплочению сил Сопротивления и их поддержке в борьбе с фашизмом. Основной целью политической работы среди населения освобождаемых Красной армией от фашистского господства стран было создание благоприятной политической обстановки для пребывания советских войск на их территории и выполнения ими боевых задач, для укрепления симпатий и чувств дружбы освобожденных народов к Красной армии и Советскому Союзу, а также для содействия прогрессивным демократическим преобразованиям в этих странах.

Политическая работа среди военнопленных заключалась в перевоспитании основной их массы в антифашистском духе и превращении их из врагов в друзей советского народа. Она также решала задачу воспитания активных антифашистов, способных словом и делом содействовать поражению гитлеровской клики и ее сателлитов и оказывать помощь Красной армии в осуществлении ее освободительной миссии.

Таким образом, специальная пропаганда в годы Великой Отечественной войны представляла собой постоянную и бескомпромиссную пропагандистскую борьбу за умы людей, отравленных ядом фашистской идеологии. Эта пропаганда являлась важной частью всей идеологической работы партии по достижению целей и задач советского народа в Великой Отечественной войне. В директиве Ставки Верховного главнокомандования военным советам, командирам, штабам и политическим органам в области специальной пропаганды ставилась задача: «Добиваться разложения и деморализации армии и тыла врага»[47].

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. было образовано Советское бюро военно-политической пропаганды, в состав которого вошли видные идеологические работники партии и государства, опытные организаторы и руководители советской пропаганды на зарубежные страны. Ведение специальной пропаганды было возложено на Главное политическое управление РККА, военные советы и политические органы. Конкретные вопросы организации и ведения специальной пропаганды решались совместными усилиями командиров, политических органов и штабов.

Непосредственно организацией специальной пропаганды занимался созданный в 1940 г. 7-й отдел по работе среди войск и населения противника Главного управления политической пропаганды (с 17 июля 1941 г. — Главного политического управления) РККА, который разрабатывал, издавал и организовывал распространение пропагандистских материалов среди войск и населения вражеских стран. Отдел также руководил фронтовыми, армейскими органами специальной пропаганды и помогал им в работе, организовывал и осуществлял специальные пропагандистские операции среди войск противника на фронте и населения в его тылу. В его обязанности входило ведение повседневного изучения политико-морального состояния армий и населения вражеских стран, характера и системы их идеологической обработки, осуществление сбора сведений о действенности нашей пропаганды, подбор, обучение и распределение кадров спецпропагандистов и прочее.

Седьмые отделы политуправлений фронтов включали инструкторские и редакционно-издательские отделения и были укомплектованы опытными политработниками, профессиональными журналистами, писателями, художниками, учеными и переводчиками, владеющими немецким, румынским, итальянским и венгерским языками. Их работа имела системный характер и проводилась в различных формах.

Предложения по активизации этой работы, в том числе тезисы и аргументы нашей пропаганды, тексты общеполитических листовок на войска и население противника утверждались созданным в июне 1942 г. Советом военно-политической пропаганды при Главном политуправлении РККА. Председателем этого совета являлся секретарь ЦК ВКП(б), начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, членами — А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, И. В. Рогов, Г. Ф. Александров, Ф. Ф. Кузнецов. Накопленный войсками опыт ведения специальной пропаганды публиковался в закрытых сборниках ГлавПУ РККА «Опыт работы», доводился до соединений и объединений в виде директив, указаний, информационных бюллетеней.

Пленный немецкий солдат М. Скиба зачитывает свое обращение
с призывом переходить на сторону Красной армии

Старший политрук Ульянов выстрелом из ампуломета отправляет листовки в окопы противника

В числе основных форм оперативной специальной пропаганды широко применялась устная агитация (устное вещание или звуковещание). Она отличалась большой конкретностью, персональным подходом и оперативностью и проводилась дикторами-переводчиками армий и дивизий с помощью громкоговорящих установок, мегафонов, рупоров непосредственно на переднем крае противника, а в последующем через звуковещательные средства, смонтированные на автомобилях, танках Т-34, бронемашинах и самолетах У-2. В годы Великой Отечественной войны действовали около 3 тыс. офицеров специальной пропаганды.

Фашистское командование еще в первые месяцы войны поняло нарастающую опасность советской пропаганды. 10 декабря 1941 г., когда вражеские армии под ударами советских войск откатывались от Москвы, начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник А. Йодль направил в войска директиву «О контрпропаганде», в которой говорилось: «Советское правительство в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет в еще большей мере использована противником для усиления разложения. Поэтому невыполнение запрещения слушать передачи противника и неисполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских листовок могут повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа». При этом он требовал: «В инструктировании личного состава особый упор делать на то, чтобы борьба с пропагандой противника велась также беспощадно, как и против всякого другого оружия врага»[48].

Следствием этих указаний и требований стали усиление репрессий против солдат вермахта, читавших советские листовки и слушавших звукопередачи, выпуск в гитлеровской армии многочисленных заповедей и памяток, проведение в ротах разоблачительных занятий с солдатами и другие меры. Однако ничто не могло заглушить нашего голоса правды, который проникал в окопы и блиндажи фашистской армии. Противник в своих приказах, директивах и специальных выпусках сообщений для войск требовал от штабов и офицеров вести «решительную борьбу против советской пропаганды», которая по их признанию, стала «одним из решающих факторов исхода войны». Пленные утверждали, что наши листовки — это «капли, которые долбят гранит», они учат смотреть в будущее, критически относиться к фюреру и его власти, указывают им пути сохранения собственной жизни. Словом, как сказал один из пленных офицеров, наша специальная пропаганда стала «составной частью жизни немецких войск».

Успех советской специальной пропаганды во многом определялся «знанием адресата, учетом особенностей его менталитета, морального настроя и психического состояния»[49]. Не меньший эффект производила и оперативная информация, добываемая из лагеря противника (преимущественно с передовой), которая по тем или иным причинам скрывалась от его солдат и офицеров. При подготовке советских материалов информационно-пропагандистского воздействия использовались данные военной разведки, захваченные боевые документы, трофейные письма, протоколы допросов. Пропагандистские материалы, обращенные к солдату противника, стремились ему помочь, вызволить из своеобразной ловушки, дать шанс избежать гибели и увечий. При этом специальная пропаганда использовала основные инстинкты и эмоции солдат неприятеля, попавших в экстремальные условия: страх за свою жизнь и жизнь близких, оторванность от дома и родных, зависть к командирам и «тыловым крысам». Сообщения о лишениях родных и близких в тылу, бездарности командиров, «жирующих» партийных бонзах в тыловых районах Германии, дефиците продовольствия, теплой одежды встречались солдатами противника с доверием и зачастую побуждали их не подчиняться приказам командиров и сдаваться в плен.

Особенно сильное идейное влияние специальная пропаганда оказывала на армии гитлеровских вассалов, войска которых, по признанию их командования, больше прислушивались к советским листовкам и передачам, чем к приказам и словам своих офицеров. Да и многие офицеры этих армий воевали по обязанности, а некоторые из них проявляли антивоенные и антифашистские настроения. Призывы советских спецпропагандистов выйти из войны и порвать с гитлеровской армией многими воспринимались одобрительно. Так, начальник политуправления Воронежского фронта генерал С. С. Шатилов докладывал в августе 1943 г.

в Главное политическое управление РККА: «Все пленные итальянцы имеют наши листовки. Можно сказать, что итальянцы политически разложены при помощи нашей длительной агитации. Нанесенный нашими войсками удар завершил это разложение и встретил блестяще подготовленную к сдаче в плен итальянскую армию»[50]. Подобные сообщения были получены и с других фронтов в отношении румынских, венгерских, словацких и финских войск. Для них наша пропаганда явилась главным оружием их вывода из войны — массовой капитуляции на всех участках советско-германского фронта. В результате в 1944 г. они вышли из немецко-фашистского блока, и А. Гитлер остался в полной изоляции.

После Сталинградской и Курской битв, в завершающем периоде войны, когда непрерывные мощные удары Красной армии по немецко-фашистским группировкам на севере, в центре и на юге советско-германского фронта завершались окружением и отсечением вражеских войск, воздействие специальной пропаганды на противника значительно возросло. Сдавались в плен и капитулировали целые части, соединения и гарнизоны. Военное и морально-политическое превосходство Красной армии, а также непрерывное идеологическое воздействие подрывали боеспособность и ослабляли морально-политический потенциал вермахта. Под влиянием побед Красной армии солдаты и офицеры противника теряли веру в возможность избежать разгрома в войне, несмотря на все заклинания и лживые заверения нацистской пропаганды. Многие солдаты и значительная часть офицеров младшего и среднего звеньев, а также известная часть генералитета выражали недоверие своему фюреру и нацистскому руководству. Драконовские меры против недовольных — казни оппозиционно настроенных генералов и офицеров вермахта, репрессии против семей сдавшихся в плен солдат, преследование жен и детей сдавшихся офицеров и генералов — лишь обостряли назревавший кризис.

Уже после войны стало известно, что обращения пленных немецких генералов-антифашистов к немецкому народу и армии с призывом свергнуть А. Гитлера и закончить опасную для Германии войну вызывали у фашистского руководства сомнения в благонадежности военачальников. В своем дневнике Й. Геббельс 16 ноября 1943 г. писал, что обращения генералов «очень вредят нам», и объяснял их поведение недостаточностью «политического инстинкта». Бывший пленный генерал В. фон Зейдлиц писал в своих послевоенных мемуарах, что «для укрепления лояльности Гитлер вручал командующим группами армий чеки по 200 тысяч марок». Влияние нашей специальной пропаганды стало предметом особого беспокойства и для руководства эсэсовских войск. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер заявил 3 августа 1944 г. на совещании гауляйтеров, что «в результате распространяющейся привычки сдаваться в плен войска потеряли устойчивость». Эту «привычку» формировали удары Красной армии и ее специальная пропаганда.

Сильная сторона деятельности советской специальной пропаганды состояла в том, что политическую работу среди военнопленных из вражеских армий советское командование считало главной составляющей всей системы перевоспитания их основной массы в антифашистском духе и превращении их в друзей советского народа. Ставка ВГК ставила задачу вовлечения антифашистски настроенных солдат и офицеров в спецпропагандистскую работу среди войск противника на фронте, в лагерях военнопленных и среди населения соответствующих стран.

Гуманное отношение к военнопленным имело особое политическое и международное значение. Ведь фашистские правители Германии, преследуя варварские цели физического уничтожения советских людей, в отношении к пленным воинам Красной армии проводили политику их истребления. В то же время советское командование в работе с военнопленными придерживалось соблюдения международных соглашений. 1 июля 1941 г. СНК утвердил «Положение о военнопленных», в котором установил гарантию жизни пленных, порядок и правила содержания их в нашей стране. Положение было переведено на языки всех воюющих против СССР стран и широко распространялось в их армиях. Командование Красной армии строго выполняло постановление правительства. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. подтвердил: «Красная армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь»[51].

Немецкие военнопленные с помощью рупора рассказывают сослуживцам о хорошем отношении к ним в плену

Задачи работы с военнопленными были определены в директиве Бюро военно-политической пропаганды в ноябре 1941 г. и заключались: «В пробуждении у солдат, обманутых Гитлером и его вассалами, классового сознания и воспитании их в антифашистском духе; создании кадров революционных рабочих и крестьян, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его «нового порядка» в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождение оккупированных фашистской Германией стран от чужеземного ига»[52].

Политическую работу среди военнопленных проводили политорганы Красной армии и управлений лагерей для военнопленных при активной помощи компартий и прогрессивных общественно-политических деятелей иностранных государств, находившихся в политической эмиграции в СССР. В политорганах эта задача была возложена на аппарат специальной пропаганды, офицеры которого хорошо знали обстановку в этих странах и владели соответствующими иностранными языками. В 7-м управлении ГлавПУ РККА имелось отделение по работе среди военнопленных и оказанию помощи антифашистскому движению среди них.

Для подготовки из среды военнопленных-антифашистов активистов политической работы среди войск противника на фронте было предусмотрено развитие и укрепление антифашистских школ и курсов, а также проведение специальной работы с активом из пленных солдат и офицеров по участию в передачах через громкоговорящие установки на передовой, в организации отправки обратно в свои части с агитационными целями. На фронтах, вне зоны боевых действий, было развернуто свыше 150 приемных и сборных пунктов, фронтовых пересыльных лагерей для военнопленных. Более 300 стационарных лагерей было создано в годы войны в глубоком тылу на территории СССР[53]. В них была организована политическая

работа среди военнопленных офицерами специальной пропаганды, владеющими немецким, румынским, финским, венгерским, итальянским и другими языками, позднее появились фронтовые школы актива военнопленных.

В работе с пленными широко использовались разнообразные формы индивидуальной и массовой политико-воспитательной работы: печать (книги, газеты, брошюры, листовки), радио- и кинопропаганда, занятия в кружках, митинги, лекции, школы и курсы, то есть привлекался весь арсенал средств и методов перевоспитания пленных. Однако самой первой формой информационно-психологического воздействия на них являлись политические опросы военнопленных, инструкцию по проведению которых разработал 7-й отдел в октябре 1941 г. В ходе собеседования у многих пленных пробуждалось правильное понимание своих интересов в происходящей войне, многие из них изъявляли согласие публично выступить в печати, по радио и в листовках с осуждением войны и фашистских правителей Германии, с призывами к своим товарищам прекратить войну, покинуть фронт. Так, на Сталинградском, Донском и Юго-Западном фронтах за время подготовки и проведения контрнаступательной операции свыше 900 солдат и офицеров противника добровольно выступили через громкоговорящие установки с обращениями к своим сослуживцам, около 3 тыс. пленных написали письменные обращения, свыше 1,5 тыс. человек возвратились в свои части для выполнения агитационных задач.

Индивидуальные опросы пленных дополнялись другой результативной формой работы — групповыми беседами, собраниями и митингами с только что взятыми в плен. Так, офицеры спецпропаганды Донского фронта в ходе бесед рассказывали пленным румынским солдатам и офицерам об освободительных целях и задачах советского народа, раскрывали перед ними, чего добивается А. Гитлер в войне, показывали на конкретных примерах, как он грабит Румынию и истребляет ее народ. В результате уже из первых партий пленных сотни солдат и офицеров поставили свои подписи под обращениями к товарищам на фронте с призывами кончать с войной и переходить в плен к русским. Всего же под Сталинградом сдались в плен 72 тыс. румынских солдат и офицеров. В декабре 1942 г. в лагере военнопленных Юго-Западного фронта собрались на митинг более 4 тыс. солдат и офицеров итальянской 8-й армии, которые единодушно скандировали «Долой войну!»[54].

Офицеры специальной пропаганды фронтов и армий под Сталинградом на сборных пунктах и во фронтовых пересыльных лагерях проводили большую работу с пленными, непосредственной задачей которой было вовлечение в пропагандистскую работу антифашистски настроенных солдат и офицеров с целью скорейшей капитуляции всей немецко-фашистской группировки в излучине Волги. В результате ликвидации окруженной под Сталинградом более чем 330-тысячной армии Ф. Паулюса бессмысленной смертью погибли 240 тыс. немецких солдат и офицеров, 91 тыс. солдат и офицеров сложили оружие и сдались в плен.

Основная работа с военнопленными, как отмечалось выше, проводилась в стационарных лагерях. В них функционировали клубы, библиотеки, читальни, классы для занятий, работали кружки, художественная самодеятельность. Пленные получали издававшиеся специально для них газеты «Свободное слово» («Дас фрайе ворт») — для немцев, «Свободный голос» («Грайул либер») — для румын, «Заря» («Альба») — для итальянцев, «Свободное слово» — для венгров. Позднее стали издаваться газета «Голос солдата» на немецком, румынском, венгерском, итальянском языках, журналы, информационные бюллетени, военнопленные получили возможность ежедневно прослушивать программы наших радиопередач.

Нельзя не отметить разницу в отношении к военнопленным в СССР и в нацистской Германии. Разрушенный и разоренный Советский Союз, население которого в силу обстоятельств было лишено многих жизненных благ, голодало, терпело ужасы войны и разрухи, смог сохранить жизнь большинству немецких военнопленных, и они благополучно вернулись домой. Трагичной же была участь советских военнопленных в нацистской Германии. Политику их истребления часто называют сегодня русским холокостом[55].

Под воздействием побед Красной армии на фронтах, активной работы немецких политэмигрантов, видных деятелей компартии и рабочего движения Германии в лагерях для

военнопленных происходило прозрение немецких солдат и офицеров, сплочение антифашистских и антивоенных сил. 8 октября 1941 г. в Темниковском лагере состоялась первая конференция немецких пленных-антифашистов, на которой было принято обращение к немецкому народу и армии, известное под названием «Обращение 158» (по количеству участников конференции). В нем был выдвинут лозунг свержения А. Гитлера и прекращения войны. Обращение стало политической платформой сплочения военнопленных на базе антифашистских и антимилитаристских настроений.

Капитуляция немецких войск под Сталинградом подтолкнула антифашистскую борьбу немецкого народа и расширила фронт информационно-пропагандистского воздействия на противника. 13 июля 1943 г. на учредительской конференции в Красногорском лагере военнопленных было создано патриотическое движение и избран Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) в составе 21 военнопленного солдата и офицера, а также 12 немецких политических эмигрантов. Президентом НКСГ стал известный в Германии поэт-антифашист Эрих Вайнерт. НКСГ обратился с просьбой к советскому правительству помочь комитету в распространении его пропагандистских материалов через линию фронта и предоставить возможность его представителям и уполномоченным выступать по радио и звуковещательным станциям на фронте. Советское правительство поддержало эту просьбу и дало указание командованию Красной армии создавать благоприятные условия для антифашистской пропагандистской работы этого комитета[56].

11–12 сентября 1943 г. состоялась конференция представителей пленных немецких офицеров и генералов. 100 делегатов из офицерских лагерей пришли к решению образовать антифашистский Союз немецких офицеров (СНО). Конференция приняла декларацию, в которой заявила, что «война для Германии стала бессмысленной и безнадежной», и призвала бороться против А. Гитлера. СНО примкнул к движению НКСГ, его президентом был избран генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, который был командиром 51-го армейского корпуса и предлагал Ф. Паулюсу капитулировать. В центре своей программы они ставили задачу свержения самими немцами гитлеровского режима, чтобы прекратить затеянную А. Гитлером захватническую войну.

Со дня своего создания и до самороспуска в октябре 1945 г. НКСГ и СНО проводили агитационную работу как среди войск и населения Германии, так и среди военнопленных. Комитет выпускал свою газету «Свободная Германия», вел ежедневные радиопередачи, выступал с обращениями, воззваниями, письмами и листовками к различным слоям и категориям населения Германии и военнослужащих в армии. Всего комитет издал и распространил на фронте и в тылу свыше 86 млн экземпляров листовок, газет, брошюр[57].

Особенно эффективной работа этих организаций была в лагерях военнопленных. Их деятельность оказывала на пленных огромное морально-психологическое воздействие. К июлю 1944 г. около 90% немецких пленных солдат и значительная часть офицеров и генералов присоединились к НКСГ и СНО: 7 тыс. офицеров, 51 генерал во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом (вступил в НКСГ в августе 1944 г.) стали его сторонниками и активными участниками. В своем обращении к немецкому народу и армии он заявил: «Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»[58].

В чем состояла сила советской специальной пропаганды? На этот вопрос в значительной мере ответило само немецкое командование. В «Контрразведывательном бюллетене» от 3 ноября 1942 г. штаб 2-й германской армии сделал анализ «большевистской пропаганды». В нем подтверждался широкий размах специальной пропаганды: «Находящиеся на восточном фронте войска буквально наводнены разлагающими советскими листовками и слухами». Признавалась ее целеустремленность и последовательность: «Большевистская разлагающая пропаганда и ее методы продуманы и систематизированы. Становится всё заметнее тенденция разъединить немецкий народ с фюрером, вбить клин между партией и вооруженными силами». Обращалось внимание на массовость специальной пропаганды:

«Советская пропаганда работает как истинно массовая пропаганда на широчайшей базе: она никогда не рассчитывает на сословия и группы, рассчитывает всегда на массы. С ними говорит она народными, солдатскими и специфически местными выражениями, дает возможность немцам обращаться к немцам»[59].

Ростом влияния нашей пропаганды было крайне озабочено финское командование. Об этом свидетельствует инструкция отдела пропаганды группы войск финской армии на Карельском перешейке от 7 августа 1943 г. Говоря об усилении советской пропаганды на солдат своей армии, инструкция предупреждала командиров: «Вопрос идет о попытках сломить наш боевой дух. Для отражения этих попыток каждый командир должен обратить на этот вопрос самое серьезное внимание. Для этого необходимо прежде всего отказаться от таких заблуждений, что якобы на финнов пропаганда русских не действует»[60].

Влияние специальной пропаганды росло по мере продвижения советских войск на запад. Своим систематическим воздействием на солдат противника она дополняла мощные удары войск, способствовала деморализации вражеских армий. По указанию Ставки ВГК работа среди населения освобожденных стран Европы состояла в том, чтобы разъяснять цели и задачи вступления и пребывания Красной армии на их территории, оказывать помощь прогрессивным силам и политически изолировать фашистские и другие реакционные элементы. Непосредственный контакт с населением благоприятствовал работе офицеров специальной пропаганды, позволял вести не только печатную и устную агитацию, но и проводить массовые мероприятия: митинги, собрания, кинопоказы, выставки, концерты, выступления командования и прочее.

В апреле 1944 г. Наркоматом обороны был утвержден специальный план мероприятий информационно-пропагандистской работы среди населения в связи с выходом советских войск на границы Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши[61]. В соответствии с ним в войска направлялись оперативные группы для организации этой работы, военное издательство приступило к выпуску словарей, разговорников, справочников об этих странах, художественных плакатов и фотовыставок. В 7-м управлении ГлавПУ РККА был создан отдел по работе среди населения освобожденных от фашизма государств, который включал отделения по Германии, союзным ей странам и оккупированным противником государствам. Начало функционировать пресс-бюро по обеспечению газет, издававшихся для населения на иностранных языках, статьями и фотоиллюстративными материалами.

Сознавая, что успех политического влияния на местное население освобожденных иностранных государств в значительной мере зависит от поведения советских воинов, их отношения к культуре, традициям и обычаям народов этих стран, органы специальной пропаганды вели большую работу среди личного состава частей Красной армии. Проводились занятия, читались лекции и доклады, в которых разъяснялась политика Советского государства в отношении освобожденных стран, раскрывались исторические, национальные и этнографические особенности проживавшего населения, объяснялись правила поведения советских солдат на чужой земле. Издавались и распространялись памятки по всем этим вопросам для каждого бойца и командира. В них подчеркивалась главная задача наших войск — быстрейший разгром врага и оказание интернациональной помощи местному населению в налаживании мирной, демократической жизни. В целом советские воины, вступая на землю освобождаемых государств: Польши, Югославии, Дании, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, вели себя с достоинством подлинных освободителей.

Например, 3-й Украинский фронт в Болгарии за сентябрь 1944 — май 1945 г. провел среди ее населения тысячи митингов и встреч, 1132 лекции, распространил 163 тыс. экземпляров советских книг и брошюр, издавал газету на болгарском языке «Дружба» с приложением на турецком языке, демонстрировал фильмы и обеспечивал работу советских комендатур в городах[62].

На завершающем этапе войны 7-е управление ГлавПУ стремилось перестроить работу среди населения Германии, понимая, что она значительно отличается от работы с населением ранее освобожденных нашей армией стран. Запуганные фашистской пропагандой, многие

жители уходили на запад, остальные, боясь возмездия, скрывались. Немецко-фашистское командование, отступая под натиском наших войск, оставляло диверсионные группы для организации сопротивления Красной армии. Поэтому задачей специальной пропаганды являлось морально-психологическое воздействие на немецкое население с целью нейтрализации нацистских сил, побуждения местных жителей к выполнению приказов советских военных властей, привлечения их к сотрудничеству, демонстрации им на деле подлинной политики Советского государства в отношении Германии и ее народа, гуманного обращения Красной армии с населением, показа значительной помощи советских войск в налаживании мирной жизни немцев.

С этой целью в ходе наступления по территории Германии органы специальной пропаганды доводили до немецкого населения обращение советского военного командования, в котором разъяснялись цели и задачи Красной армии в этой стране. Особенно широко среди немецкого населения распространялся приказ Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза № 20 от 1 мая 1945 г., в котором говорилось: «Лживая фашистская пропаганда запугивает немецкое население вздорными россказнями — будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирного населения Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»[63].

Разъяснение этих документов и обращений советского командования сопровождалось большой организаторской работой НКО, командующих, военных советов, седьмых отделов политуправлений фронтов по подбору и назначению бургомистров, руководителей отделов магистратов, старост в деревнях и других административных работников из немцев, пользовавшихся доверием у населения и способных сотрудничать с советскими военными властями. Формирование немецкого самоуправления убедительно показало населению, что СССР стремится как можно скорее нормализовать жизнь немцев на демократической основе, чем и опровергались все клеветнические измышления фашистов. В результате целенаправленной информационно-пропагандистской и организаторской работы спецпропагандистского аппарата население Германии активизировалось довольно быстро. Оно стало проявлять инициативу в налаживании экономической и культурной жизни городов и деревень. Росло доверие к военным комендатурам, воинским частям и штабам.

Исключительно большое влияние на настроения немецкого населения произвело объявленное решение советского правительства о снабжении Берлина, Дрездена и других немецких городов продовольствием. Все эти мероприятия нашего правительства широко освещались и разъяснялись населению Германии через листовки, газеты, звуковые передачи, в ходе встреч и бесед с различными слоями местных жителей. Так, с 15 апреля по 2 мая 1945 г. 7-м отделом 1-го Белорусского фронта было издано и распространено среди немецкого населения 1200 тыс. экземпляров таких листовок, а вместе с армиями этого фронта — 2 млн 160 тыс. экземпляров[64]. Листовки убедительно информировали население о важнейших внутриполитических и международных событиях. Однако со второй половины мая 1945 г. главным средством информационно-пропагандистской работы среди населения Германии стали две советские военные газеты на немецком языке — «Теглихе рундшау» («Ежедневное обозрение») и «Берлинер цайтунг» («Берлинская газета»). Их миллионные тиражи пользовались большим спросом у населения.

Значительную роль в работе среди населения играли устная пропаганда через звуковещательные станции, наглядная агитация, организация митингов, концертов, выступлений командного состава, демонстрация советских фильмов. В результате этой работы на завершающем этапе войны удалось нормализовать жизнь местных жителей, ослабить страх рядовых немцев перед войсками Красной армии, усилить доверие и симпатии значительной части гражданского населения к советским военным властям.

Работа по разложению японской Квантунской группировки и войск марионеточного государства Маньчжоу-Го была развернута с началом боевых действий, с 9 августа 1945 г., и направлялась на то, чтобы убедить солдат противника в бессмысленности сопротивления, подорвать у них веру в силу императорской армии, внушить мысль о превосходстве Красной армии и тем самым ослабить сопротивление частей противника. Основными пропагандистскими документами являлись заявление советского правительства и обращения маршала А. М. Василевского «К японской армии и японскому народу», «К морякам японского императорского флота», переведенные на японский язык и распространяемые в миллионах экземплярах с самолетов и другими средствами. Только в течение первых двух дней наступления было распространено около 8 млн экземпляров указанных официальных документов и листовок, разъясняющих их содержание.

В процессе капитуляции Квантунской группировки японских войск активно велась работа среди разрозненных частей и соединений японских войск, продолжавших сопротивление. В ходе десантных операций успешно применялись окопные громкоговорящие установки. После издания японским командованием приказа о капитуляции задачей аппарата специальной пропаганды стало оповещение об этом приказе разрозненных, потерявших связь с командованием соединений и частей противника, которые продолжали сопротивление. К борьбе против японских войск советское командование призывало марионеточные войска, китайское, корейское и монгольское население Маньчжурии (Северо-Восточного Китая). В спецпропагандистских мероприятиях активно участвовали политические органы Монгольской народно-революционной армии.

Оценка эффективности советской специальной пропаганды среди войск, населения и военнопленных противника в годы Великой Отечественной войны и войны с Японией вызывает много споров, существует как недооценка силы пропагандистского воздействия, так и, наоборот, превознесение его над военным фактором. Зарубежные историографы, искажая подлинные цели сторон и ход Второй мировой войны, замалчивая решающий вклад советского народа в дело победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, фальсифицируют и характер нашей пропаганды, ее влияние на войска противника.

Ведущий американский специалист в области психологической войны П. Лайнбарджер так оценивает деятельность советского пропагандистского аппарата в годы Великой Отечественной войны: «Русские достигли блестящих, буквально потрясающих результатов в пропаганде в период военных действий. Они добивались огромнейших успехов в использовании пропаганды в тактических операциях по склонению солдат противника к капитуляции. Они более, чем любая другая страна из Объединенных Наций, использовали средства психологической войны (со значительной примесью политической войны) в целях привлечения на свою сторону населения оккупированных районов. Но, как и все другие, русские, кажется, использовали стратегическую пропаганду как для достижения незамедлительного и всеобъемлющего результата, так и результата, который проявлялся постепенно, вызревая подобно плоду»[65].

В целом, подводя итоги деятельности по руководству специальной пропагандой в годы Великой Отечественной войны, следует отметить, что главным фактором воздействия на войска и тыл противника были крупнейшие победы Вооруженных сил Советского Союза и поражения немецко-фашистской армии, ее союзников и милитаристской Японии. В общие усилия войск, направленные на завоевание победы над врагом, внесла свой вклад и работа по подрыву морального духа частей нацистской Германии и ее сателлитов, вооруженных сил милитаристской Японии.

Победа над фашистской Германией и милитаристской Японией коренным образом изменила обстановку в Европе, Азии и во всем мире, дала толчок глубоким демократическим преобразованиям во многих странах. И в этом также большая заслуга воздействия информационно-пропагандистской работы на войска, население противника и военнопленных из этих стран.

Опыт спецпропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны актуален и сегодня в связи с геополитическими вызовами XXI в. и активизацией деятельности антагонистов России. Непрерывная наступательная борьба против информационно-психологического наступления, организованного недружественными России силами, является одной из актуальных задач информационного противоборства нашего государства.

Феномен советского патриотизма

22 июня 1941 г. советское руководство устами народного комиссара иностранных дел СССР, заместителя председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова заявило: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Через 1418 дней, 9 мая 1945 г., страна услышала слова главы государства И. В. Сталина: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию»[66].

Долгим и трудным, полным драматизма был путь к победе. Война стала жестоким и беспристрастным испытанием советского общества и государства на жизненность и прочность. Народ и армия во имя победы принесли великие жертвы, пережили неисчислимые лишения и страдания и не только отстояли честь, свободу и независимость Родины, но и спасли мир, сокрушив врага, покорившего всю Европу, врага, на которого работал весь ее экономический, военный и в значительной мере демографический потенциал. Совершить этот освободительный подвиг Советскому Союзу оказалось по силам потому, что сильный и жестокий враг столкнулся не с популяциями людей, рассеянных по России, а с народом, готовым и способным самоотверженно сражаться за свое право быть на земле и быть свободным и независимым строителем собственной жизни. Это была победа духа и воли. Ее мировоззренческую, идейную основу составлял патриотизм. Именно он стал мотивом, определявшим сознание и поведение миллионов людей, и воплотился в удивительном явлении — массовом героизме советского народа.

В суровую годину войны ярко проявилось и окрепло в нашем народе священное чувство любви к своему Отечеству. «Патриотизм советского народа, всех его поколений, втянутых в огненное жерло войны, — вот первопричина, начало всех начал нашей Победы»[67]. Развязав войну против нашей страны, захватчики столкнулись с неизвестным для них явлением — всенародным отпором врагу, беспримерным мужеством и массовым героизмом советских людей в борьбе за свободу и независимость Родины. Патриотизм был основным мотивом, определявшим сознание и поведение людей, тем чувством, которое А. С. Пушкин применительно к войне 1812 г. назвал «остервенением народа» и которое в Великую Отечественную приобрело характер всенародного подвига, рождало у миллионов несокрушимую волю к победе, самоотверженность и жертвенность во имя государства.

Силой патриотизма объясняются и всенародный характер Великой Отечественной войны, и высокий нравственный потенциал героически сражавшейся армии, советского тыла, подчинившего себя лозунгу «Всё для фронта! Всё для победы!», и самоотверженное сопротивление в тылу врага. Он был источником удививших мир стойкости, мужества и самоотверженности советских людей. Служение надличностным ценностям и целям определяло их стиль жизни и линию поведения. Оно вобрало в себя доблесть воинов, отвагу партизан и подпольщиков, трудовой героизм рабочих и крестьян, творческое напряжение ученых и конструкторов.

Так что же это такое советский патриотизм? В самой общей форме патриотизм — любовь к Родине, чувство ответственности за ее судьбу, готовность и способность служить ее интересам, содействовать ее успехам во внутренней и международной жизни. Патриотизм — явление социально-историческое: в разные эпохи и у разных народов он имеет различное содержание и различные формы проявления.

Советский патриотизм сложился не вдруг и не сам по себе. Как известно, отношение к патриотизму государства, возникшего в результате социалистической революции, складывалось непросто. В первые годы советской власти понятие «Родина» считалось буржуазным, а патриотизм был заклеймен как чувство, присущее исключительно эксплуататорам. Однако враждебное, агрессивно настроенное по отношению к социалистическому государству внешнее окружение, с одной стороны, и необходимость включения широких масс населения в деятельность по возрождению и укреплению государства, имевшего тысячелетнюю историю — с другой, объективно выводили политическое руководство страны на позиции патриотизма, который все более широко служил мобилизации социальной энергии народа. Как писал английский историк Э. Карр, новое руководство страны по мере удаления от октябрьского переворота «все более и более открыто становилось наследником русской государственной власти и провозглашало свои цели в выражениях, которые для чувствительного уха отзывались безошибочным эхом прошлого России». В итоге же «дело России и дело большевизма начали сливаться в одно неразрывное целое», а политика новой власти стала все более определяться исконными национальными интересами страны[68].

С середины 1930-х гг., когда в стране восторжествовала идея построения социализма в отдельно взятой стране, начался естественный процесс возвращения к патриотическим ценностям. Понятие «Родина» (часто с приставкой «советская») получило большое распространение в официальном, публицистическом и научном языке. В положительном контексте освещались различные исторические события (например, Отечественная война 1812 г.) и персоналии (Александр Невский, Богдан Хмельницкий, Пётр I и другие). В эти годы в советскую культуру была возвращена русская классика: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, созданы многочисленные патриотически ориентированные литературные и музыкальные произведения. В сентябре 1939 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждавшее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений»[69].

Воспитание советского патриотизма велось через государственные и общественные организации, добровольные общества, средства массовой информации, науку, искусство. Важное место в системе патриотического воспитания в предвоенные годы, несмотря на свою очевидную идеологическую основу, составляли октябрятское, пионерское и комсомольское движения. Большой вклад в формирование чувства советского патриотизма, особенно среди молодого поколения, вносили регулярно организовывавшиеся военизированные походы и пробеги, военно-спортивные соревнования и прочее. Военно-патриотическая деятельность в предвоенные годы стала неотъемлемой стороной советской повседневности.

В те же годы усилилась патриотическая направленность в деятельности систем образования и воспитания. Они были ориентированы на активное формирование гражданского сознания молодежи. Еще в мае 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором признали неудовлетворительным историческое образование в стране и осудили отвлеченный, схематический характер учебников и самого преподавания. Стала появляться соответствующая научная и научно-популярная литература. В частности, широкое распространение получила книга Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона в Россию». В 1937 г. был издан школьный учебник истории А. В. Шестакова, который предлагал новую идеологическую парадигму — с апелляцией к отечественной истории, ее героике. Конечно, и после этого в советской школе, ее учебниках и методиках оставалось немало классовой тенденциозности, идеологической предвзятости, наслоений того, что впоследствии было названо культом личности. Но при всем том, и это главное, школа «сеяла вечное, разумное и доброе», учила любви к Родине.

Таким образом, идеологическая и организационная работа коммунистической партии и Советского государства в предвоенные годы была направлена на воспитание патриота и гражданина, гордящегося своей страной — первым в мире государством рабочих и крестьян, уверенного в ее процветающем будущем, стремящимся своим трудом приумножить ее славу. И она преуспела в формировании такой личности с высоким чувством гражданского и воинского долга, ответственности за судьбу Отечества.

С помощью военного всеобуча, военно-спортивных игр, клубов, где можно было овладеть такими специальностями, как летчик, механик-водитель, санинструктор, формировался положительный и романтический образ защитника Отечества. В целом умело поставленная и широко разветвленная система патриотического воспитания граждан, в том числе и воинов Красной армии, способствовала глубокому пониманию населением необходимости защиты Отечества. Высокий дух победы ковался задолго до войны. Война же с новой силой прояснила смысл и содержание советского патриотизма, его сущностные черты и особенности.

Советский патриотизм сложился не на пустом месте. Его содержание и сила определялись тем, что он был неразрывно связан с историей страны, которой не раз приходилось защищаться с оружием в руках от агрессоров с юга, востока и запада, с героическими традициями народа и его вооруженных сил. «Советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа», — заявил М. И. Калинин на собрании партийного актива Москвы в октябре 1940 г.[70] В годы войны мощный всенародный отпор врагу имел своим источником тысячелетнюю российскую историю. «Это она — материализованная в советском обществе История — стала едва ли не самым главным резервом Ставки Верховного главнокомандования»[71]. За боевым строем красноармейцев незримо стояли, укрепляя его дух и волю, воины Александра Невского, ратники Дмитрия Донского, ополченцы Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, чудо-богатыри А. В. Суворова, герои Бородина — солдаты М. И. Кутузова.

Советский патриотизм стал новой, своеобразной формой извечного патриотизма российского народа. В своих основных чертах он не только не противоречил традициям российской государственности и менталитету нации, но вобрал в себя многие элементы русского национального патриотизма. Во многом результатом такой политики стало примирение с режимом значительной части того населения России, которое изначально не приняло революцию и было враждебно по отношению к советской власти. И это способствовало консолидации общества, что, в свою очередь, стало действенным фактором победы в Великой Отечественной войне. В этом отношении характерно свидетельство Г. Гудериана, который в «Воспоминаниях солдата» привел слова старого царского генерала, с которым ему пришлось беседовать в 1941 г.: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать... Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины»[72].

Другая черта советского патриотизма — его державность, под которой понимается восприятие своей страны как великой и единой державы. Она отражает тот исторический факт, что в течение большей части своей истории Россия являлась великим государством, оплотом которого была армия. Державный характер российского патриотизма предопределил чувство большой национальной гордости и личной ответственности за сохранение целостности, суверенитета и независимости Отчизны.

В войне эта особенность советского патриотизма проявилась двояким образом. Во-первых, советские люди понимали, что их Родина, то есть весь Советский Союз, едина и неделима. И житель любого, самого отдаленного от фронта уголка страны осознавал, что там, на фронте решается и его судьба. Об этой стороне советского патриотизма можно судить в сравнении с тем, что было, например, в Первую мировую войну. А. И. Деникин, характеризуя «устои старой (дореволюционной) власти», писал: «Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма... Еще менее идея национальной самозащиты была понята темным народом. Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без всякого сознания необходимости великой жертвы. Его психология не поднималась до восприятия отвлеченных национальных догматов. «Вооруженный Народ», каким по существу была армия, воодушевлялся победой, падал духом при поражении; плохо уяснял себе необходимость перехода Карпат, несколько больше — борьбу на Стыри и Припяти, но все же утешал себя надеждой: «Мы тамбовские, до нас немец не дойдет»[73].

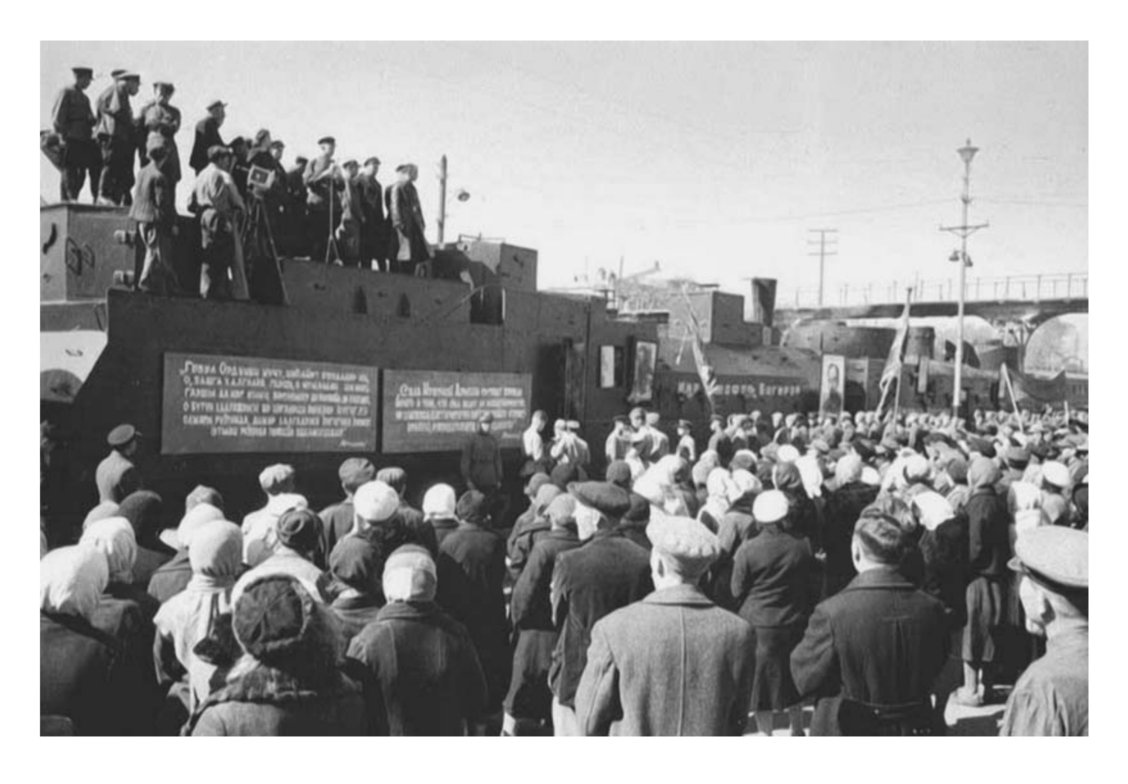
Эвакуация ленинградцев

Один из сталинградских заводов вывозится за Волгу

Труженики сельхозартели «Политотделец» Новосибирской области возле самолета, построенного на собранные ими деньги

Трудящиеся Баку провожают на фронт бронепоезд «Иир Джафар Багиров», созданный на их средства

Торжественный митинг по случаю передачи танковой колонны — подарка Красной армии от жителей Дзержинского района г. Москвы

Эскадрилья штурмовиков «Чапаевцы», переданная трудящимися г. Чапаевска 1-му Белорусскому фронту

Сбор теплых вещей для бойцов Красной армии в колхозе «Пробуждение» Ивановской области

Моряки-балтийцы получают подарки, присланные москвичами

Не так было в Великой Отечественной войне. Даже в крайне неудачные для нашей страны первые месяцы войны было множество фактов героического сопротивления превосходящему по силе и выучке врагу. История помнит оборону полуострова Ханко и Моонзундских островов, Брестской крепости и урочища Зеленая Брама. А позже были изумившие мир Одесса и Севастополь, Смоленск и Тула, Ленинград и Сталинград. «Отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села!», «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!» — так формулировались задачи в призывах Центрального комитета правящей коммунистической партии и приказах народного комиссара обороны. И повсюду бойцы Красной армии сражались с врагом как за родной дом, за свою семью. Отражением этого стали легендарные слова: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва», которые так перекликаются с памятными строками М. Ю. Лермонтова «Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали», или девиз защитников Сталинграда: «За Волгой для нас земли нет!».

Не в силах отрицать мужество и стойкость советского солдата, наши идейные и политические противники утверждают, что бойцы якобы сражались под дулами заградотрядов. Не станем здесь опровергать эту заведомую ложь. Приведем лишь слова русского философа С. Л. Франка. В вышедшей в 1930 г. в Париже книге «Духовные основы личности» он писал: «Самая суровая военная и государственная дисциплина может только регулировать и направлять общественное единство, а не творить его: его творит свободная воля к подвигу воина и гражданина»[74].

В годы Великой Отечественной войны при осуществлении таких мероприятий, как призыв военнообязанных в действующую армию, создание народного ополчения, подготовка резерва, развертывание партизанского движения в тылу врага, организующим началом были не только приказы, распоряжения и постановления правительства и соответствующих ведомств, но и осознанные действия людей по обеспечению отпора врагу.

Свободная воля воина и гражданина, за какие бы тысячи километров от линии фронта он ни проживал, была направлена на защиту единой Родины — Советского Союза. Ярким подтверждением этому является, например, Уральский добровольческий танковый корпус. Его формирование, начатое по инициативе уральских танкостроителей, проходило в городах Свердловске, Молотове, Челябинске, Нижнем Тагиле, Алапаевске, Дегтярске, Троицке, Миассе, Златоусте, Кусе и Кыштыме. Оснащение корпуса боевыми машинами, оружием, обмундированием осуществлялось за счет безвозмездной сверхплановой работы и отчисления части трудового заработка. Рабочие Урала подали более 100 тыс. заявлений о желании стать воинами корпуса, численность которого была определена в 9661 человека. Также за счет добровольцев и средств населения Новосибирской и Омской областей, Алтайского и Красноярского краев проходило формирование Сибирского добровольческого стрелкового корпуса и других частей и соединений. Добровольческие воинские формирования, подобные этим корпусам, создавались во многих регионах страны: Кубанский и Донской кавалерийские корпуса, Ярославская коммунистическая стрелковая дивизия и другие.

В этот ряд можно поставить и широко развернувшееся строительство национальных воинских формирований в союзных и автономных республиках. 13 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о формировании национальных добровольческих кавалерийских дивизий в Туркменистане, Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Калмыкии, Башкирии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Все эти соединения должны были содержаться за счет местных, республиканских бюджетов, а также специальных фондов, средства в которые опять же вносили граждане этих республик.

Патриотическое сознание единства Родины, слитности судьбы каждого человека с ее судьбой рождало невиданные и невозможные в прошлом формы боевого единения населения страны, единства фронта и тыла. Вся страна превратилась в единый боевой лагерь. Крайне неблагоприятная фронтовая обстановка начального периода Великой Отечественной войны вызвала необходимость перебазирования основных производительных сил, важнейших материальных и культурных ценностей из прифронтовых и угрожаемых районов на восток.

В течение июля — декабря 1941 г. было эвакуировано 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных. Вместе с ними прибыли 30–40% рабочих, инженеров и техников. В то же время проводилась огромная работа по эвакуации населения. До 1 февраля 1942 г. по железной дороге были перевезены 10,4 млн человек, 2 млн эвакуированы водным транспортом, еще 8 млн переехали на новые места во время второй волны эвакуации летом 1942 г.[75] Особо отметим, в массе своей это были не беженцы, а эвакуированные граждане, перемещением которых руководил образованный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации и которые на новом месте не чувствовали себя на чужбине, но в большинстве своем активно включались в общий ритм жизни, подчиненный девизу «Все для фронта, все для победы!».

Например, в Пермской области разместились 268 тыс. человек, в Пензенской области — 124,3 тыс., в том числе 54,2 тыс. детей, в Казахской ССР — около 1 млн, в Узбекской ССР — более 1 млн, в том числе 200 тыс. детей. Приток массы людей в тыловые районы страны в экстремальных условиях войны ухудшил материально-бытовое положение населения, что привело к усилению социальной напряженности в тылу. Но, несмотря на это, отношения между эвакуированными и местными жителями различных национальностей на бытовом уровне в целом были дружелюбные. Местное население, как это подтверждают многочисленные исторические источники, проявило братское участие к судьбе эвакуированных сограждан.

Одновременно с вводом в строй эвакуированных заводов на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии развернулось строительство многих новых предприятий, выпускавших военную продукцию. Восток превратился в главный арсенал страны, на нужды фронта там работали примерно две трети всех промышленных рабочих и четверть занятых в сельском хозяйстве. В глубоком тылу размещались многие десятки военных госпиталей. В том же Узбекистане их было более ста.

Державный характер советского патриотизма и овеянной им борьбы советского народа с фашистскими захватчиками обусловил солидарность с ним значительной части белой эмиграции, выступившей за победу соотечественников над Германией. Так, А. И. Деникин заявил, что «судьба России важнее судьбы эмиграции». Когда к нему неофициально обратились эмиссары власовцев с предложением благословить их армию, он категорически отверг это предложение, заявив: «Я воевал с большевиками, но никогда с русским народом. Если бы я мог стать генералом русской армии, я бы показал немцам!»[76] П. Н. Милюков, считал, что И. В. Сталин, восстанавливая территорию Российской империи, фактически реализовал «идеалы Белого движения», что и побудило его выступить с призывом к русской эмиграции встать на сторону СССР. В ответ на упреки, что они, защищая Советский Союз, тем самым защищают И. В. Сталина, писатель-эмигрант М. А. Осоргин ответил: «...когда швыряются бомбы в Московский Кремль, они не в Сталина швыряются, а в сердце России, в ее историческое бытие»[77]. И это была позиция не отдельных индивидов, а абсолютного большинства русской эмиграции первой волны. Есть данные, что около 80–85% эмигрантов, оставаясь противниками советской власти, сочувствовали Красной армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы[78]. И только малая часть российской эмиграции составляла социальную базу, в которой гитлеровцы находили людей, готовых воевать на их стороне.

Еще одна черта советского патриотизма — общенародность. Давно сказано: «Представление часто мнит, что государство держится на силе, но на самом деле основой этого является только чувство необходимости порядка, которым обладают все»[79]. Как бы предваряя эту мысль, Г. В. Гегель писал: «Люди уверены в том, что государство должно существовать и что только в нем может осуществляться особенный интерес»[80] каждого индивида. Вот на этом понимании обусловленности личного благополучия целостностью и прочностью государства и вытекающей из него высокой ответственности за судьбу Родины, ее надежную защиту формировался патриотизм советских людей. Общий патриотический подъем во имя победы сплотил все социальные группы общества. Мужчины и женщины, старики и подростки, люди разного вероисповедания, общественного положения, социальных ори-

ентаций самоотверженно отстаивали независимость Отечества. В этот период тяжелейших за всю историю нашего Отечества испытаний вся страна поднялась на его защиту, проявив несокрушимую волю к победе.

«В страшные дни 1941–1942 гг. и на протяжении следующих двух с половиной лет тяжело и дорого доставшихся побед меня никогда не покидало ощущение, — писал А. Верт, наблюдавший за советскими людьми на протяжении всей войны в качестве английского корреспондента, — что то была их подлинно народная война. Сначала это была война народа, поднявшегося против намного превосходящих сил врага (а в 1941-м, так же как отчасти и в 1942 г., немцы обладали страшной ударной силой), чтобы отстоять свою Родину и собственное существование, а потом — война неагрессивного в душе народа, но теперь разъяренного и решившего доказать врагу свое военное превосходство. Сознание того, что это была их собственная война, было в общем одинаково сильно как у гражданского населения, так и у солдат. Несмотря на то что жизненные условия были очень тяжелы в течение всей войны, а в некоторые периоды — поистине ужасны, люди работали так, как никогда прежде им не приходилось работать; работали иной раз до того, что падали и умирали. Несомненно, и в армии, и среди гражданского населения бывали моменты паники и деморализации — я расскажу и об этом. И тем не менее дух подлинной патриотической преданности и самопожертвования, проявленный советским народом за эти четыре года, имеет мало подобных примеров в человеческой истории, а история осады Ленинграда (и в меньшем масштабе Севастополя) является вообще единственной в своем роде»[81].

Подвиг народа не предполагает, но допускает, что в его среде в лихую годину появляются трусы, предатели, изменники. Их было немало в абсолютном исчислении. Однако они составляли ничтожную долю по сравнению с общей численностью тех, кто на фронте и в глубоком тылу, на временно оккупированной врагом территории самоотверженно сражался или трудился — «день победы приближали, как могли». Так, общее число дезертиров составляло 588,7 тыс. человек, то есть около 1,7% от общего числа призванных[82]. К этому следует добавить, что указы военного времени, направленные на трудовую и военную мобилизацию населения, устанавливали уголовную ответственность граждан за самовольный уход и прогул без уважительных причин, за уклонение от работы на производственном строительстве и от мобилизации на сельскохозяйственные работы и прочее. В соответствии с ними были осужденные, но и в этом случае речь идет об очевидном меньшинстве.

У населения такого огромного государства, каким являлся Советский Союз, не было, да и не могло быть однозначного отношения к утвердившемуся в стране строю, к тому, что делалось в ходе, например, так называемого расказачивания, коллективизации, борьбы с «врагами народа». Тем не менее все это отступило на второй план. Мероприятия правительства по мобилизации сил и средств страны на борьбу с врагом имели всеобщую поддержку.

Еще одна особенность советского патриотизма — его интернационализм. В советское время, в том числе и во время войны, так называли доктрину и политическую практику, утверждавшие в государственности, хозяйственной и культурной жизни общества дружбу и сотрудничество между народами. В советской идеологической системе пролетарский интернационализм противопоставлялся, с одной стороны, буржуазному национализму, понимаемому как шовинизм и идеология национальной исключительности, с другой — буржуазному космополитизму. Но он всегда представлялся в неразрывной паре — советский патриотизм и пролетарский интернационализм.

Советский патриотизм был чужд и в корне враждебен всякому чувству национальной исключительности. Более того, он вобрал в себя множество идей, в том числе национальные и религиозные мотивы. Его характерной особенностью было совмещение этнонациональной и государственной идентичности, которое не вело к размыванию первой, но акцентировало ее частность по отношению к идентичности советской. К примеру, дважды Герой Советского Союза бесстрашный летчик Ахмет-Хан Султан, лично сбивший 30 вражеских самолетов, был сыном лакца и крымской татарки. Как вспоминал Р. Гамзатов, на вопрос: «Чей же ты герой?» Ахмет-Хан Султан ответил: «Я герой не татарский и не лакский. Я Герой Советского Союза!»[83]

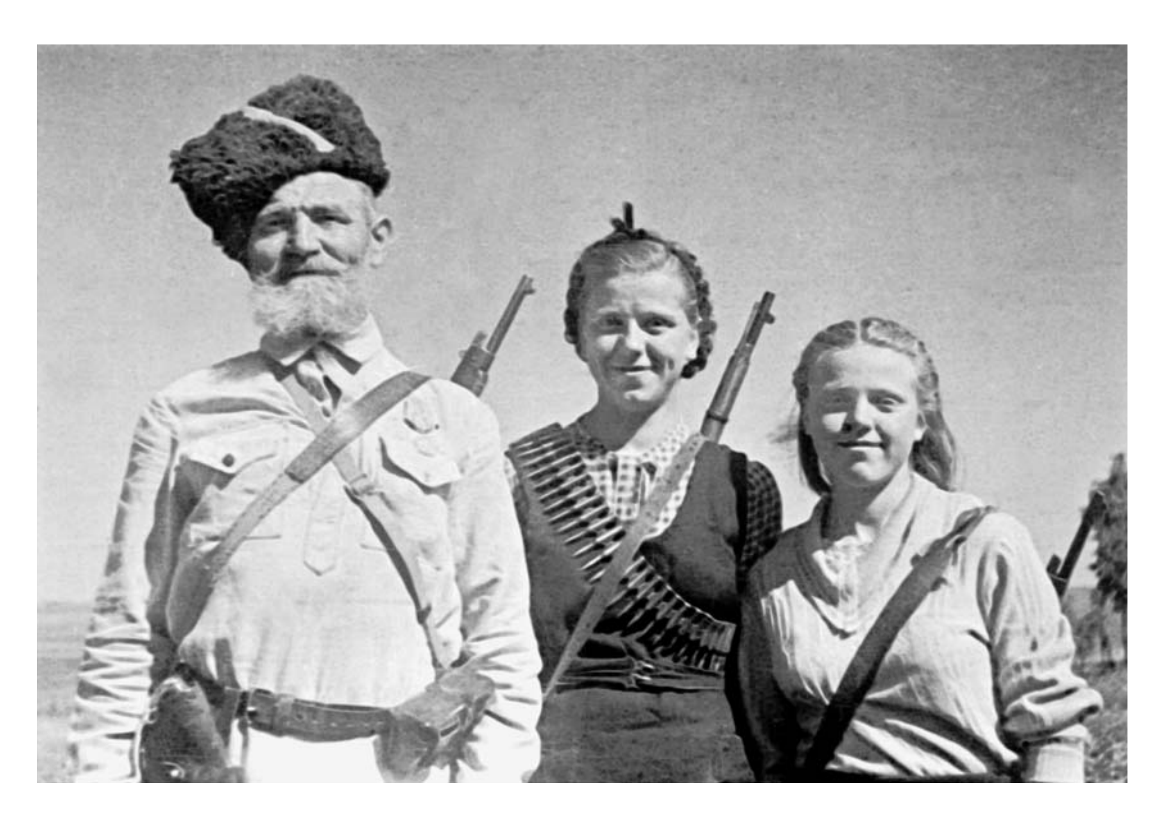
Юный партизан, награжденный медалью «За отвагу»

Местные жители встречают партизан, освободивших деревню

Девушки-партизанки на боевом задании

Партизанская семья

Советские крестьяне снабжают партизан продовольствием

Немецкий военный эшелон, потерпевший крушение в результате партизанской диверсии

Советский патриотизм объединил и сплотил все народы страны вокруг общей задачи по разгрому врага. Многонациональное единство советского общества и, соответственно, содружество народов СССР в годы войны проявилось в различных сферах и на разных уровнях. Можно назвать три основные сферы участия народов СССР в борьбе с немецко-фашистской агрессией: вооруженная борьба на фронте; работа в тылу по обеспечению фронта всем необходимым; всенародная борьба в тылу врага на временно оккупированной советской территории. И в каждой из этих сфер совместность их участия в противостоянии врагу прослеживалась на различных уровнях.

На личностно-индивидуальном уровне оно выражалось в том, что на фронте едва ли не в каждом воинском подразделении плечом к плечу стояли бойцы различных национальностей и едва ли не каждый трудовой коллектив был многонациональным. Брестскую крепость защищали воины более 30 национальностей. Воплощением дружбы и братства народов Советского Союза была прославившаяся в боях под Москвой дивизия И. В. Панфилова, в рядах которой сражались представители более 30 национальностей. Оборону легендарного Дома Павлова в Сталинграде держали бойцы девяти национальностей. Сегодня можно повторить слова, сказанные почти полвека назад: «Если бы в окопах Сталинграда не стояли плечом к плечу сыны России и Украины, Белоруссии и Прибалтики, Кавказа и Сибири, Казахстана и Средней Азии — не было бы Сталинградской победы»[84].

Дружба народов нашла свое отражение и в тылу, особенно при перебазировании производительных сил на восток и в Среднюю Азию, создании и развитии слаженного военного хозяйства во всех республиках СССР, в совместном труде по возрождению территорий, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Так, национальный состав работников Баксанского энергокомбината Кабардино-Балкарской АССР на 1 декабря 1944 г. выглядел следующим образом: 226 русских, 106 кабардинцев и 67 человек других национальностей. На Тырныаузском вольфрамо-молибденовом комбинате были заняты 1177 русских, 333 кабардинца, 215 человек других национальностей[85].

Многие дети-сироты нашли приют в детских домах или в семьях по месту эвакуации. Жители брали на воспитание одного, а иногда и несколько сирот. Так, узбекский садовод из Ошской области Имин-Ахун Ахмедов усыновил 13 детей. Кузнец из Ташкента Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри усыновили и воспитали 16 сирот, в числе которых были русские, узбеки, чуваши, татары, евреи, цыгане.

На социальном (массовом и в то же время безличностном) уровне боевое содружество народов выражалось в том, что каждая союзная и автономная республика, автономная область очень и очень много отдавали фронту: людские ресурсы и боевую технику, продовольствие и обмундирование, а также не поддающиеся физическому исчислению человеческое внимание и заботу. На этом уровне содружество народов выражалось в массовых движениях с целью оказания всемерной помощи фронту: например, создание Фонда обороны Родины, которое началось в первые дни войны и быстро распространилось по всей стране. Широкий размах получили письма и посылки трудящихся на фронт; республики и области отправляли на фронт свои делегации. На средства тружеников Киргизии, например, были построены танковая колонна «Колхозник Киргизии», авиаэскадрильи «Советский Киргизстан» и «Солнечный Киргизстан».

На институциональном уровне дружба народов выражалась в создании общесоюзных, республиканских и областных структур, функционально предназначенных для организации межнационального взаимодействия. 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации. Решения этого совета, утвержденные правительством, являлись обязательными для всех партийных, советских, хозяйственных органов. В наркоматах, республиках и областях создавались комиссии по эвакуации. Для борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей в прифронтовой полосе и в освобожденных от врага районах при исполкомах советов работали комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. При краевых, областных и городских советах имелись комиссии по трудоустройству инвалидов войны. Одновременно при областных, городских и районных советах создавались отделы по государственному

обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Эти отделы занимались выдачей пособий и пенсий семьям военнослужащих, их бытовым обслуживанием и правовой защитой, устройством детей в детские дома.

Большие возможности для проявления инициативы представляла работа трудящихся в постоянных комиссиях. В годы войны они стали наиболее распространенной формой привлечения трудящихся к работе советов. Кроме традиционных комиссий по промышленности, сельскому хозяйству, бюджету, культуре и просвещению, здравоохранению, торговле, общественному питанию, коммунальному хозяйству при советах Северного Кавказа, например, были созданы оборонные комиссии, по эвакуации, государственному обеспечению и бытовому устройству семей фронтовиков. Органы партийной и государственной власти, профсоюзные и другие общественные организации оказывали эвакуированным соотечественникам помощь в улучшении их материально-бытового положения, проявляли заботу об охране их здоровья.

Партийные организации и советские органы власти республик и областей руководили работой по учету и регистрации прибывающего эвакуированного населения, заботились об их расквартировании, трудоустройстве на предприятия, в учреждения и колхозы. Не менее важным было обеспечить их бесперебойное снабжение хлебом за счет специально выделенных фондов, наладить работу санитарной и медицинской служб, обеспечить своевременную выдачу пособий семьям военнослужащих, а также заработной платы по аттестатам семьям командно-начальствующего состава.

Основная тяжесть войны легла на плечи русского народа. Достаточно сказать, что составляя 58,39% в населении страны, он на алтарь победы положил 66,4% безвозвратных потерь вооруженных сил, то есть 5,78% от общей численности национальности[86]. Русские в действующей армии составляли более 70% личного состава. За подвиги, совершенные в годы войны, 11 681 воин был удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза. По последним данным, опубликованным во Всероссийской Книге памяти, звание Героя Советского Союза присвоено представителям 62 наций и народностей, населявших СССР, в том числе 8182 русским, что также составляет 70% от их общего числа. Не случайно на приеме в Кремле в честь Победы И. В. Сталин произнес тост в честь русского народа, заявив, что «он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».

Надо признать, что народы СССР внесли не равный вклад в Победу. И дело не только в том, что они заметно различались по численности, уровню урбанизации (а Великая Отечественная война в значительной мере была «войной моторов»), военному опыту, военно-историческим традициям. В силу разных причин политическое и военное руководство страны в ходе войны (с 1942 г.) приняло решение отказаться от призыва в действующую армию военнообязанных ряда национальностей. 9 октября 1943 г. была издана директива начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии генерал-полковника Е. А. Щаденко, которой предписывалось вплоть до особых указаний не призывать представителей местных национальностей пяти среднеазиатских, трех закавказских республик и семи северокавказских автономий[87]. Тем не менее вместе с русскими плечом к плечу сражались и трудились все народы СССР — по алфавиту: от абхазов до якутов. Их вклад стал мощным дополнительным фактором Победы.

Патриотизм в своей определенной части есть политическое умонастроение. Особенность советского патриотизма состояла в том, что в нем извечная народная преданность Родине нерасторжимо слилась с преданностью советскому строю, который был социальным строем трудящихся и в интересах трудящихся. Нисколько не оправдывая репрессии 1930-х гг., которые нанесли огромный ущерб экономике и военной мощи Советского государства, следует сказать, что они непосредственно и жестоко затронули сотни тысяч людей, в то время как у десятков миллионов постоянно и неуклонно улучшалось материальное и социальное положение. «Люди поверили социалистическим идеалам и боролись за их осуществление, несмотря на имевшиеся тогда недостатки, неудачи и даже преступления»[88].

Патриотизм большинства советских граждан имел четкую идеологическую позицию, исходящую из коренного превосходства социализма над капитализмом и осознания того, что социалистическое государство ведет борьбу с фашистской Германией, что «фашизм — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных империалистов»[89]. Народ поднялся на защиту социалистического Отечества, которое олицетворяла советская государственно-общественная система.

Патриотизм — это не только духовное образование, содержание которого составляет эмоциональный (любовь, гордость) и когнитивный (восприятие Родины как ценности, осознание гражданского долга перед ней) компоненты. Ему чужда созерцательность. Он определяет жизненную позицию человека и выражается в его отношении к людям, обществу, государству. Важнейшая особенность советского патриотизма — его деятельностный характер. Патриотическая позиция предполагает социальную активность и ответственность человека, выражающиеся в непосредственном, живом и действенном участии в общественно-полезной деятельности. Патриотизм для каждого — это труд, творчество, самоотдача во имя своей страны и народа. Деятельностная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для Отечества и государства дела и поступки.

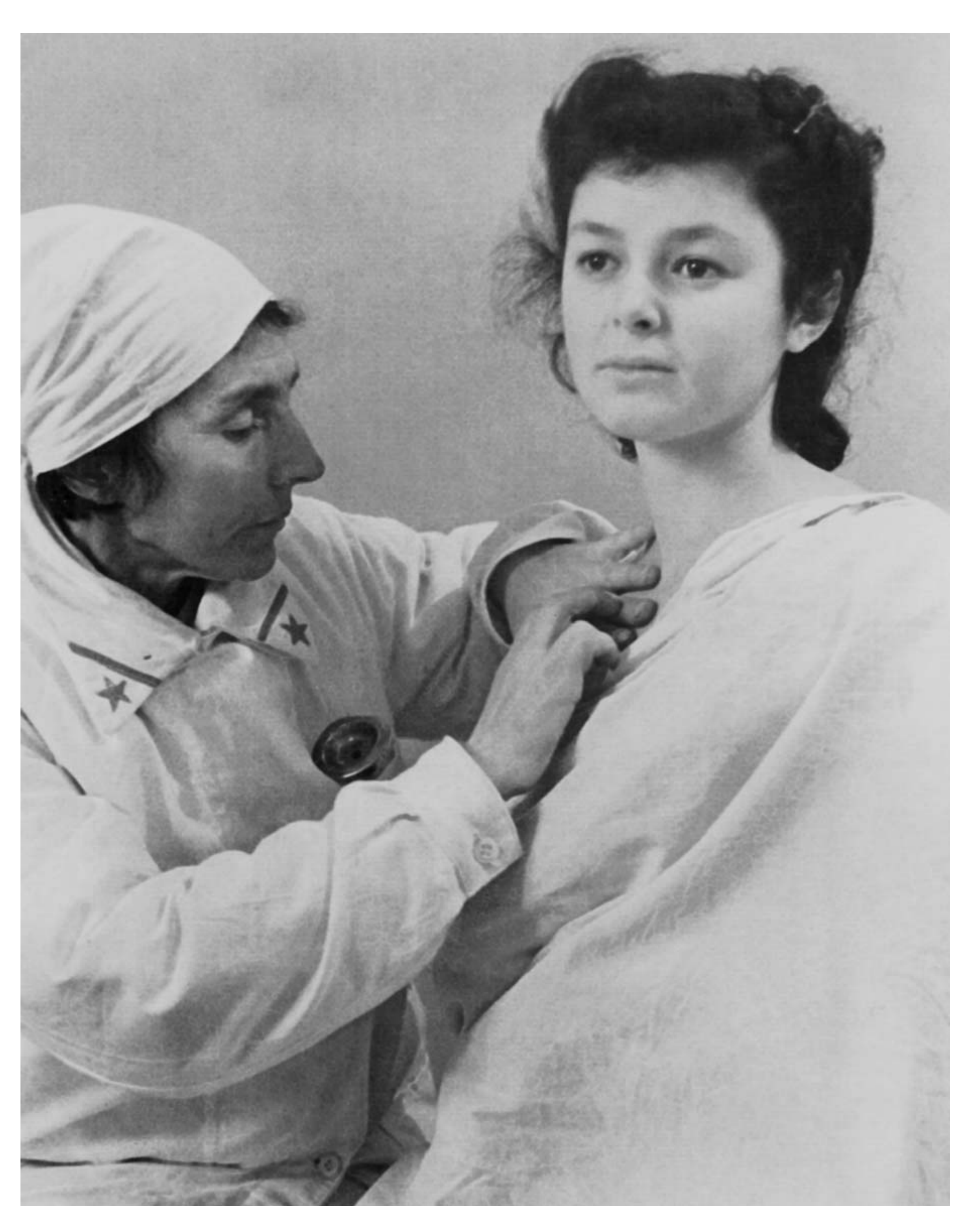
В годы Великой Отечественной войны эта сторона патриотизма свое практическое воплощение находила в готовности и стремлении миллионов людей к непрерывному служению надличностным ценностям и целям. Это служение определяло стиль жизни и линию поведения абсолютного большинства советских людей. Оно вобрало в себя доблесть и мужество воинов, отвагу партизан и подпольщиков, трудовой героизм рабочих и крестьян, творческое напряжение ученых и конструкторов.

В обстановке огромного патриотического подъема проходила мобилизация военнослужащих. Миллионы советских людей встали на защиту Родины добровольно. Например, только в Москве за первые три дня войны граждане подали 70 тыс. заявлений с просьбой отправить их на фронт. В Ленинграде к началу июля 1941 г. в действующую армию влились 45,2 тыс. добровольцев. По некоторым данным, за время войны граждане СССР подали в военные, партийные и советские организации и учреждения более 20 млн заявлений с просьбой о добровольном зачислении в армию. Поток добровольцев в Красную армию не иссякал до самого конца войны[90].

Вот лишь один документ того времени: «23 июня 1941 г... Москва, ЦК ВКП(б), товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Сообщаю, что в течение 23 июня в ЦК КП(б) Таджикистана и военный комиссариат только по г. Сталинабаду поступило свыше 700 заявлений о добровольном зачислении в ряды Красной армии. По линии Наркомата обороны военному комиссариату республики никаких указаний о зачислении добровольцев нет. Просим срочно дать указание о порядке зачисления добровольцев в Красную армию. Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Протопопов»[91].

В годы Великой Отечественной войны, в течение всех ее трудных 1418 дней, героизм стал сущностной чертой поступков тысяч известных и многих миллионов безымянных героев. Они творили подвиг (и в этом тоже его величие) без рисовки и фальши, часто даже не фиксируя собственное подвижничество. Широкий размах приобрело партизанское движение. Летом 1943 г. под полным контролем партизан находилось свыше 200 тыс. кв. км советской земли. Создание и существование партизанских краев и зон было символом жизнестойкости и непобедимости советского народа. Для борьбы с партизанами и охраны своего тыла только в оккупированных районах Московской области гитлеровское командование вынуждено было задействовать около 60 тыс. солдат и офицеров, что равнялось пяти немецким дивизиям, которых ему так не хватало на передовой[92]. В партизанские отряды люди вступали по зову сердца, а не под угрозой репрессий.

Патриотизм стимулировал труд людей советского тыла. Увеличение производительности труда на одного занятого в военной промышленности более чем в два раза в годы войны не могло быть только результатом страха и принуждения. Высочайший патриотизм совет-

Доктор С. И. Диаконович обследует донора Татьяну Эцину перед сдачей крови в блокадном Ленинграде

ских людей трансформировался в материальную силу. Выпуск военной продукции вырастал из года в год. В 1941 г. он составил 140% от уровня 1940 г., в 1942 г. — 186%, в 1944 г. — 215%. Лучший танк Второй мировой войны в 1940 г. выпускался только на одном заводе, где было сделано 117 «тридцатьчетверок». Именно этот завод пришлось эвакуировать, но уже в 1941 г. было выпущено более 4 тыс. боевых машин[93].

Самые напряженные плановые задания выполнялись и перевыполнялись самоотверженным, героическим трудом миллионов людей. На заводах получило широкий размах движение двухсотников, развертывавшееся под лозунгом: «Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт!». Всесоюзное социалистическое соревнование, движение многостаночников, совмещение нескольких профессий, соревнование комсомольско-молодежных бригад, женских тракторных бригад были рождены в ходе войны творческой инициативой советских людей во всех союзных республиках.

Выражением инициативного и ответственного отношения людей к защите Отечества, зримым свидетельством того, что страна и народ сплотились во имя разгрома агрессора, стали различные формы массового движения трудящихся советского тыла в поддержку Красной армии и ВМФ. Массовый патриотизм проявился в донорском движении — добровольной сдаче крови для раненых: за годы войны в стране было 5,5 млн доноров, которые сдали для спасения раненых около 1,7 млн литров крови. Огромную помощь Красной армии оказывали трудящиеся денежными и материальными средствами, за счет которых были созданы Фонд обороны, Фонд Главного командования Красной армии, Фонд здоровья защитников Родины и другие.

Еще одна особенность советского патриотизма связана с тем, что в нем большое место занимает военная составляющая, сформированная в предшествовавшие века. С давних времен древнерусское государство было сдерживающим фактором на пути иноземной агрессии, героически отражая нашествия многочисленных завоевателей с Запада и Востока. Патриотизм в истории России возник, рос и развивался под знаком вооруженной защиты Отечества. Русская история, как никакая другая, богата героическими примерами ратной доблести, мужества, неустрашимости и силы русского духа. Российский историк и писатель Н. М. Карамзин отмечал: «Древняя и новая история народов не представляет нам ничего более трогательного этого героического патриотизма. Боевая слава была колыбелью народа русского, а победа — вестницей бытия его». По мнению одного из крупнейших философов России Л. П. Карсавина, наиболее ярким и стойким носителем любви к Отечеству, истинного патриотизма является армия. Это определяется ее «народной природой». Олицетворяя главное предназначение армии с высшим патриотическим долгом, с идеей наиболее самоотверженного и последовательного служения великой России, русский философ И. А. Ильин писал, что «Русская армия всегда была школой патриотической верности», выступая как «наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования». Армия невозможна без патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию».

Советский патриотизм впитал в себя военные традиции и национальную гордость России. В генетическую память веками воевавшего народа давно и прочно вошло понимание неразрывной связи преданности Отечеству и необходимости самоотверженности в его вооруженной защите. Об этом 22 июня напомнил Местоблюститель Патриаршего Престола в СССР митрополит Московский и Коломенский Сергий. В «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» он писал: «Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника»[94]. Об этом же говорил И. В. Сталин в своей известной речи, произнесенной перед участниками парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве: «Пусть вдохновляет вас в этой войне

мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны советский патриотизм выступал как главная духовная ценность советского общества. С первого и до последнего дня войны он оставался высшей нравственной ценностью и наиболее важным мотивом боевой и трудовой активности советских людей. Исключительные место и роль советского патриотизма в достижении Победы определялись его функциями.

Идентификационная функция состояла в том, что на основе и благодаря патриотизму советские люди, с одной стороны, осознавали свою тождественность, неразрывную связь с Союзом ССР, слитность собственной судьбы с судьбой государства. В них утверждалось чувство гордости за свою страну, народ, которое перерастало в высокое осознание личной ответственности за их будущее. С другой стороны, советский патриотизм возвышал личность, вселял в человека веру в собственные силы и свою значимость. Он дал новые подтверждения тому, что, как писал Г. В. Гегель, «чувство собственного достоинства человека и уважение к нему других соразмерны величине целого, к которому этот человек принадлежит»[95].

Мобилизационная функция советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны также имела двоякое проявление. На индивидуально-личностном уровне она выражалась в активизации, осмысленном сосредоточении и максимальном напряжении духовных и физических сил каждого человека в интересах увеличения собственного вклада в общенародную борьбу с врагом. Советский патриотизм умножал силы человека, он помогал ему преодолевать трудности, утверждал готовность к самоотверженности в труде и бою. В социальном плане советский патриотизм выступал ресурсом, своего рода духовной скрепой, благодаря которой все основные секторы общества действовали вместе ради достижения общей цели. Патриотическая мобилизация социальной энергии масс основывалась на возможности выбора и добровольного участия. Люди сознательно подчиняли себя девизу «Всё для фронта! Всё для победы!», поскольку понимали, что это в их интересах, что это важно для страны и, следовательно, для них.

Мотивационная функция — сознание и чувство советского патриотизма в практическом преломлении означало, что человек одухотворен возвышенными надличностными ценностями и целями. Сознание принадлежности к великой нации выступало внутренним побудительным мотивом к непосредственному участию и наращиванию личного вклада в общенародную борьбу с врагом. Мотив не только побуждает человека к действию, но и определяет, что необходимо сделать и как будет осуществлено это действие. Сотни тысяч добровольцев в начале войны — яркое свидетельство силы и действенности советского патриотизма. Он преломлялся в нравственную установку, которая впоследствии была сформулирована в песне Б. Ш. Окуджавы: «Нам нужна одна победа. Одна на всех — мы за ценой не постоим». Будучи естественной нормой для абсолютного большинства, советский патриотизм воплотился в удивительное, потрясшее мир явление — массовый героизм.

Консолидационная функция советского патриотизма проявилась в единении соотечественников независимо от их возраста, социального положения, национальной принадлежности и религиозности. Несмотря на разнообразие культурных традиций и исторической памяти в советском многонациональном обществе, страна продемонстрировала свою целостность, выдержала тяжелейший экзамен на прочность. При некоторых, по существу, частных отклонениях вся страна превратилась в единый боевой лагерь. Государство и общество, власть и народ, фронт и тыл были сплочены вокруг общей задачи — разгрома врага. И сплоченность эта выстраивалась благодаря советскому патриотизму и на его основе.

Руководство страны понимало, что тяжелейшие испытания требуют прочного и всенародного объединения на основе разделяемых всеми идеалов. Мощная и эффективная система идеологического воздействия, апеллировавшая к долгу и самопожертвованию, вдохновляла, поощряла и каждодневно поддерживала патриотические чувства, трудовой и боевой героизм народа. Широко развернутая в предвоенные годы работа по патриотическому воспитанию населения страны и воинов Красной армии в годы Великой Отечественной войны получи-

ла еще больший размах. Только за первую неделю войны в газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда», «Литературная газета», «Красный флот», «Боевая подготовка» было опубликовано 70 статей о единстве и патриотизме советского народа, характере и целях, которые стояли перед ним в этой войне[96].

Задачи агитационно-пропагандистской работы были сформулированы в газете «Правда», в редакционной статье «Агитацию — на службу Отечественной войне» уже в первые недели войны. В ней отмечалось, что «интересам фронта, задачам организации отпора врагу должна быть подчинена вся партийно-политическая, массово-разъяснительная, культурно-воспитательная, агитационно-пропагандистская работа. Долг агитаторов — партийных и непартийных большевиков — разъяснить населению всю глубину опасности, которая угрожает стране, содействовать мобилизации всей воли, всей энергии советского народа»[97]. Материалы, посвященные пропаганде идей патриотизма, занимали в период Великой Отечественной войны на страницах газеты «Правда» 30%, в «Красной звезде» — 25%, в «Труде» — 23% среди публикаций на другие темы.

В работу по патриотическому воспитанию народа и армии активно включилась наука. Уже 27 июня 1941 г. состоялось заседание ученого совета Института истории АН СССР. На нем было принято решение подготовить и издать 51 брошюру военно-патриотической тематики, содержащую пропаганду героического прошлого страны, разоблачение фашистской идеологии и «расовой теории», популяризацию исторических знаний среди населения страны[98]. В годы Великой Отечественной войны историческая наука разрабатывала первые научные труды по истории народов нашей страны, которые ранее не имели своей письменной истории. Так, в 1943 г. советскими историками, эвакуированными в Алма-Ату, была выпущена «История Казахской ССР» (редактором книги была академик АН СССР А. М. Панкратова), активно шла работа над капитальным трудом «История народов Узбекистана» и другими.

С целью популяризации исторических знаний и патриотического воспитания защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны в рамках Наркомата просвещения, например, было создано Центральное лекционное бюро, которое возглавил нарком просвещения В. П. Потёмкин. 28 мая 1942 г. на заседании Коллегии Наркомата просвещения РСФСР был рассмотрен вопрос «О работе Лекционного бюро». Здесь обсуждалась тематика лекций, рекомендуемых Наркомпросом для чтения среди бойцов Красной армии, флота, трудовых коллективов оборонных предприятий и простых граждан страны[99].

Советский патриотизм — это специфическая форма отношения народов СССР к своему Отечеству. В годы Великой Отечественной войны он доказал свою действенную силу, став одним из важнейших источников Победы. Характерное для него трепетное и в то же время деятельностное и заботливое отношение к Родине остается востребованным и в современных условиях обостряющейся глобальной геополитической конкуренции. Государство и общество объективно заинтересованы в сохранении и приумножении славных патриотических традиций, выработанных как на протяжении всей тысячелетней истории страны, так и в годы самого сурового ее испытания — в Великую Отечественную войну. Патриотизм, как и в прошлом, является надежным и неисчерпаемым залогом силы и величия России. Обладающий огромной мобилизующей и организующей силой, он играет исключительную роль в жизнеустройстве и укреплении государства. «Мы должны строить свое будущее, — сказал Президент России В. В. Путин, — на прочном фундаменте. И такой фундамент — это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумаем»[100].

Опыт народа и армии, приобретенный в годы войны, проявленные ими мужество, стойкость, героизм являются бесценным духовным достоянием нашего общества, важным средством формирования у нынешних поколений соотечественников, прежде всего у вооруженных защитников Отечества, патриотических качеств, готовности следовать боевым традициям, равняться на героев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Международная безопасность и разоружение. Ежегодник Стокгольмского института проблем международного мира. М., 2012. С. 35.

[2] *Серебрянников В. В.* Социология войны. М., 2009. С. 7.

[3] *Ососков Г. В.* Война и мир как социальные явления и предмет философского анализа. М., 2009. С. 80–82.

[4] Россия и СССР в войнах ХХ века. Книга потерь. М., 2010. С. 212.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 535–556.

[6] Великая Отечественная война: вопросы и ответы. М., 2005. С. 224–225.

[7] Там же. С. 226.

[8] Россия и СССР в войнах ХХ века. Книга потерь. С. 222.

[9] См. например: Директива Ставки ВГК № 11072 от 20 апреля 1945 г. (Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1944–1945. В 4-х т. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 229).

[10] *Тюшкевич С. А.* Долг и память. М., 2007. С. 53.

[11] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 10. М., 2014.

[12] *Тюшкевич С. А.* Указ. соч. С. 54–55.

[13] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 830; *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 189.

[14] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 193.

[15] 3 ноября 2004 г. Президентом РФ издан указ № 1392 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» (Российская газета. 2004. 12 ноября).

[16] *Снесарев А. Е.* Философия войны. М., 2003. С. 258.

[17] *Кожинов В. В.* Разгадка «декабрьского чуда» // Время. 2003. 25 ноября.

[18] Не ради славы. К 50-летию Победы. СПб., 1995. С. 329.

[19] *Жуков Ю. А.* Солдатские думы. М., 1987. С. 31.

[20] Советская Россия. 1999. 7 октября.

[21] Красная звезда. 2005. 23 апреля.

[22] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 223.

[23] Totaler Krieg. Stuttgart, 1980. S. 67.

[24] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М., 1982. Т. 12. С. 268.

[25] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

[26] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1998. С. 796.

[27] *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 184.

[28] *Хорст Ш.* До Сталинграда 48 километров. Хроника танковых сражений. 1942–1943. М., 2010. С. 216.

[29] Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945. М., 1985. С. 84.

[30] Военно-исторический журнал. 1982. № 11. С. 81.

[31] *Родимцев А. И.* Гвардейцы стояли насмерть. М., 1973. С. 232.

[32] *Павлова Т. А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Монография. Волгоград, 2005. С. 548.

[33] Военно-исторический журнал. 1972. № 11. С. 24.

[34] Там же.

[35] *Адам В.* Трудное решение. М., 1967. С. 106–107.

[36] *Гуревич Л. С.* Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., 1978. С. 77.

[37] Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VII управление. № 5. М., 1947. С. 57.

[38] International Military Tribunal. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, Nov. 14, 1945 — Oct. 1, 1946. 42 vol. Nuremberg, 1947–1949. Vol. 36. Nuremberg, 1949. P. 410.

[39] Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой. Дуэль пропагандистов на Восточном фронте. М., 2007. С. 32.

[40] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 132. Л. 55.

[41] *Kirchner K.* Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. Band. 10. Flugblätter aus Deutschland 1941. Bibliographie. Katalog. Erlangen, 1987. S. 6–7.

[42] Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggressiongegen die Sowjetunion (1940–1941). Berlin, 1970. S. 262.

[43] *Wedel H. V.* Die Propagandatruppen der deutschen Wehrmacht. Neckargemü, 1962. S. 52.

[44] *Kirchner K.* Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. Band. 10. Flugblätter aus Deutschland 1941. Bibliographie. Katalog. S. 7.

[45] Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VII управление. № 5. С. 56.

[46] *Wedel H. V.* Op. cit. S. 58–63.

[47] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 412. Л. 46–47.

[48] Там же. Оп. 515185. Д. 47. Л. 89.

[49] Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой. С. 22–24.

[50] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 1136. Д. 341. Л. 8.

[51] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. В 3-х т. Т. 1. М., 1946. С. 59.

[52] Архив Государственного архивного управления (далее — ГАУ). Ф. 4/п. Оп. 1. Д. 26. Л. 261–262.

[53] Там же. Оп. 23. Д. 1. Л. 18.

[54] Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VII управление. № 4. М., 1946. С. 34.

[55] Сквозь плен. Немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1941–1956. Фотоальбом // Мемор. музей немец. антифашистов. М., 2007. С. 6–7.

[56] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 591. Л. 352–353.

[57] Там же. Оп. 515184. Д. 47. Л. 99.

[58] Там же. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.

[59] Там же. Оп. 512139. Д. 1. Л. 84.

[60] Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VII управление. № 7. М., 1947. С. 50.

[61] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 369–371.

[62] Там же. Д. 32. Л. 217.

[63] Правда. 1945. 1 мая.

[64] Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VII управление. № 9 (33). М., 1945. С. 6.

[65] *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М., 1962. С. 211–212.

[66] Правда. 1945. 9 мая.

[67] Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 2005. С. 5.

[68] *Carr E.* Socialism in One Country: 1924–1926. L., 1957. Vol. 1. P. 4–22.

[69] *Вдовин А. И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 121–122.

[70] *Калинин М. И.* О воспитании коммунистической сознательности. М., 1974. С. 175.

[71] Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. С. 5.

[72] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 338.

[73] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: В 5-ти т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 88, 89.

[74] *Лузик Н.* Патриотизм — источник массового героизма народа в борьбе против фашизма // Ориентир. 2012. № 12. С. ?

[75] Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 801–803.

[76] *Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 10.

[77] *Осоргин М.* Письма о незначительном // Русский Париж. М., 1998. С. 360.

[78] *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 13.

[79] *Гегель Г. В.* Философия права. М., 1990. С. 286.

[80] Там же. С. 292.

[81] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 6.

[82] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 246–247.

[83] *Бутаев Б.* Амет-хан Султан. М., 1990.

[84] Правда. 1967. 15 октября.

[85] Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Нальчик, 1975. С. 669.

[86] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. С. 238.

[87] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.

[88] Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. С. 6.

[89] Политический словарь. М., 1958. С. 605.

[90] *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.

[91] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201.

[92] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 759.

[93] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 449.

[94] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 44–46.

[95] *Гегель Г. В.* Политические произведения. М., 1978. С. 89.

[96] *Лузик Н.* Указ. соч.

[97] Правда. 1941. 17 июля.

[98] Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 45.

[99] *Гришаев О. В.* Военно-патриотическая тема в работах советских историков в 1941–1945 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2014. № 1 (2).

[100] Российская газета. 2012. 9 декабря.

ИСТОЧНИК ДУХОВНОЙ СИЛЫ ОБЩЕСТВА

Вклад культуры и искусства СССР в Победу

Великая Отечественная война потребовала не только слаженной деятельности фронта и тыла, полководческого мастерства, больших материальных затрат, но и мобилизации всех духовных сил общества. С первых же дней войны патриотический подъем народа проявился с небывалой силой. Высокий моральный дух советских граждан стал важным фактором будущей победы.

Наряду с большой организаторской деятельностью партийных и советских учреждений, направленной на поддержание идейно-политического единства общества, значительную роль в развитии патриотизма играли советская культура и искусство. Руководство сферой культуры и искусства, как и другими направлениями общественной жизни, осуществлялось в годы войны централизованно — Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) через Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР и Главное политическое управление Красной армии. Главная задача формулировалась так: «Интересам фронта... организации отпора врагу должна быть подчинена вся партийно-политическая, массово-разъяснительная, культурно-воспитательная, агитационно-пропагандистская работа»[1].

Организация агитационно-пропагандистской работы проводилась в двух направлениях. Первое включало в себя комплекс мер по укреплению политического и социального единства общества. Эта деятельность, которой и в мирное время отводилась важная роль, в годы войны была значительно усилена. Второе направление предусматривало превращение всех средств культуры и искусства в особое оружие борьбы с врагом, мощный источник духовной силы общества. И хотя на практике эти два направления были органически связаны и почти неотделимы, все же каждое имело свою специфику. Если первое направление являлось по большей части предметом заботы широкого круга партийных, советских работников, армейского политсостава и имело инструментарий в виде системы средств массовой информации, просвещения и пропаганды, то второе направление деятельности стало прерогативой творческой интеллигенции, учреждений культуры и искусства и имело в своем арсенале художественные средства.

Агитационно-массовая работа в годы войны основывалась на отработанной в предшествующий период системе идеологического влияния, но была перестроена с учетом требований военного времени. В передовой статье «Правды», вышедшей в первые дни войны, говорилось о необходимости развертывания широкой сети агитации с целью довести до каждого гражданина опасность, возникшую в связи с нападением врага. «Пусть наша агитация, — говорилось в статье, — дойдет до каждого человека, создает уверенность

в каждом»[2]. При этом было необходимо преодолеть огромные трудности. С началом войны закрылись многие издательства и редакции печатных изданий, сотрудники которых ушли на фронт. Перестали выходить 2263 периодических печатных издания, в 2,5 раза сократился общий тираж выходивших газет[3]. Война привела к резкому сокращению культурно-массовых учреждений. К концу 1941 г. количество клубов и Домов культуры уменьшилось со 118 тыс. в 1940 г. до 59 тыс., а публичных библиотек с 77 тыс. до 48 тыс. Многие из них были заняты под госпитали, штабы военных частей, использовались для хозяйственных и эвакуационных нужд[4]. Но вместе с тем на транспортных узлах, предприятиях, в колхозах и совхозах, воинских частях в самое короткое время было создано более 5 тыс. агитпунктов, информировавших граждан о положении в стране[5].

Особая роль в агитационно-пропагандистской деятельности отводилась средствам массовой информации, прежде всего радиовещанию. Сводки Информбюро, транслируемые 18 раз в день на 70 языках народов СССР на фронте и в тылу, стали не только главным инструментом информирования населения, но и мощным средством мобилизации сил. С 23 июня 1941 г. всесоюзное радио ввело новую передачу «Слушай фронт», в которой транслировались репортажи и корреспонденция тружеников тыла специально для фронтовиков[6]. В первый период Великой Отечественной войны на советском радио возник совершенно новый, нигде до этого не применявшийся вид связи — переписка по радио. Во Всесоюзный радиокомитет поступали письма, в которых граждане, потерявшие связь со своими близкими, просили объявить по радио, что они живы, и сообщали свой адрес. Ежедневно московское радио получало до тысячи таких писем, а всего на первое сентября 1944 г. их поступило более 2 млн.

Делом огромной важности стало проведение эвакуации культпросветучреждений из районов, непосредственно затронутых войной, что позволило сохранить основу культурного достояния страны. Только в Узбекскую ССР было эвакуировано 53 вуза и учреждения Академии наук, а также около 300 творческих союзов и организаций. На север Казахстана (г. Кустанай) были перевезены фонды музея Революции, наиболее ценные книги Библиотеки имени В. И. Ленина, Библиотеки иностранных языков и Исторической библиотеки. В Пермь были отправлены экспонаты Русского музея, Третьяковской галереи, в Свердловск — Эрмитажа. К концу ноября 1941 г. в восточные регионы страны было эвакуировано 60 театров и 40 музеев Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии. Студии «Ленфильм» и «Мосфильм» были переведены в Алма-Ату (Казахская ССР). Секретариат правления Союза писателей и Литературный фонд СССР отправились в Казань, президиум оргкомитета Союза художников СССР и Художественный фонд — в Свердловск.

Несмотря на успехи эвакуации, военные потери отечественной культуры были огромны, а значительной частью невосполнимы. В огне войны были уничтожены многие тысячи произведений искусства, разрушены многочисленные храмы, исторические святыни, памятники. В Новгороде подверглись разграблению фашистских вандалов Софийский собор XI в. и церковь Спаса Нередицы XII в. Только в Московской области сильно пострадало 42 храма, в том числе Ново-Иерусалимский монастырь на Истре. По материалам Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории СССР было разрушено 80 тыс. школ, 44 тыс. дворцов культуры и библиотек. Враг осквернил и разграбил дома-музеи Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, А. С. Пушкина в Михайловском, И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове, П. И. Чайковского в Клину, Бородинский музей памяти Отечественной войны 1812 г. Из 79 художественных музеев, находившихся в ведении Комитета по делам искусств при СНК СССР, были полностью разграблены или частично уничтожены экспозиции 40 музеев, в том числе знаменитые загородные дворцы Ленинграда, из которых увезено в Германию свыше 34 тыс. экспонатов, среди них 4350 уникальных. Стоимость разрушенного и похищенного врагом только в одном Петродворце (в ценах 1940-х гг.) составила 5 млрд рублей, а в г. Пушкине — 4 млрд рублей. В целом по стране из 991 музея частичному или полному уничтожению подверглись 427[7].

Командующий 19-й армией И. С. Конев с военными корреспондентами

Военные корреспонденты М. А. Шолохов, Е. П. Петров и А. А. Фадеев на Западном фронте

Фронтовой корреспондент «Красной звезды», писатель и поэт К. М. Симонов читает стихи бойцам

Драматург А. К. Гладков в составе фронтовой бригады

Работа сохраненных публичных учреждений культуры была серьезно перестроена. Творческие коллективы домов культуры и клубов создавали агитбригады, проводили агитационные мероприятия и концертные программы непосредственно на производственных участках, в госпиталях и местах переформирования военных частей. Государственная публичная историческая библиотека открыла свои отделения на московских станциях метро «Курская», «Сокольники», «Площадь революции». Просуществовавший до 1944 г. «подземный филиал» библиотеки посетили 113 тыс. человек.

Перелом, достигнутый Красной армией в ходе войны, позволил уже в 1943 г. восстановить работу многих библиотек, клубов, домов культуры, изб-читален: только по РСФСР их стало больше на 24 тыс. В результате охват населения агитационно-просветительной работой учреждениями массовой культуры увеличился на 29%, а количество мероприятий, проводимых их коллективами, — на 27%. Количество зрителей, посетивших киносеансы, выросло в 1943 г. по сравнению с 1942 г. на 40%, а в 1944 г. — еще на 33%[8]. С 1944 г. тиражи газет и книг вновь стали расти, возобновили работу ранее закрытые издательства.

Для максимального охвата населения страны, особенно проживающего в прифронтовых и отдаленных районах, активно использовалась особая форма агитационной работы: агитпоезда, агитпароходы, плавучие культбазы, агитвагоны и агитмашины. Так, в 1943 г. и первой половине 1944 г. три агитпоезда постоянно курсировали по железным дорогам страны. Культпросветработниками, артистами, лекторами, входившими в составе их бригад, было прочитано 3248 лекций, дан 1951 концерт, организовано более 3 тыс. киносеансов. Аналогичную работу вели коллективы 12 агитпароходов и 45 культбаз[9].

Просветительную и агитационную работу активно осуществляли и музеи. Приказ Народного комиссариата просвещения от 13 сентября 1941 г. «О мероприятиях по улучшению работы музеев» предусматривал организацию ими передвижных выставок. Передвижные экспозиции «Великая Отечественная война», «Героическое прошлое русского народа», «Великие русские полководцы», «Всенародная помощь фронту», «Партизанское движение» и другие создавались во многих регионах страны, они сопровождались лекциями и тематическими беседами музейных работников.

Важной характерной чертой культурной жизни времен войны стало более внимательное и бережное отношение власти к творческой интеллигенции. И. В. Сталин находил время для личных встреч с ее представителями. Так, например, известно, что он обсуждал с К. М. Симоновым замысел пьесы «Русские люди», просил его писать пьесы «боевые, современные»[10].

Залогом успеха стало то, что сообщество литераторов, композиторов, художников, деятелей театра и кино было консолидировано вокруг общего дела победы, а руководство страны осознавало, выражаясь словами маршала Г. К. Жукова, что «фронту нужно искусство, как хлеб, как окопная махорка»[11]. Сопричастность общей беде и общей борьбе вдохновила деятелей культуры на творческий подвиг во имя спасения Родины. Пожалуй, не было в культурной истории страны другого периода, который бы стал таким же плодотворным в создании подлинно народных произведений искусства. Необходимая база для этого была создана в предвоенную эпоху. На 1 января 1941 г. в государственную сеть входило около 3 тыс. театров; Союз советских писателей включал более 3 тыс. писателей, драматургов и критиков; Союз советских художников объединял 4,3 тыс. живописцев и скульпторов. Профессиональный союз работников искусств насчитывал более 173 тыс. человек[12]. Делу борьбы с врагом служили все искусства, помогая народу жить и побеждать.

Писатели и поэты, пренебрегая опасностью, добровольно уходили на фронт. Из 1215 членов Союза писателей почти половина пошли воевать, многие из них пополнили ряды военных корреспондентов. С первых дней войны начал свою работу в качестве фронтового корреспондента «Комсомольской правды» Аркадий Гайдар, добровольно оставшийся в партизанском отряде и погибший в октябре 1941 г. Военным корреспондентом фронтовой газеты был В. М. Кожевников, возглавивший в 1943 г. литературный отдел «Правды». В боях под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, в штурме Берлина участвовал фронтовой корреспондент «Красной звезды» К. М. Симонов. Схожим был фронтовой путь М. А. Шолохова, А. А. Фадеева, Н. С. Тихонова, В. А. Закруткина, Мусы Джалиля и многих других. Около 400 советских писателей сложили свои головы на поле брани.

Поэт А. Т. Твардовский на пепелище родного дома на Смоленщине

Фронтовой портрет поэта Е. А. Долматовского

Писатель и журналист И. Г. Эренбург с партизанами-евреями из Вильнюса

Близость к «окопной правде» позволила мастерам художественного слова создать подлинные шедевры, ставшие народным достоянием. Одно из таких произведений — поэму «Василий Тёркин» написал А. Т. Твардовский. Классикой мировой литературы стали сочинения К. М. Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются». Советские писатели и поэты в полной мере осознавали чувство своей ответственности за создание литературного фронта против врага. Мастера литературы считали самой высокой задачей советского искусства, говоря словами А. А. Фадеева, «повседневное и неустанное служение оружием художественного слова своему народу в грозные часы битвы». Публицистические и художественные произведения А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, Н. С. Тихонова, В. В. Вишневского, К. М. Симонова, И. Г. Эренбурга несли читателям правду о войне, уверенность в неизбежной победе над врагом, рассказывали о непреклонной воле советских людей, силе духа, которую не может сломить никакой враг. За годы войны были написаны сотни замечательных рассказов, повестей и романов, которые обогатили антологию отечественной литературы. Среди этих сочинений: «Народ бессмертен» В. С. Гроссмана, «У стен Ленинграда» В. В. Вишневского, «Пулковский меридиан» В. М. Инбер, «Волоколамское шоссе» А. А. Бека, «Дни и ночи» К. М. Симонова, «Урал в обороне» М. С. Шагинян, «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова.

Музыкальное искусство ввиду его доступности и огромной силы эмоционального воздействия сыграло особую роль в войне. В военное время были созданы и стали горячо любимы многомиллионной аудиторией многие произведения, вдохновившие людей на подвиг во имя освобождения Родины. «Война, обострившая человеческие чувства и настроения заставила... композиторов острее чувствовать и выражать в песнях эти настроения. Из таких двух творческих факторов, какими являются профессиональная техника и вдохновение, последнее часто оказывалось решающим. Если иногда песни и не оттачивались до профессио-

Композитор Д. Д. Шостакович — боец добровольной пожарной команды консерватории во время дежурства

нального блеска, то, рожденные под влиянием волнующих боевых событий, они появлялись своевременно, звучали убедительно»[13]. Один из старейших композиторов страны Р. М. Глиэр, выступая на пленуме работников искусства 23 июня 1941 г., выразил общие мысли и чувства, сказав, что на композиторах «лежит обязанность дать Родине музыку, которая поднимала бы дух, возбуждала патриотические чувства»[14].

Песенный союз музыки и слова породил многие подлинные шедевры. Огромный эмоциональный подъем в советском обществе вызвала песня «Священная война», ставшая музыкальным символом, настоящим гимном Великой Отечественной войны. Уже на третий день после нападения фашистской Германии в газете «Известия» был обнародован ее текст, написанный В. И. Лебедевым-Кумачом. Композитор А. В. Александров положил слова на музыку, и уже 25 июня руководимый им Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии впервые исполнил это произведение. Через день, вечером 26 июня, состоялся публичный дебют песни на Белорусском вокзале на концерте для бойцов, отправляющихся на фронт. Впечатление, произведенное на слушателей, было ошеломляющим. О том первом публичном исполнении сын композитора народный артист СССР Б. А. Александров рассказывал так: «Словно единый могучий порыв поднял слушателей. Они встали, слушают в полной тишине. Огромной эмоциональной мощью захватила их музыка. На мужественных лицах — слезы волнения, душевного подъема. Песня окончена — просят повторить. Еще и еще звучат слова, которые жадно впитывают человеческие сердца. Песня была созвучна тому, что переживал каждый из слушателей, потрясала их своей суровой простотой». Ее исполнители так же остро чувствовали вдохновляющую силу этой песни. Один из артистов, А. Ф. Лапин, так описывал свое восприятие: «Как воинская присяга звучит песня. Как священная клятва воинов драться до последней капли крови, до последнего дыхания»[15].

Часто авторами признанных народом шедевров становились сами фронтовики. Так, «Песня о Доваторе» была написана на фронте политруком И. Кармазиным и напечатана впервые в армейской газете «За честь Родины», а композитор В. И. Мурадели положил стихи на музыку[16]. Из-под пера фронтовика А. А. Суркова вышла одна из лучших песен «солдатского сердца» — «В землянке». В перерыве между боями на Истре поэт-фронтовик написал свои незабываемые стихи о войне и разлуке, верности и негасимой любви. Уже вскоре после того, как композитор К. Я. Листов создал к ним музыку, песня облетела окопы всех фронтов, стала обязательным номером концертов военных лет[17].

Песни военных лет достигали своей цели, поднимая из глубин солдатских душ, закаленных в боях и невзгодах, чувства любви к близким, своей земле, Родине. По словам Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна: «Песни рождались самим народом, их приносили нашим фронтовикам композиторы и певцы. Мы слышали их по радио, с киноэкрана, с маленькой эстрады на фронте, и всегда песня достигала своей благородной цели: мелодия ее и слова как нельзя лучше выражали наши собственные чувства, и мы ощущали ее своей родной, кровной помощницей. Песня — пожалуй, главная заслуга наших работников искусства, лучшая иллюстрация того, что искусство у нас не замерло во время войны, а, наоборот, быстро перестроилось, переменило тему и посвятило себя главному — завоеванию победы»[18].

Без всякого преувеличения, песня звала на подвиг. Народная артистка СССР К. И. Шульженко вспоминала: «Однажды наш ансамбль выступал в гвардейском авиационном подразделении. После концерта, пожелав гвардейцам новых боевых успехов, мы передали им наказ ленинградцев — больше сбивать фашистских самолетов. «А мы вам обещаем снова приехать с концертом, как только услышим, что сбит еще один вражеский самолет». Нам отвечал прославленный мастер воздушного боя, молодой летчик, Герой Советского Союза Василий Голубев: «Вы бы лучше остались у нас, ведь завтра вам, пожалуй, придется снова приехать. Соревноваться — так соревноваться!» Не успел миновать и один день, как нам напомнили о данном обещании. В этот день Голубев и его товарищи в бою с численно превосходящим противником сбили пять и подбили четыре фашистских самолета. Вечером мы вернулись в часть. Концерт прошел с небывалым подъемом»[19].

Близость и доступность высокого искусства, его огромная эмоциональная сила, определялись и чувством сопричастности композиторов и художников, ощущавших себя в общем строю борцов за освобождение Родины. В этом отношении очень интересны и показательны воспоминания Д. Д. Шостаковича: «Свою Ленинградскую симфонию я писал быстро. Я не мог ее не писать. Кругом шла война. Я должен был быть вместе с народом, я хотел создать образ нашей сражающейся страны, запечатлеть его в музыке. С первых же дней войны я сел за рояль и начал работать... Мне хотелось написать произведение о наших днях, о моих современниках, которые не жалели сил и жизни во имя победы надо врагом. В эти дни я, выходя на улицы, с болью и с гордостью смотрел на любимый город. Опаленный пожарами, испытавший все страдания войны, Ленинград боролся. Это была мужественная борьба!»[20] Симфония № 7 Д. Д. Шостаковича стала гимном непобежденного Ленинграда. Американский поэт К. Сэндберг в июле 1942 г. опубликовал свое восторженное письмо Д. Д. Шостаковичу, в котором были такие слова: «Миллионы людей слушали Ваше музыкальное воплощение России, написанное кровью сердца... Ваша музыка рассказывает миру о великом и гордом народе, непобедимом народе, который борется и страдает для того, чтобы внести свой вклад в сокровищницу человеческого духа и свободы»[21].

Изобразительное искусство в годы войны стало мощным средством инициирования патриотизма и любви к Родине. Палитра и кисть, карандаш и инструменты скульптора были в руках художников, остро чувствовавших боль за свою страну и народ, настоящим разящим клинком. В рядах Красной армии воевали около 900 членов Союза художников СССР. Главным делом художников-воинов стало участие в работе фронтовой печати, изготовлении листовок, сатирических плакатов. На Ленинградском фронте воевал оружием и кистью график Б. И. Пророков, три года работал художником газеты «Красный черноморец»

Л. В. Сойфертис, в боях на Юго-Западном фронте участвовал художник К. И. Финогенов, добровольцем ушел на войну В. Е. Цигаль, прошел дорогами войны с первого до последнего дня живописец А. Ф. Таран и многие другие.

Особую силу их творческому вдохновению придавала глубокая вера в победу. К примеру, в начале войны живописцы студии имени М. Б. Грекова получили задание сделать несколько зарисовок пленных немцев. Когда художник Н. Я. Беляев приступил к выполнению задания, плененный офицер вермахта воскликнул: «Страна завоевана, а они рисуют!» На что рисовавший его Н. Я. Беляев заметил: «Если не возражаете, я несколько позже, в Берлине передам этот рисунок вашим родственникам»[22]. За годы войны советскими художниками была создана настоящая живописная летопись великого испытания советского народа. В тылу и на фронте художники отдавали себя без остатка для приближения победы, участвуя и в повседневной фронтовой деятельности, но наряду с текущей работой они создавали шедевры, пополнившие сокровищницу национального искусства.

В труднейших условиях блокадного Ленинграда совершали свой творческий подвиг художники И. С. Астапов, П. П. Григорьянц, А. А. Казанцев, В. И. Курдов, В. И. Малагис, Н. Е. Муратов и другие; обессилев от голода, Н. М. Кочергин и Я. С. Николаев рисовали лежа. Их работа была остро необходима. «Сейчас кажется совершенно непостижимым, — вспоминал художник В. В. Серов, — что в страшную зиму 1941—1942 гг. выставки так хорошо посещались. Голодные, худые, закутанные люди шли в обледеневшие выставочные залы смотреть новые произведения ленинградских живописцев, графиков, скульпторов»[23]. Экспонаты первой блокадной выставки были переправлены в Москву и выставлены в Музее изобразительных искусств. Среди представленных экспонатов особое внимание зрителей заслужили работы В. В. Серова «Ледовое побоище», И. А. Серебряного «Партизанский отряд», И. А. Владимирова «Разгром немецкого карательного отряда», Е. Д. Белухи «В засаде», скульптуры В. Т. Боголюбова «Юный мститель», В. Б. Пинчука «Балтиец», В. В. Лишева «На трудовых работах». Общественный отклик на выставку был настолько значительным, что решением СНК РСФСР ее экспозиция была полностью передана в фонды Государственного Русского музея.

Все жанры изобразительного искусства в годы войны переживали невероятный подъем. В первые же дни войны художники Н. Е. Муратов, В. И. Курдов, И. С. Астапов, Ю. Н. Петров, В. А. Гальба восстановили работу творческого объединения «Боевой карандаш», созданного еще в период Советско-финляндской войны. Вскоре объединение включало несколько десятков живописцев. За время войны «Боевой карандаш» создал 103 ярких и образных листка, разящих врага сатирой. Гитлеровская пропаганда объявила карикатуристов врагами рейха.

В организации пропагандистской работы широко использовался опыт Гражданской войны, в частности издания плакатов «Окна РОСТА», которые в годы Великой Отечественной войны стали именоваться «Окнами ТАСС». В 1942 г. в беседе с творческими работниками «Окон ТАСС», М. И. Калинин говорил, что когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении Октябрьской революции. В «Окнах ТАСС» работали известные советские художники Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов), П. П. Соколов-Скаля, П. М. Шухмин, Н. Ф. Денисовский, М. М. Черемных и другие. «Их острая сатира, — писала «Правда» 5 января 1945 г., — распространилась не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. О значимости работы наших художников в «Окнах ТАСС» говорят бесчисленные письма со всех концов мира».

В годы Великой Отечественной войны только центральными издательствами было выпущено 800 плакатов тиражом 34 млн экземпляров. По силе эмоционального воздействия с плакатами советских художников И. М. Тоидзе «Родина-мать зовет!», Д. С. Моора «Ты чем помог фронту?!», Н. Н. Жукова «Бей насмерть!», Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», В. Б. Корецкого «Воин Красной армии, спаси!» могли сравниться немногие средства массовой агитации.

Певица Л. А. Русланова выступает перед красноармейцами

Бойцы с передовой на концерте фронтовой бригады Театра миниатюр

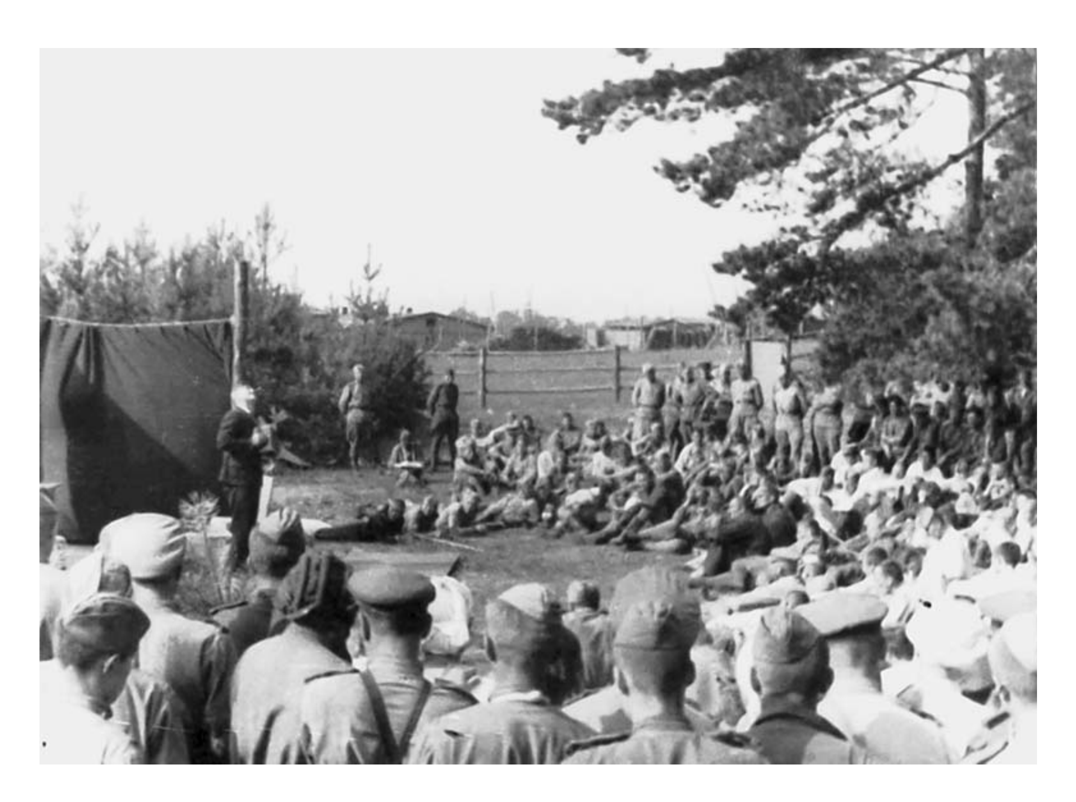
Выступление Л. О. Утёсова с оркестром перед фронтовиками

Группа артистов из Казани в действующей армии

Выступление артистической бригады в войсках

Фронтовой филиал Государственного академического Малого театра СССР

Заслуженный артист РСФСР М. И. Царёв на концерте в освобожденной Полтаве

Сцена из спектакля «Раскинулось море широко» Ленинградского театра музыкальной комедии

Артисты Н. В. Пельцер (слева) и А. Г. Комков в сцене из спектакля «Раскинулось море широко»

Как сатирический жанр изобразительного искусства военной проблематики и мощное пропагандистское оружие использовалась карикатура. Сатирическая графика обладала резко выраженной социально-критической направленностью. Советская карикатура военных лет разоблачала и высмеивала врагов, организовывала и поднимала широкие народные массы на борьбу с ними. Одним из наиболее талантливых авторов злободневных карикатур был Б. Е. Ефимов. Его произведения издавались и отдельными сборниками. Так, в 1942 г. вышел из печати альбом «В партизанском крае. Ловля на живца», а в 1943 г. — сборник карикатур «Гитлер и его свора».

По мере стабилизации обстановки на фронте художники обращались к созданию крупных, масштабных полотен. Живописец Н. Н. Жуков отметил: «Там, на полях битвы, среди множества волнующих событий я остро почувствовал ограниченные возможности графики. Мне стало ясно, что только картина, сложная по своей композиции, обогащенная всей гаммой красок, может полно воссоздать пережитое в дни Великой Отечественной войны, только картина, завершенная и реалистически полноценная, может правдиво рассказать о трудностях борьбы, о торжестве наступления, а главное — о людях, своим мужеством, талантом, трудом, жизнью своей завоевывающих победу»[24].

Торжество народного духа, гордость за советских людей отражает картина «Встреча на Неве (Прорыв блокады)», написанная в 1943 г. В. В. Серовым, И. А. Серебряным и А. А. Казанцевым. Непоколебимость духа защитников Отечества запечатлел в картине «Оборона Севастополя» А. А. Дейнека. Образ матери, объединяющий чувство любви к Родине, выражен картинами С. В. Герасимова «Мать партизана» и Б. М. Неменского «Мать». Одним из самых сильных по эмоциональному заряду произведений не только военных лет, но и советского периода в целом стало полотно А. А. Пластова «Фашист пролетел», на котором убитый пастушок и воющая возле мертвого мальчика собака обнажали бессмысленный и жестокий лик войны, протест жизни против смерти. Дыхание войны в московском пейзаже своеобразно показал П. П. Кончаловский в картине «Где здесь сдают кровь?». Впоследствии художник вспоминал: «Однажды я шел по одному из запушенных снегом переулков Спиридоновки. День еще только начинался. На углу стояли два бойца комендантского патруля в овчинных полушубках. Около них я увидел группу девушек. Проходя мимо, я услыхал, как одна из них спросила бойцов: «Товарищи, где здесь сдают кровь?». Я остановился, пораженный. Я понял в это мгновение, как можно передать войну без выстрелов, без батальных сцен. Как можно рассказать о войне, написав январскую тишину московского утра 1942 года!»[25]

Советские художники-портретисты увековечили образы героев войны от рядовых до генералов. Портрет Героя Советского Союза генерала И. В. Панфилова принадлежит перу В. Н. Яковлева. Ленинградский художник И. А. Серебряный создал целую галерею портретов героев битвы за Родину, в том числе летчика-аса И. М. Шишканя, командира партизанского отряда И. Г. Болознева, партизана В. Е. Тимачёва.

На новый уровень творческого мастерства поднялись в годы войны работы советских скульпторов. Пополнили кладезь отечественного искусства «Зоя», «Партизанка», «Полковник И. Л. Хижняк» В. И. Мухиной, многочисленные работы Н. В. Томского, И. Г. Першудчева, С. Д. Лебедевой, З. И. Азгура и других.

Организация художественных выставок давала людям возможности непосредственного контакта с изобразительным искусством. Первая военная выставка работ художников студии имени М. Б. Грекова, на которой экспонировалось более 200 работ, открылась 16 апреля 1942 г. и имела большой успех. Всего за годы Великой Отечественной войны было организовано более 300 групповых и персональных художественных выставок, 12 республиканских. Особое место занимают две Всесоюзные художественные выставки, устроенные в Москве: «Великая Отечественная война», на которой было представлено 849 работ 25 художников, и «Героический фронт и тыл», экспонировавшей 283 картины 255 живописцев[26].

Война коренным образом изменила и деятельность советского театра. Эвакуация сохранила ведущие творческие коллективы страны. Уже вскоре после начала войны были написаны и поставлены военные пьесы. Очень многие известные литераторы стали авторами ярких

и запоминающихся произведений о войне: А. Н. Афиногенов «Накануне» (1941), В. А. Каверин «Большие надежды» (1942), Братья Тур (Л. Д. Тубельский и П. Л. Рыжей) и Л. Р. Шейнин «Дым Отечества» (1942), К. Я. Финн «Рузовский лес» (1942), А. Е. Корнейчук «Партизаны в степях Украины» (1941), Г. Д. Мдивани «Батальон идет на запад» (1941), К. Я. Финн «Пётр Крымов» (1942), К. А. Федин «Испытание чувств» (1942), А. Н. Арбузов и А. К. Гладков «Бессмертный» (1942), А. Е. Корнейчук «Фронт» (1942), К. М. Симонов «Русские люди» (1942), Л. М. Леонов «Нашествие» (1942), Л. И. Левин и И. М. Меттер «Северное сияние» (1943), К. Я. Финн «Океан» (1943), Н. Ф. Погодин «Лодочница» (1943), А. К. Гладков «Жестокий романс» (1943), А. Н. Арбузов «Домик в Черкизове» (1943), В. П. Катаев «Синий платочек» (1943), Б. А. Лавренёв «Песнь о черноморцах» (1943), М. В. Водопьянов и Ю. Г. Лаптев «Полк Д. Д.» (1943), Н. Е. Вирта «Солдатские женки» (1943), А. Я. Каплер «Партизаны» (1943), К. А. Тренёв «Навстречу» (1943), В. П. Катаев «Отчий дом» (1944), Ф. Ф. Кнорре «Встреча в темноте» (1944), К. Г. Паустовский «Ленинградская ночь» (1944), В. М. Гусев «Сыновья трех рек» (1943), К. М. Симонов «Так и будет» (1944).

Первые спектакли о войне были поставлены уже в 1941 г.: «Крылатое пламя» А. А. Первенцева — в Театре Красной армии, «Батальон идет на запад» Г. Д. Мдивани — в Камерном театре, «Накануне» А. Н. Афиногенова — в Центральном театре транспорта, «Партизаны в степях Украины» А. Е. Корнейчука — в Малом театре[27]. Огромным зрительским успехом, многократно повторенном в театрах мирного времени, пользовались пьесы В. С. Розова «Вечно живые» (1941), Л. М. Леонова «Нашествие» (1942), А. Е. Корнейчука «Фронт» и другие.

Театральное искусство, вынужденное перестраиваться, использовало порой и жанр агитки, ставя спектакли на импровизированных фронтовых и тыловых сценах. В летописи советского театра периода Великой Отечественной войны за 1941 г. записано: «22 июля. Начало выездов агитфургона артистов Московского театра им. Ленинского комсомола под руководством И. Н. Берсенева». Всего за годы войны в составе театральных бригад на фронте участвовали около 40 тыс. актеров, в том числе И. М. Москвин, А. К. Тарасова, Н. П. Хмелёва, А. А. Яблочкина, М. И. Царёв, Н. К. Черкасов.

С первыми победами на фронте в театр возвратился классический репертуар. В вечных темах русской классики зрители находили ответы на жизненные вопросы, поставленные войной, в них черпали веру в лучшее и силы пережить лихолетье. Народный артист СССР А. А. Остужев под впечатлением выступления на фронте писал: «Мало сказать, что мы оказались кстати, мы были нужны и необходимы, долгожданны... Первый раз я так полно ощутил могучую силу искусства, его настоящее значение и смысл. Передо мною была идеальная аудитория, с трепетом ловящая каждое слово, чутко отзывающаяся на каждую интонацию, понимающая всю красоту глубокой мысли и благородного чувства. Это увлечение слушателей совершенно покоряло выступавших артистов, волнение зрительного зала ответно вызывало среди нас необычайный подъем, превращая концерт в яркий, вдохновенный праздник»[28].

Ближе всех к армейскому зрителю были фронтовые самодеятельные творческие коллективы, выступавшие в жанре постановки на злобу дня. По воспоминаниям бойцов 11-й гвардейской армии, у зрителей монтажа «Убей фашиста» «навертывались слезы и сжимались кулаки». Вот описание одного из выступлений на Северном флоте: «Зрители лежали в окопах, актеры лежали в трех шагах, в кустах естественных или искусственных, поставленных нарочно, для маскировки. В этом месте нельзя было громко петь и разговаривать. Поэтому конферансье, по его собственному выражению, произносил свои остроты «зловещим полушепотом», а слушатели покатывались со смеху, зажимая рот ладонью. В таких условиях аплодисментов требовать не приходится, но разве меньшей наградой прозвучал голос бойца: «Спасибо вам, дружки! Так ведь вы играете, как и в самой Москве не всегда играют»[29]. В 1941 г. на фронте выступали 357 актерских коллективов, в 1942 г. — уже 920, при этом число выступлений увеличилось с 32,4 тыс. до 117 тыс. В 1943 г. фронтовых концертных бригад стало 1215, а число выступлений достигло 150 тыс.[30]

Таблица 1

Число фронтовых выступлений московских театров

Название театра	Число выступлений	
	в действующей армии	в резервных частях армии и госпиталях
I. Театры дирекции Главного управления театров		
Фронтовой филиал Театра им. Е. Вахтангова	350	94
Фронтовой филиал Малого театра	168	24
Театр под рук. И. Раевского	342	15
Театр под рук. М. Померанцева	198	41
Студия под рук. А. Арбузова	101	34
Театр музкомедии	222	13
Театр миниатюр «Огонек»	219	27
Театр миниатюр «Агиттеатр»	15	9
II. Театры Мосгорисполкома		
Театр «Искра»	467	22
Хор под рук. Яркова	21	62
Новый театр	–	24
Театр музкомедии	2	17
Кукольный театр	22	–
III. Театры ВТО		
Первый фронтовой театр	224	76
Второй фронтовой театр	363	14
Третий фронтовой оперно-музыкальный театр	–	161
Четвертый фронтовой театр	52	112
Пятый фронтовой театр «Веселый десант»	126	86

Искусство кино в годы войны было одним из самых востребованных. В Алма-Ате на основе киностудий «Мосфильм» и «Ленфильм» была образована Центральная объединенная киностудия (ЦОКС), на которой работали выдающиеся советские режиссеры С. М. Эйзенштейн, И. А. Пырьев, Г. Л. Рошаль и другие. Большая часть выпущенных в годы войны фильмов была отснята именно там.

Киноискусство со своими широчайшими выразительными возможностями, так же как литература, живопись, театр, искало и активно использовало новые формы, служившие решению практических задач военного времени. Военные фильмы первого этапа войны часто имели характер инструкций и наставлений, пропагандировали и популяризировали среди военнослужащих и гражданского населения военные знания, призывали овладевать оружием, учили население бороться с воздушными налетами вражеской авиации. Они знакомили бойцов, ополченцев, партизан с боевой техникой врага, инструктировали, как уничтожать танки противника, распознавать вражеские самолеты, бороться с воздушными десантами. За годы войны было выпущено свыше 500 военных фильмов по самым разнообразным вопросам военного искусства и боевой техники для школ и частей вооруженных сил, для всеобщего военного обучения и военной подготовки населения.

Мощным орудием воздействия на сознание советских граждан являлась фронтовая кинохроника. «Кинохроника представляла собой крупную единую всесоюзную систему, — вспоминал кинодокументалист Р. Л. Кармен. — Операторы, корреспондентские пункты находились под общим руководством. Это дало возможность в течение буквально одних только суток мобилизовать операторов для направления на фронт»[31]. Свыше 200 операторов

Бригада ленинградских писателей (справа налево) Ю. Л. Герман, И. М. Зельцер, А. П. Штейн за созданием сценария для короткометражного фильма «Один из многих»

снимали киноматериал практически на всех участках фронта. За четыре года войны общий метраж негатива военных съемок составил свыше 3,5 млн метров. Было выпущено 400 номеров «Союзкиножурнала», 65 номеров журнала «Новости дня», 24 «Фронтовых киновыпуска», 67 тематических короткометражных фильмов и 34 документальные полнометражные кинокартины[32].

Документальную кинокартину разгрома гитлеровских войск под Москвой, подвига блокадного Ленинграда, Сталинградской битвы, штурма Берлина и многих других больших и малых событий войны мы знаем благодаря съемкам кинооператоров и режиссеров И. И. Белякова, Г. М. Боброва, Т. З. Бунимовича, П. Д. Касаткина, А. А. Крылова, А. А. Лебедева, В. С. Ешурина, Б. Р. Небылицкого, Е. Ю. Учителя, С. Н. Фомина, А. Л. Богорова, Л. Ш. Изаксона, А. П. Софьина, Д. М. Ибрагимов, И. Ф. Малова, И. С. Кацмана, А. Н. Казакова, С. М. Гольбриха, А. Г. Кричевского, Б. М. Дементьева, М. А. Шнейдерова, И. В. Панова, М. Я. Посельского, И. Б. Аронса, Е. В. Мухина, Б. А. Соколова и других. Многие фронтовые хроникеры, подвиг которых позволил донести до народа правду о войне, не дожили до светлого дня победы. Созданная ими «Кинолетопись Великой Отечественной войны» стала подлинным памятником эпохе и ее героям.

Широкую известность в народе получили «Боевые киносборники», снимавшиеся в 1941–1942 гг. и представлявшие собой подборку короткометражных постановочных фильмов, в которых остро и зло высмеивались оккупанты и пропагандировался положительный образ солдата Красной армии.

Полнометражные художественные фильмы военной эпохи были посвящены советскому человеку на войне, его долгу перед Родиной, грядущей победе над врагом. Они воодушевляли

Кинооператор Р. Л. Кармен: снимок на память

Р. Л. Кармен и К. М. Симонов с группой офицеров

советских людей на ратные и трудовые подвиги, звали их на священную борьбу. Кинокартины рассказывали о стойкости бойцов Красной армии, сломившей ожесточенный натиск врага; о благородстве и мужестве защитников Ленинграда, Севастополя, Сталинграда; о летчиках, таранивших своими машинами вражеские самолеты и корабли; о севастопольских матросах, со связками гранат бросавшихся под немецкие танки; о пехотинцах, закрывавших грудью амбразуры немецких дотов; о взятии Берлина и солдате, водрузившем Знамя Победы над поверженной столицей Третьего рейха.

Одним из первых художественных фильмов военных дней стал «Секретарь райкома» режиссера И. А. Пырьева, снятый в 1942 г. Это яркое произведение о начальных днях войны, могучем народном характере, настоящих людях. Бессмертные подвиги народных героев стали неисчерпаемым источником сюжетов киноискусства. Вскоре за «Секретарем райкома» на экран вышли фильмы «Украина 1941 года» И. А. Савченко, «Она защищает Родину» Ф. М. Эрмлера, «Фронт» братьев Г. Н. и С. Д. Васильевых. О стойкости советских людей, оказавшихся в гитлеровской оккупации, рассказывала кинолента «Человек № 217», созданная режиссером М. И. Роммом. Уже в годы войны кинематографисты обратились к образу народной героини Зои Космодемьянской (фильм «Зоя» 1944 г.). Режиссер Л. О. Арнштам показал на примере ее судьбы путь становления целого поколения советской молодежи. Тема сопротивления советских людей фашистским захватчикам получила мощное эмоциональное воплощение и в фильме «Нашествие», поставленном А. М. Роомом по одноименной пьесе Л. М. Леонова.

Огромная многообразная воюющая страна зримо представала перед зрителями в фильмах «Во имя Родины», «Непобедимые», «Машенька», «Два бойца», «Радуга», «Дни и ночи», «Иван Никулин — русский матрос», «Это было в Донбассе», «Парень из нашего города» и других. Кинокартины рассказывали и о буднях фронта: жизни в окопах, землянках, блиндажах, мечтах и думах бойцов. Тема войны оказалась необыкновенно широкой, по существу философской, включив в себя и вопросы смысла жизни, и проблему отношения к смерти.

Уже вскоре после разгрома немцев на Волге был задуман сценарий о событиях Сталинградской битвы, коренном переломе в войне. Подлинные черты этой великой эпопеи, ее детали воссоздавались по рассказам участников обороны Сталинграда и военным документам. Авторы фильма «Великий перелом» — сценарист Б. Ф. Чирсков и режиссер Ф. М. Эрмлер не ставили своей задачей дать документально точное изображение Сталинградской битвы, им важно было в художественных образах раскрыть глубокий смысл событий, во многом определивших дальнейший ход войны. Этот фильм вышел на экраны уже после победы.

Особые эмоции фронтовых зрителей вызывали фильмы о том, что больше всего волновало их сердца: теплоте родного очага, верности и любви близких. Фильм «Жди меня» режиссера А. Б. Столпера по сценарию К. М. Симонова именно об этом. Сюжет картины определялся главными идеями знаменитого стихотворения К. М. Симонова:

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Центральной темой фильма С. А. Герасимова «Большая земля» (1944) стали эвакуация, трудности и лишения, преодолеваемые людьми во имя победы. Т. Ф. Макарова смогла создать достоверный и проникновенный образ простой уральской девушки, готовой прийти на помощь каждому, кто оказался в беде.

Бодрость духа советских людей укрепляли замечательные комедии «Воздушный извозчик», «Беспокойное хозяйство», «Небесный тихоход» с любимыми народом М. И. Жаровым, Н. А. Крючковым и другими замечательными актерами.

Великая Отечественная война актуализировала в кинематографе образы исторических персонажей. Лучшие режиссеры обратили свои взоры к личностям Александра Невского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Богдана Хмельницкого, А. В. Суворова. Большую роль в воспитании патриотизма играли снятые еще в мирные годы ленты о Гражданской войне: «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Волочаевские дни».

В годы войны советские культура и искусство также играли важную роль в сохранении и развитии единого социокультурного пространства, богатых культурных традиций народов СССР. Эвакуированные на восток страны учреждения культуры вызвали там настоящий подъем творческой активности и усилили взаимовлияние многих национальных культур. Центры изобразительного искусства появились в Самарканде и Ташкенте, Кузнецке, Кемерово и Новосибирске, Мурманске и Архангельске. Произведения А. А. Ахматовой, Я. Коласа (К. М. Мицкевича), Н. С. Тихонова, А. Н. Толстого стали издаваться в самых дальних районах огромной страны. В музыке военных лет С. С. Прокофьева, Н. Я. Мясковского, А. В. Александрова и других композиторов зазвучали мотивы народной музыки разных народов СССР. Ярким проявлением многонационального советского искусства в годы войны стали стихи великого казахского акына Джамбула Джабаева «Ленинградцы, дети мои!». Для находившихся в блокаде жителей города на Неве его стихи прозвучали как голос всей страны в их поддержку, они были важны не меньше хлебной пайки или глотка воды.

Советские культура и искусство стали важным фактором духовного потенциала Победы над фашистской Германией, значение которого переоценить невозможно.

Вклад военной печати в формирование морального и боевого духа народа и армии

К моменту нападения на Советский Союз Германия уже обладала достаточно богатым опытом ведения активной пропагандистской деятельности в условиях войны. Он преимущественно был накоплен в ходе подготовки и ведения военных действий в годы Первой мировой войны и в межвоенный период. Третий рейх имел также весьма разветвленный и мощный пропагандистский аппарат со всеми необходимыми кадровыми и техническими возможностями для ведения полноценной пропагандистской войны.

В свою очередь, государственному и партийному руководству Советского Союза понадобилось перестраивать всю систему пропаганды, учиться вести информационно-пропагандистскую и контрпропагандистскую работу уже в условиях начавшихся военных действий. В первые же дни войны возникла необходимость создания государственного информационного органа. С целью сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, обстановки на фронте и в тылу на основании постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. было образовано Советское информационное бюро, руководителем которого был назначен секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. На Совинформбюро возлагались важные задачи: руководство освещением международных событий и внутренней жизни СССР в печати и радио; организация контрпропаганды; освещение событий и военных действий на фронтах; составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования.

25 июня было опубликовано первое сообщение Совинформбюро. С этого дня и до конца войны сводки Совинформбюро выпускались ежедневно. Они пользовались огромной популярностью у трудящихся и служили важным средством массово-политической работы. Всего за годы войны было опубликовано около 2,5 тыс. сообщений. В них назывались имена тысяч героев, отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Наряду с подвигами воинов на фронте в сводках сообщалось и о трудовом героизме советских людей на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. Систематически публиковались итоговые сообщения Совинформбюро о ходе боев за определенный промежуток времени, завершении крупных операций Красной армии, трофеях наших войск и прочем.

Программой всеобщей мобилизации сил на разгром врага стала принятая 29 июня 1941 г. директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей». В директиве были четко определены цели войны, указывались меры по перестройке работы всего пропагандистского аппарата, печати и радио. Документом определялись задачи превращения страны в единый боевой лагерь; перевода народного хозяйства на военные рельсы; организации всесторонней помощи действующей армии; развертывания партизанского движения на оккупированной врагом территории; перестройки всей идейно-воспитательной работы; объяснения народу причин и характера войны с обоснованием ее справедливости и освободительной миссии.

Этого же требовали и директивы Главного управления политической пропаганды РККА (с 16 июля 1941 г. — Главное политическое управление Красной армии). Сформулированные в этих документах задачи фронтовой печати по формированию высокого морального и боевого духа народа и армии оставались актуальными практически до самого конца войны. Вся советская печать, в том числе и военная, была призвана стать не только подлинным летописцем всенародной борьбы с врагом, но прежде всего помочь мобилизовать миллионы людей на борьбу с фашизмом. Мероприятия по организации разгрома агрессора, изложенные в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., определили генеральное направление и в деятельности прессы — сплачивать все силы страны для отпора врагу и достижения победы.

Быстро перестроившись, военная печать возглавила работу по формированию в народной среде и действующей армии высокого морального и боевого духа, разъясняя цели войны и показывая ее справедливый характер для Советского Союза, разоблачая захватнические цели Германии и ее союзников, планы истребления и порабощения народов СССР. В то же время характер Великой Отечественной войны определил для военной печати задачу активной пропаганды идеи защиты Отечества. Красной нитью через все материалы прессы с первых дней войны проводилась мысль единства народов СССР, их сплоченности вокруг советского правительства и ВКП(б). Фронтовая периодика поднимала бойцов и командиров Красной армии на самоотверженные действия, учила их мужеству и стойкости.

В директиве Главного управления политической пропаганды от 23 июня 1941 г. указывались важнейшие направления в деятельности печатных органов в условиях военного времени. Главной задачей печати в боевых условиях было названо воспитание героизма, мужества, самопожертвования, военного искусства, самоотверженного выполнения приказов командования. Газеты были призваны оперативно освещать ход боевых действий, пропагандируя лучшие образцы боевой деятельности бойцов, командиров, политработников, подразделений и частей. Примером такой работы для военной печати стал центральный печатный орган партии — газета «Правда». Именно у «Правды» военные журналисты учились искусству пропаганды целей и задач войны, военной политики государства, умению широко и остро ставить новые вопросы, выдвигаемые перед армией и народом суровой обстановкой военного времени. Именно у «Правды» они брали на вооружение боевой опыт ее фронтовых корреспондентов.

С первых дней войны военная печать призывала воинов до последней капли крови, не щадя своей жизни, драться за каждую пядь родной земли, воспитывала у них высокий моральный и боевой дух, храбрость, отвагу, бесстрашие в борьбе с врагом, ненависть к захватчикам. Но для того, чтобы научиться вести такую деятельность непрерывно и эффективно, нужны были и подготовленные кадры, и определенное время. Война потребовала органи-

зационной перестройки периодической печати, широкого развития фронтовой печати, пополнения ее журналистскими и писательскими кадрами, а также создания новых органов печатной прессы и информации. Для этого за счет значительного сокращения гражданских газет и журналов в срочном порядке была расширена сеть военной печати. Уменьшение количества гражданских газет стало вынужденной мерой, но это позволило создать уже к концу 1942 г. развитую систему массовой фронтовой печати. В целях удовлетворения потребностей фронта в начале войны были упразднены и газеты большинства военно-учебных заведений, чьи кадры и материальная база также переданы фронту.

Во фронтовых газетах были созданы два новых отдела — фронтовой жизни, пропаганды и партийно-комсомольской жизни, а также группа информации. Эти организационно-штатные мероприятия позволили создать гибкую редакционную структуру, отвечающую требованиям фронтовой обстановки и решению насущных задач. Газеты армий таких отделов не имели. Сеть военной печати пополнил большой отряд газет партизанских частей и соединений, подпольных партийных комитетов. Для населения, оставшегося на временно оккупированной гитлеровцами территории, издавались газеты «За Советскую Украину», «За Советскую Латвию», «За Советскую Литву», «За Советскую Молдавию». Помимо этого для населения оккупированных районов Главное политическое управление пропаганды организовало выпуск листовок «Вести с Советской Родины». Для того чтобы печатное слово доходило до бойца любой национальности, служило делу интернационального боевого содружества, было организовано издание газет на родных языках многих народов СССР. В соответствии с требованиями военного времени была проведена необходимая перестройка и флотской печати: на действующих флотах, а также в крупных корабельных соединениях были созданы газеты военно-морских сил. Осуществлялся выпуск газет для населения европейских стран и изданий для войск противника.

Таким образом, военная печать в кратчайшие сроки была перестроена на военный лад. Она выросла количественно и стала многотипной. Созданные в первый период войны военные газеты подразделялись на центральные, фронтовые, окружные, армейские, газеты корпусов, дивизий, бригад, районов ПВО, фронтовые газеты на языках народов СССР, газеты для населения оккупированных районов, населения европейских стран, войск противника. Для личного состава в вооруженных силах издавалось около 1360 газет, в том числе четыре центральные («Красная звезда», «На страже», «Красный флот», «Сталинский сокол»), 18 фронтовых, 90 армейских, 160 корпусных, более 700 дивизионных, 143 Военно-морского флота (общий разовый тираж всех газет составлял 3,5 млн экземпляров)[33]. В годы войны выходило также 13 военных журналов, в их числе «Агитатор и пропагандист Красной армии», «Блокнот агитатора», «Красноармеец», «Фронтовая иллюстрация», издаваемые ГлавПУ РККА.

Правильно и своевременно проведенная организационная перестройка военной печати позволила ей в дальнейшем умело освещать основные вопросы боевой деятельности фронтов, флотов, армий, соединений. Проблематика ее выступлений определялась прежде всего необходимостью формирования у воинов высоких политических, морально-боевых качеств, ненависти к врагу, умения мастерски владеть вверенным оружием и боевой техникой. Эти направления были основными в деятельности военной прессы в ходе всей Великой Отечественной войны, но в разные ее периоды их реализация имела свои особенности, вытекающие из обстановки, складывавшейся на фронтах.

Чтобы как можно быстрее выправить положение дел, сложившееся в системе военной печати в первые дни войны, во фронтовую печать была направлена большая часть работников местных газет. Прежде всего им была оказана всемерная помощь в военной подготовке. Важную роль в становлении военных журналистов сыграли постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов», от августа 1942 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС» и положение от сентября 1942 г. «О работе военных корреспондентов на фронте». Эти руководящие документы помогли журналистам правильно сориентироваться в новых условиях, определить свое место в боевой обстановке и со знанием дела освещать главные вопросы жизни и боевой деятельности войск.

Сотрудница «Ленинградской правды» Ф. Крылова готовит газеты для отправки жителям осажденного города

Общественно-политические и теоретические журналы «Большевик», «Пропагандист», «Партийное строительство», «Пропагандист и агитатор Красной армии» и другие акцентировали свое внимание на более глубоком освещении причин и характера войны, аргументированно разоблачали сущность идеологии фашизма, помещали материалы об антигитлеровской коалиции, мобилизовали на борьбу с врагом.

Исходя из обстановки на фронте, ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление Красной армии, влияя на процесс формирования в народе и армии высоких морально-боевых качеств, постоянно корректировали и направляли деятельность печати. Значительную роль в этом сыграли постановления ЦК ВКП(б) об усилении массово-политической работы в войсках и реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной армии и усилении фронтовых и дивизионных газет.

Право иметь постоянных корреспондентов на фронте было предоставлено Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, редакциям газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Комсомольская правда» и тем республиканским и областным печатным органам, на территории которых проходили военные действия. Повседневная деятельность Комитета радиовещания, ТАСС, редакций центральных газет, фронтовых и армейских изданий строилась таким образом, что для командировок на фронт тщательно отбирали самых лучших сотрудников, обладавших большим журналистским опытом и необходимой военной подготовкой. Всего за годы войны в кадрах Красной армии и Военно-морского флота находились 943 писателя. Из них по литературным специальностям работали 280 человек: 60 — в центральной печати и 220 — во фронтовой, армейской и флотской.

Был предпринят ряд мер по укреплению и расширению центральной военной печати, рассчитанной на средний и старший командный состав: укреплен орган Народного комиссариата обороны — газета «Красная звезда»; вышла в свет новая центральная газета «Красный флот»; состав этих редакций был пополнен новыми силами известных советских писателей. На протяжении всей войны в «Красной звезде» работали П. А. Павленко, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов, А. А. Сурков, В. С. Гроссман, систематически сотрудничали Н. С. Тихонов и другие. Анализ деятельности газеты «Красная звезда» за эти годы показал, что она сыграла большую роль в разработке и освещении важнейших вопросов тактики, оперативного искусства, использования родов войск в ходе войны, в вооружении командных кадров боевым опытом, их политическом воспитании и идейной закалке.

Ежедневная газета Народного комиссариата ВМФ «Красный флот», выходившая в 1938–1946 гг., освещала боевую деятельность флота, боевую и политическую подготовку личного состава ВМФ, рассказывала о подвигах воинов флота под Одессой, Севастополем, Ленинградом, при обороне полуострова Ханко, публиковала аналитические материалы о боевых операциях флотов и военных флотилий. Газета пропагандировала боевой опыт мастеров морского боя, опыт работы лучших политработников, комсоргов, агитаторов. Постоянными авторами «Красного флота» были А. С. Новиков-Прибой, В. В. Вишневский, Л. С. Соболев, В. П. Ставский, Д. Бедный и другие выдающиеся публицисты.

Значительную роль в формировании высокого морального и боевого духа народа и армии, пропаганде военно-теоретических, военно-политических, военно-прикладных и учебно-методических знаний, связанных с жизнью и деятельностью вооруженных сил, сыграли военные журналы — печатные периодические издания, ставшие одним из основных средств информации и пропаганды, главным образом среди военных читателей. В годы Великой Отечественной войны издавалось более 20 военных журналов. В их числе «Агитатор и пропагандист Красной армии», «Блокнот агитатора Красной армии», «Блокнот агитатора Военно-морского флота СССР», «Вестник Воздушного флота», «Военно-инженерный журнал», «Военно-медицинский журнал», «Военно-санитарное дело», «Военный вестник», «Журнал бронетанковых и механизированных войск», «Морской сборник», «Техника Воздушного флота», «Санитарная оборона», «Связь Красной армии», «Красноармеец», «Краснофлотец», «Тыл и снабжение Красной армии», «Фронтовая иллюстрация». В них публиковались приказы Верховного главнокомандующего, статьи генералов и офицеров, пропагандировался

боевой опыт видов вооруженных сил и родов войск, требования уставов и прочее. Большую роль в этом плане сыграл журнал «Агитатор и пропагандист Красной армии» — военно-политический журнал ГлавПУ РККА.

Во фронтовые газеты шли писатели, столичные журналисты, опытные кадры полиграфистов. Они своими глазами видели и победы, и поражения наших войск и считали своим долгом быть там, где решалась судьба Отчизны, находиться вместе с бойцами действующей армии. На военных корреспондентов возлагалась обязанность обеспечивать печать и радио страны информацией и материалами, освещающими боевой опыт частей, бойцов и командиров действующей армии, опыт партийно-политической работы в войсках. Главной задачей являлся показ людей фронта, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной смекалки, ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины. Фронтовые корреспонденты сыграли важную роль в освещении военного положения страны и пропаганды опыта боевых действий. Лучшие из них на деле показали, каким сильным оружием может стать печать в разгроме врага.

Первый период войны был особенно тяжелым. Часто войска Красной армии сражались в исключительно неблагоприятных условиях. За первые три недели боевых действий гитлеровские войска, используя все преимущества первого удара, оккупировали значительную часть территории СССР. Советским войскам пришлось оставить Латвию, Литву, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. Осенью 1941 г. враг уже был на подступах к Ленинграду, угрожал Москве, рвался к Харькову, Донбассу, Севастополю. Врага необходимо было остановить любой ценой, мобилизовав все материальные и моральные силы страны для борьбы, а этого можно было добиться только при условии, если каждый советский человек осознает всю глубину опасности, нависшей над страной. Вот почему важнейшая задача военной печати в этот период состояла в том, чтобы в трудный для Родины час помочь воинам армии и флота уяснить их особую личную ответственность. В первую очередь, военнослужащим и народу необходимо было показывать справедливый и освободительный характер Великой Отечественной войны.

Фронтовые, армейские и дивизионные газеты из номера в номер публиковали материалы, раскрывающие всенародный характер борьбы нашего народа против фашизма. Они призывали воинов действовать смело и решительно, не давая никакой пощады оккупантам. Следуя политическим догмам того периода, центральные газеты всемерно пропагандировали идеи о защите социалистического Отечества. Материалы, посвященные наследию вождя пролетариата по военным вопросам, отличались страстностью, убедительностью. И это было не случайно: их авторами подбирались старые и закаленные большевики, а зачастую и соратники В. И. Ленина. Десятки статей, написанных для центральной прессы, принадлежали перу М. И. Калинина. Многие из них обосновывали настоятельную необходимость до последней капли крови отстаивать каждую пядь родной земли. Примером может служить статья «Ленин о защите социалистического Отечества», появившаяся сначала на страницах газеты «Правда», а затем перепечатанная практически всеми военными газетами.

Пропагандируя на своих страницах заветы о защите социалистического Отечества, военная печать смогла сформировать у воинов высокие патриотические качества, поднять их на беспощадную борьбу с оккупантами. Успешно и профессионально вели эту деятельность газеты Ленинградского, Волховского, Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, многие многотиражные газеты дивизий, оборонявших Минск, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Тулу, Москву.

Большую роль в воспитании у воинов четкого и осознанного понимания справедливых целей и задач нашего народа в борьбе против фашистской Германии сыграли публикации в военной печати документов партии и правительства. Такие материалы смогли помочь каждому бойцу определить свое место на фронте, показывали, какими качествами должен обладать защитник Родины в годину нависшей над ней смертельной опасности. Важную роль в разъяснении справедливых целей войны призваны были сыграть речи, доклады и приказы Верховного главнокомандующего. Военная печать не только публиковала эти

документы, но и проводила вокруг них широкую разъяснительную работу. Им посвящались пропагандистские статьи, отклики бойцов, письма-обращения тружеников тыла к воинам-фронтовикам, организованные сотрудниками газет и журналов. Главная мысль всех этих выступлений в средствах массовой информации заключалась в необходимости мужественно бороться за правое дело.

Военные газеты создавались и реорганизовывались в самых разных, порой очень сложных условиях. Например, газета Калининского фронта «Вперед на врага» создавалась в тяжелые октябрьские дни 1941 г., в самый разгар битвы за Москву. Войскам фронта, была остро необходима своя солдатская газета. В прифронтовом городе Бежецке редакции были выделены две комнаты: в одной развернули типографию, а в другой расположилась редакция. Всю ночь с 27 на 28 октября в редакции и типографии шла работа над первым номером, а рано утром он уже был в войсках. Поступив на вооружение воинов, газета стала для них боевым другом, учителем и советчиком. В 1941 г. в газету «Вперед на врага» пришли писатели И. Л. Андроников, С. И. Кирсанов, Р. Ю. Бершадский, Г. А. Иолтуховский, С. Д. Скляренко и другие.

Активный, боевой характер был присущ материалам, публиковавшимся в газете «Красноармейская правда» Западного фронта. Когда в октябре 1941 г. немцы предприняли новое наступление на вяземском направлении, «Красноармейская правда» обратилась к бойцам: «Слушай, товарищ, слушай, сын Родины, слушай, боец! Днем и ночью скрежещут гусеницы танков, не смолкает гул взрывов, гудят самолеты. Днем и ночью идет великая битва, в которой свирепый враг все поставил на карту. Дело идет о жизни и смерти! Но великий народ не может умереть, а чтобы жить, надо преградить путь врагу, надо победить! Бей врага, и пусть ненависть к нему удесятеряет твои силы! Бей врага, пусть любовь к Родине удесятеряет твое мужество!»[34]

Анализ авторского состава, выступавшего в армейских, фронтовых и центральных военных газетах в октябре 1941 г. по вопросам пропаганды боевого опыта, показал, что в центральной военной печати 62% авторов были офицерами и 4% — генералами. Материалы же штатных корреспондентов составили 34%. А вот во фронтовых и армейских газетах картина была несколько иная. Так, в газете 1-й гвардейской армии «За нашу победу» 60% авторов были рядовыми и сержантами, 25% — офицерами и 15% — штатными сотрудниками редакции. В газете 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» по данной тематике выступили 45% авторов из числа рядового и сержантского состава, 22% материалов подготовили офицеры и 33% — штатные сотрудники газеты[35]. Таким образом, основными авторами материалов на темы боевого опыта в армейских и фронтовых газетах были солдаты, сержанты и офицеры, а в центральной прессе — офицеры. При этом число штатных авторов в центральных и фронтовых газетах было значительно больше, чем в армейских. И этому есть объяснение: такая тематика требовала более высокого уровня военной подготовки работников фронтовой и центральной печати, вот почему многие из них были призваны в газеты из войск, со штабных и командных должностей.

На самом видном месте, на первых полосах все газеты страны, в том числе и военные, ежедневно печатали оперативные сводки Совинформбюро, размещали статьи командиров и политработников, письма воинов и партизан, корреспонденции собственных военных журналистов. В газетах широко отражалась большая и напряженная работа государства по укреплению и боевому оснащению армии и флота.

Лозунг «Остановить врага!» определял содержание работы всей печати. Рассказывая о героических буднях наших войск под Брестом, Минском, Рава-Русской, Владимиром-Волынским, Новгородом, Демьянском, Старой Руссой, Ржевом, Ельней, Смоленском, Киевом и Ленинградом, газеты наглядно показывали, что стойкость советских воинов несгибаема, что их сопротивление захватчику непрерывно растет. Вместе с тем печать не преуменьшала и опасности, нависшей над страной.

Опыт уже первых месяцев боев показал, что бойцы и командиры Красной армии сражаются самоотверженно, героически. В материалах военных газет много места уделялось рассказам о героических действиях и их пропаганде[36]. Со страниц «Красной звезды», «Сталинского сокола», «Красного воина» страна узнала о подвигах Н. Ф. Гастелло, направившего

свой горящий самолет на колонну вражеских машин, С. И. Здоровцева, П. Т. Харитонова, В. В. Талалихина, совершивших таранные удары по вражеским самолетам, и многих других. Воспитание личного состава на примерах беззаветного героизма приобрело широкий размах уже осенью 1941 г. Так, на Юго-Западном фронте в те дни образцом для всех стали подвиги бойцов и командиров 41, 87 и 99-й стрелковых дивизий, 1-й противотанковой бригады. Их славным делам посвящались боевые листки, листки-молнии, листовки. О них писали дивизионные и армейские газеты, а также газета Юго-Западного фронта «Красная армия».

В ходе Великой Отечественной войны перед военной прессой ставились различные информационно-пропагандистские задачи. Так, в первый, наиболее трудный период войны, когда пришлось вести преимущественно оборонительные бои, перед фронтовой печатью стояла задача воспитывать у воинов стойкость в обороне. Например, газета Юго-Западного фронта «Красная армия» 30 июля 1941 г. писала о боях 99-й стрелковой дивизии: «Товарищи, будем бить врага так же ловко, так же смело, так же искусно, как это делают бойцы славной 99-й Краснознаменной»[37]. А вот выдержка из фронтовой газеты «Патриот Родины»: «На правом берегу Днепра Пономарёв под обстрелом навел связь, обеспечивая командиру управление боем. По десять контратак в день предпринимали немцы, пытаясь столкнуть наших гвардейцев с плацдарма... За три дня контратак красноармеец истребил сорок пять фашистов. Пономарёв вышел исправлять линию связи. В это время немцы окружили солдата, отрезали ему путь в подразделение. Мужественный воин, отстреливаясь, сумел обеспечить связь. Потом, отбиваясь гранатами, он пробрался в тыл противника и занял удобную позицию. Шесть дней просидел гвардеец в окопчике, ведя огонь по врагу. Пробиться к своим не удалось. Но у Пономарёва сильная воля. Он верил, что наши пойдут вперед. Этот день настал. Огнем из трофейного оружия связист помог своим товарищам, поднявшимся в атаку»[38].

Важную роль печать сыграла в боевом совершенствовании войск, распространении передового фронтового опыта. В ходе всей Великой Отечественной войны это направление в деятельности печатной пропаганды по мобилизации воинов армии и флота на разгром врага стало важнейшим. Газеты много сделали для повышения воинского мастерства личного состава. Призывая воинов нещадно бить врага, газеты учили и на примере лучших воинов показывали, как лучше использовать оружие, стрелять без промаха, бомбить точно. Особую опасность в то время представляли фашистские танки. Борьба с ними стала одной из главных тем материалов «Красноармейской правды». Газета опубликовала статьи «Борьба с танками противника в оборонительном бою», «Как мы жгли фашистские танки», «Способы и приемы борьбы с немецкими танками», «Борьба с немецкими танками средствами пехоты» (в газете существовал постоянный раздел о смекалистом и умелом воине Грише Танкине, чей собирательный образ был ярок и узнаваем).

Военные газеты учили воинов не впадать в панику, не пасовать перед фашистскими танками, а смело и решительно вступать с ними в противоборство, кроме того, рассказывали, как надо изготавливать и применять бутылки с горючей смесью, готовить и применять связки ручных гранат, пулеметы, противотанковые ружья, мины. Например, в газете Западного фронта «Красноармейская правда» рубрика «Герои Отечественной войны» появлялась за период с 22 июня по 30 августа 1941 г. 30 раз. За это же время, пропагандируя боевой опыт, газета поместила 35 полос об опыте танкистов, артиллеристов, бронебойщиков, пехотинцев, авиаторов, связистов. В газете публиковались схемы, рисунки, чертежи, показывавшие уязвимые места вражеских танков, способы борьбы с ними. Столь же конкретно пропагандировали опыт и другие военные газеты.

В ходе войны со страниц газет не сходила и тема борьбы с авиацией противника. Печаталось множество памяток солдатам, схем, таблиц, рисунков с изображением наиболее уязвимых мест вражеских самолетов. Так, «Красноармейская правда» в конце июля 1941 г. поместила силуэты и описание фашистских самолетов «Юнкерс-88», «Мессершмит Ягуар», «Хейнкель-111» и наших самолетов СБ, ДБ-3Ф и Пе-2. Ориентируясь по длине фюзеляжа, размаху крыльев, устройству хвостового оперения, количеству моторов, воины быстрее распознавали свою и вражескую авиацию[39].

Корреспонденты газеты «Красный флот» Когут, Власов, Соловьёв, Лифшиц и Зомен в осажденном Севастополе

Офицеры Черноморского флота пришли поздравить с днем рождения фотокорреспондента газеты «Красный черноморец» Александра Соколенко

В материалах различных жанров военная пресса показывала нарастающую силу Красной армии, опыт овладения бойцами и командирами военными навыками бить захватчиков. Суровая обстановка войны требовала от прессы ставить вопросы воспитания высоких морально-боевых качеств и стойкости в прямой связи с укреплением военной дисциплины во всех звеньях армии и флота. Газеты неустанно разъясняли значение дисциплины в бою, показывали, что без нее нельзя добиться победы.

Газеты помогали укреплять связи фронта и тыла. Через «Правду» бойцы и командиры одной из частей обратились с открытым письмом к известному конструктору-оружейнику В. А. Дегтярёву: «Мы знаем, если Вы сконструировали ручной пулемет и пистолет-пулемет, то сумеете сделать и грозное оружие против немецких танков». Вскоре на вооружение войск поступило новое противотанковое ружье. В это время «Правда» призывала рабочих и служащих оборонной промышленности быстрее наладить производство этого оружия, дать его больше фронту. В свою очередь, обращаясь к воинам, газеты «Красная звезда», «На врага», «За Родину» и другие говорили о необходимости быстрее освоить это новое оружие в бою, преодолеть танкобоязнь. На фронт начало поступать и другое грозное оружие — легендарные ракетные установки «катюши», другие новые виды артиллерийского вооружения. С воодушевлением в войсках был встречен самолет-штурмовик конструкции С. В. Ильюшина.

В отечественной военной истории видное место принадлежит военным комиссарам, институт которых был восстановлен в июле 1941 г. На это событие сразу откликнулась военная пресса. Так, в газете «На страже Родины» публиковались передовые статьи, подборки и даже целые тематические полосы: «Военный комиссар», «Политический руководитель роты», «Боевые задачи комиссаров», «Военный комиссар — отец и душа части» и другие. В военной печати появлялись и исторические очерки о первых комиссарах периода Гражданской войны И. И. Газе, Д. А. Фурманове и многих других.

Война неуклонно требовала больших воинских резервов, что с объективной необходимостью поставило вопрос о всеобщем военном обучении. От военной печати потребовалась конкретная помощь бойцам всевобуча в изучении оружия, боевой техники и тактики мелких подразделений. Практически все газеты страны смогли быстро оказать такую помощь. Особенно успешно проводил такую работу военный отдел «Комсомольской правды»: в ней регулярно публиковались страницы-методички в помощь стрелку, пулеметчику, артиллеристу. Существенную роль в пропаганде военных знаний сыграла и центральная газета «Военное обучение». Широко освещая работу пунктов всевобуча, пропагандируя военные знания, печать подчеркивала, что армия в борьбе с врагом опирается в том числе и на мощную поддержку всего народа. Поэтому сила ее сопротивления агрессору будет непрерывно возрастать. Эту мысль газеты и журналы подкрепляли конкретными фактами, убедительными материалами с фронтов. Газеты рассказывали о героях борьбы, о тех, кто не дрогнул в схватке с врагом, проявил храбрость, отвагу и вышел победителем в бою с фашистскими захватчиками.

В октябре 1941 г. развернулось беспримерное по своему напряжению сражение под Москвой, от результата которого во многом зависел исход всей войны. «Сознавать всю глубину опасности... — писала «Правда», — вовсе не значит впадать в панику, малодушие. Наоборот, сознание опасности должно удесятерить силы каждого советского гражданина»[40]. Своими мыслями и чувствами о защите столицы на страницах военных газет «Красная звезда», «Красный флот», «Красный воин» делились воины действующей армии, бойцы народного ополчения, рабочие и служащие, строители рубежей обороны вокруг Москвы.

20 октября 1941 г. в печати было опубликовано постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения. Разъясняя это постановление, фронтовые газеты призывали всех советских воинов соблюдать строжайший порядок и военную дисциплину, нещадно бить врага, не давать ему покоя ни днем, ни ночью. Подчеркивая сложность и опасность военной обстановки, печать отмечала, что война приняла затяжной характер и гитлеровский план молниеносной войны провалился.

Редакция газеты «Доброволец» 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса

Читатель находил во фронтовой прессе конкретный материал о ходе военных действий, о положении наших войск на фронте. На страницах «Красной звезды», армейской печати публиковались корреспонденции с тульского, можайского, волоколамского, калининского направлений. Исходя из необходимости, газеты не просто регистрировали военные события, но, учитывая степень образования личного состава воюющих войск, постоянно давали им глубокую оценку. Одно из самых видных мест на страницах прессы действующей армии отводилось офицерам — командирам подразделений. Печать помогала им творчески подходить к организации боя, налаживать взаимодействие с другими частями, правильно руководить подчиненными в ходе боевых действий.

25 ноября 1941 г. битва за Москву вступила в решающую фазу. В те дни в каждой заметке, в каждой строке проводилась главная мысль: от упорства и железной стойкости защитников Москвы зависит не только судьба столицы. В материалах подчеркивалось, что своими героическими действиями защитники столицы готовят под Москвой победу, которая станет исторической. Характерной в этом отношении была опубликованная в «Красной звезде» статья генерал-майора М. Р. Галактионова «Кризис сражения». На исторических примерах и данных прошлых войн она подводила читателя к выводу: наступил кризис сражения, пришел момент решительного контрнаступления Красной армии под Москвой[41]. Статья была перепечатана в газетах «Красноармейская правда», «За Родину» (Северо-Западный фронт) и других изданиях.

Кризис немецкого наступления, о котором писала наша печать, 5 декабря 1941 г. перерос в мощное контрнаступление советских войск под Москвой, окончательно сорвавшее блицкриг. Красная армия разгромила 38 вражеских дивизий, освободила 11 тыс. населенных пунктов. Немцы были отброшены от Москвы на 100–250 км[42]. В цепях атакующих постоянно находились военные журналисты — работники дивизионных и фронтовых газет. 13 декаб-

ря 1941 г. все газеты опубликовали сообщение Совинформбюро «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы».

С обобщением боевого опыта, полученного в боях под Москвой, в печати выступили К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, П. А. Белов, И. В. Болдин и другие военачальники. Они рассказали об успешно проведенных боях, подробно разбирая ход военных операций. Опыт Московской битвы имел важнейшее значение для последующих сражений Красной армии с вражескими войсками и дальнейшего развития советской военной стратегии. Военная печать широко разъясняла историческое значение победы под Москвой, «в которой Красная армия окончательно похоронила гитлеровский план молниеносной войны, развеяв миф о непобедимости немецко-фашистской армии».

В ходе битвы под Москвой коллективы редакций военных газет сами показали пример высокой организованности. Чтобы непосредственно участвовать в битве за Москву, они отказались от системы регулярных и, как было ранее, обязательных выездов бригад корреспондентов в части. Под Москвой наиболее опытные сотрудники редакций были просто направлены в дивизии и части для организации постоянной работы. В редакциях оставалась лишь оперативная группа из трех-четырех человек, которые выезжали на самые важные участки фронта. Этот опыт и поныне стоит на вооружении редакции ведущих современных российских СМИ в период информационного обеспечения крупных оперативно-стратегических учений и маневров.

На северо-западном направлении к началу июля 1941 г. также сложилась чрезвычайно сложная обстановка. Под натиском превосходящих сил противника наши войска были вынуждены отходить. 14 июля гитлеровцам удалось выйти на рубеж р. Луга. Создалась реальная угроза Ленинграду. В этой обстановке основной задачей партийно-пропагандистских органов были воспитание у воинов железной стойкости, бесстрашия в борьбе с захватчиками и всемерное укрепление дисциплины. На страницах фронтовой газеты «На страже Родины» из номера в номер публиковались статьи о требованиях соблюдения военной присяги. «Трусы и паникеры, — писала газета в передовой статье «Непоколебимая большевистская стойкость», — могут составлять в нашей армии лишь редкое исключение. Но и отдельный паникер опасен, и один трус может причинить вред нашему общему священному делу. Поэтому надо беспощадно бороться с трусами, разоблачать паникеров! Пусть постигнет их суровая кара советского закона!»[43]

Как и в битве под Москвой, газеты Ленинградского фронта публиковали передовые статьи и другие материалы, смысл которых предельно ясно выражали их заголовки: «Не щадя жизни защищать Ленинград!», «Ни шагу назад, за нами город Ленина!», «До последней капли крови защищать родной Ленинград!». Блокада Ленинграда стала одной из центральных тем военной печати в 1941–1942 гг. Долгие, голодные и холодные, мучительные дни этой зимы город выдержал и выжил, несмотря на тяжелейшие утраты. О том, как ленинградцы жили, работали, боролись с врагом, рассказывала газета Ленинградского фронта «На страже Родины». Защитники города постоянно получали из газет духовную поддержку, на конкретных примерах учились мужеству, стойкости, умению переносить тяготы и лишения жизни в осажденном врагами городе.

Стойкость защитникам Ленинграда придавала и вера в силу своего оружия, в боевое мастерство. В это время фронтовая газета «На страже Родины» стала колыбелью снайперского движения. Осенью 1941 г. она опубликовала ряд материалов о лучших снайперах. 4 января 1942 г. в газете было помещено обращение снайперов одной из частей с призывом шире развернуть соревнование за истребление немецких захватчиков. 7 января редакция попросила снайперов рассказать о своем опыте. Затем в газете началась их перекличка. В январе же на ее страницах была открыта «Доска Почета» передовых снайперов, при этом газета сама вела счет фашистам, уничтоженным снайперами фронта. К 20 февраля 1942 г. в войсках фронта насчитывалось около 5700 снайперов.

Боевые действия войск фронта проходили в тяжелых условиях блокады. Паек бойца составлял всего триста граммов хлеба, и в нем было куда больше примесей, чем муки. На го-

сударственном уровне было принято решение: о героических делах защитников Ленинграда должны были знать все советские люди. И тут встал вопрос: как наладить информацию? Ведь город находился в блокаде. Издававшиеся на Ленинградском фронте военные газеты трудно, а порой и невозможно было переправлять на Большую землю. Творческий коллектив газеты «Правда» нашел выход: материалы о мужестве ленинградцев и бойцов фронта публиковались в самой «Правде» и в «Красной звезде» в виде месячных обзоров, которые готовил писатель Н. С. Тихонов. Такие обзоры печатались вплоть до полного снятия блокады Ленинграда. Последний из них, вышедший в свет 30 января 1944 г., назывался «Победа». Воспитание у воинов стойкости и мужества, высокого морального и боевого духа было одной из важнейших задач военной печати и на других фронтах.

Обстановка, сложившаяся на фронте летом и осенью 1942 г., несмотря на ее сложный характер и неоднозначность, уже во многом отличалась от той, что была в начале войны. Значительно возросло сопротивление врагу, широкий размах получило партизанское движение, лучше стал работать советский тыл. В своих выступлениях фронтовая, армейская и многотиражная печать подчеркивала значимость этих новых факторов, призывала воинов использовать их для усиления борьбы с захватчиками. На примере защитников Бреста, Новгорода, Ленинграда и других городов газеты показывали, что хотя враг и добился определенных тактических успехов, ему не удалось сломить стойкость нашей армии, ее решимость биться с врагом до победы.

Большую опасность представляло новое мощное наступление вермахта летом 1942 г., развернувшееся на кавказском и сталинградском направлениях. 28 июня 1942 г. народный комиссар обороны СССР И. В. Сталин подписал приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», ставший известным в народе как «Ни шагу назад!». В нем решительно осуждались «отступательные» настроения и определялись меры по повышению боевого духа и дисциплины личного состава. В этот период военная печать провела эффективную разъяснительную и организаторскую работу, активно пропагандировала героические примеры. Так, в частности, работали газеты 62-й армии и 33-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавших в излучине Дона.

В эти дни войны широкой известностью пользовалась газета «Сталинское знамя». Показательна ее фронтовая судьба, связанная со всеми бурными поворотами военного времени. Она была создана еще 11 августа 1941 г. по приказу начальника Главного политического управления Красной армии как орган политотдела 38-й армии. Первый ее номер вышел во время боев на Украине, на Полтавщине. Газета сразу пришлась по душе фронтовикам. В июле 1942 г. «Сталинское знамя» стала печатным органом 1-й танковой армии, а в августе того же года была преобразована из армейской во фронтовую и выходила сначала в качестве печатного органа Юго-Западного, с сентября 1942 г. — Сталинградского, с января 1943 г. — Южного, а с октября того же года — уже 4-го Украинского фронта.

Где бы редакция этой газеты ни действовала, она всюду успешно справлялась с поставленными задачами. В ходе ожесточенных боев против захватчиков газета несла в массы воинов слово правды, воспитывала их в духе идей патриотизма. Оценивая заслуги газеты, генерал-лейтенант Е. Е. Мальцев писал: «Коммунисты-журналисты были всегда и всюду с воинами. В самые трудные минуты газета жила с защитниками Сталинграда в окопах, подвалах домов, делила с фронтовиками все невзгоды и радости, была их близким другом и советчиком, неизменным спутником в бою»[44]. За военные заслуги газета была награждена орденом Красной Звезды.

В годы войны этой газетой руководил батальонный комиссар С. Жуков — опытный и умелый журналист. Типография газеты размещалась на двух бортовых грузовых машинах. В одной стояла печатная машина, во второй — кассы со шрифтами. Редакционные машины не раз попадали под бомбежку, были и потери, но газета всегда выходила вовремя. В редакции работали молодые, инициативные журналисты-офицеры А. Верхолетов, С. Турушин, Ю. Левин, Д. Роздольский, Я. Тумаркин, Н. Коваленко, писатели И. Ляденко, М. Колосов, А. Рахович, С. Головаленский, М. Талалаевский и другие.

В минуты затишья боец читает газету на позиции

Морской пехоте доставили свежую прессу

Материалы «Сталинского знамени» всегда били в цель, были острыми и злободневными. В дни боев под Сталинградом, например, газета давала такие шапки: «Ни шагу назад! Стой и бей врага!», «Если убьют, и тогда головой вперед падай!», «Бей танки! Без танков немцы не пройдут! Жги бутылками, как разведчики лейтенанта Собанцева, круши снарядами, как артиллеристы Тяпкова, рази из бронебойки, как бронебойщики Железняка!»[45]. Кроме того, редакция осуществляла оперативные выпуски сатирического листка «На штык».

Многим знаком лозунг военной поры: «За Волгой для нас земли нет!». А впервые его на страницах газеты Сталинградского фронта использовал легендарный снайпер В. Г. Зайцев, чья винтовка сегодня экспонируется на одном из самых видных мест в Музее Вооруженных сил в Москве. Эти слова имели особо высокую действенность. Для воинов они доносили главную мысль: где стойкость — там победа! Именно благодаря печати Сталинградского фронта всему миру сегодня известно и имя сержанта Я. Ф. Павлова. Подвиг этого воина и его товарищей олицетворяет для потомков мужество всех героев-сталинградцев.

Газеты, выходившие у стен волжской твердыни, многое сделали по обобщению опыта ведения боя в условиях большого индустриального города. Затем этот опыт сыграл исключительную роль в боях, которые вели бойцы Красной армии, освобождая крупнейшие индустриальные центры нашей Родины, а также штурмуя Берлин. Для многих командиров подразделений силовых структур современной России, участвующих в проведении контртеррористических операций и в боевых действиях в горячих точках, они стали бесценным учебно-методическим пособием. А начало обобщению такого опыта положила газета 62-й армии «На защиту Родины», в которой с рядом статей о тактике проведения уличных боев выступил командарм В. И. Чуйков. Командующий в своих статьях подчеркивал, что граната, автомат, нож — основное оружие воина, а дерзость, отвага и смекалка — главные его качества в бою.

1942 г. стал периодом массового движения снайперов на всех фронтах Великой Отечественной войны. Широко развернулось патриотическое движение и на Калининском фронте. Большую роль в этом деле сыграла газета «Вперед на врага». Она показывала опыт мастеров меткого огня. Броские заголовки «За месяц снайперы Юсупов, Орлов, Баймурзин и их ученики истребили 970 немцев», «Молодые бойцы — в ряды снайперов!»[46], полосы «100 выстрелов Копылова — 100 убитых немцев»[47], «20 лучших снайперов фронта уничтожили 2679 врагов»[48] помогали нацеливать воинов на высокие результаты в боевой деятельности. В октябре ряд материалов, опубликованных в газете, был посвящен труженикам тыла. «Это тебе, фронт, шлет Урал!» — гласила одна из полос в номере за 10 октября 1942 г., где были помещены материалы о знатном сталеваре Урала Н. Базетове, о женщинах одного из заводов, заменивших у станков своих мужей, ушедших на фронт, о бригадах, удостоившихся высокой чести именоваться фронтовыми[49].

Вторая военная зима была такой же снежной и морозной, как и первая. Но теперь наши воины уже обладали опытом боев в зимних условиях. Этот опыт газета умело передавала молодым бойцам-фронтовикам. В ноябре 1942 г. один за другим появлялись материалы на зимнюю тематику. Ряд статей учил воинов технике ходьбы на лыжах, умелому обращению с оружием в зимних условиях. На второй полосе в номере за 19 октября 1942 г. было помещено прямое обращение к фронтовикам: «Готовы ли вы к боевым операциям зимой?»[50]. «Укреплять оборону зимой!» — призывала газета в одном из своих номеров. «Лыжи — крылья бойца» — объявлял в заголовке статьи на всю полосу генерал-майор А. М. Антилла[51].

В ноябре 1942 г. всю страну облетела весть об успешном контрнаступлении наших войск на Сталинградском фронте. «Бить врага, как герои-сталинградцы!» — призывала газета «Вперед на врага» воинов Калининского фронта. Ответ калининцев вскоре был представлен целой газетной полосой: «300 снайперов истребили 13 928 гитлеровских разбойников»[52], «Войска фронта начинают свое наступление на великолукском направлении», «Удары наших войск по врагу нарастают». Газета «Вперед на врага» писала о воинах Панфиловской дивизии, которые сражались уже в Прибалтике, о белорусских партизанах, латышских и литовских героях. На ее страницах часто рассказывалось о мастерах снайперского выстрела. Большой очерк был посвящен знаменитой снайперской паре — Кузьме Смоленскому и Васо Квачантирадзе.

Весомый вклад вносили газеты в организацию войсковой разведки. Умело освещалась деятельность разведчиков в газете Брянского фронта «На разгром врага». Знаменитый на фронте разведчик лейтенант А. Степанов в четырех статьях поделился опытом организации ночных поисков, в результате которых его разведгруппе в течение недели удалось привести в подразделение трех языков. По решению Военного совета и разведывательного отдела штаба фронта эти статьи были изданы отдельной брошюрой тиражом в 10 тыс. экземпляров.

К первому периоду Великой Отечественной войны относится и героическая оборона Севастополя. 250 дней и ночей боролся город с врагом, перемалывая его живую силу и технику. В Севастополе выходили газеты «Красный черноморец» (Черноморский флот), «За Родину» (Отдельная Приморская армия), а также многотиражные газеты в бригадах морской пехоты, частях морской авиации, на крейсерах. В своей работе по воспитанию стойкости все они широко использовали самые различные формы и средства, особенно традиции героизма русских воинов, мужественно защищавших крымскую твердыню в прошлых войнах. Пропаганда на страницах газет исторического прошлого всегда проводилась в тесной связи с задачами, решаемыми войсками. В одном из номеров газета «За Родину» писала: «Земля севастопольская, как много видела, пережила, выстрадала ты — серая, каменистая, твердая, земля родная. Русские солдаты строили здесь редуты и бастионы. Советские воины обагрили эту землю своей чистой, горячей кровью. Так же величаво и нерушимо, как и 90 лет назад, стоит Малахов курган. Многое изменилось за эти 90 лет! Но душа Севастополя осталась такой же сильной, смелой и неукротимой».

Под Севастополем, как и под Ленинградом, Сталинградом, героизм советских воинов носил массовый характер. Газеты стремились сообщить о каждом из героев. Для этого они использовали и хронику, и лозунг, и призыв. Наиболее выдающимся подвигам газеты старались отводить целые полосы. Так, «Красный черноморец» в специальных материалах рассказал о подвигах Н. Фильченко, В. Цибулько, Ю. Паршина, И. Красносельского, Д. Одинцова, которые, обвязавшись гранатами, подорвали себя под гусеницами немецких танков. Кроме того, даже в самой тяжелой обстановке, газета «Красный черноморец» вела большую организаторскую работу в частях и на кораблях. Например, в мае 1942 г. ее журналисты провели техническую конференцию в одной из лучших зенитных батарей[53]. Затем передовой опыт зенитчиков они широко раскрыли на страницах своей газеты, что помогло защитникам Севастополя добиться большей слаженности и меткости огня по вражеским самолетам.

Призывая к самоотверженности и мужеству, военные журналисты сами показывали пример стойкости, проявляли высокое самообладание и организованность, в срок и качественно делали свою работу. Если позволяла боевая обстановка и полиграфическая база редакций, фронтовые и флотские газеты издавали специальные сборники о героях боев, выпускали листовки. Например, редакция «Красного черноморца» уже к ноябрю 1941 г. выпустила пять сборников о подвигах военных моряков. При этом печать учитывала, что воспитание стойкости невозможно без дисциплинированности, строгого и осознанного повиновения командирам, беспрекословного выполнения их приказов. В материалах о дисциплине все военные газеты пропагандировали «Памятку красноармейцу», которую к тому времени издало Главное политическое управление.

Борьба против гитлеровских захватчиков стала высшим патриотическим долгом всего народа. Составной ее частью являлось партизанское движение. На необходимость развертывания подпольного и партизанского движения в тылу врага было указано в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., а также в речи по радио 3 июля председателя ГКО И. В. Сталина. Конкретная программа развертывания партизанского движения была намечена и в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором партия поставила задачи партийным и советским организациям по борьбе в тылу врага и потребовала от их руководителей на местах лично возглавить дело организации подпольного и партизанского движения.

Уже к концу 1941 г. на территории Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и Курской областей, Карело-Финской, Белорусской, Молдавской и Украинской республик

было создано свыше 800 подпольных горкомов, райкомов и районных партийных центров, около 300 горкомов и райкомов комсомола. Укрепление партийного ядра партизанских отрядов способствовало резкому усилению движения народных мстителей. В 1943 г. в большинстве оккупированных районов численность партизан по сравнению с 1941–1942 гг. возросла: на Украине — в 2,5 раза, в Белоруссии — более чем в 2 раза. Резко увеличилась и численность самих партизанских отрядов: к 1943 г. число их в Латвии выросло в 4 раза, в Эстонии — в 9 раз.

Развитие всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории проходило в прямой зависимости от массово-политической и пропагандистской работы, проводимой партийными организациями, от деятельности партизанской печати. В первый период войны печатные издания могли поступать на ту сторону фронта главным образом при помощи авиации, при этом за линией фронта они решали очень важные задачи: во-первых, разоблачали вражескую пропаганду, стремившуюся внедрить в сознание советских людей неверие в собственные силы и в победу; во-вторых, информировали о положении на фронтах и в стране; в-третьих, рассказывали о злодеяниях захватчиков, воспитывали ненависть к ним, вселяли в советских людей уверенность в победе. В партизанских отрядах газету с Большой земли ждали так, как ждут настоящего друга. Только за первые месяцы оккупации районов Ленинградской области общее количество газет «Правда» и «Известия», доставленных для партизан и населения области, составило свыше 125 тыс. экземпляров. Ежедневно люди шли в лес, чтобы найти там номер «Правды», сброшенный с самолета. «Ходим в лес за правдой», — говорили они.

В начале войны Главное управление политической пропаганды Красной армии приняло меры по усилению спецпропаганды в оккупированных гитлеровцами районах. 19 августа 1941 г. оно издало директиву, обязывавшую политуправления фронтов выпускать памятки, листовки и газеты для населения оккупированных областей, а также для партизан и воинов Красной армии, ведущих борьбу в тылу противника. Это позволило значительно повысить уровень и действенность печатной пропаганды. Население оккупированных районов и партизаны стали дополнительно ежедневно получать сотни тысяч обращений, листовок, сводок Совинформбюро. Массовыми тиражами их издавали политуправления фронтов.

Развитие партизанского движения вызвало к жизни новый вид печати: в тылу врага появились газеты подпольных партийных комитетов, партизанских частей и соединений. И если партизанское движение М. И. Калинин назвал проявлением народной инициативы в защите Родины, то печать, издававшуюся партизанами, справедливо считали рупором народных мстителей. По далеко не полным данным, на территории Белоруссии выходило 170 таких газет, на Украине — 30. В подполье, в тылу врага выпускались республиканские, областные, городские и районные газеты. В партизанском отряде А. Ф. Федорова выходила газета «Коммунист». С июня 1942 г. в легендарных соединениях А. Н. Сабурова и С. А. Ковпака начали выходить газеты «Партизан Украины», «Красный партизан». В партизанском соединении, которым командовал А. З. Одуха, выходила газета «Удар с тыла».

Некоторые партизанские отряды Украины издавали по две газеты, и наоборот, два-три отряда совместно выпускали одну газету. Так, для партизанских отрядов Киевской области выходили газеты «Красный партизан» и «Народный мститель», Николаевской — «Партизан» и «Партизан Украины». Партизанские же отряды Тернопольской, Черниговской и Сумской областей издавали газету «За Родину». С начала 1943 г. Ровенский подпольный обком КП(б) Украины образовал свой печатный орган — газету «Червоный прапор». Комсомольцы-агитаторы вместе с подпольщиками во время боевого рейда партизан в январе 1943 г. в районе Сарны — Ковель распространили среди местного населения около 40 тыс. экземпляров газет «Правда», «За Советскую Украину», «Червоный прапор», «Червоный штандарт» (на польском языке, так как среди партизан было немало поляков). Была распространена также масса листовок[54].

В приветственном обращении к партизанам, опубликованном в газете «Правда Украины» 23 февраля 1944 г., командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин писал: «Советские воины в операциях ощущали и ощущают большую непосредственную

помощь партизанских соединений, которые наносили гитлеровцам с тыла многочисленные сильные удары и прекрасно взаимодействовали с нашими войсками в боях за уничтожение крупных узлов обороны, за взятие городов, за разгром немцев на их укрепленных рубежах. Мы с радостью и гордостью отмечаем превосходно проведенные партизанскими отрядами бои за Овруч, бои во взаимодействии с нашими войсками за овладение такими крупными городами, как Ровно, Луцк, и многими другими. Это прежде всего яркое свидетельство боевой мощи партизан, их способности и самостоятельно, и вместе с частями Красной армии осуществлять серьезные, сложные и крупные по масштабам военные операции»[55].

Боевой характер имела печать Белоруссии. Уже с сентября 1941 г. весь тираж центральной республиканской газеты «Советская Беларусь» направлялся в оккупированные районы республики. Тысячными тиражами издавали газеты подпольные партийные организации Минской области. «Большевистскую правду», «Народный мститель», «В бой за Родину», «Червенський партизан», «Патриот Родины» и другие газеты получали трудящиеся Минской области. Минский подпольный обком КП(б) Белоруссии издавал газету «Звязда». Под таким же названием выходила газета Минского подпольного горкома КП(б) Белоруссии, действовавшего в Минске, а в партизанской зоне распространялась газета «Минский большевик». В условиях жестоких репрессий, чинимых оккупантами, выходили газеты Полесского подпольного обкома КП(б) Белоруссии «Большавік Палесся», Пинского подпольного обкома КП(б) Белоруссии «Палеская праудa», в Могилёвской области — «Голос партизана» и «Стяг Ленина». Витебский подпольный обком регулярно выпускал «Витебский рабочий» и «Селянскую газету». Влияние печати Белоруссии на широкие массы трудящихся еще более возросло с возобновлением издания в июне 1942 г. республиканской центральной газеты «Звязда». Не раз большая часть коллектива редакции этой газеты арестовывалась. Оккупанты, стремясь получить данные о типографии, применяли зверские методы расправы над журналистами. Патриоты шли на смерть, но сведений врагу не выдавали.

С таким же высоким чувством патриотизма трудились журналисты подпольной и партизанской печати Ленинградской, Брянской, Смоленской, Орловской, Новгородской, Псковской областей. Многие районные газеты Ленинградской области в начале войны были преобразованы в подпольные, в том числе «Большевистское знамя» Поддорского района, «Трактор» Демянского района, «Большевистский клич» Молвотицкого района, «Искра» Красносельского района и другие.

Непосредственное руководство деятельностью этого значительного отряда прессы периода Великой Отечественной войны осуществлял Центральный комитет ВКП(б). На развитие подпольной и партизанской печати особо плодотворное влияние оказало решение партии и правительства об объединении руководства партизанским движением и образовании при Ставке Верховного главнокомандования Центрального штаба партизанского движения. Одновременно партизанские штабы были созданы при военных советах фронтов.

Укреплению подпольной и партизанской печати способствовали также совещания командиров и комиссаров партизанских отрядов, работников подпольных партийных организаций, проходившие в Центральном штабе в конце лета 1942 г. Материалы совещаний, в которых обобщался опыт партизанской борьбы, определяли основные направления деятельности партизан в соответствии со стратегическими замыслами Верховного главнокомандования и были программными для партизанской печати на длительный период.

Непосредственное руководство прессой, выходившей на временно оккупированной территории, осуществляли политотделы партизанских бригад и подпольные обкомы партии. Формами партийного руководства печатью являлись: утверждение планов работы редакций; определение содержания листовок и каждого издания; распределение изданий по отрядам и ротам; помощь редакциям в доставке литературы читателям. В отдельных партизанских отрядах создавались корреспондентские группы. Например, они имелись в 9-й партизанской бригаде, проводившей боевые операции на территории восьми районов Ленинградской области. Газета «Красный партизан», выходившая в этой бригаде, разработала специальную «Памятку военкору»:

Смерть немецким оккупантам!

За Родину!

№ 119 | КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА | Суббота 10 октября 1942 г. | ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ

Боевое соревнование имени XXV годовщины Советской власти

ОТЛИЧНО ВЫПОЛНИМ СВОИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА! ЗАВОЮЕМ КРАСНОЕ ЗНАМЯ СОЕДИНЕНИЯ!

ТЫ ОБЯЗАН УБИТЬ ФРИЦА

Снайпер И. Андреев дал слово к XXV годовщине Советской власти убить из винтовки и миномета 150 фашистов. Свое обязательство он успешно выполняет. Сердце отважного воина переполнено ненавистью к немцам, точен его глаз, верна рука. Убить фрица — закон его боевой жизни. Как настоящий охотник, он выслеживает и уничтожает гадов. Уже 101 гад пал от его пуль и 36 разорваны в клочья минами. Это замечательный счет. Отчизна говорит истребителю Андрееву большое спасибо.

Не отстают от знатного снайпера и его ученики. Повседневно растут лицевые счета молодых истребителей т.т. Смирнова, Бегленка, Тарутантова. Все они воспитаны тов. Андреевым.

Товарищ, ты гордишься этим мужественным защитником города Ленина. Тебя радует, что один снайпер т. Андреев уложил столько немцев. А сколько фашистов убил ты? Какой подарок готовишь ты сам матери-Родине к ее славной годовщине?

Красуются ли у тебя на груди почетные знаки „Снайпер", „Отличный пулеметчик," „Отличный минометчик," „Отличный артиллерист?" По ним Родина судит о твоих военных знаниях, о том, насколько хорошо владеешь ты врученным тебе грозным оружием, можешь ли без промаха разить врагов.

Добивайся чести быть занесенным на Доску почета и славы. Бери пример со снайпера Андреева и его учеников. Не упускай ни одной минуты, чтобы не поохотиться за немцем. Борись за почетное переходящее Красное знамя нашего соединения. Добейся, чтобы к великой годовщине Октября оно гордо реяло над нашей частью. Укреплением железной воинской дисциплины, беспощадным уничтожением врагов завоюем Красное знамя соединения!

Он убил 137 фашистов

На снимке: снайпер **И. Андреев.** 5 октября он вышел на охоту и из снайперской винтовки убил трех фашистов, увеличив свой счет до 101 истребленного немца. Кроме того, из миномета он убил 36 гадов.

Честь и слава доблестному защитнику Ленинграда снайперу Ивану Андрееву!

1. Коммунист красноармеец **Петр ЛАБУТИН** закрыл своим телом амбразуру вражеской ДЗОТ, чтобы спасти жизнь своих товарищей.

2. Коммунист **Иван АНДРЕЕВ** убил из снайперской винтовки 101 немца, а из миномета — 36. Он успешно выполняет своё боевое предоктябрьское обязательство.

3. Снайпер **И. ГРИТЧИН**, выполняя свое боевое обязательство, за последние дни убил 12 фашистов.

В родном Ленинграде

650 деталей вместо 500 по норме обрабатывает за смену 15-летний токарь Борис Иванов. Отец Иванова на фронте. Узнав о том, что его сын принят в комсомол, он написал Борису: „Теперь тебе нужно еще лучше работать. Помни: чем больше ты сделаешь деталей, тем больше оружия получит Красная Армия". — „Буду делать по 800 деталей!" — ответил на письмо отца юный патриот.

Писатели и поэты Н. Тихонов, А. Прокофьев, В. Саянов, Б. Лихарев, Е. Федоров и Е. Рывина встретились в ленинградском Доме Военно-Морского Флота с краснофлотцами Краснознаменной Балтики.

В четырнадцатый раз с начала войны дала свою кровь раненым фронтовикам 19-летняя вязальщица А. Баранова. Столько же раз была взята кровь и у вязальщицы А. Федоровой. Обе они работают на фабрике, где директором тов. Мурсаев.

Выставка „Подготовка жилищ к зиме" открыта на проспекте 25 Октября. Посетители знакомятся со способами отепления водопроводных, канализационных труб и „остекления" окон фанерой, целофаном, картоном; как обивать наружные двери войлоком и т. д. Здесь же открыта продажа замазки для окон.

58 бойцов и командиров открыли счета мести

Бойцы и командиры нашего подразделения взяли на себя боевое обязательство к 25-летней годовщине Великой Октябрьской революции — всем открыть свои личные счета мести по истреблению фашистских оккупантов.

Свои обязательства подразделение выполняет с честью. Уже 58 бойцов и командиров открыли свои счета. Они уничтожили 322 гитлеровца.

Активно участвуют в истреблении фашистов коммунисты и комсомольцы. Снайпер комсомолец тов. Тарутантов уничтожил 18 фрицев. Кандидат ВКП(б) т. Бегленок истребил 66 гитлеровцев. Всего коммунисты и комсомольцы уничтожили 284 фашиста.

Все бойцы, командиры и политработники подразделения стремятся полностью выполнить свои обязательства и достойно встретить 25-ю годовщину родной советской власти.

Замполитрука **И. Алексеенков**

Газета «За Родину» от 10 октября 1942 г.

«БУДЬ ОПЕРАТИВНЫМ: сегодня же напиши о взволновавшем тебя событии. Кончился бой — садись и пиши о его результатах.

ТЩАТЕЛЬНО ПРОВЕРЯЙ ФАКТЫ: ибо враг использует малейшую неточность в нашей газете для клеветы на нас. Прежде чем отправить письмо в редакцию, проверь, не перепутал ли ты чью-нибудь фамилию, название местности, дату, верный ли сделал вывод. Чтобы не ошибиться, советуйся с товарищами и со своими командирами. Старайся писать о том, что сам видел, а не о том, что слышал от других, иначе подведешь редакцию и себя.

ИЗУЧАЙ ВОЕННОЕ ДЕЛО: тогда ты станешь способным правильно описывать боевые операции.

ПИШИ ЧАЩЕ: тренировка повышает мастерство корреспондента. Подбирай меткие слова, запоминающиеся сравнения, не повторяй фраз, не пересказывай где-то прочитанное, пиши по-своему.

НЕ ОГРАНИЧИВАЙСЯ СПИСКОМ РЕКОМЕНДОВАННЫХ ТЕМ: пиши обо всем, что тебя волнует, что тебе кажется интересным, значительным, важным. Только учитывай размеры нашей газеты; ни одна заметка не должна превышать тетрадной странички.

ПОМНИ: добросовестный корреспондент бьет врага не только штыком, но и пером. Сражайся не только в открытом бою, но и в минуты отдыха»[56].

В годы войны партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили около 1,5 млн гитлеровских солдат и офицеров. Они произвели тысячи крушений вражеских поездов, уничтожили и подбили 4,5 тыс. танков, 1,1 тыс. самолетов, отвлекли на себя с фронта не менее 50 вражеских дивизий. За героизм в борьбе с фашистами более 300 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями, 190 человек из них удостоены звания Героя Советского Союза[57]. Успехи партизан и подпольщиков — это и заслуга партизан-журналистов, которые умело и эффективно использовали свои главные виды оружия: перо и автомат. Вот имена только некоторых редакторов партизанских и подпольных газет: К. Обжигалин, М. Абрамов, И. Шматов, В. Акатов, П. Соловьёв, Е. Малинов, В. Никаноров. Журналисты партизанской печати отдавали все свои силы тому, чтобы слово партизанской газеты звучало мощно, призывало советских людей не поддаваться захватчикам, вливаться в партизанские отряды, биться с врагом до полной победы.

В первый период Великой Отечественной войны советская военная печать, став массовой, накопила большой пропагандистский опыт, приобрела навыки выпуска газет в суровых условиях фронтовой обстановки. Печать вселяла уверенность в победе над нацистской Германией, воспитывала у воинов готовность до последней капли крови биться с врагом за торжество благородных целей нашего народа. Невзирая на новизну пропагандистских и информационных задач и объективные трудности военного времени, была создана стройная, гибкая и эффективная структура военной печати, охватывавшая своим влиянием все категории личного состава армии и флота, вооружавшая воинов верой в победу над гитлеровскими захватчиками. ЦК ВКП(б) осуществлял постоянный контроль над деятельностью печати, в том числе и военной. В декабре 1942 г. было принято постановление «О газетных витринах на станциях железных дорог», в котором упорядочивалось распространение прессы.

Исключительно большую роль в мобилизации людей сыграли антифашистские митинги и письма-наказы трудящихся воинам. Мощный политический резонанс в начале 1943 г. вызвал митинг представителей народов Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, проведенный в Ташкенте. Его участники приняли обращение, в котором выразили готовность и впредь делать всё для разгрома фашистов. Письма-наказы своим землякам-фронтовикам из многих союзных республик призывали бойцов и командиров всех национальностей к беспощадной борьбе с врагом. Например, письмо от имени азербайджанского народа подписали 900 тыс. человек. Под письмом-наказом трудящихся Узбекской ССР стояло 2 млн 412 тыс. подписей. К началу 1943 г. в Красной армии на языках народов СССР выходило 50 газет. На их полосах активно пропагандировались политика государства и партии, задачи армии и флота, показывался боевой опыт фронтовиков[58].

12–13 апреля 1943 г. прошло Всеармейское совещание комсомольских работников. В том же месяце на Всеармейское совещание идеологических работников были собраны агитаторы (в штатах политических органов и частей во время войны была такая штатная офицерская должность). Событием большого значения стал указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 ноября 1942 г. «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями и флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад и полков». 21 декабря 1942 г. Верховным Советом СССР был утвержден новый образец Красного Знамени для воинских частей[59]. В том же месяце были учреждены медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда». Эффективным средством поддержания высокого наступательного порыва наших войск стало и учреждение в стране новых военных орденов, присвоение отличившимся в боях воинским частям почетных наименований освобожденных ими городов. 9 октября 1942 г. в Красной армии было введено полное единоначалие, а в январе 1943 г. новые знаки различия — погоны для личного состава.

Все эти события и документы открывали перед военной печатью огромное поле деятельности. К этому времени издавалось: четыре центральные газеты, 19 фронтовых, 128 корпусных, 600 дивизионных. Всего выходило 762 газеты. На июль 1943 г. разовый тираж только ежедневных четырех- и двухполосных газет составлял 1 млн 624 тыс. экземпляров[60]. Если учесть ежедневное поступление на фронт центральной прессы — газет, журналов, листовок, то совокупный тираж составлял несколько миллионов экземпляров. К этому времени почти каждый из родов войск имел свой журнал. В связи с дальнейшим техническим оснащением Красной армии, необходимостью изучать и внедрять в жизнь передовой опыт использования боевой техники начали выходить специализированные журналы: «Артиллерийский журнал», «Военно-инженерный журнал», «Журнал автобронетанковых войск» и «Связь Красной армии».

С точки зрения дальнейшего использования опыта военной печати в годы войны важно знать, какие главные вопросы решала советская военная печать во втором периоде Великой Отечественной войны. Главным в работе редакций, как и в первом периоде, оставались пропаганда решений руководящих органов государства, приказов Верховного главнокомандующего, разъяснение справедливых целей СССР в Великой Отечественной войне, воспитание у воинов ненависти к захватчикам. Но появились и новые задачи: каждая статья, очерк, заметка должны были прививать личному составу стремление к широким наступательным действиям, не забывая при этом о стойкости в обороне. В публиковавшихся решениях партии и правительства, в редакционных статьях подчеркивалось, что созрели все условия для изгнания врага из пределов Родины. К 1943 г. Красная армия закалилась в огне боев, приобрела большой боевой опыт. К тому времени произошла полная перестройка народного хозяйства на военный лад, еще более окрепло единство фронта и тыла, как никогда стала монолитной дружба народов СССР.

Глубоко и обстоятельно обобщался опыт наступающих войск на страницах «Красной звезды». Офицеры всех родов войск находили на страницах газеты ответы на волновавшие их вопросы. В газете были введены новые рубрики: «Из опыта наступательных боев», «Из опыта наступательных боев за Днепр». Под этими рубриками публиковались содержательные статьи, имевшие большое практическое значение. Обычно в качестве авторов подобных материалов привлекались опытные командиры, непосредственные участники боев, конкретные исполнители замыслов командования при проведении боевых операций.

Например, 3 января 1943 г. газета «Вперед на врага» писала: «В результате решительного штурма наши части овладели вчера вечером городом и железнодорожным узлом Великие Луки. Бойцы Н-ской части в течение дня очистили от противника 14 кварталов города. В ожесточенных уличных боях бойцы этой части истребили свыше 300 гитлеровцев. Нашими войсками захвачены большие трофеи»[61]. Каждый номер газеты «Вперед на врага» был наполнен дыханием боев; корреспонденты, находившиеся на переднем крае и в боевых

порядках войск, писали свои статьи и очерки горячо и проникновенно. На страницах газеты появлялись всё новые и новые имена героев.

Армейская газета «За победу» 7 февраля 1943 г. писала о подвиге воинов 25-й гвардейской стрелковой дивизии: «Никогда не забудет Родина славные имена героев-гвардейцев сержанта Н. В. Войлокова и рядового А. Д. Струкова, отдавших свою жизнь за свободу советского народа. Во время наступления на вражеский рубеж они ползком подобрались к фашистским дзотам и своими телами закрыли амбразуры. Их кровью захлебнулись вражеские пулеметы... Гвардейцы ворвались в расположение противника и стали беспощадно уничтожать немецких захватчиков, мстя им за гибель своих товарищей»[62].

Многие газеты оперативно перестроились в соответствии с требованиями новой обстановки, с учетом благоприятных условий на фронте и в тылу. Большой целеустремленностью, например, отличалась деятельность газеты Юго-Западного фронта «Советский воин». Эта газета учила личный состав искусству наступления, вооружала воинов навыками ведения меткого огня. Вот тематика выступлений этой газеты: «Танки наступают»[63], «Снайпер в наступательном бою»[64], «Сопровождение пехоты артиллерией»[65], «Маневр пулеметным огнем в наступлении»[66], «Взаимодействие пехоты с артиллерией в ближнем бою»[67]. Подобная тематика была присуща и многим другим газетам.

Являясь трибуной передового опыта, военная печать сыграла большую роль в достижении коренного перелома в войне, мобилизации воинов на окончательный разгром врага. Красноармейская печать в этот период стала массовой школой воинского мастерства для миллионов бойцов и командиров. Помогая личному составу войск осваивать более совершенные методы ведения боевых действий, газеты обобщали опыт отличившихся гвардейских частей и подразделений. Материалы, широко пропагандировавшие фронтовой опыт, выходили под рубриками «Бейте врага по-гвардейски», «Учиться у гвардейцев». Читательские материалы обычно группировались под рубриками «Трибуна сержанта», «Школа гвардии рядового», «Школа отличного пулеметчика».

Видное место в военной прессе занимали статьи-консультации в помощь наступающим войскам. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к газете Юго-Западного фронта. Только в июне 1943 г. в ней были опубликованы соответствующие материалы по темам: «Миномет в наступательном бою», «Ночь — спутница умелого», «Уметь отражать танковые контратаки», «Бой в траншеях», «Бои за опорные пункты» и другие.

Формированию у воинов наступательного порыва служили материалы и о традициях русской армии. Газеты публиковали корреспонденции, очерки, полосы о солдатах-ветеранах, которые били немцев в трех войнах: Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. В шапки полос выносились высказывания великих русских полководцев, проникнутые гордостью за русского солдата. Среди них: «Друзья! Помните присягу, повинуйтесь начальникам, деритесь храбро, и всё падет перед вами» (А. В. Суворов); «Полководец задумал, солдат понял, — всё готово: слава победителям! А солдат! Ах, что за солдат у нас!» (П. И. Багратион).

В целом в этот период военную печать характеризует глубокое содержание опубликованных материалов, многообразие форм их подачи. Поучительны простота их стиля, четкость, популярность языка. В заголовках статей, репортажей, выступлений нет вычурности, они звучали как набат.

Плодотворной работе военной печати, ее активному влиянию на жизнь войск способствовали постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет» от 24 мая 1943 г. и соответствующая директива Главного политуправления. В этих документах была намечена программа дальнейшей деятельности газет и вскрыты недостатки печати.

А недостатки были. Анализ военных газет тех лет показывает, что иногда опубликованные материалы не отличались грамотностью в военном отношении. Это происходило тогда, когда редакции не привлекали к участию в подготовке материалов передовых командиров и героев боев. Порой газеты заполнялись только материалами своих штатных сотрудников. Не всегда оперативно освещались боевые дела войск. Редакции нередко далеко отставали от наступав-

СЛАВА НАШЕЙ ПОБЕДОНОСНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

ЗА НАШУ ПОБЕДУ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 28
Среда,
23 февраля
1944 г.

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего

23 февраля 1944 г. **№ 16** **г. Москва**

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки!

26-ю годовщину Красной Армии народы нашей страны встречают в обстановке исторических побед советских войск над немецко-фашистскими войсками.

Свыше года Красная Армия ведет победоносное наступление, громя армии гитлеровских захватчиков и сметая их с советской земли. За это время Красная Армия успешно провела зимнюю кампанию 1942—43 года, выиграла летние сражения 1943 года и развернула победоносное зимнее наступление 1943—44 года. В этих беспримерных в истории войн кампаниях Красная Армия с боями прошла на запад местами до 1700 километров, очистила от врага почти 3/4 захваченой им советской земли.

В ходе нынешней зимней кампании Красная Армия ликвидировала мощную оборону немцев на всем протяжении Днепра от Жлобина до Херсона и тем самым опрокинула расчеты немцев на успешное ведение затяжной оборонительной войны на советско-германском фронте.

За три месяца зимней кампании наши доблестные войска одержали крупнейшие победы на правобережной Украине, завершили освобождение Киевской, Днепропетровской, Запорожской областей, освободили всю Житомирскую, почти полностью Ровенскую и Кировоградскую области, ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей. Решительными действиями Красной Армии ликвидированы попытки немецкого контрнаступления в районах Житомира, Кривого Рога и Умани. Советские войска устроили немцам новый Сталинград на правобережье Днепра, окружив и уничтожив в районе Корсунь-Шевченковский десять немецких дивизий и одну бригаду.

Великая победа одержана советскими войсками под Ленинградом. Наши войска взломали мощную систему долговременных, глубоко эшелонированных укреплений противника, разгромили сильную группу немецких войск, полностью освободили Ленинград от вражеской блокады и варварских артиллерийских обстрелов. Советские воины завершают очищение от фашистских извергов Ленинградской и Калининской областей и вступили на землю советской Эстонии.

Развернулось массовое изгнание оккупантов из Советской Белоруссии: освобождены почти полностью Гомельская и Полесская области, ряд районов Могилевской и Витебской областей.

В неблагоприятных условиях нынешней зимы наши войска, преодолев мощные оборонительные полосы врага, за три месяца зимней кампании очистили от захватчиков около 200 тысяч квадратных километров советской земли. Красная Армия отбила у врага свыше 13 тысяч населенных пунктов, в том числе 82 города и 320 железнодорожных станций. Из фашистской неволи вызволены новые миллионы советских граждан. Нашей Родине возвращены важные сельскохозяйственные и промышленные районы с богатейшими запасами железной руды и марганца. Немцы лишились этих экономически важных районов, за которые они так отчаянно цеплялись.

Теперь уже всем, должно быть, ясно, что гитлеровская Германия неудержимо движется к катастрофе. Правда, условия ведения войны в этой войне более благо-

приятны для Германии, чем в прошлой мировой войне, когда она с самого начала и до конца войны вела борьбу на два фронта. Однако большим минусом для Германии является тот факт, что Советский Союз в этой войне оказался много сильнее, чем старая царская Россия в прошлой войне. В первой мировой войне против германского блока воевали на двух фронтах шесть великих держав — Франция, Россия, Англия, США, Япония и Италия. В нынешней войне на сторону Германии перешли Италия и Япония, присоединилась к фашистскому блоку Финляндия, перебежала Румыния, воевавшая в прошлой войне против Германии, при этом основные силы Германии до сих пор действуют на одном фронте против Советского Союза. Из истории известно, что Германия всегда выигрывала войны если она дралась на одном фронте и, наоборот, проигрывала войну, когда она вынуждена была воевать на двух фронтах. В нынешней войне Германия, воюя основными силами на одном фронте против СССР, тем не менее не только не смогла одержать победу, но мощными ударами вооруженных сил Советского Союза оказалась поставленной на край катастрофы. Если Советский Союз один на один не только выдержал натиск германской военной машины, но и нанес немецко-фашистским войскам решающие поражения, то тем более будет безнадежным положение гитлеровской Германии, когда вступят в действие главные силы наших союзников и против гитлеровской Германии развернется мощное и нарастающее наступление армий всех союзных государств.

Немецко-фашистские разбойники мечутся теперь в поисках путей спасения от катастрофы. Они снова ухватились за „тотальную" мобилизацию в тылу, хотя людские ресурсы Германии истерзаны. Фашистские заправилы предпринимают отчаянные попытки внести разлад в лагерь антигитлеровской коалиции и тем самым затянуть войну. Гитлеровские дипломаты носятся из одной нейтральной страны в другую, стремятся завязать связи с прогитлеровскими элементами, намекая на возможность сепаратного мира то с нашим государством, то с нашими союзниками. Все эти уловки гитлеровцев обречены на провал, ибо в основе антигитлеровской коалиции лежат жизненно важные интересы союзников, поставивших задачу разгромить гитлеровскую Германию и ее сообщников в Европе. Именно эта общность коренных интересов ведет к укреплению боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны.

Близится час окончательной расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле и в оккупированных странах Европы.

Победоносное наступление Красной Армии стало возможным благодаря новым трудовым подвигам советских людей во всех отраслях нашего народного хозяйства. Трудящиеся Советского Союза подкрепили летние победы Красной Армии на фронтах новыми производственными победами в тылу.

Рабочие нашей промышленности досрочно выполняют и перевыполняют установленные государством планы, вводят в строй новые заводы, доменные печи и электростанции, восстанавливают в невиданно короткие сроки в освобожденных районах разрушенную оккупантами индустрию. Героические усилия рабочего класса еще более укрепляют военно-материальную базу Красной Армии и приближают тем самым час нашей окончательной победы.

Советское крестьянство дает государству продовольствие для армии и городов, сырье для промышленности, оказывает самоотверженную поддержку Красной Армии.

Советская интеллигенция оказывает прямую руководящую помощь рабочим и крестьянам в деле развертывания производства и удовлетворения нужд Красной Армии.

Трудящиеся освобожденных районов с каждым днем расширяют помощь Красной Армии — своей освободительнице, включают в общий поток грузов, идущих на фронт, продукцию восстанавливаемых заводов и сельского хозяйства.

Нет сомнения в том, что советский народ и впредь своим героическим трудом и напряжением всех своих усилий обеспечит непрерывный рост производственных сил страны для скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Создание новых войсковых формирований в союзных республиках, подготовленное боевым содружеством народов СССР в Оте-

(Окончание на 2-й странице)

Газета «За нашу победу» от 23 февраля 1944 г.

ших частей и подразделений, поэтому газеты доходили до читателей с большим опозданием. Так, газета Волховского фронта «Фронтовая правда» в январе 1943 г., когда начались боевые действия по прорыву блокады Ленинграда, поступала в войска лишь на четвертый-пятый день, а дивизионная газета этого фронта «За Отечество» с 1 января по 3 апреля 1943 г. совсем не выходила, так как совершенно потеряла связь с дивизией. Как правило, такие недостатки объяснялись тем, что соответствующие политорганы слабо взаимодействовали со своими газетами, плохо направляли работу их редакций.

В июле 1943 г. при Главном политическом управлении Красной армии состоялось совещание редакторов дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых газет, на котором обсуждались темы работы печати по воинскому, политическому и культурному воспитанию личного состава и о деятельности газет по воспитанию ненависти к врагу. Разумеется, все эти вопросы печать решала и раньше. Но новый период войны потребовал от журналистов еще большей активности и деловитости в постановке и решении вопросов партийно-политической работы.

Редакции военных газет расширили тематику своих выступлений. Так, на страницах красноармейской газеты Ленинградского фронта «За Родину» выступали видные партийные работники. Постоянным автором газеты был член Военного совета фронта генерал-майор А. А. Кузнецов. В одном из номеров он выступил со статьей о задачах партийно-политической работы на фронте. В статье подчеркивалось, что среди условий, от которых зависело успешное наступление наших войск, важнейшую роль играли высокий моральный и боевой дух советских воинов, их стойкость, храбрость: «Так же, как боец должен быть в положенное время обеспечен едой, его надо ежедневно снабжать и духовной пищей, иначе он будет политически хиреть, слабеть. Политическое воспитание имеет не меньшее значение, чем хорошее оснащение техникой или прочно построенные оборонительные рубежи. И техника, и инженерные сооружения без людей мертвы, ибо основой всего военного дела является боец»[68]. Вслед за этой установочной статьей газета «За Родину» опубликовала ряд полос и отдельных материалов об опыте партийной-политической работы на фронте, о месте коммуниста в боевой обстановке.

Газета Ленинградского фронта старалась воспитывать личный состав на лучших образцах ратной доблести коммунистов. 5 июня 1943 г. она опубликовала передовую статью «Роль коммунистов в наступательном бою», в которой говорилось: «Возьмите себе в пример беспредельное мужество Ивана Суханова, закрывшего амбразуру вражеского дзота и ценой своей жизни обеспечившего победу в бою»[69]. Образ героя-коммуниста газета раскрывала в материалах тематических полос: «Всемерно усиливать партийно-политическую работу»[70], «Коммунист — первый в учении и в бою»[71], «Коммунист! Твое слово и твой пример должны зажигать сердца!»[72]. Портреты коммунистов-героев войны ярко рисовались в материалах, подававшихся в форме писем и обращений. Так, 12 сентября 1943 г. было опубликовано письмо коммунистов и комсомольцев части, носящей имя М. И. Калинина, трудящимся г. Калинина. Воины-коммунисты рапортовали шефам-землякам о том, что они ведут счет убитым гитлеровцам: сообщалось, что коммунист Шинибеков уничтожил за короткое время 172 фашиста, а воины подразделения, которым командовал коммунист Александров, истребили 1631 захватчика[73]. Аналогичная работа проводилась и другими военными газетами.

5 июля 1943 г. началась битва на Курской дуге. Отразив мощное наступление вермахта, войска Красной армии уже в начале августа перешли в контрнаступление, которое вскоре переросло в общее стратегическое наступление советских войск. Для военной печати важно было показать историческое значение этой победы. Все военные газеты публиковали сводки Совинформбюро, печатали передовые и пропагандистские статьи, посвященные героизму бойцов и командиров в боях на Курской дуге. Материалы публиковались под яркими заголовками. Например, газета «Сталинское знамя» (Южный фронт) одну из полос дала под шапкой: «Подвигами салютуйте героям Орла и Белгорода. Учитесь у орловцев и белгородцев бить гитлеровских захватчиков». В каждой заметке, в каждом материале содержался призыв к активным действиям.

Смерть немецким оккупантам!

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

В БОЙ ЗА РОДИНУ

ЧЕТВЕРГ 5 АВГУСТА 1943 ГОДА № 189 (682)

Умело использовать все огневые средства для уничтожения фашистских захватчиков!

ГОТОВИТЬ ОРУЖИЕ К СТРЕЛЬБЕ В УСЛОВИЯХ НОЧИ

Приближается осень с её тёмными дождливыми ночами. Возрастает опасность внезапных вражеских ударов, увеличиваются возможности для активизации мелких групп противника. Это обстоятельство ставит перед офицерским, сержантским и рядовым составом подразделений переднего края новую ответственную задачу. Она состоит в том, чтобы умело приспособить оборонительные позиции, подготовить оружие к стрельбе в условиях ночной темноты.

В прошлом году, в одну из тёмных ночей, рота белофиннов предприняла попытку окружить и уничтожить боевое охранение Н-ской части, возглавляемое лейтенантом Свиридовым. Маннергеймовцы тремя группами приблизились к проволочному заграждению и начали резать его ножницами. В эту минуту вспыхнули самовоспламеняющиеся осветительные ракеты, подвешенные к рогаткам. Тотчас же были пущены в ход все огневые средства, которыми располагало боевое охранение. Кроме того, Свиридов вызвал огонь поддерживающей миномётной батареи. Понеся большие потери, белофинны поспешно отошли.

Успех бойцов боевого охранения об'ясняется, прежде всего, тем, что они были готовы к ночному бою. Командиры отделений заблаговременно подготовили ручные пулемёты к ведению огня по основным направлениям, где наиболее вероятно появление противника. Наводчикам они указали рубежи в 150 метрах от передовой траншеи, дали секторы обстрела с расчётом поражения врага у проволочных препятствий. Каждый пулемётный расчёт вёл огонь с рассеиванием в пределах установленных ограничителей. Кроме того, ручные пулемёты были подготовлены для стрельбы по рубежам, указанным лейтенантом Свиридовым. На этих рубежах по условному сигналу сосредотачивали огонь все пулемёты сразу.

Стрелки закрепляли на ночь свои винтовки на специальных деревянных сошках, заблаговременно пристреляв их по указанным командирами отделений рубежам. Огонь между стрелками был распределён с таким расчётом, что они поражали всю площадь перед огневыми позициями своих отделений.

Пример подразделения лейтенанта Свиридова наглядно показывает, что необходимо для успешного отражения вражеских атак в ночной темноте. Каждое подразделение, находящееся на переднем крае, должно так же умело использовать свои огневые средства. Нужно, чтобы все стрелки, автоматчики, пулемётчики имели испытанные приспособления для стрельбы в условиях тёмных осенних ночей.

Долг командиров — своевременно позаботиться о чёткой организации взаимодействия стрелковых подразделений с артиллеристами и миномётчиками. Здесь особенно важно обеспечить непрерывную связь, целеуказание. Артиллерийские и миномётные батареи должны быть готовы в любое время ночи поддержать действия стрелков, нанести врагу сокрушительный удар.

ПРИМАНКА СНАЙПЕРА КИЛЕВА

Н-СКИЙ УЧАСТОК ФРОНТА, 4 августа. **(По телеграфу).** На участке вражеской обороны, расположенном против подразделения командира Розина, фашисты держат себя крайне осторожно. Они передвигаются только по траншеям, избегают открытых мест. Немало смекалки и инициативы приходится проявлять снайперам, чтобы заставить немцев выйти из укрытий.

На-днях снайпер Килев высунул из траншеи окрашенный в тёмнозелёную краску квадратный кусок фанеры с двумя небольшими щелями, укрепил его среди кустов, росших у бруствера, а сам расположился для наблюдения метрах в 20 справа.

Повидимому, фашисты приняли фанеру за щит, закрывающий снайпера. Килев увидел, как над траншеей показалась голова немца, который дал по щиту очередь из автомата. Автоматчик скрывался за камнями немного впереди траншеи. Считая, что он убил советского снайпера, скрывавшегося за щитом, фашист вылез из-за камней. В этот момент Килев сразил бандита.

Ефрейтор С. ГРОМОВ.

По телеграфу и телефону

Воодушевлённые приказом товарища Сталина о ликвидации летнего наступления немцев, снайперы нашего подразделения с каждым днём увеличивают свою боевую активность. 25-го июля снайперы истребили 10 фашистских захватчиков; по 2 гитлеровца убили Пермяков и Сычев. На следующий день бойцы уничтожили 7 гитлеровцев.

Всего со дня опубликования приказа товарища Сталина снайперы истребили 26 фашистов.

Красноармеец Н. ГРИГОРОВИЧ.

* * *

Наши миномётчики подожгли передний край вражеской обороны. Загорелся один из фашистских дзотов. Гитлеровцы принялись тушить пожар. Снайперы, наблюдавшие за передним краем противника, открыли огонь. Сержант Трофимов и ефрейтор Терехов убили по 2 фашиста каждый. По одному немцу истребили снайперы Смирнов, Самойленко и Сычев.

Сержант И. ЛОКТЕВ.

* * *

Пулемётчик Мартынов заметил возле вражеского дзота небольшую группу фашистов и открыл огонь. Одной очередью из пулемёта он сразил трёх гитлеровцев.

Сержант А. ТРОФИМОВ.

Сержант **А. Бородулькин** (справа) и красноармеец **Е. Малышев**, награждённые орденами Красной Звезды. 23 июля, участвуя в разведывательном поиске, они скрытно пробрались в расположение противника, захватили в плен белофинского пулемётчика и взорвали его станковый пулемёт. «Язык» был доставлен в часть. Через день отважным разведчикам командир соединения вручил награды — ордена Красной Звезды.

Снимок **И. Козьминского.**

* * *

ВЫЛАЗКА РАЗВЕДЧИКОВ

Н-СКИЙ УЧАСТОК ФРОНТА, 4 августа. **(По телеграфу).** Группа разведчиков во главе с лейтенантом Скрипниченко ночью переправилась через реку и устремилась к позициям противника. Путь лежал через редкий кустарник. Зелёные маскировочные халаты разведчиков сливались с фоном окружающей местности. Но в 70 метрах от вражеского дзота за кустарником был расположен открытый горелый участок. Продвигаясь дальше в зелёных маскхалатах, можно было преждевременно обнаружить себя. Сообщив об этом командиру подразделения, Скрипниченко приказал бойцам залечь и наблюдать.

Целые сутки лежали разведчики на одном месте. Они хорошо изучили участок вражеской обороны и обнаружили два дзота, у которых стояли часовые.

Когда солнце поднялось высоко и лучи его стали ослеплять наблюдателей противника, разведчики, переодевшись в доставленные связным чёрные халаты, подползли к проволочному заграждению. Младший сержант Савин, красноармейцы Чугунов и Бочаров сделали двухметровый проход в спирали Бруно. Туда устремились Трепов, Черкасов и Бочаров. Вражеский часовой заметил их и бросил гранату. Разведчики ответили тем же, уничтожили часового и подбежали к дзоту. Но дзот оказался пустым.

Тогда отважные воины кинулись ко второй укреплённой огневой точке, находившейся левее на 200 метров. Немецкий часовой метнул одну за другой две гранаты, но осколки их никого не ранили. Тотчас же бандит был уничтожен.

Разведав огневую систему переднего края обороны противника и взорвав несколько оборонительных сооружений, разведчики благополучно вернулись в своё расположение.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД», коллективный корреспондент газеты «В бой за родину».

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ЗА 4 АВГУСТА

В течение 4 августа наши войска на ОРЛОВСКОМ направлении продолжали успешно развивать наступление и, продвинувшись вперед от 6 до 10 километров, ворвались в ОРЕЛ, где ведут уличные бои с противником. Нашими войсками на Орловском направлении за день боев занято свыше 80 населенных пунктов, в том числе железнодорожные станции СТАЛЬНОЙ КОНЬ (6 километров севернее Орла) и СВЕТЛАЯ ЖИЗНЬ (4 километра южнее Орла).

На БЕЛГОРОДСКОМ направлении наши войска завязали бои с противником, продвинулись вперед на 10 километров и серьезно улучшили свои позиции.

В Донбассе в районе ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ВОРОШИЛОВГРАДА наши войска вели бои местного значения, в результате которых улучшили свои позиции.

На ЛЕНИНГРАДСКОМ фронте в районе севернее и восточнее Мга—артиллерийско-минометная перестрелка с обеих сторон.

В течение 3 августа наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 236 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 138 самолетов противника.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении генерал-полковнику авиации Голованову А. Е. военного звания Маршала авиации

Генерал-полковнику авиации **Голованову** Александру Евгеньевичу присвоить военное звание Маршала авиации.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.
3 августа 1943 года.

Газета «В бой за Родину» от 5 августа 1943 г. Лист 1

НАШИ ПОЗИЦИИ

На стыке двух взводов расположены позиции нашего отделения.

Стык — наиболее уязвимое место. Его надо сделать неприступным для врага. Задача нелегкая. Но мы ревностно взялись за дело. Сначала вырыли окопы полного профиля, соединили их узкими, но глубокими ходами сообщения, затем проложили извилистую траншею с запасными ячейками для стрелков, ручного пулемёта и снайперов, с нишами для боеприпасов.

Глубокие ходы сообщения и траншея позволяли нам передвигаться свободно, в полный рост.

Казалось, что уже сделано всё для того, чтобы наши позиции были неуязвимы. Однако действительность показала ошибочность такого мнения.

В конце июня белофинны предприняли разведку переднего края обороны нашего подразделения. До взвода автоматчиков под прикрытием дымовой завесы приблизились к проволочному заграждению и начали проделывать там проходы. Мы открыли по ним пулемётный и залповый ружейный огонь. Потеряв до 10 человек убитыми, автоматчики отступили. Обозлённый неудачей, враг обрушил на нас удары двух артиллерийских и трёх миномётных батарей. Тут-то и обнаружились недостатки в оборудовании наших позиций.

Прежде всего, нехватало перекрытий. В минуты артиллерийских и миномётных огневых налётов осколки довольно часто попадали в окопы, траншеи и парализовали боевую деятельность бойцов. Особенно доставалось расчёту ручного пулемёта, окоп которого значительно шире, нежели окопы стрелков. Недостаточными оказались также приспособления для стрельбы в условиях пониженной видимости, в момент задымления.

При первой же возможности мы натаскали в траншею брёвен и камней, начали улучшать свои фортификационные сооружения. Для расчёта ручного пулемёта построили два лёгких дзота. Расположили их так, что они не выдавались над поверхностью земли. Траншею и ходы сообщения в нескольких местах усилили перекрытиями в два наката. Для стрелков сделали блиндажи с перекрытиями в три наката. В каждом блиндаже выложили из гранитных плит амбразуры, сделали приспособления для ночной стрельбы. Когда основные позиции были готовы, проложили сапным способом два хода сообщения на 60 метров вперёд и оборудовали там запасные позиции: окопы полного профиля, соединённые между собой узкими щелями.

Недавно на нашем участке враг вновь предпринял разведку боем. На этот раз он начал свои действия с мощной артиллерийской подготовки. В течение 30 минут вокруг нас громыхали разрывы снарядов. Находясь в надёжных укрытиях, мы чувствовали себя совсем иначе, чем прежде.

Первые две атаки белофиннов были отбиты с запасных позиций. Когда же противник пустил густую дымовую завесу и начал третью атаку, мы перешли на основные позиции и огнём отбросили врага с большими для него потерями.

Свыше двухсот снарядов разорвалось на небольшом участке нашей обороны, но никто из нас не получил и царапины. Это достаточно убедительно говорит о прочности наших позиций. Однако и сейчас мы непрерывно продолжаем совершенствовать их.

Командир отделения
Н. КОЛПИН.

Шофер красноармеец **В. Волков** за короткий срок сэкономил 99 килограммов горючего. Командование наградило отличника-шофера медалью «За боевые заслуги».

Снимок **А. Колесникова.**

Во вражеских траншеях

При поддержке миномётов и пулемётов стрелки ворвались на немецкие позиции.

Красноармеец Баханов в упор расстрелял из винтовки трёх гитлеровцев. Когда соседнее отделение попало под огонь пулемёта, Баханов подполз к огневой точке и забросал её гранатами.

Вслед за стрелками двигался миномётный расчёт. Заметив, что на правом фланге фашисты накапливаются для контратаки, наводчик Смакотин тотчас открыл огонь и рассеял их. В этот момент заработал ещё один вражеский пулемёт. Смакотин уничтожил и его.

Истребив несколько десятков фашистов, бойцы отбросили врага и взорвали его оборонительные сооружения.

Младший лейтенант
Н. МОРЩИКОВ.

ФРОНТОВОЙ СЛЕТ РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ-АВТОМОБИЛИСТОВ

На-днях состоялся слёт лучших рационализаторов и изобретателей автомобильного транспорта нашего фронта. Участники слёта поделились опытом, накопленным ими за время Отечественной войны. В выступлениях приводились примеры, характеризующие успехи в экономии горючего, изготовлении автодеталей и приспособлений для ремонта машин.

Литейщик орденоносец красноармеец Сивков показал производство алюминиевых поршней. Присутствующие практически ознакомились с тем, как при помощи несложного приспособления наладить в полевой мастерской изготовление высококачественных поршней для машин всех марок. Демонстрировались также в действии различные конструкции и приспособления, сделанные рационализаторами: электромагнитный патрон к токарному станку, приспособление для расточки цилиндров и т. п.

Водитель Гаричев рассказал, как он достиг рекордных показателей по эксплоатации автомашин. Он увеличил грузоподъёмность своего грузовика с 3 до 4,5—5 тонн. При этом машина его прошла без поломок свыше 100.000 километров, и каждый месяц водитель экономил до 80 килограммов бензина.

Капитан Стороженко и другие участники слёта поделились опытом экономии горючего за счёт правильной регулировки и тарировки карбюраторов, а также путём увеличения межремонтных пробегов.

Многому научило практическое ознакомление с наиболее рациональными методами ремонта моторов непосредственно на производстве и обсуждение на организованной при слёте выставке технических экспонатов, чертежей и моделей.

По окончании слёта 17 лучшим рационализаторам, шоферам и ремонтникам были вручены нагрудные знаки «Отличный шофер».

Капитан Я. КОСЕНКО.

Выручила смекалка

Возвращаясь из глубокого тыла противника, разведчики неожиданно обнаружили, что припрятанные ими на берегу реки лодки куда-то исчезли. Между тем, с переправой нужно было спешить. Преследовавшие разведчиков белофинны могли нагрянуть в любую минуту.

— Что будем делать? — спросил ефрейтор Добрынин командира разведгруппы сержанта Григорьева.

Положение было, действительно, затруднительным, так как у разведчиков не было ни пилы, ни топоров. Но опыт и смекалка сержанта помогли и здесь найти выход.

— Будем строить плот, — сказал Григорьев после минутного раздумья.

Он решил сделать плоты из плащпалаток и приказал бойцам наломать хвороста, собрать мох.

В течение десяти минут разведчики набили мхом и хворостом 8 плащпалаток, соорудили из них плот и благополучно переплыли на противоположный берег. Когда белофинны подошли к реке, разведчиков уже и след простыл.

Красноармеец Т. ПОДОЛИН.

ИЗ ОПЫТА КОМАНДИРА ОТДЕЛЕНИЯ

Подготовка бойца*)

2. Первые шаги разведчиков

— Когда же пойдём на передний край?

Этот вопрос бойцы задавали часто.

— Придёт время, пойдём, — отвечал я. — Сейчас нужно учиться. Неучёный и видит врага, да ничего не замечает.

Но вот командир взвода лейтенант Березовский приказал нам отправиться на передний край, изучить вражескую оборону. В предрассветных сумерках мы уже были в траншее. Она извилистой линией перерезала сопку и круто опускалась в лощину.

— Откуда лучше наблюдать за противником? — спросил я бойцов.

— Отовсюду хорошо. Местность голая, с любого места белофиннов видно, — ответил кто-то.

— Вот и ошибаешься, — заметил я. — Наблюдателю выгоднее всего находиться на возвышенных местах, сверху-то виднее.

Я расставил бойцов по отдельным ячейкам, показал им, как выложить из камней небольшую амбразуру и сделать над ней берестяной затеняющий козырёк. Тогда противнику трудно обнаружить светлый глазок, через который разведчик ведёт наблюдение. Младший командир не должен гнушаться делать всё то, чему он учит. Глядя на него, бойцы быстрее научатся. А кроме того, когда у командира дело спорится, это поднимает его авторитет.

Каждому бойцу я показал расположение вражеской обороны, назначил сектор наблюдения, указал смутно видневшиеся в утренней дымке ориентиры: камни, отдельные деревья, заметные повороты траншей.

— Следите за всем, что будет происходить у белофиннов. Старайтесь нащупать места, где расположены огневые точки.

Через некоторое время я пошёл по траншее проверять, как кто наблюдает. Вижу, красноармеец Соболев вылез на бруствер. Только я хотел крикнуть ему, недалеко просвистела пуля. Соболев спрыгнул в траншею. Я сказал ему:

— Не годится так. Залез на бруствер, вот белофинский снайпер тебя сразу и обнаружил.

Соболев молчал. Выстрел вражеского снайпера был достаточным уроком для него. Когда боец понял свою ошибку, не стоит его больше укорять. Поэтому я сразу перевёл разговор:

— А что заметил?

— Какие-то грузные мешки. Видно, тяжёлые. К чему они? — недоумевая, спросил боец и показал на плоскую груду мешков, лежавшую в низинке. По опыту я знал, что это открытая огневая точка.

— Дождись момента, когда белофинны будут вести из-за мешков стрельбу. Тогда мы полностью убедимся в своём предположении, — посоветовал я Соболеву.

Несколько дней подряд мы наблюдали с утра до вечера. Постепенно у каждого бойца накопилось много фактов. Соболев не только засёк вражеское пулемётное гнездо за мешками с песком, но обнаружил и другую огневую точку за кучей камней, появившуюся однажды утром на выступе вражеской траншеи. Но бойцам нехватало ещё настойчивости, а без этого качества даже самый зоркий не сможет разгадать многих тайн вражеской обороны.

У белофиннов, кроме постов, расположенных возле дзотов, землянок, открытых и закрытых стрелковых ячеек, есть ещё и патрули. Они расхаживают по траншеям, время от времени стреляют в нашу сторону и можно принять их за постоянных часовых. Засечёшь по выстрелу местонахождение поста, а его там никогда и не было.

Как же разобраться: пост или патруль стрелял из вражеской траншеи? Надо терпеливо дожидаться времени, когда начнётся ночная смена постов. После приёма поста новый часовой, как правило, проверяет оружие, выпускает racбету, чтобы осмотреть местность. Нередко при смене постов в ночной тишине слышен разговор.

Терпение, привычку часами выжидать я воспитывал у бойцов долго. Особенно воодушевил их случай, когда, наблюдая за одним постом, они выявили вражеский дзот. Это была первая настоящая удача, потому что обнаружить вражеский дзот трудно. В последнее время на нашем участке обороны белофинны совсем не ведут огня из дзотов, амбразуры закрывают щитками, окрашенными под цвет местности. Да и сами дзоты так замаскированы, что ничем не выделяются на поверхности земли.

Но мои бойцы, непрерывно наблюдая за противником, научились выявлять «дзоты-невидимки». Однажды мы обнаружили дзот по... кашлю.

Но об этом я расскажу в следующей статье так же, как и о других случаях из боевой практики, на которых воспитывались и совершенствовали свои навыки бойцы моего отделения.

Старший сержант
А. ПОТАПОВ.

*) См. «В бой за родину» от 3 августа с. г.

Газета «В бой за Родину» от 5 августа 1943 г. Лист 2

АГИТАТОР, ПРОВЕДИ БЕСЕДУ

Провал летнего наступления немцев

23 июля успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано немецкое наступление, начатое 5 июля из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска. Наши войска не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимавшееся ими до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров.

За время боёв с 5—23 июля противник потерял убитыми более 70 тысяч солдат и офицеров. Подбито и уничтожено 2.900 танков, 195 самоходных орудий, 844 полевых орудия, уничтожено 1.392 самолёта и свыше 5.000 автомашин.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин в приказе 24 июля 1943 года поздравил руководителей боевых операций и войска с успешным завершением ликвидации летнего немецкого наступления. Об'явлена благодарность всем бойцам, командирам и политработникам за отличные боевые действия.

Полный провал немецкого наступления на советско-германском фронте — событие огромного политического и военно-стратегического значения. Разоблачена ещё одна легенда фашистской пропаганды, «...легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении» (СТАЛИН).

К июльскому наступлению 1943 года немецко-фашистское командование готовилось долго и основательно. Вскоре после разгрома под Сталинградом в Германии была об'явлена так называемая «тотальная» (всеобщая) мобилизация людских сил и материальных ресурсов.

Вся под'ярёмная Европа работала на гитлеровскую военную машину. Обновлялась и совершенствовалась германская военная техника. Был выпущен новый тип тяжёлого танка «Т-6» — «Тигр», тяжёлые самоходные орудия типа «Фердинанд», усовершенствованы пикирующие бомбардировщики. Все усилия были направлены на возмещение огромных потерь, понесенных германо-фашистскими армиями на советском фронте. Гитлеровцы лелеяли надежду, что летом они снова будут в состоянии предпринять наступление и взять реванш за своё поражение под Сталинградом.

Подготовка фашистов к наступлению началась ещё весной. Немцы сосредоточили на Курском направлении большие силы и много боевой техники. В наступлении участвовало 38 дивизий, в том числе 17 танковых, германское командование было уверено в успехе своего наступления: в приказе по войскам, зачитанном солдатам вечером 4 и рано утром 5 июля, Гитлер писал, что начинается «последний решительный бой». Лавина огня и железа обрушилась на наши обороняющиеся войска. По свидетельству пленных немецких офицеров, немцы израсходовали в первый день наступления больше боеприпасов, чем за всю кампанию в Польше. За первые три дня наступления немецкая артиллерия выпустила больше снарядов, чем за всё время войны с Францией.

И всё же наступление провалилось. Советские воины, выполняя приказ товарища Сталина — не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли,— устояли против фашистского бронированного тарана, поддержанного большим количеством авиации и артиллерии. Если немцам кое-где и удалось вклиниться в нашу оборону, то пройденное ими расстояние было завоёвано ценою огромных потерь в живой силе и технике.

Провал наступления оказался настолько очевидным, что фашистские лгуны из ведомства Геббельса в своих официальных сообщениях стали приписывать инициативу наступления советским бойцам. Этот жульнический трюк гитлеровской ставки показал, как велика растерянность фашистского командования в связи с постигшей его крупной неудачей.

Чем же об'ясняется провал немецкого наступления?

Главная причина заключается в том, что благодаря прозорливости Верховного Главнокомандования Красная Армия оказалась полностью подготовленной не только к отражению наступления немцев, но и к нанесению мощных контрударов. Отсутствовал элемент внезапности нападения, который сыграл большую роль в прошлых наступательных операциях немцев. Советские бойцы и командиры подготовили достойную встречу «непрошенным гостям».

Никакими уловками немцам не удавалось выманить наших бойцов под огонь своей бомбардировочной авиации, артиллерии и миномётов. Но как только они начинали настоящую атаку, передний край обороны, казавшийся мёртвым, встречал врага уничтожающим огнём из сотен пулемётов, орудий, миномётов, противотанковых ружей.

На участок одного из наших полков немцы произвели 1.500—1.600 самолёто-вылетов. Вражеские бомбардировщики беспрерывно пикировали на боевые порядки полка. Следом за бомбардировщиками шли фашистские танки. 16 раз свыше 150 танков врага атаковали подразделения полка. Несмотря на эту лавину огня и металла, полк не отступил ни на шаг!

Успех стал возможен потому, что бойцы научились в совершенстве владеть своим оружием, а командиры — управлять подразделениями.

«Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойдённые образцы упорства, стойкости и геройства бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и миномётчиков, танкистов и лётчиков» (СТАЛИН).

В беззаветной храбрости с пехотинцами, танкистами, артиллеристами соревновались лётчики, сапёры, связисты. Сотни вражеских танков, орудий, тысячи фашистских солдат и офицеров были уничтожены славными сталинскими соколами, подорвались на минах. В тесном взаимодействии бойцы всех родов войск обеспечили Красной Армии блестящую победу в оборонительном сражении на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. За 12 дней этого сражения силы врага оказались истощёнными. Пользуясь этим, наши войска севернее и восточнее Орла, а потом и на других направлениях, перешли в наступление.

В этих успехах Красной Армии велика роль советского тыла. Всенародный под'ём, самоотверженный труд рабочих, колхозников, интеллигенции умножили наши силы. Качество нашей боевой техники во многих случаях выше вражеской. Советские танки «КВ» не уступают по мощности «Тиграм» и превосходят их в подвижности. Особенно маневренны и подвижны наши танки «Т-34». Советские заводы дали отличное самоходное тяжёлое орудие, не уступающее фашистским «Фердинандам». Из одного такого орудия в части майора Санковского было уничтожено в первый день немецкого наступления более 10 вражеских танков типа «Тигр».

Боевая техника, построенная на советских заводах на средства трудящихся, попала в руки умелых и отважных воинов. Неустанно работая над выполнением указаний Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, рядовые бойцы, офицеры и генералы Красной Армии непрерывно повышали мастерство, дисциплину и организованность во всех звеньях сложного военного организма и научились воевать так, как этого требует дело победы. Наша оборона оказалась сильнее немецкого наступления, а последовавшее затем наступление советских войск — сильнее вражеской обороны.

Таковы основные причины, обусловившие полный провал немецкого наступления, начатого 5 июля 1943 года, наступления, с которым Гитлер связывал большие надежды.

Враг ещё раз изведал силу сокрушительных ударов Красной Армии. Но товарищ Сталин учит нас не успокаиваться и не зазнаваться. Впереди ещё много суровых испытаний, тяжёлых и ожесточённых боёв. От всех советских людей на фронте и в тылу требуется неустанная работа. В труде и в бою мы завоюем победу, сломаем хребет фашистскому зверю, очистим советскую землю от гитлеровских мерзавцев.

Подполковник
Г. МЕЩЕРЯКОВ.

Майор М. Альтшуллер вручает партийный билет отважному разведчику лейтенанту А. Сойту.

Снимок И. Козьминского.

Русской женщине

Над Москвою—палящее лето,
И на Севере — зной недвижим.
Я не сплю. Далеко до рассвета.
Всё сижу над портретом твоим.

Я гляжу на черты дорогие,
На такие родные черты,
И мне кажется: будто Россия —
Это ты, моя милая, ты.

С русокосой красавицей схожа,
Ты и в горе не стала старей.
Только смотришь суровей и строже
Из-под тёмных, широких бровей.

Как озёра, глаза твои сини,
Величавы осанка и вид.
Нет! Такая не станет рабыней,
А пришельца сама победит.

Я сижу над портретом... Светает.
Голубые туманы легли.
Нынче утром наш полк наступает
По дорогам карельской земли.

И когда от переднего края
Мы шагнём за победой в бою,
Я пойду за тебя, дорогая,
За родную Россию мою.

Аркадий ЕВСЕЕВ.

Физическая закалка бойцов

Большое внимание физической подготовке бойцов уделяет командир нашего подразделения младший лейтенант Деркач. Весь личный состав систематически тренируется в упражнениях на турнике, в беге, в метании гранат и преодолении препятствий.

Недавно в подразделении проведены массовые физкультурные соревнования. Отличную физическую подготовку показали старший сержант Дряннов, младший сержант Сергиенко, красноармейцы Ващенко, Алексеенко, Читалин и Мищенко, пробежавшие километровую дистанцию в полном походном снаряжении в 3 минуты 15 секунд. На 52—56 метров метнули гранату старшина Сергеев, младший сержант Сергиенко, красноармейцы Мищенко и Пустовар.

Сейчас подразделение готовится к большому тренировочному походу с полной боевой выкладкой.

Старшина **В. СЕРГЕЕВ.**

О мундштуках, ложках и домино

В землянке — шутки и смех. В чём дело?... Пробираюсь к столу, чтобы узнать причину, вызвавшую столь бурное веселье.

На столе лежат белые, пахнущие сосной, огромные ложки. Вернее, только форма этих деревянных изделий напоминает ложки, а по размеру они с большим успехом могут быть использованы в качестве черпаков. Тут же стоят жестяные кружки с пятнами ржавчины. А вот мундштуки. Блестящие, с толстым слоем красной краски на кончике. От губ мундштук приходится отрывать силой, из рук он тоже добровольно не уходит. Это лак. «Ничего,—шутят бойцы,—он через годик ототрётся».

Вечером садимся играть в домино. Взяли новый комплект, только сегодня купленный. Камни разошлись по рукам. Заход, другой, третий... Вдруг боец Широких кричит: «У меня два по шесть-пусто». Услышав это, другой товарищ заливается смехом и говорит: «А у меня три по пять-два». Игра в домино по причинам, независящим от игроков, не состоялась.

Кто же производит и доставляет эти, с позволения сказать, товары? Оказывается, Военторг.

Работники Военторга, очевидно, ещё не знают, что бойцы в свободные минуты делают для себя такие мундштуки, из которых и некурящий закурит, и такие ложки, которые могут с успехом сойти за изделия заводской выделки.

Приезжайте, товарищи из Военторга! Мы люди не гордые, поделимся с вами несложным опытом, научим, что и как надо делать!

Красноармеец
В. МЕРКУЛОВ.

Газета «В бой за Родину» от 5 августа 1943 г. Лист 3

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ЗА 3 АВГУСТА

На Орловском направлении наши войска продолжали наступление.

Севернее и северо-западнее Орла наши войска успешно продвигались вперёд и заняли несколько населённых пунктов. Отступая под ударами советских частей, немцы несут огромные потери в людях, вооружении и военных материалах. Наши бойцы захватили многочисленные склады с боеприпасами, продовольствием, 17 орудий, несколько исправных танков типа «Тигр» и другие трофеи. Особенно упорные бои происходили северо-западнее Орла. Немцы, оказывая сопротивление наступающим советским частям, непрерывно бросали в контратаки танки и пехоту. Наши бойцы отбили все контратаки противника и уничтожили свыше 2.000 гитлеровцев, 13 танков, 12 орудий и много автомашин.

Южнее и юго-западнее Орла части Н-ского соединения, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперёд и заняли ряд населённых пунктов. Уничтожено до 1.500 немецких солдат и офицеров. Нашими подразделениями подбито и сожжено 8 танков, уничтожено 4 самоходных и 19 полевых орудий, 10 миномётов и 80 пулемётов. Захвачены у противника 19 орудий, 6 радиостанций и склад боеприпасов.

Наши лётчики в воздушных боях в течение дня сбили 76 немецких самолётов.

* * *

На Белгородском направлении происходили поиски разведчиков и бои местного значения. На участке, который обороняло Н-ское соединение, немцы предприняли несколько сильных попыток разведать боем советские позиции. Наши подразделения огнём из всех видов оружия и контрударами отбросили противника на исходные рубежи, а затем потеснили его. На поле боя осталось более 300 вражеских трупов. Захвачены 3 орудия, 19 пулемётов, 18 автомашин и 3 радиостанции.

* * *

На Ленинградском фронте огнём артиллерии и миномётов разрушено 35 вражеских дзотов, 11 блиндажей и 5 наблюдательных пунктов. В результате активных действий наших подразделений уничтожено не менее батальона немецкой пехоты.

В воздушных боях, развернувшихся на подступах к Ленинграду, наши лётчики сбили 20 и подбили 4 немецких самолёта. Герой Советского Союза гвардии капитан т. Харитонов сбил 2 самолёта противника. Старший лейтенант т. Билюкин уничтожил 4 немецких самолёта. Советская авиация, наносившая удары по коммуникациям и тылам врага, разбила несколько железнодорожных эшелонов, уничтожила более 30 автомашин и взорвала 5 складов боеприпасов. В Финском заливе самолётами-торпедоносцами потоплены сторожевой корабль и 2 тральщика противника.

* * *

На Карельском фронте подразделение капитана т. Копырина атаковало опорный пункт противника. Советские бойцы ворвались во вражеские траншеи и в рукопашной схватке истребили до роты гитлеровцев. В результате атаки разгромлен опорный пункт противника, разрушены все оборонительные сооружения, в том числе 7 дзотов и 5 землянок. Захвачены пленные.

* * *

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Смоленской области, заминировал в нескольких местах шоссе, по которому немцы подвозили к линии фронта подкрепления и военные грузы. За день на минах подорвались 16 автомашин. Убито и ранено 65 немцев. В конце июля группа партизан пустила под откос 2 немецких воинских эшелона. Партизаны-разведчики наблюдали, как прибывшие к месту крушения немецкие восстановительные команды извлекли из-под обломков вагонов до 200 трупов гитлеровцев. Партизаны другого смоленского отряда подорвали на минах 3 немецких воинских эшелона. Разбиты 3 паровоза, 10 платформ с автомашинами и мотоциклами и 13 вагонов с различными военными грузами.

* * *

Жители освобождённого Красной Армией города Болхова — учительница средней школы Галина Прохорченко, заведующая городской детской библиотекой Мария Медищева и другие рассказали о зверствах немецко-фашистских мерзавцев: «Захватив Болхов в октябре 1941 года, немцы в первые же дни разграбили город. Повальные грабежи сопровождались убийствами мирных граждан. Немецкие военные власти закрыли все школы города и превратили их в солдатские казармы и конюшни. Они разгромили педагогическое училище, исторический музей, медицинское училище, а наиболее ценные приборы физических кабинетов отправили в Германию. Немецкие солдаты разорили городскую библиотеку и сожгли более 50 тысяч книг. В здании музея немцы устроили склад обмундирования, а в доме культуры — офицерский притон. Во многих церквах немцы устроили гаражи, мастерские, склады. Гитлеровцы разрушили старинную троицкую церковь, расположенную в самой древней части города, называемой «городком». Зимою фашистские изверги выселили из домов сотни жителей. Они выбросили на мороз женщин и детей, стариков и больных и заставляли всё население строить дороги. Около 600 девушек и молодых женщин немцы насильно увезли в Германию. Перед отступлением гитлеровцы взорвали и сожгли две школы, театр, все большие жилые дома, вырубили деревья в городском саду. Под страхом расстрела немецкие захватчики насильно угнали многих жителей города».

Опровержение ТАСС

31 июля в шведской газете «Афтонтиднинген» опубликована статья о «советских условиях мира с Финляндией». В этой статье в качестве таких условий, ставших известными якобы от «одного советского дипломата», приводится ссылка на границу 1940 года на Карельском перешейке и на границу 1939 года в остальных районах.

ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение является плодом досужей фантазии редакции «Афтонтиднинген» и лишено всякого основания.

Прием товарищем В. М. Молотовым мексиканского посла господина Л. Кинтанийа

3 августа Народный Комиссар Иностранных Дел товарищ В. М. Молотов принял Чрезвычайного и Полномочного посла Мексиканских Соединённых Штатов в СССР господина Луиса Кинтанийа в связи с предстоящим вручением им своих верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР.

Военно-Морской Флот.
На Н-ском корабле по команде боевой тревоги.
Фото Е. Халдея.

Заявление Черчилля о военных действиях на острове Сицилия

ЛОНДОН, 3 августа. (ТАСС). Как передаёт агентство Рейтер, Черчилль сделал в палате общин заявление о положении на острове Сицилия. Черчилль сказал:

«Поскольку я делаю заявление в палате общин в данный момент, я не могу не отметить тот факт, что днём 1 августа мы начали генеральное наступление на Сицилию и весь вчерашний день прошёл в боях. В полученных мною сообщениях говорится, что операции развиваются хорошо. 78 дивизия, после ожесточённых уличных боёв, захватила Чентурипе. 51 дивизия продвигается на правом фланге. На левом фланге канадские войска захватили Регальбуто, встретив исключительно ожесточённое сопротивление. Согласно сообщениям, американская седьмая армия, оперирующая дальше к северу, вчера вечером вступила в Троину. Продвижение наших войск по прибрежной дороге продолжается, несмотря на значительные разрушения, произведенные противником.

Я хотел бы раз'яснить палате общин, что в течение прошлой недели, когда положение казалось спокойным, на фронт были доставлены крупные подкрепления, и он был должным образом оснащён артиллерией и снаряжением всякого рода».

В заключение Черчилль привёл данные о составе оперирующей на острове Сицилия армейской группы союзников.

Выступление Идена

ЛОНДОН, 2 августа. (ТАСС). Как передаёт агентство Рейтер, выступивший сегодня в Илинге вблизи Лондона министр иностранных дел Иден, касаясь отставки Муссолини и событий в Италии, сказал:

«Один из трёх столпов держав оси угрожающе расшатался. Этот столп никогда в действительности не был столь прочен, как он считал, но, тем не менее, это событие имеет первостепенное значение. Муссолини знал, как придать себе исключительно высокую цену, а весь мир со слишком большой готовностью соглашался с этой оценкой, расплачиваясь кровью, слезами и страданиями».

Перечислив преступления, совершённые итальянским фашизмом в области международных отношений, Иден продолжал: «30 января 1939 года в своей речи в Спорт-Паласте в Берлине Гитлер заявил: «Что касается национал-социалистской Германии, то ей хорошо известна судьба, которая будет ожидать её в том случае, если когда-либо международным силам, каковы бы ни были их мотивы, удастся превозмочь фашистскую Италию».

Сейчас я напоминаю эти слова Гитлеру. Ему и другим было бы полезно вспомнить их. Его сателлитам и всем квислингам также нужно было бы учесть их. Мы, несомненно, сделаем всё, что в наших силах, чтобы подтвердить их бомбами и штыками на севере и на юге, как это столь мужественно делают русские союзники на своём восточном фронте. Германская военная промышленность будет уничтожаться ночью и днём английскими лётчиками и их американскими товарищами из военно-воздушных сил Соединённых Штатов».

Иден считает, что падение Муссолини должно послужить стимулом для усиления военной активности союзников.

СОЮЗНИКИ ЗАНЯЛИ НА СИЦИЛИИ ЕЩЕ 13 ГОРОДОВ

ЛОНДОН, 2 августа. (ТАСС). Штаб союзников в Северной Африке сообщает, что американские войска заняли девять городов, имеющих стратегическое значение в оборонительной системе неприятеля на северо-восточном побережье Сицилии, в числе этих городов Кастель ди Туса, Кастель ди Лючи, Мотта и Петтинео.

В другом сообщении штаба указывается, что американские войска заняли Сан-Стефано (к востоку от Чефалу) и Мистретту (к юго-востоку от Чефалу).

ЛОНДОН, 3 августа. (ТАСС). Штаб союзных войск в Северной Африке передаёт, что войска союзников заняли Ассоро и Ниссория.

ДЕЙСТВИЯ АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИИ

ЛОНДОН, 3 августа. (ТАСС). Официально сообщается, что в ночь на 3 августа крупные соединения английских бомбардировщиков совершили налёт на Гамбург и другие об'екты в Северо-Западной Германии. На эти об'екты было сброшено большое количество фугасных и зажигательных бомб.

Другие группы бомбардировщиков атаковали различные об'екты в Руре. Английская авиация проникла в глубь Голландии и Северо-Западной Германии и атаковала вражеские аэродромы и различные об'екты на острове Зильт и в Кувсхафене.

Из всех этих операций не возвратились на свои базы 30 бомбардировщиков и 2 истребителя.

ОБСТРЕЛ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОРТОВ

ЛОНДОН, 2 августа. (ТАСС) Официально сообщается, что в ночь на 1 августа флотилия крейсеров и эсминцев союзников обстреляла порт Вибо-Валентия. Другие суда обстреляли мост, через который проходит береговая железная дорога через реку Олива, примерно в 35 километрах к северу от Вибо-Валентия.

Вчера утром английские крейсеры и эсминцы подвергли ожесточённому обстрелу Кротоне на побережье Южной Италии.

ФРОНТОВАЯ ХРОНИКА

ИСКУСНЫЙ ЧТЕЦ

Участник коллектива художественной самодеятельности Н-ской части Базунов хорошо читает стихи. За исполнение отрывка из поэмы Твардовского «Василий Тёркин» на фронтовом смотре художественной самодеятельности он получил денежную премию.

Красноармеец
Ф. ПОТАПЕНКОВ.

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛИ ДОСРОЧНО

Наше подразделение производило работы на переднем крае. Несмотря на непрерывный орудийный обстрел со стороны противника, бойцы работали дружно и выполнили боевое задание досрочно. Волков, Иршенко, Дорошенко, Попов, Мешков, Барашкин, Замятин и Патраков заслужили благодарность командира.

Сержант
Н. САВЕЛЬЕВ.

Показ спортивных упражнений с винтовкой на физкультурном празднике в санитарном учреждении, где начальником полковник медицинской службы П. Максимов.

Снимок С. Раскина.

КОНЦЕРТЫ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Недавно в Н-ской части выступила концертная бригада артистов московской эстрады и театра города Уфы под управлением тов. Бенифанта. Большим успехом пользовались исполнители башкирских и татарских танцев артисты Раиса Дербашова и Темур Ханов. Очень понравилось слушателям исполнение отрывков из оперетты «Роз-Мари» в исполнении Толчинской и Бенифанта и чтение художественных рассказов артисткой Корзиной. Бригада дала в нашей части 10 концертов.

Старший лейтенант
А. СЕМЕНЮК.

СМЕЛЫЕ СВЯЗИСТЫ

Осколком вражеского снаряда была прервана связь. Бойцы Симанов, Бухаров и Ефимов, несмотря на сильный огонь противника, быстро установили место порыва и восстановили связь.

Красноармеец
М. ЕФИМОВ.

ИЗУЧИЛИ РАДИОДЕЛО

В свободное время красноармейцы Клеменцов и Митягин изучили радиодело. Сержант Канухин помог им освоить материальную часть радиостанции, принимать и передавать радиограммы.

Старший сержант
К. АРИСТАНОВ.

ПЕРЕДОВИКИ УЧЕБЫ

Упорно работают связисты командира Седеликова над повышением своей боевой квалификации. Передовиками учёбы являются бывалые воины Веденеев, Храпейчук и Усанов, награждённые медалями и нагрудными знаками «Отличный связист».

Парторг Е. ТУХ.

Ответственный редактор П. И. КОРОБОВ.

Г 5705. Адрес редакции: полевая почта 68331 Д.

Газета «В бой за Родину» от 5 августа 1943 г. Лист 4

Смерть немецким оккупантам!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 1 (5989) | 1 января 1945 г., понедельник | ЦЕНА 20 КОП.

С НОВЫМ ГОДОМ, ТОВАРИЩИ! ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА — СТАЛИНА ВПЕРЕД, ЗА ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

К новым победам!

В громе орудий и кипении всенародного патриотического труда, в блеске и славе великих исторических побед вступает наша Родина в новый, 1945-й, год. Полная неиссякаемой богатырской мощи, осененная знаменем Ленина—Сталина, она бодро и уверенно смотрит в будущее. «С Новым годом, с новыми победами!» — радостно провозглашают миллионы советских людей на фронте и в тылу.

Замечательные итоги минувшего, 1944-го, года еще раз с особой силой подтверждают неминуемость близкого разгрома гитлеровской Германии — извечного врага советского народа, лютого врага всего свободолюбивого человечества. Это был год полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков. Это был год решающих побед Красной Армии, каждая из которых, взятая в отдельности, составила бы славу и гордость любой армии мира.

Ознаменованный рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, весь 1944-й год, от начала до конца, прошел под знаком превосходства советского военного искусства, советского боевого оружия над германским. Красная Армия разбила немцев на Правобережной Украине и под Ленинградом. Она освободила Крым, сбросив врага в Черное море. Нанеся решающее поражение финским войскам, доблестные советские воины освободили Выборг и Петрозаводск и в конечном счете заставили Финляндию сложить оружие. В историческом сражении на белорусской земле Красная Армия наголову разгромила центральные группировки немцев в составе трех армий. В битве на Юге она окружила и полностью уничтожила группировку немецких войск в составе двух армий. Красная Армия разбила немцев под Львовом и отбросила их за Сан и Вислу. Враг был изгнан из Прибалтики и из района Печенги. Красная Армия разгромила немцев в Румынии, вышвырнула их из Болгарии, беспощадно бьет на территории Венгрии. Под ударами советских войск окончательно развалился фашистский блок, гитлеровская Германия лишилась большинства своих союзников.

Канун 1944 года был отмечен освобождением Житомира. Канун 1945 года застал советские дивизии на окраинах Будапешта, на земле Восточной Пруссии, на территории девяти иностранных государств. «Красная Армия достойно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу отчизну от врага. Отныне и навсегда,—указывает товарищ Сталин,— наша земля свободна от гитлеровской нечисти». Завершив очищение родной земли от врага, восстановив советскую государственную границу на всем протяжении от Черного до Баренцова моря, наша героическая армия побед, великая армия-освободительница помогает теперь народам Польши, Югославии, Чехословакии разорвать цепи фашистского рабства и восстановить их свободу и независимость.

Вступая в новый, зовущий к победам год, все советские люди провозглашают честь и славу мужественным творцам побед 1944-го года — бойцам, офицерам и генералам Красной Армии. На пути их были безмерные трудности. Снова и снова советские дивизии сталкивались с мощной долговременной обороной немцев, созданной по последнему слову современной техники. На дорогах нашего наступления было много крупнейших водных рубежей и, казалось, неприступных горных хребтов. Гитлеровская Германия с ее фашистской армией более сильный, коварный и опытный противник, чем Германия и ее армия во всех прошлых войнах, предпринимала самые яростные усилия, чтобы остановить советские войска. Но нет таких крепостей, которых не могли бы взять наши воины! Ведомые Сталиным, сражающиеся по законам сталинской военной науки — самой передовой в мире, охваченные беспримерным наступательным порывом, они двигались вперед и вперед, сметая любые преграды, наперекор любым трудностям.

«Если Красная Армия смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов советской земли, то она сделала это благодаря тому, что ее беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна, все народы нашей страны» (Сталин). Горячая и животворная сила советского патриотизма в равной мере сказалась и в немеркнущих ратных подвигах наших воинов на фронте и в беспримерных трудовых подвигах советских людей в тылу. Движимые пламенной любовью к своему социалистическому Отечеству, сплоченные воедино ленинско-сталинской дружбой народов, люди нашей земли, не щадя сил своих, самоотверженно бьются за разгром врага. 1944-й год был ознаменован дальнейшим укреплением и ростом нашего народного хозяйства, дальнейшим повышением могущества великой советской державы. И в промышленности, и на транспорте, и на лесах строек, и в сельском хозяйстве, — всюду миллионы советских патриотов, руководимые большевистской партией, добились выдающихся успехов. Это еще раз показало всему миру, что экономическая основа советского государства несравненно более жизнеспособна, чем экономика вражеских государств, что советский строй непобедим.

«В ходе войны, — указывает товарищ Сталин, — гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев». Так называемая «избранная немецкая раса» стала ныне предметом всеобщей ненависти. В то же время советские люди, советские воины снискали глубокое уважение и горячую любовь в широчайших народных массах всех свободолюбивых стран. В Красной Армии, в советском народе весь мир справедливо видит спасителя цивилизации Европы от фашистских погромщиков. На всех языках земного шара гордое имя бойца, офицера, генерала Красной Армии звучит ныне, как само благородство, сама доблесть и геройство.

Грандиозны наши победы, неувядаема слава, завоеванная нами в минувших битвах. Но это не порождает у советских воинов и тени самодовольства, самоуспокоенности. Исторические успехи Красной Армии в сражениях 1944 года зовут нас к новым, еще более замечательным подвигам в предстоящих боях за полный разгром врага. Высокий уровень военного мастерства, достигнутый советскими воинами под водительством Маршала Советского Союза товарища Сталина, обязывает нас еще быстрее двигаться вперед по пути побед, еще настойчивее совершенствоваться в искусстве бить врага наверняка.

Гитлеровская Германия обречена. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон. Но силы у врага еще есть и, подхлестываемый отчаянием, он будет яростно сопротивляться. Советские воины отчетливо сознают это. Они знают, что предстоящие битвы потребуют еще большего напряжения сил, еще более упорной, самоотверженной борьбы, для того, чтобы добить фашистского зверя в его логове и водрузить знамя нашей победы над Берлином.

Раздавить фашистскую гадину! — призывает нас Отечество. Раздавить фашистскую гадину! — обязывает нас святой долг мести подлым гитлеровским убийцам и насильникам. Провокационное и злодейское убийство немцами советских парламентеров в районе Будапешта с новой силой разожгло в наших сердцах пламя ненависти к врагу. Начав войну вероломным нападением на СССР, немцы вели ее как варвары и людоеды и к концу ее действуют как подлые, трусливые убийцы, которым уже нечего терять. Гитлеровцы не останавливаются ни перед какими чудовищными преступлениями, пытаясь продлить свое существование. Но ничто не поможет врагу, ничто его не спасет! Немецко-фашистские полчища будут разгромлены и раздавлены, как бы ни сопротивлялись они.

«Красная Армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии» (Сталин). В 1945-м году предстоят новые великие битвы, которые должны увенчаться и увенчаются новыми славными победами.

С Новым годом, доблестные воины Красной Армии, с новыми победами! Под руководством великого полководца товарища Сталина вперед, за полный разгром фашистской Германии!

НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ ИМЕНИ АНДРЕЕВА ВОССТАНОВЛЕНА ПОСЛЕДНЯЯ МАРТЕНОВСКАЯ ПЕЧЬ

РОСТОВ-на-ДОНУ, 31 декабря. (ТАСС). Металлурги одного из крупнейших предприятий страны — Таганрогского завода имени Андреева и строители треста «Севкавтяжстрой» одержали новую производственную победу. В канун Нового года закончено восстановление последней мартеновской печи № 5.

С вводом в эксплоатацию этого мартена завершается восстановление предприятия на довоенную мощность.

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ ВСТРЕЧАЮТ НОВЫЙ ГОД

РИГА, 31 декабря. (ТАСС). В напряженном, созидательном труде встретили Новый год трудящиеся столицы Советской Латвии.

Рижане работают, как солдаты фронта. Рабочие Кегумской электростанции в ледяной воде восстанавливают плотину. На резком пронизывающем ветру трудятся мостовщики, строя мост через Двину. Связисты взбираются на столбы, подвешивая телефонные и телеграфные линии, под землей работают водопроводчики.

Трикотажная, обувная, кожевенная промышленность республики досрочно выполнила план четвертого квартала. Одно предприятие помогает другому. Директор фабрики «Варонис» тов. Стаппе сумел быстро наладить производство изделий для крупнейшего в Латвии Крустпилского сахарного завода. Фабрика льняных тканей «Большевичка» к Новому году в полтора раза перекрыла план 1944 года. За несколько месяцев после освобождения Латвии пущено 47 предприятий легкой промышленности, 28 фабрик — накануне пуска.

Быстро возрождается в Риге культурная жизнь. Клубы, театры, кино, цирк переполнены народом. Театр оперы и балета Латвийской ССР показал оперу Чайковского «Евгений Онегин». В Рижском доме Красной Армии дал ряд концертов Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением проф. Александрова.

Сегодня новогодним праздником у елки в Рижском замке открылся городской Дом пионеров. В гости к ребятам приехали бойцы и офицеры действующей армии, писатели, артисты.

Провокационное и злодейское убийство немцами советских парламентеров в районе Будапешта

Как уже сообщалось, войска 3-го и 2-го Украинских фронтов 26 декабря 1944 года завершили окружение будапештской группировки противника. К исходу 27 декабря войска указанных фронтов, с запада и востока, вплотную подошли к Будапешту и завязали бои на его окраинах.

В то же время наши войска, развивая наступление, продвинулись на запад от Будапешта до 60 километров и тем самым полностью лишили противника возможности пробиться на помощь своим окруженным войскам.

Таким образом, немецкие дивизии и еще не сложившие оружия венгерские части, окруженные в Будапеште плотным кольцом советских войск, оказались обреченными на неизбежный разгром.

Советское командование, в лице командующего войсками 3-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Толбухина и командующего войсками 2-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Малиновского, руководствуясь гуманными целями, в соответствии с международными правилами и обычаями ведения войны, 29 декабря 1944 года направило командованию и всему офицерскому составу окруженных в районе Будапешта войск противника парламентеров со следующим ультиматумом:

«Господину генералу, командующему немецко-венгерскими войсками, окруженными в районе Будапешта, командирам, генералам и офицерам немецких дивизий: 13 тд, мд СС «Фельдхернхалле», 271 пд, 8 и 22 кд, 239 бригады штурмовых орудий;

командирам, генералам и офицерам венгерских дивизий: 1 тд, 10, 12, 20 пд, 1 охранного полка, 3 полицейского полка, 206 запасного полка;

командирам всех окруженных в районе Будапешта немецких и венгерских частей.

25 декабря войска 3-го Украинского фронта, выйдя к реке Дунай и заняв город Естергом, соединились с действующими в этом районе на другом берегу Дуная войсками 2-го Украинского фронта и завершили полное окружение немецких и венгерских войск, находящихся в районе Будапешта.

Одновременно части Красной Армии, громя разбитые немецкие войска, успешно развивают свое наступление в Чехословакии и, преодолев Вэртэшхэдьшэгские горы, завершают полное очищение от немецких войск всей Венгрии.

В Прибалтике доколачивается окруженная группа немецких армий генерала Шернера.

На западе германское наступление, широко разрекламированное гитлеровцами, выдыхается и ничего в ходе войны изменить не может.

Действительной помощи Вам ждать неоткуда. Положение накопившихся под Вашим командованием в районе Будапешта остатков разгромленных в Венгрии немецких войск и еще не сложивших оружие венгерских частей безнадежно. Все пути отхода для Вас отрезаны. Наше многократное превосходство в численности и вооружении — очевидно. Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла и поведет только к истреблению ваших войск, к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушению столицы Венгрии — Будапешта.

Во избежание ненужного кровопролития, а также в целях сохранения Будапешта, его исторических ценностей, памятников культуры и искусства, населения от гибели, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие и венгерские войска во главе с Вами и Вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и технику неповрежденной.

3. Гарантируем всем генералам, офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность. Немцам, после войны, — возвращение в Германию или любую другую страну по личному желанию военнопленных, а сдавшимся Красной Армии венграм, после регистрации и допроса, роспуск по домам.

4. Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

5. Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

6. Всем сдавшимся генералам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание.

Ваш ответ ожидается:

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ — 30 декабря 1944 года к 12.00 по московскому времени в письменной форме через Ваших представителей, которым надлежит ехать на легковой машине с белым флагом по дороге, идущей от Буды на Эрд. Ваши представители будут встречены уполномоченным русским офицером в районе передовых русских позиций южнее Буды 30 декабря в 12.00 по московскому времени.

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ — 30 декабря к 12.00 по московскому времени в письменной форме через Ваших представителей, которым надлежит ехать в легковой машине с белым флагом по дороге, идущей из Будапешта на Вечеш. Ваши представители будут встречены уполномоченным русским офицером в районе передовых русских позиций на этом шоссе 30 декабря в 12.00 по московскому времени. Если Вы отклоните предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и Воздушного Флота начнут действия по уничтожению окруженных Ваших войск и всю ответственность за их уничтожение, а также за все разрушения в Будапеште и гибель его жителей понесете Вы.

Командующий войсками 3 Украинского фронта Маршал Советского Союза ТОЛБУХИН.

Командующий войсками 2 Украинского фронта Маршал Советского Союза МАЛИНОВСКИЙ».

Пред'являя ультиматум, советское командование хотело избежать напрасного кровопролития, избавить мирное население огромного города от страданий и жертв, а также предотвратить разрушение столицы Венгрии и ее исторических ценностей, памятников культуры и искусства.

Всю ночь с 28 на 29 декабря и утром 29 декабря советские мощные звуковещательные станции с передовой линии фронта непрерывно передавали командованию и войскам противника, окруженным в районе БУДАПЕШТА, извещение о предстоящей посылке советских парламентеров для вручения ультиматума, а также о времени и маршруте следования парламентеров в расположение немецких войск. Огонь со стороны частей Красной Армии на участках следования парламентеров был полностью прекращен.

29-го декабря в 11 часов по московскому времени с участка, расположенного на левом берегу Дуная, советский офицер-парламентер на легковой машине, с большим белым флагом, направился к расположению противника. Когда парламентер приблизился к вражеским передовым позициям на юго-восточной окраине КИШПЕШТА (пригород БУДАПЕШТА), несмотря на ясно видимый белый флаг и намерения советского офицера, он был обстрелян немцами сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем и убит.

В это же время второй советский офицер-парламентер, с переводчиком направленный с участка, расположенного на правом берегу Дуная, с большим белым флагом пересек линию фронта в районе стыка дорог, в четырех километрах восточнее населенного пункта Будаерш. Отсюда парламентер был доставлен в штаб немецких войск, где немецкое командование заявило об отказе принять ультиматум и вести какие бы то ни было переговоры. При возвращении парламентера обратно немцы вслед ему открыли огонь и выстрелом в спину парламентер был убит, а сопровождавший его переводчик только благодаря счастливой случайности остался жив.

Таковы факты преднамеренного и чудовищного убийства советских парламентеров в районе БУДАПЕШТА.

История современных войн не знает подобных преступлений. С незапамятных времен парламентеры пользуются правом неприкосновенности. Это право освящено традициями. Оно записано и в Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны». Гитлеровские изверги еще раз показали всему миру, что для них закон не писан. Они нагло попирают все конвенции и договоры, подписанные Германией. Начав войну вероломным нападением на СССР, они вели ее как варвары и людоеды и кончают ее как подлые и трусливые убийцы, которым уже нечего терять. Гитлеровское командование, злодейски убив советских парламентеров, действует по принципу «после нас хоть потоп». Немцы хотят потащить за собой в пропасть миллионное население Будапешта. Что им венгерская столица, с ее достопримечательностями и культурными ценностями?

С помощью подлой провокации и вероломных убийств гитлеровцы хотят продлить свое существование. Однако, отклонив ультиматум советского командования и совершив чудовищное убийство советских парламентеров, фашистские изверги не надолго сохранят свою шкуру. Красная Армия разгромит и раздавит врага, какое бы сопротивление он ни оказывал.

Само собой разумеется, что вся ответственность за жертвы среди мирного населения, за разрушение города БУДАПЕШТА падет на головы гитлеровской клики палачей и убийц.

СОВИНФОРМБЮРО.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 30 декабря

В течение 30 декабря юго-восточнее и южнее города ЛУЧЕНЕЦ наши войска овладели на территории Чехословакии населенными пунктами ШАВОЛЬ, ФИЛЯКОВО, БИСКУПИЦЕ, РАДЕВЦЕ, ЧАКОНОВЦЕ и железнодорожными станциями ФИЛЯКОВО, РАДЕВЦЕ, а также с боями заняли на территории Венгрии населенные пункты ЛАПУЙТЕ, КУТАШ, КАРАНЧ-КЕСИ, КАРАНЧ-ШАГ, ЕНДРЕФАЛВА, ДОЛАНЬ, ПЕШТЕНИ ПУСТА. Одновременно юго-западнее ЛУЧЕНЕЦ наши войска заняли на территории Чехословакии населенные пункты ЗАГОРА, ЖЕЛОВЦЕ, БЕЛУЙЯ, ДРЕНОВО, ЧАБРАДСКИ ВРБОВОК. В боях за 29 декабря в этом районе наши войска взяли в плен 1.300 немецких и венгерских солдат и офицеров.

По уточненным данным, в боях при ликвидации группировки противника между реками ИПЕЛЬ и ГРОН, юго-западнее города ШАХЫ, наши войска нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике — УНИЧТОЖЕНО: танков и самоходных орудий — 153, бронемашин — 23, бронетранспортеров — 84, орудий разных калибров — 87, минометов — 142, пулеметов — 243, автомашин — 250. Противник потерял только убитыми 7.600 солдат и офицеров. Нашими войсками ЗАХВАЧЕНО: танков и самоходных орудий — 54, бронетранспортеров — 17, орудий разных калибров — 62, минометов — 40, пулеметов — 230, паровозов — 8, вагонов — 219, складов с боеприпасами — 30. Взято в плен не 6.000, как об этом сообщалось ранее, а 7.550 немецких солдат и офицеров.

В районе БУДАПЕШТА наши войска вели упорные бои по уничтожению окруженной группировки противника, в ходе которых овладели несколькими кварталами в западной и восточной части города. Одновременно наши войска завершали ликвидацию окруженных частей противника в излучине ДУНАЯ северо-западнее БУДАПЕШТА. В боях за 29 декабря в этом районе наши войска взяли в плен 1.258 немецких и венгерских солдат и офицеров.

На других участках фронта существенных изменений не было.

За 29 декабря наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 98 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 56 самолетов противника.

★ ★ ★

В Чехословакии, юго-восточнее города Лученец, бойцы Н-ской части блокировали населенный пункт Филяково — опорный пункт обороны противника. Наши подразделения предприняли стремительную атаку и после ожесточенного боя овладели селением Филяково, расположенным в 12 километрах от города Лученец. Истреблено две роты вражеских солдат и офицеров, уничтожено 3 немецких танка и 2 самоходных орудия. Юго-западнее города Лученец наши войска выбили немцев из нескольких населенных пунктов. Противник предпринял четыре контратаки, но был отброшен с большими для него потерями.

* * *

В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки противника. На левом берегу Дуная советские части подошли к основному оборонительному рубежу внутреннего обвода города Будапешта. Советские бойцы в ходе упорных боев преодолевают одну за другой линии траншей, минные поля и проволочные заграждения, через которые гитлеровцы пропустили электрический ток высокого напряжения. Мощными ударами наши войска прорвали укрепленный район противника и заняли несколько кварталов города. Штурмовые группы наших бойцов, усиленные орудиями, выбивают немцев из домов, превращенных в доты. Подразделение офицера Лебедя, продвигаясь вперед, уничтожило 30 вражеских пулеметов, установленных на чердаках и в подвалах. Гвардейское подразделение офицера Шаповалова разгромило группу противника и захватило у немцев 9 орудий, 4 бронетранспортера и 34 пулемета. Гвардейцы стрелкового батальона капитана Левченко, при поддержке танкистов подразделения старшего лейтенанта Григорьева, уничтожили 2 немецких самоходных орудия, 20 полевых орудий и истребили более 200 гитлеровцев.

На правом берегу Дуная наши войска заняли несколько кварталов и десять промышленных предприятий Будапешта. Противник, опираясь на городские строения, ведет сильный огонь и часто переходит в контратаки. Советские артиллеристы подавляют огневые точки немцев. Наши подразделения выбивают гитлеровцев из укрепленных домов. По неполным данным, за день уничтожено 3.600 вражеских солдат и офицеров, сожжено и подбито 20 немецких танков и самоходных орудий. Захвачено у немцев 6 танков, 100 пулеметов, 6 паровозов, 170 вагонов, 626 автомашин, 100 авиационных и автомобильных моторов, несколько складов и другие трофеи.

Севернее Будапешта наши войска всё более и более сужают район, в котором находятся загнанные в леса части противника. При проческе лесов захвачено в плен много немецких солдат и офицеров. Подразделения Н-ской части окружили и обезоружили 200 немцев. Бойцы другой нашей части взяли в плен 330 гитлеровцев.

С различных участков фронта продолжают поступать сообщения о героических подвигах советских воинов. Экипаж самоходного орудия командира Козловского завязал бой с четырьмя немецкими танками. Отважные бойцы подбили два вражеских танка. Остальные немецкие танки быстро отступили. Бронебойщик гвардии красноармеец Шадрь с близкой дистанции уничтожил танк и убил двух танкистов противника. Пулеметчик Геннадий Бидюков, отражая вражескую контратаку, огнем из пулемета истребил до 50 немцев.

* * *

В Восточной Пруссии наши войска вели огневой бой с противником. Разрушено несколько дзотов и блиндажей, уничтожено 5 орудий и минометная батарея немцев. Шесть снайперов Н-ской части за день уничтожили 10 немецких солдат. Гвардии рядовой Трояновский истребил трех гитлеровцев, гвардии старшина Светлев и гвардии рядовой Медяный уничтожили по два немца каждый. Летчики-истребители гвардии лейтенанты Байков и Белокудренко атаковали и подожгли немецкий воинский эшелон. Продолжая полет, летчики сбили транспортный самолет противника «Юнкерс-52».

* * *

Авиация Краснознаменного Балтийского флота потопила в Данцигской бухте сторожевой корабль противника.

Успехи шахтеров комбината «Ворошиловградуголь»

ВОРОШИЛОВГРАД, 31 декабря. (ТАСС). Вчера шахтеры комбината «Ворошиловградуголь» завершили годовую программу добычи угля. В истекшем году горняки ввели в строй действующих свыше 200 механизированных лав, по сравнению с 1943 годом увеличили добычу топлива в 3 с лишним раза.

Соревнуясь с бакинскими нефтяниками передовые тресты — «Боковоантрацит», «Ворошиловуголь» и другие, досрочно выполнившие годовую программу, добыли 225 эшелонов угля сверх плана.

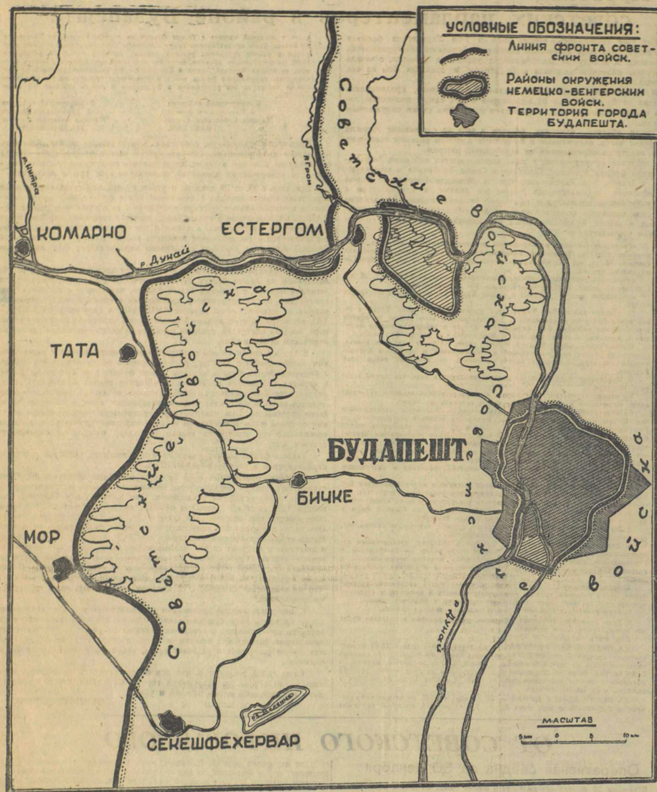
700 эшелонов горючего сверх годового плана

БАКУ, 31 декабря. (ТАСС). Производственными успехами встретили бакинские нефтяники Новый год. Коллектив треста «Лениннефть», первым среди трестов Азнефтекомбината выполнивший годовой план, внес дополнительно в фонд Верховного Главнокомандования почти 16.000 тонн жидкого топлива. Промысловики добыли на 29.000 тонн нефти больше, чем в 1943 году.

700 эшелонов горючего сверх годового плана — таков новогодний подарок Красной Армии нефтепереработчиков Баку.

Газета «Красная звезда» от 1 января 1945 г. Лист 1

Обстановка в районе Будапешта 30. 12. 1944 г.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 31 декабря

В течение 31 декабря юго-восточнее и южнее города ЛУЧЕНЕЦ наши войска овладели на территории Чехословакии населенными пунктами БОЗИТА, КУРТАНИ, СУГА, ПИЛИШ, РОМГАНЬ, а также с боями заняли на территории Венгрии населенные пункты МИХАЛИ-ГЕРГЕ, КИШ-ГЕРГЕ, ПИЛИНЫ, ФЕЛФАЛУ, НОГРАД-ЛУДАНЬ, САКАЛ и железнодорожные станции НОГРАД-ЛУДАНЬ, САКАЛ. Одновременно юго-западнее ЛУЧЕНЕЦ наши войска овладели на территории Чехословакии населенными пунктами ЧЕЛАРИ, ГЛАБОШОВЦЕ, ЗОМБОР, КЯРОВ, СКЛАБИНА, НОВАЯ ВЕСЬ, ОБЕЦКОВ, МАЛЫЙ КРТИШ, ЧЕБОВЦЕ. Таким образом наши войска полностью очистили от противника Венгерскую территорию от устья реки ИПЕЛЬ до пограничного города ШАТОРАЛЬЯ-УЙХЕЛЬ. В боях за 30 декабря в этом районе наши войска взяли в плен 540 немецких и венгерских солдат и офицеров.

В районе БУДАПЕШТА наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки противника, в ходе которых заняли более 300 кварталов в западной части города. Одновременно наши войска закончили ликвидацию окруженных частей противника в горно-лесистом районе северо-западнее БУДАПЕШТА, заняв при этом населенные пункты ДЕМЕШ, ПИЛИШ-МОРОТ, БАШАХАРЦ.

По предварительным данным, за время боев по ликвидации окруженных частей противника в районе северо-западнее БУДАПЕШТА наши войска взяли в плен 5.390 немецких и венгерских солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: танков — 42, самоходных орудий — 36, орудий разных калибров — 34, бронетранспортеров — 55, автомашин — 782, тракторов и тягачей — 18, прицепов с военным имуществом — 113, мотоциклов — 68, паровозов — 14, железнодорожных эшелонов — 5, понтонов — 21 и много другого военного имущества.

На других участках фронта существенных изменений не произошло.

За 30 декабря наши войска подбили и уничтожили 44 немецких танка. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбит 21 самолет противника.

★ ★ ★

В Чехословакии, юго-восточнее города Лученец, наши войска продолжали с боями продвигаться вперед. Противник спешно подтянул подкрепления и несколько раз переходил в контратаки. Сломив сопротивление немцев, советские части выбили их из нескольких населенных пунктов. Занято селение Бозита — сильно укрепленный узел вражеского сопротивления, расположенный в 9 километрах от города Лученец. На поле боя осталось много вражеских трупов. Сожжено и подбито 9 немецких танков и самоходных орудий.

Юго-западнее города Лученец подразделения Н-ской части ночью совершили в горах обходный маневр и внезапно атаковали противника. Застигнутые врасплох, гитлеровцы были разгромлены. Советские бойцы истребили свыше 300 немецких солдат и офицеров и захватили 11 орудий, 6 минометов, 19 пулеметов, 400 винтовок и автоматов, 2 радиостанции, склад боеприпасов и два склада с военным имуществом. Взято в плен свыше 200 немцев. На другом участке танки и пехота противника предприняли одну за другой пять контратак, но были отброшены назад с большими для них потерями.

* * *

В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки противника. Ожесточенные бои происходят за каждое здание.

Вражеская пехота, усиленная танками и самоходными орудиями, предпринимает безуспешные контратаки. Наши бойцы отбрасывают гитлеровцев и настойчиво продвигаются вперед. В ходе боев в западной части Будапешта наши войска заняли более 300 кварталов. Наши штурмовые группы блокируют узлы вражеского сопротивления и уничтожают их. За день советские части истребили 2.700 немецких солдат и офицеров. Уничтожено 22 орудия, 14 минометов и 74 пулемета. Наши артиллеристы и бронебойщики подбили и сожгли более 30 танков и самоходных орудий противника. Бойцы подразделения старшего лейтенанта Пахомова в ожесточенном уличном бою истребили до роты гитлеровцев и захватили орудие, 4 миномета, 5 пулеметов, 100 винтовок и автоматов. Группа бойцов во главе с ефрейтором Друговым взорвала здание, из которого немецкие автоматчики вели огонь по нашим наступающим частям. Под развалинами дома погибло 30 гитлеровцев. На другом участке гвардии сержант Бакаев огнем из автомата истребил 15 немецких солдат. Кроме того, сержант Бакаев гранатами уничтожил три пулеметных расчета противника. Гвардии старший сержант Титов меткими выстрелами из орудия разбил три немецких огневых точки.

* * *

В Восточной Пруссии на одном участке противник рано утром пытался боем разведать наши позиции. Немцы были встречены артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем, понесли большие потери и отошли на исходный рубеж. Вскоре гитлеровцы возобновили атаку, но были рассеяны, не достигнув наших позиций. На поле боя осталось 80 вражеских трупов.

Наши летчики бомбардировали железнодорожные станции на территории Восточной Пруссии. Уничтожено три немецких воинских эшелона и взорван склад с боеприпасами. Наши истребители и зенитчики сбили 11 немецких самолетов.

* * *

На 1-м Белорусском фронте происходила артиллерийско-минометная перестрелка с противником. Артиллеристы Н-ской части уничтожили 6 немецких орудий, разрушили 2 вражеских дзота и 3 блиндажа. На другом участке наше передовое охранение успешно отразило атаку немецкого разведывательного отряда. На поле боя осталось несколько десятков вражеских трупов.

* * *

Корабли Краснознаменного Балтийского флота в Балтийском море потопили два транспорта противника.

П. ПАВЛЕНКО

В ночь под Новый год

Это произошло в прошлом году под Житомиром, в ночь на 1 января, когда — в результате обходного маневра и штурма — город был освобожден войсками покойного генерала армии Ватутина.

Среди отличившихся при овладении городом были дивизии и полки, пришедшие с Кавказа после боев на Тамани, в том числе и полк Воротынцева. Один из замечательнейших кавказских полков, с победами прошедший от Терека до Черного моря, он участвовал в освобождении Житомира, осуществляя вместе с другими обходный маневр, и в те дни, надо признаться, не особенно был доволен ролью, выпавшей на его долю. Задача, поставленная Воротынцеву, была сложна но, по мнению многих офицеров — неблагодарна, ибо чувствовалось по всем признакам, что он будет обходить город с фланга, а следовательно — и не ему выпадут радости встреч в Житомире.

Утром 30 декабря полк развернулся на хуторах в долине реки в районе знаменитых своей красотой гранитных скал. Бои шли стремительные. Весь день прошел в большом напряжении.

И потому ли, что люди испытывали чувство яростной ненависти к врагу, потому ли, что их подогревало желание во что бы то ни стало увидать себя в приказе, потому ли, что их вызывала на соревнование зависть к товарищам, штурмующим город, а может быть всё вместе взятое да еще естественное желание достойно и памятно закончить истекший год и с победой встретить новый, — но полк сражался с невиданной для него самого дерзостью, самозабвенно и ожесточенно, с той чувствительностью к изменениям боевой обстановки, когда приказ командира мгновенно становится личной волей всех участников боя.

Воротынцев шутил:

— Этак, пожалуй, и в нынешнем году дело закончим.

Но когда в ночь на 31 декабря положение окончательно определилось в том смысле, что полк в город не войдет, настроение молодежи упало, и тогда ветераны, дравшиеся в полку еще на Тереке, подали мысль — во что бы то ни стало устроить новогоднюю встречу.

Встрече этой офицеры собирались придать кроме того особое значение. Год назад ровно в полночь, когда на Спасской башне Кремля звучали куранты и Михаил Иванович Калинин поздравлял советский народ с Новым годом, полк, бывший тогда в войсках, сражавшихся на Кавказе, с криком: «Даешь Новый год!» поднялся в наступление и потом без отдыха наступал весь год.

Второй эшелон полка стоял на хуторах. Штаб Воротынцева помещался в хате колхозника Ивана Андреевича Терещенко.

Стол был накрыт, как в мирные годы — человек на тридцать, хотя ждали не более половины. Но так уж исстари заведено на Украине, — всегда иметь свободное место и кусок пирога для любого нежданного гостя. Недаром и говорится: «гость-на-гость, хозяину радость».

Винегрет из картофеля и бураков с яблоками в пяти огромных супозниках, холодец из трех петухов, фаршмак из селедки и селедка целиком — с петрушкой во рту, жареный кабанчик, начиненный «сушкой» (сухими фруктами), пирог с глянцевою медовой коркой и глубокая миска с португальскими сардинами, для удобства гостей вытряхнутыми из коробок и для вкуса засыпанными мелко нарубленным луком, — всё это было сразу выставлено на стол, чтобы не бегать в кухню в разгар праздничных действий, а главное, чтобы гостям было конкретно видно, как им строить свою программу, из чего, так сказать, исходить.

«Рота выздоравливающих и та не справится», — изрек начальник АХО, оглядев стол, и, признаться, пожурил себя за неуместный размах, но Иван Андреевич держался на этот счет другого мнения... Он находил, что и стол жидковат, и «заправки» кот наплакал.

Напитки подобраны были тонко, красиво.

Водкой из яблочного сока, душистой, как коньяк, Иван Андреевич славился лет двадцать. Хороша, однако, была и витаминовка — настойка на чесноке и листьях черной смородины. Что же касается ликера из кедровых орешков, выставленного начальником АХО, то сам Иван Андреевич, продегустировав, просто развел руками, а полковой врач сказал, что ликер по целебности вроде «мази Вишневского» и что он-де однажды таким вот ликером вылечил себя от фурункулеза Ему, конечно, видней как специалисту, но ликер и вправду был знаменит.

Легкие вина, приготовленные для запития крепких, тоже были примечательны своей редкостью. Помимо трофейного рейнского, Иван Андреевич выставил свое яблочное, похожее на мускат, а на десерт яблочный недоброд с натуральною искрой, вкусом напоминающий цымлянское, а крепостью «ерша», заслуженно прозванного англичанами русским коктейлем.

— Я люблю, — об'яснил Иван Андреевич начальнику АХО, — вина разговорчивые, общительные. Хуже нет, когда вино молчком бьет. Потому у меня каждый сорт свою партию крепко ведет, как Шаляпин. Мое вино не перекричишь ни в коем случае.

* * *

Днем 31-го войска Ватутина овладели Житомиром. Полк Воротынцева, как и предполагали, не попал в город и не прошел по его улицам под песни, аплодисменты и радостные приветствия жителей.

В полку рассчитывали хорошо встретить новый год. Но уже вечером и эта надежда стала ослабевать — ожидалась контратака немцев.

Полк, только закончивший горячий бой, сейчас закреплялся на случай вражеской контратаки. Но чем больше создавалось «угроз» для новогодней встречи, тем упрямее к ней продолжали готовиться.

В девять немцы контратаковали. В половине одиннадцатого контратака была отбита. До одиннадцати ожидали второй, — ее не последовало. В батальоны было сообщено, что сейчас можно, пожалуй, присылать делегатов на новогоднюю встречу. Так и сделали.

Командир дивизии под'ехал ровно в половине двенадцатого. Его обступили, приветствуя и усаживая, и в шуме голосов он сразу же услышал горькие ноты какой-то неудовлетворенности.

Воротынцев в нескольких словах передал ему, в чем дело.

— Обида?.. Вечер воспоминаний? — пожав плечами, генерал тут же энергично попросил слово.

— Я, товарищи офицеры, предполагал, что приглашен на встречу Нового года, — сказал он. — Оказывается, ошибся. Невольно ошибся. Оказывается, сегодня вечер кавказских воспоминаний, когда у вас, говорят, славы было побольше. Конечно, слава была, правда. Но, ведь, то был 1943-й, его вы встречали у Нальчика, а 1944-й требует иных широт и меридианов... Да и какие обиды, хочу я вас спросить?.. Впрочем, об этом вы сами скажете... А мне позвольте сначала поздравить вас с освобождением Житомира — это наш с вами новогодний подарок Родине. Хороший подарок. Настоящий. А затем позвольте вас поздравить и с благодарностью, об'явленной нашей дивизии Верховным Главнокомандующим. Это уже подарок Родины нам с вами.

Слова генерала были покрыты восторженными криками «ура».

— И, наконец, последнее, — сказал генерал. — Если уж вы намерены хвалиться, что вы получше других будете, что у вас-де свои особые традиции так давайте и держаться своих традиций твердо и непреклонно. Кто был со мною на Тереке? Как мы встречали год? — командир дивизии сделал паузу и, оглядывая присутствующих, среди которых много было его старых боевых товарищей, поискал рукою стакан на столе. — Встречали в бою! — произнес он кратко, как команду, и высоко поднял стакан. — А говорят старики — как год встретишь, так его и проведешь. Вот, в чем наша традиция, и я всей душою за нее.

До полуночи оставалось двадцать две минуты.

— Товарищи офицеры, получен приказ о наступлении. Честь нанести новогодний удар оказана вам. Разрешаю выпить по одному бокалу в честь порученного нам с вами задания. Что это значит, вы понимаете!

Ровно в двенадцать полк с криками «Даешь Новый год!» ударил на немцев.

* * *

Приближался 1945 год. Полк Воротынцева — после ряда успешных боев, еще более прославивших его — стоял в резерве в одном из недавно освобожденных городов Венгрии.

Бои, как и в прошлом декабре, шли жестокие, стремительные, с большими удачами и широкими перспективами. Тем, кто подобно полку Воротынцева последнее время не принимал в них участия, невольно начинало казаться, что чего доброго вся слава разгрома Венгрии пройдет мимо них. Как ни казались смешными такие соображения, но Воротынцев поймал и себя на них.

Он вызвал начальника АХО.

— Я не помню, вы, что ли, организовывали новогоднюю встречу в прошлом году? — спросил он нач. АХО.

— Это под Житомиром-то? — смущенно переспросил тот. — Собственно не я, а колхозник у нас один там был...

— Но вы, я помню, тоже имели некоторое отношение... Так вот — организуйте что-нибудь в этом роде.

— Как бы опять не получилось, как прошлый раз, — осторожно заметил начальник АХО. — Нажарили тогда, напекли, а сесть к столу и вовсе, как вы помните, не пришлось. Так всё артиллерийскому полку и оставили.

— Очень хорошо получилось, — засмеялся Воротынцев. — Замечательно получилось, это вы не правы. Такова уж традиция, ничего не поделаешь. Накроем стол для товарищей, а сами в бой — хорошо. А кроме того, и стоять, знаете, осточертело. Вот я и думаю, — может, вывезет традиция и дадут нам какую-нибудь новогоднюю задачку. Что вы скажете на этот счет?

— Так устраивать? — вместо ответа спросил начальник АХО.

— Давайте рискнем, может, и на этот раз повезет. Сами посудите, не стоять же в резерве под Новый год?

НОВЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ ДНЕПР

СМОЛЕНСК, 31 декабря. (ТАСС). Сегодня закончено строительство нового моста через Днепр. Теперь полностью восстановлена разрушенная немецкими оккупантами связь между верхней частью города и Заднепровским районом.

В полдень на берегу Днепра собрались трудящиеся города. После митинга было открыто движение по новому мосту.

Похороны Клавдии Ивановны Николаевой

В субботу, 30 декабря, в Москве на Красной площади состоялись похороны Клавдии Ивановны Николаевой. Урна с прахом покойной замурована в Кремлевской стене.

(ТАСС).

Газета «Красная звезда» от 1 января 1945 г. Лист 2

Воинам Красной Армии

А. ГОРЕГЛЯД — заместитель Народного комиссара танковой промышленности СССР

Советские танкостроители вместе со всем нашим народом радуются и гордятся историческим успехам Красной Армии в прошедшем 1944 году.

Танкостроители выполнили свой долг перед фронтом и успешно закончили 1944 год, передав Красной Армии танков и артсамоходов намного больше, чем в 1943 году.

Минувший год войдет в историю танкостроения как год освоения в рекордный срок и выпуска боевых машин, значительно превосходящих по своим качествам ранее выпускаемые танки и артсамоходы. Наши танкисты уже в 1944 году дали врагу почувствовать качество новой боевой техники.

Советские танкостроители вступают в 1945 год полные сил и готовности дать фронту еще больше танков, артсамоходов, позволяющих разить врага с большей дистанции, с большей мощью артиллерийского огня, обладающих усиленной бронезащитой и повышенной маневренностью.

Указание товарища Сталина позаботиться о танкистах — создать удобства и лучшие условия для работы танковых экипажей и их командиров — танкостроителями будет выполнено.

Не упуская ни одной минуты времени, танкостроители приложат все свои силы, всю энергию, весь технический опыт, чтобы обеспечить славных танкистов Красной Армии еще лучшими боевыми машинами, и дать их столько, сколько нужно для быстрой и окончательной победы над врагом.

Нет сомнения, что доблестные советские танкисты, вооруженные еще лучшими танками и артсамоходами, вместе со всей Красной Армией и армиями наших союзников водрузят знамя победы над Берлином.

А. БАЙКОВ — вице-президент Академии наук СССР

Дорогие товарищи бойцы, офицеры, генералы доблестной Красной Армии! Шлю вам свои новогодние поздравления и горячий дружеский привет. В героической борьбе с ненавистным врагом вы непрерывно одерживаете всё новые и новые блестящие победы. В вашем стремительном наступлении вы преодолеваете самые невероятные трудности и даете нам полную уверенность, что близок день окончательного разгрома кровожадных и свирепых бандитов и дикарей, посягнувших на благополучие и счастье нашей Родины.

Ваши высокие подвиги вызывают у всех нас безграничный восторг и восхищение. Мы считаем своим самым священным долгом отдать все силы, способности и труды, чтобы оказать вам возможно большую помощь в достижении стоящих перед вами благородных целей.

Современная война требует самого совершенного вооружения, машин, механизмов, приборов. В этой войне наука и техника играют исключительно важную роль. Поэтому научные работники направляют свою деятельность прежде всего на достижение таких результатов, которые могут быть применены для дела обороны.

За годы Отечественной войны советские ученые и инженеры достигли значительных успехов в области многих наук: механики, физики, химии, медицины, технологии, металлургии и т. п. Теперь, когда чувствуется близость нашей полной победы, мы еще с большим воодушевлением отдадимся научным исследованиям, необходимым для фронта, в целях скорейшего достижения победы над врагом.

П. КОРОБОВ — заместитель Народного комиссара черной металлургии

В 1944 году героическая Красная Армия очистила от немецких разбойников территорию нашей Родины. Теперь наши воины ведут бои за уничтожение врага в его собственной берлоге.

Красная Армия в ходе Отечественной войны проявила чудеса героизма. Советское оружие покрылось бессмертной славой. Верным помощником Красной Армии оказался и советский тыл. Мощная промышленность Юга возвращена Родине. Изувеченные фашистскими извергами заводы и шахты восстанавливаются и возвращаются к жизни. Металлурги страны выплавили миллионы тонн металла, который людьми военной промышленности превращен в танки, пушки, самолеты, пулеметы, боеприпасы. Металлурги Советского Союза в 1944 году дали чугуна на 29 проц., стали на 26 проц., проката на 27 проц. больше, чем в прошлом году.

Родина требует от тружеников тыла и воинов Красной Армии неустанного движения вперед. В наступающем году советские металлурги будут с энтузиазмом трудиться над восстановлением разрушенных фашистами заводов. В наступающем году металлурги наметили дать стране чугуна на 56 проц., стали на 35 проц., проката на 30 проц. больше, чем в минувшем году.

Под знаменем Ленина—Сталина советский народ уверенно идет к победе! Слава нашей Красной Армии и Военно-Морскому Флоту! Слава нашему советскому народу! Слава нашему великому Сталину!

М. СМАГИНА — Мать-Героиня

Дорогие бойцы и офицеры Красной Армии! Встречая Новый, 1945 год, мне хочется через газету «Красная звезда» сказать вам материнское ласковое слово. В эти торжественные новогодние дни, когда вы мужественно и храбро сражаетесь на фронте, всеми своими чувствами и помыслами мы вместе с вами, дорогие сыны.

В письмах, адресованных мне, вы просите рассказать о моей жизни и о детях, воспитанных мною. Ваше внимание к Матери-Героине до глубины сердца трогает меня.

Я горжусь своими детьми. Старший сын Иван с первых дней великой Отечественной войны сражается на фронте. За отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими извергами, он награжден правительственными наградами. Недавно ему присвоено звание лейтенанта. Второй сын — Николай сейчас учится в военном училище и готовится стать офицером Красной Армии.

Я рада и за своих дочерей. Недавно моя дочь Валентина закончила Московский городской педагогический институт и сейчас преподает географию в средней школе. Семнадцатилетняя дочь Нина работает слесарем-сборщицей на одном из оборонных заводов. Ее руками собраны тысячи боевых автоматов для вас. Третья дочь — Тамара учится в Текстильном техникуме. Младшие дети — Толя, Аля и Галя учатся в начальной школе. Двое малышей находятся со мной. Они готовятся к елке, которая будет у них дома.

Вся наша трудовая семья встречает Новый год новыми трудовыми успехами. Каждый из нас старается как можно лучше работать и учиться, чтобы помочь вам, фронтовикам, добиться скорейшей победы над ненавистным врагом.

И. МОСКВИН — народный артист СССР

Когда я спрашиваю себя, кого мне хочется особенно горячо, особенно сердечно поздравить с наступающим новым годом, я думаю о людях нашей Красной Армии. Неважно, что у меня среди них не так уж много личных друзей и знакомых, — хотя и таких наберется порядочно. Они и их товарищи по оружию стали в годы войны самыми близкими и дорогими для меня. И не удивительно: я с ними, с их подвигами связываю свои самые светлые надежды, свою веру в лучшее будущее, ожидающее народы мира. В их бесстрашии, в их великом мужестве я вижу высшую человечность.

Красная Армия для меня — венец творения нашей обновленной Родины, ее гордость, ее непобедимый оплот. Она — хранительница подвига народного. В ней — ширь и беззаветное свободолюбие народа. В ней — всепобеждающая сила преданности родной земле.

Пусть же новый 1945 год принесет ей, нашей родной и любимой, нашей прекрасной армии героев, новый великий военный успех на благо всего человечества, на смерть ненавистному врагу!

С. СМИРНОВ—токарь завода «Красный Пролетарий», лауреат Сталинской премии

Дорогие воины Красной Армии, разрешите мне, старому рабочему-краснопролетарцу, проработавшему на заводе 25 лет, послать вам от имени рабочих завода новогодний привет. Может быть, слова моего стахановского привета дойдут до вас в тот час, когда вы пойдете в бой на врага. Знайте, что в эти минуты не умолкают наши станки.

Стахановцы завода изо дня в день, не покладая рук, трудятся для фронта. В производственных достижениях стахановцев завода есть доля и моего труда. По моим рационализаторским предложениям на заводе введен ряд приспособлений, обеспечивающих более высокую производительность труда. За это мне присуждена Сталинская премия. Я стараюсь с честью оправдать почетное звание лауреата и обещаю в новом году достигнуть еще больших успехов. Свой производственный опыт я передаю молодым рабочим. Только за короткое время я обучил токарному делу более десяти молодых стахановцев. Мои ученики систематически перевыполняют задания.

Я желаю всем воинам Красной Армии добиться в наступающем 1945 году новых боевых успехов.

Е. ЧЕКМЕНЕВ—заместитель Народного комиссара земледелия Союза ССР

Истекший год ознаменован серьезными достижениями во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Блистательные победы героической Красной Армии дали возможность советскому крестьянству провести уборку урожая на всей нашей родной земле, освобожденной от немецко-фашистских оккупантов. Озимый сев проведен на более высоком уровне и на площади, гораздо большей, чем в любом из предыдущих военных годов. Значительные успехи достигнуты и в развитии столь важной отрасли сельского хозяйства, как животноводство.

Колхозное крестьянство делает всё необходимое, чтобы 1945 год стал годом дальнейших успехов сельского хозяйства. Красная Армия может быть уверена, что колхозное крестьянство ничего не пожалеет для того, чтобы помочь нашим фронтовикам нанести окончательный удар по ненавистному врагу и водрузить знамя победы над Берлином.

Желаем нашей родной Красной Армии скорее добить врага.

Уличные бои в Будапеште

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Как известно, 29 декабря советское командование в лице командующего войсками 3-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Толбухина и командующего войсками 2-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Малиновского направило командованию и всему офицерскому составу окруженных в районе Будапешта войск противника ультиматум с предложением о прекращении бесполезного сопротивления. Пред'являя ультиматум, наше командование стремилось избежать напрасного кровопролития, избавить население огромного города от страданий и жертв, предотвратить разрушение столицы Венгрии. Для вручения ультиматума были посланы на двух участках фронта парламентеры, причем войска и командование противника были извещены о предстоящей посылке советских парламентеров. Немцы отказались принять ультиматум и вести какие бы то ни было переговоры. Больше того, они совершили чудовищное убийство советских парламентеров, показав еще раз, что им чужды какие бы то ни было законы ведения войны. Допустив это гнусное злодеяние, немецкое командование заведомо взяло на себя всю ответственность за разрушения и жертвы в венгерской столице, неизбежные при ее штурме.

Вчера и сегодня наши части, действующие в районе Будапешта, продолжали решительные бои по уничтожению окруженной группировки немецко-венгерских войск. В действие были введены все огневые средства, вплоть до тяжелых гвардейских минометов и артиллерии крупного калибра. Весь Будапешт опоясан огненным кольцом, окутан черным дымом от разрывов многих тысяч мин и снарядов. Горят запасы нефти и бензина.

За день боев наши части заняли в западной части города более 300 кварталов. С возрастающим ожесточением идут уличные схватки на подступах к двум крупным опорным пунктам немцев. Здесь враг, засевший в укреплениях, ведет сильный заградительный огонь и часто переходит в контратаки. За день наши части отразили в западной части города 15 контратак, предпринятых силами пехоты при участии танков и бронетранспортеров.

Отважно дерутся бойцы стрелковой роты гвардии лейтенанта Мирошниченко. Действуя в составе штурмовых групп, они смело проникают в расположение противника по переулкам и проходным дворам, по крышам и проломам в стенах.

Штурмовые группы Мирошниченко, овладев большим кварталом, стали обстреливать окружающие его переулки. Тут немцы перешли в контратаку. Командир роты немедленно ввел в дело все свои огневые средства. Минометчики били по улице и перекрестку, не допуская подхода подкреплений противника. Пулеметчики и автоматчики, ведя огонь из окон, дверей, ворот и под'ездов, отсекали немецкую пехоту от танков. Одному вражескому танку и бронетранспортеру удалось преодолеть заградительный огонь. Они начали приближаться к домам, занятым гвардейцами. Тогда два рядовых, Зорин и Садомский выдвинулись вперед с противотанковыми гранатами. Прижимаясь к стенам зданий, короткими перебежками, а то и ползком, они подобрались к танку и бросили под гусеницы гранаты. Танк был подбит. Вскоре отважные гвардейцы подбили и бронетранспортер. Подоспевший расчет орудия сопровождения окончательно добил эти бронированные машины противника. Тогда гвардии лейтенант Мирошниченко снова поднял роту в атаку. Штурмовые группы смяли немцев и заняли еще несколько домов.

Положение окруженного вражеского гарнизона ухудшается с каждым часом. На всех участках гитлеровцы терпят тяжелый урон в живой силе и технике.

Одновременно наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки противника в излучине Дуная северо-западнее Будапешта и сегодня завершили ликвидацию этой группировки, захватив много пленных и богатые трофеи.

Майор К. ТОКАРЕВ.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

Сорок пятый

Молчит заснеженная ель.
Метели стелются, пыля.
Звучат в ночи чужих земель
Куранты древнего Кремля.
Ракета вспыхнула, и вот,
В веках родившийся едва,
Военный сорок пятый год
Уже вступил в свои права.

Он на чужбине к нам пришел.
Его встречаем мы в боях,
Под кровлями не наших сёл,
В чужих, не наших городах.
Но где бы ни застало нас
Мгновенье смены славных лет,
Мы слышим в полуночный час
Любимой Родины привет.

Над морем Баренца норд-ост.
Пурга. Фиорды. Хвойный лес.
Сегодня новогодний тост
По-русски скажет Киркенес.
Крепки, плечисты, высоки,
У новогоднего костра,
Вплетут норвежцы-рыбаки
Свой голос в русское «ура».

На теплом юге, за стеной
Заснеженных Балканских гор,
На тост откликнется родной
Душевный русский разговор.
София, Варна и Бургас
И славный плевненский гранит
Услышат в полуночный час,
Как песня русская звенит.

По над Дунайскою волной,
За горным рубежом Карпат,
Гремит пехоты шаг стальной,
Грохочет танк, свистит снаряд.
Мы занимаем города,
В сраженьях кровяним снега,
Чтоб в сорок пятом навсегда
Добить заклятого врага.

Алексей СУРКОВ.

Эти офицеры встречали Новый 1943 год у берегов Волги, 1944-й — на Днепре. Новый, 1945 год, они встречают на берегах Вислы. На снимке (слева направо): гвардии старший лейтенант М. Байбус, Герой Советского Союза капитан Г. Кубышко, капитан А. Курбатов, старший лейтенант К. Новиков и капитан В. Бочкарев.

Снимок нашего спец. фотокорр. капитана А. Капустянского.

Илья ЭРЕНБУРГ

Куранты века

Границы времени условны: но глубокое волнение испытываем мы каждый раз на пороге нового года, как будто незримый рубеж отделяет один час от другого. Мы невольно оглядываемся назад: пурга еще не замела следов счастья и горя.

В четвертый раз!.. Далеко от родных мест сибиряки или тамбовцы сейчас заполняют русской речью улицы Будапешта. Помнят ли они, что три года тому назад мы говорили, как о чуде, об освобождении Калуги? На другом конце Европы, где черная ночь и белые фрекен, в Киркенесе бойцы поют грустные песни Украины. И снова спрошу я — вспоминают ли они, что два года тому назад нам казалось неслыханным счастьем освобождение Нижне-Чирской у Сталинграда? Наши теперь на земле злодеев, в первых прусских городах, где щерятся, как злобные гномы, готические буквы вывесок. Майор, которого я встречал у Касторной, прислал оттуда письмо; он пьет мерзкое вино из красной смородины и курит сигареты, набитые отабаченным сеном. Хочется ему напомнить, что 1944 год мы встретили, говоря друг другу: «Взяли Житомир...».

Мы слышим: «западнее Будапешта», «в Южной Словакии», «в Норвегии». А ведь всего год тому назад немцы сидели в Крыму и в пригородах Ленинграда...

Россия перешагнула через реки, перешла через горы. Не о захватах думает она: для русских война — это горе, это подвиг, но никогда не ремесло. Мы не хотим никому навязывать наши идеи, порядки, нравы. О свободе теперь говорят все, это, пожалуй, самое ходкое слово. Что же, люди понимают свободу по-разному, это различие дыхания: одно бесспорно — когда человек не может дышать, он умирает. Приближение Красной Армии меняет мир: раскрываются тюрьмы, развязываются языки, люди произносят взволнованные речи, плачут и благословляют, плачут и смеются: они возвращены к жизни. Недоброжелатели уверяют, будто мы хотим принести на штыках ту свободу, которую наш народ открыл в Октябре, которую он выстрадал двадцатью пятью годами лишений, труда, борьбы и одиночества. Штыки не могут создать свободных людей, они могут только уничтожить тюремщиков. Напрасно недоброжелатели приписывают магическую силу железу. Уж не норвежский ли король коммунист? Почему так страшатся наших побед антифашисты фашистского толка? Вероятно потому, что мы не заменяем одних цепей другими, не разоружаем словацких патриотов, не требуем от югославов подчинения Михайловичу, не принуждаем норвежцев помириться с квислинговцами. Как именно народы хотят жить, это их дело. Красная Армия занята своим: она убирает палачей.

В самом понятии русский есть некоторая универсальность, принятие мира, как своего и своего, как общечеловеческого. Много горького в русской истории: целые страницы написаны народной кровью под диктовку чужих и злых людей. Когда наш народ был еще слаб, когда его забривали, били шпицрутенами, гнали по Владимирке, душа России не могла найти свое выражение в летописи империи. Почему сто лет тому назад русские солдаты пришли в Венгрию? Ведь не Россию защищал тогда Николай, а тиранию. Мы гордимся отвагой солдат Суворова, перешедших через Альпы, но мы знаем, что, стремясь раздавить французскую революцию Павел пекся не о родине, а о своем престоле.

Справедливо называют нашу войну Второй Отечественной и сравнивают 1942-й с 1812-м. Но как отличен 1944-й от 1814-го! Русский народ, прогнав полчища Наполеона, не прогнал своих доморощенных насильников, и царская армия принесла в покоренный Париж глупого, мстительного Бурбона. Красная Армия перешла границы, как армия-освободительница. Если в Париже теперь не правят ни немцы, ни петэны, ни полунемцы, ни полупетэны, которые готовы были завалить Францией в алжирский период, то в известной степени это объясняется победами Красной Армии. Если Югославия не узнала судьбы соседних стран, если болгарский народ судит своих изменников, если в Люблине десять партий и сто фракций, которых гнали при Пилсудском, могут свободно спорить о будущем Польши, то в этом заслуга Красной Армии.

В одной старой французской книге рассказывается о некоем Жане Пчеловоде: «Обладая большой силой, он был добродушен и не вмешивался в дела даже близких соседей, но за сто лье люди говорили, что опасно обидеть сироту или покрыть нечестивца, потому что слух об этом может дойти до Жана Пчеловода. Одно его существование испепеляло сердца злодеев и вдохновляло достойных. Обиженные не раз останавливали обидчиков словами: «Об этом узнает Жан Пчеловод...». Не на сто лье — на тысячи идет молва о Красной Армии. И хотя комендант какого-нибудь венгерского города, капитан из Пензы отвечает: «Мы не вмешиваемся в ваши дела», многое меняется в том городе, дважды раскрываются тюремные ворота: выпуская честных и принимая преступников. За тридевять земель слышны шаги волжских земледельцев или уральских рабочих; даже в далекой Испании народ приподнял голову: он знает, что есть на свете Жан Пчеловод.

Путешествуя по чужим странам, немцы и в мирное время гордились одним: своими военными победами. В Париже, на Елисейских полях они тупо повторяли: «Мы здесь стояли в 71-м». Немецкие колонисты от Дуная до Волги клялись Седаном. Другими реликвиями гордились мы. Есть возле Амстердама маленький домик, туда иногда приезжали русские и с гордостью они думали, что Петр Великий в рабочем костюме учился корабельному делу. Мы гордились в Италии тем, что наши моряки спасали мессинских женщин. Мы гордились тем, что по улицам Рима среди героев 1848 года шел молодой Герцен. Мы гордились тем, что Лев Толстой стал совестью мира. Мы гордились тем, что страна, которая слыла нищей и отсталой, открыла новую эру, и ваша реликвия в Париже не плац, по которому шагали полки Александра, а дом на улице Мари-Роз, где работал Ленин. Есть у нас много реликвий, разбросанных по миру: памятники нашей самоотверженности. Я знаю возле Валенсии несколько могил: на них нет памятников, но тайком благодарные руки убирают эти могилы розами. Красная Армия выразила все давние чаяния, все мечты России: своей кровью она растопила лед тирании, как сеятель, щедро, полными пригоршнями кидает она семена свободы.

Будни заслоняют историю, нет у нас отдаления, чтобы увидеть пафос наших дней; но в Новый год, пользуясь той душевной настроенностью, которую рождает дата, посмотрим, что произошло. Не только ряд блистательных побед, не только штурм той или иной крепости, форсирование той или иной реки, не только очищение нашей территории, не только освобождение многих стран, нечто большее — Красная Армия спасла цивилизацию.

Были культуры, они гибли, рождались новые, но между двумя цветениями зияли провалы. После того, как готы короля Тотилы взяли Рим, по опустевшим улицам «вечного города» рыскали волки. Еще виднелись развалины виадуков, поломанные статуи, куски мозаик, и только по этим полупонятным памятникам римлянин VI века мог представить себе величие погибшего мира; а слушая волчий вой, он вряд ли догадывался о стихе Виргилия. Много веков спустя Рим откопали, и человечество вдохновлялось справкой о былом вознесении. За несколько лет до 1939 года люди в Европе и в Америке увлекались тем, что закапывали или замуровывали различные предметы, как то: книги, кинопленки, утварь, инструменты, чтобы потомки могли составить представление о нашей цивилизации. Жажда сохранить образцы культуры от катаклизма была инстинктивной, ибо люди, занятые этим делом, не представляли себе, что именно угрожает миру. Всё внешне казалось спокойным. Люди разводили карликовые кактусы и, пресыщенные реальным, придумали сюрреализм. В Алансоне плели кружева и в Венеции выдували тончайшее стекло. Но вдруг в шумную беседу вмешивалась тишина, и люди бледнели от предчувствий. Так перед 1000-м годом, все ждали светопреставления.

Теперь всем ясно, что победа фашизма была бы концом цивилизации. Через сто или через пятьсот лет где-нибудь в Австралии или на Аляске возникла бы новая культура. Археологи Патагонии, занимаясь в мертвой Европе раскопками, возвеличили бы достижения минувших веков. Говоря об уничтожении фашизмом культуры, я думаю не только о материальном ущербе. Может быть, после победы Гитлера сохранились бы города, музеи, сады: но фашизм, уничтожая сущность человека мыслящего и взыскующего, тем самым уничтожил бы и зодчих, и поэтов, и садоводов; через несколько поколений одичавший мир стал бы походить на Рим варваров. От этого спасла человечество Красная Армия; и никакие приветствия, никакие подношения или адреса не могут выразить того, чем обязан мир Сталинграду. Здесь лучше или промолчать или сказать, как сказала одна французская девушка, которую немцы вели на расстрел: «Друзья, есть Россия...»

Сильные не нуждаются в иллюзиях. Мы не станем говорить, что мир за годы войны украсился и обогатился. Чертополохом поросли поля и в щебень обращены чудесные здания. Еще страшнее раны сердца. Одно дело строить, писать романы, нянчить детей, другое воевать. А кто заглянул в душу человека, прожившего годы под игом фашистов, тот знает, что Данте ничего не придумал: ад на земле страшнее ада терцин. Страшна не только жестокость палачей, страшна угодливость, изворотливость некоторых спасшихся. После победы народам придется не отдыхать, а строить, строить города, строить и человека. Не в нашей власти было спасти мир от войны: среди защитников культуры имелись слепцы и лицемеры; на Западе они повторяли слово «мир», мечтая о войне на Востоке. Мы не смогли спасти мир от войны, но мы спасли его от гибели. Не будь советского сознания, не будь русской стойкости, не было бы теперь ни свободы, ни культуры и не могли бы разные заморские ханжи обсуждать, как оградить «тружеников» Гиммлера от неминуемого возмездия.

Кровь России спасла мир. И, задумываясь над значением происшедшего, мы видим, что рядом с нами милые нам тени. Пусть никто не скажет, что мы их забыли. Может быть, легче забыть, но не так сделано сердце: под пеплом годов красные угли воспоминаний. Я хочу сказать о тех, кто погиб, не увидев и зари победы, о тех, кто сражался в самые страшные дни, кому никто не салютовал, ибо те бои были проиграны, но без тех проигранных боев не было бы победы. Я хочу сказать о Бресте, о Киеве, об Умани, о Вязьме и, год спустя, о станицах Дона. Я хочу сказать об осени Сталинграда, о Великих Луках, о Синявине и Мге. О погибших при отступлении, когда полки умирали, чтобы дать родине день, иногда час, о погибших при неудачных штурмах, когда под Ржевом люди умирали за Сталинград. У кого среди этих теней нет близкой, будь то брат или сын или друг? Пусть годы сгладят рубцы могил, пусть солнце и дожди сотрут имена на дощечках. Мрамор крепче, но и мрамор рассыпается. Их бессмертие в ином: в вечности того, за что они погибли; ведь есть на свете правда, и есть горсть земли, похожая на всякую другую землю, но которая дороже жизни. А мы, их близкие, их сверстники, их друзья и однополчане, мы их не забудем до нашего последнего часа; мы не ветреные девчонки, и мы знаем, как солон пресный хлеб от тех слез, которые никто не увидел и не увидит: от слез солдата. Пусть новичок в роте не знает имен героев; пусть одни имена стали нарицательными, так что, говоря о Матросове или Смирнове, мало кто вспоминает живых людей; пусть имена других, совершивших такие же подвиги, известны только их женам да десятку старых товарищей; пусть видимость забвения отделяет мертвых от живых; но эти мертвые с нами; их батальоны, полки, дивизии вместе с нами штурмуют вражеские города, с нами отогреваются у тусклых костров, с нами горько вздыхают, надписывая на треугольнике письма: «Выбыл из части». С нами придут они в Берлин; и об этом мы думаем, заглядывая в Новый год, — о наших старых друзьях, о тех, кто не изменил и кому мы не изменим.

Мы подходим к цели. Я не завидую немцам: всё у них в прошлом, а вокруг развалины городов и облезлые ищейки Гиммлера, слухи и сирены, сирены и слухи. Как бумеранг, смерть, которую они слали миру, вернулась к ним. Они огрызаются. Они даже дали миру рождественское представление, бенефис шарлатана-фюрера, колоссальное эрзац-наступление в Бельгии. На короткий срок они захватили несколько маленьких городов и потрясли воображение нескольких маленьких людей. Но напрасно немцы рассчитывают на чужую глупость: они думают, что если задержать судей на пороге суда, судьи постоят, поворчат и разойдутся. Не знают немцы, какие силы они пробудили. Кто видел печи Майданека и Треблинки, найдет истопников. Мы слишком много пережили, чтобы не побывать в Берлине.

Мы не изменили себе: как прежде, мы верим в братство; и если немцы выключили себя из общей семьи, то виноваты в этом не наши идеи, а злодеяния немцев. Им мы не обещаем ни сочувствия, ни снисхождения; мы постараемся, чтобы 1945 год стал последним годом Германии. А народам мы предлагаем нашу дружбу; все мы немалое претерпели; теперь и у юношей седина: мы поймем друг друга. Дипломаты любят говорить, что они заседают за круглым столом; но у этих круглых столов острые углы. А стол народов действительно круглый. На нем мы нарежем первый хлеб мира и разольем вино свободы.

Тем сильнее, тем славнее наш главнокомандующий, что он знает вкус этого хлеба, аромат этого вина: его имя теперь повторяют люди бесконечно далеко от нашей страны, как имя друга, о нем думают с надеждой и, желая ему здоровья, тем самым желают счастья и мира себе.

Прислушайтесь, друзья, то бьют куранты истории. Мы начинаем не новую страницу — новую летопись. Предсказывать опасно да и не нужно, но сердце мне твердит, что 1945 год будет первым годом другой, большой, выстраданной нами жизни.

Газета «Красная звезда» от 1 января 1945 г. Лист 3

Крайова Рада Народова постановила преобразовать Польский Комитет Национального Освобождения во временное правительство Польской республики

ЛЮБЛИН, 31 декабря. (ТАСС). Сегодня в городе Люблине состоялось пленарное заседание Крайовой Рады Народовой — верховного органа законодательной власти польского народа.

Пленарное заседание Рады открыл ее председатель Болеслав Берут. В своем выступлении он огласил список новых депутатов Крайовой Рады Народовой. После утверждения списка депутаты принесли торжественную присягу на верность демократической Польше. Затем делегация открывшегося вчера в Люблине крестьянского с'езда и делегации профсоюзов передали декларации, в которых население сел и городов Польши требует преобразования Польского Комитета Национального Освобождения во временное правительство.

Затем председатель Крайовой Рады Народовой огласил послание, в котором говорится:

«Год, с которым мы сегодня прощаемся, войдет в историю польского народа незабываемой датой. Он положил начало восстановлению независимости Польши. Благодаря помощи героической Красной Армии значительная часть польской земли освобождена от ярма немецкой оккупации. Сейчас на освобожденной родной земле уже действуют две армии Польского Войска. Польский народ принимает достойное и все более организованное участие в борьбе Об'единенных наций против немецких захватчиков».

«Крайова Рада Народова, годовщину которой мы сегодня отмечаем, — говорится далее в послании, — организовала вокруг себя лучших представителей польского народа, самоотверженно выступивших на борьбу с немецкими оккупантами, на борьбу за создание новой, демократической Польши. И я должен сказать, что наше дело обеспечено, что никогда еще польский народ не был так об'единен в своих стремлениях, мыслях и воле для борьбы за свою независимость, как сегодня. Наше дело обеспечено, ибо мы связываем наше освобождение с победой англо-советско-американской коалиции, ибо мы опираемся на союз с братскими и победоносными народами великого Союза Советских Социалистических Республик, несущими свободу и мир угнетенным народам Европы».

Отметив широкое участие польской демократии в борьбе с фашизмом, Берут подвергает в своем послании резкой критике профашистскую позицию, занятую польской реакцией.

Касаясь роли демократической Польши в послевоенной Европе, Берут указывает, что этот вопрос неразрывно связан с проблемой экономической мощи Польши, ее международным положением и ее ролью, как страны, стоящей на страже цивилизации против новой немецкой агрессии и фашистского варварства. Такую роль Польша не сможет выполнить, имея у власти агентов реакции, прикрывающихся псевдо-социалистической вывеской господина Арцишевского или псевдо-крестьянской вывеской господина Миколайчика. Стоять на страже мира может только Польша демократическая, опирающаяся на прочный союз и дружбу с великим восточным соседом — СССР. «Без помощи СССР, своими силами, — говорит Берут, — Польша не в состоянии была бы освободиться от гитлеровской неволи. Для восстановления вооруженных сил и нашей независимости в условиях неслыханного разрушения страны Польша получила помощь в большой степени благодаря великодушию и дружбе великого вождя народов СССР маршала Иосифа Сталина. Союз Польши с СССР, Америкой и Англией должен стать фундаментом общего мира».

Берут отмечает, что приезд в Люблин представителя Франции и представителя демократической Польши в Париж положил начало естественному польско-французскому соглашению, которое диктуется соображениями обороны и базируется на традиционной дружбе польского и французского народов.

Уже сегодня нас об'единяют, — указывает Берут, — сердечные взаимоотношения с Чехословакией, Югославией, Болгарией и другими странами, освобождающимися от гитлеровского ярма.

Берут отмечает об'единение всех слоев польского общества вокруг программы и манифеста Польского Комитета Национального Освобождения и огромную работу, проделанную со времени его образования. Благодаря общественному единению польского народа, Польский Комитет Национального Освобождения сумел в чрезвычайно трудных условиях восстановить разрушенную промышленность, собрать урожай, пополнить ряды польской армии, привести в порядок пути сообщения страны, организовать обучение в школах и университетах, создать необходимые условия для политического, профсоюзного, кооперативного, культурного и общественного развития в самом высоком смысле слова. Наконец, исторической заслугой польской демократии является то, что в течение двух месяцев она сумела провести аграрную реформу в Польше, дать, наконец, польскому крестьянину помещичью землю и совершить все это без особых потрясений и конфликтов, которые казались неизбежными. Больше того, земельная реформа укрепила единство польского народа.

В течение 5 месяцев деятельности Польского Комитета Национального Освобождения, — говорится в послании, — польский народ убедился, что руководство страны стоит на правильном пути. На этом фоне замечательной деятельности Польского Комитета Национального Освобождения особенно ярко обнаруживается вся вредность деятельности так называемого польского эмигрантского правительства. Польский народ хочет видеть не в Лондоне, а на родной земле правительство, которое бы отвечало его интересам и чаяниям. Вот почему со всех сторон освобожденных польских земель поступают требования о преобразовании Польского Комитета Национального Освобождения во временное национальное правительство Польской республики.

Выступившие в прениях по посланию Берута представители польских демократических партий отметили, что преобразование Польского Комитета Национального Освобождения во временное национальное правительство Польской республики отвечает требованиям широких масс польской общественности.

Пленарное заседание Крайовой Рады Народовой принимает решение о преобразовании Польского Комитета Национального Освобождения во временное национальное правительство Польской республики.

Постановлением пленарного заседания в составе временного правительства утверждаются следующие министры: председатель совета министров, два вице-председателя, министры национальной обороны, иностранных дел, общественной безопасности, финансов, просвещения, социального обеспечения и здравоохранения, земледелия и земельной реформы, путей сообщения, юстиции, промышленности, снабжения и торговли, почт и телеграфа, культуры и искусства, информации и пропаганды. Председатель совета министров назначается президентом Крайовой Рады Народовой согласно 45 статьи конституции.

Пленарное заседание постановило именовать председателя Крайовой Рады Народовой президентом Крайовой Рады Народовой.

Вечером 31 декабря в честь преобразования Польского Комитета Национального Освобождения во временное национальное правительство Польской республики в Люблине был произведен многократный артиллерийский салют.

Декрет Польского Комитета Национального Освобождения об учреждении новых орденов и медалей

ЛЮБЛИН, 31 декабря. (ТАСС). Как сообщает агентство Польпресс, Польский Комитет Национального Освобождения утвердил декрет о новых орденах и медалях, которые будут вручаться за героизм и отвагу, проявленные в боях, за выдающиеся заслуги в деле возрождения демократической Польши и за успешную борьбу с гитлеровскими захватчиками на оккупированной ими польской территории.

САМОУБИЙСТВО ГЕРМАНСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА

НЬЮ-ЙОРК, 30 декабря. (ТАСС). Нью-йоркское радио сообщило, что, как теперь стало известно из приказа германского командования, попавшего в руки союзников, фельдмаршал фон Клюге покончил жизнь самоубийством после поражения немцев в Нормандии. В приказе указывается, что фон Клюге покончил с собой после того, как был смещен с должности командующего германскими войсками на западе.

Военные действия в Западной Европе

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). В сообщении штаба верховного командования экспедиционных сил союзников говорится: «В Голландии противник продолжал переправлять через реку Маас, севернее Тильбурга, патрули, которые были обстреляны союзниками и отступили. На северном фланге Арденнского клина было спокойно. Западнее Гранмениля окружен и ликвидируется небольшой очаг вражеского сопротивления. В Рошфоре войска союзников по-прежнему встречают сильное сопротивление. Враг ведет усиленный артиллерийский и минометный огонь.

На южном фланге Арденнского клина союзники достигли окрестностей Лаваселя и Шенона. Части союзников находятся вблизи Сеноншана, в 2,5 мили западнее Бастони. Противник прочно окопался на участке Сент-Юбер—Муарси—Ремань—Лавазель, где он действует при поддержке танков и самоходных орудий. Войска союзников, преодолевая сильное сопротивление врага, расширяют коридор, ведущий в Бастонь. Арлон-Бастоньская дорога очищена. Части союзников достигли юго-восточной окраины Арланжа. Союзники добились успехов вблизи Берле (юго-западнее Вильца). В районе Дикирха союзники выбили врага с высоты, расположенной севернее Эттельбрюка. Большая часть правого берега реки Сюр, между Дикирхом и Эхтернахом, находится сейчас в руках союзников, за исключением небольшого участка северо-западнее Бигельбаха. В долине реки Саар происходили только действия патрулей.

30 декабря весьма крупные соединения тяжелых бомбардировщиков в сопровождении большого числа истребителей совершили налеты на ряд мостов и сортировочных станций в Западной Германии, в том числе в Кайзерслаутерне, Мангейме и Касселе. Условия погоды препятствовали полному использованию средних бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков. Выведено из строя 32 вражеских танка, поврежден еще ряд танков, главным образом в районе Бастони. Наносились также удары по неприятельскому транспорту. Истребители-бомбардировщики атаковали подвижной состав и коммуникации между Бонном и Кайзерслаутерне, а также в районах Гомбурга, Карлсруэ и Кольмара. В течение дня сбито 5 неприятельских самолетов. Из всех этих операций не вернулись на свои базы 8 тяжелых бомбардировщиков и 8 истребителей.

В секторе Виссенбурга продолжались активные действия патрулей и артиллерийская дуэль».

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). В сообщении штаба вооруженных сил союзников на средиземноморском театре военных действий говорится, что в Италии, в районе долины реки Серкьо, части 8-й армии снова заняли Барга. На участках 5-й и 8-й армий операции частей союзников ограничивались действиями патрулей.

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). В совместном коммюнике министерства авиации и министерства внутренних дел и внутренней безопасности говорится, что за прошедшие сутки в результате налетов германской авиации на Англию причинен ущерб и имеются жертвы.

ОЖЕСТОЧЕННЫЕ НАЛЕТЫ СОЮЗНОЙ АВИАЦИИ НА ГЕРМАНИЮ

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). Английское министерство авиации сообщило, что в ночь на 31 декабря бомбардировщики «Галифакс» совершили ожесточенный налет на важную сортировочную станцию в Кельне. Возникли большие пожары и произошло несколько сильных взрывов. Бомбардировке подвергся также Ганновер и ряд военных об'ектов в Западной Германии. Перед рассветом 31 декабря бомбардировщики «Ланкастер» атаковали скопления германских войск и танков в районе Бастони. Английские самолеты производили минирование неприятельских вод. Истребители наносили удары по неприятельским аэродромам. Во всех этих операциях участвовало свыше 800 самолетов. Два бомбардировщика не вернулись на свои базы.

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). Здесь официально об'явлено о том, что свыше 1.300 американских тяжелых бомбардировщиков совершили сегодня налет на нефтеперегонные заводы в Гамбурге, Гарбурге и Мисбурге (вблизи Ганновера), на базу подводных лодок в Гамбурге, на завод фирмы Мессершмитт и аэродромы в Венцендорфе, на две сортировочные станции в юго-западной части Рура, на 6 железнодорожных мостов через Рейн, Мозель и другие реки вблизи линии фронта, а также на 4 узла, через которые идут германские воинские перевозки.

«Летающие крепости» и «Либерейторы» действовали в сопровождении эскорта, насчитывавшего свыше 700 истребителей.

НОВОГОДНЕЕ ГАДАНИЕ

Рис. Бор. Ефимова.

Гадает Гитлер. Сумрак гуще.
Где взять совет? Где взять ответ?
Гадал бы на кофейной гуще,
Но кофе нет и гущи нет.
По звездам?.. До смерти обидно —
Такая гнусная судьба:
Труба-то есть, да звезд не видно —
Подвал... Не видно звезд. Труба!
На картах? Ах, колода, где ты?
Нет, карты в большинстве сданы:
Болгарской нет, румынской нету,
Все карты биты, песни спеты,
Ответы все предрешены.
Как ни гадай — одна тревога.
«Казенный дом» — и тот исчез:
Бомбежка... Рассуждая строго,
Выходит немцам для итога
Лишь туПИКОВЫЙ интерес.
Как ни гадай — одна тревога,
Один решительный ответ:
Осталась «дальняя дорога»
На тот, как говорится, свет.

ВЛ. ДЫХОВИЧНЫЙ.

Временное национальное правительство Венгрии об'явило войну гитлеровской Германии

ДЕБРЕЦЕН, 29 декабря. (ТАСС). Временное национальное правительство Венгрии на состоявшемся вчера заседании единогласно приняло решение об об'явлении войны гитлеровской Германии. Решение Временного национального правительства гласит:

«Венгерский народ с самого начала осуждал преступную войну, которую правительство Бардоши, не спросив мнения парламента, незаконно начало вести против Советского Союза и других демократических держав. Эта война, в которой истекли кровью сотни тысяч венгерских солдат, находится в вопиющем противоречии с интересами и традициями венгерского народа и служит исключительно интересам немцев. В дополнение к этому 19 марта 1944 г. Германия вероломно напала на Венгрию и оккупировала ее. Вероломное нападение на нашу родину Германия завершила тем, что 15 октября 1944 г. путем вооруженного путча она поставила у власти ненавидимого всей нацией предателя родины Салаши, чтобы таким образом воспрепятствовать заключению перемирия между Венгрией и демократическими державами. Немцы лишили Венгрию независимости, втоптали в грязь венгерский национальный суверенитет, бросили в тюрьмы и концлагери тысячи венгерских патриотов, разграбили венгерское национальное добро, ограбили и опустошили страну. Венгерскую молодежь они угнали в Германию, венгерских женщин они заставили рыть окопы, соединения венгерского гонведства они влили в германскую армию и заставляют проливать кровь за немецкие интересы. Учитывая всё это, Временное национальное правительство на основе полномочий, полученных от Временного национального Собрания для проведения в жизнь своей программы, осуществляя волю венгерского народа — об'являет недействительными договоры, заключенные с Германией, разрывает с ней все связи и об'являет войну Германии. Временное национальное правительство заявляет, что, мобилизуя все свои ресурсы, оно будет вести войну на стороне Советского Союза и его союзников до тех пор, пока союзные державы не добьются полной победы над Германией, ибо только такая победа может подкрепить независимость Венгрии. Одновременно временное национальное правительство доводит до сведения венгерского народа, что в целях заключения перемирия оно обратилось к правительству Советского Союза, а также к правительствам союзных держав».

НАСЕЛЕНИЕ ВЕНГРИИ ПРИВЕТСТВУЕТ РЕШЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОБ'ЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ ГЕРМАНИИ

ДЕБРЕЦЕН, 31 декабря. (ТАСС). Вчера в Дебрецене — временной резиденции нового венгерского правительства царило необычайное оживление. Весть о том, что временное национальное правительство единодушно приняло решение о разрыве всех отношений с Германией и об'явило ей войну, быстро облетела весь город. На тротуарах вокруг продавцов газет собирались большие толпы народа. Газеты, в которых под крупными заголовками опубликован текст этого решения совета министров, раскупались нарасхват. На улицах, в домах, в учреждениях, на предприятиях, в магазинах и ресторанах — повсюду с воодушевлением говорят об этом важном событии в жизни Венгрии. Народ единодушно одобряет решение своего правительства о вступлении Венгрии в войну против гитлеровской Германии.

МИРОВАЯ ПЕЧАТЬ О ВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ВЕНГРИИ

НЬЮ-ЙОРК, 30 декабря. (ТАСС). Комментируя сообщение о сформировании временного национального правительства Венгрии, балтиморская газета «Сан» пишет, что это правительство, повидимому, имеет широкую основу и, несомненно, придерживается совершенно иной ориентации, чем прежние венгерские правительства, внутренняя политика которых была рассчитана, главным образом, на то, чтобы поддержать аграрную аристократию, а внешняя политика была направлена к увеличению Венгрии за счет земель ее соседей.

Известный радиокомментатор Суинг призывал Соединенные Штаты и Англию признать как можно скорее временное венгерское правительство, так как оно создано демократически путем на разумной основе.

СТОКГОЛЬМ, 30 декабря. (ТАСС). Комментируя в статье, озаглавленной «Новая Венгрия», сформирование временного национального правительства Венгрии, газета «Эребрукурирен» пишет, что это правительство, несомненно, представляет большинство венгерского народа. «Программа нового правительства, — говорится в статье, — простая: мир с Россией и с теми государствами, с которыми Венгрия еще находится в состоянии войны, и война против гитлеровской Германии. Все ресурсы страны должны быть мобилизованы для того, чтобы ускорить освобождение Венгрии».

НЬЮ-ЙОРК, 30 декабря. (ТАСС). Ежедневная газета «Мадьяр Еве», выходящая в Нью-Йорке на венгерском языке, в редакционной статье, помещенной на первой странице, приветствует создание временного венгерского правительства и отдает дань Советскому Союзу, который предоставил венгерскому народу право на самоопределение.

«В то время, — пишет газета, — как сотни тысяч солдат Красной Армии проливают кровь ради освобождения Венгрии, Советский Союз разрешил венгерскому народу избрать новое свободное правительство в освобожденной Венгрии.

Венгерский народ должен всемерно сотрудничать с Красной Армией и помогать ей в изгнании оставшихся фашистов из Венгрии. Венгерский народ должен об'явить войну Германии и продолжать вести беспощадную борьбу против всех, кто помогал немцам. Венгерский народ должен присоединиться к Об'единенным нациям в борьбе за окончательное уничтожение гитлеризма и полное искоренение всех остатков фашизма и феодализма и наказать всех преступников войны. Без этого невозможно существование свободной, независимой и сильной Венгрии. Венгерский народ полностью поддерживает новое временное правительство Венгрии. Эта поддержка гарантирует постоянное существование демократической и независимой Венгрии».

Венгерские дипломаты приветствуют временное национальное правительство Венгрии

ЛОНДОН, 30 декабря. (ТАСС). Агентство Рейтер передает из Лиссабона, что 9 бывших венгерских посланников и 40 других дипломатических деятелей, вышедших в отставку, когда Венгрия была оккупирована немцами в марте этого года, организовали «Венгерский комитет заграничных представителей». Комитет создан бывшим венгерским посланником в Лондоне Барца, проживающим сейчас в Берне. Комитет направил премьер-министру временного национального правительства Венгрии генералу Миклошу заявление, в котором приветствует образование этого правительства.

НЬЮ-ЙОРК, 31 декабря. (ТАСС). Римский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» сообщает, что бывший венгерский посланник в Ватикане Апор заявил о своей верности временному правительству Венгрии, сформированному в Дебрецене.

АНКАРА, 31 декабря. (ТАСС). Венгерская миссия в Анкаре заявляет, что, узнав об образовании временного национального правительства в Дебрецене, она считает себя находящейся в распоряжении этого правительства.

К СОБЫТИЯМ В ГРЕЦИИ

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). Агентство Рейтер передает, что греческий король назначил архиепископа Дамаскиноса регентом Греции.

В заявлении короля, опубликованном в Лондоне и в Афинах, говорится, что он решил не возвращаться в Грецию, если его «не призовет туда свободно выраженная воля нации».

ПОЛОЖЕНИЕ В ГРЕЦИИ

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). Лондонское радио передало сегодня днем, что английские и греческие правительственные войска вновь продвинулись в Афинах и очистили от партизан новые районы юго-восточнее дороги, соединяющей Афины с Пиреем. За 2 дня убито или взято в плен около 2.000 партизан. В районе Пирея существенных изменений не произошло.

Попытка бегства директоров заводов «Мессершмитт» из Германии

СТОКГОЛЬМ, 30 декабря. (ТАСС). Как сообщает швейцарская газета «Санкт-Галлер Тагблат», на-днях два немца с женами и детьми нелегально перешли германо-швейцарскую границу и обратились к швейцарским властям с ходатайством предоставить им убежище в Швейцарии. Беглецы оказались директорами авиастроительных заводов «Мессершмитт» в Аугсбурге. Они заявили, что ввиду скорого краха гитлеровского режима в Германии они решили бежать за границу. Ввиду отказа швейцарских властей предоставить им убежище, бежавшие директоры заводов были препровождены на германо-швейцарскую границу и переданы там в руки гестапо.

ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ ГЕРМАНСКИХ СОЛДАТ В НОРВЕГИИ

СТОКГОЛЬМ, 31 декабря. (ТАСС). Шведско-норвежское пресс-бюро сообщает, что за последнее время моральное состояние немецких войск в Норвегии резко ухудшилось. В городе Арендаль недавно произошло открытое выступление солдат, которых сажали на транспортное судно для отправки в Германию.

БОИ В ЮГОСЛАВИИ

БЕЛГРАД, 31 декабря. (ТАСС). В сообщении верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии говорится, что в Черногории после многодневных ожесточенных боев югославские части, совместно с албанскими частями, разгромили немецкие охранные отряды в долине Тары и заняли Колашин и Матешево. Таким образом, вся Черногория освобождена от немецких оккупантов.

В Восточной Боснии продолжаются бои в секторе Биелина—Челич—Брчко. Югославские части успешно очищают долину реки Спреча от разрозненных групп противника.

В Герцеговине, севернее коммуникаций Мостар—Широки Брег, ликвидирован ряд важных опорных пунктов противника. Идут ожесточенные бои в долине Босны. Немцы большими силами ведут атаки в направлении Травника. При поддержке большого количества танков им удалось несколько продвинуться вперед, однако дальнейшее их продвижение приостановлено.

Решение мексиканского сената об отправке войск на фронты

ЛОНДОН, 31 декабря. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер из Мексико, мексиканский сенат уполномочил президента направить войска на фронты боев против Германии и Японии. В настоящее время Мексика направляет на фронт авиационную эскадрилью, личный состав которой недавно был обучен в Соединенных Штатах.

ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РУМЫНИИ г-на ГЕОРГИУ ДЕЖ

31 декабря в Москву прибыл Министр путей сообщения Румынии г-н Георгиу **Деж**. Вместе с г-ном **Деж** прибыли генеральные инспекторы железных дорог Румынии г.г. Аурел **Зэнеску** и Константин **Паунеску**.

На Киевском вокзале прибывших встречали Член Коллегии НКИД СССР **А. П. Павлов**, Член Коллегии НКПС **П. В. Архангельский** и ответственные сотрудники НКИД СССР **М. Г. Грибанов** и **Н. Н. Яцкевич**.

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ

Письма из-за границы

Г. РЫКЛИН

Только что опять почтальон приходил. Он сейчас ко мне часто заглядывает, наш почтальон. Веселый он у нас, приветливый. Подойдет к дому, деликатно постучит в окошко и этак ласково, по-душевному об'явит:

— Матвеевна, решительный привет и категорическое почтение! Получайте письмо из-за границы...

Очень хороший человек. И для меня он, признаться, теперь самый желанный гость.

У меня, знаете ли, за последнее время получилась большая переписка с Европой. Связь у меня со многими иностранными государствами крепнет с каждым днем.

А вся суть в том, что мои сынки да внуки забрались в такую даль, в такую глухомань, что мне, старой, даже страшно подумать.

Я, почитай, уже свой век прожила. Но дальше Верхнеберезовки нигде не была. А Верхнеберезовка — это тоже не под боком, не на соседней улице: верст семьдесят будет от нашего поселка.

Потомство же обогнало меня. Молодым по плечу отмахать каких-нибудь полторы тысячи верст...

Сегодня как раз почтальон принес мне письмо из Венгрии. Там у меня бомбардировщик. Это мой внук Герасим.

Поздравляет он меня горячо с наступающим Новым годом и кроме того сообщает кое-какие не секретные новости. Вот что он пишет:

«Жив-здоров, чувствую себя на полной высоте, летаю и крошу фашистов, чего и тебе, бабуся, от всей души желаю. У меня прибавилось новых шесть звезд — три на самолете, одна на погонах и две на груди. И еще знай, бабуся, что скоро весь гитлеровский Салашик превратится в щепки. На-днях летали мы над Будапештом — была хорошая видимость, так что в новом году от Будапешта свободно может остаться одна лишь видимость».

А другой мой внук, Алешка, который в Румынии, шутник какой! Он мне, между прочим, пишет:

«Язык румынский очень легкий. Все сёла оканчиваются на ешти: Малоешти, Дармоешти. Промышленность тоже самая легкая — переносится с места на место. Сначала румыны перенесли ее к себе из Одессы, а сейчас перетаскивают обратно в Одессу».

Нет, что и говорить. Жаловаться грех. Мои воины не забывают старуху. И где бы они ни были, шлют письма и в подробностях описывают всякие невоенные тайны.

Ох, и переполох у меня недавно был. Получаю письмо из Норвегии. Опять же от внука, от Васи. В первых строках письма прямо соловьем заливается:

«Здравствуй, моя родная, милая птичка»...

Ишь ты, озорник какой — думаю — родную бабушку птичкой обзывать. Какая я ему птичка, когда во мне, если только на правильных весах взвешивать, не меньше четырех пудов будет?

Читаю я дальше:

«Обнимаю тебя, моя голуба, и горячо целую и поздравляю с наступающим Новым годом».

Я даже дальше читать не захотела. Что же это, думаю, не то у него обращенье стало.

Но потом не сдержалась и взглянула дальше в письмо. И как взглянула, то такой смех меня взял, что до сей поры успокоиться не могу. Оказывается, что письмо-то вовсе не мне, а какой-то Ниночке. Вот кто птичка! А Вася-то, видно, спутал конверты: письмо, написанное птичке, послал мне, а письмо, которое для меня, наверное, проказник, отослал птичке. Ох, думаю, попадет ему от птички за то, что назвал ее «дорогая бабуся»...

Мы тут свои люди, так что не стыдно и сознаться: бывает, что и я малость напутаю и махну письмо не в тот адрес. Как говорит продавец Кузьма в нашем продмаге: «Вас много, а я один». Действительно, земель разных на белом свете — на пальцах не пересчитаешь. А как же их все в памяти держать, да еще помнить, в каком царстве-государстве сын мой Влас, а в каком внук Влас.

Вот с этими Власами у меня всё время путаница происходит. Сын Влас — в Чехословакии, внук Влас — в Югославии. А я, грешница, то и дело писала сыну Власу в Югославию, а внуку Власу в Чехословакию.

Спасибо Аннушке, дочке соседки, отличной ученице 5-го класса. Повесила она мне на стенку большую географию и к каждой стране, где наши с Гитлером воюют или воевали, прилепила карточку фотографическую.

Вот тебе, скажем, Финляндия — здесь карточка Тихона, сына моего, который к самой финской границе подошел и получил орден Красного Знамени. А вот снизу у Черного моря, — карточка во весь рост моего внука Тимофея, кавалериста. Там, где Тимофей, там как раз Болгария.

А вот тут ниже и немного слева, видите с усами. Это и есть город Варшава. Ну, конечно, не город с усами, а сын мой Игнат. Он под Варшавой немца бьет прямой наводкой.

Так что я теперь вроде начальника штаба. И как взгляну на стенку, так по портретам и определяю в точности: кто из моих в какой стране немца гонит.

Теперь у меня насчет Власов полный порядок. Вот, к примеру, Карпаты. А над самыми Карпатами — геройский портрет. Это мой сын Влас.

Как раз третьего дня получилось от него письмо.

«Горы здесь высокие, — пишет он, — но мы их одолели, так что наша полная победа уже не за горами».

А если от сына Власа перескочить через Герасима, который в Венгрии, то как раз наткнетесь на моего внука Власа. Вот тут как раз и Югославия.

«Страна здесь чудесная, — пишет мне Влас, — виды замечательные — куда ни глянешь, лежат побитые немцы».

Егорушка, внук мой, на-днях прислал мне в конверте несколько засушенных цветочков и записочку.

В записочке всего несколько слов. Некогда ему писать, Егорушке, — он состоит при «Катюше».

«Поздравляю тебя, бабушка, с наступающим и посылаю тебе, бабушка, цветочки, собранные мною в одном лесу в Восточной Пруссии. И пусть Гитлер знает, что это пока только цветочки, а ягодки впереди. Вышибли мы его из Советского Союза и добьем зверя в его собственном логове»...

Так что, друзья мои, если посмотреть на мою географию да подсчитать, то выходит аккурат, что в девяти заграницах девять моих сынов и внуков.

А всего их у меня, слава богу, десять. Есть ещё внук Никита Власьевич, важный мужик и боевой парень. Но он такой же домосед, как и его бабушка, и пока что в чужедальние края не собирается. Недавно Никите Власьевичу стукнуло ровно четыре года...

Кто там? А! Милости просим!.. Опять почтальон под окном. Вот хороший человек! Значит, еще одно письмо из [illegible]

Ответственный редактор Н. А. ТАЛЕНСКИЙ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 6, ул. Чехова, 16. Телефоны: коммутатор К-4-00-70 до 74, для справок — К-4-42-12. ИЗДАТЕЛЬСТВА — [illegible] жалоб подписной конторы — К-4-00-70, доб. 31.

Г 804001. Типография центрального органа Народного комиссариата обороны СССР «Красная звезда», Москва, [illegible]

Газета «Красная звезда» от 1 января 1945 г. Лист 4

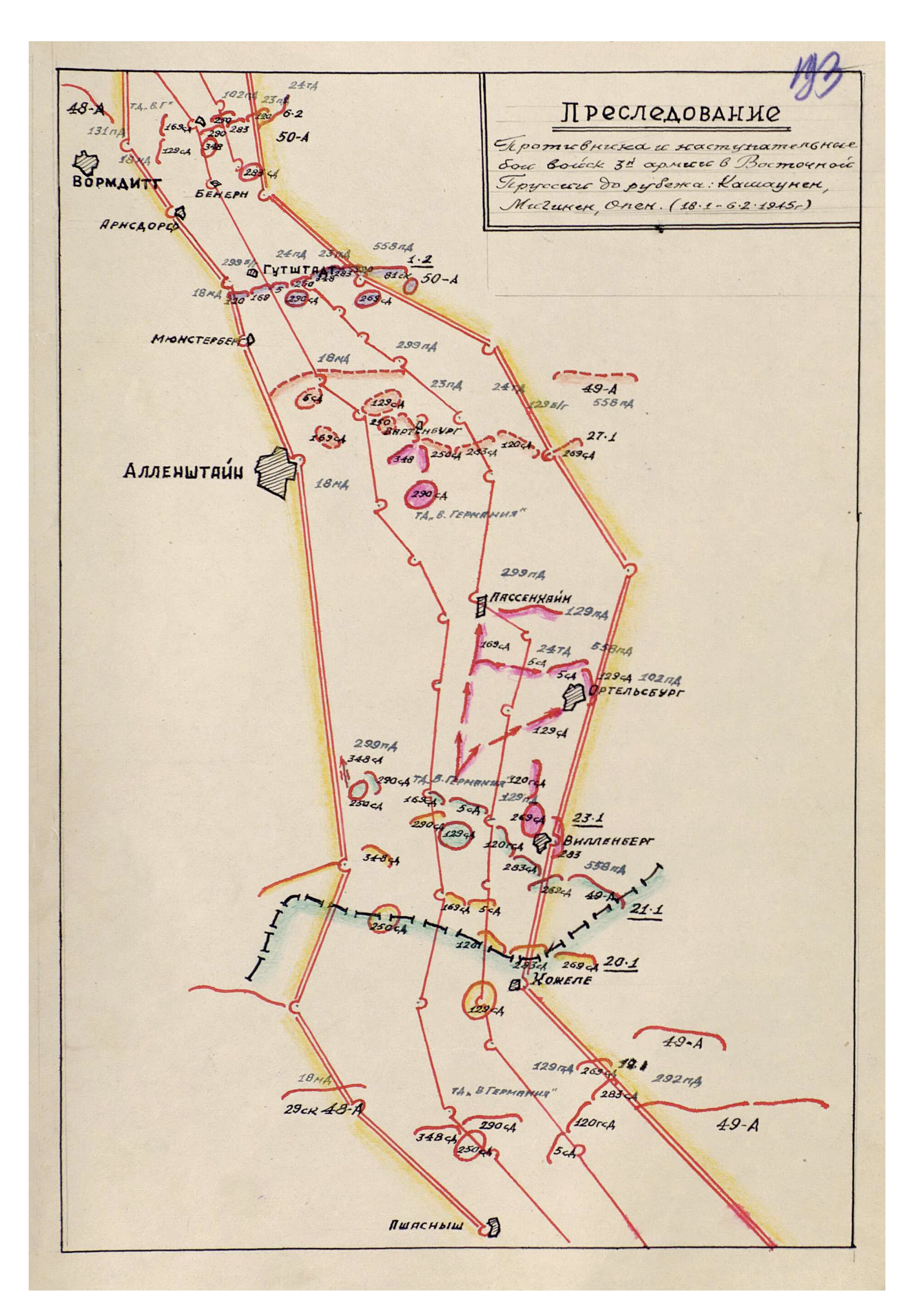
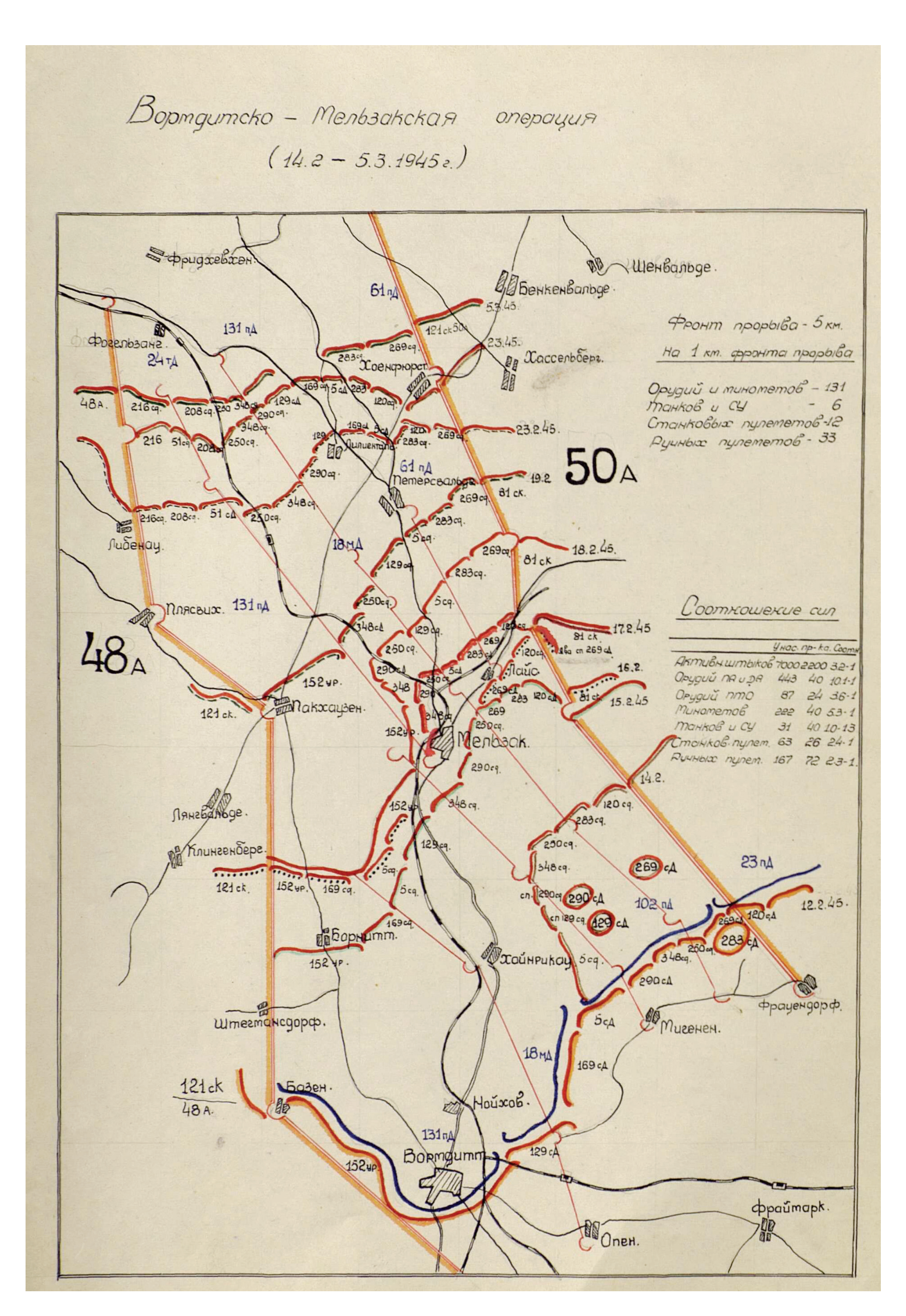

Схема преследования противника и наступательных боев войск 3-й армии в Восточной Пруссии (18 января — 6 февраля 1945 г.)

Вормдиттско-Мельзакская операция (14 февраля — 5 марта 1945 г.)

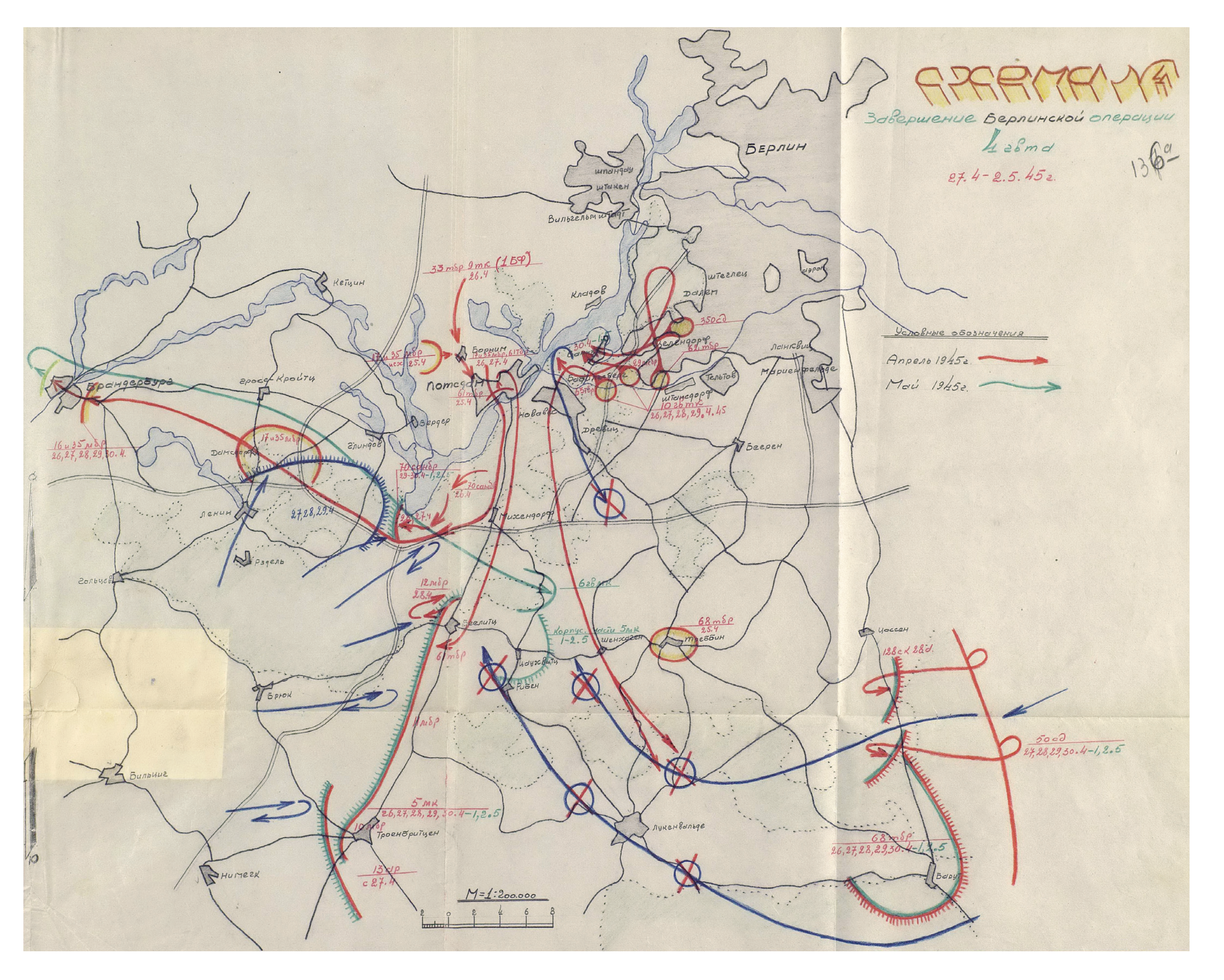

Схема завершения Берлинской операции 4-й гвардейской танковой армией (27 апреля — 2 мая 1945 г.)

Положение войск 5-й гвардейской танковой армии
на 7 мая 1945 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество - КОЖЕДУБ Иван Никитович.

2. Звание - лейтенант. 3. Должность, часть - командир эскадрильи 240 Истребительного Авиационного полка 302 ИАД.

Представляется к званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

4. Год рождения - 1920 г. 5. Национальность - украинец.

6. Партийность - член ВКП/б/ с 1943 года.

7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне / где, когда / - участник Отечественной войны с 13 марта 1943 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне - не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии - с 1940 года.
10. Каким РВК призван - Сумская область, Шосткинским РВК.

11. Чем ранее награжден / за какие отличия /- награжден двумя орденами "КРАСНОЕ ЗНАМЯ" в 1943 году.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи - Сумская область, Шосткинский район, село Ображеевка. Отец-КОЖЕДУБ Никита Илларионович.

---

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В июле 1943 года награжден орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ" за отличное выполнение боевых заданий по прикрытию наземных войск на линии фронта в период немецкого наступления на Белгородско-Курском направлении и за лично сбитые 3 самолета противника.

В сентябре 1943 года награжден вторым орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ" за отличное сопровождение бомбардировщиков в преиод Харьковской операции и за лично сбитые 3 самолета противника.

За время боевой работы произвел 146 боевых вылетов: на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков - 90, на прикрытие своих войск на линии фронта - 39, на разведку войск противника - 9, на отражений самолетов противника - 8. Провел 27 воздушных боев, в которых сбил лично 20 самолетов противника / 9 Ю-87, 10 МЕ-109, 1 ФВ-190 /.

В воздушных боях показал себя смелым, решительным, отважным, мужественным, не знающим страха в жестоких боях за Социалистическую Родину, героически сражающимся с количественно превосходящими силами противника и побеждающим его.

Выполняя боевые задания на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков, показал себя умеющим отлично организовывать их прикрытие над целью. Несмотря на неоднократные стремительные атаки больших групп истребителей противника, штурмовиками и бомбардировщиками была создана возможность выполнить боевые задания без единой потери. Под его командованием группы самолетов Ла-5 боевые задания по сопровождению выполнили отлично, за что после каждого боевого вылета получали благодарности от командиров групп штурмовиков и бомбардировщиков.

При выполнении боевых заданий по прикрытию своих войск на линии фронта в период освобождения городов БЕЛГОРОД, ХАРЬКОВ, а так же в период форсирования нашими войсками реки ДНЕПР в районе КРЕМЕНЧУГА, несмотря на сильные атаки истребителей противника, прикрывающих бом-

Наградной лист — представление И. Н. Кожедуба к присвоению звания Героя Советского Союза. 1943 г. Лист 1

бардировщиков, пытавшихся бомбардировать боевые порядки наших войск тов. КОЖЕДУБ в составе групп Ла-5 х / которыми он руководил /, стремительными атаками рассеивал бомбардировщиков и истребителей противника и не дал им возможности бомбардировать передовую линию наших войск. Немецкие бомбардировщики, неся большие потери, сбрасывали бомбовую нагрузку вне цели и обращались в бегство.

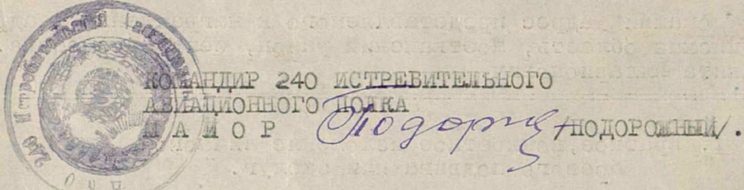
Выполняя задания на разведку войск противника, показал умение и мастерство обнаруживать сильно замаскированные войска и технику немцев и представлял самые ценные сведения о их скоплении.

За время командования эскадрилией с 21 августа 1943 года под его руководством летчиками эскадрилии произведено 165 боевых вылетов: на прикрытие своих войск на линии фронта и военных объектов – 57, на разведку войск противника – 10, на сопровождение бомбардировщиков ПЕ-2 – 98.

Летчиками эскадрилии сбито 24 самолета противника / 12 МЕ-109, 1 ФВ-190, 11 Ю-87 /.

Тех.составом эскадрилии бесперебойно обслужены боевые вылеты, совершенные летчиками, а так же восстановлено 17 самолетов поврежденных в воздушных боях. За отличную боевую работу эскадрилия имеет 12 человек награжденных орденами и медалями Союза ССР.

За лично сбитые 20 самолетов противника / 9 Ю-87,10 МЕ-109, 1 ФВ-190/, за отличное выполнение боевых заданий по разгрому немецких захватчиков и проявленное при этом мужество, стойкость и героизм в бою за Социалистическую Родину – достоен присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

КОМАНДИР 240 ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО
АВИАЦИОННОГО ПОЛКА
МАЙОР Подорожный /ПОДОРОЖНЫЙ/.

"10" октября 1943 года.

II Заключение вышестоящих начальников.

За отличное выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленное при этом мужество и героизм в боях за Социалистическую Родину, за лично сбитые 20 самолетов противника 9 Ю-87,10 МЕ-109, 1 ФВ-190 достоин присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

КОМАНДИР 302 ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ
АВИАДИВИЗИИ
ПОЛКОВНИК Литвинов /ЛИТВИНОВ/.

"16" октября 1943 года.

За отличное выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные в воздушных боях мужество, отвагу и героизм, за лично сбитые 20 самолетов противника, 9 бомбардировщиков и 11 истребителей – достоин присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

КОМАНДИР 4 ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО
АВИАЦИОННОГО КОРПУСА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ Подгорный /ПОДГОРНЫЙ/

"19" Октября 1943 г.

Наградной лист — представление И. Н. Кожедуба к присвоению звания Героя Советского Союза. 1943 г. Лист 2

Достоин присвоения звания "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

КОМАНДУЮЩИЙ 5 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ
(ГОРЮНОВ) Горюнов

"26" Октября 1943 года.

Лично сбил 13 бомбардировщиков и 13 истребителей.

основание: Телеграмма н-ка ОК 5 ВА от 13.11.43 г.

м-р [illegible]

Присвоено звание
Героя Советского Союза
с вручением ордена Ленина
и медали „Золотая Звезда".
Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР
от „4" 02 1944 г.

Наградной лист — представление И. Н. Кожедуба к присвоению звания Героя Советского Союза. 1943 г. Лист 3

Указ
от 18.08.45 г. СМ.
д 10/189 л 15

секретно

3/2а

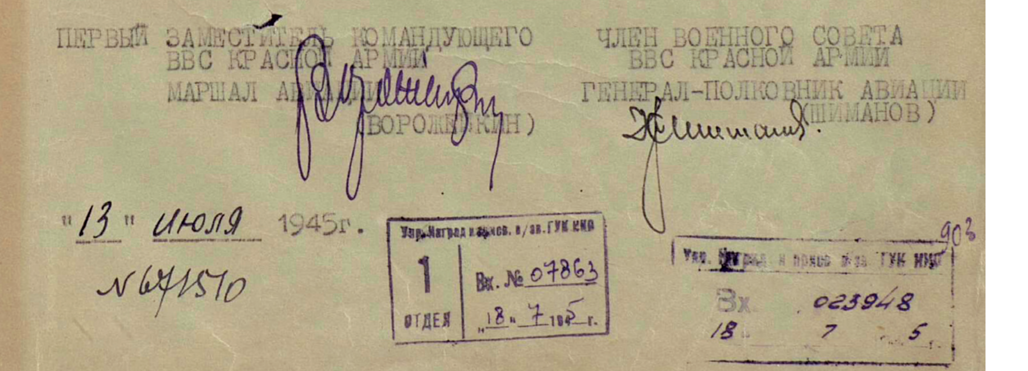
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

Генералу Армии тов. Б у л г а н и н у

Представляю проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении третьей медалью "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА" Героя Советского Союза Гвардии майора К О Ж Е Д У Б Ивана Никитовича.

За период Отечественной войны тов. КОЖЕДУБ произвел 326 боевых вылетов, в воздушных боях лично сбил 60 самолетов противника.

Прошу доложить товарищу СТАЛИНУ И.В.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДУЮЩЕГО
ВВС КРАСНОЙ АРМИИ
МАРШАЛ АВИАЦИИ
(ВОРОЖЕЙКИН)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
ВВС КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ
(ШИМАНОВ)

"13" июля 1945 г.
№ 671570

Упр. Наград и персон. в/зв. ГУК НКО
1 ОТДЕЛ
Вх. № 07863
18.7.1945 г.

903
Упр. Наград и персон. в/зв. ГУК НКО
Вх. 023948
18 7 5

Представление дважды Героя Советского Союза И. Н. Кожедуба к награждению третьей медалью «Золотая Звезда». 1945 г.

Оказывая помощь командному составу в овладении современной тактикой ведения войны, военная печать призывала воинов научиться вести борьбу с новыми вражескими танками, на которые немецкое командование возлагало большие надежды. Печать представляла собой трибуну, с которой популяризировались воины, отличившиеся в боях на Курской дуге. Широкое распространение получила публикация материалов в форме листовок о героях наступления, памяток воинам. Газеты давали советы, как лучше двигаться за огневым валом нашей артиллерии, разминировать вражеский передний край и вести бой в траншеях врага.

Газета Юго-Западного фронта «Советский воин» так же, как и газеты Ленинградского фронта, открыла раздел «Боевой счет славных воинов-мстителей». Одним из ярких материалов стала статья о подвиге 10 снайперов, истребивших 1563 гитлеровца. В «Советском воине» и других газетах публиковались материалы под рубрикой «Из опыта наступательных боев», в которых глубоко освещались такие вопросы, как взаимодействие в бою, организация ночных атак, форсирование водных преград, борьба артиллерии с немецкими танками. Повсеместной стала рубрика: «Что ты сделал для победы над врагом?». С обстоятельным рассказом «Как я в один день уничтожил три «тигра» выступил во многих газетах гвардии лейтенант Г. Бассарабов.

Летом и осенью 1943 г. на советско-германском фронте особое значение приобрел рубеж р. Днепр. Здесь после поражения на Курской дуге немцы рассчитывали перейти к стратегической обороне. Войска пяти советских фронтов — Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного — по плану советского Верховного главнокомандования должны были сорвать эти планы и освободить Правобережную Украину. Напряженную деятельность по подготовке войск к форсированию Днепра наряду с командирами, политработниками развернула и военная печать. Высоким морально-боевым порывом пронизаны шапки газетных полос фронтовых газет тех дней: «Дрогнула вражья свора тупая — гони ее дальше, вперед наступая!», «Пусть громче звучит артиллерийская музыка!», «Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый», «Не дай немцу уйти от удара, пусть ляжет костьми на земле нашей!», «Больше истребишь немцев до Днепра, легче будет бить их за Днепром», «Не давай немцу опомниться!», «Утопим немца в Днепре!», «Страна родная, победе радуйся опять», «Языком Волги и Дона заговорил могучий Днепр», «Вперед, богатыри, вперед!», «Порыв не терпит перерыва».

На страницах военных газет «Красноармейская правда», «Уничтожим врага», «За победу», «Во славу Родины», «Отвага», «Знамя Родины», «За честь Родины», «Крылья победы», «В решающий бой», «Советский патриот» и других разъяснялись цели и задачи наступления, публиковались многочисленные учебные и агитационные материалы, пропагандировался «Боевой устав пехоты», описывались умелые действия солдат и офицеров. Появились в них и такие полезные материалы, как «Преодоление водных рубежей вплавь», «Как преодолевать водный рубеж на подручных средствах», «Что должен знать боец при форсировании водной преграды», и другие. Воодушевленные благородными целями войны, в боях за освобождение Украины при форсировании Днепра наши бойцы и командиры проявили массовый героизм. 2569 отважным воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Одним из важных направлений деятельности военной печати по второй период войны стал показ жизни страны за линией фронта. Третий год личный состав находился в отрыве от родных мест. Сотрудники редакций учли, что в боевой обстановке у бойцов с особой остротой проявится любовь к своим городам и селам, как и то, что ряд районов страны два с лишним года находился под ярмом гитлеровской оккупации. «О них — наших братьях и сестрах, испытавших ужасы фашистской неволи, день и ночь думает каждый воин», — писала газета «Советский воин»[74].

В этот период военные газеты активно работали и над такой важной темой, как показ зверств и насилия над мирным населением оккупированных районов и советскими военнопленными, чинимых немецко-фашистскими захватчиками. В постановлении ЦК ВКП(б) от 13 августа 1942 г. «О работе на фронте специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС» особо подчеркивалось: «Обязать все редакции военных газет и военных корреспондентов обратить самое серьезное внимание на собирание и опубликование материалов о зверствах и грабежах

врагов на оккупированной ими территории». Эти указания военной печатью неукоснительно выполнялись. В газетах публиковались письма и дневники немецких военнослужащих, приказы и директивы, инструкции и другие документы германского командования, в которых раскрывалась генеральная линия нацистов на ограбление и истребление нашего народа.

В освобожденных населенных пунктах бойцы и командиры своими глазами видели результаты того «нового порядка», который пытался установить фашизм на нашей земле. Так, около г. Лозовая захватчики создали концентрационный лагерь. Они загнали в холодные бараки более 7 тыс. местных жителей и пленных красноармейцев. От пыток, холода и голода ежедневно погибали 50–100 человек[75]. Печать показывала зверства оккупантов на захваченных территориях, публиковала свидетельства очевидцев массовых расстрелов и издевательств гитлеровцев над мирным населением, письма воинов.

Сильное воздействие оказывали на воинов сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным, государственным организациям и учреждениям СССР. Газета Юго-Западного фронта «Советский воин» опубликовала сообщение о зверствах немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Материалы заняли несколько страниц. Это был документ, подтверждающий на фактах чудовищные злодеяния гитлеровцев. После его публикации в газету пришли сотни писем, в которых бойцы и командиры клялись «отомстить немецким извергам за все их злодеяния».

Многие материалы фронтовых газет о зверствах фашистов в отношении мирного населения действовали на бойцов как приказ, поднимая их в едином порыве на бой с захватчиками. Подтверждением этому могут служить статьи, опубликованные в газете «Вперед на врага», из освобожденных от фашистов населенных пунктов, рассказывающие о зверствах гитлеровцев, воспитывающие у бойцов святую ненависть. Другие газеты также активно вели счет преступлениям гитлеровцев, публикуя ноты Наркоминдела СССР, сообщения Чрезвычайной государственной комиссии, письма советских граждан, которые были свидетелями злодеяний, творимых гитлеровцами. Это были убедительные документы, разоблачающие фашизм перед всем человечеством.

Военная печать рассказывала о страданиях и муках узников Освенцима, Майданека, Бухенвальда. Газета «Красная армия» в передовой статье «Комбинат смерти» с большой скорбью и гневом поведала о гибели в Майданеке стариков, женщин и детей: «Кровь 1 500 000 убитых в Майданеке взывает о мщении! Суровая рука возмездия настигнет и покарает всех до единого гитлеровских убийц. Кровавый палач Европы — гитлеровская Германия — ответит за все свои преступления»[76]. Газета назвала советского воина главным судьей, который должен «занести карающий меч над логовом фашистского зверя».

Большое место в военной печати занимала тема интернационального воспитания личного состава. Газеты показывали великую освободительную роль Вооруженных сил Советского Союза, подчеркивая, что мир может наступить только с полным уничтожением фашизма. Особое внимание надо было уделять идейно-политическому воспитанию тех, кто призывался в Красную армию из освобожденных районов и испытал на себе влияние фашистской пропаганды. Характер агитационно-массовой работы среди молодого пополнения и деятельности военных газет был определен директивой ГлавПУ РККА от 22 марта 1944 г., которая требовала от должностных лиц организовать с призываемым пополнением изучение Конституции СССР, решений партии и правительства, военной присяги и требований уставов.

Большое воспитательное значение имело освещение в печати опыта боевых действий интернациональных формирований. Так, в составе 25-й гвардейской стрелковой дивизии доблестно сражался 1-й отдельный чехословацкий батальон, которым командовал полковника Людвик Свобода. М. И. Калинин, вручая Л. Свободе в Кремле орден Ленина, сказал: «Дело не в том, сколько вас было. Важно то, что вы, чехи и словаки, остались с нами в столь тяжелое для нас время... Вы верили нашему народу, нашей армии, правительству, вы верили в окончательную победу нашего общего справедливого дела... Именно это ценит наше правительство, наш народ!»[77]

Фронтовой корреспондент «Красной звезды» В. С. Гроссман в Германии

Новые цели были поставлены пропагандистскому аппарату страны и военной печати летом 1944 г. В ходе третьего периода войны перед нашими войсками встала задача полного освобождения советской земли от оккупации, освобождения народов стран Европы от фашистской тирании и разгрома врага на его территории. Очень важно было донести до сознания наших воинов цели освободительной миссии Красной армии, необходимость гуманного отношения к гражданскому населению Германии и ее союзников. При этом братская помощь народам Европы рассматривалась как замечательная традиция, основы которой закладывали наши старшие поколения.

В этой связи пропагандистским аппаратом страны и военной прессой большое внимание уделялось обоснованию исторических связей русского народа с народами государств Восточной Европы. Фронтовая газета «Советский воин» в этот период под рубрикой «Русские на Балканах» опубликовала 10 очерков. Во всех материалах настойчиво проводилась мысль, что советские воины должны быть достойными наследниками и продолжателями традиций наших славных предков. Для воспитания воинов в духе интернационализма пропагандистскими органами и военной печатью использовались реальные факты боевого содружества Красной армии с польскими, чехословацкими, югославскими войсками, патриотами Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии. Такие материалы публиковались в газетах фронтов «За честь Родины» и «Сталинское знамя». В очерках «Благородный подвиг жителей Здруй», «Большая дорога», «Братство», «На чехословацкой земле», «Подвиг жителей села Съевиж»,

«Польские встречи» военная печать рассказывала о том, как трудящиеся Польши, Чехословакии и Югославии помогают нашей армии громить захватчиков.

В ходе боевых действий неуклонно росло и пропагандистское мастерство представителей военной прессы. Фронтовая печать вела пропаганду среди советских воинов и народов стран, освобождаемых Красной армией, всегда с учетом конкретно-специфических условий того или иного государства. Так, в период нахождения советских войск на территории Румынии и Венгрии фронтовая газета «Суворовский натиск» старалась донести до каждого советского воина, что нельзя ставить знак тождества между реакционными правящими кругами стран, объявивших войну СССР, и трудящимися массами, которых силой заставили воевать. Только за апрель — май 1944 г. газетой было опубликовано более 20 статей, разъясняющих цели вступления советских войск в Румынию. Вопросы интернационального воспитания наших воинов находили яркое отражение в материалах большинства фронтовых газет.

В деятельности военной печати на завершающем этапе войны особое место занимала работа по разъяснению норм поведения советских войск на территории фашистской Германии. Подчеркивалась необходимость различать грань «между гитлеровской кликой и немецким народом». Например, газета «Красная армия» с января по июнь 1945 г. помещала в среднем два-три материала в месяц, посвященных этой теме. Во фронтовых газетах шел широкий показ антифашистской борьбы европейских народов, их участия в совместных боевых действиях с советскими войсками против гитлеровской тирании. Это стало важным фактором в деле воспитания советских воинов в духе интернационализма.

Пропагандируя боевой опыт, газеты старались предоставлять слово воинам разных национальностей. Их материалы помещались под рубриками «Рассказы бывалых воинов», «Наши герои». В печати широко освещались факты братской дружбы и взаимовыручки воинов разных национальностей, проявления мужества, смелости, отваги и презрения к смерти. В военной печати из номера в номер подчеркивалось, что все защитники Родины, какой бы национальности они ни были, являются сыновьями Советской Отчизны, братьями по духу, по классу, патриотами и интернационалистами, объединенными одной целью — остановить врага, разгромить его и освободить свой народ, и народы, порабощенные фашизмом.

Важным моментом реформирования военной печати в этот период войны стало издание газет на языках народов СССР. Бывало, что на одном фронте издавалось до шести таких газет (в зависимости от того, каков был национальный состав войск). Тираж таких газет определялся из расчета одна газета на пять бойцов. Так, фронтовые газеты помимо основного тиража на русском языке перепечатывались на белорусском, латышском, молдавском, узбекском, украинском и других языках. В целом же в 1945 г. по всем фронтам выпускалось 64 газеты на языках народов СССР[78].

Партийно-пропагандистский аппарат уделял серьезное внимание и выпуску газет для населения европейских стран и войск противника, которые разъясняли грабительский, человеконенавистнический характер войны, которую вела фашистская Германия.

Конкретные указания для деятельности редакций по идейному воспитанию личного состава на завершающем этапе войны содержались в постановлениях ЦК ВКП(б), принятых в 1944–1945 гг.: «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения», «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации», «Об организации научно-просветительной пропаганды», «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации».

Очень важным для редакций средств массовой информации было продолжать начатую в 1943 г. работу по превращению военных газет в центры политического и воинского воспитания личного состава. Видное место в газетах занимали материалы о лучших бойцах идеологического фронта. Благодаря печати о наиболее подготовленных и умелых агитаторах и пропагандистах знали на всех фронтах. Например, газета «Разгромим врага» 50-й армии помогла участнику двух войн с немецкими захватчиками пулеметчику старшему сержанту Е. Щедрому овладеть прочными навыками агитационно-пропагандистской работы. Затем были опубликованы его материалы на темы: «Как я провожу беседы», «Беседа, возникшая

из обыкновенного разговора», «Работа с письмом», «Разговор по душам», «Работа с газетой и книгой», «Наглядная агитация», «Агитация в бою», «Работать с каждым бойцом», «Работа над собой». Эти материалы были перепечатаны армейскими и фронтовыми газетами «На штурм», «Боевое знамя», «Вперед за Родину», «Знамя свободы», «Вперед к победе», «Фронтовая правда». «Красная звезда» посвятила Е. Щедрому передовую статью, а Главное политуправление издало специальную брошюру. Сам Е. Щедрый вел переписку с агитаторами ряда армий и фронтов. Многие газеты на своих страницах организовали обсуждение его опыта.

Главное политическое управление Красной армии постоянно держало вопросы идеологической работы военной прессы в поле зрения, не только своевременно и жестко вскрывая недостатки, но и помогая их устранять. Так, в 1944 г. ГлавПУ проверило состояние и результаты проведения партийно-политической работы во 2-м Украинском фронте. В результате были вскрыты серьезные упущения, в том числе и в деятельности редакций. Они заключались в том, что некоторые газеты фронта не учитывали новой обстановки, слабо показывали политико-воспитательную работу среди личного состава, не реагировали на факты неправильного отношения отдельных воинов к местному населению. Отмечалось и слабое руководство печатью со стороны политорганов. В итоговом приказе отмечалось, что политуправление фронта, политотделы армий и соединений слабо руководят печатью. В результате принятых мер агитационно-пропагандистская деятельность фронтовой печати приобрела более конкретный характер, что было очень важно в связи с вступлением наших войск на территорию Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Германии.

В третьем периоде войны еще большее значение приобрели и материалы о жизни нашей страны. Интерес воинов к жизни родных городов и сел неизмеримо возрос. Сообщения о событиях на Родине газеты сопровождали призывом тружеников тыла к воинам действующей армии усилить удары по врагу. Здесь же печатались ответные выступления бойцов, в которых воины клялись до конца выполнить свой священный долг перед Отечеством и вернуться домой с победой. Многие редакции публиковали материалы под рубриками «На земле, которую ты освободил», «В освобожденных тобой, воин, городах и селах восстанавливается жизнь». На страницах фронтовых газет печатались сообщения ТАСС, письма из освобожденных городов и сел, письма родных к воинам, отчеты о поездках фронтовиков в родные места.

Также злободневной задачей, решаемой военной печатью, была борьба за укрепление дисциплины и совершенствование боевого мастерства воинов. Актуальность этой задачи объяснялась тем, что часть командиров и политработников, поддавшись победному настроению, ослабила свое внимание к вопросам боевой готовности войск. Предметом постоянного внимания военной прессы были материалы под рубриками «Учиться у гвардейцев», «Бейте врага по-гвардейски». Многие газеты завели постоянные разделы «Трибуна сержанта», «Школа гвардии рядового», «Школа отличного пулеметчика». Всё это увеличило приток писем в редакции. Газета «Боевое знамя», например, получала десятки писем в день.

В последний день войны подавляющее большинство военных изданий вышло со снимком, на котором был запечатлен исторический момент водружения Красного Знамени над Рейхстагом. История эту фотографию по праву назвала «Автографом Победы».

Само содержание газет и журналов военного периода, формы подачи материалов на их страницах, публицистические приемы сегодня являются школой бесценного профессионального опыта для многих представителей современной военной прессы. Военная печать использовала всё многообразие жанров, и каждый из них имел свою особенность, свои характерные черты. Передовые статьи, например, в годы войны стали более публицистичными, приобрели боевой и агитационный характер, напрямую обращались к бойцам и командирам. Их размер составлял всего 60–70 строк. Центральное место в военной прессе занимали заметки и корреспонденции. Корреспонденции отличались особой актуальностью тем, простотой языка и стиля, краткостью. Некоторые из них, напечатанные в газете одного фронта, становились достоянием личного состава всех фронтов. Например, газета «Фронтовая правда» опубликовала такую корреспонденцию: «Ефрейтор Силкин, несмотря на ранение, остался в строю. Когда его спросили, почему он не идет в перевязочный пункт, он сказал: «Некогда. Спешу в Берлин»[79]. Под таким названием этот материал был перепечатан другими изданиями.

С ВЕЛИКОЙ ПОБЕДОЙ, ТОВАРИЩИ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 107 (6127) | Среда, 9 мая 1945 г. | ЦЕНА 20 КОП.

Да здравствует великий советский народ, народ-победитель!

И. СТАЛИН.

Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил

Акт о военной капитуляции

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 часа по центрально-европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпу-

и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем

От имени Германского Верховного Командования:
Кейтель, Фридебург, Штумпф

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршала Советского Союза
Г. ЖУКОВА

По уполномочию Верховного Командующего экспедиционными силами союзников Главного Маршала Авиации
ТЕДДЕРА

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими воздушными силами США генерал
СПААТС

Главнокомандующий Французской армией генерал
ДЕЛАТР де ТАССИНЬИ

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
Об об'явлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днём всенародного торжества—ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днём.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 8 мая 1945 года.

В Совнаркоме СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об об'явлении 9 Мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ Совнарком СССР постановил считать 9 Мая 1945 года нерабочим днем.

Совет Народных Комиссаров СССР предложил всем советским государственным учреждениям 9 мая с. г. в день всенародного торжества — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ поднять на своих зданиях Государственный Флаг Союза Советских Социалистических Республик.

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего

Командующему войсками 4-го Украинского фронта
Генералу армии ЕРЕМЕНКО
Начальнику штаба фронта ***Генерал-полковнику САНДАЛОВУ***

Войска 4-го УКРАИНСКОГО фронта, продолжая наступление, после ожесточённых боёв, сегодня, 8 мая, овладели городом и крупным железнодорожным узлом ОЛОМОУЦ — важным опорным пунктом обороны немцев на реке МОРАВА.

В боях за овладение городом ОЛОМОУЦ отличились войска генерал-полковника КУРОЧКИНА, генерал-полковника МОСКАЛЕНКО, генерал-полковника ГРЕЧКО, генерал-лейтенанта ГАСТИЛОВИЧА, генерал-майора ГОНЧАРОВА, генерал-лейтенанта ВОРОБЬЕВА, генерал-лейтенанта БАТЮНЯ, генерал-майора БРИЛЕВА, генерал-лейтенанта ГОРДЕЕВА, ген., полковника МИТОЯНА, полковника КАВЕРИНА, подполковника ЕВМЕНОВА, полковника ЧЕРНОГО, полковника ВАСИЛЬЕВА, полковника ТАМИЛОВСКОГО, полковника МАТУСЕВИЧА, генерал-майора ПАРХОМЕНКО, полковника ТЕТЕНКО, генерал-майора ПРОХОРОВА, полковника УГРЮМОВА, полковника ВАСИЛЬЕВА, бригадного генерала ШПАНЕЛ, полковника СЕЛЬНЕР, полковника МАРКУСА, генерал-майора ФАДЕЕВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии КАРИОФИЛЛИ, генерал-лейтенанта артиллерии ВАСИЛЬЕВА, генерал-майора артиллерии КАБАТЧИКОВА, полковника СМИРНОВА, полковника ДАВЫДОВА, генерал-майора артиллерии ИВАНОВА, полковника РОССЕЛЬ, полковника ДЖИНЧАРАДЗЕ, генерал-майора артиллерии КОФАНОВА; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск РЕМИЗОВА, полковника КОВАЛЕВА, пдом ОЛОМОУЦ, МОВА, подпо награждению орденами. ГАЕВА

Сегодня, 8 мая, в 20 часов столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 4-го УКРАИНСКОГО фронта, овладевшим городом ОЛОМОУЦ,— двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБ'ЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение ОЛОМОУЦ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

8 мая 1945 года. № 365.

Исторический день, День Победы!

Газета «Комсомольская правда» от 9 мая 1945 г.

На страницах военных газет широко использовался жанр репортажа. Диктовалось это особенностями работы журналистов. Корреспонденты фронтовой печати вступали в города вместе с бойцами. Они были очевидцами и участниками боев, что и давало им возможность писать яркие репортажи. Редакции многих газет имели очень хорошо налаженные связи с военкорами, а офицеры редакций бывали в боевых порядках ежедневно. Всё это позволяло оперативно публиковать самые злободневные материалы.

В общей палитре информационных и публицистических материалов, освещающих военное положение страны и боевые действия вооруженных сил, большую роль сыграли военные корреспонденты. Уже в первый период войны они смогли приобрести значительный профессионально-пропагандистский опыт, который в последующие годы только умножался. Корреспонденты всем своим поведением на фронте показывали образцы дисциплины, смелости и неутомимости в работе, стойко и мужественно переносили все трудности и лишения фронтовой жизни. Известный фронтовой журналист писатель С. М. Борзунов отмечал: «Удивительная судьба военного журналиста! Сколько нового, значительного видишь и познаешь каждый день! Сколько хороших людей встречаешь на жестоком фронтовом пути, что собственные переживания, собственная жизнь вроде бы и не в счет... Каждый новый очерк — это чья-то жизнь, которая стала частью твоей жизни. Это чья-то судьба, чьи-то поступки и подвиги. И всё это надо пропустить через собственное сознание, через свое сердце»[80]. Обстановка военного времени заставляла фронтовых журналистов искать в своем творческом арсенале наиболее доходчивые и емкие жанры, оттачивать литературный язык, добиваться того, чтобы слово газеты затрагивало самые сокровенные чувства читателя, вызывало у него активный патриотический отклик, укрепляло уверенность в победе над врагом.

Содержание работы военной печати в годы войны определялось идеями защиты Отечества, решениями государственных и партийных органов по вопросам мобилизации сил всего советского народа на разгром врага. В результате военная печать превратилась в важнейший центр политической работы в войсках. Великая Отечественная война для всей системы партийной советской и военной печати стала огромной школой. В условиях военного времени фронтовая печать показала себя по-настоящему коллективным пропагандистом и агитатором, организатором солдатских масс. Значение фронтовых, армейских газет, солдатских и матросских многотиражек в мобилизации воинов на достижение победы над врагом сегодня трудно переоценить. Они воспитывали воинов в духе горячей любви к Родине, ненависти к врагу, интернационализма. Газеты раскрывали справедливые цели войны, славные боевые традиции нашего народа и его вооруженных сил, боевой опыт и практику партийно-пропагандистской и политической работы. Пропаганду героических подвигов фронтовая печать превратила в действенное средство воспитания у всего советского народа и воинов действующей армии высоких морально-политических, психологических, боевых и нравственных качеств. Героико-патриотическому воспитанию личного состава служили материалы о героическом труде советских людей в тылу, восстановлении народного хозяйства в районах, разоренных и разграбленных немецко-фашистскими захватчиками. Видное место на страницах газет занимала патриотическая переписка тружеников тыла с фронтовиками.

В годы суровых военных испытаний фронтовые журналисты не только призывали личный состав к героическим действиям, но и сами показывали образцы мужества, отваги. Сотни корреспондентов награждены орденами. Х. Б. Андрухаев, С. А. Борзенко, М. Джалиль, И. З. Зверев, Р. Г. Иванов, Д. С. Калинин, Ц. Л. Куников, П. Д. Назаренко, В. С. Омельянюк, С. К. Остапенко, Я. И. Чапичев и другие военные журналисты удостоены звания Героя Советского Союза. Их мужество служит примером для журналистов, работающих ныне в военной печати.

Государственными наградами был отмечен и ряд военных газет. За большую и плодотворную работу по воспитанию военных кадров газета «Красная звезда» была награждена орденом Красного Знамени, а «Сталинский сокол» — орденом Красной Звезды. Ордена Красного Знамени удостоена и старейшая военная газета «Красная армия».

Заслуги военной печати в годы войны несомненны, и ее опыт представляет большой интерес в теоретическом и практическом плане. Самое важное в нем — высокая идейность, народность, политическая острота, героико-патриотическое звучание.

Сохранение памяти о героической истории

Сохранение памяти о важнейших событиях военной истории является одной из традиций, присущих многим народам мира, начиная с древних веков. Не является исключением в этом отношении и наша страна. Особым почитанием в России испокон веков пользовались воины, отдавшие свои жизни в борьбе за свободу и независимость своей Родины. В их честь и в ознаменование славных военных побед создавались памятники и монументы, в храмах и музеях на самых почетных местах размещались исторические раритеты, свидетельствовавшие о подвигах защитников Отечества. Достаточно вспомнить храм Христа Спасителя в Москве, возведенный в 1883 г. по проекту архитектора К. Тона в честь победы над Наполеоном; Александрийскую колонну на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, созданную в 1834 г. О. Монферраном; монументы, воздвигнутые в 1830–1840-е гг. по указу императора Николая I на местах сражений Отечественной войны 1812 г. в Малоярославце, Смоленске, Бородино, Ковно, Красном, Полоцке, Клястицах, и многие другие подобные сооружения.

Не были исключением в этом отношении и годы Великой Отечественной войны. Память о событиях 1941–1945 гг. сохраняется в многочисленных музейных экспозициях, памятниках и мемориалах. Сбором исторических материалов и реликвий ведущие военно-исторические музеи Советского Союза, и в первую очередь Центральный музей Красной армии (ныне — Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации), начали заниматься еще в ходе войны. Экспедиционные группы работников военных музеев регулярно выезжали в действующую армию для сбора материалов и организации фронтовых выставок с последующей их передачей музеям. Работа в войсках по сбору материалов была довольно сложной, сотрудникам военных музеев приходилось преодолевать множество бюрократических барьеров, а порой она была сопряжена и с риском для жизни.

Однако, несмотря ни на что, за годы войны только Центральным музеем Красной армии из различных источников было получено почти 99 тыс. музейных предметов, составивших основу его коллекции, многие из которых являются историческими раритетами[81]. Среди них редкие фронтовые фотографии, портреты Героев Советского Союза, их дневники, документы, личные вещи, оружие и награды отличившихся воинов, в том числе генералов Л. М. Доватора, И. В. Панфилова, И. Д. Черняховского, Н. Ф. Ватутина, погибших в годы войны, и многое другое. В военный период фонды музея пополнились и уникальными трофейными поступлениями. 22 июня 1945 г. в музей был передан штурмовой флаг 150-й стрелковой ордена Кутузова 2-й степени Идрицко-Берлинской дивизии, вошедший в историю как Знамя Победы. Значительно пополнились в годы войны коллекции Артиллерийского исторического музея (ныне — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), Центрального военно-морского музея, Центрального музея пограничных войск НКВД и других существовавших в то время военно-исторических музеев.

Уже в годы войны начали создаваться новые музеи. Так, 12 ноября 1942 г. начальник Главного военно-санитарного управления Е. И. Смирнов подписал приказ о создании Музея военно-медицинской службы Красной армии, первая экспозиция которого открылась 26 апреля 1943 г. 30 сентября 1943 г., когда значительная часть Белоруссии еще была оккупирована врагом, а вся республика лежала в руинах, решением Бюро ЦК КП(б) Белоруссии был основан Белорусский Государственный музей истории Великой Отечественной войны, открытый 7 ноября 1944 г. В 1943 г. был основан музей «Молодая гвардия» в Краснодоне. Некоторые музеи создавались по инициативе и силами солдат и офицеров Красной армии. К примеру, в г. Лодейное Поле в 1944 г. был создан музей «Свирская победа». Некоторые места исторических битв Великой Отечественной были объявлены заповедными, среди них командный пункт генерала армии Н. Ф. Ватутина на правом берегу Днепра у Киева, огромное поле Корсунь-Шевченковского сражения и другие.

В декабре 1943 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление об организации выставки «Героическая оборона Ленинграда», которая была торжественно открыта

30 апреля 1944 г. А 5 октября 1945 г. выставка была преобразована в музей республиканского значения, официальное открытие которого состоялось 27 января 1946 г. (ныне — Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда)[82].

Необходимо отметить, что в послевоенное время было открыто значительное количество музеев, посвященных важнейшим событиям Великой Отечественной войны. Это, к примеру, Государственный музей обороны Москвы, Музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгограде, Музей героической обороны и освобождения Севастополя, Музей обороны Приэльбрусья в Кабардино-Балкарии, Военно-исторический музей Курской битвы в Курске, музей «Дорога жизни» в поселке Осиновец Всеволожского района Ленинградской области, Музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» в Белгороде, музей «Берлин — Карлсхорст» в Германии, Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Киеве и много других больших и малых музеев. Были созданы музеи, посвященные конкретным героям и подвигам, такие, например, как Мемориальный музей З. А. Космодемьянской в деревне Петрищево Рузского района Московской области, Музей героев-панфиловцев в деревне Нелидово Волоколамского района Московской области, Государственный музей Г. К. Жукова в г. Жуков Калужской области, и другие. Создавались также музеи, посвященные каким-либо определенным образцам вооружения: к примеру, музей «Подводная лодка «Народоволец» в Санкт-Петербурге или музейный комплекс «История танка Т-34» в Подмосковье.

На основе собранных в 1941—1945 гг. материалов были развернуты разделы экспозиции, посвященные истории Великой Отечественной войны в Центральном музее Красной армии, Артиллерийском историческом музее и Центральном военно-морском музее. В послевоенные годы коллекции этих музеев пополнились и продолжают пополняться ценнейшими историческими реликвиями, связанными с историей Великой Отечественной войны. На 1 января 1960 г. коллекция Центрального музея Советской армии[83] составляла 300 281 музейный предмет, а на 1 января 1965 г. — уже 498 490[84]. Сегодня она насчитывает более 880 тыс. экспонатов. Это позволило существенно расширить экспозицию, посвященную этому периоду.

В 1955 г. министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков принял решение о строительстве нового здания для Центрального музея Советской армии. 8 мая 1965 г. новое здание музея, к тому времени ставшего Центральным музеем Вооруженных сил СССР, было торжественно открыто. Значительное количество экспозиционных площадей было отведено под материалы о Великой Отечественной войне. В самом большом, торжественном зале музея представлен, пожалуй, самый значимый экспонат — Знамя Победы.

В 1960-е гг., особенно в 20-ю годовщину празднования победы советского народа в Великой Отечественной войне, возросла посещаемость военных музеев. Так, если в 1948 г. Центральный музей Красной армии посетили 117 650 человек, то в 1966 г. — 1 млн 40 тыс. человек[85]. За 25 лет, с 1965 по 1990 г., музейные экспозиции осмотрели более 28 млн человек. В этот период за счет поступлений от активных участников Великой Отечественной войны, главных и центральных управлений Министерства обороны коллекция музея пополнилась уникальными поступлениями, в том числе наградами, личными вещами, оружием, документами, фотографиями выдающихся полководцев и флотоводцев Великой Отечественной: Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. С. Конева, Н. Г. Кузнецова, Р. Я. Малиновского, К. А. Мерецкова, К. К. Рокоссовского, Ф. И. Толбухина и многих других.

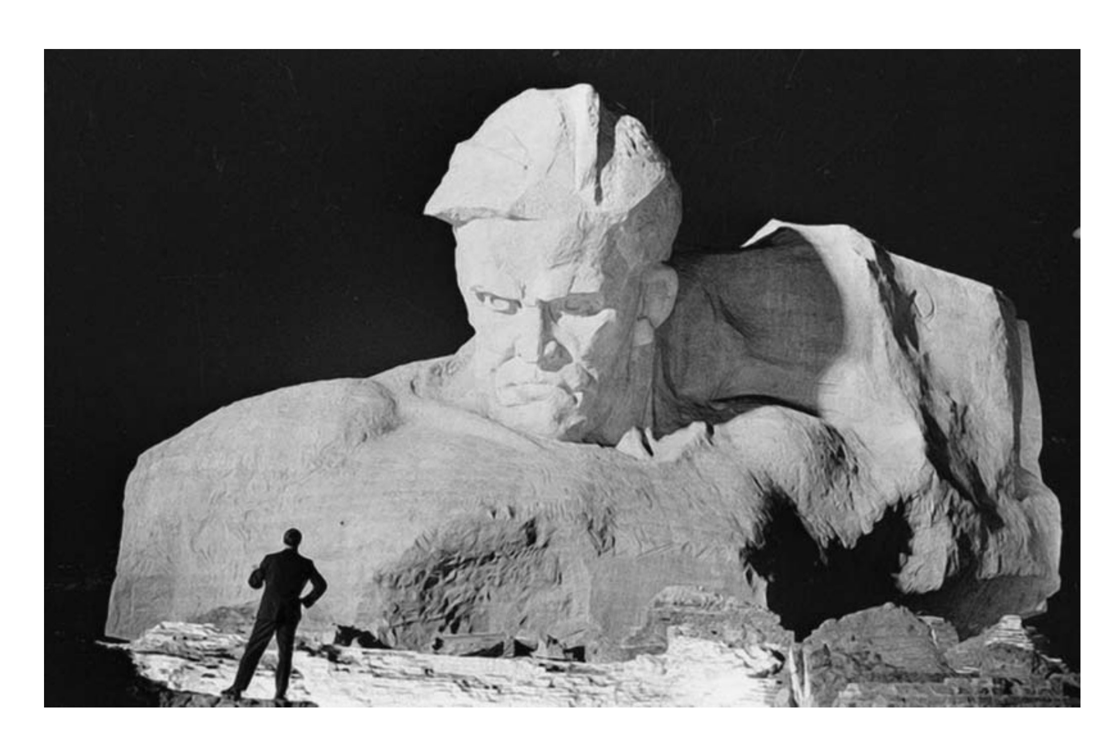
На сегодняшний день Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации располагает крупнейшей в стране коллекцией материальных свидетельств о событиях Великой Отечественной войны, включающей образцы военной техники и вооружения того периода, форму одежды и снаряжение, награды, картины, плакаты, документы, фотографии и многое другое. Уникальный знаменный фонд музея насчитывает более 28 тыс. боевых и шефских знамен. В настоящее время из 24 залов музея 10 посвящены событиям Великой Отечественной войны, их экспозиция постоянно обновляется, она востребована, посещаема.

Арка, воздвигнутая в Баку в честь Победы в Великой Отечественной войне

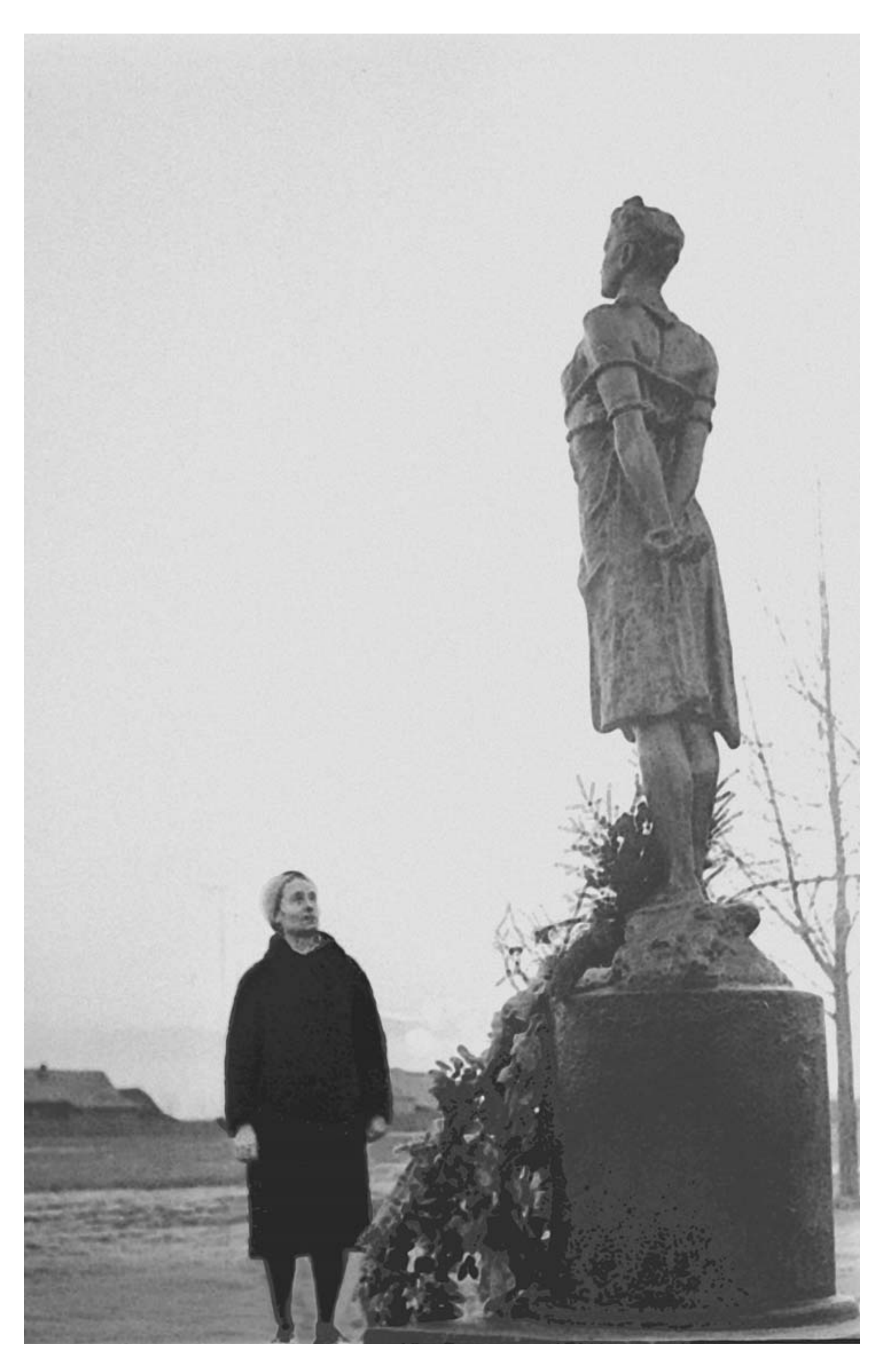
Памятник героям, павшим в боях за освобождение Керчи

Главный монумент мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»

Фрагмент партизанского мемориала «Прорыв» в Витебской области

Мать Зои Космодемьянской Л. Т. Космодемьянская у памятника дочери
в деревне Петрищево Московской области

Монумент, воздвигнутый на месте боев за освобождение Крыма

Значительная часть экспозиции посвящена Великой Отечественной войне и в филиалах Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации: в Центральном музее ВВС г. Монино Московской области, Музее войск ПВО в подмосковном поселке Заря, Музее истории ВДВ в Рязани и в Мемориальном кабинете-музее Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в здании Генерального штаба. Даже в Музее Ракетных войск стратегического назначения в подмосковном поселке Власиха есть раздел, посвященный событиям этой войны. Большое внимание этому периоду уделено в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и Центрального военно-морского музея.

Музеи играют важную роль в деле сохранения памяти о Великой Отечественной войне, они сберегают и изучают материальные свидетельства истории, дают возможность музейными средствами рассказать о важнейших событиях войны, героизме и мужестве советского народа на фронте и в тылу. Исторические исследования и новые поступления в музейные коллекции позволяют вносить необходимые уточнения и дополнения в экспозиционные комплексы, раскрывать новые темы, рассказывать о ранее неизвестных героях и подвигах.

Монументы и памятники, как и военно-исторические музеи, призваны сохранять память о важнейших событиях Великой Отечественной войны, о героях и подвигах, о воинах отдавших свои жизни, защищая Отечество. Однако они лишены возможности как-то изменяться, создаются раз и навсегда. Первые памятники, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны, начали появляться задолго до победы. В первые годы войны, когда решалась судьба страны, было не до возведения монументов, хотя уже тогда многие скульпторы и архитекторы думали о том, что рано или поздно вопрос об увековечении подвига советского народа будет поднят.

И такое время пришло. На местах былых сражений начали появляться памятные знаки. Увековечить память о прошедших сражениях стремились прежде всего сами воины. Так, 12 декабря 1943 г. воины 19-й танковой бригады установили в г. Калач танк Т-70 в память об окружении сталинградской группировки противника, который стал первым памятником защитникам Сталинграда[86]. По мере продвижения советских войск на запад появлялись все новые памятники и памятные знаки. В частности, как отмечал в своих воспоминаниях маршал инженерных войск А. И. Прошляков, в 1945 г. являвшийся начальником инженерных войск 1-го Белорусского фронта: «...увековечению памяти павшим в борьбе за нашу Родину на нашем фронте уделялось должное внимание. Я имею в виду нашу, инженерных войск, инициативу по строительству памятников в местах наиболее ожесточенных боев, проявления большего героизма или отваги в них всех участников того или иного рода войск. Под Понырями после Курской битвы нами были построены памятники артиллеристам как наиболее отличившимся при отражении атак основной танковой группировки немцев, рвущихся с севера к Курску. В дальнейшем нами были воздвигнуты памятники в Познани, Лодзи, Калише, Праге (предместье Варшавы), Кюстрине, Кольберге, Хелме, Томашуве, Вольштыне, Зеелове»[87].

Закладывались и возводились памятники в освобожденных городах. Так, 15 февраля 1944 г. был заложен памятник воинам-освободителям в Ростове-на-Дону, 7 июня того же года открыт памятник в Невеле. Было принято решение о создании памятников в Ленинграде, Сталинграде, ряде других городов.

Уже весной 1942 г. на пленуме правления Союза советских архитекторов разработка памятников героям Великой Отечественной войны была признана одним из приоритетных направлений работы. Эскизы и проекты будущих памятников разрабатывались, как правило, на конкурсной основе. Причем в конкурсах принимали участие как маститые художники, так и фронтовики, не имевшие специальной подготовки, но делившиеся своими идеями.

С начала 1943 г. вопрос о необходимости увековечения подвига советского народа в Великой Отечественной войне начал подниматься перед высшими руководителями Советского государства. Так, 18 февраля 1943 г. архитектор Б. М. Иофан — автор проекта Дворца Советов, который планировалось построить в Москве на месте разрушенного храма Христа Спасителя, обратился с письмом к И. В. Сталину и В. М. Молотову с предложением представить

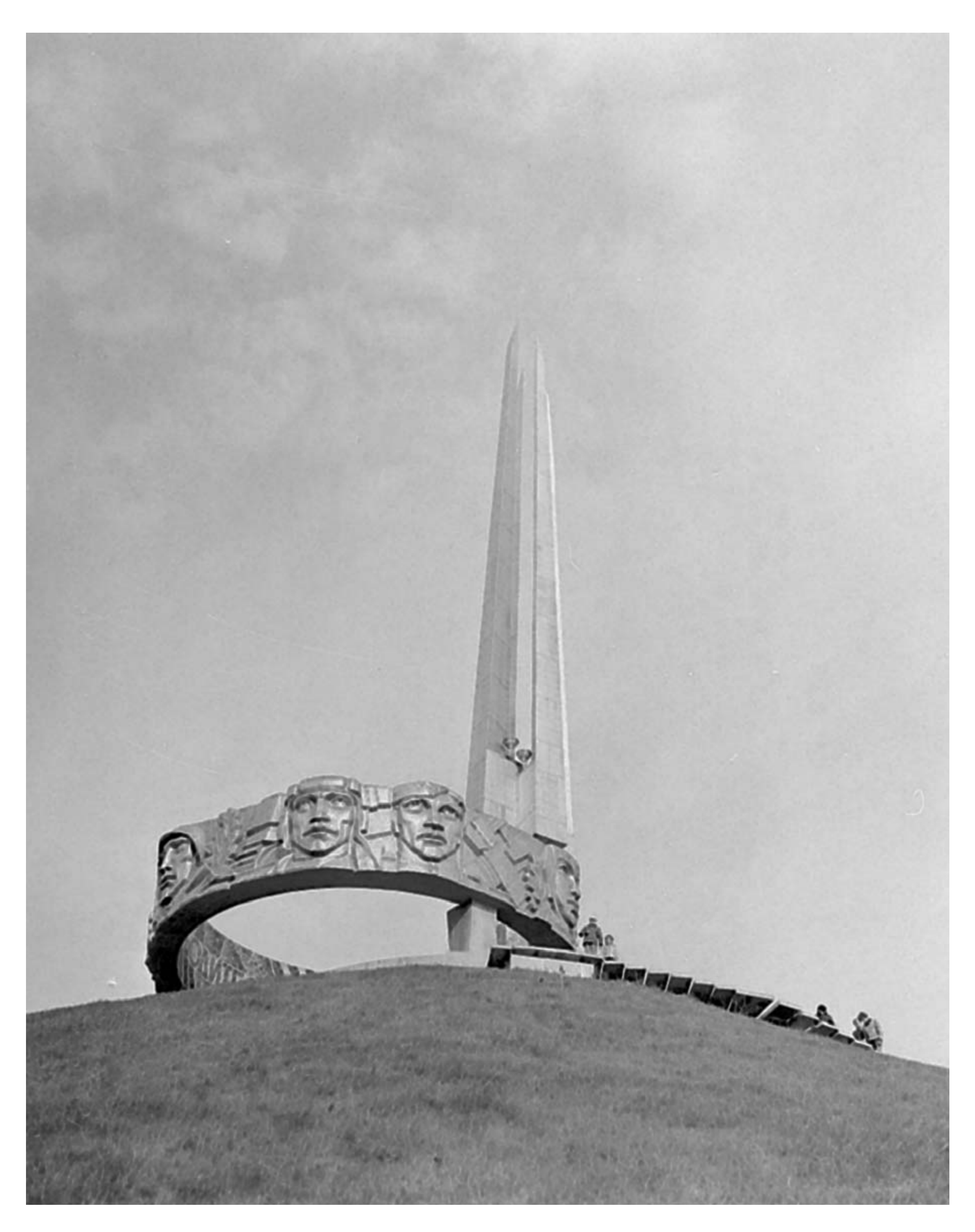
на рассмотрение новый вариант проекта с отображенной в нем темой борьбы «героической Красной армии и советского народа в дни Великой Отечественной войны»[88]. Это письмо стало первым известным публичным заявлением о разработанной идее памятника Победы советского народа в Великой Отечественной войне, хотя и не самостоятельного, а встроенного в проект Дворца Советов.

30 августа 1943 г. к И. В. Сталину с предложением создать при СНК СССР Комитет по делам увековечения героики Отечественной войны 1941–1945 гг. обратился лауреат Сталинской премии И. Я. Кошечкин. В своем письме к председателю Совета народных комиссаров СССР он отмечал: «Среди больших дел по защите государства от вероломно напавшего врага, мне кажется, нужно считать, что дни Отечественной войны войдут в далекое грядущее, на уроках которых будут учиться десятки поколений. Каждый день, а иногда и минута рождают героев, отваге которых позавидовали бы в старые и средние века. И каждый этот день нужно запечатлеть. Настало время для организации при Совнаркоме Союза ССР Комитета по делам увековечивания героики Отечественной войны. В комитет следует посадить людей, любящих свою отчизну, которые бы работали по-фронтовому и не упустили бы ничего. Нужно, чтобы их работа охватывала не только крупные города, но и колхозные поселки, боевые качества генерала и рядового солдата»[89]. Помимо других задач, комитет должен был решать вопросы создания в городах монументов и памятников, увековечивания городов-героев и «организации музеев Отечественной войны». Также с предложением создать правительственную комиссию по рассмотрению и утверждению памятников погибшим героям в конце 1943 г. обращался к И. В. Сталину начальник тыла Красной армии А. В. Хрулёв.

Необходимо отметить, что на имя руководителей страны в 1944–1945 гг. и в первые послевоенные годы приходило немало предложений, в том числе с конкретными проектами и эскизами, о создании в Москве и других городах памятников, которые должны были увековечить победу советского народа в Великой Отечественной войне. Были среди них и масштабные проекты, в том числе такие, которые предусматривали снос некоторых исторических зданий: например, здания Государственного исторического музея на Красной площади в Москве. К счастью, руководители государства не поддержали тогда подобные проекты.

В странах Европы, освобожденных Красной армией от нацизма, также началась активная работа по возведению памятников и монументов в честь погибших советских воинов. Маршал инженерных войск А. И. Прошляков вспоминал, что сразу после победы «приказано было срочно построить напротив разрушенного Рейхстага памятник погибшим при взятии Берлина воинам Красной армии... Москва срочно командировала в Берлин группу творческих работников — скульпторов и архитекторов — для создания памятников советским воинам, павшим в боях с фашизмом. В составе группы приехали молодые талантливые скульпторы Лев Ефимович Кербель и Владимир Ефимович Цигаль, которые выполнили основную творческую работу по созданию в Берлине памятника против разрушенного Рейхстага. Памятник был выполнен качественно и в установленный командованием Группы (ГСОВГ. — *Прим. ред.*) срок»[90].

На этом работа не закончилась. А. И. Прошляков отмечал, что было принято решение о строительстве «в Берлине двух памятников-кладбищ в Трептов-парке и Панкове. В конкурсе на проекты памятников участвовал ряд скульпторов и архитекторов. Командованием был принят по Трептов-парку проект скульптора Е. В. Вучетича и архитектора Я. Б. Белопольского, а по Панкову — коллектива инженеров 27-го управления оборонительного строительства». Работы по возведению памятников оказались весьма сложными, на них были использованы не только военные строители, но и специалисты из немецкого населения, а также предприятия Берлина. «Что собою представляют построенные нами памятники-кладбища нашим воинам, павшим в Берлине, — вспоминал А. И. Прошляков, — многие видели или в натуре, или в кино, или в наших журналах. Памятники получились весьма монументальными. Они вечно будут напоминать грядущим поколениям о героизме нашего народа, отдавшего столько жизней за разгром фашизма»[91].

Мемориальный комплекс «Курган Славы» под Минском

Вечный огонь у памятника саперам 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова на 114-м километре Волоколамского шоссе

Монумент «Родина-мать» на Пискарёвском мемориальном кладбище

В День Победы у Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду

Памятник боям на Курской дуге

Памятник советским воинам, погибшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Туле

Был сооружен памятник павшим советским воинам и в столице Австрии — Вене. На площади Шварценбергплац на высоком пьедестале была установлена фигура советского воина с автоматом на груди и знаменем в правой руке. Авторами проекта являлись скульптор М. А. Интизарьян и архитектор С. Г. Яковлев. Памятник был торжественно открыт уже 19 августа 1945 г. На церемонии его открытия присутствовали канцлер Австрии К. Реннер и бургомистр Вены генерал Т. Кернер, которому был вручен акт на сохранение сооружения памятника[92].

9 мая 1948 г. по инициативе жителей болгарского города Пловдив была сделана символическая кладка в основание памятника советским воинам-освободителям, который впоследствии получил наименование «Алёша». Также были возведены памятники советским воинам в Будапеште, Бухаресте, Варшаве, других столицах европейских государств, освобожденных советскими войсками.

Своеобразным толчком для решения вопроса о создании монументальных сооружений в честь победы советского народа в Великой Отечественной войне на территории Советского Союза послужило письмо министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, с которым он обратился 14 июня 1955 г. в ЦК КПСС:

«За десять лет, прошедших после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., у нас в стране не создано ни одного значительного памятника, который отобразил бы великие подвиги советского народа и его армии, совершенные в борьбе с фашизмом за свободу и независимость нашей Родины, достойным образом увековечил бы память погибших советских воинов и служил символом воспитания народа, особенно молодежи, на славных боевых традициях Советских Вооруженных сил.

Места выдающихся сражений минувшей войны, которые свято почитаются советскими людьми и часто посещаются многочисленными экскурсиями и иностранными делегациями, также соответствующим образом не обозначены выразительными памятниками или монументами.

Между тем такая работа в странах народной демократии и Китайской Народной Республике уже проведена. В этих странах сооружены монументальные памятники погибшим советским воинам и привлечено большое внимание общественности к вопросам воспитания широких масс трудящихся в духе уважения к Советской армии освободительнице и ее доблестным воинам.

В целях увековечения побед советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне считал бы необходимым:

1. В ознаменование разгрома фашистских агрессоров под Москвой и всемирно-исторической победы советского народа и его армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. соорудить величественный памятник-монумент в г. Москве или в Подмосковье на месте исторического сражения.

2. В память подвига воинов Советской армии и флота в боях на подступах к городам, снискавшим в народе бессмертную славу городов-героев, соорудить:

а) памятник-монумент в г. Ленинграде в ознаменование героической обороны города и прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г.;

б) памятник-монумент в г. Сталинграде в ознаменование исторической Сталинградской битвы и разгрома гитлеровцев под Сталинградом, положившего начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны;

в) памятник-монумент в городе русской морской славы Севастополе в ознаменование 250-дневной легендарной обороны Севастополя в 1941–1942 гг. и наступательных боев по освобождению города в 1944 г.;

г) памятник-монумент в г. Одессе в ознаменование 69-дневной героической обороны города-героя в 1941 г. и разгрома фашистских оккупантов под Одессой.

3. Поручить Министерству культуры СССР и Министерству обороны СССР провести конкурсы на лучшие проекты памятников, рассмотреть представленные и подготовить предложения о конкретных местах сооружения памятников.

Сооружение памятников-монументов в городах-героях целесообразно осуществить в комплексе с благоустройством братских кладбищ. Для памятника в Сталинграде мог бы быть взят за основу проект памятника, предложенный группой художников во главе со скульптором Е. В. Вучетичем...»[93].

Обращение маршала нашло понимание и поддержку. Были объявлены творческие конкурсы, и со временем на местах кровопролитных сражений начали появляться величественные монументы, многие из которых стали своеобразными символами городов, в которых они установлены, символами Победы.

В 1956–1960 гг. в Ленинграде в районе Пискарёвки, где в годы войны производились массовые захоронения жертв блокады, на площади в 26 га был создан мемориальный комплекс, включающий архитектурно-художественную композицию и свыше сотни озелененных холмов, отмечающих участки массовых захоронений. Авторы ансамбля — архитекторы А. В. Васильев и Е. А. Левинсон, скульпторы В. В. Исаева, Р. К. Таурит, М. А. Вейнман и другие.

23 февраля 1958 г. была произведена торжественная закладка памятника Победы в Москве на Поклонной горе. Был объявлен конкурс на лучший проект памятника, однако работы по его созданию затянулись на долгие годы. 3 декабря 1966 г. в Москве в Александровском саду у Кремлевской стены был захоронен прах неизвестного советского воина, павшего в 1941 г. в боях под Москвой и похороненного в братской могиле на 42-м км Ленинградского шоссе. В 1967 г. на месте нового захоронения был открыт памятник и зажжен Вечный огонь, доставленный из Ленинграда с Марсова поля. Справа от захоронения — гранитная аллея с массивными блоками из темно-красного порфира, в которых помещены капсулы с землей городов-героев Ленинграда, Киева, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Минска, Керчи, Новороссийска, Тулы, Мурманска, Смоленска и крепости-героя Бреста. Авторами памятника являются скульптор Н. В. Томский, архитекторы Д. И. Бурдин, В. А. Климов, Ю. Р. Рабаев.

В мае 1959 г. было начато строительство грандиозного 87-метрового монумента «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане в Сталинграде, переименованном в 1961 г. в Волгоград. Строительство монумента работы скульптора Е. В. Вучетича и инженера Н. В. Никитина было завершено 15 октября 1967 г., на тот момент скульптура являлась самым высоким в мире изваянием. Она стала композиционным центром памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы».

В 1960 г. памятник Неизвестному Матросу, выполненный по проекту скульптора М. И. Нарузецкого, архитекторов Г. В. Топуза и П. В. Томилина, был возведен в Одессе. В 1967 г. мемориал в честь героической обороны Севастополя, созданный по проекту скульптора В. В. Яковлева и архитектора И. Е. Фиалко, был открыт в этом городе русской славы.

Создавались памятники и мемориалы и в других городах. Мемориальные комплексы и памятники, посвященные событиям Великой Отечественной войны, появились во всех городах-героях и практически во всех крупных городах страны. Причем многие из них создавались по инициативе местного населения и на собранные народом средства. Примером тому является созданный в 1965–1968 гг. комплекс мемориальных сооружений на рубежах битвы за Ленинград, получивший наименование «Зеленый пояс Славы». Инициатором создания этого комплекса был ленинградский поэт-фронтовик М. А. Дудин. Его проект разрабатывался на общественных началах коллективом архитекторов под руководством Г. Н. Булдакова в 1958–1964 гг. В канун 20-летия Победы на местах будущих мемориалов были установлены закладные камни и посажены первые деревья. В работе по созданию комплекса принимали активное участие коллективы учебных заведений, предприятий города, войсковых частей Ленинградского военного округа. В результате был создан пояс зеленых насаждений протяженностью свыше 200 км, повторяющий очертания блокадного кольца. Внутри этого пояса находятся свыше 80 памятников, обелисков, стел и других сооружений, объединенных в мемориальные комплексы, количество которых продолжает расти до настоящего времени. Своеобразным центром «Зеленого пояса Славы» со временем стал открытый в 1975 г. монумент «Героическим защитникам Ленинграда» на площади Победы. «Рубеж Славы» протяженностью около 500 км создан и вокруг Москвы.

В самых разных уголках Советского Союза создавались многочисленные мемориалы и памятники, посвященные как конкретным героям Великой Отечественной войны (в частности Н. И. Кузнецову в Екатеринбурге, Ф. А. Полетаеву в Рязани, Мусе Джалилю в Казани, А. М. Матросову в Великих Луках и другие), так и увековечивающие массовые боевые и трудовые подвиги: например, монумент «Воинам, форсировавшим Днепр», установленный на том месте, откуда началось форсирование этой реки войсками 6-й армии 3-го Украинского фронта, «Защитникам советского Заполярья», возведенный на сопке в окрестностях города-героя Мурманска, «Героическим сынам Урала» — на привокзальной площади Екатеринбурга, «Тыл — фронту» — в Магнитогорске, «Матери-патриотке» в белорусском городе Жодино и многие другие. В память о событиях Великой Отечественной войны тысячи мемориалов и памятников были возведены не только на территории России (только в Москве их около 240), но и в остальных союзных республиках. Так, на территории Украины их было более 40 тыс., в Азербайджане — около 3700, в Армении — свыше 600, в Грузии — более 300, есть они в Молдавии и республиках Прибалтики (только в Литве их свыше 400), в Казахстане и республиках Средней Азии[94].

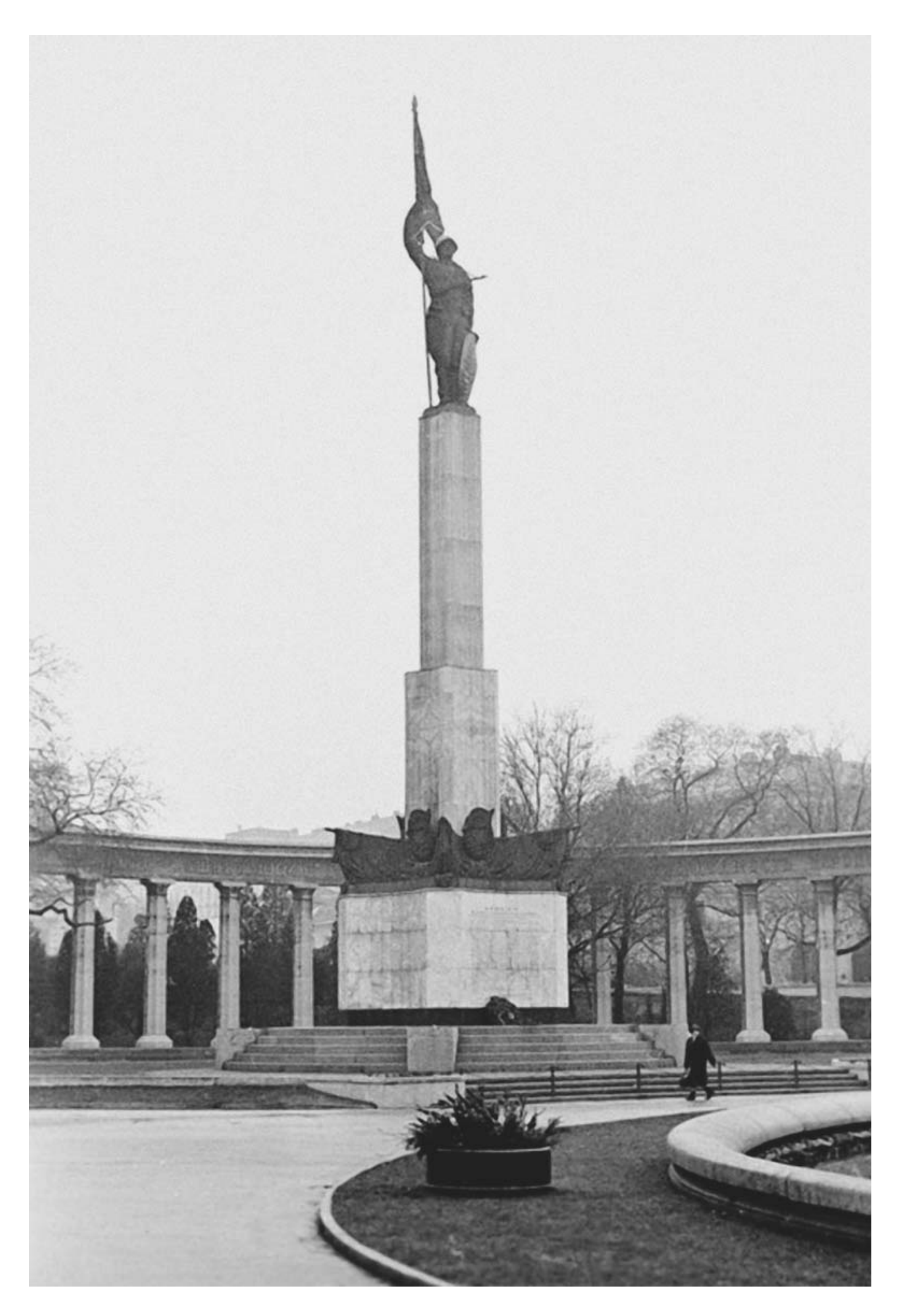
Бережно чтут память о событиях Великой Отечественной на белорусской земле, обильно политой кровью советских воинов. Здесь возведены тысячи больших и малых монументов, памятников и памятных знаков, созданы широко известные мемориальный комплекс «Брестская крепость», Хатынский мемориал, мемориальный комплекс «Курган Славы Советской армии — освободительницы Беларуси» под Минском, которые ежегодно посещают миллионы людей.

Необходимо отметить, что все эти мемориалы и памятники играли и играют исключительно большую воспитательную роль. Помимо прочего они выполняют своего рода объединяющую функцию, поскольку являются постоянным напоминанием того, что победа в Великой Отечественной войне — общее достояние всех наций и народностей СССР. Именно поэтому на рубеже 1980–1990-х гг., когда в странах народной демократии и в Советском Союзе в силу ряда причин начались центробежные процессы, всячески стимулируемые появившимися в ряде социалистических государств и союзных республик националистическими организациями, началась своего рода «война с памятниками».

В ряде стран и союзных республик начался процесс демонтажа и осквернения памятников и мемориалов. Так, в конце 1980-х гг. в ходе так называемой бархатной революции в столице Чехословакии — Праге был демонтирован памятник «Советским воинам-освободителям», представлявший собой танк ИС-2, установленный на площади Штефаника на пьедестал в конце июля 1945 г. в память об освобождении города советскими войсками от немецких захватчиков. Танк был снят с постамента и перекрашен в розовый цвет.

Начиная с 1992 г. не прекращаются попытки демонтировать памятник «Советско-польскому братству по оружию» в Варшаве, сохраняющийся благодаря заключенному российско-польскому соглашению, согласно которому он был включен в перечень объектов, перенос которых Польша должна согласовывать с Россией. В Болгарии неоднократно оказывались под угрозой демонтажа памятник Красной армии в Софии и памятник советскому солдату-освободителю в Пловдиве, известный под названием «Алёша».

Не миновал этот процесс и ряд государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, где через воздействие на монументы и памятники делается попытка изменить в сознании людей восприятие ими некоторых событий Великой Отечественной войны. Так, в начале 1990-х гг. был демонтирован в столице Литвы — Вильнюсе памятник дважды Герою Советского Союза генералу армии И. Д. Черняховскому. В 1995 г. этот памятник полководцу работы скульптора Н. В. Томского был установлен в Воронеже. В 1997 г. в столице Латвии был совершен акт вандализма у памятника «Воинам Советской армии — освободителям Советской Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков». Тогда латышским неонацистом у монумента было приведено в действие взрывное устройство. Широко известна судьба памятника «Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков», созданного по проекту скульптора Э. Рооса и архитектора А. Аласа и открытого в 1947 г. в центре

Памятник советским воинам, павшим в боях за освобождение Вены

Памятник бойцам Красной армии в Будапеште

Монумент советским воинам-освободителям на горе Геллерт в Будапеште

Военный мемориал в Трептов-парке в Берлине

Церемония возложения венков к памятнику советским воинам, павшим в боях за освобождение Праги

Торжественное открытие памятника бойцам Красной армии в г. Вышкув, павшим в боях за освобождение Чехословакии

Памятник советским воинам в Осло

столицы Эстонии, на холме Тынисмяги, рядом с братской могилой советских воинов, погибших в боях за Таллин в 1944 г. В начале 1990-х гг. был потушен Вечный огонь у монумента, зажженный в 1964 г. В 1994 г. плиты с именами погибших воинов были сняты и заменены плитой с надписью «Погибшим во Второй мировой войне» на эстонском и русском языках. В ночь с 26 на 27 апреля 2007 г. по решению эстонского правительства монумент был демонтирован. Снос памятника вызвал широкий резонанс. Под давлением общественности он был восстановлен на военном кладбище, при этом его первоначальный облик утрачен.

В 2009 г. по решению узбекского правительства был демонтирован памятник Советскому солдату в парке «Боевой славы» («Жосорат боги») в Ташкенте, установленный в 1975 г. в честь 30-летия Победы. Вместо него был возведен памятник узбекскому солдату «Клятва Родине» («Ватанга касамёд»). В том же году был взорван Мемориал воинской славы в грузинском городе Кутаиси. И этот перечень можно продолжить. Активно идет воздействие на сознание людей через памятники и монументы на Украине. Здесь уничтожают памятники воинам Красной армии — освободителям Украины от фашистских оккупантов, а взамен устанавливают другие, прославляющие гитлеровских пособников. В местах, по которым прокатилась Великая Отечественная война, вновь льется кровь. Летом 2014 г. в ходе боевых действий на востоке Украины был разрушен мемориальный комплекс на Саур-Могиле, возведенный в 1968 г. в память о советских воинах, сражавшихся здесь в годы Великой Отечественной войны.

Между тем необходимо отметить, что общая тенденция бережного отношения к памяти о событиях Великой Отечественной войны на большей части постсоветского пространства все же сохраняется. За последние десятилетия на территории Российской Федерации и ряда других государств — бывших республик Советского Союза создано несколько крупных музейно-мемориальных комплексов, ставших центрами военно-патриотического воспитания граждан.

Идея объединения в комплекс музея с мемориалом не нова. В определенной мере она была воплощена при создании монумента «Героическим защитникам Ленинграда» в городе на Неве, в мемориальном комплексе «Брестская крепость», Национальном музее истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Киеве и ряде других мест. В ходе обсуждения проекта памятника Победы в Москве на Поклонной горе сын Маршала Советского Союза А. М. Василевского — архитектор И. А. Василевский обратился в октябре 1978 г. в ЦК КПСС с письмом, в котором изложил свою концепцию будущего памятника[95]. Он предложил не ограничиваться одним монументальным сооружением, а создать мемориальный комплекс, в который помимо самого памятника должны быть включены экспозиционные залы, помещения для торжественных церемоний, картинная галерея, дом для встреч ветеранов с кинолекторием и библиотекой, аллея Славы с бюстами героев, объекты социальной инфраструктуры и прочее.

После многочисленных обращений граждан к первым лицам Советского государства, длительных согласований, обсуждений и творческих конкурсов, в ходе которых рассматривалось и предложение перенести в Москву памятник Советскому воину из Трептов-парка в Берлине, был принят проект мемориала Победы, согласно которому в состав комплекса входили: парк Победы, монумент Победы, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1985 г. началось строительство Мемориального комплекса, которое завершилось в 1995 г. к 50-летию Победы.

В настоящее время в Москве на Поклонной горе создан уникальный мемориальный комплекс, который включает в себя непосредственно здание Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., монумент Победы (автор проекта — скульптор З. К. Церетели), выставку военной техники в парке Победы, скульптурные композиции «Трагедия народов» (скульптор З. К. Церетели), «Пропавшим без вести» (скульптор В. И. Зноба), «Защитникам земли Российской» (скульптор А. А. Бичугов) и другие, а также культовые здания различных религиозных конфессий, такие как православный храм Святого Великомученика Георгия Победоносца, мемориальная мечеть, мемориальная синагога, заложен также

буддийский храм. Комплекс позволяет проводить массовые мероприятия как на открытом воздухе, так и в здании музея.

В музее оборудованы зал Полководцев, где установлены бюсты Верховного главнокомандующего советских Вооруженных сил в годы войны и советских военачальников, командовавших фронтами на заключительном этапе войны; торжественный зал Славы, где на мраморных пилонах высечены фамилии Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны; зал Памяти и Скорби; экспозиционные залы, где размещены композиция «Путь к Победе», диорамы «Контрнаступление советских войск под Москвой в декабре 1941 г.», «Битва под Сталинградом. Соединение фронтов», «Блокада Ленинграда», «Курская битва», «Форсирование Днепра», «Штурм Берлина», созданные мастерами Студии военных художников имени М. Б. Грекова; имеются также картинная галерея, два киноконцертных зала для проведения встреч ветеранов, научных конференций и других мероприятий.

Другим примером комплексного подхода к сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны является создание Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» в районе одного из крупнейших танковых сражений Второй мировой войны. В составе музея-заповедника были воздвигнуты: памятник Победы — «Звонница»; храм Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла; Музей боевой славы Третьего ратного поля России; скульптурная композиция «Танковое сражение под Прохоровкой. Таран», бюсты трем полководцам — князю Дмитрию Донскому, фельдмаршалу Михаилу Кутузову и маршалу Георгию Жукову, как символичное единение трех ратных полей — Куликова, Бородинского и Прохоровского, а также скульптурная композиция «Скорбящая мать»; памятная ротонда «Колокол единения трех славянских братских народов»; культурно-исторический центр; Библиотека Н. И. Рыжкова на «Прохоровском поле»; Дом ветеранов войны; два детских дома для детей-сирот (для мальчиков и девочек). Создание музейно-мемориального комплекса изменило не только облик территории, но и создало единое культурное пространство, способствующее формированию гражданского, патриотического и нравственного облика общества. Созданный мемориально-музейный комплекс динамично развивается, на его базе проводятся многочисленные региональные и общероссийские научные и культурно-патриотические форумы.

Есть и другие примеры создания комплексов, посвященных важнейшим событиям Великой Отечественной войны, объединяющих в той или иной мере в единое целое музеи, мемориалы, библиотеки, художественные галереи, культовые сооружения. Причем эта тенденция просматривается не только в регионах Российской Федерации, но и в ряде государств — бывших республик Советского Союза. Примером тому может служить Республика Беларусь. Так, в июле 2014 г. в Минске было открыто новое здание Белорусского Государственного музея истории Великой Отечественной войны. Оно спроектировано как единый архитектурный мемориально-музейный комплекс, объединяющий музей с обелиском «Минск — город-герой». Главный фасад здания музея, включающего 10 экспозиционных залов и зал Победы, оснащенных современным музейным оборудованием, выполнен в виде символических лучей салюта Победы, органично сочетающихся с обелиском. Общая площадь музея — 15 тыс. кв. метров, не считая прилегающего парка, где размещена военная техника периода Великой Отечественной войны. Минский музей, как и московский музей на Поклонной горе, позволяет проводить массовые мероприятия как на примыкающей к музею территории, так и внутри него. Причем музей обеспечен оборудованием, дающим возможность посещать его и инвалидам, и людям преклонного возраста. В республике созданы и действуют и другие мемориально-музейные комплексы.

Таким образом, на сегодняшний день в Российской Федерации и на территории ряда других государств — бывших республик Советского Союза создана сеть музеев, памятников и мемориалов, посвященных событиям Великой Отечественной войны, которые способствуют сохранению памяти народа о героической и порой трагической истории страны. И грандиозные мемориальные комплексы, и небольшие памятники выполняют одну функ-

цию — объединяют людей, именно возле них проводятся торжественные мероприятия в дни памятных дат. При этом нужно иметь в виду, что их состояние, отношение к ним, посещаемость музеев военно-исторической направленности очень точно характеризуют морально-политическое состояние общества. А в этом отношении не все однозначно.

В условиях имеющей место тенденции активного пересмотра результатов Второй мировой и Великой Отечественной войн, насаждения антироссийских настроений в ряде государств Восточной Европы и в некоторых республиках бывшего Советского Союза десятки монументов, посвященных событиям Великой Отечественной войны, находятся в заброшенном состоянии, разрушаются.

Имеют место случаи вандализма и разрушения памятников и в ряде регионов Российской Федерации, что является следствием ослабления памяти о Великой Отечественной войне, особенно у молодого поколения. Под воздействием средств массовой информации у части населения формируется в значительной мере искаженное представление об истории Великой Отечественной войны. По результатам исследования, проведенного Российской академией госслужбы при Президенте Российской Федерации, на вопрос: «Искажается ли история войны 1941–1945 гг. в некоторых публикациях печати, передачах телевидения и радио?» положительно ответили 77,9% респондентов[96].

В этой ситуации музеи, памятники и мемориалы могут играть двоякую роль. С одной стороны, заброшенные, неухоженные памятники, формально оформленные музейные экспозиции, а такие, к сожалению, есть, способствуют дегероизации Великой Отечественной войны. С другой стороны, находящиеся в образцовом состоянии мемориальные сооружения, современные музейные экспозиции, являющиеся центрами патриотического воспитания населения, достаточно эффективно противостоят попыткам фальсификации отечественной военной истории.

В целом же символическая значимость музеев, памятников, монументов и мемориалов, посвященных важнейшим событиям военной истории, не подвержена изменениям и со времен древнего мира заключается в увековечении героических деяний соотечественников, связана с многочисленными традициями и ритуалами, которые формируют чувство патриотизма и гражданской ответственности, готовности к честному выполнению воинского долга.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Правда. 1941. 17 июля.

[2] Там же. 1 июля.

[3] Печать за 40 лет. 1917–1957. М., 1957. С. 13.

[4] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. II. М., 1962. С. 569; *Манаенков А. И.* Культурный фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 24.

[5] *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 19.

[6] Радио в дни войны. М., 1975. С. 142.

[7] *Максакова Л. В.* Об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками культуре РСФСР // Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 89–102.

[8] *Мазурицкий М. П.* Культурно-просветительная работа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М., 1971. С. 7, 26, 32.

[9] *Манаенков А. И.* Указ. соч. С. 23.

[10] *Вишневская И. Л., Дмитриев Ю. А., Литвиненко Н. Г., Максимова В. А., Рыбаков Ю. С., Стрельцова Е. И.* Музы и пушки. М., 2002. С. 12–13.

[11] Советская культура. 1984. 9 мая.

[12] *Манаенков А. И.* Указ. соч. С. 47.

[13] Советские композиторы — фронту. Самоотчеты — воспоминания. М., 1989. С. 49.

[14] Советское искусство. 1941. 29 июня.

[15] Когда пушки гремели... 1941–1945. М., 1978. С. 98.

[16] *Мурадели В.* Песня о Доваторе // Когда пушки гремели... 1941–1945. С. 204–205.

[17] Когда пушки гремели... 1941–1945. С. 205–206.

[18] Советское искусство. 1945. 23 июня.

[19] *Шульженко К.* В боевых частях // Когда пушки гремели... 1941–1945. С. 131.

[20] Литература и искусство. 1943. 1 мая.

[21] Советская музыка. 1975. № 5. С. 115–116.

[22] *Пинегина Л. А.* Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 46.

[23] Там же. С. 43.

[24] Там же. С. 57.

[25] Там же. С. 59.

[26] *Топчиева И. В.* Советские художники в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1990. С. 6.

[27] *Вишневская И. Л., Дмитриев Ю. А., Литвиненко Н. Г., Максимова В. А., Рыбаков Ю. С., Стрельцова Е. И.* Указ. соч. С. 16–17.

[28] *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. С. 146–147.

[29] Литература и искусство. 1942. 21 марта.

[30] *Максакова Л. В.* Культура советской России в годы Великой Отечественной войны. С. 139.

[31] Когда пушки гремели... 1941–1945. С. 122.

[32] *Гинзбург С. С.* Советское кино в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1959. С. 10.

[33] Великая Отечественная война 1941–1945. Словарь-справочник. М., 1985. С. 122.

[34] Красноармейская правда. 1941. 18 октября.
[35] История советской военной печати. Львов, 1987. С. 211.
[36] *Тюльдюков А. И.* Первый в великом списке. Львов, 1986. С. 3–6.
[37] Красная армия. 1941. 30 июня.
[38] *Дёмин Н. С.* Война и люди. М., 1972. С. 106–107.
[39] *Ужегов Т. И.* Деятельность советской военной печати по мобилизации личного состава армии и флота на разгром врага в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 24.
[40] Правда. 1941. 9 октября.
[41] Красная звезда. 1941. 4 декабря.
[42] Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1967. С. 133.
[43] На страже Родины. 1941. 7 июля.
[44] *Мальцев Е. Е. В* боевом строю // Газете «Слава Родины» 25 лет. Львов, 1966.
[45] *Жуков С.* Трудные годы // Газете «Слава Родины» 25 лет. С. 23–26.
[46] Вперед на врага. 1942. 16 ноября.
[47] Там же. 17 сентября.
[48] Там же. 21 сентября.
[49] Там же. 10 октября.
[50] Там же. 19 октября.
[51] Там же. 14 ноября.
[52] Там же. 29 ноября.
[53] См.: Красный черноморец. 1942. 17 мая.
[54] См.: Ты служишь в Прикарпатском. Львов, 1967. С. 138.
[55] Правда Украины. 1944. 23 февраля.
[56] Сборник статей кафедры журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Вып. I. Л., 1960. С. 94.
[57] См.: *Пономаренко П. К.* Непокоренные. М., 1975. С. 55–63.
[58] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 6. М., 1976. С. 198.
[59] Красная звезда. 1942. 23 декабря.
[60] *Калинин М. И.* Статьи и речи (1941–1946). М., 1975. С. 276.
[61] Вперед на врага. 1943. 3 января.
[62] За победу. 1943. 7 февраля.
[63] Советский воин. 1943. 24 июня.
[64] Там же. 30 июня.
[65] Там же. 4 августа.
[66] Там же.
[67] Там же. 6 августа.
[68] За Родину. 1943. 3 июня.
[69] Там же. 5 июня.
[70] Там же. 7 июня.
[71] Там же. 14 июля.
[72] Там же. 18 июля.
[73] Там же. 12 сентября.
[74] Советский воин. 1943. 25 августа.
[75] См.: Правда. 1942. 3 февраля.
[76] Красная армия. 1944. 17 сентября.
[77] Красная звезда. 1968. 8 марта.
[78] См.: Советская военная печать. М., 1960. С. 172.
[79] Фронтовая правда. 1945. 16 января.
[80] *Борзунов С.* Подвиг, отлитый в строки. М., 1974. С. 219.
[81] Музейный фронт Великой Отечественной. М., 2014.
[82] См.: *Давид В. М., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2001.

[83] В 1946 г. Центральный музей Красной армии был переименован в Центральный музей Советской армии.

[84] Солдаты XX века. Многотомное издание. Вып. I. М., 2000. С. 511.

[85] *Кузнецов А. М.* Военные музеи и их роль в культурно-просветительной работе с военнослужащими (1918–1991). М., 2008.

[86] Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945). М., 1995. С. 190.

[87] *Прошляков А. И.* Краткие записки о пройденном пути. М., 2003. С. 163.

[88] РГАСПИ. Ф. 558. Оп 11. Д. 737. Л. 67; Цит. по: Памятник Победы. Документы по истории сооружения мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (1943–1991 гг.) М., 2005. С. 8.

[89] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 125. Д. 216. Л. 137–138; Цит. по: Памятник Победы. Документы по истории сооружения мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (1943–1991 гг.). С. 9–10.

[90] *Прошляков А. И.* Указ. соч. С. 159.

[91] Там же. С. 163.

[92] Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Грац, Вена, Мюнхен, 2005. С. 226–228.

[93] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 4. Оп 16. Д. 39. Л. 114–115; Цит. по: Памятник Победы. Документы по истории сооружения мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (1943–1991 гг.). С. 58–59.

[94] См.: Победа — одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) М., 2010.

[95] РГАНИ. Ф. 100. Письмо № 212582. Л. 3–5; Цит. по: Памятник Победы. Документы по истории сооружения мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (1943–1991 гг.). С. 132–133.

[96] *Иванов В. Н., Сергеев В. К.* Всегда Великая Победа. Труды МИСКП. М., 2010. С. 100.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ПОБЕДЫ

Характер и итоги экономического противоборства

Победы в войнах достигаются не только оружием и полководческим гением, но и успехами в экономическом развитии. Стратегическая задача обеспечения национальной безопасности всегда сопрягалась с политикой государства в хозяйственной сфере. Однако история человечества имеет достаточно примеров неспособности правительств адекватно распорядиться имеющимися ресурсами и, напротив, примеров рационального использования ограниченных возможностей для достижения победы.

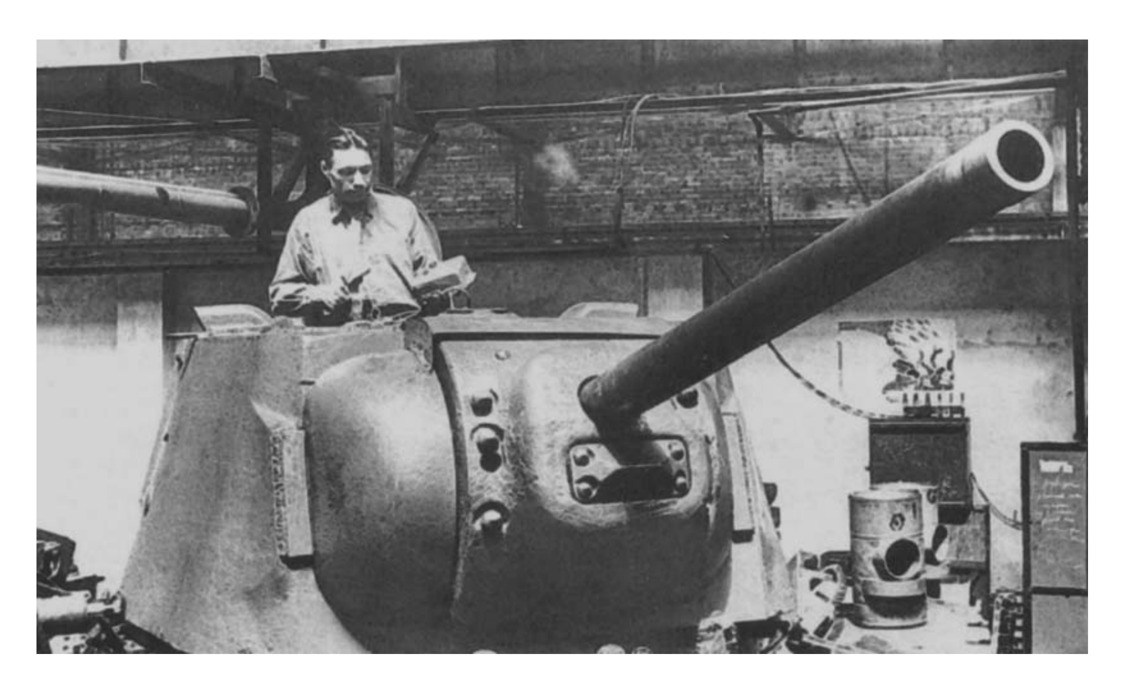
Таким образом, возможности противоборства воюющих сторон обусловливаются наличием материального потенциала в виде естественных, трудовых, производственных ресурсов и способностью политической системы по их мобилизации в военное время. По мере создания все более совершенного оружия, обладающего высокой поражающей силой, многие политики и военные, сознательно шедшие на обострение международных конфликтов, игнорировали опыт предшествующих войн, рассчитывая на блицкриг, недооценивали важность материальной составляющей войн, что оборачивалось тяжелыми последствиями.

Среди причин окончания Первой мировой войны помимо многомиллионных жертв существенное место занимает исчерпание материальных возможностей воюющих стран. Так, потребность в соединениях азота, серной кислоте для взрывчатых веществ и йоде превысила в несколько раз производственную мощность всех имевшихся в Европе предприятий. К концу 1918 г. во Франции оставалось стали только на одну неделю, взрывчатые материалы практически отсутствовали. Англия испытывала кризис снабжения углем и хлебом, а их запасы исчислялись днями. В Германии не оставалось резервов цветных металлов. Запросы военной промышленности не могли быть удовлетворены, даже несмотря на общенациональную кампанию по сбору посуды, дверных ручек и домашней утвари из никеля, меди и алюминия[1].

Известный немецкий геолог Ф. Фриденсбург еще до начала Второй мировой войны указал на недостаток германских сырьевых и производственных мощностей для реализации гегемонистских целей нацистского режима и необходимость направления военно-политических усилий на захват территорий, способных восполнить дефицит собственных материальных средств Германии. Автор обширного труда «Месторождения полезных ископаемых» Г. Шнейдерген за правильное обоснование германской политики в завоевании сырьевых ресурсов, необходимых для предстоящей войны, был переведен с кафедры во Фрейбурге главным консультантом Г. Геринга.

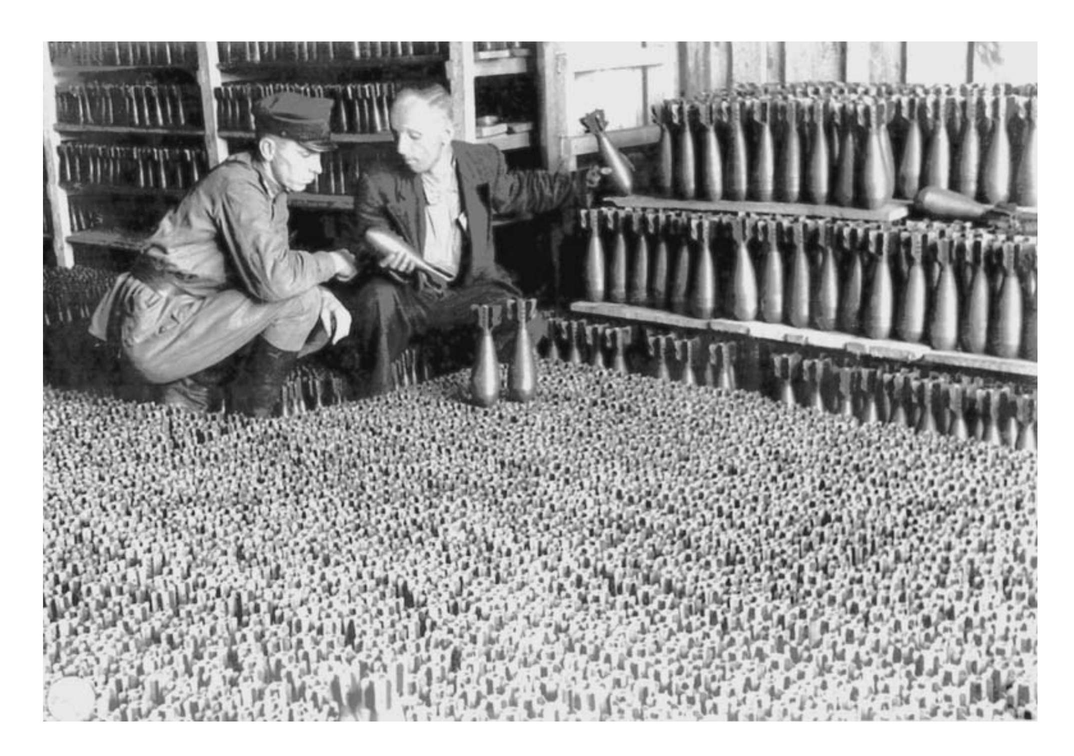
Стахановки М. Ф. Колесникова (слева) и Т. А. Жадаева осматривают и упаковывают готовую продукцию — противотанковые зажигательные гранаты (бутылки)

Сборка тяжелого танка КВ-1 на одном из советских заводов

Работницы комбината «Красный керамик» толкают вагонетку

Осмотр 82-мм минометных мин на складе комбината «Красный керамик»

Электропечи Уральского танкового завода № 183 в Нижнем Тагиле

Несмотря на то что Германия резко активизировала пополнение сырьевых ресурсов за счет импорта (в 1937–1938 гг. было ввезено в 6–7 раз больше руд железа, алюминия, марганца, в 15 раз — вольфрама, чем в 1932 г.), даже с учетом запасов завоеванных в первые годы войны стран немецкая военная машина испытывала большие трудности со снабжением марганцем, никелем, хромом, молибденом, сурьмой, медью, фосфором, ванадием, вольфрамом, оловом, платиной, йодом, слюдой, асбестом и гелием. Эксплуатация нефтяных полей Плоешти в Румынии и галицких месторождений Прикарпатья не смогла решить проблему дефицита нефти и нефтепродуктов Германии. Соотношение сырьевых ресурсов Германии и антигитлеровской коалиции по видам необходимых для военной промышленности ископаемых было в пользу стран антигитлеровской коалиции.

Таблица 1

Соотношение сырьевых ресурсов фашистского блока и стран антигитлеровской коалиции

	Фашистский блок	Антигитлеровская коалиция
Сталь	1	3
Уголь	1	23
Нефть	1	32
Медь	1	15
Хлопок	1	99
Каучук	1	99

Дефицит материальных ресурсов обусловил выбор высшим руководством нацистской Германии стратегии ведения войны. По замыслу немецкого командования, только блицкриг мог принести успех в реализации экспансионистских планов фюрера.

В СССР, наоборот, потенциал естественных ресурсов многократно превосходил технологические возможности их полного освоения. Еще в марте 1939 г. председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский говорил о том, что нет таких видов сырья и ресурсов, «собственными источниками которых СССР не мог бы себя обеспечить». Приведенные им данные свидетельствовали об активном наращивании нашей страной ресурсного потенциала оборонной промышленности. В период с 1932 по начало 1940 г. добыча алюминия увеличилась в 180 раз, молибденового концентрата — в 158 раз, серы — в 46 раз, вольфрама — в 20 раз, олова — в 10,5 раза, никеля — в 11,3 раза, фосфата — в 8 раз, меди — в 6 раз.

Несмотря на недостаток сырьевых ресурсов, Германия имела явное преимущество в экономическом соревновании с СССР, заключавшемся в высоком уровне научно-технического развития, позволившем немецкой промышленности сохранять свою дееспособность практически до окончания войны. Так, по данным вермахта, состояние производства вооружений дало возможность в 1944 г. заново снарядить 225 пехотных и 45 танковых дивизий[2]. Вплоть до 1944 г. производство всех основных видов военной техники немецкой промышленностью увеличивалось, что обеспечивало боеспособность гитлеровской армии.

Оккупированные страны Европы значительно расширили возможности немецкого военно-промышленного комплекса. Только подключение к снабжению армии чехословацких предприятий «Шкода» позволяло оснастить различными видами вооружений 40–45 дивизий. На нужды вермахта работала итальянская автомобильная промышленность производительностью 600 тыс. машин в год. Только за два года оккупации гитлеровская администрация вывезла из Франции 5 тыс. паровозов и 250 тыс. вагонов. До 1941 г. из оккупированных стран, по данным Управления по делам экономической войны США, завоевателями было вывезено материально-технических ценностей на сумму, в два раза превышающую годовой национальный доход Германии[4].

Таблица 2

Производство важнейших видов военной техники в нацистской Германии
(тыс. шт.)[3]

Военная техника	1939 г., сентябрь — декабрь	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г., январь — апрель	Всего
Винтовки и карабины	450,6	1352,0	1359,0	1370,2	2275,3	2855,7	665,0	10 327,8
Пистолеты-пулеметы	39,9	119,0	325,0	232,0	234,3	228,6	78,0	1256,8
Пулеметы всех видов	19,7	59,2	96,2	117,0	263,0	509,4	111,0	1175,5
Орудия всех видов и калибров	2,1	6,3	22,1	40,5	73,7	148,2	27,0	319,9
Минометы	1,4	4,4	4,2	9,8	23,0	33,2	2,8	78,8
Танки, штурмовые орудия	0,7	2,2*	3,8	6,2	10,7	18,3	4,4	46,3
Боевые самолеты	2,3	6,6	8,4	11,6	19,3	34,1	7,2	89,5
Боевые корабли основных классов	10	60	207	241	290	250	93	1151

* С бронеавтомобилями.

По оценке Н. А. Вознесенского, военно-технический потенциал Германии к началу Великой Отечественной войны превосходил советский в 1,5—2 раза[5]. Накануне войны с учетом производственных возможностей завоеванных стран Германия превосходила советский объем выплавки стали на 42,5%, чугуна — на 30,4%, добычи угля — на 58,6%[6]. Экономике СССР фактически противостоял материально-технический потенциал значительной части Европейского континента.

Несмотря на тяжелый урон, понесенный в первый год войны, экономика СССР в короткий срок не только смогла восполнить понесенные потери и преодолеть трудности, связанные с оккупацией территорий, на которых до войны проживало 42% населения, производилось более 30% валовой промышленной продукции страны, выплавлялось 71% чугуна, около 60% стали и сосредотачивалось 47% посевных площадей[7], но и значительно увеличить объем выпускаемой военной продукции. В газете «Правда» за 29 июня 1942 г. говорилось: «Преимущества советской системы хозяйства дали возможность произвести перестройку народного хозяйства на военный лад в кратчайший срок, на ходу, в труднейших условиях внезапного и вероломного нападения врага. Война еще раз обнаружила великую силу тех могучих рычагов планового воздействия на народное хозяйство, которыми располагает Советское государство».

Эффективная мобилизация общественного хозяйства Советского Союза стала возможной благодаря двум факторам, сыгравшим в экстремальных условиях войны решающее значение. Во-первых, экономическое развитие страны, как и других сфер общественной жизни, было подчинено принципу централизованного управления. К началу Великой Отечественной войны вертикаль централизованного администрирования общественным хозяйством формализовалась в советских институтах управления и благодаря экономическим и внеэкономическим методам приобрела функциональность и завершенность. Во-вторых, советская экономика, построенная на государственной собственности (в том числе на государственной колхозно-кооперативной собственности), являлась наиболее адекватным объектом централизованного государственного управления.

Рыночные отношения и частная собственность, предполагавшие приоритет получения прибыли хозяйствующими субъектами, демонстрировавшие успехи в качестве инструмента организации мирного хозяйства, ориентированного на максимальное удовлетворение

потребительского спроса, в годы войны, когда требовалась абсолютная централизация и перераспределение ресурсов, оказывались менее эффективными в сравнении с административно-командными механизмами советской экономики. На вопрос о причинах успешной перестройки хозяйства СССР в условиях войны американский журналист У. Кэрролл резонно заметил: «В Советском Союзе, где частнособственническое владение было отменено, правительство не наталкивалось на помехи в виде прав частной собственности. В этом отношении оно могло противостоять тоталитарному правлению Германии на еще более крепких основаниях. Ему не приходилось возиться с фирмой, которая желала продолжать прибыльное производство дамских шпилек, вместо того чтобы заниматься менее прибыльным заказом на заклепки для авиационной промышленности. Ему не приходилось упрашивать автомобильную промышленность, чтобы та прекратила производство легковых автомобилей и перешла к выпуску танков. Ему не приходится растрачивать народные средства на размещение подрядов «по полной производственной стоимости плюс десять процентов», которые поощряли предпринимателей к тому, чтобы замедлять производство, создавать простой рабочей силы и увеличивать себестоимость, чтобы тем самым возросла прибыль»[8].

Методы переустройства советского хозяйства СССР в годы великого испытания основывались на сравнительном опыте адекватности рыночных и административных принципов мобилизации экономики, приобретенном в годы новой экономической политики. Неадаптированная к свободному рынку, рожденная патерналистской политикой государства, тяжелая индустрия страны к осени 1923 г. продемонстрировала неспособность функционировать в условиях товарно-денежных отношений, что поставило под сомнение курс советского правительства на модернизацию экономики. По сути, кризис «ножниц цен» стал отправной точкой постепенного отступления от хозрасчета в промышленности и перехода к централизованным методам управления хозяйством.

Благодаря мобилизации ресурсов и перераспределению национального дохода в пользу промышленного производства в годы первой пятилетки в его модернизацию было вложено 24,8 млрд рублей (в ценах 1932 г.), в результате чего за четыре с половиной года удалось ввести в эксплуатацию 1590 фабрик и заводов, среди которых десятки достигали масштабов мировых гигантов. К концу первой пятилетки основные фонды промышленности были обновлены на 60%. В отдельных отраслях промышленности была, по сути, создана новая производственная база[9]. В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. об итогах первой пятилетки И. В. Сталин указал на то, что «из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне»[10].

К концу второй пятилетки промышленная продукция в сравнении с 1932 г. выросла на 120,6%. В результате модернизации советской промышленности удалось создать собственную индустриальную основу экономики. Страна получила полноценные отрасли промышленного производства по выпуску станков, машин и оборудования для реконструкции всего общественного хозяйства. Благодаря успехам модернизации экономики началось активное переоснащение армии и флота. С 1934 по 1939 г. танковый парк увеличился на 191%, авиационный — на 130%, количество бронемашин возросло в 7,5 раз, мощность огневого залпа всех видов техники — в 4 раза[11].

Плановая экономика СССР в предвоенные годы показала большую эффективность в мобилизации ресурсов, направленных на модернизацию экономики. К концу второй пятилетки советское машиностроение, в сравнении с 1913 г., выросло в 23 раза, в то время как немецкая машиностроительная отрасль увеличилась за этот же период на 43,2%[12]. Всего за годы предвоенных пятилеток было построено почти 9 тыс. промышленных предприятий[13]. Инвестиции на военные нужды в общем объеме государственных расходов в 1939 г. достигли 25,6%, в 1940 г. — 32,6%, а в 1941 г. — 43,4%[14].

Стахановец артели «Красная швея» Ф. Червяков за пошивом шапок для Красной армии

Знатная ватерщица текстильной фабрики «Красная Талка» А. Данилина за работой

Начальник цеха обувно-шорной фабрики А. И. Талаева с патронташем для 37-мм мин

Женская бригада одного из московских заводов комплектует сумки санинструкторов

Оправдавший себя опыт создания индустриальной базы страны в годы предвоенных пятилеток стал основой мобилизационной системы перестройки хозяйства СССР в годы войны. Централизация управления экономикой в военное время достигла абсолютных пределов. Для мобилизации всех имеющихся в стране ресурсов и распространения скоординированного руководства фронтом и тылом 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны. За годы войны количество продукции, непосредственно распределяемой единым центром в соответствии с государственным планом, увеличилось в два раза[15].

Попытка вмешательства государства с целью подчинения экономики нуждам армии в западных странах вызывала сопротивление со стороны финансово-промышленных групп. Правительственные заказы зачастую срывались. С целью повышения цен на рынке частными компаниями искусственно создавался дефицит металла, топлива, других материалов, необходимых для военного снабжения. Для перестройки хозяйства страны на военный лад правительству Великобритании пришлось пойти в 1943 г. на чрезвычайную меру — «принудительную концентрацию промышленности», вылившуюся в закрытие 3200 частных фирм[16].

История расставила точки над «i» в оценке эффективности выбранного СССР пути огосударствления и централизации экономики в условиях, требующих мобилизации хозяйственных ресурсов. Западные страны активно использовали аналогичный инструментарий в чрезвычайном положении военного времени. В большинстве стран антигитлеровской коалиции были учреждены органы государственного контроля над военным производством. Военно-промышленный комплекс США был подчинен непосредственно президенту. В Великобритании за несколько месяцев до начала войны было образовано министерство снабжения, которое решало задачу мобилизации экономических ресурсов. За годы войны кардинально изменилась британская система снабжения промышленного производства. Рыночные механизмы в закупке сырья, топлива, электроэнергии были заменены централизованным снабжением. На рынке чугуна, стали и других металлов фактически была установлена государственная монополия[17]. Две трети инвестиций в обрабатывающую промышленность Америки было вложено государством. За счет государственных средств было построено 3 тыс. предприятий (в основном военных). К концу войны в США на предприятиях, принадлежавших государству, производились весь синтетический каучук, 50% алюминия. Государство владело 520 заводами, главным образом авиационной отрасли, стоимость которых в 10 раз превышала стоимость частных предприятий[18]. Для выхода из послевоенного кризиса Франция в 1946 г. сосредоточила в руках государства 65% всей экономики.

Переход к государственной форме ведения хозяйства стал настолько значительной тенденцией на Западе, что один из выдающихся основателей австрийской экономической школы Ф. Хайек в вышедшей в 1944 г. книге «Дорога к рабству» указывал на угрозу либерализму в связи с обращением большинства стран западного сообщества при поиске антикризисных мер к приемам, которые принято было считать социалистическими — «национализации средств производства и централизованному экономическому планированию»[19]. Он писал: «Современные социалистические тенденции означают решительный разрыв не только с идеями, родившимися в недавнем прошлом, но и со всем процессом развития западной цивилизации»[20].

Мобилизация экономики СССР для обеспечения военного превосходства достигалась посредством решения триединой задачи. Во-первых, осуществления комплекса мер, обеспечивающих непрерывный и опережающий (в сравнении с мирным временем) научно-технический прогресс во всех отраслях хозяйства, прежде всего в производстве вооружений, возмещении потерь, расширении производства и повышении его эффективности. Во-вторых, оперативной эвакуации основных объектов промышленности и сельского хозяйства из зоны боевых действий на восток, восстановления предприятий и инфраструктуры освобожденных территорий. В-третьих, планового перераспределения материальных и производственных ресурсов на нужды войны.

Таблица 3

Производство важнейших видов промышленной продукции в СССР в 1943–1945 гг.[21]

Виды продукции	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Электроэнергия, млрд кВт*ч	32,3	39,2	43,3
Нефть, млн т	18,0	18,3	19,4
Уголь, млн т	93,1	121,5	149,3
Железная руда, млн т	9,3	11,7	15,8
Чугун, млн т	5,6	7,3	8,8
Сталь, млн т	8,5	10,9	12,3
Прокат, млн т	5,7	7,3	8,5
Металлорежущие станки, тыс. шт.	23,3	34,1	38,4

В процессе осуществления мобилизации советской экономики выделяются два периода, имеющие качественные отличия. Первый период (с начала войны до начала 1943 г.) характеризуется падением ниже довоенного уровня производства во всех отраслях хозяйства. В декабре 1941 г. экономика СССР испытывала пик падения. Выплавка чугуна в сравнении с кануном войны уменьшилась более чем в 4 раза, стали — в 2,8 раза. Прокат черных металлов сократился в 3 раза, выпуск шарикоподшипников — в 21 раз. С июня по ноябрь первого года войны промышленное производство в целом уменьшилось в 2,1 раза[22]. В 1942 г. за счет функционирования мобилизационного механизма удалось преодолеть спад экономики, а с 1943 г. советское хозяйство стало расти высокими темпами.

За счет перераспределения ресурсов в первый год войны расходы СССР на военные нужды увеличились вдвое в сравнении с довоенным 1940 г., в 1942 г. — на 16%, в последующие военные годы — на 15,7% ежегодно[23]. В 1942 г. было произведено 25 436 самолетов всех типов, что на 60% больше количества выпущенных в 1941 г.[24], 24 668 танков — в 3,7 раза больше, чем в предыдущем году[25].

Для сравнения, перестройка экономики Германии на военные нужды потребовала в 6 раз больше времени в значительно лучших условиях[26]. Причем развитие немецкой экономики в предвоенные годы обеспечивалось иностранными инвестициями. Так, объем только американского финансирования промышленности Германии накануне Второй мировой войны составлял 30 млрд марок[27]. Доля американской компании ИТТ в акционерном капитале одной из ведущих авиастроительных фирм Германии «Фокке-Вульф» составляла 28%[28]. В канун войны примерно 50% необходимого сырья для военной промышленности Германия получала из Англии, Франции, США и контролируемых ими территорий[29].

Многие американские компании в своих интересах были тесно связаны с Германией. В ходе судебных процессов в США начала 1940-х гг. крупнейшие американские фирмы лоббировали патентное право немецких разработчиков, что в значительной степени тормозило производство многих видов военной продукции. Экономическое бюро при президенте США опубликовало в 1942 г. сообщение, в котором было сказано: «Враг работал в течение многих лет для того, чтобы ослабить наш военный потенциал. С помощью патентного контроля уже удалось ограничить американское производство». Из-за связей американских фирм с немецкими компаньонами по линии международных монополий замедлялось развитие военного хозяйства США, и многие секреты военного производства становились известными Германии. Ф. Рузвельт утверждал, что связи гиганта американской индустрии нефтяного концерна «Стандарт-Ойл» с немецким химическим трестом «И. Г. Фарбениндустри» напоминают детективный роман». А вице-президент США Г. Уоллес заявил во время войны, что «Стандарт-Ойл» и другие компании образовали в США «тайное сверхправительство», тормозя в своих коммерческих целях выполнение правительственной программы развития военного производства[30].

Укрепление военного потенциала СССР основывалось исключительно на внутренних ресурсах. Помощь союзников по антигитлеровской коалиции хотя и сыграла положительную роль в разгроме врага, но не являлась решающей в создании материальных предпосылок победы. Поставленные США и Англией артиллерийские орудия в общем объеме поступившей в армию техники составили 2%, самолеты — 12%, танки — 10%[31]. Английский политик Э. Бевин заметил, что помощь, которую союзники оказали СССР, была «незначительна в сравнении с гигантскими усилиями советского народа»[32]. То, что поддержка союзников не играла решающей и даже сколько-нибудь сопоставимой роли с советским тылом в снабжении Красной армии, признавал и официальный представитель правительства США Ф. Кроули[33].

Мобилизация экономики СССР в годы войны стала возможной благодаря централизации и перераспределению всех имевшихся в распоряжении страны ресурсов и плановому администрированию экономики. Уже через неделю после начала войны правительство приняло первый мобилизационный план. Н. А. Вознесенский отмечал: «Этот план является одной из первых попыток перестроить народное хозяйство СССР и перевести социалистическую экономику на рельсы военной экономики»[34].

План, рассчитанный на более длительную перспективу, «имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации», был разработан к августу 1941 г. по поручению ГКО[35]. В принятом плане в зависимости от изменения ситуации делались необходимые коррективы, но этот документ вносил организующее начало в мобилизацию советской экономики. В дальнейшем экономика СССР развивалась на основе годовых, квартальных и месячных военно-хозяйственных планов.

Быстро и организованно осуществленная эвакуация хозяйственных объектов на восток показала эффективность механизма военной перестройки экономики. Созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации стал центром, направлявшим процесс перемещения производительных сил и трудовых ресурсов из районов, которым угрожала оккупация. Уже в первые три месяца на восток было вывезено 1360 крупных заводов[36]. За первое полугодие было эвакуировано 2600 предприятий: все предприятия танковой, авиационной и моторостроительной промышленности, производства боеприпасов, 94 металлургических предприятия[37]. С начала войны и до конца 1941 г. по железной дороге в восточные регионы страны было отправлено 1,5 млн вагонов с оборудованием и перевезены 10 млн человек[38]. Почти 1 млн тонн грузов и 2 млн человек перевез за навигацию первого года войны речной флот[39].

Несмотря на более чем сжатые сроки, установленные ГКО для пуска эвакуированных предприятий, многие из них начинали действовать раньше назначенной графиком даты. К ноябрю 1941 г. первые танки эвакуированного Кировского завода стали поступать на фронт, в том числе в подразделения, принявшие участие в разгроме гитлеровцев под Москвой. Эвакуация Харьковского тракторного завода завершилась 19 октября, а уже в начале декабря из заводских ворот вышли первые 25 танков Т-34[40]. В первой половине 1942 г. большинство эвакуированных заводов и фабрик было введено в строй. В 1944 г. валовая промышленная продукция восточных регионов СССР, в сравнении с последним предвоенным годом, увеличилась в 2,8 раза, а продукция предприятий военных отраслей увеличилась за этот же период в 6,6 раза[41].

Благодаря централизации и мобилизационному характеру экономики Советскому Союзу удалось избежать трагедии, которая постигла Францию в связи с фактическим срывом эвакуации хозяйственных ресурсов из прифронтовых районов страны в 1940 г.[42]

В отличие от рынка, стихийно устанавливающего хозяйственные пропорции и норму прибыли в соответствии с общественным потреблением, планово-централизованная экономическая система имела преимущества, заключавшиеся в более эффективном перераспределении национального дохода и мобилизации материальных ресурсов. Уже через год ведения войны в СССР на военные нужды направлялось 57–58% национального дохода (в 1940 г. —

15%), 68% промышленной продукции (в 1940 г. — 26%), 24% продукции сельского хозяйства (в 1940 г. — 9%), 61% транспортных перевозок (в 1940 г. — 16%). Продукция, выпускавшаяся в рамках плановых показателей наркоматов военной промышленности, в 1942 г. превысила на 86% довоенные объемы[43].

Такое перераспределение национального дохода в условиях западной экономики, ориентированной на прибыль, было невозможным. Например, в США выполнение государственных военных заказов осуществлялось на договорной основе, предполагавшей прежде всего коммерческую выгоду для частных корпораций. Согласно данным доклада сенатского комитета по делам мелких предприятий за годы войны 100 монополиям были предоставлены военные заказы на сумму 117 млрд долларов. Прибыли американских монополий в 1945 г., в сравнении с 1938 г., увеличились в 5,8 раза и составили за военной период за вычетом налогов 62 млрд долларов[44].

Преодолев трудности военной перестройки, с 1943 г. экономика СССР вступила в период нарастающего подъема. В дни окончания Сталинградской битвы в одной из германских газет в январе 1943 г. было сказано: «Кажется каким-то чудом, что из широких степей появлялись все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепил из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве». На совещании в Мюнхене в ноябре 1943 г. генерал А. Йодль заявил: «Решающим фактором для нас явилось то, что в результате наступления в неизведанные пространства русской территории мы обнаружили, что противник располагает не только огромными людскими ресурсами, но и обладает таким техническим уровнем военной промышленности, который вынудил нас к введению тотальной войны, к умножению наших усилий в части военной промышленности»[45].

В короткий срок были построены и пущены металлургические заводы в Челябинске, Чебаркуле и в Узбекистане, новые домны в Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Чусовом, два трубных завода на Урале, ряд мартеновских печей, прокатных станов и коксовых батарей на Урале и в Сибири. За счет ввода новых мощностей увеличилась добыча уральской железной и марганцевой руды. Значительно возросли мощности предприятий цветной металлургии, особенно алюминиевой и никелевой промышленности: был построен алюминиевый завод в г. Сталинске, начата эксплуатация крупнейших в СССР бокситовых месторождений на Урале («Красная шапочка»)[46]. В восточных угольных районах было построено около 200 новых шахт, началось промышленное освоение Печорского угольного бассейна. За время войны добыча угля на Урале удвоилась, в Караганде (Казахстан) возросла на 75%. В несколько раз увеличилась добыча нефти в районах «Второго Баку» (Волго-Уральская нефтегазоносная область).

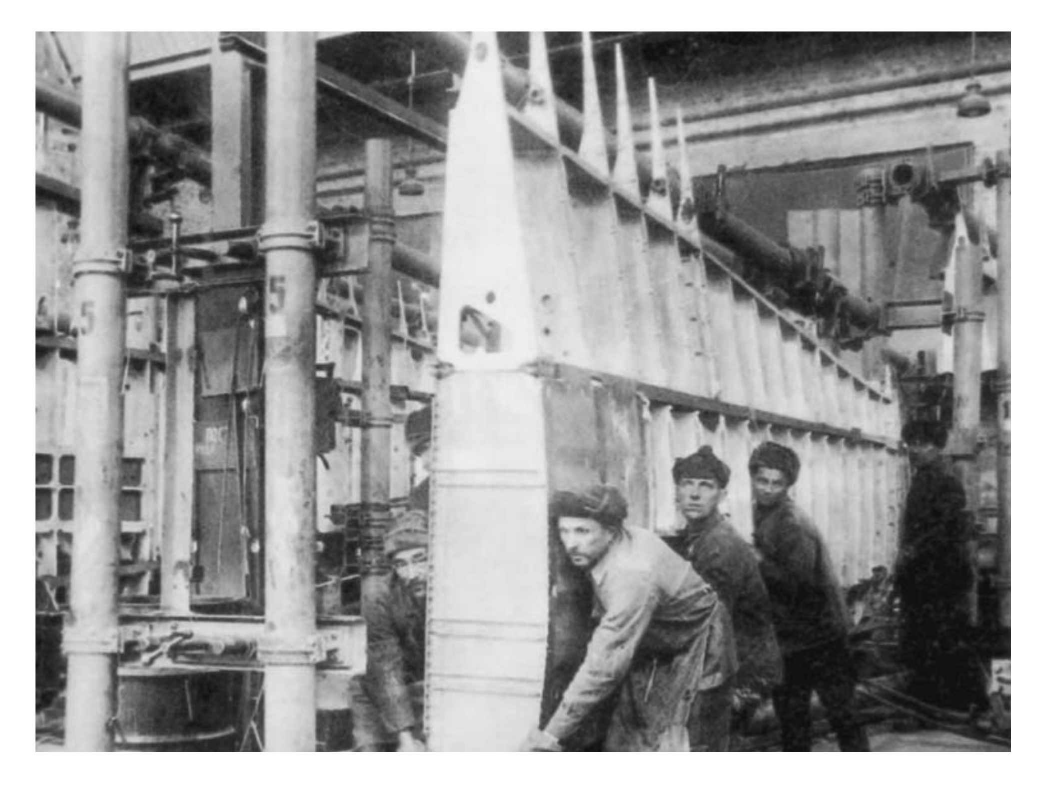
Значительными темпами, начиная с 1943 г., росла энергетика. В военные годы были построены электростанции: Челябинская, Безымянская, Красногорская, Кирово-Чепецкая, Сталинская (Кузбасс), ряд гидростанций в Узбекистане, увеличили генерирующие мощности электростанции восточных регионов страны. Только в 1943 г. было пущено вчетверо больше турбин и впятеро больше котлов, чем в мирном 1940 г.

За два года войны, прежде всего за счет интенсификации, на 40% повысилась производительность труда в промышленности, несмотря на бурный приток новой рабочей силы. Только система государственных трудовых резервов СССР дала промышленности и транспорту около 2 млн новых работников[47]. В школах фабрично-заводского обучения и ремесленных училищах за 1941–1945 гг. прошли подготовку 2,5 млн человек[48].

Связь тыла и фронта в годы войны удавалось поддерживать за счет интенсификации движения по имеющимся железным дорогам и строительства новых магистралей. Как и в других руководящих народно-хозяйственных структурах в Наркомате путей сообщения (НКПС) была проведена реорганизация с целью максимальной централизации управления отраслью. Вместо 11 управлений 22 марта 1942 г. в его составе было создано Центральное управление движением.

Прогрев двигателей бомбардировщика Ту-2 во дворе авиазавода

Рабочие авиазавода переносят на руках каркас крыла бомбардировщика Ил-4

Приемка готового бронепоезда на заводе

Сварка корпусов танка Т-34 на Уральском танковом заводе № 183 в Нижнем Тагиле

Всего в 1942 г. было построено 3145 км основных линий и восстановлено 4619 км главных и вторых железнодорожных путей. Поезда, курсировавшие по восточным магистралям страны, двигались со скоростью 800 км в сутки, тогда как до войны скорость сибирского экспресса составляла 900 км в сутки. В 1943 г. общий объем оперативных перевозок вырос до 2 млн вагонов (52 050 эшелонов). Объем обычных перевозок увеличился до 2398,3 тыс. вагонов (47 966 поездов), в том числе 1280,1 тыс. вагонов (25 602 поезда) по централизованному плану: 379,5 тыс. вагонов (29,6%) — боеприпасы, 333,8 тыс. вагонов (26%) — горючее, 251,9 тыс. вагонов (19,6%) — вооружение, 245,3 тыс. вагонов (19,2%) — продовольствие и фураж, 69,6 тыс. вагонов (5,6%) — прочие грузы. С начала Великой Отечественной войны было восстановлено свыше 35 тыс. км станционных путей, более 2500 станций и разъездов, свыше 7 тыс. больших, средних и малых мостов, более 300 тыс. проводокилометров связи[49].

Мобилизационный характер экономики, администрируемой единым центром, обусловил форсированный рост научно-технического прогресса, особенно в военно-конструкторской сфере. Уже в первый период войны проявилось значительное качественное превосходство советских танков КВ и Т-34 над немецкими. Тем не менее техническая мысль в СССР настойчиво работала над их дальнейшим совершенствованием. Конструктор Ж. Я. Котин создал новый тяжелый танк. Одновременно были модернизированы танки Т-34.

Особенно интенсивно шел технический прогресс в авиации. Несмотря на то что немцы непрерывно модернизировали свою истребительную авиацию, создавали одну за другой модели «мессершмита», наладили производство нового истребителя — «фокке-вульф», советские истребители не уступали позиций в мировой авиации. Выдающимся успехом авиастроителей стал штурмовик Ил-2 С. В. Ильюшина. Во время войны наряду с увеличением производства пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и ночных бомбардировщиков Ил-4 (с морским вариантом — торпедоносцем Ил-4Т) был создан новый мощный дневной бомбардировщик Ту-2 А. Н. Туполева.

В результате новых конструкторских изысканий в военные годы была осуществлена модернизация артиллерийской техники. Достаточно отметить, что за четыре года войны калибры танковой и противотанковой артиллерии увеличились в 1,6–2,2 раза, а бронепробиваемость — в 5 раз[50].

За счет оптимизации конструкции военной техники удалось значительно сократить производственный цикл и уменьшить трудовые запросы на ее изготовление. Затраты труда на все основные виды военной техники снизились с 1941 по 1943 г. в среднем на 43,7%.

Таблица 4

Затраты труда на производство единицы военной продукции[51]

На заводах	Наименование военной продукции	Единицы измерения	1941 г.	1943 г.	Уменьшение затрат труда в 1943 г. по сравнению с 1941 г. (в %)
Авиационных	Ил-4	тыс. чел./ч	20	12,5	37,5
	Ил-2		9,5	5,9	39,9
	Пе-2		25,3	13,2	47,8
Артиллерийских	152-мм гаубица-пушка	тыс. чел./ч	4,5	2,4	48,7
	76-мм полковая пушка		1,2	0,8	33,4
	Дивизионная пушка		2,2	0,6	72,7
Вооружения	Крупнокалиберный пулемет	чел./ч	642	329	48,7
	Винтовка		12	9	25,0
	1 тыс. шт. патронов ТТ		13	10,8	17,0
Танковых	Т-34	тыс. чел./ч	8	3,7	53,7
	КВ		14,6	7,2	50,7

В целом мобилизационный механизм советской экономики демонстрировал большую адаптивность к условиям войны, нежели экономика, подчиненная законам рынка. По экспертным оценкам, в 1942 г. Германия на 1 млн тонн стали производила самолетов в 4,4 раза и танков в 6,8 раза меньше, чем советский военно-промышленный комплекс, на 1 тыс. произведенных металлорежущих станков — самолетов в 8,1 раза и танков в 12,3 раза меньше, чем СССР[52].

Важным фактором мобилизации советской экономики в годы Великой Отечественной войны стал патриотический подъем трудящихся. Несмотря на снижение уровня жизни, советские люди приняли активное участие в сборе средств на военные нужды. За период войны в Фонд обороны население страны добровольно перечислило 94,5 млрд рублей. Массовый характер приобрело движение за сбор средств на строительство самолетов, танков и другой военной техники. Только на танковые колонны жители Тамбовской области собрали 40 млн рублей, ивановцы — 136 млн, москвичи — 209 млн, ярославцы — 131 млн, горьковчане — 203 млн, население Свердловской области — 195 млн, Калининской — 160 млн, Азербайджана — 175 млн, Грузии — 271 млн, Казахстана — 470 млн[53]. Доля привлеченных средств населения в госбюджет за годы войны неуклонно возрастала. Так, по отношению к 1940 г. средства населения в доходной части государственного бюджета СССР составили: в 1941 г. — 110%, в 1942 г. — 222%, в 1943 г. — 313%, в 1944 г. — 405[54].

Несмотря на уход в армию большого количества высококвалифицированных рабочих и замещение их убыли за счет менее подготовленных в профессиональном отношении трудящихся, прежде всего в силу патриотического подъема выработка на одного работающего в промышленности увеличивалась.

Таблица 5

Выработка на одного рабочего
(в % к 1940 г.)[55]

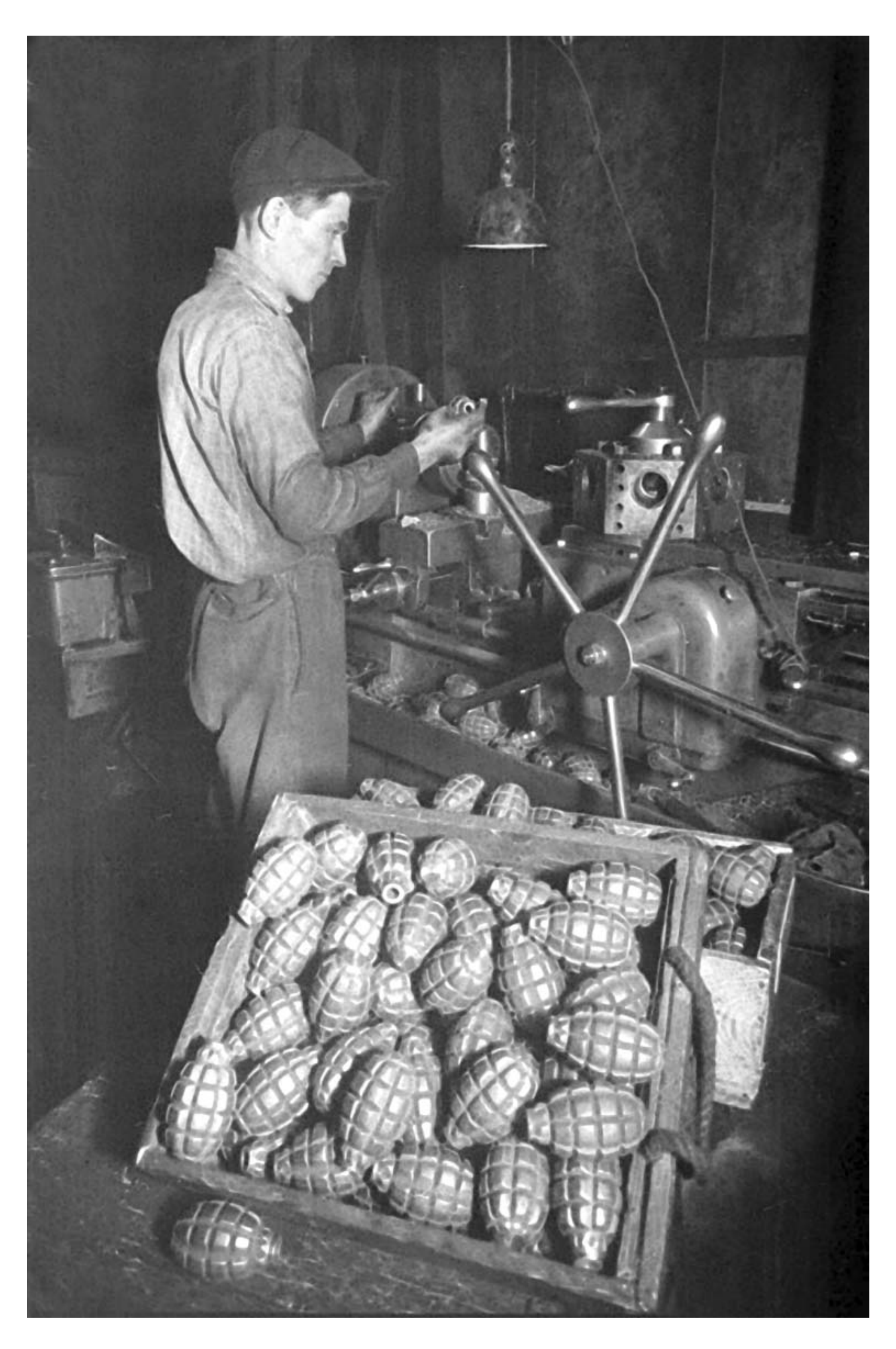
	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Промышленность	110	130	139	142	114
Строительство	99,8	91	96	95	90
Железнодорожный транспорт (на одного работника, занятого на перевозках)	98	79	74	67	68

В отличие от нацистской Германии, активно использовавшей потенциал порабощенных стран, Советский Союз, напротив, был вынужден восстанавливать разрушенные войной территории и восполнять понесенный от оккупации урон. За годы войны СССР потерял около 30% национального достояния, были полностью или частично разрушены и сожжены 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий. Оккупанты разрушили 31 850 крупных и средних промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных линий, 4100 станций, разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций (МТС), 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, техникумов и высших учебных заведений, 43 тыс. библиотек[56].

Уже к концу 1945 г. в освобожденных районах было восстановлено 30% промышленного производства, 1800 совхозов, 85 тыс. колхозов, все разрушенные МТС. Производство сельхозпродукции на территории, ранее оккупированной фашистами, к концу войны было восстановлено на 51% к довоенному уровню[57]. Только за 1944 г. в Донбассе и Приднепровье было восстановлено 10 доменных печей, около 40 мартенов, свыше 20 прокатных станов, 55 коксовых батарей, около 700 угольных шахт, более 20 железорудных предприятий[58]. Для сравнения, немецкий оккупационный режим, не справившийся с восстановлением шахт и откачкой затопленных штолен, ввозил уголь в Донбасс из Силезии[59]. Министр вооружений Германии А. Шпеер признался, что в производственном, техническом и экономическом отношении война была проиграна Германией в начале лета 1944 г.[60]

Слесарь Лемпе за работой на одном из заводов Москвы

Изготовление ручных гранат на одном из московских предприятий

За годы войны выпуск самолетов в СССР вырос в 4 раза, танков — в 7–8 раз, орудий — в 6–7 раз, боеприпасов — в 4 раза, минометного вооружения — в 8 раз[61]. Средние ежегодные показатели выпуска танков и самоходных артиллерийских установок в СССР превышали аналогичные показатели Германии более чем в 2 раза, Англии — в 4 раза, самолетов — соответственно в 1,7 и 1,5 раза, орудий — в 6,3 и 5,3 раза. За весь период Великой Отечественной войны Советский Союз произвел вдвое больше боевой техники, чем нацистская Германия[62]. Американский журналист М. Вернер писал, что «Магнитогорск победил Рур», потому что «все имеющиеся ресурсы русских были максимально сконцентрированы для военных усилий и были использованы в большей степени, чем немецкие... Германия имела больше стали. Однако в России из каждой тысячи тонн стали на производство вооружения использовалось большее количество, чем в Германии»[63].

Основные показатели экономического развития СССР в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что, во-первых, мобилизационная экономика СССР обеспечила опережающий рост военной продукции для нарастающего, бесперебойного снабжения армии. Во-вторых, источником роста ВПК страны явился государственный бюджет, увеличившийся за годы войны благодаря перераспределению национального дохода на 71,4%. В-третьих, мобилизация ресурсов на военные нужды осуществлялась в том числе за счет снижения общественного потребления. Валовая продукция сельского хозяйства к 1945 г. только достигла показателей 1940 г., при этом четверть ее объема направлялась на нужды армии. Объем розничного товарооборота сократился за годы войны практически вдвое.

Таблица 6

Основные показатели развития советской экономики в 1941–1945 гг.
(в % к 1940 г.)[64]

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
1. Национальный доход	92	66	74	88	83
2. Валовая продукция промышленности,	98	77	90	104	92
в том числе продукция наркоматов авиационной, танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов	140	186	224	251	–
3. Валовая продукция сельского хозяйства	62	38	37	54	60
4. Грузооборот всех видов транспорта	92	53	61	71	77
5. Капитальные вложения государственных кооперативных организаций (без колхозов)	86	53	53	72	89
6. Численность рабочих и служащих (в среднем за год)	88	59	62	76	84
7. Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (в сопоставимых ценах)	84	34	32	37	45
8. Доходы государственного бюджета	98	92	113	149	168

Достижение экономической победы ценой сокращения общественного потребления составляет главный аргумент тех, кто пытается поставить под сомнение неоспоримые достижения подвига советского народа и победы хозяйственной системы СССР в годы Великой Отечественной войны. Создание экономического потенциала для победы над нацистской Германией осуществлялось исключительно за счет перераспределения внутренних ресурсов, что, безусловно, потребовало известного сокращения общественного потребления. Однако опыт форсированной индустриализации царской России за счет внешних заимствований в связи с последствиями революционного кризиса и Гражданской войны, в значительной степени инициированных ускоренной модернизацией, вряд ли является убедительным

контраргументом против советского мобилизационного метода хозяйствования. Накануне октября 1917 г. Россия выплачивала только процентов по внешним кредитам в сумме, равной четверти годового бюджета, а консолидированный долг зарубежным финансовым институтам был сопоставим с 17 годовыми бюджетами страны[65].

Бюджеты всех западных стран, за счет которых финансировались военные расходы в 1941–1945 гг., были дефицитными и восполнялись за счет внутреннего и внешнего заимствования. Дефицит государственного бюджета Германии за этот период вырос в 13 раз. Кроме того, Германия и ее союзники наращивали свой экономический потенциал, используя принудительный труд и ресурсы завоеванных территорий. Нацистская Германия за счет внешних источников удовлетворяла 27,4% потребностей в угле, 88,3% — в нефти и нефтепродуктах, 34,8% — в стали, 23,8% — в зерновых.

Таблица 7

Основные показатели экономического потенциала стран фашистского блока в 1939–1945 гг.[66]

Страна	Собственное производство	Ввоз из оккупированных стран и колоний, импорт	Всего
	Электроэнергия, млрд кВт*ч		
Германия*	414,1	–	414,1
Италия	123,1	–	123,1
Япония	242,9	–	242,9
	Уголь, млн т		
Германия**	2504,9	950,1	3455,0
Италия	22,6	58,4	81,0
Япония	365,0	46,5	411,5
	Нефть и нефтепродукты, млн т		
Германия	5,4	40,8	46,2
Италия	0,07	6,4	6,47
Япония	1,7	18,7	20,4
	Сталь, млн т		
Германия	122,2	65,5	187,7
Италия	11,7	1,7	13,4
Япония	43,1	4,9	48,0
	Зерновые***, млн т		
Германия	129,1	40,4	169,5
Италия	72,5	–	72,5
Япония	100,1	11,0	111,1

* Без учета электроэнергии оккупированных территорий и присоединенных областей и без учета производства в 1945 г.

** Без учета 1945 г.

*** Без зернобобовых.

Советский Союз был лишен возможности пополнять бюджет за счет кредитов (исключение составляли облигации добровольного займа у населения) и привлечения материальных ресурсов извне. Поэтому сравнение общественного потребления в СССР и западных странах в годы войны представляется некорректным.

Необходимость в наращивании массы средств на военные расходы отчасти компенсировалась в СССР за счет эмиссии. Увеличение денежной массы в обороте в условиях снижения производства товаров народного потребления неизбежно вело к росту розничных цен (индекс розничных цен в 1945 г. в сравнении с 1940 г. составил по всем товарам народного потребления

205%, в том числе по продовольственным — 225%, непродовольственным — 195%) и снижению потребления[67]. Нехватка продовольствия, промышленных товаров и рост розничных цен привели к снижению уровня потребления на душу населения на 35–40%[68]. В то же время, например, в 1945 г. государство бесплатно снабжало хлебом более 80 млн человек.

В годы войны на фоне роста прибыли частных корпораций, занятых на выполнении военных заказов, в США, Англии, Германии, Японии жизненный уровень граждан также неуклонно снижался. Так, к концу войны в сравнении с довоенным уровнем реальная заработная плата рабочих в Германии снизилась на 40%, в Японии — на 70–75%[69].

Снижение общественного потребления в СССР являлось следствием напряжения внутренних сил для победы и воспринималось основной массой населения как необходимая жертва в общем деле разгрома врага. В то же время волна недовольства снижением уровня жизни и протестов трудящихся западных стран нарастала в течение всей Второй мировой войны.

Таким образом, анализ исторического опыта экономического противоборства Советского Союза и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны не дает оснований усомниться в преимуществах советской мобилизационной системы, позволившей в короткий срок не только восполнить тяжелые потери, понесенные в первый период войны, но и создать военно-хозяйственный потенциал для обеспечения превосходства над противником.

Несмотря на значительно более благоприятные экономические возможности, аккумулировавшие ресурсы завоеванных стран, фашистская Германия проиграла в экономическом соревновании стране, которая только накануне Второй мировой войны вошла в ряд индустриально развитых государств мира.

Учитывая, что СССР, в отличие от германских милитаристов, мог рассчитывать изначально только на собственные, далеко не безграничные возможности, экономическая победа, обусловленная эффективностью советской хозяйственной системы в условиях войны, представляется еще более очевидной.

Развитие оборонной промышленности и ее значение для достижения Победы

Великая Отечественная война советского народа продемонстрировала фантастические возможности национальной промышленности в создании за короткие сроки новых отраслей оборонного комплекса. Создание прочного тыла выступает важной составляющей оборонной стратегии государства. Высокая степень боевой готовности во многом определяется и способностью экономики перестроиться на военный лад. Эвакуация сотен крупнейших предприятий на Урал, формирование резервной армии труда, немыслимые для мирного времени темпы производства вооружений и техники, безусловно, могли реализоваться только в мобилизационной экономике. Вся промышленность страны работала для фронта, для победы. «У нас не может быть теперь «мирных предприятий». Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд»[70].

Нормативно-правовая основа обеспечения перевода промышленности на военные рельсы была изложена в указах Президиума Верховного Совета СССР, постановлениях ЦК ВКП(б), совместных постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР[71]. Так, 23 июня 1941 г. было утверждено совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам», а 25 июня 1941 г. — постановление о расширении производства танков и самолетов[72]. В мобилизационном народно-хозяйственном плане на третий квартал 1941 г., принятом 30 июня 1941 г., предусматривалось строительство в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири предприятий оборонного комплекса[73].

С лета 1941 г. на территории военного соприкосновения в прифронтовых районах оказалось более 80% промышленных предприятий, в том числе более 94% предприятий военно-промышленного комплекса[74]. В довоенные годы была широко распространена доктрина «войны на чужой территории», поэтому создание предприятий-дублеров на Урале и в Сибири представлялось финансово затратным. Однако утверждение о полном игнорировании руководством страны уязвимости оборонно-промышленного комплекса, размещенного по линии Ленинград — Москва — Тула — Брянск — Харьков — Днепропетровск, в корне неправильно. Основы военно-промышленного потенциала Сибири и Урала закладывались до Октябрьской революции, но создание современных оборонных предприятий началось в годы второй пятилетки.

Планами третьей пятилетки предусматривалось создание в Новосибирске оборонного завода № 179 и авиационного завода имени В. П. Чкалова, который в 1938 г. перешел на производство истребителя И-16, доведя к 1940 г. их выпуск до 500 машин[75]. Завод стал испытательной базой для развертывания производства лучшего истребителя Второй мировой войны конструктора С. А. Лавочкина — ЛаГГ различных модификаций. Острая нехватка алюминиевых сплавов, используемых при производстве самолетов Як и МиГ, вынудила С. А. Лавочкина искать им альтернативу, поэтому в изготовлении фюзеляжа и крыльев он применял древесину.

Начало Второй мировой войны поставило на повестку дня увеличение производства боеприпасов. Под руководством Наркомата боеприпасов планировалось построить 28 новых заводов. В Новосибирской области на базе «Сибсельмаша» создавалось мощное предприятие по производству боеприпасов. К началу войны с большими трудностями удалось наладить выпуск 76-мм артиллерийского снаряда.

К началу 1940 г. советская экономика во многом уже была переведена на военные рельсы, однако росли диспропорции в развитии предприятий оборонного комплекса и экономики в целом. В последний довоенный год рост валовой продукции составлял всего 10–11%, в то время как производство боеприпасов — 32%, вооружений — 32%, военной авиации — 33%[76]. Особый подъем испытывало военное авиастроение: за период с 1938 по 1940 г. число предприятий увеличилось на 72%[77]. За годы третьей пятилетки в строй было введено 3 тыс. новых предприятий оборонного значения[78].

Затяжной характер войны и быстрое продвижение немецко-фашистских армий в глубь европейской территории страны, серьезные потери Советского Союза в технике и нехватка мобилизационных резервов обусловили необходимость корректировки планов формирования оборонно-промышленного комплекса. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 августа 1941 г. утвердили военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г., предусматривавший формирование оборонного потенциала Татарии, Удмуртии, Башкирии, Коми АССР, Алтайского и Красноярского краев. Развертывание оборонных предприятий планировалось в Молотовской, Кировской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской, Чкаловской, Челябинской и Новосибирской областях[79]. В планах предусматривалось развертывание в тыловых районах страны производства тяжелой военной техники, орудий и минометов, стрелкового оружия и боеприпасов.

Особое внимание уделялось развертыванию оборонных предприятий в районах Сибири — природной кладовой, богатой полезными ископаемыми и ресурсами. Сибирь составляла 56% территории страны с населением более 15 млн человек. Промышленный потенциал Сибири был сосредоточен в 35 крупных городах, где проживали свыше 5 млн человек. Однако ситуация с индустриализацией Сибири в довоенные годы складывалась не совсем благополучно. В Новосибирской области доля тяжелой и металлообрабатывающей промышленности составляла всего 23% от общего объема производства. В Красноярском крае доля тяжелой промышленности не превышала 19%, а в Алтайском крае — 10%[80].

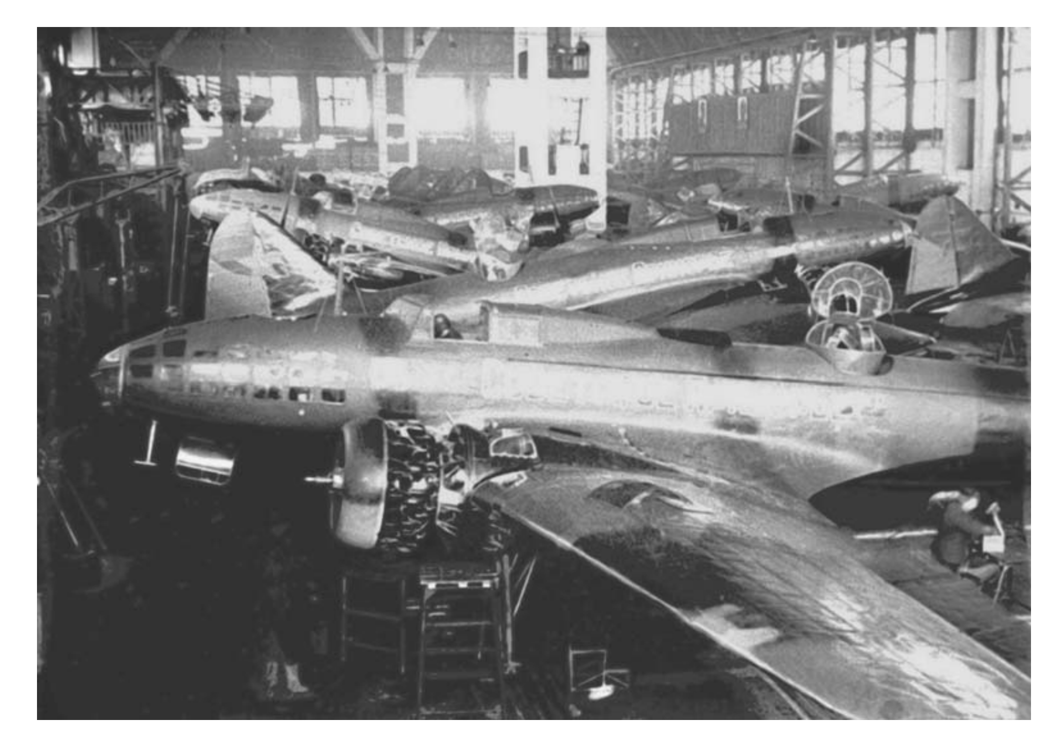
Совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при СНК СССР, председателем которого стал Л. М. Каганович, а с 3 июля 1941 г. — Н. М. Шверник[81]. Неразвитость железнодорожной сети, отсутствие нового парка

В сборочном цехе танкового завода на Урале

Приемка мотоциклов для Красной армии на заводской площадке

Сборочный цех авиационного завода

Работница завода В. В. Баландина протирает мины перед упаковкой

Сборка пушек на одном из оборонных заводов

локомотивов и вагонов, серьезные нагрузки, легшие на железные дороги по доставке к фронту вооружений и техники, привели к сбоям в процессе эвакуации. Например, ни одно из эвакуированных в районы Сибири предприятий оборонного комплекса не смогло добраться до места своего назначения в полном составе. Тыловые районы Советского Союза не располагали достаточным промышленным потенциалом для приема предприятий военной индустрии. Нередко приходилось размещаться на неосвоенных местах либо использовать базу гражданских полукустарных заводиков. К концу 1941 г. в Красноярск прибыло 33 оборонных предприятия, десять из которых не могли монтировать оборудование[82]. «Перебазирование оборонной промышленности было совершенно неожиданно для немцев и в решающей степени повлияло на то, что германская военная промышленность не смогла выполнить свои задачи, ведь значительная часть продукции должна была производиться по новым планам непосредственно в захваченных районах»[83].

Перемещение производственных и трудовых ресурсов на Урал привело к появлению мощных промышленных комплексов в Омске и Нижнем Тагиле. До Великой Отечественной войны Урал не специализировался на выпуске танков. В 1940 г. Урал произвел 6,83% всей промышленной продукции СССР, из них военной — 12,4%[84]. Были созданы гиганты черной металлургии — Магнитогорский и Новотагильский металлургические комбинаты, Первоуральский новотрубный завод. Челябинский завод ферросплавов в тот период оставался единственным производителем ферровольфрама и ферромолибдена. Начиная с 1937 г., Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) освоил производство дизельного трактора С-65. К началу войны в строй вступил Уральский вагоностроительный завод.

В предвоенный период сформировалось три центра танкового производства: Ленинград (Ленинградский Кировский завод — ЛКЗ, выпускавший танки КВ-1 и КВ-2, Ленинградский машиностроительный завод № 2174), Харьков (Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна), Москва (Сборочный завод № 237, который осуществлял сборку легких танков из узлов и агрегатов, присылаемых из Горького). В 1940 г. было принято решение о начале производства средних танков Т-34 на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) и КВ-1, КВ-2 на Челябинском тракторном заводе. Челябинцам предстояло выпускать танки КВ по чертежам Ленинградского Кировского завода. На этом пути ЧТЗ ожидали серьезные трудности: танки Кировского завода не были приспособлены к массовому производству, требовали много сложных деталей и высокопрофессиональных рабочих.

Важное значение для развития оборонного производства на востоке страны имели совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об организации новой базы по строительству брони и танков КВ» и «Об увеличении выпуска танков КВ, Т-34, Т-50, артиллерийских тягачей и танковых дизелей на III–IV кварталы 1941 г.». Постановление переключало ЧТЗ, Уральский завод тяжелого машиностроения (Уралмашзавод — УЗТМ), Новотагильский и Магнитогорский металлургические заводы, Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) на производство танков[85].

В целях централизации усилий различных ведомств, осуществлявших управление танковыми заводами, постановлением СНК СССР от 11 сентября 1941 г. был создан Народный комиссариат танковой промышленности (НКТП) во главе с В. А. Малышевым[86]. Первоначально в состав НКТП вошли Ленинградский Кировский завод, Сталинградский тракторный завод, Челябинский тракторный завод, Московский автомобильный завод «КИМ», Уральский вагоностроительный завод, Харьковский тракторный завод, Уральский турбомоторный завод, а также средние, средние специальные и высшие учебные заведения Харькова, Сталинграда, Челябинска и проектные институты. В дальнейшем в структуру НКТП вошли 30 заводов, восемь учебных заведений и проектных институтов[87].

Отечественной оборонной промышленности предстояло решить сложные задачи. Во-первых, потеря части территории страны привела к сокращению минерально-сырьевой базы металлургических заводов, значительной части военных производств, и необходимо было увеличивать количество производств продукции военного назначения. Во-вторых,

снизилось качество персонала: его квалификационные характеристики не всегда позволяли решать сложные вопросы, определяемые условиями военного времени. Высококвалифицированные работники призывались в действующую армию, а их место занимали женщины и подростки.

Особое внимание советского руководства уделялось процессу эвакуации танковых заводов. Военные заводы — производители танков работали в тесной кооперации: бронекорпусное и башенное производство осуществлялось на Уралмашзаводе, который получал бронелистовой прокат от Магнитогорского и Кузнецкого металлургических заводов[88]. Начало производства на Уралмашзаводе сталкивалось с рядом трудностей, поскольку он не имел специальных печей для обработки брони и прессового оборудования. На Уральском трубном заводе в Свердловске развернулось производство танковых дизелей В-2, которые поставлялись на Челябинский тракторный завод (г. Челябинск в годы войны официально именовался Танкоградом).

Эвакуация оборонных предприятий и трудовых ресурсов из прифронтовых районов в тыл страны стала важным фактором обеспечения экономической победы СССР. В восточные регионы Советского Союза в течение первых пяти месяцев войны 1941 г. по железным дорогам было перевезено более 1,5 млн вагонов с грузами оборонного назначения. В декабре 1941 г. на новых местах в строй вступили восемь танкостроительных, три моторных и шесть корпусных заводов. Передавалось 80% материальной части и рабочего состава автоколонн, заводов по производству брони[89].

Особое значение в формировании мобилизационных ресурсов страны, несомненно, играли Башкирская АССР, Урал и Сибирь. К началу Великой Отечественной войны советская Башкирия превратилась в самодостаточный, индустриально развитый регион. На территории республики функционировало 886 предприятий и организаций, стоимость валовой продукции достигала 489 433 млн рублей в год[90].

Ведущие ученые АН СССР оказали помощь в разработке мобилизационных ресурсов Башкирии. Была создана комиссия по изучению производительных сил Урала, в работу которой вовлечено более 60 учреждений. На Белорецком металлургическом заводе после реконструкции мартеновских печей началось производство легированных металлов. Одновременно на Белорецком сталепроволочном заводе началось производство шарикоподшипниковой и пружинной проволоки, тросов. Государственный Комитет Обороны уделял особое внимание производству на Белорецком металлургическом комбинате оборонной продукции. Выплавка чугуна в 1942 г. здесь равнялась 90 856 тоннам, что составляло 108,2% от годового плана. Росло также производство качественных сталей, вводился прокат легированного металла. Постепенно Белорецкий металлургический комбинат превращался в ведущее предприятие СССР по обеспечению оборонных заводов стальной проволокой и тросами.

Золотыми буквами в победу над фашизмом вписан самоотверженный труд геологов Башкирии: были открыты новые месторождения бокситовых, марганцевых, медных руд, кобальта, никеля, редких металлов, крайне необходимых для оборонной промышленности. Особое стратегическое значение имела добываемая в Салаватском районе бокситовая руда.

Фронт требовал поставок топлива, высокооктанового бензина, необходимого как для танков, так и для растущего парка военной авиации. ЦК ВКП(б) и СНК СССР в августе 1941 г. обязали Наркомат нефтяной промышленности форсировать строительство ряда новых установок на Уфимском и Ишимбайском нефтеперерабатывающих заводах. Башкирия производила не только бензин и металлы, она дала фронту десятки наименований военных изделий. К производству боеприпасов приступили отдельные цеха Уфимского паровозостроительного завода, который одновременно осуществлял производство бронеплощадок и бронепоездов, механические заводы в Стерлитамаке, Уфе, Белорецке[91]. На Уфимском судоремонтном заводе началось производство аэросаней.

Сборка самоходных орудий СУ-85

Колонна самоходно-артиллерийских установок перед отправкой на фронт

Велика также заслуга народов Башкирии во введении в строй эвакуированных из прифронтовых районов предприятий. На территорию Башкирской АССР прибыли самые крупные и высокотехнологичные предприятия Советского Союза, и при размещении следовало учитывать особенности развития экономических районов и отдельных городов Башкирии. В столице автономии — Уфе разместились заводы машиностроительной, электротехнической, химической промышленности, в Стерлитамаке — станкостроительный завод и завод нефтяного оборудования, а также предприятия содово-цементной промышленности. Большая часть эвакуированных организаций разместилась на производственных площадях родственных предприятий. Так, на Белорецком металлургическом заводе было смонтировано оборудование биметаллического цеха московского завода «Серп и молот», а оборудование Одесского канатного завода — на Белорецком сталепроволочном заводе. Производственное оборудование, прибывшее в Башкортостан с Запорожского, Гомельского, Изюмского, Станиславского паровозостроительных заводов, смонтировали на Уфимском паровозостроительном заводе. С башкирскими предприятиями, выпускающими однородную продукцию, были объединены Оршанский проволочно-гвоздильный и Гомельский стекольный заводы. Пришлось «потесниться» Уфимской спичечной фабрике имени 1 Мая, на площадях которой разместилась Калужская спичечная фабрика «Гигант». Оборудование Витебской обувной фабрики «Прогресс» разместили на территории Уфимской обувной фабрики. Туапсинский механический завод имени «XI-летия Октябрьской революции» был объединен с башкирским Благовещенским машиностроительным заводом. В помещениях Уфимского сернокислотного завода было установлено оборудование, эвакуированное с Рубежанского химического завода[92]. На Уфимском машиностроительном заводе было налажено производство деталей для танков.

К середине 1942 г. Новосибирск превратился в индустриальную столицу Сибири: в нем функционировало 25 военных заводов и более 180 предприятий различного подчинения[93].

Перестройка промышленности на военный лад осуществлялась и на территориях аграрного сектора, например, в Ставропольском крае. До войны тяжелая индустрия Ставропольского края была представлена тремя заводами: Георгиевским арматурным, Пятигорским мотороремонтным и Ставропольским заводом «Красный металлист». Третьим пятилетним планом предусматривались гигантские работы по индустриализации края. С началом войны на производство продукции для фронта перешли Ставропольский кожевенный, Георгиевский шиноремонтный заводы, лесозаводы Карачая. Трест «Кавминрозлив» выполнял заказы на производство противотанковых бутылок со вставленным запалом[94].

Эвакуационные мероприятия, проведенные государственным аппаратом в начальный период Великой Отечественной войны, позволяют говорить о бесценном опыте переброски промышленности на восток, вошедшем в сокровищницу мирового организационно-управленческого опыта. Беспрецедентная по своим масштабам акция по переброске промышленности и трудовых ресурсов реализовывалась ежедневным коллективным подвигом тружеников тыла. Патриотизм нашего народа способствовал быстрому налаживанию производства. В условиях сибирской зимы станки монтировались под открытым небом, застывало масло, рабочие нередко рисковали не только своим здоровьем, но и жизнью.

Начиная с середины 1942 г., в СССР к работе приступили все эвакуированные предприятия и начали успешно расширять объемы производства. Резко нарастало производство боевой техники и вооружений. Авиационная промышленность страны превзошла объемы производства 1941 г. на 75%. Одновременно произошло увеличение выпуска авиационных моторов, а также их мощности[95].

С 1943 г. основу мобилизационной военной экономики страны составляли восточные регионы. Поэтапно, по мере освобождения от немецко-фашистских захватчиков, в баланс промышленных ресурсов возвращались мощности районов европейской части СССР.

Несмотря на позитивные тенденции в экономике трудности продолжали сохраняться. Первый квартал 1943 г. сопровождался сокращением выработки угля, что привело к снижению объемов производства в промышленности. Заводы-гиганты восточных районов в пер-

вом квартале 1943 г. накопили значительный объем долгов. Кузнецкий металлургический комбинат производил третью часть всей металлургической продукции страны. Нехватка угля привела к невыполнению планов мартеновскими и прокатными цехами, поставок некачественного сырья и материалов[96].

В целях преодоления временных трудностей военной металлургии Государственный Комитет Обороны 7 февраля 1943 г. принял постановление «О мерах неотложной помощи черной металлургии», которое обязывало Наркомат черной металлургии и местные органы управления добиваться улучшения снабжения металлургических заводов углем и материалами.

Новокузнецкие металлурги закончили 1943 г. с показателями перевыполнения плана. Доменные цеха превзошли директивные задания на 78 300 тонн чугуна, сталеплавильные цеха — на 24 800 тонн стали, работники прокатного цеха выплавили 23 600 тонн[97]. За годы войны Кузнецкий металлургический комбинат внедрил освоенную технологию выплавки около 70 новых марок стали[98].

Новосибирский авиазавод с декабря 1942 г. полностью перешел на выпуск истребителей конструкции А. С. Яковлева. На фронт стали поступать модернизированные самолеты Як-9. Одновременно производились Як-7 различных модификаций[99]. Всего за период с 1942–1945 гг. авиационными предприятиями в Омске, Новосибирске и Москве было выпущено 14 579 истребителей Як-9 различных модификаций[100]. Настоящий трудовой подвиг совершили работники новосибирских предприятий авиапрома: в 1942 г. они выпустили продукции на 260 млн рублей, а в 1943 г. — на 509 млн. Рост объемов выпускаемой продукции составил 169%. Одновременно уменьшался и процент брака на новосибирском заводе № 153 Наркомата авиационной промышленности, на 15% снизилась себестоимость самолетов[101]. Вообще в авиапромышленности Советского Союза с апреля 1942 по апрель 1943 г. производительность труда выросла на 30%[102].

Прошедшие после Великой Победы десятилетия позволяют по-новому оценить подвиг тыла в годы войны. Предприятия оборонного комплекса сталкивались с проблемами нехватки материалов, комплектующих, холодными цехами и полуголодным существованием работников, но выстояли и внесли свой достойный вклад в победу.

Оккупация немецко-фашистскими войсками Донбасса и угольных районов Ростовской области (г. Новошахтинск) потребовала увеличения норм выработки угля в Сибири. Орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» 1 декабря 1942 г. писала: «Во время войны — уголь не просто топливо. Это танки, вооружение, это снаряды. Производство вооружения и боеприпасов лишь завершается на сборочных конвейерах военных заводов, а начинается оно в угольных лавах, в забоях шахт»[103].

Наркомат угольной промышленности в начале 1941 г. определил сроки закладки 20 мелких шахт со сроком строительства в 3–5 месяцев. Военно-хозяйственными планами на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. было предусмотрено введение в строй в Кузбассе шести шахт, в Хакасии — трех шахт и освоение в 1942 г. шести новых шахт в Кузбассе и двух в Хакассии. СНК СССР принял специальное постановление от 8 декабря 1942 г. «О развитии добычи угля в восточных районах». Намечалось в 1942 г. начать строительство в Кузбассе 14 новых шахт общей мощностью 4050 тыс. тонн в год. В Черемховском бассейне намечалось освоение 33 шахт на 400 тыс. тонн угля и введение в эксплуатацию 25 шахт в Кузбассе мощностью 5295 тыс. тонн. Тресту «Востоксибуголь» ставилось задание на освоение четырех шахт по 700 тыс. тонн угля в год[104].

Решение поставленных перед угольщиками задач требовало улучшения технического оснащения угольных шахт, обучения новых работников навыкам шахтерской профессии. Угольные шахты в первые месяцы войны направили в действующую армию свои лучшие трудовые кадры. Прибывавшие в Сибирь признанные негодными к строевой службе мужчины, женщины, вынужденные спускаться в шахту, разумеется, не могли заменить квалифицированных проходчиков, забойщиков, навалоотбойщиков. Ситуацию незначительно спасали прибывавшие из Донбасса горняки и оборудование.

Второй вариант опытного среднего танка Т-43 перед испытаниями

Советский танк Т-44 преодолевает водную преграду

Зима 1941–1942 гг. стала суровым испытанием как для страны, так и для шахтеров. Шахты Кузбасского угольного бассейна смогли выдавать более половины от всех потребностей страны в угле. Существовала реальная угроза остановки ТЭЦ, коллапс транспортной системы не позволял вовремя отгружать потребителям выработанный уголь[105]. Нужды железнодорожных перевозок четырех дорог Сибири требовали не менее 67 тыс. грузовых вагонов, но реально насчитывалось не более 59 625. Подвижной состав значительно износился, требовал замены, как и вся железнодорожная сеть. Транспортные проблемы напрямую затронули шахты: из-за отсутствия пустых вагонов кузбасские горняки не располагали возможностями отправить потребителям гигантское количество угля: на 1 января 1942 г. на складах находилось 2,64 млн тонн угля, а к 1 марта 1942 г. количество подмерзшего и трудно перемещаемого скопившегося угля увеличилось до 3 млн тонн[106].

Ситуация несколько изменилась к лету 1942 г., после принятия соответствующих организационных мер со стороны Государственного Комитета Обороны. Постепенно стало восстанавливаться производство горного шахтного оборудования на Анжеро-Судженском, Томском, Прокопьевском, Черемховском заводах. К концу 1942 г. сибирские заводы Наркомата угольной промышленности восстановили выпуск горного оборудования. Были построены новые предприятия шахтного оборудования в городах Ленинске-Кузнецком, Киселёвске и Прокопьевске[107].

В связи с началом наступления немецко-фашистских войск во второй половине 1942 г. на Волгу и Северный Кавказ было принято правительственное решение об эвакуации Сталинградского тракторного завода и смежников на Урал. СТЗ являлся крупнейшим предприятием страны, производящим средний танк Т-34. Эвакуация завода привела к серьезному сокращению выпуска этого массового танка, что, разумеется, негативно сказалось на ходе военной кампании. Для снижения неблагоприятных последствий снижения выпуска танков было принято решение об увеличении выпуска Т-34 на предприятиях Урала (на Уральском заводе тяжелого машиностроения и Кировском заводе). В сложном положении оказался Кировский завод в Челябинске, которому параллельно с освоением производства танка КВ пришлось внедрять технологии сборки Т-34.

На Уральском танковом заводе № 183 имени Коминтерна (УТЗ) основной технической проблемой было броневое производство. Сложные технологии оказались малоприменимы в экстремальных условиях военного времени. Инженерам завода пришлось пойти на существенное упрощение производства бронекорпусов. Качество изготавливаемой заводом брони оставляло желать лучшего, поэтому в противоборстве «снаряд — броня» победу, к сожалению, одерживали неприятельские снаряды. В комплексе причин можно выделить следующие: после эвакуации танкового завода из Мариуполя в Нижний Тагил упразднялись склады бронелиста и заготовок, следовательно, завод не мог создать необходимые запасы брони и был вынужден ориентироваться на поставки данных деталей с других предприятий. Сократились производственные площади, промышленное оборудование монтировалось в неприспособленных для этих целей помещениях. Если на Украине технологические операции выплавки брони и ее проката были совмещены, то УТЗ получал бронелисты с различных металлургических предприятий. И, наконец, на заводе имелись сложности с соблюдением технологий, что, в свою очередь, приводило к возникновению трещин на бронелистах[108]. Ситуация осложнялась и наличием острого кадрового дефицита. Из Харькова удалось эвакуировать весь административный персонал, но всего 10% рабочих[109].

Со второй половины 1943 г. Уральский танковый завод исправил сложившуюся негативную ситуацию, выполнял ежеквартальные планы производства танков. Наметилась положительная динамика устранения производственного брака и выпуска бездефектных машин. В 1942 г. количество качественных машин, представленных военпредам, составило 5–7%, в 1943 г. цифры увеличились в 2 раза — 14%, в 1944 г. — 29%, в 1945 г. — 49%[110].

Успехи танковой промышленности Германии, появление на фронте тяжелых танков «тигр», имеющих мощнейшее бронирование и 88-мм зенитное орудие, пробивающее броню Т-34, подвигли отечественных танкостроителей на создание новых перспективных моделей

Командир 2-й эскадрильи 566-го штурмового авиаполка В. И. Мыхлик
(впоследствии дважды Герой Советского Союза) в кабине штурмовика Ил-2М3

Истребители Як-7 на аэродроме Углово на Ленинградском фронте

Тяжелый танк ИС-2

Советский танкист ведет огонь из зенитного крупнокалиберного 12,7-мм пулемета ДШК, установленного на САУ ИСУ-152

Советский легкий танк Т-60 с десантом на броне

танков. Летом 1943 г. на УТЗ был сконструировал танк Т-43, имевший мощное лобовое бронирование, но по-прежнему вооруженный короткоствольным 76,2-мм орудием (Ф-34), что было недостаточно для поражения новых немецких танков. Серийное производство Т-43 не начиналось в виду устаревания его боевых показателей. В феврале 1944 г. заводчанам удалось разработать перспективную модель танка Т-44, имевшего мощное бронирование, новую трансмиссию, радиостанцию, длинноствольную 85-мм пушку, способную пробивать броню немецких «тигров». Люк механика-водителя располагался на подбашенном броневом листе[111]. Однако Уральский танковый завод по объективным причинам не приступил к серийному выпуску Т-44. После освобождения Харькова приказом наркома танковой промышленности В. А. Малышева от 5 октября 1943 г. на основе ранее существовавших танковых заводов был организован завод № 275[112], на котором в дальнейшем развернуто серийное производство танка Т-44.

Не менее выдающиеся успехи во время войны продемонстрировал Уральский завод тяжелого машиностроения. С 1 октября 1941 г. завод полностью прекратил производство гражданской продукции. Специализацией завода стало производство танковых корпусов Т-34 и КВ. Однако с весны 1942 г. на заводе началось серийное производство танков Т-34, одновременно завод постепенно сворачивал производство корпусов танка КВ. Внешне грозная машина имела серьезные проблемы с трансмиссией, управлением и обзорностью для экипажа. К началу 1943 г. заводу ставилась задача довести производство танков

Т-34 до 350 в месяц, но в дальнейшем план задания был снижен до 300 танков в месяц[113]. Завод испытывал сложности из-за перебоев в поставке броневого листа от Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов[114].

Решением ГКО в начале 1942 г. артиллерийское производство Уральского завода тяжелого машиностроения выделялось в самостоятельный завод[115]. Одновременно Уралмашзавод разработал и внедрил в производство самоходную артиллерийскую установку СУ-35, получившую широкую известность под индексом СУ-122, созданную на базе танка Т-34 и вооруженную гаубицей М-30[116]. Осуществляя одновременно две программы по производству танков Т-34 и СУ-122, Уралмашзавод испытывал значительное напряжение сил: не всегда справлялся с выполнением государственных заданий, выдавал большой процент бракованной продукции. В дальнейшем завод, начиная с третьего квартала 1943 г., перешел на производство технически более совершенных самоходных артиллерийских установок СУ-85, изготовив 2653 машины[117]. Важным этапом в производственной истории завода стали освоение и выпуск, начиная с 14 апреля 1944 г., САУ СУ-100 при одновременном продолжении изготовления СУ-85 в условиях перманентной модернизации обоих изделий[118]. До конца войны Уралмашзавод выпустил 1770 самоходных артиллерийских установок СУ-100[119]. Он стал единственным заводом, производившим средние самоходные артиллерийские установки, и поставлял готовые броневые корпуса для СУ-152. Одновременно Уралмашзавод освоил производство корпусов нового тяжелого танка ИС-3, выпуск которого не терял своей актуальности и после окончания Великой Отечественной войны.

Неоценима роль Кировского завода в Челябинске, освоившего производство танковых дизельных двигателей В-2. Модернизация тяжелого танка КВ-1, начавшаяся летом 1942 г., потребовала максимальной мобилизации сил трудового коллектива предприятия. Постановлением ГКО от 20 августа 1942 г. на вооружение был принят КВ-1с. Конструкторы постарались преодолеть недостатки прежнего танка: улучшилась система охлаждения, появились новая коробка передач, башня обтекаемого размера[120]. Челябинский Кировский завод с 1943 г. производил тяжелые самоходные артиллерийские установки СУ-152 и ИСУ-152 (на базе танка ИС-1). В конце 1943 г. предприятие освоило в процессе модернизации переходной модификации КВ-85 выпуск тяжелых танков ИС. В 1944 г. завод перешел на изготовление тяжелого танка ИС-2 с одновременным прекращением производства Т-34, производя 500 машин в месяц[121].

Завод № 237, образованный в результате слияния трех эвакуированных предприятий — Московского завода № 237, завода КИМ и Подольского завода — за время нахождения в Свердловске произвел 1249 легких танков Т-60[122]. «Неуловимая саранча» — танк Т-60, несмотря на малые размеры и слабое вооружение (20-мм автоматическая пушка и пулемет ДТ), принял на себя всю тяжесть начального периода войны. Используемые в нем агрегаты грузовых автомобилей, поставляемых из Горького, позволили нашей стране выстоять в годы суровых испытаний.

Внедрение новаций в оборонной промышленности СССР определялось в 1941–1945 гг. логикой развития военной техники. Вся работа отечественных военных инженеров и конструкторов направлялась на достижение не столько экономических показателей, сколько технических. Например, за годы войны оборонная промышленность освоила производство 25 модификаций самолетов, 23 видов авиационных двигателей, которые превзошли технические решения инженеров фашистской Германии. Война показала высокую конкурентоспособность отечественного военного авиастроения, танкостроения, производства стрелкового оружия и боеприпасов.

Начавшаяся Великая Отечественная война не привела к полной деградации национальной экономики, а, наоборот, завершила наметившиеся в годы первых пятилеток тенденции в развитии территорий Советского Союза. Развитие восточных регионов явилось важным этапом на пути преодоления отставания периферийных районов, позволило сформировать высокий уровень производственной культуры.

Финансовая политика и финансовое обеспечение Победы

Военная Победа в Великой Отечественной войне была одержана во многом благодаря победе в экономическом соревновании противоборствующих сторон. Значительную роль в достижении военно-экономической победы сыграли финансы. Финансовое обеспечение достижения победы — это система взаимосвязанных мероприятий государства, командования и финансовой службы армии и флота по целенаправленному использованию денежных ассигнований на разгром врага.

В определенном смысле финансы можно рассматривать как своеобразную «кровеносную систему» экономики, каналы которой позволяют перемещать потоки жизненно важных ресурсов, питающих отрасли экономики и социальные институты. Финансы как гибкий экономический инструмент глубоко проникают в каждую отрасль хозяйства, опосредуя движение необходимых для них видов ресурсов. В этом проявляются их колоссальные мобилизационные возможности, позволяющие концентрировать ресурсы на обеспечение необходимых потребностей, рационально и оперативно распределять их по сферам деятельности государства. И это обстоятельство особенно высоко ценится в условиях формирования военной безопасности государства. Возможности финансов зависят от состояния экономики страны, ее хозяйственной мощи, глубины развития денежных отношений и их стимулирующей роли в повышении эффективности хозяйствования, наличия резервов для адекватных ответов на различные вызовы, особенно в военной области.

В предвоенный период выполнение пятилетних планов развития хозяйства, государственных бюджетов страны создавало возможность выделять необходимые ресурсы на оборону страны в соответствии со складывающейся международной обстановкой. В годы предвоенных пятилеток ускоренными темпами увеличивался национальный доход страны, составивший в 1928 г. 25 млрд рублей, в 1932 г. — 45,5 млрд, в 1937 г. — 96,3 млрд, в 1940 г. — 128, 3 млрд (в неизменных ценах 1926–1927 гг.). Таким образом, в 1940 г. национальный доход страны увеличился по сравнению с 1928 г. в 5,1 раза[123].

Усложнение международной обстановки, угроза военного нападения на нашу страну потребовали соответствующих мер по повышению военной и военно-экономической готовности, что отразилось и в росте военных расходов. Только за два года (1938 и 1940 гг.) расходы на оборону выросли почти в 2,5 раза.

Таблица 8

Доля военных расходов госбюджета СССР[124]
(млрд руб.)

	1938 г.	**1939 г.**	**1940 г.**	**Итого за три года**
Расходы госбюджета СССР	124,0	153,3	174,4	451,7
Расходы на оборону (НКО и НКВМФ)	23,2	39,2	56,8	119,2
В % к общей сумме	18,7	25,6	32,6	26,4

Активная роль финансов в повышении обороноспособности страны в довоенный период выражалась:

— в выделении крупных сумм денежных средств на финансирование тяжелой промышленности — основы военно-экономического могущества страны;

— в широкой финансово-кредитной помощи отраслям оборонной промышленности;

— в проведении ряда специальных финансовых мероприятий, направленных на усиление военно-экономического могущества;

— в льготной политике цен на продукцию оборонной промышленности.

Обеспечивая в предвоенные годы необходимыми ресурсами процесс развития тяжелого машиностроения, оборонной промышленности, содержания армии и флота, государство имело в хозяйстве определенные резервы, способные компенсировать затраты при наличии непредвиденных вызовов в той или иной области. Так, основу доходов бюджета в 1940 г. составляли поступления от хозяйственной деятельности (налог с оборота и отчисления от прибылей — 70% всех доходов бюджета) и относительно невысокий уровень налогов и сборов с населения (5,2%), что создавало возможность иметь дополнительный резерв в военное время.

Предвоенное развертывание вооруженных сил и увеличение военных расходов потребовало и соответствующих организационных и финансово-экономических мероприятий в системе военных ведомств. Это было необходимо для того, чтобы увеличивающийся поток военных ассигнований использовался в армии и на флоте с высокой эффективностью и соответствовал целям и задачам строительства армии и флота в предвоенных условиях.

Начиная с 1930 г. были приняты меры по централизации военных ассигнований в едином органе — Финансовом управлении НКО СССР. Рядом решений в военно-финансовой области были определены четкие права соответствующих держателей кредитов и денежных средств, их ответственность за рациональное и законное использование ассигнований. Развертывание армии и флота, появление новых организационных звеньев, систем командования требовало четкого определения соответствующих прав и обязанностей начальствующего состава по расходованию денежных средств и подчинения начальников финансовых органов непосредственно командирам (начальникам).

По мере роста экономических возможностей государства, усложнения обязанностей военнослужащих (особенно командного и начальствующего состава), появления новых воинских специальностей возникла необходимость в изменении системы денежного довольствия военнослужащих. Большое значение в этом направлении имело введение в 1935 г. персональных воинских званий. С учетом этого в 1937 г. было принято новое положение о денежном довольствии военнослужащих, а в 1938 г. всем категориям военнослужащих были существенно повышены оклады денежного содержания. В результате принятых мер денежное довольствие командира роты, например, в 1939 г. по сравнению с 1934 г. выросло в 2,7 раза, общие расходы на содержание войск по смете Наркомата обороны увеличились в 1940 г. по сравнению с 1938 г. тоже в 2,7 раза.

В канун войны 5 июня 1941 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начсостава, лицам младшего начальствующего состава и специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям». Это постановление по своему содержанию исходило из учета предвоенной обстановки и определяло алгоритм действий пенсионных органов при назначении пенсий и пособий как в мирной, так и военной обстановке.

Учитывая особенности организации финансовой деятельности в период войны и необходимость соблюдения режима экономии, в начале 1941 г. было принято новое положение о финансовом контроле в Наркомате обороны СССР, основные позиции которого сохранялись и в годы войны. Большое значение для планирования и организации системы мероприятий по обеспечению предвоенной готовности финансовой службы армии и флота имела «Инструкция о финансировании войсковых частей и учреждений Красной армии в военное время», утвержденная приказом НКО 12 апреля 1941 г.

Нападение на СССР фашистской Германии потребовало от финансовой системы страны кардинальных решений по изысканию ресурсов для обеспечения противодействия нависшей угрозе. На финансирование срочных мер были обращены бюджетные резервы, свободные ресурсы предприятий и другие источники, что позволило справиться с первыми финансовыми трудностями начального периода войны. Необходимо было изменить конкретные формы и методы мобилизации ресурсов: существенно снизились доходы от народного хозяйства, и требовалось изыскивать новые источники финансирования возрастающих потребностей.

В годы войны доходы от народного хозяйства (налог с оборота и отчисления от прибыли) упали в государственном бюджете по сравнению с 1940 г. на 20% (с 70% в 1940 г. до 50% по итогам финансирования войны). Существенно выросли налоги и различные сборы с населения (включая государственные займы) — с 12,5% в 1940 г. до 27% по итогам войны, причем налоги с населения выросли с 5,2% в 1940 г. до 13,2%. Так, были повышены цены на алкоголь, табак, парфюмерию, ограничивалось изъятие населением вкладов из сберегательных касс (максимальная сумма возможного изъятия составляла до 200 рублей, а всего в сберкассах находилось вкладов населения около 7 млрд).

Начиная с июля 1941 г. были введены: надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам; специальный военный налог, который за годы войны дал бюджету 72,1 млрд рублей; налог на холостяков и малосемейных граждан; было выпущено четыре государственных займа (от них в бюджет поступило 76 млрд рублей). В 1941–1945 гг. патриотическими усилиями трудящихся был создан Фонд обороны, в который поступило денежных средств на сумму 17,8 млрд рублей, не считая ценностей в валюте, драгоценностей, золота и серебра.

Особенно тяжелым был 1942 г., когда расходы на обеспечение потребностей войны составили 59,3% общей суммы расходов бюджета, то есть достигли возможного предела для функционирования экономики страны в целом. Дефицит бюджета составил 17,8 млрд рублей, что было покрыто дополнительной эмиссией денег. Надо отметить, что к дополнительной эмиссии государство прибегало для сбалансирования государственного бюджета в связи с дефицитом, а также для кредитования работ, связанных с восстановлением народного хозяйства страны в освобожденных районах. Дополнительная эмиссия (за 1941, 1942 и 1943 гг. дефицит бюджета составил 37,8 млрд рублей), обеспечение других государственных потребностей привели к тому, что денежное обращение за годы войны выросло в 3,8 раза при сокращении товарного оборота в 1945 г. по сравнению с 1940 г. примерно в 3 раза, что, естественно, отразилось на покупательной способности рубля[125]. Государственный бюджет 1944 г. был сведен без дефицита.

Быстрый рост военных расходов был характерен для начального периода войны. Хотя 1941 г. и был наполовину мирным, расходы за этот год выросли на 42,6% по сравнению с 1940 г. В 1942 г. они увеличились по сравнению с предыдущим годом на 30,6%. Начиная с 1943 г. военные расходы относительно стабилизировались. В 1943 г. этот рост составлял 15,3%, в 1944 г. — 12,4%, в 1945 г. военные расходы сократились по сравнению с 1944 г. на 6,5%.

Финансовое обеспечение колоссальных потребностей периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. наиболее полно характеризуется доходами и расходами государственного бюджета страны в этот период.

Таблица 9

Доходы государственного бюджета СССР за годы войны
(млн руб.)[126]

	1940 г.	**1941 г.**	**1942 г.**	**1943 г.**	**1944 г.**	**1945 г.**	**Итого за 1941–1945 гг.**
Доходы	180 241,3	176 984,5	164 975,7	204 383,4	268 743,3	302 034,1	1 117 121,0
В том числе: налог с оборота	105 881,4	93 226,7	66 393,8	70 963,5	94 919,2	123 092,5	448 595,7
отчисления от прибылей	21 719,5	23 502,3	15 341,8	20 096,0	21 408,2	16 854,4	97 202,7
доходы МТС	2007,6	1448,1	743,8	588,2	742,9	718,5	4241,5
налоги с предприятий и организаций	3228,8	3133,8	1936,2	2859,2	3481,7	3330,8	14 741,7
налоги с населения	9435,3	10 812,5	21 594,0	28 626,7	37 008,0	39 839,2	137 880,4
местные налоги и сборы	1925,4	1267,2	2022,3	3372,8	5767,8	6293,5	18 723,6
государственные займы	11 450,0	11 480,2	15 276,1	25 484,9	32 585,0	28 991,6	113 817,8

Таблица 10

Расходы государственного бюджета СССР за 1940–1945 гг.
(млн руб.)[127]

Расходы	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Итого за 1941–1945 гг.
Народное хозяйство	58 263,6	51 656,8	31 556,6	33 082,5	53 748,1	74 357,7	244 401,7
Социально-культурные мероприятия	40 903,0	31 398,7	30 315,4	37 680,8	51 273,0	62 711,1	213 379,0
Оборона	56 752,0	82 974,5	108 404,6	125 005,6	137 759,9	128 239,4	582 384,0
Содержание органов государственного управления	6841,2	5107,9	4335,8	5239,0	7384,3	9221,4	31 288,4
Всего	174 350,2	191 398,1	182 841,4	209 989,2	263 962,4	298 590,7	1 146 781,8

В период Великой Отечественной войны финансовая система удовлетворяла прежде всего расходы, связанные с обороной страны. За годы войны государственный бюджет мобилизовал 1117,1 млрд рублей, из которых 582,4 млрд (или 50,8%) пошли на военные нужды. Следует считать этот объем военных ассигнований почти пределом того, что может выделить государство на армию и флот без существенного ущерба для развития производства при сохранении необходимого уровня жизни.

Устойчивые тенденции в развитии финансовых отношений в стране в предвоенный период, активизация роли финансов в мобилизации необходимых денежных ресурсов, высокая маневренность и избирательность конкретных форм и методов работы, режим экономии в решающей степени влияли на развитие военных финансов, на систему финансирования вооруженных сил.

Народное хозяйство и хозяйство армии и флота в годы войны были единым воюющим финансово-экономическим механизмом, централизованно управляемым на государственном уровне. Все финансовые мероприятия в армии и на флоте, осуществляемые в интересах победы, были частью общих задач финансовой системы государства в целом по обеспечению невиданных по масштабу сражений. Это четко проявилось в работе финансовой службы армии и флота в период войны.

Появление с началом войны сложных задач, связанных с мобилизацией населения, обеспечением денежными средствами воинских частей, убывающих в действующую армию, изменением условий жизни во фронтовых условиях, обеспечением эвакуируемых членов семей военнослужащих, появлением большой массы раненых, не вызвало замешательства в работе финансовой службы, так как основные решения были заранее определены специальной предвоенной инструкцией.

Организационно финансовая служба армии и флота тоже была ориентирована на работу в условиях войны, однако начало боевых действий потребовало внесения определенные изменений. В начале войны на основе имеющихся данных были приняты меры к сокращению объема денежных средств, находящихся в войсках по нормам обеспечения мирного времени, что было направлено на предотвращение потерь денежных средств в боевой обстановке. Однако в ходе боевых действий некоторыми воинскими частями и соединениями были потеряны значительные суммы денежных средств. Общая сумма этих потерь на 1 апреля 1942 г. составила 30,4 млн рублей, в том числе: сгорело в ходе боевых действий 3,2 млн, зарыто в землю 1,6 млн, уничтожено воинскими частями при отступлении 8,3 млн, захвачено противником 3,2 млн, числилось за финансовыми работниками, пропавшими без вести, 5,9 млн[128].

Мобилизация всех сил нации под лозунгом «Все для фронта, все для победы», колоссальные ассигнования из бюджета, героические усилия всего народа привели к созданию мощного, соответствующего требованиям времени военного хозяйства — экономики вооруженных сил. «Все для фронта» значило не только изыскание источников питания войны материаль-

Члены колхоза «Борьба» вносят сбережения на постройку авиаэскадрильи.
Слева направо: С. И. Васютин, Г. С. Болтунов, М. Е. Иванова, С. С. Аксёнова, П. В. Братчикова, Г. И. Растопчин

ными и финансовыми ресурсами, но и достижение высокой эффективности использования всех видов ресурсов, создания режима строжайшей экономии. Для проведения такой крайне важной экономической задачи в хозяйстве армии и флота был классический рычаг, хорошо показавший себя во всех сферах хозяйствования — финансы с их контрольной функцией.

Большая часть общественного продукта в годы войны направлялась на обеспечение армии и флота. Военное производство потребляло 70% проката черных металлов, более 30% качественных сталей, около 80% меди и цинка, 75% свинца, 90% алюминия, 100% магния. Эти и другие металлы в производстве превращались в вооружение, военную технику и военное имущество. И за все это Наркомат обороны рассчитывался полностью через военно-финансовую службу.

Расходы на вооружение, военную технику и военное имущество занимали ведущее место в общей структуре военных расходов, и это обстоятельство требовало особого внимания финансовой службы. Удельный вес расходов на оплату заказов вооружения и военной техники в смете Наркомата обороны составлял в 1941 г. — 33,5%, в 1942 г. — 33,7%, в 1943 г. — 33,9%, в 1944 г. — 34,7%. Некоторое снижение расходов произошло в 1945 г. За 1941–1945 гг. структура расходов на вооружение и военную технику, характеризуется следующими данными: артиллерийское вооружение — 43%, авиационное — 30%, бронетанковое и автотранспортное — 21,9%, прочее — 5,1% ко всем расходам на вооружение и военную технику[129].

Темп роста расходов на вооружение и боевую технику был выше соответствующих показателей других расходов на оборону, что обусловлено возрастающим объемом поставок. В системе экономических мер, осуществляемых финансовой службой в области повышения эффективности расходов на формирование материальной базы вооруженной борьбы, главное место с самого начала войны занял контроль цен на военные поставки.

Быстрый рост объемов производства по всем видам вооружения и военной техники, переход к их массовому производству, привлечение к выпуску оборонной продукции предприятий, не имевших опыта работы по производству товаров военного назначения, приводили к резкому росту расходов на эти цели, а следовательно, к неоправданному завышению цен. Кроме того, сложно складывалось военное производство на эвакуированных предприятиях. Вследствие этого в начальный период войны наблюдались серьезные различия в уровне цен. Так, бронелист для танков в начале 1942 г. Магнитогорским комбинатом поставлялся по цене 700 рублей за единицу, Выксунским заводом — по 1100 рублей, Чусовским — по 1300 рублей. В 1943 г. на бронелисты для всех предприятий была установлена унифицированная цена 650 рублей за единицу. Себестоимость 100 корпусов ручной гранаты РГ-42 на предприятиях Москвы колебалась от 1450 до 5693 рублей[130].

Решить задачу по анализу условий ценообразования, складывавшихся в новых обстоятельствах, финансовая служба в штатной организации мирного времени не могла, да и не было необходимого опыта работы в этой области. Специально созданной Государственной комиссией под руководством заместителя председателя СНК СССР А. И. Микояна для исправления создавшегося положения было предложено существенно расширить возможности финансовой службы Наркомата обороны по контролю системы экономических отношений при поставках вооружения и военной техники, определив основной задачей контроль системы ценообразования на военные поставки и состояния расчетов за поставленное имущество.

Для этого в составе Финансового управления Наркомата обороны был создан мощный отдел цен и калькуляции, на который возлагались обязанности по организационному и методическому руководству работой по ценам в главных и центральных управлениях, а в составе этих управлений расширены и укреплены органы по калькуляции цен и контроля их обоснованности. На отделы цен и калькуляции возлагались обязанности ведения непрерывной работы по изучению издержек производства на предприятиях, анализу плановых и отчетных данных.

Вновь созданные органы контроля начали работу во второй половине 1941 г., и пересмотр цен по итогам года дал ощутимые результаты в снижении затрат наркоматов-поставщиков. По итогам проверки за 1942 г. снижение цен на поставляемую продукцию составило по сравнению с уровнем 1941 г. 25,6%. Наибольшего снижения цен удалось достигнуть на предприятиях танковой промышленности — 32,7%, авиационной промышленности — 28%, Наркомата вооружения — 27,7%, Наркомата боеприпасов — 26,4%. Еще более масштабными были мероприятия по экономии всех военных издержек на поставках вооружения и военной техники в 1943, 1944 и 1945 гг.

Таблица 11

Динамика цен на поставки образцов вооружения
(тыс. руб.)[131]

Наименование образца вооружения	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Самолет Ил-4	800	468	380	380	380
Самолет Ли-2	650	510	424	424	–
Самолет Пе-2	420	353	265	265	265
Танк КВ	635	295	225	–	–
Танк Т-34	269,5	193	135	135	–
Танк Т-34-85	–	–	164	164	142
122-мм гаубица М-30	94	39	35	35	35
Пистолет-пулемет ППШ	0,5	0,4	0,14	0,148	0,148
7,62-мм винтовка	0,163	0,12	0,1	0,1	0,1

В успешном финансовом обеспечении победы экономическая деятельность военно-финансовой службы и коллективов оборонных предприятий играли важную роль. Общая экономия, полученная от снижения цен на военные поставки в годы Великой Отечественной войны, составила: по артиллерийскому вооружению — 22,894 млн рублей, по авиационному — 14,153 млн, по бронетанковому — 10,408 млн, по минометному — 1,707 млн, по остальным видам вооружения и военной техники — 1,184 млн[132].

В условиях, когда страна напрягала усилия в борьбе с сильным и крайне опасным врагом, такой общий вклад в победу стоит очень дорого. Недаром министр финансов СССР А. Г. Зверев в своей книге «Записки министра» писал, что финансовому управлению Наркомата обороны и финансовым органам главных и центральных управлений «удалось вследствие одного лишь умелого пересмотра калькуляции цен на изделия и разумной экономии материалов оборонных заводов сохранить для государства 50,3 млрд руб. — гигантская сумма, равная расходам за 138 дней войны»[133].

Финансовая служба в период войны активно изыскивала различные способы экономии военных ассигнований. Примером этого является внедрение системы выплаты премий военнослужащим за сбор и возврат стреляных орудийных гильз и специальной укупорки. Только за 1943 г. фронтами было возвращено в промышленность 76% стреляных гильз, стоимость которых по тем ценам составила 738 млн рублей, при этом на выплату премий было израсходовано 38 млн, а стране возвращено 94 957 тонн остродефицитной латуни. В 1945 г. на выплату премий было израсходовано 33,7 млн рублей, а латунных гильз возвращено в промышленность на 719 млн[134].

Еще одним важным направлением работы финансовой службы в решении экономических вопросов в области военных поставок была проблема сохранения грузов, укрепления дисциплины поставок, внедрения жесткого порядка в организации расчетно-финансовых отношений между заказчиками и поставщиками.

Колоссальная загруженность транспорта, воздействие противника на военные транспорты, возрастание объема поставок существенно осложняли работу по сохранению и доставке грузов. Чтобы не допустить нанесения ущерба государству, по каждому случаю утраты грузов и недопоставки по назначению необходимо было проводить тщательную проверку или расследование для выявления виновников. Выполнение этих задач было возложено на финансовые органы заказчика как в центре, так и на фронтах, в военных округах. Это был ответственный участок работы финансовых органов, и он приносил довольно ощутимые плоды.

В решениях, принимаемых правительством в области военных поставок, постоянно подчеркивалось, что все сложности военного времени в изготовлении и поставке оборонной продукции не должны мешать выполнению выработанных планов материально-технического обеспечения войны. На страже этих требований стояла разработанная жесткая претензионная система пени и неустоек. Так, в 1942 г. за невыполнение поставщиками принятых обязательств по количеству и срокам поставки военной продукции было начислено пени и неустоек поставщикам на 240 млн рублей[135].

Особенности решения технико-экономических вопросов в области выполнения государственного заказа для обеспечения военных потребностей по опыту работы заказчиков и поставщиков в 1941 и 1942 гг. были определены «Основными условиями поставки продукции для военных организаций» и «Основными условиями выполнения ремонта военного имущества», введенными в действие с января 1943 г.

«Основные условия поставки продукции для военных организаций» как единый нормативный акт, учитывающий опыт работы поставщиков и заказчиков в 1941 и 1942 гг., дал в руки заказчиков, поставщиков и финансовой службы Наркомата обороны четкий алгоритм действий по основным вопросам военных поставок. Проведенные Финансовым управлением НКО проверки по ряду вопросов после выхода этого документа отмечали значительное улучшение производственных и финансово-экономических результатов в работе поставщиков и заказчиков. Строгой проверке подвергся процесс поступления и оприходования военного имущества. По военно-воздушным силам стоимость не подтвержденного получением

имущества составляла: на 1 июля 1944 г. — 230 млн рублей, на 1 октября 1944 г. — 95,3 млн, на 1 января 1945 г. — только 41,2 млн[136].

Огромная экономическая работа, проведенная финансовой службой Наркомата обороны — это большой вклад в общий процесс финансового обеспечения победы, который был достигнут также благодаря героическому труду коллективов оборонных предприятий, интересы которых учитывались при установлении цен на изготовленную продукцию. При возмещении затрат предприятий, включаемых в цену изделия, всегда учитывалась необходимость создания денежных фондов у предприятия на обеспечение их производственных и социальных потребностей.

В мероприятиях по финансовому обеспечению победы важное место занимает система денежного довольствия военнослужащих. Всего за годы войны с учетом военнослужащих, которые находились на военной службе на 22 июня 1941 г., были привлечены в армию, на флот, формирования НКВД и другие ведомства 34,5 млн человек. На начало июля 1945 г. общая численность военнослужащих, находящихся в строю и на излечении, составляла 12,8 млн человек[137].

На фронте и в тылу материальные потребности военнослужащих удовлетворялись в натуре за счет государства, но денежное довольствие выступало важной составной частью общей системы обеспечения многомиллионной армии рядовых, сержантов, офицеров и генералов. Денежное довольствие рядового и сержантского состава являлось средством обеспечения их незначительных нужд, для офицерского состава оно выступало средством обеспечения семей, находящихся в тылу, а также материальных потребностей офицерского состава во фронтовых условиях через систему военной торговли и источником накопления на вкладных книжках.

Большая численность военнослужащих на фронте и в тылу, введение новых видов денежного довольствия, повышение окладов в связи с экстремальными условиями боевой деятельности нашли свое отражение в росте расходов на эту цель в смете Наркомата обороны. Более того, эти расходы по темпу возрастания обгоняли рост расходов на обеспечение других видов воинской деятельности. Так, если общие расходы по смете Наркомата обороны в 1945 г. выросли по сравнению с 1940 г. в 2,53 раза, то расходы на денежное довольствие военнослужащих — в 5,4 раза. Расходы на денежное довольствие военнослужащих в годы войны по сравнению с другими видами расходов составили (в отношении к итогу): в 1941 г. — 18,8%, в 1942 г. — 24,4%, в 1943 г. — 25,9%, в 1944 г. — 25,5%, в 1945 г. — 38%[138].

Характерной особенностью мероприятий по совершенствованию системы денежного довольствия был ее поощрительный характер. Материальное стимулирование активных боевых действий военнослужащих, роста их боевого и профессионального мастерства было одним из факторов, способствовавших достижению победы над врагом через повышение личной заинтересованности в результатах боевой деятельности, качественных показателей воинского труда. Для достижения этого вносились изменения в тарифную систему, вводились новые добавочные виды денежного довольствия, носящие характер ежемесячных и единовременных выплат.

Военнослужащим срочной службы оклады содержания в годы войны определялись по специальной тарифной сетке в размерах: рядовому составу по первому году службы — 8 рублей 50 копеек, по второму году службы — 11 рублей, ефрейтору — 12 рублей 50 копеек. Оклады сержантского состава определялись также в зависимости от года службы: так, младший сержант первого года службы получал 15 рублей, самый высокий оклад среди сержантского состава определялся старшине третьего года службы в размере 150 рублей. Оклады офицерскому составу устанавливались по 31-разрядной тарифной сетке от 550 рублей по первому разряду до 3200 рублей по 31-му разряду.

Первым шагом по пути отражения в системе денежного обеспечения военнослужащих условий действующей армии было введение полевых денег. Полевые деньги выплачивались всем военнослужащим частей действующей армии (до армейского тыла включительно) в зависимости от получаемых основных окладов денежного содержания. Военнослужащим,

получавшим оклад содержания до 40 рублей, от 40 до 75 рублей и выше 75 рублей в месяц полевые деньги выплачивались соответственно в размере 100%, 50% и 25% оклада содержания. Полевые деньги больным и раненым, находящимся в лечебных учреждениях, расположенных в пределах армейского тыла, выплачивались в этих же размерах.

Стимулирование активной боевой деятельности осуществлялось не только политикой дополнительных выплат к существующим окладам содержания, но и за счет изменений тарифных ставок. Начало этому было положено введением повышенных окладов в сентябре 1941 г. личному составу четырех гвардейских дивизий, а затем и другим частям и соединениям, удостоенным гвардейских званий. Всему начальствующему составу гвардейских соединений и частей устанавливалась выплата полуторных, а бойцам — двойных окладов денежного содержания. В таких же размерах в период войны выплачивались оклады личному составу частей и соединений, входивших в ударные армии и ударные авиационные группы.

Меры материального стимулирования за успешную боевую деятельность часто касались определенных, наиболее ценимых и важных в данный период воинских специальностей. Так, с сентября 1941 г. были повышены оклады военнослужащим воздушно-десантных войск: начальствующему составу — на 10–15%, рядовому и младшему начальствующему составу — на 25%. В мае 1942 г. новые боевые высокие оклады установили снайперам. Кроме увеличения окладов вводилась выплата вознаграждения за каждое участие в боевой операции.

В связи с возрастанием ответственности командного состава с января 1942 г. были повышены оклады денежного содержания командирам и комиссарам дивизий на 37,5%, бригад — на 25%, полков — на 44%. Затем рядом приказов народного комиссара обороны были повышены оклады содержания начальникам штабов соединений и частей, руководящему составу армий, округов, фронтов.

В ходе войны большое распространение получили различные добавочные виды денежного довольствия, носившие конкретный характер. Добавочные виды денежного довольствия были непосредственно связаны с результатами боевой деятельности военнослужащих. Это был дополнительный материальный стимул в борьбе за уничтожение опасных мощных видов боевой техники противника, нанесение ущерба его промышленным и военным объектам. Исходя из конкретных целей и задач борьбы с противником в определенные периоды войны, довольно значительное материальное стимулирование коснулось личного состава авиации, которому наряду с награждением орденами устанавливалось и денежное вознаграждение. Так, летчику-истребителю за каждый сбитый самолет противника выплачивалась 1 тыс. рублей, за успешные штурмовые действия по войскам противника за пять вылетов — 1500 рублей, за 15 вылетов — 2 тыс., за 40 вылетов — 5 тыс. Денежные вознаграждения устанавливались экипажам бомбардировочной и штурмовой авиации за разрушение и уничтожение объектов противника и за сбитые в бою самолеты, экипажам ближнеразведывательной и дальнеразведывательной авиации, а также за вылеты на самолетах Ил-4, другие успешные боевые действия на различных видах самолетов и за сбережение материальной части[139].

Танки были основной боевой силой сухопутных войск в немецко-фашистской армии. Поэтому по опыту сражений первого года войны в 1942 г. в Красной армии была введена выплата премий за подбитые танки противника личному составу орудийных расчетов истребительно-противотанковой артиллерии, а чуть позже установлена выплата премий за подбитые танки расчетам противотанковых ружей, экипажам танков, артиллеристам других видов артиллерии, а также за танки, подбитые индивидуальными средствами борьбы (чаще всего связками гранат или противотанковыми гранатами). За каждый уничтоженный, подбитый или подожженный вражеский танк выплачивалась премия. Например, расчету противотанковых ружей: наводчику — 500 рублей, номеру противотанкового ружья — 250 рублей; экипажу танка: командиру, механику-водителю и командиру орудия — по 500 рублей, остальным членам экипажа — по 200 рублей; за уничтожение танка индивидуальными средствами борьбы — 1 тыс. рублей[140].

Широкое распространение получила система присвоения военнослужащим классной квалификации и выплаты специального вознаграждения. Это касалось механиков-водителей

танков, телеграфистов и радиотелеграфистов, трактористов, тракторных механиков и ряда других специальностей.

Система материального стимулирования успешного воинского труда военнослужащих — это дополнительное и очень важное звено, которое связывало интересы защиты Родины с личными интересами и улучшало материальное положение военнослужащих и членов их семей. Денежная оценка воинского труда распространялась на все виды специфических сфер его применения. Война породила такие сферы военной деятельности, которые не были известны в мирное время, и для каждого из них требовалось установить нормы денежного довольствия, соответствующие условиям выполняемых функций.

Уже в июле 1941 г. специальным постановлением ГКО был решен вопрос о денежном содержании личного состава частей и соединений народного ополчения. За вступившим в части народного ополчения сохранялся на предприятиях средний заработок, а со дня передачи частей народного ополчения в распоряжение НКО СССР им сверх этого выплачивались и полевые деньги. При переходе бойцов народного ополчения в кадры Красной армии им денежное довольствие выплачивалось по нормам, установленным для военнослужащих.

Свои нормы и условия денежного обеспечения устанавливались и для партизан. Им выплачивались пособия в размере: командиру отряда и комиссару — 750 рублей, заместителю командира отряда — 600 рублей, командиру роты и по понижающейся шкале личному составу, занимавшему соответствующие должности, — 500 рублей.

Определенные сложности испытывали органы финансовой службы в работе по денежному обеспечению раненых и больных: часто раненые военнослужащие поступали в лечебные учреждения без соответствующих документов, дающих право на выплату денежного довольствия, и в связи с этим ущемлялись права военнослужащих. Нужны были определенные меры, которые могли бы обеспечивать раненых и больных с учетом условий войны. В сентябре 1942 г. было найдено более приемлемое решение этого вопроса: лица рядового и младшего начальствующего состава при наличии любых документов, подтверждающих занимаемые должности, обеспечивались по этим должностям. Свой порядок обеспечения раненых был установлен и для лиц офицерского состава.

Важная часть работы финансовой службы НКО СССР — выплата части денежного довольствия в виде денежных аттестатов на семьи генералов, офицеров и сверхсрочнослужащих. Ежегодные выплаты семьям по аттестатам в период войны достигали 6 млрд рублей.

Во исполнение решений руководства Наркомата обороны Финансовое управление НКО в сентябре 1941 г. обязало мобилизовать весь финансовый аппарат на немедленную организацию выдачи аттестатов семьям начальствующего состава Красной армии. Это означало, что все офицеры действующей армии, имевшие семьи, должны были в обязательном порядке выслать им денежные аттестаты. Однако в первый период войны не всегда офицеры-фронтовики знали адреса своих семей, а члены семей — адреса своих кормильцев. Для выхода из создавшегося положения в Финансовом управлении НКО СССР была организована специальная картотека для установления связи между офицерами и их семьями. По запросам офицеров и генералов о месте жительства семей было сообщено свыше 174 тыс. адресов. Примерно такое же количество запросов поступило и от членов семей с поиском военнослужащих. Оформление денежных аттестатов производилось в финансовых службах воинских частей, а выплаты по ним — в военных комиссариатах.

Любая война связана с появлением массы раненых, больных и инвалидов, поэтому в годы Великой Отечественной войны встал серьезный финансовый вопрос о создании системы пенсионного обеспечения военнослужащих и членов их семей, соответствующей условиям войны. В трудных условиях финансового обеспечения колоссальной по размаху войны государство изыскало возможность израсходовать на пенсии и пособия более 50 млрд рублей[141]. Кроме того, были выделены значительные средства на различные виды материальной помощи по обеспечению медицинского обслуживания военных пенсионеров и членов их семей, снабжению инвалидов протезами, мотоколясками, слуховыми аппаратами и предоставлению других льгот и преимуществ.

Положение о пенсиях и пособиях военнослужащих и членов их семей было подготовлено накануне войны и введено в действие с 1 июля 1941 г. постановлением СНК СССР № 1474 от 5 июня 1941 г. Этим постановлением предусматривались для военнослужащих два вида пенсии: за выслугу лет и по инвалидности, а для их семей — пенсия по случаю потери кормильца. Кроме того, отдельными приказами определялся целый ряд вопросов, связанных с особенностями определения права и размера пенсии.

На основе опыта войны по пенсионному обеспечению военнослужащих и членов их семей ГКО 7 июля 1944 г. принял соответствующее решение, объявленное приказом НКО СССР № 100. Согласно этому постановлению пенсия за выслугу генералам, адмиралам и старшим офицерам, увольняемым в запас или отставку по состоянию здоровья или возрасту с выслугой 25 и более лет, начислялась из штатного оклада содержания по последней должности и процентной надбавки за выслугу лет. Кстати, эта норма пенсионного обеспечения, введенная в годы войны, распространяется на всех уволенных военнослужащих, имеющих право на пенсию, и в настоящее время. За годы Великой Отечественной войны количество военных пенсионеров возросло в 18 раз, расходы на выплату пенсий — в 96 раз.

Деятельность пенсионных органов Наркомата обороны не ограничивалась работой с уволенными военнослужащими. За тяжелые военные годы, особенно это касается первого периода войны, встал вопрос об обеспечении сотен тысяч эвакуированных членов семей военнослужащих, семей, оставшихся без кормильца и часто не имеющих данных о месте его нахождения. Исходя из учета сложившейся обстановки, было принято решение о выплате военкоматами аванса (типа пособия) семьям военнослужащих действующей армии, не получающим денег по аттестатам. Размер аванса определялся в зависимости от должностного положения военнослужащего и состава семьи. На 1 января 1942 г. общее число семей военнослужащих, получавших ежемесячные авансы, составило 114 тыс., которым во втором полугодии 1941 г. было выплачено 6,5 млн рублей.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» указывалось: «Забота о семьях военнослужащих является половиной нашей заботы о Красной армии»[142]. Для оказания помощи семьям военнослужащих решением ЦК ВКП(б) при Советах народных комиссаров республик и исполкомах Советов депутатов трудящихся были созданы специальные управления (отделы) по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Они были обязаны обеспечить пособиями и пенсиями семьи военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, осуществлять их трудовое устройство и проводить мероприятия по удовлетворению материально-бытовых нужд, обеспечивать предоставление установленных льгот, рассматривать заявления и жалобы и принимать по ним необходимые меры.

Финансовые органы Наркомата обороны были призваны совместно со специальным управлением (отделом) решать возникающие вопросы. Итогом совместной работы уже за первый год работы было выявлено 112 тыс. семей военнослужащих, которые не получали причитающегося им пособия от государства и более 62 тыс. семей военнослужащих, которым пособия были назначены в меньших размерах, чем полагалось по закону[143]. Итоги работы по денежному обеспечению военнослужащих, находившихся в строю в годы войны, военных пенсионеров и членов их семей можно определить хорошо известными всем словами: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Система финансового обеспечения победы была направлена не только на своевременное и целенаправленное финансирование всех планов командования по разгрому врага, но и активно решала задачу по экономии средств и материальных ресурсов при каждом мероприятии, осуществляемом в ходе войны. Конечно, сама система материального стимулирования успешной боевой деятельности военнослужащих — это мера повышения эффективности воинского труда, то есть мера и экономическая, но были и другие методы и способы работы военных финансистов по достижению наиболее целесообразного управления многомиллиардным потоком в виде денежного довольствия военнослужащих.

Офицерский состав и сверхсрочнослужащие часть своего денежного обеспечения отправляли семьям в виде аттестатов, денежных переводов по различным адресам, но бо́льшая часть причитающегося военнослужащим денежного довольствия оставалась у них на руках. Надо иметь в виду, что в первом полугодии 1945 г. удельный вес денежного довольствия и заработной платы в общих расходах фронтов составлял 84,5%, примерно такие же показатели были и по другим годам войны[144]. Всю сумму причитавшегося военнослужащим денежного довольствия (за вычетом аттестатов на семьи) воинские части действующей армии в первые месяцы войны получали наличными деньгами. Это приводило к ненужному и опасному накоплению наличности в войсках.

Обстановка требовала создания такой системы, которая, сохраняя денежные накопления военнослужащих, вместе с тем предоставляла бы держателям денежных средств уверенность в их сохранности и, что очень важно, все данные о сумме накапливаемых денег хранились бы у них в кармане, в документе под гарантией государства.

Функции мобилизации временно свободных средств были возложены на полевые учреждения Госбанка. При оформлении вкладных операций начальник финансового органа воинской части с предварительной ведомостью о сумме вклада, определяемого военнослужащим, забирал у них вкладные книжки и оформлял необходимые операции в полевой кассе Госбанка. На общую сумму вкладных операций уменьшался размер выдачи наличных денег личному составу, во вкладной книжке каждого держателя появлялась новая сумма. Таким образом, на сумму вкладов уменьшался объем денежной наличности, необходимой для воинской части, а общая же экономия наличности для каждого фронта исчислялась сотнями миллионов рублей.

В системе мобилизации финансовых ресурсов в годы войны важное место занимали и другие методы сокращения обращающейся на фронте денежной наличности. Обстановка требовала всеми возможными мерами поддерживать устойчивость рубля. Это осуществлялось через систему почтовых переводов безналичным порядком, взысканием различных удержаний (в том числе и взносов по государственным займам) — тоже безналичным порядком.

Военные финансисты в итоге создали такую систему, по которой заранее с согласия военнослужащих определялась сумма, которая может быть удержана полевой кассой Госбанка, и объем этого удержания. Это сумма денег, которая не будет выпущена Госбанком в обращение. Придавая большое значение системе безналичных расчетов, руководство финансовой службы при проверках и ревизиях воинских частей рекомендовало: считать уровень безналичных расчетов в воинских частях и соединениях главным показателем качества экономической работы финансовой службы.

Для сокращения объема наличности в войсках была развернута большая работа непосредственно в финансовых службах фронтов. Как правило, в 1943–1945 гг. удельный вес безналичных расчетов на фронтах колебался на уровне 70–80% от общих расходов фронта. Наиболее крупных успехов в этой области достигла финансовая служба 1-го Белорусского фронта (начальник финансовой службы — полковник В. Н. Дутов). В 1944 г. общий процент безналичных перечислений по фронту составил 81,8% к общей сумме расходов средств воинскими частями[145].

В создании слаженного военного хозяйства периода Великой Отечественной войны система экономических мер по сохранению устойчивости рубля имела огромное значение, так как устойчивый рубль — это надежный стержень военной экономики страны. Задачу сохранения устойчивости рубля очень четко проводило в жизнь руководство страны. В сохранении покупательной силы рубля сказалось сохранение довоенных розничных цен государственной и кооперативной торговли на товары ширпотреба, введение нормированного снабжения населения продовольственными и промышленными товарами в основном по низким довоенным ценам. Индекс государственных розничных цен на товары нормированного снабжения в 1943 г. составлял 100,5% по сравнению с довоенным уровнем[146].

Активные и довольно жесткие меры по контролю над объемом обращающейся денежной наличности вместе с тем не были направлены на сужение финансовой активности предпри-

ятий, других сфер экономики и мер по мотивации ударного труда работников тыла, а также и по экономическому стимулированию боевой деятельности миллионов военнослужащих. И все это отражалось на росте денежного оборота в хозяйстве и накоплении денежных средств у населения: на руках у населения (в том числе и у военнослужащих) скопилось в конце войны 74 млрд рублей, в 4 раза больше, чем было до войны[147].

С вступлением Красной армии в пределы других государств появились новые функции, связанные с необходимостью финансировать войска не только в советской валюте, но и в валютах соответствующих иностранных государств. Эти новые функции финансовая служба решала совместно с полевыми органами Госбанка. С выходом войск на иностранные территории все расчеты и кассовые операции в советской валюте перешли в разряд безналичных. Обращение советской валюты на территории иностранных государств запрещалось. Все расчеты по денежному обеспечению военнослужащих, любые кассовые операции в полевых учреждениях Госбанка осуществлялись в иностранной и военной валютах. Так, в 1944 г. финансирование войск осуществлялось в 12 валютах, а в 1945 г. полевые банки действовали на территории 14 государств, работа велась с 25 валютами.

От стран, воевавших против СССР, потребовалась в согласованной сумме иностранная валюта, а также материалы для удовлетворения потребности войск. Такие страны, как Польша, Чехословакия, Югославия, которые были оккупированы фашистскими войсками, средства на содержание наших войск предоставляли в небольших размерах.

Основные принципы финансирования советских войск за границей и нормы денежного довольствия военнослужащих в иностранной валюте определялись Правительством СССР. При этом учитывались экономическое состояние тех или иных стран, бюджетные позиции, порядок и принципы построения налоговой системы, состояние государственного долга, цены на товары первой необходимости. По мере восстановления экономики оккупированных советскими войсками стран и формирования дружеских отношений этих государств с СССР менялись принципы и конкретные подходы к организации валютно-финансовых отношений с восточноевропейскими странами. Итогом этих отношений было отсутствие каких-либо претензий сторон друг к другу.

Контрольная функция финансов, проявляемая при каждом движении средств, дополнялась четко организованными органами финансового контроля в армии и на флоте. В период войны было выдержано установленное в предвоенный период правило: осуществление ежеквартальных ревизий финансово-хозяйственной деятельности воинских частей. В начальный период войны эта мера позволила более опытным инспекторам-ревизорам помочь на местах организации финансового хозяйства, определить типичные для того времени недостатки, сформулировать и предложить меры по их ликвидации, рекомендовать меры для сохранности денежных средств в боевой обстановке, принять решения по взысканию сумм произведенных начетов.

Используя опыт работы инспекторов-ревизоров финансовой службы, в марте 1943 г. было принято решение увязать ревизии финансового хозяйства с проверкой операций по учету и использованию материальных средств в воинских частях. В боевой обстановке органы материального снабжения, связанные доставкой, хранением, распределением имущества, часто под бомбежками и в условиях бездорожья, не имели возможности осуществлять действенный контроль над использованием и сохранностью материальных средств в войсках. Эти функции взяли на себя финансисты.

Наряду с усилением контроля использования материальных средств большое значение имели меры, повышавшие уровень материальной ответственности за сохранность военного имущества. Постановлением ГКО от 21 января 1943 г. было предусмотрено исчисление стоимости ущерба за разбазаривание и расхищение продовольствия по рыночным ценам (розничные цены повышались в 12,5 раз, коммерческие — в 5 раз). С мая того же года такой порядок исчисления стоимости ущерба был распространен на интендантское имущество, а затем на другие виды имущества.

Несмотря на сложную обстановку на различных этапах войны финансовая служба активно использовала возможности финансового контроля для выполнения своих главных задач: обеспечения экономного использования средств на ведение войны, полного и своевременного удовлетворения потребностей войск, взыскания сумм нанесенного ущерба. Устойчивость и прочность системы финансового обеспечения победы основывалась на тех экономических достижениях, которых добилась наша страна в предвоенные пятилетки, на творческом использовании имеющегося потенциала, укрепления его в годы войны, на преданности народа и готовности его к испытаниям и жертвам войны.

Финансовая система армии и флота, опираясь на экономический потенциал государства, специфическими методами, свойственными вооруженным силам, умело внедряла в свою деятельность новые подходы к практической реализации функций финансов в тяжелейших условиях вооруженной борьбы. Денежные связи армии и флота со всеми сферами военной экономики при реализации мобилизационно-распределительной и контрольной функций финансов объективно оказывали мультипликативный эффект на объекты взаимодействия.

Экономическая работа по наведению порядка в системе ценообразования на военную продукцию, осуществляемая совместно с коллективами оборонных предприятий, непосредственно влияла на организационно-технические преобразования в производстве и выражалась в формировании слаженного военного хозяйства, замедлении темпа роста военных расходов. Так, если военные расходы 1943 г. по сравнению с 1942 г. выросли на 16,6 млрд рублей, то в 1944 г. военные расходы по сравнению с 1943 г. — только на 12,7 млрд, хотя доходы бюджета увеличились по сравнению с предыдущим годом на 64,360 млрд. Также большой организационный эффект оказывали мероприятия финансовой службы в решении материально-правовых вопросов военнослужащих, военных пенсионеров и членов их семей.

Высокой оценки заслужили деятельность военных финансистов в изыскании различных источников экономии денежных средств в период войны. И здесь важны не только система вкладных операций, экономия на сборе стреляных гильз, деятельность финансовой инспекции по сбережению материальных средств и взысканию качества, но и большая работа, проводимая непосредственно в войсковом хозяйстве: заготовка продовольствия на местах, использование трофейного продовольствия и имущества, изготовление силами войск различных предметов хозяйственно-бытового назначения из местных материалов. Так, использование сена, заготовленного в войсках, позволило отказаться от его поставок, для которых потребовалось бы в 1943 г. 254 144 вагона, а в 1944 г. — 258 927 вагонов, не считая железнодорожного тарифа, составлявшего несколько миллионов рублей[148].

За счет слаженного военного хозяйства и широкого режима экономии денежных средств финансовая служба армии и флота располагала довольно крупными объемами сэкономленных ресурсов, о чем знало и Министерство финансов СССР. Министр финансов А. Г. Зверев в своей книге писал: «Располагая крупными средствами, финансовое управление НКО имело такие резервы, которых не было даже у Наркомфина. Но оно никогда не цеплялось за них, а подходило к делу по-государственному. В этом отношении контакт между мною и Хотенко[149] был полный. Если НКФ СССР сталкивался с затруднениями (а в войну это, естественно, не раз случалось), я твердо знал, что, обратясь в ФУ НКО, я встречу содействие».

Личный состав финансовой службы самоотверженно трудился над финансовым обеспечением победы. И этот труд был оценен по достоинству государством: только за период 1943–1945 гг. 95% офицеров финансовой службы были награждены орденами и медалями. Кадры работников финансовой службы комплектовались частично из офицеров, окончивших до войны специальное финансовое училище, но по ходу войны все большее место занимали финансово-банковские специалисты, призванные из запаса. Надо сказать, что справлялись со своими обязанностями они успешно. За годы войны 307 представителей этих гражданских финансовых специальностей стали Героями Советского Союза, 67 — полными кавалерами орденов Славы.

В ходе войны многие офицеры финансовой службы были переведены на строевые должности и доблестно выполняли новые обязанности. В период войны выпускники финансовой

специальности Военно-хозяйственного училища М. А. Самарин, А. И. Крайнов, Г. А. Скляр, Д. И. Воробьёв стали командирами подразделений и частей. За мужество и отвагу им было присвоено звание Героя Советского Союза. Но все же основная заслуга офицеров финансовой службы заключалась в достижении высококачественного финансового обеспечения войск. Вместе с тем, выполняя обязанности по финансовому обеспечению, финансисты оставались офицерами и часто выполняли ответственные боевые задачи по борьбе с врагом. Так, начальник финансовой части 600-го стрелкового полка 147-й стрелковой дивизии, попавшего в окружение под Сталинградом, техник-интендант 1 ранга К. Ф. Смолко принял под свое командование группу бойцов полка, обвязавшись полковым знаменем и уложив в вещевой мешок 50 тыс. рублей, с оружием в руках пробился из окружения. За этот подвиг он был награжден орденом Красного Знаменем. Впоследствии за мужество и отвагу в боях за Берлин К. Ф. Смолко удостоился и ордена Красной Звезды.

Опыт финансовой службы по финансовому обеспечению победы в Великой Отечественной войне в 1941—1945 гг. был творчески использован в послевоенный период. Этот опыт очень важен и в строительстве современной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ферсман А. Е.* Война и стратегическое сырье. Красноуфимск, 1941. С. 5–6.

[2] *Белов П. А.* Военная экономика капитализма и военная экономика СССР периода Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. М., 1950. С. 23.

[3] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 257.

[4] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 171–172.

[5] История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. М., 1978. С. 171.

[6] *Мунчаев Ш.* Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 17.

[7] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 203–204.

[8] Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 22.

[9] Этапы экономической политики СССР. М., 1934. С. 204–205.

[10] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1930. С. 375.

[11] *Грановский Е. Л.* Социалистическая индустриализация — основа военной мощи СССР. Алма-Ата, 1942. С. 8–9.

[12] Экономическая победа советского народа над врагом. Л., 1945. С. 16.

[13] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история. С. 41.

[14] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 11.

[15] Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР. М., 1968. С. 165.

[16] *Гатовский Л. М.* Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М., 1946. С. 72–74.

[17] Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 237.

[18] *Громыко А.* Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 184.

[19] *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2012. С. 10.

[20] Там же. С. 52.

[21] *Панов В. П.* Всё для фронта, всё для победы. Великий трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 50.

[22] История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 177.

[23] *Белов П. А.* Указ. соч. С. 45.

[24] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история. С. 184.

[25] *Мунчаев Ш.* Указ. соч. С. 26.

[26] Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР. С. 129.

[27] *Мунчаев Ш.* Указ. соч. С. 6.

[28] *Громыко А.* Указ. соч. С. 164.

[29] Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 23.

[30] *Гатовский Л. М.* Указ. соч. С. 74–75.

[31] История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 185.

[32] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 25.

[33] Правда. 1945. 9 февраля.

[34] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 37.

[35] *Панов В. П.* Указ. соч. С. 20.

[36] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 41.

[37] *Косыгин А. Н.* В едином строю защитников Отчизны. М., 1980. С. 18.
[38] Вестник статистики. 1980. № 5. С. 10.
[39] *Косыгин А. Н.* Указ. соч. С. 17.
[40] *Шигалин Г. И.* Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1960. С. 172.
[41] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 174.
[42] *Гатовский Л. М.* Указ. соч. С. 69.
[43] История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 183.
[44] История США. В 4-х т. Т. 3. М., 1985. С. 461–462.
[45] Военно-исторический журнал. 1960. № 10. С. 81.
[46] В 1931 г. на Северном Урале был открыт ряд месторождений бокситов диаспорового типа. Одно из них получило название «Красная шапочка». Ныне шахта в Североуральске носит такое название.
[47] Экономическая победа советского народа над врагом. С. 22–23.
[48] *Курнаев А. А., Заликнд А. И.* Народно-хозяйственное планирование в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 35.
[49] Экономическая победа советского народа над врагом. С. 62, 67.
[50] Там же. С. 27.
[51] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 113–114.
[52] *Гладков И. А.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 25–26.
[53] Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 18.
[54] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 31.
[55] Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР. С. 153.
[56] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 214.
[57] *Гладков И. А.* Указ. соч. С. 25–26.
[58] Экономическая победа советского народа над врагом. С. 38.
[59] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 12.
[60] Вопросы экономики. 1975. № 5. С. 12.
[61] Экономическая победа Советского народа над врагом. С. 24.
[62] *Гладков И. А.* Указ. соч. С. 29.
[63] *Гатовский Л.* Указ. соч. С. 67.
[64] История Великой Отечественно войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти т. Т. 6. М., 1965. С. 45.
[65] *Хохлов Е. В.* Современные дискуссии об экономике победы // Проблемы современной экономики. 2005. № 1/2 (13/14). С. 32.
[66] Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 251.
[67] Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 18.
[68] *Курнаев А. А., Залкинд А. И.* Указ. соч. С. 38.
[69] Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 25.
[70] Правда. 1941. 10 июля.
[71] ЦАМО. Ф. 16А. Оп. 3336. Д. 21. Л. 23.
[72] Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 июня 1941 г. «Об организации новой базы по строительству брони и танков КВ» и «Об увеличении выпуска танков КВ, Т-34 и Т-50» // Сб. законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1944. М., 1945. С. 131; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. В 16-ти т. Т. 3. М., 1968. С. 37–38; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1977. С. 83.
[73] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. В 4-х т. Т. 2. М., 1957. С. 703.
[74] *Зверев Б. И.* Оружие — фронту // Отечественная история. 1995. № 3. С. 60.
[75] Центр документации новейшей истории Томской области (далее — ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 514.
[76] Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 180–190.
[77] *Мироненко А. И.* Обеспечение действующей армии вооружением, боевой техникой, материальными средствами в 1941–1943 годах // Военно-исторический журнал. 2002. № 5. С. 25.
[78] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М., 1963. С. 196.

[79] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. Т. 3. С. 44–48.

[80] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1594. Л. 3а; Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 41. Д. 803. Л. 108; Архивное агентство администрации Красноярского края (далее — ААА КК). Ф. П-26. Оп. 15. Л. 39.

[81] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

[82] Там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 61. Л. 32; ААА КК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 734. Л. 21–22.

[83] *Рейнгард К.* Поворот под Москвой. М., 1980. С. 46.

[84] ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 26. Л. 1058–1059; Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292. Л. 57.

[85] Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 288. Л. 163.

[86] ГАСО. Ф. Р-1930. Оп. 3. Д. 153, Л. 121; Д. 198. Л. 31–32.

[87] ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 153. Л. 121; Д. 198. Л. 31–32.

[88] История танкостроения на УТЗ № 183. Т. 2. Кн. 2. С. 236 // Коллекция документов музея УВЗ.

[89] ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 447. Л. 81–82.

[90] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее — ЦГИА РБ). Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 2593. Л. 2.

[91] Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа, 1971. С. 217.

[92] ЦГИА РБ. Ф. Р-828. Оп. 2. Д. 59.

[93] Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. 22. Оп. 1 Д. 212. Л. 2.

[94] Ставропольцы в Великой Отечественной войне // Ставропольский фонд культуры. К 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995. С. 34.

[95] Правда. 1943. 22 января.

[96] ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 644. Л. 6–7, 9; Советская Сибирь. 1942. 18, 29 декабря.

[97] *Докучаев Г. А.* Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968. С. 235.

[98] Правда. 1945. 6 июля.

[99] ГАНО. Ф. 738. Оп. 1. Д. 409. Л. 4.

[100] *Лейпник Д. Л.* Як-9: рядовой небес. Киев, 2000. С. 9.

[101] ГАНО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.

[102] Правда. 1943. 22 ноября.

[103] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 355. Л. 136–137, 140–141, 146–147.

[104] *Заболотская К. А.* Угольная промышленность Кузбасса и других бассейнов Сибири в годы Великой Отечественной войны // Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Сб. научных трудов. Кемерово, 1986. С. 15–16.

[105] *Цукров В. А.* Размещение в Кузбассе эвакуированных предприятий // Трудящиеся Сибири — фронту. К XXX-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сб. статей. Новосибирск, 1975. С. 74.

[106] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 43. Д. 1379. Л. 159; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 3. Л. 2.

[107] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 43. Л. 171–177.

[108] *Устьянцев С. В., Колмаков Д. Г.* Боевые машины Уралвагонзавода. Т-34. Екатеринбург, 2005. С. 48.

[109] История танкостроения на УТЗ № 183. Т. 2. Кн. 2. С. 14 // Коллекция документов музея УВЗ.

[110] Там же. С. 236.

[111] Энциклопедия танков. М., 1998. С. 270–271.

[112] ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1 Д. 51. Л. 379.

[113] Там же. Д. 24. Л. 337; Д. 25. Л. 644; ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 288. Л. 134; ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 8. Л. 198.

[114] ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. Л. 87, 89–90, 92.

[115] ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 73. Л. 7, 107.

[116] Там же. Д. 26. Л. 1020–1021.

[117] Там же. Д. 72. Л. 68–84.

[118] Там же. Д. 52. Л. 965–992.

[119] Там же. Л. 888; Д. 72. Л. 93–103.

[120] *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 163.

[121] ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 51. Л. 343, 362.

[122] ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 743. Л. 58.

[123] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР 1941–1945. М., 1963. С. 16.

[124] *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 260.

[125] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 281; Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. М., 1967. С. 31.

[126] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 284; *Плотников К. Н.* Указ. соч. С. 293.

[127] *Плотников К. Н.* Указ. соч. С. 324.

[128] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 39.

[129] Финансовое обеспечение армии и флота в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 30, 66.

[130] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 82.

[131] Там же. С. 80.

[132] Там же. С. 71.

[133] *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 220.

[134] Роль финансов в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. научных трудов. М., 2010. С. 38.

[135] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 48.

[136] Там же. С. 100.

[137] Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 2005. С. 250.

[138] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 214–215.

[139] Там же. С. 206–207.

[140] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 282.

[141] Финансы и социалистическое строительство. М., 1957. С. 33.

[142] *Ермаков С. М., Шелепугин Н. П.* Становление и развитие Финансовой службы Советской армии и Военно-Морского флота. М., 1987. С. 256.

[143] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 380–381.

[144] Там же. С. 216.

[145] *Ермаков С. М., Шелепугин Н. П.* Указ. соч. С. 274.

[146] *Дьяченко В. П.* История финансов СССР. М., 1978. С. 390.

[147] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 457.

[148] Финансовая служба Вооруженных сил СССР в период войны. С. 56.

[149] Я. А. Хотенко — генерал майор интендантской службы, начальник Финансового управления при НКО.

ВОЕННЫЕ И ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УРОКИ

Блицкриг: подготовка, реализация, крах

В основу политических установок, задававших военно-стратегические параметры блицкрига в отношении СССР, легла идеология, изложенная А. Гитлером прежде всего в его программной книге «Майн кампф» («Моя борьба», глава «Восточная ориентация, или Восточная политика»). Этим положениям фюрер следовал всю свою жизнь. Основополагающие воззрения А. Гитлера присутствовали в следующем его программном издании — «Второй книге», опубликованной в 1928 г. В ней он говорил о том, что славянской расе несвойственна способность создавать собственное государство. Книга содержала те же расистские идеи, что и предыдущая.

В своих писаниях А. Гитлер утверждал, что новое «жизненное пространство» для немцев лежит «только на Востоке». Только это, по его мнению, могло обеспечить Германии статус мировой державы, способной вести борьбу за мировое господство[1]. Воззрения такого рода он не раз озвучивал, начиная с выступления перед офицерами рейхсвера 3 февраля 1933 г., в котором говорил о необходимости захвата «нового жизненного пространства» на Востоке и его «беспощадной германизации»[2]. В двух своих речах в рейхстаге перед депутатами — членами НСДАП вскоре после прихода нацистов к власти А. Гитлер заявил, что он является сторонником беспощадной борьбы с «жидовско-интернационалистским московским большевизмом»[3].

Как показывают, в частности, современные германские исследования, расово-идеологические установки А. Гитлера разделялись не только партийным аппаратом НСДАП, нацистской администрацией Третьего рейха (в том числе заранее создававшимся аппаратом колонизации оккупированных районов Советского Союза), но и значительной частью верхушки вермахта[4].

На основании изучения различных архивных материалов и воспоминаний современников можно с высокой степенью вероятности предположить, что И. В. Сталин недоучитывал глубину, силу идеологических мотивов в формулировании А. Гитлером политических планов и военно-стратегических установок в отношении СССР. Соответственно, советский лидер недооценивал степень их ультрарадикальности, предполагавшей войну на уничтожение и порабощение советского народа. Обсуждая в узком кругу советско-германские отношения, возможные планы А. Гитлера, И. В. Сталин рассуждал преимущественно в геополитической системе координат, свойственной подавляющей части государственных и политических руководителей Европы того периода времени. Г. К. Жуков вспоминал: «Я хорошо помню слова Сталина, когда ему докладывали о подозрительных действиях германских войск: «Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чем сломали себе шею в Первую мировую войну... У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдет»[5].

Немецкие артиллеристы на позиции возле 150-мм гаубиц в Польше

Разрывы немецких авиабомб, сброшенных на польскую автомобильную дорогу

А. Гитлер и его окружение считали, что в результате крупных военных поражений Советский Союз (они называли его «глиняный колосс без головы») как государство развалится. Й. Геббельс в своем дневнике 16 июня 1941 г. записал: «Фюрер рассчитывает, что вся эта акция потребует примерно четыре месяца, я же считаю, что меньше. Большевизм развалится, как карточный домик. Мы находимся накануне ни с чем несравнимого победоносного похода»[6]. Для А. Гитлера и его ближайшего окружения это были личные убеждения, основанные на презрении к славянам — «недочеловекам» (untermenchen), ненависти к большевикам и евреям, якобы захватившим власть в СССР.

Разрабатывая стратегические планы в отношении СССР, А. Гитлер во многом исходил из слабости командного состава Красной армии и флота, которая ярко проявилась в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Он уповал на то, что Красная армия обескровлена репрессиями 1937–1938 гг. и ей потребуется еще несколько лет, чтобы от них оправиться.

По словам К. М. Симонова, А. М. Василевский, в годы Великой Отечественной войны занимавший пост начальника Генерального штаба РККА, в ходе беседы заявил, «что без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году», а затем отмечал: «В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел»[7].

Недостаток командных кадров в Красной армии объяснялся также бурным ростом численности Вооруженных сил СССР в целом и их реорганизацией, что привело к резкому увеличению числа частей, соединений и объединений и требовало всё большего количества квалифицированных военных кадров. Достаточно сказать, что в период с 1938 по 1941 г. было сформировано 20 общевойсковых армий. Весной 1940 г. началась новая волна кадровых перемещений, в ходе которых на руководящие должности выдвигались военачальники, отличившиеся в период Советско-финляндской войны. В 1938–1940 гг. сменились все командующие войсками военных округов, на 90% был обновлен состав их заместителей, начальников родов войск и служб, на 80% — руководящий состав корпусных и дивизионных управлений, на 91% — командный состав полкового звена. Это не могло не отразиться негативно на состоянии и боеспособности войск[8].

Низко оценивая состояние командного состава советских вооруженных сил, руководство Третьего рейха вместе с тем явно недооценивало промышленно-экономический потенциал СССР, созданный колоссальным напряжением сил страны с конца 1920-х гг. с большими издержками, в том числе для сельского хозяйства. В силу исключительного режима секретности, созданного в СССР, германское руководство не представляло себе масштабов производства в Советском Союзе военной техники и боеприпасов, а также развития советской науки и техники, связанных с оборонной промышленностью. Берлин также недооценил организационно-управленческие возможности и устойчивость той политической и административной системы, которая к этому времени была создана в СССР. С началом войны нацистской Германии против Советского Союза эта система позволила в кратчайшие сроки перебазировать более тысячи важных промышленных предприятий (с персоналом) с запада на восток СССР, призвать в армию дополнительно миллионы людей, восполняя огромные потери РККА, сформировать многие десятки новых дивизий и бригад.

А. Гитлер и его окружение явно переоценили степень непрочности советской власти и недооценили советский экономический потенциал, в том числе оборонно-промышленный. У советской власти к началу войны действительно было немало скрытых врагов и недоброжелателей, в первую очередь в силу колоссальных социально-экономических и политических трансформаций, происходивших в нашей стране с 1917 по 1941 г. Однако масштабы коллаборационизма не сопоставимы с размахом партизанского движения и подпольной деятельности на оккупированных территориях СССР. В борьбу против оккупантов за линией фронта прямо или косвенно были вовлечены миллионы людей. Партизанские отряды создавались как местными партийными и советскими властями, так и специально направляемыми для этих задач в тыл врага офицерами военной разведки, органов наркоматов государственной безопасности и внутренних дел. Подавляющая часть населения СССР осталась лояльной

советской власти как в силу приверженности идеям социализма, так и исходя из традиционных российских патриотических настроений.

Уверенность А. Гитлера в быстрой победе над Советским Союзом основывалась на ряде успешных кампаний, проведенных вермахтом в Европе. Польша стала первой жертвой Германии в новой мировой войне и была разгромлена менее чем за две недели. В подавляющей части современных исследований говорится о том, что во многих случаях польские войска оказали мужественное сопротивление агрессору, но уровень боевой подготовки, оперативного искусства, технической оснащенности вермахта, степень быстроты действий его соединений и частей намного превосходили то, что могла противопоставить ему польская армия.

В отличие от 1940 и 1941 гг. танковые силы вермахта еще не действовали автономно в виде корпусов или танковых групп на оперативном уровне, а использовались на тактическом уровне как отдельные дивизии. Воздушно-десантные части держались в резерве. В ходе Польской кампании впервые были апробированы методы максимально тесного взаимодействия танковых сил и авиации, что в мирное время в больших масштабах не отрабатывалось на маневрах в Германии. В операциях германских танковых войск в войне против Польши делалась ставка прежде всего на быстроту действий, а не на использование огня бронированных машин как средства подавления. Это требовалось, чтобы внести смятение в ряды обороняющихся поляков и подавить их волю к сопротивлению. Танки, как правило, обходили узлы сопротивления, укрепленные районы, противотанковые препятствия, населенные пункты, не таранили хорошо подготовленную оборону в лоб. Для командиров вермахта главным было, действуя по линии наименьшего сопротивления, прорваться в тыл противника, развивая успех в глубину[9].

Как писал Б. Г. Лиддел Гарт, «для польской армии было бы разумнее организовать оборону значительно восточнее границы, за широкими реками Висла и Сан»[10]. Но для этого надо было бы оставить некоторые важные районы страны, что для польских руководителей представлялось неприемлемым с политической и экономической точек зрения. Заметим, что подобным же образом была дислоцирована и значительная часть сил Красной армии в западных военных округах.

Чисто военные операции вермахта против Польши сопровождались немецкими акциями психологической войны и массовым использованием диверсионных групп[11]. Быстрому успеху вермахта способствовало и то, что польское командование уделяло явно недостаточно внимания подготовке театра военных действий к обороне, в том числе не занималось строительством оборонительных сооружений. К. фон Типпельскирх писал, что польское командование «безответственными в оперативном отношении действиями в значительной степени ускорило быструю победу немецких войск»[12].

Война против Польши велась нацистской Германией при наличии минимальных запасов боеприпасов и других средств обеспечения боевых действий войск. Уже через восемь дней войны в Польше наступил почти полный коллапс обеспечения германских войск боеприпасами (в люфтваффе, например, кончились запасы авиабомб)[13]. Генеральный инспектор ВВС генерал-полковник Э. Мильх после Польской кампании заявил, что потребуется семь месяцев, чтобы обеспечить немецкие ВВС всем необходимым. Значительными были потери автотранспорта в моторизованных дивизиях — до 50%[14].

В ходе Польской кампании вермахт получил ценнейший боевой опыт на всех уровнях своей военной машины, хотя он и имел дело с заведомо более слабым противником. Генеральный штаб сухопутных войск вермахта в кратчайшие сроки изучил уроки Польской кампании и немедленно ввел соответствующие дополнения и изменения в систему боевой и оперативной подготовки вермахта. Но даже после скоротечной победы над Польшей влияние опыта Первой мировой войны на мышление немецкого генералитета оставалось огромным. Генерал-полковник Р. фон Лееб предостерегал против того, чтобы полагаться на такой же быстрый успех в войне с Францией, который был достигнут в войне со слабой Польшей. Он считал, что в войне с Францией обеспечение внезапности невозможно и эта война приобретет затяжной характер с огромными потерями для Германии[15].

Расчет немецкой 37-мм пушки на улице бельгийского городка

Солдаты полка СС «Фюрер» готовятся к переправе через Маас на паромах

Немецкая автоколонна в Бельгии

Бельгийские солдаты сдаются немецким войскам в форте Бонсель

Четверо немецких парашютистов в Голландии приветствуют пролетающий бомбардировщик Ю-87

Многое свидетельствует о том, что подобные мнения доминировали и у командования западных союзников. Уроки блицкрига Германо-польской войны 1939 г. не были должным образом учтены ни Францией и ее союзниками, ни советским государственно-политическим руководством и высшим военным командованием. Это в немалой степени способствовало успехам вермахта в 1940 г. на западе и в 1941 г. на востоке.

В подготовке разгрома Франции и ее союзников весьма важную роль сыграли отработанные до совершенства военные игры, в которых одним из наиболее сложных элементов являлась игра за противника. В одной из таких игр немецкими генштабистами был сделан вывод о том, что «французское и английское командование неспособны должным образом реагировать на внезапность, что они все время будут запаздывать в своих действиях в случае обеспечения немцами внезапности»[16]. Это совпадало с мнением А. Гитлера о французских и британских государственных руководителях.

Перед осуществлением блицкрига против Франции и ее союзников в 1940 г. боевые возможности вермахта существенно наращивались по всем направлениям. Это касалось не только танков и авиации, но и средств ПВО, артиллерии, обеспечения мобильности. С учетом опыта Польской кампании увеличивалось производство боеприпасов и других средств обеспечения боевых действий. Как и в Польской кампании, важная роль отводилась пикирующим бомбардировщикам «Юнкерс-87», а в деле завоевания господства в воздухе — истребителям «Мессершмит-109» новейших модификаций. Усиливалась и германская артиллерия ПВО. Считалось, что она высвободит истребительную авиацию люфтваффе для задачи завоевания господства в воздухе. Многие германские орудия ПВО были двойного назначения, то есть также могли вести эффективную борьбу с танками противника. К 1939 г. Франция имела пять полков ПВО, Германия — 72 полка; особенно отставали французы в орудиях малых калибров (от 20 до 40 мм) для отражения налетов на малых высотах на мосты и малоразмерные цели[17].

Во многих современных исследованиях опровергается утверждение о том, что люфтваффе имели большое преимущество над авиацией французов и их союзников. У Франции было примерно одинаковое с Германией число боевых самолетов[18]. При этом французские летчики имели больший налет, чем немецкие. Во французских ВВС сохранялось ядро блестящих пилотов Первой мировой войны[19]. Но у немцев важную роль играли летчики, имевшие опыт войны в Испании, Польше, Норвегии, которые хорошо разбирались в эффективности огня малокалиберной артиллерии ПВО, знали, как оптимально построить боевые порядки бомбардировщиков, как эффективнее использовать истребители. В частности, в отличие от летчиков французской воздушной армии, немецкие пилоты понимали, что истребителям лучше летать парами, а не тройками[20]. Люфтваффе в целом превосходили ВВС Франции в тактическом отношении.

Во Франции перед войной был создан пикирующий бомбардировщик «Луар-Ньюпор-40» с характеристиками, подобными Ю-87. Однако французское командование отрицательно отнеслось к этой машине, и она не использовалась в ВВС. Соответственно, во Франции недооценивали роль сравнительно тихоходного Ю-87 в люфтваффе[21]. Подобным же образом к Ю-87, как свидетельствует, в частности, авиаконструктор и заместитель наркома авиапромышленности СССР А. С. Яковлев, относились и в ВВС РККА[22]. Этот самолет так и не был закуплен в Германии, хотя поставлялись образцы практически всех других бомбардировщиков, имевшихся на вооружении ВВС Третьего рейха.

Большая часть ВВС Франции неспособна была взаимодействовать с сухопутными войсками. В военно-воздушной доктрине Франции имелись понятия «штурмовые удары» и «удары пикирующих бомбардировщиков», но средства для этого отсутствовали. Истребитель «Девуатен-520» по своим характеристикам был сопоставим с «Супермарин Спитфайер» и последними модификациями «Мессершмита-109». Однако к маю 1940 г. в ВВС Франции имелось всего 79 таких машин[23].

Лучше было положение с танками. Генерал М. Г. Гамелен, командующий союзными войсками во Франции в первые дни вторжения Германии, позднее признавал, что французские танки были лучше немецких в борьбе один на один[24]. По оценкам экспертов, обладавший

высокими качествами французский танк «Сомуа-35» превосходил немецкие средние танки. У французов также были хорошие противотанковые средства, поражавшие все немецкие танки (кроме небольших модифицированных средних танков Т-4, у которых имелось дополнительное экранирование). Но во французских механизированных войсках гораздо хуже, чем у немцев, обстояло дело с системой управления и связи[25]. Французские танки были плохо оснащены радиостанциями. И в целом дело с радиосвязью во французской армии было не на должном уровне. Даже у штаба главкома не было собственной радиостанции.

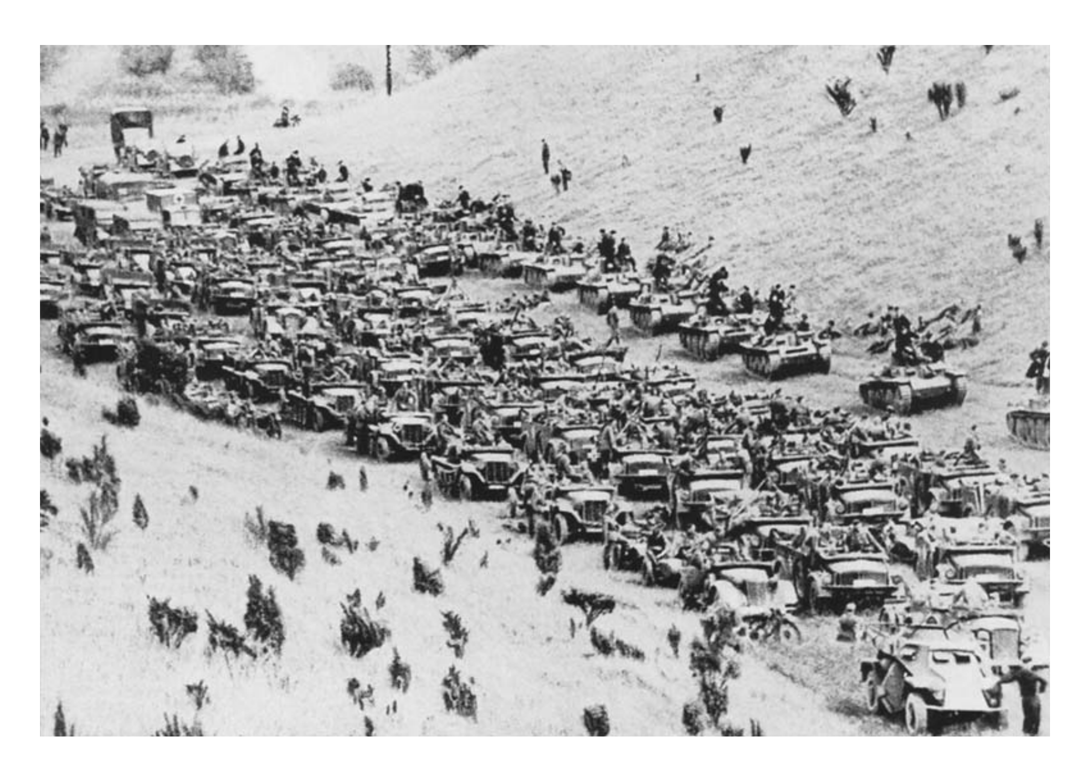
Танковые дивизии Франции в отличие от германских не имели никакой тактической подготовки, их действия не увязывались с действиями других элементов вооруженных сил. Начальник Генштаба германских сухопутных войск Ф. Гальдер именно под влиянием проведенной командно-штабной игры стал в определенный момент склоняться к тому, что дерзкое наступление вермахта через Арденны принесет успех, за что активно ратовал начальник штаба группы армий «А» Э. фон Манштейн. До этого Ф. Гальдер долгое время считал, что район Арденн малопригоден для действий танков. В первоначальном плане, составленном под руководством Ф. Гальдера, предусматривалось нанести главный удар через центральную часть Бельгии, как и в 1914 г.

Согласно же плану другой стороны, составленному генералом М. Г. Гамеленом, усиленное левое крыло союзных армий должно было вступить в Бельгию немедленно вслед за вторжением немцев в эту страну и продолжить наступление в восточном направлении до рубежа р. Диль, а если бы оказалось возможным, то и дальше. М. Г. Гамелен перебросил основную часть своих бронетанковых сил в Бельгию, чтобы прикрыть наступающие войска союзников. Перед Арденнами он оставил только небольшой заслон из сравнительно слабых дивизий. Силы вермахта были брошены в наступление 10 мая 1940 г. — поначалу против Голландии и Бельгии, что дезориентировало союзное командование. Французы и их союзники решили, что немцы снова, как и в 1914 г., действуют по канонам «Плана Шлиффена»[26].

Переход через Арденнские горы был тщательно продуман и отработан на основе большого количества собранных штабными работниками соединений и объединений вермахта сведений о дорогах, водных преградах, мостах, переправах. В 1940 г. в танковой группе вермахта имелось пять танковых и три моторизованные дивизии, большое количество корпусных и армейских частей, тыловые службы. У соединений и частей танковой группы было отработано тесное взаимодействие с авиацией — со штабами 3-го воздушного флота, 2-го авиационного корпуса, особенно непосредственно с поддерживавшими танковые группы частями ближних бомбардировщиков, а также с 1-м корпусом ПВО. В Арденнах действовало 45 дивизий вермахта против девяти французских[27].

Командование танковой группы Э. фон Клейста и группы армий «А» решилось на крайне высокую степень риска, наступая очень узким фронтом с высокой степенью перегрузки маршрутов. В процессе прохождения танковая группа оказывалась весьма уязвимой для ударов с воздуха. Ее колонны на каждом из четырех маршрутов с учетом средств усиления и тылов растягивались более чем на 300 км. Союзники имели здесь еще один шанс сорвать германское наступление массированными ударами своей авиации по колоннам, растянувшимся от Рейна до Мааса, но этот шанс они не использовали. Генерал Ф. фон Бок писал в своем дневнике, после того как узнал, что танковая группа Э. фон Клейста успешно форсировала Маас: «Французы выглядели так, как будто они полностью утратили здравый смысл! В ином случае они могли бы остановить нас и остановили бы нас»[28].

Но даже после прорыва через Арденны и форсирования Мааса высшее командование вермахта продолжало опасаться контрудара французов по сравнительно небольшому числу немецких танковых и механизированных дивизий, прорвавшихся глубоко в тыл союзникам. Однако после дальнейших успехов германских танковых соединений в реализации формулы молниеносной войны Франция признала себя побежденной, а Великобритания в районе Дюнкерка эвакуировала свой экспедиционный корпус, потеряв все тяжелое оружие. Эти результаты в значительной мере были связаны с высоким уровнем инициативности таких немецких командиров танковых соединений, как Г. Гудериан, Э. Роммель и других.

Колонна 7-й танковой дивизии вермахта в районе Абвиля во Франции

Французский пикирующий бомбардировщик, совершивший аварийную посадку

Брошенная в регионе Нор — Па-де-Кале британская бронетанковая и автомобильная техника

Французские орудия, захваченные немцами

Тяжелый танк Char B1-bis (вверху) и 75-мм зенитные пушки, захваченные гитлеровцами во Франции

Подбитый танк Somua S35 и брошенная на позиции 25-мм противотанковая пушка французской армии

Главной причиной поражения Франции и ее союзников в 1940 г. была неадекватность французской военной мысли новым условиям ведения войны. Она отставала от развития германской военной мысли на несколько десятилетий. В сочетании с массированным применением диверсионных групп в тылу противника, хорошей координацией действий сухопутных войск и ударов авиации танковые и механизированные войска вермахта нарушали прежде всего систему управления войсками противника, оказывали на него мощное психологическое воздействие, создавая во многих случаях хаос и панику.

В целом, видимо, эта сторона действий немецких танковых и механизированных войск была недооценена и советским военным командованием перед 22 июня 1941 г. Известно, что нарком обороны С. К. Тимошенко, выступая на совещании высшего командного состава РККА 31 декабря 1940 г., заявил, что в стратегическом отношении война 1940 г. на Западе ничего нового не дала[29]. Нарком обороны СССР не увидел ничего нового в том, как нацистской Германией было осуществлено стратегическое сосредоточение и развертывание войск и как серией последовательных операций в очень сжатые сроки были решены крупнейшие стратегические задачи войны. Это было одной из принципиальных ошибок советского высшего командования в оценке войны 1940 г. на Западе. С. К. Тимошенко также ничего не сказал о том, где вермахтом был нанесен главный удар. Он как бы упрекнул германскую армию в том, что она «не отважилась атаковать и прорвать «линию Мажино» и предпочла ее обойти, «не считаясь с нейтралитетом Голландии и Бельгии». При этом не был упомянут главный удар вермахта через территорию Люксембурга и Арденны (группа армий «А» с танковой группой Э. фон Клейста). Удар же через Бельгию и Голландию, как отмечалось, носил отвлекающий характер.

Нарком обороны обоснованно высоко оценил моральный дух вермахта в войне на Западе и качество немецких командиров всех уровней: по его словам, для вермахта в этой войне были характерны «твердость дисциплины, большая инициативность и активность командиров всех рангов и готовность войск к самопожертвованию»[30]. Успехи немецкого блицкрига на Западе произвели сильное впечатление на командование РККА и специалистов, занимавшихся исследованием этого вопроса. Это нашло отражение, в частности, в ряде публикаций в профессиональных советских военных журналах[31].

И. В. Сталин, выступая перед выпускниками военных академий РККА в Кремле 5 мая 1941 г., говорил: «С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль Германии не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка»[32]. Отчасти И. В. Сталин был прав в отношении самодовольства и зазнайства, но в целом такие оценки дезориентировали командование и командиров РККА, советскую оборонную промышленность. В этом выступлении советского лидера, в частности, ничего не было сказано об уровне оперативного искусства вермахта, важности имевшегося у него богатого боевого опыта и прочем. В результате складывалась картина, не дававшая полного представления о реальных боевых возможностях опаснейшего противника. К сожалению, командование РККА в целом не смогло должным образом оценить то, что было осуществлено вермахтом в 1939–1940 гг. при разгроме вооруженных сил Польши, Франции и ее союзников.

Первоначальные указания А. Гитлера по подготовке плана войны против СССР относят к первым же дням после капитуляции Франции в 1940 г. Еще в июне 1940 г. фюрер поднимал вопрос о том, чтобы осуществить нападение на СССР. Однако В. Кейтель и А. Йодль сочли эти сроки совершенно неприемлемыми с точки зрения возможностей сосредоточения и развертывания группировок вермахта, а также из-за метеоусловий. Первые конкретные задачи по разработке замысла войны против Советского Союза были поставлены начальником генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдером 22 июля 1940 г. перед начальником оперативного отдела ОКХ полковником Г. фон Грейфенбергом[33].

Для ускорения разработки более детального плана нападения на СССР Ф. Гальдер прикомандировал к генштабу начальника оперативного отделения 40-го корпуса подполковника Г. Фейерабенда и начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, являвшегося крупным специалистом по России. В последние дни июля Г. фон Грейфенберг, Г. Фейерабенд и Э. Маркс представили Ф. Гальдеру свои первые варианты кампании против СССР[34]. Директива № 21 (план «Барбаросса») была подписана А. Гитлером 18 декабря 1940 г. В развитие директивы № 21 31 января 1941 г. командующий сухопутными войсками В. фон Браухич утвердил директиву ОКХ по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск вермахта. В разделе «Общий замысел» директивы № 21 указывалось, что «основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев»[35].

Как и в случае с Польшей в 1939 г. и с Францией и ее союзниками в 1940 г., ставка делалась на скрытное отмобилизование сил, сосредоточение и развертывание в боевые порядки непосредственно перед началом боевых действий. Это и было одной из основных характеристик стратегии блицкрига. Исключительно важная роль отводилась обеспечению внезапности[36].

План «Барбаросса» не предусматривал возможности перерастания быстротечной кампании в затяжную войну. Планируя поход против СССР, А. Гитлер был далек от того, чтобы осуществить тотальную мобилизацию германской экономики (что он попытался сделать в начале 1943 г., после тяжелейшего поражения вермахта под Сталинградом) прежде всего по внутриполитическим соображениям. Планировавшаяся война против СССР должна была стать тотальной по своим расово-идеологическим установкам, политическим целям и военным задачам, но не по мобилизуемым материальным и людским ресурсам. Нацистское руководство исходило из предположения, что скоротечный характер войны против Советского Союза позволит ему ограничиться плановым выпуском военной продукции без тотальной мобилизации собственно германской экономики. Как справедливо отмечал видный советский и российский военный историк и теоретик В. В. Ларионов, «план «Барбаросса» был планом войны без резервов, без больших материальных запасов, планом одноактной кампании»[37].

Однако при этом военно-экономическая организация вермахта использовала производственные мощности оккупированных стран. В наибольшей степени это было характерно для военной промышленности Чехословакии, выпускавшей для вермахта танки, артиллерийские системы, оптические приборы, средства связи и прочее. Во Франции использовалась автомобильная промышленность; в Голландии для вермахта производились аппаратура связи, различное электротехническое оборудование; в Норвегии на германскую армию работал концерн взрывчатых веществ и прочее. Кроме того, к собственным запасам оружия, военной техники и боеприпасов прибавилось огромное количество трофеев. В распоряжение вермахта перешло вооружение 30 чехословацких, 34 польских, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских и девяти голландских дивизий, а также огромные запасы различного снаряжения и боеприпасов[38].

Значительной частью этих трофеев вермахт не воспользовался при подготовке вторжения в СССР в силу различных причин, в том числе несоответствия оружия и вспомогательных средств стандартам немецкой армии, стремления избежать усложнения системы материально-технического обеспечения войск, сложностей с обучением личного состава вермахта владению этой техникой.

После серии обсуждений в Берлине было принято решение осуществлять на востоке наступление одновременно по трем стратегическим направлениям. Планом ведения войны против Советского Союза предусматривалось создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать на ленинградском, московском и киевском направлениях. Ряд современных российских историков считает, что такое решение было одной из крупнейших ошибок в планировании войны против России, тем более что в руках германского верховного командования не оставалось сильных резервов[39].

Как небезосновательно отмечает Б. Вегнер, «Гитлер и генеральный штаб сухопутных войск перед началом операции не пришли к подлинному согласию относительно центра тяжести реализации плана «Барбаросса»[40]. Г. фон Грейфенберг, Г. Фейерабенд и Э. Маркс высказывались за сосредоточение и развертывание основной массы соединений на южном участке фронта для нанесения главного удара в направлении на Киев с последующим поворотом на север с целью овладеть Москвой. Для развертывания немецких войск на главном направлении предлагалось использовать румынскую территорию. Они считали, что 80–100 немецких дивизий, развернутых на северном и южном участках восточного фронта, будет достаточно, чтобы в ходе концентрического наступления в течение нескольких недель разгромить Красную армию.

Иной точки зрения придерживался Ф. Гальдер. Он исходил из того, что чем короче будет путь к Москве, тем быстрее удастся захватить ее и одержать победу над СССР. Ему импонировала идея развертывания самой мощной стратегической группировки в оккупированной Польше для прямого наступления через Минск на Москву. После захвата Москвы она должна была бы повернуть на юг с тем, чтобы выйти в тыл советским войскам на Украине и заставить их сражаться с перевернутым фронтом. В конечном счете, возобладала именно эта точка зрения.

Первоначально главный удар наносился группой армий «Центр» во главе с фельдмаршалом Ф. фон Боком; именно этой группе армий придавались две танковые группы во главе с Г. Гудерианом и Г. Готом из четырех имеющихся. Важную роль должно было сыграть окружение основной части Западного особого военного округа РККА, соединения которого были прежде всего сосредоточены на Белостокском выступе. Командование вермахта, штабные аналитики крайне выгодным для себя считали размещение большой части соединений Красной армии вдоль границы, в том числе на Белостокском и Львовском выступах, где также планировалось осуществить скоротечное окружение крупной группировки советских войск[41].

При планировании действий вермахта в войне против СССР рассматривались варианты возможных действий советской стороны. Это, в частности, нашло свое отражение в так называемом «Этюде Лоссберга», который был подготовлен по заданию генерала А. Йодля еще в период разработки плана «Барбаросса» (этот документ был завершен 15 сентября 1940 г.). Б. фон Лоссберг писал, что со стороны Красной армии возможны три варианта действий: 1) упреждающий удар по вермахту, еще не завершившему своего стратегического развертывания; 2) ведение оборонительных сражений в приграничной зоне в целях удержания территории; 3) отход советских войск в глубь СССР с последующим нанесением контрударов. Наиболее вероятным и желательным для вермахта Б. фон Лоссберг считал второй вариант. Аналогичной точки зрения придерживался и еще один из основных разработчиков планов нападения на СССР — упомянутый выше генерал Э. Маркс. Самым неприемлемым для вермахта считался третий вариант[42].

Примечательны замечания министра пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса в своем дневнике от 14 июня 1941 г.: «Русские... сосредоточивают свои войска именно так, как мы только и можем пожелать — концентрированно, а это легкая добыча в виде военнопленных». 16 июня 1941 г. он отметил: «Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность». 18 июня Й. Геббельс снова обратился к этой теме: «Только бы русские сохранили концентрацию своих войск на границе»[43].

Г. К. Жуков самокритично высказывался в своих мемуарах относительно того, что советское военное командование того периода недооценило уровень оперативно-стратегического искусства вермахта, управления огромными массами войск, особенно подвижными соединениями и объединениями[44]. Соответственно, руководство РККА не смогло предвидеть мощи, высочайшего уровня организованности ударов вермахта с первых же часов войны, несмотря на то что на это прямо указывал опыт действий германской армии против Польши в 1939 г. и против Франции и ее союзников в 1940 г.

Военному командованию РККА еще с середины 1930-х гг. было практически запрещено заниматься вопросами военной стратегии: этот уровень военного искусства был объявлен

прерогативой лишь высшего руководства страны, то есть И. В. Сталина[45]. Но он вопросами военной стратегии перед Второй мировой войной занимался явно недостаточно — если занимался ими вообще, как это было свойственно, например, китайскому коммунистическому лидеру Мао Цзэдуну в 1930–1940-е гг., когда тот проявил себя как самостоятельный мыслитель политико-военного и военно-стратегического уровня[46].

При этом вопросам внешней политики, в том числе ряду политико-военных проблем, И. В. Сталин уделял большое внимание и самостоятельно писал многие свои работы на эти темы. Он увлеченно (и во многом плодотворно) занимался многими вопросами развития вооружений и военной техники, о чем свидетельствуют и многие мемуаристы, и большое число документов. Он весьма детально вникал в тактико-технические характеристики самолетов ударной авиации, артиллерийских систем, танков, крупных кораблей ВМФ, самозарядных винтовок, пистолетов-пулеметов и другого оружия[47]. По многим свидетельствам, советский лидер значительно меньше внимания уделял вопросам радиосвязи, радиоразведки, разведывательной авиации, радиолокации и прочего[48]. Это не удивительно: при всей огромной работоспособности И. В. Сталина, его жажде управлять процессами развития РККА и РККФ, их технического оснащения, он не мог охватить своим взором и вниманием всей все более усложняющейся военной техносферы.

Анализ имеющихся документов и материалов, мемуаров, исследований по вопросам стратегического руководства (управления) в СССР убедительно говорит о том, что у И. В. Сталина не было и соответствующих постоянно работающих в его ближайшем окружении советников из числа военных и гражданских специалистов[49]. И перед войной, и на протяжении довольно длительного времени в период войны он мало опирался на Генеральный штаб РККА, недооценивал роль этого органа. А. М. Василевский писал в своих воспоминаниях об И. В. Сталине, что «в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге»[50].

Ситуация с готовностью командных кадров Красной армии к надвигающейся войне была угрожающей. В директиве Народного комиссариата обороны СССР от 25 января 1941 г. (за пять месяцев до начала германского вторжения) «Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной армии» отмечалось: «Опыт последних войн, походов, полевых поездок и учений показал низкую оперативную подготовку высшего командного состава, войсковых штабов, армейских и фронтовых управлений и особенно авиационных штабов... При таком уровне оперативной подготовки высшего командного состава и штабов рассчитывать на решительный успех в современной операции нельзя»[51].

Стратегическое развертывание соединений вермахта проводилось по строгому графику, растянутому по времени, с таким расчетом, чтобы для достижения внезапности сосредоточение сил у советских границ завершилось только перед началом вторжения»[52]. Директива № 1 о приведении советских войск в боевую готовность пришла в штабы округов с запозданием (передача ее в округа закончилась в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 г.) и носила к тому же недостаточно четкий характер. Последовавшие за ней директивы № 2 и 3 ставили перед советскими войсками первого стратегического эшелона нереалистичные задачи по полному разгрому вторгшегося противника и переносу боевых действий на его территорию[53]. Вермахту удалось достичь не только тактической, но и оперативной внезапности. Выработанный Генеральным штабом РККА в предвоенный период план ведения военных действий оказался несостоятельным, в том числе по вине политического руководства, которое своими ошибочными решениями воспрепятствовало своевременной реализации намеченных мобилизационных мероприятий, фактически сорвав их.

Как уже отмечалось выше, немецкие генштабисты, разрабатывавшие планы нападения на СССР, самым невыгодным для себя считали, если Советский Союз изберет вариант стратегической обороны. К сожалению, недоучет стратегической обороны стал ахиллесовой пятой для начального периода Великой Отечественной войны[54]. На это долгое время не обращали должного внимания советские исследователи. Г. К. Жуков писал в своих воспоминаниях: «Военная стратегия в предвоенный период строилась главным образом на утверждении,

что только наступательными действиями можно разгромить агрессора и что оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей»[55]. Во многом это было результатом прямого воздействия партийно-государственной идеологии на советскую военную стратегию.

На целом ряде направлений очень скоро было потеряно управление советскими войсками. Особенно это было характерно для Западного фронта, где вермахтом наносился основной удар. Несмотря на большую численность, войска РККА не были ни морально-психологически, ни организационно готовы к той войне, которую развязала нацистская Германия. Свою весьма негативную роль сыграло то, что Красная армия находилась на этапе огромной реорганизации, испытывала колоссальный дефицит кадров. Как уже отмечалось, не был дан адекватный ответ на то, каков будет характер будущей войны с идеолого-политической, военно-стратегической и оперативной точек зрения.

В течение нескольких дней были проиграны приграничные сражения. Стратегическая инициатива безраздельно принадлежала противнику. Летом — осенью вермахту удалось достичь значительных успехов на восточном фронте. Первым крупным его успехом стал разгром Западного фронта группой армий «Центр»[56]. Окруженные под Белостоком и Минском, прежде всего действиями танковых групп Г. Гота и Г. Гудериана, советские части 3-й и 4-й армий были обескровлены. На восток смогли прорваться лишь разрозненные подразделения. Только к концу июня 1941 г. Ставка и Генштаб пришли к окончательному выводу о том, что основным стратегическим направлением на советско-германском фронте является западное[57]. За первые 18 дней боев Великой Отечественной войны Западный фронт с Пинской флотилией потеряли 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно, 4799 танков (включая небоеспособные), 9427 орудий и минометов, 1777 самолетов[58]. Советские войска отступили на 600 км, оставив почти всю Белоруссию.

Скоротечный разгром Западного фронта Красной армии был первой трагедией лета — осени 1941 г. И он во многом предопределил дальнейшее драматическое для РККА развитие обстановки на всем советско-германском фронте[59]. Командующий одной из немецких танковых групп генерал-полковник Г. Гот писал в своих воспоминаниях: «Группе армий «Центр» удалось провести одно из тех сражений на уничтожение, которые нечасто встречались в истории войн... Благодаря победе в сражении под Белостоком и Минском вся группа армий «Центр» получила полную свободу оперативного маневра»[60].

За три недели боев на северо-западном направлении советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя на 450 км. Потери составили 88,5 тыс. человек (в том числе 75 тыс. безвозвратно), более 1 тыс. танков, 4 тыс. орудий и минометов и свыше 1 тыс. самолетов[61].

Поражение советских войск под Дубно и Ровно — в одном из крупнейших сражений начала войны — во многом предопределило последующий быстрый отход Юго-Западного и Южного советских фронтов. В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта по советским оценкам, потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно, 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 боевых самолетов[62].

В общей сложности в приграничных сражениях приняли участие 170 советских дивизий, из которых 28 были полностью уничтожены. Потери трех фронтов (Западного, Северо-Западного, и Юго-Западного) составили около 600 тыс. человек безвозвратно, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов[63].

Оценочные потери противника к 10 июля составили 79 058 человек, 1061 орудие и миномет, 826 самолетов и 350 танков, однако в тот период немцы смогли быстро восполнить их. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой[64].

В августе 1941 г. Красную армию постигла еще более крупная военная катастрофа. Соединения 5, 26 и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии были окружены — всего, по советским оценкам, 452,7 тыс. человек[65]. Красная армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. Весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. человек.

Перед этим был котел под Уманью на южном фланге советско-германского фронта в конце июля — начале августа 1941 г., где вермахту удалось окружить и уничтожить советские 6-ю и 12-ю армии. По немецким данным, оглашенным вскоре после окружения частей Красной армии, последняя потеряла в уманском котле только пленными 103 тыс. человек[66]. Эта цифра требует, однако, дальнейшего уточнения.

Согласно официальным данным, потери советских войск в Московской стратегической оборонительной операции с 30 сентября по 5 декабря 1941 г. составили 658 279 человек, в том числе 514 338 безвозвратно. Только пленными Красная армия в 1941 г. потеряла в целом до 3,9 млн человек[67].

Многие попавшие в окружение соединения и части длительное время вели ожесточенные бои, пытаясь вырваться из вражеского кольца. Это сковывало значительную часть немецких войск, замедляло темпы продвижения вперед соединений и объединений вермахта, что на определенном этапе принесло свои плоды и в стратегическом масштабе. О степени стойкости советских солдат есть немало свидетельств противника. Объясняя на Нюрнбергском процессе причины массового вымирания советских военнопленных, захваченных под Вязьмой в октябре 1941 г., подсудимый, бывший начальник штаба Верховного командования вооруженных сил Германии генерал-полковник А. Йодль заявил: «Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то что последние 8—10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком истощении, когда они были едва ли в состоянии передвигаться. Было просто невозможно их везти... Поблизости не было мест для их размещения... Очень скоро начались дожди, а позднее наступили холода. В этом и была причина, почему большая часть людей, взятых в плен под Вязьмой, умерли»[68].

К зиме 1941 г. Советский Союз почти полностью потерял свою кадровую армию. Под контролем врага оказалась огромная территория. Но при этом даже экстраординарные результаты вермахта не приводили к потере воли к сопротивлению со стороны советского руководства, военного командования и населения в целом. Регулярно предпринимались попытки нанесения масштабных контрударов РККА (и даже перехода в контрнаступление), которые обычно не давали желаемых результатов и вели к огромным потерям, но все же в ряде случаев замедляли продвижение гитлеровских войск, заставляли их нести незапланированные потери. К числу таких действий можно отнести, например, попытку массированного удара силами нескольких мехкорпусов под Бродами и Дубно (в последние годы некоторые российские историки стали называть именно эти бои крупнейшим танковым сражением Второй мировой войны). Эффективность этого удара была невелика. Советские танковые войска понесли значительные потери, в том числе крупные небоевые потери на пути к местам боев[69].

Важную роль сыграло Смоленское сражение, задержавшее продвижение германских войск почти на два месяца[70]. В ходе Смоленского сражения Красной армией 30 августа — 8 сентября 1941 г. была проведена наступательная операция в районе г. Ельня, в результате которой прорвана сильная оборона противника, нанесено поражение его значительной группировке. Были разбиты семь пехотных и одна моторизованная дивизии вермахта[71]. Но еще 30 июля 1941 г. войска группы армий «Центр» на определенное время были вынуждены перейти к обороне[72].

В то же время А. Гитлер считал, что за первый месяц войны разбита не только Красная армия, «но и сама мощь [СССР] подорвана настолько, что никакое ее восстановление, ввиду невероятных потерь в технике, уже не сможет спасти ее от полного уничтожения». На совещании 4 июля он многозначительно заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить». 3 июля, на двенадцатый день войны, Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... восточнее мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно

помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена»[73].

В декабре 1941 г. Красная армия нанесла крупное поражение под Москвой немецкой группе армий «Центр». В невероятно тяжелых условиях Верховному главнокомандованию СССР, Генштабу РККА удалось создать значительные резервы, обеспечить их новой военной техникой взамен утраченной в предыдущих сражениях. Высшим руководством СССР и военным командованием были проявлены твердая воля и выдержка. Германские войска были отброшены от Москвы на 150–200 км[74]. Победа Красной армии под Москвой определила крах блицкрига. Война с многочисленными ожесточенными сражениями длилась еще до начала мая 1945 г., но с блицкригом было покончено.

Немаловажную отрицательную роль в стратегическом планировании вермахта сыграли колебания в течение лета — осени 1941 г. по вопросам выбора направления и объекта главного удара, серьезные корректировки в оперативно-стратегических планах[75]. На военно-стратегических и оперативных взглядах германского командования сказывались также и расистские представления А. Гитлера и его ближайшего окружения о внешней политике. Это стало одним из важнейших источников фатальных ошибок руководства нацистской Германии в войне с СССР.

Советскому Союзу потребовались экстраординарные, запредельные усилия, чтобы остановить наступление вермахта в 1941 г. и сорвать реализацию плана «Барбаросса».

Начальный период войны: опыт и уроки

22 июня 1941 г. СССР вступил в смертельную схватку с исключительно сильным и жестоким врагом. Ее неизбежность была осознана властью и обществом задолго до начала Великой Отечественной войны, и именно это обстоятельство все более выраженно определяло основы внешней и внутренней политики Советского государства. Объективно оценить содержание и значение начального периода войны, а также определить причины тяжелых поражений лета — осени 1941 г. возможно лишь с их учетом.

Особой сферой предвоенной деятельности советского руководства стала внешняя политика, главной целью которой было предотвращение войны. Это была своего рода программа-максимум, причем следует отметить, что осознание невысоких шансов ее полной успешной реализации не делало усилия СССР менее энергичными и настойчивыми. Программа-минимум исходила из признания факта, что агрессия против Советского Союза рано или поздно состоится. При этом приоритетной целью становился выигрыш времени, которое было столь необходимо для подготовки страны и ее вооруженных сил к отражению нападения. Но внешнеполитическая деятельность этим не ограничивалась. Одновременно решались и другие задачи, главными из которых были: исключение условий для возникновения войны на два фронта, укрепление границ и расширение сферы влияния СССР, поиск возможных союзников.

Рассмотрение проблемы эффективности этой политики позволяет увидеть не только ее успехи и неудачи, но и оценить характер ее влияния на ход событий в начале Великой Отечественной войны, когда СССР подвергся агрессии со стороны государства, с которым он имел не только пакт о ненападении, но и договор «О дружбе и границе».

Первые, самые трудные, по сути, решающие месяцы войны Советский Союз был обречен сражаться в одиночестве. В этом смысле ни заявление английского премьер-министра У. Черчилля со словами поддержки советского народа и обещанием союзнических отношений, ни состояние войны между Германией и Великобританией ничего принципиально не меняли: вопрос жизни и смерти СССР и его многонационального народа в наиболее острой форме решался в сражениях между вермахтом и Красной армией летом — осенью 1941 г., когда антигитлеровская коалиция была еще «бумажным тигром».

Увязший танк КВ-2

Тяжелый танк Т-35, брошенный в г. Грудек Львовской области

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87 наносят удар по позициям советских войск

Немецкие солдаты рассматривают захваченные советские танки Т-26

Советский танк Т-34, брошенный из-за неисправности во Львове

Тяжелые неудачи начального периода войны, такого трудного и трагического для Советского Союза, были обусловлены целым комплексом тесно связанных между собой обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Корни многих из них следует искать в довоенной эпохе. Другие были непосредственно связаны с конкретными решениями государственного и военного руководства уже военного времени и общим ходом развития событий.

Для объяснения причин масштабного поражения Красной армии, случившегося летом — осенью 1941 г., ключевое значение имеет тот исходный факт, что Германия и ее союзники, будучи нападающей стороной, имели все связанные с этим преимущества первого удара. Их влияние на ход и исход войны было бы значительным даже в том гипотетическом случае, если бы советское руководство не имело никаких сомнений как в ближайших намерениях агрессора, так и относительно точной даты нападения. То есть сам фактор внезапности при всей своей важности здесь вторичен. Владение инициативой, возможность выбирать направления главных ударов и концентрировать для этого силы, добиваясь необходимого преимущества над обороняющейся стороной, сами по себе могут обеспечить быструю победу. Молниеносный разгром Германией Польши и Франции в значительной степени был следствием именно этого обстоятельства.

Фактор внезапности мощного первого удара увеличивает преимущества агрессора, что войска Красной армии испытали на себе в полной мере. В первый же день войны начальник штаба верховного командования сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер сделал в своем дневнике такую запись: «О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствуют факты, что части были захвачены врасплох на казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дельнейший ход событий»[76].

Народ, армия, государственное руководство Советского Союза хорошо знали об опасности германской агрессии, войну с рейхом ждали, к ней готовились, поэтому о стратегической внезапности нападения говорить не приходится. Однако А. Гитлеру действительно удалось достичь оперативно-тактической внезапности начала боевых действий, что крайне негативно сказалось на ходе всей войны. Проблема ответственности за это высшего государственного и военного руководства СССР получила большое общественное звучание с первых же дней войны.

И. В. Сталин, достаточно трезво оценивая общую ситуацию в 1941 г., всеми силами и средствами пытался оттянуть начало войны, стремился выиграть время, необходимое для завершения подготовки страны и ее вооруженных сил к отражению агрессии. Не желая дать А. Гитлеру даже малейшего повода для нападения, он запрещал осуществление многих крайне необходимых мероприятий, включая перевод войск в состояние полной боевой готовности. Сам факт того, что до 22 июня нападения не случилось, стимулировал ложные надежды, ведь времени до зимы оставалось все меньше, а значит, росли шансы на то, что войну все-таки удастся отсрочить до 1942 г.

Советское руководство действительно не ожидало столь вероломного нападения. По их убеждению, А. Гитлер должен был предъявить СССР некое подобие ультиматума, с тем чтобы создать хоть какие-то политико-правовые основания для денонсации действующих советско-германских соглашений. Такой вариант развития событий выглядел обоснованным и соответствовал известному историческому опыту, включая недавнюю войну Германии с Польшей. А. Гитлер разорвал германо-польский пакт о ненападении 28 апреля 1939 г., то есть за четыре месяца до агрессии, а претензии в отношении Данцига были высказаны им еще раньше. Так называемый «угрожаемый период», даже если бы он продлился всего несколько дней, дал бы И. В. Сталину и пространство для политического маневра, и время на проведение непосредственных военных приготовлений.

По-видимому, советский лидер брал в расчет и то обстоятельство, что А. Гитлер, сам будучи участником Первой мировой войны, закончившейся для Германии катастрофой, оправданно опасался войны на два фронта. В рамках этой логики неоконченная война Герма-

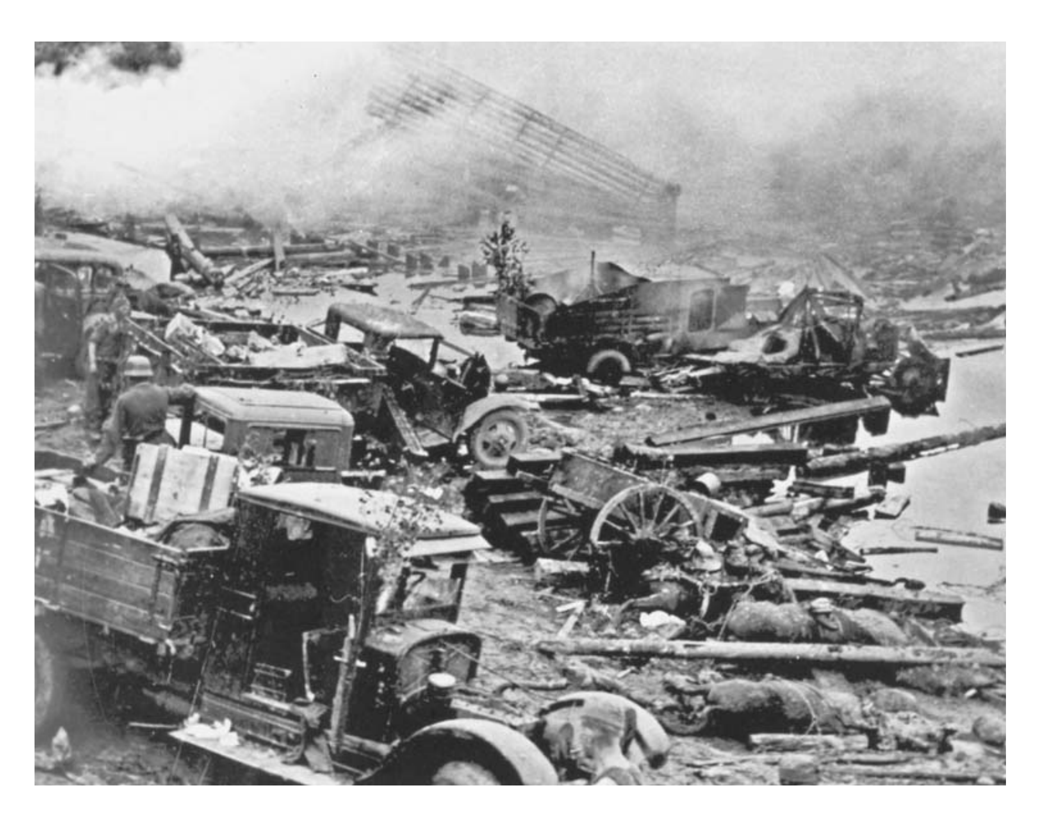
нии с Англией предоставляла СССР определенную страховку. При этом быстрое поражение Советского Союза казалось, несмотря на все успехи европейского блицкрига, просто невероятным. Его военный и промышленный потенциал, созданный благодаря титаническим усилиям в предвоенное десятилетие, в сочетании с огромными пространствами страны обеспечивал СССР объективные гарантии безопасности. Таким образом, по совокупности всех факторов гипотетическое нападение Германии в июне 1941 г. действительно могло оцениваться И. В. Сталиным как невероятная авантюра, практически не имеющая шансов на успех. Трагизм ситуации, однако, в том и состоял, что план А. Гитлера имел авантюрный характер и имел необходимым условием нанесение поражения СССР уже в 1941 г.

В связи с этим представляет несомненный интерес оценка решения А. Гитлера об агрессии против Советского Союза, принадлежащая О. Дитриху, руководителю прессы Третьего рейха, много лет близко наблюдавшего нацистского лидера: «Вторжение в Россию явилось кульминацией опьянения Гитлера властью, конечной фазой его политического бреда и высшей точкой его всепоглощающей, демонической одержимости. Он вообразил, что превентивная война против России поможет ему за считаные месяцы подчинить эту бескрайнюю землю и, таким образом, стать хозяином континента. Не прислушиваясь к голосу разума, он верил, что сможет оставить за бортом все законы политической логики и уроки истории. Здесь проявилось в своем истинном свете роковое раздвоение его темной натуры. Гитлер вел двойную крупномасштабную игру. Убежденный в своей высшей расовой миссии, он видел маячивший перед ним шанс на все времена уберечь немецкий народ от возможной угрозы с Востока. Ради этого он был готов на чудовищный обман. Мания величия победила здравомыслие политика, которым он некогда обладал»[77].

Следует также признать, что тщательно спланированная и умело осуществленная Берлином кампания по дезинформации СССР и всего мирового сообщества относительно своих подлинных планов в значительной степени достигла своей цели. Германии удалось вплоть до середины июня 1941 г. поддерживать у советского руководства иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. Сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и естественные опасения Кремля в отношении возможного примирения Германии и Великобритании, чему в числе прочего способствовали странные обстоятельства полета Р. Гесса в Шотландию в мае 1941 г. В этих условиях, если бы А. Гитлеру удалось представить Советский Союз виновником войны, это могло бы в корне изменить всю международную ситуацию. В результате СССР, возможно, пришлось бы вести войну не только с Германией и ее союзниками, но и против более широкой коалиции государств. Что касается сведений разведки, то они имели разноречивый характер.

Объяснимая, но тяжелая ошибка советского руководства в определении момента нападения нацистской Германии стала одной из важных причин поражений Красной армии и ее огромных потерь в начальном периоде войны. Выгоды первого удара позволили вермахту изменить общее соотношение сил в свою пользу и нивелировать преимущество Красной армии в танках, артиллерии и авиации, добившись многократного превосходства над ее войсками на выбранных направлениях. Готовясь к потенциальной войне, советское руководство допустило и другие ошибки.

Одной из них стал вывод, что вступление в сражение главных сил сторон хронологически не совпадет с началом военных действий. Весь предшествующий началу Второй мировой войны опыт свидетельствовал, что вступление государств в войну не сводится к ее объявлению и непосредственному началу боевых действий, а составляет особый начальный период. В соответствии с господствующими в то время военно-теоретическими представлениями, основное содержание начального периода войны составляли мобилизация, развертывание основных группировок войск и сил, «осуществление системы политических, экономических и идеологических мероприятий, связанных с переходом от мирного к военному времени»[78], а также ведение первых наступательных и оборонительных операций, в ходе которых стороны стремились добиться для себя максимальных преимуществ. Его общую продолжительность определяли примерно в 3–4 недели.

Советская автоколонна, уничтоженная на переправе немецкой авиацией

Поврежденный советский истребитель И-153 «Чайка» на захваченном гитлеровцами аэродроме

Однако быстрое развитие в конце 1930-х гг. средств вооружения, особенно танков и авиации, позволило Германии кардинально изменить характер начального периода войны. Нанося мощнейший удар в первые ее дни, агрессор получал возможность подавить сопротивление противоборствующей стороны до того, как она успеет развернуть и ввести в действие основную часть своих сил. Именно на такой стратегии строились военные кампании против Польши и Франции в 1939–1940 гг. В полной мере она была реализована в плане «Барбаросса». Г. К. Жуков самокритично признавал: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имевшимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизированных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»[79].

Хотя советское военно-политическое руководство в определенной мере знало о такой опасности, исходя из опыта военных действий Германии при нападении на Польшу и страны Западной Европы, оно ошибочно полагало, что в отношении СССР подобная стратегия не может быть применена из-за огромных размеров территории Советского Союза, его колоссальных возможностей и неблагоприятного для вермахта соотношения сил и средств. Советское руководство было убеждено, что в начальный период войны военные действия в целом будут развиваться по типовой схеме, характерной для прошлых войн. Действительность показала ошибочность этих расчетов. Считалось, что Германия перед нападением на Советский Союз в течение 10–15 суток будет производить развертывание своих сил на государственной границе. Между тем войска вермахта уже заранее были отмобилизованы и скрытно вели подготовку к наступлению. Время для полноценного анализа самого современного опыта ведения крупномасштабных боевых действий у советского руководства было, как имелась и возможность учесть его в подготовке войск и командных кадров, однако, к сожалению, этого в полной мере сделано не было.

На 22 июня в РККА насчитывалось 303 дивизии: 198 стрелковых, 61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских. Списочная численность Красной армии и Военно-морского флота составляла 4 826 907 военнослужащих. Сюда следует добавить еще около 65 тыс. военнослужащих, состоявших в формированиях других ведомств, но находившихся на довольствии в Наркомате обороны[80]. Войска пяти приграничных округов[81] имели в своем составе 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 механизированных, семь кавалерийских) и две бригады, на вооружении которых состояли почти 33 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков, 9,2 тыс. боевых самолетов. С учетом сил Северного, Балтийского и Черноморского флотов общая численность группировки составляла свыше 2,9 млн человек[82].

В соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности», принятым Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г., призывной возраст устанавливался с 19 лет, а для окончивших среднюю школу и соответствующие ей учебные заведения — с 18 лет. Нахождение военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава в запасе ограничивалось 50 годами. Срок прохождения действительной службы в сухопутных войсках для рядового состава составлял два года, для младшего начальствующего состава — три года, в ВВС[83] — три года, в ВМФ — пять лет. К началу войны около половины красноармейцев первого года службы приходилось на призывников 1941 г., то есть в возрасте 18–21 года[84]. С 1939 по 1941 г. Красная армия численно выросла почти в два раза.

Однако столь быстрый и значительный ее рост содержал в себе ряд объективных слабостей, главной из которых являлся недостаточный уровень подготовки личного состава. Так, по результатам инспекторских проверок, проведенных в первые месяцы 1941 г., именно такой вывод был сделан в отношении среднего и младшего начальствующего состава. Особо отмечался низкий уровень огневой подготовки войск[85]. Механики-водители танков в своем большинстве имели незначительный (1,5–2 часа) опыт вождения боевых машин[86].

Танк БТ-7, таранивший гитлеровскую штабную машину

Немецкая колонна, разгромленная танком Т-34 под Вильнюсом

В выступлении начальника автобронетанкового управления РККА генерала Я. Н. Федоренко на совещании высшего командного состава в декабре 1940 г. отмечалось, что танкисты отрабатывали только стрельбу с места, что же касается огневой подготовки в составе танковых взводов и рот, то она не отрабатывалась вообще[87].

Не лучше дела обстояли и в авиации: в директиве наркома обороны от 17 мая 1941 г. отмечалось: «...низкие показатели в боевой подготовке авиационных частей Красной армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий... Летный состав по боевому применению — бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам — обучался совершенно неудовлетворительно... Средний налет на одного летчика за весь зимний период составлял в ВВС Киевского особого военного округа — шесть часов, а в Одесском военном округе — два часа и пятнадцать минут»[88].

Командных кадров для новой, значительно выросшей Красной армии попросту не хватало, несмотря на то что в предвоенные годы в стране были созданы многочисленные высшие и средние военные учебные заведения и офицерские курсы. К началу войны в сухопутных войсках некомплект составлял без малого 67 тыс. человек командного состава, а среди летно-технического состава ВВС этот показатель достигал 32,3%[89]. Исправить положение за короткий срок было невозможно. К тому же, хотя подавляющее большинство командных кадров не обладало боевым опытом и необходимой подготовкой, их служебный рост был быстрым, поскольку требовалось заполнять новые вакансии в создаваемых частях и соединениях. В результате этого накануне войны сроки пребывания в должностях основных командных категорий были незначительными: свыше половины военных кадров, от командира дивизии до командующего округом, находились на своих должностях менее полугода, и только четвертая часть занимала свои должности более одного года[90]. На заседании руководящего состава РККА в декабре 1940 г. начальник Управления боевой подготовки генерал В. Н. Курдюмов докладывал: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались закончившие военное училище, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса»[91].

Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники, недостаток средств связи нередко срывали планы боевой подготовки личного состава, не позволяли должным образом отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Рост численности армии и флота требовал все большего количества квалифицированных военных кадров. Большое количество частей и соединений, сформированных в 1939–1941 гг., особенно остро нуждалось в подготовленных кадрах оперативного звена, на вакантные должности приходилось назначать людей, не имевших достаточного опыта и знаний.

Всё это не могло не сказаться негативным образом с началом боевых действий. Недостаточная профессиональная подготовка и низкие организаторские навыки части командного состава Красной армии стали в начале войны одной из причин плохого управления войсками в сложных и постоянно меняющихся условиях обстановки. К тому же слабые и плохо подготовленные командиры служили плохим примером для своих подчиненных, что еще более усугубляло ситуацию.

С кадрами высшего командного состава тоже далеко не всё обстояло благополучно. Систему управления вооруженными силами лихорадили частые перестановками руководящего состава в центральном аппарате и военных округах. Так, за пять последних предвоенных лет сменились четыре начальника Генштаба. В 1940–1941 гг. пять раз, то есть в среднем каждые 3,5 месяца, назначались новые начальники Управления ПВО, в 1936–1940 гг. сменились пять начальников Разведывательного управления[92]. Поэтому большинство должностных лиц не успевало освоить свои обязанности, связанные с выполнением большого круга сложных задач.

Советские вооруженные силы в определенной мере были ослаблены репрессиями 1937–1938 гг., в результате которых командно-начальствующий состав, особенно высшего

Танк Т-34 идет в атаку при поддержке 45-мм противотанковой пушки

Красноармейцы на марше

Могила немецких танкистов на фоне их уничтоженного танка Pz.Kpfw. III

звена, подвергся значительному обновлению. Всего из рядов РККА были уволены 36 898 командиров различных рангов, а с учетом ВМФ итоговая цифра вырастает почти до 40 тыс. человек. Из этого числа около 18 тыс. были арестованы. Особенно болезненный удар ощутил на себе высший комначсостав (от комбрига и выше). За два указанных года были арестованы и осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и РККФ[93].

Однако дело не только в количественных показателях, тем более что при их анализе следует учитывать, что репрессии коснулись менее 7% всей численности командного состава Красной армии, а многие из уволенных пострадали из-за собственной халатности или недостойного поведения. К тому же часть репрессированных командиров, около 15 тыс., были реабилитированы еще до войны и с ее началом и большей частью возвращены в строй. Важнее другое: в результате «чисток» многие командиры и командующие, боясь ответственности, стали менее инициативными и самостоятельными. Кроме того, произошло падение общего уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины личного состава. Негативная роль этих обстоятельств в полной мере проявилась с началом войны.

Серьезный урон был нанесен военно-теоретической мысли. Актуальные труды ряда видных военных теоретиков, подвергшихся репрессиям, оказались изъятыми из обращения. Решая многие важные вопросы, военная наука ориентировалась на нередко ошибочные сталинские установки. Непомерно большое место в военно-теоретических исследованиях занимал опыт Гражданской войны, заслоняя изучение практики ведения боевых действий в предшествовавших Второй мировой войне региональных войнах. Широко распропагандированные лозунги, что наша армия в любом случае ответит «двойным ударом на удар» и победит «малой кровью», уже были опровергнуты в ходе зимней войны с Финляндией, однако должных выводов сделано не было. Стойкость бойца нивелировалась нехваткой автоматического оружия, отсутствием четкого управления частями, поддержки стрелковых соединений артиллерией, танками, авиацией. Паника — нередкое явление первых дней войны — во многом была следствием милиционной системы службы, при которой до двух третей резервистов оставались за пределами мест прохождения военной службы, а находившиеся в РККА часто отвлекались на выполнение хозяйственных задач.

Командиры старшего и среднего звена не предполагали встретиться с таким искушенным противником, каким являлся вермахт. В 1930–1940-х гг. оказалась ослабленной не только организационная основа войск, но и ее моральная составляющая. Офицеры, число которых по мере нарастания военной угрозы все увеличивалось, боялись принимать решения, не согласованные с вышестоящей инстанцией, нередко терялись в оценке обстановки, сомневались в своих возможностях и, в конце концов, проигрывали. Исключения из этого правила (Брест, Лиепая и другие) лишь подтверждают горькую правду начала войны: к блицкригу, который обрушился на страну, РККА была не готова.

Одним из крупных преимуществ вермахта являлся значительный опыт ведения наступательных действий, полученный им в ходе войны в Западной Европе. Немецкий солдат обладал не только хорошей боевой выучкой, но и высоким боевым духом, сформированным легкими победами на Западе. Командный и штабной состав всех уровней овладел практическими навыками управления войсками, использования на полях сражений крупных сил, оснащенных в большом количестве всеми видами боевой техники и вооружения.

Подобного рода опыта Вооруженные силы Советского Союза не имели. Несмотря на то, что Красная армия получила определенный боевой опыт на Халхин-Голе и в войне с Финляндией, подавляющая часть солдат и офицеров впервые имела дело с настоящим противником и не обладала необходимыми навыками поведения в бою. В отличие от войск вермахта, полностью отмобилизованных и развернутых, обладающих самым актуальным опытом ведения масштабных боевых действий, советские войска в основном оставались в штатах и дислокации мирного времени, были рассредоточены на огромной территории и не имели четко выраженной оперативной группировки, отвечавшей сложившейся об-

Колонна советских бронеавтомобилей БА-10М на лесной дороге

Контратака советской пехоты

Авиатехник сержант Н. Крылов подвешивает реактивный снаряд под крыло истребителя И-153

Немецкий танк Pz.Kpfw. III, подбитый в районе Бобруйска

Для этих блицкриг закончился…

становке. Отсутствовали, в частности, четкие меры по реализации плана развертывания и предупреждения его срыва противником.

Начатое 22 июня 1941 г. вторжение противника застало Красную армию в момент, когда сосредоточение и развертывание ее войск еще не было завершено. Советские соединения и объединения были разделены на три стратегических эшелона, не имевших между собой оперативной связи. Это стало одной из причин того, что вермахту в первые недели войны удавалось громить соединения Красной армии по частям, имея на решающих участках фронта значительное преимущество в силах.

Еще одна принципиальная ошибка советского военно-политического руководства была связана с определением направления главного удара противника. План ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения командование вермахта будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа. Эта ошибка также была объяснима. Расчеты показывали, что вермахту не хватает сил для одновременного наступления на северо-западном, западном и юго-западном направлениях. В силу этого советское руководство считало невозможным нанесение вермахтом главного удара на Москву в полосе Западного фронта, так как тогда у Красной армии сохранялась возможность нанесения по наступающему к столице врагу фланговых ударов с севера и юга. Однако, подписывая план «Барбаросса», А. Гитлер все же пошел на риск распыления своих сил и выбрал советскую столицу в качестве главной цели. Здесь также сказался его расчет на завершение войны в кратчайшие сроки. Таким образом, из-за ошибочного определения основного направления удара противника группировка главных сил советских войск была сосредоточена на юго-западном, а не на западном направлении, в результате чего неблагоприятное для Красной армии соотношение сил еще более усугубилось.

Советское командование допустило просчет и в определении сроков стратегического развертывания вооруженных сил. Оперативное развертывание планировалось без учета реального состава и боеготовности войск, в ряде случаев в первый эшелон включались соединения, формирование которых едва началось, наконец, большинство новых укрепленных районов создавалось в непосредственной близости от границы. Советские довоенные планы не предусматривали длительной обороны. Врага намеревались остановить и обескровить у самой границы, а затем с подходом резервов развить контрнаступление в глубь его территории, поэтому склады и базы с запасами материальных средств располагались на критически близком расстоянии от границы, и в результате почти все они попали в руки врага.

По уточненному мобилизационному плану войска отмобилизовывались не в три, как предусматривалось первоначально, а в одну очередь, причем формирование многих соединений, в частности механизированных корпусов, планировалось без учета поступления техники, вследствие чего им пришлось сражаться, находясь, по сути, в небоеспособном состоянии. Развертывание сил приграничных округов не отвечало требованиям обстановки начала войны. Войска прикрытия были равномерно рассредоточены вдоль всей границы и располагались на глубину до 100 км, остальные находились в 250–500 км от границы. Передислокация войск, их размещение в новых пунктах, строительство новых укрепленных районов, оборонительных рубежей и аэродромов из-за крайне ограниченного времени не были завершены, инженерная подготовка театра военных действий не закончена.

Многие соединения приграничных округов, содержавшихся по штатам мирного времени, не были полностью укомплектованы, а недостаточный уровень моторизации стрелковых частей и служб обеспечения обусловливал малую подвижность войск. Кроме того, сложный процесс перевооружения войск новой техникой и переподготовка личного состава требовали времени. Предусмотренное мобилизационным планом формирование новых частей, соединений и объединений в должной мере не было подкреплено организационными мероприятиями по созданию материально-технической базы, обеспечению необходимым количеством военной техники, оружием и снаряжением. Запоздалым оказался переход в 1940 г. со смешанной территориально-милиционной на кадровую систему комплектования, что негативно сказалось на качестве мобилизационных ресурсов, пополнивших армию с началом войны.

Из-за частой смены командных кадров высшего звена, в том числе начальника Генштаба, завершить к началу войны оперативно-стратегическое планирование не удалось. Из всех документов плана войны в округах были отработаны лишь планы прикрытия. Прочие оставались в стадии доработки, а к разработке планов первых операций даже не приступали. Положение усугублялось еще и тем, что, стремясь оттянуть неизбежное столкновение с Германией, И. В. Сталин отклонял предложения Наркомата обороны о приведении приграничных военных округов в полную боевую готовность, поэтому вплоть до 22 июня они пребывали в режиме мирного времени. Отдельные меры стратегического развертывания вооруженных сил с необходимой скрытностью начали осуществляться лишь в конце весны 1941 г. В сложнейших условиях проводилось оперативное развертывание войск. Директива наркома обороны № 1 о приведении войск в полную боевую готовность поступила в военные округа слишком поздно, когда до начала войны оставалось 1,5–2 часа. В некоторых армиях штабы заканчивали ее расшифровку уже после начала военных действий. До многих соединений приказ о приведении их в боевую готовность вообще не был доведен. На большинстве участков подъем войск по боевой тревоге и их выход на назначенные рубежи осуществлялся неорганизованно. Сразу же выявилось несоответствие планов прикрытия реальной обстановке. Попытки действовать строго по этому плану лишь усугубили и без того кризисное положение войск.

Красная армия готовилась к столкновению крупных механизированных соединений, для чего предусматривалось создание механизированных корпусов, каждый из которых должен был иметь две танковые (по тысяче машин) и механизированную дивизии. Советские механизированные корпуса, расформированные в 1939 г. в соответствии с ошибочным решением военно-политического руководства страны, стали формироваться вновь с июля 1940 г. и с учетом опыта Французской кампании вермахта. Однако их структура была громоздкой и несбалансированной. Это были излишне сложные и недостаточно мобильные соединения, управлять которыми еще не научились. Моторизация пехоты и артиллерии во вновь создаваемых корпусах основывалась на транспортных средствах, мобилизуемых из народного хозяйства в начальный период войны. Но в реальных условиях времени для этого почти не было. В результате всех этих причин механизированные корпуса в своей основной массе были быстро разгромлены противником, что привело к отказу от корпусной системы и замене танковых дивизий на более легкие танковые бригады. Отечественную теорию и практику глубокой наступательной операции крупными соединениями до поры пришлось отложить.

Танковые и моторизированные соединения вермахта, напротив, имели сбалансированную и проверенную на практике структуру, состоявшую из танковых и мотопехотных частей, моторизованной артиллерии, а также необходимых технических подразделений, в задачу которых входили обслуживание и ремонт танков. Такая организационная структура делала их относительно самостоятельными и позволяла решать оперативные задачи в глубине советской обороны.

Как уже отмечалось, германскому вторжению противостояли в целом равномерно дислоцированные вдоль государственной границы войска РККА, причем на дивизию приходилось до 30 км, а в отдельных случаях и более. Командование вермахта, имевшее по понятным причинам преимущество первого удара, имело все возможности создать на главных оперативных направлениях превосходство над советскими войсками в 3–5 раз, что обеспечивало успех наступления. При этом второй стратегический эшелон РККА, расположенный на расстоянии 100–300 км от границы, практически не мог помочь первому. В его составе и находились механизированные корпуса, которые советское командование использовало для нанесения контрударов по наступающим частям вермахта. Однако эти контрудары за редким исключением не имели успеха, что во многом объяснялось недостатками их организационно-штатной структуры и низкой боевой готовностью. Механизированные корпуса РККА оказались недостаточно маневренными и потому их удары зачастую приходились на уже организованную противотанковую оборону противника, который имел все возможности

Немецкая автоколонна под обстрелом на подмосковной дороге

Батарея советских 122-мм гаубиц ведет огонь по врагу

Звено штурмовиков Ил-2 в полете над Подмосковьем

Советский танковый десант при поддержке танка Т-34 атакует занятую противником деревню

Расчет советской 45-мм пушки на окраине деревни под Москвой

Колонна советских мотоциклистов на пути к Можайску

уничтожать оторвавшиеся от пехоты и артиллерии советские танки. Ситуацию усугубляли трудности боевого управления, обусловленные нехваткой средств радиосвязи. К тому же значительная часть советских механизированных корпусов находилась в стадии формирования и укомплектования, что существенно снижало их боевые возможности.

В целом попытки советского командования нанести ответные удары с переносом военных действий на территорию агрессора, предпринятые им на второй день войны, уже не соответствовали возможностям войск. Эти контрудары, как правило, были подготовлены плохо, без учета реальной обстановки и редко приводили к успеху. Однако утверждения, что они не имели никакого смысла и только увеличивали потери, представляются однобокими и поверхностными. Контрудары снижали темпы продвижения врага, давали новый опыт, были призваны помочь изменить психологический настрой войск, заставить людей поверить в себя, в то, что мы можем побеждать.

Весьма показательным в этом отношении стало сражение за Киев, приведшее к одному из самых тяжелых поражений начала войны. В значительной мере большие потери Красной армии были вызваны жесткими требованиями И. В. Сталина, запретившего отвод войск. Однако его позиция как Верховного главнокомандующего определялась не только военными, но и политическими соображениями. Он считал, что сдать без боя мать городов русских Киев, продолжая отступление на восток, — значит, совершить серьезную ошибку. Такое решение, по его мнению, оказало бы выраженное негативное воздействие на весь народ, усугубило общую ситуацию, стимулировало пораженческие настроения. Здесь проявилась особая логика война, понятая еще в глубокой древности греческим стратегом Фемистоклом, который о тяжелейшем, но победном сражении с персами сказал так: «Мы погибли бы, если б не погибали». Можно ли было поступить иначе? Г. К. Жуков, анализируя ситуацию как военный профессионал, считал, что не только можно, но и необходимо. Возможно, однако, что И. В. Сталин понимал войну глубже и видел дальше.

Запоздалым оказалось и решение о переходе к стратегической обороне, принятое лишь на восьмой день войны. К тому же этот переход происходил слишком нерешительно и разновременно. Он потребовал переноса основных усилий с юго-западного направления на западное. В результате значительная часть советских войск не столько сражалась, сколько перемещалась с одного направления на другое. Это давало противнику возможность громить соединения и даже объединения по частям, по мере их подхода к району сосредоточения.

Были допущены ошибки и в подготовке театра военных действий. Строительство укрепленных районов к началу войны завершить не удалось, а на старой государственной границе готовые укрепрайоны были законсервированы и не заполнены войсками. Командные пункты управления вооруженными силами не строились. В плохом состоянии находилась дорожная сеть, поскольку подготовкой дорог перед войной практически не занимались. Оборона советских войск была очаговой и характеризовалась линейным расположением соединений, наличием больших разрывов и открытых флангов в оперативном построении, слабым инженерным оборудованием местности при нехватке противотанковых средств.

Начавшаяся война выявила существенные недостатки в управлении войсками. Среди причин, их обусловивших, была чрезмерная привязанность к проводным средствам связи. После первых же ударов авиации противника и действий его диверсионных групп постоянные линии проводной связи оказались выведенными из строя, а крайне ограниченное количество радиостанций и отсутствие необходимых навыков в их использовании не позволили наладить устойчивую связь. Командиры боялись радиопеленгации противником, а потому избегали пользоваться радио, предпочитая проводные и другие средства связи. Да и у органов стратегического руководства отсутствовали заранее подготовленные пункты управления. Ставке, Генеральному штабу, командующим родами войск и видами вооруженных сил пришлось руководить войсками из абсолютно не приспособленных для этого кабинетов мирного времени. Из-за отсутствия связи не только штабы частей и соединений, но даже Генеральный штаб не имел возможности правильно оценить обстановку.

Красноармеец возле брошенной немецкой 105-мм гаубицы

Деревенские дети на башне подбитого немецкого танка Pz.Kpfw.III

Ко всему этому следует добавить, что незавершенность масштабных социальных преобразований в СССР и относительная, по сравнению с германским блоком, слабость его экономики и инфраструктуры не могли не оказать мощного негативного воздействия на весь ход событий первых недель и месяцев Великой Отечественной войны. Советский Союз в это время только приступил к выполнению третьего пятилетнего плана, составленного с учетом возрастающей угрозы агрессии и необходимости технического перевооружения армии и флота.

В ходе военных кампаний на Западе фашистская Германия захватила в странах Европы вооружение, огромные запасы стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Почти 6,5 тыс. предприятий в 12 оккупированных Германией странах в июне 1941 г. работали на гитлеровский вермахт, выполняя военные заказы на 4,6 млрд марок; 3,1 млн иностранных рабочих трудились в германской промышленности. Захват ряда европейских стран позволил Германии решить многие сырьевые, продовольственные и другие проблемы, нарастить мощности промышленности по производству оружия и военной техники, которые в основной массе в качественном отношении превосходили советские образцы. Экономика Третьего рейха уже к концу 1930-х гг. была полностью переведена на военные рельсы, что позволило Германии задолго до нападения на СССР освоить и запустить в серийное производство новейшие образцы боевой техники и оружия.

Одной из важных причин трагического начала войны является незавершенность программы перевооружения Красной армии (ее планировалось закончить, как минимум, к 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. К началу Второй мировой войны Вооруженные силы Советского Союза по основным видам вооружения не только не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии, но и превосходили их. Однако война с Финляндией показала, что качественный уровень во многом не соответствовал требованиям времени. Принятые советским руководством в 1940 г. решения знаменовали коренной поворот в военном строительстве, однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало. Около 80% танков и самолетов принадлежали к устаревшим типам. Четверть всех танков относилась к типам, которые уже были сняты с производства. В составе западных приграничных округов удельный вес новых образцов танковой и авиационной техники составлял 18–22%. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году.

Войска противника в большей мере были насыщены автоматическим оружием, в то время как в стрелковые части Красной армии лишь начали поступать пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки. Почти вся артиллерия вермахта была переведена на механическую тягу, а в РККА — лишь пятая часть. Укомплектованность механизированных корпусов Красной армии всеми типами боевых машин не превышала 53%, артиллерией — 40%, автотранспортом — 39%, мотоциклами — 17%[94]. Таким образом, большинство советских танковых и механизированных дивизий, объединенных в 20 механизированных корпусов, являлись боеспособными лишь на бумаге. В частях отсутствовали в необходимых количествах средства связи, что отрицательно сказалось на управлении войсками и с началом боевых действий позволило противнику обходить, окружать и бить советские части и подразделения, создавая на решающих участках значительное численное превосходство. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны было недостаточно, даже в механизированных дивизиях не хватало автомобилей и тягачей.

Таким образом, при общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов Красная армия оказалась в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования ей не хватило танков, самолетов и орудий. Советское военно-политическое руководство принимало меры по развитию оборонной промышленности, модернизации производства военной техники и оружия. Однако сроки, установленные для поставки их в войска, часто нарушались. Внедрение разработанных конструкторами новых современных образцов оружия происходило медленно. Командова-

ние Красной армии проявляло нерешительность и медлительность при утверждении более современных образцов оружия.

Многие ответственные военные руководители, в первую очередь бывший нарком обороны СССР председатель Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик, заместитель наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко и другие, оказались не в состоянии адекватно оценить возросшую роль авиации, танков, автоматического стрелкового оружия в современной войне и не приняли эффективных мер по оснащению Красной армии, прежде всего войск приграничных военных округов, достаточным количеством противотанковых средств, зенитной артиллерии новых образцов, авиацией, средствами ПВО, современными радиолокационными станциями, пистолетами и пулеметами.

Говоря о субъективных причинах поражений Красной армии лета 1941 г., следует выделить естественные трудности перехода от мирной жизни к войне, с которыми в такой ситуации сталкивается любой человек. Психологический шок, испытанный людьми в результате нападения фашистской Германии, по-разному отразился на их поведении. Военнослужащие не были исключением. Многих захлестнули пораженческие настроения, в основе которых лежали неверие в собственные силы, страх, стресс, недовольство властью, не сумевшей предотвратить войну, переоценка врага. Военные документы той поры полны сообщений об упаднических разговорах солдат и офицеров, случаях паники и трусости. Так, красноармеец Тверетинов в разговоре со своими товарищами 22 июня заявил: «Германия победит Советский Союз. При первом же наступлении немцев нужно сдаться в плен. Там останешься живым и будешь жить неплохо»[95]. Подобные рассуждения служили «оправданием» дезертирства, трусости и предательства.

Невозможно математически точно определить, насколько такие настроения были массовыми и долговременными, но очевидно их влияние как на степень сопротивления наших войск, так и на уровень потерь. Однако еще более ясно, что большая часть бойцов Красной армии думала и поступала по-другому, в противном случае нам не удалось бы выстоять и победить. В сообщениях органов военной контрразведки июня — июля 1941 г., о которых нельзя сказать, что в них присутствуют хоть какие-то попытки приукрашивания обстановки, часто приводятся примеры героического поведения солдат и офицеров и содержатся такие оценки: «Основная масса бойцов, командиров, в том числе и бежавших с фронта, выражает готовность драться с врагом, защищать Родину»[96]; «Говоря о поведении командиров, идущих в группе во время выхода из окружения, следует отметить, что в основном все шли с решением либо пробраться к своим, либо умереть»[97].

Непрерывное отступление оказывало деморализующее воздействие на личный состав, рождая боязнь окружения. Не чувствуя локтя соседа по обороне, некоторые части оставляли позиции и отходили даже тогда, когда противник наступал равными или меньшими силами. Морально-боевые качества Красной армии не во всем соответствовали довоенным представлениям. Не прошли бесследно ни массовые репрессии, ни изъяны в идейно-воспитательной работе. Танко- и самолетобоязнь, страх попасть в окружение резко снижали устойчивость обороны. Особенно разлагающе действовало на личный состав неуверенное управление войсками. Среди тех, кто в первые недели войны, позабыв о своем долге, считал самым важным спасение собственной жизни, было много растерявшихся и «отбившихся» от своих частей военнослужащих. В июне — июле 1941 г. были задержаны около 130 тыс. человек[98], подавляющее большинство которых возвращены на фронт и впоследствии мужественно сражались с врагом.

В целом итоги начального периода войны оказались для СССР весьма трагичными. Советские войска потерпели тяжелое поражение. В первые же дни войны ВВС Красной армии понесли столь значительные потери, что это на долгий срок предопределило полное господство в воздухе немецкой авиации. Так, в спецсообщении 3-го управления Народного

комиссариата обороны от 25 июня приводились следующие данные по Северо-Западному фронту (бывший Прибалтийский особый округ): «Наша авиация несет большие потери: было 880 самолетов, с 24 июня осталось в строю около 500. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скученности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок»[99]. На других фронтах ситуация была аналогичной. Доминирование немецкой авиации имело как собственно военное, так и большое психологическое значение. Бомбовые удары противника не только увеличивали потери Красной армии и разрушали инфраструктуру, они стирали грань между фронтом и тылом, создавали у людей чувство беззащитности перед врагом.

С 22 июня по 31 декабря 1941 г. безвозвратные и санитарные потери Вооруженных сил СССР составили 4 473 820 человек, из них убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате происшествий 806,2 тыс., пропали без вести и попали в плен 2335,5 тыс., ранены, контужены, заболели, обморожены — 1336,1 тыс.[100] Это страшные и трагические цифры. Однако понять их подлинные масштаб и значение, а также оценить подлинный характер противоборства с врагом можно лишь в сравнении с аналогичными показателями и применительно к другим кампаниям, проведенным вермахтом в Европе в 1939–1941 гг. Например, польская армия в сражениях и боях сентября 1941 г. потеряла 66,3 тыс. военнослужащих убитыми и свыше 420 тыс. пропавшими без вести и плененными. Подсчитано, что на каждого погибшего приходится 6,3 попавших в плен. Потери французской армии в мае — июне 1940 г. составили около 84 тыс. солдат и офицеров и свыше 1,5 млн человек пленными, то есть на одного убитого — 18 пленных. Применительно к 1941 г. и Великой Отечественной войне на одного погибшего в бою советского воина приходится 2,9 попавших в плен[101]. Эти соотношения не нуждаются в пространных комментариях, поскольку говорят сами за себя.

Очевидно, что вермахт до нападения на СССР нигде не встречал такого ожесточенного сопротивления и не нес столь значительных потерь в живой силе и боевой технике, о чем многократно заявляли сами немецкие военачальники. После войны генерал Г. Блюментрит в разговоре с английским историком Б. Г. Лиддел Гартом отмечал: «Уже сражения июня 1941 г. показали нам, что представляет собой новая Советская армия. Мы теряли в боях до пятидесяти процентов личного состава... Красная армия 1941–1945 гг. была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею»[102].

Исключительно трудное для Советского Союза начало войны, тяжелые поражения и большие потери советских войск не привели к разгрому Красной армии. С течением времени ее действия принимали все более организованный характер, а сопротивление возрастало, что стало неожиданным как для А. Гитлера и его окружения, так и для западных политиков и военных. РККА выстояла и, несмотря на большие потери, сохранила силы для последующих сражений. За первые три недели кампании вермахт понес потери, каких не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера, только в сухопутных войсках на 13 июля были убиты, ранены и пропали без вести 92 тыс. человек, потери в танках составили около 50%[103]. И хотя потери личного состава вермахта не превышали численности полевых запасных батальонов и боеспособность дивизий в основном сохранилась, темпы немецкого наступления снижались, а боевой дух войск падал.

Конечно, в сравнении с потерями, понесенными советскими войсками, противнику был нанесен не столь серьезный ущерб, но и он не шел ни в какое сравнение с потерями германской армии в Западной Европе. После окончания приграничных сражений ударные группировки вермахта уже не могли безостановочно наступать, как это предполагалось по плану «Барбаросса». Германское командование вынуждено было делать оперативные паузы в действиях своих войск, осуществлять перегруппировку сил, ставить новые задачи и вновь организовывать наступательные операции с прежними целями. Главная стратегическая задача вермахта, предусматривавшая уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и Правобережной Украине, не была выполнена.

Генерал пехоты в отставке К. фон Типпельскирх писал: «Гитлер был уверен, что с началом первых операций, как и в предыдущих кампаниях, ему удастся разбить основные силы русской армии и получить в результате этого полную свободу действий. Когда же после первых операций этого все же не произошло, в войне наступил первый большой кризис. Правда, операции всех трех групп армий, и особенно на направлении главного удара — в центре общего фронта, прошли успешно, но они не привели ни к быстрому уничтожению всех вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной армии, на что Гитлер так надеялся. Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении»[104].

В целом, несмотря на крупные поражения, Красная армия и Военно-морской флот смогли серьезно нарушить первоначальный стратегический замысел врага. Агрессор не достиг целей, поставленных в директиве от 31 января 1941 г. главного командования сухопутных войск вермахта, которая развивала и конкретизировала принципы войны против СССР, изложенные ранее в директиве № 21 (план «Барбаросса»), а ближайшей стратегической целью было определено уничтожение войск Красной армии к западу от Днепра и Западной Двины.

Трагический исход начального периода войны и огромные потери советских войск не позволили довести численность вооруженных сил до предусмотренного мобилизационным планом уровня и заставили пересмотреть его принципиальные положения. Для восполнения потерь, комплектования большого количества новых войсковых соединений и создания резервов в августе 1941 г. была проведена дополнительная мобилизация еще четырнадцати возрастов военнообязанных 1890–1904 годов рождения и призывников до 1923 года рождения, а также началось формирование ополченских соединений на добровольной основе. В итоге к концу 1941 г. численность Вооруженных сил СССР составила около 9,5 млн человек, то есть на 600 тыс. больше предусмотренной мобилизационным планом.

Не поражения первых месяцев войны определили основное содержание ее начала, а то, что Советский Союз и его многонациональный народ выстояли, выдержали первый и самый страшный удар врага, не сдавшись и не развалившись, как другие. Руководство СССР смогло достаточно быстро и умело реорганизовать управление страной с учетом всей сложнейшей специфики военного времени и органично соединить его с собственно военным управлением. Один из ярких примеров эффективности управления — блестяще осуществленная эвакуация огромных объемов материальных средств, промышленных предприятий, а главное — миллионов людей.

Замысел германского командования — уничтожить главные силы Красной армии западнее Двины и Днестра и открыть вермахту прямую дорогу для беспрепятственного наступления на Москву — был сорван. Активная оборона и героическое сопротивление советских войск, а также ввод советским военно-политическим руководством в сражение значительных резервов замедлили немецкое наступление и ослабили его ударную силу, поставив тем самым под сомнение реалистичность плана «Барбаросса» и перспективу победного для Германии окончания войны в 1941 г. В этом состоял главный военно-политический итог начального периода Великой Отечественной войны.

Военное искусство в годы войны

Военные действия, или в целом война, — двусторонний процесс, поэтому военное искусство одной противоборствующей стороны находится в постоянной зависимости от другой. Сражающиеся стороны вынуждены избирать и вырабатывать такие формы борьбы, которые позволили бы одержать победу над противником со всеми особенностями его стратегии, оперативного искусства и тактики. Изменения в приемах ведения боевых действий одной стороны неизбежно вызывают соответствующие изменения у противника.

На развитие военного искусства в годы войны активно влияли насыщение вооруженных сил, расширение арсенала боевых средств и улучшение их тактико-технических свойств. Это дало стратегии, оперативному искусству и тактике большие возможности по разработке и внедрению в практику новых способов ведения военных действий, совершенствованию организационной структуры, боевого применения видов вооруженных сил. В советском военном искусстве в области стратегии особое внимание обращалось на совместное использование всех видов вооруженных сил и родов войск при тесном их взаимодействии. При этом основная роль отводилась сухопутным войскам, поскольку главные задачи вооруженной борьбы должны были решаться на континентальных театрах военных действий[105].

Военные теории основных участников Второй мировой войны — Германии, Англии, Франции, а также СССР — содержали ключевые положения о том, что стратегическое наступление является преимущественным видом военных действий. Главным способом решения задач стратегического наступления определялся ряд глубоких ударов на решающем направлении в целях рассечения или дробления стратегического фронта и уничтожения по частям разобщенных группировок противника. Стратегической обороне уделялось гораздо меньшее внимание, поскольку она считалась вынужденным видом военных действий. В частности, в советской военной теории к обороне следовало переходить в случаях неблагоприятного соотношения сил и средств на отдельных участках театра военных действий в ходе ведения наступательных операций. Начавшаяся Великая Отечественная война подтвердила правильность многих положений довоенной теории. Вместе с тем некоторые вопросы были разработаны недостаточно полно, а отдельные положения оказались ошибочными[106]. Боевые действия в начальном периоде показали разность уровней военного искусства противоборствующих сторон.

Отрицательное влияние на развертывание советских войск при отражении немецкой агрессии и на ведение первых приграничных операций оказало то обстоятельство, что не были до конца разработаны и не получили должного отражения в документах, определявших подготовку войск, вопросы мобилизационного развертывания войск и приведения в полную боевую готовность приграничных округов. Недостаточное внимание также уделялось вопросам стратегической обороны. Считалось, что оборонительные действия найдут применение лишь в оперативно-тактическом масштабе.

Апробированная на полях Европы теория молниеносной войны, предусматривавшая упреждение противника в готовности к военным действиям, внезапное нанесение мощного стратегического удара в самом начале войны, разгром войск противника и победоносное окончание войны, в первой своей части Германии удалась. Немецкое командование сосредоточило для первого удара максимальное количество сил и средств, обеспечило скрытность подготовки войск и захватило стратегическую инициативу в войне. Стратегическое наступление вооруженных сил Германии в 1941 г. проводилось с целью в короткие сроки разгромить вооруженные силы противника, овладеть основными экономическими и политическими центрами. При подготовке стратегического наступления большое внимание уделялось выбору направления главного удара. Как правило, он наносился по основной группировке войск противника, от которой зависела устойчивость всего стратегического фронта, с целью ее окружения или расчленения с последующим разгромом по частям.

Для достижения скорейшего успеха немецкие вооруженные силы развертывались в одном стратегическом эшелоне. Массирование сил, особенно танковых войск и авиации на главных направлениях, позволяло создавать значительное превосходство и добиваться крупных оперативных успехов. Почти все наступательные операции проводились, как правило, группами армий, каждая из которых действовала на самостоятельном стратегическом направлении. Основной ударной силой вермахта являлись танковые группы, преобразованные затем в танковые армии. В первую очередь они наносили глубокие рассекающие удары с последующим окружением крупных группировок советских войск. Глубина операций танковых групп летом 1941 г. составляла 400–500 км, средний темп наступления — 20–30 км в сутки. Прорыв обороны осуществлялся обычно на двух, а иногда на трех участках с последующим развитием наступления по сходящимся направлениям. Однако такие действия приводили

к успеху только в первые месяцы после нападения на СССР, когда наступление велось превосходящими силами и против поспешно подготовленной, неглубокой обороны.

Военно-воздушные силы Германии применялись для решения многообразных тактических, оперативных, а в отдельных случаях и стратегических задач. Особенно важная роль отводилась им в начале военных действий. Завоевание господства в воздухе путем уничтожения авиации на аэродромах, а также поддержка танковых группировок считались основными предпосылками успешного ведения операций сухопутных войск. Одновременно с борьбой за господство в воздухе авиация наносила удары по административно-политическим центрам, узлам железных и шоссейных дорог, военно-морским базам, войскам, выдвигавшимся из глубины, резервам для срыва мобилизации и развертывания противостоящих вооруженных сил. Глубина авиационного воздействия по объектам тыла доходила до 500–600 км и более.

В летне-осенней кампании 1941 г. вооруженные силы Германии развертывали наступление на всем стратегическом фронте. В связи с этим Красной армии в ходе сражений 1941–1942 гг. пришлось длительное время вести активную оборону в стратегическом масштабе, притом что войска не завершили отмобилизования и оперативного развертывания. В условиях нанесенных агрессором тяжелых поражений Красной армии в начальный период необходимо было остановить наступление ударных группировок противника и создать предпосылки для перехода стратегической инициативы в свои руки. Однако из-за превосходства противника на направлениях главных ударов, недостаточной глубины обороны, слабой моторизации соединений и, следовательно, их невысокой подвижности, а также из-за недостатков в организации разведки и управления в ряде случаев советские войска вынуждены были отступать на значительную глубину. Противнику удавалось прорывать фронт обороны, выходить в тылы отступавших войск, отдельные группировки которых вынуждены были вести тяжелую борьбу в окружении.

Важной задачей организации обороны советских войск было восстановление нарушенного стратегического фронта. В 1941–1942 гг. она решалась путем усиления боеспособности оперативных объединений первого эшелона, накопления и ввода в сражение стратегических резервов ВГК, перегруппировок войск с соседних участков фронта. Так же, как и при стратегическом наступлении, в ходе войны была применена новая форма стратегической обороны — оборонительная операция группы фронтов. Они проводились в наиболее тяжелые первый и второй периоды войны. Так, операции в 1941–1942 гг. велись силами двух-трех фронтов в полосах до 700 км и более (Московская, Сталинградская, Курская операции). Боевые действия развертывались на глубину 200–400 км[107]. Применение Красной армией новых форм активной стратегической обороны обеспечило срыв планов противника, нанесение ему тяжелых потерь, удержание важнейших рубежей, экономических и административных центров, военно-морских баз и других объектов. Ни одно даже крупное государство Западной Европы, подвергшееся фашистской агрессии, не смогло решить подобные задачи[108].

К 1943 г. размах стратегического наступления немецких войск значительно уменьшился. Если в 1941 г. наступление включало ряд одновременных стратегических операций, проводимых на всем фронте и на значительную глубину, то в 1942 г. оно было предпринято на одном стратегическом направлении, а в 1943 г. ограничивалось лишь узким участком фронта в районе Курского выступа. При этом ни в одной из наступательных кампаний, несмотря на первоначальные успехи, вермахт не смог сломить сопротивление советских войск и достичь поставленных стратегических целей полностью.

В Курской оборонительной операции впервые была решена проблема организации и ведения преднамеренной обороны. По замыслу Ставки ВГК при обладании стратегической инициативой и общем превосходстве в силах и средствах советские войска осознанно перешли к обороне, чтобы использовать преимущества в последующем стратегическом наступлении. Жесткая оборона (общей глубиной до 300 км) дала возможность в относительно короткие сроки нанести большие потери основным ударным группировкам противника, перейти в контрнаступление, а затем и в общее наступление на всем советско-германском фронте[109]. В 1944–1945 гг. Красная армия больше не вела стратегическую оборону.

Танки 5-го гвардейского танкового корпуса с десантом на броне

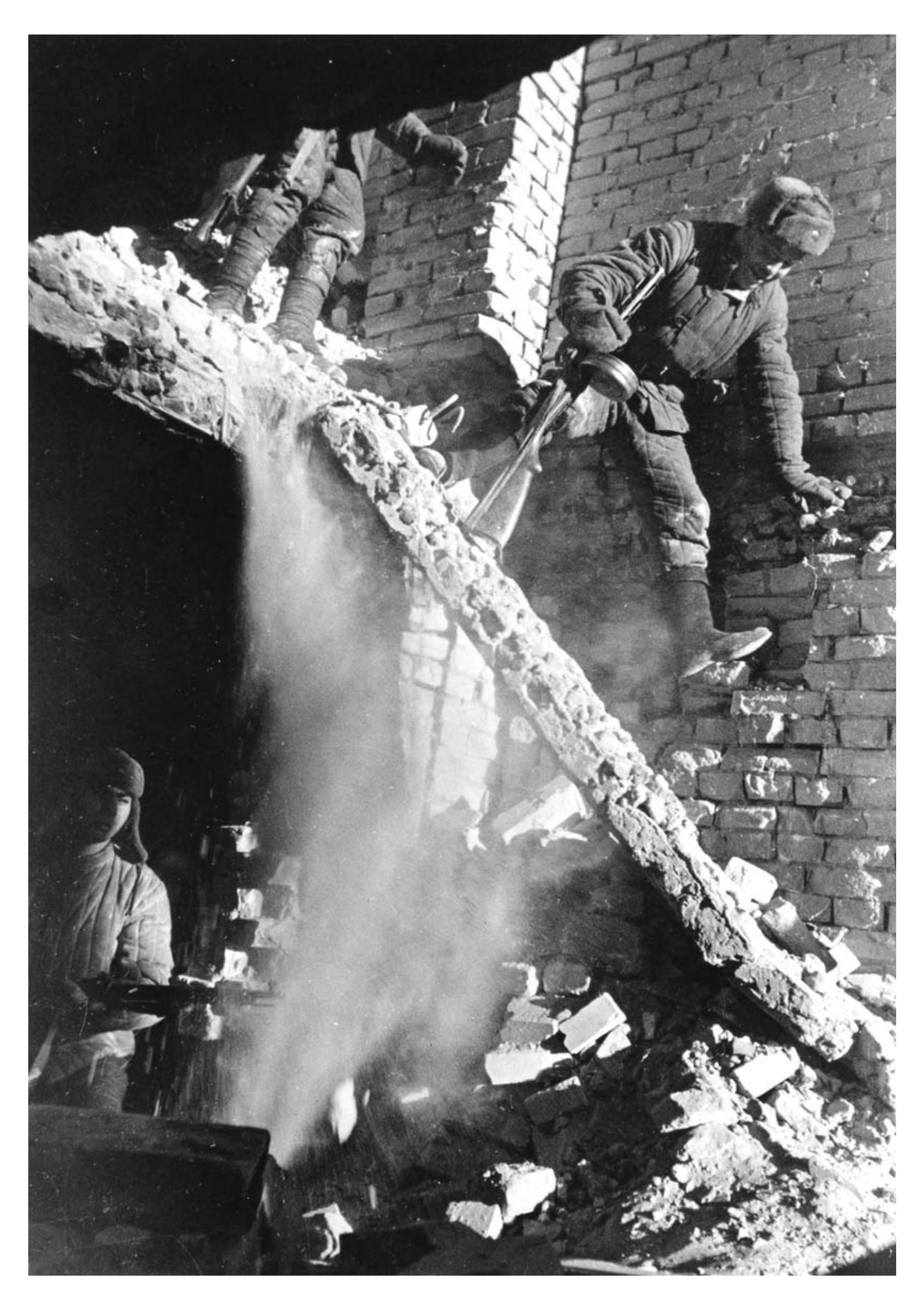
Советские саперы ведут разминирование берега реки южнее Воронежа

Группа бронебойщиков Воронежского фронта с противотанковыми ружьями Дегтярёва (ПТРД-41)

Два автоматчика Сталинградского фронта в разведке

Красноармейцы в разрушенном доме в Сталинграде

К концу войны стратегическое наступление приобрело законченное теоретическое оформление. Оно включало систему одновременных и последовательных стратегических операций, проводимых по единому замыслу группой фронтов совместно с объединениями ВВС и войск ПВО, а на приморских направлениях — и с силами флота, для достижения важных военно-политических целей. В ряде стратегических наступательных операций принимали участие партизанские формирования. Общее руководство осуществляла Ставка ВГК (освобождение Левобережной Украины, Белоруссии, ряд операций по освобождению западных территорий СССР).

Начиная войну против СССР, фашистское руководство не предполагало, что вермахту придется хотя бы временно перейти к обороне. Однако уже летом 1941 г. вражеские войска были вынуждены обороняться под Ленинградом, Смоленском, в Заполярье, а зимой 1941—1942 гг. — на всем фронте. С лета 1943 г. после поражения под Курском фашистская армия была поставлена перед необходимостью полностью отказаться от наступательной стратегии и перейти к стратегической обороне. В период 1941—1942 гг. командование вермахта считало оборону временной и организовывало ее поспешно. Цель ее заключалась в срыве наступления советских войск, удержании захваченной территории, выигрыше времени для накопления сил и подготовки нового наступления, поэтому стратегические оборонительные рубежи, как правило, заблаговременно не оборудовались. Оборонительные группировки войск создавались в ходе сражений. Немецко-фашистское командование рассчитывало стабилизировать фронт, опираясь на естественные рубежи, однако под мощными ударами советских войск добиться этого не могло. Наиболее слабым звеном в стратегической обороне вермахта являлся недостаток резервов, что во многом затрудняло восстановление нарушенного фронта.

Рост мощи Вооруженных сил Советского Союза, приобретение ими боевого опыта способствовали совершенствованию подготовки и проведения стратегического наступления, увеличению его размаха. Например, в 1941—1943 гг. оно охватывало почти половину общей протяженности стратегического фронта (в зимнюю кампанию 1941—1942 гг. из 4 тыс. км наступление велось на 2 тыс. км). А в кампаниях 1944—1945 гг. в Европе наступление последовательно или одновременно велось уже на всем советско-германском фронте (из 2,2 тыс. на 2,1 тыс. км)[110].

В 1943—1945 гг. наряду с естественными рубежами вермахт стал широко использовать систему оборонительных полос с развитой сетью инженерных укреплений. Группа армий в обороне получала полосу шириной от 600 до 1 тыс. км и более. Общая глубина обороны составляла 60—100 км и включала тактическую и оперативную зоны. В инженерном отношении широко использовались естественные рубежи, особенно водные преграды. Это способствовало повышению устойчивости обороны. Основное внимание уделялось подготовке тактической зоны, глубина которой достигала 10—20 км. Она состояла из двух, а иногда из трех полос, которые оборонялись соединениями первого оперативного эшелона армии. В оперативной зоне глубиной до 80 км и более располагались резервы армий и групп армий. Оперативные плотности на главных направлениях составляли 10—12 км, а на второстепенных — 30—40 км на дивизию. Плотности артиллерии в зависимости от важности направлений колебались от 15—20 до 50 орудий и минометов на 1 км фронта. С перенесением боевых действий на территорию Германии в систему обороны групп армий стали включаться укрепленные районы. Глубина обороны возросла до 120—150 км. Действия войск при удержании важных районов и рубежей отличались упорством и активностью. Они сопровождались скрытно подготовленными контрударами, а на отдельных направлениях и переходом в контрнаступление: например, попытка перехода в контрнаступление у озера Балатон в 1945 г. С переходом к стратегической обороне главные усилия ВВС все более сосредоточивались на поддержке наземных группировок и прикрытии наиболее важных объектов в тылу. Однако утрата господства в воздухе на советско-германском фронте резко снизила эффективность действий фашистской авиации в решении этих задач.

В ходе войны была разработана и успешно применена новая форма стратегических действий — стратегическая операция группы фронтов. Их применение позволило Красной армии добиться выполнения крупных стратегических задач в короткие сроки, а размах стратегических операций значительно увеличился. Вооруженные силы СССР провели в 1941–1945 гг. более 50 операций групп фронтов. Наиболее значимыми по результатам и масштабам были Сталинградская, Белорусская, Ясско-Кишинёвская, Прибалтийская, Висло-Одерская, Берлинская, Маньчжурская и другие операции. Успех каждой из них приводил к кардинальным изменениям военно-политической обстановки и расклада сил на советско-германском фронте. Так, успешное завершение Курской битвы привело к коренному перелому в войне и окончательному переходу стратегической инициативы в руки советского командования. Разгром ясско-кишиневской группировки противника летом 1944 г. существенно изменил обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Успешное проведение советскими войсками Ясско-Кишинёвской операции стало решающим фактором выхода Румынии и Болгарии из фашистского блока и объявления ими войны Германии. После разгрома противника в Будапештской операции из войны была выведена Венгрия и основные усилия советских войск сконцентрировались на ведении боевых действий в Австрии и Югославии. Победоносные завершения Берлинской и Маньчжурской операций стали решающими финальными событиями, определившими исход вооруженной борьбы против фашистской Германии и милитаристской Японии.

В годы войны была решена проблема выбора направления главного удара и массирования сил и средств на главных направлениях в наступлении на стратегическом уровне. Сосредоточение усилий осуществлялось за счет маневра, обеспечивавшего решающее превосходство над противником и благоприятные условия для развития наступления на большую глубину. Например, в стратегическом наступлении Красной армии летом 1944 г. на фронте, составлявшем 37% его общей протяженности, сосредоточивалось более 50% личного состава, 53% орудий и минометов, около 56% самолетов, свыше 58% танков и САУ[111]. Высокая степень массирования сил позволяла наносить мощные первоначальные удары, в короткий срок взламывать глубоко эшелонированную оборону врага и развивать дальнейшее наступление в высоких темпах.

В зависимости от соотношения сил на советско-германском фронте, замысла Ставки Верховного главнокомандования, складывавшейся политической, экономической и военной обстановки стратегическое наступление проводилось путем последовательных или одновременных стратегических операций. В свою очередь, при нанесении последовательных ударов по врагу осуществлялись последовательные операции по фронту и по глубине. Так, в летне-осенней кампании 1944 г. стратегическое наступление советских войск состояло из операций, последовательно проводимых по фронту на разных направлениях. В этих операциях Красная армия разгромила крупные группировки противника в Белоруссии, Прибалтике, Правобережной Украине, Молдавии и Румынии. Результатом их проведения стало освобождение большей части оккупированной советской территории.

Проведение последовательных операций по фронту явилось для германского командования неожиданным и ставило его в затруднительное положение. Для отражения постоянно наращиваемых советскими войсками ударов вермахту приходилось срочно перебрасывать силы на новые участки фронта, ослабляя другие, что позволяло советскому командованию использовать возможности для развития наступления на других направлениях. Так, проведение наступления советскими войсками в Белоруссии летом 1944 г. заставило германское командование перебросить крупные силы с Украины, из Прибалтики, Молдавии и других районов. В результате советские войска перешли в наступление в Прибалтике и западных областях Украины, где противник имел ослабленные группировки войск. К концу войны подготовка и проведение последовательных операций по фронту стали успешно объединяться в общее стратегическое наступление. Показательным в этом отношении является проведение стратегического наступления на всем фронте в кампании 1945 г. на Европейском театре военных действий.

Для летне-осенней кампании 1943 г. были наиболее характерны последовательные операции по глубине. Одним из наиболее показательных в этом отношении стал разгром противника в битве за Днепр во второй половине сентября 1943 г. Характерным для наступательных действий Красной армии было то, что они велись без значительных временных пауз. Планирование и подготовка последующих операций проводились в ходе предыдущих. В таких условиях немецкое командование не успевало восстанавливать свой фронт обороны и проводить сколько-нибудь заблаговременных подготовительных оборонительных мероприятий.

В ходе войны правильный выбор способа разгрома противника имел большое значение для успеха стратегических операций. Советское командование, как правило, применяло такие способы разгрома как рассечение и дробление стратегического фронта противника, окружение и уничтожение крупных группировок немецко-фашистских войск. Операции на рассечение фронта противника обеспечивались нанесением сильного удара флангами взаимодействующих фронтов на всю глубину обороны вражеской группировки. Так, мощный рассекающий удар силами смежных флангов двух фронтов был нанесен в Белгородско-Харьковской операции, в результате чего группировка противника была рассечена на две изолированные части. Этот способ в дальнейшем эффективно применялся в Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской наступательных операциях.

Дробление фронта как способ разгрома противника достигалось нанесением ряда мощных ударов на нескольких направлениях и развертыванием наступления на широком фронте по параллельным или расходящимся направлениям. Наиболее показательной по применению этого способа в годы войны явилась Белорусская операция, в которой дробление фронта противника на нескольких направлениях сочеталось с окружением и уничтожением оперативных группировок в районах Витебска, Бобруйска, а затем и восточнее Минска.

Красная армия успешно проводила операции на окружение и уничтожение крупных группировок немецко-фашистских войск. Ярким примером стало блестяще задуманное и умело осуществленное окружение группировки противника под Сталинградом. Дальнейшее развитие этот способ разгрома противника получил при проведении Ясско-Кишинёвской операции летом 1944 г. При окружении и уничтожении группировок противника для действий на внутреннем фронте привлекалась меньшая часть сил, а большая продолжала наступление, образуя подвижный внешний фронт. Такое решение позволяло развивать наступление в глубину с одновременной ликвидацией окруженной группировки. Операции на окружение, проводимые советскими войсками во втором и третьем периодах войны, осуществлялись следующими способами: нанесение двух одновременных ударов по сходящимся направлениям (Сталинградская, Ясско-Кишинёвская, Берлинская операции); нанесение одного мощного охватывающего удара (Восточно-Прусская операция); окружение крупной группировки вражеских войск в оперативной глубине в ходе преследования (Белорусская операция).

Немаловажным в годы войны было достижение внезапности при переходе в стратегическое наступление или контрнаступление. Советскому командованию в основном удавалось путем скрытного создания ударных группировок и стратегических резервов, ведения умелой маскировки, ложных перегруппировок войск и широкой дезинформации вводить противника в заблуждение относительно направления главного удара, количества привлекаемых сил и средств, масштабов наступления, а также времени его начала. Так, в битве под Москвой немецко-фашистское командование за три дня до начала контрнаступления советских войск считало, что их сопротивление достигло наивысшего предела и резервы советского командования исчерпаны. Под Сталинградом полной неожиданностью для противника оказался масштаб контрнаступления советских войск, а в Белорусской операции летом 1944 г. — направление их главного удара. Советским войскам удалось достигнуть внезапности в Маньчжурской стратегической операции: японское командование знало о готовившемся наступлении, но ему не были известны ни время его начала, ни подлинный размах, ни направления ударов.

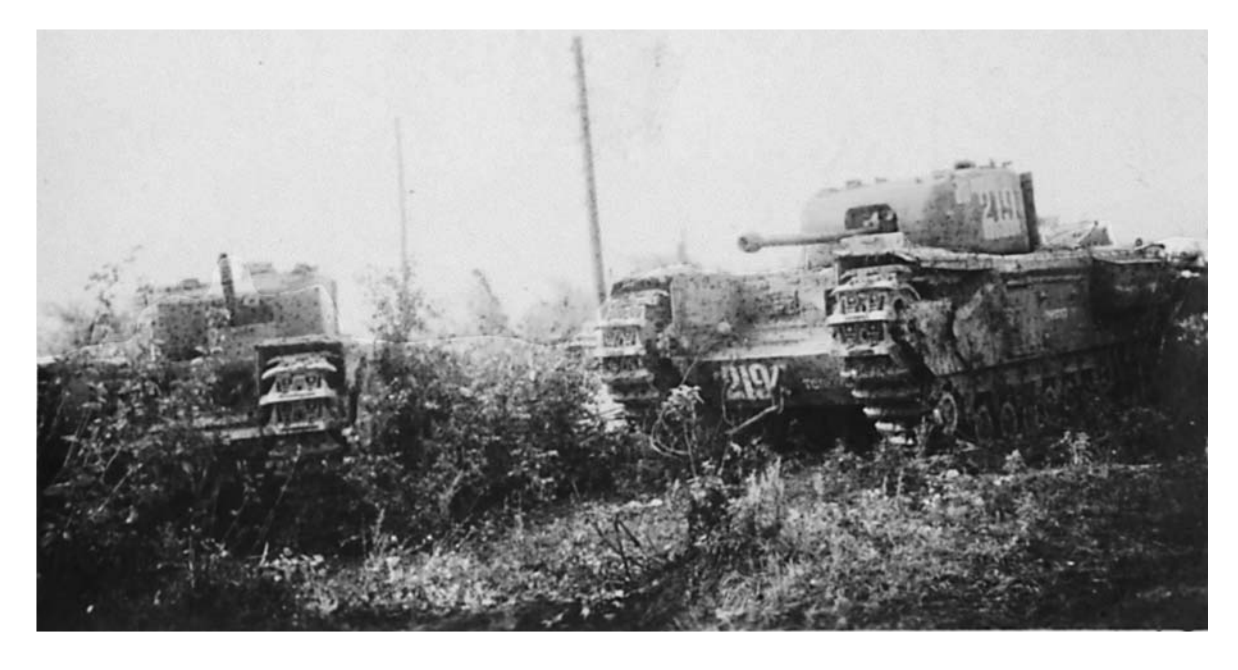
Советские солдаты возле разрушенного танка «Пантера»

Танки Т-34 с десантом на исходной позиции на северном фасе Курской дуги

Батарея 120-мм минометов 290-го минометного полка ведет огонь по противнику во время Курской битвы

Поставленные по ленд-лизу танки Mk IV «Черчилль» английского производства
из 36-го гвардейского отдельного тяжелого танкового полка прорыва на Курской дуге

Крупным достижением советской военной стратегии стало осуществление контрнаступления с последующим перерастанием его в общее наступление. Характерными для этой стратегии являлись умелая подготовка и правильный выбор времени перехода в контрнаступление, скрытное создание ударных группировок и стратегических резервов, своевременный ввод их в сражение, достижение стратегической внезапности, завоевание господства в воздухе. Стратегические контрнаступления советских войск проводились в крайне сложных условиях. Контрнаступление под Москвой (декабрь 1941 — апрель 1942 г.) проходило при превосходстве противника над советскими войсками в численности личного состава, танках и артиллерии. Под Сталинградом (ноябрь 1942 — март 1943 г.) контрнаступление началось фактически при равенстве сил в личном составе и авиации. И только в контрнаступлении под Курском (июль — август 1943 г.) советские войска имели превосходство над противником.

В ходе войны были всесторонне разработаны способы использования в контрнаступлении крупных сил (от трех до пяти фронтов). Общий фронт наступления их достигал 1 тыс. км. Успех контрнаступления существенно изменял обстановку не только на данном стратегическом направлении, но и на всем советско-германском фронте. Этим создавались условия для перерастания контрнаступления в общее стратегическое наступление. Особенно показательно в этом отношении стратегическое наступление, развернувшееся в летней кампании 1943 г. На ряде участков фронта оно началось еще до окончания контрнаступления под Курском, а на большинстве направлений — вслед за ним.

Опыт войны показал, что достижение успеха как в наступательных, так и в оборонительных операциях во многом определялось умелым использованием советским Верховным главнокомандованием стратегических резервов. В наступлении они применялись на важнейших направлениях в решающие моменты вооруженной борьбы для достижения превосходства над противником, наращивания силы ударов главных группировок наступающих войск (Белорусская операция), обеспечения флангов (Висло-Одерская операция). Использование стратегических резервов в обороне позволяло срывать наступление противника, восстанавливать нарушенный фронт, наносить мощные контрудары, проводить частные наступательные операции, усиливать фронты при переходе в контрнаступление (под Сталинградом и Курском)[112].

Большое значение в проведении стратегического наступления имело устойчивое поддержание стратегического взаимодействия объединений и соединений различных видов вооруженных сил и родов войск. Его основой являлось проведение Ставкой ВГК мероприятий по согласованию действий разнородных сил по цели, месту и времени. Стратегическое взаимодействие организовывалось при ведении операций в рамках всего стратегического наступления или стратегической обороны. При этом главной целью являлось максимально эффективное использование боевых возможностей привлекаемых сил и средств для решения поставленных задач на том или ином этапе ведения боевых действий.

Большую роль в подготовке и ведении операций играли все виды боевого обеспечения. В первую очередь огромное значение имело получение стратегической разведкой возможно более полных данных о военном потенциале противника, расположении его сил, резервах, замыслах и планах, что повышало реальность и эффективность стратегического планирования. Мероприятия по стратегической маскировке обеспечивали скрытность подготовки операций, способствовали использованию фактора внезапности в ходе военных действий.

Важное место во всестороннем обеспечении военных действий в ходе войны занимало тыловое обеспечение вооруженных сил. Стратегический тыл не только проводил работу по накоплению запасов материальных средств, ремонту вооружения и техники, эвакуации и лечению раненых, восстановлению важнейших транспортных коммуникаций, руководству ряда служб тыла: медицинской, продовольственной, вещевой, материально-технической и прочих, но и являлся связующим звеном между экономикой страны и действующей армией. Особенно возросло значение работы центральных органов тыла в наступательных операциях на территории Центральной и Восточной Европы, где потребовалось наращивание усилий тыла оперативных объединений.

Таким образом, советская военная стратегия в годы Великой Отечественной войны получила свое дальнейшее развитие. Были разработаны и апробированы в ходе боевых действий принципиально новые вопросы подготовки и ведения стратегического наступления. Успешно была решена проблема последовательного и одновременного проведения стратегических операций групп фронтов, объединенных единством замысла Ставки ВГК, предусматривающим выбор направлений главных ударов и создание на них массированных ударных группировок, эффективное использование стратегических резервов. Существенный вклад был сделан и в решение проблемы стратегической обороны, особенно в части ее устойчивости и активности. Непрерывно совершенствовалось искусство боевого применения видов вооруженных сил, организации стратегического взаимодействия и всестороннего обеспечения военных действий.

Во время войны получило свое дальнейшее развитие оперативное искусство, включавшее, по взглядам того времени, способы подготовки и ведения фронтовых, армейских, а также воздушных и морских операций оперативного характера. В 1941—1942 гг., когда Вооруженные силы Советского Союза вели главным образом стратегическую оборону, был получен опыт организации и осуществления фронтовых и армейских оборонительных операций. Важнейшими проблемами, которые решались оперативным искусством, являлись правильное определение направления главных ударов противника и своевременное сосредоточение своих сил и средств для отражения этих ударов, разработка способов построения глубоко эшелонированной обороны и обеспечения ее устойчивости. Особое внимание уделялось созданию оперативной обороны, способной противостоять массированным ударам танковых группировок и авиации противника, эшелонированию своих сил и огневых средств, повышению активности и стойкости войск. Фронтовые оборонительные операции являлись, как правило, составной частью стратегической операции и велись в целях отражения наступления крупных группировок противника, удержания важных районов и создания условий для перехода в наступление.

Организация и ведение оперативной обороны в первом периоде Великой Отечественной войны характеризовались следующими особенностями: оборона в широких полосах (фронт — 250–600 км, армия — 50–120 км); одноэшелонное оперативное построение с выделением слабых резервов; отсутствие необходимой оперативной плотности и глубины, распределение сил и средств по фронту равномерно; незавершенное инженерное оборудование оборонительных полос, которые в оперативной глубине готовились силами местного населения, но не занимались войсками; нерациональная организация противотанковой и противовоздушной обороны (распыление средств во всей полосе обороны); слабое внимание уделялось обеспечению флангов и стыков; контратака и контрудары готовились наспех и без тщательной организации взаимодействия; вводимые в оборонительные сражения объединения и соединения, которые зачастую были недостаточно укомплектованы, подготовлены и сколочены, вступали в бой по частям без должного взаимодействия с войсками первого эшелона при слабом артиллерийском, авиационном и зенитно-артиллерийском обеспечении; неумелое руководство боевыми действиями войск в окружении, при выходе из него и отходе, что принимало зачастую стихийный характер; неудовлетворительная работа войскового и оперативного тылов; слабая организация оперативной маскировки; частая потеря управления войсками; отсутствие своевременной информации об обстановке, что приводило к принятию решений, не соответствующих складывающейся обстановке или к запаздыванию решений.

Во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны большинство этих недостатков было устранено. Однако в Курской оборонительной операции, где оборона наших войск получила наиболее полное развитие, имели место следующие ошибки: преждевременное проведение артиллерийской контрподготовки, когда войска противника еще не заняли исходные позиции для атаки; контрудары войск фронтов готовились наспех, без должной организации взаимодействия, и наносились по противнику, не утратившему своих наступательных возможностей, в силу чего они не достигали поставленной цели по восстановлению обороны. В Балатонской оборонительной операции армейские и фронтовые контрудары

Советский пулеметный расчет на берегу Днепра

Саперы устанавливают противотанковые мины ТМ-42 на подступах к переднему краю обороны на Курской дуге

Автоматчики 1-го Украинского фронта идут в атаку

Немецкое имущество и бронетехника, брошенные в окружении под Корсунь-Шевченковским

вообще не наносились, хотя 3-й Украинский фронт имел во втором эшелоне общевойсковую армию, а в резерве — танковое и механизированное соединения (всего 407 танков и САУ), контрудар которых, безусловно, мог привести к уничтожению вклинившегося противника; на направлении главного удара врага наши войска мало подготовили отсечных позиций, что позволило противнику быстро развить успех в сторону флангов[113].

В дальнейшем боевой состав фронтов и армий усиливался, полосы обороны уменьшались, а плотности сил и средств на 1 км фронта значительно возросли. С 1943 г. фронт обычно оборонялся в полосе 250—350 км, общевойсковая армия в важнейших операциях — от 40 до 80 км. В этом случае стрелковая дивизия обычно занимала полосу шириной 7—8 км при плотности 20—30 орудий и минометов и до семи танков и САУ на 1 км фронта. Такие плотности обеспечивали успешное ведение оперативной обороны[114].

Повышению устойчивости обороны способствовало совершенствование инженерного оборудования местности. Глубина подготовленной в инженерном отношении обороны во фронтах достигала в среднем 150—180 км, в армиях — 40—50 км. Во фронте оборудовалось до 4—6 оборонительных полос. В обороне создавались промежуточные и отсечные позиции, широко применялись инженерные заграждения, особенно противотанковые. Особое значение придавалось усовершенствованию организации противотанковой обороны, основу которой составляла система из противотанковых опорных пунктов и районов, включавших подготовленные огневые позиции артиллерии, танков, САУ, а также инженерные заграждения. Главным способом применения противотанковой обороны от дивизионного звена до фронтового включительно были сосредоточение противотанковых средств на направлении главного удара противника и умелый маневр ими в ходе операции. Во втором и третьем периодах войны, в условиях увеличения времени на подготовку операции, противотанковая оборона стала создаваться на всю глубину оперативного построения армии, а на завершающем этапе войны в Европе — и фронта (Балатонская операция). При этом плотности противотанковой артиллерии достигали 20—35 орудий на 1 км фронта.

В борьбе с танками противника большую роль играли артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения. Начиная с 1943 г. в оборонительных операциях в состав фронтовых артиллерийско-противотанковых резервов входили до двух истребительно-противотанковых артиллерийских бригад и 2—4 истребительно-противотанковых или самоходно-артиллерийских полков. Во фронтах и армиях имелось по 1—2 подвижных отряда заграждения.

Надежная ПВО играла важную роль в повышении устойчивости обороны советских войск. Количество зенитной артиллерии в войсках в ходе войны непрерывно увеличивалось. Постоянно совершенствовались способы ее применения. Для усиления фронтовой ПВО зенитными средствами стали создаваться армейские и фронтовые зенитные группы. Дальнейшее развитие получила централизация управления средствами ПВО. Для усиления ПВО фронта выделялось значительное количество истребительной авиации для прикрытия войск с воздуха.

Повышению активности обороны советских войск способствовало также проведение контрударов. Армейские и фронтовые контрудары в операциях первого периода войны редко достигали значимого успеха, в основном из-за отсутствия достаточных сил и средств, и не оказывали решающего влияния на ход боевых действий. Создание во фронтах и армиях вторых эшелонов и подвижных резервов к лету 1943 г. дало возможность планировать и наносить мощные контрудары, которые, как правило, предпринимались на двух-трех направлениях. Командованием ставились задачи войскам, порядок их взаимодействия, всестороннего обеспечения контрудара, рассчитывались привлекаемые силы и средства, продолжительность артиллерийской и авиационной подготовки, определялись районы сосредоточения и рубежи развертывания. Благодаря проведению этих мероприятий контрудары достигали желаемых результатов.

В оборонительных операциях важную роль играла организация взаимодействия, осуществляемая командующими и штабами фронтов и армий. Они обеспечивали тесное взаи-

модействие между общевойсковыми, танковыми и воздушными армиями, а на приморских направлениях — с силами флота. При этом особое внимание уделялось тщательному согласованию действий всех элементов оперативного построения, сил и средств войск. Четко определялось: кто, с кем, где и когда, при решении каких задач и как взаимодействует. Это обеспечивало наиболее полное и эффективное использование их возможностей в операциях. Важным было постоянное поддержание тесного взаимодействия на протяжении проведения всей операции.

В основе наступательных действий лежала теория глубокой операции, разработанная советскими военными учеными и являющаяся во многом передовой для того времени. Вместе с тем полностью освоить и внедрить новые теоретические положения в боевую практику войск к началу войны не удалось. В связи с этим в ходе войны потребовалось пересмотреть и уточнить некоторые положения по подготовке и ведению наступательных операций и заново решать многие вопросы ведения оборонительных операций в оперативных масштабах. Война подтвердила правильность основных положений советского оперативного искусства и обусловила их дальнейшее развитие, которое проходило в сложнейших условиях ведения боевых действий с сильным противником.

Фронтовая наступательная операция обычно являлась частью стратегической операции, в ходе которой фронт решал крупные оперативные задачи. Фронтовая операция определялась как основная оперативная форма ведения боевых действий. В отдельных случаях фронты проводили наступательные операции стратегического значения. Так, в ходе Львовско-Сандомирской операции войсками 1-го Украинского фронта была решена крупная стратегическая задача — разгром группы армий «Северная Украина», освобождение западных областей Украины и юго-восточных районов Польши.

Если в первые годы войны фронтовые наступательные операции развивались, как правило, на глубину 100—200 км, то в последующем — на 200—400 км и более. А при проведении Маньчжурской операции глубина наступления войск Забайкальского фронта достигала 800 км. Основным способом разгрома противника во фронтовых наступательных операциях 1941—1942 гг. было нанесение армиями фронта нескольких ударов на разобщенных направлениях, при этом армии наступали на широком фронте. Однако при ограниченных силах и средствах это не всегда обеспечивало достижение целей операций.

В 1943—1945 гг. основным способом разгрома противника было нанесение удара на стыке флангов двух фронтов. После прорыва обороны проводилось последующее развитие наступления силами введенных и сражение подвижных групп или вторых эшелонов флангов с охватом вражеской группировки. Такой способ, несмотря на сложность выполнения, применялся при ведении операций на окружение крупных группировок противника. Так действовали, например, Юго-Западный и Сталинградский фронты при окружении сталинградской группировки противника, 1-й и 2-й Украинские фронты при окружении корсунь-шевченковской группировки. Практиковалось также нанесение ударов на двух сходящихся направлениях в полосе одного фронта. Поучительной в этом отношении является Бобруйская операция 1-го Белорусского фронта в июне 1944 г.

Наносились два, а иногда и три фронтальных удара на большую глубину, с задачей раздробить группировку врага, а затем уничтожить каждую ее часть в отдельности. Количество ударов зависело от наличия у наступавших советских войск достаточных сил и средств для создания превосходства над войсками противника, что являлось одним из решающих условий достижения успеха во фронтовой и армейской наступательных операциях. В летне-осенней кампании 1941 г. вследствие общего недостатка сил и средств и отсутствия необходимого опыта советским войскам не всегда удавалось достигать превосходства на избранном направлении. В последующем эта сложная задача была решена. Важную роль в этом сыграло директивное письмо Ставки Верховного главнокомандования от 10 января 1942 г., где указывалось на необходимость создания эшелонированных ударных группировок при сосредоточении на направлениях главных ударов основной части войск.

Советский танк Т-34-85 на улице освобожденного Бухареста

Войска 2-го Украинского фронта на подступах к Будапешту

Батарея советских 122-мм гаубиц ведет огонь в районе Познани

Колонна пленных немцев направляется в советский тыл по мосту через Одер

Значительно возросли плотности сил и средств. Если в 1941–1942 гг. на 1 км участка прорыва в наступательных операциях обычно имелось 20–80 орудий и минометов, 3–12 танков непосредственной поддержки пехоты, то начиная с 1943 г. эти плотности непрерывно увеличивались, и во многих операциях 1945 г. составляли до 250–300 орудий и минометов, 20–30 и более танков и САУ. Это обеспечивало успешный прорыв глубоко эшелонированной обороны противника и развитие успеха[115]. Вместе с тем в ряде операций фронты не имели значительного перевеса в силах и средствах над противником, и командующие фронтов и армий создавали необходимое превосходство на направлениях главных ударов за счет переброски войск с второстепенных участков.

Совершенствовалось оперативное построение войск. Оперативное построение фронта, как правило, было одноэшелонным с выделением резервов, что не позволяло добиваться развития успеха операций. С 1943 г. оперативное построение фронта стало включать второй эшелон из 1–2 общевойсковых армий, 1–2 подвижных групп в составе танковой армии или 2–3 танковых, механизированных и кавалерийских корпусов, а также артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения. Общая глубина оперативного построения фронта достигала 70–100 км.

Оперативное построение общевойсковых армий, наступавших на главных направлениях, имело два эшелона. Как и во фронтах, в армиях были подвижные группы, армейские артиллерийские и зенитные группы, артиллерийско-противотанковые резервы, подвижные отряды заграждения. На завершающем этапе войны некоторые общевойсковые армии имели оперативное построение в три эшелона, что обеспечивало нанесение решительного поражения противнику путем мощного удара на всю глубину и в высоких темпах. Если в 1941–1942 гг. армейские операции проводились на глубину 50–90 км, то в последующие годы — на 100–150 км и более. В Маньчжурской операции общевойсковые армии провели наступление на глубину свыше 200–350 км[116].

Во всех наступательных операциях, проведенных советскими войсками, наиболее важной задачей являлось осуществление прорыва тактической зоны обороны неприятеля. После выполнения этой задачи создавались условия для развития успеха в глубину и выполнения всей операции. Прорыв обороны противника — главный этап большинства наступательных операций фронтов и армий.

Развитие успехов в оперативной глубине осуществлялось путем непрерывного наращивания ударов силами и средствами. В ходе фронтовых и армейских операций решающим средством развития успеха стали подвижные группы фронтов и армий, которые вводились в сражение с целью развития наступления в оперативной глубине обороны противника, разгрома его резервов, окружения или преследования отходивших войск. Ввод в сражение подвижных групп, как правило, осуществлялся на второй день операции для овладения второй полосой, а иногда их передовые отряды и даже главные силы участвовали в завершении прорыва главной полосы обороны в первый день операции.

Дальнейшее развитие в ходе наступательных операций получили способы преследования противника. В зимней кампании 1941–1942 гг. в связи с недостатком крупных танковых соединений, являвшихся основой подвижных групп, преследование в большинстве случаев велось фронтально и низкими темпами. После Сталинградской битвы основным способом стало параллельное преследование в сочетании с ударами с фронта. Это позволяло проводить преследование на широком фронте как днем, так и ночью по отдельным направлениям и в высоких темпах. Высокие темпы преследования достигались в результате смелых и решительных действий передовых отрядов, которые захватывали важные объекты, упреждали противника в выходе на тыловые оборонительные рубежи, перехватывали пути его отхода, овладевали плацдармами на реках.

Одной из важных особенностей при проведении фронтовых и армейских операций было совершенствование способов преодоления водных преград с ходу. Они обеспечивались умелой организацией инженерного обеспечения, разгромом противника на подступах к водным преградам, своевременным выходом на широком фронте к участкам, удобным для

форсирования, надежным огневым поражением неприятеля, решительными действиями по захвату плацдармов. Если развить наступление не удавалось, войска прочно удерживали плацдармы с целью сосредоточения крупных сил и средств для проведения последующей операции. Все это позволило советским войскам успешно форсировать ряд таких крупных водных преград, как Днепр, Днестр, Висла, Одер.

В годы войны получила свое дальнейшее развитие тактика. В советских уставах подчеркивалось, что боевые действия соединений объединяются и направляются общей целью, определяемой оперативным командованием, и тактика является средством решения оперативных задач[117]. Предъявляя определенные требования к тактике, оперативное искусство выступает в роли одного из факторов ее развития. Опыт войны подтвердил, что любая оперативная задача успешно решается только при всестороннем учете тактических возможностей войск и конкретном руководстве ими со стороны командующих оперативными объединениями. Командующий армией определял многие вопросы организации общевойскового боя (направление главного удара, участок прорыва, распределение сил и средств), указывал задачи соединениям, организовывал взаимодействие, планирование артиллерийского наступления и прочее. Командиры соединений не могли решать боевые задачи, не учитывая замысла и целей операции.

В первом периоде войны, две кампании которого были оборонительными, оперативное искусство требовало от тактики создания прочной и устойчивой обороны, высокой активности и упорства при выполнении оборонительных задач. Оборона общевойсковых армий на широком фронте при ограниченном количестве сил и средств приводила к назначению соединениям широких полос, которые превышали предвоенные нормативы и боевые возможности слабо укомплектованных стрелковых соединений. Это не позволило создать необходимой глубины обороны, которая не выдерживала удара крупных группировок противника. Быстрый прорыв неприятелем обороны стрелковых соединений вынуждал командование фронтов и армий в первые же дни войны наносить контрудары механизированными корпусами, которые осуществлялись, как правило, наспех и к желаемому результату не приводили. Трудные условия ведения оборонительных операций вынуждали применять механизированные корпуса, танковые дивизии и бригады не только для нанесения контрударов, но и для удержания оборонительных рубежей и ведения подвижной (маневренной) обороны.

Тактика наступательного боя гитлеровской армии на советско-германском фронте в первом периоде Великой Отечественной войны основывалась на двухлетнем боевом опыте в Европе. Противник стремился внезапными ударами, прежде всего подвижных соединений, поддерживаемых авиацией, прорвать оборону советских войск, расчленить и уничтожить их. При этом во многих случаях ставка делалась на действия небольших групп автоматчиков, тактических воздушных десантов, наводящих панику в тылу и создающих иллюзию окружения, и передовых отрядов, которые проникали на большую глубину. Основу ударных группировок составляли танковые и моторизованные дивизии, которые прорывали оборону на узких участках. Дивизии на направлении главного удара получали полосы по 3–6 км. Атаке предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, которая продолжалась 40–45 минут и в ряде случаев проводилась 5–15-минутным огневым налетом с плотностью 50–70 орудий на 1 км. Значительную часть огневых задач решала авиация.

В начале войны оборона советских войск носила, как правило, очаговый характер и неспособна была отражать атаки противника, имевшего большое количество танков. В дальнейшем оборона советских войск стала строиться по принципу опорных пунктов с хорошо развитой системой траншей и ходов сообщения. Изменилась и глубина обороны. Если в 1941–1942 гг. тактическая зона обороны состояла из одной полосы, то начиная с 1943 г. она стала эшелонированной и включала уже две полосы. Каждая из них состояла из 2–3 позиций, оборудованных несколькими траншеями. Глубина тактической зоны обороны возросла до 15–20 км[118]. Широкое применение получили отсечные позиции, использовавшиеся как исходные рубежи для контратак. В целях сосредоточения усилий на направлениях главного удара противника сокращалась ширина полос обороны соединений. Это увеличило тактические плотности войск и их возможности противостоять наступлению крупных вражеских сил.

В ходе войны совершенствовалась организация системы огня. Если в 1941 г. основу ее составлял преимущественно ружейно-пулеметный огонь, то в последующем непрерывно возрастала роль артиллерии. Артиллерийский огонь дополнялся и усиливался огнем танков и САУ, значительно шире применялась реактивная артиллерия. Важное место в системе огня занимали усиливавшиеся удары авиации.

Для повышения устойчивости обороны большое значение имело умело организованное проведение контратак. В этой связи изменился характер действий вторых эшелонов и резервов в ходе оборонительных боев. Вторые эшелоны дивизий переходили в контратаку самостоятельно или совместно с резервами корпуса в борьбе за первую позицию, а вторые эшелоны стрелковых корпусов — чаще всего в борьбе за третью позицию. К контратаке привлекались большая часть сил и средств дивизии и корпуса, а также вся авиация, выделенная для поддержки войск.

Противотанковая оборона также стала одной из важнейших составляющих устойчивости обороны. Существовавшая в начале войны система, основанная на организации противотанковых рубежей и ведении огня отдельными орудиями перед передним краем, не могла обеспечить необходимую устойчивость обороны. С осени 1941 г. массированным ударам вражеских танков было противопоставлено сосредоточение противотанковых средств на наиболее танкоопасных направлениях на всю глубину тактической зоны обороны. Эшелонирование средств стало одним из непременных условий устойчивости противотанковой обороны.

Совмещение противотанковых опорных пунктов с обороной стрелковых подразделений повышало ее устойчивость и непреодолимость. Система противотанковой обороны состояла из противотанковых опорных пунктов и районов, усиленных инженерно-взрывными заграждениями. После битвы под Курском противотанковые опорные пункты и районы усиливались за счет включения в их состав орудий крупных калибров, а в состав артиллерийско-противотанковых резервов включались тяжелые самоходно-артиллерийские установки. Большое значение для борьбы с танками противника имело применение подкалиберных и кумулятивных снарядов, более совершенных противотанковых мин, а также авиационных противотанковых бомб.

Противовоздушная оборона соединений в ходе боевых действий в основном осуществлялась силами фронтов и армий. Непрерывно увеличивалось количество средств борьбы с авиацией противника, совершенствовались способы их боевого применения, в частности приспособление для этих целей противотанковых ружей, пулеметов и даже полевых орудий.

Во втором периоде войны по мере увеличения количества соединений в армии и сокращения фронта ее обороны ширина полосы стрелкового соединения уменьшилась, что позволило создать глубокий боевой порядок, повысило устойчивость обороны соединений, их возможности по проведению контратак и сделало тактическую зону непреодолимой для наступления противника. Танковые и механизированные корпуса находились в резерве фронта и использовались прежде всего для нанесения контрударов. На завершающем этапе контрудара они переходили к обороне, которая создавалась в короткие сроки и в тесном взаимодействии со стрелковыми соединениями.

В третьем периоде войны оборона применялась для экономии сил и средств при проведении наступательных операций и на завершающем этапе наступательной операции в целях закрепления достигнутых рубежей и подготовки нового наступления. Оборона соединений, выделенных для обеспечения флангов ударной группировки фронта и армии, носила позиционный характер, имея обычно небольшую глубину. Переход к обороне на завершающем этапе наступательной операции осуществлялся, как правило, под ударами оперативных резервов противника и требовал организации боя в короткие сроки. Первыми встречались с оперативными резервами танковые и механизированные корпуса, действовавшие в большом отрыве от остальных сил фронта, что вынуждало их самостоятельно переходить к круговой обороне с открытыми флангами. Подходящие стрелковые дивизии усиливали танковые соединения, которые в последующем выводились в резерв или во второй эшелон, готовя контрудары на случай вклинения противника.

Советский танк Т-34-85 в сосновом лесу южнее Берлина

Разбитая немецкая 88-мм зенитка у поверженного Рейхстага

Советские солдаты водружают знамя над Рейхстагом. 2 мая 1945 г.

Основными проблемами, которые решало оперативное искусство в наступлении, являлись прорыв тактической зоны обороны противника и стремительное развитие успеха в оперативной глубине. Эти задачи выполнялись стрелковыми соединениями во взаимодействии с другими родами войск, авиацией и специальными войсками. В развитии оперативного успеха главная роль принадлежала соединениям подвижных войск, поддерживаемых авиацией. В зимней кампании 1941–1942 гг. стрелковым соединениям приходилось организовывать наступательный бой в ограниченные сроки, наступать в широких полосах, иногда с ходу. Слабость вторых эшелонов, отсутствие подвижных групп армий, а также стремление достичь решительных целей вынуждало командующих армиями ставить стрелковым дивизиям глубокие задачи, которые в указанные сроки, как правило, не выполнялись. Широкие полосы затрудняли создание ударных группировок.

6 декабря 1941 г. немецко-фашистские войска были вынуждены перейти к обороне, которая строилась на удержании тактической зоны глубиной 3–4 км и контратаках резервов. Противник создавал в основном одну полосу, обороняемую дивизиями первого эшелона корпуса и оборудованную ротными опорными пунктами и батальонными узлами сопротивления. Населенные пункты в глубине также готовились к обороне. Характер неглубокой, очаговой обороны противника стал одним из факторов, определившим переход советских войск в 1942 г. к одноэшелонным боевым порядкам соединений, частей и подразделений.

В первом периоде войны тактика наступательного боя имела ряд серьезных недостатков. Стрелковые дивизии получали задачу на день боя глубиной до 15–20 км, но выполнить ее даже при неглубокой очаговой обороне противника чаще всего были не в состоянии. Шаблонное выполнение требований уставов, не отвечавших новым условиям боя, и отсутствие опыта приводили, как правило, к равномерному распределению сил и средств в полосе наступления. Боевые порядки состояли из двух-трех эшелонов. В первой линии в дивизии атаковали передний край обороны противника лишь восемь рот из 27, а 19 рот, находившихся во втором и третьем эшелонах, полностью лишались возможности использовать свои огневые средства[119]. Такое построение боевых порядков не обеспечивало мощного первоначального удара при прорыве, а части, выделенные во вторые эшелоны, бездействовали и несли большие потери от огня артиллерии и ударов вражеской авиации.

В дальнейшем советское командование учло опыт контрнаступления под Москвой, где некоторые стрелковые дивизии стали строить боевой порядок в один эшелон, что положительно сказалось на результатах наступления войск. Этот опыт был закреплен приказом народного комиссара обороны от 8 октября 1942 г. и вышедшими вскоре новыми боевыми уставами. В них отменялось поэшелонное построение в глубину боевых порядков во взводе, роте, батальоне, полку и дивизии, что способствовало максимальному и одновременному участию пехоты и ее огневых средств в ведении боевых действий.

Ставка Верховного главнокомандования в директивном письме от 10 января 1942 г. потребовала от командования фронтов и армий перейти к действиям ударными группировками, что привело к сокращению ширины полос наступления дивизий на направлении главного удара. Из-за отсутствия крупных танковых соединений стрелковым дивизиям приходилось не только прорывать оборону, но и развивать успех в оперативной глубине.

Во втором периоде войны в связи с возросшими наступательными возможностями войск Красной армии усилилась тактическая зона обороны противника. Она состояла из двух полос общей глубиной до 15 км. Полосы имели позиции, оборудованные траншеями. Перед советскими войсками встала задача прорыва глубокой позиционной обороны противника, что потребовало дальнейшего совершенствования тактики наступательного боя Красной армии. Конкретное выражение оно нашло в изменении боевых задач соединений и частей, переходе их к глубокому боевому порядку, а в дальнейшем — массировании сил и средств, усилении огневого подавления, привлечении для завершения прорыва танковых соединений и прочем. В оперативной глубине неприятель часто наносил мощные контрудары, отражение которых требовало от танковых и механизированных корпусов совершенствования способов ведения встречных боев.

В связи с этим характер подготовки и ведения наступательных операций изменился. Увеличение времени на подготовку боя улучшило условия его организации. Стрелковые дивизии стали получать больше средств усиления и меньшие полосы наступления. Главной задачей стрелкового корпуса и его соединений был прорыв тактической зоны обороны противника. Привлечение подвижных групп армии и фронта для завершения прорыва тактической зоны обороны требовало от стрелковых соединений обеспечения ввода в сражение подвижных соединений и взаимодействия с ними в ходе боевых действий. Главным средством развития оперативного успеха стали танковые и механизированные корпуса, от которых требовалось стремительное наступление в глубину. Действия подвижных соединений в оперативной глубине вызывали необходимость наступления по направлениям, обхода узлов сопротивления противника, самостоятельного прорыва промежуточных рубежей, форсирования рек с ходу, организации борьбы с оперативными резервами, взаимодействия с авиацией.

В дальнейшем, когда оборона противника стала позиционной и многополосной, то есть более прочной, прорыв ее потребовал высоких тактических плотностей, более глубокого построения боевых порядков, чтобы не только наносить мощный первоначальный удар, но и непрерывно наращивать его в ходе боя. Поэтому с лета 1943 г. боевые порядки стрелковых корпусов, дивизий и полков в зависимости от задач, условий местности и особенностей обороны врага строились, как правило, в два эшелона, редко в один или три. В боевых порядках стали создаваться сильные полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы, а также общевойсковые, танковые, артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения. Все более важная роль в решении задач при прорыве обороны противника отводилась танкам и САУ. Глубокое построение боевых порядков, наличие в их составе мощных огневых средств позволяло надежно подавлять вражескую оборону, наращивать силу ударов, поддерживать высокие темпы и развивать наступление на большую глубину.

В третьем периоде войны оборона противника усилилась. Неприятель сосредоточивал основные силы на удержании тактической зоны, в пределах которой для нанесения контрударов и усиления обороны использовались почти все оперативные резервы. Если плотность артиллерии летом 1943 г. составляла 15–25 орудий на 1 км, то в кампании 1945 г. на направлении главного удара — 25–30 и более орудий. Все это потребовало совершенствования тактики прорыва, привело к дальнейшему сужению полос наступления и участков прорыва. Противник часто практиковал отвод своих войск в глубину непосредственно перед началом наступления, что повысило роль разведки боем, которая стала проводиться большими силами. Вводимые для завершения прорыва танковые и механизированные корпуса были вынуждены вести борьбу с оперативными резервами в пределах тактической зоны и в ближайшей оперативной глубине. Возросшая глубина инженерного оборудования местности в обороне противника требовала от подвижных соединений совершенствования прорыва промежуточных рубежей, способов действий при развитии успеха и в борьбе с противником, оборонявшим города-крепости.

Дальнейшее развитие оперативного искусства советских войск в третьем периоде войны определило совершенствование тактики. Уменьшение полосы наступления армии привело к еще большему сужению зоны действий дивизий. Возросшее усиление повысило роль взаимодействия. Были созданы более благоприятные условия для увеличения глубины боевого порядка стрелковых соединений. Главным требованием к тактике оставался прорыв тактической зоны обороны противника в первый день операции, для чего необходимо было решительное сосредоточение усилий на избранных направлениях и согласованность действий всех родов войск. Главный удар наносился по наиболее уязвимым и слабым местам в обороне. Ширина полос наступления на направлении главного удара сократилась в 2 раза, участки прорыва были доведены для дивизий — до 2–2,5 км, для корпусов — 4–6 км. С 1943 г. участки прорыва дивизий на направлении главного удара нередко совпадали с полосами наступления. В результате тактические плотности сил и средств возросли, что обеспечивало создание на участках прорыва значительного превосходства над противником[120].

В то же время возросшие темпы и глубина операций 1944–1945 гг. требовали от стрелковых соединений организации и ведения быстрого преследования с использованием результатов действий подвижных групп армии и фронта. Главным средством стремительного развития успеха в оперативной глубине оставались танковые и механизированные корпуса. Возросшая глубина операций третьего периода войны вызвала необходимость дальнейшего развития тактики непрерывного преследования с последовательным преодолением промежуточных оборонительных рубежей и водных преград. Планирование ввода танковых и механизированных корпусов в сражение по нескольким вариантам, в ряде случаев после прорыва тактической зоны, требовало от подвижных соединений организации боевых действий на нескольких направлениях. Иногда они применялись для прорыва обороны противника с началом операции, вели боевые действия за крупные города, что потребовало совершенствования тактики подвижных соединений при выполнении этих новых для них задач.

Увеличение глубины обороны противника, изменение ее построения, а также необходимость прорыва в высоких темпах вызвали необходимость применения таких методов артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков, как одинарный и двойной огневой вал. Включение танков и САУ в боевые порядки стрелковых полков и батальонов первого эшелона способствовало более тесному взаимодействию их со стрелковыми подразделениями, успешному ведению боя.

Новым в тактике наступательного боя стало широкое применение передовых батальонов для разведки боем обороны противника. Она проводилась на широком фронте за несколько суток или непосредственно перед наступлением. Это позволяло уточнять состояние обороны противника, ее переднего края, а также вводило врага в заблуждение.

Таким образом, тактика общевойскового боя в ходе войны отличалась применением различных форм и способов наступления и обороны, сочетанием маневра и огня, ведением решительных действий, нанесением мощных ударов по врагу, четким взаимодействием сил.

В целом советскому военному искусству в годы Великой Отечественной войны были присущи поиск новых форм и способов ведения операций, всесторонний учет обстановки, правильная оценка соотношения сил, решительность и активность в достижении поставленных целей, их соответствие боевым возможностям войск. Творческий характер советского военного искусства нашел яркое выражение в смелости и гибкости оперативно-тактического мышления командиров, их инициативных действиях на поле боя, внедрении новых достижений военной теории в боевую практику войск и штабов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 447.

[2] Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 17–18.

[3] *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война. Взгляд из Германии. Сб. статей / Пер. с нем. М., 2005. С. 96.

[4] См.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 351; *Hobson R.* Blitzkrieg. The Revolution in Military Affairs and Defense Intellectuals / Journal of Strategic Studies. 2010. P. 633.

[5] 1941 год. Сб. документов. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 500.

[6] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск, 2000. С. 307.

[7] Беседы с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским // *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 446.

[8] 1941 год. Страна в огне. Историко-документальное издание. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2011. С. 65.

[9] *Барятинский М. Б.* Танковый блицкриг. М., 2009. С. 22–23.

[10] *Лиддел Гарт Б. Г.* История Второй мировой войны / Пер. с англ. М., 2011. С. 39.

[11] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939–1945. М., 1972. С. 95.

[12] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 27.

[13] *Frieser K. -H., Greenwood J. T.* The Blitzkrieg Legend: the 1940 Campaign in the West. Annapolis, 2005. P. 21–22.

[14] Ibid. P. 22.

[15] Ibid. P. 19.

[16] См.: *May E. R.* Strange Victory: Hitler's Conquest of France. N. Y., 2000. P. 456.

[17] *Deighton L.* Blitzkrieg, from the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk // With foreword by Gen. W. K. Nehring. L., 1979. P. 192.

[18] Ibid. P. 45.

[19] Ibid. P. 191.

[20] Ibid. P. 193.

[21] Ibid. P. 189.

[22] *Яковлев А. С.* Цель жизни: Записки авиаконструктора. Изд. 6-е, доп. М., 2000. С. 127, 188.

[23] *Deighton L.* Op. cit. P. 189.

[24] Ibid. P. 198.

[25] *Millett A. R., Murrey W.* (eds.). Military Effectiveness. Vol. II. Boston, 1988. P. 45.

[26] *Михалёв С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 135.

[27] *Барятинский М. Б.* Указ. соч. С. 22–23.

[28] Цит. по: *May E. R.* Op. cit. P. 459.

[29] Заключительная речь наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. 31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1941 г. М., 1993. Т. 12 (1). С. 339.

[30] Там же. С. 340.

[31] См.: *Беляновский Б. С.* Действия танковых и моторизованных войск в Польше, Бельгии и Франции // Военная мысль. 1940. № 8. С. 39–58; *Ионов П. П.* Использование ВВС в войне на Западе // Военная мысль. 1940. № 10. С. 34–47; *Кисляков П. Д., Усов В. И.* Управление и связь по опыту 2-й Империалистической войны // Военная мысль. 1940. № 11–12. С. 77–97; *Кононенко А. А.* Краткий обзор военных действий на Западе // Военная мысль. 1940. № 7. С. 3–12; *Коркодинов П. Д.* Характер современных боев // Военная мысль. 1941. № 2. С. 72–86; *Никольский М. Н.* ВВС в войне на Западе // Военная мысль. 1940. № 11–12. С. 50–59; *Ратнер М.* Прорыв на Маасе (На участке Динан — Седан, май 1940 г.) // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 3–21; *Толченов М. П.* Вторая Империалистическая война на Западе // Военная мысль. 1940. № 8. С. 16–38.

[32] Выступление Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА в Кремле. 5 мая 1941 г. // 1941 год. Сб. документов. Кн. 2. С. 161.

[33] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 94; 1941-й год. Уроки и выводы. М., 1992. С. 47.

[34] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 244.

[35] 1941 год. Сб. документов. Кн. 1. С. 452.

[36] См.: *Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945. М., 2008. С. 611–619.

[37] Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). С. 129.

[38] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 432.

[39] См.: *Михалёв С. Н.* Указ. соч. С. 351.

[40] *Вегнер Б.* Основные черты стратегии Германии в войне с Советским Союзом // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). С. 103.

[41] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 463.

[42] *Лопуховский Л., Кавалерчик Б.* Июнь. 1941 г. Запрограммированное поражение. М., 2010. С. 318–319.

[43] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. С. 395, 307, 311.

[44] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Издание 10-е, доп. В 3-х т. Т. 1. М., 1990. С. 324.

[45] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 110.

[46] Среди наиболее важных самостоятельных работ Мао Цзэдуна можно отметить «Стратегические вопросы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.), «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (май 1938 г.), «О затяжной войне» (май 1938 г.), «Война и вопросы стратегии» (6 ноября 1938 г.). См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1, 2 / Пер. с кит. М., 1953.

[47] *Яковлев А. С.* Указ. соч.; *Грабин В. Г.* Оружие победы. М., 2000. С. 123–145; *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1966. С. 258–260.

[48] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. М., 1990. С. 314–316.

[49] *Мерецков К. А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1971. С. 165–208.

[50] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 127.

[51] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 224–229.

[52] История военного искусства. М., 1984. С. 122.

[53] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 257–259, 260–262.

[54] *Лопуховский Л., Кавалерчик Б.* Указ. соч. С. 90.

[55] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1. М., 1990. С. 323.

[56] *Егоров Д. Н.* Июнь 1941. Разгром Западного фронта. М., 2008. С. 6–7; 1941 год. Страна в огне. Историко-документальное издание. Кн. 1. С. 302–402.

[57] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 21, 25.

[58] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 78; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 147.

[59] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 125.

[60] *Гот Г.* Танковые операции / Пер. с нем. М., 1961. С. 82.

[61] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 76; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 154.

[62] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 80; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 164.

[63] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 164.

[64] *Киселёв О. Н.* Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 445.

[65] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.

[66] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 188; *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 185.

[67] См: Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 143.

[68] Цит. по: Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 260.

[69] См.: *Исаев А. В.* Дубно 1941. Величайшее танковое сражение Второй мировой войны. М., 2009; *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. История автобронетанковых войск Красной армии в 1940–1941 гг. М., 2005; *Уланов А. А., Шеин Д. В.* Порядок в танковых войсках. М., 2011.

[70] *Михалёв С. Н.* Указ. соч. С. 690.

[71] *Кульков Е. Н.* Нападение Германии на СССР // Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2002. С. 141; СССР — победа во Второй мировой войне. М., 2008. С. 271.

[72] 1941 год. Страна в огне. Историко-документальное издание. Кн. 1. С. 111.

[73] *Кейтель В.* Размышления перед казнью / Пер. с нем. Смоленск, 2000. С. 299–300; ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1297. Д. 2. Л. 110–112; *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942. М., 2004. С. 72.

[74] *Невзоров Б. И.* Московская битва: феномен Второй мировой войны. М., 2001. С. 87–88; Новая и новейшая история. № 3. 2010. С. 22–61; *Шапошников Б. М.* Битва за Москву. Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г. М., 2006. С. 286.

[75] *Михалёв С. Н.* Указ. соч. С. 306.

[76] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника штаба Верховного командования сухопутных войск. В 3-х т. М., 1968–1971. Т. 3. Кн. 1. С. 25.

[77] *Дитрих О.* Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933–1945. М., 2007. С. 63.

[78] Начальный период войны. М., 1974. С. 4.

[79] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 1974. С. 283.

[80] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2005. С. 256.

[81] Прибалтийский особый, Западный особый, Киевский особый, Одесский и Ленинградский военные округа.

[82] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 200.

[83] С 1 марта 1941 г. срок прохождения службы в ВВС был увеличен до четырех лет.

[84] Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 8.

[85] ЦАМО. Ф. 52. Оп. 122332. Д. 7. Л. 221–227, 314–317.

[86] История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. С. 475.

[87] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 87.

[88] Великая Отечественная война. М., 1994. С. 267.

[89] *Куманёв Г. А.* Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2007. С. 11.

[90] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 203.

[91] Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1941 г. М., 1993. Т. 12 (1). С. 34.

[92] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 264; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 2009. С. 124; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2008. С. 143–144.

[93] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 298–308.

[94] Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М., 1973. С. 14–15.

[95] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 8; Цит. по: Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008. С. 83.

[96] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 339.

[97] Там же.

[98] Там же. Д. 100. Л. 312–313.

[99] Там же. Д. 98. Л. 163; Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Начальный период войны в документах военной контрразведки // Трагедия 1941. Причины катастрофы. С. 7.

[100] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 235.

[101] Правда и вымыслы о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. СПб., 2011. С. 21—22; Трагедия 1941. Причины катастрофы. С. 137.

[102] Цит. по: *Анфилов В. А.* Даже противник опровергает // Красная звезда. 1991. 12 февраля.

[103] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг.

[104] Итоги второй мировой войны. Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957. С. 74.

[105] Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. М., 1939. С. 14, 20.

[106] Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.) М., 1965. С. 375.

[107] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 626.

[108] Там же.

[109] Там же. Т. 3. М., 2012. С. 658.

[110] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М., 1982. С. 286, 292, 504; Т. 6. С. 71; Т. 10. С. 512.

[111] Военное искусство во второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). М., 1973. С. 292.

[112] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 629.

[113] Там же. Т. 5. М., 2013. С. 192.

[114] Там же. Т. 3. М., 2012. С. 659.

[115] Общевойсковая армия в наступлении. М., 1966. С. 97.

[116] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. М., 2013. С. 634.

[117] См.: Полевой устав Красной армии. Проект. М., 1940. С. 60.

[118] Развитие тактики сухопутных войск в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 22.

[119] Там же. С. 43.

[120] Там же. С. 31.

ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Роль разведки в планировании и ведении военных действий

В годы Великой Отечественной войны советскими войсками было проведено более 1250 наступательных, контрнаступательных и оборонительных операций, из которых более 1 тыс. армейских, около 250 фронтовых, около 50 стратегических[1]. Успешная реализация замыслов и планов этих операций в полной мере зависела от того, насколько достоверны были те или иные данные о группировках противника и характере их действий, которые добывали разведывательные органы. Поэтому военной разведке как одному из основных видов обеспечения военных действий вооруженных сил со стороны советского военно-политического руководства всегда уделялось большое внимание.

В годы Великой Отечественной войны всестороннее изучение противника на всю глубину операции достигалось в результате слаженной деятельности всех видов разведки: авиационной, артиллерийской, инженерной, радиоразведки, агентурной и войсковой. История Великой Отечественной войны знает немало операций, в которых из-за слабого знания противника и недооценки данных разведки не выполнялись поставленные задачи или достигался незначительный успех. Особенно часто это случалось в 1941–1942 гг.

В соответствии с планом «Барбаросса» основные удары вермахта были направлены на Ленинград, Москву и Киев. Переход в наступление мощных группировок немецко-фашистских войск на важнейших стратегических направлениях оказался для войск приграничных военных округов внезапным, несмотря на работу разведорганов всех уровней. Из-за несвоевременного приведения в боевую готовность армий прикрытия им пришлось начать боевые действия в крайне невыгодных условиях, и они не смогли организовать должного отпора врагу.

Утром 22 июня 1941 г. Главный военный совет своей директивой № 2 потребовал: «1) Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить; 2) Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск... На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»[2].

Содержание директивы свидетельствует о том, что в Наркомате обороны не представляли себе реально складывающейся обстановки. Сказывались не только неудовлетворительная организация разведки противника, но и недооценка разведывательных данных, полученных накануне войны. Царившая растерянность не позволила нашим разведывательным органам, используя имеющиеся данные, сличить их с характером действий противника и направлением ударов его группировок, чтобы определить стоявшие перед ними задачи, а ведь в началь-

ный период войны немецкое командование действовало четко по планам, разработанным еще в мирное время. К исходу первого дня войны донесения штабов фронтов не отражали фактического положения и состояния немецких войск. Результат наступления противника оценивался как незначительный. Фактически же танковые и моторизованные соединения противника в первый день войны на главных направлениях продвинулись в глубину нашей территории на 20–60 км.

Директива № 3 Главного военного совета была отдана также с учетом неправильной оценки обстановки и характера действий ударных группировок противника. Она требовала от войск фронтов перехода к наступательным действиям с решительными целями[3].

«Сведения о противнике и действиях войск были скудные и показывали, что в деле разведки и управления войсками имеется много недостатков. Однако было ясно, что враг, нанеся своими танковыми и подвижными войсками при массированной поддержке авиации удар на минском и бобруйском направлениях, продолжает движение на восток»[4]. В течение нескольких месяцев немецко-фашистские войска оккупировали Белоруссию, Латвию, Литву, Молдавию, значительную часть Украины, Эстонию, вплотную подошли к Ленинграду и Москве. В этих условиях главной задачей советской военной разведки было разведывательное обеспечение боевых действий Красной армии.

Командование фронтов долгое время не владело необходимой для ведения оборонительных операций информацией и не предпринимало никаких мер по исправлению сложившейся ситуации. Отход Красной армии создавал существенные трудности для осуществления разведывательной деятельности. Причинами этого являлись: невнимание штабов всех уровней к обобщению имеющейся информации; большие потери в разведывательных подразделениях общевойсковых соединений и частей, понесенные в начале войны, а также в авиации, в том числе разведывательной; неразумное использование подразделений разведки в стрелковых и танковых частях в качестве подразделений охраны штабов, резерва и прочее. После понесенных потерь наши разведывательные органы, особенно тактического, оперативно-тактического и оперативного звеньев, смогли восстановиться в полном объеме и выполнять возложенные задачи только к лету 1943 г.

О том, что штабы фронтов и армий, как и Генеральный штаб, штабы видов вооруженных сил все еще не умели организовывать и вести непрерывную разведку противника, свидетельствуют и такие факты. 21 июля 1941 г. начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков направил в адрес главнокомандующего войсками Западного направления директиву Ставки Верховного командования следующего содержания: «Мною получены из Могилёва 2 телеграммы от работников НКВД (Пудина, Чернышёва, Пилипенко), которые утверждают, что в Могилёве войск нет. Могилёв удерживается охраной НКВД и местной охраной. В 40 км юго-западнее Могилёва 300 чел. наших бойцов находятся в окружении без пищи, патронов и снарядов, просят помощи. Ставка приказывает: 1) Под Вашу личную ответственность разведать с низких высот г. Могилёв и местность севернее и южнее Могилёва и установить, кто занимает г. Могилёв и прилежащую местность; 2) Посадить самолет связи на могилевский аэродром с командиром, которому приказать тщательно разобраться с обстановкой, выяснить, кто занимает и обороняет г. Могилёв, когда, кто оставил рубеж обороны и г. Могилёв; 3) Полученные данные передать мне не позднее 20.00 21 июля 1941 г. и доложить, что делает командование фронта для приведения в порядок 13-й армии»[5].

5 августа 1941 г. Ставка ВГК направила главнокомандующим войсками направлений, командующим войсками фронтов директиву «Об обеспечении стыков частей, соединений и объединений», в которой отмечалось: «Опыт многочисленных боев показал, что прорыв оборонительного фронта наших частей почти всегда начинался на слабо защищенных, а часто и совершенно не обеспеченных стыках частей, соединений, армий и фронтов. Командующие и командиры соединений (частей) забыли, что стыки всегда были и есть наиболее уязвимым местом в боевых порядках войск. Противник без особых усилий и часто незначительными силами прорывал стык наших частей, создавал фланги в боевых порядках обороны, вводил в прорыв танки и мотопехоту и подвергал угрозе окружения части боевого порядка наших

войск, ставя их в тяжелое положение. Ставка приказала: 1) Возложить полную ответственность за стыки частей на командиров соединений, которым они непосредственно подчинены; 2) Вести непрерывную и особенно тщательную разведку на стыках частей (соединений)»[6].

О крупных недостатках в организации разведдеятельности фронтов и неумении противостоять дезинформации противника в начале войны вспоминал бывший в то время начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта генерал-майор И. Х. Баграмян (впоследствии Маршал Советского Союза): «Пока мы пытались очистить плацдарм у Дериевки, генерал Клейст скрытно переправил в район Кременчуга свои танковые и моторизованные дивизии. Что танковая армада Клейста попытается ринуться на соединение с войсками Гудериана, догадаться было нетрудно. Но мы были уверены, что противник двинет свои танки именно с того большого плацдарма, которым он располагал между реками Псёл и Ворскла, что именно с этой целью фашисты так настойчиво расширяли его, наводили понтонные мосты. В этом мнении еще больше укрепил нас и тот факт, что именно здесь 10 сентября были захвачены пленные из группы Клейста. Одним словом, мы не сумели своевременно вскрыть сосредоточение танков Клейста в районе Кременчуга и не смогли поэтому определить участок, на котором они нанесут удар... Теперь в тыл главных сил нашего фронта неудержимо рвались 2-е из 4-х танковых групп на всем советско-германском фронте. Ныне, когда всё происходившее в те дни предельно прояснилось, невольно приходишь к мысли: даже если бы наша разведка и помогла нам разгадать, где нанесет удар танковая группа Клейста, то вряд ли мы смогли бы предотвратить ее прорыв»[7]. К 15 сентября противник главными силами вышел в тыл войскам Юго-Западного фронта. В окружении оказались командование фронта и большая часть его войск.

Осенью основные события развернулись на московском направлении. Здесь 30 сентября началась Московская стратегическая оборонительная операция, длившаяся до 5 декабря 1941 г. На московском направлении активно действовали разведотделы штабов Западного, Брянского, Резервного и впоследствии созданного Калининского фронтов. 23 сентября 1941 г. разведотдел штаба Западного фронта точно установил, что немецкие войска, готовясь к наступлению, создали группировку в составе трех армий и трех танковых групп. Об этом были информированы командование фронта и Ставка ВГК. Ценные сведения добывали фронтовая, агентурная, авиационная и радиоразведка. Так, в сводках Разведуправления Генштаба от 29–30 сентября 1941 г. отмечалось, что немецкие войска готовят наступление на смоленско-вяземском направлении. Ударная группировка противника в составе 5, 8, 23-го и еще трех неустановленных армейских корпусов сосредоточивалась под Смоленском. Из донесений командиров партизанских отрядов Ленинградского фронта следовало, что в 20-х числах сентября отсюда была переброшена в южном направлении 4-я танковая группа в составе 1-й танковой, 36-й моторизованной и предположительно 6-й танковой дивизий[8].

Одновременно в районе Рославля сосредоточивалась другая группировка в составе шести пехотных дивизий (75, 258, 34, 52, 78-я и одна неустановленной нумерации). Третья группировка сосредоточивалась в районе Новгород-Северского в составе четырех дивизий (29-я моторизованная, 17-я танковая и две пехотные неустановленной нумерации). По предположению Разведуправления немецкие войска в ближайшее время должны были перейти в наступление. Как выяснилось впоследствии, немецкие группировки и сроки их наступления были достаточно точно вскрыты военной разведкой, за исключением новгород-северской группировки (2-я танковая группа Г. Гудериана в составе 5-й пехотной, 5-й танковой, 3-й моторизованной дивизий).

В Генеральный штаб непрерывно стекались сведения о перегруппировке сил немцев и сосредоточении их в районах Духовщины, Ярцево, Смоленска, Рославля, Шостки, Глухова. Так, благодаря радиоразведке в конце сентября было установлено сосредоточение нескольких зенитных частей противника в районе Духовщина — Ярцево (273-й армейский дивизион, 84-й легкий дивизион, два дивизиона из 491-го и 52-го зенитных полков и дивизион неустановленной нумерации). «Сомнений в том, что готовится наступление на Москву, не оставалось»[9]. Таким образом, наступление, которое началось 30 сентября, не было неожиданным

для командования фронтов, однако в начале октября немецкие войска все же прорвали советскую оборону на направлениях главных ударов, и боевые действия спустя некоторое время уже велись в непосредственной близости от столицы.

В этих условиях активизировалась деятельность фронтовых разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. За период с 15 сентября по 31 декабря 1941 г. только разведотдел штаба Западного фронта забросил в тыл противника 71 такую группу. Они, ведя разведку, нарушали транспортные коммуникации, линии связи, нападали на немецкие гарнизоны и патрули. Под откос были пущены сотни эшелонов противника с боевой техникой, личным составом, боеприпасами, направлявшимися для обеспечения группы армий «Центр». «В результате к середине ноября 1941 г. суточный подвоз всех видов снабжения для этой группы армий реально составлял 23 эшелона, в то время как потребности наступавших войск составляли около 70 эшелонов в сутки»[10]. В районах Березино, Бобруйска, Борисова, Вязьмы, Зубцова, Лепеля, Ржева, Смоленска действовали группы агентурной разведки, которые непрерывно осуществляли наблюдение за немецкими войсками.

Ставка ВГК и Генеральный штаб были информированы и о том, что, по данным авиаразведки разведотдела штаба главнокомандующего Юго-Западным и Южным направлениями, за 2 октября противник перегруппировал свои войска из района Ольшаны — Терны для усиления войск, действовавших против Брянского фронта — 3-ю и 4-ю танковые дивизии 24-го танкового корпуса Г. Гудериана, которые уходили в северном направлении и, вероятнее всего, должны были оказаться на левом фланге фронта. Из 2-й полевой армии, участвовавшей в Киевской операции, четыре дивизии были переброшены на Брянский фронт: две — в район Дятьково, кавалерийская — в район южнее Почеп и пехотная — в район Новгород-Северского.

Ежедневно начальник военной разведки докладывал в Ставку и Генштаб наиболее существенные разведданные о противнике, действия которого по времени совпадали со временем доклада руководству. 7 октября Разведуправление установило, что против Западного фронта действовало не менее трех, на рославльском — не менее двух, против Брянского фронта на орловском и карачевском направлениях — четыре танковые дивизии противника и что на всем центральном фронте противник продолжал усилия по окружению советских войск в районах Гжатска, Вязьмы, Дмитровска-Орловского, Карачева и Брянска. 10 октября было документально подтверждено, что в направлении Вязьмы из района Сафоново — Духовщина действовала 3-я танковая группа Г. Гота.

Группа армий «Центр», продвинувшись на 250—300 км и встретив упорное сопротивление наших войск, была вынуждена временно прекратить наступление. Это дало возможность советскому руководству накопить резервы и произвести перегруппировки войск. Принятые Разведывательным управлением меры позволили Генеральному штабу своевременно вскрывать замыслы противника, состав его группировок и в соответствии с этим организовывать оборонительные действия на ближних подступах к Москве.

Германское командование, произведя перегруппировку войск и усилив их имеющимися резервами, в первой половине ноября создало две мощные ударные группировки. Оценивая обстановку на советско-германском фронте, резидент в Швейцарии Ш. Радо (псевдоним Дора) докладывал: «Все хорошо информированные военные круги Швейцарии считают, что новое наступление немцев на Москву гораздо менее основательно подготовлено, чем все предыдущие операции, и хуже обеспечено. У немцев нет средств хорошо прикрыть свои фланги... Из Франции в большом количестве продолжается переброска резервов на восток»[11]. Разведкой было установлено, что с 1 по 11 ноября 1941 г. противник перебросил в полосу Западного фронта дополнительно девять дивизий. 15—16 ноября немецкие войска перешли в наступление: на севере — через Клин и Солнечногорск, на юге — через Тулу и Каширу. Тяжелые бои продолжались всю вторую половину ноября, противник на севере вышел к каналу Москва — Волга и форсировал его в районе Яхромы, на юго-востоке вышел к Кашире. 3—5 декабря 1941 г. измотанные активной обороной Красной армии немецкие войска были вынуждены вновь перейти к обороне.

Советская военная разведка регулярно докладывала о потерях немецких войск, переброске на восточный фронт оперативных резервов, что позволило Генеральному штабу принять своевременное решение на переход в контрнаступление. Г. К. Жуков впоследствии вспоминал: «В конце ноября по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что враг выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств. Развернув ударные группировки на широком фронте и далеко замахнувшись своим бронированным кулаком, противник в ходе битвы за Москву растянул войска до такой степени, что в финальных сражениях на ближних подступах к столице они потеряли пробивную способность»[12].

В начале декабря Ставка уже располагала крупными стратегическими резервами, которые можно было использовать для усиления действующей армии. Идея контрнаступления вынашивалась в Ставке в начале ноября, поэтому под Москву перебрасывалась большая часть резервов, маршевых пополнений, боевой техники и боеприпасов. К концу ноября сюда прибыли 1-я ударная и 20-я армии, подходили 10, 26, 61-я резервные армии. Пополнялись также и войска Калининского фронта. Начало контрнаступления было назначено на 5–6 декабря 1941 г. Первым 5 декабря перешел в наступление Калининский фронт, а продолжили его 6 декабря войска Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов.

С началом контрнаступления под Москвой разведывательные органы фронтов и армий и партизаны добывали сведения о направлениях отхода войск противника, их боевом составе, потерях, морально-политическом состоянии, созданных им оборонительных рубежах, резервах и возможностях по препятствованию продвижению наших соединений и частей. Разведывательные отделы армий, фронтов и Разведуправление Генерального штаба, используя имеющиеся данные, проводили глубокий анализ состояния и возможностей противостоящих группировок немецких войск, при помощи разведывательных и разведывательно-диверсионных групп, заброшенных в тыл врага, осуществляли контроль над подходом резервов и подвозом материально-технических средств. К моменту окончания контрнаступательного этапа Московской стратегической наступательной операции (7 января 1942 г.) советские войска вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белёв, Мценск, Новосиль, где временно остановились. Немецкие войска были отодвинуты к западу на 100–250 км.

Успеху контрнаступления под Москвой в значительной степени способствовало проведение с 29 сентября по 16 ноября 1941 г. Донбасско-Ростовской стратегической оборонительной операции, а с 17 ноября по 2 декабря — Ростовской и Тихвинской стратегических наступательных операций. Тем самым противник был лишен возможности перебросить войска для усиления центральной группировки, действующей на московском направлении. В обеспечении этих операций также важную роль играла военная разведка.

О задачах разведки в Ростовской операции вспоминал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян: «С 1 ноября 1941 года на ростовском направлении установилось затишье. В чем дело? Готовятся ли гитлеровцы к новому броску или настолько выдохлись, что больше не могут наступать? На это должна была ответить разведка. И все ее звенья усиленно вели поиск»[13]. Еще 9 октября 1941 г. Разведуправление Генерального штаба информировало Ставку и Генштаб, что по показаниям пленных танковая группа Э. фон Клейста должна овладеть Ростовом-на-Дону. Теперь и разведка Южного фронта подтвердила, что «противник концентрирует на ростовском направлении мощные танковые и моторизованные силы. Значит, готовит удар»[14].

Оставалось выяснить направление главного удара — прямо на Ростов или в обход его с севера. К 4 ноября разведотдел Южного фронта под руководством полковника А. Ф. Васильева установил, что против соединений советских 12-й и 18-й армий действовали 76, 94 и 97-я немецкие пехотные дивизии из группы генерал-лейтенанта В. фон Шведлера, 3, 9 и 52-я итальянские, 198-я немецкая пехотные дивизии и 49-й немецкий горный корпус. На стыке 9-й и 18-й армий перед фронтом 9-й и 56-й отдельной армий готовились возобновить наступление соединения 1-й танковой группы (впоследствии — 1-й танковой армии)

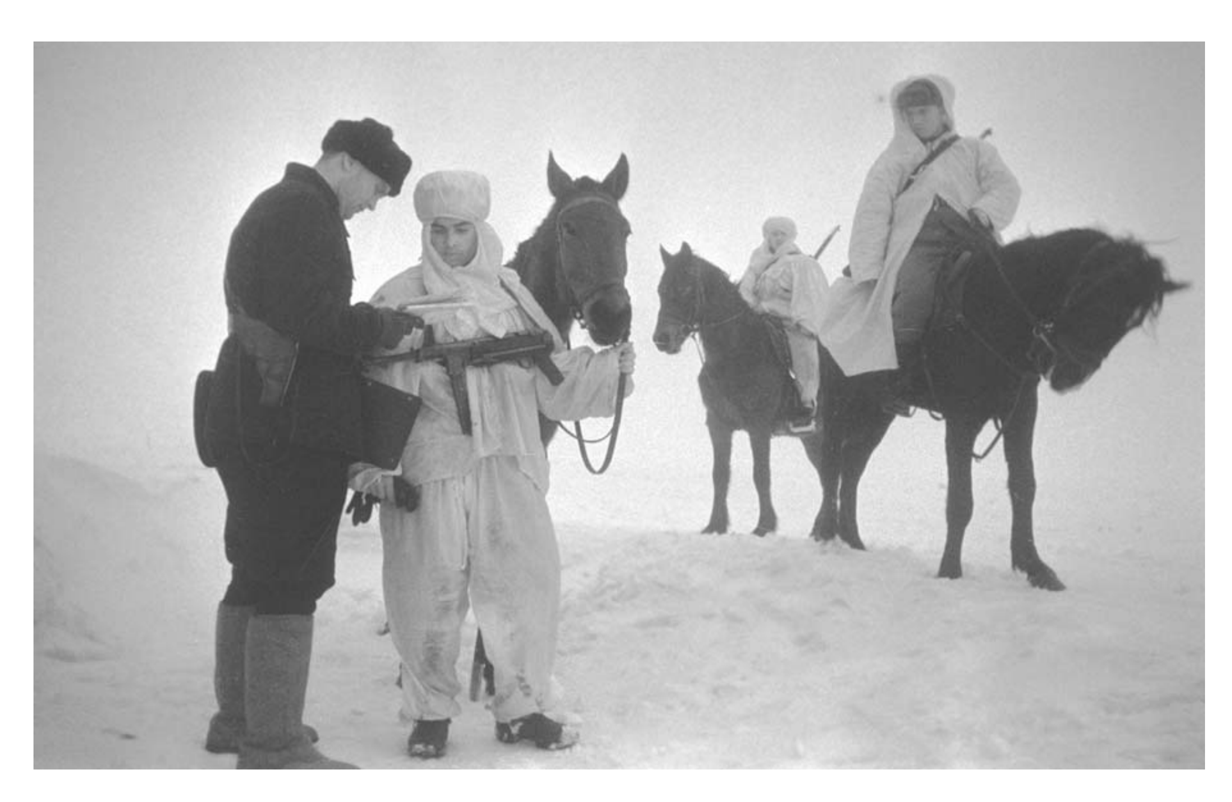
генерал-полковника Э. фон Клейста. Было подтверждено, что, готовясь к наступательным действиям, вражеские войска пополнились живой силой и танками. Основные силы Э. фон Клейста (дивизии СС «Викинг», «Адольф Гитлер», 13, 14, 16-я танковые и 60-я моторизованная дивизии) группировались перед стыком наших 18-й и 9-й армий.

Планы командования группы армий «Юг» по нанесению нового удара были подтверждены захватом войсковой разведкой немецкого офицера с боевым приказом по 16-й танковой дивизии. Показания пленного и содержание документа показали, что Э. фон Клейст намеревался нанести удар силами 13, 14, 16-й танковых, 60-й моторизованной дивизий и 49-го горного корпуса на правом фланге нашей 9-й армии, которая в своем составе имела четыре стрелковые дивизии и 50 танков. Не было обозначено лишь время начала наступления. Как выяснилось, стремясь избежать затяжных боев на подступах к Ростову, командование группы армий «Юг» планировало глубоким охватывающим ударом соединений 1-й танковой группы обойти город с севера и северо-востока через Дьяково, Шахты, Новочеркасск и окружить войска 9-й и 56-й армий. Полученные разведывательные данные помогли командованию 9-й армии лучше подготовиться к отражению немецкого наступления на Ростов. На угрожаемое направление были переброшены две стрелковые дивизии, танковая бригада и четыре артиллерийских полка. К этому времени в полосе армии было оборудовано девять противотанковых укрепрайонов. За инженерными заграждениями и минными полями разместилась противотанковая артиллерия. В резерве командарма находилось две танковые бригады с 50 танками.

5 ноября началось немецкое наступление. Советские войска, обороняясь, были вынуждены медленно отходить к Ростову. К 7 ноября наступление ударной группировки Э. фон Клейста начало затухать. Его соединениям удалось продвинуться в полосе обороны 9-й армии на 30 км. Важную роль в определении дальнейших замыслов противника сыграла разведывательная авиация, которая выявила в 30 км северо-западнее Новошахтинска моторизованные и танковые колонны врага, одних танков летчики насчитали около 500[15]. Естественно, эти данные требовалось тщательно перепроверить. 9 ноября авиация Южного фронта совершила повторную разведку. Фронтовая и армейская разведки также сосредоточились на изучении линии обороны и инженерных работах, которые активно развернули остановленные немецкие войска, готовясь к новому наступлению. Командованием фронта было принято решение упредить и ударить первыми.

12 ноября был утвержден план наступления. Замыслом предусматривалось нанесение главного удара силами 37-й армии в тыл 1-й танковой группы немцев. Слева и справа наступали 18-я и 9-я армии в целях содействия ударной группировке 37-й армии. 56-я отдельная армия должна была прочной обороной удерживать район Новочеркасска и Ростова, а при успешном наступлении войск Южного фронта нанести удар в северо-восточном направлении.

14 ноября авиаразведка выявила активные ночные передвижения противника. По мнению начальника разведки Южного фронта, Э. фон Клейст сосредоточивал силы для удара на Ростов. Не имея времени доподлинно это установить, главнокомандующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко запросил у Разведуправления Генштаба сведения, которые «хотя бы в какой-то мере раскрывали замыслы и намерения противника на всем огромном фронте юго-западного направления. Мы просили Москву помочь нам более детально уточнить силы и намерения противника не только под Ростовом, но и в районах Харькова, Курска и Орла. Особенно интересовал нас смысл перегруппировки немецких войск на участке от Красного Лимана до Артёмовска. Хотелось нам и точно знать, сколько, по данным Москвы, в армии Клейста уцелело танков»[16]. Последние данные разведки подтвердили, что враг нацеливает войска прямо на Ростов. Благодаря добытым документам, офицерским и солдатским письмам (более 3 тыс.) были установлены точный боевой состав и характер обороны противостоящих немецких частей, планы командования, настроения личного состава противника. Выяснилось, что демонстративно-интенсивные инженерные работы, проводимые советскими войсками вдоль переднего края, ввели неприятеля в заблуждение — немцы посчитали это спешным укреплением обороны[17].

Советские конные разведчики получают задание от командира в степи под Сталинградом

Разведгруппа 39-й гвардейской стрелковой дивизии уходит на задание

Разведчики И. И. Бородкин и А. И. Денисов передают сведения световыми сигналами

Наступление войск Южного фронта началось 17 ноября и ввиду нелетной погоды развивалось медленно. Наибольших успехов достигли войска 37-й армии, которые за четверо суток наступления продвинулись на 30–35 км. В этот же день после перегруппировки сил возобновилось наступление на ростовском направлении и немецких войск. 1-я танковая армия немцев нанесла сильный удар с севера на Ростов. Таким образом, обе стороны решали поставленные задачи наступлением. Противник, используя превосходство в танках, сумел прорваться к Ростову, и к 21 ноября его войска захватили город. 56-я армия была вынуждена отойти за р. Дон и к востоку от Ростова. Между тем ударная группировка Южного фронта, продолжая продвигаться вперед, 26 ноября вышла на рубеж р. Тузлов и создала реальную угрозу флангу и тылу вражеских войск, захвативших Ростов. 1-я танковая армия немцев вынуждена была прекратить наступление и перебросить часть сил на север для организации обороны на правом берегу р. Тузлов против наступающих соединений 37-й и 9-й армий. 27 ноября войска ударной группировки Южного фронта и 56-й армии перешли в наступление на Ростов с северо-запада и юга. Под угрозой окружения противник начал отводить свои войска из Ростова. 29 ноября части 56-й и 9-й армий при содействии ростовских ополченцев и партизан очистили город от фашистских захватчиков. Преследуя разбитые дивизии противника, советские войска 2 декабря вышли к р. Миус, где были остановлены заблаговременно подготовленной обороной немецких войск.

Ростовская стратегическая наступательная операция была первой крупной наступательной операцией Красной армии в Великой Отечественной войне и имела большое военно-политическое значение. В результате войска Южного фронта не допустили прорыва гитлеровских войск на Кавказ и изоляции южных районов Советского Союза от центра страны. Успешные действия наших войск стабилизировали южный фланг советско-германского фронта и положили начало контрнаступлению Красной армии в 1941 г. Сковывая силы группы армий «Юг», они не позволили гитлеровскому верховному командованию усилить

за ее счет группу армий «Центр», наступавшую на московском направлении. В успехе проведенной операции есть и немалая заслуга известных и безымянных солдат и офицеров разведывательных органов Южного фронта и Разведуправления Красной армии. Впервые после жестоких поражений и огромных потерь лета и осени 1941 г. советские разведывательные органы продемонстрировали свою способность вести непрерывную разведку противника и разгадывать его замыслы.

Несмотря на поражение под Москвой, Тихвином и Ростовом, немецкие войска продолжали сохранять высокую боеспособность. Поэтому перед разведывательными органами была поставлена исключительной важности задача — определить дальнейшие намерения немецкого командования по ведению военных действий против СССР. Разведывательное управление Генерального штаба в середине декабря 1941 г. на основании агентурных данных представило начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову доклад о намерениях противника в 1942 г. и его группировке. В представленном докладе говорилось: «В результате провала молниеносной войны против СССР, больших материальных и людских потерь, которые понесла Германия в непрерывных сражениях с Красной армией, и нашего контрудара ближайшей задачей немецкого командования, по-видимому, будет являться ограничение активных действий на всем пространстве фронта от Кольского полуострова до Курска с переносом центра тяжести в этот период на юг с задачей оккупации Донбасса и Кавказа»[18].

Однако советское военно-политическое руководство, воодушевленное успехами в контрнаступлении под Москвой, на северо-западном, юго-западном направлениях и в Крыму, намеревалось закрепить стратегическую инициативу, завоеванную Красной армией в декабрьских сражениях, и развить уже достигнутый успех. Считалось необходимым усилить натиск на противника. В этих условиях Ставка потребовала от командования фронтов представить свои соображения на зиму 1942 г. Спустя некоторое время отовсюду были получены практически однозначные предложения — наступать. Таким образом, все командующие без обстоятельного анализа реальных возможностей противоборствующих сторон и результатов предшествующих боевых действий настаивали на развертывании решительных наступательных операций.

На принятии решения сказывались и оптимистические выводы нашей военной разведки относительно потерь немецкой армии и ее союзников. Генеральный штаб считал, что с начала войны по ноябрь 1941 г. неприятель потерял не менее 4,5 млн человек, а к 1 марта 1942 г. эти потери могли достигнуть не менее 6,5 млн, в том числе по сухопутным войскам — 5,8 млн. В действительности реальные потери войск противника были в 5–6 раз меньше. В частности, сухопутные войска вермахта к середине ноября 1941 г. потеряли в общей сложности лишь около 700 тыс. человек, а к началу марта 1942 г. эти потери в реальности могли составить несколько более 1 млн солдат и офицеров.

План военных действий Красной армии на зиму 1942 г. рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января 1942 г. Начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников информировал о положении дел на фронте и изложил проект плана общего наступления фронтов. На ближайшие месяцы перед действующей армией ставились решительные цели: ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить группировку войск Германии и ее союзников, чтобы создать условия для завершения войны в 1942 г.

Задача эта была не совсем реальной, в этом и состоял крупный просчет не только органов военной разведки, но и всего военно-политического руководства страны. Просчет обернулся для Красной армии новой катастрофой стратегического масштаба. Немецкие войска опрокинули советский фронт обороны, вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа. Развернулось ожесточенное оборонительное сражение на подступах к Сталинграду. Как писал маршал А. М. Василевский: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара на юге не были учтены. На юго-западное направление было выделено сил меньше, чем на западное»[19].

Командир разведвзвода старший лейтенант С. П. Дулдин

Красноармеец-разведчик ведет наблюдение

Советские разведчики ведут немецкого солдата, захваченного в плен

На втором году войны разведывательные органы фронтов смогли создать надежные агентурные группы в тылу противника, в большинстве случаев имевшие радиосвязь со своими разведотделами. Группы собирали и передавали сведения о скоплениях войск противника, составе немецких группировок, переброcках немецких войск, что должно было способствовать принятию командованием фронтов обоснованных решений для планирования боевых действий. Деятельность сил и средств военной разведки приобрела более целенаправленный характер. Масштабы разведывательно-диверсионной деятельности советской разведки стали существенно шире, чем в 1941 г.

Вместе с тем в деятельности разведки в 1942 г. проявились те же упущения, что и в 1941 г. Разведывательным органам не удалось добыть конкретные данные о планах немецких войск, сроках и районах предстоящих боевых действий. Попытки Крымского фронта, несмотря на превосходство в силах, в мае 1942 г. начать наступление на Керченском полуострове для освобождения всего Крыма были неудачны. «Фронтовой разведотдел, имевший достаточные данные о противостоящей группировке противника, не смог вскрыть его подготовку к наступлению. В результате начавшиеся наступательные действия немцев застали наши войска в невыгодной для такой ситуации группировке и неподготовленными к отражению наступления. Это в совокупности с плохой организацией руководства фронтом со стороны его командования привело к тому, что наши войска потерпели серьезное поражение и потеряли Керченский полуостров»[20].

Аналогичная ситуация сложилась и на Юго-Западном фронте, который предпринял в мае 1942 г. наступательную операцию с целью освобождения Харькова, не зная, что противник сосредоточил в этом направлении крупные танковые силы. В результате немецкого контрнаступления войска фронта потерпели серьезное поражение, и это изменило всю стратегическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта.

Органы разведки всех уровней в этих условиях сосредоточили свое внимание на определении боевого состава ударных группировок врага, рвущихся к Волге, характера их действий, в том числе и направлении наносимых ими ударов, для того чтобы, используя местность, остановить противника на ряде рубежей еще на дальних подступах к городу. Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (ГРУ ГШ КА) приняло меры по активизации деятельности всех видов разведки для получения необходимой информации о противнике в интересах обеспечения оборонительных действий наших войск. Так, например, Информационным управлением ГРУ была подготовлена «Оценка противника перед фронтом Союза ССР на 15 июля 1942 г.»[21]. Состав и предполагаемый характер действий немецкой группировки был вскрыт довольно точно, что подтверждается немецкими данными. Не удалось установить разделение группы армий «Юг» на группы «А» и «Б», однако это решение было документально оформлено лишь 7 июля.

Наступление противника, начавшееся 28 июня 1942 г., застало врасплох разведотделы Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, которые не смогли своевременно организовать эффективную разведку группировок врага на воронежском и сталинградском направлениях, а также установить их состав. При этом ГРУ 25 июня доложило членам ГКО и в Генштаб о переброcках немецкой авиации из Крыма в район Харьков — Курск и прибытии А. Гитлера в Полтаву[22]. Однако и центральный орган военной разведки также не в полной мере владел обстановкой.

В срочном порядке ГРУ предприняло необходимые меры для повышения эффективности работы разведорганов всех уровней в условиях Сталинградской стратегической оборонительной операции (17 июля — 18 ноября 1942 г.) и Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции (25 июля — 31 декабря 1942 г.). ГРУ потребовало: активизации работы с агентурой в тылу противника, в первую очередь на угрожаемых направлениях (Сталинградский, Донской, Юго-Западный фронты; Южный, Северо-Кавказский и Закавказский фронты); своевременного доведения до командований армий и фронтов достоверных сведений, необходимых для принятия решений; интенсивной работы фронтовой радиоразведки по перехвату сообщений противника для определения передвижений и местоположения

штабов дивизий и армейских корпусов немцев; активной работы войсковой разведки. Открытая степная местность затрудняла деятельность разведывательных групп в тылу противника, поэтому здесь основную работу вели авиационная и радиоразведка.

Активизация деятельности разведки и другие организационные меры Ставки принесли желаемые результаты. Несмотря на то что в августе — сентябре 1942 г. наступление противника продолжало успешно развиваться в направлении Сталинграда, органам военной разведки удалось вскрыть группировку врага, передислокацию его резервов для усиления ударных сил. Так, 1 октября 1942 г. «в полосе Сталинградского фронта у убитого немецкого офицера была найдена схема, на которой был практически полностью раскрыт замысел немецкого командования по ведению военных действий на советско-германском фронте на весь 1942 г. Не менее важные сведения были получены во время допроса немецкого обер-лейтенанта Ф. — командира роты батальона СС особого назначения, захваченного 11 октября 1942 г. разведчиками Закавказского фронта... Ввиду особой важности этой информации она была доложена Главным разведывательным управлением непосредственно замнаркому обороны генералу армии Г. К. Жукову»[23].

Во время боевых действий уже в самом Сталинграде военная разведка установила, что немецкое командование перебрасывало сюда последние резервы и переходило к обороне. Эта информация способствовала выработке замысла и подготовки советского контрнаступления — Сталинградской стратегической наступательной операции (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.). Была точно вскрыта группировка немецких войск и их союзников перед Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами. Используя результаты работы всех видов разведки, наши штабы владели необходимой информацией о противнике. Благодаря полученным сведениям Генштаб и Ставка ВГК сумели определить момент для перехода в контрнаступление, когда наступление ударных группировок противника уже выдыхалось, группировки его войск были растянуты, фланги ослаблены, а переход к обороне еще не осуществлен. Весьма удачно с учетом наиболее уязвимых мест, обороняемых румынскими войсками, были определены направления главных ударов с целью окружения и уничтожения наиболее сильной группировки врага под Сталинградом.

После окружения немецких войск под Сталинградом были установлены их примерная численность и состав. Соответствующий доклад был подготовлен Управлением войсковой разведки Генштаба И. В. Сталину и начальнику Генштаба. Однако если состав группировки был вскрыт практически точно, то численность врага оказалась значительно больше «до 250–300 тыс., так как военные разведчики не учли большое количество вспомогательных частей и подразделений немцев (саперных, строительных, полицейских), которые также оказались в котле. Это, конечно, сказалось на планировании и организации уничтожения советскими войсками окруженной группировки немцев»[24]. В декабре 1942 г. немецкие войска предприняли попытки деблокировать окруженную группировку, однако органы авиа- и радиоразведки Донского фронта своевременно установили этот факт, и советское командование предприняло необходимые контрмеры. Таким образом, на заключительном этапе Сталинградской битвы, советская военная разведка уже работала достаточно эффективно, что способствовало успешным действиям наших войск.

В начале 1943 г. Верховное главнокомандование Вооруженных сил Советского Союза приступило к оценке обстановки на фронте и планированию военных действий на весенне-летний период 1943 г., для чего необходимо было точно установить состояние войск Германии и ее союзников, а также их намерения по дальнейшему ведению войны. В этих условиях Генеральный штаб поставил ГРУ КА, РУ ГШ и ВВС КА следующие задачи:

1. Войсковой разведке вскрыть: намерения противника; нумерацию частей противника перед фронтом и дислокацию его резервов в глубину до 30 км; укомплектованность личным составом и техникой; районы концентрации войск (особенно артиллерии и танков); новые виды вооружения (танки, самолеты, артиллерийское вооружение). Обратить особое внимание на тосненское, невельское, витебское, смоленское, рославльское, брянское, орловское, конотопское, белгородское, харьковское и донбасское направления.

2. Агентурной разведке установить: оперативные планы противника; восстановление и доукомплектование частей и соединений врага; потоки железнодорожных перевозок и места выгрузки; направления перебросок войск из Крыма; аэродромное базирование ВВС противника; дислокацию армейских и фронтовых баз снабжения на глубину 50–70 км; наличие стратегических резервов; дислокацию заводов и ремонтных мастерских на оккупированной территории; наличие и строительство оборонительных рубежей до рек Западной Двины и Днепра; дислокацию химических частей и складов отравляющих веществ.

3. Авиационной разведке определить: группировку и аэродромное базирование ВВС врага; интенсивность железнодорожных перевозок и места выгрузки; сосредоточение войск, танковых и моточастей противника; происходящие перегруппировки. При этом при организации агентурной и авиаразведки особое внимание обратить на рославльское, брянское, орловское, белгород-харьковское и донбасское направления[25].

Военная разведка успешно справилась с поставленными задачами. Были своевременно выявлены переброски на советско-германский фронт немецких дивизий из Западной Европы, установлена нарастающая концентрация немецких войск в районе Орла и Белгорода. Радиоразведка фронтов вскрыла состав группировки противника, включая наличие 2-й и 4-й танковых дивизий[26].

Таким образом, с учетом поступивших данных в марте 1943 г. в Разведуправлении Генштаба был подготовлен доклад «О вероятных планах немецкого командования на весну и лето 1943 г.», в котором был сделан вывод, что противник будет добиваться последовательного окружения и уничтожения советских войск в районе Курской дуги и в наступательной операции 1943 г. не исключается возможность повторения действий 1942 г. в части выбора направления главного удара с резким его изменением для выхода на оперативные тылы обороняющейся стороны[27]. На основании данных разведки и анализа происходивших событий считалось, что «планы немецкого командования сводились к тому, чтобы решительно ослабить ударную силу ожидавшегося ими летом наступления советских войск, после чего развернуть победное наступление на востоке, вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования и добиться перелома в войне в свою пользу»[28].

Уже в марте 1943 г. Ставка приступила к выработке плана по подготовке крупной наступательной операции и «утвердила предложение Генштаба вывести к апрелю на наиболее ответственных направлениях — орловском, курском, харьковском, донбасском на укомплектование... войсковые объединения и соединения... К 30 апреля они должны находиться в полной боевой готовности»[29]. Для достижения поставленных целей Ставка ВГК после длительных размышлений и тщательного анализа поступающих разведывательных данных избрала наиболее правильный замысел действий наших войск, который состоял в том, чтобы переходом к преднамеренной стратегической обороне силами Центрального, Воронежского и частично Степного фронтов отразить летнее наступление немецких войск, обескровить их и последующим переходом в контрнаступление нанести поражение главным ударным группировкам врага.

В период подготовки к летне-осенней кампании большие задачи возлагались на разведку. Ставка ВГК потребовала обратить самое серьезное внимание на организацию разведки всех видов и «обязательно добиваться захвата пленных, чтобы постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых противник производит сосредоточение войск и особенно своих танковых частей»[30]. Начиная со второй половины апреля 1943 г. в полосе предстоящих боевых действий велась активная разведка.

Ответственные задачи возлагались на агентурную разведку. Ей предстояло вскрыть замыслы врага на лето 1943 г. и группировки его сил, определить военно-экономические возможности гитлеровской Германии и ее сателлитов, выявить стратегические резервы противника и их перегруппировку на восточный фронт. Необходимо отметить, что военная разведка с этим заданием успешно справилась. Она докладывала, что летом 1943 г. противник основными силами будет наступать в районе Курска, а также в районе Мги с целью восстановления блокады Ленинграда и в направлении Ростова. Органами разведки была достаточно

точно вскрыта группировка немецко-фашистских войск на всем советско-германском фронте (до 230 дивизий), в частности в районе Орла и Харькова, предназначенная для наступления в районе Курского выступа. Насколько точны были данные разведки, показывают следующие примеры: орловско-брянская группировка была определена в составе 36 дивизий, в том числе 10 танковых и моторизованных, фактически же она состояла из 37 дивизий, в том числе девяти танковых и моторизованных; белгородско-харьковская группировка определялась в составе 20 дивизий, фактически же она состояла из 19 дивизий[31].

Необходимо отметить существенный вклад и войсковой разведки в получение данных о группировке, задачах и характере действий войск противника, сосредоточивающихся в районе Курского выступа. Только в соединениях и частях Центрального и Воронежского фронтов в апреле — июле 1943 г. было организовано более 2700 разведывательных наблюдательных пунктов, не считая командирских и артиллерийских. Войска этих фронтов свыше 100 раз провели разведку боем, осуществили более 2600 ночных поисков и устроили 1500 засад. В результате были захвачены 187 немецких солдат и офицеров. Велась глубокая (оперативно-тактическая и оперативная) разведка во вражеском тылу. Так, разведывательная группа старшего лейтенанта С. П. Бухтоярова обнаружила семь аэродромов, 13 полевых складов боеприпасов, восемь складов с горючим и захватила более 30 пленных. Разведчики сообщили командованию о наличии у противника новых типов танков и штурмовых орудий, а также данные о возможности его перехода в наступление[32].

Хорошо организованное войсковое наблюдение в частях 48-й и 13-й армий Центрального фронта дало возможность определить сосредоточение ударной группировки противника в период с 1 по 4 июля 1943 г., а захваченные разведподразделениями 15-й стрелковой дивизии 13-й армии и 280-й стрелковой дивизии 70-й армии документы подтвердили подготовку немцев к наступлению и ориентировали о его сроках.

Интенсивно проводилась и воздушная разведка. Летчики разведывательной авиации вскрыли районы сосредоточения главных группировок противника, базирование и состав немецкой авиации, систему ПВО аэродромов, характер оборонительных сооружений, расположение опорных пунктов, огневых позиций артиллерии и районы расположения резервов. Аэрофотосъемка дала ценные данные о перегруппировках немецких войск и их сосредоточении на курском направлении. Авиаразведка еще в середине мая 1943 г. установила сосредоточение в районе Орёл — Кромы достаточно мощной танковой группировки (до 900 танков), а на 16 аэродромах этого направления — более 580 самолетов.

7 мая 1943 г. органы агентурной разведки информировали ГКО о готовящейся на курско-орловском направлении крупной немецкой наступательной операции под условным наименованием «Цитадель». По воспоминаниям И. Х. Баграмяна, в середине мая начальник Генштаба А. М. Василевский сообщил ему, что по не вызывающим сомнений «данным Ставки, гитлеровцы скоро начнут наступление против войск Центрального и Воронежского фронтов, обороняющихся на Курской дуге... Мы своевременно узнали, что намеченное на конец апреля немецкое наступление было отодвинуто на 3 мая, затем на 15 мая, а потом еще позже»[33]. Одновременно продолжалась разведка сил противника и направлений его действий. Побывав на рекогносцировке в полосе 11-й гвардейской армии И. Х. Баграмяна, А. М. Василевский заявил, что политическая и военная обстановка подталкивает противника первым начать наступление в указанном направлении.

Немцы усиленно готовились к предстоящей операции: части пополнялись людьми и боевой техникой, подтягивались дивизии с других участков советско-германского фронта и из Европы, было переброшено пять авиационных групп из Франции, Норвегии и Германии, появились новые тяжелые танки «пантера» и «тигр», самоходное орудие «Фердинанд», самолеты «Фокке-Вульф-190А» и «Хейнкель-129». 23 мая агентурная разведка представила новые данные, подтверждавшие сообщение о приготовлениях врага к большому стратегическому наступлению в районе Орла и Курска, а в первой половине мая в Центр поступило сообщение резидента Л. А. Сергеева (псевдоним Морис) о том, что «главный удар немцев в летней кампании будет нанесен из района Курск — Орёл в направлении на Воронеж»[34].

Разведчик А. П. Мирошников, вооруженный трофейным немецким автоматом

Сапер-разведчик М. Е. Болтовников готов к выполнению боевого задания

Агентурные группы разведотделов штабов Центрального и Воронежского фронтов установили, что в течение мая — июня противник перебросил в район Харькова около 5 тыс. вагонов с личным составом, 1300 платформ с танками и штурмовыми орудиями, 1200 платформ с орудиями полевой артиллерии, минометами, другой боевой техникой. Сюда было доставлено 7800 цистерн с горючим, 10 300 вагонов с боеприпасами, 630 вагонов с новыми двигателями для самолетов, танков и автомашин, 8750 вагонов с продовольствием и тыловым имуществом[35]. При подготовке наступления в районе сосредоточения 11-й гвардейской армии была внимательно изучена местность, исключавшая массированное применение танков. Широко использовались информация от партизан, аэрофотосъемка и работа войсковых разведчиков. В полосе наступления армии «наши разведчики обнаружили множество замаскированных противотанковых и штурмовых орудий»[36].

Однако, изготовившись к наступлению, немцы его почему-то не начинали. Это вызывало излишнюю нервозность у ряда командующих фронтами. В ночь на 2 июля в Генштаб из Разведывательного управления поступили данные, что не позднее 6 июля неизбежен переход противника в наступление на курском направлении. В штабы Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов 2 июля была направлена директива Ставки: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля. Ставка Верховного главнокомандования приказывает: 1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений»[37]. Враг создавал проходы в минных полях, снимал проволочные заграждения. «Предполагалось, что главный удар противник нанесет по левому флангу и центру Воронежского фронта, где стояли войска 6-й гвардейской армии и во втором эшелоне наша 1-я танковая армия»[38].

4 июля с четырех часов дня немцы начали разведку боем на широком участке Воронежского фронта. Советскими военными разведчиками был захвачен пленный из 168-й пехотной дивизии, который показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки, а 5 июля противник перейдет в наступление. То же подтвердили немецкие перебежчики, перешедшие на сторону советских войск 4 июля на Центральном фронте. В этой связи на Воронежском фронте в ночь на 5 июля была проведена предусмотренная артиллерийско-авиационная контрподготовка, которая дала исключительный эффект. Противник, находившийся в исходном положении для наступления, понес крупные потери в живой силе и технике, были нарушены система артиллерийского огня, управление войсками, понесла потери и немецкая авиация на аэродромах. Началась Курская стратегическая оборонительная операция, проходившая с 5 по 23 июля 1943 г.

11 июля командование 11-й гвардейской армии решило провести разведку боем, которую враг должен был принять за наступление наших главных сил на Орловском выступе. Это привело к тому, что немцы не отвели свои войска из первой полосы обороны. В ночь на 12 июля советская артиллерия нанесла мощный удар по войскам противника и минным полям на направлениях атак танковых соединений. Здесь очень большую роль сыграла предварительно проведенная артиллерийская разведка. «Артиллеристы хорошо подготовились: разведали основные цели, искусно, чтобы не насторожить противника, пристреляли их, оборудовали и умело замаскировали огневые позиции... Большинство оборонительных сооружений — дзотов, блиндажей, бронеколпаков, пулеметных гнезд — было разрушено, взорваны минные поля, разворочены траншеи и ходы сообщения. На первой позиции была полностью уничтожена противотанковая артиллерия, разбиты артиллерийские и минометные батареи... из 25 разведанных артиллерийских батарей, по которым велся огонь, 13 уничтожены полностью вместе с прислугой, а 12 выведены из строя. Пленные показали, что части 1-го эшелона 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий потеряли более половины своего состава. Столь высокая эффективность огня во многом объясняется тем, что перед нами были хорошо разведанные цели, заранее распределенные между артиллерийскими частями»[39].

Таким образом, в отличие от 1941–1942 гг., советская разведка, накопив определенный боевой опыт, работала значительно лучше. Благодаря ее слаженным и продуманным дейст-

виям были своевременно вскрыты замысел германского командования и сосредоточение главных группировок неприятельских войск на курском направлении. Несмотря на неоднократные переносы сроков начала активных действий противника, достаточно точно были установлены сроки перехода немецко-фашистских войск в наступление. «В первые два года мы, руководители Генштаба, не раз выслушивали справедливые упреки Верховного главнокомандующего в адрес Разведывательного управления. В 1943 г. таких замечаний почти не было... Нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 г., направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления»[40].

Полученные своевременно разведывательные данные позволили тщательно спланировать и всесторонне подготовить все операции Курской битвы. В оборонительных боях войска Центрального и Воронежского фронтов измотали и обескровили немецкие группировки и все шесть советских фронтов — Западный, Брянский, Центральный, Воронежский, Степной и Юго-Западный, — перейдя в общее наступление, полностью разгромили соединения противника, которые участвовали в операции «Цитадель». «Успех обеспечивался и тем, что командование Красной армии избрало наиболее целесообразный способ ведения боевых действий, полностью отвечавший сложившейся обстановке. И, наконец, это отличная работа советской разведки, сумевшей вскрыть замыслы гитлеровского командования, получить данные о группировке и развертывании германских вооруженных сил и о плане операции «Цитадель»[41].

После Курской битвы вся система военной разведки действовала как единый механизм, обеспечивающий военные действия Красной армии. Полковая разведка с наблюдательных пунктов (подвижных или неподвижных) непрерывно отслеживала действия противника на глубину до 4 км. Группы пешей разведки добывали языков и документы. Разведывательные органы дивизий и армий осуществляли руководство и обрабатывали полученные от полков данные. Разведывательные отделы штабов фронтов помимо учета полученных от соединений сведений осуществляли руководство агентурной и диверсионной деятельностью в полосах своих фронтов. Полученные агентурной и войсковой разведкой данные по возможности проверялись авиационной разведкой, силами и средствами радиоразведки.

Таким образом, перед командованием фронтов формировалась общая картина обстановки, проверенная несколькими источниками. Итоговые данные поступали в Разведывательное управление Генштаба, где на основе всех докладов фронтов формировалась и докладывалась высшему военно-политическому руководству страны ежедневная разведывательная сводка или спецсообщение по наиболее важным вопросам. Кроме того, ежедневно один из руководителей Разведуправления прибывал в Оперативное управление Генштаба с обобщенными данными для подготовки доклада в Ставку ВГК и другие заинтересованные учреждения в интересах обеспечения военных действий Красной армии на различных фронтах. В результате наиболее важная информация могла быть доложена советскому руководству в течение суток.

После поражения немцев в Курской битве продолжилось советское наступление на южном крыле советско-германского фронта. Были разгромлены основные силы немецкой группы армий «Юг», освобождены вся Левобережная Украина и Кавказ. На центральном направлении в результате Смоленской стратегической наступательной операции «Суворов» с 7 августа по 2 октября 1943 г. немецкие войска были отброшены на 250–300 км, а Красная армия вступила на территорию Белоруссии. Были созданы условия для последующих наступательных операций 1944 г.

Для развития наступления советская военная разведка должна была оценить обстановку на советско-германском фронте, вскрыть возможности противника по дальнейшему ведению военных действий и его намерения. На основе обобщения всех имеющихся данных Разведывательным управлением был подготовлен доклад в Ставку и Генштаб. В докладе отмечалось, что «немецкая армия перешла к стратегической обороне на нашем фронте... Немцы для предотвращения катастрофы на советско-германском фронте будут максимально использовать свои силы из Западной Европы путем переброски их на восточный фронт»[42]. В другом докладе

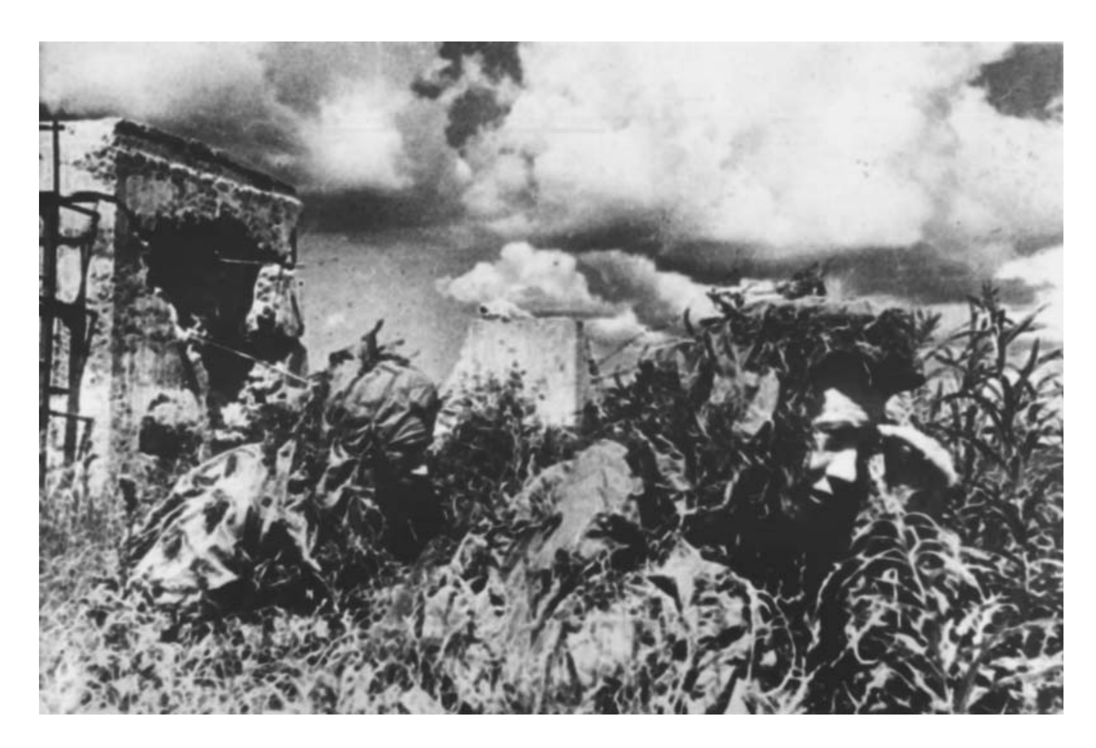
был сделан конкретный анализ стратегического положения немецкой армии по состоянию на 25 декабря 1943 г. Выводы военной разведки легли в основу стратегического замысла Ставки Верховного главнокомандования на ведение военных действий в 1944 г. Главный удар предполагалось нанести на центральном направлении для освобождения Белоруссии.

В Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион», проводившейся силами 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов, ставилась задача разгромить основные силы группы армий «Центр», освободить Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления советских войск в западные области Украины, Прибалтику, Восточную Пруссию и Польшу. Группа армий «Центр», занимая так называемый «белорусский балкон» и располагая хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог для широкого маневра по внутренним линиям, преграждала путь советским войскам на Варшаву. Сильно развитая в инженерном отношении оборона гитлеровцев состояла из нескольких рубежей и простиралась в глубину на 250–270 км. При этом немецким командованием умело использовались условия местности: оборонительные полосы проходили, как правило, по западным берегам многочисленных рек, имеющих широкие заболоченные поймы.

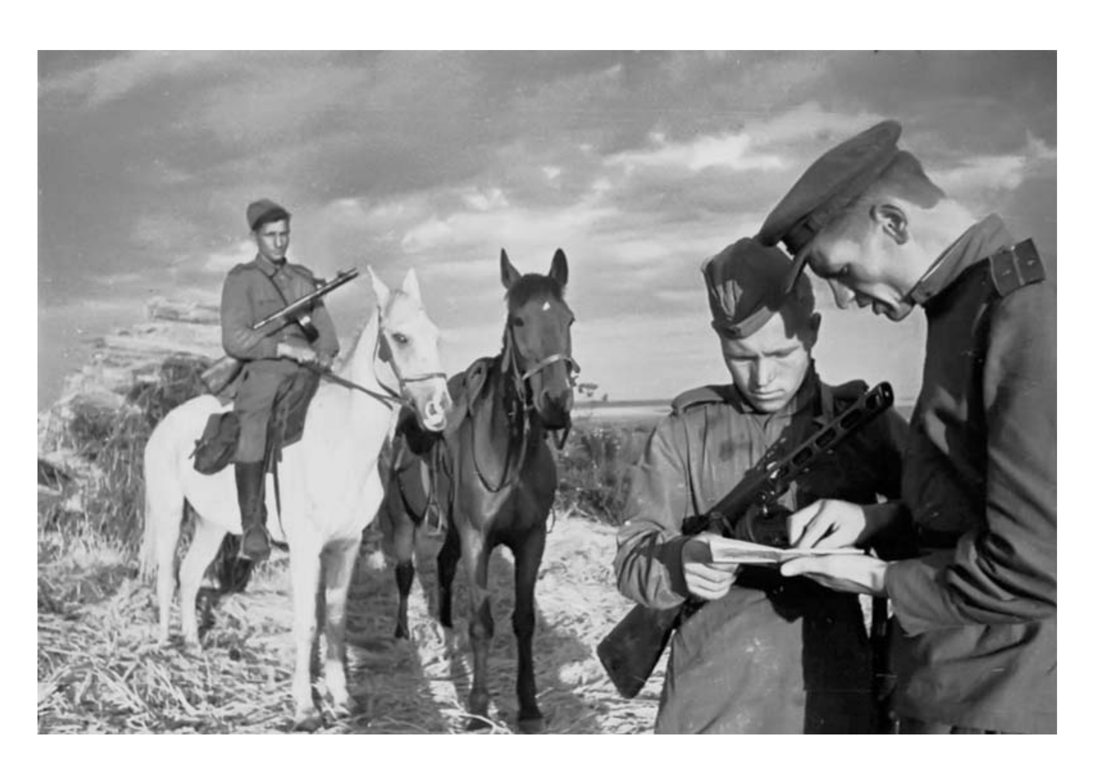
По воспоминаниям маршала А. М. Василевского: «Главная полоса вражеской обороны проходила по линии Витебск — Орша — Могилёв — Рогачёв — Жлобин — Бобруйск. Особенно сильно были укреплены районы Витебска и Бобруйска, то есть фланги группы армий «Центр». Мощную оборону она имела также на оршанском и могилевском направлениях. Были построены оборонительные рубежи и в оперативной глубине — по берегам рек Днепра, Друти и Березины. Все инженерные оборонительные сооружения довольно удачно увязывались с естественными, очень выгодными для обороны условиями местности — реками, озерами, болотами, лесами. Крупные города гитлеровцы превратили в сильные узлы сопротивления, укрепленные единой системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов, а такие города, как Витебск, Орша, Могилёв, Бобруйск и Минск, приказами Гитлера были объявлены «укрепленными районами»[43].

В связи с этим ответственные и нелегкие задачи возлагались на все виды разведки. Необходимо было вскрыть начертание переднего края обороны, количество опорных пунктов на переднем крае и в глубине обороны, систему огня, систему инженерных заграждений перед передним краем, на стыках и флангах обороняющихся войск противника, узлы и полосы минно-взрывных заграждений в глубине обороны, на дорожных направлениях и в других районах, определяющих устойчивость немецкой обороны, а также возможность подрыва мостов, дорожного и железнодорожного полотна и разрушения особо важных объектов в случае вынужденного отхода немецких войск. Кроме того, требовалось вскрыть группировку противника на переднем крае и в глубине его обороны, наличие резервов, вторых эшелонов и их возможные маршруты выхода для усиления войск первого эшелона, места расположения командных пунктов, складов и баз снабжения, дислокацию аэродромов и многое другое, без чего крайне трудно рассчитывать на успех операции. Особое внимание уделялось определению группировки противника в тактической зоне обороны, поскольку именно в ее пределах располагалась основная масса живой силы и боевой техники.

Ситуация осложнялась тем, что нашим войскам впервые приходилось наступать в условиях лесисто-болотистой местности, где с особой немецкой педантичностью были взяты на учет все сухие места и возвышенности, узлы дорог и мосты, имеющие важное стратегическое значение. Поэтому крайне сложные задачи возлагались на разведку местности, проводимую силами инженерных войск. Разведчикам-саперам необходимо было определить наличие и состояние дорог, проходимость местности вне дорог, естественные препятствия и возможности их преодоления, условия, обеспечивающие скрытное сосредоточение, выдвижение и развертывание войск, переходящих в наступление, с выдвижением из районов сосредоточения или производящих смену обороняющихся частей в ночь перед наступлением, а также участки местности, наиболее доступные для наступления. А поскольку доступных мест в условиях Белоруссии было крайне мало, требовалось определить порядок движения наступающих частей и соединений по болотистой и лесистой местности.

Группа советских разведчиков ведет наблюдение за противником

Старший лейтенант И. А. Кромарь ставит боевую задачу разведчикам А. Данилову и А. Гурьянову

Разведка противника, оборонявшегося в Белоруссии, велась нашими разведывательными органами еще с осени 1943 г., когда советские войска вышли на подступы к Витебску, Могилёву, Рогачёву, Гомелю и Мозырю. Особенно тщательно она начала проводиться после 30 мая 1944 г., когда Ставка ВГК утвердила план операции «Багратион». На переднем крае были развернуты сотни наблюдательных постов (не менее двух на батальон), в тыл противника направлялись десятки разведывательных групп, которые устраивали засады в целях захвата пленных, документов, образцов вооружения и техники. В оперативный тыл забрасывались группы фронтовой разведки, которые вместе с партизанами нередко устраивали налеты для уничтожения важных объектов. Так, к началу операции в составе агентурной сети разведотдела Прибалтийского фронта насчитывалось около 50 агентов-источников. Разведотдел штаба 2-го Белорусского фронта имел за линией фронта 28 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. У командования 3-го Белорусского фронта в тылу противника было четыре резидентуры и более 40 разведывательных групп. Разведывательному отделу штаба 1-го Белорусского фронта подчинялись девять резидентур и около 50 разведывательных групп и отрядов, активно действовавших в тылу противника[44].

Задействовались авиация дальнего действия, бомбардировочная и штурмовая, вылетавшие на уничтожение вражеских объектов, расположенных в оперативно-тактической и оперативной глубине его обороны. Стремительный характер боевых действий, быстро менявшаяся обстановка предопределили активизацию разведывательной авиации. Фронтовые отдельные разведывательные авиаполки (эскадрилья Пе-2 и эскадрилья Як-9) совершали полеты над расположением противника днем и ночью, выявляя направления его отхода, подход резервов.

Для уточнения данных о состоянии неприятельской обороны на переднем крае и в ближайшей тактической глубине проводилась разведка боем в полосе одиннадцати армий четырех фронтов, на участках которых осуществлялся прорыв обороны противника, на фронте до 500 км, и в полосе еще семи армий, которые не участвовали в прорыве обороны. В состав подразделений, принимавших участие в разведке боем, включались разведывательные группы, предназначавшиеся для захвата пленных, документов, образцов вооружения, снаряжения и техники, а также разведчики-саперы и артиллеристы, ведущие инженерную и артиллерийскую разведку.

При организации разведки в оперативном тылу немецких войск было учтено наличие на территории Белоруссии широкого партизанского движения. В этот период в белорусских лесах и частично в Прибалтике действовало около 150 партизанских соединений общей численностью не менее 220 тыс. человек. Разведывательное управление Генерального штаба, разведотделы фронтов поддерживали тесную связь со штабом партизанского движения в Белоруссии. Было налажено взаимодействие со всеми партизанскими бригадами, действовавшими в тылу противника, направлены к ним офицеры-разведчики, специалисты по подрывному делу. Перед операцией ряд важных боевых задач выполнили партизаны. Только в ночь на 20 июня они подорвали свыше 40 тыс. рельсов. Активизировались их действия и на других коммуникациях врага. Кроме того, партизаны должны были захватывать выгодные рубежи, переправы и плацдармы на реках и удерживать их до подхода наступающих войск, оказывать им поддержку в освобождении городов, железнодорожных станций, активно вести разведку противника, срывать вывоз советских людей в Германию, организовывать охрану населенных пунктов, общественного и личного имущества граждан.

Разведывательные группы, которые переходили линию фронта или забрасывались на парашютах в тыл противника, вели разведку наблюдением, а в отдельных случаях устраивали засады и налеты на штабы и другие важные объекты с целью захвата документов и ценных языков.

Большое внимание было уделено организации и ведению радиоразведки. К этой задаче привлекались 339, 474, 480, 394, 541 и 545-й отдельные радиодивизионы ОСНАЗ 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов, а также 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ Ставки ВГК[45]. При этом 1-й радиополк вел постоянное наблюдение за работой коротко-

волновой системы связи генштаба немецкой армии с расположенными на советско-германском фронте штабами полевых и танковых армий и объединявших их групп армий. Он же осуществлял постоянную разведку радиосвязи «борт — земля» и «земля — земля» 6-го немецкого воздушного флота и входивших в его состав авиационных соединений и частей, а также вел наблюдение за радиосвязью немецких авиабаз и аэродромов. Путем организации радиоперехватов донесений с бортов немецких разведывательных самолетов, ведущих разведку нашей территории, устанавливались местоположение штабов противостоящих немецких войск и их боевой состав. Перехватывая и анализируя передаваемые с борта самолетов-разведчиков донесения, радиоразведка получала данные об обнаруженных врагом скоплениях и передвижениях нашей пехоты, танков, артиллерии, интенсивности в прифронтовой зоне железнодорожных и автомобильных перевозок, подготовке новых аэродромов и прочем.

О важности этих разведывательных сведений свидетельствует такой случай. За 20 дней до начала нашего наступления немецкие самолеты-разведчики обнаружили на аэродромах бобруйского направления до 600 наших боевых самолетов, а также большое количество следов гусениц советских танков. Эти важные сведения, полученные в результате радиоперехвата, были немедленно доложены командиром 545-го отдельного радиодивизиона К. М. Гудковым командующему 1-м Белорусским фронтов генералу армии К. К. Рокоссовскому, который приказал принять все необходимые меры по рассредоточению нашей авиации и маскировке маршрутов передвижения наших танков. Этим же радиодивизионом было перехвачено донесение об обнаружении 27 боевых машин гвардейских реактивных минометов «катюша» и переданный немцами вызов для их бомбардировки. Полученные данные были срочно доложены командующему артиллерией 65-й армии, что дало возможность вывести наши реактивные установки из-под удара немецкой бомбардировочной авиации, которая отбомбилась по пустому месту[46].

Говоря о радиоразведке, необходимо отметить и тот факт, что некоторые наши радисты приемослежечных постов умели распознавать штабы конкретных соединений и частей по особенностям почерка немецких радистов. Так, радист-коротковолновик В. Коваль высказал мнение о том, что из Бобруйска навстречу наступавшим соединениям 65-й армии генерал-полковника П. И. Батова выступила 16-я танковая дивизия немцев. При этом В. Коваль утверждал, что узнал это по почерку радиста, с которым был «знаком» еще со времен Сталинградской битвы. После взятия в плен командира роты 16-й танковой дивизии все в дивизионе и разведотделе штаба фронта убедились в правоте радиоразведчика.

К началу операции «Багратион» радиоразведкой было установлено, что в районе Витебска занимала оборону 3-я немецкая танковая армия, в составе которой были выявлены три корпуса и девять дивизий. На бобруйском направлении была разведана мощная группировка 9-й полевой армии, в состав которой входили 41-й танковый корпус и 35, 53 и 55-й армейские корпуса. Из их состава в первом оперативном эшелоне было установлено расположение 12 дивизий, в том числе 20-й танковой дивизии, 35, 36, 129, 134, 267 и 389-й пехотных дивизий. В центре немецкой обороны на участке Орша — Могилёв была разведана группировка 4-й немецкой полевой армии и установлено вхождение в ее состав 6, 9 и 53-го армейских корпусов и восьми дивизий первого оперативного эшелона этой армии, в том числе 95, 205, 252, 256 и 299-й пехотных дивизий. На правом фланге немецкой обороны за р. Припятью и Пинскими болотами на брестском направлении было установлено расположение войск 2-й немецкой полевой армии в составе 8, 20 и 23-го армейских корпусов[47].

Необходимо отметить, что разведывательные органы в операции «Багратион» со своей задачей справились. Штабы фронтов получали необходимые данные для планирования и проведения операции, которая и была с честью осуществлена. Советские войска разгромили группу армий «Центр», освободили Белоруссию, часть Литвы и Латвии, вступили на территорию Польши и вышли к границам Восточной Пруссии, форсировали реки Нарев и Вислу и захватили ряд плацдармов, продвинувшись на 260–400 км.

В результате успешных наступательных операций, проведенных в 1944 г., советские войска продвинулись на запад на 600–900 км, вышли на государственную границу СССР,

а в некоторых случаях и за его пределы, вывели из числа союзников Германии ряд европейских государств. Началось освобождение стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. По мере продвижения советских войск на запад ГРУ Красной армии, разведотделам штабов фронтов приходилось вносить существенные коррективы в свою работу. С выходом наших войск за пределы СССР были внесены в первую очередь изменения в действия агентурной и войсковой разведок. Им приходилось действовать более конспиративно, осторожно и автономно. В Румынии, Венгрии и Финляндии, которые участвовали в войне против СССР, значительная часть населения относилась враждебно к Красной армии. В Восточной Пруссии наши разведчики столкнулись с крайне тяжелыми условиями работы и несли значительные потери.

В 1945 г. войска Красной армии провели ряд успешных стратегических наступательных операций, приведших к разгрому фашистской Германии и ее капитуляции. Одной из них стала Висло-Одерская стратегическая наступательная операция (12 января — 3 февраля 1945 г.). Роль разведки в обеспечении этой операции имеет особый интерес. Операция проводилась силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (командующие — Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев соответственно) и являлась одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны.

Существенно сократившиеся коммуникации противника и наличие густой сети железных и шоссейных дорог позволяли ему маневрировать резервами как в глубине, так и по фронту, а также производить быстрый подвоз основных видов материального обеспечения. Поэтому для своевременного вскрытия мероприятий врага по маневрированию войсками требовалось применение большого количества сил и средств оперативной разведки. Плохие метеоусловия в это время года затруднили использование авиационной разведки. Кроме того, в процессе подготовки этой операции советские штабы столкнулись с широким применением противником дезинформационных мероприятий.

В начале ноября 1944 г. разведотдел штаба 1-го Белорусского фронта уже располагал данными о том, что неприятель уделяет значительное внимание усилению обороны на р. Висле, строит сильные оборонительные рубежи в глубине обороны и особенно усиленно ведутся эти работы на варшавско-берлинском направлении. По данным всех видов разведки, на направлении главного удара войск фронта немецкое командование сосредоточило 9-ю полевую армию, состоявшую из тринадцати дивизий, 4-го танкового корпуса СС, 46-го и 56-го танковых корпусов и 8-го армейского корпуса. Крупных оперативных резервов у противника в то время не было, имелось лишь три дивизии, располагавшиеся в районах Радома, Лодзи и западнее Варшавы.

Однако наша разведка все еще недостаточно хорошо изучила оборонительные полосы в оперативной глубине, не имела точных сведений о разбросанных в населенных пунктах Польши охранных, учебных и тыловых частях противника, представлявших собой потенциальные резервы. В этих условиях необходимо было детально изучить как подготовленные, так и строившиеся многочисленные оборонительные рубежи на территории Польши и в Восточной Германии, а также взять под надежный контроль основные коммуникации противника, чтобы исключить скрытные переброски войск и установить систему снабжения немецкой группировки. Командование войск 1-го Белорусского фронта, уделяя особое внимание Висленскому оборонительному рубежу, поставило разведотделу штаба фронта следующие задачи: установить точное построение боевых порядков противника в обороне до ротных опорных пунктов включительно, расположение артиллерийских и минометных батарей с точностью до 100 м, выявить слабые места во вражеской обороне на реках Висле, Взуре, Видавке, Варте, Обре и других. Сроки выполнения этих задач были крайне жесткими — их необходимо было выполнить к 1 января 1945 г.

Осуществление огромного перечня разведывательных задач при сравнительно небольшом сроке на подготовку к операции потребовало большого напряжения и слаженности в работе всех видов разведки. Г. К. Жуков писал: «Поставленные задачи и сроки требовали большой и сложной работы в войсках, штабах, тыловых органах и командных инстанциях. Подготовка

Висло-Одерской операции в значительной степени отличалась от подготовки предыдущих операций подобного масштаба, проводимых на нашей территории. Раньше мы получали хорошие разведывательные сведения от наших партизанских отрядов... Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. На эту важную задачу было обращено особое внимание командования штабов всех степеней»[48].

Для выполнения поставленных задач разведывательные отделы фронта и армий располагали следующими силами: агентурной разведкой; разведывательными подразделениями общевойсковых частей, соединений и объединений, находившихся в первой линии наступающих войск; авиационными разведывательными и авиационными корректировочными полками; дивизионами артиллерийской инструментальной разведки, а также частями радиоразведки ОСНАЗ.

Численность агентурной разведки была явно недостаточна для выполнения задач такого масштаба: она не могла охватить районы с хорошо развитой дорожной сетью, большим количеством узлов коммуникаций и крупных населенных пунктов, за которыми требовалось постоянное наблюдение. Поэтому в ноябре и декабре в полосу действий 1-го Белорусского фронта было выброшено дополнительное количество новых, а также произведена передислокация ранее заброшенных разведывательных групп с новыми задачами.

Разведотдел фронта особое внимание уделял радомскому направлению, поскольку здесь противник сконцентрировал крупные резервы, видимо, предвидя удары наших войск. В связи с этим в треугольнике Бялобжеги — Томашув — Радом находилась треть всех действовавших разведывательных групп. Такое усиление позволило к началу операции полностью вскрыть оперативные резервы немецкого командования, находившиеся на радомском направлении, и выявить другие мероприятия оборонительного характера, проводимые противником. Большое внимание уделялось разведке главных железнодорожных магистралей и рокад: Варшава — Кутно — Познань; Варшава — Лодзь — Калиш; Радом — Кельце — Ченстохов; Бромберг — Ченстохов; Хойнице — Познань, а также разведке основных шоссейных магистралей. В результате предпринятых действий штаб фронта регулярно получал донесения о перевозках войск и материальных средств из тыла к фронту и обратно, тем самым исключая возможность скрытного сосредоточения и развертывания войск противника.

В разведке оборонительных рубежей противника на глубину Бромберг — Познань большую роль играла агентурная разведка. Если общий характер рубежей вскрывался путем фотографирования их авиационной разведкой, то данные агентурных источников дополняли и уточняли имеющиеся разведывательные сведения. Необходимо отметить, что сведения о наличии тех или иных инженерных сооружений, степени их готовности и другие данные были получены только с помощью агентуры. В частности, были добыты ценные сведения о долговременных сооружениях на рубеже рек Бзуры, Равки и Пилицы и их плотности, наличии Влоцлавекского укрепленного района, устройстве противотанковых препятствий на этих рубежах.

Существенным недостатком агентурной разведки было то, что предельная дальность ее действий не превышала 400 км, в то время как операция планировалась на глубину свыше 500 км. Недостаточность глубины действий фронтовой разведки привела к тому, что штаб 1-го Белорусского фронта к началу операции имел неполные сведения об оборонительных мероприятиях, проводимых на территории к западу и северо-западу от Познани. Об оборонительных рубежах «Одерский четырехугольник», «Померанский вал» имелись данные лишь общего порядка, и более подробно они разведывались уже в ходе наступательной операции. Необходимо отметить, что противник умело применял дезинформационные мероприятия. Так, полученные данные о двух гренадерских дивизиях противника в районе Лодзи и данные о перегруппировке из района Радома на 50 км северо-восточнее к Гарбатке-Летниско 70 тяжелых танков были перепроверены войсковой разведкой и, как не подтвердившиеся, не приняты во внимание. Необходимо отметить, что при всех недостатках агентурная разведка фронта являлась главным средством получения сведений о противнике в его оперативной глубине.

Большую роль в это время сыграла радиоразведка. Так, в составе только 1-го Белорусского фронта действовали два радиодивизиона ОСНАЗ, радиодивизион мешающего действия, дивизион радиоперехвата и дешифрования, а непосредственно в соединениях первого эшелона фронта работало шесть армейских групп ближней разведки средств связи. Эти средства обеспечили слежение за радиосетями от низовых до армейских штабов, а также пеленгацию наиболее важных радиостанций тактического и оперативно-тактического звеньев управления противника.

В подготовительный период большинство радиосредств было нацелено на разведку противника, находящегося на радомском направлении. Один радиодивизион ОСНАЗ находился на магнушевском плацдарме и вел самостоятельную разведку в полосе Варшава — Сандомир. Другой дивизион находился в непосредственном подчинении разведотдела штаба фронта и как более мощный (имел пять пеленгаторных пунктов) вел разведку во всей полосе фронта. Главное внимание он уделял варшавско-кутненскому направлению, но одновременно следил и за радомским направлением, усиливая тем самым надежность сведений разведки. Дивизион мешающего действия в этот период изучал радиосети противника во всей полосе фронта, помогая двум первым дивизионам в слежении за радиосетями, и существенно содействовал пеленгации даже кратковременно работавших сетей противника.

При подготовке и в ходе операции радиодивизионы фронта поддерживали тесную связь с радиодивизионами, находившимися в подчинении НКГБ. Значительно осложняло работу радиоразведки то, что радиосети противника работали весьма ограничено и кратковременно, а низовые средства управления соблюдали режим радиомолчания и работали только на прием. Тем не менее радиоразведке удалось установить расположение большинства штабов соединений 9-й армии, а именно штаба армии, всех штабов корпусов первой линии и пяти штабов дивизий из семи, находившихся на переднем крае. Радиоразведке также принадлежит несомненная заслуга во вскрытии оперативных перегруппировок войск противника, происходивших в ноябре — декабре 1944 г.

Так, в начале ноября 1944 г. радиоразведка отметила перемещение радиостанций 19-й танковой дивизии из района Варшавы в Радом. Эти данные вместе со сведениями, поступившими ранее из других источников, позволили установить усиление резервов 9-й армии в районе Радома. Кроме того, по данным радиоразведки удалось установить переподчинение левофлангового 56-го танкового корпуса 4-й танковой армии командованию 9-й полевой армии. Радиоразведка установила изменение границ полосы обороны 8-го армейского корпуса. Стало ясно, что корпус уплотнил боевые порядки своей обороны напротив магнушевского плацдарма, занятого советскими войсками в ходе операции «Багратион».

В начале января 1945 г. немецкое командование сняло оборонявшийся в междуречье Буг — Висла 4-й танковый корпус СС и перебросило его в Венгрию, где готовило в это время контрудар. Радиоразведка первой отметила его убытие, что затем подтвердили и данные агентурной разведки. 4 января 1945 г. войсковая разведка захватила в плен военнослужащего из 3-й танковой дивизии СС в районе Комарно и этим окончательно подтвердила переброску 4-го танкового корпуса СС в Венгрию.

Несмотря на наличие большого числа средств, радиоразведка все же не смогла установить районы расположения всех оперативных резервов противника. Радиосети 19-й, 25-й танковых дивизий и 10-й мотодивизии, располагавшиеся в районе Радома, оставались для радиоразведки темными пятнами не только в течение подготовительного периода, но и в начале операции. Подводя итог работы радиоразведки в подготовительный период, можно уверенно утверждать, что ее данные в общей сумме сведений, добытых разведкой, имели большой удельный вес и послужили основой для вскрытия оперативного построения обороны немецких войск на р. Висле. Изучение радиосетей большинства соединений 9-й армии в период нахождения их в обороне дало возможность радиоразведке почти безошибочно разгадывать все дальнейшие маневры и перегруппировки соединений 9-й армии, происходившие в период стремительного наступления наших войск.

Личный состав третьей эскадрильи 47-го гвардейского авиаполка дальней разведки Главного командования Красной армии на аэродроме у самолета Пе-3

В связи с тем что наступательная операция планировалась на большую глубину и на направлении, где противник готовил глубокоэшелонированную оборону, на авиационную разведку были возложены сложные задачи как по своей оперативно-тактической значимости, так и по объему работы. Она должна была провести: многократное фотографирование основной оборонительной полосы с целью вскрытия характера и системы обороны противника на всю тактическую глубину и группировок его полевой и зенитной артиллерии; сплошное фотографирование с целью изучения характера армейской и тыловой оборонительных полос по рекам Бзуре, Равке, Пилице, промежуточных и отсечных позиций, оборонительных обводов вокруг Варшавы, Радома, Лодзи и оборонительных рубежей до меридиана Познани; установить районы сосредоточения тактических и оперативных резервов; вскрыть аэродромную сеть противника и количество базирующейся авиации на глубину до Познани; вести систематическое наблюдение за коммуникациями противника с целью выявления подхода резервов из глубины и возможных перегруппировок войск.

В распоряжении командования 1-го Белорусского фронта имелось два дальних разведывательных полка (самолеты Пе-2) и два разведывательно-корректировочных полка (самолеты Ил-2) с общим количеством до 70 самолетов. Эти средства с большим напряжением обеспечивали выполнение задач только по аэрофотографированию оборонительных рубежей и разведке аэродромов. Они были не в состоянии вести ближнюю и ночную разведку. Для этого командованию фронта дополнительно было выделено: для ночной разведки — один полк По-2, для дальней ночной разведки — четыре самолета Ил-4, для ближней дневной разведки — по две эскадрильи от истребительных авиационных дивизий. Кроме того, на период активных действий для разведки в каждой истребительной и штурмовой авиационных дивизиях намечалось использовать по одной эскадрилье.

Главную оборонительную полосу перед плацдармами планировалось фотографировать 4—5 раз с промежутками в 8—10 дней; участки по западному берегу Вислы и в междуречье как второстепенные — 2—3 раза; обводы вокруг Радома, Лодзи, Варшавы — 2—3 раза с промежутками в 12 дней; Вартовский и Познанский оборонительные рубежи — не менее двух раз с промежутками до двух недель. Было запланировано и перспективное фотографирование переднего края перед плацдармами, чтобы фотопанорамы местности имелись и у командиров батальонов, наступающих в первом эшелоне войск фронта. Несмотря на плохие метеоусловия подготовительного этапа операции (в ноябре было всего два летных дня, в декабре — шесть, в первой половине января — один), задачи по аэрофотографированию были выполнены полностью.

Авиация 1-го Белорусского фронта за указанный период произвела 1700 самолето-вылетов на разведку. В результате фотографирования был вскрыт и ряд промежуточных рубежей между р. Вислой и тыловой полосой, установлено начертание шести мощных противотанковых рвов протяженностью от 20 до 60 км, вскрыта вся аэродромная сеть с базирующейся на нее авиацией, сфотографированы все переправы на р. Висле от Модлина до Влоцлавека. «Помимо этого, воздушная разведка изучала и фотографировала территорию противника с целью выявить те ее участки, которые хоть мало-мальски пригодны для использования под временные взлетно-посадочные площадки»[49], — вспоминал бывший в то время командиром 3-го истребительного авиационного корпуса 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта генерал-майор Е. Я. Савицкий.

Ближняя авиационная разведка (Як-9 и Ил-2) систематически следила за поведением противника на Висленском рубеже и добытыми сведениями помогла вскрыть истинную его группировку. В частности, бесспорной заслугой ближней авиаразведки является выявление применения противником в целях дезинформации макетов орудий на огневых позициях артиллерии и макетов танков для создания сосредоточения ложных танковых группировок. Менее эффективно действовали дальние разведчики. Летая на высотах не ниже 4 тыс. метров, они не могли визуально наблюдать все происходившее на коммуникациях и в районах предполагаемого сосредоточения резервов противника. Их данные имели ценность в тех случаях, когда они фотографировали отдельные участки своих маршрутов.

Авиаразведка являлась одним из основных видов разведки. На опыте не только этой операции, но и всей Великой Отечественной войны прослеживается огромная роль аэрофотографирования. В конце войны стало очевидным, что без него невозможно было изучить все особенности позиционной обороны противника. Фотосхемы стали основным документом для изучения всей системы и характера обороны. Тем не менее доминирующее значение оставалось за разведкой общевойсковых частей и соединений. Сведения, добытые ею, являлись наиболее достоверными. Поэтому данные других видов разведки, не подкрепленные показаниями пленных или личным наблюдением разведчиков, не являлись вполне подтвержденными и достоверными. Пленные или личное наблюдение разведчиков в глубине обороны противника являлись венцом разведывательной деятельности.

Немецкая оборона напротив наших плацдармов на р. Висле имела повышенную плотность стрелкового огня, минно-взрывных, проволочных и других заграждений. Несмотря на это войсковые разведчики со своими задачами справились хорошо. «На магнушевском плацдарме... установилось более тесное, чем раньше взаимодействие инженерной разведки с общевойсковой»[50]. Саперы проделывали проходы в минных полях для ушедших на поиски разведывательных групп и оставались там, ожидая возвращения разведчиков. В данной операции они широко применяли ночные поиски, засады, реже — дневные налеты и действия разведывательных групп в тылу врага. Всего в подготовительный период было проведено 506 поисков и засад, 12 вылазок в тыл противника, 14 дневных налетов, три поиска с подкопами, 22 разведки боем. Были захвачены 78 пленных и 38 документов.

В результате работы войсковой разведки в подготовительный период была детально изучена вся группировка противника на Висленском рубеже. К началу наступления штабы всех степеней имели достаточно полные данные о построении боевых порядков дивизий

противника, оборонявшихся в первом эшелоне. Были точно установлены стыки дивизий, полков и батальонов, а на пулавском плацдарме даже стыки между ротами. Войсковая разведка вместе с инженерной разведкой установила истинное начертание переднего края и частично в глубине. Во взаимодействии с артиллерийской разведкой была вскрыта система огня противника. К примеру, начальник разведки 1643-го артиллерийского полка старший лейтенант Г. П. Марченко с разведывательной группой захватил языка — немецкого обер-лейтенанта, который сообщил ценные сведения, использованные при планировании действий артиллерии в предстоящей операции[51]. Таким образом, наблюдением и поисками было выявлено на направлении главного удара: 1480 огневых точек, 245 закрытых огневых точек (типа ДЗОТ), 406 блиндажей, 154 наблюдательных пунктов.

Для достижения наибольших результатов в разведке группировки артиллерии противника 90% всех средств нашей артиллерийской разведки было использовано на направлении главного удара. В результате полуторамесячной работы артиллерийской разведки в полосе прорыва было выявлено и точно определено на местности: 260 артиллерийских батарей, 170 минометных батарей, 108 отдельных орудий ПА и ПТО, 57 зенитных батарей. Кроме того, система артиллерийского наблюдения в значительной мере содействовала изучению переднего края противника, вскрытию системы противопехотных и противотанковых препятствий и прочего, то есть всего того, без чего невозможно организовать общевойсковой бой.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны происходило умелое сочетание и дополнение друг друга всеми видами разведки. В этих условиях приобрели первостепенное значение анализ и глубокое изучение всех добытых данных, которые осуществлялись информационными подразделениями разведывательных отделов штабов фронтов. Нельзя было игнорировать или оставлять без достаточного анализа ни одного факта, поскольку подчас, казалось бы, весьма незначительные факты помогали вскрытию серьезных мероприятий противника, имевших нередко оперативное значение. Вдумчивая и кропотливая работа офицеров-информаторов помогла решить эту задачу. Были вскрыты ложные танковые группировки, целью которых являлось создание преувеличенного представления о силах противника, и исключена возможность нанесения ударов советской авиацией по ложным целям. Так, в ходе Висло-Одерской операции были захвачены приказ штаба 40-го танкового корпуса об организации отрядов танков-макетов и инструкция по их применению, чем окончательно подтвержден вывод информационной службы.

Кроме того, разведотделом штаба 1-го Белорусского фронта была установлена попытка неприятеля ввести в заблуждение советское командование относительно размещения и истинного количества средств артиллерии обороняющихся войск. Оказалось, что выявленное нашей артиллерийской разведкой количество батарей противника превышало их возможное количество на 30%. Командование войск фронта приняло решение на проведение артподготовки по артиллерийским объектам, вызывавшим сомнение, которая оказалась очень эффективной. «После всестороннего анализа обстановки и обсуждения всех за и против с командующими и начальниками родов войск было решено непосредственно перед генеральной атакой провести сильную боевую разведку, поддержав ее мощным 30-минутным артиллерийским огнем»[52]. Последующее обследование позиций противника специальной комиссией штаба фронта подтвердило выводы информационного отделения, что не менее 30% огневых позиций артиллерии оказались ложными, но весьма искусно оборудованными.

Советская военная разведка в период подготовки к операциям завершающего этапа войны проделала большую работу по обеспечению штабов и войск материалами справочного характера, характеризующими противника и его оборону. Как свидетельствовал Маршал Советского Союза И. С. Конев: «На всем участке будущего прорыва для каждого командира батареи и командира роты были изготовлены специальные карты-бланковки с нанесенными на них разведывательными данными о противнике. Карта-бланковка — это копия с карты, но только с целым рядом дополнительных деталей. Теперь на каждую такую бланковку были нанесены все инженерные укрепления противника, вся его система огня, все объекты атаки на данном участке»[53].

Войскам рассылались подробные характеристики немецких дивизий, занимавших оборонительные рубежи, схемы оборонительных рубежей на всю глубину операции, карты действующих аэродромов и аэродромной сети на территории предстоявших действий. Военными топографами отпечатывались десятки тысяч листов с данными аэрофотосъемки и разведывательных схем с обобщенными данными. При их рассылке соблюдался следующий порядок: данные первого фотографирования рассылались до штабов полков и артиллерийских дивизионов; повторные снимки — до командиров батальонов, танковых полков, артиллерийских дивизионов. Так, за 10 дней до начала Висло-Одерской операции были отпечатаны разведанные схемы масштаба 1:25 000 и 1:50 000 и доведены до командиров рот и батарей. Эти схемы в течение 10 дней, предшествовавших операции, проверялись, уточнялись командирским наблюдением, а также артиллерийской и боевой разведкой и являлись важными документами для организации боя при прорыве Висленского оборонительного рубежа.

К началу Висло-Одерской операции было установлено, что 9-я немецкая армия имела восемь пехотных, две танковые, одну моторизованную дивизии, 4–5 бригад штурмовых орудий, 21 артиллерийский дивизион РГК, пять противотанковых дивизионов РГК, два минометных полка. Ее поддерживали 500–600 самолетов. Первый армейский эшелон, занимавший главную полосу обороны протяженностью 230 км, состоял из семи пехотных дивизий и 17 отдельных батальонов. Второй оперативный эшелон (резерв армии) состоял из четырех дивизий. Основные резервы — три дивизии — находились в районе Радома. Эшелонирование войск 9-й армии не было достаточно глубоким. Войсками занимался только первый оборонительный рубеж, причем дивизии располагались на нем, имея все полки в одну линию.

С началом операций разведывательные отделы фронта и армий продолжали ведение разведки. Необходимо было установить время и направление ввода в бой оперативных резервов, определить, заняты ли войсками отсечные позиции, а также следить за подходом резервов из глубины. Эти задачи планировалось выполнять силами агентурной разведки, авиации, радиоразведки и войсковой разведки. Средства разведки нацеливались на конкретные объекты, вплоть до того, что каждая разведывательная авиационная эскадрилья имела свой определенный квадрат разведки, за которым должна была непрерывно следить. Аналогично планировалось использование средств войсковой разведки, особенно разведгрупп для действий в тылу противника.

Разведывательные действия при проведении Маньчжурской стратегической наступательной операции (9 августа — 2 сентября 1945 г.) имели свои особенности. Необходимость строгого соблюдения пограничного режима лишала наши войска возможности использовать такие средства и способы разведки, как артиллерийская инструментальная разведка, аэрофотографирование и, что особенно важно, полностью исключала проведение разведки боем силами разведывательных групп, взводов, отрядов и рот. По существу, во фронтах использовались агентурные данные Центра, результаты радиоразведки и сведения, полученные от средств наземного визуального наблюдения. Только в полосе предстоящего наступления 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта было организовано 576 наблюдательных пунктов, с которых территория противника просматривалась на глубину не более 6 км. В 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта каждый стрелковый полк первого эшелона имел по 20 наблюдательных пунктов.

Штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке по прибытии в Читу организовал широкую сеть радиоперехвата. Радиоразведка работала в штабах Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и в штабах Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. С целью детального изучения оборонительных сооружений противника проводилось фотографирование приграничной полосы с самолетов без нарушения границ Маньчжурии и Кореи. Аэрофотографирование дало возможность полностью уточнить укрепления японцев в глубине их обороны. К началу операции все офицеры, до командиров рот включительно, получили карты с нанесенными оборонительными сооружениями японцев. Большую помощь войскам по изучению противостоящего неприятеля оказывали

пограничники. Разведывательными отделами фронтов подготавливались разведгруппы и отряды, которые должны были действовать с началом наступления войск фронтов.

В ночь на 9 августа 1945 г. передовые и разведывательные отряды трех фронтов перешли государственную границу и устремились на территорию, занятую японскими войсками. Вместе с ними вышли на вражескую территорию и специально сформированные и подготовленные отряды нападения пограничных войск, которые скрытно выходили к опорным пунктам и гарнизонам противника, а затем внезапными ударами ликвидировали их. Например, стремительному продвижению соединений 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта способствовала воздушная разведка. Разведывательные самолеты фотографировали не только важнейшие оперативные и стратегические объекты в глубине японской обороны, но и основные маршруты движения танковой армии. Полученные от летчиков данные уточнялись разведывательными подразделениями, высылавшимися вперед от каждого корпуса первого эшелона. Особенность действий разведчиков состояла в том, что наряду с выполнением основных разведывательных задач они захватывали важные объекты, расположенные в глубоком тылу, и удерживали их до подхода передовых отрядов или главных сил танковой армии. Такие действия существенно повышали темпы продвижения наших войск.

Для ускорения разоружения и пленения войск Квантунской группировки, а также с целью предотвратить возможные разрушения промышленных предприятий, не допустить вывоза и уничтожения материальных ценностей по приказу главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского были созданы специальные подвижные отряды, воздушные и морские десанты. Они были направлены в центральные города Маньчжурии, Ляодунского полуострова, Северной Кореи, на Южный Сахалин и Курильские острова. Самое активное участие в этих акциях приняли разведывательные подразделения фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

Видя бесцельность дальнейшего сопротивления, командующий Квантунской группировкой 17 августа отдал приказ своим войскам о прекращении военных действий и сдаче оружия соединениям и частям Красной армии. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской группировки, армии Маньчжоу-Го, войск Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группы, а также освобождение Маньчжурии, Ляодунского полуострова и Северной Кореи до 38-й параллели. Несколькими днями ранее комбинированным наступлением с суши и моря при поддержке авиации частью сил 2-го Дальневосточного фронта совместно с Тихоокеанским флотом были освобождены Курильские острова и Южный Сахалин. В 9 часов 4 минуты 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, состоялась церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии. С советской стороны его подписал представитель Главного разведывательного управления Красной армии генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

Вторая мировая война, длившаяся 2194 дня (шесть лет) завершилась победой стран антигитлеровской коалиции. Решающий вклад в разгром фашистского блока внес Советский Союз. Он стал главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынес на своих плечах основную тяжесть войны и сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии. Из пяти периодов Второй мировой войны в четырех (22 июня 1941 — 2 сентября 1945 г.) важнейшие события происходили на советско-германском фронте. Именно на советско-германском фронте решалась судьба Второй мировой войны, здесь были разгромлены основные силы фашистского блока.

Неоценимый вклад в достижение исторической победы над врагом внесли и органы военной разведки (стратегической, оперативной, тактической). Советская военная разведка вполне успешно решала стоявшие перед ней сложные и большие задачи. Прежде всего, она точно определила состав государств фашистской коалиции, а также предоставила данные о силах и средствах, которые могли быть использованы для нападения на СССР, об их группировке, стратегическом сосредоточении и развертывании, сроках возможного нападения гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз. В ходе войны советская разведка давала достаточно полные сведения о составе сил противника, действовавших на советско-германском фронте.

Военная разведка в годы войны оперативно обнаруживала новые технические средства борьбы, которые применялись противником на советско-германском фронте, давала данные о направлении научно-исследовательских работ в области создания новой техники, своевременно раскрывала организационные изменения, происходившие в войсках противника. Стратегическая разведка внимательно следила за составом и численностью вооруженных сил Японии и Турции — государств, занимавших в отношении СССР политику недружественного нейтралитета, чтобы предупредить всякого рода неожиданности, могущие возникнуть на южных и дальневосточных границах СССР.

Таким образом, все виды разведки являлись одним из важнейших инструментов, обеспечивавших подготовку, планирование и осуществление операций, проводимых Вооруженными силами Советского Союза, и предопределивших победу Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками, а также милитаристской Японией.

Продовольственное обеспечение фронта и тыла в годы войны

Начавшаяся война потребовала серьезной реорганизации продовольственного снабжения действующей армии и флота. Изменения в службе продовольственного снабжения в годы войны производились постоянно. За период Великой Отечественной войны было издано около 100 приказов Народного комиссариата обороны по продовольственному и фуражному снабжению войск, из них почти половина (42 приказа) пришлась на 1942 г., когда система обеспечения фронта продовольствием практически окончательно сложилась.

Продовольственное снабжение Красной армии в годы войны можно разделить на три этапа. Первый, начальный этап, охватывает период с начала войны до середины 1942 г. Продовольственное обеспечение войск фронтов в период стратегической обороны в основном базировалось на использовании разбронированных мобилизационных запасов на базах Госрезерва, Народного комиссариата заготовок и созданных к началу войны запасов на продовольственных складах приграничных военных округов. В этот период войны основное внимание уделялось не подвозу фронтам продовольствия, а своевременной эвакуации его из тыловых районов армий и фронтов в глубь страны.

Во второй период войны, с ноября 1942 по июнь 1943 г., во время Сталинградской и Курской битв, главной задачей продовольственного снабжения Красной армии было максимально приблизить запасы продовольствия к войскам. В армиях содержались 15-суточные запасы. Армейские запасы продовольствия размещались в три эшелона, что создавало благоприятные условия для маневра ими в ходе наступательной операции.

На третьем этапе войны, начиная со второго полугодия 1943 г. и до конца войны, основными источниками снабжения для большинства южных и центральных фронтов стали местные продовольственные ресурсы. Всего за 1943 г. сельскохозяйственный год силами войск действующей армии, внутренних военных округов и аппаратом Главного управления продовольственного снабжения Красной армии было заготовлено 4,7 млн тонн зерна, картофеля и овощей, а вместе с сеном и продукцией подсобных хозяйств — около 7 млн тонн продовольствия и фуража.

По мере успешного продвижения советских войск на запад излишки продовольствия, оставленного войсками фронтов в их тыловых районах, передавались военным округам, гражданским организациям, совхозам и колхозам. Таким образом, заготовительные органы фронтов оказали существенную помощь в восстановлении разрушенного гитлеровцами народного хозяйства в прифронтовых районах нашей страны.

В период Великой Отечественной войны служба тыла успешно справилась с бесперебойным снабжением войск фронтов продовольствием и фуражом. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Красной армии за годы войны составил

около 40 млн тонн. Только из местных ресурсов было заготовлено и обращено на довольствие войск свыше 20 млн тонн продовольствия.

Война кардинально изменила существовавшую систему организации продовольственного снабжения населения страны. Свободная торговля была заменена нормированным снабжением товарами городского населения: вводились специальные карточки на основные продукты питания (хлеб, хлебобулочные изделия, мука, крупа, макароны, сахар, кондитерские изделия, жиры) и непродовольственные товары (ткани, швейные изделия, трикотажные товары, чулочно-носочные изделия, кожаная и резиновая обувь, мыло). Первые карточки вводились в Москве, Ленинграде и отдельных городах и пригородных зонах Московской и Ленинградской областей в соответствии с постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. В регионах карточная система на хлеб, сахар, кондитерские изделия вводилась с сентября 1941 г., с ноября 1941 г. — на другие продукты питания[54].

За годы войны карточная система была введена в 113 городах. В городах, где карточки не вводились, осуществлялось гарантированное снабжение продуктами по установленным нормам работников оборонных предприятий и транспорта. Другие группы населения крупных городов снабжались из централизованных фондов, исходя из расчетных норм на соответствующий контингент населения, которые определялись в зависимости от состояния ресурсов. В первую очередь продуктами, отпускавшимися по расчетным нормам, обеспечивались предприятия общественного питания. Расчетные нормы не могли превышать нормы снабжения по карточкам. Снабжение продовольствием жителей сельской местности, не связанных с сельскохозяйственным производством, в том числе эвакуированных из городов, осуществлялось по талонам и спискам. Особый порядок снабжения был установлен для социально-бытовых и культурных учреждений и организаций: для них существовали специальные нормы государственного снабжения, согласованные с органами здравоохранения и просвещения, с учетом количества имеющихся ресурсов. Для работников железнодорожного и речного транспорта и связи выпускались специальные транспортные карточки, по которым продажа продукции производилась в любом населенном пункте страны[55].

Количество населения, состоявшего на нормированном снабжении хлебом, ежегодно росло. В связи с перебазированием промышленности и увеличением населения городов в восточных районах в 1942 г. на государственном нормированном снабжении хлебом находились 61,7 млн человек, в 1945 г. — 80,6 млн[56]. Нормы снабжения устанавливались в зависимости от количества ресурсов, характера выполняемой работы, возраста и других факторов, а также дифференцировались по четырем группам с учетом значения выполняемой работы для обороны страны: первая группа — рабочие и приравненные к ним лица (инженерно-технические работники промышленных предприятий, работники связи и транспорта, учителя, работники науки, искусства и литературы, медицинские работники, доноры и другие); вторая — служащие и приравненные к ним; третья — иждивенцы и приравненные к ним; четвертая — дети до 12 лет[57].

Снабжение хлебом, сахаром, кондитерскими изделиями производилось по двум категориям: к первой категории относились работники оборонной, угольной, нефтяной, резиновой, химической, цементной, металлургической, машиностроительной и ряда других отраслей тяжелой промышленности, а также транспорта, строек оборонной промышленности; ко второй — рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства и городское население[58].

В зависимости от экономической ситуации нормы снабжения хлебом и сахаром менялись. Осенью 1941 — весной 1942 г. в связи с оккупацией гитлеровцами основных свекловодческих районов были снижены нормы снабжения сахаром и кондитерскими изделиями. Осенью 1943 г., когда потребовалось организовать снабжение населения районов, освобожденных от оккупации, нормы снабжения хлебом были снижены на 100 граммов. Для рабочих ряда профессий в отдельных отраслях народного хозяйства были установлены более высокие нормы выдачи хлеба — от 650 граммов до 1 кг в день. По килограмму хлеба в день получали рабочие и инженерно-технические работники, занятые на подземных работах, в горячих и вредных цехах[59].

По мясным и рыбным продуктам, крупам, макаронным изделиям, сырам более высокие нормы были введены для рабочих и инженерно-технических работников важнейших предприятий, отнесенных к особому списку; еще более высокие нормы, так называемые повышенные и особо повышенные, действовали для подземных рабочих в угольной промышленности, литейщиков, стекловаров и других. Особо повышенные нормы на мясные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия были в 2,5 раза выше обычных норм снабжения рабочих по карточкам.

В ходе войны на повышенные нормы и нормы первой категории снабжения хлебом и другими продовольственными товарами переводилось все большее количество рабочих и инженерно-технических работников. Удельный вес рабочих, снабжаемых по обычным нормам, сократился с 71,5% всех рабочих в третьем квартале 1942 г. до 29% в четвертом квартале. Увеличился контингент рабочих, снабжаемых по нормам особого списка, с 28,5 до 68%. Вырос контингент служащих, снабжаемых по нормам рабочих за счет инженерно-технических работников комбинатов и трестов, а также работников ОРСов (Отделов рабочего снабжения).

При планировании снабжения населения особое внимание обращалось на важнейшие промышленные центры. Приказом Наркомторга СССР от 23 октября 1942 г. предписывалось, что план снабжения населения по всем областям, краям и республикам при всех условиях должен обеспечивать первоочередность отгрузки товаров в основные промышленные районы страны. Так, на Урале процент рабочих, снабжавшихся по повышенным нормам и нормам первой категории, был выше, чем в целом по СССР. В отдельных отраслях промышленности в целях стимулирования производительности труда и ускорения работ снабжение дифференцировалось в зависимости от выработки. Так, например, рабочие рыбной (в период массового лова и уборки рыбы), лесной (при заготовках и вывозке древесины), торфяной (на заготовках и сушке торфа) промышленности, перевыполнявшие нормы выработки, получали в день хлеба на 100 граммов больше, а не выполнявшие норму выработки — на 100 граммов меньше установленной нормы. Принцип дифференцированного распределения воплощался также в установлении специальных повышенных норм снабжения в виде дополнительного питания для беременных женщин, кормящих матерей, доноров, больных[60]. Обеспечивалось дополнительное питание детей в городах и рабочих поселках[61].

По непродовольственным товарам не устанавливались четкие нормы отпуска товаров. Каждой категории снабжаемого населения предназначалось определенное количество товаров широкого потребления, выраженное в условных единицах — купонах. Для рабочих и инженерно-технических работников предусматривалось 125 купонов, для служащих — 100 купонов, для иждивенцев, детей и учащихся — 80 купонов. При покупке пары обуви для взрослых нужно было сдать 30 купонов, за пальто — 30 купонов, за хлопчатобумажное платье — 35 купонов. В районах Крайнего Севера карточки на непродовольственные товары выдавались с двойным количеством купонов. За годы войны нормированное снабжение промышленными товарами охватило 60 млн человек. К концу войны продажа промышленных товаров жителям городов стала осуществляться по специальным ордерам. Сельское население снабжала промышленными товарами потребительская кооперация, реализуя выделяемые ей централизованные фонды через сеть своих магазинов[62].

В течение всей войны правительство обеспечивало сохранение стабильно низких цен на продовольствие и промышленные товары, а также довоенные тарифы на коммунальные услуги и транспорт. Государственные розничные цены повысились лишь на алкогольные напитки и табачные изделия. Также в стране существовали «пайковые цены», цены колхозного рынка и коммерческой торговли. Множество цен и ограничение продажи товаров вело к ослаблению роли денег в народном хозяйстве.

Введение карточной системы изменило организацию работы торговой сети. В деятельности Наркомторга СССР и его органов на местах появились новые функции: мобилизация продовольственных ресурсов, строжайший контроль над их использованием, планирование и учет снабжаемых контингентов, разработка норм снабжения продовольствием, введение закрытых форм торговли.

Погрузка продовольствия на советскую подводную лодку в Полярном

В июне 1942 г. в составе Наркомторга СССР был организован специальный отдел по учету и контролю контингентов населения, снабжавшегося нормированными товарами[63]. Его важнейшими задачами являлись: организация и осуществление систематического контроля над правильностью исчисления контингентов населения, соблюдением установленных норм снабжения, правильностью выдачи, учета и хранения карточек, расходованием фондов нормированных товаров, а также разработка проектов дифференцированных норм снабжения продовольственными и непродовольственными товарами, установление порядка снабжения населения нормированными товарами и разработка документации по карточному снабжению.

Контингенты централизованного снабжения планировались Госпланом СССР на основе плана по труду. На местах фонды выделялись на фактический контингент по количеству выданных карточек на начало месяца. В структуре Наркомторга было образовано специальное Управление по карточному снабжению, руководившее аппаратом, созданным на местах для выдачи карточек. Управление осуществляло контроль правильности выдачи карточек и товаров по карточкам.

Наркомторг СССР разрабатывал бланки карточек. Отпечатанные карточки хранились и учитывались наравне с денежными знаками. Для выдачи карточек были организованы бюро продовольственных и промтоварных карточек при совнаркомах республик, областных, краевых, городских, районных советах депутатов трудящихся. На территории РСФСР на конец 1945 г. работало 1779 карточных бюро с фактическим штатом 8749 человек[64].

Продовольственные и промтоварные карточки выдавались по месту работы, в домоуправлениях, воинских частях и непосредственно в городских и районных карточных бюро. Выдача карточек осуществлялась следующим образом: на местах составлялись списки, которые тщательно проверялись руководством предприятия, учреждения, домоуправления, затем эти списки, составленные по соответствующей форме, представлялись в районное карточное бюро, которое на их основе выдавало соответствующие карточки. Продовольственные карточки печатались на одном бланке вместе со стандартной справкой и контрольным талоном к справке. При получении карточки ее владелец расписывался на контрольном талоне, затем талон вырезался из карточки, оставался у организации, выдавшей карточку, и служил формой отчета местного карточного бюро перед вышестоящим начальством. Карточка и справка выдавались на руки. Получив карточку, владелец отрезал от нее стандартную справку, заполнял ее, заверял в домоуправлении и к определенному сроку сдавал в местное карточное бюро для получения карточек на следующий месяц. Карточки на промышленные товары выдавались на основании общей стандартной справки, печатавшейся вместе с продовольственными карточками.

Наряду с карточками существовали так называемые лимитные, заборные продуктовые и промтоварные книжки, которые выдавались ответственным работникам партийного и государственного аппарата. Трудящимся помимо промтоварных карточек по мере возможности выдавались ордера главным образом на готовые изделия: обувь, костюмы, пальто. В 1941 г. печаталось 12 видов карточек, в 1942 г. — 51 разновидность, в 1944 г. — в среднем 100–135 разных видов карточек и талонов[65]. Сложная система оформления и получения карточек давала возможность в максимальной степени избежать различных злоупотреблений, своевременно реагировать на изменения в положении населения, требующие, в свою очередь, регулирования системы нормирования снабжения.

В целях обеспечения преимущественного снабжения рабочих и подчинения дела продовольственного снабжения производству 19 февраля 1942 г. СНК принял постановление о создании отделов рабочего снабжения при важнейших предприятиях страны[66]. ОРСы были созданы в 60 отраслях народного хозяйства: в 1942 г. работало 1986 ОРСов, в 1944 г. — более 4 тыс., а к концу войны — более 7600[67]. Они обслуживали 46% населения, находившегося на нормированном снабжении.

Отделы рабочего снабжения являлись хозрасчетными организациями государственной торговли, имели собственные основные и оборотные средства, выделяемые им предпри-

ятиями и наркоматами в соответствии с утвержденными финансовыми планами, а также пользовались кредитом в Госбанке на общих основаниях, установленных для кредитования торгующих организаций. ОРСы осуществляли продажу товаров, выделяемых государством из централизованных фондов, продукции, поступавшей из созданных ими подсобных хозяйств, а также закупленной за счет децентрализованных заготовок.

Деятельность ОРСов была направлена на решение двух основных задач: продажу товаров по карточкам рабочим, инженерно-техническим работникам, служащим предприятий и членам их семей и создание подсобных хозяйств для обеспечения дополнительного снабжения рабочих. ОРС был обязан довести полученные от государства фонды товаров именно до тех потребителей, которым эти фонды предназначались, поэтому магазины и столовые ОРСа были закрытыми для не работающих на данном предприятии, продажа нормированных товаров осуществлялась по карточкам, а ненормированных дефицитных товаров — по заборным книжкам, с отметкой в них о количестве полученного товара. Заборные книжки были именными и номерными. ОРСы приспосабливали деятельность своей сети — розничной и общественного питания — к режиму работы рабочих и служащих, которых они обслуживали.

Руководство ОРСом осуществлял начальник, являвшийся одновременно заместителем директора предприятия по рабочему снабжению. Управление осуществлялось в соответствии с утвержденными планами, распоряжениями директора предприятия и директивами Главного управления по рабочему снабжению соответствующего наркомата. ОРСы предприятий находились в двойном подчинении — директору предприятия и Главному управлению рабочего снабжения соответствующего наркомата.

Наряду с ОРСами в промышленных центрах страны создавались и функционировали продснабы — конторы продовольственного снабжения рабочих и служащих в отдельных отраслях народного хозяйства. Они, как и отделы рабочего снабжения, имели сеть магазинов, столовых и других предприятий. Продснабы вели торговлю только продовольственными товарами, полученными из государственного фонда, подчинялись непосредственно вышестоящей организации — тресту и Наркомторгу.

Ведущая роль в системе продовольственного снабжения принадлежала главурсам шести наркоматов: черной металлургии, угольной, нефтяной, химической промышленности, среднего машиностроения и путей сообщения. На начало 1945 г. доля ОРСов этих наркоматов в розничном товарообороте составила 32,7%, на оставшиеся 54 наркомата и ведомства, в которых существовали ОРСы, приходилось 67,3% розничного товарооборота ОРСов. В 1944–1945 гг. увеличение объема розничного товарооборота происходило не только за счет дальнейшего расширения системы ОРСов, но и за счет роста централизованных фондов, выделяемых для рабочего снабжения, а также за счет вовлечения в товарооборот децентрализованных ресурсов продовольствия и промышленных товаров широкого потребления.

В годы Великой Отечественной войны существенно возросли роль и значение общественного питания. В начале 1941 г. доля столовых в общем числе предприятий питания СССР составляла 49,7%, к концу 1942 г. она увеличилась до 59,1%, а к концу 1944 г. — до 76,9%. В 1944 г. услугами общественного питания пользовались около 25 млн человек, что более чем в два раза превышало довоенный уровень[68]. Изменилась структура сети общественного питания — центральное место заняли столовые. Одновременно сокращалась доля буфетов и закусочных. В сети ОРСов и продснабов доля столовых возросла с 65,5% в 1941 г. до 83,5% в 1945 г.[69] На крупных предприятиях открывались дополнительные цеховые столовые и буфеты для круглосуточного обслуживания рабочих.

СНК СССР в постановлении от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий»[70] предоставил право директорам промышленных предприятий устанавливать преимущественный порядок снабжения для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Им в первую очередь отпускались продовольственные (кроме хлеба) и промышленные товары, выдавалось дополнительное горячее питание за счет ресурсов подсобных хозяйств без

зачета в норму, установленную по карточкам, производился дополнительный отпуск сверх установленных норм по продовольственным карточкам картофеля, овощей, яиц, молока и других продуктов. Постановлением предусматривались меры наказания для нарушителей трудовой дисциплины. Работникам, совершившим прогул, хлеб отпускался по пониженным нормам: на 200 граммов на предприятиях, где норма отпуска хлеба составляла 600 граммов и более, и на 100 граммов — на остальных предприятиях. Введение таких строгих мер оказало существенное влияние на сокращение количества прогулов и других нарушений трудовой дисциплины.

Введение различных видов дополнительного питания (второе горячее питание, усиленное диетическое питание, стахановские обеды, спецпитание, холодные завтраки) стимулировало рост производительности труда, закрепление рабочей силы на предприятиях. В некоторых отраслях промышленности дополнительным питанием пользовались до 60% всех рабочих[71]. Второе горячее питание получали рабочие, занятые на тяжелых работах, и имевшие удлиненный рабочий день. Термин «второе горячее» возник в связи с тем, что обеды, отпускавшиеся в фабрично-заводских столовых и буфетах, как правило с зачетом купонов продовольственных карточек, на предприятиях называли первым горячим питанием, а дополнительное, сверх норм, установленных по карточкам, — вторым. Для второго горячего питания правительством разрешалось расходовать в день на человека 50 граммов мяса (рыбы), 50 граммов крупы и 10 граммов жиров. Картофель и овощи добавлялись по наличию. Ко второму горячему питанию работникам отдельных предприятий отпускался дополнительно (сверх карточек) и хлеб по 100 или 200 граммов на человека. Второе горячее питание начали вводить в мае 1942 г., и к концу года его получали около 1 млн человек, к концу 1943 г. — почти 3 млн, а к концу войны — 6 млн[72]. Для работающих в особо вредных условиях на предприятиях химической, оборонной промышленности, цветной металлургии и некоторых других отраслей в рабочие дни было введено специальное питание. Оно отпускалось в заводских столовых сверх карточек и включало белый хлеб, сливочное масло, мясо, рыбу, крупу, сахар, овощи, картофель.

Организация различных видов дополнительного питания способствовала лучшему продовольственному снабжению работников ведущих отраслей промышленности. Так, в танковой промышленности второе горячее питание получали более 66% всех рабочих, 20% пользовались усиленным диетическим питанием и почти столько же рабочих получали по 100 граммов хлеба в день в дополнение к карточной норме. В угольной промышленности более 40% рабочих получали второе горячее питание и более 30% — холодные завтраки. В легкой промышленности второе горячее питание получали 40% рабочих, в текстильной — 25%[73]. В нефтяной промышленности в 1943–1945 гг. количество работников, пользующихся вторым горячим питанием, увеличилось в 6,3 раза, усиленным и диетическим питанием — в 2,4 раза[74].

Распоряжением от 3 февраля 1943 г. правительство обязало главурсы наркоматов организовать специальные столовые для усиленного и диетического питания работников сроком до 3–4 недель. В 1943 г. лимиты ежедневного отпуска усиленного и диетического питания составляли 200 тыс. обедов. Максимальное количество обедов получали НКПС и НК авиапрома — по 25 тыс., по 10 тыс. обедов ежедневно отпускалось наркоматам угольной промышленности, черной и цветной металлургии.

В годы войны происходили значительные изменения в структуре питания населения. Основными продуктами являлись хлеб, картофель, овощи и частично мясные и рыбные продукты. В первый период войны калорийность питания городского населения снизилась с 3370 калорий до войны до 2555 калорий в 1942 г., то есть на 24%. Во второй период войны калорийность поднялась до 2750 калорий в 1943 г. и 2810 калорий в 1944 г.

В 1943 г. потребление хлеба и муки составило 96% довоенного уровня, в 1944 г. — 83,5%. Потребление крупы и бобовых, составлявшее в 1942 г. 73% довоенного уровня, в 1944 г. возросло до 114%. Потребление картофеля уже в 1942 г. превышало довоенный уровень на 31,6%, в 1944 г. — в 2,3 раза[75]. Потребление молока и молочных продуктов до конца вой-

ны не достигло довоенного показателя (в 1944 г. 69,5% от уровня 1940 г.). Возросло потребление мяса и мясопродуктов — с 42,1% довоенного уровня до 59,5%. Потребление сахара и кондитерских изделий составляло в 1944 г. лишь 22,4% уровня 1940 г. В целом потребление продуктов растительного происхождения (кроме сахара) сократилось значительно меньше, чем продуктов животного происхождения.

Сужение ассортимента продовольственных товаров, а по некоторым товарам ухудшение качества отражалось на их пищевой ценности, поэтому большое внимание уделялось витаминизации пищи. В 1944 г. через предприятия общественного питания население получило более 4,3 млрд человеко-доз витаминов[76]. В рационе питания наблюдалась острая нехватка белков, с целью их восполнения подсобные предприятия ОРСов наладили производство белковых дрожжей.

Подсобные хозяйства создавались в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г., которое установило порядок выделения земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих[77]. Для организации подсобных сельскохозяйственных предприятий и огородов рабочих и служащих выделялись пустующие земельные участки в городах и поселках, а также свободные земли государственного фонда, расположенные вокруг городов и населенных пунктов. При отсутствии свободных участков промышленным предприятиям разрешалось с согласия колхозов временное использование под посевы пустующих земель. Кроме того, в ведение промышленных наркоматов было передано 550 совхозов и ферм.

При ОРСах промышленных и транспортных предприятий было создано около 30 тыс. подсобных хозяйств. Посевная площадь увеличилась с 1366 тыс. га в 1940 г. до 3104 тыс. га в 1943 г., то есть в 2,3 раза. Поголовье крупного рогатого скота за этот период увеличилось в 1,5 раза и составило в 1943 г. 904 тыс. голов[78]. Посевная площадь подсобных хозяйств Наркомторга составила в 1944 г. 175,9 тыс. га, что на 55,9 тыс. га превышало посевы 1942 г. В подсобных хозяйствах Наркомторга в 1943 г. был организован откорм 200 тыс. голов свиней, выращено около 1 млн тонн овощей и картофеля и до 0,5 млн тонн зерновых культур. Небольшие подсобные хозяйства создавались в системе потребительской кооперации. За 1944–1945 гг. подсобные хозяйства системы Центросоюза получили более 178 тыс. тонн картофеля, 83 тыс. тонн овощей, 21,5 тыс. тонн молока, 5,5 тыс. тонн мяса и птицы, 1,6 млн яиц[79].

Промышленные предприятия оказывали помощь подсобным хозяйствам ОРСов: выделяли транспорт, осуществляли ремонт оборудования, а также на время сева и уборки предоставляли рабочую силу. Заинтересованность организаций в создании собственной продовольственной базы усиливалась установленным порядком распределения продукции. Половина полученного мяса, рыбы и зерна и полностью все остальные продукты (картофель, молоко, яйца и прочее) использовались для улучшения питания рабочих и служащих сверх карточных норм.

Одной из важнейших задач подсобных хозяйств являлось максимальное увеличение производства продукции растениеводства, которая решалась за счет расширения посевных площадей в восточных районах страны. В 1942 г. подсобные хозяйства промышленных наркоматов засеяли около 1 млн га земли, в 1945 г. посевные площади увеличились до 5 млн га. В 1943 г. по сравнению с 1942 г. подсобные хозяйства наркоматов, получивших правительственные задания, увеличили площади под картофелем, овощными и бахчевыми культурами до 27,5% общей площади посевов.

Постановлением СНК СССР от 23 июля 1943 г. подсобные хозяйства по величине и мощности были разделены на шесть групп. Поощрялось развитие хозяйств I–IV групп, то есть более мощных. Такие хозяйства пользовались преимуществами в наделении техникой, семенами, удобрениями. В Главурсе Народного комиссариата среднего машиностроения в 1943 г. преобладали мелкие подсобные хозяйства. Затем их доля сокращалась, и к 1945 г. они составляли 18,4% против 58,4% в 1943 г. Доля крупных хозяйств, напротив, выросла с 41,6% в 1943 г. до 81,6% в 1945 г.

Таблица 1

Структура подсобных хозяйств Главурса Наркомата среднего машиностроения[80]

Группы хозяйств	1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	количество	%	количество	%	количество	%
I	3	3,9	1	1,1	6	7,9
II	6	7,8	14	15,3	12	15,8
III	6	7,8	25	27,2	21	27,6
IV	17	22,1	26	28,2	23	30,3
V	24	31,2	14	15,2	6	7,9
VI	21	27,2	12	13,0	8	10,5
Итого	77	100	92	100	76	100

В 1944 г. на освобожденных территориях организовывались новые подсобные хозяйства, что существенно увеличило посевные площади. В марте 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах развития подсобных хозяйств промышленных предприятий в 1944 году», в котором отмечались значительные успехи, достигнутые подсобными хозяйствами по выращиванию основных сельскохозяйственных культур, а также проводился тщательный анализ недостатков, приведших к снижению урожайности и росту себестоимости продукции. Проанализировав итоги работы подсобных хозяйств промышленных наркоматов в 1943 г., правительство установило для них основные производственные задания на 1944 г. Плановое задание на 1944 г. по расширению посевных площадей было выполнено подсобными хозяйствами на 107%[81].

Значительное внимание в подсобных хозяйствах уделялось животноводству. Разведением и откормом свиней занимались как крупные хозяйства, так и мелкие свинооткормочные пункты при торговых организациях и предприятиях общественного питания. Свинооткормочные пункты составляли 25% всех подсобных хозяйств, организованных при столовых. Наибольших успехов в животноводстве добивались хозяйства, создавшие собственную кормовую базу. Нехватка квалифицированных ветеринарных кадров, плохой уход за животными приводили к значительному падежу скота. Начиная с 1944 г. поголовье крупного рогатого скота значительно превосходило не только плановые задания, но и уровень предыдущих лет. В структуре стада крупного рогатого скота увеличилась доля коров, что приводило к росту молочной продуктивности стада. Сравнительно успешно развивалось в подсобных хозяйствах пчеловодство, увеличивались уловы рыбы.

Доля подсобных хозяйств в снабжении рабочих и служащих промышленных предприятий в 1945 г. составляла до 60% по овощам и 38% по картофелю. С 1944 г. картофель, овощи, молочная продукция, получаемые от подсобных хозяйств после выполнения обязательств перед государством, засыпки семенных фондов и расходов на производственные нужды, использовались полностью для улучшения питания в столовых и буфетах, детских садах и яслях предприятий и учреждений и в норму отпуска по карточкам не засчитывались.

В годы Великой Отечественной войны широкое развитие получило огородничество. К 1945 г. в стране насчитывалось свыше 18 млн огородников[82], собравших с 1626 тыс. га посевных площадей 9552 тыс. тонн картофеля и овощей. Благодаря коллективному и индивидуальному огородничеству городское население получило в 1942—1945 гг. дополнительно более 26 млн тонн картофеля и овощей[83]. Огородничество существовало в двух формах: коллективное и индивидуальное. Продукция как с индивидуального, так и с коллективного огорода шла в полное распоряжение семей огородников. По решению Наркомторга СССР местные торговые организации развернули розничную торговлю огородными семенами, рассадой, минеральными удобрениями и огородным инвентарем. В 1943 г. огородничеством занималось уже 40% городского населения. Доходы рабочих и служащих, полученные ими от индивидуальных и коллективных огородов, освобождались от обложения сельскохозяйственным налогом.

В годы войны в торгующих организациях, ОРСах и продснабах широкое развитие получило производство товаров широкого потребления. По данным Госплана СССР, в 1943 г. подсобные предприятия по производству промышленных товаров системы Наркомторга и Центросоюза изготовили различной продукции на 200 млн рублей, предприятия ОРСов и продснабов произвели предметов широкого потребления на 50 млн[84]. Предприятия ОРСов занимались производством и ремонтом одежды и обуви, валяной обуви, скобяных изделий, культтоваров, детской игрушки, безалкогольных напитков, соли, мыла, используя местное сырье и отходы производства обслуживаемых ими предприятий. Выпуск изделий широкого потребления осуществлялся за счет временно свободных мощностей промышленных предприятий и постоянно действующих мастерских ОРСов. Сеть предприятий производственно-бытового назначения ОРСов постоянно расширялась. Количество предприятий системы Главурса НКПС увеличилось с 479 в 1942 г. до 4662 в 1944 г., Народного комиссариата химической промышленности — соответственно с 90 до 300[85]. Трудности в работе предприятий производственно-бытового назначения были связаны с ограниченностью фондов необходимого сырья и материалов, недостатком помещений и оборудования, дефицитом квалифицированной рабочей силы.

Военно-техническое обеспечение Победы

Боевые действия, которые на протяжении всей Великой Отечественной войны велись на огромных пространствах на земле, в воздухе и на море, характеризовались высокой интенсивностью и участием больших масс войск. Они требовали огромного количества качественного вооружения и боевой техники, которые постоянно совершенствовались и дополнялись новыми образцами вплоть до завершения войны. Обеспечение армии и флота оружием и военной техникой было важнейшим условием достижения победы.

В период между двумя мировыми войнами участвовавшие в них государства готовились к будущей войне, прогнозируя более или менее удачно формы и способы ее ведения, понимая, что способы эти существенно будут зависеть от появления на полях сражений новых технических средств. Массовое применение артиллерии и стрелкового оружия, которое постоянно совершенствовалось путем увеличения дальности стрельбы, повышения мощности боеприпасов и роста скорострельности, использования автотранспорта, боевых кораблей различных классов, сопровождалось появлением принципиально новых боевых средств, в первую очередь танков, авиации и подводных лодок.

Другим новшеством стало внедрение в войска новых технических средств. Для связи стали использоваться телеграф и радио, а в ведении разведки наряду с хорошо зарекомендовавшей себя оптикой нашли применение фотоаппаратуре и радиотехническим приборам, размещаемые как на традиционных подвижных средствах, так и на воздушных носителях. На примере химического оружия выявилась возможность применения на фронтах принципиально новых средств воздействия на противника. Поступавшие в войска новые виды оружия позволяли не только увеличить глубину и интенсивность боевых действий на суше и на море, но и вести их в воздухе и под водой. Возникла потребность не только повышать качество традиционного оружия, но и создавать новые его виды, часть из которых впоследствии отнесли к категории высокотехнологичных.

Для создания таких боевых средств необходимым становилось не только наращивание производственных мощностей, но и вложение крупных средств в проведение научных исследований, создание системы подготовки кадров для грамотной эксплуатации сложной аппаратуры. Ориентированные на войну или просто осознающие военную опасность государства столкнулись с необходимостью поиска направлений, вложения финансовых, материальных, интеллектуальных ресурсов в создание различных традиционных и перспек-

тивных, в том числе нетрадиционных вооружений, выбирая из них наиболее эффективные, соответствующие новым нарождающимся формам и способам ведения боевых действий. Масштабы и сложность оснащения массовых армий соответствующим требованиям времени и в необходимом количестве оружием порождала новые задачи, которые предстояло решать, формируя государственную военно-техническую политику.

Условия, в которых происходила выработка военно-технической политики в ведущих государствах мира, были неодинаковыми. Перед разоренными Первой мировой войной Россией и Германией стояла задача сохранения и восстановления базовых отраслей промышленности для создания оружия и техники, а также формирования условий, необходимых для их развития. При этом Германии предстояло найти пути преодоления жестких ограничений, наложенных на нее Версальским договором. Державы-победительницы, в первую очередь Франция и Великобритания, а также США, укрепляли свою военную мощь, устанавливая приоритеты в соответствии со своими геополитическими интересами. Серьезные усилия по укреплению своего оборонного потенциала прилагали Чехословакия, Италия, Польша, Япония, другие технически развитые государства.

Советской России после завершения Гражданской войны предстояло осуществить перевод вооруженных сил на мирные рельсы и обеспечить безопасность государства, находясь во враждебном окружении в условиях развала экономики, разрухи в промышленности, перестройки государственного управления, обеспечить народное хозяйство материальными ресурсами, научными, инженерными и рабочими кадрами.

Функции военно-хозяйственного планирования и управления первоначально были возложены на Совет труда и обороны (СТО РСФСР, с 1923 г. — СТО СССР), существовавший до 1936 г. В 1936 г. был учрежден Народный комиссариат оборонной промышленности, а в 1938 г. — Военно-промышленная комиссия, которая стала основным рабочим органом при Комитете обороны Совнаркома СССР[86]. В вооруженных силах в 1929 г. была введена должность начальника вооружения Красной армии[87], а в 1936 г. сформировано Главное управление вооружения и технического снабжения РККА[88].

Постепенно в стране складывалась централизованная система управления формирующимся военно-промышленным комплексом[89]. Первым шагом в этом направлении стали инвентаризация вооружений и военной техники и налаживание условий их содержания, поскольку в стране оставался определенный запас стрелкового вооружения, артиллерии, боеприпасов к ним и остаточный производственный потенциал. В распоряжении Красной армии было также ограниченное количество самолетов, бронеавтомобилей и танков, в основном иностранного производства. Большая часть сохранившихся боевых и вспомогательных кораблей требовали профилактики и ремонта.

В 1924—1925 гг. после завершения военной реформы началась целенаправленная работа по коренному техническому перевооружению РККА. Задачи по созданию нового оружия и технических средств решались в рамках планирования и осуществления пятилетних планов. В ходе выполнения первого пятилетнего плана (1927—1932) осуществлялся выпуск модернизированных образцов вооружения и военной техники, закладывались основы авиастроения и танкового производства. Основным направлением технической политики была моторизация и механизация РККА. Выполнение намеченных планов ограничивалось возможностями промышленности. Главным при составлении заданий на вторую пятилетку стало стремление к формированию системы вооружения Красной армии, по крайней мере по видам вооруженных сил. Это было воплощено в программных документах: постановлениях СТО от 11 июня 1933 г. «О программе военно-морского строительства на 1933—1938 гг.», от 13 августа 1933 г. «О системе танкового вооружения РККА на вторую пятилетку», от 22 марта 1934 г. «О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку», а также в «Плане развития ВВС на 1935—1937 гг.», утвержденном советским правительством 25 апреля 1935 г., и других. В третьей пятилетке решались задачи развертывания и разработки новых, соответствующих мировому уровню образцов вооружения и техники, а также их серийного производства.

Артиллерийская батарея Красной армии выдвигается к местам боев

Расчет пушки Ф-22 из батареи лейтенанта М. И. Полевого на позиции

Предшествующий военной реформе период проведения инвентаризации и восстановления военной промышленности охватывал в первую очередь артиллерию, средства ближнего боя и флот. Артиллерийское производство было одним из наиболее развитых в дореволюционной России[90]. Для восстановления и последующего развития артиллерии большое значение приобретало то, что, несмотря на потрясения 1917 г., в стране сохранилась структура Главного артиллерийского управления (ГАУ) и не были полностью утрачены кадры, способные обеспечить его работу. Об их отношении к делу свидетельствует приказ возглавлявшего Военное министерство генерала А. А. Маниковского от 30 октября 1917 г., в котором указывалось: «Прошу всем главным управлениям Военного ведомства приступить к нормальной работе по снабжению армии... Уверен, что все служащие в главных управлениях понимают, к каким ужасным последствиям не только для армии, но и для всей нашей Родины приведут сколько-нибудь длительные расстройства этого снабжения»[91]. В результате был сохранен важный военно-административный орган, способный вести работу по поддержанию боеспособности государства. Знаменательно, что в те трудные и тревожные годы был сохранен учрежденный еще в 1803 г. Артиллерийский комитет (Артком), в структуре которого находилось первое в Советской России научное оборонное учреждение — Комиссия особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП), к работе в которой были привлечены ведущие отечественные ученые и специалисты[92]. Привлечение к работам по развитию артиллерийского вооружения, как и других видов оружия ведущих специалистов, ученых и практиков обеспечило не только преемственность, но и сделало возможным в сжатые сроки наметить реальные пути восстановления оружейного потенциала государства.

Вследствие отсутствия экономических предпосылок к производству новых образцов для развития артиллерии был избран путь модернизации, заключающийся в улучшении тактико-технических характеристик уже состоящих на вооружении орудий, подтвердивших свою надежность и эффективность в годы войны, без существенных изменений технологии их производства. Модернизация проводилась в первую очередь в направлении увеличения дальности стрельбы. Так появились орудия с приставками к индексу образца, например, 76-мм зенитная пушка обозначалась, как 1915/1928 гг. изготовления. По результатам модернизации армия получила: 76-мм пушку образца 1902/1930 гг., 107-мм пушку 1910/1930 гг., 122-мм гаубицу 1910/1930 гг., 152-мм гаубицу 1909/1930 гг., 152-мм пушку 1910/1930 гг. Значительная часть этих орудий приняла участие в боях наиболее тяжелого начального этапа войны.

Однако для оснащения современной армии требовались орудия нового поколения. Развитию артиллерии способствовала разработка орудий, которые стали базовыми для создания в будущем основных образцов корпусной артиллерии и артиллерии резерва верховного командования: 122-мм корпусной пушки образца 1931 г. (А-19) и 203-мм гаубицы образца 1931 г. (Б-4). Впервые в мире в нашей стране создавались безоткатные (динамореактивные) орудия. Результатом работ по модернизации стало принятие на вооружение ручного пулемета МТ (Максима — Токарева), зенитно-пулеметной установки М. Н. Кондакова, а новым стал разработанный В. А. Дегтярёвым ручной пулемет ДП-27. В боевой комплект артиллерийских орудий были включены осколочно-фугасные снаряды с более совершенной формой корпуса, а также новые бронебойные и бетонобойные снаряды. Появились новые надежные взрыватели. Однако модернизация не обеспечивала создания отвечающей требованиям времени артиллерии.

Второй этап, оказавшийся решающим в создании первоклассной отечественной артиллерии, наступил с началом 1930-х гг. Он был подготовлен укреплением экономики страны и формированием нового культурно-образовательного пространства. Индустриализация страны позволила развивать необходимую металлургическую, химическую, станкостроительную промышленность, в значительной степени определяющихся потребностями обороны страны. В директивах по составлению плана пятилетки (1928–1932) выдвигалось требование: «Уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»[93]. Относительно

Советские артиллеристы готовят к выстрелу 203-мм гаубицу Б-4

Транспортировка 280-мм мортиры Бр-5 в Восточной Пруссии

армии и флота руководящими документами предписывалось «усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной армии»[94] и выдвигалось требование: «По технике быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно по воздушному флоту, артиллерии и танкам»[95].

Накопленный в 1920-е гг. опыт и усилия по созданию специализированных лабораторий, экспериментальных мастерских и опытных производств, научно-исследовательских учреждений и конструкторских бюро, укрепление образовательных заведений позволили сформироваться блестящей плеяде конструкторов артиллерийского вооружения новой школы, среди которых были В. Г. Грабин, Ф. Ф. Петров, Л. И. Горлицкий, Н. А. Доровлев, И. И. Иванов, В. А. Ильин, М. Я. Крупчатников, Б. И. Шавырин и другие. Сложилась развитая сеть тесно связанных с промышленностью конструкторских бюро и опытных производств, начали функционировать специализированные научно-исследовательские институты.

Особенностью военно-технической политики того времени стал реализованный на практике системный подход к развитию отечественной артиллерии, концептуально опережающий свое время и, как стало ясно впоследствии, обеспечивший предпосылки для эффективного строительства отечественной артиллерии. За принятым в 1929 г. программным документом «Система развития артиллерийского вооружения на первую пятилетку» последовали «Система артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку» (1934), «Система артиллерийского вооружения на третью пятилетку» и ряд других документов, конкретизирующих отдельные положения развития артиллерии.

Орудия и минометы разрабатывались на основе анализа прогнозируемых условий их применения и с учетом предвидения их места в организационно-штатной структуре войсковых формирований. В результате выделились батальонная, полковая, дивизионная, корпусная, армейская, большей и особой мощности артиллерия. Ориентация на организационно-штатные структуры потребовала создавать комплекты вооружений войсковых формирований. К началу войны комплект дивизионной артиллерии включал 76-мм дивизионную пушку образца 1939 г. (УСВ) или 76-мм пушку образца 1936 г. (Ф-22), 122-мм гаубицу образца 1938 г. (М-30) и 152-мм гаубицу образца 1938 г. (М-10)[96]. При разработке проектов воплощались творческие конструкторские решения. Так, широко использовался принцип наложения вновь разработанных стволов с более совершенной баллистикой на отработанные в производстве и эксплуатации лафеты. Лучшими корпусными орудиями предвоенной поры стали наложенные на однотипный унифицированный лафет пушка образца 1931/1937 гг. (А-19) и 152-мм гаубица-пушка образца 1937 г. (МЛ-20).

Реакцией на появление на поле боя бронетанковой техники стало создание противотанковых пушек. К 1938 г. было развернуто производство модернизированной 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г., а к началу 1941 г. завершены испытания не имевшего аналогов за рубежом по бронепробиваемости 57-мм орудия. Показательно, что его серийное производство не было до войны развернуто из-за отсутствия объектов поражения соответствующего уровня защищенности. Однако на переломе войны выполненные разработки были востребованы, и в историю артиллерии вошло одно из наиболее знаменитых орудий войны — 57-мм противотанковая пушка образца 1943 г. (ЗИС-2).

Почти заново отечественным конструкторам и производственникам пришлось создавать наиболее материалоемкую часть — артиллерию РГК. На базе унифицированного лафета 203-мм гаубицы (Б-4) были сконструированы модификации 152-мм пушки (Б-10) с индексами (Б-2 и БР-19) и 280-мм мортира образца 1939 г. (БР-5). В 1939 г. на вооружение были приняты 216-мм пушка (БР-17) и 305-мм гаубица (БР-18). Выполненные работы были направлены на устранение отставания в артиллерии большой и особой мощности. Были завершены или завершались работы над проектами 76-мм горной пушки, 107-мм пушки и другими. Велась целенаправленная работа по созданию танковых орудий. Однако необоснованно были прекращены работы над совершенствованием гладкоствольных орудий, которые успешно применялись вермахтом.

Советские артиллеристы с пушкой Зис-2 проезжают через населенный пункт под Берлином

Гвардейский реактивный миномет БМ-13 «Катюша» на позиции

Анализ итогов Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. способствовал развитию минометного вооружения[97]. Был разработан непревзойденный ряд выполненных по ставшей классической конструктивной схеме минометов: 50-мм ротный миномет образца 1938/1940 гг., 82-мм батальонный миномет образца 1936/1937 гг., 120-мм полковой и 107-мм горновьючный минометы. Минометы стали самым массовым средством поддержки пехоты и усиления артиллерии[98].

Программы вооружения отражали возрастающую роль зенитного оружия. Уже в 1920-е гг. были разработаны тактико-технические требования для зенитных 40-мм и 76-мм пушек. В 1939 г. на вооружение после многочисленных доработок была принята 76-мм зенитная дивизионная пушка образца 1938 г. и для борьбы с низко летящими целями — 37-мм и 25-мм автоматические зенитные пушки образца 1939 и 1940 г., а также 12,7-мм пулемет ДШК. К началу войны была создана 85-мм зенитная пушка образца 1939 г., вполне соответствовавшая требованиям времени. С начала 1920-х гг. велась необходимая для обеспечения эффективности стрельбы по воздушным целям работа по созданию автоматизированных приборов управления огнем зенитной артиллерии (ПУАЗО), обеспечивающих определение параметров движения цели и передачи данных. Создание ПУАЗО стало первым шагом к автоматизации управления артиллерийским огнем.

Примером преемственности богатых научных традиций, сочетания научного поиска и практических усилий, своевременно поддержанных и направляемых аппаратом Наркомата обороны, служит одно из крупнейших достижений предвоенного времени — создание реактивных снарядов, позволивших сформировать ударную силу советской артиллерии — гвардейские минометные части и соединения. Предназначенные для вооружения самолетов и испытанные в боях 82-мм и 132-мм реактивные снаряды (РС-82 и РС-132), размещенные на принятой на вооружение в канун войны 21 июня 1941 г. многозарядной боевой реактивной установке БМ-13 (знаменитая «Катюша»), которые были разработаны в созданном в 1932 г. Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ), стали грозным средством поражения наземных целей[99].

В результате к началу войны было принято на вооружение и развернуто производство 35 образцов артиллерийских орудий и минометов. Достигнутый уровень отечественной промышленности характеризуется тем, что, если в 1938 г. было изготовлено 12,3 тыс. орудий, то в 1939 г. — 17,3 тыс., а в 1940 г. — 15 тыс. (снижение производства объяснялось потребностью освоения новых типов орудий)[100].

Первая мировая война, последующие локальные войны и военные конфликты показали необходимость комплексного развития артиллерии, необходимой составной частью которой были приборы наблюдения, прицеливания, топографической привязки. Основными средствами разведки в то время оставались оптические приборы. Россия обладала давними традициями научных исследований в области оптики, однако в дореволюционное время российская артиллерия оснащалась в основном оптическими приборами зарубежного производства. К началу Великой Отечественной войны отечественная промышленность обеспечивала производство всей необходимой номенклатуры средств наблюдения и прицеливания, включая бинокли, стереотрубы, прицелы разного назначения, перископическую аппаратуру, а также средств фоторазведки и управления огнем. Однако качество многих приборов нередко уступало зарубежным, в первую очередь немецким образцам.

Несмотря на традиционное преимущественное внимание, уделяемое руководством средствам поражения в системе заказывающих учреждений, существовало четкое представление о необходимости совершенствования средств разведки, основанных на использовании различных технических принципов. С начала 1930-х гг. велись поисковые и опытно-конструкторские работы по созданию средств обнаружения воздушных целей, основанные на звукоулавливании, теплообнаружении и радиообнаружении[101]. Уровень развития отечественной науки и техники позволил стране занять определенное место в создании радиолокационной техники. Еще до начала войны в войска ПВО поступили две радиолокационные станции: станция с непрерывным излучением РУС-1 и импульсная РУС-2, которая в модифицирован-

ном варианте нашла применение на флоте (станция РУС-1К), ранее была создана импульсная РЛС дальнего обнаружения «Редут»[102].

В войну Красная армия вступила, имея на вооружении бойца модернизированные 7,62-мм винтовку образца 1891/1930 гг., 7,62-мм карабин образца 1938 г., 7,62-мм пистолет образца 1930 г., а также самозарядную винтовку СВТ. Велась работа по созданию автоматического оружия: автоматических винтовок[103], пистолетов-пулеметов, ручных и станковых пулеметов. Разработка пистолетов-пулеметов началась еще с 1925 г. и стимулировалась опытом Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Комитетом обороны при СНК СССР было принято постановление от 21 декабря 1940 г. о принятии на вооружение пистолета-пулемета системы Г. С. Шпагина (ППШ)[104]. Модернизация пулемета Х. Максима сопровождалась разработкой отечественных пулеметов, способных вести огонь не только по наземным целям, но и легкозащищенным самолетам и катерам. Значение этой работы Д. Ф. Устинов оценивал следующим образом: «1927, 1928 и 1929 гг. стали историческими в укреплении технической мощи Красной армии. В эти годы на вооружение наших частей были приняты ручной, авиационный и танковый пулеметы Дегтярёва»[105]. Однако, несмотря на ведущиеся конструкторские разработки крупнокалиберных противотанковых ружей, ни одно из них до начала войны на вооружение принято не было.

Процесс изготовления разрабатываемого оружия ближнего боя изначально ориентировался на массовое производство посредством внедрения единой системы конструкторских и рабочих чертежей, унификации и стандартизации производства, внедрения новых технологический процессов. В стране сложилась блестящая школа разработчиков стрелкового оружия, среди которых были А. А. Благонравов, В. А. Дегтярёв, Ф. В. Токарев, В. Г. Фёдоров, Н. М. Филатов, М. Г. Дьяконов, Г. С. Шпагин, М. Е. Березин, С. В. Владимиров, С. Г. Симонов, А. И. Судаев, С. А. Коровин, П. М. Горюнов, Б. Г. Шпитальный и другие. Особенностью отечественного оружия стала относительная простота конструкций, удобство в обращении и надежность, технологичность и приспособленность к развертыванию массового производства. К началу 1941 г. Красная армия была оснащена вполне современной системой стрелкового оружия и других средств ближнего боя, не уступавших лучшим зарубежным образцам.

Следуя выдвинутым государственно-политическим руководством страны требованиям, РВС СССР нацеливал Красную армию на дальнейшее значимое техническое оснащение «в течение ближайших лет»[106]. Ставились задачи «полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники, исходя из требований современной войны, создать и совершенствовать новые рода войск (авиация, бронетанковые войска), специальные войска (химические, инженерные и др.), повысив их удельный вес в системе вооруженных сил страны»[107].

В отличие от артиллерии танковую промышленность приходилось создавать заново. В сжатые сроки были реконструированы или построены заново танкостроительные заводы, крупнейшими из которых стали предприятия в Ленинграде, Нижнем Тагиле, Сталинграде, Горьком и Свердловске[108]. На производство танковой брони были переориентированы такие крупные металлургические заводы, как Ижорский, Мариупольский, Таганрогский, Выксунский, и другие. В стране создавались тесно связанные с производством конструкторские бюро, принимались меры по подготовке кадров разработчиков и изготовителей бронетанковой техники. Созданию танков предшествовала разработка серии бронеавтомобилей[109].

Первым разработанным в Советской России и запущенным в серийное производство стал легкий танк МС (Т-18). Уже в начале 1930-х гг. была сделана попытка обоснования на теоретическом уровне системы танкового вооружения, включающей разведывательный, общевойсковой, оперативный, качественного усиления и тяжелый танк особого назначения[110]. Творческое использование зарубежного опыта позволило в сжатые сроки создать унифицированный танковый триплекс (Т-26, Т-27, Т-28)[111] и лучший по тому времени быстроходный танк БТ, ставший предтечей легендарной «тридцатьчетверки». К началу войны окончательно сформировалась единственная в мире боевая ударная танковая система, со-

Красноармеец, вооруженный пистолетом-пулеметом ППШ-41

стоявшая из легких, средних и тяжелых танков, в каждом из которых воплощались лучшие конструкторские замыслы, включая творческое использование зарубежного опыта.

В стране сложилась самая передовая в мире творческая школа создателей танков. В разное время ее представляли: С. А. Гинзбург, М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Ж. Я. Котин, Н. А. Астров, Н. Ф. Балжи, Н. В. Барыков, Н. Н. Козырев, Н. А. Кучеренко и другие, а также создатели танковых двигателей Я. И. Вихман, И. Я. Трашутин, Т. П. Чупахин и другие. Итогом целенаправленной деятельности стало создание среднего танка Т-34, тяжелого КВ, легкого Т-50[112]. Наиболее яркий этап — разработка танка Т-34, шедевра конструкторской мысли, ставшего одним из символов победы нашего народа.

Разработка тяжелого танка КВ велась в двух вариантах: однобашенный и многобашенный. В декабре 1938 г. на вооружение был принят однобашенный вариант танка КВ-1 («Клим Ворошилов»), на смену которому разработан оснащенный более мощным 152-мм орудием танк КВ-2, который имел немало конструктивных недостатков, прежде всего в ходовой части, и требовал доработки. Вплоть до самого начала войны наряду с освоением технологии производства принятых на вооружение танков велись работы по созданию модернизированных образцов как среднего (танк Т-34М), так и тяжелого танка (КВ-3) и только война прервала эту работу, выдвинув на первое место серийное производство танков[113]. Таким образом, несмотря на очевидные объективные трудности, в сжатые сроки в СССР была создана танковая промышленность, подготовлены кадры разработчиков и производителей, развернуто серийное производство отвечающих требованиям времени танков и подготовлен технико-технологический задел, позволивший вступить в противоборство с высокоразвитой танковой отраслью Германии и ее сателлитов.

Оснащение армии артиллерийско-стрелковым и танковым вооружением сопровождалось целенаправленными мерами по комплексной моторизации и механизации войск, обеспечению армии транспортными средствами, инженерной техникой, а также средствами связи. Взятый страной курс на создание собственной автомобильной промышленности позволил с начала 1930-х гг. развернуть оснащение армии отечественными автомобилями серий сначала АМО, затем ЗИС, изготовленными в Москве, позднее — серий ГАЗ и Яг, производимыми в Горьком и Ярославле, а также мотоциклами. Для буксировки полевой артиллерии начали выпускать легкий полугусеничный тягач «Комсомолец», для тяжелой артиллерии — средний артиллерийский тягач «Коминтерн» и тяжелый «Ворошиловец». К концу 1930-х гг. осваивался выпуск транспортных тракторов СТЗ-5 и «Сталинец-2», однако к началу войны количество выпущенных машин не соответствовало потребностям армии. Общим крупным недостатком было отставание в создании необходимой для автобронетанковой техники ремонтно-восстановительной базы. Всего к началу войны в войсках находилось 272,6 тыс. автомобилей и свыше 5 тыс. бронемашин, а укомплектованность войск оценивалась только в 40%[114].

В предвоенные годы было освоено производство непрерывно совершенствующихся боеприпасов: осколочных, осколочно-фугасных, бетонобойных, зажигательных, термитно-сегментных, дымовых, осветительных и других для всех калибров артиллерии, а также патронов, авиабомб и мин. С появлением танков совершенствовались бронебойные снаряды, при этом недоставало подкалиберных и кумулятивных, которыми в начале войны уже располагала немецкая армия. Показателем развития отрасли стала способность отечественной промышленности изготавливать сотни миллионов патронов, основу которых в предвоенные годы составила система: 7,62-мм — винтовочные и пистолетные, 12,7-мм и 14,5-мм — для поражения бронированной техники.

Совершенствование боеприпасов обеспечивалось укреплением научной базы и развертыванием опытно-конструкторских работ, осуществивших в предвоенный период освоение в серийном производстве 47 новых типов снарядов[115]. Заслуженным авторитетом пользовалась отечественная школа разработчиков взрывателей, основоположником которой был В. И. Рдултовский. Только 1940 г. советской промышленностью было изготовлено более 43 млн снарядов и мин. Тем не менее состояние боеприпасной отрасли вызывало немалую озабоченность, поскольку поставки выстрелов отставали от поступления в войска орудий[116].

Не соответствовали реальным масштабам будущей войны и установленные к боеприпасной отрасли требования по нормам. Достаточным считалось обеспечивать орудия боезапасом на 1,5–2 месяца войны[117]. И хотя количество накопленных в войсках к началу войны снарядов и мин составляло 88 млн единиц[118], первые месяцы войны подтвердили высказанные опасения. Однако созданный в довоенные годы промышленный потенциал оказался способным быстро наращивать производство и в сложнейших условиях обеспечивать армию и флот необходимым количеством и номенклатурой боеприпасов.

Изменение масштабов и характера ведения боевых действий выдвигало новые требования к инженерному обеспечению. Серьезное внимание уделялось как совершенствованию боевых средств (мины, огнеметы, миноискатели, противоминные тралы), так и различного назначения строительным машинам (канавокопатели, грейдеры, бульдозеры, катки и прочее), переправочным средствам, устройствам электрооборудования, водоснабжения и другим. К началу войны отечественная промышленность располагала возможностями для изготовления основной номенклатуры инженерной техники с вполне удовлетворительными техническими характеристиками.

Приоритетным направлением в развитии техники и вооружений в довоенные годы была авиация. Создание отечественной авиации рассматривалось как необходимое условие обеспечения безопасности страны[119]. В стране сложились мощные творческие центры по созданию самолетов во главе с А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным, Н. Н. Поликарповым, А. С. Яковлевым, А. И. Микояном, М. И. Гуревичем, В. М. Петляковым, С. А. Лавочкиным, П. О. Сухим и другие, которые оснащались авиадвигателями, разработанными в коллективах В. Я. Климова, А. А. Микулина, А. Д. Шевцова, и оружием, разработанным Б. Г. Шпитальным, С. В. Владимировым, А. А. Волковым, С. Я. Ярцевым и другими. На вооружение авиации были приняты снаряды РС-82 и РС-132, новые типы авиабомб. Совершенствовалась пилотажно-навигационная аппаратура.

В 1939 г. был создан Наркомат авиационной промышленности. О масштабах развития отрасли свидетельствует то, что в его состав вошли 86 авиационных предприятий и девять НИИ и КБ. К 1940 г. в авиационной отрасли работали серийные заводы: 21 авиастроительный (в 1941 г. их стало 24), семь — по производству двигателей, авиаприборостроительные и другие, всего более 100 предприятий[120]. 40% валовой продукции оборонной промышленности составляла авиационная. Многочисленными партийными и государственными решениями авиапром преимущественно обеспечивался необходимыми для производства ресурсами, в том числе в большинстве своем дефицитными материалами. В сентябре 1939 г. Комитетом обороны было принято постановление «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов», в соответствии с которым предполагалось в течение двух лет построить и реконструировать 18 авиастроительных предприятий[121].

Быстрые темпы не в полной мере обеспечивали качество продукции. По итогам анализа войны и военных конфликтов, опыту эксплуатации и материалам зарубежных поездок специалистов был принят ряд важных решений по изменению технической политики в авиастроении[122]. Прежде всего прекращалась ориентация промышленности на массовое производство устаревших по своим летно-техническим характеристикам самолетов. Вся авиационная промышленность переключалась на изготовление только новых образцов. Особое внимание требовалось уделить опытному производству и проведению научных исследований. Для повышения эффективности производства огромное значение имел перевод всей работы предприятий авиапрома на новые условия труда, в частности суточный график, что создавало к началу войны необходимые предпосылки резкого увеличения объема производства. Этому способствовало также переподчинение Наркомату авиационной промышленности выполнявших его заказы заводов, входивших ранее в состав других ведомств. Были намечены дальнейшие планы организации авиационного производства на востоке страны.

К началу войны советская авиапромышленность освоила выпуск самолетов, по своим летно-техническим и боевым характеристикам отвечающих требованиям времени: истребитель Як-1, высотный истребитель МиГ-3, истребитель ЛаГГ-3. Началось производство

пикирующего двухмоторного бомбардировщика Пе-2 и легкого бомбардировщика Су-2, хотя основную часть самолетного парка бомбардировщиков по-прежнему составляли СБ и ДБ. В войска стали поступать признанные в своем классе по тому времени лучшими в мире штурмовики Ил-2. В течение 1940 г. и до начала войны в стране было выпущено более 12 тыс. боевых самолетов, однако менее 3 тыс. из них составляли самолеты новейших конструкций. Вступая в войну, стране предстояло наладить массовое серийное производство разработанных новых самолетов, добиваясь превосходства над противником по целому ряду технических характеристик.

В 1936 г. постановлением Совнаркома была принята десятилетняя программа военного кораблестроения (ПВК-36), которая после переработки одобрена правительством в виде «Программы строительства боевых и вспомогательных кораблей на 1938–1945 гг.»[123]. В основе заложенных в программу предложений лежало строительство крупного надводного флота, в том числе океанской зоны[124]. На содержание программы влияли общая недооценка руководством Наркомата обороны значения и роли военно-морских сил в обеспечении безопасности страны, ограниченные возможности государства, поскольку в качестве приоритетов развития рассматривались авиапром и танкопром, различия во взглядах на будущее флота самих морских специалистов, отсутствие полномочного центра централизованного планирования и управления ВМФ.

Наркомат Военно-морского флота, в котором была введена должность заместителя наркома по кораблестроению и вооружению, был учрежден только в 1937 г. Еще позже, в 1939 г. начал функционировать Наркомат судостроения. Под руководством назначенного в 1939 г. наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецова был подготовлен скорректированный десятилетний план строительства флота, который успели согласовать только на период 1938–1942 гг. В конце 1940 г. было принято постановление Комитета обороны «О плане судостроения на 1941 г.», положениями которого устанавливалась закладка новых крупных линейных кораблей.

Несмотря на объективные трудности развития, государственно-политическое руководство СССР уделяло постоянное внимание решению проблем Военно-морского флота. Принимались решения и выделялись средства на развитие отечественного судостроения, реконструкцию и строительство новых судостроительных и судоремонтных заводов, в том числе на севере и востоке страны. Укреплялась база проведения научных исследований и выполнения конструкторских работ[125]. Силами промышленности и проектных организаций в годы первых пятилеток для ВМФ было построено шесть новых легких крейсеров типа «Киров», а также два типа эсминцев и лидеров эсминцев («Ленинград»), успешно реализовывались проекты постройки современных сторожевых кораблей, торпедных катеров, минных заградителей, речных бронекатеров и других кораблей. К началу войны в советском Военно-морском флоте насчитывалось около 300 боевых кораблей всех классов, включая три линкора, семь крейсеров, 59 эсминцев, 218 подводных лодок[126]. Несмотря на незавершенность выполнения намеченных по строительству планов, советская промышленность справилась с возрождением и укреплением Военно-морского флота страны на уровне обеспечения способности к выполнению оборонительных задач.

Постоянное внимание в планах уделялось организации связи. Существовало понимание, что в условиях высокоманевренной войны требования к техническим средствам связи будут возрастать. Совершенствование аппаратуры затруднялось слабым развитием базовых отраслей промышленности, в частности электротехнической, а также недооценкой значения радиосвязи. К тому же вплоть до 1940 г., когда был учрежден Наркомат электропромышленности, отсутствовал единый орган планирования и управления отраслью, а все производство было рассредоточено по промышленным объединениям других ведомств. Содержание военно-технической политики в этой области определялось Управлением связи Красной армии и Отделением связи Оперативного управления Генштаба во взаимодействии с Наркоматом связи.

Длительное время, до конца 1930-х гг., в оперативно-стратегическом звене основным оставался телеграф. Части и соединения Красной армии были снабжены линейными про-

водными линиями связи (телефонными и телеграфными), индукторными, а также специальными аппаратами. Важным этапом стало принятие на вооружение коротковолновых общевойсковых, авиационных и танковых радиостанций. Осуществленных до начала войны мер по техническому переоснащению и улучшению организации войсковой связи оказалось недостаточно. По своему качеству и системе оснащения средствами связи, в частности танков и самолетов, Красная армия уступала противнику.

В предвоенный период, объективно оценивая международную обстановку, СССР готовился к отражению возможной агрессии. Индустриализация страны и культурно-образовательные процессы создали предпосылки для осуществления целенаправленных мер по укреплению обороноспособности государства, составной частью которых стала военно-техническая политика. Развитие промышленности и укрепление экономики, утвердившаяся структура управления народным хозяйством обеспечили формирование военно-промышленного комплекса, призванного в соответствии с требованиями времени обеспечить перевооружение армии и флота. Развитие базовых отраслей промышленности (добывающей, металлургии, химической, машиностроения, энергетики и других) позволили развернуть такие новые отрасли, как авиационная, танковая, автотракторная, приборостроительная, укрепить боеприпасное производство. Особое внимание уделялось развитию отечественной науки — академической, ведомственной, вузовской. Проводимые Академией наук СССР фундаментальные исследования увязывались с прикладными и включали работы оборонной направленности.

Созданный научно-технико-технологический потенциал позволил разработать и внедрить в серийное производство новые образцы стрелково-артиллерийского, танкового, авиационного вооружения, инженерной техники и средств связи, кораблей и вооружения флота. По утверждению Г. К. Жукова, к концу 1930-х гг. Красная армия «превратилась в передовую современную армию. По соотношению видов и родов войск, по своей организационной структуре и техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических стран»[127]. Однако проводимые преобразования в промышленности и экономике в целом носили незавершенный характер, и для перевооружения армии современной техникой требовалось значительное время.

С началом войны руководство производством вооружения, техники, снаряжения возглавил Государственный Комитет Обороны, в ведение которого перешли наркоматы обороны, Военно-морского флота и оборонной промышленности. В ГКО определялись наиболее важные ключевые вопросы военно-технической политики. Прежде всего предстояло найти пути восполнения огромных потерь в вооружении и технике первых недель и месяцев войны, наладить бесперебойное снабжение войск оружием и боеприпасами, а в дальнейшем обеспечить своевременную модернизацию и по потребности создавать новые боевые средства, способные противостоять врагу. Перевод всей экономики и промышленности страны на военные рельсы нужно было осуществлять в условиях утраты значительной части производственных мощностей и научно-технического потенциала страны, а также множества складов, баз, арсеналов, необходимых природных ресурсов, нарушения транспортных и управленческих связей. Требовалось в кратчайшие сроки реорганизовать всю систему управления процессом создания вооружения и техники, обеспечив его воспроизводство на требуемом уровне, своевременную поставку в войска, техническое обеспечение, восстановление и ремонт.

Решая задачи военно-технического обеспечения войск, Главное артиллерийское управление было в кратчайшие сроки реорганизовано по функциональному признаку с разделением в его структуре производственных, снабженческих, организационно-плановых и других задач[128]. Принятые жесткие меры позволили уже в первом полугодии войны, мобилизуя все внутренние резервы, организовать выпуск 16 123 артиллерийских орудий, 24 190 минометов, 68 997 ручных и станковых пулеметов, 2 335 336 винтовок и карабинов. Объем промышленного производства в 1941 г. составил 58 тыс. орудий и минометов, 74 тыс. пулеметов, более 1,5 млн винтовок[129].

Потребности в модернизации и создании новых образцов вооружения и техники определялись сравнением со средствами противника, а также требованиями, вызванными изменениями в формах и способах боевого применения, потребностью корректировки состава комплектов вооружения и техники войсковых формирований в связи с реорганизацией организационно-штатных структур. С точки зрения оценки таких характеристик с начала войны решались задачи увеличения досягаемости и мощности ведения огня, увеличения маневренности, повышения качества управления огнем и маневром артиллерии. Состояние производства, уровень работы конструкторских бюро и наличие научно-технического и технологического задела, организация управления промышленностью и заказывающими учреждениями, внедрение передовых методов конструирования, технических условий и технических регламентов военного времени, упрощенных технологий изготовления, ориентированных на отечественное сырье и учитывающих реальные возможности производства, позволили гибко реагировать на требования фронта.

Обеспечивалась своевременная концентрация усилий на решении задач, определяемых обстановкой на фронтах. Так, на начальном этапе войны потребовалось срочно усиливать противотанковую оборону. Тогда на смену обладающей низкой бронепробиваемостью 45-мм противотанковой пушке уже в 1942 г. в войска поступила 45-мм пушка образца 1942 г., а вместо неудобной в эксплуатации 76-мм дивизионной пушки образца 1939 г. была принята знаменитая 76-мм пушка (ЗИС-3) образца 1942 г., ставшая одним из символов победы. Помимо непревзойденных тактико-технических характеристик пушка известна тем, что она была разработана в КБ В. Г. Грабина, испытана и запущена в серию в течение всего двух месяцев. Наработки предвоенных лет позволили в 1943 г. принять на вооружение 57-мм противотанковую пушку (ЗИС-2), способную пробивать броню в диапазоне 120–150 мм.

Высокая эффективность применения германской армией САУ стимулировала создание в сжатые сроки отечественной самоходной артиллерии, для чего потребовалось принятие в 1942 г. специального постановления ГКО. Посредством установки на танковые шасси 76-мм и 122-мм орудий в том же году были созданы первые образцы самоходных артиллерийских установок. Сначала это были полубронированные СУ-76 и имеющие круговое бронирование СУ-122, а уже в 1943 г. на базе шасси средних и тяжелых танков в войска поступил целый ряд самоходных орудий калибром от 85 до 152 мм: СУ-85, СУ-100, ИСУ-122, ИСУ-122С, СУ-152 и ИСУ-152, которые окончательно определили преимущество советской артиллерии в противотанковой борьбе даже с появлением на поле боя немецких танков «пантера» и «тигр». Именно ИСУ-152 получила в войсках почетное прозвище «зверобой». Сбалансированность состава оружия обеспечивалась обоснованным формированием комплектов боевых средств войсковых формирований, частей и соединений. Образцовым остается войсковой комплект дивизионной артиллерии, который включал 76-мм пушку, 122-мм гаубицу и 152-мм пушку-гаубицу[130].

Примером способности гибко реагировать на изменения в структурах войск является опыт КБ, возглавляемого Ф. Ф. Петровым. В соответствии с решением о создании корпусного звена менее чем за три недели была разработана и освоена производством 152-мм корпусная гаубица образца 1943 г. с основным целевым назначением — контрбатарейная борьба. Скоростные методы проектирования обеспечивались унификацией деталей, узлов, агрегатов, в результате чего конструкторы и технологи, используя одинаковые тормоза отката и накатники, люльки, лафеты, затворы и прочее, создавали требуемые орудия с разными баллистическими характеристиками.

В годы войны был создан Наркомат минометного вооружения. Потребности подразделений и частей обеспечивались постоянно совершенствуемыми образцами минометов. Линейка 82-мм, 120-мм минометов была дополнена казнозарядным 160-мм минометом И. Г. Теверовского. Качество советских минометов было настолько высоким, что немцы считали возможным копировать конструкцию 120-мм советского образца.

Относительно орудий большой и особой мощности было принято решение снять части, оснащенные артиллерией большой и особой мощности с фронтов и отвести их в тыл. Тем

Советский танк КВ-1

Советские танки Т-34-76 на Московском проспекте освобожденного Харькова

Советские танкисты у танка Т-34-85

самым была сохранена материальная часть и выиграно время для пополнения боеприпасов. С 1943 г. части и соединения артиллерии большой и особой мощности были возвращены на фронт и эффективно использовались для решения боевых задач[131].

Ярким примером использования научных достижений для появления нового оружия оставался опыт создания реактивных снарядов, в ходе которого было обеспечено взаимодействие передовых научных и инженерных кадров, осуществлена государственная поддержка разработок. Была внедрена практика военно-научного сопровождения на протяжении всего жизненного цикла, обеспечившая своевременность разработки и модернизации, установление соответствия возможностей оружия формам и способам боевого применения, определение необходимых для решения боевых задач штатных структур.

Показательно, что располагая немалым опытом создания реактивных снарядов, ни германские, ни британские специалисты так и не нашли путей и эффективных форм применения этого вида оружия. Непрерывная и хорошо организованная работа позволила отечественным разработчикам освоить производство и передать войскам целую серию постоянно совершенствуемых образцов реактивного вооружения, которые на протяжении всей войны превосходили немецкую технику. Над решением технических проблем работали ведущие ученые, конструкторы и производственники, добиваясь снижения рассеивания, повышения могущества снарядов, совершенствования двигателя, обеспечения маневренности пусковой установки, повышения уровня автоматизации и надежности работы механизмов. Результатом этой деятельности стало создание линейки реактивных снарядов и новых боевых машин, обеспечивших могущество действия боеприпасов по цели, маневренность войск и, в конечном счете, эффективность боевого применения гвардейских минометных частей и соединений.

Обеспеченность войск зенитными средствами к началу войны была недостаточной. В войсках находилось 620 зенитных орудий, что соответствовало 23% от предусмотренного штатом количества[132]. С началом боевых действий пришлось вырабатывать новую систему зенитного вооружения, которая бы соответствовала складывающимся представлениям об организации противовоздушной обороны. На основании постановления ГКО была осуществлена реорганизация всей системы войсковой ПВО и ПВО страны, развернута работа по расширению производства и модернизации состоящих на вооружении образцов зенитного оружия, а также созданию современных малокалиберных и крупнокалиберных систем.

Подлинным подвигом тружеников тыла стала работа отечественной промышленности по обеспечению войск всей совокупностью оптических приборов и аппаратуры в условиях, когда фактически были утрачены созданные в довоенные годы предприятия. Уже в 1942 г. в тяжелейших условиях удалось завершить строительство двух новых оптических заводов и внедрить передовые технологии, основанные на использовании доступного в те годы сырья. По утверждению наркома вооружения Д. Ф. Устинова, оптико-механические предприятия страны в течение всей войны обеспечивали бесперебойное снабжение армии и флота всей номенклатурой оптической аппаратуры военного назначения[133]. Однако качество ряда оптических приборов, в частности танковых приборов, улучшалось медленно, что, в общем, соответствовало уровню развития базовых отраслей промышленности.

Накопленный в стране опыт концентрации усилий на развитие приоритетных отраслей привел к подготовке и выходу постановления ГКО «О создании Совета по радиолокации при Государственном Комитете Обороны». Создание этого совета позволило объединить усилия организаций различного подчинения в новом научно-техническом направлении, поставив его под контроль высшего военно-политического руководства, выработать стратегическую линию не только в радиолокационной технике, но и в радиоэлектронной отрасли в целом. В дальнейшем это имело большое значение для обеспечения обороноспособности страны в послевоенные годы[134].

Главной ударной силой в течение всей войны оставались танки. От их количества и качества в составе вооруженных сил во многом зависел исход войны. Поскольку в течение первых трех месяцев было утрачено более 10 тыс. танков[135], первостепенной задачей стало восполнение потерь, для чего требовалось в сжатые сроки развернуть массовое производств.

Самоходные установки СУ-76

САУ ИСУ-122 1-го танкового корпуса Войска Польского переправляется по понтонному мосту

11 сентября состоялось решение о создании Народного комиссариата танковой промышленности, в состав которого наряду с танковыми заводами были включены близкие по профилю предприятия других министерств. С неизбежными потерями в результате передислокации крупнейших харьковских, ленинградских, других заводов на базы предприятий Челябинска, Нижнего Тагила, Свердловска, других городов развертывалось изготовление машин на основе создания новых технологий, обеспечивавших снижение трудоемкости и гарантирующих стабильность производства в условиях нарушения кооперационных связей и системы снабжения, утраты значительной части квалифицированных кадров и материальных средств. Одновременно необходимо было изыскивать пути повышения качества и надежности конструкций. Крупнейшими достижениями экономики страны и проводимой технологической политики, во многом предопределившими исход войны, стала способность уже к середине 1942 г. полностью перестроить всю систему танкостроения на условия массового производства и тем самым резко увеличить выпуск продукции.

Другим направлением технической политики стала борьба за превосходство отечественной техники. Боевые возможности советских танков были продемонстрированы уже в первые недели войны. Противник вынужден был свидетельствовать, что русские танковые войска «вступили в войну, располагая большим преимуществом, — у них был танк Т-34, намного превосходящий любой из немецких танков»[136]. Однако назревала необходимость совершенствования танкового парка, которая лишь частично решалась производимыми в 1941–1942 гг. доработками танка Т-34, выпуском модернизированного танка КВ-1С и легкого Т-70. Тяжелые потери в танках в сражениях на Курской дуге подчеркнули необходимость существенного увеличения огневой мощи и уровня защищенности советских машин, которые по своим боевым возможностям стали уступать немецким новейшим танкам «пантера» и «тигр». Живучесть снижалась с появлением у немцев новых противотанковых средств: пушки РАК-40, САУ «Фердинанд», различных типов машин-истребителей танков. Решения относительно коренной модернизации Т-34 были запоздалыми, однако вложенный в конструкцию танка модернизационный потенциал, накопленный технико-технологический задел и относительная стабилизация производства позволили в сжатые сроки перейти к выпуску модернизированного образца Т-34-85, который и вошел в историю как подлинный шедевр инженерной мысли. Танк был оснащен новой 85-мм пушкой с улучшенной баллистикой, для чего потребовалось изменить компоновку башни, что позволило увеличить экипаж с трех до четырех человек, разделив функции наводчика и командира танка, и улучшить условия наблюдения. Были внесены существенные изменения в конструкцию ходовой части, повышено качество связи. Эти изменения потребовали существенной переработки технологии изготовления, с чем промышленность успешно справлялась.

Танк Т-34 вошел в историю как лучший танк Второй мировой войны, несмотря на то что по некоторым параметрам уступал, например, немецким танкам «пантера» и американским «шерман». Высокий рейтинг танка сохраняется поныне в перечнях, включающих известные современные образцы. Такая оценка вызвана тем, что создатели танка сумели творчески воплотить и синтезировать в его конструкции наиболее передовые достижения того времени. Воплощенные в танке технические решения дали наиболее выгодное сочетание боевых и эксплуатационных качеств. Свойства танка обеспечили эффективность боевого применения и удобство эксплуатации в реальных природных условиях предполагаемых театров военных действий. Особенности конструкции увеличивали ремонтопригодность в полевых и стационарных условиях. Значение найденных решений дополнялось заложенным в конструкцию модернизационным потенциалом, обеспечивающим адаптацию танка к изменяющимся требованиям. Другой особенностью стала технологичность конструкции танка, относительная дешевизна и приспособленность к массовому производству на отечественном оборудовании из отечественных материалов — свойство, которое во многом обеспечило вклад танка в достижение победы. Простота конструкции, которая особенно в начальных модификациях порождала недостатки, в дальнейшем обеспечивала сравнительную легкость обучения личного состава, что было немаловажно для призывного контингента военного

времени. Таким образом, именно совокупность свойств и возможностей, проявляющихся в реальных условиях боевого применения, в производстве и при эксплуатации, сделала танк одним из символов военно-технических достижений XX в.

Начиная с весны 1943 г., было развернуто проектирование принципиально нового среднего танка с более мощной бронезащитой и усовершенствованным моторно-трансмиссионным механизмом. Создание такого танка стало реакцией на то, что, несмотря на высокую оценку модернизированного танка Т-34 с 85-мм пушкой, требовалось «создание новых средних танков с мощным вооружением и усиленной броневой защитой, обеспечивающей их неуязвимость на дистанции действительного огня из пушек»[137]. Однако в те годы предпочтение было отдано обеспечению непрерывности серийного производства в целом хорошо зарекомендовавших себя танков Т-34-85, и только в 1944 г. началось серийное производство нового танка (Т-44), который хотя и не принял участия в войне, но стал прообразом самого массового послевоенного отечественного танка Т-54, во многом обеспечившего ведущую роль советских танкостроителей послевоенных десятилетий.

Другим достижением танкостроителей стало создание серии тяжелых танков ИС («Иосиф Сталин»), которые впервые были применены в начале 1944 г. в ходе Корсунь-Шевченковской операции. Разработка первого из этих танков была завершена в кратчайшие сроки методом скоростного проектирования, внедренным конструктором Ж. Я. Котиным. При этом, как и в артиллерии, достигалось сокращение производственных циклов основных элементов конструкции. В танке были воплощены лучшие технические достижения того времени. Наряду с боевыми и эксплуатационными характеристиками удалось улучшить экономические показатели, а также условия обитаемости и управляемости танка. До 1943 г. в войска поступали легкие танки, не уступавшие по своим боевым и эксплуатационным характеристикам зарубежным, массовое производство которых было развернуто на базе автомобильных заводов.

С первых дней войны выявилась потребность не только восполнить потери запасов стрелкового оружия и обеспечить вооружением призывной контингент, но и окончательно пересмотреть отношение к пистолетам-пулеметам. Принятый на вооружение к началу войты автомат ППШ, обладая отвечающими требованиям времени характеристиками, вследствие простоты и технологичности конструкции был хорошо приспособлен к развертыванию массового производства. Серия принятых улучшений по эксплуатационным характеристикам и повышению живучести, а также упрощению и удешевлению производства сделала его наиболее массовым индивидуальным оружием в течение всей войны. Дополнением послужили подлинные шедевры инженерной мысли пистолеты-пулеметы конструкции А. И. Судаева (ППС-42, ППС-43), более легкие и компактные, чем ППШ, обладавшие наряду с отличными техническими и эксплуатационными характеристиками высоким уровнем технологичности[138].

В направлении удешевления и упрощения производства были модернизированы и состоящие на вооружении винтовка и карабин образца 1891/1930 гг. и 1938 г., замененные в дальнейшем 7,62-мм карабином образца 1944 г. Вследствие сложности производства и выявившихся эксплуатационных недостатков был сокращен объем производства снайперской винтовки Ф. В. Токарева. Импульс для перестройки всей системы автоматического оружия был дан разработкой 7,62-мм патрона, занимавшего по своей массе, габаритам и баллистическим свойствам промежуточное положение между пистолетным и винтовочным патронами. С принятием этого патрона начался новый этап в развитии автоматического оружия, успешно продолжившийся уже в послевоенные годы.

Другим важнейшим направлением стало изготовление пулеметов. Были найдены пути изменения конструкции и удешевления технологии изготовления ручного пулемета В. А. Дегтярёва, а также его модернизации под промежуточный патрон и доработки в танковом варианте (ДТП образца 1927/1944 гг.). В то же время упростить и ускорить изготовление штатных станковых пулеметов (ДС-39) оказалось настолько сложным, что в июле 1941 г. Наркоматом вооружения было принято решение временно восстановить производство пулеметов «максим». Только в 1943 г. промышленность перешла на производство новых станковых пулеметов

Советские истребители МиГ-3 из 162-го истребительного авиаполка на аэродроме

Самолет ЛаГГ-3 в модификации истребителя морской авиации дальнего действия

Истребитель Ла-5Ф 8-й гвардейской авиадивизии в полете над Курской дугой

Советский истребитель Як-3 на аэродроме

П. М. Горюнова (СГ-43). Такая же трудная судьба и у крупнокалиберного 12,7-мм пулемета ДШК, который после многократных усовершенствований конструкции и технологии изготовления только к февралю 1945 г. обрел облик пулемета ДШКМ[139].

Простотой и технологичностью отличались другие средства ближнего боя, в первую очередь ручные противотанковые и осколочные гранаты, позволившие быстро развернуть массовое производство, в том числе в начале войны в полукустарных условиях.

Решению проблем организации противотанковой обороны в первые периоды войны способствовала способность в сжатые сроки развернуть производство обоих типов противотанковых ружей: однозарядного В. А. Дегтярёва и самозарядного С. Г. Симонова (ПТРД и ПТРС). Уже в октябре 1941 г. только Ковровский завод изготовил более 5 тыс. ПТРД, а в декабре — свыше 12 тыс. противотанковых ружей[140]. Однако так и осталась нереализованной потребность в создании ручного реактивного оружия одноразового действия, широко применяемого пехотой вермахта.

В годы войны окончательно сложилась получившая признание в мире выдающаяся творческая школа советских оружейников, в рамках которой утвердились традиции создания всей номенклатуры стрелкового оружия и других средств ближнего боя, отличающихся требуемыми техническими характеристиками, надежностью в эксплуатации, простотой конструкции и технологичностью изготовления, широкими возможностями для их модернизации. Принятые в войну меры по модернизации и организации производства стрелкового вооружения позволили обеспечить изготовление в 1941–1945 гг. 12 млн карабинов и винтовок, более 6 млн пистолетов-пулеметов, 950 тыс. ручных и станковых пулеметов, 153,8 млн ручных гранат[141].

К числу первых правительственных актов военного времени относится постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. «О вводе в действие утвержденного 6 июня 1941 г. мобилизационного плана по производству боеприпасов»[142]. Производство боеприпасов в войну оставалось наиболее массовым, сложным, охватывающим наибольшую номенклатуру. Предстояло обеспечить изготовление миллионов единиц основных классов комплектных изделий: патронов, артиллерийских и минометных выстрелов, реактивных снарядов, авиабомб, инженерных мин, гранат, взрывателей, пиротехнических изделий, а также необходимого количества исходных материалов для синтеза и построения эффективных рецептур порохов, взрывчатых веществ, металлических горючих добавок, других составляющих боеприпасной отрасли[143].

Наличие созданной в годы пятилеток на востоке страны промышленной базы, переориентация на боеприпасное производство других отраслей, масштабная эвакуация профильных предприятий в глубь страны в сочетании с хорошей организацией работы и героизмом трудящихся позволили сохранить и восстановить производственную базу настолько, что уже в начале 1942 г. производство боеприпасов различного назначения вступило в фазу подъема и в декабре 1942 г. было удвоено по сравнению с декабрем 1941 г. В течение 1942 г. отечественной промышленности удалось ликвидировать преимущество Германии и ее союзников в производстве боеприпасов. Наращивание производства обеспечивалось переводом выпуска боеприпасов на технические условия и технологические регламенты военного времени, внедрением новых, более эффективных технологий. Был снят ряд требований и ограничений, что позволило упростить некоторые технологические операции, сократить объем испытаний и, в конечном счете, сократить затраты. В том же 1942 г. были восстановлены мощности пороховой промышленности, а также пиротехническое капсюльное производство. Возможности боеприпасной промышленности характеризуются осуществленными крупными поставками фронту боеприпасов: к примеру, свыше 10 тыс. вагонов боеприпасов в Курской битве, более 15 тыс. вагонов в Восточно-Прусской операции.

Работа по наращиванию объема производства боеприпасов сопровождалась отбором наиболее эффективных из них, на изготовление которых направлялись дополнительные ресурсы. На разных этапах войны это были реактивные снаряды, фугасные авиабомбы, оснащенные новым взрывчатым веществом, боеприпасы повышенного могущества, броне-

бойно-зажигательные и осколочно-зажигательные снаряды и прочее. В 1943 г. было освоено производство подкалиберных бронебойных снарядов. Позднее началась поставка в войска кумулятивных артиллерийских снарядов. Крупнейшим достижением стала способность страны обеспечить изготовление сотен миллионов патронов. Всего за годы войны отечественной промышленностью было изготовлено 532 млн снарядов и мин, 158,3 млн ручных гранат, 21,5 млрд патронов стрелкового оружия[144].

С началом войны возросла потребность в инженерной технике и инженерном вооружении. Поскольку инженерная техника в большинстве своем относилась к категории материалоемких средств с большим циклом создания, вопросы оснащения ею армии многократно обсуждались на всех уровнях руководства. Основные усилия направлялись на обеспечение массового производства техники посредством модернизации в целях упрощения конструктивных решений и технологий изготовления, обеспечения удобства эксплуатации. Этим же требованиям должны были отвечать новые образцы. Другой путь заключался в передаче войскам на основании постановления ГКО инженерной техники, принадлежавшей Главвоенстрою и отдельным наркоматам. Техника после необходимой доработки передавалась войскам совместно с обслуживающим ее персоналом. Таким путем армия получила дополнительно необходимые машины, включая средства жизнеобеспечения. Тем не менее недостаток инженерной техники ощущался до конца войны.

Особое место на протяжении всей войны занимали совершенствование и организация массового производства минно-взрывных средств различного назначения, а также миноискателей и средств разграждения. Конструкции мин противотанковых, противопехотных, специального действия (например, сплавные) постоянно совершенствовались как в направлении повышения эффективности действия, так и с целью максимального упрощения технологии изготовления и применения дефицитных материалов. Исходя из опыта Первой мировой войны, не исключалась возможность применения химического оружия, на создание которого и средств защиты от него выделялись значительные средства.

Вероятно, наибольший ущерб в первые дни войны был нанесен авиации. Помимо более 1200 самолетов, потерянных к середине июля[145], были уничтожены хранилища и склады, погибла значительная часть летного состава. Предстояло восстановить боеспособность авиации, используя потенциал восточных районов страны, и обеспечить кадровые потребности такой сложной в производстве отрасли, как авиационная. Решению этих задач наряду с принятыми государством мерами по передислокации авиационных заводов, оборудования, сырья, материалов, десятков тысяч тружеников и их семей способствовали осуществленные в конце 1930—1940-х гг. превентивные меры: своевременное техническое переоснащение производства и создание современной лабораторной базы; совершенствование технологий, в частности обеспечение идентичности при массовом производстве; укрепление технологической дисциплины; внедрение суточных графиков; вовлечение в сложное производство малоквалифицированных кадров. Усилия по восстановлению авиационной промышленности оказались настолько результативными, что если в декабре 1941 г. план по производству самолетов был выполнен менее чем на 40%, а моторов — на 24%, то уже в 1942 г. удалось стабилизировать производство и начиная с 1943 г. обеспечивать количественное превосходство советской авиации, изготовив в течение войны свыше 125 тыс. самолетов: более 35 тыс. истребителей Як различной модификации, более 20 тыс. самолетов ЛаГГ и Ла, около 40 тыс. штурмовиков Ил, более 10 тыс. ДБ-3 (Ил-4). На начальном этапе среди принятых экстренных мер была осуществлена мобилизация всех самолетов гражданского флота, аэроклубов, штабов, учебных заведений, тыловых служб, в результате чего создана ночная легкомоторная бомбардировочная авиация, в составе которой действовал ставший легендарным созданный еще в 1928 г. самолет У-2 (По-2).

Другим направлением технической политики в области авиастроения стала борьба за качественное превосходство отечественных самолетов, которая осуществлялась в условиях отставания в техническом оснащении предприятий, недостатка необходимых материалов и квалифицированных кадров, при меньшем опыте организации научных исследований,

разработок и производства. Основное внимание заказчиков отечественных самолетов уделялось истребительной авиации, основу которой в начальном периоде войны составляли самолеты И-15 и И-16, уступавшие по своим пилотажным характеристиками и вооружению немецким самолетам. Тем не менее поступавшие в войска в 1942 г. новые самолеты Ла-5 и Ла-5ФН по своим летным характеристикам уже не уступали германским. Окончательно преимущество германских истребителей было утрачено с появлением на фронте самолетов Як-1 и Як-7Б, оснащенных двигателями повышенной тяговооруженности. Превосходство советских истребителей в разнообразных видах воздушного боя было достигнуто в 1944 г. с появлением на фронте самолетов Як-3 и Ла-5. Однако с начала боевых действий советские истребители уступали немецким по своей огневой мощи, так как располагали только пулеметным вооружением, а авиационные 20-мм пушки ШВАК начали устанавливаться только в 1942 г. на самолетах Як-1 и Як-7. И лишь в 1943 г. на истребителях Ла-5 (Ла-5ФН) появились 37-мм пушки. Уступали наши самолеты и по своему боекомплекту. Еще одним недостатком оставалась относительно низкая защищенность, так как из-за нехватки алюминия из металла делался только каркас самолета, а для изготовления корпусов применялись в основном дерево и специальные ткани. Кроме того, оставалась проблема низкой оснащенности самолетов средствами связи и их качества. Тем не менее к лету 1944 г. боевые возможности советских истребителей оказались настолько высокими, а их количество настолько большим, что немцы вынуждены были перенести действия своей бомбардировочной авиации на ночное время.

Достижением советских авиастроителей стал штурмовик Ил-2, наряду с танком Т-34 и пушкой ЗИС-3 являющийся еще одним символом победы. Разнообразное вооружение: две пушки, два пулемета, реактивные снаряды и бомбы, в том числе кумулятивного действия обеспечивали высокую эффективность поражения целей, в том числе танков противника. Качество и эффективность самолета определялись тем, что в его конструкции наилучшим образом сочетались летные характеристики, вооружение и живучесть. В течение всей войны самолет постоянно совершенствовался как путем повышения живучести (размещение второго пилота, усиление бронезащиты и прочее), так и путем увеличения и усовершенствования боевой нагрузки за счет резкого улучшения летных характеристик. К концу войны был создан, по существу, новый самолет Ил-10, который особенно широко применялся на заключительном этапе в войне с Японией.

Целенаправленная политика по обеспечению фронта в первую очередь истребителями ограничивала развитие бомбардировочной авиации. Основным фронтовым бомбардировщиком оставался СБ, а затем в течение всей войны — Пе-2, который уступал немецким образцам бомбардировочной авиации по бомбовой нагрузке, а также возможностям наносить удары по противнику с пикирования. Однако советские конструкторы создали бомбардировщик Ту-2, превосходящий по своим характеристикам немецкие образцы. В этом самолете удачно сочетались дальность и скорость полета, бомбовая нагрузка и оборудование для бомбометания, высокая защищенность и живучесть. За время войны было изготовлено всего 80 таких самолетов. Они успешно применялись на Курской дуге, в операции «Багратион», при штурме Кёнигсберга и Берлина.

Благодаря усилиям промышленности и героизму летчиков, отечественная авиация сокрушила люфтваффе. Победа была достигнута во многом благодаря способности, распределяя усилия между созданием самолетов различного типа и назначения, обеспечить в сложных условиях массовое их производство и достигнуть паритета с противником в качестве производимой продукции[146].

С началом войны для флота выдвинулись задачи сохранения боеспособности в условиях потери военно-морских баз и разрушения системы кораблестроения. Необходимо было проводить срочные мероприятия по устранению выявляющихся недостатков кораблей[147], обеспечить работу ремонтных баз и аварийно-спасательных служб, определить целесообразность достройки заложенных в строительство кораблей и постройки новых. Основные доработки находящихся в составе флота кораблей велись по направлениям повышения эффективно-

сти борьбы с воздушным противником, преодоления минной опасности, поиску и уничтожению подводных лодок. Боевые корабли дополнительно оснащались средствами ПВО: артиллерийскими орудиями и пулеметами, на корабли стали поступать радиолокационные станции обнаружения, гидроакустические средства и другая аппаратура. Проведенные научные исследования с участием ведущих ученых Академии наук СССР позволили разработать и внедрить методы размагничивания корпусов кораблей. Для совершенствования кораблей принимались меры по повышению их мореходных качеств, упрочнению корпусов и отдельных узлов, укреплению броневой защиты, улучшению помехоустойчивости оборудования, оснащению современными средствами связи и прочее.

При корректировке проектов кораблей, строительство которых началось до войны, учитывался не только отечественный опыт ведения боевых действий, но и опыт зарубежных флотов. Несмотря на остановку в строительстве линкоров и крейсеров, проектные работы велись в течение всей войны. Продолжились исследовательские работы по авианосцам. Весной 1942 г. наркомом ВМФ были утверждены предложения по корректировке проектов строящихся эскадренных миноносцев[148], в блокадном Ленинграде был достроен головной в серии сторожевой корабль[149]. Однако основное внимание было уделено строительству подводных лодок, малых кораблей и катеров. К началу войны на разных этапах строительства находилась 91 подводная лодка, при строительстве которых внедрялись методы снижения шумов, системы беспузырной стрельбы торпедами, способы безобмоточного размагничивания корпусов, новые системы амортизаторов и прочее. Большое внимание уделялось установке новой аппаратуры: стабилизаторов глубины, приборов по обнаружению мин, средств связи и прочего. Советские подводные лодки по скорости и дальности плавания в подводном и надводном положении обеспечивали решение боевых задач[150], хотя по ряду параметров уступали немецким. Всего за годы войны было построено 54 подводные лодки.

В течение всей войны предпринимались усилия по массовому строительству малого флота: тральщиков, охотников за подводными лодками, морских и речных бронекатеров, десантных катеров. Всего за годы войны флот получил около 600 боевых катеров, свыше 300 тральщиков и около 1400 вспомогательных судов. Военный опыт доказал необходимость обеспечения готовности к использованию в военных целях морского и гражданского флота[151]. Война подтвердила, что технический уровень советских кораблей соответствовал уровню мирового кораблестроения. С учетом условий значительной части судостроительных мощностей и всех видов ресурсов были сделаны обоснованные выводы по корректировке программы кораблестроения, доработкам кораблей, проведению ремонта и строительству кораблей установленного типажа.

Принятые руководством страны меры по совершенствованию организации и создания современных средств связи по итогам военных конфликтов на Дальнем Востоке и Советско-финляндской войны не были завершены. Уже 23 июля 1941 г. вышел приказ наркома обороны «Об улучшении работы связи в Красной армии», в котором, в частности, указывалось на недооценку штабами радиосвязи и непонимании ее значения в маневренной войне. Вопросы технического оснащения связи решались в комплексе с проблемами ее организации применительно к правительственной (специальной) связи, фронтовой проводно-телеграфной и радиосвязи, связи в тактическом звене, а также обеспечению связи на боевой технике, танках, самолетах, кораблях. В августе 1941 г. в Наркомате обороны было сформировано Главное управление связи Красной армии. Разработка аппаратуры связи возлагалась на наркоматы электропромышленности и судпром.

В сфере обеспечения правительственной связью основной задачей стало налаживание ее устойчивости, для чего строились новые ВЧ-станции, создавались современная, более компактная аппаратура уплотнения и портативная аппаратура засекречивания ВЧ-связи. Внедрялась новая аппаратура высокочастотного телефонирования, в том числе одновременного телефонирования и телеграфирования по высокочастотным каналам. Удалось разработать полный комплекс средств для ВЧ-связи, позволивший полностью отказаться от устаревшей и импортной аппаратуры. Показателем уровня развития служит опыт подготовки операции

на Курской дуге, когда была обеспечена устойчивая связь Ставки не только с фронтами, но и со штабами армий.

Для организации фронтовой проводно-телеграфной связи предстояло поставить в войска нужное количество кабеля, телефонных аппаратов, другого имущества, так как обеспеченность войск к началу войны не превышала 50%. Состояние промышленности позволило начиная с 1942 г. развернуть интенсивное доукомплектование фронтовых частей необходимыми средствами связи, в том числе усовершенствованными, унифицированными телефонным аппаратами, полевыми телефонными и телеграфными коммутаторами, кабелем для многоканальной передачи и прочим[152]. В 1943 г. линейные батальоны связи комплектовались аппаратурой на автомобилях и использовали для прокладки линий связи инженерную технику.

Начальный период войны характеризовался не только недооценкой роли радиосвязи в войсках, но и недостаточной оснащенностью войны средствами радиосвязи и невысоким их качеством. На дальнейшее повышение устойчивости управления и обеспечение непрерывной системы поддержания связи была направлена директива Ставки ВГК от 30 мая 1942 г. «Об улучшении использования радиосвязи для обеспечения управления войсками». В том же году в войска на смену довоенным стали поступать коротковолновые радиостанции РБМ, предназначенные для организации связи батальон — полк — дивизия, по многим параметрам не уступавшие немецкой трофейной аппаратуре. В первые военные годы для использования в тактическом звене было освоено производство УКВ-радиостанций с частотной модуляцией.

Стабилизация промышленности позволила непрерывно совершенствовать войсковые радиостанции. В войска стали поступать отсутствовавшие в начале войны радиостанции, размещенные на автомобилях. Устранялись недостатки в оснащении радиостанциями танков и самолетов, в том числе за счет использования на танках модифицированных самолетных радиостанций. С началом войны самолеты оснащались коротковолновыми радиостанциями разных типов, позволяющими осуществлять связь как между летчиками, так и с землей[153]. Однако в первые годы войны радиостанции устанавливались лишь на небольшую часть самолетов, менее 20%, и необходимо было в первую очередь наращивать производство радиоаппаратуры.

Заметная роль в развитии систем военной связи принадлежала флоту, в составе которого еще в мае 1938 г. было образовано отдельное Управление связи Наркомата ВМФ. По результатам системных исследований по программе «Блокада»[154] были сформулированы задачи и направления развития связи на флоте, установлены природно-климатические требования к энергообеспечению аппаратуры и ее надежности и прочее. Работа по программе «Блокада», продолженная во время войны, послужила образцом системного подхода к развитию отвечающих требованиям времени радиосредств, обеспечивающих расширенный диапазон волн, работу в режимах быстродействия и сверхбыстродействия, высокую стабильность частот для беспоисковой и бесподстроечной связи, надежность работы при сложном механическом воздействии. Особое внимание уделялось разработке комплекса средств связи для подводных лодок[155].

В начале войны проявилась неподготовленность технических средств и всей системы связи к работе в режиме военного времени, тем более при наличии противодействия противника. Настойчивая деятельность органов управления и мобилизация промышленных ресурсов позволили начиная с 1942 г. наращивать уровень радиовооружения армии и флота. В результате принятых мер отечественная продукция средств связи по своему качеству приблизилась к сложившемуся в то время технологическому уровню и обеспечила устойчивое управление войсками.

Определенное внимание уделялось использованию технических средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ). 16 декабря 1942 г. было подписано постановление ГКО № 2633 «Об организации в Красной армии специальной службы по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя». Сформированные части радиопомех принимали участие во всех фронтовых и армейских операциях 1943–1945 гг., обеспечивая ведение радиоразведки, радиопеленгации, радиодезинформации и радиодемонстрации[156].

Формированию эффективной военно-технической политики способствовало активное привлечение ведущих ученых страны. Уже 23 июня 1943 г. состоялось заседание президиума Академии наук, на котором были приняты решения по перестройке ее организационной деятельности и изменению планов выполнения научных работ. Для повышения эффективности проведения прикладных исследований, выполняемых в интересах обеспечения обороны страны, создавались тематические комиссии, возглавлявшиеся крупнейшими специалистами. Так, Комиссией по артиллерийским боеприпасам руководил академик Б. Г. Галёркин, а Комиссией по взрывчатым веществам и огневым средствам — будущий Нобелевский лауреат академик Н. Н. Семёнов. Координация фундаментальных и прикладных исследований в годы войны позволила заложить основы направлений по разработке технологий, обеспечивших в послевоенные годы создание новых средств вооруженной борьбы. Так, принятые в 1942 г. постановления ГКО «Об организации работ по урану» и «О добыче урана» положили начало созданию атомной отрасли, а принятое в 1943 г. постановление ГКО «О радиолокации» — становлению радиоэлектроники как отрасли промышленности.

Успешное военно-техническое обеспечение армии и флота в течение всей войны базировалось на развитии советской экономики и промышленности предвоенного периода, которая в 1920–1930-е гг. прошла путь от военпрома до ВПК. Условия для военно-технического обеспечения ведения боевых действий армии и флота сложились в предвоенные годы, когда в результате проводимой военно-технической политики были созданы основы оборонной промышленности, позволившей осуществить перевооружение армии и флота в основном в соответствии с технологическим укладом того времени. Проведенная в стране индустриализация создала материальную основу, а культурно-образовательные процессы — необходимую кадровую базу для создания и эксплуатации вооружения и военной техники. В стране сложилась централизованная система управления, способная формировать и осуществлять военно-техническую политику как составную часть военной политики государства.

В основу военно-технической политики были положены этапность и выбор приоритетов в развитии средств вооруженной борьбы. По окончании Гражданской войны было проведена инвентаризация оружия и боеприпасов, после чего установлены объекты модернизации, в основном артиллерийских орудий и восстановления кораблей на флоте, после чего определены направления дальнейшего развития вооружения. В качестве приоритетов были обоснованно выбраны танки и авиация, а на флоте — подводные лодки. Ограничениями служили возможности промышленности, материальные и интеллектуальные ресурсы.

Военно-техническая политика строилась с учетом накопленного опыта и сложившихся традиций при обеспечении преемственности развития средств вооруженной борьбы с опорой на научные достижения. Она включала широкую программу создания научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, опытных производств, обеспечения их квалифицированными специалистами и предполагала активное творческое использование зарубежного опыта. Реализация намеченных программ предполагала жесткую требовательность, однако принудительные меры постепенно уступали место экономическим. Особенностями проводимых мероприятий по военно-техническому обеспечению армии и флота стали намеченные планы системного развития вооружений родов войск, формирование комплектов вооружения и военной техники войсковых формирований, внедрение элементов конкурсного отбора разрабатываемого оружия. Выбор подлежащего разработке и производству оружия стремились производить в соответствии со складывающейся военной доктриной и на основе изучения опыта войн и военных конфликтов. Общими особенностями при создании отечественными разработчиками оружия стали простота конструкции, технологичность, надежность, высокие эксплуатационные характеристики и модернизационный потенциал при ориентации на отечественное сырье и существующие производственные возможности.

Наряду с достижениями имели место и просчеты, вызванные недооценкой отдельных видов вооружения и техники (САУ, бронетранспортеры, некоторые виды оружия ближнего боя, ремонтные средства), а также неготовность промышленности к изготовлению отдельных видов высококачественной продукции военного назначения (средства связи, оптика,

радиолокационная аппаратура) или ее массовому производству (автотранспорт, инженерное оборудование).

Принятые в начале войны энергичные меры в условиях потерь вооружения и техники первых недель и месяцев войны, масштабной эвакуации и утраты значительной части материальных и людских ресурсов позволили уже в первой половине 1942 г. перевести промышленность на условия военного времени и в течение сжатых сроков превзойти возможности противника, обеспечив подавляющее количественное превосходство Красной армии в оружии и технике. По своим боевым и эксплуатационным качествам, эффективности боевого применения многие образцы советского оружия превосходили зарубежные или приближались к ним. Концентрация научных, исследовательских, конструкторских разработок и производственных возможностей, а также накопленный опыт эксплуатации позволили в ходе войны успешно реализовать заложенный в конструкциях и технологиях модернизационный потенциал и совершенствовать оружие в соответствии с требованиями войск. В ходе войны, как правило, предпочтение отдавалось тем видам боевой техники и вооружения, по которым обеспечивалось опережающее развитие. Именно поэтому на завершающем этапе Великой Отечественной войны СССР располагал готовыми к серийному производству новейшими образцами, по своим параметрам существенно превосходящими те, которые имели участвующие в войне страны (танки Т-44 и ИС-3, 85-мм дивизионная пушка, бомбардировщик Ту-2, пулемет ДШКМ и прочее).

Военно-техническому обеспечению армии и флота необходимыми видами вооружений способствовали поставки союзниками по антигитлеровской коалиции боевой техники, материалов и оборудования для ее изготовления. Не имея решающего значения, они, безусловно, способствовали качеству и своевременности оснащения советских войск, особенно в начальный период войны.

Важным фактором достижения успехов в обеспечении потребностей войск в современном оружии стало эффективное использование возможностей отечественной науки за счет внедрения элементов централизации и привлечения научных кадров к координации творческой деятельности. Война подтвердила значение интеллектуального уровня нации, качества организации образовательных процессов не только для создания, но и для успешной эксплуатации и применения боевых средств. Концентрация усилий науки на решении военных задач позволила за время войны развернуть масштабные работы в новейших областях исследований, таких как атомная техника, радиоэлектроника, ракетная техника, заложить необходимую базу для создания в первые послевоенные годы отвечающих требованиям времени новейших средств вооруженной борьбы, обеспечивших на долгие годы обороноспособность страны.

Вклад отечественной медицины в достижение Победы

С началом Великой Отечественной войны в условиях неблагоприятной военно-политической обстановки, значительных потерь, которые несли вооруженные силы Советского Союза, государство поставило перед военно-медицинской службой следующие стратегические задачи: возвратить в строй максимальное число раненых и больных; вернуть к полноценной жизни тех, кто был уволен из рядов вооруженных сил по ранению или заболеванию, в том числе снизить количество инвалидов; уменьшить число небоевых потерь, предотвратить вспышки массовых заболеваний как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения. Залогом успешного выполнения этой работы стали взаимодействие усилий военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения, грамотная организация лечебно-эвакуационного обеспечения, медицинского снабжения, научно-исследовательской работы, подготовки кадров, проведение эффективных санитарно-противоэпидемических и профилактических мероприятий, а также героизм и самоотверженный труд советских медиков.

Через лечебные учреждения действующей армии и тыла страны прошли более 22 млн военнослужащих и вольнонаемных. Более 17 млн человек, пораженных в боях и заболевших, были возвращены в строй. А из числа раненых после излечения продолжали сражаться с врагом свыше 10,5 млн человек, что является «важнейшим критерием эффективности работы санитарной службы»[157]. «Военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения»[158].

По данным военно-медицинской службы, из числа раненых, контуженных и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, были возвращены в строй — 71,7%, признаны негодными к службе и уволены из армии с исключением с воинского учета или в долгосрочные отпуска по ранению и болезни — 20,8%, умерли — около 7,5%. Из числа заболевших были возвращены в строй — 86,7%, умерли — лишь 3,5%. Если общее число санитарных потерь Красной армии и Военно-морского флота за весь период войны принять за 100%, то по годам они распределятся следующим образом: 1941 г. (с 22 июня по 31 декабря) — 7,3%, 1942 г. — 22,4%, 1943 г. — 30,2%, 1944 г. — 27,9%, 1945 г. (с 1 января по 9 мая) — 12,1%.

Основополагающие принципы организации и работы этапов медицинской эвакуации, а также методика организации и проведения маневра силами и средствами санитарной службы Красной армии, несомненно, сыграли положительную роль в медицинском обеспечении войск действующей армии. Существенным недостатком была многоэтапность медицинской эвакуации, приводившая, как правило, к увеличению сроков выздоровления, а часто и к ухудшению исходов. Для возвращения раненых и больных в строй и к труду требовались усилия по организации восстановительного лечения, в связи с чем руководством санитарной службы Красной армии и Народным комиссариатом здравоохранения было принято решение о существенном увеличении коечной емкости лечебных учреждений как в госпитальных базах действующей армии, так и в лечебных центрах тыла страны.

Спасение раненых начиналось с поля боя. От своевременности оказания первой медицинской помощи и выноса раненого с поля боя зависели его жизнь и возвращение в строй. Труд военных медиков на поле боя был приравнен к ратному подвигу солдат и офицеров Красной армии, о чем свидетельствует приказ НКО СССР № 281 от 23 августа 1941 г. Он определял порядок представления к правительственным наградам военных санитаров и носильщиков, среди которых было много женщин. Так, за вынос с поля боя 15 раненых с их винтовками или ручным пулеметом санитары и носильщики представлялись к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу», за вынос 25 раненых с их оружием — орденом Красной Звезды, 49 раненых — орденом Красного Знамени, 80 раненых — орденом Ленина[159].

В годы войны задача по возвращению к жизни, в строй и к профессиональной деятельности раненых и больных солдат и офицеров была выполнена достаточно успешно. Динамика возвращения в строй раненых и больных по отношению к среднемесячной численности войск Красной армии характеризовалась следующими показателями: в 1941 г. — 929,3 тыс. человек (30,7%), 1942 г. — 4191,8 тыс. (78,9%), 1943 г. — 4753,5 тыс. (74,4%), 1944 г. — 4386, 4 тыс. (67%)[160]. В лечебных учреждениях армий, фронтов и тыла страны летальность к определившимся исходам в среднем у раненых равнялась 5,3%, у больных — 3,7%. В ходе войны наметилась отчетливая тенденция к снижению летальности, которая в 1944 г. составила 2%. Из рядов Красной армии по ранению или заболеванию были уволены около 3,8 млн человек, в их числе более 2,5 млн стали инвалидами[161].

В военный период была проделана огромная врачебно-экспертная работа, результатом которой стал профессионально поставленный контроль над выпиской раненых и больных из госпиталей и батальонов выздоравливающих, а также выявление причин неудовлетворительных результатов лечения. Начало становлению специализированной системы лечения инвалидов войны положил приказ НКЗ СССР от 14 мая 1943 г. «Об организации специализированной лечебной помощи инвалидам Великой Отечественной войны», согласно кото-

рому предписывалось создавать специальные отделения для восстановительного лечения инвалидов войны при 12 клиниках медицинских институтов[162]. Вскоре была создана эффективная система лечения инвалидов, позволившая вернуть к полноценной жизни тысячи военнослужащих. Важнейшую роль в пополнении личного состава действующей армии за счет возвращения в строй раненых и больных сыграло создание на основе соответствующих приказов НКО команд выздоравливающих при медико-санитарных батальонах, запасных полках, армейских и фронтовых госпиталях для легкораненых, а также специальных палат и отделений для выздоравливающих при тыловых эвакогоспиталях.

Таким образом, в период боевых действий 1941–1945 гг. отечественной медициной был получен уникальный опыт, имевший важное стратегическое значение. Для его обобщения в ходе войны были созданы Военно-медицинский музей и Академия медицинских наук СССР, ставшие ключевыми учреждениями по сбору, хранению и обобщению материалов, связанных с работой медиков на полях сражений и в тылу страны, разработке важнейших научно-исследовательских тем[163]. Толчком к интеграции медицинских сил послужило постановление Совета министров СССР от 26 марта 1946 г. № 664 «О научной разработке и обобщении опыта советской медицины во время Великой Отечественной войны», подписанное И. В. Сталиным[164]. Благодаря четкой и слаженной работе ученых АМН СССР, Военно-медицинской академии и Военно-медицинского музея в короткие сроки были подготовлены и изданы фундаментальные труды «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Энциклопедический словарь военной медицины» и другие, внесшие значительный вклад в развитие медицинской науки и практики.

Великая Отечественная война убедительно показала успешное функционирование системы лечебно-эвакуационного обеспечения войск Красной армии, разработанной на основе опыта предшествующих войн и усовершенствованной в ходе военных действий, а также положений, высказанных в различные периоды развития отечественной военной медицины ее ведущими представителями: Н. И. Пироговым, В. А. Оппелем, Б. К. Леонардовым и другими.

В предвоенный период полевая военно-медицинская организация Красной армии проходила этап становления. Это отчетливо проявилось в конце 1930-х гг., когда Советский Союз принимал участие в военных конфликтах в районе озера Хасан, у р. Халхин-Гол, а также в период Советско-финляндской войны[165]. Совершенствование организационно-штатной структуры санитарной службы до начала и в ходе войны имело принципиально большое значение при решении проблемы организации медицинского обеспечения войск РККА.

Существенной перестройке с началом войны подвергся центральный орган управления санитарной службой Красной армии. Приказом НКО СССР 11 августа 1941 г. Санитарное управление Красной армии было реорганизовано в Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) Красной армии. Его начальником был оставлен дивврач Е. И. Смирнов, возглавлявший управление с марта 1939 г. В составе ГВСУ вместо отделов были созданы три управления. Руководство отдельными направлениями деятельности санитарной службы возлагалось на соответствующие отделы и отделения[166].

Лечением раненых и больных в период войны по приказу НКО от 1 августа 1941 г. руководило Лечебно-эвакуационное управление (ЛЭУ) при ГВСУ, включавшее три отдела: 1-й — эвакуационный, 2-й — лечебный, 3-й — статистики. В 1943 г. в состав ЛЭУ был введен 4-й отдел — санитарно-курортный. Вышеуказанная структура сохранялась на протяжении всей войны[167]. Начальником ЛЭУ был назначен бригврач Л. А. Ходорков. Он подчинялся непосредственно начальнику ГВСУ Е. И. Смирнову и по всем вопросам поддерживал связь с главными специалистами, управлениями, отделами и отделениями ГВСУ. На протяжении войны ЛЭУ занималось планированием лечебно-эвакуационного обеспечения войск действующей армии и маневром лечебно-эвакуационных средств, а также решением ряда важных проблем военно-полевой хирургии[168].

Первые месяцы боевых действий показали, что система лечебно-эвакуационного обеспечения раненых, рассчитанная на ведение боевых действий преимущественно в приграничных районах, себя не оправдала[169]. Причины просчетов в организации лечения раненых и больных

в начальном периоде войны объяснялись рядом факторов: стремительным продвижением противника в глубь страны; захватом им значительных запасов медицинского имущества, созданных в приграничных районах; вынужденной эвакуацией гарнизонных госпиталей, находившихся на путях продвижения противника, на восток; гибелью части госпиталей во время массированной бомбежки и захватом их противником. Об этом наглядно свидетельствует донесение ВСУ Западного фронта от 30 июня 1941 г. начальнику СУ Красной армии: «В процессе боевых действий все санитарные учреждения, дислоцированные на территории западной и частично восточной БССР, не отмобилизовались. В результате фронт лишился 32 хирургических и 12 инфекционных госпиталей, 13 эвакоприемников... Имущество санитарных учреждений осталось в пунктах формирования и уничтожено пожарами и бомбардировками противника»[170].

Начальник санитарной службы Западного фронта военврач 1 ранга М. М. Гурвич в своем письме от 12 июля 1941 г. так характеризовал происходящее в эти трудные дни: «Санитарное обеспечение боевых действий армий находится на низком уровне. Связь между санотделами армий и войсковыми (армейскими) санитарными начальниками налажена чрезвычайно слабо. Управление санитарной службы не организовано. В санотделах армий отсутствуют точные данные о расположении армейских санитарных учреждений. Качество медицинской помощи весьма низкое. Сортировка и первичная документация отсутствуют. Эвакуация проводится беспорядочно... Имеются факты, когда санитарные учреждения, маскируясь от воздушного противника, укрываются в лесах так, что их невозможно найти... Запрещаю не вызываемое обстановкой своевольное перемещение санучреждений. Трусов и паникеров отстранять от должности и предавать суду»[171].

На организацию лечебно-эвакуационного обеспечения войск в первом периоде Великой Отечественной войны повлияло то обстоятельство, что медицинская служба всех фронтов вступила в войну с количеством лечебных учреждений, не соответствовавшим объему работы. Среди госпиталей большую часть составляли малоподвижные и медленно развертываемые эвакогоспитали, пункты формирования, которые уже в первые дни войны были заняты противником. Негативно влияла на организацию работы лечебных учреждений недостаточная и поступающая с опозданием информация санитарных отделов об оперативной обстановке. В ходе оборонительной операции под Москвой в ряде случаев полевые подвижные госпитали вынуждены были прекращать работу по приему раненых и спешно покидать место своей дислокации вследствие возникновения непосредственной угрозы выхода противника в район их расположения.

К началу войны отмечался серьезный некомплект врачебного состава, в первую очередь в войсковом звене, который в отдельных частях и соединениях, в частности в Прибалтийском, Киевском, Орловском и Харьковском военных округах, составлял более 40%[172]. Из числа врачей-специалистов острый дефицит ощущался в хирургах общего профиля, нейрохирургах, окулистах, челюстно-лицевых хирургах. Кроме того, имелся недокомплект полевых медицинских учреждений и органов управления медицинской службой. Так, по состоянию на 1 июля 1941 г. на Западном и Юго-Западном фронтах было развернуто лишь 15% запланированных частей, учреждений и органов управления медицинской службой. Многие медицинские учреждения, направленные на фронт из тыла страны, не могли попасть в пункты своего назначения. С другой стороны, шла передислокация госпиталей в тыл страны. По данным на 20 декабря 1941 г., было перемещено около 35% госпитального коечного фонда, которым располагали органы гражданского здравоохранения и медицинской службы Красной армии[173].

С началом войны резко возросли перечень, а также степень сложности выполняемых руководством медицинской службы задач. Массовый характер поступления раненых потребовал коренного и немедленного изменения методов и организации работы лечебных и других медицинских учреждений. ГВСУ было передано в ведение начальника тыла Красной армии. В период летне-осенней кампании 1941 г. штатная численность отдельных рот медицинского усиления (ОРМУ) и медицинских санитарных батальонов (МСБ) была сокращена практически на 50%. Вместо войсковых полевых госпиталей (ВПГ) и армейских

Санинструктор Е. Никулина, награжденная орденом Красной Звезды, перевязывает раненого бойца

Санинструктор готовит раненого красноармейца к отправке в госпиталь

полевых госпиталей (АПГ) был создан единый унифицированный полевой подвижной госпиталь (ППГ) на 200 коек с меньшим штатом. Содержание работы медицинской службы во время оборонительных боев и отхода армии в первом периоде войны сводилось к обеспечению быстрого выноса раненых с поля боя, своевременному оказанию первой врачебной и квалифицированной медицинской помощи и немедленной эвакуации раненых и больных в армейские госпитали и в тыл, а также одновременной передислокации сил и средств медицинской службы из-под удара противника[174].

Наряду с организационными мероприятиями, улучшавшими возможности оказания медицинской помощи, санитарная служба Красной армии совместно с руководящими органами гражданского здравоохранения создавала и развертывала новые медицинские части и учреждения для действующей армии[175]. Существенное значение в повышении качества оказываемой медицинской помощи раненым и больным имело создание в декабре 1942 г. вместо ППГ хирургических на 200 коек и терапевтических на 100 коек полевых подвижных госпиталей (ХППГ и ТППГ).

Битва под Москвой стала важной вехой в развитии медицинской службы Красной армии, предоставив возможность приобрести первый опыт организации медицинского обеспечения войск в условиях перехода от оборонительных действий к проведению наступательной операции стратегического масштаба. Успешное развитие контрнаступления под Москвой выявило необходимость увеличения мощности госпитальных баз фронтов. Вследствие этого в конце 1941 г. было принято решение о возвращении в состав действующей армии эшелонов с эвакуированными на восток эвакогоспиталями на 6 тыс. коек. Появилась возможность увеличить коечную сеть госпитальной базы фронта к началу 1942 г. до 107 500 коек[176].

Медицинское обеспечение войск и сил флота, защищавших Севастополь в течение 250 суток, проходило в сложнейших условиях, в отрыве от тыловых учреждений фронта и флота. На организацию медицинского обеспечения Севастопольского оборонительного района оказала существенное влияние стабильность линии фронта до последнего месяца обороны и наличие надежных подземных укрытий в пунктах дислокации большинства медико-санитарных батальонов. В ноябре 1941 г. из Севастополя были эвакуированы все военно-морские госпитали и базовые лазареты, и оказание квалифицированной медицинской помощи раненым и больным, их госпитализация осуществлялись только медико-санитарными батальонами и госпиталями Приморской армии. Впоследствии количество лечебных учреждений было увеличено. К 1 июня 1942 г. количество коек, развернутых в Севастополе, составляло 8365 единиц. Эвакуация раненых и больных за пределы Севастопольского оборонительного района осуществлялась только морским путем в порты Кавказского побережья. При проведении лечебно-эвакуационных, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий серьезные трудности возникали из-за неоднократных преобразований в системе управления силами и средствами медицинской службы Севастопольского оборонительного района. Вместе с тем медицинская служба со своими задачами справилась, в результате чего раненые и больные своевременно получали медицинскую помощь вплоть до квалифицированной, а санитарно-эпидемическое состояние за все время обороны Севастополя было устойчивым.

Летом и осенью 1942 г. произошло увеличение санитарных потерь Красной армии. Между тем перед медицинской службой по-прежнему стояла задача быстрейшего восстановления здоровья раненых и больных, возвращения боеспособности солдатам и офицерам Красной армии и трудоспособности работникам предприятий, обеспечивавших армию. В этот напряженный период значимую роль сыграло активное содействие трудящихся органам военного и гражданского здравоохранения. 8 октября 1941 г. при ЦК ВКП(б) был создан Всесоюзный комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии, который возглавил А. А. Андреев. Подобные комитеты создавались в союзных и автономных республиках, краях и областях. Были проведены мероприятия по увеличению общего количества госпиталей и коечной системы по всей стране и организации эвакуации раненых и больных на фронтах.

Врач фронтового госпиталя Н. Н. Шаталин

Советский полевой госпиталь в районе Сталинграда

Хирург Г. Т. Власов, медсестры В. Панфёрова и М. Захарова во время операции в сталинградском полевом госпитале

Первые дни войны показали необходимость формирования новых медицинских подразделений, в частности специализированных госпиталей для лечения легкораненых и легкобольных. Такие формирования в виде нештатных госпиталей на 1 тыс. мест под названием госпитали-лагеря были созданы в период Смоленского сражения на Западном фронте в августе 1941 г. А в декабре того же года в госпитальной базе армии появился новый тип лечебного учреждения — госпиталь для лечения легкораненых и легкобольных (ГЛР). Тогда же были установлены штаты ГЛР из расчета по одному госпиталю на каждую армию. В апреле 1942 г. такие госпитали появились в составе госпитальной базы фронта.

В 1942 г. при медицинских санитарных батальонах были организованы команды выздоравливающих для содержания и амбулаторного лечения легкораненых и легкобольных, которые не нуждались в направлении в ГЛР. Эти мероприятия привели к увеличению общей коечной сети лечебных учреждений фронтов и армий. И если на 1 июля 1941 г. в составе медицинской службы Красной армии, а также в системе Наркомздрава СССР и ВЦСПС было развернуто лечебных учреждений в общей сложности на 463 750 коек, то к концу второго года войны коечная емкость составила уже 1 489 250 коек. Всего с 22 июня 1941 по 25 ноября 1944 г. было сформировано госпиталей на 1 914 130 коек[177]. Были созданы сортировочно-эвакуационные госпитали (СЭГ) на 500, 1 тыс. и 2 тыс. коек для распределения раненых и больных[178].

Для улучшения эвакуации раненых и больных из армейских и фронтовых лечебных учреждений в тыловые госпитали были созданы конносанитарные роты и отдельные отряды санитарных собачьих нартовых упряжек. Они находились в распоряжении начальников медицинской службы армий. Выросло и количество железнодорожных санитарных транспортных средств. Наряду с постоянными (ПВСП) и временными (ВВСП) военно-санитарными поездами еще в феврале 1942 г. было сформировано 286 военно-санитарных летучек (ВСЛ). К эвакуации раненых в тыл привлекался также и авиатранспорт, но его количество было явно недостаточным: так, на 1 января 1942 г. имелось всего 202 самолета. Наблюдался недокомплект и санитарного автотранспорта. Кроме того, часть машин и самолетов была неисправна, ощущалась нехватка горючего[179].

Следует отметить, что довоенные принципы военно-медицинской доктрины и военно-полевой хирургии в начале войны не всегда полностью выполнялись. По свидетельству Е. И. Смирнова, имелся разнобой в деятельности медицинского состава, в частности хирургов, по оказанию медицинской помощи раненым. Врачи запаса, в значительной степени выпускники медицинских институтов, обладали различным опытом практической работы и по-разному относились к вопросам хирургической тактики, выбору того или иного метода лечения. В основной массе они не были знакомы с положениями и требованиями военно-полевой хирургии.

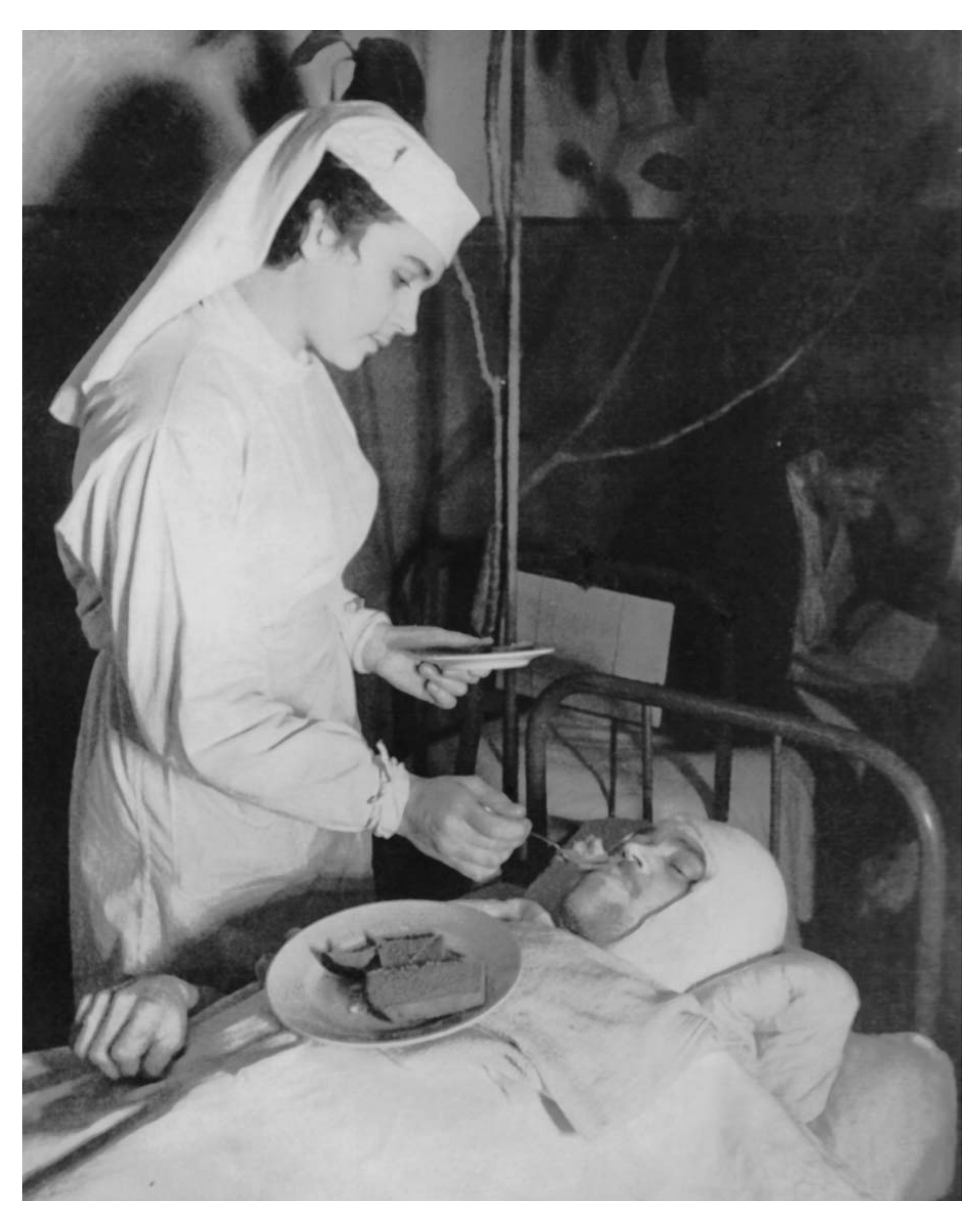
Гигантские масштабы войны, огромное число медицинских работников различных школ требовали жесткого научного формулирования основных положений в организации медицинского обеспечения войск. Задача была конкретизирована в виде требования начальника ГВСУ к санитарной службе: на основе анализа возможностей и достижений медицинской науки в целом и военной медицины в частности добиваться возвращения в строй не менее 75% раненых. Выполнение этой задачи могло быть осуществлено только при наличии единой военно-полевой медицинской доктрины. Основные положения этой доктрины формулировались следующим образом: все огнестрельные раны являются первично инфицированными; единственно надежным методом борьбы с инфекцией ран является своевременная первичная обработка ран; большинство ран нуждается в ранней хирургической обработке; произведенная в первые часы хирургическая обработка раны дает основание поставить наилучший прогноз; в условиях полевой санитарной службы объем работы и выбор методов хирургического вмешательства и лечения чаще определяются не столько медицинскими показаниями, сколько положением дела на фронте, количеством поступающих раненых и больных и их состоянием, количеством врачей, особенно хирургов, на данном этапе, а также наличием автотранспортных средств полевых санитарных учреждений и медицинского оснащения, времени года, состоянием погоды[180].

Опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что военно-полевая медицинская доктрина и опиравшаяся на нее система лечебно-эвакуационного обеспечения войск — этапного лечения раненых и больных с их эвакуацией по назначению послужили успешному решению основной задачи по возвращению раненых и больных в действующую армию.

Уже в первом периоде войны выявилась необходимость формирования специализированных госпиталей для оказания медицинской помощи при ранениях различных областей тела: головы, челюстно-лицевой области, глаз, ЛОР-органов, живота, грудной клетки и прочего. Такие госпитали должны были специально оборудоваться, а хирурги — иметь специальную подготовку. В июне 1942 г. был издан совместный приказ НКЗ СССР и ГВСУ о создании широкой сети специализированных госпиталей[181]. Специализация в оказании помощи в первом эшелоне госпитальной базы армий (ГБА) осуществлялась за счет придания полевым подвижным госпиталям групп усиления, включающих специалистов разного профиля: общехирургических, нейрохирургических, офтальмологических, стоматологических, рентгенологических, оториноларингологических, ортопедических и других. В последующем эти группы усиления были объединены в отдельную роту медицинского усиления. По мере удаления от фронта в тыл формировались специальные нейрохирургические, челюстно-лицевые, торакоабдоминальные госпитали. В госпитальных базах фронта осуществлялось специализированное лечение раненых и больных со сроком выздоровления до трех месяцев или до восстановления транспортабельности подлежащих эвакуации в тыл страны — нуждающихся в более длительном лечении до выздоровления или заведомо непригодных к дальнейшей службе в армии.

В июле — августе 1943 г. после оборонительных сражений в ходе Курской битвы Красная армия перешла в наступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Наступательные операции осуществлялись, как правило, высокими темпами, на значительную глубину и на широком фронте и сопровождались значительными санитарными потерями. Существенное увеличение санитарных потерь потребовало от медицинской службы решения ряда вопросов организационного плана. Во время сражений под Курском среднесуточные потери ранеными в армиях, которые вели наиболее тяжелые оборонительные бои на направлениях главного удара противника, достигали 1–1,1% личного состава. В общей структуре санитарных потерь была достаточно высокой доля тяжелораненых[182], больных — немногим более 13%. Среди пострадавших были обожженные и контуженные[183]. Медицинской службой в период Курской битвы был получен огромный опыт лечебно-эвакуационного обеспечения войск в условиях обороны, перехода к контрнаступлению и в наступательных операциях. Успех медицинского обеспечения был обусловлен маневренностью и подвижностью хирургических сил, формированием нештатных групп усиления и подвижных хирургических бригад, эшелонированием специализированной медицинской помощи и способностью не отставать от войск.

В ходе наступательных операций Красной армии в 1943 г., во время второго периода Великой Отечественной войны, преобладали задачи организации специализированной медицинской помощи раненым и больным, лечения в госпитальных базах армий и фронтов, обеспечения маневров армейскими и фронтовыми силами и средствами медицинской службы[184]. В этот период поднимались вопросы сокращения числа этапов и организации эвакуации по назначению. На это начальник ГВСУ неоднократно обращал внимание специалистов[185]. Им был инициирован приказ наркома обороны о создании на базе существующих госпиталей специальных госпиталей восстановительной хирургии с предположительным числом коек 36 200. Для наиболее полного обеспечения наступательных операций был решен вопрос о необходимости создания резерва госпитальных средств. Большое внимание уделялось увеличению коечной сети. В связи с наступательными операциями возникла необходимость маневренности или перераспределения коечного фонда между фронтами. В это время из-за неполной укомплектованности санитарным транспортом медицинская служба испытывала серьезные трудности в обеспечении своевременной эвакуации раненых и больных и выдвижении лечебных учреждений вслед за наступавшими войсками.

Медсестра Ленинградского военно-морского госпиталя А. Юшкевич кормит раненого краснофлотца В. А. Ухова

Военврач 3 ранга А. Ф. Володкина выступает на конференции военных хирургов Юго-Западного фронта

Группа хирургического отделения медсанвзвода штаба 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса

Особой страницей в истории военной медицины стала организация медицинской помощи защитникам Ленинграда в 1941–1944 гг. Блокада города создала исключительно трудные условия для работы медицинской службы Северного, а затем Ленинградского фронтов. Среди условий, определявших особенности организации медицинского обеспечения войск, следует упомянуть: упорный характер оборонительных действий, сочетавшихся с эпизодическими наступательными операциями местного значения; незначительную глубину тыловых войсковых соединений, армий и фронта в целом; ограниченные возможности для систематической эвакуации в тыл страны раненых и больных.

Максимальных показателей санитарные потери войск фронта за время полной блокады Ленинграда достигали в сентябре 1941 и в августе — декабре 1942 г., когда войска 42-й, 55-й армий и Невской оперативной группы вели наступательные бои местного значения. Соответственно, в эти же периоды повышался удельный вес раненых[186]. Медицинская служба фронта возвратила в строй более 437 тыс. раненых и больных, что составило около 60% всех санитарных потерь[187]. Большой удельный вес больных в общем числе санитарных потерь фронта был связан с ростом заболеваемости защитников Ленинграда дистрофией, цингой, туберкулезом, гипертонией. Наибольшее число инфекционных больных находилось на излечении с диагнозом дизентерия.

С первых дней блокады лечебные учреждения госпитальных баз армий и фронта были вынуждены действовать в условиях постоянного огневого воздействия противника. В результате среди обслуживающего персонала и находящихся на излечении были убиты — 139, ранены — 362, контужены — 428 человек; уничтожено 25 584 койки[188]. Огромный объем работы как в масштабах вооруженных сил страны в целом, так и фронтов, защищавших Ленинград, проделали представители Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Ее сотрудники внесли значительный вклад в оказание специализированной медицинской помощи в Ленинграде. В эвакуационные госпитали, развернутые на базе клиник академии, направлялись тяжелые контингенты раненых и больных, нуждавшихся в этой помощи и специализированном лечении[189].

Одним из ярких образцов стойкости ленинградцев стала сдача ими крови для нужд фронта. Несмотря на холод и голод, под обстрелами и бомбежками ленинградские доноры дали фронту за время Великой Отечественной войны 144 тыс. литров крови и около 4 тыс. доз сухой плазмы. Они часто отказывались от компенсации за сданную кровь, собрав большие средства в Фонд обороны. Только на эскадрилью самолетов «Ленинградский донор» было собрано 1350 тыс. рублей. Не случайно после утверждения правительственной награды — знака «Почетный донор СССР» этот знак был вручен почти 2 тыс. ленинградцев[190].

Третий период Великой Отечественной войны характеризовался кампаниями на широком фронте и на значительную глубину. В связи с этим санитарные потери оставались довольно большими, особенно в июле — сентябре 1944 г. В структуре санитарных потерь возрос уровень тяжелых ранений и болезней. В это период окончательно сложилась единая система организации и содержания лечебно-эвакуационного обеспечения раненых и больных, этапного лечения с эвакуацией по назначению. Большую роль в этом сыграли изданные в 1944 г. «Указания по военно-полевой хирургии». Возросла укомплектованность медицинской службы врачебными кадрами. В июле 1944 г. в целом она составила 94,3%. Однако обеспеченность хирургами достигла всего 68%, фельдшерами к маю 1944 г. — 99,3%[191]. Значительно увеличилось количество коек, из которых 55,7% были сосредоточены в действующей армии[192].

В этот период в действующей армии окончательно сформировалась служба переливания крови. В общевойсковых армиях были созданы штатные станции переливания крови. Вместе с активным применением кровезамещающих жидкостей гемотрансфузионная терапия вошла в повседневную практику борьбы с травматическим шоком и иными повреждениями и заболеваниями на этапах оказания медицинской помощи. Количество переливаний крови к числу лечившихся в армейских и фронтовых госпиталях в 1945 г. по сравнению с 1941 г. возросло примерно в 2,5 раза, а в полковых и дивизионных медицинских пунктах — более

чем в 10 раз. В 1944 г. в стране было зафиксировано 5,5 млн доноров. На основе заготовленной крови изготовлялась сухая плазма крови, кровезамещающие жидкости и другие препараты. В общей сложности за период войны было использовано около 1700 тонн консервированной крови[193].

Главным в третьем периоде Великой Отечественной войны являлось приближение оказания медицинской помощи к линии фронта. Это касалось войсковых и армейских подразделений, частей и учреждений медицинской службы. Полковые медицинские пункты (ПМП) в большинстве случаев располагались на расстоянии 2–3 км, дивизионные медицинские пункты (ДМП) и хирургические подвижные полевые госпитали первой линии — на расстоянии 6–8 км от линии фронта. Госпитальные базы нередко находились в войсковом или армейском тыловых районах. В ходе операций этого периода ХППГ первой линии заменили собой ДМП. Тем самым ДМП получили возможность продвижения вслед за войсками. Для приема раненых и больных в прифронтовые районы выдвигались управления распределительных эвакуационных пунктов (УРЭП). Основная цель, которую преследовали указанные мероприятия, — обеспечить своевременность и непрерывность оказания различных видов медицинской помощи раненым и больным. Маневр фронтовыми силами осуществлялся в зависимости от темпов наступления и конкретной обстановки в виде так называемого «маневра из глубины», или «маневра перекатом». Продолжилась работа по совершенствованию и дифференциации специализированного лечения. Количество профилей специализированных коек достигло на некоторых фронтах 18–20 и более.

В 1944 г., когда значительная часть эвакогоспиталей из состава действующих фронтов была выдвинута в освобожденные районы, на их место по ходатайству ГВСУ были перемещены эвакогоспитали НКЗ из глубокого тыла страны. С середины 1943 г. до конца войны в состав действующих фронтов и в прифронтовые районы были передислоцированы госпитали на 554 625 коек. Данная мера позволила существенно приблизить пункты оказания квалифицированной медицинской помощи к войскам, а также сократить пути пробега военно-санитарных поездов.

Завершающим периодом Второй мировой войны стала Маньчжурская стратегическая наступательная операция, продолжавшаяся с 9 августа по 2 сентября 1945 г. В этой операции благодаря четкому планированию и тесному взаимодействию с органами тыла Наркомздравом и медико-санитарной службой НКПС задачи медицинской службы были решены полностью. Массовая переброска дальневосточной группировки войск и соединений и оперативных объединений войск из Европы требовала тщательного медико-санитарного обеспечения и проведения ряда профилактических мероприятий по недопущению возникновения и распространения инфекционных заболеваний среди личного состава, что было непросто в условиях постоянно действующего в Маньчжурии очага чумы, природных очагов энцефалита, высокой заболеваемости местного населения острыми кишечными инфекциями, паратифами и малярией. Кроме того, потребовалась адаптация переправленных с запада армий к непривычным климатогеографическим условиям. В структуре санитарных потерь в этой операции количество больных преобладало над количеством пораженных в бою.

ГВСУ была создана оперативная группа Управления тыла Красной армии во главе с заместителем начальника ГВСУ Н. И. Завалишиным, которая координировала деятельность медицинских служб фронтов. К началу операции емкость госпитальных баз достигла 164 500 коек в 423 госпиталях. Из них 204 лечебных учреждения находились в госпитальных базах армий, 219 — в госпитальных базах фронта. Имелся явный недостаток количества ППГ и ГЛР. Госпитальные базы фронта были представлены в основном эвакогоспиталями. Высокие темпы наступательной операции, горнотаежный климат, бездорожье, перебои в снабжении горючим вызвали ряд негативных моментов в оказании медицинской помощи раненым и больным. Квалифицированная помощь оказывалась преимущественно в ДМП.

Следует подчеркнуть, что огромную роль в деле лечения раненых и больных и возвращении их в строй сыграли учреждения госпитальной базы тыла страны (ГБТС), расположенные за пределами передового района и фронтового тыла. Они входили в систему НКО, НКЗ

и ВЦСПС, были специализированными или многопрофильными, подчинялись Управлению распределительного эвакуационного пункта и Управлению местного распределительного пункта и были предназначены для завершения специализированного лечения раненых и больных, начатого в ГБА и ГБФ до конечного исхода, определяемого военно-врачебной экспертизой. На четвертом пленуме Госпитального совета НКЗ СССР и РСФСР Е. И. Смирнов отметил: «...госпитали глубокого тыла страны являются составной и неотъемлемой частью единого целого, госпитальной сети, предназначенной для лечения пораженных в боях и больных»[194].

К работе в таких госпиталях привлекались крупные специалисты страны — хирурги, терапевты, невропатологи и другие, что обеспечивало достаточно высокий уровень лечебной работы. Специфичными для ГБТС были госпитали восстановительной хирургии, протезирования, туберкулезные, санаторно-курортные и другие. Непременной составляющей являлась система взаимодействия эвакуационных приемников — местных (МЭП), распределительных (РЭП) и эвакогоспиталей, приписанных к этим пунктам и являющихся конечным пунктом эвакуации. Они создавались, как правило, в районах крупных железнодорожных пунктов. На РЭП возлагались обязанности по оперативному руководству койками и их заполнению, распределению прибывших на ВСП раненых, их сортировке, контролю и руководству лечебной работой ВСП и МЭП. На этот этап доставлялись больные и пострадавшие с различными ранениями головы, глаз, конечностей, брюшной полости, грудной клетки, с повреждением легких, челюстей, крупных сосудов, периферической нервной системы и отморожениями различной локализации. Такие госпитали являлись резервом для пополнения армии за счет возвращения в строй раненых после проведенного полноценного лечения.

В ходе военных действий оформилась система этапного лечения терапевтических и инфекционных больных. Во все периоды войны, особенно в третий, особое внимание обращалось на профилактику внутренних заболеваний и организацию лечения на этапах эвакуации. Терапевтические больные из ДМП эвакуировались в специальные терапевтические полевые подвижные госпитали или в терапевтические отделения ГЛР и в специализированные терапевтические эвакуационные госпитали фронтового тыла, которые были развернуты по инициативе Е. И. Смирнова[195]. Были созданы психоневрологические госпитали, госпитали для лечения больных туберкулезом, специальные кожно-венерологические госпитали. Для лечения инфекционных больных создавались специализированные инфекционные полевые подвижные госпитали (ИППГ). ТППГ и ИППГ развертывались на каждом эвакуационном направлении в составе ГБА.

Значительная по объему работа была выполнена усилиями тысяч военных и гражданских медиков. По мобилизационному плану в начале Великой Отечественной войны были призваны из запаса 101 770 человек, в том числе 45 610 врачей и 29 594 фельдшера, а всего за 1941–1945 гг. — 165 тыс. медицинских специалистов всех категорий, в том числе около 80 тыс. врачей, 11 тыс. фармацевтов и 57 тыс. фельдшеров. Кроме того, для восполнения врачебного состава в 1941 г. были осуществлены досрочные выпуски студентов высших военных и гражданских учебных заведений. Всего за годы войны в высших военно-медицинских учебных заведениях были подготовлены и направлены в действующую армию 5762 врача[196]. Пополнение частей и учреждений средним медицинским персоналом вначале шло также за счет досрочных выпусков из военно-медицинских училищ. За годы войны были подготовлены 17 445 военных фельдшеров, из них в военно-медицинских училищах — 14 438 человек, в школах младших военных фельдшеров — 3007[197].

Несмотря на тяжелейшие условия, Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова продолжала оставаться основным центром подготовки всех категорий медицинского состава. За время войны в ее стенах были подготовлены 1815 врачей. Большое значение имела реорганизация академии на основании постановления ГКО от 25 ноября 1942 г. В соответствии с приказом НКО от 13 марта 1943 г. академия стала основным научно-методическим центром медицинской службы Красной армии, а ее учебно-воспитательные задачи сосредотачивались на подготовке руководящего состава медицинской службы. В качестве московского филиала академии был создан командно-медицинский факультет с тремя отделениями. В Самарканде

Санитары укладывают раненого красноармейца на повозку во дворе госпиталя

Медсестра А. А. Маркина с коллегами во время операции в военном госпитале

приступили к работе лечебно-профилактический факультет и факультет подготовки старших врачей полков. Лечебно-профилактический факультет предназначался для подготовки главных медицинских специалистов фронтов, военных округов, армий, ведущих медицинских специалистов эвакопунктов и госпиталей. С созданием командно-медицинского факультета академии существенно возрос объем учебной и научно-исследовательской работы кафедры военных и военно-санитарных дисциплин, поэтому она была разделена на две — военных дисциплин и организации и тактики санитарной, в последующем медицинской службы. Среди начальников военно-санитарных управлений фронтов и их заместителей выпускники командно-медицинского факультета составляли 71%, санитарных отделов армий — 62%. Около 60% главных хирургов объединений закончили лечебно-профилактический факультет академии[198].

ГВСУ во время войны организовывало целенаправленную подготовку кадров. В ходе обучения специалистов на курсах усовершенствования врачей в военных округах и на фронтах, а также на военно-медицинском факультете Центрального института усовершенствования врачей были подготовлены 31 799 врачей, из них 6169 человек получили хирургическую специальность, наряду с этим были подготовлены 1533 терапевта, 1183 токсиколога, 952 эпидемиолога[199].

Медицинское обеспечение боевых действий сил ВМФ в годы войны осуществлялось на основе единых для медицинской службы вооруженных сил принципов, применяемых в зависимости от складывавшейся на морских театрах военных действий оперативной, тыловой и медицинской обстановки. Руководство службой Военно-морского флота было возложено на Медико-санитарное управление (МСУ) ВМФ, начальник которого Ф. Ф. Андреев подчинялся непосредственно наркому ВМФ.

После начала войны медицинская служба флотов, флотилий и военно-морских баз перешла на штаты военного времени. Установка первых дней войны на неограниченную эвакуацию раненых и больных за пределы флота в лечебные учреждения Красной армии и НКЗ СССР по сухопутным путям сообщения потребовала существенной корректировки. Военно-морские госпитали флотов, укомплектованные квалифицированными специалистами и оснащенные медицинской техникой, оказывали исключительно квалифицированную медицинскую помощь. Эвакуация большей части раненых и больных за пределы флота была обусловлена необходимостью приема военно-морскими госпиталями значительного числа пострадавших из состава сухопутных войск в тех пунктах, где лечебные учреждения Красной армии не были развернуты. В этих условиях медицинской службе ВМФ было крайне трудно выполнять важнейшую задачу — возвращение в строй раненых и больных краснофлотцев.

В январе 1942 г. под руководством Ф. Ф. Андреева была разработана замкнутая система лечебно-эвакуационного обеспечения Черноморского флота, ориентированная на оставление всех раненых и больных в госпиталях флота. Основными идеями плана руководствовались в значительной степени медицинские службы и других флотов. К началу 1942 г. коечная сеть ВМФ увеличилась более чем в два раза. Медицинской службой флота в годы войны был проделан большой объем работы. Из военно-морских госпиталей были возвращены в строй раненых — 86,4%, больных — 95,9%[200]. Наряду с начальником МСУ ВМФ Ф. Ф. Андреевым прекрасными организаторами показали себя руководители и главные специалисты медицинской службы ВМФ: В. А. Кудинов, А. Л. Мясников, Ю. Ю. Джанелидзе, Б. А. Петров, С. Н. Золотухин, А. М. Зотов, В. Р. Баудер, А. В. Смольников, И. А. Толкачёв, И. Н. Томилин и другие.

Велика роль медиков и в партизанских формированиях. Первоначально медицинские работники были лишь в крупных отрядах, где проходило стационарное лечение тяжелораненых и тяжелобольных. Для этих целей оборудовали лазарет отряда, или как его называли — «санитарную землянку», которая в случае необходимости всегда могла быть перемещена с находившимися в ней ранеными и больными. В условиях, когда партизанский отряд часто менял свою дислокацию, медицинская служба организовывала подвижной лазарет на повозках или санях. В ряде случаев партизан, нуждавшихся в стационарном лечении, привозили в конспиративном порядке в гражданские больницы либо на конспиративные квартиры местных жителей-подпольщиков, которыми часто являлись медики.

Санинструктор Е. Ф. Колесникова эвакуирует раненого бойца с поля боя

Санитары переносят раненого в операционную медсанбата дивизии

С возникновением партизанских соединений стала формироваться и структура их медицинской службы, в состав которой чаще всего входил подвижной партизанский госпиталь на 50–100 мест, имевший хирургическое и терапевтическое отделения, а также изолятор для инфекционных больных. В центре партизанского отряда развертывался подвижной госпиталь. Здесь раненым и больным оказывалась квалифицированная медицинская помощь, а нуждавшиеся в оказании специализированной медицинской помощи эвакуировались за линию фронта. Медики партизанских формирований оказывали помощь и гражданскому населению, проживавшему на временно оккупированной территории страны. Медики двух третей партизанских соединений Украины оказали лечебно-амбулаторную и хирургическую помощь 112 500 раненым и больным жителям оккупированных районов[201].

Тысячи врачей, фельдшеров, медицинских сестер и санинструкторов принимали участие в партизанском движении. Они выполняли свой профессиональный долг в тяжелых условиях, жертвуя собственными жизнями. В их числе зверски замученные фашистами профессора П. М. Буйко и Е. В. Клумов, врач Ф. М. Михайлов, медицинская сестра подпольщица М. Т. Кисляк. Всем им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Титаническая работа была проделана в тылу страны, где органами здравоохранения союзных и автономных республик, краевыми, областными и городскими советами депутатов трудящихся была сформирована сеть тыловых госпиталей общей численностью 1 млн коек. Например, в госпиталях РЭП-95, размещавшегося в районе Череповца и Вологды, прошли лечение 651 575 раненых и больных, закончили лечение 225 069 человек, или 34,54% лечившихся. Из числа закончивших лечение были возвращены в войска 154 275 человек, или 68,56%. Таким образом, госпитальная база РЭП-95 в годы войны достойно выполнила поставленную задачу, став ощутимым источником пополнения людских ресурсов войск[202].

В период войны оказание медицинской помощи раненым осуществлялось в тесном взаимодействии сил и средств военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения (нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерёв). На это указывают многочисленные совместные приказы ГВСУ, НКЗ СССР и РСФСР. Так, для улучшения медицинского обслуживания раненых и больных бойцов и командиров Красной армии еще в сентябре 1941 г. НКО СССР от 23 сентября 1941 г. был издан приказ, в соответствии с которым из ГВСУ в НКЗ передавались в подчинение эвакуационные госпитали, расположенные в тыловых районах страны[203]. Это решение было закреплено затем совместным приказом ГВСУ и НКЗ СССР.

Взаимодействие органов гражданского и военного здравоохранения осуществлялось по следующим основным направлениям: участие военно-медицинских и гражданских лечебных и противоэпидемических учреждений в медицинском обеспечении действующей армии; координация руководства силами и средствами различной ведомственной принадлежности; всестороннее кадровое и материально-техническое обеспечение частей и учреждений санитарной службы; забота о восстановительном лечении и совместная деятельность по трудоустройству раненых и больных, утративших трудоспособность; восстановление полностью разрушенного здравоохранения в освобождаемых от врага районах. Значение взаимодействия органов гражданского и военного здравоохранения трудно переоценить, так как наряду с постоянными военными госпиталями больничные учреждения страны стали важной материально-технической базой для развертывания во время войны лечебных учреждений, предназначенных для лечения раненых и больных как в тылу страны, так и на театрах военных действий.

Таким образом, в годы войны произошло становление и дальнейшее развитие системы лечебно-эвакуационного обеспечения войск — этапного лечения раненых и больных с эвакуацией по назначению. В завершенном виде она представляет собой пример взаимосвязи и органичного единства различных мероприятий по своевременному оказанию первой медицинской помощи раненым, непрерывному сбору, выносу и вывозу раненых с поля боя санитарами и санитарами-носильщиками, оказанию квалифицированной медицинской помощи на дивизионных медицинских пунктах и в ХППГ первой линии, являющихся своего

рода центром активной хирургической деятельности войскового района, а также эвакуации их по назначению[204]. Благодаря эффективному использованию всех сил и средств медицинской службы в строй были возвращены миллионы военнослужащих. Созданная система восстановительного лечения и реабилитационных мероприятий позволила восстановить в годы войны и в послевоенный период трудоспособность большому числу лиц, утративших ее в результате боевых повреждений и заболеваний.

Великая Отечественная война потребовала напряженной работы органов гражданского и военного здравоохранения по предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний — неизбежных спутников войны. Целенаправленная работа всех структур медицинской службы предотвратила эпидемии и обеспечила эпидемическое благополучие в войсках действующей армии и среди гражданского населения тыла страны, способствовала быстрой ликвидации очагов инфекционной заболеваемости на освобождаемых территориях.

В предвоенные годы и в первый период войны для осуществления противоэпидемической работы в Красной армии была разработана единая система профилактических и противоэпидемических мероприятий. Военно-медицинская служба части или соединения полностью контролировала ситуацию района расквартирования войск, выявляла больных среди гражданского населения, госпитализировала и лечила их, проводила вакцинацию[205]. С началом войны на всех фронтах и в армиях были развернуты санитарно-эпидемиологические учреждения. В сентябре 1941 г. банно-прачечное обслуживание Красной армии перешло в ведение ГВСУ. В январе 1942 г. было создано Противоэпидемическое и банно-прачечное управление ГВСУ с тремя отделами: санитарно-эпидемиологическим, банно-прачечно-дезинфекционным, заготовок и снабжения. Затем в результате преобразований отдел заготовок и снабжения стал отделом гигиены питания и водоснабжения.

2 февраля 1942 г. было принято постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии». Им предусматривалось создание на местах чрезвычайных полномочных противоэпидемических комиссий в составе председателей местных советов, представителей НКЗ, НКВД и военных властей гарнизонов, санитарной службы и партийных органов. Согласно этому постановлению ГВСУ должно было до 20 февраля сформировать 200 полевых прачечных отрядов для обслуживания войск, а НКО — выделить 15 тыс. военнослужащих и обеспечить пайками 27 тыс. человек личного состава отрядов, включая и вольнонаемных. Г. А. Митерёв был назначен уполномоченным ГКО по противоэпидемической работе. Впервые во время этой войны при начальнике ГВСУ были введены должности главного гигиениста, эпидемиолога и инфекциониста Красной армии, на фронтах — главного эпидемиолога, а в армиях — армейского эпидемиолога.

Таким образом, на основе выработанной системы противоэпидемической защиты войск во фронтах и армиях имелись следующие силы и средства. Во фронтах: санитарно-эпидемиологические лаборатории фронта (СЭЛ), дезинфекционно-инструкторские отряды фронта (ДИОФ), инфекционные госпитали (ИГ), санитарно-контрольные пункты (СКП), банно-дезинфекционные поезда (БДП) и банно-прачечно-дезинфекционные поезда (БПДП), обмывочно-дезинфекционные роты (ОДР), полевые механизированные прачечные отряды (ПМПО). В армии: санитарно-эпидемиологические отряды армии (СЭО), ОДР, ИГ, полевые прачечные отряды (ППО), полевые банные отряды (ПБО). В дивизии — санитарный взвод МСБ. Органами противоэпидемического управления являлись: во фронте — санитарно-эпидемиологический отдел СУ фронта, в армии — санитарно-эпидемиологическое отделение (СО) армии.

Противоэпидемические учреждения и органы управления были укомплектованы работниками различных эпидемиологических и бактериологических специальностей. Противоэпидемическое управление ГВСУ на протяжении войны возглавлял генерал-майор медицинской службы профессор Т. Е. Болдырев. Главным эпидемиологом и инфекционистом Красной армии был полковник медицинской службы профессор И. Д. Ионин. Отдел гигиены питания и водоснабжения возглавлял генерал-майор медицинской службы профессор Ф. Г. Кротков.

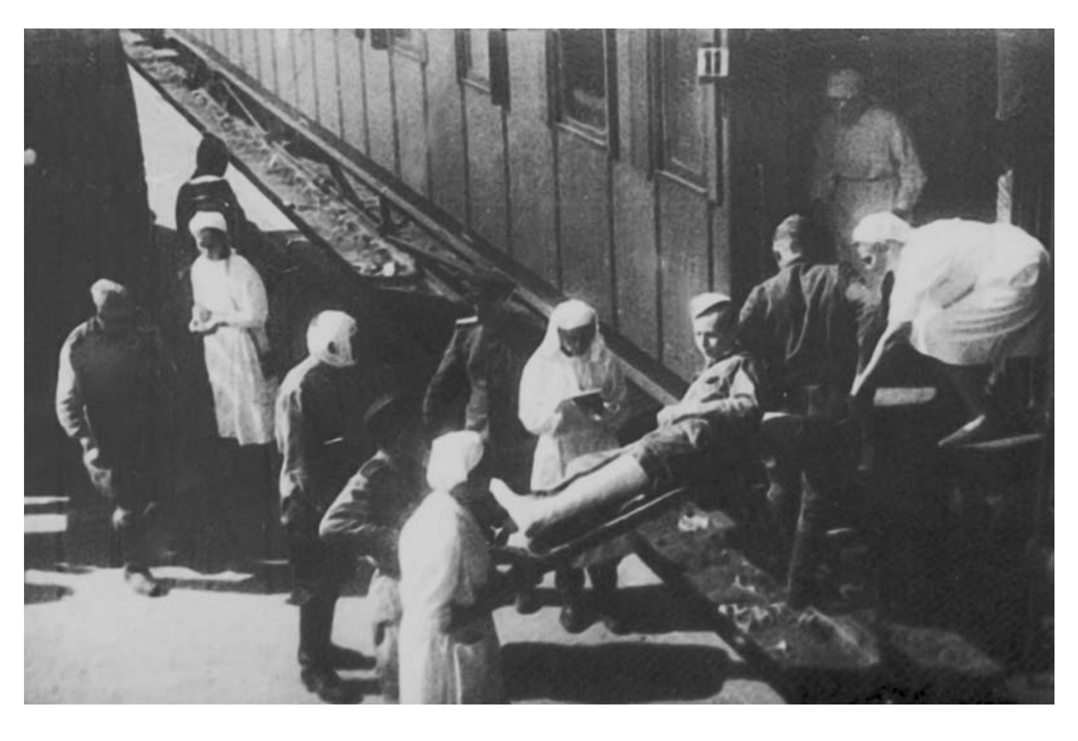
Переливание крови раненому бойцу в полевом госпитале действующей армии

Хирурги оперируют раненого в полевом госпитале

Врачи полевого госпиталя во время утреннего обхода

Погрузка раненых в вагон военно-санитарного поезда № 312

Большое значение в осуществлении руководства мероприятиями по противоэпидемической защите войск имело постоянное поступление в ГВСУ информации о санитарно-эпидемиологическом состоянии войск: отчеты и донесения, присылавшиеся от санитарных управлений фронтов и санитарных отделов округов и отдельных армий; отчеты противоэпидемических учреждений; отчеты об инфекционной заболеваемости и внеочередные донесения. От ГРУ ГВСУ получало сведения о санитарно-эпидемическом состоянии сопредельных стран и войск противника[206]. С ветеринарным управлением взаимодействие осуществлялось по вопросам совместных мероприятий в отношении таких заболеваний, как сап, сибирская язва, и других[207].

На протяжении всего периода войны ГВСУ взаимодействовало с Наркомздравом СССР по вопросам санитарно-эпидемиологического обеспечения гражданского населения, проведения совместных мероприятий в отношении особо опасных инфекций и прочего. Это взаимодействие особо благоприятно сказывалось на медико-санитарном обслуживании силами военно-санитарной службы гражданского населения районов, освобождавшихся от оккупации[208]. С НКВД ГВСУ было связано по вопросам санитарно-эпидемиологического обеспечения военнопленных, репатриантов и других[209].

С НКПС ГВСУ взаимодействовало по вопросам санитарно-эпидемиологического обслуживания воинских эшелонов, работы санитарно-контрольных пунктов, банно-прачечных дезинфекционных пунктов, борьбе с эпидемическими заболеваниями на железнодорожном транспорте и прочее[210]. В частности, на путях движения к фронту создавалась разветвленная сеть санитарно-заградительных барьеров. Железные дороги находились под постоянным контролем медиков. На крупнейших железнодорожных узлах работали санитарно-контрольные, обсервационные и изоляционно-пропускные пункты. Проходящие по железным дорогам поезда и эшелоны систематически проверялись на 275 санитарно-контрольных пунктах[211], где производился осмотр поездов, вагонов и пассажиров, осуществлялась санитарная обработка. Заболевшие и лица с подозрением на инфекционное заболевание изолировались. Только за 10 месяцев 1943 г. были осмотрены 121 169 поездов, около 2 млн отдельно следовавших вагонов, почти 20 млн пассажиров. Санитарную обработку в специальных санпропускниках прошли более 5 млн человек. Медики обнаружили в поездах и направили в больницы 69 тыс. больных, еще 30 тыс. человек поместили в вагоны-изоляторы.

Кроме того, ГВСУ взаимодействовало со многими общественными организациями по вопросам формирования и работы санитарно-эпидемиологических отрядов среди населения[212] и с Саратовским противочумным институтом «Микроб» — по подготовке специалистов-чумологов.

Специальные директивы НКО и ГВСУ значительно активизировали санитарно-профилактическую работу в частях, соединениях и на железнодорожном транспорте. Было развернуто строительство простейших бань, дезинсекторов и создание обменного фонда белья во всех банно-прачечных учреждениях. Лица, срывавшие противоэпидемическое обеспечение войск, привлекались к строгой ответственности, вплоть до предания суду. Отправка маршевых рот производилась только после тщательной санитарной обработки. Пополнение, прибывавшее в запасные и вновь формируемые части, подвергалось обязательному 15-дневному карантину[213]. С первых дней войны в целях борьбы с педикулезом ГВСУ поставило задачу проведения в войсках регулярной, не реже 2—3 раз в месяц, санитарной обработки личного состава. Обстановка требовала сосредоточения в одних руках всех средств борьбы с сыпным тифом, в том числе и средств банно-прачечно-дезинфекционного обслуживания войск, что позволило бы осуществлять единый комплекс противоэпидемических мероприятий. Поэтому банно-прачечное обслуживание войск было возложено на ГВСУ[214].

Одним из важнейших мероприятий по профилактике инфекционных заболеваний в войсках и среди населения считалась своевременная плановая вакцинация и вакцинация по эпидемиологическим показаниям. За период 1942—1944 гг. против сыпного тифа были привиты 18 млн человек[215]. В частности, для предупреждения сыпного тифа, являвшегося главной угрозой на фронте и в тылу, применялась разработанная в 1942 г. профессором М. К. Кронтовской сыпнотифозная вакцина. Медицинская служба Красной армии успешно применяла

разработанную в 1941 г. в Научно-исследовательском испытательном санитарном институте РККА (НИИСИ РККА) поливакцину, создающую иммунитет против семи инфекций[216].

Большой объем мероприятий был проведен по профилактике и борьбе с кишечными инфекциями, в частности с холерой. Заболевания холерой были зафиксированы в 1941 г. в Харькове и в 1942 г. на территории Приволжского и Средне-Азиатского военных округов. Холера регистрировалась и среди военнослужащих. Особое внимание было уделено профилактике и борьбе с брюшным тифом и паратифами при вступлении Красной армии на территорию Прибалтийских республик, а также Польши и Германии. В 1941 г. против брюшного тифа были привиты 15 млн человек, в 1942 г. — 19 млн, в 1944 г. — 20 млн. Тем, кто находился в контакте с брюшнотифозным больным, давали применяемый в то время брюшнотифозный бактериофаг.

Военно-медицинской службе благодаря проведенным профилактическим и противоэпидемическим мероприятиям в Красной армии удалось обеспечить успех в профилактике и борьбе с эпидемическими заболеваниями, несмотря на исключительно тяжелую эпидемическую обстановку и существовавшую на протяжении всего периода войны угрозу возникновения больших эпидемий и массовых вспышек инфекционных заболеваний. Доля отдельных инфекционных заболеваний в структуре госпитальной заболеваемости личного состава действующей Красной армии, исключая пораженных в боях, может быть подтверждена следующими цифрами. Средняя заболеваемость дизентерий и гемоколитами за четыре года войны составила 4,4%, брюшным тифом и паратифами — 0,6%, сыпным тифом — 2,7%, туляремией — 0,6%, прочими инфекционными заболеваниями — 0,7%, а всеми инфекционными заболеваниями — 9%[217]. Всего же инфекционные заболевания в войсках Красной армии за годы Великой Отечественной войны составили 7% от всех внутренних болезней, или 2,5–3% всех санитарных потерь[218].

Большая работа была проведена военными гигиенистами по контролю над питанием и водоснабжением войск, способами очистки и обеззараживания воды, полевым и казарменным размещением военнослужащих, санитарной очисткой районов боевых действий, лагерных стоянок, соблюдением правил личной и общественной гигиены, физическим состоянием и физической нагрузкой личного состава войск. Осуществлялся строжайший контроль над кулинарной обработкой продуктов. По разработанной программе готовились питьевые дрожжи с целью повышения содержания белка и витаминов группы «В» в рационе и костная мука в качестве дополнительного источника солей кальция. С целью предупреждения авитаминозов широко использовались витаминные настои из хвои. В ходе столь напряженной войны войска действующей армии не стали источниками заражения и распространения эпидемических заболеваний среди гражданского населения. Более того, войска впервые в истории войн занимались оздоровлением гражданского населения на освобождаемых от оккупации территориях, где были выявлены десятки тысяч больных сыпным тифом, отмечалась высокая заболеваемость брюшным тифом, дизентерией, дифтерией, скарлатиной, венерическими заболеваниями, малярией и прочим. Существовала большая опасность заражения от бывших военнопленных, освобожденных частями Красной армии. Вполне реальной была угроза возникновения эпидемий в войсках. Благодаря активному проведению в частях противоэпидемических и профилактических мероприятий имело место лишь небольшое повышение инфекционной заболеваемости среди личного состава действующие армии.

Огромная работа была произведена банно-прачечными и противоэпидемическими учреждениями. В 1942 г. было осуществлено 106 636 тыс. помывок бойцов и офицеров, в 1943 г. — 230 919 тыс., в 1944 г. — 272 556 тыс., за пять месяцев 1945 г. — 102 682 тыс.; продезинфицировано в 1942 г. — 73 224 тыс., в 1943 г. — 136 229 тыс., в 1944 г. — 167 601 тыс., за пять месяцев 1945 г. — 62 002 тыс. комплектов обмундирования[219]. Для этих целей были сформированы банно-дезинфекционные и банно-прачечные поезда. Кроме того, в войска направлялись полевые механизированные прачечные и полевые прачечные отряды, обеспечивавшие стирку и пропитку белья и обмундирования противопаразитарными средствами. Личный состав бесперебойно снабжался мылом, противопаразитарными средствами. Эти меры сыграли большую роль в предупреждении и борьбе с сыпным тифом.

В ходе войны окончательно сложилась эффективная система санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения войск. Органы гражданского и военного здравоохранения провели огромную работу по обеспечению эпидемиологического благополучия действующей армии и внутренних районов страны.

От бесперебойного снабжения войск медицинским имуществом во многом зависели работа медицинской службы, сроки и исходы лечения раненых и больных. Первые месяцы войны стали наиболее напряженными. Дивизии пограничных округов вступали в боевые действия с ограниченным запасом табельного медицинского имущества. Остро ощущался недостаток комплектов, санитарных носилок, палаток и прочего. Такая обстановка сложилась из-за быстрого продвижения противника в глубь территории страны, захвата им значительных запасов медицинского имущества, накопленного перед войной в приграничных военных округах. В условиях тяжелой оперативной обстановки значительная часть гарнизонных госпиталей, размещенных на территории Прибалтийского, Киевского и Западного особых военных округов, эвакуировалась в тыл без имущества, предназначенного для вновь формируемых по мобилизационному плану лечебных учреждений[220].

На рубеже 1941–1942 гг. ГВСУ практически не получало от промышленности эфир для наркоза, стрептоцид, глюкозу, сульфидин и морфин в ампулах, прекратились поставки других жизненно важных препаратов и лекарственных средств. Сложное положение складывалось также с производством хирургических инструментов, в первую очередь ножницами, пинцетами и скальпелями. ГВСУ предпринимались шаги, направленные на создание условий для полноценного снабжения армии медицинским имуществом и медикаментами. Для частичного решения этой проблемы было принято постановление о передаче военно-медицинской службе из ресурсов Наркомздрава запасов медицинского имущества эвакуируемых аптекоуправлений. При отступлении войска стремились взять с собой все запасы медицинского имущества со складов местных аптечных управлений, промышленных предприятий, производивших медицинскую продукцию, органов здравоохранения, если они не были эвакуированы к моменту отхода войск.

В период активного наступления противника летом 1941 г. была произведена передислокация большинства складов медсанхозимущества. Наряду с этим были организованы новые отделения центрального склада снабжения для войск Дальнего Востока и в Вологде — для Северо-Западного фронта. Для оперативности и улучшения организации снабжения медсанхозимуществом частей и учреждений и их банно-прачечного обеспечения данные виды работ в августе — сентябре 1941 г. были изъяты из ведения Главного интендантского управления и переданы в ГВСУ[221].

Несмотря на потерю санитарных складов с большими запасами медицинского имущества, благодаря героическому труду и самоотверженности военных фармацевтов из уцелевших складов прифронтовой полосы было вывезено более 1200 вагонов медико-санитарного имущества[222]. В сжатые сроки удалось наладить производство медицинского имущества, развернуть на новом месте эвакуированные заводы, производящие продукцию для военно-медицинской службы, создать в тыловых районах страны новые предприятия химико-фармацевтической и медико-инструментальной промышленности. Число предприятий, производящих перевязочные материалы, увеличилось вдвое. На заводах различных ведомств было организовано производство санитарной техники и банно-прачечного оборудования. В результате проведенных мероприятий к концу 1942 г. поставка медицинского имущества Красной армии стабилизировалась.

Медицинская промышленность, перестроив свою работу по требованиям военного времени, расширила и увеличила выпуск важнейших медикаментов и медицинского инструментария. Это было достигнуто как за счет новой производственной базы на востоке, так и в результате постепенного восстановления предприятий, расположенных в европейской части СССР. Так, объем продукции, выпускаемой химико-фармацевтическими заводами, увеличился в 1944 г. на 22% по сравнению с 1943 г. Количество наименований медикаментов, изготовленных химико-фармацевтической промышленностью, увеличилось со 104 в 1944 г. до 205 в 1945 г.[223]

Прибытие раненых в госпиталь, расположенный в Покровском монастыре в Киеве

Медицинский персонал и раненые в военном госпитале Новосибирска

Раненые бойцы, прошедшие курс лечения, прощаются с врачом В. Н. Малютиной.
Слева — медсестра З. Н. Тарасова

Выздоравливающие красноармейцы в полевом госпитале Юго-Западного фронта

С первых дней войны Санитарное управление Красной армии целенаправленно проводило работу по налаживанию системы медицинского снабжения в действующей армии. Были пересмотрены и сокращены на 25–35% табельные нормы медицинского имущества воинских частей и учреждений, что обуславливалось ограничением объема медицинской помощи в войсковом и армейском районах, экономическими соображениями, недостатком транспортных средств для перевозки имущества и прочим. Были упрощены технические условия на изготовление предметов медицинского оснащения, организована стирка перевязочных материалов, проводилось восстановление гипса. Использование местных ресурсов также позволило повысить уровень обеспеченности медицинским имуществом действующей армии. В конце 1942 — начале 1943 г. в войсках стало появляться трофейное медицинское имущество. Немалое влияние на уровень оказания медицинской помощи раненым и больным оказали поставки союзных государств, позволив почти на 40% удовлетворить потребность в сульфаниламидах, новокаине, глюкозе, а также широко внедрить в лечебную практику пенициллин.

Со временем, приобретая опыт практической работы в сражениях Великой Отечественной войны, представители медицинского снабжения все более успешно организовывали свою деятельность, внося значительный вклад в успехи Красной армии. За период войны было заготовлено и доставлено на фронт свыше 392,7 тонн эфира для наркоза, 18,7 тыс. тонн хозяйственного мыла, 46,6 тыс. санитарных палаток, 9630 душевых и дезинфекционных установок на автомобилях и иного медицинского имущества[224].

Система медицинского снабжения войск Красной армии к концу Великой Отечественной войны включала следующие элементы: в тылу страны находился 320-й центральный военно-санитарный склад и его филиалы, санитарные склады местных эвакуационных пунктов (МЭП) и военных округов; во фронте — фронтовой санитарный склад, санитарный склад фронтового эвакуационного пункта (ФЭП); в армии — полевой армейский санитарный склад (ПАСС), его отделения и санитарный склад передового эвакуационного пункта (ПЭП); в соединениях и частях — соответствующие подразделения медицинского снабжения.

Отечественной медицинской промышленностью за годы войны было поставлено 160 461 тыс. ампульных препаратов, изделий для перевязки в пересчете на марлю — 812 500 тыс. метров, миллионы бинтов и перевязочных пакетов, ваты и прочее. Институтами эпидемиологии и микробиологии были выработаны сотни тысяч литров противостолбнячной сыворотки, тонны дизентерийных таблеток и многое другое. Кроме того, со значительным превышением плана производились предметы хирургического инструментария и его сопутствующего оснащения[225].

Великая Отечественная война наглядно доказала — медицинское снабжение и фармация являются важным элементом медицинского обеспечения войск. Организаторы медицинского снабжения органов управления медицинской службы, фармацевты санитарных складов и аптек во время войны проделали огромный объем работы, обеспечив бесперебойное снабжение медицинской службы всем необходим имуществом.

В предвоенные годы в СССР уже была выработана четкая система представлений о характере боевой патологии, напрямую зависящей от технического оснащения армии и флота, а также способов ведения военных действий. В ходе научных исследований были сформированы прогрессивные для того времени взгляды на предупреждение и лечение заболеваний и ранений, принципы организации медицинского обеспечения вооруженных сил в условиях войны. Научное обоснование получила концепция этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению. Организационное же завершение и практическая реализация разработанной системы состоялись в годы Великой Отечественной войны[226].

Целенаправленная научная разработка проблемных вопросов военной медицины стала возможной благодаря созданию в предвоенные годы специальных научно-исследовательских учреждений применительно к теоретической, профилактической и клинической медицине. Общее их число к 1940 г. достигло 251[227]. Интенсивно развивалась травматология. Велись исследования, направленные на предупреждение возникновения и распространения в вой-

сках и среди населения особо опасных инфекций. В Ленинграде и Москве были созданы специализированные институты, ставшие организационно-научной основой для становления нейрохирургии. Медицинские институты Москвы, Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, стоматологические институты Украины занимались вопросами челюстно-лицевой хирургии. Проблемы авиационной медицины разрабатывались в Институте авиационной медицины имени академика И. П. Павлова, Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, на кафедре авиационной медицины Центрального института усовершенствования врачей, в Центральной врачебно-летной экспертной лаборатория Гражданского воздушного флота, отделах и лабораториях Всесоюзного института экспериментальной медицины, Физиологическом институте Академии наук СССР. В 1930 г. был учрежден Военно-санитарный институт, в последующем Научно-исследовательский испытательный санитарный институт (НИИСИ) РККА.

В предвоенные годы в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова произошла реорганизация ряда кафедр военно-медицинского профиля (были образованы кафедры: в 1929 г. — военных и военно-санитарных дисциплин, в 1931 г. — военно-полевой хирургии, в 1931 г. — военно-химического дела; в состав кафедры эпидемиологии включен курс дезинфекции). Непосредственно перед войной были созданы еще две военно-медицинские академии — Куйбышевская (1939) и Военно-морская (1940). Разработка организационных вопросов военного здравоохранения находилась в ведении кафедры военных и военно-санитарных дисциплин Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, внесшей огромный вклад в создание теоретических основ организации медицинского обеспечения войск в боевых условиях. Решением проблем военно-полевой хирургии, военно-полевой терапии, военной токсикологии, физиологии и гигиены военного труда в их теоретическом и прикладном плане напряженно занимались специализированные научно-исследовательские военно-медицинские учреждения.

С началом войны центр научных исследований переместился в действующую армию. Многие сотрудники научно-исследовательских учреждений, профессора и преподаватели вузов отправились на фронт. Но научно-исследовательская работа в НИИ продолжалась и была переориентирована на нужды медицинского обеспечения вооруженных сил. Уже в первые дни войны гражданские НИИ активно включились в решение проблем медицинского обеспечения войск. 3 июля 1941 г. НКЗ СССР издал приказ о возложении на Центральный научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови организационно-методического руководства проблемами заготовки и переливания крови при лечении раненых и больных воинов Красной армии.

Исключительно важную роль в разработке важнейших проблем медицинского обеспечения вооруженных сил играл высший научно-методический орган военно-медицинской службы — Ученый медицинский совет (УМС) при начальнике ГВСУ, учрежденный приказом наркома обороны СССР от 26 июля 1940 г. В него вошли такие деятели военной медицины и гражданского здравоохранения, как заместитель народного комиссара здравоохранения СССР С. И. Миловидов, крупнейшие представители военно-медицинской науки: академики Н. Н. Аничков, Н. Н. Бурденко, Е. Н. Павловский, А. Д. Сперанский, профессора М. Н. Ахутин, Т. Е. Болдырев, В. И. Воячек, С. С. Гирголав, Н. Н. Еланский, Н. И. Завалишин, П. А. Куприянов, Е. И. Смирнов, В. Н. Шамов, Д. А. Энтин и другие. Совет был создан для рассмотрения важных, проблемных вопросов научно-методического, штатно-организационного и организационно-тактического характера. В компетенцию УМС входили: планирование научно-исследовательской работы в системе научно-медицинских учреждений НКО; разработка вопросов санитарно-эпидемиологического и лечебно-профилактического обеспечения вооруженных сил для мирного и военного времени; оценка и апробация военно-медицинской техники и оснащения санитарной службы и другие[228].

Основные установочные положения в организации и проведении научно-исследовательской работы в армии были определены на третьем пленуме УМС в апреле 1941 г. Было утверждено 14 основных проблем оборонной тематики, по которым рекомендовалось

вести научные исследования в академиях, на военных факультетах, в научных институтах, лабораториях и учреждениях санитарной службы Красной армии[229]. Принятые УМС меры по руководству научно-исследовательской работой в довоенный период составили основу деятельности медицинской службы в военное время. За время войны УМС собирался на пленумы четыре раза. Кроме того, проходили заседания секций Ученого медицинского совета. Материалы пленумов и секций по вопросам лечебно-эвакуационного, санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения Красной армии рассылались на фронты, в округа и армии для руководства на местах.

На пятом пленуме УМС в феврале 1942 г. были подведены итоги работы медицинской службы за семь месяцев войны и сформулированы основные задачи: вернуть в строй не менее 75% раненых; свести к минимуму смертность среди раненых на этапах медицинской эвакуации; максимально снизить инвалидность среди раненых; не допустить инфекционных заболеваний в войсках в масштабах эпидемических вспышек. Решающее значение для практической реализации и успешного функционирования лечебно-эвакуационной системы имела военно-медицинская доктрина, сформулированная на этом пленуме начальником ГВСУ Е. И. Смирновым. Основные положения военно-полевой медицинской доктрины состояли в следующем: единое понимание происхождения и развития болезни, принципов хирургической и терапевтической работы в военно-полевых условиях; единые взгляды и методы профилактики и лечения поражений и заболеваний; преемственность в выполнении медицинских мероприятий на различных этапах эвакуации; обязательное наличие краткой, четкой медицинской документации, позволяющей проводить полноценную сортировку раненых (больных) и обеспечивающей последовательность в выполнении лечебно-эвакуационных мероприятий[230]. Таким образом, выработанные на пленуме принципы единства, последовательности и преемственности исключали противоречия и разнобой в выборе врачебной тактики специалистами различных научных школ и направлений.

Огромное значение в осуществлении централизованного научного руководства практической деятельностью врачей на фронте и в тылу имел институт военно-медицинских специалистов, введенных в состав органов управления медицинской службой, а в действующей армии — должности главных медицинских специалистов фронтов и армий. Значительная часть их была представлена специалистами высокой научной квалификации, которые возглавили деятельность медицинского состава на местах и руководили учебой врачей, помогая им овладевать современными принципами военно-полевой хирургии. Исключительно важная роль в решении научных и организационных проблем военного времени принадлежала Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Из состава большинства кафедр и клиник академии на фронт ушли свыше половины преподавателей и профессоров. Только за первые два года их число превысило 200 человек. Если в начале войны среди главных хирургов фронтов было 38,1% докторов медицинских наук и профессоров, среди главных терапевтов — 50%, то в 1944 г. их количество составило соответственно 75 и 54,5%.

На руководящие должности в начале войны были назначены наиболее высококвалифицированные специалисты, известные своими научными достижениями и организаторскими способностями. Академик Н. Н. Бурденко стал главным хирургом Красной армии, профессора С. С. Гирголав и В. Н. Шамов — его заместителями, главным терапевтом — профессор М. С. Вовси, главным инфекционистом — профессор И. Д. Ионин, главным гигиенистом — профессор Ф. Г. Кротков, главным патологоанатомом — профессор А. А. Васильев, главным окулистом — профессор Н. А. Вишневский, главным оториноларингологом — профессор Г. Г. Куликовский, главным гинекологом — профессор И. Ф. Жордания. В Военно-морском флоте были назначены: главным хирургом — профессор Ю. Ю. Джанелидзе, главным терапевтом — профессор А. Л. Мясников, главным эпидемиологом — профессор А. Я. Алымов, главным гигиенистом — профессор В. И. Шестов. В качестве главных специалистов Красной армии, их заместителей и инспекторов были назначены такие авторитетные ученые, как В. В. Гориневская, С. С. Юдин, Т. Е. Болдырев[231].

Процент специалистов, имевших высокую научную квалификацию, был гораздо выше на активно действовавших фронтах по сравнению с невоюющими фронтами[232]. Среди личного состава медицинской службы в период войны насчитывалось четыре академика, 22 заслуженных деятеля науки, 275 профессоров, 308 докторов медицинских наук, 558 доцентов, 2 тыс. кандидатов медицинских наук[233].

В начальный период войны большой размах получили сбор, изучение и обобщение данных, характеризующих разные стороны медицинского обеспечения войск с целью поиска наиболее эффективных путей его оптимизации. Одним из способов научного обобщения и освоения опыта боевой работы являлись научные конференции врачей, систематически проводившиеся на фронтах, в армиях, эвакуационных пунктах и госпиталях. Такая форма практической реализации научных разработок была важна для совершенствования медицинского обеспечения вооруженных сил. За время войны в каждой армии было проведено по 6–8 конференций, на каждом фронте — 3–4 конференции. В работе этих конференций принимали участие главные специалисты ГВСУ, которые на местах направляли деятельность медицинского состава, выступали с научными докладами, вызывавшими оживленные научные дискуссии[234].

Конференции посвящались анализу медицинского обеспечения боевых действий, обсуждению результатов лечения раненых и больных, обобщению итогов противоэпидемической и гигиенической работы. Они приносили большую помощь практическим врачам, являлись средством обмена опытом, обсуждения новых методов диагностики и лечения ранений и заболеваний, местом решения насущных проблем медицинского обеспечения войск. Итоги конференций оперативно доводились до всего врачебного состава фронта, армий. Для изучения отдельных актуальных вопросов профилактической и лечебной работы в действующую армию направлялись специально созданные научно-исследовательские группы и выездные бригады специалистов вузов и научно-исследовательских учреждений.

В ходе военных действий назрела необходимость в более тесном взаимодействии науки и практики. Поэтому многие лечебные учреждения стали проводить научно-исследовательские изыскания. Так, для изучения раневой инфекции ГВСУ был выделен специальный госпиталь ЭГ № 3410[235]. Общее руководство лечебной и научно-исследовательской работой осуществлял академик Н. Н. Бурденко. В работе госпиталя участвовали выдающиеся ученые: А. М. Богомолец, Я. О. Парнас, Н. Д. Стражеско и другие. На госпиталь было возложено проведение научно-исследовательских работ, и в соответствии с директивой Генштаба от 19 марта 1944 г. он был переформирован в Центральный научно-исследовательский клинический госпиталь[236].

На протяжении всего военного времени возникали всё новые вопросы, требующие пересмотра тематики научно-исследовательских работ, корректировки деятельности НИИ, создания новых институтов. Так, согласно постановлению СНК СССР от 28 августа 1944 г. был создан Научно-исследовательский институт питания Красной армии во главе с Ф. Г. Кротковым[237].

ГВСУ акцентировало внимание на наиболее актуальных для того периода научных разработках, в частности вопросах лечения отморожений, шока, осложнений газовой гангреной. Для учета эффективности средств, применявшихся против газовой гангрены, ГВСУ разработало перечень вопросов, на которые должны были ответить все лечебные учреждения, и разослало директивное письмо об изменении способов лечения раненых с газовой гангреной[238]. Для изучения шока, его профилактики и лечения была введена индивидуальная карта раненых с шоковым состоянием[239]. Аналогичные действия предпринимались и в отношении больных с отморожениями[240]. Исследовались многие лечебные препараты, их промышленное производство и внедрение в практику.

Большое внимание ГВСУ уделяло разработке официальных документов и научно-методических рекомендаций, созданию учебников и учебных пособий, публикации материалов, освещавших опыт медицинского обеспечения войск в периодической медицинской печати. Специально издаваемые сборники научных трудов стали одним из основных видов научной

и научно-практической деятельности ученых-медиков в интересах медицинского обеспечения войск. Начальник ГВСУ 9 июля 1941 г. издал директиву о категорическом запрещении самостоятельного издания на местах каких-либо инструкций по лечебным вопросам, ибо это являлось исключительной прерогативой управления.

В 1941 г. сотрудниками Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова было подготовлено и опубликовано 25 инструкций для медицинских учреждений и 10 популярных брошюр для бойцов и командиров, авторами которых были профессора М. Н. Ахутин, В. И. Воячек, Н. Н. Еланский и другие. Тогда же были составлены и вышли в свет «Наставление по санитарной службе Красной армии», «Указания по военно-полевой хирургии», «Вопросы военно-полевой терапии» и сотни научных работ, в которых анализировался, обобщался и пропагандировался опыт организации медицинской помощи раненым и больным. Издавались специальные сборники «Обмен опытом». Аналогичные сборники печатались на некоторых фронтах и эвакопунктах[241], а в ряде фронтов и военных округов они издавались систематически.

Деятельность госпитальной базы тыла страны и Госпитального совета НКЗ широко освещал журнал «Госпитальное дело». В 1942 г. вышел в свет первый номер журнала «Военно-морской врач». Большую роль в популяризации боевого опыта медицинской службы играл журнал «Военно-санитарное дело», переименованный в 1944 г. в «Военно-медицинский журнал». Была создана также «Библиотека войскового врача», выпускались плакаты и брошюры по различным разделам военной медицины, начиная с «Вопросов организации и тактики санитарной службы» до «Самопомощи и взаимопомощи при ранениях». Издание специальной литературы способствовало использованию последних достижений медицинской науки в интересах медицинского обеспечения войск. Несмотря на трудности в издательском деле, в годы войны было опубликовано более 15 тыс. работ по военно-медицинской тематике.

Большой вклад в целях быстрейшего внедрения в лечебно-профилактическую и санитарно-эпидемиологическую работу научно обоснованных методов и новых медикаментозных средств внесли своим трудом коллективы многих НИИ. В Государственном институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ) имени С. М. Кирова научные работы касались в основном изучения диагностики и лечения огнестрельных ранений, а также вопросов алиментарной дистрофии и авитаминозов.

Ученые Всесоюзного института экспериментальной медицины вели научные разработки самых актуальных проблем военного времени. В 1942 г. ученый-микробиолог и эпидемиолог этого института З. В. Ермольева впервые в нашей стране получила пенициллин и активно участвовала в организации и налаживании его промышленного производства. Это изобретение спасло тысячи жизней советских солдат на фронте. В Ленинградском филиале ВИЭМ рассматривались темы оборонного значения и разрабатывались такие проблемы, как влияние на высшую нервную деятельность острых кровопотерь, резкой смены атмосферного давления, септические осложнения ран, изучали углеводный обмен у больных алиментарной дистрофией II и III степеней, контрактуры у раненых, исследовали патогенетические процессы при воздействии на организм холода, оценивали роль эндокринных нервных факторов в этиологии расстройств желудочно-кишечного тракта и прочее.

Вопросы алиментарной дистрофии изучались также в госпитальной терапевтической клинике 1-го медицинского института имени академика И. П. Павлова, а разработкой принципов ее лечения и клинических особенностей гипо- и авитаминозов и их терапией занимался персонал пропедевтической терапевтической клиники 2-го медицинского института. Эти работы проводились в содружестве с Витаминным институтом и Институтом переливания крови. В Государственном научно-исследовательском институте ревматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена изучали: вторичный шов раны, лечение огнестрельных переломов бедра, лечение огнестрельных переломов тазобедренного сустава, инфицированные огнестрельные ранения, раневой сепсис, организацию работы хирургического госпиталя и прочее.

В НИИ переливания крови разработывали новые методы взятия крови у доноров и ее консервирования, создали новые плазмозамещающие и противошоковые растворы. Л. Г. Бо-

гомоловой были получены сухая плазма и сыворотка крови, что нашло широкое применение в практике полевых госпиталей. Эта работа в то время была оценена как научное открытие мирового значения и отмечена Сталинской премией.

В Институте медицинской паразитологии и тропической медицины Наркомздрава в результате научных исследований, проведенных в 1942 г. Г. Ф. Гаузе и М. Г. Бражниковой, был открыт первый отечественный антибиотик грамицидин С, который быстро внедрен в практику советского здравоохранения и широко использовался на фронте для лечения раневых инфекций. Н. Н. Бурденко сам возглавил бригаду ученых-медиков по испытанию антибиотика во фронтовой обстановке на 2-м Прибалтийском фронте. Результаты этих испытаний были настолько впечатляющими, что по инициативе Н. Н. Бурденко в 1946 г. Г. Ф. Гаузе и М. Г. Бражникова были удостоены Сталинской премии за открытие грамицидина С[242].

Кроме того, ряд научно-исследовательских учреждений принял на себя функции специализированных эвакогоспиталей и осуществлял лечение соответствующих раненых и больных. Имея научный и практический опыт в данной области, эти учреждения стали центрами разработки, апробации и внедрения в практику новейших методов лечебно-диагностической профилактической деятельности. К их числу относились: Центральный НИИ гематологии и переливания крови, Московский НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, Центральный НИИ травматологии и ортопедии имени Н. Н. Петрова, Ленинградский онкологический институт и другие.

Формы организации и виды научной деятельности в интересах фронта были самыми разнообразными. Усилия ученых-медиков были объединены в работе ученых медицинских советов при начальнике Главного военно-санитарного управления Красной армии и начальнике Медико-санитарного управления Военно-морского флота, а также Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР и союзных республик и Госпитального совета при Главном управлении эвакогоспиталей Наркомздрава СССР.

УМС Наркомздрава СССР разработал типовой план и тематику научно-исследовательских работ. Все НИИ, подведомственные Наркомздраву, переключились на санитарно-оборонную тематику. В 1941—1942 гг. план охватывал в основном две проблемы: лечение ран, их осложнений и последствий и профилактика и борьба с инфекционными заболеваниями в условиях военного времени. НИИ и кафедры медицинских институтов перестроили свою работу в направлении разработки актуальных проблем военного времени. Так, Всесоюзный химико-фармацевтический институт имени С. Орджоникидзе проводил исследования по изысканию более эффективных синтетических и химиотерапевтических препаратов и новых технологических путей для получения их из более доступного сырья и наиболее простым способом. Лаборатория эмульсий НКЗ СССР разработала эмульсию стрептоцида, эффективную для профилактики раневой инфекции, а также эмульсию камфары для применения при остром шоке, острой сердечной и сосудистой недостаточности. Коллектив Центрального института эпидемиологии и микробиологии впервые разработал способ массового изготовления сыпнотифозной вакцины для профилактики сыпного тифа[243].

Подводя итоги работы Госпитального совета во время войны, начальник Главного управления эвакогоспиталей Наркомздрава СССР П. С. Бархатов отметил огромный вклад науки в дело возвращения в строй большого числа раненых и больных[244]. В связи с большим количеством научных материалов, необходимостью собрать, изучить, проанализировать и обобщить накопленный опыт медицинского обеспечения боевых действий войск в условиях невиданных доселе масштабов войны созрела потребность в создании единого центра, которым мог стать Военно-медицинский музей. Идею его создания обсуждали многие выдающиеся ученые-медики.

По мнению Е. И. Смирнова, главных специалистов фронтов и ведущих ученых Н. Н. Бурденко, В. Н. Шевкуненко, М. С. Вовси, С. С. Гирголава, А. Н. Максименкова, В. Н. Шамова и других, музей должен был стать центром сбора, накопления, сохранения, тщательного изучения, анализа и обобщения огромного опыта многотысячного коллектива военно-ме-

дицинских работников. В таком музее следовало сконцентрировать различные материалы периода войны, а также всю военно-медицинскую документацию, которая после систематизации и глубокого научного анализа должна была послужить базой для научных работ по истории военной медицины[245]. Это неоднократно подчеркивалось начальником ГВСУ и являлось руководством к действию для его создателей: «Вряд ли следует останавливаться на мотивировках насущности Военно-медицинского музея. Это ясно без доказательств. Военно-медицинский музей нам нужен не только для процветания медицины Красной армии, но и для прогресса нашей советской медицины»[246].

После битвы под Москвой было принято решение о формировании Военно-медицинского музея, который впоследствии стал центром обобщения богатейшего опыта медицинского обеспечения войск в период войны. 12 ноября 1942 г. начальник ГВСУ Е. И. Смирнов подписал приказ о создании Музея военно-медицинской службы Красной армии[247] (ныне — Военно-медицинский музей) как научно-исследовательского и архивно-справочного учреждения. Менее чем через год он открыл свои двери для посетителей в Москве. Музей занимался не только экспозиционной деятельностью, но и выполнял задачу по сбору и обобщению материалов, связанных с работой военно-медицинской службы в период войны. Собранные Военно-медицинским музеем материалы послужили основой для создания важных научных работ, в том числе 35-томного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1943 г. специальная комиссия в составе В. В. Парина, Н. Н. Бурденко, Н. И. Гращенкова, И. В. Давыдовского, Б. И. Лаврентьева и других крупных ученых, рассмотрев варианты создания единого высшего научно-организационного центра, призванного руководить медицинской наукой в стране и направлять ее дальнейшее развитие, приняла решение создать Академию медицинских наук (АМН) СССР на базе ВИЭМ и включить в состав академии отраслевые научно-исследовательские институты НКЗ СССР. В приложении к постановлению СНК СССР от 30 июня 1944 г. об учреждении АМН СССР представлен не только список институтов, вошедших в АМН, но и указана база, на которой они создавались. Были образованы три отделения АМН: медико-биологических наук (ОМБ), гигиены, микробиологии и эпидемиологии (ОГМиЭ), клинической медицины (ОКМ) с 25 научно-исследовательскими институтами[248].

Создание АМН продемонстрировало огромное значение, которое государство придавало медицинской науке, военному и гражданскому здравоохранению. Под руководством АМН большая сеть научных учреждений страны совместно с практическими работниками военных лечебных учреждений и системы эвакогоспиталей тыла успешно разрабатывали такие важные в период войны проблемы, как изыскание эффективных методов лечения ран, в том числе осложненных раневой инфекцией, совершенствование способов обезболивания, заготовка донорской крови, массовое производство вакцинных препаратов.

Разработка учеными АМН профилактических мероприятий, в частности действенных методов предупреждения и лечения ряда инфекционных болезней, обеспечивала быструю ликвидацию эпидемических очагов среди населения, проживающего на освобожденной от врага территории. Усилия научных коллективов АМН были направлены также на решение проблем, имевших целью восстановление здоровья участников Великой Отечественной войны, пластической хирургии, охраны детства и материнства, лечения рака, туберкулеза, язвенной болезни.

Создание АМН еще раз убедительно доказало тесную связь задач, стоящих перед органами военного и гражданского здравоохранения, и необходимость их постоянного взаимодействия. Первым президентом АМН СССР стал главный хирург Красной армии Н. Н. Бурденко, одним из трех вице-президентов — главный хирург Ленинградского фронта П. А. Куприянов. В президиум АМН вошли: начальник Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова Л. А. Орбели, главный хирург ВМФ Ю. Ю. Джанелидзе. Из 60 действительных членов — основателей АМН 18 человек были генералами медицинской службы, многие — консультантами в системе госпитальных баз тыла страны.

Труд ученых в годы войны был по достоинству оценен государством. Так, в 1942 г. Сталинские премии были присуждены: профессору С. С. Юдину — за работы по военно-полевой хирургии; профессору А. В. Вишневскому — за разработку и внедрение методов новокаиновой блокады и масляно-бальзамической повязки; профессорам С. С. Гирголаву, Т. Я. Арьеву и В. Н. Шейнису — за разработку новых методов, ускоряющих лечение при обморожениях; В. Н. Шевкуненко, А. С. Вишневскому и А. Н. Максименкову — за труд «Атлас нервной и венозной системы»; А. Д. Сперанскому — за разработку теории о роли нервной системы в болезненных процессах.

Отечественная медицинская наука в годы Великой Отечественной войны внесла достойный вклад в победу, способствовала решению основной государственной задачи — сохранению здоровья и возвращению в строй раненых и больных воинов, продемонстрировала единство задач, стоящих перед гражданским и военным здравоохранением, разнообразие видов и форм организации проведения научно-исследовательской работы в военное время, а также спектр проблем, решаемых научно-исследовательскими коллективами страны.

Отличительной чертой советской военной медицины в годы Великой Отечественной войны был ее гуманизм — стремление оказать медицинскую помощь не только раненым и больным, воевавшим с фашизмом, но и человеколюбивое отношение к противнику. Немало сил и средств представители медицинской службы вложили в организацию медицинского обеспечения репатриантов Второй мировой войны.

После формирования антигитлеровской коалиции, открытия второго фронта в Европе все чаще военнослужащие и гражданский персонал союзных стран стали попадать в советские лечебные учреждения. В большинстве своем это были военные госпитали. Значительная часть лечившихся приходится на моряков Северных конвоев. В это число входили американцы, англичане, шотландцы, австралийцы и другие. Пострадавшим иностранным военнослужащим и гражданам с судов Северных морских конвоев первая медицинская помощь оказывалась на сопровождающих судах, а первая врачебная и квалифицированная помощь — в базовых лазаретах и военно-морских госпиталях, располагавшихся на прибрежных территориях. Как показывает анализ комплекса историй болезни, медицинская помощь иностранным гражданам оказывалась в том же объеме, в котором она предоставлялась и советским военнослужащим, а подчас им уделялось даже больше внимания. Консультации и хирургические вмешательства проводили лучшие специалисты медицинской службы Военно-морского флота — хирурги, оториноларингологи, стоматологи.

В период Второй мировой войны в плену на территории СССР находились более 4 млн вражеских солдат и офицеров, среди которых было много раненых и больных. 1 июля 1941 г. СНК утвердил положение о военнопленных. В пункте 6 положения было указано, что «раненые и больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации, должны быть немедленно отправлены командирами частей в ближайшие госпитали», а в пункте 12 подчеркнуто, что «военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной армии»[249].

В соответствии с принятыми международными обязательствами и законодательством СССР для медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных развертывались медицинские пункты и лазареты при сборных пунктах и лагерях для военнопленных, выделялись специальные отделения в госпиталях, принимавших одновременно раненых и больных воинов Красной армии, и организовывались специальные госпитали. По мере возможности использовались также лазареты и госпитали противника при их захвате в плен.

На примере организации медицинской помощи военнопленным в битве под Сталинградом можно судить о том, как проходило лечение раненых и больных военнопленных. Данная система включала в себя: использование лазаретов медицинской службы немецкой армии; специальных коек для немецких военнопленных в лечебных учреждениях, принимавших раненых и больных воинов Красной армии; развертывание специальных лечебных учреждений для раненых и больных из числа военнопленных. На попечении медицинской службы Донского фронта на 18 февраля 1943 г. находились 14 245 раненых и больных военноплен-

ных[250]. Основной и наиболее приемлемой формой обслуживания раненых и больных их числа военнопленных в районе Сталинграда было развертывание специальных госпиталей. Уже к 3 февраля 1943 г. для этих контингентов было развернуто восемь госпиталей и один МСБ[251].

В дальнейшем, в ходе наступательных операций наших войск, при поступлении большого числа военнопленных, среди которых было много раненых и больных, количество специальных госпиталей значительно увеличилось. В учреждения госпитальных баз армий и фронтовой госпитальной базы 2-го Белорусского фронта с 14 января по 1 апреля 1945 г. поступили 16 683 раненых и больных из числа военнопленных, с 1 апреля по 31 мая 1945 г. — 42 185 человек[252]. По состоянию на 1 февраля 1945 г. из общего числа 671 340 штатных коек, развернутых в системе госпитальных баз тыла, для обслуживания раненых и больных военнопленных были выделены госпитали с общей штатной емкостью 47 770 коек, что составило 7,1% к общему числу коек. К концу войны по состоянию на 31 мая 1945 г. для этой цели было выделено 110 госпиталей со штатной емкостью 70 100 коек. При этом госпитали работали с перегрузкой. В госпиталях НКЗ на 1 февраля 1945 г. состояли 61 тыс. раненых и больных военнопленных, на 31 мая 1945 г. — 79,5 тыс.[253]

Один из ярких примеров гуманизма и подлинного милосердия медицинских работников, а также соблюдения норм международного гуманитарного права в отношении к военнопленным является массовая забота о раненых и больных военнопленных во время боев в Берлине. Советские войска выявляли скопления раненых и больных немецкой армии в самых различных местах. Большое число их находилось в лечебных учреждениях, как военных, так и гражданских. Так, по донесению начальника СО 3-й ударной армии, раненые и больные немецкой армии были обнаружены: в больнице Шарите — 2500 человек, в 104-м лазарете — 500, в университетской клинике — 420, в клинике Коха — 500[254]. Тактика медицинской службы состояла в следующем: сохранившиеся немецкие лечебные учреждения продолжали работать, над ними устанавливался определенный контроль, им оказывалась помощь медикаментами, перевязочным материалом и другими средствами. Раненых и больных, находившихся вне лечебных учреждений, передавали в местные больницы и госпитали, а при невозможности такой передачи отправляли в армейские госпитали. В результате из 33 720 раненых и больных военнопленных, находившихся на попечении медицинской службы армий, были госпитализированы в армейских госпиталях лишь 7175 человек, или 21,3%, остальные 26 545 человек, или 78,7%, содержались в различных немецких лечебных учреждениях[255].

Значительных усилий медицинских работников потребовала организация медицинского обслуживания советских военнопленных и военнопленных союзных стран, освобожденных из фашистских концентрационных лагерей Красной армией, а также гражданского населения, находившегося в неволе. К концу 1945 г. репатриации подлежали более 5 млн человек, в том числе более 600 тыс. детей[256]. Проведение репатриации в таких крупных масштабах поставило перед военно-медицинской службой и гражданским здравоохранением чрезвычайно сложную задачу по организации медицинского обслуживания данного контингента, предупреждению возникновения и недопущению распространения инфекционных заболеваний.

Перед отправкой репатриируемых на родину проводилась их полная санитарная обработка, для чего в случаях отсутствия в пунктах бань и банно-прачечных дезинфекционных поездов в землянках простейшего типа оборудовались помывочные пункты и дезинфекционные камеры. За период с октября 1944 по январь 1946 г. среди репатриированных 5 204 599 советских граждан на сборно-пересыльных пунктах и лагерях зарегистрированы 1 080 034 больных, из которых 385 206 нуждались в стационарном лечении, а 692 828 — в амбулаторной помощи. За этот же период из 980 901 иностранного репатрианта в комендатурах, транзитных лагерях и в пути следования были выявлены 156 543 больных. Из этого числа нуждались в стационарном лечении 46 600, в амбулаторном — 109 943 человека[257].

Несмотря на огромные трудности, в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания медицинские работники как на фронте, так и в тылу проявляли высокий гуманизм по отношению к раненым и больным независимо от их расы, национальности, религиозных или политических взглядов.

В суровые дни Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом на защиту родной земли встали медики. В чрезвычайно сложной обстановке, проявляя подлинные мужество и героизм, медицинские работники самоотверженно трудились для спасения жизни и здоровья защитников Родины. Военные медики спасли жизнь, возвратили здоровье, помогли снова встать в строй и продолжить борьбу с врагом миллионам раненых солдат и офицеров.

Первые дни войны были наполнены не только растерянностью, но и готовностью биться до конца, пробуждением скрытых сил, особых качеств человека, которые мобилизуются в экстремальных ситуациях. Об этом говорят многочисленные случаи героизма представителей медицинской службы Красной армии. Одним из первых встретил врага военный гарнизон Брестской крепости. В числе защитников находились и военные медики: врачи А. В. Банников, М. Н. Гаврилкин, Н. И. Григорьев, И. К. Маховенко, Ю. В. Петров, военфельдшеры Р. И. Абакумова, И. Г. Бондарь, В. С. Солозобов, медицинская сестра А. Львова-Слукина. Противник методически разрушал здания госпиталя, медицинских пунктов и жилых домов. Все сильнее сжимались его смертельные объятия, но медики Брестской крепости оставались верны своему профессиональному долгу. Рискуя жизнью, они спасали своих товарищей, показывая яркие образцы героизма и самопожертвования. Это стало неотъемлемой чертой представителей медицинского состава Красной армии в течение всего периода войны. Те, кто выжил, попали в плен и были направлены в концлагеря, где, несмотря ни на что, продолжали оказывать помощь своим товарищам[258]. Благодаря им была спасена жизнь тяжело раненного руководителя обороны героической крепости командира 44-го стрелкового полка П. М. Гаврилова.

Трагические летние дни 1941 г. запечатлели немало случаев героизма советских медиков, в подавляющем большинстве так и оставшихся безымянными. В памяти сохранились лишь некоторые. Санитарный инструктор 14-го Краснознаменного мотострелкового полка 21-й дивизии войск НКВД Северного фронта А. А. Кокорин летом 1941 г. на Карельском перешейке самоотверженно, невзирая на ранения, выносил своих товарищей с поля боя. Во время очередной атаки противник стал угрожать раненым, и тогда А. А. Кокорин взял в руки оружие. Когда кончились патроны, а враг подобрался вплотную к нему, мужественный санинструктор последней гранатой подорвал себя и нескольких противников. Посмертно Анатолию Кокорину одному из первых среди медиков было присвоено звание Героя Советского Союза.

Военные медики в любой обстановке, в самые напряженные моменты боя, под огнем противника разыскивали раненых, оказывали им помощь, выносили их с поля боя, доставляли на медицинские пункты. Нередко приходилось прерывать оказание медицинской помощи и браться за оружие, чтобы спасти раненых от врага. Самоотверженная работа медиков в годы Великой Отечественной войны высоко отмечена правительством. Более 116 тыс. человек личного состава военно-медицинской службы и 30 тыс. тружеников гражданского здравоохранения в годы войны были награждены орденами и медалями СССР. 44 медицинских работника удостоены высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза[259].

За выдающиеся заслуги были удостоены звания Героя Социалистического Труда главный хирург Красной армии генерал-полковник медицинской службы Н. Н. Бурденко, главный хирург ВМС генерал-лейтенант медицинской службы Ю. Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии генерал-полковник медицинской службы Л. А. Орбели. 18 военных медиков стали кавалерами ордена Славы трех степеней. Высшим знаком отличия Международного комитета Красного Креста — медалью имени Флоренс Найтингейл отмечены 44 советские медсестры[260]. Кавалерами орденов А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, Богдана Хмельницкого стали 13 руководителей военно-медицинской службы. За достижение отличных результатов во время войны 39 военных госпиталей, восемь медико-санитарных батальонов и ряд других медицинских частей и учреждений награждены орденами Советского Союза.

Спасая жизни воинам Красной армии и Военно-морского флота, военные медики часто подвергали опасности свои жизни. Массовый героизм санитаров был отмечен при выно-

се раненых с поля боя. 88,2% всех санитарных потерь медицинской службы приходилось на рядовой и сержантский состав, то есть на передовое звено, действовавшее на поле боя[261]. Общие потери медицинской службы армии и флота за период войны составили 210 601 человек. Во время Великой Отечественной войны погибли и пропали без вести 84 793 медика, из них 5319 врачей, 9198 средних медицинских работников, 22 723 санитарных инструктора, 47 553 санитара и санитара-носильщика[262]. Таким образом, на войсковое звено санитарной службы, действовавшее прежде всего на поле боя, приходилось до 88% от общих потерь. Стоит отметить также преобладание безвозвратных потерь над санитарными среди врачей и среднего медицинского персонала и значительное уменьшение доли безвозвратных потерь среди санитарных инструкторов и санитаров. Причина в том, что основная часть врачебного и среднего медицинского персонала, работавшего в удаленных от поля боя лечебных учреждениях ГБА и ГБФ, страдала в основном при артиллерийских обстрелах и авиационных налетах, при которых существенно увеличивалась доля потерь убитыми.

Смертельной угрозе подвергались и те, кто трудился в армейских и фронтовых госпиталях. Их жизнь обрывалась вопреки всем законам международного права при захвате лечебных учреждений противником. Особенно часто это происходило в первый период войны. Из более чем 6 тыс. госпиталей, сформированных в годы войны, 117 были захвачены противником и значатся погибшими, 17 понесли большие потери при выходе из окружения и были расформированы, 14 пропали без вести в ходе боевых действий, а судьба 79 из них вообще не установлена.

Жертвуя своими жизнями, военные медики спасали раненых и больных, каждый из них, погибший и выживший в эти тяжелейшие годы, приближал победный май 1945 г. Вклад военных медиков в общее дело победы был велик. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян написал в книге отзывов Военно-медицинского музея: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности»[263].

Высоко оценивали деятельность медиков, как и всей военно-медицинской службы и другие отечественные военачальники. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, вспоминая завершающие операции войны, писал: «...армии и отдельные соединения пополнялись в основном солдатами и офицерами, вернувшимися после излечения из фронтовых, армейских госпиталей и из медсанбатов. Поистине наши медики были тружениками-героями. Они делали все, чтобы скорее поставить раненых на ноги, дать им возможность снова вернуться в строй. Нижайший поклон им за их заботу и доброту»[264].

В ходе сражений с новой силой проявились свойственные отечественным медикам профессиональные и моральные качества: героизм и самопожертвование, высокий уровень знаний и практики, милосердие и гуманизм. Вот почему представители военно-медицинской службы заслужили самые лестные оценки не только со стороны советских солдат и офицеров, гражданского населения, союзников по оружию, но и снискали уважение и признательность противника. Опыт Великой Отечественной войны наглядно показал, что только благодаря тесному взаимодействию органов военного и гражданского здравоохранения была одержана выдающаяся победа отечественной военной медицины, получившая признание как в нашей стране, так и за рубежом.

В ходе боевых действий был реализован богатый потенциал отечественной медицины и в то же время накоплен ценнейший опыт практической работы, ставший достоянием мировой медицины, позволивший советской военной медицине и здравоохранению выйти на иной качественный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 67–71.

[2] Россия XX век. 1941 год. Документы. Книга вторая. М., 1998. С. 431.

[3] Там же. С. 439–440.

[4] *Ерёменко А. И.* В начале войны. М., 1965. С. 81.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 88.

[6] Там же. С. 103–104.

[7] *Баграмян И. Х.* Так начиналась война. М., 1971. С. 320–321.

[8] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (Историческая хроника). М., 2010. С. 138.

[9] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 24.

[10] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 139.

[11] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 514.

[12] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 2. М., 2002. С. 32.

[13] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 409.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 420.

[16] Там же. С. 432.

[17] Там же. С. 440–441.

[18] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 144–145.

[19] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 189.

[20] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 164.

[21] Там же.

[22] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 31.

[23] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 166–167.

[24] Там же. С. 171–172.

[25] Там же. С. 181–182.

[26] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. М., 2013. С. 263.

[27] Там же. С. 265.

[28] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 300.

[29] Там же. С. 303.

[30] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1961. С. 530.

[31] Там же. 531.

[32] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М., 1976. Т. 7. С. 115.

[33] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 181.

[34] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24184. Д. 3. Л. 346.

[35] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 185.

[36] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 195.

[37] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 175.

[38] *Бабаджанян А. Х.* Дороги победы. М., 1975. С. 96.
[39] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 202–203.
[40] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 310.
[41] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 251–252.
[42] *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 198–199.
[43] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 123–124.
[44] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. М., 2013. С. 289.
[45] *Павлов А. Г.* Операция «Багратион» и военная разведка. М., 2004. С. 124.
[46] Там же. С. 129.
[47] Там же. С. 127–128.
[48] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 260.
[49] *Савицкий Е. Я.* Полвека с небом. М., 1988. С. 187–188.
[50] *Дагаев В. В.* Тропами риска. М., 1989. С. 146.
[51] *Пласков Г. Д.* Под грохот канонады. М., 1969. С. 297.
[52] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 264.
[53] *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1970 . С. 3.
[54] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 893. Л. 73.
[55] Там же. Д. 947. Л. 51.
[56] История Великой Отечественной войны. В 6-ти т. Т. 6. М., 1965. С. 76.
[57] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 892. Л. 102.
[58] Там же. Д. 893. Л. 74.
[59] *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1966. С. 29; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 692. Л. 102.
[60] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 946. Л. 140.
[61] Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 395.
[62] История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. М., 1978. С. 469.
[63] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 949. Л. 159.
[64] Там же. Оп. 5. Д. 26. Л. 2.
[65] Там же. Д. 226. Л. 3.
[66] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 163.
[67] *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 62; Советская торговля за 30 лет. М., 1947. С. 130.
[68] 35 лет советской торговле. М., 1952. С. 107.
[69] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 153. Л. 23; Д. 221. Л. 15–16.
[70] Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М., 1944. С. 141.
[71] *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. М., 1979. С. 559.
[72] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса. М., 1984. С. 149.
[73] *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие. М., 1964. С. 78.
[74] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 15. Д. 905. Л. 6–7.
[75] История Великой Отечественной войны. В 6-ти т. Т. 6. М., 1965. С. 77.
[76] *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 119.
[77] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. В 4-х т. Т. 2. М., 1957. С. 653.
[78] *Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 133; *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 558.
[79] *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 153.
[80] РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 2. Д. 322. Л. 21; Д. 381. Л. 11; Д. 467. Л. 10.
[81] Рассчитано по: Там же. Д. 381. Л. 12, 15; Ф. 8875. Оп. 42. Д. 489. Л. 14; Ф. 8225. Оп. 1. Д. 6546. Л. 17; Ф. 8627. Оп. 15. Д. 1151. Л. 13; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1291. Л. 22; Ф. 1884. Оп. 69. Д. 48. Л. 99, 168.
[82] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. М., 1963. С. 397.
[83] История Великой Отечественной войны. В 6-ти т. Т. 6. М., 1965. С. 116.
[84] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 69. Д. 1002(1). Л. 103 (здесь и далее ценностные показатели — в масштабе цен 1961 г.).
[85] Там же. Ф. 1884. Оп. 69. Д. 29. Л. 5; Д. 48. Л. 58; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1270. Л. 2; Д. 1201. Л. 16.

[86] В задачи комиссии входили: мобилизация промышленности как оборонной, так и не оборонной для полного обеспечения и выполнения планов и заданий Комитета обороны по производству и поставке РККА и Военно-морскому флоту средств вооружения.

[87] Первым начальником вооружения РККА стал И. П. Уборевич, которого сменил в 1931 г. М. Н. Тухачевский.

[88] Начальником управления был назначен И. А. Халепский.

[89] Основные этапы и проблемы формирования отечественного военно-промышленного комплекса рассматривались в книгах: *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996; *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980). М., 2006; Советская военная мощь от Сталина до Горбачёва. М., 2008; Военно-промышленный комплекс. М., 2011; *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность 1917 — июнь 1941 г. М., 2012, и др.; Среди зарубежных книг: *Самуэльсон А.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса 1921–1941 гг. М., 2001, и др.

[90] В 1918 г. в распоряжении Красной армии оставалось несколько больше 2 тыс. орудий, 350 тыс. винтовок и 5,5 тыс. пулеметов (Артиллерия и время. СПб., 1993. С. 18).

[91] Там же. С. 17.

[92] В составе комиссии работали Н. Е. Жуковский, А. Н. Крылов, В. Н. Ипатьев, П. П. Лазарев, С. А. Чаплыгин, В. П. Ветчинкин, Г. А. Забудский, Н. Ф. Дроздов, известные инженеры Р. А. Дурляхов, Ф. Ф. Лендер и другие.

[93] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15-ти т. Т. 4. М., 1984. С. 276.

[94] Из постановления ЦК ВКПС от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР» (Там же. С. 282).

[95] Там же. Т. 7. М., 1985. С. 407.

[96] В военное время в состав комплекта дивизионной артиллерии были включены 76-мм пушки образца 1942 г. (ЗИС-3) и 152-мм гаубицы образца 1943 г. (Д-1).

[97] Наркоматом обороны не придавалось значение минно-минометному вооружению, в результате Красная армия оказалась необеспеченной минометами и неподготовленной к их использованию (Акт о приеме Наркомата обороны Союза СССР тов. Тимошенко С. К. от Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 210).

[98] *Широкорад А.* Тайны русской артиллерии. М., 2003. С. 387.

[99] Создание реактивной техники базировалось на богатейших исторических традициях научных исследований и достижениях практических результатов (К. И. Константинов, И. П. Мещерский, К. Э. Циолковский, Ф. А. Цандер, И. М. Поморцев, Д. П. Рябушинский и др.).

[100] *Устинов Д. Ф.* Избранные речи и статьи. М., 1979. С. 121.

[101] В науку о радио и радиолокации большой вклад внесли отечественные ученые: М. А. Бонч-Бруевич, Б. А. Введенский, Ю. Б. Кобзарев, Л. И. Мандельштам, Н. Д. Папалекси, А. А. Пистолькорс, В. В. Тихомиров и др.

[102] *Реутов А. П.* Радиоэлектронное вооружение // Вооружение России. В 2-х т. Т. 1. М., 2010. С. 484–495; См. также: *Лобанов М. И.* Развитие советской радиолокационной техники. М., 1982.

[103] Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов на нее не хватит (*Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 137).

[104] Начиная с 1927 г. проводились испытания в общей сложности 14 образцов пистолетов-пулеметов, в том числе представленные Ф. В. Токаревым и В. А. Дегтяревым. Ограниченное применение нашла четвертая модификация 7,62-мм пистолета-пулемета системы В. А. Дегтярева образца 1940 г. (ППД-40) (ЦАМО. Ф. 81. Оп. 12106. Д. 109. Л. 61).

[105] *Устинов Д. Ф.* Русское автоматическое оружие // Известия. 1943. 23 октября.

[106] РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 10. Л. 515. Приказ РВС СССР № 340/70 от 6 ноября 1929 г.

[107] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 408.

[108] *Ермилов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2013. С. 384–397.

[109] *Соколов А. К.* Указ. соч. С. 464–469.

[110] Немецкие специалисты, создавая первоклассные образцы танков, так и не сумели выдвинуть стройной системы со сбалансированными тактико-техническими характеристиками (танки T-III и T-IV), достигнуть необходимого для массового производства уровня унификации и стандартизации.

[111] *Антонович А. С., Магидович Е. И., Артамонов Б. Д.* Танк. М., 1947. С. 62.

[112] История отечественного танкостроения нашла наиболее полное по отношению к другим видам вооружения отражение в отечественной военной истории: труды М. Барятинского, М. Коломийца, М. Свирина, О. Дорошкевича, Н. Шмелева и других авторов. Становление отрасли танкостроения рассмотрено в книгах А. Ермилова, А. Соколова, в материалах, посвященных истории танковых заводов и Главного автобронетанкового управления.

[113] К началу войны в Красной армии на вооружении находилось 23 214 танков, из которых 13 109 боеспособных. На Западном театре военных действий было 13 109 танков (8885 боеспособных). Новых танков (Т-34 и КВ) армия получила в количестве 1475 штук (См.: Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 420).

[114] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 926. Л. 1—3; Оп. 11492. Д. 16. Л. 44.

[115] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 397.

[116] Весной 1941 г. С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков представили И. В. Сталину справку о наличии боеприпасов в армии (См.: *Бах И. В. и др.* Оружие Победы. М., 1987).

[117] 425 лет на службе Отечеству. М., 2003. С. 161.

[118] ЦАМО. Ф. 67. Оп. 4129. Д. 5. Л. 209.

[119] В России имелись давние традиции не только изучения воздухоплавания (Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин и другие), но и создания летательных аппаратов, в том числе военных (И. И. Сикорский, Д. П. Григорович и другие).

[120] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 390—391.

[121] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 29448. Д. 1. Л. 296—308.

[122] *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность 1921—1941 гг. М., 2006. С. 154—155.

[123] На основании ПВК-36 предполагалось строительство 533 кораблей общим водоизмещением 1,3 млн тонн, в том числе восьми линкоров (Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 402).

[124] Программой предусматривалось строительство 424 кораблей, 91,6% из которых были надводными.

[125] В Советском Союзе работало большое число выдающихся ученых и конструкторов в области судостроения, среди которых А. Н. Крылов, Н. Е. Кочин, Л. Ф. Папкович, Ю. А. Шиманский и другие.

[126] Вооружение России. Т. 1. С. 351.

[127] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 140.

[128] Приказы начальника ГАУ от 23 июня 1941 г., НКО от 23 июля 1941 г., НКО от 20 сентября 1941 г. и другие. С 20 сентября 1941 г. начальник ГАУ был подчинен начальнику артиллерии Красной армии, оставаясь его первым заместителем. Начальником артиллерии с 19 июля 1941 г. был назначен Н. Н. Воронов. ГАУ в течение всей войны возглавлял Н. Д. Яковлев.

[129] 425 лет на службе Отечеству. С. 163.

[130] Немецкие специалисты ориентировались в дивизионном звене на единственный образец — 105-мм гаубицу.

[131] *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 93, 119.

[132] 425 лет на службе Отечеству. С. 169.

[133] *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. М., 1988. С. 213.

[134] За годы войны было изготовлено более 600 наземных РЛС дальнего обнаружения и целеуказания РУС-1 и РУС-2, более 100 РЛС орудийной наводки СОН-2 и 250 самолетных РЛС, а также корабельные РЛС (Радиоэлектронная борьба в ВМФ. М., 2006. С. 60).

[135] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 369.

[136] *Меллентин Ф.* Танковые сражения. Минск, 1998. С. 365.

[137] РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 368. Л. 52.

[138] К моменту создания автомата А. И. Судаева уже было развернуто массовое производство автомата ППШ, хотя по утверждению М. Т. Калашникова «пистолет-пулемет А. И. Судаева... был лучшим

пистолетом-пулеметом Второй мировой войны. Ни один иностранный образец не мог с ним сравниться по простоте устройства, надежности, безотказности в работе, по удобству в эксплуатации». Автомат в своем производстве копировали финны («Суоми») и в конце войны — немцы (См.: *Болотин А. И.* История советского стрелкового оружия и патронов. М., 1990. С. 120–121).

[139] К концу 1944 г. был готов к серийному производству пулемет системы С. В. Владимирова (КПВ), гарантировавший преимущество в случае затягивания войны.

[140] Первое противотанковое самозарядное 14,5-мм ружье конструкции Н. А. Рукавишникова было принято на вооружение в 1939 г.

[141] 425 лет на службе Отечеству. С. 171.

[142] *Вернидуб И. И.* На передовой линии тыла. М., 1994. С. 232.

[143] Только корпусов снарядов на предприятиях изготавливалось свыше 80 млн, а авиабомб — более 2 млн.

[144] 425 лет на службе Отечеству. С. 171.

[145] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11 287. Д. 54. Л. 2.

[146] По количеству произведенных самолетов советская промышленность превзошла противника более чем в шесть раз.

[147] Отчет о работе кораблестроения ВМФ за период Отечественной войны. ЦВМА. Ф. 403. Д. 40304. Л. 128–139.

[148] Построенный по уточненному проекту эсминец «Огневой» был принят в состав флота 22 марта 1945 г.

[149] Акт о приеме головного сторожевого корабля «Ястреб» (проект 29) был подписан в декабре 1944 г.

[150] В течение всей войны велась борьба за живучесть подводных лодок. Из 102 погибших кораблей 50 подорвались на минах, 23 — от глубинных бомб, 11 — от торпед подводных лодок противника и только четыре — из-за аварий.

[151] За время войны были потеряны более 300 судов морского флота и свыше 1 тыс. судов речного флота.

[152] В том числе известного многим послевоенным поколениям военнослужащих телефонного аппарата ТАИ-43.

[153] Радиостанция РСН-4 обеспечивала связь между самолетами, истребителями и штурмовиками на дальность до 15 км и с наземными средствами — 100 км.

[154] Работы по программам «Блокада» возглавлял А. И. Берг. С 1943 г. начался новый этап работ программы «Победа».

[155] Постановление ГКО № 5358 от 11 марта 1944 г. «Об обеспечении Наркомвоенфлота средствами радиосвязи для вооружения подводных лодок».

[156] Станции радиопомех «Шторм» в УКВ и средневолновом диапазоне, «Гром» — в коротковолновом диапазоне.

[157] *Смирнов Е. И.* Вопросы организации и тактики санитарной службы. М., 1942. С. 77.

[158] *Смирнов Е. И.* Фронтовое милосердие. М., 1991. С. 153.

[159] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. документов и материалов. М., 1977. С. 38–39.

[160] *Крутов В. С. и др.* Роль медицинской службы в восполнении боевых потерь в личном составе в годы войны // Военно-медицинский журнал. 1995. № 4. С. 4–7.

[161] *Чиж И. М.* Вклад медицинской службы в победу в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 9.

[162] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. документов и материалов. С. 302–304.

[163] *Кузьмин М. К.* Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). М., 1979. С. 128–130.

[164] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 35-ти т. Т. 1. М., 1951. Предисловие. С. XXXI–XXXIII, XXXVI–XLII.

[165] *Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Хороший К. А.* Полевая военно-медицинская организация Красной армии так и не была создана в предвоенный период // Военно-медицинский журнал. 2001. № 1. С. 91–96.

[166] *Смирнов Е. И.* Роль санитарной службы в Великой Отечественной войне // Военно-санитарное дело. 1941. № 11. С. 1–5.

[167] Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Архив военно-медицинских документов (далее — Филиал ЦАМО. Архив ВМД). Ф. 5691. Оп. 48046. Д. 2. Л. 51; Ф. 1. Оп. 44667. Д. 515. Л. 112.

[168] Там же. Ф. 1. Оп. 44667. Д. 521. Л. 125.

[169] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 89; *Гладких П. Ф., Локтев А. Е.* Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2005. С. 106.

[170] Очерки истории советской военной медицины. Л., 1968. С. 198.

[171] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 7. Оп. 44683. Д. 68. Л. 45.

[172] Там же. Ф. 1. Оп. 35483. Д. 1. Л. 154.

[173] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 172.

[174] *Иванькович Ф. А., Селиванов Е. Ф.* Главное военно-санитарное управление Красной армии в первые месяцы войны // Из истории военной медицины накануне и в начале Великой Отечественной войны. Материалы науч. конф., посвященной 50-летию начала войны. Л., 1991. С. 19–29.

[175] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 6198. Оп. 19327. Д. 8. Л. 44–47; Ф. 1. Оп. 35488. Д. 605. Л. 55–56.

[176] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 84–86.

[177] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 47168. Д. 9. Л. 3.

[178] *Титов В. В.* Хирургическая работа сортировочного эвакогоспиталя за три года войны // Материалы медицинской конференции 67-й армии Ленинградского фронта 10 марта 1945 г. Действующая армия, машинопись. 1945.

[179] Очерки истории советской военной медицины. С. 207–208.

[180] *Смирнов Е. И.* Неотложные задачи санитарного обслуживания раненых и больных // Хирургия. 1941. № 10. С. 3–10.

[181] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 35488. Д. 333. Л. 162; Ф. 1. Оп. 47165. Д. 78. Л. 137.

[182] *Голосов Б. А. Об* организации медицинского обеспечения в битве под Курском // Военно-медицинский журнал. 1983. № 7. С. 17–21.

[183] *Милашкин А. Г., Шурубура А. А.* Некоторые аспекты хирургического обеспечения войск в битве под Курском // Медицинское обеспечение войск в битве под Курском. Материалы конференции, посвященной 40-летию битвы под Курском. Л., 1984. С. 42–44.

[184] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 315–316.

[185] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 35488. Д. 605. Л. 251–265.

[186] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 93.

[187] *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.). М., 1985. С. 158.

[188] Там же. С. 98.

[189] *Гончаров П. П.* Очерки истории Военно-медицинской академии в послеоктябрьский период. Л., 1968. С. 118–130.

[190] *Муравьёва Е. Ф.* Доноры Ленинграда в дни Великой Отечественной войны // Труды Военно-медицинского музея. Т. 17. Л., 1965. С. 128.

[191] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 346.

[192] *Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф.* Некоторые вопросы медицинского обеспечения войск в завершающий период Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1985. № 2. С. 4

[193] *Вишневский Н. А.* Советские медики в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л., 1990. С. 21.

[194] *Смирнов Е. И.* Некоторые итоги работы лечебно-эвакуационных учреждений фронта и тыла за годы Отечественной войны // Труды IV пленума Госпитального совета Наркомздравов СССР и РСФСР. М., 1946. С. 89–93.

[195] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 35488. Д. 605. Л. 324; Оп. 47165. Д. 477. Л. 27, 33–34.

[196] Там же. Ф. 1. Оп. 47166. Д. 532. Л. 20.
[197] Там же. Д. 533. Л. 121–123, 172, 178, 181, 183, 221, 265; Оп. 1407. Д. 284. Л. 89; Оп. 47165. Д. 645. Л. 8–11; Оп. 47167. Д. 20. Л. 50.
[198] *Леонов И. Т.* Вклад Военно-медицинской академии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 1995. С. 100.
[199] *Гладких П. Ф., Локтев А. Е.* Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2005. С. 488–489.
[200] *Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1985. С. 279.
[201] Там же. С. 163.
[202] *Солдатенко А. Н., Муравьёва Е. Ф., Масько М. К.* Организация и работа распределительного эвакуационного пункта № 95 // Труды Военно-медицинского музея. Т. 12. Л., 1961. С. 219–220.
[203] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 118. Л. 248; Д. 92. Л. 24.
[204] Труды V пленума УМС при начальнике ГВСУ Красной армии. М., 1942.
[205] *Бургасов П. Н.* Противоэпидемическое обеспечение войск и населения страны накануне войны и в годы Великой Отечественной войны // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1986. № 3. С. 7.
[206] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 47164. Д. 263. Л. 231; Оп. 47166. Д. 266. Л. 47.
[207] Там же. Оп. 47164. Д. 263. Л. 55.
[208] Там же. Оп. 1405. Д. 93. Л. 2–3, 168; Оп. 35485. Д. 26. Л. 55.
[209] Там же. Оп. 1405. Д. 93. Л. 39; Оп. 35485. Д. 26. Л. 35.
[210] Там же. Оп. 1405. Д. 93. Л. 14.
[211] *Курпита П. Н.* Особенности санитарно-гигиенического обеспечения на фронте и в тылу // Военно-медицинский журнал. 1980. № 5. С. 54.
[212] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 47166. Д. 266. Л. 57.
[213] Там же. Оп. 35485. Д. 26. Л. 2–6, 35.
[214] Там же. Оп. 35484. Д. 263. Л. 51.
[215] Там же. Оп. 47497. Д. 698. Л. 233.
[216] *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 1939–1945 годы. М., 1979. С. 261–262.
[217] *Курпита П. Н.* Указ. соч. С. 54.
[218] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 32. М., 1953. С. 95.
[219] *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 1939–1945 годы. С. 260.
[220] *Будко А. А. и др.* Медицинское снабжение и военная фармация Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 2001. С. 22.
[221] *Борейша Я. А.* Организация медицинского снабжения в тылу страны во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Рукопись. Военно-медицинский музей. 1966. С. 38.
[222] *Будко А. А. и др.* Указ. соч. С. 24.
[223] *Тольцман Т. П.* Система снабжения медико-санитарным имуществом в годы Великой Отечественной войны: (По опыту медицинской службы Советской армии 1941–1945 гг.) // Дис. к. ф. н. М., 1949. С. 169.
[224] *Черноусов В. А.* Поставки медицинского имущества в период войны // Военно-медицинский журнал. 1985. № 9. С. 24.
[225] *Гладких П. Ф., Локтев А. Е.* Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб., 2005. С. 487.
[226] *Алексанян И. В., Кнопов М. Ш.* Научная работа военных врачей в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1996. № 3. С. 32–35.
[227] *Новиков В. С., Плужников Н. Н.* Роль науки в развитии военной медицины в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 19–24.
[228] Труды первого пленума ученого медицинского совета при начальнике Санитарного управления Красной армии 12–13 сентября 1940 г. М., 1940. С. 3–10.
[229] Труды третьего пленума ученого медицинского совета при начальнике Санитарного управления Красной армии 15–16 апреля 1941 г. М., 1947. С. 152–153.

[230] Труды пятого пленума ученого медицинского совета при начальнике Главного военно-санитарного управления Красной армии 26–28 февраля 1942 г. М., 1942.

[231] *Марасанов Р. А., Мельничук А. Н.* Вклад военно-медицинской науки в победу над фашистской Германией // Военно-медицинский журнал. 1995. № 4. С. 8–11.

[232] *Георгиевский А. С.* К истории становления и развития научного потенциала советской военной медицины // Из истории медицины. Рига, 1987. С. 13–27.

[233] *Алексанян И. В., Кнопов М. Ш.* Научная работа военных врачей в годы Великой Отечественной войны // Из истории медицины. Рига, 1987. С. 35.

[234] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 44572. Д. 1. Л. 210, 258, 268, 297.

[235] Там же. Оп. 44677. Д. 521. Л. 63–64.

[236] Там же. Оп. 47165. Д. 78. Л. 115.

[237] Там же. Оп. 44667. Д. 521. Л. 63–64.

[238] Там же. Оп. 53106. Д. 1. Л. 270.

[239] Там же. Оп. 44667. Д. 166. Л. 14–16, 41, 46, 64, 102.

[240] Там же. Оп. 35488. Д. 340. Л. 13.

[241] Там же. Оп. 44667. Д. 521. Л. 58–62.

[242] *Галл Я. М.* Экология, теория эволюции и антибиотики. К столетию со дня рождения Г. Ф. Гаузе // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 3. С. 63–85.

[243] Труды первого пленума Госпитального совета 5–9 мая 1942 г. М., 1942. С. 5–24.

[244] Труды четвертого пленума Госпитального совета Наркомздравов СССР и РСФСР 23–26 декабря 1945 г. М., 1946. С. 11–13.

[245] *Будко А. А.* Знать, любить и помнить историю военной медицины // Военно-медицинский журнал. 2002. № 1. С. 88–89.

[246] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 55144. Д. 7. Л. 6.

[247] Там же. Ф. 2. Оп. 6953. Д. 1. Л. 25.

[248] *Нувахов Б. Ш., Карнеева И. Е., Шилинис Ю. А.* Истоки, хронология и динамика структуры Российской академии медицинских наук. М., 1995. С. 93.

[249] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 112.

[250] *Будко А. А., Грибовская Г. А.* Медицинское обслуживание военнопленных в период Сталинградской наступательной операции // Военно-медицинский журнал. 2003. № 2. С. 67–72; *Будко А. А., Грибовская Г. А.* Сталинградский подвиг милосердия. Немецких военнопленных лечили в тех же госпиталях, что и воинов Красной армии // Военно-медицинский журнал. 2003. № 5. С. 68–72.

[251] Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 7405. Д. 1. Л. 88.

[252] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 142, 187.

[253] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 299. Л. 160.

[254] Там же.

[255] Там же. Д. 146. Л. 164–182.

[256] *Будко А. А., Грибовская Г. А., Хороший К. А.* Организационные и медицинские основы восстановления здоровья и трудоспособности репатриантов по опыту Второй мировой войны // Проблемы реабилитации. 2000. № 1. С. 148–153.

[257] *Будко А. А., Грибовская Г. А.* Когда опустели фашистские лагеря Европы: Медицинское обслуживание репатриантов Второй мировой войны // Военно-медицинский журнал. 2001. № 3. С. 36–42.

[258] *Вишневский Н. А.* Указ. соч. С. 14.

[259] *Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С.* Указ. соч. С. 292.

[260] Советские медицинские сестры, награжденные медалью Флоренс Найтингейл. Л., 1987. С. 7.

[261] *Зильбельберг Л. Б. и др.* Потери медицинского состава войск в Великую Отечественную войну // Военно-медицинский журнал. 1990. № 2. С. 20–21.

[262] *Комаров Ф. И., Лобастов О. С.* Основные итоги и уроки медицинского обеспечения Советской армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. № 5. С. 8.

[263] Рукописный фонд Военно-медицинского музея.

[264] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 292.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ДОСТИЖЕНИИ ПОБЕДЫ

Роль государственной политики и стратегии в достижении Победы

В предыдущих главах тома представлена широкая панорама деятельности государственного, политического и военного руководства СССР по ведению Советским Союзом Великой Отечественной войны и достижению в ней победы над коварным, вероломным и сильным противником — фашистской Германией и ее союзниками в Европе. Эта деятельность по использованию вооруженных сил, экономических, морально-политических, духовных ресурсов страны и других факторов была идейной по характеру и высокоэффективной по результатам. Важным условием ее успеха стали знание, понимание и опора на общие закономерности исторического процесса и специфические законы войны как особого состояния советского общества, переживающего исключительно сложный период перехода от одного этапа цивилизационного развития к другому. Кроме того, руководство Советского государства умело учитывало и использовало патриотические традиции, а также богатый исторический опыт вооруженной защиты России, особенно периода Гражданской войны и интервенции 1918–1922 гг.

В результате верно избранной и успешно реализованной политики и стратегии было обеспечено спасение от угрозы фашистского порабощения не только своего Отечества, но и всей человеческой цивилизации. Эффективное государственное и военно-политическое руководство вошло в историю как один из решающих факторов достижения всемирно-исторической победы над фашистской Германией и ее союзниками в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.

По генезису и содержанию руководство страной и ее вооруженными силами в военное время являлось продолжением общего государственного и политического руководства СССР, но в принципиально иных условиях. Война, которую вынужден был вести Советский Союз, начиналась, говоря словами К. фон Клаузевица, «в лоне политики», в соответствии с ее характером и целями. По сравнению с мирным периодом жизни советского общества, изменились главные средства политической борьбы: ими стали вооруженные силы и партизанское движение. Центр тяжести политической жизни государства переместился в область военных действий, вооруженной борьбы на суше, в воздухе и на море. А вооруженная борьба, будучи одновременно и социально-политическим, и военно-техническим явлением, включает в себя как общие элементы, сходные с системами управления другими областями деятельности, так и специфические особенности. Это обусловлено самой ее природой.

В целом ведением войны более эффективно руководит та сторона, которая лучше контролирует внутриполитическую и социальную обстановку, организует экономику, управляет

вооруженной борьбой, выстраивает внешнюю политику и союзнические отношения, владеет инициативой и обеспечивает выгодное для себя влияние на действия противника. Руководство войной осуществляется сложившейся в данном обществе, но модернизированной и адаптированной к военным условиям системой политического, государственного и военного управления, которая опирается на существующие социальные отношения и факторы, регулирующие общественную жизнь.

Управление (руководство) осуществляется специальными институтами: государством, его органами и учреждениями, политическими партиями и общественными организациями. Особое место при этом принадлежит именно государству, его политике и управленческим усилиям. В преддверии войны и в ее ходе система объектов управления и само управление как процесс (в первую очередь идеология, государственная политика и стратегия) должны быть приспособлены к ее характеру и потребностям — в данном случае к характеру войны, которую вел Советский Союз против нацистской Германии и ее европейских союзников, к характеру Второй мировой войны, в которой Великая Отечественная была главной и решающей частью.

Государственное и военно-политическое руководство СССР оказалось в этом смысле на высоте по нескольким причинам. Во-первых, власти адекватно осознали характер и особенности международных отношений и мировой политики, верно оценили опасность милитаризма и особенно германского фашизма и приняли необходимые решения по усилению оборонной мощи Советского Союза. Во-вторых, руководители СССР своевременно заметили опасное изменение представлений о мире и войне у властных элит западных стран, чье понимание будущей войны и ее гуманитарных и материальных последствий было ошибочным, если не сказать порочным. С этим пониманием во многом связаны соглашательские действия лидеров «западных демократий» по отношению к нацистской Германии, что наглядно проявилось и в неприятии предложений Советского Союза о коллективной безопасности, и в «мюнхенском сговоре» с Германией, и во многом другом. По существу, их политика стала катализатором Второй мировой войны и прямо способствовала успехам германского фашизма в 1939–1940 гг. В-третьих, в исключительно сложных условиях 1938–1939 гг. советское руководство сумело найти трудное, но оптимальное решение — оно пошло на заключение договоренностей с Германией, что сделало невозможным формирование единого западного антисоветского блока и позволило выиграть время для подготовки к будущей войне с фашизмом. Риск открытия второго фронта на востоке со стороны Японии — союзницы Германии по Антикоминтерновскому пакту, с которой также удалось заключить пакт о ненападении, был существенно снижен. Кроме того, в 1939 г. была решена еще одна, чрезвычайно важная в политическом и стратегическом отношении проблема: потенциальные возможности для армии Германии вести военные действия против СССР были ограничены путем выдвижения передовых рубежей обороны Советского государства на 200–250 км на запад.

С началом Второй мировой войны военная машина агрессора беспощадно вторглась в чужие пределы и, не встретив серьезного сопротивления, быстро оккупировала Польшу, Норвегию, Данию, Бельгию, Голландию, Францию, Югославию, Грецию. Германские войска получили военный опыт, почувствовали себя непобедимыми, обрели своего рода наступательную инерцию. Ослепленные блеском своих побед, агрессоры стали считать, что нет силы, способной противостоять военной мощи Германии.

За 22 месяца, отделявших подписание советско-германского пакта о ненападении от начала Великой Отечественной войны, руководство СССР смогло сделать очень многое для укрепления обороны страны. Осуществлялась форсированная подготовка к отражению агрессии: первостепенное внимание уделялось вооруженным силам, военной промышленности, наращиванию производства современного оружия и боевой техники, решению актуальных проблем военной теории. Конечно, далеко не всё из задуманного успели сделать. Было совершено немало ошибок, без чего еще никому и никогда не удавалось обойтись. Однако когда с позиций сегодняшнего опыта оценивается сделанное для обороны в предвоенные годы при острой нехватке необходимых сил, средств и времени, становится ясно,

сколь грандиозные и многоплановые задачи тогда решались и какие трудности возникали в ходе руководства этим сложнейшим процессом.

Когда война, развязанная фашизмом, стала реальностью, то основные усилия советского политического руководства были направлены на отражение вооруженной агрессии. Для обеспечения мобилизации всех сил страны на отражение нашествия и последующего разгрома врага 30 июня 1941 г. совместным решением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Совета народных комиссаров СССР был создан Государственный Комитет Обороны. По существу, деятельность ГКО в ходе Великой Отечественной войны стала высшей формой руководства ее ведением. Она выражала интересы всего социально единого и многонационального народа СССР и отвечала характеру и целям справедливой, освободительной войны, которую он вел. В короткий срок были перестроены на деятельность в условиях войны промышленность, транспорт и сельское хозяйство, наука, культура, быт.

Таким образом, вновь подтвердились ведущее положение политики и ее руководящая роль при определении задач военной стратегии. Здесь следует особо сказать еще и о взаимосвязи политики и идеологии, тем более что Вторая мировая и Великая Отечественная войны были не только жестоким военным противоборством, но и бескомпромиссной идеологической борьбой. Это наглядно проявилось уже 22 июня, в день, резко обозначивший переход советского общества из режима мирной жизни в состояние войны. В обращении правительства к народу, с которым выступил В. М. Молотов, давалась политическая оценка начавшейся войны, с твердой уверенностью было сказано: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Неслучайно в тот же день поэт В. И. Лебедев-Кумач написал стихотворение «Священная война» — ярчайший по форме и содержанию и исторический по значению призыв к сопротивлению агрессору. Через два дня эти стихи стали песней, музыку для которой написал композитор А. В. Александров. Так родился подлинно народный гимн, звавший советскую страну встать на «смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой».

Огромную политическую и идеологическую роль в первые, самые трудные дни войны сыграло выступление И. В. Сталина 3 июля 1941 г. В нем была раскрыта реальная угроза существованию СССР, жизни советских людей, сформулированы цели ответной, вынужденной Отечественной войны, определена политика мобилизации усилий и справедливой борьбы с агрессором.

Признаем, что процесс перехода советского народа, общества, Красной армии, руководства страны из мирного состояния в военное оказался нелегким и не безболезненным. Помимо очевидных естественных трудностей такого перехода мощное негативное воздействие оказал фактор внезапной агрессии и вероломного нарушения военно-политическим руководством Германии Пакта о ненападении. Да, войну ждали, к ней готовились, но до последнего момента И. В. Сталин и другие руководители СССР рассчитывали на то, что удастся выиграть время и отсрочить ее начало. В Кремле не верили, что А. Гитлер нападет без предварительного выдвижения каких-либо требований к Советскому Союзу и без денонсации пакта 1939 г. Эти обстоятельства вкупе с желанием выиграть еще один мирный год для страны и народа привели к тяжелой, хотя и понятной ошибке. Ее последствия сказывались очень долго. Но народ, Красная армия, государственное руководство, несмотря на все неудачи и поражения лета — осени 1941 г., выдержали страшный удар врага, преодолели все трудности и смогли уже в первый год войны заложить фундамент будущей победы. Разгрому фашизма, полному и окончательному уничтожению противника была подчинена вся деятельность советского руководства, государственных и общественных организаций СССР — основных субъектов политического процесса.

Успешной оказалась и политика советского руководства по подрыву и расколу фашистского блока. В 1944 г., после освобождения Красной армией территории СССР и пересечения ею государственной границы, были выведены из войны участвовавшие в ней на стороне Германии Венгрия, Румыния, Финляндия и Болгария. Усилиями советской дипломатии с этими странами в сентябре 1944 — январе 1945 г. были заключены соглашения о пере-

мирии. Остальные европейские союзники гитлеровской Германии практически оказались в положении полной военно-политической изоляции, что стало очередным фактором ее окончательного поражения.

Чрезвычайно важную роль сыграла политика Советского Союза в формировании послевоенного мира. Она способствовала восстановлению Франции как независимого государства с правами великой державы, позволила преодолеть острые разногласия и противоречия с союзниками при решении германского вопроса, привела к решению вопросов о справедливых границах европейских государств, установлении союзнических отношений между СССР, Польшей, Чехословакией, Югославией, Албанией, Румынией, Болгарией, Венгрией, восточной частью Германии.

Особое значение имели действия политического руководства СССР по созданию международной организации, которая была призвана стать устойчивым и универсальным инструментом послевоенного устройства мира в интересах всех народов, предотвращения войн и проведения политики мирного сосуществования. В ходе рассмотрения принципиальных вопросов, связанных с созданием Организации Объединенных Наций, советские лидеры сумели добиться согласия Запада использовать в ее руководящем органе — Совете Безопасности принцип единогласия. Это обеспечивало за СССР право вето и позволяло ему при необходимости блокировать опасные или нежелательные для себя решения. Значение этой дипломатической победы невозможно переоценить — благодаря ей в последующие годы было предотвращено немало войн. Данная оценка справедлива и для современной эпохи, достаточно вспомнить иранский и сирийский кризисы.

В целом политика ведения войны, осуществлявшаяся руководством СССР, в полной мере отвечала коренным интересам всех основных социальных групп советского общества. Она явилась адекватным обстановке регулятором многообразных и разноплановых общественных отношений. В результате ее осуществления удалось разрешить или смягчить целый ряд социальных противоречий, как оставшихся в наследство от досоветской эпохи, так и порожденных революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной. Наконец, эта политика обеспечила необходимую преемственность в развитии общества, одновременно обеспечив внедрение новых, соответствующих военному времени моделей его организации. Таким образом, политика советского руководства создала необходимые условия для успешного осуществления стратегии отражения вооруженной агрессии германского блока, преодоления «полосы поражений», коренного изменения хода войны в свою пользу и достижения победы.

Политика ведения войны обусловила формирование стратегии как искусства руководства общественными и политическими процессами, общественной и политической борьбой, всем сложным делом достижения победы. Особо важная роль принадлежала военной стратегии в деле реализации частных и конечных целей войны, применении эффективных способов и форм ведения военных действий. При этом учитывались природа и особенности вооруженной борьбы, ее законы, а также положения и принципы военной теории и официальные военно-доктринальные взгляды. Военная стратегия как явление включает в себя общие, сходные с системами управления других областей деятельности элементы, а также и специфические, принципиально отличные от них особенности.

Но в то же время следует отметить, что когда была определена главная военная угроза Советскому Союзу со стороны Германии, советские военные теоретики и военно-политическое руководство направили свои усилия не только на выяснение социально-политического и военно-технического характера возможной войны, но и на выбор способов ее ведения и теоретическое обоснование необходимых условий и факторов победы над вероятным противником. По сути, началась разработка настоящей теории победы, которая интенсивно продолжилась в ходе войны. Ее творцами являлись ученые, военачальники, политические деятели.

Важным условием высокого уровня политического и стратегического руководства войсками, войной в целом стало создание советской школы полководцев. Военачальников и полководцев Великой Отечественной войны как талантливых военных руководителей

и настоящих патриотов отличали безграничная любовь к Родине, глубокая убежденность в справедливости целей, за которые они боролись, неразрывная связь со своим народом, верность военному долгу, присяге, профессионализм.

Единству политики и стратегии, политического и стратегического руководства армией и флотом, войной в целом также способствовали:

— деятельность политических органов вооруженных сил во главе с Главным политическим управлением Красной армии и Главным политическим управлением ВМФ (до 16 июля 1941 г. — Главное управление политической пропаганды), которые организовывали и вели партийно-политическую работу в армии и на флоте, направляли ее на исполнение постановлений ЦК ВКП(б), приказов и директив Ставки ВГК, наркомов обороны и ВМФ;

— учреждение летом 1941 г. должности начальника тыла — заместителя наркома обороны, должностей начальников тыла ВВС и ВМФ, фронтов (армий), создание Штаба тыла Красной армии и других новых тыловых органов вооруженных сил и их деятельность;

— создание при Ставке ВГК Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), органов по связи с партизанскими соединениями на фронтах и их деятельность;

— деятельность органов государственной безопасности, которые обеспечивали ГКО, Ставку ВГК и Генеральный штаб информацией о группировках войск противника, возможных сроках и направлении их главных ударов, срывали разведывательно-подрывные акции врага, боролись с фашистской агентурой.

Таким образом, в ходе войны в Вооруженных силах Советского Союза сложилась и постоянно развивалась система органов, которая, исходя из поставленных перед ними задач, прочно опиралась на активную поддержку советского народа, вставшего на защиту своего Отечества.

Ход и исход Великой Отечественной войны убедительно подтверждают, что советская стратегия в ходе реализации ее политических и военных целей, решения главных задач, правильно оценивала роль прочной идеологической и морально-политической основы сражающегося за свою независимость советского общества; растущей экономической базы, обеспечивавшей ее необходимыми материальными ресурсами и средствами ведения вооруженной борьбы; достижения военно-научной мысли. Ход и исход войны показали, что советский способ ведения войны соответствовал ее законам, отличался рациональностью и высокой эффективностью.

Деятельность советских политических и военно-стратегических органов, полководцев, политических лидеров СССР в ходе войны была творческой, волевой и высоко результативной. Стратегия достижения победы над нацистской Германией была выбрана правильно и реализована достойно как в военно-политическом смысле, так и в историческом отношении.

Государственно-политическое руководство в годы войны

Ключевой фигурой советского государственно-политического руководства в годы Великой Отечественной войны, безусловно, являлся Иосиф Виссарионович Сталин. Пристальный общественный интерес, проявляемый к его личности в целом и в контексте Великой Отечественной войны в частности, предопределен уникальным местом и ролью И. В. Сталина в системе партийно-государственной власти в СССР. На рубеже 1920–1930-х гг., сосредоточив в своих руках главные властные рычаги, он до самой кончины в 1953 г. единолично руководил Советским Союзом.

Оценки этой исторической личности пережили огромную трансформацию и укладываются в диапазоне от культа до уничижительной критики и обвинений в тяжких уголовных преступлениях. Начавшийся в последние годы существования СССР рост интереса к личности и деяниям И. В. Сталина к сегодняшнему дню воплотился в подлинную сталиниаду:

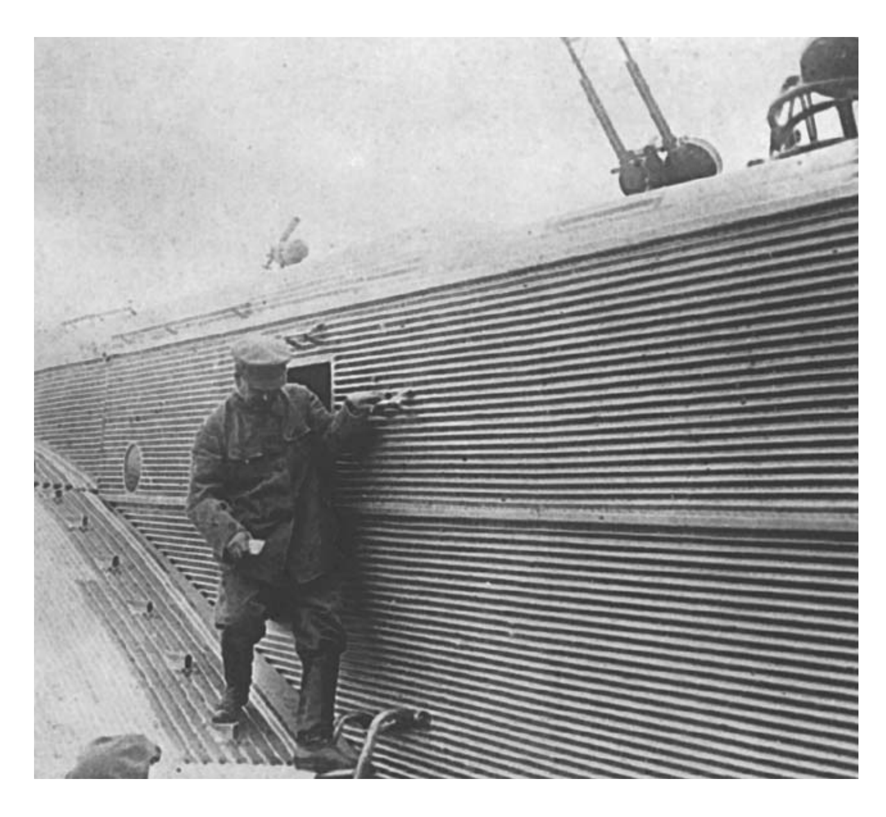
И. В. Сталин

И. В. Сталин в сопровождении сотрудника ОГПУ. Конец 1920-х гг.

И. В. Сталин и В. М. Молотов в автомобиле. 1929 г.

И. В. Сталин осматривает бомбардировщик ТБ-3

количество ежегодно издающихся о нем работ различного характера исчисляется десятками наименований. При этом надо признать, что в огромном потоке литературы мало работ, авторы которых избегают ненужной эмоциональности и остаются в рамках научной объективности. Между тем взвешенные и аргументированные суждения и оценки деятельности И. В. Сталина важны и сами по себе, и с точки зрения объективного освещения новейшей истории нашей страны.

Иосиф Джугашвили окончил духовное училище в г. Гори (Грузия), но сану священника предпочел судьбу профессионального революционера, большевика. Еще накануне октябрьских событий 1917 г. вошел в состав руководящего органа РКП(б) — ее Центрального комитета, а затем довольно быстро стал одной из ключевых фигур в большевистском руководстве. В 1917–1922 гг. он являлся наркомом по делам национальностей, с 1919 г. — одновременно наркомом Государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции, а с апреля 1922 г. — генеральным секретарем ЦК партии. Более 30 лет, с 1919 по 1953 г., он был членом Политбюро (Президиума) ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, а мае 1941 г. также возглавил правительство СССР, оставаясь на этом посту до 1949 г.

К началу Великой Отечественной войны как глава государства И. В. Сталин накопил огромный опыт руководства политическими процессами, идеологической борьбой, экономическими преобразованиями, позволивший ему с необходимой в целом степенью компетентности возглавить всенародное сопротивление фашистскому нашествию. В 1941 г. он без видимых колебаний взял на себя огромную, в том числе чисто физическую нагрузку по руководству всей системой государственной и военной власти.

Чрезвычайные испытания, обрушившиеся на страну, потребовали чрезвычайных мер по переходу к таким формам и методам государственного управления, которые были бы адекватны требованиям военного времени. Опыт времен Гражданской войны и форсированного строительства социализма в межвоенный период подсказал необходимость в столь критический момент отказаться от коллегиальности и перейти к высочайшей степени централизации власти, сосредоточив ее в руках буквально нескольких человек. О круге этих лиц дает исчерпывающее представление совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 г. о создании Государственного Комитета Обороны: И. В. Сталин в качестве председателя ГКО, В. М. Молотов, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов и Г. М. Маленков. Именно они (по ходу войны к ним присоединились Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и Н. А. Булганин) не только выработали идею образования в лице ГКО чрезвычайного органа власти, который объединил бы функции высших партийных и государственных органов, но и, войдя в его состав, взяли на себя всю полноту власти и ответственности за судьбу страны в ключевой для нее час.

Все члены ГКО состояли в Политбюро (Л. П. Берия и Г. М. Маленков в качестве кандидатов), они же, за исключением Г. М. Маленкова, входили в руководство правительства: И. В. Сталин — как председатель СНК, В. М. Молотов, Л. П. Берия и К. Е. Ворошилов — как его заместители. Г. М. Маленков, занимавший сугубо партийные посты — секретаря ЦК и начальника Управления кадров ЦК, вместе с И. В. Сталиным как генеральным секретарем ЦК ВКП(б) представлял партийную ветвь в ГКО. Если учесть, что И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов входили и в состав Ставки ВГК — высшего органа стратегического управления вооруженными силами, становится окончательно ясно, насколько централизованный характер приняла с началом войны система власти.

И. В. Сталин находился на вершине властной пирамиды, заняв все основные высшие посты в партии и государстве — председателя Государственного Комитета Обороны, генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Ставки Верховного главного командования, Верховного главнокомандующего, наркома обороны СССР. Такая концентрация власти в одних руках позволяла ему оперативно, не связывая руки лишней коллегиальностью, принимать необходимые с его точки зрения решения. Учитывая менталитет советского народа, выработанную массами за два десятилетия социалистического строительства привычку к жесткому централизму, директивности и плановости,

единоличное принятие на себя И. В. Сталиным важнейших государственных обязанностей положительно сказалось на отражении фашистской агрессии, усилило возможности нашей страны по мобилизации всех сил и средств на фронте и в тылу.

Для многих иностранных наблюдателей это стало открытием, а для противника — открытием неприятным. По мнению Дж. Робертса, «пороки его (И. В. Сталина. — *Прим. ред.*) диктаторского режима стали достоинствами его стиля управления страной в военные годы»[1]. Похожие суждения высказал британский историк Р. Овери в книге «Почему победили союзники»: «Рассказы о жестокости режима военных лет не должны закрывать от нас тот факт, что жесткий контроль Сталина над Советским Союзом, вероятно, не мешал, а, скорее, способствовал достижению победы»[2].

Не будет большой натяжкой проиллюстрировать верность таких суждений примером достижения советской военной экономикой большей по сравнению с союзниками и противниками эффективности. В годы войны в СССР на 1 млн тонн выплавленной стали производилось: больше самолетов — в 1,5 раза, чем в Великобритании, в 2,6 раза, чем в Германии, и в 3,2 раза, чем в США; бронетанковой техники — в 3 раза, чем в Германии, в 3,8 раза, чем в Великобритании, и в 6,3 раза, чем в США; артиллерийских орудий — в 4 с лишним раза, чем в Германии, в 5,4 раза, чем в Великобритании, в 7,7 раза, чем в США[3]. Эти цифры — словно венец той огромной работы, которую проделали ГКО и его председатель в военно-экономической сфере. Ведь именно к материальному обеспечению будущей победы сводилось основное содержание деятельности ГКО: из принятого им 9971 постановления и распоряжения две трети в той или иной степени относились к вопросам экономики и организации военного производства[4].

Многие из этих документов не только подписал лично, но продумал, предварительно заслушав не один десяток специалистов, сам И. В. Сталин. Он на равных обсуждал профессиональные проблемы с руководителями оборонных отраслей, генеральными конструкторами, производственниками. В журнале посещений его кремлевского кабинета часто встречаются фамилии Н. А. Вознесенского, А. Н. Косыгина, В. А. Малышева, А. Н. Туполева, Д. Ф. Устинова, А. В. Хрулёва, А. С. Яковлева и десятков других лиц. «В кабинет председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений — каждый по своему кругу деятельности, — вспоминал бывший в 1942–1943 гг. наркомом путей сообщения СССР и в течение всей войны начальником тыла Красной армии генерал А. В. Хрулёв. — Сюда беспрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами вопросов снабжения армии, в том числе организация новых производств, была упрощена до предела»[5].

После принятия решения сразу же начиналась организация его исполнения аппаратами СНК, Госплана, представителями ЦК ВКП(б) на крупнейших предприятиях и стройках, сотрудниками наркоматов, советских и хозяйственных органов разных уровней. Председатель ГКО строго следил за исполнением принятых решений, при необходимости заслушивая наркомов и других должностных лиц, а нередко и командируя их на места для непосредственной организации работы. Сегодня его стиль назвали бы «ручным управлением».

Взять для примера исполнение первого по счету постановления ГКО от 1 июля 1941 г. «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово». Перед Наркоматом судостроительной промышленности (нарком И. И. Носенко) была поставлена задача уже с 1 августа 1941 г. начать производство «тридцатьчетверок», доведя к концу года их выпуск до 700–750, а в 1942 г. — до 3 тыс. танков. Наркоматы среднего машиностроения (В. А. Малышев) и черной металлургии (И. Ф. Тевосян) обязывались своевременно и в необходимом количестве поставить авиамоторы М-17, устанавливавшиеся на танках, и бронелисты[6]. О значении, которое ГКО придавал выполнению этой задачи, свидетельствует уже тот факт, что в г. Горький для реализации постановления были срочно откомандированы первые

лица наркоматов. Постановлением, принятым в тот же день, ГКО перевел Челябинский тракторный завод, подведомственный Наркомату среднего машиностроения, на выпуск тяжелых танков КВ-1.

Механизм сталинского контроля над выполнением постановлений ГКО позволяют представить дневниковые записи В. А. Малышева — наркома среднего машиностроения, а с 1 сентября 1941 г. — наркома танковой промышленности:

«3 августа 1941 г. Часть моих предложений по переводу ряда заводов на производство танков приняты. Характерно то, что постановления Государственного Комитета Обороны № 1 и № 2 вышли по танкам. История когда-нибудь отметит этот факт.

24 октября 1941 г. (г. Горький, завод «Красное Сормово»)... За это время эвакуировали почти все танковые заводы на восток. Время тяжелое. Танков почти не выпускаем (во всяком случае, очень мало), а они нужны как никогда... Сегодня ночью звонил т. Сталин из Москвы. Тов. Сталин сказал: добейтесь в ближайшее время, чтобы все заводы ежедневно давали танков на одну танковую бригаду, и добавил, если добьетесь этого, то мы не пожалеем для танкистов наград...

5 января 1942 г. ...Все время ездил по востоку. Налаживал дело с эвакуацией заводов, с организацией производства танков. Сейчас дело идет еще плохо. Много трудностей. Но уже чувствуется, что дело пойдет...

10 января 1942 г. Сегодня опять был у т. Сталина. Речь шла о производстве вооружения. Тов. Сталин несколько раз подчеркивал, что сейчас нужно то оружие, которое хорошо показало себя в боях, производить в массовом количестве, не внося в него никаких изменений...

22 января 1942 г. Тов. Сталин сказал, что танки Т-34 показали свои хорошие качества. У этого танка имеется большой запас мощности, и он везде проходит. Особенно хорошо идет по снегу. Тов. Сталин дал указание раздуть выпуск танков Т-34.

24 января 1942 г. Тов. Сталин сказал, что танк КВ тяжеловат, малоподвижен и плохо проходим, может воевать только на ровной местности. Дал указание — или повысить мощность дизеля до 800 л. с., или уменьшить толщину брони, уменьшить вес.

5 июня 1942 г. В последние дни т. Сталин вызывает к себе каждый день. Он крепко занялся улучшением качества танков. Сегодня были у т. Сталина вместе с тт. Зальцманом, Котиным, Морозовым. Тов. Сталин сказал, что «наши танки превосходят заграничные, в том числе и немецкие, по своим техническим показателям, но уступают им в ходовой части. Особенно танк КВ — он тяжел и малоподвижен. А сегодня танки должны прежде всего много ходить, делать переходы по 150–200 км, ходить без дорог». Мы показали т. Сталину макеты двух новых танков, которые полностью решают те пожелания... но т. Сталин ответил: «Новые танки делать пока не будем. Не будем отвлекать конструкторов от задачи улучшать и модернизировать выпускаемые танки».

1 июля 1942 г. Позвонил по телефону т. Сталин и крепко ругал за то, что не выполняется план по танкам Т-34. Я ответил т. Сталину, что много трудностей у заводов с людьми и оборудованием и что, хотя план не выполняется, но выпуск танков Т-34 из месяца в месяц растет, но т. Сталин опять крепко выругал меня и повесил трубку. Через полчаса позвонил т. Молотов и сказал: «Мы решили освободить Вас от работы наркома танковой промышленности за невыполнение плана по танкам Т-34 и назначили наркомом т. Зальцмана».

3 июля 1942 г. Вызвал т. Сталин. Обсуждали вопрос о плане по производству танков на III кв. Потом т. Сталин сказал: «Ну, а что же т. Малышев будет делать? Я думаю, пусть он Молотову помогает по танкам, он знает танки, вот пусть и работает по танкам»[7].

Отстранение В. А. Малышева от должности наркома танковой промышленности не было продолжительным, через год он вернулся на свой пост. Судя по записи посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина, за годы войны В. А. Малышев был у него на приеме не менее 80 раз, так что дневник наркома отражает постоянное внимание председателя ГКО к проблеме наращивания выпуска и совершенствования бронетанковой техники. При этом танками персонально занимался еще один из членов ГКО: сначала это был Г. М. Маленков, 2 сентября 1941 г. назначенный уполномоченным Государственного Комитета Обороны

по вопросам производства танков всех видов, в чьи обязанности вменялось в кратчайший срок обеспечить выполнение и перевыполнение программы по производству танков всех видов. А с 4 февраля 1942 г. — В. М. Молотов, на которого был возложен контроль над исполнением решений по производству танков[8].

Добиваясь цели, И. В. Сталин использовал и поощрения, и наказания, при этом сам вникал в детали конструкции боевой техники и технологию ее производства. Воспоминания ряда наркомов и конструкторов военных лет — Б. Л. Ванникова, В. Г. Грабина, Д. Ф. Устинова, А. В. Хрулёва, А. С. Яковлева — дают основания утверждать, что такой же стиль И. В. Сталин демонстрировал и при решении других проблем, входивших в сферу деятельности ГКО. «Многие представители стран-союзников, побывавшие в Кремле во время войны, были поражены тем, по какому количеству вопросов — мелких и значительных, военных, политических и дипломатических — Сталину приходилось принимать окончательное решение, — пишет один из первых западных биографов советского лидера И. Дойчер. — ...Таким он был день за днем, на протяжении всех четырех лет военных действий — образцом терпения, выдержки и бдительности, почти вездесущим, почти всезнающим»[9].

Меры, предпринятые руководством СССР с началом войны по коренной перестройке системы государственного управления, полностью себя оправдали, позволив даже при неизбежных издержках в короткий срок решить сложнейшую задачу по перестройке всей жизни на военный лад, достичь высокой степени управляемости государства, вооруженных сил и общества, мобилизовать в интересах отражения вражеского нашествия все материальные и людские ресурсы.

Режим «ручного управления» до минимума сокращал бюрократические издержки любого управленческого процесса, можно было быстро и точно довести до конкретных исполнителей личное решение И. В. Сталина, постановление ГКО или распоряжение Ставки ВГК. Вместе с тем это возлагало на И. В. Сталина как источник верховной власти, как человека, без участия которого не мог быть решен ни один сколько-нибудь серьезный вопрос государственного, военного, хозяйственного, политического, идеологического характера, непосильную ношу. Возрастала степень субъективизма, опасность ошибки, от которой не был застрахован никто, в том числе и И. В. Сталин. Его просчет при определении возможного момента начала фашистской агрессии — самый яркий тому пример. По существу, И. В. Сталин сделался в полном смысле слова незаменимым. К счастью, его организм выдержал бесконечные стрессы и немыслимый для человека его возраста рабочий график, а спецслужбы и личная охрана не допустили ни вражеского покушения (факты подготовки такового хорошо известны), ни какого-либо бытового происшествия. Но, в принципе, система «ручного управления» не может быть признана идеальной, так как слишком зависит от множества случайных факторов.

При широкой эрудиции, редкой памяти и трудоспособности И. В. Сталину элементарно не хватало времени и сил вникать во все вопросы, которые выносились на рассмотрение ГКО, и контролировать сотни принятых решений. В результате последние нередко исполнялись с соблюдением не столько общегосударственных, сколько ведомственных интересов и в зависимости от степени аппаратного влияния того члена ГКО, на которого в каждом конкретном случае возлагалось исполнение. В злоупотреблениях гигантской бесконтрольной властью не раз были замечены Л. П. Берия, Г. М. Маленков, да и другие члены ГКО. Внутри этого чрезвычайного органа власти отмечалась конкурентная борьба между отдельными высокопоставленными управленцами, что отражалось на принятии решений, которые нередко буквально через несколько дней пересматривались или вовсе отменялись. Такая борьба выразилась в долго не прекращавшемся перераспределении обязанностей между членами ГКО[10].

Генерал армии А. В. Хрулёв вспоминал в связи с этим: «Ежедневно решая сотни больших и малых дел, Сталин давал подчас самые противоречивые указания, взаимно исключавшие друг друга. Поскольку обычно никаких стенограмм и протоколов при этом не велось, то некоторые его распоряжения оставались невыполненными. Конечно, те, кто в силу различных причин рисковал идти на это, всегда имели наготове лазейку, чтобы свалить вину на другого»[11].

И. В. Сталин в рабочем кабинете

Так произошло, например, при решении вопроса, в чье подчинение перевести Гражданский воздушный флот СССР — начальника тыла Красной армии или командующего ВВС. Дважды, с разницей в два года, по указанию председателя ГКО назначались комиссии для поиска оптимального варианта, но поскольку И. В. Сталин не мог лично проконтролировать этот вопрос и передоверил его сначала Г. М. Маленкову, а затем Л. П. Берии и Н. А. Булганину, ГВФ был передан не в тыл РККА, где он использовался бы для материального обеспечения стратегических и фронтовых операций, партизанского движения, в интересах промышленности, выполнявшей срочные военные заказы, а в ВВС. Командование этого вида вооруженных сил использовало его куда менее результативно — для выполнения отдельных поручений Ставки, а в основном для нужд самих ВВС[12].

В контексте этой проблемы заслуживают внимания и суждения адмирала Н. Г. Кузнецова: «Мне всегда казалось, что у Сталина не было системы в деле руководства, что помогало бы ему все охватывать и как бы равномерно следить за всем». Поэтому руководство, особенно в начале войны, шло в основном «распорядительным порядком», из кабинета вождя, принимаемые решения диктовались не заранее продуманной долгосрочной программой, а в основном складывающейся в тот или иной момент обстановкой[13].

Исполняя свои многочисленные обязанности, И. В. Сталин в силу предоставленных ему неограниченных полномочий и высочайшего авторитета мог не оглядываться (и действительно действовал именно так) на какие-то формальные рамки той или иной своей должности. Тем не менее существовали объективные причины, по которым он мог действовать именно так, а не иначе. Наиболее очевидно это проявилось в сравнительно новом для него качестве — Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза.

Как известно, И. В. Сталин не был кадровым военным, его боевой опыт ограничивался Гражданской войной, участие в которой носило для него специфический характер: будучи членом РВС республики и нескольких фронтов (Южного, Западного, Юго-Западного),

а также руководителем продовольственного дела юга России, он выполнял в основном политико-административные функции, к управлению войсками отношения не имевшие. Хотя и тогда он нередко вмешивался в оперативную деятельность военного командования. Позднее он сконцентрировал в своих руках и нити военного управления. Под его руководством, используя достижения бурно развивающейся в СССР индустрии, был значительно поднят уровень технического оснащения вооруженных сил. «В середине 1930-х годов Красная армия как с точки зрения организационной, так и количественной, бесспорно, была сильнейшей в мире. В ней насчитывалось около 1,5 млн солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: «В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила...», но они отражали действительное положение Советского Союза в то время»[14].

С возрастанием опасности мировой войны, а тем более с ее началом И. В. Сталин усилил внимание к состоянию вооруженных сил, их организационно-кадровому обеспечению, оснащению современной боевой техникой и вооружением. По результатам войны с Финляндией, показавшей серьезные недостатки в организации и оснащении войск, выучке командно-начальствующего состава, он добился замены высшего командного звена в Красной армии, включая наркома обороны и начальника Генерального штаба. Когда же ему пришлось лично взять на себя функции Верховного главнокомандующего, дело далеко не сразу пошло на лад. На этой деятельности И. В. Сталина, особенно в первые годы войны, отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и преувеличенная вера в собственную непогрешимость.

Недостатком в подготовке к войне стало отсутствие к ее началу готовой системы стратегического управления вооруженными силами. Права и обязанности высших должностных лиц государства и руководителей Наркомата обороны, Генштаба не были четко регламентированы. Гражданские лица, например В. М. Молотов или Л. П. Берия, используя свое положение в государственной иерархии, считали нормальным вмешиваться в оперативное управление войсками.

Со своей стороны, И. В. Сталин поначалу пренебрегал давно отработанной в военной среде системой выработки и исполнения приказов и директив. Многие решения принимались им единолично и из-за слабой оперативно-стратегической подготовки были весьма неудачными. Таковой оказалась уже первая директива военным советам фронтов от 22 июня 1941 г., требовавшая вопреки реально складывавшейся обстановке нанести контрудары по вторгшемуся на советскую землю противнику. В условиях потери управляемости, при значительном превосходстве противника наши войска не могли подготовить такие контрудары и терпели крупные поражения, неся огромные потери.

«С первых минут возникновения войны, — считал маршал Г. К. Жуков, — в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях... У нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах... Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия»[15].

На второй день войны, как вспоминал Г. К. Жуков, И. В. Сталин направил в помощь командованию фронтами все руководство Генерального штаба, включая его начальника. На резонное предупреждение, что подобная практика приведет лишь к дезорганизации управления войсками, он отрезал: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». В результате он, «не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить»[16].

На недооценку И. В. Сталиным значения и места Генштаба в первый период войны обращал внимание и маршал А. М. Василевский. Генеральный штаб представлял собой исключительно важное звено стратегического руководства, оперативный орган Верховного главнокомандования — ни одна прежняя война не предъявляла к нему столь высоких требований, а Верховный главнокомандующий подчас использовал его лишь в качестве простого технического передатчика в войска уже принятых им решений. Деликатно выраженный, но вполне ощутимый упрек слышен в словах А. М. Василевского: активное использование Оперативного управления, как и других структур Генштаба, «принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»[17].

И. В. Сталин нередко превращал политику в самоцель и не всегда учитывал при этом военно-стратегические соображения. Так, в начале 1942 г., переоценивая мощь, проявленную Красной армией в контрнаступлении под Москвой, он вопреки точке зрения Г. К. Жукова и мнению Генерального штаба настоял на плане стратегического наступления сразу на нескольких направлениях, хотя сил и средств для этого не было. Для успешной реализации тезиса — превратить 1942 г. в год окончательного разгрома фашистской Германии — не существовало ни малейших оснований. Вполне закономерно подобный авантюризм обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму, под Харьковом и утратой завоеванной под Москвой стратегической инициативы.

По мере накопления опыта войны И. В. Сталин стал более взвешенно и здраво оценивать возможности Красной армии и потенциал противника. Постепенно с образованием Ставки ВГК сложилась и оптимальная система стратегического управления войсками и силами флота. В повседневной практике формальные грани между ГКО и Ставкой нередко стирались. Этому способствовало и то обстоятельство, что во главе них стояло одно лицо. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки, и наоборот, в Ставке при рассмотрении важных вопросов присутствовали члены ГКО. Подобно ГКО, Ставка не имела своего специального помещения и аппарата, опираясь в повседневной работе только на Генеральный штаб. Не было и заседаний в привычном понимании этого слова с обязательным протоколированием их хода. По свидетельству маршала А. М. Василевского, за более чем 30-месячный период его службы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном составе ни разу не собиралась[18]. Это наблюдение подтверждали Г. К. Жуков, А. В. Хрулёв и другие военачальники.

Сказанное, однако, не дает оснований считать, что Ставка ВГК существовала лишь «на бумаге». Отвечая на такого рода предположения, А. М. Василевский писал: «Была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном главнокомандующем? Да, была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя»[19].

При этом А. М. Василевский обращал внимание на важнейший элемент управления войсками: каждый из членов Ставки держал с Верховным главнокомандующим устойчивую повседневную связь. В постоянных многолюдных заседаниях, так привычных по довоенному времени, нужды не было, И. В. Сталин при необходимости или вызывал к себе отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, либо связывался с ними по ВЧ для получения всей необходимой информации и отдавал необходимые распоряжения.

И. В. Сталин и У. Черчилль на двусторонних переговорах в Москве. 1944 г.

И. В. Сталин выгодно отличался от профессиональных военных огромным политическим опытом, опытом государственной деятельности в иных, нежели военная, областях, что позволяло ему с более широких позиций подходить к решению сугубо военных задач. Обращало на себя внимание умение вождя быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Во время визита в Москву в августе 1942 г. У. Черчилль продемонстрировал ему план «Торч» по высадке союзников в Северной Африке. И не мог сдержать удивления, насколько «русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»[20].

Как политический руководитель такого масштаба И. В. Сталин, бесспорно, имел немало достоинств. А. М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с ним, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования»[21]. Маршал отмечал в Верховном главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом были согласны многие государственные и военные деятели.

Правда, по поводу способностей И. В. Сталина к стратегическому руководству войсками существует немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. Некоторые из авторов недалеко ушли от пропагандистских установок конца 1940-х гг., диктовавших признание за И. В. Сталиным военного гения. Как представляется, компетентнее и объективнее других на этот счет высказываются полководцы из ближайшего окружения, те, кто непосредственно с ним общался.

Так, маршал Г. К. Жуков подчеркивал: «До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве. Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций. В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил... Могу сказать, что И. В. Сталин позднее овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела»[22].

В свою очередь, маршал А. М. Василевский соглашался с тем, что процесс роста И. В. Сталина как военачальника завершился после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда «он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций»[23].

Уроки первых военных кампаний, в том числе дважды удавшийся германскому командованию прорыв стратегического фронта советских войск и иные поражения Красной армии, побудили И. В. Сталина к необходимости повышать собственный уровень компетентности и в большей мере, чем в начале войны, считаться с мнением Генерального штаба, своих заместителей, командующих фронтами и армиями. Примером сказанного может служить его реакция на просьбу главнокомандующего ВВС РККА А. А. Новикова перенести сроки начала контрнаступления под Сталинградом. Если раньше он, вероятнее всего, решил бы вопрос единолично, то теперь предпочел посоветоваться с подчиненным. В телеграмме, которую Верховный главнокомандующий 12 ноября 1942 г. направил своему заместителю Г. К. Жукову, координировавшему подготовку операции, говорилось: «Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации»[24]. В результате начало операции было перенесено на неделю, что способствовало ее успеху.

В свою очередь, военачальники, непосредственно работавшие с И. В. Сталиным, тактично побуждали его к росту компетентности в военных делах. Наибольшее влияние на его становление как Верховного главнокомандующего оказали маршалы Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, Г. К. Жуков и генерал армии А. И. Антонов. Под их благотворным воздействием он постигал тонкости стратегии и оперативного искусства. По мере накопления опыта число ошибок заметно уменьшилось, а уровень стратегического руководства стал соответствовать требованиям момента. Он выработал в себе и проявил, пусть и не сразу, умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические вопросы, выбирать наиболее рациональные способы стратегических действий, соединять воедино усилия фронта и тыла. Практически все государственные и военные деятели, сталкивавшиеся с И. В. Сталиным, отмечали в нем большие организаторские способности, высокую требовательность, твердость и жесткость управления.

Опираясь на Генеральный штаб и представителей Ставки ВГК, в качестве которых выступали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Н. Н. Воронов, А. А. Новиков, С. К. Тимошенко и некоторые другие талантливые военачальники, активно привлекая командование фронтового звена, он все более уверенно осуществлял стратегическое управление вооруженными силами. В ходе войны он участвовал в разработке всех стратегических, фронтовых и ряда армейских операций. Верховный главнокомандующий, трижды в день получая обстоятельные доклады Генштаба, хорошо представлял себе обстановку на фронтах, знал состав и дислокацию резервов, имел ясное представление о возможностях военного производства, компетентно судил о тактико-технических характеристиках оружия — своего и противника.

Растущие способности Верховного главнокомандующего к стратегическому руководству проявились в ходе Курской битвы. В отличие от 1941–1942 гг., он показал понимание сути

стратегической обороны и одобрил переход Красной армии к преднамеренной обороне с тем, чтобы обескровить наступающие войска вермахта, выбить его танки и последующим переходом в контрнаступление нанести врагу решительное поражение. Успешное проведение в 1944 г. 10 крупных наступательных операций и стратегическое наступление на всем советско-германском фронте зимой и весной 1945 г., общее руководство которыми осуществлял И. В. Сталин, позволили окончательно разгромить фашистскую Германию.

По ходу событий благодаря своему практическому уму И. В. Сталин выработал необходимую линию действий. Процесс планирования той или иной операции он начинал с отдачи самых общих указаний типа: «Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад». Вслед за тем Генштаб принимался за разработку замысла и плана операции, порядка их реализации, вопросов взаимодействия, материально-технического обеспечения и прочего. К этому процессу подключались Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, командующие войсками фронтов и начальники штабов. Мышление талантливых военачальников питало конкретные решения И. В. Сталина. При докладе подготовленных материалов он, выслушав мнения всех, высказывал замечания по замыслу и деталям плана, срокам реализации, порядку руководства со стороны Ставки. Эти резюмирующие замечания давали основания представить Верховного главнокомандующего автором всей идеи. Так рождалась репутация полководца. В 1943 г. она была подкреплена присвоением ему воинского звания Маршала Советского Союза.

Ко всем подчиненным он, невзирая на лица, проявлял строгость и взыскательность. Характерный пример: когда в августе 1943 г. начальник Генштаба А. М. Василевский в ходе сражения за Донбасс из-за позднего возвращения из войск пропустил время обязательного ежедневного доклада в Москву, И. В. Сталин телеграфировал ему: «Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой. Последний раз предупреждаю Вас: если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»[25].

Отношение И. В. Сталина к военным кадрам заслуживает особого внимания. Многие маршалы и генералы обязаны ему своим служебным ростом. Сталинскую поддержку ощущали те выдвиженцы, кто смог оправдать доверие: К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, А. И. Ерёменко, И. Д. Черняховский, П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистров, К. С. Москаленко и другие талантливые военачальники. «На протяжении войны я неизменно чувствовал его внимание, сказал бы, даже чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные», — вспоминал маршал А. М. Василевский[26].

И. В. Сталин оказывал острое недоверие к высшим военным кадрам особенно в начальный, крайне неудачно складывавшийся для Красной армии период, с раскрытием так называемого «военного заговора» во главе с М. Н. Тухачевским. И в последующие годы спецслужбы поддерживали в нем подозрительность, докладывая об «изменнических» намерениях большой группы военачальников, включая С. К. Тимошенко, С. М. Будённого и других, что долго довлело над И. В. Сталиным, накладывая негативный отпечаток на его взаимоотношения с высшими военными кадрами в ходе Великой Отечественной войны. Считая себя вправе произвольно решать, как распорядиться судьбой того или иного военачальника, он лишь перед единицами из них испытывал нечто похожее на чувство вины за нанесенные в прошлом обиды. Так, согласившись в начале войны на арест К. А. Мерецкова, позднее, после его освобождения, И. В. Сталин относился к полководцу с подчеркнутой симпатией, словно пытался загладить свою вину.

Перемещение кадров, замену одних военачальников другими он считал универсальным средством улучшения обстановки на фронте, особенно в первый период войны. Только на должностях командующих фронтами за первые 14 месяцев боев побывали 36 человек[27]. В руководстве некоторыми объединениями наблюдалась самая настоящая чехарда: например, на Западном фронте за первые четыре месяца войны сменились семь командующих. Нередко,

реагируя на неудачные действия военачальников, им же самим назначенных, Верховный главнокомандующий допускал несправедливые оценки.

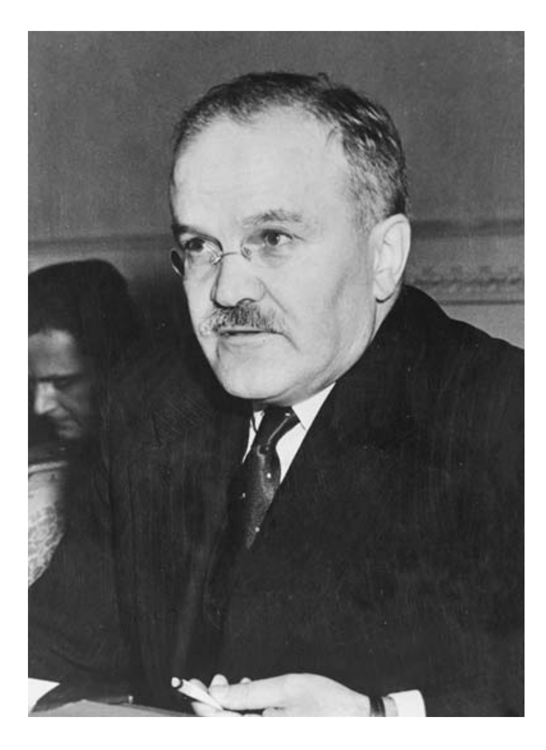
Чувство абсолютного превосходства над другими людьми, в том числе военными профессионалами, мешало И. В. Сталину окончательно избавиться от ошибок в управлении вооруженными силами. Отступившее было в пору поражений, оно под влиянием побед Красной армии возобладало вновь. В результате давления Верховного главнокомандующего на командование фронтов некоторые наступательные операции в Прибалтике и Северной Польше проводились наспех, без достаточного материального и технического обеспечения и учета особенностей местности, что влекло за собой большие ненужные потери[28]. А ведь события, о которых идет речь, имели место не в начале, а на заключительном этапе войны.

Явственный прагматизм в отношении к военным кадрам подметил много общавшийся с И. В. Сталиным адмирал Н. Г. Кузнецов: «Отношение к людям у него было, как к шахматным фигурам и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем»[29]. Следует учитывать, что свидетелем такой картины был очень узкий круг посвященных лиц, народ же и армия под воздействием массированной пропаганды видели в Верховном главнокомандующем фигуру не только безгрешную, но и великую во всех отношениях.

Свидетельства людей, хорошо знавших советского лидера, лишний раз подчеркивают неоднозначность этой выдающейся личности. В этой связи невозможно согласиться с представлениями Дж. Робертса, увидевшего И. В. Сталина в ипостаси «деспота и дипломата, военного и государственного деятеля, рационального бюрократа и склонного к паранойе политика»[30]. Куда более близкими к истине, раскрытию сложной и противоречивой сталинской натуры нам представляются слова соотечественника названного историка — У. Черчилля, прозвучавшие в Палате общин в самый разгар войны 8 сентября 1942 г.: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе стоит этот великий, твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли... Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода»[31].

Полемика вокруг личности И. В. Сталина, несмотря на то что с момента его кончины прошло более 60 лет, не утихает. Это лишний раз показывает, какой глубокий след оставили в народной памяти Великая Отечественная война и послевоенное восстановление страны, неразрывно связанные со сталинским правлением. Кто-то и сегодня убежден, будто без него наш народ был обречен на поражение, а кто-то берется утверждать, что победа над Германией была достигнута не благодаря И. В. Сталину, а вопреки ему. Обе эти полярные точки зрения невозможно рассматривать всерьез. История распорядилась таким образом, что победу народ и И. В. Сталин ковали вместе.

Оценка личности Вячеслава Михайловича Молотова в жизни Советского государства, как и большинства других высших руководителей советской эпохи, за десятилетия менялась неоднократно. Свою роль сыграла критика (далекая от объективности), которой он вместе с другими членами так называемой «антипартийной группы» подвергся на июльском 1957 г. пленуме ЦК КПСС. А поскольку эта критика исходила от лидера партии и страны Н. С. Хрущёва, то на многие десятилетия вперед она и определила ту оценку, которая давалась даже в КПСС, не говоря уже об обществе в целом, человеку, единственному после смерти И. В. Сталина, который лично знал и работал под непосредственным руководством В. И. Ленина — основателя этой самой партии. Как ни парадоксально, но только после крушения КПСС, одним из руководителей которой являлся В. М. Молотов, стало возможным более объективно определить его место в новейшей отечественной истории.

В. М. Молотов

В. М. Молотов (Скрябин) вышел из среды профессиональных революционеров, сторонников большевистского течения в РСДРП. Партийный псевдоним Молотов он взял, отбывая вторую ссылку в Иркутской губернии, откуда бежал накануне Февральской революции. В октябрьские дни 1917 г. являлся членом Петроградского военно-революционного комитета. После свершения в России социалистической революции был направлен в провинцию — работал на хозяйственной и партийной ниве в Северной области — административно-территориальной единице, объединявшей в 1918–1919 гг. Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии, затем в Поволжье, а позднее на Украине, где в 1920–1921 гг. руководил Донецким губкомом и был секретарем ЦК КП(б) Украины.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. В. М. Молотов, вернувшийся в Москву, вошел в состав руководящих органов партии, будучи избранным кандидатом в члены Политбюро ЦК, членом Оргбюро и одним из трех секретарей ЦК. Решением пленума ЦК, избранного XI съездом РКП(б) 3 апреля 1922 г., статус В. М. Молотова как кандидата в члены Политбюро ЦК и члена Оргбюро был подтвержден, и он вновь избран в Секретариат ЦК, где пост генерального секретаря занял И. В. Сталин[32]. В должности секретаря ЦК В. М. Молотов находился до 1930 г. Если учесть, что 1 января 1926 г. пленум ЦК ВКП(б) избрал его членом Политбюро ЦК, то становится очевидным, что он еще в сравнительно молодом возрасте вошел в число тех политических руководителей, которые на несколько десятилетий вперед определили вектор развития Советского Союза.

Отличительной чертой политической биографии В. М. Молотова была безусловная и активная поддержка И. В. Сталина в борьбе с его политическими противниками. Историки не знают ни одного случая, когда этих двух политиков разделили бы противоречия принципиального характера. Довольно быстро В. М. Молотов стал вторым по значимости после И. В. Сталина руководителем государства. В 1930 г. он сменил А. И. Рыкова, обвиненного

вместе с Н. И. Бухариным и М. П. Томским в «правом уклоне», на посту председателя Совнаркома СССР и занимал эту должность до 5 мая 1941 г., когда, в свою очередь, его сменил сам И. В. Сталин. Значителен его вклад в модернизацию страны, которую руководство партии и государства осуществляло через проведение индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции.

В. М. Молотову пришлось много потрудиться на партийной работе и в органах высшей исполнительной власти. Однако в первую очередь его личность ассоциируется с внешнеполитической деятельностью на посту наркома, а затем министра иностранных дел СССР. В общей сложности он руководил НКИДом (МИДом) на протяжении почти 13 лет, включая исключительно сложные с точки зрения завоевания Советским Союзом международных позиций предвоенные и военные годы.

Стратегическим курсом Советского Союза в 1930-е гг. являлось создание системы коллективной безопасности в Европе. Однако эти планы были сорваны западными державами, которые соглашению с СССР против растущей опасности нацизма предпочли политику умиротворения все более наглевшего агрессора в надежде отвести возможную германскую экспансию от себя и направить ее на восток. Когда СССР в марте 1939 г. инициировал проведение в Москве советско-британско-французских переговоров, предложив заключить соглашение «о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств»[33], такого рода обязательства испугали британских и французских политиков, и соглашение не состоялось.

Ведя формальные переговоры с СССР и надеясь связать ему руки каким-нибудь символическим соглашением, Лондон одновременно продолжал контакты с Берлином. Британский премьер Н. Чемберлен, беседуя 8 июня 1939 г. с сотрудником МИД Германии А. фон Трот цу Зольцем, не скрывал, что «с того самого дня, как он пришел к власти, он отстаивал идею о том, что европейские проблемы могут быть решены лишь на линии Берлин — Лондон»[34]. Такая позиция западных стран ставила по-новому вопрос о безопасности Советского Союза. Советское руководство не без основания опасалось возможности нового сговора западных демократий с А. Гитлером по типу Мюнхенского соглашения, но уже за счет СССР. Поэтому было сочтено возможным попытаться возобновить экономические, а при благоприятном обороте событий и политические контакты с Германией.

В мае 1939 г. М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел сменил В. М. Молотов. Именно «с его именем связан вынужденный отход советской дипломатии от предвоенной политики, направленной на обеспечение коллективной безопасности в Европе, к попыткам самостоятельного решения вопроса безопасности страны»[35]. 29 июля В. М. Молотов телеграфировал в советское полпредство в Берлин: «Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»[36]. При этом советское руководство, дабы сохранить свободу рук, предпочитало ожидать инициативы от немцев. Берлин и в самом деле во взаимном сближении проявлял большую, чем Москва, активность. Его действия были по-своему логичны: А. Гитлер шел навстречу войне против Польши и готов был на многие уступки, лишь бы не допустить создания на востоке самостоятельного фронта с участием Красной армии. «Московские переговоры с самого начала приобрели двусмысленный характер. Обе стороны в тайне друг от друга вели переговоры с Германией, играли сразу на двух столах. Можно сказать, что на переговорах в Москве незримо присутствовала третья сторона — Германия. Гитлер тоже вел свою партию»[37].

Когда для советского руководства стало предельно ясно, что начавшиеся 12 августа в Москве переговоры военных миссий Советского Союза, Великобритании и Франции ведутся западными странами не для заключения эффективного военного союза, а для давления на А. Гитлера, чтобы не позволить ему, в свою очередь, договориться с СССР, они были прерваны. Сделав выбор в пользу контактов с Германией, И. В. Сталин дал согласие на прибытие в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа.

В. М. Молотов и И. фон Риббентроп. 1939 г.

23 августа 1939 г. был подписан договор о ненападении с Германией, который заверили своими подписями В. М. Молотов и И. фон Риббентроп. В современной западной историографии пакт Молотова — Риббентропа нередко считают неким «спусковым крючком», нажатие на который позволило А. Гитлеру начать Вторую мировую войну. На самом деле развязать мировую бойню Германии дала возможность близорукая политика умиротворения, проводившаяся западными демократиями. Пакт же был временным военно-политическим компромиссом, на который пошло советское руководство для выигрыша времени и географического пространства в преддверии неизбежного военного столкновения с Германией. Идти на подобные договоренности Советский Союз объективно заставляли интересы собственной безопасности.

В результате августовских, а затем и сентябрьских 1939 г. договоренностей с Германией Советский Союз добился включения в сферу своих интересов некоторых стран, которые ранее территориально входили в состав Российской империи, но либо обрели после Октябрьской революции 1917 г. в России независимость (Финляндия), либо после Первой мировой войны были отторгнуты в результате прямой аннексии (Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши — Западная Белоруссия и Западная Украина, Бессарабия).

К подготовке секретных протоколов к договору о ненападении от 23 августа 1939 г. и договору о дружбе и границе от 28 сентября того же года В. М. Молотов имел прямое отношение. Он и вел переговоры с И. фон Риббентропом и поставил под документами свою подпись. Характерно, что до конца своих дней он так и не признавал факт существования таких документов. На прямой вопрос, существует ли секретный протокол к Пакту о ненападении, бывший нарком иностранных дел отвечал крайне осторожно: «Трудный вопрос затронули. Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились»[38]. В. М. Молотов непосредственно участвовал и в переговорах с Японией о заключении Пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г., который позволил снять опасность войны одновременно

на два фронта — на западе и востоке. Под пактом также стоит подпись наркома иностранных дел СССР[39].

В Москве в полной мере осознавали компромиссный характер договоренностей, достигнутых осенью 1939 г. с Германией. В искренность А. Гитлера советское руководство не верило, а потому прилагало усилия по зондажу дальнейших планов будущего противника. С этой целью В. М. Молотов в ноябре 1940 г. направился в Берлин с официальным визитом. Накануне поездки 9 ноября в личной беседе с И. В. Сталиным он получил ряд важнейших директив. В первую очередь следовало выяснить действительные намерения Германии, а также Италии и Японии в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Великого Восточноазиатского пространства»; выявить перспективы присоединения других стран к Тройственному пакту; разузнать, какое место отведено Берлином Советскому Союзу в этих планах в тот момент и в дальнейшем.

Судя по директивам наркому, И. В. Сталин исходил из того, что достигнутое в 1939 г. соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Германии исчерпано в результате освободительного похода Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, вхождения в состав СССР Прибалтийских республик, Бессарабии и Северной Буковины. Исчерпаны, как подчеркнуто в директивах, за исключением Финляндии. Поэтому во время визита в Берлин В. М. Молотову предписывалось, отталкиваясь от первоначальной наметки сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупать возможность договоренности на этот счет с Германией и Италией, но никаких соглашений не заключать, имея в виду продолжение переговоров в Москве с участием И. фон Риббентропа. Что же касается Финляндии, то предписывалось добиваться в ходе переговоров, чтобы она была отнесена к сфере интересов СССР «на основе советско-германского соглашения 1939 г., в выполнении которого Германия должна устранить всякие трудности и неясности (вывод германских войск, прекращение всяких политических демонстраций в Финляндии и в Германии, направленных во вред интересам СССР)».

В ходе переговоров В. М. Молотов должен был добиться отнесения к сфере интересов СССР устья Дуная, а также Болгарии с вводом туда советских войск и при гарантиях с советской стороны, аналогичных тем, которые были даны Румынии со стороны Германии после того, как Берлин ввел туда свои войска. До германского руководства требовалось довести недовольство СССР, что оно не консультировалось с советским правительством по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию. «Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует, — подчеркивалось в директивах, — и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились». Без участия СССР, по мнению И. В. Сталина, не мог быть решен также вопрос о Турции и Иране, где присутствовали серьезные интересы Советского Союза[40]. Это была попытка Советского Союза в условиях надвигающейся войны как можно дальше отодвинуть рубежи своей обороны: где-то путем территориальных приобретений, а где-то за счет усиления собственного влияния в прилегающих государствах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Советское руководство вело в связи с этим сложную политическую игру. Поездка в Берлин 12–13 ноября оказалась для В. М. Молотова нелегким испытанием. Как стало известно позднее, А. Гитлер спустя месяц, 18 декабря 1940 г., подписал директиву № 21 по плану «Барбаросса», дав тем самым старт практической подготовке Германии к войне против СССР. Переговоры с советской делегацией были нужны нацистскому руководству только как прикрытие начавшихся военных приготовлений. Всё это, безусловно, накладывало отпечаток на обстановку визита В. М. Молотова.

Германские руководители пытались склонить Москву к участию в совместном разделе Британской империи и говорили о целесообразности движения СССР на юг — к Персидскому заливу и Аравийскому полуострову. Делалось это с целью осложнить советско-британские отношения, предупредить возможное сближение Москвы и Лондона. В. М. Молотов же, ведя переговоры с А. Гитлером, Г. Герингом и И. фон Риббентропом, настаивал в первую очередь на отводе германских войск от советских границ (в Финляндии на севере и в Ру-

мынии на юге) и предоставления дополнительных гарантий для безопасности СССР. Ему пришлось пустить в дело весь свой сравнительно небогатый к тому времени дипломатический багаж, всю выдержку и настойчивость. Ход переговоров показал, что германская сторона была готова оживленно обсуждать дележ британского наследства, но как только советский нарком напоминал, что «большие вопросы завтрашнего дня» не должны застилать проблем дня сегодняшнего, то есть возвращал собеседников к проблемам, от которых прямо зависела безопасность СССР, те сразу сникали или, как А. Гитлер, приходили в раздражение. Фюрер, не сумевший склонить московского гостя к выгодным для себя решениям, демонстративно не прибыл на ответный ужин, который В. М. Молотов вечером 13 декабря дал в посольстве.

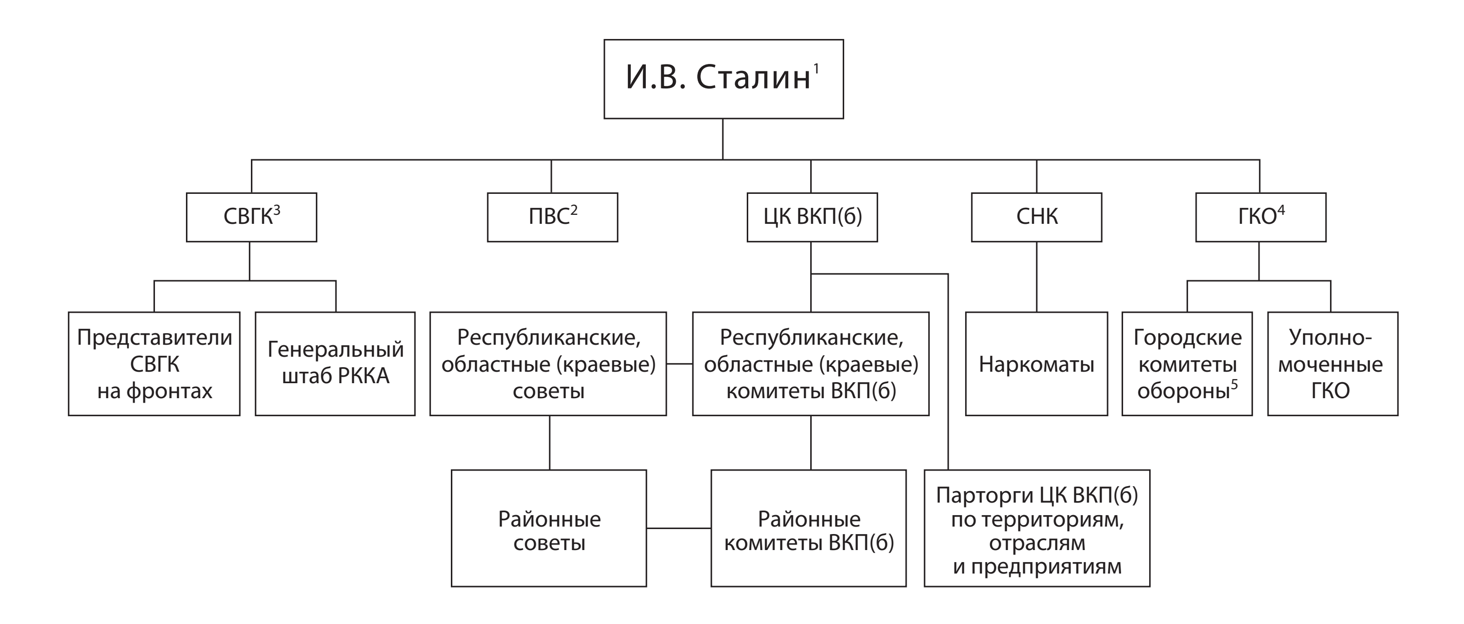
Безрезультатной оказалась и последняя беседа с И. фон Риббентропом, в ходе которой германский министр повел речь «о переходе к будущему сотрудничеству между государствами — членами пакта трех держав — Германией, Италией, Японией и Советским Союзом» и о поисках путей к тому, чтобы «совместно определить в общих чертах сферы интересов этих четырех государств». В. М. Молотов заявил, что советская сторона не возражает против совместной работы СССР со странами оси, но конкретные направления такой работы требуют проработки. Что же касается разграничения сфер интересов, то до сих пор такой вопрос, как отметил нарком, Германией не ставился, и «он является для советского правительства новым». Иначе говоря, никакими конкретными решениями он советскую дипломатию связывать не стал, приняв предложение И. фон Риббентропа продолжить дальнейший обмен мнениями через послов в Москве и Берлине.

Чтобы устранить или хотя бы отдалить опасность агрессии, советское руководство, всесторонне взвесив все за и против, согласилось «в основном принять проект пакта четырех держав» (Германия, Япония, Италия и СССР) «об их политическом сотрудничестве и экономическом взаимопонимании», то есть включиться в новый раздел сфер влияния. Об этом В. М. Молотов сообщил в Берлин через германского посла Ф. фон Шуленбурга 25 ноября. При этом согласие было обставлено рядом неприемлемых для А. Гитлера условий, вроде требования вывода немецких войск из Финляндии или обеспечения безопасности СССР в средиземноморских проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды. Такой тактический ход, по мнению советской стороны, позволял обеспечить свободу рук и вместе с тем сохранял возможность предотвращения или хотя бы оттягивания момента нацистской агрессии на более поздний срок. Однако ответа из Берлина не последовало: Третий рейх уже сделал свой выбор в пользу войны против СССР.

При анализе линии поведения В. М. Молотова в ходе переговоров с нацистской верхушкой возникает естественный вопрос о степени его самостоятельности. Отвечая на него, следует исходить из нескольких соображений. В. М. Молотов вплоть до назначения наркомом не имел дипломатического опыта, минимально общался с иностранными представителями, не говорил в достаточной степени ни на одном европейском языке, что особенно вначале не могло не сказываться на его деятельности. «В. М. Молотов, придя в Наркоминдел, соблюдал крайнюю осторожность, стремясь согласовывать с И. В. Сталиным все возникавшие вопросы. Считая себя политиком, он к дипломатической деятельности не готовился, иностранными языками не владел»[41].

Нельзя сбрасывать со счетов режим авторитарной власти в СССР, при котором все сколько-нибудь значимые решения, в том числе в сфере внешней политики, принимал лично И. В. Сталин. Он «не только определял основные направления внешней политики страны, но и оказывал непосредственное влияние на решение конкретных вопросов НКИД»[42]. На просмотр и утверждение ему представляли все важные документы дипломатического характера: проекты всех документов, которые СССР выносил на рассмотрение международного сообщества, директивы советским делегациям на переговорах, заявления дипломатического характера, записи бесед наркома иностранных дел и его заместителей с иностранными дипломатическими представителями, дипломатическую переписку, информацию, поступавшую от послов. Как подчеркивал сам В. М. Молотов, «у нас [была] централизованная дипломатия.

Структура государственного, военного и политического руководства СССР в годы войны

[1] В годы войны в руках И. В. Сталина сосредоточилась вся полнота власти: он являлся Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), председателем СНК, председателем ГКО (30 июня 1941 г. — 4 сент. 1945 г.), возглавлял СВГК (10 июля 1941 г. — сент. 1945 г.), был наркомом обороны (19 июля 1941 г. — сент. 1947 г.), Верховным главнокомандующим (8 авг. 1941 г. — сент. 1945 г.).

[2] Президиум Верховного Совета СССР.

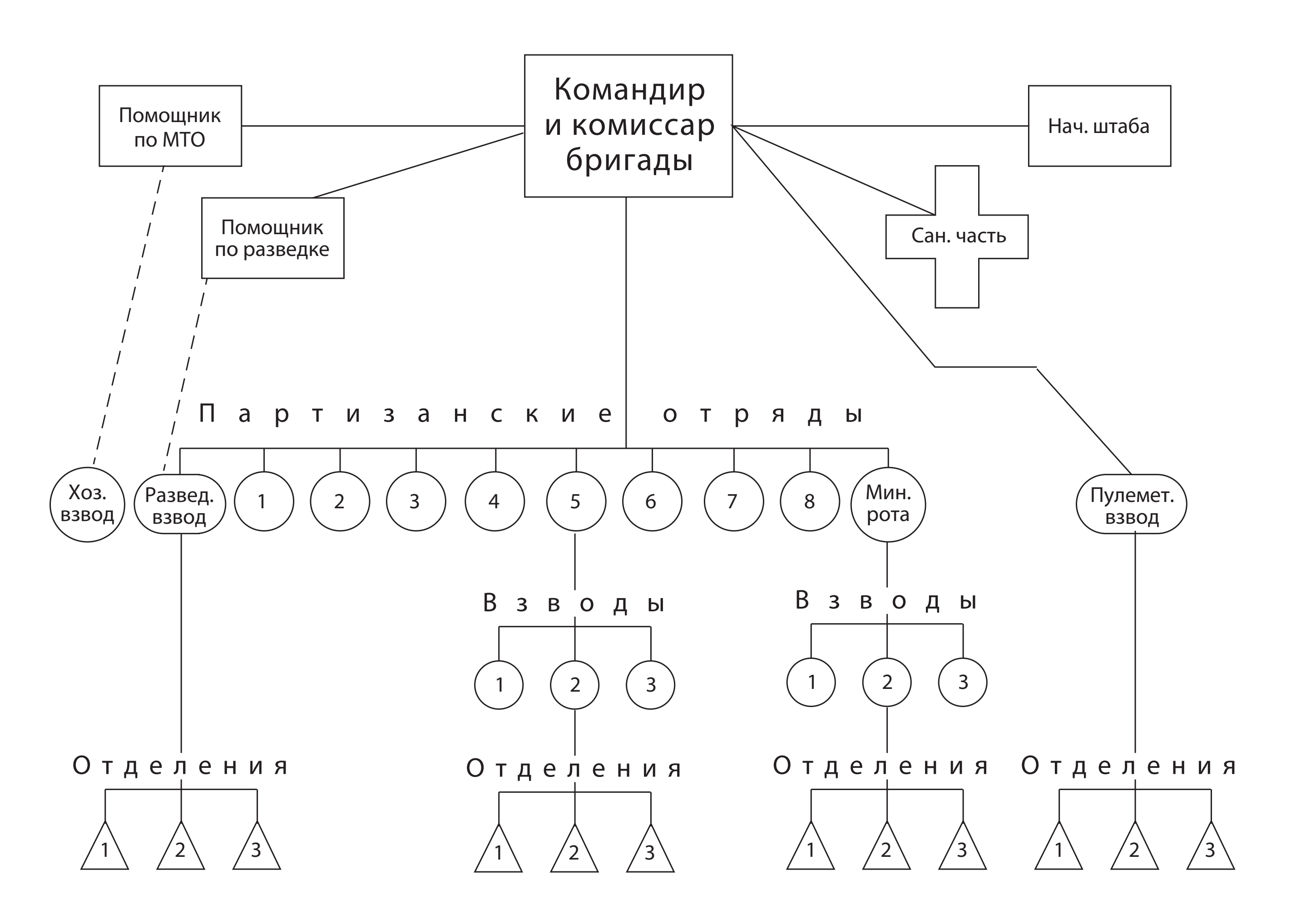
[3] Ставка Верховного Главнокомандования (с 23 июня 1941 г.).

[4] Государственный Комитет Обороны (с 30 июня 1941 г.).

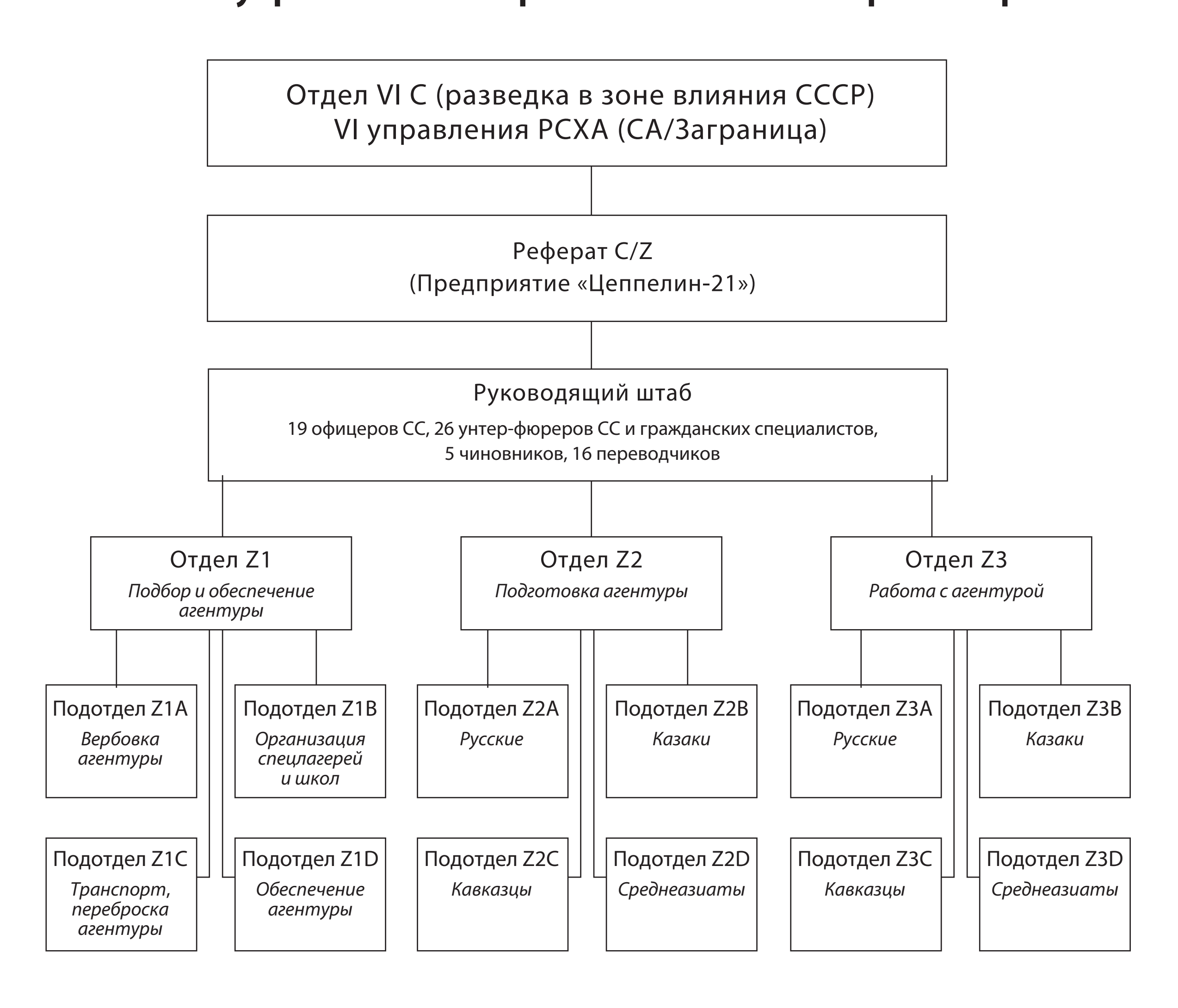
[5] Учреждены в 65 городах СССР (1941–1942).

Схема банковского обслуживания войск

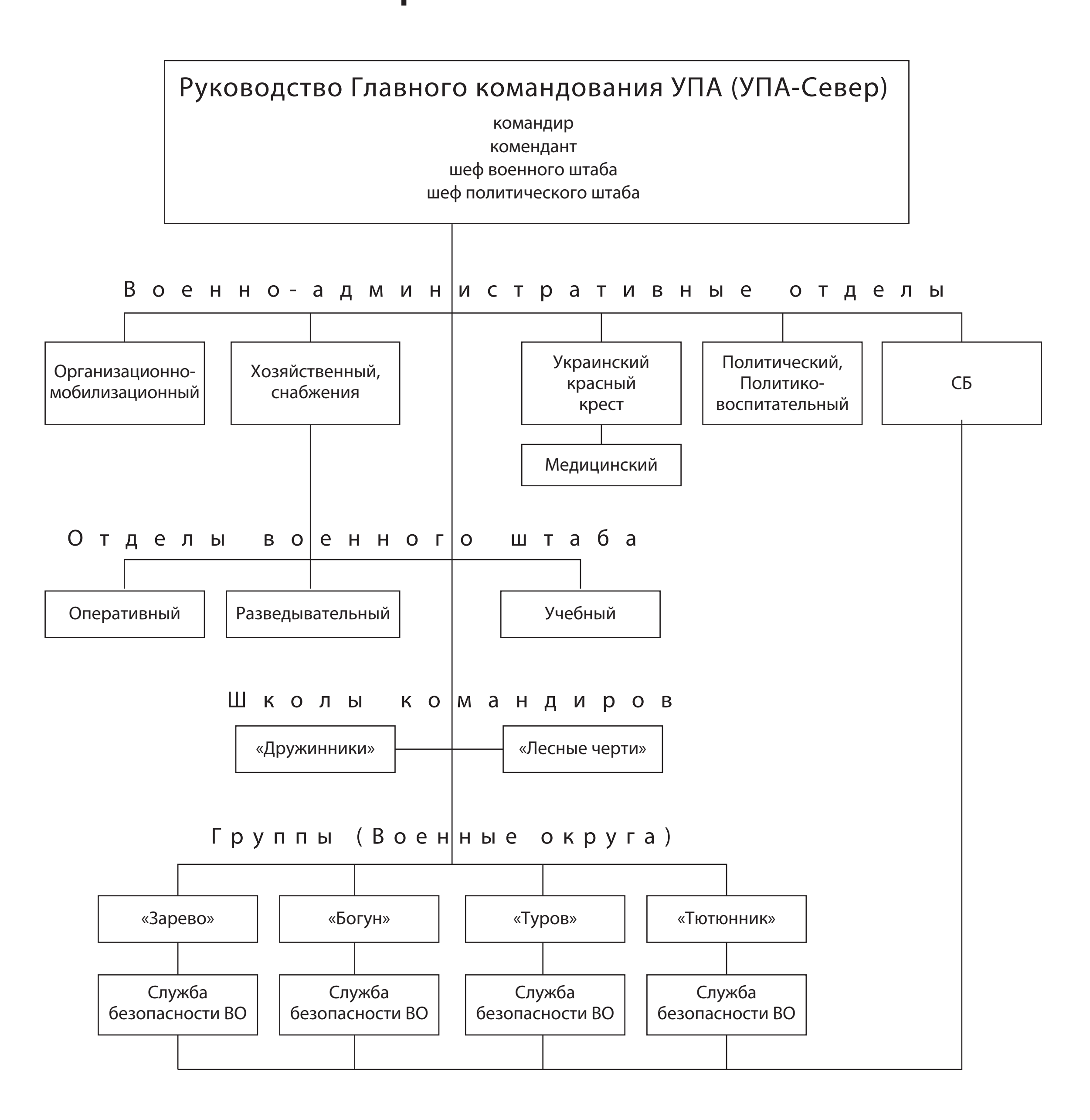

Структура партизанской бригады
к началу марта 1942 г.
Командир и комиссар бригады
Помощник по МТО
Помощник по разведке
Нач. штаба
Сан. часть
Партизанские отряды
Хоз. взвод
Развед. взвод
1
2
3
4
5
6
7
8
Мин. рота
Пулемет. взвод
Взводы
1
2
3
Взводы
1
2
3
Отделения
1
2
3
Отделения
1
2
3
Отделения
1
2
3
Отделения
1
2
3

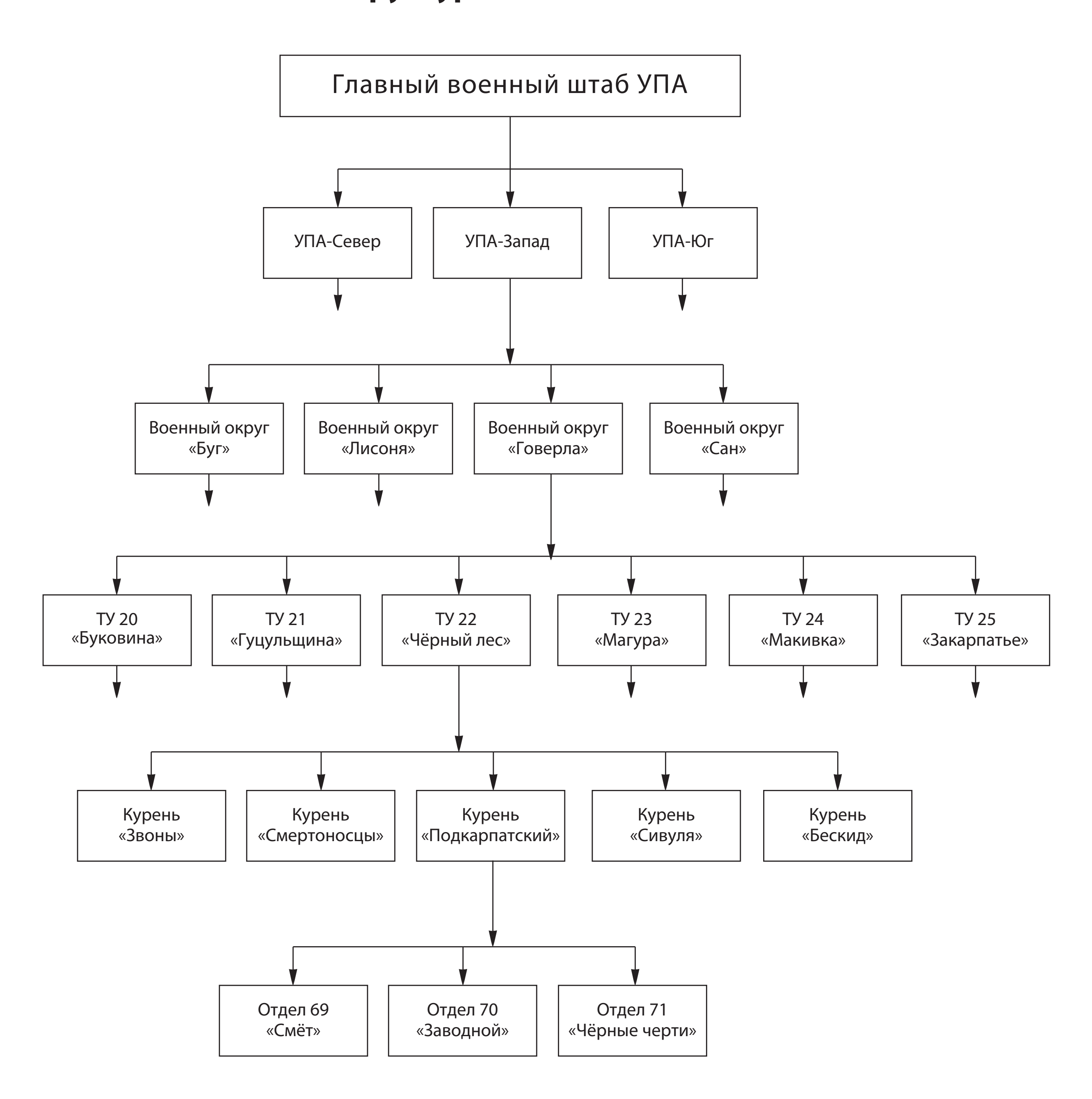
Структура отдела VI C управления VI (разведывательная работа) Главного управления имперской безопасности Третьего рейха

Военно-административное деление и руководство УПА и тыла на территории Генерального округа «Северо-западные украинские земли». Вторая половина 1943 г.

Структура УПА в 1945 г.

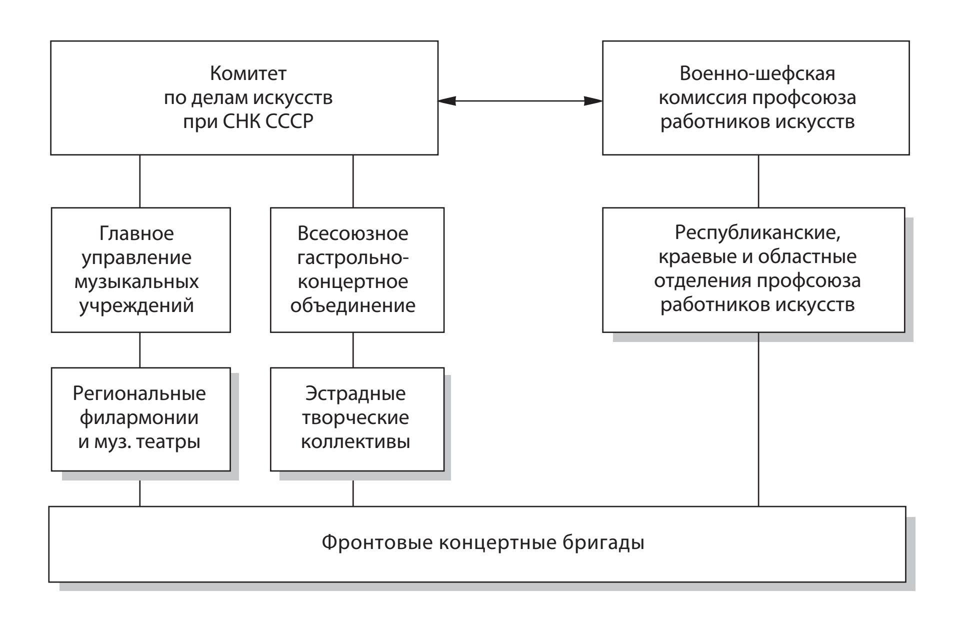

Военное руководство музыкальной культурой Красной армии в годы Великой Отечественной войны

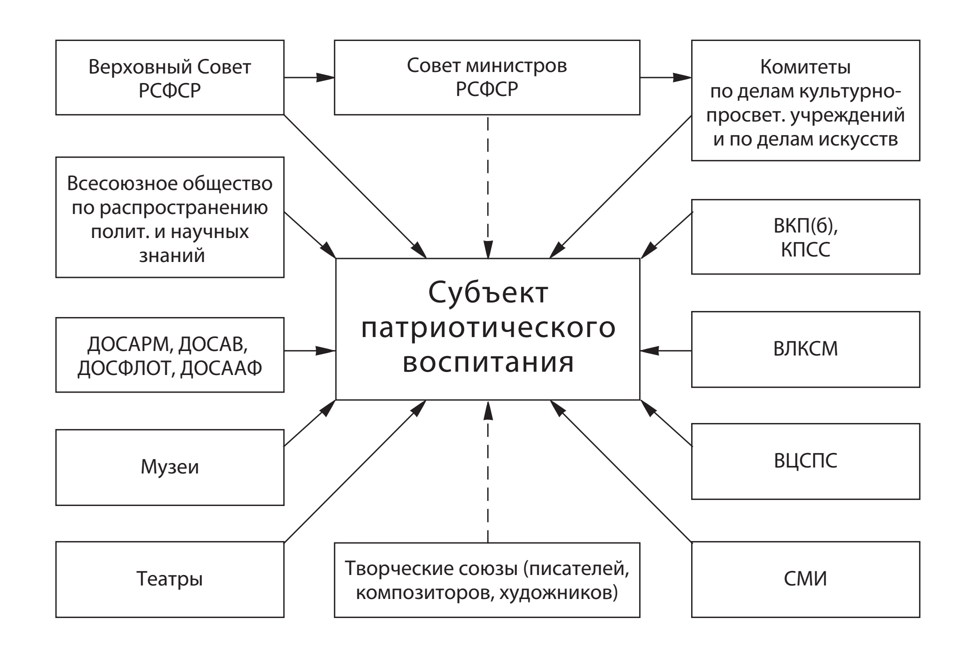

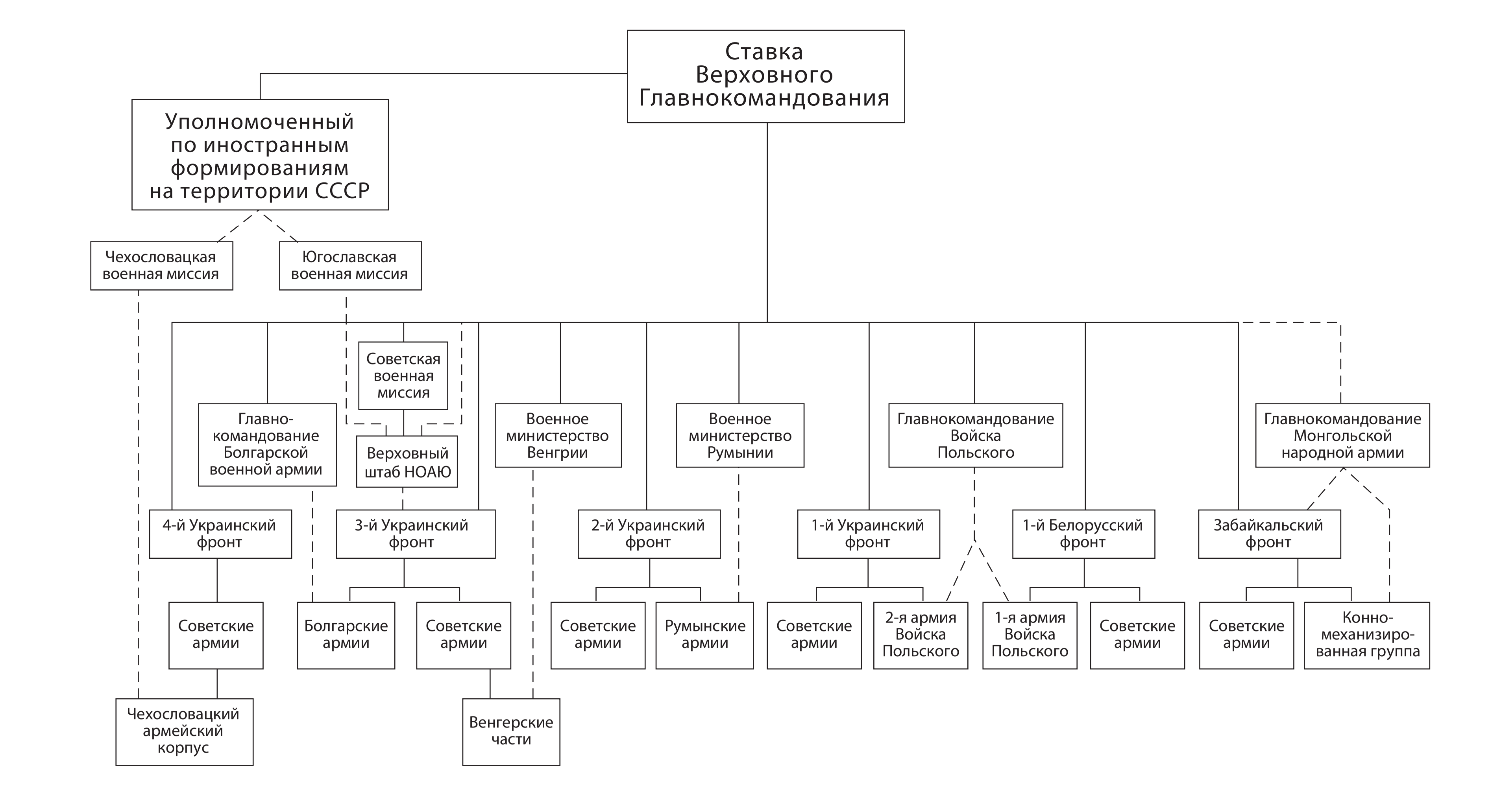
Государственное руководство концертной военно-шефской работой в Красной армии в годы Великой Отечественной войны

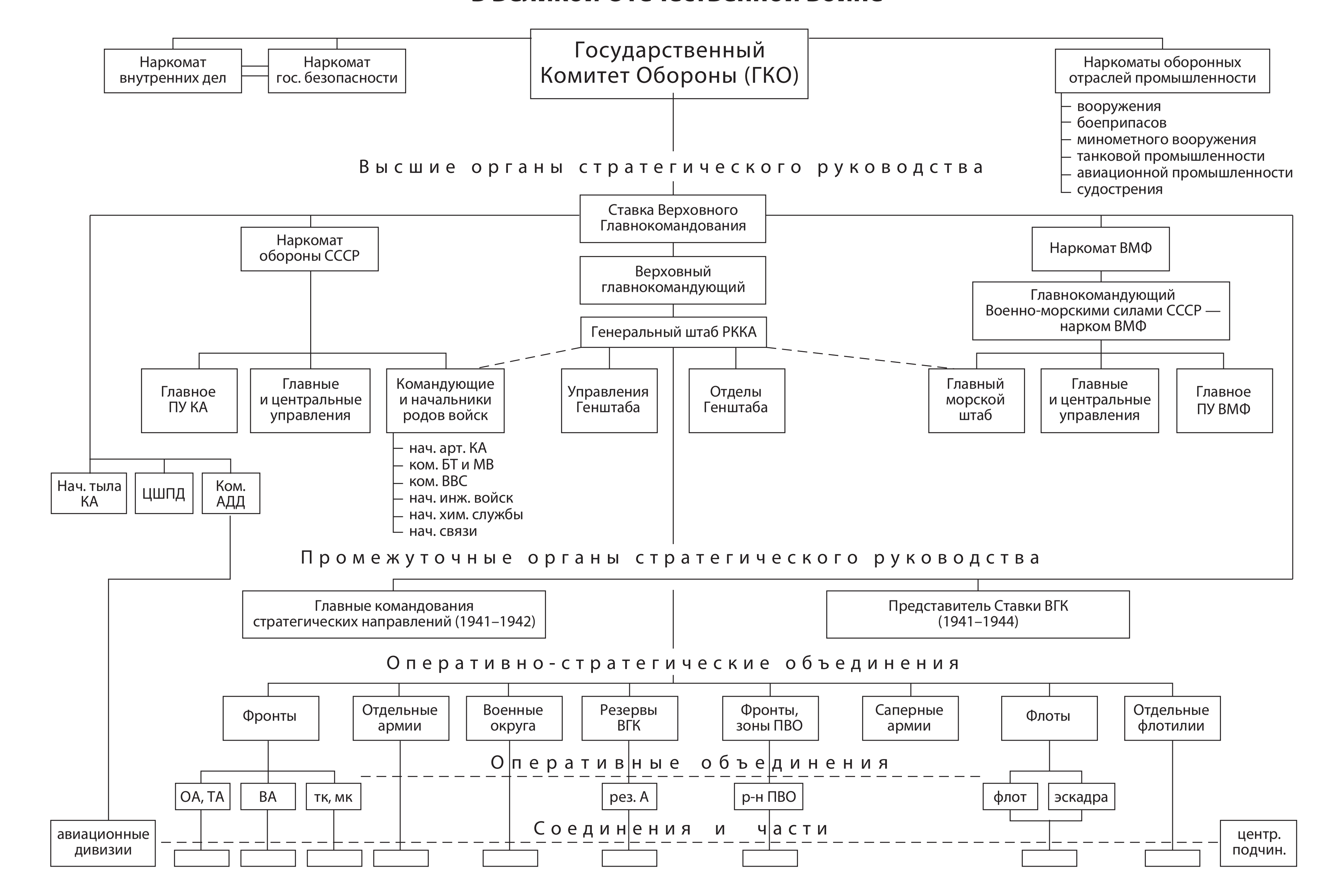

Система патриотического воспитания в послевоенное время (на примере РСФСР)

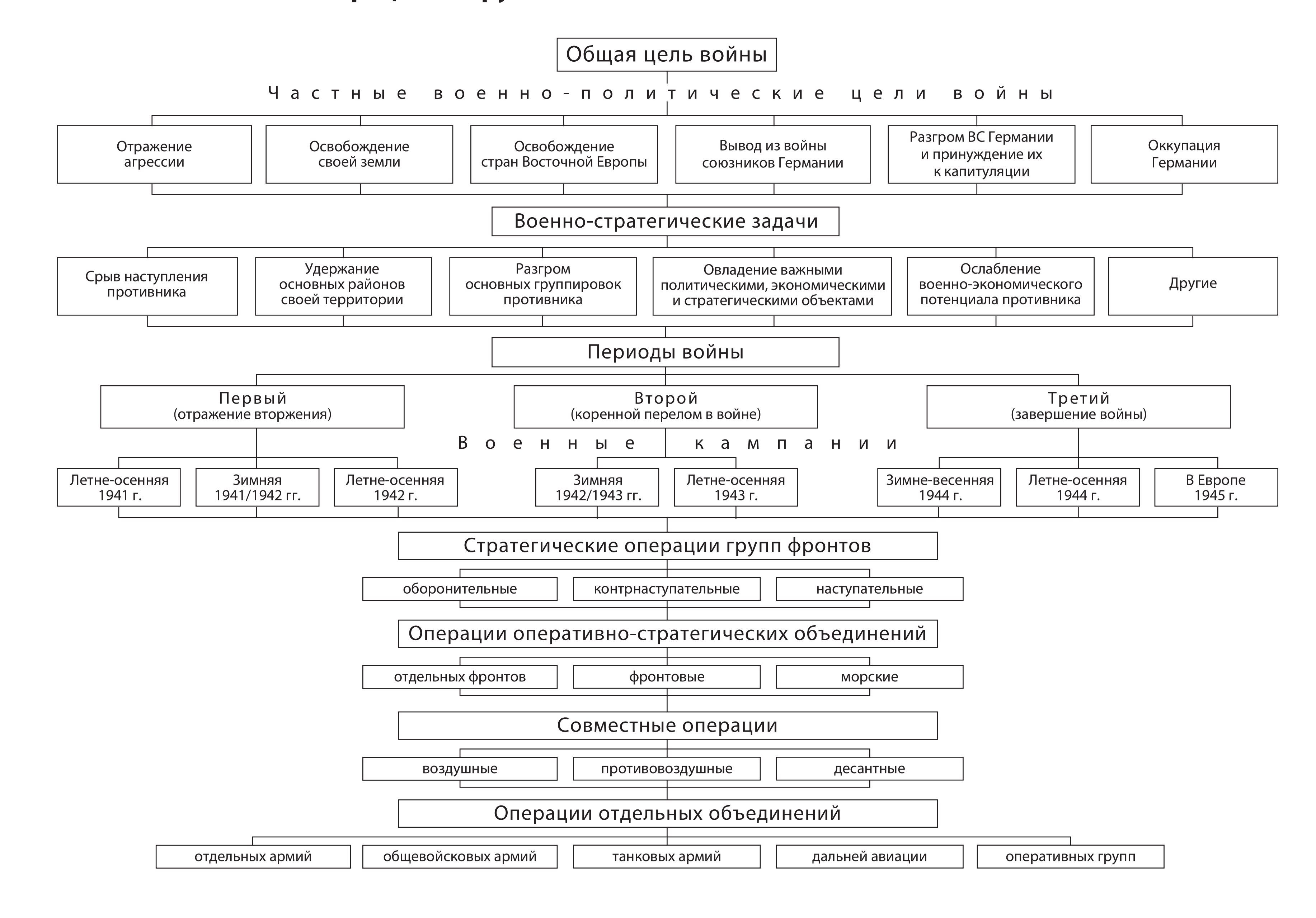

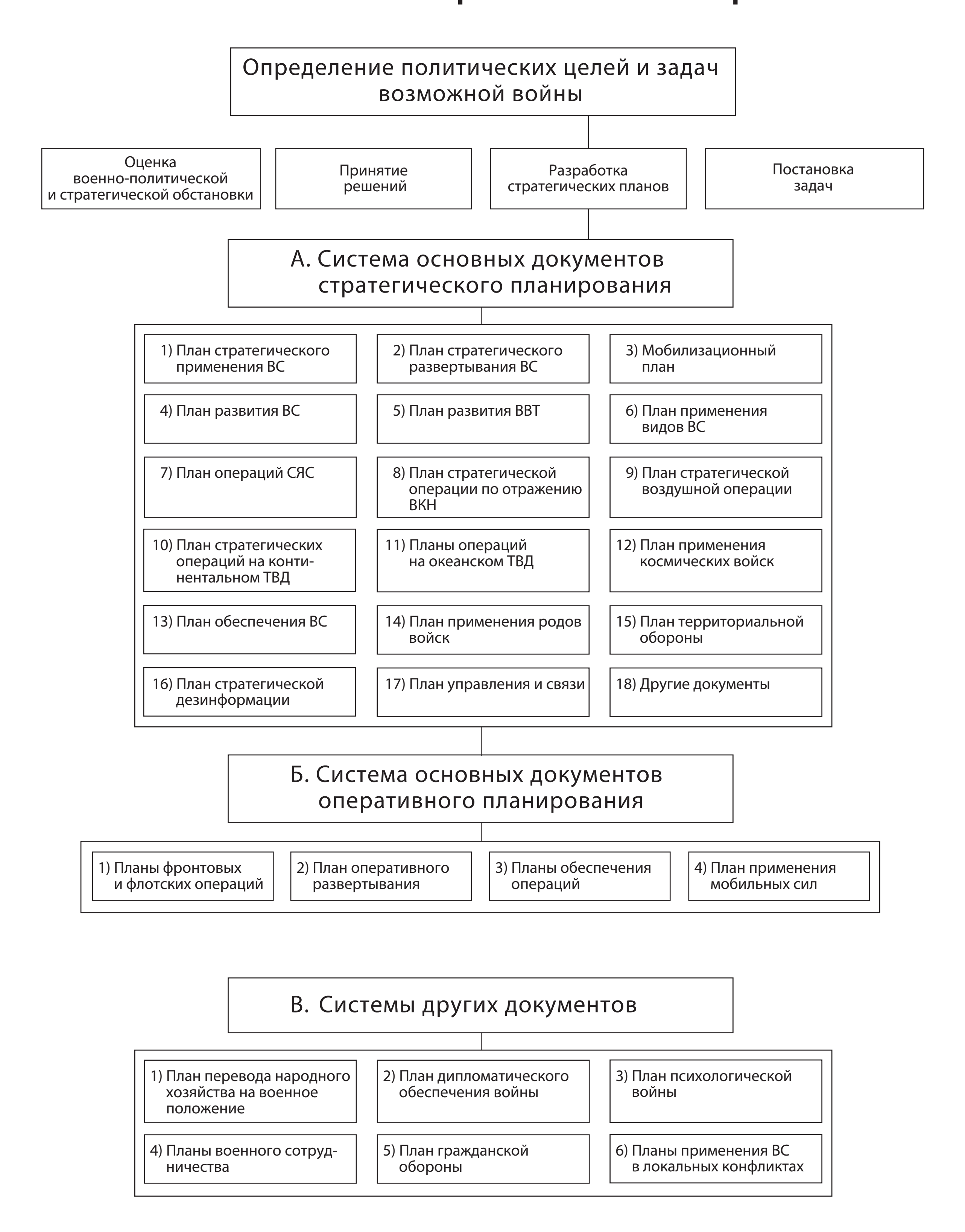
Организация стратегического руководства союзными войсками в Великой Отечественной войне

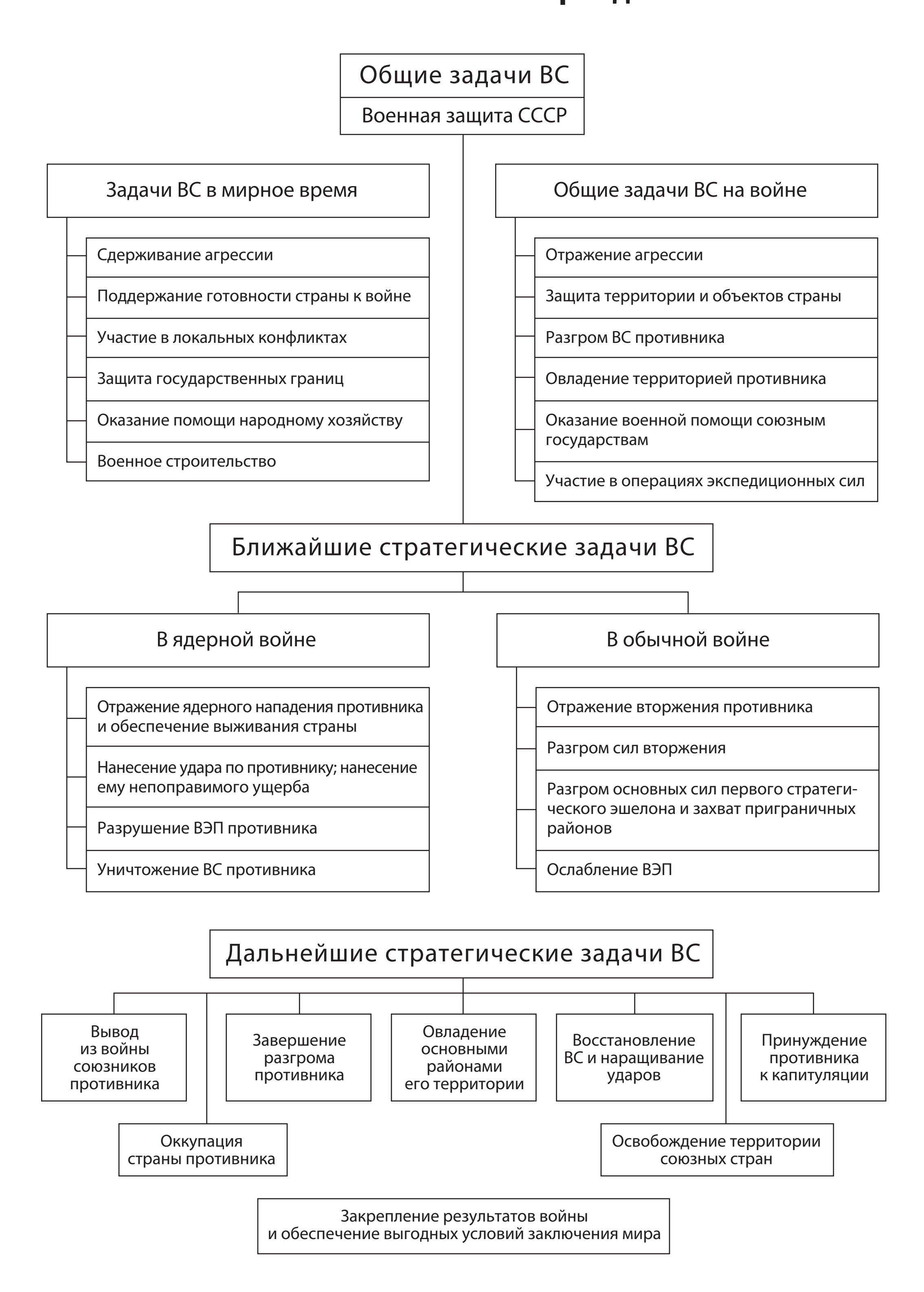

Организация стратегического руководства Вооруженными силами СССР
в Великой Отечественной войне
Наркомат внутренних дел
Наркомат гос. безопасности
Государственный Комитет Обороны (ГКО)
Наркоматы оборонных отраслей промышленности
вооружения
боеприпасов
минометного вооружения
танковой промышленности
авиационной промышленности
судостроения
Высшие органы стратегического руководства
Ставка Верховного Главнокомандования
Наркомат обороны СССР
Верховный главнокомандующий
Наркомат ВМФ
Главнокомандующий Военно-морскими силами СССР — нарком ВМФ
Генеральный штаб РККА
Главное ПУ КА
Главные и центральные управления
Командующие и начальники родов войск
Управления Генштаба
Отделы Генштаба
Главный морской штаб
Главные и центральные управления
Главное ПУ ВМФ
нач. арт. КА
ком. БТ и МВ
ком. ВВС
нач. инж. войск
нач. хим. службы
нач. связи
Нач. тыла КА
ЦШПД
Ком. АДД
Промежуточные органы стратегического руководства
Главные командования стратегических направлений (1941–1942)
Представитель Ставки ВГК (1941–1944)
Оперативно-стратегические объединения
Фронты
Отдельные армии
Военные округа
Резервы ВГК
Фронты, зоны ПВО
Саперные армии
Флоты
Отдельные флотилии
Оперативные объединения
ОА, ТА
ВА
тк, мк
рез. А
р-н ПВО
флот
эскадра
Соединения и части
авиационные дивизии
центр. подчин.

Система операций Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне

Система послевоенного стратегического планирования
Определение политических целей и задач возможной войны
Оценка военно-политической и стратегической обстановки
Принятие решений
Разработка стратегических планов
Постановка задач
А. Система основных документов стратегического планирования
1) План стратегического применения ВС
2) План стратегического развертывания ВС
3) Мобилизационный план
4) План развития ВС
5) План развития ВВТ
6) План применения видов ВС
7) План операций СЯС
8) План стратегической операции по отражению ВКН
9) План стратегической воздушной операции
10) План стратегических операций на континентальном ТВД
11) Планы операций на океанском ТВД
12) План применения космических войск
13) План обеспечения ВС
14) План применения родов войск
15) План территориальной обороны
16) План стратегической дезинформации
17) План управления и связи
18) Другие документы
Б. Система основных документов оперативного планирования
1) Планы фронтовых и флотских операций
2) План оперативного развертывания
3) Планы обеспечения операций
4) План применения мобильных сил
В. Системы других документов
1) План перевода народного хозяйства на военное положение
2) План дипломатического обеспечения войны
3) План психологической войны
4) Планы военного сотрудничества
5) План гражданской обороны
6) Планы применения ВС в локальных конфликтах

Стратегические задачи Вооруженных сил в послевоенный период

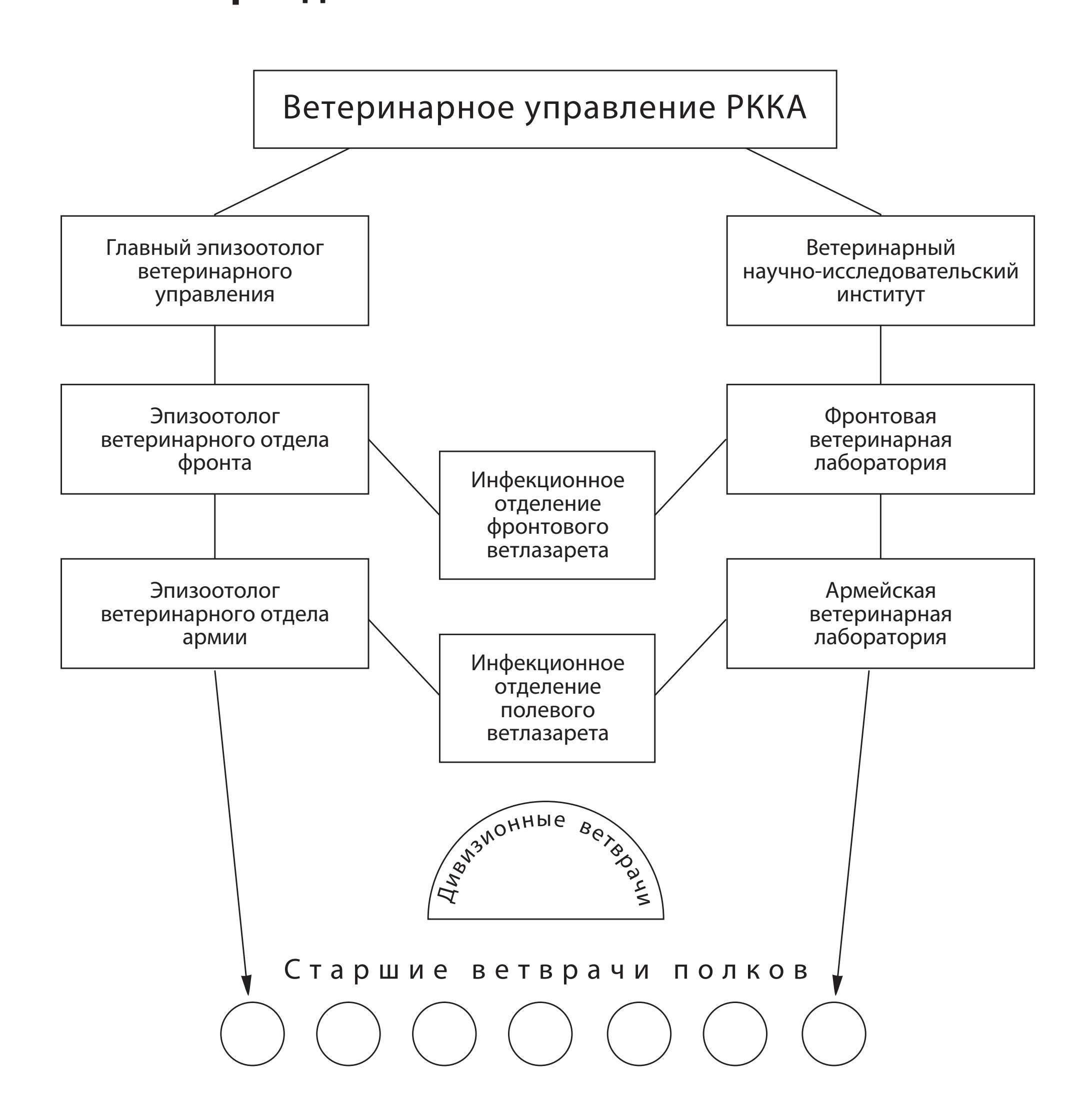

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ИРЛАНДИЯ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ГЕРМАНИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ИТАЛИЯ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
Протекторат Богемия и Моравия
ЛОНДОН
ПАРИЖ
БЕРЛИН
МАДРИД
РИМ
ЛИССАБОН
ДУБЛИН
ОСЛО
СТОКГОЛЬМ
КОПЕНГАГЕН
АМСТЕРДАМ
БРЮССЕЛЬ
ЛЮКСЕМБУРГ
БЕРН
ВАДУЦ
ПРАГА
ВЕНА
МОНАКО
АНДОРРА
САН-МАРИНО
ГИБРАЛТАР (Брит.)
Масштаб 1 : 12 000 000
0
120
240
360
480
600 км
к западу от Гринвича 0° к востоку от Гринвича

Результат фашистской агрессии. 1939 – 1942 гг.

Схема организации противоэпизоотической защиты в период Великой Отечественной войны

Послы никакой самостоятельности не имели и не могли иметь... Все было в кулаке у Сталина, у меня — иначе мы не могли в тот период... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат»[43].

Минимум дипломатических навыков В. М. Молотов компенсировал громадным опытом управления целыми сферами государственной деятельности. К концу 1930-х гг. он был зрелым и изощренным политиком, имел на все свое мнение, которое был готов и умел отстаивать, в том числе и перед И. В. Сталиным. Лежавшая на нем и возглавляемом им коллективе практическая реализация установок Политбюро ЦК ВКП(б) и главы правящей партии отражала стиль и методы его работы.

Возвращаясь к его берлинской поездке, нельзя не отметить, что все свои действия нарком согласовывал с И. В. Сталиным путем зашифрованной переписки, получал из Москвы конкретные указания и рекомендации, которым следовал. Но понятно, что он общался с А. Гитлером и И. фон Риббентропом непосредственно сам и проявил себя упорным переговорщиком, твердым политиком, хорошо знающим обстановку и настойчиво отстаивающим интересы своей страны. Не случайно весьма взыскательный вождь прислал В. М. Молотову ободряющую телеграмму: «Твое поведение на переговорах считаем правильным».

Правда, не все так однозначно. С одной стороны, подводя итоги визита В. М. Молотова в Берлин, И. В. Сталин, как вспоминал управляющий делами СНК СССР Я. Е. Чадаев, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заявил: «Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений... Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии»[44]. Но при этом и И. В. Сталин, и В. М. Молотов уверовали в то, что до разгрома Великобритании немцы воевать с СССР не будут, и рассчитывали выиграть год-два для подготовки страны к отражению агрессии. Г. К. Жуков вспоминал, как вскоре после его назначения начальником Генерального штаба в ходе доклада И. В. Сталину в феврале 1941 г. присутствовавший при докладе В. М. Молотов перебил его речь вопросом: «Вы что же, считаете, что нам придется скоро воевать с немцами?»[45] В такой двойственности позиции, в подыгрывании И. В. Сталину в его убежденности, что удастся переиграть, перехитрить А. Гитлера (а этой линии придерживалось все окружение И. В. Сталина), коренилась причина катастрофического промаха в определении возможных сроков германской агрессии, допущенного высшим советским руководством. В этом тоже есть существенная вина руководителя НКИД.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война высветила особую роль В. М. Молотова в управлении и советской дипломатией, и страной в целом. Он первым из советских руководителей в силу должностного положения узнал от германского посла Ф. фон Шуленбурга трагическую весть об объявлении Советскому Союзу войны. Именно из его выступления по радио в полдень 22 июня 1941 г., а не главы партии и правительства И. В. Сталина или председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, узнал советский народ о грянувшей беде, как и о справедливом характере начавшейся борьбы с нацизмом: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Обрушившееся на СССР невиданное испытание потребовало строжайшей централизации власти. В своих руках ее сосредоточил узкий круг сталинских соратников во главе с самим вождем, образовав 30 июня 1941 г. Государственный Комитет Обороны, в составе которого В. М. Молотов занял пост заместителя председателя. Именно В. М. Молотов, а не Л. П. Берия, как утверждал А. И. Микоян, выступил инициатором создания ГКО[46]. Его поступок логичен: ведь он был единственным, кроме И. В. Сталина, кто на практике знал, будучи в 1920-е гг. секретарем ЦК партии, работу Совета Труда и Обороны, по подобию которого создавался ГКО, а также технологию работы троек в Политбюро — негласных органов власти, создававшихся из руководителей партии и страны в условиях Гражданской войны и тяжелейшего экономического кризиса и продемонстрировавших высокую эффективность. 30 июня в критический момент после первой, катастрофически складывавшейся недели

войны (28 июня пал Минск, а через день во вражеское окружение попали основные силы Западного фронта) В. М. Молотов проявил столь необходимую инициативу по образованию ГКО. Вместе с приглашенными в его кремлевский кабинет Г. М. Маленковым и Л. П. Берией он обсудил замысел создания чрезвычайного органа власти, после чего идея была вынесена на суд И. В. Сталина и получила его одобрение.

Еще ранее В. М. Молотов вошел в состав образованной на второй день войны Ставки Главного командования (с 8 августа 1941 г. — Ставка Верховного главного командования) — органа стратегического управления вооруженными силами. По свидетельству маршала Г. К. Жукова, «он почти всегда присутствовал в Ставке, когда рассматривались оперативно-стратегические и другие важные вопросы. Между ними (В. М. Молотовым и И. В. Сталиным. — *Прим. ред.*) нередко возникали разногласия и серьезные споры, в ходе которых формировалось правильное решение»[47].

Члены ГКО, продолжая выполнять основную служебную нагрузку, получали значительные дополнительные обязанности. Так, на В. М. Молотова постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. был возложен контроль над исполнением решений по производству танков, а в конце года в соответствии с постановлением ГКО от 8 декабря 1942 г. он вошел в состав Оперативного бюро ГКО — наряду с Г. М. Маленковым, Л. П. Берией и А. И. Микояном. К ведению Оперативного бюро были отнесены контроль и наблюдение за текущей работой, а также составлением и исполнением планов производства и снабжения наркоматов оборонной промышленности, путей сообщения, черной, цветной металлургии, электростанций, угольной и химической промышленности[48].

Перераспределение полномочий коснулось и членов Совнаркома СССР. 16 августа 1942 г. В. М. Молотов был утвержден первым заместителем председателя СНК «по всем вопросам работы СНК», а несколько позже и председателем Бюро СНК[49]. В ведение Бюро СНК передавались рассмотрение и утверждение народно-хозяйственных планов (планов производства и снабжения), государственный бюджет и кредитование всех отраслей народного хозяйства, а также организация работы наркоматов, не вошедших в сферу руководства ГКО — машиностроительных наркоматов, наркоматов по строительству и производству строительных материалов, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного транспорта, резиновой промышленности, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции и всех комитетов и управлений при СНК СССР.

Таким образом, с учетом обязанностей В. М. Молотова в рамках ГКО и СНК СССР под его непосредственным началом оказались вся оборонная промышленность и весь народно-хозяйственный комплекс. Разумеется, он опирался на большое число заместителей и аппарат, но, в конце концов, за все отвечал сам. И справлялся с порученными обязанностями неплохо. Вот лишь один факт: 30 сентября 1943 г. он был удостоен звания Героя Социалистического Труда за вклад в производство бронетанковой техники. За этой наградой стоят впечатляющие цифры достигнутого с начала войны роста выпуска танков и самоходных артиллерийских установок: с 4968 машин в 1941 г. до 24 134 в 1943 г.[50]

При этом не стоит забывать, что главной должностной обязанностью В. М. продолжало оставаться руководство НКИДом. С началом войны в деятельность наркомата были внесены серьезные коррективы. Главным, что от него требовалось теперь, было обеспечение благоприятных международных условий для решительного отпора странам фашистской оси, поиск союзников и налаживание с ними, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки и Великобританией, эффективного политического, военного и экономического сотрудничества. Нарком сыграл в решении этой задачи исключительную роль.

В первый же день войны, получив телеграмму посла в Лондоне И. М. Майского о заверениях британского министра иностранных дел А. Идена относительно готовности помочь СССР всем, чем его страна может, В. М. Молотов дал согласие на приезд в Москву британских военной и экономической миссий. При этом он добавил: «Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово

будет оказать помощь Англии»[51]. А 26 июня он направил послу в США К. А. Уманскому телеграмму: «Вам следует немедленно пойти к Рузвельту или Хэллу (госсекретарь США. — *Прим. ред.*), а при его отсутствии — к Уэллесу (заместитель госсекретаря США, замещал К. Хэлла во время его болезни. — *Прим. ред.*) и, сообщив о вероломном нападении Германии на СССР, запросить, каково отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Вопросов о помощи сейчас не следует ставить»[52]. В тоне обеих телеграмм чувствуется независимая позиция как наркома, так и стоявшей за ним страны, попавшей в исключительно сложное положение, но не собиравшейся ни перед кем заискивать и выпрашивать помощь.

Только после того, как нарком 29 июня принял американского посла Л. Штейнгардта и услышал от него о «желании и готовности дать всякую возможную помощь Советскому Союзу, которая окажется в силах США, чтобы Советский Союз победил Гитлера», он поручил К. А. Уманскому встретиться с Ф. Рузвельтом или госсекретарем США и поставить перед американскими руководителями вопрос о возможности оказания помощи СССР (далее в телеграмме следовал перечень конкретного вооружения и стратегических материалов).

Практически с самого начала советское руководство поднимало перед будущими союзниками вопрос о недостаточности взаимной экономической помощи, побуждая их к созданию широкой военно-политической базы для развития всестороннего сотрудничества. Когда в ходе состоявшейся 27 июня беседы с британским послом С. Криппсом последний заметил, что в экономической области его страна может предоставить СССР необходимые материалы, которые у нее имеются, «для политического же соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало взаимного недоверия от прошлого», В. М. Молотов отреагировал немедленно. Он заявил, что «к прошлому лучше не возвращаться», поскольку ситуация изменилась кардинально: «Обе стороны имеют одного врага, и у них есть общие вопросы и общие интересы». При этом «необходимо обусловить взаимную помощь каким-то соглашением на определенной политической базе, на которой было бы возможно осуществить военное и политическое сближение между обеими странами»[53].

Такая настойчивость советской стороны приносила свои плоды. 12 июля 1941 г. в Москве состоялось заключение советско-британского соглашения «О совместных действиях в войне против Германии», зафиксировавшего обоюдную готовность сторон «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии»[54]. Своей подписью документ скрепил В. М. Молотов. Особая ценность соглашения состояла в том, что оно положило начало практическому формированию антигитлеровской коалиции как военно-политического союза. Под такой союз подводилась и серьезная материальная база: через месяц, 16 августа, в Москве было подписано советско-британское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, предусматривавшее предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн фунтов стерлингов на закупку для нужд Красной армии и флота боевой техники и вооружения. К обозначившемуся союзу Лондона и Москвы удалось приблизить и Вашингтон, чему способствовал визит в советскую столицу в конце июля 1941 г. Г. Гопкинса — личного посланника и друга Ф. Рузвельта.

Как следствие общих усилий 29 сентября — 1 октября 1941 г. в Москве состоялась первая в истории конференция представителей СССР, США и Великобритании, рассмотревшая вопросы о взаимных поставках и наилучшем использовании материальных ресурсов трех стран в войне. Был подписан секретный протокол о поставках в СССР оружия и стратегических материалов сразу на девять месяцев — по 30 июня 1942 г. Не менее важным был и политический результат, который глава советской делегации В. М. Молотов определил лаконично и исчерпывающе: «Политическое значение конференции заключается в том, что она показала, как решительно срываются... намерения гитлеровцев, против которых отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки»[55].

Разумеется, достижению этого успеха с советской стороны способствовали многие политики и дипломаты, нельзя не отметить роль И. В. Сталина, который лично, не жалея времени, вел переговоры с руководителями американской (А. Гарриман) и британской (лорд

У. Бивербрук) делегациями. Тем не менее роль В. М. Молотова невозможно умалить. Тем более что контакты с важными, но все же второстепенными лицами из лагеря союзников не позволяли достичь полноценного военно-политического союза с США и Великобританией, без чего дееспособная антигитлеровская коалиция была невозможна. В Москве пришли к выводу о необходимости направления наркома иностранных дел для личной встречи с первыми лицами стран-союзниц.

В мае — июне 1942 г. В. М. Молотов по решению правительства на четырехмоторном бомбардировщике ТБ-7 (Пе-8) совершил дальний даже по сегодняшним меркам (около 20 тыс. км) и крайне рискованный перелет на Британские острова, а затем в США. 21 мая он начал переговоры с У. Черчиллем и министром иностранных дел А. Иденом с целью заключения союзного договора, который не удалось подписать в декабре 1941 г. во время пребывания в Москве А. Идена и достижения договоренности об открытии второго фронта. Причем нарком подчеркнул приоритетность второго вопроса, сообщив о намерении рассмотреть его с президентом США. Он отметил, что, проявляя должное уважение к британскому союзнику, советское правительство признало необходимым, чтобы он предварительно обсудил вопрос второго фронта с У. Черчиллем и А. Иденом.

Поиск разумного компромисса шел тяжело. Британская сторона не соглашалась внести в проект пункт, предложенный И. В. Сталиным еще во время московского визита А. Идена, о послевоенном устройстве Европы с признанием границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Иначе говоря, англичане не хотели признавать факт вхождения Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтийских стран в состав СССР, а также новую границу с Финляндией после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. На переговорах с посланцем Москвы У. Черчилль и А. Иден по-прежнему категорически возражали против этого пункта. В. М. Молотов вместе с послом И. М. Майским, следуя в русле полученных ранее инструкций, направили И. В. Сталину телеграмму, в которой расценили английский проект как «пустую декларацию, в которой СССР не нуждается». Из Москвы был получен неожиданный ответ, в котором предписывалось немедленно подписать договор на английских условиях, поясняя при этом: «Там (в договоре. — *Прим. ред.*) нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»[56]. И. В. Сталин ставил задачу поскорее подписать договор и вылететь в Америку, чтобы добиваться от союзников открытия второго фронта еще в 1942 г.

26 мая 1942 г. договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против нацистской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны был подписан. Он заменил собой соглашение от 12 июля 1941 г. и стал полноценной правовой базой для оказания друг другу военной и другой помощи «против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе». Стороны подтвердили свои обязательства, которые запрещали вести какие-либо переговоры с Германией и ее союзниками и заключать перемирие или мирный договор с ними «иначе как по взаимному согласию»[57].

Любопытна оценка, которую, впервые встретившись с В. М. Молотовым, дал советскому наркому У. Черчилль. 27 мая 1942 г., сообщая Ф. Рузвельту о подписанном советско-британском договоре, премьер писал: «Молотов — государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться»[58].

К сожалению, не всё зависело от В. М. Молотова. 29 мая — 5 июня он провел целую серию переговоров, в первую очередь с Ф. Рузвельтом. Это был первый в истории межгосударственных отношений СССР и США официальный визит на таком уровне. Президент США принял посланца Москвы незамедлительно, беседовал с ним и до обеда, данного в честь В. М. Молотова, и после него. Однако как только глава советской делегации поставил прямой вопрос об открытии второго фронта в 1942 г., большого энтузиазма Ф. Рузвельт и его советники Г. Гопкинс, начальник штаба американской армии генерал Дж. Маршалл и главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Э. Кинг не проявили. Как сообщал

В. М. Молотов в Москву 31 мая, «Рузвельт и Маршалл заявили, что всячески хотят это сделать, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили»[59].

«Мою миссию в Вашингтон можно считать законченной», — делал пессимистический вывод В. М. Молотов. Однако такой вывод оказался преждевременным. 3 июня удалось согласовать предложенный советской стороной проект советско-американского коммюнике. В нем указывалось, что «при переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». В день опубликования коммюнике 11 июня 1942 г. в Вашингтоне послом СССР и госсекретарем США было подписано соглашение между правительствами обеих государств о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии[60]. Этим актом завершился процесс формирования антигитлеровской коалиции. Правда, продекларированная «полная договоренность» о создании второго фронта была реализована только в 1944 г. Союзники под разными предлогами откладывали открытие боевых действий против вермахта в Западной Европе, так что всю основную нагрузку в вооруженном противоборстве с общим противником принимала на себя Красная армия. Советская дипломатия прилагала настойчивые усилия для изменения ситуации.

В октябре 1943 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В дискуссиях с К. Хэллом и А. Иденом В. М. Молотову удалось подготовить основательную базу для первой в истории антигитлеровской коалиции конференции большой тройки в Тегеране в конце ноября 1943 г. Московская конференция приняла декларацию по вопросу о всеобщей безопасности, в которой была впервые провозглашена формула безоговорочной капитуляции фашистских государств как непременное условие прекращения войны. В итоговом коммюнике правительства трех держав признали первейшей целью ускорение конца войны и в качестве одного из главных средств достижение этой цели провозгласили открытие второго фронта путем высадки союзных войск в Северной Франции. Правда, союзники не пошли дальше заверения о возможности вторжения на континент с Британских островов весной 1944 г.[61]

После окончания работы глава американской делегации К. Хэлл, обращаясь к В. М. Молотову, который председательствовал на конференции, заявил: «Я уверен, что выражу не только собственное мнение, но и мнение г-на Идена, если скажу, что оба мы в восторге от манеры, с которой вы проводили работу конференции. Я лично присутствовал на многих международных конференциях и никогда не встречал такого опытного и искусного ведения работы». Успех конференции говорит о том, что это были не пустые слова.

С образованием антигитлеровской коалиции и утверждением практики личной переписки лидеров и их общения на конференциях большой тройки растущую роль во внешнеполитических делах стал играть И. В. Сталин. В. М. Молотов невольно начал отходить в тень. Это происходило, в частности, на Тегеранской, Ялтинской (февраль 1945 г.), Потсдамской (июль — август 1945 г.) конференциях глав великих держав. Тем не менее такой вывод правомерен лишь при рассмотрении публичной стороны сотрудничества с союзниками, фактическую же работу на дипломатическом фронте нарком по-прежнему брал на себя и вел ее последовательно и интенсивно.

Даже западные политики не могли не оценить вклад В. М. Молотова в достижение внешнеполитических успехов, которыми, кроме успехов военных, отмечен путь Советского Союза к победе над Германией и ее союзниками. Заслуживает внимания характеристика, которую ему дал У. Черчилль: «Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности... Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное понятие робота. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро отточенный дипломат... В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины... Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в свою компанию, если бы существовал другой мир, в который большевики позволяли себе входить»[62].

И. В. Сталин, Г. Трумэн, Д. Бирнс и В. М. Молотов на Потсдамской конференции

Важную роль В. М. Молотов продолжал играть и после окончания мировой войны. Говоря о работе по реализации решений Ялтинской, Потсдамской и Сан-Францисской конференций при организации послевоенного мира, подписании мирных договоров с государствами, бывшими в годы войны союзниками нацистской Германии, он вспоминал: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества... Я выколачивал мирные договора из государств»[63].

В марте 1949 г. В. М. Молотов был снят с должности министра иностранных дел СССР, именно снят, а не освобожден, поскольку заподозрен И. В. Сталиным в потакании «врагам народа». А в 1952 г. на пленуме, состоявшемся после XIX съезда ВКП(б), был подвергнут критике[64]. Однако это обстоятельство не заставило бывшего министра иностранных дел изменить своему взгляду на роль И. В. Сталина в достижении победы в Великой Отечественной войне. «Хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин, — говорил он по этому поводу. — Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу»[65].

Закат активной политической карьеры В. М. Молотова наступил в 1957 г. Но еще за два года до этого Н. С. Хрущёв, устраняя Г. М. Маленкова из числа своих политических соперников, добился его смещения с поста главы правительства и замены на Н. А. Булганина. Это был негативный сигнал для В. М. Молотова, кандидатуру которого, как вспоминал

Л. М. Каганович, многие члены политического руководства считали более достойной поста премьера[66].

Летом 1957 г. первые заместители председателя Совета министров СССР В. М. Молотов и Л. М. Каганович, заместитель главы правительства Г. М. Маленков, на которых первый секретарь ЦК партии Н. С. Хрущёв чем дальше, тем больше списывал преступления сталинской эпохи, провели закулисные консультации с другими членами Президиума ЦК КПСС с тем, чтобы легально удалить Н. С. Хрущёва с поста лидера. На свою сторону им удалось привлечь председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова и еще двух первых заместителей председателя Совмина — М. Г. Первухина и М. З. Сабурова, тем самым создав неформальный коллектив, получивший на июльском пленуме ЦК КПСС 1957 г. определение «антипартийная группа». Эти руководители обвиняли Н. С. Хрущёва в вождизме, неумелой внутренней и внешней политике. Но в не меньшей, если не в большей степени они отстаивали свои собственные политические позиции, которые начиная с 1953 г. подрывал первый секретарь ЦК, пытаясь дискредитировать и удалить из руководства таких же, как и он сам, сталинистов, бывших опасными свидетелями его участия в противозаконных репрессиях, а потому могущих воспрепятствовать его дальнейшему возвышению. Как и в 1953 г. при устранении Л. П. Берии, в руководстве партии и государства резко обострилась борьба за власть, прикрытая флером заботы о «единстве партии» и «коллективном руководстве».

На срочно созванном пленуме ЦК, проходившем целую неделю — с 22 по 29 июня, большинство оказалось за сторонниками Н. С. Хрущёва, и пленум превратился в политическое избиение его оппонентов. Действо шло по привычным сценариям политических процессов сталинской эпохи, когда обвиняемые имели право лишь оправдываться и каяться. Любые доводы в обоснование занятой ими позиции отвергались с ходу, выступления членов «антипартийной группы» то и дело прерывались грубыми репликами и прямыми оскорблениями.

По существу на июньском пленуме произошло столкновение крайне правого ортодоксального крыла в Президиуме ЦК с умеренным центром, который признавал необходимость десталинизации, осуждения политических репрессий и некоторой либерализации режима. Н. С. Хрущёв в речи, заключавшей июньский пленум ЦК, назвал В. М. Молотова идейным вдохновителем «антипартийной группы». Помимо общеполитических обвинений ему были брошены упреки в провале дел на дипломатическом фронте: выступления против нормализации отношений с Югославией, Австрией, Японией, противодействие линии советского правительства «в деле защиты мира и безопасности народов».

Решением пленума он, как и два других первых заместителя главы правительства — Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, а также секретарь ЦК Д. Т. Шепилов были выведены из руководящих органов партии и освобождены от высших государственных постов[67]. На В. М. Молотова, как и Г. М. Маленкова, и Л. М. Кагановича, среди других была возложена персональная ответственность «за необоснованные массовые репрессии» и вменялись в вину попытки «путем захвата ключевых позиций в партии и государстве скрыть следы своих прошлых преступных действий и отвести от себя ответственность за ошибки, извращения и тяжкие нарушения революционной законности в период их прошлой деятельности»[68]. Характерно, что этот пункт не был включен в опубликованный позднее текст постановления пленума, и не случайно: именно по этому сценарию действовал сам Н. С. Хрущёв, уничтожая следы, в том числе в архивах, своего активного участия в сталинских репрессиях.

Сам же В. М. Молотов никогда не открещивался от своей деятельной роли в репрессивной политике. Признавая, что «были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов», он и в 1970-е гг. продолжал утверждать: «После революции мы рубили направо-налево, одержали победу, но оставили врагов разных направлений, которые могли объединиться перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии... 1937 год лишил нас пятой колонны»[69]. Правда, и отмежеваться от сталинской политики репрессий ему было сложно. Его резолюции, санкционирующие уничтожение действительных и мнимых оппозиционеров, выявлены на 372 расстрельных списках, отложившихся в Архиве Президента РФ и касающихся судьбы десятков тысяч человек[70]. Такого рода фактами невозможно пренебречь при оценке

роли В. М. Молотова, их не могут перевесить, тем более оправдать никакие заслуги этого видного представителя сталинской когорты руководителей перед Советским государством.

В число основных руководителей Советского Союза Лаврентий Павлович Берия вошел еще перед войной. С начала 1930-х гг. возглавлявший ГПУ ЗСФСР и ЦК КП(б) Грузии, он в августе 1938 г. был переведен в Москву и назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР и одновременно начальником Главного управления госбезопасности. А уже через три месяца сменил Н. И. Ежова на посту наркома и оставался на этой должности до декабря 1945 г., то есть на протяжении всей Великой Отечественной войны. С января 1941 г. имел специальное звание генерального комиссара государственной безопасности. 9 июля 1945 г. ему было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

Служебный рост Л. П. Берии по государственной линии был закреплен в марте 1939 г. избранием его кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Таким образом, он вошел в число руководителей, непосредственно приближенных к лидеру страны И. В. Сталину, стал одним из его доверенных лиц, что давало дополнительные широкие номенклатурные и политические возможности.

В феврале 1941 г. Л. П. Берия при сохранении поста наркома внутренних дел был назначен одновременно заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и находился в этой должности вплоть до марта 1953 г. Если учесть, что с мая 1941 г. СНК СССР возглавил лично И. В. Сталин, деловые и личные контакты этих двух руководителей еще более усилились и участились. Это подтверждается таким важным историческим источником, как тетради (журналы), в которых фиксировались фамилии посетителей кабинета И. В. Сталина в Кремле. Накануне войны и в ее первые дни Л. П. Берия наряду с В. М. Молотовым, Н. А. Вознесенским, А. И. Микояном, С. К. Тимошенко, Г. М. Маленковым, Л. М. Кагановичем был в числе тех, кого И. В. Сталин вызывал к себе практически ежедневно, а то и по нескольку раз в день[71]. Не случайно нарком внутренних дел оказался в сталинском кабинете и на рассвете 22 июня 1941 г., когда война с Германией из разряда гипотетической, всеми силами оттягиваемой на возможно более поздние сроки, перешла в жестокую реальность.

Когда 30 июня 1941 г. был создан ГКО как чрезвычайный орган государственной власти, Л. П. Берия выступил одним из пяти высших должностных лиц, вошедших в первый состав ГКО и взявших на себя основную ответственность за управление страной в наиболее тяжелый период войны[72]. Сразу же после учреждения ГКО между его членами было произведено распределение обязанностей. Л. П. Берия был назначен уполномоченным ГКО «по вопросам выполнения и перевыполнения планов производства всех видов вооружения»[73].

Процесс перераспределения обязанностей в рамках ГКО не был кратким и однолинейным, он отражал как поиск наиболее оптимальных вариантов решения, так и скрытую борьбу между отдельными политическими деятелями за расширение собственных сфер влияния. Историки отмечают факты антагонизма между «старыми» членами руководства В. М. Молотовым, Г. М. Маленковым, Л. П. Берией, А. И. Микояном и отметившимся стремительной карьерой Н. А. Вознесенским. Так, уже через неделю после возложения на Л. П. Берию контроля за выпуском всех видов вооружения ГКО 2 сентября 1941 г. принял решение, в соответствии с которым обеспечение производства одного из важнейших видов вооружения — танков было возложено на Г. М. Маленкова в качестве уполномоченного ГКО[74]. Несколько позднее было признано особой необходимостью резкое улучшение работы Наркомата авиапромышленности. Постановлением ГКО от 14 декабря эта задача была поставлена под контроль Л. П. Берии и Г. М. Маленкова, обязанных «принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов»[75]. Заместитель председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенский на некоторое время утратил ряд полномочий и даже был направлен из Москвы в Куйбышев, чтобы представлять там СНК и оттуда руководить работой эвакуированных на восток наркоматов. Однако к началу 1942 г. он не только был возвращен в столицу, но и 3 февраля по личному предложению И. В. Сталина введен в состав ГКО (наряду с А. И. Микояном)[76].

Л. П. Берия

Резко возросшие политические и номенклатурные возможности молодого конкурента, судя по всему, взволновали В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и Л. П. Берию, попытавшихся за счет нового перераспределения обязанностей между членами ГКО сохранить, а по возможности и упрочить свои позиции. В соответствии с постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. на Л. П. Берию был возложен контроль над исполнением решений по производству самолетов и моторов, а также над формированием авиаполков и своевременной их переброской на фронт (совместно с Г. М. Маленковым) и одновременно — по производству вооружения и боеприпасов[77]. Производство танков стал курировать В. М. Молотов, реактивных установок М-8 и М-13 — Г. М. Маленков, производство боеприпасов и черную металлургию — Н. А. Вознесенский, вещевое, продовольственное и денежное довольствие Красной армии, а также обеспечение ее горючим, артиллерией и транспортом — А. И. Микоян. Постановлениями от 12 и 16 февраля распределение обязанностей было вновь уточнено: контроль над производством вооружения и боеприпасов, за что до этого отвечали и Н. А. Вознесенский, и Л. П. Берия, был возложен на последнего. Одновременно с него снят контроль над производством авиационной техники, и этот участок работы был передан в руки Г. М. Маленкова[78].

И в дальнейшем Л. П. Берия получал по линии ГКО новые обязанности. Так, постановлением от 8 декабря 1942 г. было образовано Оперативное бюро Государственного Комитета Обороны, в состав которого вместе с В. М. Молотовым (в качестве председателя), Г. М. Маленковым и А. И. Микояном вошел и Л. П. Берия. К ведению Оперативного бюро были отнесены контроль и наблюдение за текущей работой, а также планирование производства и контроль исполнения планов и снабжения следующих наркоматов: оборонной промышленности, путей сообщения, черной, цветной металлургии, электростанций, угольной, химической промышленности. Лично Л. П. Берия дополнительно к обязанностям, возложенным на него ранее, стал также курировать наркоматы угольной промышленности и путей сообщения[79].

Обращает на себя внимание тот факт, что по ходу войны Политбюро ЦК ВКП(б) стало возвращать себе былые прерогативы, что отразилось в принятии им решений по реформированию структуры самого ГКО. Так, в соответствии с постановлением Политбюро от 15 мая

1944 г. претерпел изменения состав Оперативного бюро ГКО, приобретя следующий вид: Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, К. Е. Ворошилов. Еще одним постановлением Политбюро от 18 мая 1944 г. «Об обязанностях заместителей председателя Совнаркома СССР и работе Оперативного бюро ГКО» Л. П. Берия был назначен заместителем председателя ГКО и оставался на этом посту вплоть до упразднения чрезвычайного органа власти в сентябре 1945 г. В ведении руководимого Л. П. Берией Оперативного бюро ГКО находились вся военная промышленность, транспорт, а также большинство промышленных наркоматов, работавших на нужды вооруженных сил и обороны страны[80].

По ходу войны отечественный военно-промышленный комплекс не только ликвидировал временное превосходство Третьего рейха в производстве вооружения и боевой техники, но и смог превзойти противника как по количеству, так и по качеству вооружения. За время войны в СССР было выпущено более 108 тыс. боевых самолетов (по сравнению с Германией больше в 1,4 раза), 104,4 тыс. танков и САУ (в 1,8 раза), около 445,7 тыс. полевых орудий калибра 76 мм и выше (в 2,2 раза) и минометов (в 5,1 раза)[81]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 г. Л. П. Берии было присвоено звание Героя Социалистического Труда «за особые заслуги в области усиления производства вооружения и боеприпасов в трудных условиях военного времени»[82].

При огромной занятости по линии ГКО никто из входивших в него лиц не освобождался от выполнения их прямых служебных обязанностей. Для Л. П. Берии главным участком работы было руководство Наркоматом внутренних дел СССР. Этот участок стал еще более обширным после того, как 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в общую структуру — Наркомат внутренних дел СССР[83], во главе которого поставлен Л. П. Берия. Бывший ранее наркомом госбезопасности СССР В. Н. Меркулов стал первым заместителем наркома внутренних дел.

Война предъявила повышенные требования к деятельности органов госбезопасности и внутренних дел. Неблагоприятный ход событий на фронте, вражеская оккупация значительной советской территории, перестройка экономики страны на военный лад, перемещение по территории СССР миллионов людей, заметный рост преступности, в том числе дезертирство, измена Родине, политический бандитизм, хищения государственной собственности и прочее, резко усилившаяся разведывательно-подрывная деятельность спецслужб противника — эти и подобные им факторы вызвали необходимость быстрой и адекватной перестройки их деятельности.

Первый шаг к этому был сделан 17 июля 1941 г., когда постановлением ГКО в Наркомат внутренних дел из Наркомата обороны была передана военная контрразведка. Как в действующей армии, так и в военных округах органы 3-го управления НКО от отделений в дивизиях и выше были преобразованы в особые отделы НКВД, а 3-е управление НКО — в Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР, которое возглавил заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга В. С. Абакумов[84]. 10 января 1942 г. такую же реорганизацию пережили органы военной контрразведки Военно-морского флота.

С образованием единого Наркомата внутренних дел СССР под непосредственным руководством Л. П. Берии оказались не только охрана госграницы и поддержание в стране общественного порядка, но и стратегическая разведка, контрразведка, пресечение подрывной деятельности противника в вооруженных силах, охрана тыла действующей армии, предотвращение дезорганизации тыла страны и другие важнейшие участки. Такое положение сохранялось до 14 апреля 1943 г., когда путем выделения из НКВД оперативно-чекистских управлений и отделов был вновь сформирован самостоятельный НКГБ СССР.

По мере катастрофического развития событий на фронте летом — осенью 1941 г. поток лиц, по разным причинам покидавших расположение воинских частей, нарастал. Пользуясь ситуацией, германские спецслужбы перебрасывали на советскую территорию свою агентуру из числа взятых в плен военнослужащих Красной армии под видом окруженцев и бежавших из плена. Поставить им заслон должна была военная контрразведка в лице особых отделов НКВД.

Упомянутым выше постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. в качестве главной задачи особых отделов были определены «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе». По приказу Л. П. Берии для обеспечения оперативных мероприятий по борьбе с дезертирами, трусами, паникерами, шпионами и диверсантами при особых отделах к 25 июля 1941 г. были сформированы: в дивизиях и корпусах — отдельные стрелковые взводы, в армиях — отдельные стрелковые роты, во фронтах — отдельные стрелковые батальоны. Все они комплектовались личным составом войск НКВД, находившимся в подчинении начальников охраны тыла фронтов[85].

Руководство НКВД и Управления особых отделов искало дополнительные пути для того, чтобы поставить надежный заслон для дезертиров и вражеской агентуры. Наряду с армейскими заградительными отрядами были учреждены заградотряды, сформированные либо войсковыми особыми отделами, либо территориальными органами НКВД. За полгода войны расположение своих частей по разным причинам покинули более полумиллиона военнослужащих. Как следует из письма, направленного Л. П. Берией руководству Наркомата обороны 26 декабря 1941 г., в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД в июне — декабре были задержаны по подозрению в дезертирстве 638 112 человек, из них арестованы 82 865[86].

В канун 1942 г. по ходатайству наркома внутренних дел ГКО принял постановление, в соответствии с которым были учреждены специальные структуры для проверки военнослужащих Красной армии, находившихся в плену или окружении противника и задержанных при освобождении ранее оккупированных фашистами местностей. Со сборно-пересыльных пунктов, созданных в пределах армейского тыла, таких военнослужащих направляли в специальные лагеря НКВД, где особые отделы фильтровали поступивших, выявляя изменников Родины, шпионов, предателей, дезертиров. Вопреки распространяемой в последние годы недостоверной информации, подавляющая часть задержанных оказалась затем не в местах лишения свободы, а на фронте. Так, из 638 112 человек, задержанных органами НКВД в июне — декабре, 555 247 человек (87%) были направлены в военкоматы как потенциальный призывной контингент и в воинские части[87].

С изданием приказа наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г. лицами, пытавшимися без уважительной причины покинуть передовую или проникнуть в тыл, стали в основном заниматься заградотряды, сформированные в составе общевойсковых армий из личного состава линейных частей Красной армии[88]. Они подчинялись командованию армии через ОО НКВД, руководили ими офицеры госбезопасности. Те же формирования из состава войск НКВД, которые до этого выполняли заградительные функции, находясь непосредственно за боевыми порядками частей на линии фронта, были окончательно перенацелены на охрану войскового тыла.

В силу своих должностных обязанностей Л. П. Берия немало внимания уделял оперативной работе в прифронтовой полосе и глубоком тылу страны, важность которой резко возросла. Территориальные и транспортные подразделения НКВД, а также органы военной контрразведки военных округов, руководствуясь директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., организовывали охрану заводов, электростанций, мостов, линий связи, вели борьбу с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожали вражеских шпионов и диверсантов. Еще до создания объединенного наркомата Л. П. Берия и В. Н. Меркулов 11 июля 1941 г. издали совместную директиву об усилении борьбы с боевиками, забрасываемыми вражеской авиацией в советский тыл для совершения диверсионных актов[89].

Резко возросло количество объектов промышленности и транспорта, подлежавших контрразведывательному обслуживанию. Например, в Москве и Московской области с началом боевых действий в их число были включены 114 оборонных заводов и режимных предприятий, 14 железнодорожных и стратегических мостов. По стране таких объектов насчитывались тысячи, при этом оперативная обстановка резко осложнилась, а кадры сотруд-

ников значительно поредели в связи с откомандированием многих специалистов на фронт. Был ужесточен паспортный режим, для ряда категорий населения закрыт въезд в крупные промышленные центры, осуществлены аресты и выселение так называемых социально опасных элементов.

Территориальные и транспортные органы НКВД широко опирались на специально сформированные и подчиненные им истребительные батальоны и группы содействия истребительным батальонам. Только на территории Москвы и Московской области осенью и зимой 1941 г. были захвачены свыше 200 агентов разведки противника и 23 парашютиста. В 1942 г. с их помощью на территории Азербайджанской и Грузинской ССР, Московской, Воронежской, Калининской, Вологодской и Ярославской областей были задержаны еще более 400 шпионов и диверсантов[90].

Война подтвердила необходимость и результативность мер, предпринятых НКВД СССР под непосредственным руководством Л. П. Берии, по предотвращению проникновения в войсковой тыл и глубокий тыл страны агентов немецкой разведки, диверсантов, шпионов. О масштабах и одновременно сложности этой работы можно судить хотя бы по докладу Л. П. Берии в ГКО и ЦК ВКП(б) от 2 августа 1942 г., согласно которому чекистами к этому времени были задержаны 11 765 вражеских агентов, из них 222 парашютиста. У парашютистов было изъято 74 радиостанции, 31 из которых использована для радиоигр в целях дезинформации противника. Всего же за годы войны в советском тылу были выявлены 1854 агента-парашютиста, включая 631 радиста[91].

По докладу наркома внутренних дел можно судить о широкой географии выброски немецкой агентуры: это и прифронтовые районы — Ленинград, Тихвин, Калинин, Орджоникидзе, Грозный, Ростов-на-Дону, Туапсе, Тула, Тамбов, Калач, Сталинград, и тыловые города — Горький, Молотов, Пенза, Казань, Саратов, Тбилиси, Челябинск. Например, вражеская агентура пыталась вывести из строя Северо-Печерскую железную дорогу, Чирчикский комбинат, железную дорогу Красноводск — Ташкент и некоторые другие объекты, но все эти попытки закончились провалом. Не удалось предотвратить буквально единичные факты успешного осуществления диверсий в глубоком советском тылу, но и они не нанесли существенного ущерба.

И если повсеместно немецкая агентура разоблачалась и задерживалась (устранялась), это говорит о высокой дееспособности территориальных, транспортных органов государственной безопасности и военной контрразведки, умелой организации их деятельности со стороны руководства наркоматом и лично Л. П. Берии. Не обходилось, конечно, и без промахов. Так, из числа агентуры противника, заброшенной на территорию СССР за время войны, остались не выявленными 389 радиостанций с соответствующими группами радистов и разведчиков[92].

Важнейшим направлением деятельности возглавляемого Л. П. Берией ведомства была организация народной борьбы в тылу врага и зафронтовая работа многочисленной агентуры. Тысячи и тысячи советских людей, оказавшись под оккупационным гнетом, с первых дней войны поднимались на борьбу с врагом по собственному почину, не дожидаясь никаких указаний сверху, либо не зная о них. Однако, как показал горький опыт первых месяцев, партизаны были весьма уязвимы из-за стихийности и непрофессионализма. По большому счету, осуществленное согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск»[93] возложение организации и руководства партизанским и подпольным движением персонально на руководителей республиканских, областных и районных партийных комитетов и органов советской власти себя не оправдало. Для успеха дела было недостаточно коммунистической идейности, требовались профессиональные военные знания и боевой опыт, знание специфической тактики партизанской борьбы, правил конспирации, уверенное владение навыками разведки, отечественным и трофейным оружием, минно-подрывной техникой, средствами связи.

Важнейшая роль в становлении партизанского движения, зафронтовой разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы принадлежит органам внутренних дел

и государственной безопасности. 1 июля 1941 г. в развитие директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 июня 1941 г. за подписью наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова была издана директива «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени», в которой предписывалось оперативно подготовить весь чекистский аппарат для активной работы в любых условиях, в том числе в подполье. Работникам НКГБ, переводимым на нелегальное положение, в качестве основной ставилась «задача по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР»[94]. Именно должностные лица войск и органов внутренних дел и госбезопасности стали наряду с командирами Красной армии, попавшими в окружение, первыми руководителями и инструкторами значительной части партизанских формирований. Они учили партизан правилам конспирации, формам и методам ведения разведки и контрразведки, борьбы с вражеской агентурой, содействовали переброске специально подготовленных кадров в тыл противника, а кроме того, осуществляли контрразведывательное обеспечение, ограждавшее партизан от подрывной деятельности спецслужб противника.

Важной базой для формирования значительного числа партизанских отрядов и диверсионных групп послужили истребительные батальоны, созданные органами НКВД по постановлению СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 25 августа 1941 г. приказом Л. П. Берии эти оперативные группы НКВД — УНКВД были реорганизованы в четвертые отделы. Они осуществляли контроль над формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководили их боевой деятельностью, налаживали связи с существовавшими в тылу противника партизанскими отрядами и диверсионными группами, организовывали агентурную и войсковую разведку в районах вероятных действий партизанских формирований[95].

В записке, направленной Л. П. Берией в ГКО 8 августа 1941 г., подводились первые итоги действий органов госбезопасности в тылу противника. Органами НКВД Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской ССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской и других прифронтовых областей был создан ряд партизанских отрядов, а также диверсионных групп. На Украину были заброшены три партизанских отряда, сформированных из числа работников НКВД, каждый численностью в 1000–1200 человек. В качестве партизанских отрядов действовал ряд истребительных батальонов общим количеством свыше 9 тыс. человек. Дополнительно для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп готовились до 5 тыс. работников НКВД. На оккупированной территории Белоруссии действовали 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека из работников НКВД и милиции. Кроме того, в тыл противника было заслано 15 диверсионно-разведывательных групп и одиночек общим количеством свыше 400 человек[96].

Самостоятельным направлением в деятельности подчиненных Л. П. Берии органов стала зафронтовая разведывательно-диверсионная и контрразведывательная работа. В тылу врага выявлялись и обезвреживались агенты, пособники и каратели, осуществлялось проникновение в спецслужбы противника и его агентурную сеть, добывалась ценная разведывательная информация. С этими целями 5 июля 1941 г. была создана Особая группа, которую возглавил заместитель начальника закордонной разведки НКВД майор госбезопасности П. А. Судоплатов. Группа подчинялась лично наркому[97]. В октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована во 2-й отдел НКВД СССР, а 18 января 1942 г. в связи с расширением деятельности по организации зафронтовой работы отдел преобразован в самостоятельное 4-е управление во главе с П. А. Судоплатовым. В его подчинении находились «войска Особой группы», приказом наркома от 5 октября 1941 г. переформированные в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (омсбон) НКВД численностью более 25 тыс. человек. Этот, говоря современным языком, спецназ Л. П. Берии стал основным учебным центром по подготовке организаторов партизанского движения и подполья, разведчиков, диверсантов-подрывников. Бойцы омсбон НКВД выполняли также специальные задания за линией фронта.

Следует сказать, что по мере расширения масштабов партизанского движения все чаще возникал вопрос о необходимости сконцентрировать руководство им в одних руках. Как член ГКО Л. П. Берия имел и полномочия, и возможности для постановки вопроса о коренном изменении сложившейся системы. Но руководитель советских спецслужб, видя, как И. В. Сталин проводит линию на монополизацию руководства партизанской борьбой в руках партийных органов, вероятнее всего, просто не пожелал вступать в конфликт с лидером партии и государства и до поры до времени не инициировал решение этого вопроса.

Постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. функции по организации партизанского движения были переданы Центральному, республиканским и областным штабам партизанского движения и их представительствам на фронтах и в армиях. После этого основные усилия 4-го управления НКВД СССР стали сосредоточиваться на организации и руководстве агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью, которую выполняли оперативные группы в тылу противника, а также в угрожаемых районах СССР. За годы войны для выполнения особых заданий в тылу врага только на базе омсбон было подготовлено 212 специальных отрядов и групп общей численностью 7316 человек. Всего за линию фронта было заброшено более 2 тыс. оперативных групп 4-го управления НКВД — НКГБ СССР[98]. На учете этого управления состояло 1798 партизанских отрядов численностью почти 71 тыс. бойцов и командиров и 1153 диверсионно-разведывательные группы — 7143 разведчика и подрывника. Части и подразделения 4-го управления и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тыс. вражеских солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили более 2 тыс. агентурных групп противника.

Во время войны никто, разумеется, не снимал с НКВД и задач по поддержанию правопорядка на территории страны. С нападением внешнего врага резко оживилась политическая и уголовная преступность. Недовольных советской властью в стране было действительно немало. С приближением фашистских войск в некоторых регионах, например на Северном Кавказе, заметно усилился политический бандитизм: в августе 1942 г. здесь действовало более полусотни групп, в розыске находились более 2 тыс. дезертиров. Подавить бандитизм вплоть до изгнания оккупантов с территории Северного Кавказа в январе — феврале 1943 г. не удалось. Похожая картина наблюдалась и в других районах страны. По данным отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, на территории СССР с июня 1941 г. были ликвидированы более 7 тыс. повстанческих групп, действовавших на Северном Кавказе, в Закавказье, Средней Азии, центральных областях РСФСР, Сибири, на Дальнем Востоке и объединявших в своих рядах около 55 тыс. боевиков[99].

В превентивных целях территориальные органы обеспечили выселение в восточные и северные районы страны граждан, имевших национальность воюющих с СССР государств — немцев и финнов. Затем с мест постоянного проживания в «наказание» за массовое сотрудничество с оккупантами были депортированы некоторые народы, проживавшие на Северном Кавказе: карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, а также населявшие Крым крымские татары, болгары, греки и армяне. Всего в годы войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности. За преступления отщепенцев расплачивались целые народы. Не в оправдание, а для объективности следует сказать, что депортации того или иного народа предшествовало решение высших органов государственной власти, однако чаще всего такое решение принималось после прямого обращения наркома внутренних дел в ГКО с предложениями, в каком объеме, в какие сроки и каким порядком осуществить выселение.

Более семи лет Л. П. Берия оставался на посту наркома НКВД. С преобразованием наркомата в министерство в начале 1946 г. он передал дела С. Н. Круглову, при этом сам еще более упрочил свои позиции в системе власти. Заняв пост заместителя председателя Совета министров СССР, он курировал МГБ и МВД и стал членом Политбюро (Президиума) ЦК.

Пристального внимания заслуживает организующая миссия Л. П. Берии в создании ядерного оружия. При этом он проявил себя одновременно как руководитель и стратеги-

ческой разведки, и атомного проекта. Официально он был поставлен во главе советской ядерной программы 20 августа 1945 г., когда при ГКО был образован Специальный комитет, в состав которого входили: Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев (секретарь), М. Г. Первухин (заместитель председателя). Распоряжением ГКО на Специальный комитет было возложено руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой области; широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и других странах); организация промышленности по переработке урана, производство специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии; строительство атомно-энергетических установок и разработка и производство атомной бомбы[100].

Но фактически Л. П. Берия стал во главе работ по созданию в СССР атомного оружия еще в годы войны. ГКО, принимая 3 декабря 1944 г. постановление «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых лабораторией № 2 Академии наук СССР»[101], возложил на него как заместителя председателя СНК СССР «наблюдение за развитием работ по урану»[102]. Остановившись на кандидатуре Л. П. Берии, И. В. Сталин, бесспорно, учитывал при этом как его немалые организаторские способности, так и огромные хозяйственные возможности подчиненной ему системы НКВД. С другой стороны, и сам Л. П. Берия стремился возглавить этот прорывной участок. При этом он выгодно отличался от большинства высших руководителей наличием технического образования, энергией, напором, а главное — обладал исчерпывающей информацией о том, что делалось по ядерной проблеме в стране и за рубежом.

Советская внешняя разведка располагала за рубежом огромной сетью и действовала весьма эффективно. «Работники 1-го (разведывательного) управления НКВД — НКГБ проделали значительную работу по организации разведывательной сети за границей, — обозревая период с июня 1941 по ноябрь 1944 г., докладывал Л. П. Берия И. В. Сталину. — За это время выведены за кордон на нелегальную работу 566 человек, завербованы 1240 агентов-осведомителей, добыто агентурным путем 41 718 различных разведывательных материалов, в том числе большое количество документальных. Из полученных по линии технической разведки 1167 документов реализовано отечественной промышленностью 616»[103]. Уже в октябре 1941 г. в аппарате НКВД по указанию наркома была подготовлена записка на имя И. В. Сталина о состоянии работ по урану за рубежом и необходимости активизации такой работы в стране. Но председателю ГКО она так и не была направлена: началась изнурительная, требовавшая всех ресурсов страны война, а атомная тематика во многом рассматривалась тогда как чисто теоретическая. В самой же внешней разведке сбор информации настойчиво продолжался, и уже к осени 1942 г. стало ясно, насколько близко в США, Великобритании и Германии подошли к практическому созданию ядерного устройства. По записке заместителя председателя ГКО В. М. Молотова И. В. Сталину 28 сентября 1942 г. было принято постановление, в соответствии с которым в СССР возобновлены научные работы по исследованию возможности использования атомной энергии путем расщепления ядер урана.

В области руководства атомной проблемой, как и за полномочия в рамках ГКО, между высшими руководителями страны шла негласная, но весьма ожесточенная борьба. Не желая выпускать из рук инициативу, Л. П. Берия 6 октября того же года направил И. В. Сталину письмо, в котором информировал о работах соответствующего характера за рубежом и настаивал на необходимости организации таких работ в СССР. В частности, он предлагал создать при ГКО научно-совещательный орган для координации усилий ученых[104]. С разрешения И. В. Сталина ведомство Л. П. Берии стало знакомить наиболее крупных отечественных специалистов в области атомного ядра — А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицу, И. В. Курчатова и некоторых других — с материалами, добытыми стратегической разведкой.

Историки имеют все основания утверждать, что деятельность советской разведки «в сфере атомного шпионажа существенно ускорила осуществление отечественной ядерной програм-

мы»[105]. Л. П. Берия неоднократно докладывал И. В. Сталину о ходе осуществления проекта «Манхэттен» (по созданию американской ядерной бомбы), достижениях Э. Ферми в сфере управляемой ядерной реакции и других работах американских ядерщиков. Для координации усилий различных ведомств по добыче ядерных секретов союзников в НКВД по инициативе Л. П. Берии в феврале 1944 г. была создана так называемая группа «С» (с сентября 1945 г. — отдел) во главе с генерал-майором П. А. Судоплатовым. Этот отдел стал рабочим органом Бюро № 2, созданного 28 сентября 1945 г. в Специальном комитете с подчинением непосредственно председателю комитета, то есть Л. П. Берии. Возглавил Бюро № 2 также П. А. Судоплатов. Его сотрудники занимались переводом, сбором и изучением материалов по атомной проблематике из различных источников, в том числе разведывательных, и передавали их на рассмотрение технического совета, действовавшего при Спецкомитете. Для советских разведорганов и ученых перестали быть секретом важнейшие конструктивные особенности американского ядерного устройства, детали первого взрыва на полигоне в Аламогордо, система охраны, биографические данные многих ученых, занятых в проекте. Поддержка, которая оказывалась советским ученым разведкой, была неоценимой.

Л. П. Берия постепенно сконцентрировал в своих руках весь комплекс работ по ядерной проблеме: кроме руководства собственно разведывательной деятельностью в этом направлении за руководителем НКВД были закреплены кураторство научного блока (научным руководителем ядерной программы стал И. В. Курчатов), геологоразведка урановых руд, строительство производственных мощностей по добыче руды и производству урана, графита, тяжелой воды и других составляющих.

Если решение большинства вопросов (организация научного процесса, геологоразведка, создание атомной промышленности и прочее) прямо зависели от внутренних возможностей страны и личных усилий Л. П. Берии и других руководителей, то добыча представлявшей ценность разведывательной информации упиралась не только в способности членов советских резидентур, но и их источники. А таковыми удалось сделать ряд непосредственных участников работ по «Манхэттенском проекту»: К. Фукса и Б. Понтекорво, С. Сакса и Т. Холла. Не исключено, что ряд ценнейших сведений был получен непосредственно от руководителей американской ядерной программы Р. Оппенгеймера и Э. Ферми. Информация широким потоком шла и из Великобритании, где на советскую разведку работала «кембриджская пятерка»: Д. Маклейн, Г. Берджесс, К. Филби, Э. Блант и Дж. Кэрнкросс.

В декабре 1946 г. Л. П. Берия пошел на необычный и, на первый взгляд, малообъяснимый шаг. Он приказал заморозить все американские источники информации и переключиться на источники британские. Не вызывает сомнений, что это решение было согласовано с И. В. Сталиным и преследовало несколько соображений. Это и необходимость обрубить концы, которые после измены нескольких важных фигурантов могли бы вывести американских контрразведчиков на всю советскую агентурную сеть, занятую сбором информации о разработке и производстве ядерного оружия. Это и стремление не допустить компрометации ведущих американских ученых, которые рассматривались в качестве важнейшего политического потенциала, могущего до определенного времени связать властям США руки борьбой за мир и ограничение использования ядерного оружия. К тому же замораживание агентурных сетей в США компенсировались усилиями К. Фукса и «кембриджской пятерки». Тот же К. Фукс, вернувшись после войны из США в Великобританию, обосновался в главном центре британских ядерных исследований Хэруэлле. До середины 1949 г. он передал советскому резиденту массу ценнейшей информации не только о британской, но и американской программах: к примеру, основные теоретические разработки по водородной бомбе, данные о проведенных на атоллах Бикини и Эниветок испытаниях урановой и плутониевой бомб.

После войны Л. П. Берия оставался руководителем Специального комитета, который после упразднения ГКО 4 сентября 1945 г. стал действовать при Совете министров СССР. Он на практике проявил себя крупным организатором и довольно эффективно действующим руководителем разведорганов, человеком динамичным, глубоко вникавшим в существо дела. В октябре 1949 г. в СССР взрывом ядерного устройства была завершена многолетняя научная

и техническая программа, позволившая за исключительно короткий срок ликвидировать монополию США на обладание этим видом оружия массового уничтожения. Л. П. Берия «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытаний атомного оружия» получил благодарность ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Его наградили орденом Ленина и присвоили звание лауреата Сталинской премии 1-й степени.

После кончины И. В. Сталина и перераспределения высших должностей в партии и государстве Л. П. Берия в марте 1953 г. вновь стал во главе Министерства внутренних дел и с согласия Президиума ЦК КПСС взял на себя руководство всеми специальными работами «по атомной промышленности», созданием реактивных управляемых комплексов — первого в СССР морского (класса «воздух — море») противокорабельного ракетного комплекса «Комета» (в его создании в качестве главного конструктора участвовал сын Л. П. Берии — Сергей) и «Беркут» (позднее известный как зенитно-ракетная система ПВО С-25 стационарного базирования), а также ракет дальнего действия. Однако 26 июня 1953 г. прямо на заседании Совета министров СССР — таков официальный взгляд на происшедшее[106] — Л. П. Берия был арестован. В этот же день Спецкомитет был ликвидирован, а его функции, аппарат и подведомственные предприятия и организации переданы в только что образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

Бывшие коллеги Л. П. Берии по высшему руководству партией и страной пытались дискредитировать его деятельность на этом посту. «Известно, что Берия ведал Специальным комитетом, занятым атомными делами, — говорил на июльском 1953 г. пленуме ЦК Г. М. Маленков. — Мы обязаны доложить пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы Специального комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта».

Попытки обособления Л. П. Берии в решении атомной проблемы пытался подтвердить и министр среднего машиностроения СССР В. А. Малышев: «Сейчас же стали известны факты, что он обманывал Центральный комитет, что за спиной ЦК и правительства, пользуясь своим положением председателя Спецкомитета, единолично проводил и подписывал важнейшие государственные решения, решения большой государственной важности... Мы начали копать архивы и обнаружили, что он подписал целый ряд крупных решений без ведома ЦК и правительства, например, о плане работ на 1953 год по очень важному конструкторскому бюро, работающему над конструкцией атомных бомб... Он скрыл и единолично подписал целый ряд других решений, которые будут стоить многих сотен миллионов рублей, решений по специальным вопросам»[107].

С 18 по 23 декабря 1953 г. дело Л. П. Берии и нескольких его ближайших сотрудников рассматривало Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР во главе с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Бывший член Политбюро ЦК, всесильный руководитель и куратор спецслужб обвинялся в том, что он сформировал враждебную Советскому государству группу заговорщиков, которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против коммунистической партии и советского правительства, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии. Для этого они якобы установили связь с иностранными разведками.

Л. П. Берия категорически отмел всяческие подозрения о связях с зарубежными спецслужбами. Отрицал он и то, что его действия после кончины И. В. Сталина были направлены на захват власти. «Особой скромностью я не отличался — это факт, — признавал он в своем последнем слове. — Я действительно влезал в другие отрасли работы, не имеющие ко мне никакого отношения, это тоже верно... то, что я старался себя популяризировать, — это было. Что касается моих бонапартистских вывихов, то это неверно». При этом он просил: «...при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю»[108]. Однако Специальное судебное присутствие, по существу

выполнявшее политический заказ высшего руководства партии и страны, которое избавлялось от опасного конкурента в лице Л. П. Берии, приговорило его самого и других подсудимых — В. Н. Меркулова, Б. З. Кобулова, С. А. Гоглидзе, Л. Е. Влодзимирского, П. Я. Мешика и В. Г. Деканозова — к расстрелу.

Сегодня с высоты прожитых страной лет очевидно, что большинство обвинений — связь с иностранными спецслужбами, грезы о восстановлении в СССР капитализма и прочее — не имеют под собой никакой почвы и не нашли ни малейшего документального подтверждения[109]. А вот о том, к чему Л. П. Берия действительно имел прямое отношение — массовым репрессиям 1930–1950-х гг., в приговоре по сути ничего не сказано. О подлинных, а не вымышленных преступлениях Л. П. Берии и его ближайших сотрудников было сказано судебной властью только 29 мая 2000 г., когда родственниками некоторых лиц, осужденных вместе с Л. П. Берией, был инициирован вопрос об их реабилитации как жертв политических репрессий (на том основании, что они осуждены с многочисленными нарушениями закона, к тому же неконституционным органом). Л. П. Берия, Г. М. Меркулов, Б. З. Кобулов и С. А. Гоглидзе, говорилось в определении Военной коллегии Верховного суда РФ, «являлись теми руководителями, кто организовал на государственном уровне и лично проводил массовые репрессии в отношении собственного народа. А поэтому закон «О реабилитации жертв политических репрессий» распространяться на них как виновников террора не может»[110].

В последние два десятилетия стало возможным вынести о Л. П. Берии более объективные суждения. Более того, бывший всесильный руководитель советских спецслужб оказался в центре ожесточенных общественных споров. Оценки его личности располагаются в широком диапазоне. «Наши специалисты, — вспоминал трижды Герой Социалистического Труда академик Ю. Б. Харитон, — входя в соприкосновение с ним, не могли не отметить его ум, волю и целеустремленность. Убедились, что он первоклассный организатор, умеющий доводить дело до конца. Может быть, покажется парадоксальным, но Берия, не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство, умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком»[111].

В отличие от этой оценки, вынесенной уже в посткоммунистической России, суждения другого выдающегося ученого — академика П. Л. Капицы, хотя и обнародованы в наше время, но высказаны в тот момент, когда Л. П. Берия находился в зените своей политической карьеры. Из письма П. Л. Капицы И. В. Сталину от 25 ноября 1945 г.: «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо... У него, безусловно, есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает, точно формулирует свои решения. Но у него один недостаток — чрезмерная самоуверенность, и причина ее, по-видимому, в незнании партитуры. Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах». На что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особо любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт... Берия, если бы не был так ленив, то, поработав, с его способностями и «знанием людей», несомненно, мог бы... стать первоклассным дирижером оркестра АБ (атомной бомбы. — *Прим. ред.*)... Но для этого нужно работать, а чиркать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще не значит руководить проблемой»[112].

Парадоксально, но при всей разнице приведенных оценок, в чем-то даже разительной, оба великих ученых по-своему правы. В их суждениях ярко отразились эпоха и власть в СССР в 1930–1950-е гг. Мнения Ю. Б. Харитона и П. Л. Капицы побуждают задуматься и о том, что оценка вклада Л. П. Берии в развитие экономики, создание «ядерного щита» не может быть оторвана, как и оценка других политических деятелей, от нравственных критериев. Никакое самое крупное достижение в области экономики, геополитики, обороны не может быть оправданно, если предается забвению его цена.

Военно-политическое руководство в годы войны

Фигура Георгия Константиновича Жукова занимает особое место в ряду советских военачальников периода Великой Отечественной войны. Вступив в войну в должности начальника Генерального штаба, являясь всю войну членом высшего органа стратегического руководства Вооруженными силами СССР — Ставки Главного, а затем Верховного главнокомандования, заместителем наркома обороны, а с 26 августа 1942 г. заместителем Верховного главнокомандующего, Г. К. Жуков принимал непосредственное участие в планировании всех кампаний войны и проявил себя зрелым, дальновидным стратегом[113]. Его предложения были взвешенны и обоснованны. Однако в первый год войны предлагаемые им планы далеко не всегда принимались Верховным главнокомандующим, в результате допускались стратегические ошибки, за которые нашей стране приходилось расплачиваться дорогой ценой.

При всей сложности и противоречивости обстановки лета 1941 г. обращает на себя внимание исключительная способность Г. К. Жукова прогнозировать стратегические действия противника и смело и твердо отстаивать свое мнение на самом высоком уровне. Уже в первые месяцы войны он проявил себя военачальником с хорошо развитым стратегическим мышлением. Так, в конце июля, проанализировав обстановку на фронте, Г. К. Жуков пришел к выводу, что противник на западном направлении в ближайшее время не сможет вести наступательные действия и основные усилия сосредоточит на флангах советско-германского фронта. Свои соображения он 29 июля доложил И. В. Сталину, обратив при этом его внимание на опасное положение советского Юго-Западного фронта. Во избежание разгрома войск этого фронта, которому грозил удар во фланг и тыл, он предложил организовать немедленный отвод войск фронта на левый берег Днепра и усилить Центральный и правый фланг Юго-Западного фронта, в том числе за счет войск Западного направления. Весьма показательно, что Г. К. Жуков совершенно верно определил перспективу действий противника еще до того, как гитлеровское командование приняло соответствующее решение. Как впоследствии стало известно, А. Гитлер лишь 30 июля подписал директиву № 34, предписывавшую германским войскам действовать именно так, как предполагал Г. К. Жуков. В соответствии с этой директивой группа армий «Центр» переходила к обороне, чтобы на южном участке фронта уничтожить крупные силы противника западнее Днепра[114]. Верховный главнокомандующий тогда не согласился с мнением Г. К. Жукова, его предложение не было принято, а сам он освобожден от исполнения обязанностей начальника Генерального штаба и назначен командующим войсками Резервного фронта.

Однако еще раз проанализировав стратегическую обстановку и характер действий противника на западном направлении и убедившись в своей правоте, Г. К. Жуков, уже будучи командующим войсками Резервного фронта, снова довел до И. В. Сталина свои предположения о возможных ударах войск противника во фланг и тыл Центрального, а затем и Юго-Западного фронтов, а также конкретные предложения, направленные на срыв замысла противника[115]. К сожалению, и на этот раз предложения Г. К. Жукова приняты не были, однако развитие обстановки на фронте очень скоро показало его правоту. Наши войска в районе Киева потерпели очередное тяжелое поражение. Безвозвратные потери советских войск в Киевской оборонительной операции составили более 600 тыс. человек[116].

Оставаясь членом Ставки, Г. К. Жуков продолжал внимательно следить за развитием событий на всем советско-германском фронте и принимал непосредственное участие в планировании всех кампаний Великой Отечественной войны. В начале января 1942 г. при обсуждении в Ставке ВГК плана зимней кампании 1942 г. он не согласился с мнением И. В. Сталина и большинства участников совещания, предлагавших перейти в контрнаступление на всем советско-германском фронте. И, в свою очередь, предложил отказаться от распыления сил и средств на все стратегические направления и сосредоточить усилия на одном — западном направлении, где в то время наметился успех. К сожалению, его предложение тогда тоже не было принято. В результате распыления стратегических резервов по всем направлениям

наши войска не смогли (да и не могли в принципе имеющимися силами и средствами) полностью выполнить стоящие перед ними задачи.

Не было поддержано и мнение Г. К. Жукова, изложенное им на совещании в Ставке ВГК в конце марта 1942 г., когда он выступил за предложение Генерального штаба о переходе всей действующей армии к временной активной стратегической обороне в целях накопления резервов и материальных ресурсов для последующего перехода в наступление. Г. К. Жуков не согласился с намерением развернуть летом 1942 г. несколько наступательных операций одновременно, предложив провести частые наступательные операции лишь на западном направлении. Ставка тогда приняла половинчатое решение. В результате советские войска понесли тяжелое поражение на юго-западном направлении, были потеряны важнейшие стратегические регионы страны. Немецкие войска вышли к Волге и Главному Кавказскому хребту, поставив нашу страну и армию под угрозу топливного голода.

Проанализировав сложившуюся обстановку, Г. К. Жуков совместно с А. М. Василевским в середине сентября 1942 г. предложили Верховному главнокомандующему план (в последующем детально разработанный и подготовленный при его непосредственном участии) разгрома группировки противника в районе Сталинграда. В результате выполнения этого плана немецко-фашистским войскам под Сталинградом было нанесено сокрушительное поражение, а стратегическая инициатива прочно перешла к советскому командованию.

Весной 1943 г. Г. К. Жуков представил Верховному главнокомандующему свои соображения о возможных намерениях противника и обосновал целесообразность перехода Красной армии не орловско-курском направлении к преднамеренной обороне. Время подтвердило верность его выводов и обоснованность предложений. Воплощение в жизнь предложений Г. К. Жукова позволило советскому командованию летом 1943 г. окончательно перехватить стратегическую инициативу у противника и нанести ему невосполнимые потери в силах и средствах.

Всесторонне оценив обстановку, в конце августа 1943 г. Г. К. Жуков обратил внимание Ставки на нецелесообразность нанесения фронтами фронтально-лобовых ударов и предложил, проведя перегруппировку сил и средств, отсечь и окружить войска немецкой группы армий «Юг», удерживавшие Донбасс. К сожалению, это предложение не было принято, хотя его воплощение обещало советским войскам достичь значительных результатов.

Г. К. Жуков принимал активное участие в разработке плана зимней кампании 1944 г. Он выступил против одновременного наступления на всем советско-германском фронте, выдвинув идею проведения последовательных ударов на разных стратегических направлениях, нанося главный удар на юго-западном направлении. Воплощая в жизнь эти предложения, советские войска неожиданными и мощными ударами на разных направлениях, вынуждая противника рассредоточить силы, истощали его резервы, срывали возможность маневрирования ими и не позволяли ему проводить какие-либо активные действия по противодействию наступлению наших войск. В результате было разгромлено южное крыло восточного фронта фашистской Германии.

В конце апреля 1944 г. Г. К. Жуков, выступая на заседании Ставки, предложил главное внимание летне-осенней кампании уделить разгрому противника в Белоруссии. По его мнению, ликвидация этой группировки должна была привести к крушению обороны противника на всем западном направлении. В основу плана кампании, как, впрочем, и предыдущей, была положена идея последовательных ударов на различных направлениях. В результате претворения в жизнь этого плана вся территория Советского Союза была освобождена от фашистских оккупантов, в Белоруссии было разгромлено 76 дивизий противника (32% всех дивизий, действовавших на советско-германском фронте).

В июле 1944 г., когда советские войска успешно действовали против немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии, Г. К. Жуков обратился в Ставку с предложением провести операцию по отсечению группы армий «Север» и захвату Восточной Пруссии, рассчитывая с ходу сломить оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. По политическим соображениям предложение Г. К. Жукова тогда реализовано не было, в результате советскому командованию позднее пришлось проводить чрезвычайно сложную и кровопролитную Восточно-Прусскую операцию.

Г. К. Жуков

В конце октября — начале ноября 1944 г. Г. К. Жуков принимал участие и в планировании завершающих операций Великой Отечественной войны. Реализация многих стратегических предложений, выдвинутых им тогда, во многом способствовала успешному завершению войны. Как известно, войска противника в ходе этих операций были разгромлены, а тяжелейшая война победоносно завершена.

«Жуков, — по оценке маршала А. М. Василевского, — без сомнения, стоит в ряду полководцев, которых человечество не забывает. Это военачальник не просто большого таланта, он был наделен огромным мужеством, самообладанием, могучей волей. Жуков не боялся ответственности. А ответственность, выпавшая на долю всех, от солдата до маршала, измерялась самой высокой мерой — судьбой Родины. В самые трудные, критические моменты войны я не видел Жукова растерянным и подавленным. Напротив, в такие моменты он был особенно деятелен, сосредоточен, целеустремлен. Для него не было непреодолимых преград, воля его ломала все, что стояло на пути. Этот человек был рожден побеждать»[117].

Г. К. Жуков был единственным из всех военачальников и полководцев Великой Отечественной войны, входившим в состав Ставки с момента образования и до конца ее существования. В течение всей войны он находился на самых напряженных и ответственных ее участках. Командовал войсками Резервного, Ленинградского, Западного, 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, действовавших на важнейших направлениях советско-германского фронта, в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования координировал действия групп фронтов при проведении крупнейших операций. С его именем неразрывно связаны победы советских войск под Москвой и Сталинградом, под Курском и на Правобережной Украине, в Белоруссии, Польше и Германии. Он был универсальным полководцем, способным мыслить во всем диапазоне командных высот — от тактического звена до вершин стратегического руководства.

В первые дни войны в ходе Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операции (22 июня — 6 июля 1941 г.) Г. К. Жуков оказывал помощь командованию Юго-

Западного фронта в организации контрударов по 1-й немецкой танковой группе в районе Луцк — Дубно — Броды. Это был один из первых контрударов по немецко-фашистским войскам.

В качестве командующего Резервным фронтом он принимал участие в Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), в рамках которого под его руководством была проведена Ельнинская наступательная операция (30 августа — 8 сентября 1941 г.) — одна из первых успешных наступательных операций советских войск в годы войны. Под Ельней Г. К. Жуковым была одержана важная оперативно-стратегическая и психологическая победа, вырванная у противника в условиях исключительно тяжелой общей стратегической обстановки, когда войска повсюду отступали и сама возможность бить врага казалась несбыточной.

В начале сентября 1941 г., когда критическая обстановка сложилась на ленинградском направлении, Г. К. Жуков был назначен командующим войсками Ленинградского фронта. В результате твердости управления, решительных, энергичных действий по организации глубоко эшелонированной, противотанковой, активной обороны, мобилизации всех сил и средств и сосредоточения их на решающих направлениях, умелого маневра ими противник был остановлен, фронт стабилизирован. Расчеты противника овладеть городом с ходу, а затем повернуть главные силы группы армий «Север» на московское направление, были сорваны. С начала Второй мировой войны Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути вермахта, который он не смог взять.

В начале октября 1941 г. обстановка резко обострилась на западном — московском направлении. По решению Верховного главнокомандующего сюда немедленно был отозван из Ленинграда Г. К. Жуков. Находясь с 6 октября на московском направлении, до 8 октября в качестве представителя Ставки ВГК, затем командуя войсками Резервного, а с 11 октября — Западного фронта[118], Г. К. Жуков принимал участие в битве под Москвой. В командование фронтом он вступил в критической обстановке, когда войска Западного, Резервного и Брянского фронтов потерпели крупное поражение на московском направлении, в результате которого образовалась оперативная брешь в несколько сотен километров. Основной целью в сложившейся обстановке было остановить наступление немецкой группы армий «Центр», защитить Москву. Под его руководством войска Западного фронта в ходе Московской стратегической оборонительной операции провели Можайско-Малоярославецкую, Клинско-Солнечногорскую, Наро-Фоминскую оборонительные операции, до 17 октября 1941 г. принимали участие в Калининской и с 11 ноября 1941 г. — в Тульской оборонительных операциях. Оборонительные действия войск Западного фронта отличались высокой активностью, широким применением контратак и контрударов. Схематизму оперативных форм и шаблонно применявшейся вермахтом тактике глубоких прорывов был противопоставлен гибкий маневр войсками и умелое использование резервов. В битве под Москвой Г. К. Жуков сумел организовать такую систему обороны, которую не смогли преодолеть фашистские армии. Противник, превосходивший войска Западного фронта в 7–9 раз, был остановлен[119].

В ходе Московской оборонительной операции советские войска отстояли столицу нашей Родины, нанесли серьезное поражение главным группировкам немецко-фашистских войск и остановили их наступление. В ходе операции были разгромлены девять дивизий и две бригады противника. Только с 6 ноября по 5 декабря 1941 г. вермахт потерял под Москвой 155 тыс. человек убитыми и ранеными, 777 танков, сотни орудий и минометов, до 1500 самолетов. Моральный дух немецко-фашистских армий был надломлен, подготовлены условия для перехода советских войск в контрнаступление и разгрома врага под Москвой.

Исключительная способность Г. К. Жукова к анализу и синтезу позволяла ему в минимально короткое время охватить одновременно как всю оперативно-стратегическую обстановку в целом, так и малейшие тактические детали. Это способствовало глубокой оценке

обстановки, обоснованным выводам и нахождению неожиданных оригинальных решений. Обладая развитой оперативно-стратегической интуицией, он чувствовал изменения обстановки и по едва заметным признакам улавливал назревавшие крутые повороты в развитии событий. Характерным примером тому является оценка им обстановки в конце ноября 1941 г., во время битвы за Москву, когда он исключительно точно определил благоприятный момент для перехода советских войск в контрнаступление.

По свидетельству В. Д. Соколовского, бывшего в период битвы за Москву начальником штаба Западного фронта: «Г. К. Жуков мог как-то интуитивно, провидчески заглянуть в перспективу хода военных действий в самой сложной ситуации. Его талант в этом отношении был настолько ярким, что одного взгляда на карту ему иногда достаточно, чтобы оценить обстановку. Ставя себя в положение немецкого командования, он почти безошибочно предугадывал возможные решения и замыслы противника. Это позволяло нам своевременно принимать необходимые контрмеры и осуществлять маневр резервами для того, чтобы парировать возможные удары врага, что в условиях недостатка у нас сил имело решающее значение»[120].

Советские войска перешли в контрнаступление под Москвой, уступая противнику в живой силе, артиллерии и танках. Недостаток сил и средств компенсировался за счет стратегической внезапности, достигнутой благодаря скрытному сосредоточению стратегических резервов и правильному выбору времени перехода в решительное наступление, когда противник, измотанный и обескровленный нашими контрударами, фактически уже не имел сил для наступления, но еще не перешел к обороне. Главный удар был нанесен по наиболее сильной и глубоко продвинувшейся вражеской группировке (3-й и 4-й танковым группам). Наиболее характерными чертами ведения контрнаступления были: настойчивость командования и войск в достижении поставленной цели; самоотверженные действия войск в боях за опорные пункты и узлы сопротивления противника; неотступное преследование отходящих вражеских войск; смелые обходные маневры против группировок противника, пытавшихся закрепиться на промежуточных рубежах; удары по их флангам и глубокие прорывы в тыл немецко-фашистских войск.

В ходе операции войсками Западного фронта во взаимодействии с войсками Калининского, правого крыла Юго-Западного и с 24 декабря 1941 г. Брянского фронтов были разгромлены ударные группировки группы армий «Центр», пытавшиеся обойти Москву с севера и юга, и снята угроза Москве и Московскому промышленному району. Противник был отброшен на 100–250 км от Москвы. За месяц боев были разбиты 11 танковых, четыре моторизованные и 23 пехотные дивизии противника. Потери только сухопутных войск вермахта составили 168 тыс. человек. Немецко-фашистской армии было нанесено первое крупное поражение во Второй мировой войне, и развеян миф о ее непобедимости. Стратегическая инициатива была вырвана у противника. Опыт контрнаступления под Москвой показал, что успеха можно добиться и при равенстве сил и даже при превосходстве противника в отдельных видах средств борьбы, если проявить высокое воинское искусство и умело использовать благоприятные условия обстановки.

Командуя войсками Западного фронта, а затем и войсками Западного направления Г. К. Жуков участвовал в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции (8 января — 20 апреля 1942 г.), которая проводилась силами Западного и Калининского фронтов. Операция готовилась и развертывалась без оперативной паузы, в ходе выполнения войсками задач контрнаступления под Москвой, при относительном равенстве сил в пехоте, некотором превосходстве противника в артиллерии и его двойном превосходстве в танках. В ходе операции советские войска отбросили противника на витебском направлении на 250 км, на гжатском и юхновском — на 80–100 км, полностью освободили Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей. Противник не получил ожидаемой зимней передышки для подготовки новых операций и понес значительные потери.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков совещается с генералом армии И. С. Коневым и офицером его штаба. 1943 г.

В июле — августе 1942 г. войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова во взаимодействии с войсками Калининского фронта провели Ржевско-Сычёвскую наступательную операцию (с 5 августа на Г. К. Жукова было возложено непосредственное руководство войсками как Западного, так и Калининского фронтов). Операция проводилась с целью сковать на московском направлении силы группы армий «Центр», лишить германское командование возможности перебрасывать ее соединения на юг. Это было первое успешное наступление советских войск в летних условиях. При подготовке и в ходе операции Г. К. Жуков на практике решил многие вопросы теории глубокой наступательной операции, в частности такие, как достижение в полосе главного удара решающего превосходства в силах и средствах (в результате перегруппировки и сосредоточения сил в полосах наступления ударных группировок было достигнуто более чем двукратное превосходство в личном составе, артиллерии, танках), организация прорыва вражеской обороны на сравнительно узких участках, длительная артиллерийская и авиационная подготовка, создание фронтовой ударной группировки, подвижных армейских и фронтовых групп для развития успеха. Здесь впервые было проведено авиационное наступление при прорыве обороны противника. Успешно осуществлен комплекс мероприятий, направленных на достижение внезапности наступления.

В ходе операции развернулось крупное танковое встречное сражение (до 1500 танков с обеих сторон). Несмотря на ограниченный размах, операция сковала крупные силы группы армий «Центр» и притянула в район сражения 12 немецких дивизий, в том числе с юга.

Готовившиеся к переброске на сталинградское направление три танковые и несколько пехотных дивизий из состава группы армий «Центр» были обескровлены в боях. 10 пехотных, три танковые, три моторизованные дивизии противника потеряли 50–80% личного состава. Противник был вынужден отказаться от запланированных частных наступательных операций на западном направлении.

26 августа 1942 г. Г. К. Жуков был назначен заместителем Верховного главнокомандующего и направлен под Сталинград, на решающий в то время участок советско-германского фронта, в качестве представителя Ставки ВГК. Он принял меры по стабилизации фронта и стал одним из авторов плана Сталинградской стратегической наступательной операции (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.). При его непосредственном участии в ходе вынужденной обороны была спланирована и подготовлена наступательная операция силами трех взаимодействующих фронтов с целью окружения и последующего уничтожения ранее наступавшей стратегической группировки противника. Подобных примеров ранее история не знала.

Он работал в войсках Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Затем, в ноябре — декабре 1942 г. в качестве представителя Ставки ВГК находился в войсках Калининского и Западного фронтов, координируя их действия в Ржевско-Сычёвской наступательной операции по плану «Марс», которая проводилась с целью не допустить переброски войск противника из группы армий «Центр» в район Сталинграда и ликвидации Ржевского выступа. Активные действия войск не позволили немецкому командованию перебросить значительное подкрепление с этого участка фронта в район Сталинграда. Более того, германское командование вынуждено было перебросить в район Вязьмы и Ржева четыре танковые и одну моторизованную дивизии. Успех контрнаступления советских войск под Сталинградом, спланированного и подготовленного при участии Г. К. Жукова, предопределили: правильный выбор направления главного удара и момента перехода войск в контрнаступление, искусное создание группировок войск для наступления, скрытность подготовки операции, умелые действия войск в ходе наступления и четкое взаимодействие между фронтами и армиями, одновременное и быстрое создание внутреннего и внешнего фронтов окружения и развитие контрнаступления на внешнем фронте.

Впервые в Великой Отечественной войне в этой операции было осуществлено в полном объеме артиллерийское наступление, а действия авиации впервые приняли форму авиационного наступления. В ходе операции, начавшейся при относительном равенстве сил, советские войска за 2,5 месяца разгромили пять вражеских армий. Противник был отброшен от Волги и Дона на сотни километров. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. человек, до 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. Вермахт лишился 32 дивизий и трех бригад, а 16 дивизиям было нанесено тяжелое поражение. Результаты операции оказали огромное влияние на дальнейший ход войны. Стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла к советским вооруженным силам.

В начале 1943 г. Г. К. Жуков со 2 по 9 января в качестве представителя Ставки ВГК находился на Воронежском фронте, оказывая помощь командованию фронта в подготовке Острогожско-Россошанской наступательной операции (13–27 января 1943 г.), а с 10 по 24 января координировал действия войск Ленинградского и Волховского фронтов, наступавших навстречу друг другу, в операции по прорыву блокады Ленинграда (12–30 января 1943 г.), в ходе которой нашим войскам впервые за годы войны довелось прорывать сильно укрепленную оборону противника.

После завершения операции по прорыву блокады города на Неве Г. К. Жуков, к тому времени первым из советских военачальников удостоенный в годы войны воинского звания Маршала Советского Союза, приступил к подготовке новой большой операции на северо-западном стратегическом направлении, получившей кодовое наименование «Полярная звезда», с целью разгрома основных сил группы армий «Север». С 6 февраля по 16 марта 1943 г. он находился в войсках Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов, под его руководством была проделана большая подготовительная работа, однако сложившаяся

обстановка не позволила достичь конечной цели операции. Ранняя оттепель, сорвавшая планы использования танковых соединений в лесисто-болотистой местности северо-запада России, и обострившаяся обстановка на юго-западном направлении изменили планы советского командования.

Г. К. Жуков был направлен на юго-западное направление, где в связи с начавшимся контрнаступлением противника в районах Донбасса и Харькова оперативно-стратегическая обстановка серьезно осложнилась. Находясь с 17 марта по 1 апреля 1943 г. в войсках Воронежского фронта, командование которого по существу потеряло управление, он на некоторое время взял управление в свои руки. Вводом в сражение подошедших резервов и энергичными мерами ему удалось остановить продвижение противника и стабилизировать фронт севернее Белгорода. Войска фронта перешли к организованной позиционной обороне, образовав южный фас Курской дуги.

Важную роль сыграл Г. К. Жуков во время подготовки и проведения операций в районе Курской дуги. В начале апреля 1943 г. он представил в Ставку ВГК соображения о возможных намерениях противника и обосновал целесообразность перехода в начале летней кампании на орловско-курском направлении к преднамеренной обороне. В период подготовки Курской битвы он оказывал помощь командованию Воронежского и Центрального фронтов в организации обороны, организовывал взаимодействие между ними, в ходе оборонительной операции координировал действия Центрального, Брянского и Западного фронтов, а затем оказывал помощь командованию Воронежского и Степного фронтов. В результате преднамеренной обороны советские войска сорвали мощное наступление немецко-фашистских войск. Немецкий план по разгрому Красной армии под Курском потерпел полное крушение.

С началом контрнаступления на северном фасе Курской дуги Г. К. Жуков координировал действия Центрального, Западного и Брянского фронтов. По его указанию в операции «Кутузов» был применен новый, необычный для противника метод артиллерийской подготовки и ведения атаки, позволивший добиться внезапности и овладеть вражескими траншеями с минимальными потерями. Суть метода была в отходе от наметившегося схематизма в организации артиллерийской подготовки и атаки противника. После огневого налета, заканчивавшегося, как правило, ударом реактивной артиллерии, к чему противник привык, в атаку перешли не все войска первого эшелона, а лишь ограниченные силы (по одному усиленному батальону от дивизии) с целью доразведки переднего края противника и выявления его системы огня. Действительная же атака началась лишь на следующий день, причем войска выходили на рубеж атаки в процессе артиллерийской подготовки. Операция завершилась разгромом 15 дивизий противника. Советские войска продвинулись на запад до 150 км, освободили значительную часть оккупированной территории, в том числе г. Орёл. С ликвидацией Орловского плацдарма резко изменилась обстановка на центральном участке советско-германского фронта, открылись широкие возможности для развития наступления на брянском направлении и выхода советских войск в районы восточной Белоруссии.

В Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции Г. К. Жуков координировал действия Воронежского и Степного фронтов. В ходе наступления была разгромлена мощная белгородско-харьковская группировка врага. Советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлениях до 140 км, что открыло благоприятные возможности для освобождения всей Левобережной Украины. В битве за Днепр Г. К. Жуков координировал действия Центрального, Воронежского и Степного (с 20 октября соответственно — Белорусского, 1-го и 2-го Украинских) фронтов. При его участии в этот период были проведены Черниговско-Полтавская и Киевская стратегические наступательные операции. В Черниговско-Полтавской операции наступление войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов после прорыва обороны противника переросло в преследование, в ходе которого наши войска вышли к Днепру и захватили плацдармы на его правом берегу. Продвинувшись на 250—300 км, советские войска освободили значительные территории Левобережной Украины и ряд крупных городов, в том числе областные центры Сумы, Чернигов, Полтава. Расчеты немецкого командования на длительную оборону Левобережной Украины были сорваны.

В Киевской наступательной операции (3–13 ноября 1943 г.) наши войска в ходе стремительного наступления освободили столицу Украины — Киев и образовали стратегический плацдарм на правом берегу Днепра по фронту более 300 км и в глубину 150 км, сыгравший важную роль при проведении дальнейших операций по освобождению Правобережной Украины. В ходе Киевской оборонительной операции (13 ноября — 22 декабря 1943 г.) Г. К. Жуков оказывал помощь командованию 1-го Украинского фронта в отражении контрнаступления противника на киевском направлении.

В Днепровско-Карпатской стратегической операции (24 декабря 1943 — 17 апреля 1944 г.) Г. К. Жукову была поручена координация действий 1-го и 2-го Украинских фронтов. В рамках этой операции при его участии были подготовлены и проведены Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Ровно-Луцкая, Корсунь-Шевченковская и Проскуровско-Черновицкая наступательные операции. В результате Житомирско-Бердичевской операции (24 декабря 1943 — 14 января 1944 г.) советские войска продвинулись к полосе шириной 700 км, на глубину 80–200 км, почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, ряд районов Винницкой и Ровенской областей и разгромили шесть дивизий противника.

Кировоградская операция (5–16 января 1944 г.) поучительна умелым использованием и широким маневром бронетанковых войск. В результате операции была разгромлена кировоградская группировка противника и советские войска продвинулись на запад на 40–50 км. С потерей Кировограда, важного оборонительного и транспортного узла, нарушилась устойчивость всей обороны 8-й немецкой армии. В результате Ровно-Луцкой операции (27 января — 11 февраля 1944 г.) советские войска продвинулись до 80 км на запад и заняли выгодный рубеж для удара с севера во фланг и тыл немецкой группы армий «Юг».

Корсунь-Шевченковская операция (24 января — 17 февраля 1944 г.) вошла в историю военного искусства как одна из блестящих операций на окружение и полное уничтожение крупной группировки противника в короткий срок. Особенности ее состояли в том, что внешние и внутренние фронты окружения создавались в условиях отражения сильных контратак и контрударов врага. А уничтожение окруженной группировки советские войска осуществляли без оперативной паузы сразу же после завершения окружения одновременными ударами с разных направлений, расчленяя ее на части. Операция поучительна широким маневром в условиях распутицы. В ходе операции, особенно в боях с окруженным противником, наши войска широко применяли ночные действия для нанесения внезапных и сокрушительных ударов. В результате ликвидации окруженной группировки противник потерял более 73 тыс. человек, в том числе 18,2 тыс. пленными. Кроме того, советские войска нанесли поражение еще 15 дивизиям, из них восьми танковым, действовавшим против внешнего фронта окружения. Ликвидация Корсунь-Шевченковского выступа и серьезное ослабление 1-й танковой и 8-й полевой немецких армий значительно улучшили положение советских войск на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов и создали условия для нанесения новых ударов с целью разгрома всего южного крыла немецко-фашистского фронта и полного освобождения Правобережной Украины.

Вступив после ранения Н. Ф. Ватутина в командование войсками 1-го Украинского фронта, Г. К. Жуков провел Проскуровско-Черновицкую операцию (4 марта — 17 апреля 1944 г.) — одну из крупнейших фронтовых операций Великой Отечественной войны. В этой операции в составе главной группировки фронта в узкой полосе впервые в ходе войны использовались одновременно три танковые армии, чем были обеспечены большая мощь первоначального удара и высокие темпы наступления в условиях весеннего половодья и распутицы. В результате операции войска фронта продвинулись до 80–350 км и нанесли тяжелое поражение 1-й и 4-й немецким танковым армиям. 20 дивизий противника потеряли свыше 50% личного состава и большую часть боевой техники. Выйдя к предгорьям Карпат и перерезав основные рокадные коммуникации противника, советские войска рассекли его стратегический фронт на две части. От Тернополя до Черновиц образовалась громадная брешь, и чтобы закрыть ее, немецкому командованию пришлось спешно перебросить значительные силы с других фронтов — из Югославии, Франции, Дании и Германии. Войска фронта освободили значи-

тельную часть территории Правобережной Украины. За умелое руководство этой операцией Г. К. Жуков первым из советских военачальников был награжден орденом «Победа».

В ходе освобождения Белоруссии (операция «Багратион») Г. К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Эта операция — пример организации и проведения нескольких наступательных операций, связанных единством целей и замысла. По своему размаху и военно-политическим результатам это самое крупное наступление за весь предшествующий период войны. Оно проводилось высокими темпами на фронте более 1 тыс. км и на глубину 550–600 км. Операция характерна умелым выбором направлений главных ударов фронтов и решительным массированием на них имевшихся сил и средств. Она является классическим образцом одновременного прорыва фронта противника на нескольких, далеко отстоящих один от другого участках. В ходе операции была разгромлена группа армий «Центр», большой урон понесли также группы армий «Север» и «Северная Украина». Было полностью уничтожено 17 дивизий и три бригады противника, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава. В стратегическом фронте противника образовалась брешь до 400 км по фронту и до 500 км в глубину, которую немецкому командованию быстро закрыть было нечем. Полководческие заслуги и личное мужество Г. К. Жукова в Белорусской операции были отмечены второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

С подключением к общему наступлению 1-го Украинского фронта, проводившего Львовско-Сандомирскую операцию, Г. К. Жуков начал координировать действия также и 1-го Белорусского фронта. В ходе этой операции была разгромлена крупная стратегическая группировка противника — группа армий «Северная Украина». Из втянутых в сражение 56 вражеских дивизий (в том числе 10 танковых и моторизованных) было уничтожено восемь и разгромлено 32. Противник был изгнан из западных областей Украины и юго-восточных районов Польши. Успешное выполнение задач операции было обусловлено искусством выбора форм оперативного маневра с нанесением мощных фронтальных ударов на нескольких направлениях, искусством выбора направлений главных ударов и массирования сил и средств на них, а также правильным выбором времени перехода в наступление.

15 ноября 1944 г. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, оставаясь заместителем Верховного главнокомандующего и членом Ставки ВГК, был назначен командующим войсками 1-го Белорусского фронта, действовавшим на главном, берлинском направлении. В этот период он занимался планированием и подготовкой Висло-Одерской стратегической наступательной операции, в рамках которой войска под его командованием провели Варшавско-Познанскую операцию — одну из крупнейших фронтовых операций Великой Отечественной войны. Начав прорыв на нескольких участках, составлявших в общей сложности 34 км, войска 1-го Белорусского фронта к концу операции расширили прорыв по фронту до 500 км и продвинулись на глубину 500 км. Среднесуточный темп наступления достигал 25 км, а в отдельные дни для механизированных войск — 70 км. Такая стремительность была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны. Одной из характерных особенностей операции являлось решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов. На участках прорыва, составлявших 15% общей ширины полосы наступления фронта, сосредотачивалось 54% стрелковых дивизий, 53% артиллерии и минометов, 91% танков и САУ. На 1 км фронта приходилось 240–250 артиллерийских орудий и минометов и до 100 танков и САУ. В ходе операции войска фронта окружили крупные группировки противника, с ходу форсировали Одер и захватили важные плацдармы, с которых началась Берлинская операция, а также освободили в своей полосе всю западную часть Польши и ее столицу Варшаву. Г. К. Жуков был награжден вторым орденом «Победа».

С 1 по 20 марта 1945 г. фронт под командованием Г. К. Жукова частью сил принимал участие в разгроме восточно-померанской группировки противника (группы армий «Висла»), нацеленной для удара по флангам наших фронтов, действовавшим на берлинском направлении. Важнейшим условием успеха операций на завершающем этапе войны была непрерывность активных боевых действий. Почти полное отсутствие оперативных пауз в ходе наступления свидетельствовало об искусном, целеустремленном планировании операций

и их всестороннем обеспечении. Характерной чертой операций являлись широкий маневр войск, частые и быстрые изменения направлений действий крупных объединений войск. С разгромом немецкой группы армий «Висла» путь на Берлин был открыт.

Завершающей операцией, в которой в годы войны принимал участие Г. К. Жуков, была Берлинская стратегическая наступательная операция (16 апреля — 8 мая 1945 г.), в ходе которой советские войска за 16 дней разгромили более чем 500-тысячную берлинскую группировку противника и штурмом овладели столицей Германии — Берлином. После ее завершения Г. К. Жуков был удостоен третьей Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Это была крупнейшая операция Второй мировой войны, она явилась классическим образцом операции группы фронтов, проведенной с такой решительной целью, как полный разгром противостоящего противника посредством его расчленения на отдельные группы, раздельного окружения и уничтожения по частям. Характерным для нее было решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов. Особенностями действий войск фронта, которым руководил Г. К. Жуков, являлись:

1. Прорыв на широком фронте ударами с трех направлений. Целью фронтального удара было не рассечение фронта противника и последовательного окружения и уничтожения его группировки, как это обычно делалось в предыдущих операциях, а дробление сосредоточенных на кратчайшем направлении Кюстрин — Берлин сил и средств противника. Прорыв на широком фронте и на трех направлениях, ширина прорыва равнялась 44,3 км, что составляло более четверти протяженности всей линии фронта. Такой вид маневра сковывал оборонявшую берлинское направление группировку противника, исключал маневр его сил и средств, дробил боевые порядки противника на отдельные, разобщенные между собой участки, нарушал их взаимодействие и связь.

2. В ходе операции, исходя из сложившейся обстановки, Г. К. Жуков принял смелое, неординарное решение — во изменение плана операции ввел сражение 1-ю и 2-ю танковые армии до завершения прорыва тактической обороны противника, что ускорило разгром противника на Зееловских высотах и обеспечило дальнейшее успешное развитие операции.

3. Искусное маневрирование войсками фронта. Фланговый маневр войск правого крыла фронта, осуществленный с целью окружения Берлина.

4. Ночные броски передовых отрядов. Передовые отряды ночью с ходу ворвались в пригороды Берлина, в связи с чем отпала необходимость готовить операцию по прорыву внешнего обвода Берлина.

Новшеством стали совместные действия танковых армий с общевойсковыми соединениями почти от самого переднего края вражеской обороны. Для обеспечения непрерывности наступления в оперативной глубине характерным явилось создание во всех дивизиях двух эшелонов войск для действия одного из них ночью, а другого — днем.

Таким образом, под руководством и при непосредственном участии Г. К. Жукова в годы войны было проведено значительное количество операций, самых различных и по масштабам, и по достигнутым результатам, но в каждой из них можно увидеть некоторые черты, характерные для его полководческого почерка[121].

Г. К. Жуков в своей боевой практике исключительное значение придавал самому тщательному изучению противника, организации всесторонней его разведки. Другой его особенностью были постоянное стремление лучше узнать состояние и способности своих войск, опора на надежные, проверенные в боях командные кадры[122]. Находясь в войсках, он, как правило, бывал почти во всех подчиненных объединениях и соединениях, стремился лично убедиться в готовности подчиненных войск к выполнению поставленной задачи, исключительное значение придавал их укомплектованности, обеспеченности, использованию боевого опыта. Особой его заботой было воспитание командных кадров и опора на них. Знание противника, его сильных и слабых сторон, доскональное знание возможностей своих войск, опора на проверенные кадры позволяли Г. К. Жукову принимать решения, адекватные обстановке и позволяющие достигать желаемых результатов. Его решения, как правило, были неожиданными для противника, он стремился наносить удары там и тогда, где и когда их не ждали.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери около Бранденбургских ворот Берлина

Парад Победы союзных войск 7 сентября 1945 г. Слева направо: американский генерал Дж. Патон, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, британский фельдмаршал Х. Александер

Другой характерной для Г. К. Жукова полководческой чертой была неизменная тщательность подготовки проводимых им операций. К подготовке операций он подходил с исключительной скрупулезностью, вникал в мельчайшие детали. Для него не было мелочей. Он стремился, чтобы каждый командир и начальник четко представлял свою задачу в предстоящей операции, добивался четкого взаимодействия между соединениями, частями, различными родами войск. Суворовский принцип «Каждый солдат должен понимать свой маневр» был возведен Г. К. Жуковым в незыблемый закон подготовки операций. Как правило, накануне предстоящей операции он собирал руководящий состав фронтов, армий, корпусов и дивизий, участвовавших в операции, заслушивал решения командующих и командиров соединений, доклады командующих и начальников родов войск и служб, организовывал проработку предстоящих действий на картах и макетах местности. Стремился лично побывать в войсках, чтобы на месте убедиться в готовности операции. Добивался максимальной обеспеченности предстоящих действий материальными средствами.

Успеху операций, подготовленных Г. К. Жуковым, во многом способствовала еще одна черта, характерная для его полководческого почерка, — это обеспечение максимальной скрытности подготовки операции. Обмануть противника, скрыть от него сосредоточение ударных группировок, заставить его ждать удара не там, где он в действительности готовился, было для Г. К. Жукова исключительно важной составляющей подготовки операций. При создании ударных группировок он требовал, чтобы все перегруппировки войск происходили ночью с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и графикам. При перегруппировке войск на направление главного удара принимались самые строгие меры по оперативной маскировке и дезинформации. Создавались, например, ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались ложные передвижения войск и техники. Все это вместе взятое во многом способствовало успеху операций.

Проводились мероприятия по дезинформации противника и в стратегическом масштабе. Так, накануне Белорусской операции для создания у немецкого командования впечатления, будто летом 1944 г. Красная армия будет наносить главный удар на юге советско-германского фронта, по предложению Г. К. Жукова на правом крыле 3-го Украинского, севернее Кишинёва, была создана ложная группировка наших войск. Делалось все возможное, чтобы ввести противника в заблуждение относительно намечавшегося главного удара советских войск. Задача эта была непростой, ведь одновременно с созданием ложной группировки предстояло скрытно сосредоточить реальную крупную группировку войск, подвести значительное количество материальных средств.

29 мая 1944 г. за подписями Г. К. Жукова и А. И. Антонова в адрес командующих фронтами была направлена директива Ставки ВГК[123], которой определялся комплекс мер, направленных на обеспечение скрытности проводимых мероприятий. Все передвижения войск и техники предписывалось производить только в ночное время, строго соблюдая дисциплину ночного марша. На дневках и в новых районах сосредоточения войска и техника должны были располагаться рассредоточенно, тщательно маскируясь, не допускалось общение личного состава с местным населением, максимально ограничивалось движение грузов и подразделений по открытым дорогам и участкам местности. В течение всего периода перегруппировки и подготовки к активным действиям сохранялся существующий режим ведения огня. Строго был определен порядок рекогносцировок. В полосах, намеченных для активных действий, было предписано вести оборонительные работы, обратив внимание на качество (правдоподобность) строительства ложных сооружений, минных полей и прочего, в красноармейской печати главное место отводилось оборонительной тематике. Был введен жесткий режим использования радиосредств, строго ограничивалась служебная переписка. Предусматривались и другие мероприятия, направленные на маскировку готовившегося наступления. Выполнение предписанных мероприятий Г. К. Жуков взял под жесткий личный контроль.

Старания Г. К. Жукова по обеспечению скрытности проводимых мероприятий и дезинформации противника, как правило, достигали своей цели. Так, накануне Белорусской операции, благодаря принятым мерам германское командование не сумело раскрыть ни общего замысла операции, ни ее масштаба, ни направления главного удара, ни сроков ее начала. Ожидая наступления наших войск на Украине, большинство своих танковых и механизированных дивизий противник держал южнее Полесья. Обеспечение скрытности проведения подготовки операций, проведение комплекса мероприятий по введению противника в заблуждение относительно действий наших войск, проведенные по указанию и под жестким контролем Г. К. Жукова, были, как правило, гарантией успеха проводимых под его руководством операций.

При подготовке операций, Г. К. Жуков внимательно выслушивал мнения и инициативы подчиненных, их рациональные предложения он всячески поддерживал. Отсутствие шаблона, поощрение инициативы подчиненных было еще одной характерной чертой его полководческого почерка. При выработке решений он всегда стремился опираться на коллективный разум. В ходе подготовки операций, как правило, царила творческая атмосфера, выслушивались различные мнения и предложения, и в результате вырабатывались наиболее рациональные решения, зачастую содержавшие своеобразные изюминки, оперативные и тактические находки, никогда прежде не применявшиеся.

Г. К. Жуков никогда не позволял себе недооценки сил противника, но он хорошо знал и его слабости и умело использовал их. Самым уязвимым местом немецкого командования был тактический шаблон. Сильной же его стороной являлись методичность, которая, впрочем, порой оборачивалась своей противоположностью. Стоило нашим войскам применить нечто новое, внести какую-либо тактическую новинку, выбивающую противника из привычного круга представлений, и неприятель испытывал растерянность, облегчавшую борьбу с ним. Вместе с тем Г. К. Жуков прекрасно понимал, что способный противник всегда может уловить устойчивое, повторяющееся в действиях наших войск, и поэтому стремился избежать

шаблонных действий, преподнести неприятелю какие-либо оперативные или тактические сюрпризы. Для полководческого почерка Г. К. Жукова вообще характерно принятие неординарных решений, зачастую не совпадавших с установившимися правилами, а порой и противоречивших им, но, в конечном итоге, ставивших противника в тупик. Он был практиком, не боялся принимать решения, противоречившие сложившимся стереотипам.

Под Москвой и Ленинградом он смело ослаблял пассивные участки фронта, концентрируя при этом войска на решающих направлениях. Противник боялся ночных боев — Г. К. Жуков требовал активности именно ночью. Противник был уверен, что нельзя пройти по болотам, — Г. К. Жуков планировал удар именно там. Противник рассчитывал на передышку в период весенней распутицы — Г. К. Жуков намечал удар именно на этот период. Противник привык, что наступление начинается на рассвете, — Г. К. Жуков назначал наступление на вечер. Теория требовала длительной артиллерийской подготовки — Г. К. Жуков ломал установленный порядок и планировал применение артиллерии и авиации так, что противник оказывался застигнутым врасплох. Теория требовала вводить подвижные соединения после прорыва обороны противника — Г. К. Жуков во время Берлинской операции вводил в бой танковые армии еще до прорыва обороны противника в районе Зееловских высот, понимая, что оперативного простора уже не будет, впереди многомиллионный город, где танки станут легкой мишенью для противника. Полной неожиданностью для неприятеля было и массированное применение прожекторов в той же Берлинской операции, свет которых на какое-то время шокировал и ослепил неприятеля. Г. К. Жуков не боялся взять на себя ответственность, не пасовал перед авторитетом вышестоящих начальников и настойчиво претворял в жизнь принятое решение.

Характерной чертой полководческого почерка Г. К. Жукова была твердость управления. Он всегда настойчиво добивался выполнения принятых решений, не терпел расхлябанности и необязательности. Примеры тому уже приводились. Жестко требовал он выполнения приказов и указаний в критические дни 1941 г. под Ленинградом и Москвой, не ослабевала его требовательность и позже. Фронтовики знали, что приказ Г. К. Жукова — это закон и выполнить его нужно во что бы то ни стало. Вместе с тем характерной для Г. К. Жукова была гибкость его мышления. Он внимательно следил за развитием обстановки и оперативно реагировал на ее изменения. Поэтому в ходе операции ранее намеченные планы часто корректировались, причем порой весьма существенно. Примеров тому можно привести множество.

Г. К. Жуков в совершенстве владел искусством выбора направлений главных ударов, стремился наносить удары по слабому месту в оперативном построении противника, на направлении, обеспечивающем эффективное применение всех родов войск, выводящем ударные группировки во фланг и тыл его основным силам кратчайшим путем и в сжатые сроки. Так было, например, в Сталинградской наступательной операции. Но когда требовала обстановка, он смело наносил главный удар и по сильным участкам обороны противника, как это было, например, в Висло-Одерской и Берлинской операциях. Сокрушительные рассекающие удары главных сил 1-го Белорусского фронта с имевшихся плацдармов избавляли наши войска от необходимости вести тяжелые сражения по форсированию широких водных преград в начале операции.

Для Г. К. Жукова была характерна смелая и решительная концентрация сил и средств на направлениях главных ударов. За счет этого создавались высокие плотности сил и средств. Скрытное массирование сил и средств обеспечивало мощь первого удара и быстрое развитие успеха в глубину и в стороны флангов. Для достижения решительных целей в операциях и повышения темпов их проведения он умело использовал бронетанковые и механизированные войска. Он делал все, чтобы в любой операции нанести врагу урон прежде всего за счет искусного массирования огня, внезапности удара и гибкого маневра войсками, он категорически возражал против мелких боев (за высоты, выступы в обороне противника и прочее), в ходе которых истощались силы, допускались ничем не оправданные потери.

В ходе войны Г. К. Жуков постоянно изучал опыт боевых действий своих войск и военное искусство противника. Это позволяло ему быстро реагировать на все изменения условий

и тактики боевых действий сторон, своевременно улавливать новые тенденции в применении сил и средств противником, а также вскрывать недостатки в действиях своих войск.

Сам он так определил формулу успеха в бою и операции: «Всякий мало-мальски знакомый с военным делом человек понимает, из чего складывается военный успех: верная оценка всей обстановки, правильный выбор направлений главных ударов, хорошо продуманное построение войск, четкое взаимодействие всех родов оружия, высокое моральное состояние и выучка личного состава, достаточное материально-техническое обеспечение, твердое и гибкое управление, своевременный маневр и многое другое требуется для того, чтобы одержать победу. Все это вместе взятое и составляло искусство ведения современных операций»[124].

Находясь на протяжении почти всей Великой Отечественной войны во главе Генерального штаба Красной армии, Александр Михайлович Василевский проявил себя талантливым организатором и руководителем этого основного оперативного рабочего органа Ставки ВГК. Генеральный штаб под его руководством обеспечил Верховному главнокомандованию гибкое и оперативное руководство вооруженной борьбой, принятие обоснованных решений и быстрое проведение их в жизнь. А. М. Василевский принимал непосредственное участие в планировании и подготовке важнейших стратегических операций Великой Отечественной войны. В качестве представителя, а затем и члена Ставки ВГК он координировал действия групп фронтов при проведении крупнейших операций. В феврале 1945 г., после смертельного ранения командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского, он вступил в командование этим фронтом, проявив на практике свои полководческие способности. На завершающем этапе Второй мировой войны маршалу А. М. Василевскому было доверено главное командование Вооруженными силами СССР и союзников в Дальневосточной кампании этой войны, ставшей логическим продолжением Великой Отечественной.

В основу таланта полководца А. М. Василевского, наиболее полно раскрывшегося в годы Великой Отечественной войны, были заложены годы тяжелого ратного труда в период Первой мировой и Гражданской войн и в годы строительства регулярной Красной армии. А. М. Василевский стал военным человеком не только по характеру службы, но и по профессиональному мышлению, складу жизни. Он не терпел рутины, активно внедряя полученные в годы Гражданской войны знания и опыт, современные формы и методы в практику обучения и воспитания воинов, был активным проводником идей реформирования армии. Он внимательно изучал все новое, что появлялось в 1920-е гг. в военной теории, — труды советских военных ученых и специалистов М. В. Фрунзе, Б. М. Шапошникова, М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова, И. П. Уборевича и других, часто сам публиковал статьи в журнале «Военный вестник». Глубокий след в формировании А. М. Василевского как офицера новой формации оставил начальник Оперативного управления Штаба РККА В. К. Триандафиллов, военный теоретик, положивший начало разработке концепции глубокой операции. «Трудно представить себе человека, — писал А. М. Василевский, — который более, чем он, любил свою профессию. В военном деле его интересовало буквально всё, В. К. Триандафиллов неизменно был полон бодрости, энергии, творческого энтузиазма. И этот духовный подъем, уверенность в успехе труда заражали подчиненных, все те воинские коллективы, которыми он командовал»[125].

По рекомендации В. К. Триандафиллова весной 1931 г. А. М. Василевский был назначен в Управление боевой подготовки РККА. Получая назначение, он опасался, что работа на новой должности будет чисто кабинетной. Однако ему пришлось много бывать в войсках, участвовать в проверке хода боевой учебы в военных округах, проведении показательных занятий с командными кадрами, разработке наставлений и инструкций, в частности «Наставления по службе войсковых штабов», «Инструкции по ведению глубокого общевойскового боя» и «Инструкции по взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в современном общевойсковом бою». Здесь А. М. Василевский впервые познакомился с Г. К. Жуковым. Дружба полководцев, основанная на глубоком взаимном уважении и признании выдающихся заслуг в строительстве и вождении войск, сохранилась до последних дней их жизни.

А. М. Василевский

С 1934 г. А. М. Василевский работал в должности начальника отдела боевой подготовки штаба Приволжского военного округа, на которую он был назначен как умелый организатор боевой учебы. Армия все больше отходила от территориальной системы — к концу 1935 г. почти три четверти дивизий стали кадровыми. Росли численность армии, ее техническая оснащенность. Совершенствовалась боевая подготовка войск. В 1935 г. командование и штаб Приволжского военного округа участвовали в полевой поездке на территорию Белорусского военного округа, в ходе которой в качестве одного из вопросов отрабатывалась перегруппировка войск из центра страны к ее границам. Руководил ею И. П. Уборевич, командовавший в то время войсками этого округа. А. М. Василевский, возглавлявший в ходе полевой поездки оперативный отдел, получил значительный опыт планирования и отработки на конкретном оперативном фоне перегруппировки крупного войскового объединения, блестяще использованный им при подготовке Дальневосточной кампании в войне против Японии в 1945 г.

22 сентября 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР в армии и на флоте были введены персональные воинские звания для командного и начальствующего состава. В 1936 г. А. М. Василевскому было присвоено воинское звание полковника. К этому времени он, уже высоко подготовленный офицер оперативно-тактического звена, познакомился со многими военачальниками, учился на их опыте. Особое влияние оказал на него Б. М. Шапошников, трудом которого «Мозг армии» он буквально зачитывался. Симпатия оказалась взаимной. Впоследствии им пришлось вместе работать в Генеральном штабе.

В 1936 г., когда вновь открылась Академия Генерального штаба, А. М. Василевский был в числе ее первых 138 слушателей. Впоследствии он добрым словом вспоминал о многих преподавателях академии, особенно о корифее военного инженерного дела Д. М. Карбышеве, в годы Великой Отечественной войны геройски погибшем в немецком плену. Примечательно, что многие слушатели первого набора Академии Генерального штаба стали в годы Великой Отечественной войны крупными военачальниками: А. М. Василевский и А. И. Антонов возглавляли Генеральный штаб, И. Х. Баграмян, Н. В. Ватутин, Л. А. Говоров и П. А. Курочкин командовали фронтами, другие являлись крупными начальниками в системе Наркомата

обороны и ВМФ. Слушатели проходили стажировку в армейских соединениях, на флотах, в авиации. А. М. Василевский проходил ее на кораблях Балтийского флота, что существенно расширило его военный кругозор[126].

В академии доучиться до конца удалось лишь четверти набора — предвоенная обстановка требовала укрепления армии кадрами. Около 30 слушателей, среди них и А. М. Василевский, уже в конце первого года обучения получили новые назначения. В августе 1937 г. временно возглавивший Академию Генерального штаба Я. М. Жигур приказал А. М. Василевскому заняться организацией учебного процесса в качестве начальника кафедры тыла, совмещая эту работу с преподаванием на кафедре армейских операций[127]. С присущей ему добросовестностью А. М. Василевский приступил к новым обязанностям, но уже через месяц был вызван к начальнику Генерального штаба. Б. М. Шапошников предложил ему перейти в Генеральный штаб на должность начальника отделения, которое занималось оперативной подготовкой высшего комсостава армии. Свой выбор Б. М. Шапошников объяснил тем, что увидел в нем опытного строевого командира и талантливого оперативного работника.

Так с октября 1937 г. начался в жизни А. М. Василевского новый этап. День ото дня он усваивал стиль работы своего начальника и учителя, который до тонкостей знал разностороннюю деятельность Генерального штаба, старался все свои знания передавать подчиненным. Летом 1938 г. А. М. Василевский принял участие в оперативно-стратегической игре руководящего состава Киевского особого военного округа. В ходе этой игры, которую проводили командующий округом командарм 2 ранга С. К. Тимошенко и начальник штаба округа комбриг Н. Ф. Ватутин, а также в процессе работы в Генштабе перед А. М. Василевским в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому виду и роду войск в системе Вооруженных сил СССР.

В 1938 г., во время военного конфликта у озера Хасан — на дальневосточной границе Советского Союза А. М. Василевский по распоряжению Б. М. Шапошникова лично получал и систематизировал информацию, поступавшую с места боев. После подробного анализа завершившейся кампании было решено разработать проект приказа наркома обороны, в котором нашли бы отражение внесенные существенные коррективы в боевую и оперативную подготовку войск. Подготовка этого проекта была поручена А. М. Василевскому. Ему же принадлежит главная роль в разработке директивы на зимний период 1938–1939 гг. по оперативной подготовке руководящего состава РККА, где были учтены уроки хасанских событий, что сыграло существенную роль в повышении боеспособности армии. Самому А. М. Василевскому обобщенная им оперативная информация, поступавшая с места событий у озера Хасан, позволила глубже изучить, насколько это было возможно из Москвы, особенности Дальневосточного театра военных действий и оперативно-тактическое искусство японской армии. Впоследствии это помогло ему при подготовке Дальневосточной кампании. 16 августа А. М. Василевскому было присвоено воинское звание комбрига, а в приказе по Генеральному штабу объявлена благодарность за «добросовестное и высококачественное выполнение ряда больших, ответственных поручений». В следующем году А. М. Василевский был назначен по совместительству заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба.

Начавшаяся Вторая мировая война, а также ведущиеся с мая 1939 г. военные действия по отражению удара японских войск у р. Халхин-Гол заставили советское руководство принимать конкретные меры. На внеочередной сессии Верховного Совета СССР был утвержден «Закон о всеобщей воинской обязанности». Развертывание массовой армии потребовало от А. М. Василевского и его подчиненных срочной корректировки всех планов боевой, оперативной и мобилизационной подготовки. Еще более срочными оказались подготовка похода в бывшие западные районы Украины и Белоруссии, а также разработка конкретного плана военных действий в Восточной Польше. Операция прошла с минимальными людскими потерями и максимальными военными и политическими результатами.

По поручению Б. М. Шапошникова А. М. Василевский вскоре приступил к подготовке документа на случай военного решения пограничного вопроса с Финляндией. Одобренный начальником Генерального штаба план представили И. В. Сталину, однако он нашел его слиш-

ком масштабным и приказал пересмотреть[128]. Как показали дальнейшие события, советское руководство явно недооценило способности финской армии к упорному сопротивлению. Военные действия приобрели затяжной характер.

Б. М. Шапошников привлек А. М. Василевского к работе по обеспечению военных действий в качестве своего заместителя по оперативным вопросам. В этот период А. М. Василевский впервые побывал в Кремле на приеме у И. В. Сталина. Объем работы, которая легла на плечи А. М. Василевского, был огромен. После окончания Советско-финляндской войны он стал главным разработчиком ежегодных итоговых приказов наркома обороны и его директив по оперативно-стратегической подготовке руководящего состава Красной армии. О том, что авторитет А. М. Василевского к тому времени был довольно высоким, свидетельствует тот факт, что в ноябре 1940 г. он в качестве военного эксперта был включен в состав правительственной делегации во главе с председателем Совнаркома В. М. Молотовым для поездки в Берлин, где состоялись встречи с первыми лицами Третьего рейха, подтвердившими наличие у гитлеровского руководства планов кардинального передела мира.

В связи с тем, что начиная с февраля 1941 г. нацистская Германия стала сосредоточивать свои войска у советских границ, Генеральному штабу приходилось с учетом ежедневно поступавшей тревожной информации вносить коррективы в имевшийся план по отражению агрессии. К сожалению, полностью завершить до 22 июня 1941 г. мероприятия по мобилизации резервистов, переброске войск из глубины страны к западным границам, строительству новых оборонительных сооружений не удалось.

К началу Великой Отечественной войны генерал-майор А. М. Василевский оказался одним из тех, весьма немногих, кто наилучшим образом был подготовлен к выполнению стратегических и оперативных задач уже не на бумаге, а в реальной жизни. В первую очередь задачи руководства войной требовали точного знания положения своих войск и войск противника.

Генерал армии Г. К. Жуков, который был в то время начальником Генерального штаба, поручил А. М. Василевскому возглавить работу по сбору сведений с фронтов и анализу обстановки. Доклады следовало представлять три раза в сутки. Прежде всего А. М. Василевский изучал материалы направленцев по фронтам. В случае каких-либо неувязок он связывался с начальниками штабов фронтов и армий. На основе подготовленных им документов Ставка после доклада их Верховному главнокомандующему принимала соответствующие решения.

В конце июля 1941 г. Б. М. Шапошников сменил Г. К. Жукова на посту начальника Генерального штаба и тут же назначил А. М. Василевского своим заместителем и начальником Оперативного управления. Став по своему служебному положению вторым в Генеральном штабе, он вместе с Б. М. Шапошниковым ежедневно, а то и по нескольку раз в сутки бывал в Ставке, участвовал в рассмотрении всех важнейших вопросов ведения военных действий.

В августе Генеральный штаб РККА подвергся серьезной перестройке. Суть ее сводилась к претворению в жизнь роли Генштаба как мозга армии, обеспечивавшего сочетание коллективного управления войсками с сохранением за командующими права единоличного принятия решений и ответственности за них. 10 августа И. В. Сталин утвердил разработанное с участием А. М. Василевского «Положение о Генеральном штабе». Начавшаяся в то же время структурная перестройка всего высшего военного командования Красной армии продолжалась не один месяц. По мере повышения уровня организаторской функции Оперативного управления, углубления его значимости в процессе стратегического планирования рос и авторитет А. М. Василевского.

Осенью 1941 г., когда враг угрожал Москве, основной состав Генерального штаба был эвакуирован в Куйбышев. В столице осталась группа из девяти человек, возглавляемая генералом А. М. Василевским, который стал непосредственным помощником И. В. Сталина по руководству военными действиями. А. М. Василевский и его группа готовили всю необходимую информацию об обстановке на фронтах, представляли рекомендации о распределении поступавших сил и средств для войск на передовой, предложения по перестановке и выдвижению военных кадров. Особенно серьезно пришлось потрудиться над планом

контрнаступления под Москвой: надо было подготовить резервы, накопить боеприпасы, оружие, военную технику. По личному указанию И. В. Сталина в самый разгар битвы за Москву А. М. Василевскому было присвоено звание генерал-лейтенанта.

В конце ноября, когда заболел Б. М. Шапошников, на А. М. Василевского были временно возложены обязанности начальника Генерального штаба. Эти несколько недель отличались предельным напряжением сил. Больше всего А. М. Василевского беспокоило положение дел на Калининском фронте (командующий И. С. Конев), куда ему пришлось выезжать для уточнения роли и места фронта в предстоящем контрнаступлении. В итоге в ночь на 5 декабря Калининский фронт первым перешел в наступление. Напряженная работа окончательно подорвала здоровье маршала Б. М. Шапошникова, и в июне 1942 г. ему пришлось оставить свой пост. Перед уходом он настоятельно рекомендовал А. М. Василевского на должность начальника Генерального штаба. И. В. Сталин целиком разделял его мнение, так как считал А. М. Василевского одним из талантливейших учеников «шапошниковской школы». Все члены Ставки ВГК также были уверены, что широкий стратегический и оперативный кругозор, умение вести за собой большой и сложный коллектив, взаимопонимание с командующими фронтами помогут А. М. Василевскому усилить деятельность Генштаба.

Американский журнал «Тайм» от 5 июля 1943 г. в редакционной статье на основе анализа событий на советско-германском фронте дал оценку результатам формирования И. В. Сталиным «когорты выдающихся военачальников», первым из которых был назван Маршал Советского Союза А. М. Василевский. В статье ему были даны весьма лестные оценки как ближайшему соратнику И. В. Сталина в тот сложный период войны, и его портрет поместили на обложке журнала. «В критическое время штабные офицеры не сидят за своими столами, — отмечалось в журнале «Тайм». — В прошлом году Василевский, Жуков и Воронов отправились на поле боя для руководства контрнаступлением, которое привело к победе под Сталинградом; когда Василевский был брошен на Воронежский фронт, он возглавил там действия группы армий»[129].

Отличаясь редкостной работоспособностью, А. М. Василевский никогда не выпячивал себя, не подчеркивал свои заслуги, не претендовал на авторство идей. Зато он умел находить оптимальные решения в любой критической ситуации, убеждая других в правильности того или иного выбора силой логики, неопровержимой аргументацией. В каждой конкретной ситуации он мыслил стратегически, оперируя не сиюминутной информацией, а прогнозируя развитие событий на всем театре военных действий.

Характерной чертой полководческого почерка А. М. Василевского было его умение глубоко и всесторонне оценивать стратегическую обстановку, прогнозировать ее развитие, делать обоснованные выводы и рациональные предложения. Так, в мае 1942 г., оценивая общее соотношение сил сторон на южном крыле советско-германского фронта, он дважды предлагал Верховному главнокомандующему перейти на харьковском направлении к жесткой обороне, где в это время наступление советских войск развивалось на первый взгляд весьма успешно. И хотя ни И. В. Сталин, ни командующий Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко тогда не согласились с ним, прогноз А. М. Василевского оказался абсолютно верным: наступление пришлось прервать в невыгодной для советских войск обстановке. Советские войска понесли крупные потери. В свою очередь, противник получил возможность успешно развивать наступление в юго-восточном и южном направлениях. Для восстановления этого участка советско-германского фронта, который теперь угрожающе изгибался в сторону Кавказа и Сталинграда, потребовались колоссальные усилия.

Во второй половине 1942 и начале 1943 г. А. М. Василевский оказался на самом крутом изломе Великой Отечественной войны. Все началось с того, что в июле 1942 г. противник нанес сильный удар на сталинградском направлении. Положение становилось критическим. По мнению А. М. Василевского, которого И. В. Сталин направил на воронежское направление в качестве представителя Ставки ВГК, изменить ситуацию можно было лишь с помощью танковых войск. Он настаивал на немедленном нанесении контрудара по прорвавшимся войскам

вермахта наличными силами, не дожидаясь, пока 1-я и 4-я танковые армии соберутся в единый кулак, что противоречило всем военным канонам и укоренившимся взглядам. А. М. Василевскому потребовалось много сил, чтобы убедить в правильности такого решения командование фронта и Ставку ВГК, которые ссылались на нарушение принципа массирования сил и средств, а также на преждевременное расходование боевого потенциала танковых армий. Зато благодаря проведенному контрудару удалось сорвать план германского командования по захвату Сталинграда с ходу и выиграть время для создания прочной обороны города[130].

Еще в июле 1942 г. А. М. Василевский поручил Оперативному управлению Генерального штаба разработку планов контрнаступления советских войск под Сталинградом. Этот замысел был согласован с Г. К. Жуковым и доложен И. В. Сталину. В итоге Верховный главнокомандующий согласился с доводами своих ближайших военных соратников, предложивших провести контрнаступление с целью ликвидации сталинградской группировки вермахта, зажав ее в тисках окружения, и поручил Г. К. Жукову и А. М. Василевскому детально разработать план операции.

Уже с первых дней наступления советских войск, начавшегося 19 ноября 1942 г., А. М. Василевский не сомневался, что командование вермахта предпримет все возможное, чтобы оказать помощь окруженной в Сталинграде группировке и деблокировать ее. «Правильное использование войск советским командованием и их героические, решительные и искусные действия, — вспоминал А. М. Василевский, — привели осенью и зимой 1942 г. и в начале 1943 г. к изгнанию врага с захваченных им территорий на Северном Кавказе, Кубани и на Верхнем Дону, к прорыву блокады Ленинграда»[131]. За вклад в разгром группировки вермахта в районе Сталинграда А. М. Василевский был награжден орденом Суворова 1-й степени. Признанием его роли в этой битве стало звание Маршала Советского Союза, которое он получил через две недели после успешного завершения операции «Кольцо» и менее чем через месяц после присвоения ему воинского звания генерала армии.

История Великой Отечественной войны знает немало примеров совместной разработки и проведения А. М. Василевским и Г. К. Жуковым крупнейших операций. Так, 1 января 1943 г., когда в успешном завершении Сталинградской битвы никто уже не сомневался, А. М. Василевский был направлен на Воронежский фронт (командующий Ф. И. Голиков) для оказания помощи командованию при проведении наступательных операций на Верхнем Дону[132]. В войсках Воронежского и других фронтов А. М. Василевский пробыл до конца февраля, внеся огромный вклад в подготовку не только этой операции, но и других. Накануне проведения Острогожско-Россошанской операции в штаб Воронежского фронта прибыл заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г. К. Жуков, который впоследствии отмечал, что А. М. Василевский «никогда не ошибался в оценке обстановки», и признавал, что в Ставке его называли «военным мыслителем». Совместная работа двух выдающихся полководцев дала впечатляющие результаты: за 15 дней операции была окружена и разгромлена группировка из 15 дивизий противника, шесть его дивизий понесли большой урон, в плен были взяты 86 тыс. человек. Советские войска продвинулись в глубину на 140 км, освободив 22,5 тыс. кв. км своей территории[133].

При планировании кампаний и стратегических операций Генеральный штаб под руководством А. М. Василевского всегда учитывал всю совокупность политических, экономических, военных и географических факторов с таким расчетом, чтобы добиться наибольших военно-политических результатов. Так, поистине титаническую работу он провел при подготовке и в ходе операции на Курской дуге, продемонстрировав умение предвидеть ход вооруженной борьбы, правильно оценивать намерения неприятеля и навязывать ему свою волю. 12 апреля 1943 г. он вместе с Г. К. Жуковым докладывал Ставке ВГК свои соображения о предстоявшей летней кампании. После обсуждения пришли к выводу, что основные усилия сторон будут сосредоточены в районе Курска. Было решено, заблаговременно создав здесь глубоко эшелонированную оборону, измотать противника (разведка докладывала о готовившемся крупном наступлении) и разгромить в решительном контрнаступлении.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский во время подготовки Белорусской операции

Обстоятельства сложились так, что ожидавшееся наступление противника в районе Курского выступа почему-то не начиналось. Кое-кто стал сомневаться, следует ли в таких условиях придерживаться и впредь стратегии преднамеренной обороны. Командование Воронежского фронта выступило даже с предложением первыми предпринять наступление и нанести упреждающий удар по немецким войскам. А. М. Василевский, поддержанный Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским, решительно возразил против такой инициативы, которая не учитывала общее развитие событий на советско-германском фронте. Верховное главнокомандование всецело поддержало своего представителя, и Курская битва разворачивалась по намеченному плану. Весь пафос Курской битвы как раз и состоял в том, что у советского руководства, и в первую очередь у А. М. Василевского как разработчика плана и одного из руководителей действий в битве советских войск, была полная уверенность в ее успехе и неминуемости общего поражения нацистской Германии. Трещина, образовавшаяся в фашистском блоке в результате разгрома вермахта и его союзников под Сталинградом, уже не могла быть заделана ни при каких обстоятельствах, что и было закреплено победой Красной армии в Курской битве и развито в последующих ее операциях.

В летне-осенней кампании 1943 г. и зимне-весенней 1944 г. нанесением главного удара на юго-западном направлении достигались разгром наиболее крупных группировок противника и освобождение важных в политическом и экономическом отношении районов, а также создавались условия для вывода из вооруженной борьбы на стороне противника Румынии и Болгарии. Летом 1944 и зимой 1945 г. главный удар наносился на западном стратегическом направлении, где обеспечивались выход по кратчайшим путям к жизненно важным районам Германии и завершение ее разгрома.

Важной чертой полководческого таланта А. М. Василевского была гибкость его оперативно-стратегического мышления, основывавшаяся на непрерывном процессе оценки текущих данных обстановки. Он смело корректировал первоначальные планы в зависимости от складывающейся обстановки, в нужный момент решительно брал на себя ответственность за изменение направлений главных ударов фронтов, что играло существенную роль в успешном завершении операций. Так, в ходе Белорусской и Прибалтийской операций, сообразуясь с обстановкой, по его инициативе изменялось направление удара 1-го Прибалтийского фронта. Во время Сталинградской наступательной операции по его настоянию 2-я гвардейская армия, предназначавшаяся для участия в операции по уничтожению окруженной группировки противника, была по его личному решению использована для борьбы с деблокирующей группировкой Э. фон Манштейна[134].

Для полководческого почерка А. М. Василевского характерны решительность замысла, умелый выбор направления главного удара и наиболее эффективного способа ведения операции, к определению которых он всегда относился творчески, всесторонне учитывая все условия обстановки. Наиболее эффективными способами разгрома противника он считал окружение его крупных группировок с последующим их уничтожением, дробление и рассечение фронта врага в целях уничтожения его разобщенных группировок по частям, как это было в Сталинградской, Острогожско-Россошанской, Белорусской, Мемельской и ряде других операций, подготовка и проведение которых осуществлялись при его личном участии. В Белгородско-Харьковской операции им был применен глубокий фронтальный удар в целях рассечения группировки противника на части и развития наступления в сторону флангов. В операции по освобождению Левобережной Украины наносился ряд дробящих ударов с развитием их в сторону флангов.

Одной из наиболее сложных задач в деятельности А. М. Василевского была организация оперативно-стратегического взаимодействия сил и средств, участвующих в крупных операциях. Он был подлинным мастером организаторской работы в войсках. Так, при подготовке контрнаступления под Сталинградом в интересах достижения цели операции А. М. Василевский не только согласовывал действия фронтовых объединений, но и с присущей ему скрупулезностью работал в войсках. Он быстро и конкретно оказывал помощь командующим объединениями, разрешал на месте сложные вопросы взаимодействия фронтов и видов вооруженных сил, исходя из общего замысла Ставки на операцию.

Характеризуя полководческую деятельность А. М. Василевского, И. Х. Баграмян писал: «Познакомившись со стилем и методами его работы непосредственно во фронтовых условиях, я убедился в его умении необыкновенно быстро ориентироваться в обстановке, глубоко анализировать решения, принятые фронтовым и армейским командованием, умело исправлять недостатки, а также выслушивать и принимать аргументированные соображения подчиненных. А. М. Василевскому были присущи большой такт, высокая культура и вместе с тем волевые качества, необходимые полководцу»[135].

В ходе Восточно-Прусской наступательной операции (13 января — 25 апреля 1945 г.) под его командованием войска 3-го Белорусского фронта завершили разгром восточно-прусской группировки противника и штурмом овладели городом-крепостью Кёнигсберг. Ликвидация этой группировки значительно ослабила силы вермахта, ухудшила его общее оперативно-стратегическое положение на советско-германском фронте. В Восточной Пруссии А. М. Василевский с честью выдержал труднейший полководческий экзамен.

Вершиной полководческой деятельности, полководческим триумфом Маршала Советского Союза А. М. Василевского явилась советская кампания на Дальнем Востоке в войне с Японией. Обладавший природным аналитическим умом, способностью как никто другой проникнуть в суть военных событий, дать им объективную оценку, выработать оптимальное решение, он был по праву назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. Как начальник Генерального штаба, представитель и член Ставки ВГК он уже проявил выдающиеся способности в планировании и координации военных действий групп фронтов на самых различных участках вооруженного противоборства с фашистской Герма-

нией и ее сателлитами, успешно выдержал испытание руководством крупным фронтовым объединением в Восточной Пруссии.

Не принижая значения всего этого, следует отметить, что опыта непосредственного, ответственного руководства действиями нескольких стратегических объединений в ранге главнокомандующего у маршала все же не было. А тут новый Дальневосточный театр, только в сухопутной его части превышавший по площади территории главных агрессоров — Германии, Японии и Италии вместе взятых, новая, по сути, война в новых политических условиях, в ситуации, когда для неимоверно уставших от войны народов СССР только-только наступил долгожданный, завоеванный ценой огромных жертв и лишений мир. Совершенно иной была и стратегическая группировка войск — три фронта, флот, пограничные войска, значительные силы авиации и полная, единоличная ответственность за ход и исход этой войны. Советское руководство дало маршалу практически полную свободу действий по планированию и организации разгрома дальневосточного агрессора, и он блестяще справился с возложенной на него миссией, используя для этого весь свой опыт, накопленный в Великой Отечественной войне.

Дальневосточная кампания, блестящая по замыслу и воплощению, стала достойным завершением Второй мировой войны. Примером истинного военного таланта маршала А. М. Василевского явилась оригинальная по замыслу, размаху, динамичности, способу выполнения задач и конечным результатам Маньчжурская стратегическая наступательная операция (9 августа — 2 сентября 1945 г.), ставшая одним из самых ярких эпизодов Второй мировой войны[136].

Дальневосточная кампания проводилась в регионе, значительно отдаленном от экономических центров страны. Пространственный ее размах превосходил весь советско-германский фронт в 1,5–2 раза. Под руководством маршала А. М. Василевского была осуществлена беспрецедентная перегруппировка советских войск с запада на восток страны[137], спланированы, подготовлены и проведены беспрецедентная по масштабу, блестящая по исполнению стратегическая наступательная операция по разгрому миллионной японской Квантунской группировки войск, а также Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции.

Советское командование на Дальнем Востоке умело использовало конфигурацию линии фронта, имевшей глубоко выдававшийся на север выступ, для окружения всей вражеской группировки. Нанесение мощных ударов на флангах Квантунской группировки войск по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям в сочетании с вспомогательным ударом с севера обеспечивало глубокий охват основных сил противника, рассечение и уничтожение их по частям. Тщательная и всесторонняя подготовка операции и твердое управление войсками в ходе наступления (в условиях действий войск по разобщенным направлениям в высоких темпах) обеспечили успешное проведение крупнейшей в истории войн стратегической операции. В результате разгрома Квантунской группировки войск и потери военно-экономических баз в Китае и Корее Япония лишилась реальных сил и возможностей продолжать войну.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский был удостоен за Дальневосточную кампанию второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Полководец-герой не тот, кто добивается победы ценой любых жертв, а тот, кто умелыми подготовкой и руководством военными баталиями достигает ее с наименьшими потерями. Общие людские потери советских войск и сил флота в войне с Японией, составили 36 456 человек[138], а безвозвратные потери — менее 0,1% от численности всего личного состава Вооруженных сил Советского Союза, принявшего участие в кампании (это абсолютный рекорд за все годы войны)[139].

Американский объединенный комитет начальников штабов на опыте тяжелых боев за острова Тарава, Иводзима и Окинава рассчитывал положить на алтарь победы над Японией дополнительно 1 млн своих и 0,5 млн британских военнослужащих при японских потерях в 10 млн и более человек[140]. Талант А. М. Василевского помог спасти и эти жизни, предотвратив саму необходимость военных действий на территории агрессора.

Маршал А. М. Василевский, вложивший в подготовку и осуществление военных операций против Японии весь свой опыт управления крупными группировками советских войск

в Великой Отечественной войне против Германии, сумел продемонстрировать образец современной организации военных действий, с минимальными потерями и в кратчайшие сроки осуществить грандиозную Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, что привело к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии. Миллионам людей, обреченным на смерть в случае продолжения военных действий, была дарована жизнь.

А. М. Василевский — один из главных творцов Великой Победы в годы Второй мировой войны. Этот выдающийся военачальник принял в качестве руководителя Генерального штаба РККА и представителя, а затем и члена Ставки ВГК самое непосредственное участие в разработке и осуществлении всех без исключения стратегических операций Великой Отечественной войны. Высшей точкой его полководческого таланта стало планирование и руководство в качестве главнокомандующего вооруженными силами союзников в завершающей Дальневосточной кампании Второй мировой войны.

Генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов среди видных полководцев и военачальников Великой Отечественной войны занимает особое место. К сожалению, в послевоенные годы его мощная и колоритная фигура все больше уходила в тень. После себя он не оставил опубликованных мемуаров, журналисты же и литераторы в своих произведениях упоминали его нечасто, а в большинстве воспоминаний известных военачальников о нем говорится хоть и неизменно благожелательно, но в то же время довольно скупо. Между тем А. И. Антонов обладал редким талантом штабного работника высшего, стратегического уровня. Вся его жизнь и служба складывались так, словно специально готовили его к взлету на вершину военной карьеры — пост начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Родился А. И. Антонов 15 сентября 1896 г. в семье артиллерийского офицера, командовавшего батареей в Гродно. Отец умер в 1908 г., а в 1914 г. юноша лишился и матери. Материальное положение его было настолько трудным, что, поступив в 1915 г. в Петербургский университет, он уже через год вынужден был оставить учебу и пойти работать на завод. С 1916 г. он связал свою жизнь с военной службой: его призвали в армию и как бывшего студента направили в Павловское военное училище, ускоренный курс которого будущий видный военачальник через год закончил в звании прапорщика.

Службу в Красной армии А. И. Антонов начал с должности помощника начальника штаба 1-й Московской рабочей дивизии, сражавшейся на Южном фронте. В июле 1919 г. дивизия из-за больших потерь была расформирована, а ее части сведены в бригаду, вошедшую в состав 15-й стрелковой дивизии. Став начальником штаба бригады, А. И. Антонов в этом качестве участвовал в ряде крупных операции на юге России: в форсировании Днепра у Каховки, Сиваша и взятии Крыма. Примечательно, что во время его службы в этой дивизии ею в разное время командовали такие известные военачальники Гражданской войны, как Я. Я. Лацис, М. В. Сангурский, А. И. Седякин, Э. А. Лепин. Молодому штабному работнику было у кого поучиться.

После Гражданской войны А. И. Антонов успешно закончил основной (командный) факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе, а в 1932 г. поступил на ее оперативный факультет, созданный по предложению начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова годом раньше для подготовки работников оперативных органов управления войсками. Через год, закончив обучение, он возвратился на должность начальника штаба 46-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа, а еще через три года, в 1936 г., в числе первых 137 человек был принят в только что созданную Военную академию Генерального штаба РККА. Все слушатели академии имели солидный командный стаж и отличные аттестации. Многие из них участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах, имели высшее военное образование. На одном курсе с А. И. Антоновым учились будущие Маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, М. В. Захаров, Л. А. Говоров, будущие генералы армии Н. В. Ватутин, В. В. Курасов, М. И. Казаков, П. А. Курочкин, Г. К. Маландин и многие другие, в годы Великой Отечественной войны командовавшие фронтами и армиями или занимавшие ответственные посты в высших штабах и центральном аппарате.

А. И. Антонов

Однако закончить учебу полковнику А. И. Антонову так и не пришлось. Он был назначен на одну из ответственнейших должностей в системе Наркомата обороны — начальником штаба Московского военного округа, но на этом посту прослужил недолго. В 1938 г. (без каких-либо причин и со значительным понижением) он был направлен старшим преподавателем кафедры общей тактики в Военную академию имени М. В. Фрунзе. И здесь А. И. Антонов отдался новой работе с присущими ему добросовестностью и талантом, что не могло быть не замечено руководством: уже через год он стал начальником этой кафедры, а в июне 1940 г. ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

В марте 1941 г. А. И. Антонов был направлен на должность заместителя начальника штаба Киевского особого военного округа. В предгрозовые месяцы кануна войны в войсках округа проводились крупномасштабные мероприятия: формировались новые части и соединения, шел прием войск, поступавших из внутренних округов, проводились комплектование новых органов управления, переписка мобресурсов и техники по новой структуре войск, решались многие другие вопросы. Служебные обязанности требовали от А. И. Антонова предельной самоотдачи, умения четко спланировать и организовать работу самых разнообразных армейских управленческих структур, их взаимодействие с местными и республиканскими партийными и советскими органами. А. И. Антонов успешно справлялся и с этой нелегкой задачей.

Перед самой войной из части личного состава штаба округа формировалось полевое управление Юго-Западного фронта. Генерал А. И. Антонов возглавил штаб округа. На плечи оставшихся офицеров штаба в первые недели войны легли задачи подготовки резервов, обеспечения подвоза фронту пополнения, оружия, горючего и продовольствия. Управлению округа пришлось также заниматься переброской мобилизационных ресурсов на восток, эвакуацией военных баз и складов, оказанием помощи местным органам в эвакуации заводов и фабрик. Сегодня трудно даже представить сложность этой работы в условиях, когда немецкие войска стремительно продвигались в глубь нашей страны, ежедневно захватывая огромные территории: железнодорожные узлы и транспортные коммуникации, важные

промышленные и военные объекты, расположенные в пределах округа, подвергались регулярным массированным бомбардировкам с воздуха; тысячи людей, иногда организованно, а большей частью стихийно, перемещались по дорогам. И тем не менее штаб Киевского особого военного округа во главе с А. И. Антоновым в этой сложнейшей обстановке делал все возможное, чтобы выполнить возложенные на него задачи.

В конце августа А. И. Антонову было поручено возглавить группу формирования вновь создаваемого штаба Южного фронта, базой для которого стало управление Московского военного округа, и ему довелось встретиться со многими бывшими сослуживцами. В качестве начальника штаба Южного фронта он принял участие в планировании и осуществлении Донбасской операции 1941 г., в ходе которой была сорвана попытка командования группы армий «Юг» окружить и уничтожить советские войска в Донбассе. Почти без оперативной паузы фронт провел Ростовскую оборонительную операцию, нанеся серьезный урон группе армий «Юг». Не все в этих операциях получалось так, как задумывалось: у фронта было слишком мало сил, а у бойцов, командиров и штабов мало опыта, слишком много ошибок допускали органы управления. Но именно в этих сложных условиях проявились такие качества А. И. Антонова, как умение быстро и со знанием дела разобраться в непрерывно меняющейся обстановке, грамотно оформить планирующие документы, четко и своевременно поставить задачи подчиненным и проконтролировать их выполнение.

Наконец, 17 ноября — 2 декабря 1941 г. войска Южного фронта осуществили успешное контрнаступление под Ростовом, которое стало первой стратегической наступательной операцией Красной армии в Великой Отечественной войне. В ходе его был сорван замысел врага еще в 1941 г. прорваться на Северный Кавказ и упрочено положение южного крыла фронта в момент перехода наших войск в контрнаступление под Москвой. 13 декабря 1941 г. за успешные действия в Ростовской операции А. И. Антонов был удостоен одной из высших в то время наград — ордена Красного Знамени, а через две недели ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Затем последовали Барвенковско-Лозовская операция, Харьковское сражение и Донбасская операция. Эти наиболее крупные операции конца 1941 — начала 1942 г. дали А. И. Антонову богатый опыт руководства деятельностью штаба фронта как в обороне, так и в наступлении. В июле 1942 г., когда вновь резко обострилась обстановка на юге, он был назначен начальником штаба Северо-Кавказского, через два месяца — Закавказского фронта, а еще через два — Черноморской группы войск. Все эти перемещения диктовались оперативной обстановкой: враг упорно рвался к Кавказу, и на формирования, штабы которых последовательно возглавлял А. И. Антонов, возлагалась трудная задача — сдержать вражеский натиск. В результате проведенных крупных операций советских войск на южном крыле стратегического фронта, не допустивших прорыва немцев в Закавказье, удалось стабилизировать положение и подготовиться к контрнаступлению. За участие в обороне Кавказа А. И. Антонов был удостоен еще одного ордена Красного Знамени.

В декабре 1942 г. начался наиболее яркий период в служебной биографии А. И. Антонова. По предложению А. М. Василевского он был выдвинут на должность начальника Оперативного управления — заместителя начальника Генерального штаба, что стало признанием высоких деловых качеств и способностей сорокашестилетнего генерала. В вооруженных силах нет структуры с большим объемом функций и многообразием выполняемых задач, чем Генеральный штаб. В годы войны он, являясь основным рабочим органом Ставки Верховного главнокомандования, осуществлял огромный объем работы по стратегическому планированию и руководству вооруженной борьбой. Работники Генерального штаба должны были досконально знать обстановку на фронте, на основе ее анализа готовить выводы и предложения Ставке, оформлять ее решения в виде планов кампаний и операций, доводить до войск и контролировать выполнение директив и распоряжений Верховного главнокомандования, организовывать взаимодействие между фронтами, координировать работу по подготовке резервов и своевременной отправке их в действующую армию, решать бесконечное множество больших и малых задач, связанных с боевыми действиями на огромном фронте.

Значительная часть этой работы ложилась на плечи офицеров и генералов Оперативного управления, которое являлось, по существу, интегратором большинства функций, выполняемых Генеральным штабом. Именно сюда стекались все данные о положении дел на фронтах, состоянии войск и резервов. Здесь прогнозировались намерения и возможные действия противника, составлялись оперативные сводки, разрабатывались планы операций и все расчеты к ним, оформлялись для доклада руководству проекты директив фронтам, делалось многое другое, в конечном итоге выливавшееся в то, что называется стратегической операцией. За полтора года, с начала войны и до конца 1942 г., эту должность занимали или временно исполняли девять генералов. С. М. Штеменко, работавший в то время в Генеральном штабе, отмечал: «...частая смена начальников Оперативного управления создала у нас атмосферу нервозности, из-за чего нередко нарушалась четкость в работе»[141].

После занятия А. И. Антоновым должности начальника Оперативного управления И. В. Сталин поначалу отнесся к нему настороженно. Всего через три недели после прибытия на новую должность, едва успев ознакомиться с оперативной обстановкой на фронтах и с подчиненными, А. И. Антонов был направлен в командировку в помощь А. М. Василевскому, координировавшему действия войск на воронежско-курском и харьковском направлениях. Два с половиной месяца провел А. И. Антонов на Воронежском, Брянском и Центральном фронтах. Сложившаяся здесь обстановка была непростой: замысел Ставки Верховного главнокомандования предусматривал вслед за победой под Сталинградом расширение фронта стратегического наступления Красной армии и проведение крупной стратегической операции по разгрому вражеской группы армий «Центр». Но ряд объективных причин помешал осуществлению этого замысла. Однако работа А. И. Антонова на фронтах западного направления была плодотворной. Его доклад И. В. Сталину по возвращении в Москву отличался глубоким анализом обстановки, точностью выводов и конкретностью предложений, то есть всем тем, что так ценил в работниках Верховный главнокомандующий.

С этого времени А. И. Антонов стал одним из ближайших военных помощников И. В. Сталина. 6 апреля 1943 г., через десять дней после возвращения из командировки, подпись А. И. Антонова впервые появилась на директиве Ставки рядом с фамилией Верховного главнокомандующего. Доклады начальника Оперативного управления И. В. Сталину стали регулярными. Именно ему удалось убедить И. В. Сталина подписать документ, регламентирующий внутреннюю работу Ставки, Генерального штаба и самого Верховного главнокомандующего. В нем было точно определено, когда, кто и каким способом докладывает Верховному главнокомандующему обстановку на фронтах, устанавливался порядок подготовки и утверждения директивных документов, сроки обработки информации, получения донесений с фронтов и из управлений Наркомата обороны. В соответствии с этим документом первый доклад Верховному главнокомандующему производился в 10–11 часов (обычно по телефону), а в 16–17 часов А. И. Антонов с картами масштабом 1:200 000 по каждому фронту с нанесенной обстановкой до дивизии, а то и до полка подробно докладывал о действиях войск и намерениях командующих. Вскоре И. В. Сталин оценил преимущества четкого распорядка работы Ставки. Помимо этого распоряжением по Генеральному штабу А. И. Антонов установил единый порядок отработки рабочих документов и карт, что позволило любому сотруднику без труда разобраться в них даже при отсутствии автора.

Военный человек хорошо знает цену этим, казалось бы, мелочам: в военном, как, впрочем, и любом другом деле, неорганизованность, постоянное дерганье людей, нечеткое обозначение функциональных обязанностей резко снижает эффективность работы. И меры, принятые А. И. Антоновым, существенно подняли организованность в работе Генерального штаба и штабную культуру сотрудников, что не могло не сказаться на повышении уровня всей деятельности главного рабочего органа Ставки. «Мы поняли, — вспоминал С. М. Штеменко, — что новый начальник Оперативного управления представляет именно то, что нужно Генштабу»[142].

В значительной степени росту эффективности работы всех органов управления, которыми довелось руководить А. И. Антонову, способствовали его личные качества. Все, кто

знал этого человека, отмечали его выдержку, спокойствие в любой обстановке, тактичность и вежливость в общении с подчиненными.

Хорошо понимая значение четкой организации в работе всех звеньев управления, А. И. Антонов разработал еще один документ. 18 мая 1943 г. Ставка за подписью И. В. Сталина и А. И. Антонова направила в войска директиву об организации управления войсками в звене армия — корпус — дивизия, где были отмечены более всего недостатки. Настолько подробно, насколько это возможно в документе такого рода, в нем разъяснялись задачи и обязанности командиров дивизий и корпусов, командующих армиями. В условиях, когда большинство из них находились в должностях непродолжительное время, не имели необходимого опыта, значение этого документа трудно переоценить.

Внимание к обобщению опыта войны, обучению на его основе офицерских кадров всегда отличало деятельность А. И. Антонова. Именно по его инициативе в начале 1944 г. отдел по использованию опыта войны Генерального штаба был развернут в управление. Оно проделало огромную работу по созданию наставлений, инструкций, руководств и пособий для офицеров по важнейшим вопросам управления войсками, использования возросшей ударной и огневой силы частей и соединений, а также по выпуску сборников документов, памяток воинам и других материалов. Все это сыграло положительную роль в совершенствовании боевой и оперативно-тактической подготовки личного состава действующей армии.

Наряду с этим важно отметить, что, являясь начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба, А. И. Антонов фактически исполнял обязанности начальника Генерального штаба. Дело в том, что маршал А. М. Василевский, занимавший этот пост, значительную часть времени проводил в действующей армии в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования. Например, за весь 1943 г. он находился в Москве в общей сложности менее двух месяцев, периодически появляясь там по вызову И. В. Сталина на несколько дней и вновь убывая то на один, то на другой фронт. Совмещать должности даже при исключительной работоспособности А. И. Антонова, установившего себе в упоминавшемся распорядке работы Генерального штаба 17–18-часовой рабочий день, естественно без отпусков и выходных, было неимоверно трудно. Это понимал и Верховный главнокомандующий. В мае 1943 г. А. И. Антонов был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба, а начальником Оперативного управления стал его заместитель генерал С. М. Штеменко.

Ни одна военная кампания, ни одна стратегическая операция Красной армии не проводилась без активнейшего участия А. И. Антонова в ее планировании и подготовке. Следует отметить, что жесткие требования секретности вынуждали его, как, впрочем, и других высших военачальников, лично отрабатывать большую часть планирующих документов: карт, проектов директив, основных расчетов и прочего. И чем крупнее намечалась операция, а следовательно, чем больший объем работы предстояло исполнить, тем меньший круг людей привлекался к ее разработке. Нередко это были только Г. К. Жуков, А. М. Василевский и А. И. Антонов.

Вот что вспоминал об одном из наиболее характерных эпизодов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, участвовавший в подготовке плана действий советских войск на Курской дуге: «Весь день 12 апреля мы с Александром Михайловичем Василевским и его заместителем Алексеем Иннокентьевичем Антоновым готовили нужные материалы для доклада Верховному главнокомандующему. С раннего утра все трое засели за порученную нам работу, и, так как между нами было полное взаимопонимание, все к вечеру было готово. А. И. Антонов кроме всех своих других достоинств обладал блестящим умением оформлять материал, и пока мы с А. М. Василевским набрасывали план доклада И. В. Сталину, он быстро подготовил карту обстановки, карту-план действии фронтов в районе Курской дуги»[143]. Разумеется, эта работа была логическим завершением длительных предварительных раздумий, прикидок, всестороннего анализа обстановки не только на Курской дуге, но и на всем фронте, тщательной оценки возможностей наших войск, а также намерений и возможностей противника.

После утверждения плана Ставкой на А. И. Антонова легла огромная работа по подготовке всех мероприятий, исходных данных и расчетов к сражению: планов перегруппировки войск, организации глубоко эшелонированной обороны, выдвижения стратегических резервов, накопления сил и средств, а также оценка представленных фронтами документов, всесторонний анализ многочисленных данных о противнике, полученных от агентурной и войсковой разведки, от партизан, из других источников, осуществление оперативной маскировки и многое другое. Как известно, Курская битва закончилась сокрушительным разгромом немецких войск. Большой личный вклад А. И. Антонова в подготовку и проведение этой выдающейся операции был отмечен присвоением ему в августе 1943 г. звания генерала армии и награждением орденом Суворова 1-й степени.

Несколько месяцев спустя А. И. Антонов принял активное участие в планировании летне-осенней кампании 1944 г., отличавшейся исключительно решительными целями и небывалым размахом. Он обобщал предложения командования фронтов, в том числе по таким принципиальным вопросам, как направление главных ударов, и докладывал Ставке содержание замыслов операций, которые, как правило, принимались без возражений. Вклад А. И. Антонова в разработку и проведение Белорусской, Ясско-Кишинёвской и ряда других важнейших наступательных операций был отмечен награждением орденом Кутузова 1-й степени и вторым орденом Суворова 1-й степени.

К этому времени И. В. Сталин уже хорошо знал всегда подтянутого, немногословного, точного в докладах и выводах генерала и вполне оценил его широкий оперативно-стратегический кругозор, смелость в суждениях, правдивость, твердость в отстаивании своего мнения, все больше доверяя ему. Выражением этого доверия стало включение А. И. Антонова в состав советской делегации на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, Великобритании и США (4–11 февраля 1945 г.). А. И. Антонов, возглавлявший советских военных экспертов и работавший в группе представителей штабов трех держав, сделал доклад о положении на советско-германском фронте, высоко оцененный участниками конференции. «Сталин знал, кого брать, — вспоминал С. М. Штеменко, — Алексей Иннокентьевич в то время был, пожалуй, наиболее подготовленным для этой цели военным руководителем. Он был в курсе событий на всех фронтах, ему были хорошо известны планы советского командования и в пределах возможного — намерения союзников и все вопросы взаимодействия с ними»[144].

Это было не первое участие А. И. Антонова в военно-дипломатической работе. Генеральному штабу пришлось решать большой объем задач, связанных с формированием на территории нашей страны иностранных соединений и частей. В правительство и Ставку вносились тщательно проработанные предложения по структуре, численности, размещению, обучению, материальному обеспечению и боевому применению этих формирований, которые оформлялись в качестве руководящих решений высших органов руководства страны, а затем и соответствующих директив Ставки. Начиная с 1943 г. почти под каждым из таких документов стоит подпись А. И. Антонова.

На заключительном этапе войны его военно-дипломатическая работа приобрела новый размах. Генеральному штабу пришлось рассматривать и решать многие проблемы организации взаимодействия советских войск с войсками союзников. Всё это, помимо большой координационной работы, требовало от А. И. Антонова регулярных встреч с начальниками и членами различных зарубежных военных миссий и делегаций. В дальнейшем накопленный опыт очень пригодился ему на одном из постов, который он занимал в последние годы жизни.

В феврале 1945 г. генерал армии А. И. Антонов был назначен начальником Генерального штаба вместо Маршала Советского Союза А. М. Василевского, вступившего в командование 3-м Белорусским фронтом после гибели генерала армии И. Д. Черняховского. Работа на этой должности стала апогеем военной деятельности А. И. Антонова. Одновременно он официально был назначен членом Ставки Верховного главнокомандования, в работе которой принимал непосредственное участие уже в течение двух лет. В этом новом качестве А. И. Антонов участвовал в планировании и проведении завершающих операций Великой

Отечественной войны, в частности таких крупных, как Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Венская, Верхне- и Нижнесилезская. В их ходе были разгромлены основные группировки врага и освобождены Польша, Венгрия, значительная часть Чехословакии и Австрии, советские войска захватили плацдарм на левом берегу Одера в районе Кюстрина, откуда до Берлина по прямой оставалось около 40 км.

С предельным напряжением работали Генеральный штаб и его начальник в дни подготовки и проведения Берлинской операции, к которой привлекались войска трех фронтов, часть сил Балтийского флота, Днепровская военная флотилия и три корпуса ПВО страны. Для ее обеспечения понадобилось огромное количество боеприпасов, обмундирования, продовольствия и других материальных средств. Это требовало от Генштаба тщательнейшей проработки всех вопросов, связанных с перегруппировкой войск, поставкой на фронты резервов, боевой техники, вооружения и боеприпасов, координации действий фронтов. Задача усложнялась еще и тем, что в это время на большинстве фронтов уже не было института представителей Ставки ВГК. Фронтами на главных направлениях командовали талантливые полководцы, приобретшие за годы войны богатый опыт: Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев. При достаточном количестве сил и средств, существенно сократившейся протяженности советско-германского фронта надобность в промежуточном звене управления войсками отпала. Тем не менее вопросы организации взаимодействия фронтов ложились на Генеральный штаб, и прежде всего на его начальника. А. И. Антонов умело решал все проблемы. 1 апреля 1945 г. он в присутствии командующих фронтами Г. К. Жукова и И. С. Конева докладывал Верховному главнокомандующему общий план Берлинской операции, разработанный с учетом предложений командующих. План был утвержден, и 16 апреля началось одно из крупнейших наступлений Красной армии.

В результате ожесточенного сражения Берлин был взят 2 мая, и Генеральный штаб без промедления начал подготовку к проведению заключительной операции Великой Отечественной войны — Пражской. Общий ее замысел докладывал Верховному главнокомандующему опять же А. И. Антонов, и вновь план был утвержден практически без изменений. 9 мая Великая Отечественная война победоносно завершилась. В июне А. И. Антонов был награжден высшим полководческим орденом «Победа».

Однако напряжение в работе Генерального штаба, а тем более его начальника не спало: как известно, на Крымской (Ялтинской) конференции было принято соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции вермахта. Предварительные расчеты на этот случай в Генеральном штабе во главе с А. И. Антоновым производились несколькими сотрудниками еще в сентябре 1944 г., но детальная разработка плана началась в мае 1945 г., незадолго до Потсдамской конференции. За две недели до нее Ставка утвердила план, что и дало главе советской делегации основание столь уверенно обозначить сроки начала войны с Японией.

Созданное решением Ставки Главное командование советских войск на Дальнем Востоке возглавил Маршал Советского Союза А. М. Василевский, и в скоротечной войне с Японией вмешательство Генерального штаба в ход военных действий было минимальным. В то время внимание его работников было сконцентрировано на разработке планов демобилизации — одной из ответственейших и очень нелегких послевоенных задач. Предстояло, сохраняя вооруженные силы в количестве и качестве, обеспечивавших надежную безопасность страны, возвратить в народное хозяйство максимальное число увольняемых. Кроме того, нужно было определить последовательность увольнения многочисленного контингента с учетом возможностей групп войск, округов и флотов, обеспечить демобилизуемых всеми видами довольствия и переброску их транспортом в соответствующие республики и области и еще многое другое. 23 июня 1945 г. Верховный Совет СССР по докладу А. И. Антонова принял закон о демобилизации из армии и флота военнослужащих тринадцати старших возрастов.

Вскоре после окончания войны началась реорганизация армии, в том числе и структур высших военных органов. Произошли изменения и в составе руководства вновь образованного Наркомата (с марта 1946 г. — Министерства) Вооруженных сил СССР. 25 марта 1946 г.

на пост начальника Генерального штаба возвратился А. М. Василевский, а А. И. Антонов вновь стал его первым заместителем и оставался им два с половиной года.

В ноябре 1948 г. А. И. Антонов неожиданно для многих был назначен на должность заместителя командующего Закавказским военным округом. В это время министром Вооруженных сил СССР был Н. А. Булганин, не имевший ни военного образования, ни командного или штабного опыта работы, а в армии к моменту назначения на этот высокий пост прослуживший менее пяти лет. Скорее всего, перемещение А. И. Антонова на сравнительно невысокий в масштабах вооруженных сил пост, к тому же во второстепенный по тому времени округ, явилось следствием интриг в высших эшелонах власти. Определенные симптомы охлаждения И. В. Сталина к одному из своих ближайших сотрудников были очевидны: А. И. Антонов, единственный из одиннадцати советских кавалеров ордена «Победа», не получил ни звания Героя, ни звания Маршала Советского Союза, хотя заслуги его в деле достижения победы в войне бесспорны.

Однако А. И. Антонов продолжал трудиться с присущей ему добросовестностью и самоотдачей. Став в 1950 г. командующим войсками округа, он сосредоточил усилия на совершенствовании боевой подготовки соединений и частей с учетом специфики театра военных действий и оснащения войск новой техникой и вооружением. В округе под его руководством регулярно проводились командно-штабные и войсковые учения и тренировки, из года в год совершенствовались полевая выучка и горная подготовка воинов.

В апреле 1954 г. А. И. Антонов возвратился на должность первого заместителя начальника Генерального штаба и был включен в состав коллегии Министерства обороны, а в мае следующего года стал начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Робертс Дж.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953. М., 2014. С. 30.
[2] *Overey R.* Why the Allies Won. L., 1995. P. 259.
[3] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М., 1963. С. 381–382.
[4] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 446.
[5] *Хрулёв А. В.* Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 66.
[6] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
[7] *Малышев В.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 5. С. 117–119.
[8] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 103; Д. 20. Л. 218.
[9] Цит. по: *Робертс Дж.* Указ. соч. С. 28.
[10] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 10. М., 2014. С. 77–80.
[11] Цит. по: *Павленко Н. Г.* Размышления о судьбе полководца. М., 1989. С. 48–49.
[12] *Куманёв Г. А.* Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства. М., 1999. С. 359.
[13] *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 37, 45.
[14] *Анфилов В. А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 25.
[15] «Чего стоят полководческие качества Сталина». Непроизнесенная речь маршала Г. К. Жукова // Источник. 1995. № 2. С. 147–148.
[16] Там же. С. 149.
[17] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 220.
[18] Там же. Кн. 1. С. 127.
[19] Там же. С. 126.
[20] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 515.
[21] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1988. С. 227.
[22] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., доп. Т. 2. М., 1990. С. 107–108.
[23] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1988. С. 229.
[24] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 332.
[25] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 193.
[26] *Песков В. М.* Война и люди. 2-е изд. М., 1979. С. 54.
[27] См.: Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 63–64.
[28] Источник. 1995. № 2. С. 152–153.
[29] *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 58.
[30] *Робертс Дж.* Указ. соч. С. 5.
[31] Цит. по: Вестник Российской Академии наук. Т. 83. 2013. № 10. С. 901–902.
[32] 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М., 1996. С. 216.
[33] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 386–387.
[34] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. М., 2002. С. 67.
[35] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3-х т. Т. 2. М., 2002. С. 355.
[36] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 145.

[37] Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 177.
[38] *Куманёв Г. А.* Указ. соч. С. 10.
[39] Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 182–183.
[40] Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 2. М., 1998. С. 30–31.
[41] Международная жизнь. 1991. № 5. С. 103.
[42] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. С. 273.
[43] *Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 98–99.
[44] Цит. по: *Куманёв Г. А.* Указ. соч. С. 404–405.
[45] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 326.
[46] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 10. М., 2014. С. 73.
[47] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 112.
[48] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 165.
[49] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 17.
[50] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 509.
[51] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. 24. М., 2000. С. 14.
[52] Там же. С. 39.
[53] Там же. С. 46–48.
[54] Там же. С. 145.
[55] Там же. С. 341.
[56] Цит. по: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 157.
[57] Документы внешней политики СССР. 2 января — 30 декабря 1942. Т. 24. Кн. 1. М., 2010. С. 392.
[58] Цит. по: *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 207–208.
[59] Там же. С. 231.
[60] Документы внешней политики СССР. 2 января — 30 декабря 1942. Т. 25. Кн. 1. М., 2010. С. 467–471.
[61] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1978. С. 311.
[62] Цит. по: *Медведев Р. А.* Они окружали Сталина. М., 2012. С. 17.
[63] *Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 98–99.
[64] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 241–242.
[65] *Куманёв Г. А.* Указ. соч. С. 12.
[66] *Каганович Л. М.* Памятные записки. М., 1996. С. 504.
[67] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 567.
[68] Там же. С. 565.
[69] *Чуев Ф. И.* Член Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов // Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 435–436.
[70] Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. Коммунарка — Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С. 495.
[71] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2010. С. 323–341.
[72] А. И. Микоян утверждал (по мнению историков, безосновательно), что именно Л. П. Берия 30 июня 1941 г. на совещании в Кремле у В. М. Молотова выступил инициатором создания ГКО (*Куманёв Г. А.* Указ. соч. С. 29, 31).
[73] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.
[74] Там же. Л. 103.
[75] Там же. Д. 16. Л. 96.
[76] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 31.
[77] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 218–219.
[78] Там же. Д. 21. Л. 39, 94.
[79] Там же. Д. 72. Л. 165.
[80] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 43, 45, 47–48.

[81] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 481.
[82] *Некрасов В. Ф.* НКВД — МВД и атом. М., 2007. С. 192.
[83] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 372–373.
[84] Там же. С. 337.
[85] Там же. С. 366.
[86] Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 474.
[87] Там же. С. 474.
[88] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 279.
[89] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 229.
[90] Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 564–565.
[91] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 102–103; Государственная безопасность России: история и современность. С. 567.
[92] Государственная безопасность России: история и современность. С. 566.
[93] 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 474.
[94] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 136–137.
[95] Там же. С. 518.
[96] Там же. С. 464–465.
[97] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.
[98] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. М., 2013. С. 620.
[99] Там же. С. 717.
[100] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 458. Л. 27.
[101] Во главе лаборатории был поставлен академик И. В. Курчатов.
[102] РГАСПИ. Ф. 644. Оп 2. Д. 422. Л. 24.
[103] Цит. по: *Поздняков В. В.* Тайная война Иосифа Сталина: советские разведывательные службы в США накануне и в начале холодной войны. 1943–1953 // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 190.
[104] *Некрасов В. Ф.* Указ. соч. С. 27.
[105] Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 336.
[106] Существует также неофициальная версия (в частности, высказанная Серго Берией) о том, что его отец был убит при аресте либо в Кремле, либо в своем особняке на Большой Садовой улице, ныне — Малая Никитская улица, 28/1.
[107] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 224, 293.
[108] Цит. по: Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 411.
[109] *Сухомлинов А. В.* Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003. С. 387–398.
[110] Цит. по: Там же. С. 451.
[111] *Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н.* Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994. С. 40–41.
[112] Цит. по: *Некрасов В. Ф.* Указ. соч. С. 125–126.
[113] Маршал Победы. К 100-летию Г. К. Жукова. М., 1996. С. 220–322.
[114] «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.,1967. С. 270.
[115] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 129–130.
[116] Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 270.
[117] *Песков В. М.* Указ. соч. С. 54.
[118] Решением Ставки ВГК от 10 октября 1941 г. войска Резервного фронта были переданы в состав Западного фронта, командование которым было поручено Г. К. Жукову.
[119] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. М., 1995. С. 181.

[120] *Светлишин Н. А.* Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г. К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 275.

[121] *Афанасьев В. А.* Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 284–288.

[122] *Афанасьев В. А., Тихонов М. Л.* Г. К. Жуков: военные кадры — основа обороноспособности страны // Обозреватель-Observer. 2009. № 8. С. 108–120.

[123] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 3. Л. 3–5.

[124] *Жуков Г. К.* Великие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории // Роман-газета. 1994. № 18. С. 107 (публикация журнала «Коммунист». 1970. № 1).

[125] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 76.

[126] *Куличкин С. П.* Генштаб полагает... М., 1995. С. 13, 29.

[127] Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). М., 2008. С. 37.

[128] *Куличкин С. П.* Указ. соч. С. 78.

[129] Time. 1943. July 5.

[130] См.: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 129–130.

[131] Цит. по: Там же. С. 179.

[132] *Афанасьев В. А.* Советские командующие фронтами в основных операциях Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 6.

[133] *Зимонин В. П.* Верность традициям: Вооруженные силы СССР в войне против Японии. М., 1989. С. 116.

[134] См: *Зимонин В. П.* Маршал Василевский: полководец, поставивший последнюю точку во Второй мировой войне. М., 2007. С. 32–33; Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 150–152.

[135] *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 51.

[136] *Зимонин В. П.* Маршал Василевский: полководец, поставивший последнюю точку во Второй мировой войне. С. 42.

[137] На расстояние 9–12 тыс. км за три месяца (май — начало августа) перебрасывались два управления фронта (Карельский и 2-й Украинский), три общевойсковые армии (5, 39 и 53-я), 6-я танковая армия, две артиллерийские дивизии прорыва, семь зенитно-артиллерийских дивизий, 136 бригад и полков различных родов войск. Всего — свыше 100 соединений различных родов войск, более 500 тыс. человек, свыше 11 тыс. орудий и минометов, 2340 танков и САУ, 1400 боевых самолетов (см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. С. 470–471).

[138] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223.

[139] Три маршала Победы (По материалам конференций, посвященных 100-летиям со дня рождения маршалов СССР Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского). М., 1999. С. 250.

[140] Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Washington, 1949. P. V111; The Japan Times. 1984. August 15; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 545.

[141] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 53.

[142] Военно-исторический журнал. 1966. № 8. С. 42–43.

[143] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 3. С. 21–22.

[144] Цит. по: *Гаглов И. И.* Генерал армии А. И. Антонов. М., 1987. С. 126.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Победа без мира: оккупационные зоны как пролог холодной войны

В соответствии с «Декларацией о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и временным правительством Франции», подписанной 5 июня 1945 г. в Берлине, союзники установили в Германии систему военной администрации. Она состояла из оккупационных администраций четырех зон и объединенного союзнического органа — Контрольного совета.

Контрольный совет занимал особое место в системе союзнической администрации. Статья 3 «Соглашения о контрольном механизме в Германии», принятого Европейской консультативной комиссией 14 ноября 1944 г., определила его статус и полномочия. Три главнокомандующих союзными армиями, действуя совместно, должны были образовать верховный орган — Контрольный совет, на который возлагались: обеспечение соответствующей согласованности в действиях главнокомандующих союзными войсками в их зонах оккупации; выработка планов и достижение согласованных решений по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии, на основании инструкций, полученных каждым главнокомандующим от своего правительства; контроль над германской центральной администрацией, действующей под руководством Контрольного совета и ответственной за обеспечение выполнения его требований[1]. Политически и юридически Контрольный совет являлся верховным органом союзнической оккупационной администрации и вместе с тем органом верховной власти союзников в Германии в период ее оккупации, при этом он обладал законодательными функциями: издавал законы, приказы, директивы, обращения и другие правовые акты, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность администраций оккупационных зон союзников и регламентировалась жизнедеятельность всех лиц, проживавших в Германии.

Межсоюзническими соглашениями были четко определены организационная структура и порядок работы Контрольного совета. Его рабочим органом являлся Координационный комитет, решавший ряд сложных задач, связанных с проведением в жизнь решений Контрольного совета, повседневным наблюдением и контролем деятельности соответствующих немецких административных учреждений, согласованием текущих вопросов, требовавших единообразных мероприятий во всех оккупационных зонах, а также отвечал за предварительное рассмотрение и подготовку для Контрольного совета вопросов, поднимавшихся отдельными главноначальствующими. Координационный комитет состоял из заместителей главноначальствующих военных администраций[2].

У. Черчилль, Г. Трумэн и И. В. Сталин перед началом Потсдамской конференции 1945 г.

Женщины-военнослужащие армии США отдают честь советской регулировщице у Бранденбургских ворот

В систему Контрольного совета входило 12 директоратов (отделов): военный, военно-воздушный, военно-морской, экономический, финансовый, репараций и поставок, транспортный, политический, внутренних дел и связи, правовой, рабочей силы, по делам военнопленных и перемещенных лиц. В ноябре 1945 — феврале 1946 г. в системе органов союзной контрольной власти существовало также 175 комитетов и подкомитетов — наибольшее количество за весь период деятельности Контрольного совета[3]. Директораты по поручению Контрольного совета или Координационного комитета, а также по собственной инициативе готовили проекты приказов, законов, директив Контрольного совета, разрабатывали рекомендации по практическому осуществлению согласованной союзнической политики в Германии.

Во всех звеньях союзной контрольной власти, начиная от Контрольного совета и заканчивая подкомитетами и комиссиями, любые документы принимались только при единогласной поддержке вопроса четырьмя представителями оккупационных держав. Бесспорно, это должно было предполагать наличие у представителей союзных держав как достаточного объема политических, военных и экономических знаний, так и определенного опыта дипломатической работы, содержащей в себе элементы взаимных уступок и компромиссов. В конечном итоге, оно обязывало военные администрации союзников к широкому сотрудничеству в интересах достижения общих взаимозначимых целей. К сожалению, именно такой подход в работе Контрольного совета и его органов так и не был реализован. Судьба Контрольного совета зависела от намерений каждого из его участников, которые не могли, а иногда и просто не хотели найти единственно верное, пусть даже компромиссное решение германской проблемы.

Перед союзнической военной администрацией были поставлены задачи исключительной сложности и ответственности. Ее представителям прежде всего необходимо было осознать суть политических событий, происходивших в Германии после ее капитуляции. Отдавали ли себе отчет все участники оккупации в том, что требуется от них в этой стране? Ответ на поставленный вопрос не мог быть однозначным для восточной и западных зон, поскольку на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях определились существенные различия в подходе союзников по антигитлеровской коалиции к проблемам послевоенной Германии, обусловленные диаметрально противоположными концепциями решения ее социально-политических проблем. Эти подходы, в свою очередь, составляли основу оккупационной политики, поскольку затрагивали интересы всех общественных классов Германии.

Политика Советского Союза, проводившаяся через представителей Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в органах союзной контрольной власти, была достаточно определенной и в отношении всей Германии. Советские представители в Контрольном совете считали необходимым проведение в оккупированной стране таких мер, которые создавали бы гарантии, что никогда больше с ее стороны не возникнет угрозы агрессии, не возродится милитаризм и нацизм, а немецкий народ получит возможность осуществления демократических преобразований и создания миролюбивого государства[4].

Политика США и Великобритании в отношении послевоенного устройства Германии была двойственной. Добившись военного поражения Германии, союзники желали также устранения ее как соперника на мировых рынках и в борьбе за сферы влияния. Вместе с тем побежденная Германия была нужна им как партнер в четко обозначившемся уже противостоянии с СССР, которое затем переросло в военно-политическое противоборство[5]. Понимая необходимость ликвидации нацистского режима в Германии, правительства США и Великобритании вместе с тем стремились сохранить в ней основные институты капиталистической системы, что само по себе не предполагало каких-либо серьезных социальных перемен в стране. Начальник промышленного отдела Американской военной администрации Л. Уилкинсон весьма красноречиво и по-своему достаточно конкретно изложил эту мысль: «К черту демилитаризацию Германии! Мы хотим восстановить тресты, а промышленные предприятия вернуть их нацистским владельцам и директорам»[6].

Д. Эйзенхауэр

Б. Монтгомери

Ж. де Латр де Тассиньи

Советский военный патруль в Берлине

Что касается Франции, то ее политическая линия в германском вопросе определялась более сложными, чем у Великобритании и США, мотивами. На ее политику оказывали воздействие соображения национальной безопасности, обеспечения мер защиты против непосредственной угрозы реванша со стороны Германии. Существенное влияние на оккупационную политику Франции в Германии имели также и традиционные антинемецкие настроения во французском обществе[7].

Позиции союзных держав в Германии, их оккупационная политика определялись конкретными, специфическими интересами каждого из великих государств в отношениях с Германией. Это порождало и различие позиций, подходов их представителей в союзнической контрольной администрации в решении определенных вопросов оккупационной политики. Уже на первом совместном совещании главнокомандующих союзными армиями, состоявшемся 5 июня 1945 г. в Берлине, выявились определенные трудности в осуществлении странами антигитлеровской коалиции согласованной оккупационной политики в органах контрольной власти в Германии.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков предложил рассмотреть вопрос о необходимости предварительного обсуждения и разрешения проблем, связанных с предстоящим началом работы Контрольного совета. Он заявил главнокомандующим союзными войсками генералу армии Д. Эйзенхауэру, фельдмаршалу Б. Монтгомери и генералу Ж. де Латру де Тассиньи: «Задача контрольного аппарата — решить вопросы так, как нас обязывают решения Крымской конференции и решения Европейской консультативной комиссии. Главное же состоит в том, что начало работы Контрольного совета в Берлине должно быть связано с отводом войск союзников за установленную Крымской конференцией демаркационную линию, так как это является необходимым предварительным условием для того, чтобы можно было развернуть работу в соответствующих зонах».

Д. Эйзенхауэр предпринял попытку уйти от обсуждения данной проблемы и перевести разговор на регламент работы Контрольного совета. В свою очередь, маршал Г. К. Жуков констатировал: «Поскольку еще нет четкого распределения войск по зонам, поскольку мы еще не имеем возможности управлять своей зоной, занятой союзными войсками, то трудно теперь установить регламент работы Контрольного совета»[8]. Попытки фельдмаршала Б. Монтгомери объяснить присутствие войск союзников в советской зоне тем, что они «находятся там, куда их бросила война», Г. К. Жуков корректно пресек, отметив: «Война уже окончилась, и имеется возможность для перемещения войск». Д. Эйзенхауэр вынужден был согласиться с доводами советского главнокомандующего и обещал доложить своему правительству, «что маршал Жуков желает, чтобы Контрольный совет начал свою работу только тогда, когда войска будут отозваны в свои зоны». Итог дискуссии подвел маршал Г. К. Жуков: «Это совершенно ясно. Раз нет зоны, нет работы»[9].

С нескрываемой горечью писал о первой международно-политической победе представителей советских оккупационных властей в Германии немецкий исследователь В. фон Буттлар: «Вместо того чтобы вынудить Сталина покинуть свою собственную зону, Запад передал ему те области, которые советские войска не завоевывали»[10]. В. фон Буттлар в своих суждениях не оригинален. Задолго до него, еще 1 апреля 1945 г. в послании президенту США Ф. Рузвельту британский премьер У. Черчилль писал: «...я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток»[11]. Тогда же, в начале апреля 1945 г. он направил распоряжение своему ближайшему советнику, начальнику штаба при министре обороны и одновременно секретарю по военным вопросам в военном кабинете Великобритании генералу Г. Л. Исмею «не отводить английские войска из занятой ими части советской зоны оккупации»[12]. Семью годами позже, став первым генеральным секретарем НАТО, генерал Г. Л. Исмей лаконично, но весьма красноречиво сформулировал цели блока: «НАТО существует для того, чтобы выполнять три задачи: не подпускать русских, не отпускать американцев и придерживать немцев»[13].

Первое заседание Контрольного совета состоялось 30 июля 1945 г. В начальный период его работы союзникам удалось принять ряд согласованных решений по важнейшим во-

енным, политическим, экономическим и административным вопросам жизни Германии: закон № 1 от 20 сентября 1945 г. об отмене нацистских законов и закон № 4 от 30 октября 1945 г. о денацификации и демократизации судопроизводства и аппарата юстиции; закон № 8 от 30 ноября 1945 г. о мерах по демилитаризации Германии и закон № 9, принятый в тот же день, о конфискации имущества треста «ИГ Фарбениндустри»; закон № 10 от 20 декабря 1945 г. о наказании лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности; директиву № 24 от 12 января 1946 г. о чистке административных органов от национал-социалистов и лиц, враждебных целям союзников, а также ряд других законодательных актов[14]. Принятие целого ряда четырехсторонних решений показало возможность при наличии доброй воли всех участников союзной контрольной власти и стоящих за ними правительств не только принимать решения, но и обеспечивать их выполнение в интересах демократизации Германии и укрепления мира на Европейском континенте.

Однако с течением времени расхождения в контрольных органах между представителями Советского Союза и западных держав стали наблюдаться все чаще. Крайне сложной в отношениях между союзниками была проблема военно-экономического разоружения Германии. Казалось, данный вопрос был согласован на высшем межгосударственном уровне, определен решениями Ялтинской и Потсдамской конференций и имел своей целью уничтожение экономической основы германского милитаризма и нацизма. В принятых совместно документах Ялтинской конференции, определяя основные задачи военно-экономического разоружения Германии, союзники заявляли: «Мы полны решимости... изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства»[15]. Потсдамская конференция подтвердила и уточнила программу военно-экономического разоружения Германии. В целях уничтожения германского военного потенциала, как отмечалось в ее решениях, запрещалось производство любого вида вооружений[16]. Кроме того, под контроль союзных военных администраций в соответствующих зонах оккупации ставилось производство металлов, химических продуктов, машиностроения, а также других видов продукции, необходимых для военной экономики. При этом все промышленное производство ограничивалось уровнем послевоенных мирных потребностей Германии, определенных и одобренных союзниками. Производственные мощности, не предусмотренные для разрешенной промышленности послевоенной Германии, подлежали изъятию в качестве репараций или уничтожению[17].

Тем не менее при решении вопросов военно-экономического разоружения Германии между союзниками возникали острые разногласия, усиливавшиеся с каждым годом совместной работы союзных военных администраций. По данным отчетов Контрольного совета Совету министров иностранных дел союзных государств (СМИД), по состоянию на 1 января 1947 г. военно-экономический потенциал Германии определялся цифрой в 1251 военное предприятие, которые распределялись по зонам оккупации следующим образом: в американской зоне — 141, в английской — 348, во французской — 73, в советской — 689.

Советская сторона в отчете указала количество предприятий военной промышленности и кооперированных с ними производств, которое было уничтожено, демонтировано или переведено на производство мирной продукции[18]. Собственно военных предприятий, производивших танки, боевые самолеты, самолеты-снаряды и ракеты «Фау», взрывчатые вещества, боеприпасы, аппаратуру и другую военную продукцию, в советской зоне оккупации Германии, согласно отчету, насчитывалось всего 250. Остальные 439 предприятий были лишь частично связаны с военным производством в качестве предприятий-смежников.

Советские представители были вынуждены указать на явно заниженные данные по военно-экономическому потенциалу западных зон оккупации. По советским данным, западные союзники в английской и американской зонах при подсчетах «потеряли» как минимум еще 454 военных завода[19]. Тщательная проверка списков заводов, выпускавших продукцию только для военно-морского флота нацистской Германии, произведенная офицерами военно-морского отдела Советской военной администрации в Германии по материалам, имевшимся

в их распоряжении (данные морского министерства Германии, в том числе ряд документов за подписью гроссадмирала Э. Редера, а также данные военных администраций союзников) показала, что к 60 заводам, числящимся в списках союзного Комитета по ликвидации германского военного потенциала в англо-американской зоне оккупации, следует прибавить по крайней мере еще 80 заводов, производивших продукцию для германских военно-морских сил[20]. К тому же союзники умышленно «пропустили» ряд заводов в списках, представленных к репарациям. Советские представители в Комитете по ликвидации германского военного потенциала представили союзникам списки свыше 200 заводов, «пропущенных» ими при составлении перечня заводов, объявленных в счет репараций.

Союзники вынуждены были признать этот факт, и британский представитель в Экономическом директорате указал, что из перечисленных в советском списке заводов восемь — будут объявлены для репараций, семь — не считаются военными и будут использованы в мирной промышленности, а три — не представляют никакой ценности для репараций. Аналогичное заявление было сделано и американским представителем в Экономическом директорате по поводу наличия военных заводов в своей зоне оккупации[21]. Кроме того, 18 марта 1947 г. в США был опубликован доклад Г. Гувера, который по поручению правительства США обследовал западные оккупационные зоны Германии. Он предлагал президенту Г. Трумэну создать немецкое правительство только для западных зон, заключить с ним сепаратный мирный договор, прекратить демонтаж военных предприятий и декартелизацию, провести в западных оккупационных зонах сепаратную денежную реформу, вернуть к управлению экономикой руководителей немецкой промышленности военного времени[22]. По мнению американского экономиста Г. Столпера, гуверовские рекомендации знаменовали «подлинный перелом в американской политике» и «недвусмысленно требовали разрыва с Потсдамом»[23].

Все эти факты свидетельствовали о том, что в политике западных союзников в отношении Германии наметились выраженные тенденции к сохранению ее военно-экономического потенциала. Более того, дав обязательство возмещать ущерб, причиненный Советскому Союзу войной, путем репараций из германской экономики в своих зонах оккупации, союзники всячески тормозили этот процесс. К январю 1947 г. в западных зонах оккупации демонтажные работы в основном велись в интересах англо-американских властей. Ни о каких поставках оборудования или металлоконструкций с демонтированных промышленных предприятий в пользу какой-либо другой страны-союзника не производилось.

Вместе с тем конфликтная ситуация между союзниками в вопросе ликвидации военно-экономического потенциала Германии и выплаты репараций не являлась решающей в осложнении отношений между ними, как это представлялось в мемуарах главнокомандующего американской зоной оккупации генерала Л. Клея, который писал, что «именно из-за репараций имел место первый разрыв между державами-оккупантами»[24]. Даже создание Бизонии не вело к окончательному разрыву политических и экономических отношений между союзниками. В частности, заместитель главноначальствующего Советской военной администрации в Германии по экономическим вопросам К. И. Коваль в докладе о важнейших вопросах экономики советской зоны оккупации Германии от 29 декабря 1946 г. отмечал, что «разделение Германии в экономическом отношении на четыре самостоятельные зоны было возможно лишь временно. Дальнейшее отдельное экономическое существование зон потребовало бы перестройки сложившейся веками структуры хозяйства и привязывания экономики зон к экономике оккупирующих держав»[25].

Завершив в основном к 1948 г. ликвидацию военных заводов, а также предприятий, запрещенных союзными решениями, советские оккупационные власти столкнулись с серьезной проблемой — демонтаж привел к падению производства отдельных видов промышленной продукции, что не могло не отразиться на экономическом развитии советской зоны оккупации Германии. В таких условиях желать обособления зон советской стороне было невыгодно не только в политическом, но и в экономическом отношении. Советское руководство, а с ним и советские оккупационные власти в Германии оказались в очень непростом положении.

Г. Гувер

Л. Клей

Если Восточной Германии в будущем предстояло объединиться с остальной частью страны и стать пусть нейтральной, но все же составной частью западного мира, то решения в отношении военно-экономического потенциала советской зоны оккупации должны были быть предельно жесткими и определяться исключительно насущными потребностями советской стороны. Если же предстояло строить в Восточной Германии «социализм с немецким лицом», то полностью уничтожать промышленную базу советской зоны оккупации было явно неразумно. В конечном счете, советская сторона, определяя будущую судьбу экономического потенциала зоны, выбрала некий промежуточный вариант. Его содержание в значительной степени зависело от политической конъюнктуры в отношениях СССР и западных союзников.

В свою очередь, западные союзники прекрасно понимали, что социально-политический и уж тем более экономический порядок на немецкой территории, оказавшейся под их оккупационным контролем, будет выстраиваться по их демократическим образцам как в политике, так и в экономике. К тому же эта модель в принципе не противоречила историческому опыту развития Германии. Поэтому, как считали представители западных оккупационных властей, неразумно полностью разрушать мощный немецкий экономический потенциал, в том числе и тот, который использовался в военных целях. Необходимо было лишь создать условия для его тесной интеграции с экономикой западных держав. 14 апреля 1949 г. в газете американской военной администрации «Ное Цайтунг» был опубликован официальный текст соглашения военных администраций трех западных зон об отмене законов союзного Контрольного совета о запрещенных отраслях промышленности в Германии и прекращении демонтажа. Временные ограничения предусматривались только в отношении некоторых видов производства.

Таким образом, вопрос о военно-экономическом разоружении Германии вырос в проблему экономического и политического единства страны, решение которой, по мнению западных союзников, было возможно лишь в том случае, если бы режим, установленный ими в западных зонах, был распространен на всю Германию. «Самым целесообразным было бы построить новую Германию на основе боннской конституции»[26]. Экономические и политические реалии Запада исключали возможность согласия англо-американской и французской стороны на советскую модель социально-экономического развития Германии, впрочем, точно так же, как и советской стороны — на западную модель.

Подразделение американской военной полиции в Берлине

Не менее острыми были разногласия между союзниками по вопросу о роспуске немецких военных и полувоенных формирований и контроле над бывшими военнослужащими вермахта. Впервые доклад Контрольного совета четырех оккупационных администраций СМИД держав-победительниц о практическом выполнении решений Потсдамской конференции по роспуску немецких и союзных им военных и полувоенных формирований на территории Германии был сделан по состоянию на 1 января 1947 г., то есть практически после полутора лет совместной работы. Западные союзники считали, что на всей территории Германии немецкие военные и полувоенные формирования и учреждения полностью ликвидированы. Советская сторона не была согласна с такой оценкой, и основания для подобных заявлений у нее были. Еще в ходе ведения совместных боевых действий союзных войск против нацистской Германии Комитет начальников штабов (КНШ) США, исследуя соотношение сил между СССР и Соединенными Штатами, сделал вывод: «Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире... Первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз... Относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»[27]. Следовательно, нужна была третья сила, которая могла бы помочь западным державам доказать, что они располагают «достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне»[28]. Этим параметрам вполне отвечали находившиеся после войны в зонах оккупации союзников немецкие военные формирования — хорошо подготовленные, имевшие четырехлетний опыт боевых действий, отличавшиеся высокой дисциплиной и исполнительностью. В количественном отношении они представляли внушительную военную группировку.

На границе между американской и английской зонами оккупации Берлина

Уже в начале мая 1945 г., накануне безоговорочной капитуляции Германии, гитлеровским генералам в результате сепаратных переговоров с англо-американским командованием удалось переправить на запад через линию фронта группу армий «Висла» в составе 21-й полевой и 3-й танковой армий, а также остатки 12-й и 9-й армий, отступавших под ударами советских войск. 2 мая 1945 г., как свидетельствовал генерал К. фон Типпельскирх, командовавший в 1945 г. группой армий «Висла», «командующие обеими армиями — 21-й и 3-й танковой, не дожидаясь начала переговоров о повсеместном прекращении огня, установили личный контакт с американцами и добились того, что их повернутые фронтом против русских войска получили право, сложив оружие в ходе дальнейшего отступления, перейти через линию фронта американцев. Обе армии были спасены от безоговорочной капитуляции на поле боя, которая неизбежно привела бы их в русский плен. Их главные силы в самый последний момент исчезли за американским фронтом»[29].

По данным, полученным от агентурной разведки, радиоперехвата и других источников информации, командованию советских оккупационных войск стало известно о наличии в английской и американской зонах оккупации нераспущенных немецких военных формирований. Эти формирования существовали фактически на правах боевых единиц. В одном из оперативных донесений сообщалось, что в 589-й рабочей роте, созданной англичанами, насчитывалось 500 военнопленных немцев. Рота состояла из четырех команд, во главе которых стояли немецкие офицеры, вооруженные пистолетами. Они проводили беседы, рассказывая солдатам, что в ближайшее время Англия объявит войну России и что немцы-военнопленные сыграют в ней большую роль, ибо это будет война за восстановление Германии.

Подобная практика работы с бывшими военнослужащими вермахта проводилась и в 3-й роте 868-го английского соединения. Рота размещалась в пригороде Гамбурга — Веде. В ее составе были только немцы-военнопленные, одетые в форму английской армии. Рота была сохранена в качестве боевой единицы. Бывшие немецкие военнослужащие систематически проходили боевую подготовку: стреляли из карабинов, бросали гранаты, с ними проводились занятия по тактике. Еженедельно английский офицер проводил беседы на темы: «Будущая война с Россией», «О неправильном отторжении Силезии. Туда должны вернуться немцы», «О недостатке продуктов в английской оккупационной зоне в связи с нахождением Мекленбургской провинции в составе русской оккупационной зоны» и прочее.

Однако наиболее ценной была информация, полученная от самих немецких военнопленных, проходивших службу в подразделениях английских оккупационных войск. Г. Войт проходил службу в Киль-Вик, блок 10—902: «У нас в солдатской книжке теперь указано «От военной службы освобожден. Находится под контролем оккупационной власти»... выдали новую форму английского образца... Военное звание обозначено на рукаве. Все это придумано для того, чтобы русские не знали настоящего положения вещей. Дисциплина сейчас стала строже, взыскания на каждом шагу, живем в казарме». Э. Клайнман, старший лейтенант, проходил службу в Гамбурге в составе немецкой службы траления: «Мы получили новую военную форму, которая сшита по английскому образцу... Таким образом, мы ничем не отличаемся от англичан. Можно заметить, что кругом что-то происходит. Кажется странным, что мы должны обязательно носить эту форму, тогда как по существу все осталось прежним»[30].

Располагая подобной информацией, маршал Г. К. Жуков уже 10 июля 1945 г. в ходе конференции, проходившей в его ставке, сделал заявление главам англо-американского военного командования о том, что в английской зоне оккупации нарушаются решения Потсдамской конференции, предусматривающие роспуск вермахта: немецкие военные формирования продолжают оставаться боевыми единицами, сохраняют стройную организационную структуру, их командование продолжает издавать приказы. По этому поводу Г. К. Жуков заявил: «Что касается английского командования, то я вынужден представить дополнительный материал — приказ командира 15-й немецкой бригады, который своим приказом определяет роспуск всех нежелающих идти с союзниками и тех, кто хочет остаться на родине. Документ датирован 1-м числом (1 июля 1945 г. — *Прим. ред.*)». Генерал Уикс заверил Г. К. Жукова, что представленные им документы будут немедленно доставлены фельдмаршалу Б. Монтгомери, и он рассмотрит этот вопрос[31]. Однако спустя три месяца после сделанного заявления советское командование в ходе повторной проверки имевшихся в его распоряжении фактов достоверно установило, что англичане в своей зоне оккупации, несмотря на протест советской стороны, все еще продолжали сохранять немецкие войска.

Маршал Г. К. Жуков вынужден был вручить западным представителям в Контрольном совете меморандум, где указывалось, что в соответствии с декларацией о поражении Германии, подписанной 5 июня 1945 г., а также решениями Потсдамской конференции по Германии, все вооруженные силы Германии или силы, находящиеся под германским контролем, должны быть полностью разоружены и упразднены, однако эти решения нарушаются в английской зоне оккупации. Речь в первую очередь шла о группировке немецких войск в провинции Шлезвиг-Гольштейн, включавших армейскую группу «Норд» под командованием генерала Мюллера[32], а также многочисленные авиационные, танковые и специальные части вермахта и соединения германских военно-морских сил. Кроме указанных немецких соединений, частей и служб в провинции Шлезвиг-Гольштейн находилось около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных[33]. При обсуждении меморандума маршала Г. К. Жукова членами Контрольного совета 30 ноября 1945 г. фельдмаршал Б. Монтгомери под давлением фактов вынужден был признать наличие в английской зоне оккупации организованных частей и соединений вермахта.

В свою очередь, маршал Г. К. Жуков заявил членам Контрольного совета: «Всем известно, как быстро можно вооружить организованные, хотя и разоруженные воинские части и пере-

вести на военное положение имеющиеся штабы. Я не хотел бы подозревать фельдмаршала Монтгомери в том, что он намерен воевать со мной, но как советский главнокомандующий, я желал бы полного и окончательного разоружения немцев, то есть выполнения решений Потсдамской конференции. В советской зоне все части разоружены, и задача Контрольного совета провести разоружение по всей Германии». На вопрос Б. Монтгомери: «Откуда у маршала Жукова такие данные?» тот ответил: «Такие вещи скрывать невозможно» и предложил создать четырехстороннюю комиссию из 100 офицеров союзных войск, по 25 человек с каждой стороны, для проверки хода роспуска немецких военных формирований во всех зонах оккупации.

Однако союзники предложение Г. К. Жукова не поддержали, ограничившись решением, что Координационный комитет, которому Контрольный совет поручил далее заниматься этим вопросом, имеет право потребовать доклады из союзных зон оккупации о ходе роспуска немецких военных формирований на их территории, а британская сторона представит ему подробный отчет о выполнении решений Потсдамской конференции о роспуске частей и соединений бывшего вермахта[34].

Под давлением советской стороны, Контрольный совет 20 августа 1946 г. принял специальный закон № 34 о ликвидации германского вермахта. Однако многие его положения, по мнению советских представителей в органах союзной контрольной власти, оставались не выполненными в западных зонах оккупации. Только по официальным зональным докладам, по состоянию на 1 января 1947 г. численность немецких подразделений и частей, сохранившихся как «рабочие команды» и различные «службы», составляла: в распоряжении английского командования — 81 358 человек, в распоряжении американского командования — около 9 тыс. человек, в распоряжении французского командования — около 3500 человек[35].

Позицию блокирования представителями США и Великобритании межсоюзнической проверки роспуска немецких военных формирований невольно «прояснил» фельдмаршал Б. Монтгомери, заметив: «Я был бы удивлен, если бы мне сообщили, что существует различие между нашим отношением к этому вопросу и поведением моих американских коллег. Считаю полезным напомнить, что линия поведения, которой мы следуем в этом вопросе, была с самого начала установлена объединенным командованием под руководством генерала Эйзенхауэра»[36]. Таким образом, советскому оккупационному командованию было дано понять, что сохранение формирований бывшего вермахта в западных зонах оккупации не плод волюнтаристской политики английской военной администрации, а заранее продуманная и скоординированная акция военного и государственно-политического руководства США и Великобритании. Г. К. Жуков по этому поводу отметил в своих мемуарах следующее: «Не скрою, тогда это меня сильно огорчило... Но, очевидно, по-иному тогда уже не могло быть»[37].

Действительно, с точки зрения англо-американских стратегов, иначе уже не могло быть в силу разработанной и сложившейся концепции «сдерживания коммунизма». Она основывалась на убеждении союзников в экспансионистском характере советской внешней политики, ее стремлении вовлечь советскую зону оккупации Германии в восточноевропейскую сферу своего влияния и, в конечном итоге, расширить его за Эльбу[38]. Этому не помешали даже выводы Совета планирования политики Государственного департамента США, в которых отмечалось, что «крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»[39].

Чтобы уйти от решения важной проблемы демилитаризации Германии и роспуска немецких военных формирований, министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин на Московской сессии СМИД, проходившей в марте — апреле 1947 г., потребовал от советской стороны информации о германских военнопленных в СССР. При этом он повторил нелепый слух о том, что их заставляют служить в Советской армии. Впервые такое заявление было сделано американским представителем на 42-м заседании военного директората союзного

Контрольного совета 30 декабря 1946 г. при обсуждении отчетного доклада к Московской сессии СМИД. Представитель оккупационных властей США выразил озабоченность отсутствием информации о находящихся на территории СССР, как заявляла американская пресса, не менее 3 млн немецких военнопленных. Это якобы давало пищу для слухов о существовании так называемой немецкой «армии Зайдлица» на территории Советского Союза.

В настоящее время, располагая ранее закрытыми архивными документами военных и первых послевоенных лет, можно утверждать, что немецких военных формирований на территории СССР ни во время войны, ни после ее окончания советское военное командование не создавало. Действительно, проекты создания немецких антинацистских боевых частей Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ), или по американской версии «армии Зайдлица», разрабатывались, начиная с осени 1943 г., генералом артиллерии В. фон Зайдлицем, руководившим в советском плену «Союзом немецких офицеров» (СНО) и являвшимся вице-президентом НКСГ. Однако дальше создания небольших диверсионно-разведывательных и пропагандистских групп дело не пошло. Более того, когда тот в феврале 1944 г. обратился к руководству НКВД с меморандумом, суть которого сводилась к предложению признать НКСГ в качестве германского правительства за рубежом и сформировать Немецкую освободительную армию, ему было отказано в реализации подобного предложения, причем на самом высоком уровне, поскольку 4 марта 1944 г. Л. П. Берия направил И. В. Сталину «меморандум Зайдлица», и тот был знаком с его содержанием[40].

Учитывая пожелания союзников, советское правительство не возражало против предоставления СНИД сведений о количестве немецких военнопленных, находившихся на территории Советского Союза. Оно считало, что одновременно такие же сведения должны быть предоставлены и правительствами США, Великобритании и Франции. По данным, сообщенным СНИД четырьмя державами, в СССР находились 890 532 немецких военнопленных, в Великобритании — 435 295, во Франции — 631 483, в США — 15 103, в американской зоне оккупации Германии — 15 873[41].

Однако предоставление данных о количестве военнопленных немцев на территории союзных государств не решало проблемы демилитаризации Германии. Например, британские оккупационные власти только изменили название военных и полувоенных формирований вермахта, переименовав их в «немецкую гражданскую организацию труда». Все остальное, что могло характеризовать эти части как воинские формирования, то есть строгая военная дисциплина, структура, вооружение, осталось без каких-либо изменений[42]. Кроме того, до 12 тыс. военнослужащих бывшего германского военно-морского флота продолжали служить в семи дивизиях под контролем английской военной администрации. Часть кораблей и судов этих дивизий участвовала в маневрах английских военно-морских сил[43]. На 1 марта 1949 г., по разведданным Группы советских оккупационных войск в Германии, в западных зонах на базе сохранившихся формирований вермахта создавались новые немецкие военные формирования: промышленная, городская, уголовная, пограничная полиция, полиция земель и другие. Только в английской и американской зонах оккупации эти организации насчитывали 139 700 и 138 тыс. человек соответственно.

Таким образом, проблема роспуска военных формирований бывших германских вооруженных сил в течение достаточно длительного периода времени оставалась одной из наиболее сложных и трудноразрешимых в отношениях между союзниками. Это было вызвано рядом факторов. С одной стороны, не желая дискредитировать себя в глазах мирового общественного мнения, представители англо-американского военного командования в органах союзной контрольной власти формально признавали необходимым ликвидировать немецкие военные и полувоенные формирования в своих зонах оккупации, а с другой — всемерно затягивали этот процесс, желая разыграть «немецкую карту» в начавшемся военно-политическом противостоянии Запада и Востока. Идеологические разногласия, взаимные обвинения, а после берлинского кризиса 1948 г. и откровенная политическая нетерпимость между бывшими союзниками создавали дополнительные трудности в решении весьма сложной проблемы демилитаризации Германии и роспуска ее вооруженных формирований.

В. Д. Соколовский

Нерешенные проблемы порождали новые, еще более острые, которые приводили к прямой конфронтации между союзниками. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах писал: «Все труднее становилось находить возможность урегулирования спорных вопросов, особенно тогда, когда рассматривались главные проблемы. К ним относились: ликвидация военно-экономического потенциала германского милитаризма, разоружение воинских частей, решительное выкорчевывание фашизма и ликвидация всевозможных нацистских организаций в зонах Англии и США. Чувствовалось, что наши западные военные коллеги получили новые инструкции»[44].

До октября 1946 г. несение службы по охране границ и демаркационной линии советской зоны оккупации Германии осуществляли воинские части Группы советских оккупационных войск. Несение пограничной службы требовало привлечения значительного количества личного состава и немалых материальных вложений. Под охраной советских войск находилась граница протяженностью в 2281 км. Однако советское командование сознательно шло на существенные затраты, полагая, что охрана границ зоны оккупации — это прерогатива оккупационных войск, но не населения оккупированного государства.

Данную точку зрения не разделяли западные союзники. Так, 13 марта 1946 г. заместитель главноначальствующего Американской военной администрации генерал-лейтенант Л. Клей направил заместителю главноначальствующего Советской военной администрации в Германии генералу армии В. Д. Соколовскому послание следующего содержания: «В соответствии с общей политикой американских военных властей в Германии нами проведена реорганизация немецкой полиции пограничного контроля, созданной под контролем Американской военной администрации в американской зоне оккупации. Эта полиция предназначена для помощи американским войскам в осуществлении контроля межзонального и межгосударственного передвижения граждан по американской зоне. Личный состав подразделений реорганизованной немецкой полиции пограничного контроля проверен в соответствии с директивой № 24 Контрольного совета[45]. Кроме того, члены этой организации вооружены

в соответствии с директивой № 16 Контрольного совета в Германии[46]. Я прошу Вас довести до сведения всех частей пограничной охраны, находящихся в Вашем подчинении и расквартированных вдоль границы Американской оккупационной зоны, о приведенном выше факте в интересах взаимного сотрудничества в контроле нашей общей границы».

Ознакомившись с посланием, генерал армии В. Д. Соколовский был неприятно поражен решением американских союзников. Первой его реакцией на послание была резолюция, вынесенная 29 марта 1946 г.: «Ответить, что мы считаем неправильным политически, что против наших войск стоит немецкая вооруженная «какая-то» пограничная охрана. Это никаким соглашением не предусмотрено».

Придавая особую политическую и военную важность подобному решению союзников, В. Д. Соколовский на следующий день, то есть 30 марта 1946 г., написал обстоятельное письмо Л. Клею: «Подтверждаю получение Вашего письма от 13 марта с. г., содержавшего сообщение о создании под контролем американских военных властей немецкой пограничной полиции. Создание такой полиции, насколько мне известно, не было предусмотрено никаким соглашением, а целесообразность этого мероприятия с политической точки зрения, на мой взгляд, весьма сомнительна, поскольку выставление немецких вооруженных постов на линии соприкосновения с нашими частями, несущими пограничную службу, ведет к ряду отрицательных явлений. Нами были получены сообщения от командования пограничных частей Красной армии о происходящих вдоль границы инцидентах. По докладам местного командования уже зарегистрировано много случаев различных недоразумений и трений, которые возникали в подавляющем большинстве случаев из-за умышленного раздувания немецкими полицейскими незначительных пограничных происшествий. Полицейские доносят американским властям о якобы имеющих место нарушениях границы советскими пограничными патрулями, однако при тщательной проверке эти донесения оказывались полностью вымышленными. Хуже всего то, что в этих случаях немецкая полиция, пользуясь своей службой и покровительством американских властей, обращается к ним за содействием, что создает благоприятные условия для применения немцами уже хорошо известных и широко практикуемых ими методов враждебной пропаганды, направленной на восстановление друг против друга американских и советских войск. Это мероприятие имеет также отрицательный психологический эффект, так как солдаты Красной армии довольно болезненно реагируют на появление на противоположной стороне границы вооруженных немцев, которые, как Вам известно, набраны из бывших военнослужащих немецкой армии и ведут себя провокационно. Все изложенное выше заставляет меня, дорогой генерал, обратиться к Вам с убедительной просьбой, снять немецкую вооруженную полицию с пограничной линии, вдоль которой она имеет возможность соприкасаться с частями Красной армии»[47].

Однако просьба заместителя главноначальствующего Советской военной администрации в Германии генерала армии В. Д. Соколовского осталась без должного внимания со стороны американских оккупационных властей. Еще целых семь месяцев военнослужащие Красной армии, охранявшие границы советской зоны оккупации и демаркационную линию, находились в непосредственном соприкосновении с немецкой полицией пограничного контроля, созданной в американской зоне оккупации. Лишь в декабре 1946 г. советские оккупационные военные власти, пытаясь снять морально-психологическую и политическую напряженность на границе, предприняли ответную вынужденную меру — создание в каждой земле и провинции советской зоны оккупации на базе охранной полиции немецких пограничных формирований. Однако личный состав немецкой пограничной полиции использовался главным образом на патрулировании в пограничных населенных пунктах под непосредственным руководством и контролем советских постов, охранявших границы и демаркационную линию[48]. Такое положение по охране границ и демаркационной линии сохранялось вплоть до второй половины 1947 г. Документы, находящиеся в российских ведомственных архивах, позволяют утверждать, что советские военные оккупационные власти длительное время откладывали принятие окончательного решения о создании пограничной полиции в советской зоне оккупации Германии как самостоятельного силового института, личный

состав которого имел оружие и непосредственно соприкасался с пограничными службами западных союзников.

Усиление напряженности во взаимоотношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции не способствовало дальнейшему процессу демилитаризации немецкого общества в духе принятых Потсдамских соглашений. Более того, мероприятия по созданию в зонах оккупации союзников регулярных военных формирований с жесткой регламентацией службы и быта, дисциплинарной практикой и служебной субординацией не были лишены определенного риска, поскольку вызывали в немецком обществе недоумение, а у значительной части населения и открытое неприятие, как меры, возрождавшие принесший несчастье Германии милитаризм.

Следует подчеркнуть, что позиции СССР и западных государств в германском вопросе были резко идеологизированы. Это создавало значительные, а иногда и непреодолимые трудности в поисках нужных совместных решений по Германии. В итоге разногласия побеждали, и каждое союзное государство стремилось, максимально используя свой авторитет и поддержку других членов руководящих органов союзной контрольной власти, провести в них свою политическую линию.

Не добившись общего взаимопонимания членов Контрольного совета, представители Великобритании и США уже весной 1946 г. начали активно обсуждать проблему экономического объединения своих зон, аргументируя предпринимаемые ими шаги решениями Потсдамской конференции о единстве Германии. Чтобы избежать раскола Германии и обострения отношений между союзниками советская делегация в Контрольном совете выступила инициатором ряда предложений, направленных на облегчение межзонального сотрудничества в рамках общей политики союзников. Об этом свидетельствовал ряд решений Контрольного совета — относительно политики заработной платы, цен, в области финансов, распределения продукции промышленности, сельского хозяйства, призванных сблизить отдельные экономические области и наладить сотрудничество между зонами оккупации. Положительное значение имели также соглашения об увеличении товарооборота между советской и американской зонами оккупации, о межзональном судоходстве на Эльбе.

Советская делегация в Контрольном совете внесла также предложение о форсировании разработки мероприятий и создании специального союзного органа по развитию межзональной торговли и устранению препятствий в отношении передвижения деловых лиц между зонами путем упрощения процедуры выдачи межзональных пропусков. По мнению советских представителей в органах союзной власти, принятие положительных решений по данным инициативам явилось бы важным вкладом в дело подготовки к созданию центральных административных департаментов, предусмотренных решениями Потсдамской конференции[49].

Однако эти конструктивные предложения советской делегации в Контрольном совете не встретили поддержки со стороны представителей западных держав. Напротив, уже в сентябре 1946 г. были созданы сепаратные англо-американские управления по экономике, продовольствию и сельскому хозяйству, транспорту, финансам и связи. А 2 декабря того же года государственный секретарь США Д. Бирнс и министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин подписали в Нью-Йорке соглашение об экономическом слиянии американской и британской зон. Объединенная англо-американская зона получила название Бизония.

Имелись ли альтернативы этим действиям союзников у советских представителей в Контрольном совете? Формально — да. Документы, находящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации, свидетельствуют, что еще 15 ноября 1945 г. первый заместитель главноначальствующего Советской военной администрации в Германии генерал армии В. Д. Соколовский по просьбе заместителя главнокомандующего американскими оккупационными войсками в Германии генерал-лейтенанта Л. Клея встретился с ним и вел продолжительную беседу. В ходе обмена мнениями по германскому вопросу, в частности о центральных немецких органах управления, генерал Л. Клей отметил тот факт, что сотрудничество США, Великобритании и СССР в создании немецкой межзональной администра-

ции принесет большую пользу не только для Германии, но и для всего мирового сообщества. Далее он заявил о том, что «был бы, со своей стороны, согласен и считал бы очень важным, если бы подобная администрация была создана даже только в двух — американской и советской зонах. Это значило бы, что США не идут ни на какие проекты «западных блоков» и что сотрудничество между нашими двумя странами может быть плодотворным»[50].

Бесспорно, что такие предложения делались представителем американской администрации не от себя лично. Это было своеобразное зондирование политическими и промышленно-финансовыми кругами США, представителем которых был Л. Клей, возможностей экономического сотрудничества с СССР в германском вопросе и выяснение политической линии советского руководства в отношении объединения зон, точнее возможных границ уступок и компромиссов, за которые обе стороны далее выходить не собирались.

Еще раз следует подчеркнуть, что формально альтернативы расколу в межсоюзнических отношениях были, хотя в данном конкретном случае они вступали в противоречие с Потсдамскими соглашениями и постановлениями Европейской консультативной комиссии о том, что все решения в органах союзной контрольной власти должны приниматься единогласно. В данной ситуации возникал диалог лишь между представителями двух зон, что противоречило вышеназванным соглашениям. Но фактически значительную, если не главную роль в бесперспективности таких переговоров сыграл политико-идеологический фактор. Ведь при положительном решении вопроса как советское, так и американское руководство сталкивалось с крайне сложной проблемой: какая система хозяйствования будет в объединенных зонах — социалистическая или капиталистическая? Третьего варианта не было. Понятно, что для американцев социалистическая система была принципиально неприемлемой, но и советское руководство не согласилось бы на развитие капитализма в своей зоне оккупации. Таким образом, каждое из союзных государств преследовало в Германии свои национальные политические и экономические цели и отходить от них путем определенных уступок союзникам не собиралось.

Становилось очевидным, что дальнейшее обособление зон оккупации союзников ведет к возникновению все больших расхождений между ними в проведении согласованной политики в отношении Германии. В информационном письме о политическом положении в Германии за февраль 1946 г. на имя В. М. Молотова исполнявший обязанности политического советника Советской военной администрации в Германии, член советской секции в Контрольном совете дипломат В. С. Семёнов обратил внимание наркома иностранных дел на тот факт, что в своем заявлении от 25 февраля 1946 г. генерал Л. Клей отметил: «Система зон с каждым днем приносит единству Германии все новые и новые затруднения, так как каждая из оккупационных держав все глубже насаждает в своей собственной зоне свою политику»[51].

Процесс раскола Германии был уже необратим и становился делом времени. Его логическим завершением явилась конференция шести стран: США, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, открывшаяся в Лондоне 23 февраля 1948 г. Она была созвана с целью обсудить такие важнейшие вопросы, как государственное устройство Германии, контроль над Руром, репарации, включение западных стран в «План Маршалла». Советские представители на конференцию приглашены не были. По итогам Лондонской конференции в результате присоединения французской зоны оккупации Бизония становилась Тризонией и включалась в экономическую организацию Западной Европы.

Поскольку вопросы, рассматривавшиеся на Лондонской конференции, входили в компетенцию союзной контрольной власти, советское командование выразило резкий протест против ее решений, которые касались будущей организации трех западных зон. Заседание Контрольного совета 20 марта 1948 г. вел маршал В. Д. Соколовский. Он предложил своим коллегам по Контрольному совету информировать советскую сторону о результатах конференции в Лондоне, но его предложение было отклонено Л. Клеем, Б. Робертсоном и П. Кёнигом без объяснения причин. Тогда председательствующий маршал В. Д. Соколовский заявил, что он не видит смысла продолжать заседание, и закрыл его. Этому заседанию Контрольного совета суждено было стать последним.

Американский самолет над Западным Берлином

Самолеты ВВС США в берлинском аэропорту

Разгрузка продовольствия в Западном Берлине

В апреле 1948 г. председательствование в Контрольном совете, Координационном комитете, а также директоратах и подкомитетах как органах четырехстороннего управления Германией перешло к американским представителям. Однако они даже не предприняли попытки созвать заседание Контрольного совета или какого-либо из подразделений союзной контрольной власти. Более того, они отвергли предложение советской стороны продолжить обсуждение жизненно важных для дальнейшей совместной деятельности союзников вопросов в рабочих органах Контрольного совета.

Представители западных держав отказались прибыть на заседание комитета, разрабатывавшего технические вопросы проведения денежной реформы, который созывался советской стороной[52]. Денежная реформа была одной из крупнейших проблем экономической жизни и оккупационной политики союзников. Не дожидаясь четырехстороннего соглашения, оккупационные власти западных зон провели сепаратную денежную реформу. Как ответная мера подобная реформа была проведена и в советской зоне оккупации. Согласованная денежная реформа могла бы способствовать объединению Германии, но, в конечном итоге, привела к окончательному расколу страны. В этом плане любопытны признания генерала Л. Клея, который, в частности, писал о том, что сепаратная реформа в западных зонах явилась решающим шагом к окончательному разделу Германии и привела к последующим осложнениям с Советским Союзом[53].

Под «последующими осложнениями» понимался берлинский кризис как ответная мера на сепаратную денежную реформу, проведенную союзниками. Советские оккупационные власти в тот же день, то есть 20 июня 1948 г. приняли меры по полному перекрытию межзо-

нального сообщения. 24 июня 1948 г. было прервано железнодорожное, а 30 июня — водное сообщение с Берлином. Одновременно были прекращены все поставки из советской зоны оккупации и из советского сектора Берлина в западные секторы города. Эти события привели к дальнейшему обострению положения в Берлине. Западные союзники создали воздушный мост, по которому происходило снабжение отведенных им секторов Берлина. 25 июня 1948 г. началась крупномасштабная акция использования ими военно-воздушных сил для доставки продовольствия и промышленных товаров населению западных секторов Берлина. За период с 25 июня 1948 г. и до конца блокады в мае 1949 г. союзники доставили в Западный Берлин воздушным путем около 1,5 млн тонн грузов всех видов: продовольствия, угля, сырья и медикаментов. В ночь на 12 мая 1949 г. по указанию государственно-политического руководства советские оккупационные власти прекратили блокаду западных секторов Берлина.

Очевидной целью данного политического шага со стороны СССР было стремление заставить англо-американских союзников пересмотреть свои проекты создания западногерманского государства или же принудить их уйти из Берлина. Планы и практические шаги советской стороны не только не дали желаемых результатов, но и привели к значительным политическим издержкам. Ускорилось создание западного альянса, направленного против СССР. Экономический союз между англо-американской и французской зонами оккупации стал быстро превращаться в военно-политический союз.

Попытка делегации СССР разрядить ситуацию на шестой сессии Совета министров иностранных дел оказалась неудачной. 29 мая 1949 г. в ходе работы сессии советская сторона внесла предложение «О единстве Германии и условиях его осуществления». В нем отмечалось:

«1. В целях обеспечения экономического и политического единства Германии:

а) восстановить деятельность Контрольного совета в Германии на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии;

б) восстановить Межсоюзную комендатуру Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом.

2. Считая вместе с тем, что экономическое и политическое единство Германии невозможно осуществить без создания единого германского центрального органа, в ведении которого находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом, признать необходимым:

а) создать на основе существующих в настоящее время в восточной и в западных зонах немецких экономических органов Общегерманский государственный совет в качестве экономического и административного центра Германии с правительственными функциями в указанных выше областях экономического и государственного строительства при сохранении верховной власти Контрольного совета;

б) восстановить общеберлинский магистрат»[54].

Западные союзники холодно встретили предложения делегации СССР и решили не связывать себя более никакими обязательствами с советской стороной по вопросам координации оккупационной политики в Германии. Действительно, на согласованную политику, а тем более единство союзников в решении ряда важных политических и социально-экономических проблем в центре Европы уже трудно было рассчитывать.

И семь десятилетий назад, и тем более сейчас достаточно сложно определить степень ответственности сторон за раскол Германии и начало военно-политической конфронтации. Но с полной уверенностью можно сказать, что односторонним этот процесс не был.

9 мая 1945 г. советский народ праздновал День Победы. Наблюдая за происходящим в Москве, советник посольства США Дж. Кеннан (в 1940-е гг. он считался в США лучшим экспертом по делам СССР, а в 1970-е гг. был профессором Принстонского университета) сказал: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается»[55]. Действительно, холодная война между СССР и бывшими союзниками еще только начиналась.

Причины, характер и формы конфронтации

Праздничная эйфория от долгожданной победы над фашизмом вскоре сменилась тревожным ожиданием. Отношения союзников по антигитлеровской коалиции ощутимо, день ото дня, ухудшались. Для осведомленных людей возникновение холодной войны между СССР и Западом не стало неожиданностью. История хранит немало примеров, когда, казалось бы, успешные коалиции, едва достигнув общей цели, разваливались под грузом внутренних противоречий. Не стала исключением и антигитлеровская коалиция, где разногласия, обусловленные противоположным политико-идеологическим устройством, различными геополитическими устремлениями и взглядами на ведение войны, расходящимися представлениями о справедливости послевоенных границ, а также соответствующих сфер влияния в той или иной степени проявлялись на протяжении всей войны[56].

В первые послевоенные месяцы эти противоречия приняли форму системного противостояния — для ослабления оппонента использовались все доступные формы противоборства, за исключением прямого вооруженного столкновения, исход которого даже при наличии у США атомного оружия не был предопределен и тем более стал непредсказуемым после утраты монополии на это оружие в 1949 г. Последнее обстоятельство обусловило специфику холодной войны, где основное противостояние развернулось в политико-экономической и информационно-пропагандистской сферах, по линии спецслужб, а также на «периферии» двух систем, где в прямом вооруженном противоборстве участвовали зависимые от сверхдержав страны, опираясь на их всестороннюю поддержку. Это не означало, что намерения решить проблему военным путем полностью исключались из политико-стратегического планирования США. В первые послевоенные месяцы, обладая атомным карт-бланшем, США немедленно приступили к разработке планов войны, которая должна была привести к военному уничтожению Советского Союза. Только на протяжении 1945–1949 гг. один за другим разрабатывались чрезвычайные планы превентивной ядерной войны против СССР: «Пинчер», «Даблстар», «Бройлер», «Халфмун», «Флитвуд», «Троян», «Оффтэкл», «Дропшот» и другие. Предложение военного министра Г. Стимсона, выразившего на совещании у президента в сентябре 1945 г. несогласие с «атомной дипломатией» как средством давления на СССР, оказалось едва не гласом вопиющего в пустыне, и его попросту проигнорировали[57].

Немецкий историк Б. Грайнер пришел к следующему выводу: «Самое позднее с лета 1945 г. они (американцы. — *Прим. ред.*) знали своего врага и серийно выпускали военные планы. В 1948–1949 гг., к примеру, считалось возможным покончить с Советским Союзом, уничтожив атомными бомбами его 70 городов и индустриальных центров. С маниакальной точностью были расписаны все детали: нападению подвергнутся 1947 объектов, в течение 30 дней намечалось 2,7 млн человек убить и 4 млн ранить»[58]. Эти планы не были приведены в действие из-за серьезных сомнений в гарантированности уничтожения оппонента в первом ударе[59]. В результате глобальное противостояние двух сверхдержав и возглавляемых ими военно-политических блоков приняло форму длительного, на взаимное истощение, противоборства практически во всех уголках земного шара.

Феномен холодной войны вызревал постепенно, беря истоки в нарастающих противоречиях внутри антигитлеровской коалиции. Первые трения в отношениях СССР и западных союзников возникли уже в связи с Атлантической хартией — англо-американской декларацией Ф. Рузвельта и У. Черчилля, подписанной 14 августа 1941 г., где принципиальным для Советского Союза было положение (включенное по предложению У. Черчилля) о восстановлении «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены были этого насильственным путем»[60]. Это ставило под вопрос жизненно важную для Советского Союза проблему признания советских границ в связи с присоединенными в 1939–1940 гг. Прибалтийскими республиками, Западной Украиной, Западной Белоруссией, Бессарабией и Северной Буковиной, а также частью территории Финляндии, отошедшей к СССР по мирному договору 1940 г., завершившему Советско-финляндскую войну. Проблема устройства

План «Дропшот»: карта целей для атомной бомбардировки городов и промышленных центров СССР

послевоенных границ, по мере приближения окончания войны неуклонно обостряясь, стала одним из хронических факторов разобщенности между союзниками, несмотря на то что американский президент Ф. Рузвельт в целом с пониманием относился к позиции Москвы по этому вопросу.

Не способствовала взаимопониманию между союзниками и проблема второго фронта, которая, подобно коллизии относительно проблемы границ, возникла уже в 1941 г. и неоднократно провоцировала конфликтные ситуации между союзниками. Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен уже 18 июля 1941 г. в послании главы советского правительства премьер-министру Великобритании У. Черчиллю[61]. В тот момент У. Черчилль отклонил советские предложения, ссылаясь на недостаточность необходимых сил. И в дальнейшем его уклончивая позиция по срокам открытия второго фронта стала едва ли не основным фактором, тормозившим высадку западных союзников на Европейском континенте — до тех пор, пока не стало очевидным, что Красная армия в состоянии самостоятельно разгромить вермахт и его союзников и, как следствие, взять под контроль значительное число европейских стран. В связи с этим в западных столицах пробудились опасения о намерении Москвы «экспортировать» революцию, привнести «на штыках» советскую общественно-экономическую формацию в Европу.

По мнению одного из влиятельных политиков Англии того времени фельдмаршала А. Ф. Брука, которое поддерживалось значительной частью англо-американского полити-

ческого истэблишмента, «русские используют войну для продвижения своих идей международного коммунизма»[62]. Подобная в значительной степени умозрительная конструкция ускорила подготовку операции по вторжению западных союзников во Францию. На завершающем этапе войны в Вашингтоне и Лондоне все чаще поднимался вопрос — «выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома Третьего рейха?»[63]. Эти настроения были известны в Москве, что сформировало у советского руководства убеждение в том, что затягивание вопроса с открытием второго фронта носило со стороны союзников преднамеренный характер, преследовало целью максимальное ослабление Советского Союза с учетом приближающегося окончания войны и необходимости решения проблем послевоенного устройства мира.

Омрачали отношения СССР и западных союзников в годы войны неоднократные случаи сокращения, а в отдельных случаях и перебои в поставках Советскому Союзу по программе ленд-лиза. Значительная часть переписки И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в той или иной степени посвящена этой проблеме[64].

В подобной обстановке вступление Красной армии на территорию стран Восточной Европы, как и следовало ожидать, резко обострило противоречия в антигитлеровской коалиции, в которых уже открыто проявились резко расходящиеся интересы. Главной на тот момент геополитической задачей, оправданной с точки зрения то и дело возникающей угрозы вторжения со стороны Запада, Советский Союз считал формирование на своих западных границах пояса из проводящих дружественную политику государств. Западные союзники, в первую очередь Великобритания, напротив, стремились восстановить в этих странах свое довоенное влияние, обеспечив политическую преемственность существовавших здесь до войны политических режимов. В связи с этим Лондон заранее, до появления на этих территориях Красной армии, пытался связать СССР договорными обязательствами о разделе сфер влияния. С этой целью в октябре 1944 г. У. Черчилль прибыл с визитом в Москву, где предложил справедливый, на его взгляд, раздел сфер влияния на Балканах. Несмотря на с трудом реализуемый на практике подход к разграничению степени влияния в той или иной стране, советское руководство, исходя из реалий сложившейся обстановки, с пониманием отнеслось к данному проекту как возможному выходу из нарастающего противостояния с западными союзниками[65]. Советский Союз, ослабленный годами военного лихолетья, не мог выстраивать свой внешнеполитический курс, руководствуясь исключительно политико-идеологическими соображениями. Цель «большевизации Европы» в духе концепта «мировой революции», в чем обвинял Москву Запад в развернувшейся пропагандистской войне, в тот момент не выдвигалась[66].

Свидетельством этому стал фактический отказ И. В. Сталина поддержать греческое движение Сопротивление, возглавляемое коммунистической партией. Осенью 1944 г. все вооруженные формирования в стране формально перешли в подчинение верховного главнокомандования Греции, находившегося под контролем английского генерала Р. Скоби. Это, однако, не смогло предотвратить противостояние английских войск и военной организации греческих коммунистов (ЭЛАС), которое к концу 1944 г. переросло в вооруженные столкновения. В конце января 1945 г. руководство ЭЛАС было вынуждено подписать перемирие, приведшее, в конечном итоге, к роспуску военной организации коммунистов. Тем не менее гражданская война в Греции продолжалась вплоть до середины 1949 г. и закончилась поражением коммунистических сил, что означало восстановление контроля над страной со стороны западных держав[67].

Не менее показательно сложилась ситуация с территориальными претензиями СССР к Турции, что послужило очередным поводом обвинить Советский Союз в экспансионистских намерениях. Вопрос о территориальных претензиях Советского Союза к Турции возник в июне 1945 г. как реакция на запрос турецкого правительства относительно условий заключения с СССР союзного договора. Этому предшествовала денонсация СССР 19 марта 1945 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. Причины для денонсации были обоснованы рядом факторов: враждебной по отношению к СССР

политикой Турции в годы Великой Отечественной войны; наличием договора о дружбе и ненападении между Турцией и Германией, заключенного 18 июня 1941 г.; пропуском немецких кораблей через проливы в Черное море; сосредоточением крупной группировки турецких войск у советских границ и прочим. В качестве условий для нормализации отношений и заключения союзного договора Советский Союз потребовал на Потсдамской конференции возвращения Турцией части территории Армении и Грузии, входившей в состав России до Первой мировой войны, совместную с Турцией оборону Черноморских проливов с использованием для этого как турецких, так и советских военных баз. Подобные требования являлись обычной политико-дипломатической практикой для страны, победоносно завершающей войну, а именно появившейся возможностью восстановить историческую справедливость и установить гарантии безопасности в жизненно важном для нее регионе Черноморских проливов. Позиция СССР при этом отличалась гибкостью. Он был готов заключить и усеченный договор, касавшийся только совместной обороны проливов. Однако бескомпромиссная позиция Турции, опиравшейся на безоговорочную поддержку западных держав (ранее, на Ялтинской конференции они выразили согласие на пересмотр конвенции по Черноморским проливам с учетом интересов СССР), не позволила решить в пользу Советского Союза ни одного из поднятых ею вопросов. 30 мая 1953 г. советское правительство было вынуждено официально отказаться от своих притязаний.

Особую остроту в отношениях союзников на протяжении всей войны сохранял польский вопрос. По мере приближения окончания войны разобщенные силы Сопротивления в Польше все в большей степени руководствовались не военными соображениями, а мотивами политической борьбы за власть. Армия Крайова подчинялась указаниям лондонского эмигрантского правительства, Армия Людова руководствовалась директивами Москвы и Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Важным аргументом для последнего в борьбе за власть являлся фактор Войска Польского, сражавшегося на стороне Красной армии.

Хрупкое равновесие внутриполитической обстановки в Польше нарушил арест советскими военными властями шестнадцати руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Окулицким, отряды которой совершали враждебные акции в тылах Красной армии на территории Польши[68]. Эта акция вызвала резкое неприятие со стороны западных союзников в связи с тем, что могла существенно повлиять на расстановку сил в польском Временном правительстве национального единства, создание которого предусматривалось решением Ялтинской (4–11 февраля 1945 г.) конференции. Переговоры между Великобританией, США и довоенным правительством Польши, находившимся в эмиграции в Лондоне, с одной стороны и Советским Союзом и Временным правительством, находившимся в Варшаве после ее освобождения, с другой относительно состава правительства к компромиссу не привели. Западные союзники были убеждены, что тупиковая ситуация вызвана политическими интригами Советского Союза. 1 апреля 1945 г. Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину послание, где в непривычно жесткой форме заявил: «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу»[69]. И. В. Сталин был вынужден пойти на уступки. Временное правительство национального единства (его состав был объявлен в Варшаве 28 июня), наконец, было сформировано, однако большинство позиций в нем сохранялось за промосковскими политиками. Несмотря на то что это правительство было признано, а также объявлено о проведении в ближайшее время свободных демократических выборов в Польше, для США и в еще большей степени для Великобритании ситуация, когда Польша постепенно дрейфовала в советскую зону влияния, являлась неприемлемой. Но и Советский Союз не мог согласиться с воссозданием на своих западных границах недружественного государства.

Г. Трумэн

Личностный фактор, а именно уход из жизни президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., в еще большей степени способствовал ухудшению отношений между союзниками. С приходом к власти Г. Трумэна произошла окончательная смена политического курса США, приобретшего откровенно антисоветский характер. Уже в первые дни президентства Г. Трумэна в Вашингтоне был поднят вопрос, стоит ли вообще США соблюдать соглашения с Советским Союзом по Дальнему Востоку, достигнутые на Ялтинской конференции[70]. Лишь военная необходимость, опасение в том, что без участия Красной армии война с Японией может принять затяжной характер, заставили ответить на него положительно. Однако когда исход войны был предрешен, США воспротивились включению северной части острова Хоккайдо в зону ответственности советских войск, где те в соответствии с договоренностями должны были принять капитуляцию японских войск.

Г. Трумэн не дорожил даже тем остаточным потенциалом для возможного сотрудничества с СССР, который еще сохранялся в рамках антигитлеровской коалиции. В связи с этим интересна оценка нового президента, данная Г. Киссинджером: «Став президентом, Трумэн ощущал гораздо в меньшей степени, чем Рузвельт, эмоциональную обязанность хранить единство союзников; для выходца из изоляционистского Среднего Запада единство между союзниками было скорее предпочтительным с практической точки зрения, чем эмоционально или морально необходимым. Не испытывал Трумэн и преувеличенного восторга по поводу военного партнерства с Советами, на которые он всегда взирал с величайшей осторожностью. Когда Гитлер напал на Советский Союз, тогда еще сенатор Трумэн оценивал обе диктатуры морально эквивалентными друг другу и рекомендовал, чтобы Америка поощряла их сражаться насмерть: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы обязаны помогать России, а если будет побеждать Россия, то мы обязаны помогать Германии. И пусть таким образом они убивают друг друга как можно больше, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них ни во что не ставит данное им слово»[71].

При таком умонастроении У. Черчиллю удалось быстро найти общий язык с Г. Трумэном относительно необходимости системного сдерживания СССР. У. Черчилль, во многом выражал их общую точку зрения, заявляя 24 апреля 1945 г.: «В дальнейшем отношения с СССР возможно строить только при признании русским народом англо-американской силы». Для этого он призывал Запад руководствоваться следующим: «Во-первых, тем, что Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира. Во-вторых, тем, что против ее дальнейшего продвижения должен быть немедленно создан новый фронт. В-третьих, тем, что этот фронт в Европе должен пролегать как можно дальше на Востоке»[72].

Эту точку зрения разделяла значительная часть американского руководства, что не замедлило сказаться на реальных американо-советских отношениях. В середине мая 1945 г. без предварительного предупреждения США прекратили поставки в СССР по ленд-лизу. При этом были отданы распоряжения не только прекратить погрузку товаров на суда, но и возвратить те из них, что уже находились в пути в советские порты. Для советского руководства это стало полной неожиданностью[73]. В сентябре 1945 г. Вашингтон оговорил возможность получения ранее обещанного займа (6 млрд долларов) неприемлемыми для Советского Союза условиями. От Москвы потребовали, чтобы в «обмен на американский заем он изменил свою систему правления и отказался от сферы влияния в Восточной Европе»[74]. И это были не просто слова.

Знаковым событием в конфронтационной политике западных держав того тревожного периода стала разработка плана экстренной операции «Немыслимое», предполагавшей создание нового фронта западных союзников с целью воспрепятствования стремительному продвижению Красной армии на Европейском континенте. Начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал А. Ф. Брук спустя много лет признал, что уже через две недели после окончания военных действий в Европе руководители штабов отдельных родов войск страны получили приказ из Лондона подготовить меморандум о военных мероприятиях, «направленных против России». Политической целью этих мероприятий являлось навязывание русским воли Соединенных штатов и Британской империи[75]. Предполагалось, что военная операция начнется 1 июля 1945 г. неожиданным наступлением 47 британских и американских дивизий. Кроме того, в сражениях против СССР планировалось использовать и бывших солдат вермахта[76]. План коалиционной войны западных союзников против Советского Союза предусматривал не просто вытеснение Красной армии из Восточной Европы, но и оккупацию территорий «внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления». Реализовать этот план помешала лишь мощь Красной армии, на тот момент самой крупной военной силы на Европейском континенте[77].

Напряженность в отношениях между СССР и США еще более возросла после атомной бомбардировки 6 и 9 августа 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки, решение о которой было принято втайне от СССР. Генерал Д. Эйзенхауэр отметил, что «до использования атомной бомбы я был уверен, что мы сможем сохранить мир с Россией. Теперь не знаю. Я надеялся, что в этой войне атомная бомба не будет использована... Люди повсюду испуганы и обеспокоены. Опять все почувствовали беспокойство»[78].

После разгрома Японии в сентябре 1945 г., когда отпала последняя необходимость в совместных с СССР военных усилиях, действия западных держав приняли уже незавуалированный антисоветский характер. Не прошло и двух недель после капитуляции Японии, как американский Комитет начальников штабов приступил к разработке новой «Стратегической концепции и плана использования вооруженных сил США», исходившей из того, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР». Выдвинутая в этом документе «Стратегическая концепция разгрома России» стала воплощаться в конкретные военные планы: к концу сентября 1945 г. был разработан первый из таких планов, предусматривающий стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия[79].

В этой обстановке разразился иранский кризис (1945–1946). Иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви по этому поводу отметил в своих мемуарах: «Как мне кажется, историки подтвердят, что холодная война фактически началась в Иране. Хотя ее симптомы наблюдались также и в других районах земного шара, но впервые признаки этой формы войны явственно проявились именно в Иране»[80]. Через Иран в годы войны пролегал так называемый южный маршрут поставок по программе ленд-лиза в советские Армению, Азербайджан и Туркменистан с использованием портов Ирана и Ирака. Необходимость обеспечения надежной защиты этого маршрута потребовала ввода союзных англо-советских войск на территорию Ирана. 29 января 1942 г. был подписан англо-советско-иранский договор, по которому СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность Ирана, защищать его от агрессии со стороны Германии, содержать на территории Ирана сухопутные, морские и военно-воздушные силы и вывести их в шестимесячный срок после окончания боевых действий. В конце 1942 г. на территорию Ирана были введены также войска США. Командование американских вооруженных сил в Персидском заливе не имело какой-либо договоренности на этот счет с иранским правительством, но последнее не возражало против американского присутствия в стране, рассматривая его как силу, способную уравновесить влияние советского фактора.

После открытия союзниками второго фронта во Франции поставки в Советский Союз южным маршрутом утратили свою значимость, автосборочные заводы демонтировались, специалисты отправлялись на родину. Об атмосфере, которая в тот момент царила между союзниками, свидетельствует следующий факт. В соответствии с договором о ленд-лизе СССР после окончания войны должен был или выкупить, или вернуть уцелевшую автомобильную технику в исправном состоянии. Москва предпочла последнее. Приемка западными союзниками автомобильной техники в северных и дальневосточных портах осуществлялась более чем оригинальным способом: в присутствии советских представителей автомобили пускались под пресс, после чего кубы спрессованного металлолома грузились на суда[81].

Помимо военных специалистов на севере Ирана трудились в годы войны и советские геологоразведчики. Им удалось обнаружить перспективные нефтяные месторождения в провинциях Гогран, Мазандаран и Гилян, расположенных в непосредственной близости от Азербайджанской и Туркменской ССР. Экономическую активность в Иране развернули и западные союзники. В конце 1943 — начале 1944 г. руководство американских нефтяных компаний «Стандард вакуум» и «Синклеройл», а также английская компания «Шелл» приступили в Тегеране к переговорам о предоставлении им нефтяных концессий на юге Ирана, в Белуджистане. В свою очередь, Москва предложила иранскому правительству предоставить ей нефтяную концессию в северо-восточных провинциях. Правящие круги Ирана, склоняясь к проведению проамериканского курса во внешней политике, ответили отказом. В распоряжении советского руководства остался едва ли не единственный рычаг воздействия на иранское правительство — затягивание с выводом войск.

19 мая 1945 г. иранское правительство обратилось к СССР, США и Англии с просьбой о досрочном выводе их войск из страны, мотивируя это окончанием войны с Германией. В отличие от западных союзников, Москва не торопилась с положительным ответом. Ситуация вскоре резко обострилась в связи с репрессивной политикой иранского правительства в отношении левых движений в Иранском Азербайджане, входившем в советскую зону оккупации. Последние намеревались добиться предоставления Иранскому Азербайджану административной и культурной автономии. В случае получения автономии Иранским Азербайджаном, этнически связанным с Советским Азербайджаном, политическое влияние СССР в Иране и на всем Среднем Востоке могло значительно усилиться. В западных столицах события, происходившие в Иране, трактовались однозначно — как попытка СССР в дальнейшем развернуть экспансию в южном направлении: в сторону Индии и других колониальных владений Англии, расположенных в этом регионе.

У. Черчилль и Г. Трумэн. Фултон, 5 марта 1946 г.

Политико-дипломатическая ситуация вокруг Ирана сложилась не в пользу Москвы. После того как в начале марта 1946 г. Иран покинули американские и английские войска, Москва исчерпала легальные возможности давления на иранское правительство. Компромиссом стало согласие Тегерана на создание смешанного советско-иранского нефтяного общества и обещание отказаться от репрессий в отношении руководства национально-демократического движения в Иранском Азербайджане. Однако после того как Москва вывела свои войска, иранское правительство торпедировало ранее достигнутые договоренности. Национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане было подавлено силой, а избранный в середине 1947 г. новый состав меджлиса отказался ратифицировать советско-иранское соглашение о совместном нефтяном обществе[82].

Иранский кризис стал своего рода рубежным событием в складывающейся архитектонике холодной войны. Среди прочего, он означал не только бескомпромиссный антисоветский курс со стороны западных держав, но и переход США к глобалистской политике (не ограниченной отныне Европой и Дальним Востоком), вовлечение в противоборство СССР и США стран третьего мира, полное единство США и Англии по ключевым проблемам мировой политики (так называемые «особые отношения»).

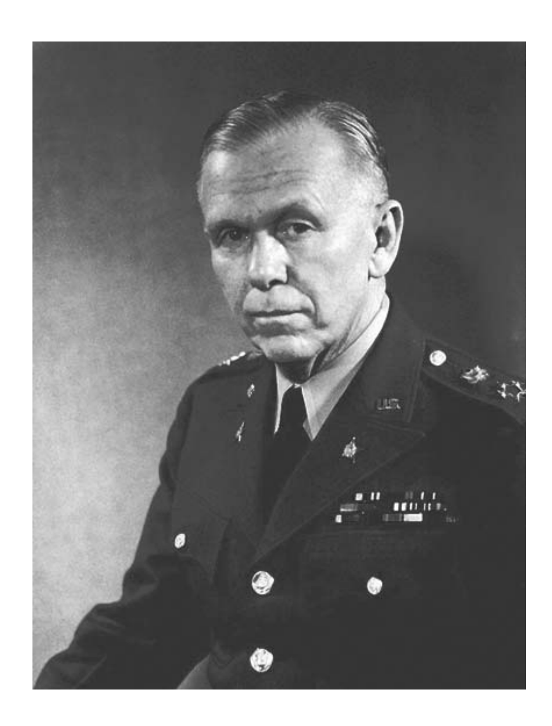
Дальнейшие события свидетельствовали об окончательном оформлении концептуальных политико-стратегических основ холодной войны со стороны западных держав, выборе ими приоритетных направлений в противоборстве с Советским Союзом. Хрестоматийной в этом отношении является телеграмма от 22 февраля 1946 г. американского посла в СССР Дж. Кеннана, вошедшая в историю как «длинная телеграмма Кеннана», а также его же статья «Источники советского поведения», опубликованная в июле 1947 г. в американском журнале «Форин афферс» за подписью «Икс». Дж. Кеннан призвал оказывать на СССР всестороннее давление, утверждая, что тот понимает только язык силы. Он исходил из распространенной на западе точки зрения, что Россия при любом государственном строе будет оставаться аг-

рессивной по своей природе страной, вследствие чего внешняя политика СССР будет ориентирована на всемерное расширение сферы своего влияния. Для противодействия советской угрозе Дж. Кеннан считал необходимым всеми возможными средствами нейтрализовывать влияние коммунистической идеологии в странах Европы и других регионах мира. Главной целью экономического и политического давления США являлось обострение присущих советской системе противоречий с целью последующего перерождения советского политического строя[83].

Для анализа предложений Дж. Кеннана и выработки соответствующих рекомендаций по распоряжению президента Г. Трумэна была создана специальная комиссия с участием советника президента К. Клиффорда, госсекретаря Дж. Маршалла, его первого заместителя Д. Ачесона, министра военно-морских сил Дж. Форрестола, министра юстиции А. Гарримана и других влиятельных политиков. Итогом работы комиссии стал доклад «Американские отношения с Советским Союзом», представленный Г. Трумэну 24 сентября 1946 г. Ключевым тезисом этого документа являлось утверждение, что советская экспансия может начаться в любом месте земного шара, и только США имеют возможность воспрепятствовать этому. Была отмечена принципиальная особенность советской политической системы — ее мобилизационный характер, позволяющий на основе жесткой централизации и трудовой дисциплины планомерно реализовывать любые внешнеполитические проекты. В качестве первоочередной задачи предлагалось формирование прочной коалиции западных держав, возглавляемой США, что, в свою очередь, предполагало неуклонный рост их военной мощи, всемерное упрочение позиций в экономической и научно-технической сферах с одновременным проведением жесткой идеологической и информационно-пропагандистской борьбы против коммунизма.

Первым публичным выражением нового стратегического курса стала речь У. Черчилля «Мускулы мира», произнесенная 5 марта 1946 г. во время выступления в Фултоне перед студентами Вестминстерского колледжа. Формально призывая к объединению сил демократических народов для защиты своей свободы под эгидой ООН, У. Черчилль сделал особый акцент на идее атлантической солидарности англосаксонских народов, несущих основную ответственность за судьбы мира. Начав с утверждения, что Соединенные Штаты находятся на вершине мирового могущества, он далее изложил свою стратегическую концепцию. Хорошо, заявил он, что атомная бомба находится в руках американцев: никто не смог бы спать спокойно, если бы «временная монополия на обладание этим ужасающим оружием» была захвачена «каким-либо коммунистическим или неофашистским государством», и к тому дню, когда эта монополия может быть утеряна, США необходимо гарантировать себе «обладание таким превосходством, такой ужасающей мощью», которые бы предотвратили саму возможность использования кем-то другим этого оружия. В то же время он подчеркнул необходимость защищать повсюду в мире «великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англоязычного мира». Фактически это был призыв к созданию военно-политического союза под руководством США и Великобритании. У. Черчилль не утверждал, что Советский Союз хочет войны, но отмечал, что СССР желает воспользоваться «плодами войны и получить возможность неограниченного распространения своего могущества и своей доктрины». Поэтому никакое умиротворение, по его мнению, было невозможно. Тем самым проводилась смысловая параллель между политикой СССР и Германии 1930-х гг.[84] В заключение он произнес фразу, которой суждено было стать символом холодной войны: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес»[85].

Еще более широкий, всеобъемлющий подход к принципу атлантизма продемонстрировал американский президент Г. Трумэн в своем выступлении перед американским конгрессом 12 марта 1947 г. (позднее оно стало основой так называемой «доктрины Трумэна»). Президент США заявил о наличии лишь двух «альтернативных путей развития» в мире — демократического и тоталитарного. В подобных условиях перед необходимостью самоопределения, по его мнению, оказывалась любая страна в любой точке земного шара. В этих условиях

Дж. Маршалл

США не могли оставаться безучастными к судьбе мировой демократии и призваны были возглавить крестовый поход против «коммунистической угрозы». Г. Трумэн, в частности, заявил: «Я убежден, что политика Соединенных Штатов должна состоять в том, чтобы помогать свободным народам сопротивляться подчинению вооруженным меньшинствам или внешнему давлению, направленному на то, чтобы подчинить их. Я убежден, что мы должны помогать свободным народам определять свою судьбу так, как они сами желают»[86]. «Доктрина Трумэна» предполагала создание так называемого «оборонительного периметра», то есть зоны, отнесенной к жизненно важным национальным интересам США. Страны, включенные в этот периметр, получали от Вашингтона гарантии своей безопасности, вплоть до прямого военного вмешательства США. В тот же день американский конгресс одобрил предоставление крупной финансовой (400 млн долларов) и военной помощи Греции и Турции, оказавшихся на «передовой линии» борьбы против коммунизма.

Москва ответила ускорением процесса формирования просоветских «народно-демократических» режимов в Восточной и Центральной Европе. Американцы, в свою очередь, не менее жестко контролировали ход политического процесса в Западной Европе. Политические элиты Западной Европы, обессиленные кровопролитной войной, восприняли американскую экспансию в европейское пространство как должное. Мощным притягательным фактором для них стал предложенный американцами «План Маршалла». Основная доля крупных займов и безвозмездных субсидий в рамках этого плана (около 60%) досталась ведущим европейским державам: Великобритании, Франции, Италии и ФРГ. Эти наиболее развитые государства Европы прочно вошли в орбиту геополитических и экономических интересов США, позднее составив основу Североатлантического альянса.

Начало холодной войны не ограничилось лишь Европейским континентом. Региональный аспект противостояния Советского Союза и западных держав был обусловлен мощным национально-освободительным движением, развернувшимся в первые послевоенные годы в колониальных странах, предполагавшим выбор модели (капиталистической или социали-

стической) будущего государственно-политического устройства. Это предопределило острое противостояние СССР и западных держав, в том числе в отдаленных регионах, что придало ему глобальный характер.

По-прежнему дискуссионным в современной историографии является вопрос об ответственности за развязывание холодной войны. Однозначный ответ здесь вряд ли возможен. Вместе с тем существует ряд объективных факторов, которые позволяют утверждать, что основная инициатива в институционализации конфронтационного курса принадлежала США. США были единственной державой, которая не только не понесла ущерба от Второй мировой войны, но, напротив, оказалась главным выгодоприобретателем. В экономике США в годы Второй мировой войны произошел невиданный скачок. Промышленное производство США по окончании войны превосходило производство всех других стран мира вместе взятых (без учета СССР)[87]. Между экономиками Советского Союза и Соединенных Штатов в первые послевоенные годы образовался огромный разрыв, который оценивается приблизительно как один к пяти[88]. Итальянский историк Дж. Боффа на основании изученных архивных документов пришел к выводу о том, что контраст между американскими условиями жизни и той отчаянной нищетой, в которой жил советский народ, был глубочайшим[89]. Таким образом, СССР был вынужден вступить в соревнование с США, многократно уступая ему по экономическим возможностям[90].

К концу войны США стали не только экономической, но и военной сверхдержавой. За годы войны американцами был создан мощный военно-промышленный комплекс, который стал стремительно модернизироваться на новой технологической основе. Но главным преимуществом США перед Советским Союзом являлась монополия на атомное оружие. «Мечта Рузвельта» о послевоенном сотрудничестве с СССР была изначально обречена принятым вместе с У. Черчиллем в 1943 г. секретным соглашением о том, чтобы не сообщать И. В. Сталину каких-либо сведений о ведущихся англо-американских работах по созданию атомной бомбы. Это «подорвало атмосферу доверия, к которой стремился Рузвельт в своих отношениях со Сталиным», хотя и «не было равнозначно началу холодной войны»[91]. Однако в духе холодной войны были предпринятые американцами меры по воспрепятствованию доступа Советскому Союзу к атомным секретам, а также использование ядерного оружия в качестве средства устрашения в противостоянии с ним.

Разрушительная мощь атомного оружия, продемонстрированная бомбардировками японских городов в августе 1945 г., вселяла уверенность в благоприятном для американцев исходе развернувшейся конфронтации. США находились в гораздо более благоприятном геополитическом положении, чем Советский Союз. Из-за недосягаемости в тот период своей территории они могли рассчитывать на полную безопасность, даже если бы СССР стал обладателем атомной бомбы (без средств доставки). Напротив, Советский Союз был уязвим со стороны США. В 1949 г. в непосредственной близости от границ СССР и его союзников насчитывалось более 300 американских баз, на которых базировались бомбардировщики дальнего действия, способные нести атомное оружие.

В сложившихся после войны условиях у США впервые в их истории появилась уникальная возможность обрести статус мировой державы, распространить и утвердить свое влияние в различных регионах мира. Идея «предначертанной судьбы» Соединенных Штатов, основанная на представлении об исключительности американского эксперимента во всемирно-историческом масштабе, имеет давние исторические корни. Отцы-основатели США изначально мыслили наднациональными категориями. Американское политическое сознание исходило из того, что США — это нечто большее, чем просто государство. Известный американский публицист Дж. О'Салливан, к примеру, призывал рассматривать США как главного носителя истины и универсальных человеческих ценностей: «С рождением нашей нации началась новая история, формирование и развитие небывалой политической системы, отделяющей нас от прошлого и связывающей лишь с будущим. Наблюдая эволюцию прав человека в моральной и политической жизни нации, мы можем уверенно признать, что нашей стране предназначено стать великой нацией будущего... Мы — нация человеческого

прогресса. Кто посмеет ограничить наше продвижение вперед?»[92]. О неизбежности американизации мира еще в 1901 г. предупредил британский журналист Т. Стид в своей книге «Американизация мира или направление развития XX в.»[93].

Попытки навязывания другим народам американского образа жизни американский историк А. Шлезингер-младший объяснил слепой верой в то, что американцы лучше, чем другие народы, знают, что для этих народов хорошо, а что — плохо. Миссионерский долг являлся удобным обоснованием для объявления в случае необходимости любого крестового похода. «Миссионерская концепция о взаимосвязи между нашей внутренней ситуацией и нашей внешней политикой, — отмечал американский политолог Г. Моргентау, — ...перевоплощается в третью — концепцию крестового похода». Границами такого крестового похода оказывались фактические пределы американской мощи, ее потенциальными пределами — пределы земного шара. Американский пример трансформировался в формулу всемирного спасения, на которое правильно мыслящая нация согласится добровольно и к которому другие должны быть принуждены силой»[94]. «Предначертанная судьба стала оправданием для почти любого приращения территории, для приобретения которой у США имелись воля и сила»[95]. В первые послевоенные годы для реализации американского «имперского проекта» сложились, казалось, все необходимые условия. Как конспективно по этому поводу выразился З. Бжезинский, «геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре».

Американская политическая элита прекрасно осознавала огромное превосходство США над СССР. «В США господствовали всеобщее убеждение в превосходстве над всеми другими. Все были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке: «перестроить по образцу и подобию Соединенных Штатов»[96]. Это понимал и У. Черчилль, который в порыве откровенности заявил американскому послу в Москве А. Гарриману: «Центром власти теперь является Вашингтон»[97].

Основным препятствием на пути реализации американских глобалистских замыслов, по мнению Вашингтона, являлся СССР. Широкая популярность Советского Союза, внесшего решающий вклад в разгром нацистской Германии, значительное «полевение» в связи с этим общественно-политического процесса во многих странах мира превратили его, несмотря на относительную слабость по сравнению с США, в один из решающих факторов мировой политики. Москва оказалась перед непростым выбором. Сложность этого положения диагностировал Г. Киссинджер: «В 1945 году Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, очутился лицом к лицу с непострадавшей от войны Америкой, обладающей атомной монополией»[98].

Какое-то время в Советском Союзе еще рассчитывали на возможность сохранения баланса интересов в отношениях с Западом. Одним из свидетельств этого стало активное обсуждение в Москве возможности присоединения к «Плану Маршалла»[99]. Однако в конечном счете опасения того, что Советский Союз и восточно-европейские страны в случае принятия этого плана окажутся в жесткой экономической, а затем и политической зависимости от США, перевесили выгоды от возможности ускоренного восстановления экономики страны. Тем не менее, стремясь соблюдать взятые на себя обязательства, Советский Союз в сентябре 1945 г. вывел свои войска из северной Норвегии, в ноябре — из Чехословакии, в апреле 1946 г. — с острова Борнхольм (Дания), в мае — из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 г. — из Болгарии, в 1948 г. — из Кореи.

Даже после программной антисоветской речи У. Черчилля, которую в интервью газете «Правда» глава советского правительства И. В. Сталин 14 марта 1946 г. расценил как «прямой призыв к войне с СССР», вплоть до 1949 г. продолжал функционировать учрежденный на Потсдамской конференции Совет министров иностранных дел в составе представителей СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. СМИД провел немалую работу по разработке мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии, решению острых территориальных вопросов.

Тем не менее пространство для политического компромисса неуклонно сужалось. В Москве сознавали серьезность угрозы и были намерены противостоять ей. Мессианизм, убежденность в своей исторической правоте был характерен не только для США, но и для СССР. Немаловажная роль в этой связи отводилась Коминформу[100], своего рода Коминтерну, воссозданному в новом качестве. Однако доминирующей в тот период была не проблема экспорта «мировой революции», а императивы обеспечения безопасности страны как внешней, так и внутренней, что привело в том числе и к ужесточению внутренней политики с целью подавления инакомыслия[101].

Холодная война была вызвана многими факторами, но главным из них являлось стремление США устранить Советский Союз и его союзников в качестве геополитических соперников и на этой основе добиться глобального доминирования, символом которого должно было стать установление в мире Pax Americana.

Формирование и начало противостояния военно-политических блоков

Логическим следствием разворачивающейся холодной войны стало институциональное оформление противостоящих сил в виде военно-политических блоков. Инициатива в этом процессе принадлежала странам Запада. К 1948 г. для формирования военно-блоковой системы в Европе сложились необходимые предпосылки. Относительно завершенную форму приняло идейно-политическое противоборство двух сверхдержав, принявшее характер ожесточенной пропагандистской войны.

Помимо обвинений Советского Союза в попытках «большевизации» Европы и имманентно присущих ему экспансионистских планах, ревизии подверглась история недавно завершившейся Второй мировой войны. В январе 1948 г. госдепартамент США совместно с английским и французским министерствами иностранных дел издал сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941», в котором Советский Союз был представлен агрессором, одним из виновников развязывания Второй мировой войны. В ответ на это Совинформбюро подготовило и опубликовало справку «Фальсификаторы истории», в которой доказывалось, что именно США, Великобритания и Франция способствовали развязыванию войны[102].

Следующей активно муссируемой западными средствами массовой информации темой стал якобы принудительный, не оговоренный предыдущими договоренностями демонтаж немецких предприятий и оборудования в советской зоне оккупации. Одновременно с этим западная пропаганда внушала немецким обывателям мысль о неспособности советского руководства обеспечить приемлемые социально-экономические условия для проживающего в его зоне оккупации немецкого населения, об отсутствии там основных прав и свобод человека.

Острые дипломатические баталии развернулись вокруг политических событий, происходивших в Восточной Европе, прежде всего в Чехословакии, где внутриполитический кризис в результате государственного переворота в феврале 1948 г. был разрешен в пользу коммунистов[103]. Совместная декларация правительств США, Англии и Франции по поводу пражских событий осудила подобное развитие событий в Чехословакии[104]. В отправленном 28 февраля 1948 г. в Прагу отчете посольства Чехословакии в США отмечалось, что «кризис в Чехословакии использован и печатью, и политиками в качестве раскрытия нового Мюнхена, угрозы советской экспансии и описания мрачного будущего, которое ждет Америку»[105]. События в Чехословакии стали во многом переломным моментом в развитии противостояния двух держав, ускорившим военно-блоковое строительство в Европе. Не случайно министр иностранных дел Англии Э. Бевин охарактеризовал кризис в Чехословакии как «критический период, решивший будущее Европы»[106].

Переход власти в Чехословакии к коммунистам фактически завершил институционально-политическое оформление советской сферы влияния в Восточной Европе, в которую вошли Болгария, Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия. Неоднозначное место в этом ряду занимала Югославия, в связи с «особым» курсом И. Броз Тито, предпочитавшего сохранять свободу рук в проведении внешней и внутренней политики. Запад ответил ускорением институционального оформления своей зоны влияния на Европейском континенте. На повестке дня встал вопрос о создании Западного союза. В действительности план создания Западного союза был одобрен британским кабинетом еще до событий в Чехословакии, которые явились лишь благовидным поводом для быстрого завершения этого процесса. В частности, министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин в своем выступлении 22 января 1948 г. заявил, что стремление СССР использовать все средства, имеющиеся в его распоряжении, чтобы установить коммунистический контроль в Восточной Европе, а также в Западной, привело к критическому моменту в организации послевоенного мира, и настало время для консолидации Западной Европы как единого целого[107].

Эти заявления носили не только пропагандистский характер. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии существенно повысила влияние коммунистических партий и левых политических организаций на общественную жизнь европейских стран. В Италии пал монархический режим. Во Франции влиятельной политической силой стала Французская коммунистическая партия. В Вашингтоне и Лондоне эти изменения расценивались не иначе как подталкиваемый из Москвы процесс «социализации Европы». По мнению правящих кругов США, с разгромом Германии весь Европейский континент превратился в некий «вакуум силы», находящийся вне американского контроля. Соединенные Штаты опасались остаться единственным бастионом традиционного капитализма[108]. В западноевропейское общественное сознание всеми способами внедрялся тезис: ответственность за то, что происходит в Европе, за то, что здесь возникли два враждебных лагеря, несет прежде всего Советский Союз, ибо он проводит политику насаждения своего общественного строя. Необходимость противостояния «советской угрозе», «красному нашествию» стала идейной основой западных военно-политических проектов, реализованных на Европейском континенте.

В значительной степени способствовал евроатлантическому единению «План Маршалла», названный так по имени госсекретаря США Дж. Маршалла. 5 июня 1947 г. США провозгласили программу помощи европейским странам, более других пострадавшим от фашистской агрессии. Официальной целью была стабилизация социально-экономической ситуации в Европе, реальной — формирование прочной зависимости стран Западной Европы от США и одновременно ослабление влияния Советского Союза в восточноевропейском регионе. Условием получения помощи были ее подконтрольное использование и право США определять основные направления экономической политики стран-получателей. Благодаря позиции Советского Союза реализовать этот план в Восточной Европе не удалось. Однако, вложив 12,4 млрд долларов, США не только сумели стабилизировать экономическую ситуацию в Западной Европе, но и надежно вовлекли западноевропейские страны в сферу своего влияния.

17 марта 1948 г. Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом был учрежден Западный союз (Брюссельский пакт, или договор), который изначально (ввиду недостаточности наличного совокупного потенциала) рассматривался в качестве основы для создания в последующем мощной трансатлантической военно-политической организации с участием Соединенных Штатов Америки, что в полной мере отвечало их интересам по объединению всех сил западного мира в противостоянии с Советским Союзом. Официальная цель Западного союза звучала значительно скромнее и заключалась в предотвращении новой германской агрессии, возможность которой выглядела более чем гипотетической. Показательным в этом отношении являлось определение в договоре случаев, при которых одна из сторон могла бы потребовать принятия совместных мер защиты. Это могло произойти «в случае возобновления агрессивной политики со стороны Германии или при любой

ситуации, которая может представлять собой угрозу миру, где бы она ни возникла, или при любой ситуации, представляющей опасность для экономической устойчивости»[109]. Определение допускало широкое и произвольное толкование: под него можно было подвести и всеобщую забастовку, и активное выступление трудящихся Западной Европы, тем более «угрозу» со стороны Советского Союза. Не случайно в секретном меморандуме № 7 Совета национальной безопасности США, принятом через две недели после создания Западного союза, со стороны США предусматривалась активная поддержка «его развития и расширения как антикоммунистического союза государств»[110].

Учреждение Западного союза положило начало процессу оформления военно-блокового противостояния в Европе. В Москве адекватно оценили смысл происходящего. В нотах, направленных правительствам США, Англии и Франции 6 марта 1948 г., советское руководство отметило, что и «План Маршалла», и создание Западного союза противопоставляют Западную Европу Восточной, ведут к ее политическому расколу.

Особую остроту на фоне политического размежевания Европы принял вопрос о будущем Германии. Американский президент Г. Трумэн исходил из того, что без Германии оборона Европы означала бы не что иное, как арьергардную операцию у берегов Атлантики[111]. В начале 1948 г. военные власти западных держав в Германии и западногерманское политическое руководство приступили к обсуждению процедуры объединения западных зон и создания на их основе федеральной правительственной системы. После пражских событий 25 февраля 1948 г. к англо-американским оккупационным зонам присоединилась Франция, образовав тем самым единую западную зону.

Одним из наглядных последствий достигнутого соглашения стала установка пограничных столбов между советской и американской оккупационным зонами. И. В. Сталин в январе 1948 г. прокомментировал это раздраженной репликой: «Запад из Западной Германии сделает свое, а мы из Восточной Германии — свое государство!». В соответствии с замыслом Берлин должен был остаться в советской зоне оккупации[112]. Москва выдвинула западным союзникам требование о предоставлении советским властям права осматривать все эшелоны военного назначения, следующие из западных зон Германии в Берлин. Проигнорировав возможность обсудить конфликтную ситуацию на Лондонской конференции в феврале — марте 1948 г., на которую в нарушение Потсдамских соглашений не были приглашены советские представители, западные союзники подтвердили свое фактическое намерение создать независимое западногерманское государство на основе Тризонии.

Решения Лондонской конференции и спровоцировали возникновение первого берлинского кризиса, следствием которого стало окончательное размежевание между Западной и Восточной Европой. Поводом для кризиса послужил инцидент, происшедший в марте 1948 г. на заседании Союзного контрольного совета. Неудовлетворенный ходом ее работы член Контрольного совета в Германии от СССР глава советской делегации маршал В. Д. Соколовский покинул зал заседания, заявив, что неконструктивная позиция западных держав фактически парализовала деятельность комиссии. Союзный контрольный совет прекратил свое существование.

Видя бесперспективность дальнейших переговоров с Западом, советское руководство решило перейти к демонстрации своих возможностей по берлинскому вопросу. Наиболее уязвимым местом западных союзников являлись коммуникационные линии, идущие из соответствующих зон оккупации Германии в Западный Берлин. Какие-либо общепринятые нормы, регламентирующие порядок снабжения соответствующих секторов Берлина из западных оккупационных зон, отсутствовали. С этой целью использовались несколько шоссе и железных дорог, а также три воздушных коридора. Воспользовавшись этим, Москва в марте 1948 г. ввела в действие «контрольно-ограничительные мероприятия на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии»[113], фактически означавшие транспортную (кроме воздушного сообщения) блокаду западных оккупационных секторов Берлина. 25 марта 1948 г. главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии маршал В. Д. Соколовский подписал приказ «Об усилении охраны и контроля

на демаркационной линии советской зоны оккупации в Германии», в котором предписывалось обеспечить сокращение до минимума следование пассажирских поездов и воинских эшелонов из Тризонии. Вскоре был введен полный запрет на движение военных эшелонов из западных зон оккупации. Началась так называемая «детская» блокада Берлина.

Игнорируя распоряжения советских властей, американский военный комендант в Германии генерал Л. Клей распорядился направить в западные зоны Берлина несколько эшелонов с вооруженной охраной с приказом воспрепятствовать каким-либо проверкам со стороны русских. Однако к тому времени с советской стороны уже были установлены стационарные блокпосты, надежно перекрывшие доступ в Берлин. Единственным способом доставки необходимых грузов в западные сектора Берлина оставался воздушный. В ответ американцы ввели запрет на все виды поставок из западных зон оккупации в советскую. Убедившись в решимости западных держав отстаивать свои интересы в Берлине, советское руководство через несколько недель отменило ограничительные меры. Советские действия трактовались американцами по-разному. Армейская разведка, в частности, в начале мая 1948 г. сообщила, что Москва намеревается выдворить западные державы из Берлина не позднее августа, и для этого советская сторона готова предпринять любые действия, вплоть до развязывания войны, однако наиболее реальной представляется полномасштабная блокада Берлина.

В тот момент, США по различным причинам не были готовы к прямому вооруженному столкновению с Советским Союзом. Несмотря на декларируемую бескомпромиссность в отношениях с СССР, американский президент Г. Трумэн осознавал, что американское общественное мнение не настроено на вооруженный конфликт с Советским Союзом по поводу Берлина. В этих условиях в качестве одного из возможных решений рассматривался даже вариант полного оставления Берлина западными союзниками. По мнению начальника штаба армии генерала О. Брэдли, в сложившейся ситуации наиболее целесообразным было бы «наше собственное заявление об уходе и тем самым сохранение престижа, чем если бы пришлось уходить оттуда под давлением нависшей угрозы». Подобную позицию во многом разделяли и союзники США. В середине апреля американское посольство в Лондоне сообщило, что британское руководство считает: уход западных держав из Берлина — это лишь вопрос времени. В качестве будущей столицы Западной Германии назывался Франкфурт.

Противоречивые подходы к решению берлинской проблемы привели к тому, что США не успели разработать четкий план действий на случай чрезвычайной обстановки в Берлине. Поэтому временное приостановление всех грузовых и пассажирских перевозок, введенное советскими властями 24 июня 1948 г. и означавшее не что иное, как начало полномасштабной блокады, застало США врасплох. На этот раз кризис таил в себе возможность быстрой и непредсказуемой эскалации. С началом блокады соединения и части ВВС Группы советских оккупационных войск в Германии были приведены в состояние повышенной боевой готовности. В свою очередь, генерал Л. Клей и его политический советник Р. Мэрфи настаивали на жестком ответе Москве, вплоть до применения военной силы. По мнению последнего, оставление Берлина стало бы «Мюнхеном 1948 года»[114]. К середине июля 1948 г. Л. Клеем был разработан подробный план, предполагавший в случае необходимости прорыв советской блокады вооруженным путем, нанесение авиационных и артиллерийских ударов по советским войскам, участвующим в блокаде, а также бомбардировку советских аэродромов в Восточной Германии. Дело могло принять драматический оборот.

Однако против намерений, способных привести к развязыванию новой мировой войны, высказался ряд авторитетных американских политиков. Посол США в Москве Б. Смит исходил из того, что любая попытка осуществления вооруженного прорыва блокады неизбежно перерастет в крупный вооруженный конфликт. В конечном итоге, Вашингтон принял компромиссное решение о доставке необходимых грузов в западные сектора Берлина воздушным путем. Так начал действовать воздушный мост в Берлин, функционировавший свыше 300 дней. Своим действиям Запад постарался придать широкий пропагандистский характер, Берлин изображался «аванпостом свободного мира», ради защиты которого США готовы пойти на любой риск. Это принесло ощутимые результаты в формировании про-

американской позиции среди немалой части немецкого населения. Параллельно с мерами, предпринятыми в отношении Берлина, Г. Трумэн в середине июля распорядился направить на территорию Великобритании две группы стратегических бомбардировщиков В-29, способных нести ядерное оружие. Началась материализация американской стратегии сдерживания Советского Союза.

В сложившейся ситуации Советский Союз не мог прервать воздушное сообщение западных союзников, не идя на риск войны. Помимо этого, в самой восточной зоне Германии, оказавшейся в полной изоляции от Запада, стали нарастать экономические трудности, что грозило падением авторитета коммунистов и протестными акциями со стороны местного населения. 3 августа 1948 г. в ходе переговоров с представителями трех западных правительств И. В. Сталин фактически отказался от первоначальных условий, предполагавших полный отказ Запада от планов создания западногерманского государства. Он заявил, что готов снять блокаду, если западные державы пойдут на совместное коммюнике, в которое будет включено положение о «позиции советского правительства», не согласного с решениями Лондонской конференции, запустившими процесс создания ФРГ. Это требование, однако, было проигнорировано США, которые уже определились со стратегической линией поведения в отношении Советского Союза.

18 августа 1948 г. вышла директива Совета национальной безопасности США № 20/1 «Цели США в отношении России». Они определялись следующим образом: «а) свести мощь и влияние Москвы до пределов, в которых она не будет более представлять угрозу миру и стабильности в международных отношениях; б) в корне изменить теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России... Речь идет прежде всего о том, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля... В худшем случае, то есть при сохранении советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, мы должны потребовать: а) выполнения чисто военных условий (сдача оружия, эвакуация ключевых районов и т. д.) с тем, чтобы надолго обеспечить военную беспомощность Советского Союза; б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира... Все условия должны быть подчеркнуто тяжелыми и унизительными для коммунистического режима»[115].

Убедившись в жизнеспособности воздушного моста, Вашингтон в начале января 1949 г. ускорил проведение денежной реформы в западных секторах Берлина. Это было сделано вопреки особой позиции англичан и французов, опасавшихся, что тем самым будут утрачены последние возможности для переговорного процесса с Советским Союзом. Однако расчет американцев во многом оказался верным. Не имея возможности эффективно противодействовать воздушному мосту и испытывая проблемы с экономической ситуацией в восточном Берлине, Советский Союз в конце января 1949 г. заявил о готовности снять ограничения на поставки в западные сектора Берлина, если одновременно будет снята и контрблокада восточного сектора. Первый берлинский кризис был завершен. Он в значительной степени способствовал сплочению западного сообщества, подготовив почву для подписания Североатлантического договора, создания новой военно-политической организации — НАТО.

Формально процесс создания НАТО инициировала палата общин Канады, где в начале января 1949 г. было выдвинуто предложение о формировании единой системы взаимной обороны, охватывающей страны Брюссельского договора и Северной Америки. Инициатива канадских парламентариев получила поддержку палаты общин Великобритании. В свою очередь, сенат США приступил к процедуре по внесению в конституцию поправок, позволявших Соединенным Штатам в условиях мирного времени создавать военный союз с европейскими странами. Тем самым была окончательно преодолена политика изоляционизма, которой США во внешнеполитической деятельности придерживались на протяжении большей части своей истории. Принципы будущего военно-политического союза были изложены в опубликованном 14 января 1949 г. заявлении госдепартамента США «Строим мир. Коллективная безопасность в Североатлантическом районе», в котором Североатлан-

тический договор рассматривался в качестве оборонительного союза, служащего интересам безопасности Соединенных Штатов Америки и всего западного мира[116].

В марте 1949 г. инициативная тройка (США, Канада, Великобритания) предложили войти в создаваемый блок наряду с Западным союзом бывшим союзникам Германии — Италии и Норвегии, нейтральным, но дружественным ей Португалии и Дании, а также Исландии, являвшейся, по сути, американской опорной базой в Северной Атлантике. Обязательным условием их участия являлось предоставление Вашингтону гарантий для развертывания военных, военно-воздушных и военно-морских баз на их территориях. Несмотря на то что Североатлантический договор противоречил англо-советскому (1942) и франко-советскому (1944) договорам, обязавшим Англию и Францию не принимать участия в коалициях, направленных против Советского Союза, 4 апреля 1949 г. он был подписан в Вашингтоне министрами иностранных дел 12 государств: США, Англии, Франции, Канады, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Италии, Норвегии, Дании, Исландии и Португалии. В августе 1949 г. пакт вступил в силу.

В качестве политико-идеологической основы нового блока провозглашалась атлантическая солидарность, принципиальные основы которой были сформулированы еще в Атлантической хартии. Она должна была послужить решению следующих задач: обеспечить военный союз североатлантических стран под эгидой США; укрепить институты западной демократии в странах Западной Европы; предотвратить обострение франко-германских противоречий; осуществить стабилизацию экономической системы в Западной Европе; содействовать сближению и интеграции стран североатлантической зоны; выработать общую позицию перед лицом социалистического мира; осуществить единую стратегию в отношениях с третьим миром[117].

Важнейшим принципом деятельности нового военно-политического союза стала неделимость безопасности его членов, получившая название коллективной обороны. Любое из государств — членов союза, подвергшееся агрессии, отныне могло рассчитывать на совокупную военную мощь всего блока. Создавая столь масштабную военную организацию в Северной Атлантике, правительство Соединенных Штатов помимо объявленных официозных преследовало собственную цель — не допустить в Европе формирования самостоятельной в политическом и военном отношении группировки европейских государств, способной проводить независимую от США внешнюю политику. Североатлантический договор создавал для этого необходимые юридические условия, обеспечив легитимность присутствия американских войск на Европейском континенте в мирное время.

Договором предусматривалось создание постоянных политических и военных органов блока. Высший политический орган — Совет НАТО, включавший глав государств или правительств всех участников блока, предназначался для обсуждения на своих сессиях (не менее двух-трех раз в год) наиболее важных политических и военных вопросов. В перерывах между его заседаниями действовал Постоянный совет из специально выделенных ответственных лиц. Главным исполнительным органом Совета НАТО и его Постоянного совета являлся Генеральный секретариат во главе с генеральным секретарем НАТО. Задачей высшего военного органа — Военного комитета, состоящего из начальников генеральных штабов, являлись разработка военных планов блока и организация боевой подготовки войск. В промежутках между его заседаниями (не реже двух раз в год) его обязанности возлагались на Комитет военных представителей.

Официальной целью создания блока объявлялась организация обороны западной сферы от потенциальной угрозы, исходящей от Советского Союза[118]. При этом, по признанию государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса, руководители Соединенных Штатов и стран Западной Европы, создавая НАТО, не верили в реальную опасность возможной агрессии со стороны СССР. «Советский коммунизм, — был вынужден констатировать он, — избегает всего того, что похоже на войну одного народа против другого... Некоторые из наиболее высокопоставленных и компетентных людей в Европе говорили мне недавно, что они не верят, чтобы коммунистическая партия осмелилась приказать русским армиям двинуться

Госсекретарь США Д. Ачесон подписывает Вашингтонский договор о создании блока НАТО

на Западную Европу в качестве армий вторжения, если только Россия сама не подвергнется нападению и русскому народу будет ясно, что эти действия необходимы для самозащиты... Большинство осведомленных людей склонны считать, что не существует непосредственной угрозы вторжения Красной армии из России в Западную Европу или в Азию для ведения агрессивной войны»[119]. В этом контексте подлинным смыслом создания НАТО, помимо сдерживания Советского Союза, являлось приобретение США еще одного эффективного инструмента для достижения мирового господства.

В Советском Союзе образование НАТО получило адекватную оценку. Как подчеркивалось в меморандуме правительства СССР от 31 марта 1949 г., Североатлантический договор не только не содействует укреплению мира и международной безопасности, что является обязанностью всех членов Организации Объединенных Наций, но находится в прямом противоречии с принципами и целями Устава ООН. Он «не имеет ничего общего с целями самообороны государств — участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР»[120].

После образования НАТО последовал следующий, логичный в сложившихся политико-военных реалиях шаг. 7 сентября 1949 г. первая сессия Национального парламента провозгласила создание нового государства — Федеративной Республики Германии (ФРГ),

на территории которой в качестве гаранта безопасности нового государства оставались войска США, Англии и Франции. Параллельно началось формирование западногерманской армии — бундесвера, в составе 25 дивизий. В создавшейся обстановке советскому руководству не оставалось ничего иного, как отреагировать идентично — 7 октября 1949 г. в восточной зоне оккупации была провозглашена Германская Демократическая Республика (ГДР). Появление двух германских государств с различным общественно-политическим строем стало символом военно-блокового противостояния в Европе.

Уже в декабре 1949 г. Советом НАТО была принята первая коалиционная стратегическая концепция «Щит и меч», предполагавшая создание необходимых условий для ведения атомной войны против Советского Союза. Роль «щита» отводилась вооруженным силам европейских стран, которые при поддержке тактической авиации и ВМС должны были вести военные действия на Европейском континенте до вступления в действие «меча» — стратегических бомбардировщиков США, носителей атомного оружия. К тому времени в США была уже одобрена концепция американского «оборонительного периметра» (на основе «доктрины Трумэна»), включавшего помимо других «жизненно важных» для США регионов и Европейский континент. Ее дополняли с целью практического воплощения концепции «передовой обороны» («обороны на передовых рубежах») и «передового базирования стратегической авиации». Их реализация предполагала создание в непосредственной близости от границ восточноевропейских социалистических стран и Советского Союза крупной боеготовой группировки войск, способной вести военные действия в начальный период войны без дополнительной мобилизации.

Консолидация западных держав в рамках НАТО тем не менее не привела к резкому изменению соотношения сил в мире в их пользу. Несмотря на обладание ядерным оружием, США, возглавлявшие НАТО, не видели в тот момент реальной перспективы военной победы над Советским Союзом и поэтому ставили своей главной целью внутреннее разложение социально-политического строя в СССР. Для этого было необходимо, как настаивал один из проектировщиков стратегии сдерживания Советского Союза Дж. Кеннан, «увеличить в колоссальный степени ту напряженность, под воздействием которой должна осуществляться советская политика... и поощрять тенденции, которые должны, в конце концов, привести либо к распаду, либо к постепенному размягчению советской власти»[121].

Концептуальное оформление политика сдерживания Советского Союза получила в меморандуме № 68 Совета национальной безопасности (СНБ-68) «Цели Соединенных Штатов и программы национальной обороноспособности», одобренном в апреле 1950 г.[122] Документ исходил из констатации перманентной конфронтации США и СССР, которая, по мнению авторов меморандума, могла быть смягчена лишь при условии изменений в «характере советской системы». Советский Союз был представлен в меморандуме как «наиболее серьезная угроза» Соединенным Штатам якобы ввиду советского стремления достичь господства над Евроазиатским материком. Переговоры с СССР мыслились в документе лишь с позиции силы и на американских условиях. В меморандуме ставилась далеко идущая цель — «ускорение разложения советской системы», достижение «фундаментального изменения» ее характера, иными словами, уничтожение социалистического строя в СССР. Для выполнения этой задачи рекомендовалось наращивание военной, экономической и политической мощи Соединенными Штатами и Западом в целом. При этом в документе отмечалось: суть политики сдерживания — в обладании Соединенными Штатами либо единолично, либо вместе с союзниками «общим перевесом сил». «Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика сдерживания, которая в действительности представляет собой политику спланированного и постоянного принуждения, будет не более чем блеф».

Помимо наращивания военной мощи, меморандум рекомендовал расширение экономической и военной помощи союзным США странам и в то же время интенсификацию подрывных действий против социалистических стран в «сферах экономической, политической и психологической войн с тем, чтобы вызвать и поддержать недовольство и восстания»

в странах социализма. По мысли вашингтонских стратегов, Соединенные Штаты должны были занять место «политического и военного центра», вокруг которого группируются на различных орбитах другие «свободные нации». Иными словами, как подчеркивалось в меморандуме, США должны «отказаться делать различие между национальной и глобальной безопасностью». Уже в скором времени — в корейской войне этим принципам предстояло проявиться в полную меру.

Безусловный приоритет, который отводился в военно-стратегических расчетах США Европе, не исключал американской экспансии в других географических регионах мира. Восточная часть Азиатского континента и Тихоокеанский бассейн традиционно являлись объектами геополитических устремлений США. Соответственно, капитулировавшую Японию, а также освобожденный от японской оккупации обширный регион по западному периметру Тихого океана Вашингтон рассматривал в качестве своей исключительной зоны ответственности. Предоставив 4 июля 1946 г. Филиппинам формальную независимость, США обеспечили себе сохранение экономических и военных позиций в этой стране. По американо-филиппинскому соглашению 1947 г. Соединенные Штаты получили право разместить там ряд военных баз сроком на 99 лет. Во второй половине 1940-х гг. США энергично укрепляли свои позиции также в Индонезии и Таиланде. Центральное место в политико-стратегических расчетах США занимал Китай, которому отводилась роль главного стабилизирующего фактора в Восточной Азии. После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики 30 декабря того же года американский президент утвердил директиву СНБ 48/2, в которой отмечалось, что «США должны использовать всеми подходящими политическими, психологическими и экономическими мерами любое расхождение между китайскими коммунистами и СССР».

Логика сдерживания коммунизма определяла политику США в отношении антиколониальных национально-освободительных движений, развернувшихся после Второй мировой войны в различных регионах мира. В Китае в эти годы шла гражданская война, в Бирме, Индонезии, на Филиппинах в ходе национально-освободительной борьбы были образованы народные комитеты, осуществлявшие демократические преобразования. 17 августа 1945 г. была провозглашена независимая Республика Индонезия. 2 сентября создана Демократическая Республика Вьетнам. В октябре объявлена независимость Лаоса. В условиях начавшегося распада колониальной системы, Соединенные Штаты оказывали поддержку колониальным державам, стремясь сохранить эти страны в орбите капиталистической системы, а также обеспечить для себя необходимые рынки сбыта и сырьевую базу.

В феврале 1947 г., когда Франция вела колониальную войну против Демократической Республики Вьетнам, американское правительство довело до сведения Парижа, что США полностью признают «суверенные позиции Франции» в Индокитае. В дальнейшем в связи с успехами борьбы вьетнамского народа Вашингтон в секретном обращении к правительству Франции в 1949 г. призвал к объединению сил западных государств для противодействия освободительному движению. По рекомендации Совета национальной безопасности президент Г. Трумэн в 1950 г. одобрил программу экономической и военной помощи Франции в ее войне против ДРВ. Французскому правительству, в частности, было предоставлено 30 бомбардировщиков В-26.

Политика США на Ближнем Востоке в первые послевоенные годы также руководствовалось «доктриной Трумэна», предполагавшей создание военно-стратегических плацдармов в странах, граничащих с СССР, в первую очередь в Турции и Иране. В дальнейшем проникновение США в стратегически важный и богатый нефтью ближневосточный регион стремительно возрастало. С образованием в мае 1948 г. Израиля это государство превратилось в один из наиболее важных опорных пунктов и союзника США на Ближнем Востоке. Во время первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. США помогали Израилю деньгами и оружием, а в 1949 г. предоставили ему заем на сумму 100 млн долларов.

С целью объединения усилий прозападных режимов и закрепления геополитических позиций США в соответствующих регионах проводилась активная военно-блоковая стратегия. В 1952 г. начал действовать военно-политический блок АНЗЮС (Тихоокеанский

пакт безопасности) в составе США, Австралии и Новой Зеландии. «Урожайным» в этом отношении стал 1955 г., когда были созданы СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), в которую вошли США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Филиппины, Таиланд, партнерами по диалогу стали Южная Корея и Южный Вьетнам и СЕНТО (Организация Центрального договора, Багдадский пакт) в составе Великобритании, Турции, Ирака, Ирана и Пакистана. США, формально не являясь членом СЕНТО, входили в ее основные комитеты.

Замысел стратегии сдерживания в решающей степени исходил из возможности сохранения США долговременного превосходства в области экономического и научно-технического развития, длительной монополии на ядерное оружие и средства его доставки. Однако проводимый США антисоветский внешнеполитический курс вынудил руководство СССР форсировать работы по созданию собственной атомной промышленности, принять масштабные меры по перевооружению армии и флота на качественно новом техническом уровне. На это была ориентирована значительная часть человеческих, научно-технических и финансовых ресурсов, несмотря на то что перед страной стояли колоссальные задачи по восстановлению разрушенного в годы войны народного хозяйства. Тем не менее в 1945 г. была утверждена 10-летняя программа ударного военного судостроения, в 1946 г. Совет министров СССР принял постановление о форсированном развитии опытно-конструкторских работ по созданию реактивной авиации. В послевоенные годы советская авиационная промышленность смогла наладить серийное производство аналога американских бомбардировщиков В-29. С принятием Ту-4 на вооружение советских военно-воздушных сил США утратили монополию на средства доставки атомного оружия. После того как 25 сентября 1949 г. последовало сообщение ТАСС об испытании в СССР атомной бомбы, ряд принципиальных предпосылок внешнеполитического курса США оказался под вопросом.

Тем не менее инерция холодной войны вынуждала Вашингтон продолжать прежний курс. Осенью 1949 г. по указанию Г. Трумэна Объединенный комитет начальников штабов подготовил очередной план войны против СССР, которую предполагалось реализовать не позднее 1957 г. План «Дропшот» был ориентирован на уничтожение политико-управленческих, командных и промышленных центров СССР, с последующей оккупацией территории страны американскими войсками.

Однако советским и американским военнослужащим, пусть и без официального объявления войны, предстояло встретиться в открытом бою значительно раньше — в ходе Корейской войны (1950–1953). Южную Корею, куда американские оккупационные войска вступили после капитуляции Японии, Соединенные Штаты, как они это делали и в других странах, стремились превратить в свою стратегическую базу в Восточной Азии. Северная Корея вошла в советскую зону ответственности. В условиях начавшейся холодной войны хрупкая система совместного американо-советского опекунства над Кореей, которая должна была обеспечить проведение демократических выборов в стране, оказалась нежизнеспособной. В первую очередь возникла проблема с механизмом реализации самой идеи совместного опекунства, концепция которого не была разработана. Госсекретарь США Дж. Бирнс, например, настаивал на «берлинской» четырехсторонней модели опекунства, включавшей уже не только США, СССР, но также Великобританию и Китай[123]. Это не устраивало СССР.

Неудачные попытки сотрудничества обеих опекунов вели к усилению взаимной раздраженности. В ноябре 1945 г. возражение американцев вызвали действия советской администрации, связанные с подготовительными работами по демонтажу водяных колес и генераторов ГЭС, расположенных на р. Ялу. Советской стороной они рассматривались как часть трофейного имущества, оставленного японскими властями. Однако вывоз указанного силового оборудования в тот момент мог поставить под угрозу по крайней мере половину общего объема производства электроэнергии на Корейском полуострове. Прежде всего это коснулось бы Южной Кореи, удовлетворявшей свои потребности в электроэнергии главным образом из северно-корейских источников[124].

Советский бомбардировщик Ту-4

В последующие месяцы противостояние «опекунов» развернулось за влияние на процесс формирования временного правительства. Главной политической силы в Южной Корее американцы рассматривали Корейскую демократическую партию во главе с Ли Сын Маном. Советская сторона поддерживала северно-корейскую коммунистическую партию во главе с Ким Ир Сеном. Клубок взаимных претензий и противоречий разбухал с каждым днем[125]. Расплывчатая и неопределенная идея мирного объединения страны становилась все более иллюзорной. Строительство политико-экономической жизни в каждой зоне развивалось независимо друг от друга — по американскому и советскому сценариям, которые исключали друг друга. Газета «Манчестер Гардиан» в редакционной статье от 22 марта 1946 г. констатировала, что ситуация в Корее становится все более опасной, так как «Корея — одно из двух мест в мире (Германия — другое), где США и СССР находятся в физическом контакте»[126].

Сепаратные выборы в Южной Корее прошли летом 1948 г. в псевдодемократической обстановке, на фоне взаимных обвинений участвующих сторон в коррупции и подкупе избирателей. Как и следовало ожидать, победили правые силы, лидером которых являлся Ли Сын Ман. 15 августа 1948 г. в Сеуле было провозглашено образование Республики Корея. 9 сентября того же года в Пхеньяне было объявлено о создании Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Ким Ир Сеном.

К 30 июня 1949 г. американские войска были выведены из Южной Кореи, советские войска ушли из Северной Кореи еще в 1947 г. Конгрессом США было принято решение об оказании необходимой финансовой помощи для формирования хорошо обученной южнокорейской армии и пограничной стражи. Несмотря на это, Ли Сын Ман настаивал на включение Республики Корея в американский «периметр обороны», что означало практически гарантированное вовлечение США в вооруженный конфликт, в который оказалась бы втянута Южная Корея. Однако в речи госсекретаря Д. Ачесона 12 января 1949 г. не содер-

жалось каких-либо твердых гарантий США в случае вооруженного нападения на Республику Корею. Складывалось впечатление, что США не намерены реагировать полномасштабно в случае вторжения в Южную Корею. В последующем он подвергся за это резкой критике своих политических оппонентов[127].

25 июня 1950 г. северокорейские войска, до этого получавшие масштабную военную помощь Советского Союза, вторглись в пределы Южной Кореи и неожиданно быстро захватили стратегическую инициативу. Эти действия были расценены в Вашингтоне как прямой вызов, который бросил им «коммунистический мир» во главе с Советским Союзом. В критической ситуации, в которой оказались южнокорейские войска, США удалось (в отсутствие советской делегации) добиться принятия резолюции Советом Безопасности ООН о создании многонациональных сил для восстановления положения в Южной Корее. Однако ряд влиятельных американских политиков считали эту меру недостаточной. В частности, госдепартамент и министерство обороны США в качестве безотлагательной меры предлагали ввести наземные войска в Южную Корею до тех пор, пока многонациональные силы ООН не смогут приступить к выполнению своих обязанностей. Для обоснования ввода американских войск в Южную Корею отсутствовала легитимная основа, поэтому американский президент остановился на варианте использования многонациональных сил ООН. Позже он вспоминал, что решения по корейской проблеме были самыми трудными за весь срок его президентства[128].

Это было связано прежде всего с высокой вероятностью эскалации войны в Корее, возможностью ее быстрого перерастания в глобальный конфликт. После победы в Корее или одновременно с боевыми действиями там в Вашингтоне ожидали «наступления» коммунистов на других направлениях. Заключение двух ведущих американских советологов того времени Ч. Бодена и Дж. Кеннана по этому поводу практически совпадали: по их мнению, это были «типичное сталинские методы, когда он инициирует акцию неофициально и не вовлекая непосредственно Советский Союз; если он столкнется со слабым, тогда он может и будет «додавливать» до конца, если посчитает, что риск становится чрезмерно большим, он всегда оставляет отходный путь для сохранения советского лица»[129].

Г. Трумэн в своих выступлениях все чаще проводил параллель между происходящим в Корее и гитлеровской политикой в Европе в середине 1930-х гг. Недопущение повторения ситуации с «умиротворением» агрессора, «дальневосточного Мюнхена», стало его навязчивой идеей. Позже Г. Киссинджер следующим образом охарактеризовал проблему выбора, стоявшего перед Г. Трумэном в тот момент, передав одновременно общий дух в оценке международной обстановки, царивший в Вашингтоне: «Успех вторжения в Корею (мирового коммунизма) имел бы катастрофические последствия для Японии, которая, отделенная от Кореи лишь узким Японским морем, всегда считалась последней ключевой в стратегическом отношении территорией в Северо-Восточной Азии. Ничем не сдерживаемый коммунистический контроль вызвал бы к жизни призрак маячащегося на горизонте общеазиатского монолитного коммунистического монстра и подорвал бы прозападную ориентацию Японии. Американские руководители усматривали в корейской войне советскую стратегию хитрого вовлечения Америки в отдаленный азиатский конфликт для облегчения советского нападения на позиции союзников в Европе. Это являлось грандиозной переоценкой как советской мощи, так и способности Сталина на решительные действия. Ни на одном из этапов своей карьеры этот скрупулезный и трезвый аналитик не бросал на чащу весов все сразу. В то же время Сталин воспринимал наращивание мощи Западом не как оборонительное мероприятие... а как предлог для военного противостояния, чего он всегда опасался и чего настоятельно стремился избегнуть. Обе стороны, по существу, готовились к такому развороту событий, какой не отражал намерений ни одной из них — к прямому полномасштабному конфликту военного характера»[130].

В конечном счете, основное участие в военных действиях в Корее приняла коалиция многонациональных вооруженных сил ООН, в которую вошли войска 16 государств, включая силы всех стран — участников недавно созданной НАТО. Командование наземной

группировки ООН на протяжении всей войны осуществляли американцы. Единственное исключение было сделано для британцев. В целом военный вклад США в войну оказался в десять раз выше, чем всех других государств вместе взятых, за исключением южнокорейцев. На американцев же легла основная нагрузка по ведению воздушной войны.

В свою очередь, северокорейцам оказывали помощь советские военные советники, но решающее участие в войне приняли советские военные летчики 64-го истребительного авиационного корпуса, неоднократно вступавшие в воздушные бои с американскими летчиками. Участие советских летчиков в войне в Корее свело на нет превосходство американской авиации в воздухе.

Обстановка в Корее резко изменилась в связи с вступлением в войну в октябре 1950 г. китайских войск. Дислоцируясь в Корее, американская авиация получала возможность установления полного контроля над воздушным пространством Маньчжурии и других провинций Китая. В сочетании с «непотопляемым авианосцем», которым стал для американцев Тайвань и куда переместились все враждебные коммунистическому Китаю силы во главе с Чан Кайши, ситуация для Пекина становилась неприемлемой. Вступление китайских соединений в Корею коренным образом изменило ситуацию на фронте, поставив многонациональные силы ООН под угрозу разгрома. Это стало поводом для рассмотрения в Вашингтоне возможности применения против китайцев атомного оружия[131]. По мнению известного американского историка и политолога Б. Броди, существовало несколько причин, из-за которых Вашингтон не рискнул использовать атомное оружие в Корее. Атомный арсенал США был относительно ограничен: к началу корейской войны американцы накопили около 300 атомных бомб — по расчетам этого едва хватало для прикрытия европейского театра военных действий в случае возникновения войны с Советским Союзом. Единственно оправданной целью атомного оружия являлись стратегические бомбардировки, нанесение ударов по крупным целям на территории Китая и Советского Союза. В Вашингтоне не считали, что события в Корее являются достаточным поводом для подобного рода действий, ведущих к развязыванию глобального конфликта[132].

К весне 1953 г. война в Корее, где установился примерный баланс сил, окончательно зашла в тупик: ни одна из сторон не могла одержать победу военными средствами. 27 июля 1953 г. было подписано соглашение о перемирии в Корее, однако мир так и не был заключен. 38-я параллель, разделившая Северную и Южную Корею, до сих пор остается линией противостояния между двумя странами, являясь своеобразным реликтом холодной войны.

Война в Корее сыграла существенную роль в корректировке военно-блоковой политики НАТО. Под непосредственным воздействием корейской войны 26 сентября 1950 г. Совет НАТО принял стратегию «передовой обороны» («передовых рубежей»), ставшую развитием концепции «щита и меча» и исходившую из необходимости увеличения мощи «щита» — обычных вооруженных сил европейских союзников, которым предстояло сдерживать гипотетическое наступление войск советского блока до принятия решения о применении ядерного оружия. Было принято также решение об организации Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО в Европе.

Война в Корее стала также поводом для резкого увеличения военных расходов стран — членов НАТО. Общая сумма военных расходов НАТО увеличилась с 20,4 млрд долларов в 1950 г. до 64 млрд в 1953 г., или на 214%. Численность регулярных вооруженных сил США только за этот же период возросла в 2,5 раза — с 1,46 млн человек в июне 1950 г. до 3,64 млн в июне 1952 г. К 1960 г. вооруженные силы блока насчитывали уже свыше 5 млн человек. К концу 1953 г. произошли качественные изменения в военном арсенале стран — членов НАТО. В Европе началось размещение тактического ядерного оружия: артиллерийских снарядов, бомб, ракет малой дальности, мин и других видов вооружения подобного типа. Появление подобного рода оружия предполагало пересмотр военно-стратегической концепции ведения войны. Тактическое ядерное оружие, рассматриваемое как средство реального сдерживания, предоставляло, казалось, возможность избежать в случае начала военных действий глобального ядерного конфликта.

Северокорейские солдаты выходят на патрулирование района

Американские войска в Корее

Продолжился процесс расширения НАТО. В феврале 1952 г. в НАТО были приняты Турция и Греция. Война в Корее ускорила также процесс вовлечения в НАТО Западной Германии, инициатором которого выступил Вашингтон. Впервые США поставили об этом вопрос на совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции в Нью-Йорке в сентябре 1950 г. На сессии Совета НАТО в Брюсселе в декабре 1950 г. США добились согласия союзников на полномасштабное вооружение бундесвера. В мае 1955 г., после вступления в силу Парижских соглашений (1954) о создании на базе Западного союза Западноевропейского союза (ЗЕС) с включением в него Западной Германии, Германия одновременно стала пятнадцатым членом НАТО. Для совершенствования политического обеспечения деятельности военной организации блока в 1955 г. была учреждена Североатлантическая ассамблея. Представляя собой межпарламентскую организацию, формально не входящую в союз, Ассамблея стала форумом для законодателей государств — членов НАТО из Северной Америки и Западной Европы для обсуждения представляющих взаимный интерес проблем в области обороны и безопасности[133].

Тем временем на востоке Европы продолжалось формирование мировой социалистической системы. В 1949 г. СССР, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша и Румыния создали Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), основанный на новом типе экономических от-

Застрявший английский танк «Центурион» в районе Сеула

ношений. Целью СЭВ являлось стимулирование процесса сотрудничества и экономической интеграции социалистических стран. Преследовалась в том числе и другая важная цель — обойтись в экономической деятельности без Запада. Внешняя торговля в рамках СЭВ была призвана удовлетворить потребности каждой страны за счет товаров, производимых в других странах на основе международного разделения труда. В целом заказы СССР обеспечивали промышленности стран — членов СЭВ стабильный и емкий рынок. В СЭВ могла вступить любая страна, согласная с его уставом. При этом каждая страна имела право на равное представительство независимо от величины, уровня развития и взноса в бюджет СЭВ. Совет был неправомочен принимать решения без согласия всех заинтересованных стран.

Вовлечение Германии в структуры НАТО совпало по времени с образованием Организации Варшавского договора (ОВД) — военно-политического блока социалистических стран в составе СССР, ГДР, ПНР, ВНР, ЧССР, БНР, Румынии и Албании. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан 14 мая 1955 г. в Варшаве. Учреждению Организации Варшавского договора предшествовала одна из последних попыток Москвы прозондировать подлинный смысл деятельности Североатлантического договора. В 1954 г. в Лондон, Париж и Вашингтон были направлены ноты советского правительства, в которых Западу предлагалось рассмотреть вопрос о принятии Советского Союза в состав НАТО. Правительства западных стран хранили молчание около трех месяцев, после чего Москве был направлен отрицательный ответ на том основании, что членами НАТО могут быть только единомышленники. Комментируя этот факт, В. М. Молотов констатировал: «Таким образом, стало предельно ясно, что НАТО имеет антисоветскую направленность»[134].

В создавшихся условиях совместные меры по обеспечению безопасности и обороны, основанные на двусторонних договорах 1943–1949 гг. между СССР и странами народной демократии были признаны недостаточными. Процесс формирования Организации Варшавского договора потребовал немало времени и усилий, в том числе и преодоления внутриполитических проблем в ряде восточноевропейских социалистических стран, обострившихся после смерти И. В. Сталина в 1953 г. Особенно серьезно сложилась в тот период обстановка в ГДР и Польше. В Восточной Германии политический режим во главе с В. Ульбрихтом придерживался курса форсирования темпов строительства социализма. Поводом для народных выступлений здесь стало решение Совета министров ГДР от 28 мая 1953 г. о повышении норм выработки на производстве. Вскоре экономические лозунги об отмене принятого решения приняли политический характер, демонстранты требовали отставки правительства и проведение свободных выборов. 17 июня в стране началась всеобщая забастовка, в некоторых местах произошли вооруженные столкновения сначала с народной полицией, а затем и с советскими воинскими частями. В связи с резким обострением обстановки на улицы германской столицы были выведены советские танки из дислоцированных поблизости советских соединений. В советском секторе Берлина было введено чрезвычайное положение. Сразу же после событий 1953 г. при непосредственной помощи Советского Союза в ГДР стала создаваться Национальная народная армия (ННА).

В отличие от антисоветской направленности, с целью которого создавалась НАТО, официальная цель образования Организации Варшавского договора заключалась в создании системы коллективной безопасности в Европе, основанной на участии в ней всех европейских государств независимо от их общественного и государственного строя. Декларировался ее исключительно оборонительный характер, предусматривавший возможность индивидуального или совместного применения вооруженных сил государств — участников Организации Варшавского договора только в случае вооруженного нападения на них со стороны какого-либо государства или групп государств. Тем самым применение вооруженных сил со стороны участников ОВД оговаривалось единственным условием — осуществлением права на индивидуальную или коллективную самооборону, которое исключало возможность использования этих сил в случаях, не связанных с необходимостью защиты от агрессии. Для реализации целей и задач Организации Варшавского договора предусматривалось создание соответствующих политических и военных органов, в том числе Политического консульта-

тивного комитета, Объединенного командования вооруженных сил и Штаба объединенных вооруженных сил государств — участников ОВД.

Первым испытанием прочности Организации Варшавского договора, ее способности противостоять внешним и внутренним угрозам стали события в Венгрии осенью 1956 г. Основной причиной кризиса послужила попытка венгерского руководства модернизировать социалистический строй на основе демократических принципов внутриполитической жизни и введения в экономику страны элементов рыночного хозяйства. Огромное значение в этом отношении сыграла речь Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС (14—25 февраля 1956 г.), которая, несмотря на свою «секретность», в считаные недели стала широко известной в восточноевропейских странах. Критика недавнего прошлого, осуждение культа личности вызвала в социалистических странах Восточной Европы распространение антисоветских настроений. В Венгрии в силу ряда причин, в том числе благодаря целенаправленной поддержке Запада, эти настроения достигли критического уровня. Немалую роль в этом процессе сыграла одиозность правления руководителя венгерской компартии М. Ракоши, не только принимавшего непосредственное участие в предшествующих политических чистках, но и «не способного к политическому маневрированию, к искусству компромиссов»[135].

Вдохновляющее воздействие на венгров оказывали события в Польше, где к середине октября 1956 г. своего апогея достигла борьба «за демократизацию социализма». Повсеместно проходившие в Польше массовые митинги грозили перерасти в вооруженные столкновения. Если в Польше, в конечном счете, удалось добиться стабилизации внутриполитической обстановки в рамках политического диалога и обновленной кадровой политики, то в Венгрии для этого пришлось применить военную силу. В странах — членах НАТО «восстановление порядка» в ряде восточноевропейских стран вызвало вполне ожидаемую негативную реакцию, став очередным поводом для обвинения Советского Союза в агрессивности и экспансионизме.

В марте 1957 г. в НАТО была принята доктрина «массированного возмездия», предполагавшая незамедлительное применение ядерного оружия в случае возникновения любого вооруженного конфликта, за исключением незначительных пограничных инцидентов. В дальнейшем США взяли курс на атомное вооружение своих партнеров по Североатлантическому блоку. Накануне открытия сессии Совета НАТО в Бонне (2—3 мая 1957 г.) на пресс-конференции генеральный секретарь НАТО лорд Г. Л. Исмей объявил о решении Соединенных Штатов предоставить союзникам по НАТО атомное оружие. Западноевропейские участники НАТО, согласившиеся разместить на своих территориях американское атомное оружие, получали средства для его доставки (атомную артиллерию, ракеты различных типов, самолеты). Атомные боеголовки, однако, остались под контролем американского командования: союзники США могли получить их лишь по указанию президента США после начала военного конфликта.

Исходя из того, что США все еще обладали лидерством в производстве ядерного оружия, руководство стран НАТО в рамках доктрины «массированного возмездия» одобрило курс «балансирования на грани войны». Характеристику этому курсу дал его автор — государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес, который писал: «Способность подойти к грани войны, но не оказаться вовлеченным в нее, является необходимым искусством. Если вы попытаетесь обходиться без него, если вы побоитесь проводить такую политику, то вы пропали». «Балансирование на грани войны» проявилось прежде всего в размещении на западноевропейской территории систем оружия, что повышало риск возникновения термоядерной войны, в частности размещение на территориях некоторых западноевропейских государств ракет средней дальности (2400 км) «Тор» и «Юпитер»[136].

Новым испытанием для Организации Варшавского договора стала защита государственного строя ГДР (осень 1961 г.), когда страны НАТО попытались превратить Западный Берлин в центр подрывной деятельности против социалистических стран. В ответ на предложения стран — участников Организации Варшавского договора о мирном урегулировании германской проблемы страны НАТО, прежде всего США и ФРГ, усилили военные приготовления. 13 августа 1961 г. в соответствии с обращением правительств государств — участни-

ков Варшавского договора Народная палата и правительство ГДР приняли постановление, содержащее конкретные меры по пресечению подрывной деятельности против ГДР и других стран народной демократии. Части Национальной народной армии, пограничные войска, народная полиция и боевые группы рабочих установили на границе ГДР с Западным Берлином пограничный контроль, возведя Берлинскую стену, разделившую город и ставшую еще одним символом холодной войны.

К началу 1960-х гг. Западу стало ясно, что развязывание полномасштабной войны против Советского Союза по-прежнему бесперспективно. Несмотря на обременительность навязанной гонки вооружений, Советский Союз находил адекватные, в том числе ассиметричные ответы, обесценивавшие прорывы США в сфере военных технологий. Осознание невозможности уничтожения СССР военным путем вынудило США усилить психологическую и пропагандистскую войну.

Начиная с 1960-х гг. холодная война, прежде всего в информационно-пропагандистском и культурном измерениях, все ощутимее переносилась на территорию СССР. Обострялось идеологическое противоборство. Главная цель идеологической борьбы со стороны Запада состояла в доказательстве преимуществ, демонстрации привлекательности англосаксонской модели общественного развития и дискредитации советской. Объектами идеологического воздействия являлось не только население Советского Союза и восточноевропейских стран, но и всего мира, поскольку одновременно шла борьба за освободившиеся страны, привлечение их на свою сторону. В идеологической борьбе использовались все средства воздействия на сознание людей: радио, телевидение, манипулятивные масс-технологии, общественные дискуссии, подкуп. Использовались любые поводы, уязвимые места оппонента: национальные разногласия, религиозные предрассудки, критические умонастроения, неудовлетворенность бытовыми условиями и прочее[137]. Западные политтехнологи стремились сформировать образ Советского Союза как негуманного, тоталитарного, агрессивного государства, стремящегося расширить свое влияние за счет захвата других государств, несущего угрозу цивилизованному, демократическому миру. В конечном счете, именно на этом направлении Западу удалось добиться решающего успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 15–19.

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0455. Оп. 1. П. 2. Д. 8. Л. 10–12.

[3] Там же. Ф. 0457. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 9.

[4] История внешней политики СССР 1917–1985 гг. В 2-х т. Т. 2. М., 1986. С. 65; *Бережков В. М.* Путь к Потсдаму. М., 1979. С. 142–143, 247–249.

[5] *Rothwell V.* Britain and the cold war, 1941–1947. L., 1982. P. 33.

[6] *Burchett W.* Der kalte Krieg in Deutschland. Berlin, 1950. S. 243.

[7] *Friedmann W.* The allied military government of Germany. L., 1947. P. 29.

[8] АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 1. П. 2. Д. 14. Л. 13–14.

[9] Там же. Л. 15.

[10] *Buttlar W.* Ziele und Zielkonflikte der sowjetischen Deutschlandpolitik 1945–1947. Stuttgart, 1980. S. 261.

[11] *Churchill W. S.* The Second World War: Triumph and Tragedy. Boston, 1953. P. 522; *Bartlett C. J.* The rise and fall of Pax Americana. L., 1974. P. 100.

[12] Foreign relations of the United States. The conference of Berlin (Potsdam). Washington, 1960. Vol. 2. P. 4.

[13] *Calleo David P.* Europe's Future: The Grand Alternatives. N. Y., 1967. P. 188.

[14] Ведомости Контрольного совета в Германии. 1945. 20 октября. № 1. С. 19–21; 30 ноября. № 2. С. 34–35; 1946. 31 марта. № 5. С. 98–103.

[15] Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 266.

[16] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 485–487.

[17] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 12. Д. 39. Л. 21–24.

[18] Доклад Контрольного совета в Германии Совету министров иностранных дел. Раздел IV. Берлин, 1947. С. 64.

[19] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 12. Д. 4. Л. 140–142.

[20] Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 78.

[21] Там же. Л. 80.

[22] Congressional Record. 1947. March 24. Vol. 93. № 55. P. 1280–1283.

[23] *Stolper G.* German Realities. N. Y., 1948. P. 74.

[24] *Clay L. D.* Decision in Germany. N. Y., 1950. P. 120.

[25] *Захаров В. В., Филипповых Д. Н.* Прав ли был Берия? // Независимое военное обозрение. 1998. № 18.

[26] Сборник материалов Парижской сессии Совета министров иностранных дел (май — июнь 1949 г.). Берлин, 1949. С. 104; Dokumente zur Deutschlandpolitik der Sowjetunion. Band. I. Berlin, 1957. S. 211–229.

[27] *Matloff M.* Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944. Washington, 1959. P. 523–524.

[28] Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950 // Ed. By T. Etzold and J. Gaddis. N. Y., 1978. P. 66.

[29] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956. С. 149.

[30] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 120–128; *Филипповых Д. Н.* «Союзники», или Стратегия генерала Донована // Фонд стратегической культуры. 2010. 7 мая.

[31] ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 114–120.

[32] Армейская группа «Норд» имела полевое управление и штаб, который состоял из отделов: оперативного, оберквартирмейстера, интендантского, офицерского состава и автотранспорта. Она также имела сухопутные, воздушные и противовоздушные соединения и части и включала в себя корпусные группы Штокхаузен и Виттхоф численностью свыше 100 тыс. человек личного состава каждая.

[33] АВП РФ. Ф. 455. Оп. 1. П. 2. Д. 9. Л. 68–73.

[34] Там же. П. 1. Д. 2. Л. 91–98.

[35] Там же. Ф. 0457а. Оп. 5. П. 27. Д. 4. Л. 25; Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации советской зоны оккупации Германии. 1945–1949. Сб. документов. М., 2004. С. 449–450.

[36] Alliierter Kontrollrat und Außenministerkonferenzen: aus der Praxis der Deutschlandpolitik der vier Mächte seit 1945. Berlin, 1959. S. 81–83.

[37] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. М., 1990. С. 342.

[38] *Buttlar W.* Ziele und Zielkonflikte der sowjetischen Deutschlandpolitik 1945–1947. S. 261–262.

[39] Foreign relations of United States, 1947. Washington, 1968. Vol. 1. P. 772, 776–777.

[40] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 357–358; подробнее см.: Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 214–233; Источник. Документы русской истории. 1996. № 1. С. 48–61.

[41] Правда. 1947. 15 марта.

[42] АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 5. П. 27. Д. 4. Л. 28.

[43] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 120–121.

[44] *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 338.

[45] Директива № 24 Контрольного совета «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов» была принята Контрольным советом 12 января 1946 г. и предусматривала устранение бывших нацистов из любых военизированных формирований, в том числе из полиции.

[46] Директива № 16 Контрольного совета была принята 6 ноября 1945 г. и предусматривала возможность вооружения личного состава полиции огнестрельным оружием, кроме автоматического, и дубинками.

[47] *Филипповых Д. Н.* Деятельность Советской военной администрации в Германии (1945–1949 гг.): исторический опыт и уроки. Дис. д-ра ист. наук. М., 1996. С. 351–353.

[48] Volksarmee schaffen — ohne Geschrei!: Studien zu den Anfängen einer «verdeckten Aufrüstung» in der SBZ/DDR 1947–1952. München, 1994. S. 126.

[49] АВП РФ. Ф. 0457. Оп. 1. Пор. № 4. П. 2. Л. 1–4.

[50] Там же. Ф. 0457а. Оп. 1. П. 2. Д. 14. Л. 36.

[51] Там же. Ф. 06. Оп. 8. П. 29. Д. 456. Л. 21.

[52] *Davidson B.* Germany: What now? Potsdam to partition. L., 1950. P. 218.

[53] *Clay L. D.* Decision in Germany. P. 208.

[54] АВП РФ. Ф. 0431/VI. Оп. 6. П. 1. Д. 3. Л. 32–33.

[55] *Бережков В. М.* Указ. соч. С. 200.

[56] Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. статей. М., 2003; *Нарочницкая Н.* Россия и русские в мировой истории. Гл. 9. М., 2005.

[57] *Корниенко Г. М.* У истоков холодной войны // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 115.

[58] Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 730.

[59] Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 17, 23.

[60] Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIV. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 321–323; Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Документы и комментарии. М., 2005. С. 316–319.

[61] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1. С. 19.

[62] National Archive of the United States. CCS 113. Meeting Combined Chiefs of Staff. Qudrant Conference. P. 5–6.

[63] *Мальков В.* Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации // Россия XXI. 2007. Май — июнь. С. 42.

[64] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 163.

[65] История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 499; История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 9. М., 1978. С. 472; Winston Churchill by Martin Gilbert. L., 1984. P. 991–1083.

[66] *Филитов А. В* комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.

[67] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С. 55, 67.

[68] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Т. 2. Варшава, Москва, 2001.

[69] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 215.

[70] *Печатнов В. О.* От Союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. Факты. События. 1945–1963. М., 2003. С. 36.

[71] *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер с англ. М., 1997. С. 382.

[72] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 110.

[73] *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 81.

[74] Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. С. 363.

[75] *Ржешевский О. А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 106–107.

[76] *Шестаков В. А.* История России XX — начало XXI века. М., 2012. С. 246–247.

[77] Public Record Office. CAB 120/161/55911. P. 1–29.

[78] *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 4–5.

[79] *Батюк В., Евстафьев Д.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1946 гг. // Холодная война. Факты. События. 1945–1950. М., 1995. С. 106–107.

[80] *Mohammad Reza Pahlavi, Shahanshah of Iran.* Mission for my Country. L., 1960. P. 118.

[81] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 23.

[82] Там же. С. 35.

[83] *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 454–478.

[84] Полный текст речи У. Черчилля приведен в работе: *Morray J. P.* Storia della Guerra fredda. Da Yalta al disarm. Roma, 1962. P. 62–70.

[85] Термин «железный занавес» У. Черчилль впервые применил еще в парламентской речи 16 августа 1945 г. После фултонской речи этот термин стал символом холодной войны.

[86] *Бойцов М. А., Хромова И. С.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955. М., 1998. С. 36.

[87] Международные отношения после Второй мировой войны. В 3-х т. Т. 1. М., 1962. С. 315.

[88] *Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 257.

[89] Там же.

[90] *Барсенков А. С.* Введение в современную российскую историю. М., 2002. С. 32.

[91] *Kimball W.* Franklin Roosevelt as War Stalesman. N. J., 1991. P. 87.

[92] Цит. по: *Сардар З., Дэвис М.* Почему люди ненавидят Америку? М., 2003. С. 188.

[93] *Лаврёнов С. Я.* Война XXI века. Стратегия и вооружение США. М., 2005. С. 16.

[94] *Morgenthau H.* A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1969. P. 81.

[95] Цит. по: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М., 1974. С. 41.

[96] *Боффа Дж.* Указ. соч. Т. 2. С. 260.

[97] Там же. С. 533.

[98] *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. С. 385.

[99] *Parrish D.* The Turn toward Confrontation. The Soviet Reaction to the Marshall Plan 1948. CWIHP, Working Paper, Bull. 9.

[100] *Адибеков Г. А.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

[101] *Гибианский Л. Я.* Коминформ в действии. 1947–1948 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1–2.

[102] *Быстрова Н.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 177.

[103] *Гибианский Л. Я.* Политика Сталина в Восточной Европе. Коминформ и первый раскол в Советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. М., 1995. С. 167.

[104] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. М., 2000. С. 225.

[105] Там же.

[106] *Bullock A.* Ernest Bevin: Foreign Secretary, 1945–1951. L., 1983. P. 526.

[107] Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 263.

[108] *Караганов С. А., Трофименко Г. А., Шеин В. С.* США — диктатор НАТО. М., 1985. С. 15.

[109] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 115.

[110] *Штоль В. В.* Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М., 2005. С. 11.

[111] *Truman H. S.* Memoirs. Vol. 2. N. Y., 1956. P. 253.

[112] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 115.

[113] Там же. С. 117.

[114] Там же. С. 121.

[115] *Попов И. М., Лаврёнов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. Москва, Жуковский, 2005. С. 29–30.

[116] *Леонтьев А.* Атлантический пакт — орудие поджигателей войны. М., 1952. С. 6.

[117] *Воронцов Г. А., Уткин А. И.* Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983. С. 184.

[118] НАТО. Справочник. Брюссель. 1988. С. 23.

[119] *Штоль В. В.* Указ. соч. С. 18–19.

[120] Правда. 31 марта 1949 года.

[121] *Штоль В. В.* Указ. соч. С. 19.

[122] *Greiner B.* Amerikanische Außenpolitik von Truman bis heute. Grundsatzdebaten und Strategiediskussionen. Köln, 1980. S. 24ff.

[123] *Lowe P.* The Origins of the Korean War. N. Y., 986. P. 23.

[124] Начало. 1993. № 7. С. 14a.

[125] *Cumings B.* The Origins of the Korean War: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Guildford, 1981. P. 240.

[126] Manchester Guardian. 22 March. Leading article.

[127] *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. L., 1970. P. 354–355.

[128] *Lowe P.* The Origins of the Korean War. P. 169.

[129] *Попов И. М., Лаврёнов С. Я., Богданов В. Н.* Указ. соч. С. 102.

[130] *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. англ. М., 1995. С. 429.

[131] *Слипченко В. И.* Войны шестого поколения. М., 2002. С. 298.

[132] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Указ. соч. С. 196–198.

[133] *Владимиров С., Теплов Л.* Варшавский договор и НАТО: два курса, две политики. М., 1979. С. 29–30.

[134] *Штоль В. В.* Указ. соч. С. 37.

[135] *Лаврёнов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 78.

[136] *Штоль В. В.* Указ. соч. С. 35.

[137] *Зиновьев А. А.* Запад. М., 2000. С. 372.

КОНФЛИКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КАК ИСТОЧНИК ВОЙН XX СТОЛЕТИЯ

Военные конфликты как вооруженная форма экономической борьбы

Новейшая история свидетельствует: в XX в. войны возникали на основе противоречий в достижении сторонами конфликта известных выгод и благоприятных для них исходов, добиться которых иными способами в силу ряда причин и обстоятельств не представлялось возможным.

Война — крайний способ разрешения, как правило, межгосударственных противоречий путем вооруженного насилия. В ходе войны, главным образом в результате военных действий, происходит ослабление, подрыв или утрата определенных связей и компонентов потенциала государства. Участники войны стремятся к достижению некоторых выгод и преимуществ, которые условно можно разделить на выгоды первого и второго порядков. К числу выгод первого порядка относятся: ослабление военного потенциала противника, военные трофеи (техника, имущество, пленные), репарации и контрибуции, территориальные, демографические приращения, экономические приобретения, ослабление или устранение конкурентов, возможность контроля линий и узлов коммуникаций. Выгоды второго порядка заключаются в расширении сфер влияния, повышении геополитического статуса, создании или благоприятном изменении институтов международных отношений, регуляторов мировой торговли и валютно-финансовых отношений. Проигравшая сторона теряет частично или полностью военный, финансовый и производственный потенциалы, сферы влияния и прежний уровень потребления в результате ущербов первого и второго порядков.

Признаки поражения (капитуляции) в войне сводятся к следующим факторам: разоружению и отказу от борьбы с противником; смене политического режима и явному или скрытому контролю победителем управления и расстановки руководящих кадров; утрате территорий; открытию границ для капитала страны-победителя; выплате репараций в разных формах, вывода финансового и материального капитала вовне в пользу победителя; целенаправленной обработке общественного сознания в пользу нового курса, новых внешнеполитических ориентиров. Подобные признаки были характерны для Германии, Италии, Японии после 1945 г.

Выгодам первого и второго порядков сопутствует множество военно-стратегических, политических и идеологических эффектов, которые являются в своей основе экономическими выгодами, непосредственно восполняющими или увеличивающими финансовый, технологический, производственный потенциал и уровень потребления победителя. Осознание экономической природы войн индустриальной эпохи пришло с началом XX в. Способность вести

войну перешла из сферы военной в сферу экономическую. «Положение в Европе в 1939 году придавало новый оттенок, новый смысл широко известному высказыванию Клемансо: «Война — дело слишком серьезное, чтобы его доверять военным»... Подобно тому, как техника обретала все более доминирующее положение над живой силой на поле боя, так и экономика в решении проблем большой стратегии отодвинула действующие армии на задний план. Если не обеспечить бесперебойную работу промышленных предприятий, то армии будут не чем иным, как инертными массами»[1]. Это хорошо понимали правительства всех стран в начале XX в.: «Страна с многочисленной армией, но с расстроенными финансами столь же слаба в смысле государственной обороны, как и государство с неустроенной армией»[2].

Подготовка военных стратегий и собственно боевые действия в обеих мировых войнах XX в. разворачивались вокруг трех основных узлов экономических интересов: доступа к рынкам сбыта и источникам поставок энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, продовольствия и технологий; контролю транспортных (коммуникационных) артерий; контролю или созданию институтов регулирования международных отношений и мировых потоков товаров, услуг, технологий, рабочей силы и капитала (хозяйственного обмена). Однако понимание экономических аспектов войн не может сводиться лишь к этим эмпирически выявленным причинам и причинно-следственным связям. Экономика — это не только процессы преобразования ресурсов и их потребления, прежде всего это человеческая деятельность, которая исходит из трех базовых предпосылок: неудовлетворенности текущим состоянием, представлений о желаемом состоянии и ожидания того, что целенаправленное поведение способно устранить или хотя бы смягчить чувство беспокойства, возникающее из неудовлетворенности. Поэтому рассмотрение экономических аспектов войны требует внимания к первооснове экономики — человеческой деятельности с ее целями и смыслами, выбором, цепочкам единичных действий и их связям, формирующим действие более высокого уровня, нацеленное на отдаленный результат.

В этом контексте поиск экономических причин войны должен исходить из понимания значимости (масштаба) проектов участников войны, мотивов их действий и результатов. При этом следует иметь в виду, что «в области экономической науки нет постоянных зависимостей и, следовательно, невозможны никакие измерения... Статистические цифры, относящиеся к экономическим событиям — это исторические данные. Они говорят нам о том, что произошло в неповторимом историческом случае... Понимание в мире истории является своего рода эквивалентом количественного анализа и измерения»[3].

У войны всегда есть инициаторы, но это вовсе не означает, что только у них есть интересы в результатах войны. Экономические интересы имеют все участники войны, хотя бы потому, что война влияет, пусть и неравномерно, на уровень их неудовлетворенности, понимание желаемых состояний и ожидания от осуществляющейся и предполагаемой деятельности. Коалиции групп экономических интересов могут иметь и трансграничный характер. В зависимости от развертывания войны и положения в ней конкретных людей масштаб и направленность их экономических притязаний могут существенно отличаться и изменяться со временем.

В большинстве случаев субъекты тех или иных сценариев развития военных конфликтов отождествляются с названиями государств, тогда как реальный ландшафт властных возможностей в мире может существенно не совпадать с общепринятыми представлениями и нормами, устанавливаемыми правом. Было бы сильным упрощением сводить круг участников войны только к государствам, объявившим надлежащим дипломатическим образом свое участие в войне, хотя этот акт, безусловно, является принципиальным моментом. Векторы мотиваций различных заинтересованных групп внутри государства — участника войны, уровень консолидированности их усилий в противостоянии противнику, деловые взаимосвязи с резидентами других государств, в том числе тех, с кем формально объявлена война, могут быть весьма неоднозначны. Достаточно напомнить о наличии жесткой политической борьбы между «партией войны» и «партией мира» во Франции, Великобритании и США, довольно непростую конфигурацию интересов внутри Италии, Японии, Германии или Испании, раз-

нообразные «пятые колонны» внутри государств, возросшую роль профсоюзов и рабочего движения, торговлю и движение капитала между воюющими сторонами не только накануне или после, но и в ходе войны.

Тем не менее следует признать, что ключевым субъектом в войне является государство, поскольку именно оно представляет аппарат сдерживания, принуждения и обладает идеологическим могуществом и властью добиться повиновения силой. Даже самая мощная деловая корпорация, в конце концов, не правит потребителями, имеющими свободу выбора, а может через разные методы оказания влияния на государственный аппарат (главным образом лоббизм и коррупция) лишь создать условия принуждения потребителей к желаемому поведению.

В любой политической системе происходит согласование социальных интересов, например, в вопросе об изыскании средств для программ перевооружения. В Германии, Франции и Англии накануне Первой мировой войны было увеличено налогообложение богатых слоев населения, чтобы изыскать средства на укрепление флота или сухопутных сил. В России же усиление обложения капиталов и имущества было отложено в долгий ящик[4]. Социальный выбор, влияющий на принципиальные решения по распределению ограниченных ресурсов, являлся проблемой не только в парламентских западных странах, но и в довоенном СССР, вплоть до статуса «центральной проблемы», «от успешности разрешения которой зависит хозяйственная, да и политическая устойчивость СССР во время войны». Речь шла о «смычке с деревней», установлении «таких хозяйственных отношений с ней, при которых деревня сможет получать хотя бы минимальное количество продуктов промышленности в обмен на... сырье для промышленности и продфураж для города и вооруженных сил... На этой именно линии находится слабое звено нашей экономической системы»[5].

Уже к началу XX в. мир был поделен на колонии между ведущими метрополиями. Но вкус к экспансии, вскормленный на чужой крови и легких трофеях, предопределял дальнейшую неумолимую логику действий — борьбу за передел колониальных сфер влияния. В Китае Германия натыкалась на интересы Великобритании, Франции, Японии, России; на Ближнем Востоке — Великобритании и Франции; в Африке — Франции, Португалии, Великобритании; в Латинской Америке — Испании и Португалии; на Среднем Востоке — Англии и России. Сближение со Стамбулом вело к желанию германского контроля над Проливами, что не могло быть принято ни Россией, ни Великобританией. Строительство немцами железной дороги задевало интересы англичан в Персидском заливе и грозило подрывом влияния в Иране и Индии.

В 1896 г. кайзер подвел первые итоги стремительного развития: «Германская империя превратилась в мировую империю», что означало не только сдвиг самоощущения, но и вполне реальную промышленную политику — «мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент». Спустя год Б. фон Бюлов в рейхстаге уже заявил: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем»[6].

Однако стратегические цели Германской империи выкристаллизовывались более трети века и определялись жаждой самореализации империи в форме мирового господства в экономике и политике как продолжении триумфа нации в области духа. В конфигурировании союзников для нового, имперского этапа своего подъема у Германии был стратегический выбор. Прежде всего он предполагал определение линии в отношении России — партнерство или война. На выбор влияли гравитационные поля интересов Великобритании, Франции, США.

Сложнее и противоречивее было с обретением смысла и реализацией своих национальных интересов в России, где существовало не менее трех основных направлений внешнеполитической мысли, обосновывавших стратегические области экономической экспансии России. Революция добавила новое измерение этих интересов. Подобное явление — снижение внешнеполитических амбиций быстрее и значительнее, чем реальное падение мощи страны — увы, часто было характерно для динамики стратегической субъектности России.

Так или иначе, решения о начале, продолжении и окончании войны принимаются сторонами и лицами, находящимися под властью не только стереотипов, но и своей среды, информационной и человеческой, которая зачастую искажает реальность. Сходные метаморфозы происходят и сегодня в ходе «цветных революций».

Таким образом, экономические причины и Первой, и Второй мировых войн складывались не только из некоторых экономических абстракций вроде соотношения спроса и предложения, сальдо торгового и платежного баланса, но из экономических интересов заинтересованных социальных групп и кругов. Стремление к реализации своих экономических интересов вспарывало ткань внутренних и внешних политических институтов. Индикаторы спроса и предложения, цен и курсов фиксировали равнодействующую этих вполне человеческих расчетов и страстей, определяя силовые и иные представляющие угрозу действия со стороны организованных структур отдельных государств и их союзов, транснациональных корпораций и отдельных олигархов (с частными армиями в форме частных военных компаний)[7].

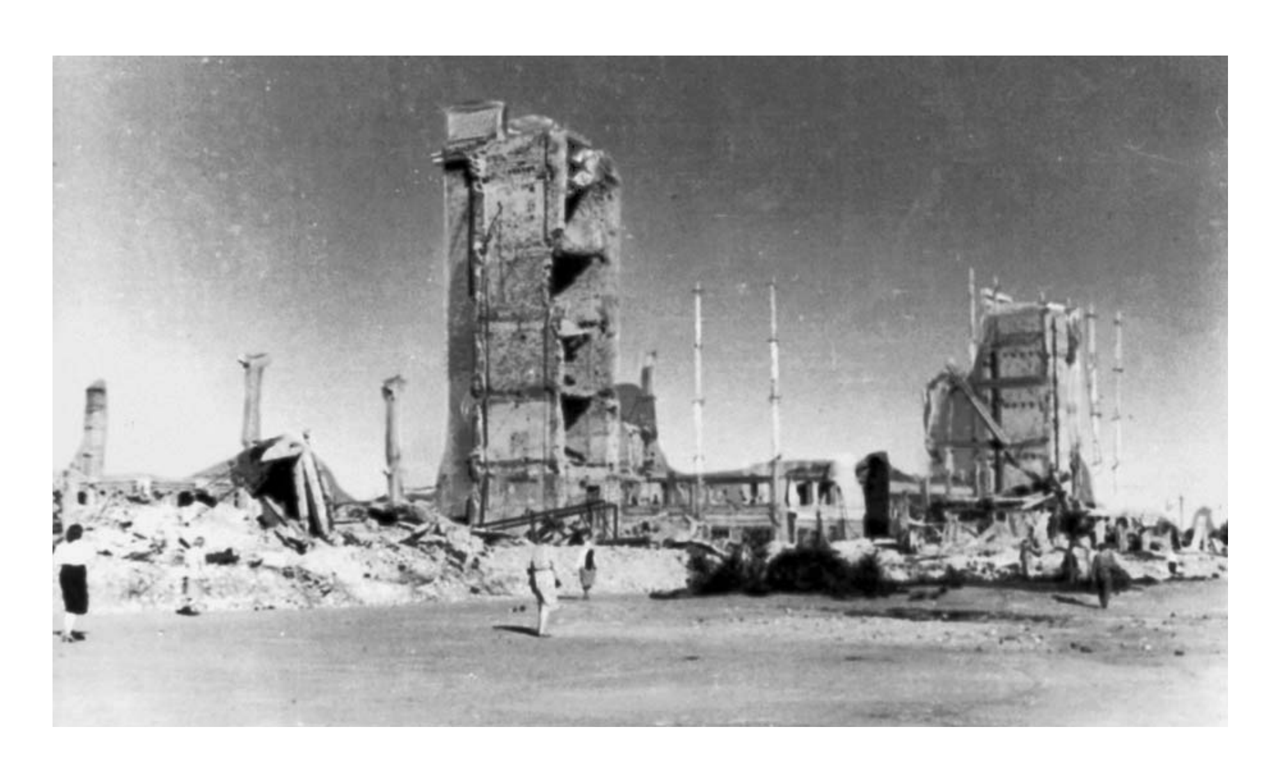
Военный конфликт в индустриальном обществе, по существу, есть жесткая вооруженная форма экономической по своей сути борьбы. Наиболее жесткая борьба идет за инструменты глобального регулирования экономической активности между государственными и надгосударственными структурами, хотя и опирающимися на конкретные страны (США, Великобритания, Германия и другие). В предельной формулировке — это борьба за мировое господство, за власть над поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования. Военный конфликт мирового масштаба, охватывающий все великие державы, решает проблемы завоевания, удержания контроля и стимулирования роста вполне конкретных зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов[8]. Доступ к рынкам сбыта, источникам энергоресурсов, сырья и продовольствия, контроль коммуникаций остаются по-прежнему важнейшими объектами экономических интересов государственных и негосударственных субъектов современного мира.

Однако уже после Второй мировой войны, когда была создана новая валютно-финансовая мировая система, значение влияния на ключевые наднациональные институты регулирования спектра факторов экономического развития выросло беспрецедентно, став главным «призом» в глобальном соперничестве за лидерство и связанные с ним экономические преимущества.

Таким образом, рассмотрение экономических причин Второй мировой войны требует, помимо обозначенных выше трех узлов, рассмотрения факторов неудовлетворенности своим положением в мировой экономике у ключевых ее акторов, их представлений о желаемом состоянии и стратегиях их достижения. Из несовпадения их оценок прошлого и настоящего, борьбы между видением будущего мирового порядка и стратегией его достижения сложилась реальная конфигурация как экономических причин, так и экономических последствий войны.

Экономические причины и последствия Великой Отечественной и Второй мировой войн

Экономические причины и последствия Великой Отечественной и Второй мировой войн в целом до сих пор остаются предметом напряженных исследований и неоднозначных толкований. Однако большинство мнений о причинах и характере войны в целом не противоречат оценке И. В. Сталина, данной еще в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), где он заявил, что «экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий»[9].

Руины Сталинграда

Жители венгерского Дьёра на разрушенном бомбардировками заводе Raba

Развалины французского города Сен-Ло

Не только в то время, но и сегодня эти слова способны пролить свет на хитросплетения происходивших событий[10]. Однако теперь есть одно очевидное преимущество для осмысления проблемы — историческая дистанция, сама по себе развязывающая узел причин, туго сплетенный в неразличимое целое из важных и второстепенных, случайных и закономерных причин. При этом нельзя не согласиться с английским военным историком и теоретиком Б. Г. Лидделом Гартом, утверждавшим, что «прежде чем рассматривать причины возникновения войны, уместно суммировать ее последствия. Понимание результатов войны поможет более реалистично изучить вопрос о причинах ее возникновения. На Нюрнбергском процессе достаточно было утверждать, что виновник развязывания войны и всех ее последствий — гитлеровская агрессия. Однако это слишком простое и поверхностное объяснение»[11].

Последствия Великой Отечественной войны как наиболее значимой и решающей части трудно отделить от последствий всей Второй мировой для глобальной политики и экономики. Их основу составляют потери и ущербы, понесенные человеческой цивилизацией в этой войне, которые лишь отчасти могут считаться компенсированными выгодами и приобретениями для стран-победителей.

Во-первых, война привела к колоссальным человеческим жертвам: около 60 млн человек[12].

Во-вторых, война стала причиной колоссальных разрушений и материальных утрат на огромных просторах Европы, Азии, Северной Африки, Юго-Восточной Азии. Были уничтожены или повреждены миллионы жилищ, заводов и фабрик, транспортных узлов, мостов и коммуникаций. Только в Европе было разрушено 23,6 млн жилых домов, 14,5 млн общественных зданий и промышленных предприятий, свыше 250 км железнодорожных путей[13]. В Польше фашисты разрушили около 40% национального богатства страны, почти 65% промышленных предприятий[14]. Наибольший материальный ущерб был нанесен Советскому государству: разрушено 1710 городов и поселков, 70 тыс. деревень и сел, 6 млн зданий, 32 тыс. промышленных предприятий, около 63 тыс. км железнодорожных путей, 1870 железнодорожных мостов и других сооружений[15]. Агрессоры принесли неисчислимые бедствия и своим народам. Промышленность Германии была истощена, разрушены 25% жилого фонда, инфраструктура страны, 20% промышленных предприятий оказались непригодными к восстановлению. По многим отраслям производства Германия было отброшена на уровень 1936 г. Была разрушена вся транспортная система страны. Кроме того, Германии предстояла выплата репарационных платежей[16]. Японский торговый флот был уничтожен на 90%. Производство промышленной продукции в Японии упало в пять раз[17].

В-третьих, война изменила территориальные контуры множества стран. Так, Германия утратила все территории, аннексированные до или во время войны, а также Восточную Пруссию. Япония потеряла все свои колонии, а вместе с ними и вложенные в них инвестиции. Великобритания утратила статус метрополии для огромной колониальной сети. Заметные территориальные приращения получили СССР, Польша, возрожденная как государство, Чехословакия, другие страны. Радикально расширилась сфера влияния США.

В-четвертых, война сдвинула с мест миллионы людей — репатриация, депортация, миграция, «перемещенные лица» и прочее.

В-пятых, жизненный уровень в большинстве воюющих стран существенно снизился. Широко распространилась бедность. Трудности в снабжении топливом и продовольствием поставили жизнь множества людей на грань физического выживания, провоцируя рост смертности.

В-шестых, во всех странах произошло существенное обесценивание денежной массы, выросли цены и государственные долги. Так, розничные цены во Франции выросли за десять лет с 1937 г. в 19 раз, в Бельгии — в 4 раза, в Великобритании — в 1,8 раза, в США — 1,66 раза, в Бельгии — в 4 раза[18]. В побежденных странах рост цен был еще выше.

Однако во всей многообразной палитре мрачных и тяжких экономических последствий войны нельзя не усмотреть оттенки светлых тонов. Советский Союз усилил военное и административно-политическое присутствие в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, получил некоторые территориальные приращения, оборудование и военное имущество, а также часть научно-инженерного потенциала Германии, заменил «санитарный кордон» дружественными государствами, отодвинул свой «периметр обороны»[19].

США укрепили свое военное, политическое, экономическое, технологическое и идеологическое лидерство в западном мире. Отказались от принципа неучастия в военных блоках в мирное время. Американские войска на постоянной основе были развернуты в Европе и вокруг СССР. Промышленность США испытала колоссальный подъем благодаря переходу экономики на военные рельсы. Занятость населения выросла с 54 млн человек в 1940 г. до 64 млн в 1945 г. Индекс цен валового национального продукта (в постоянных ценах) увеличился в США между 1938 и 1945 г. со 100 до 165 пунктов, тогда как в СССР — только до 105. При этом в Западной Европе и Японии ИНП упал до 87 и 63 соответственно[20]. Что еще более существенно, необходимость быстрого решения крупных научно-технических задач (ядерное оружие, ракетостроение) стимулировала не только рост инвестиций, но и развитие организационного потенциала США. Свой выигрыш от войны получили и некоторые колониальные и зависимые страны, прежде всего благодаря росту цен на продовольствие и сырье.

Руины дома в освобожденной Варшаве

Американский танк М-4 «Шерман» на разрушенной улице Нюрнберга

Панорама развалин немецкого города Хайльбронн

Особый экономический результат войны — смена идеологической доктрины на Западе. Господствовавшая там после Первой мировой войны идеология либерального капитализма и рекомендуемые ею методы управления оказались неспособны восстановить самостоятельное регулирование рынков. Более того, именно либерализму была вменена вина за Великую депрессию, «конец которой могла положить лишь катастрофа — мировая война»[21].

Базис новой теоретической конструкции для послевоенной доктрины был предложен еще в 1936 г. Дж. М. Кейнсом, обосновавшим принципы, направления и технику государственного вмешательства в экономические процессы[22]. Новая экономическая идеология предусматривала достижение серьезного комплекса социальных целей: рост занятости и социальное обеспечение, гарантированное государством, а также установление институтов экономической демократии. Позже этот аспект был отражен в концепции конвергенции различных социальных систем.

Подробно результаты мировой войны были подведены на XIX съезде ВКП(б), который состоялся спустя семь лет после капитуляции Германии, Японии и их союзников. На съезде было отмечено, что Вторая мировая война «потрясла до основания жизнь многих народов и государств и изменила лицо мира». Подчеркивалась также непредвиденность результатов войны для ее «вдохновителей и империалистов»: «Вместо уничтожения или ослабления Советского Союза получилось усиление СССР», от капитализма отпал ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы, произошел «мощный подъем национально-освободительной борьбы» в колониальных и зависимых странах «вместо дальнейшего закабаления». «Тяжелый удар нанесла всей мировой империалистической системе историческая победа великого китайского народа». Германия, Япония и Италия «выпали из числа великих держав, а Франция и Англия потеряли прежние позиции», понеся людские потери и материальный ущерб.

С позиций сегодняшнего дня можно обратить внимание на то, что в докладе присутствует смешение разноплановых целей участников Второй мировой войны. Между тем цели Германии, Италии и Японии существенно разнились даже между собой, как и стратегические ориентиры США, Великобритании и Франции. Несомненно, с существенными поправками воспринимается сегодня и положение о внутренних противоречиях между ведущими западными странами, хотя бы потому, что именно в результате Второй мировой войны были сформированы наднациональные институты регулирования мировой торговли, движения капитала и рабочей силы.

«Наиболее важным экономическим результатом Второй мировой войны и ее хозяйственных последствий» на XIX съезде ВКП(б) был признан распад единого, всеохватывающего мирового рынка, образование двух лагерей с разными историческими перспективами. Хотя реальная история пошла более извилистыми путями, исчезновение в конце 1980-х гг. мирового социалистического лагеря с восстановлением глобального рынка отнюдь не поставило точку на процессах его фрагментации.

Сложившийся «новый центр реакции и агрессии» в лице США был признан «источником угрозы делу мира и национальной независимости народов». Развернулись «экспансия американского капитализма», милитаризация хозяйства, подготовка к новой войне, обнищание населения своих стран и ограбление народов других стран. Были представлены сравнительные оценки роста промышленной продукции СССР и капиталистических стран за период 1929–1951 гг.: в СССР — почти в 13 раз, в США — в 2 раза. При этом промышленное производств в США вплоть до 1939 г. «топталось на месте» и лишь резкое увеличение военного производства во время Второй мировой и затем Корейской войн привело к удвоению по сравнению с 1929 г.

В этих советских оценках отразились не столько игра со статистикой, сколько идеологические и политические мотивы. После войны в СССР развернулась жесткая и большей частью закрытая дискуссия о системе управления экономическим развитием на фоне необходимости создать противовес американской ядерной монополии. Но на деле именно рост военного производства США дал импульс к окончательному переходу на новый технологический уклад. СССР имел более отягощенную технологическую траекторию.

Вторая мировая война была представлена в документах съезда как конфликт «двух капиталистических группировок», каждая из которых рассчитывала «путем применения вооруженной силы переделить мир заново, захватить новые источники сырья, расширить рынки сбыта для своих товаров». Иными словами, «укрепить собственное экономическое положение за счет своих противников и добиться мирового господства». Эти намерения имели выражение в конкретных цифрах: США, а также Англия и Франция, надеялись поднять производство в своих странах в 4–5 раз. Планы эти с треском провалились. США «лишь удвоили объем производства», потеряли рынки сбыта в СССР, Китае, восточноевропейских странах и не смогли установить господство американского капитала на мировом рынке.

США захватили значительную долю рынка, переориентировали экономические связи на себя (препятствуя западноевропейским странам импортировать продовольствие и сырье из Восточной Европы и экспортировать туда промышленные товары — товарооборот США со странами Восточной Европы сократился в 10 раз по сравнению с 1937 г., Англии и Франции — соответственно в 6 и 4 раза). США форсировали свой экспорт путем «самого бесстыдного демпинга», ограждая при этом свой внутренний рынок. На отдельных рынках (нефть, каучук, цветные и редкие металлы, сера, шерсть) особенно острыми были противоречия между США и Англией. Отмечены также противоречия США с оккупированными ими Японией, Германий и Италией, а также Францией. Можно заметить в этих цифрах реально идущие процессы обособления двух лагерей и нарастание роли США в восстановлении европейской и японской экономики.

В документах съезда подчеркнут факт инфляционной эмиссии бумажных денег. В 1951 г. обесценивание доллара составило 57% по отношению к 1939 г., фунта стерлингов — 68%, французского франка — 96%. В итоге возникла военно-инфляционная экономика. Налоги с населения выросли в США в 12 раз. Здесь следует отметить, что помимо образования новой мировой валютно-финансовой системы США параллельно осуществили и коренную реорганизацию системы налогообложения, резко повысив значение налогов с прибыли корпораций и личных доходов граждан[23].

Особое внимание было уделено противоречиям между метрополиями, колониями и зависимыми странами, растущее проникновение США в сферы влияния своих союзников, в том числе в британские имперские владения, включая нефтяные районы и Суэцкий канал. Совершенно справедливо делался акцент на процессе окончательного распада британской колониальной системы. Главным вектором деятельности «правящих кругов США, Англии и Франции» была признана подготовка к новой войне. «Линия на завоевание мирового господства, на подчинение себе всех других стран является основным мотивом всей политики американской империалистической верхушки». Было отмечено стремление «замаскировать свою захватническую политику» и агрессивные планы, ведущиеся военные действия «демагогической миролюбивой фразеологией» — «старания агрессивного атлантического волка напялить на себя овечью шкуру»[24].

Таким образом, официальные оценки советского руководства сводились к тому, что основной причиной Второй мировой войны стал конфликт фундаментальных экономических интересов ведущих мировых империалистических коалиций: преодоление экономического кризиса, стимулирование роста через военные расходы, доступ к источникам сырья, рынкам сбыта, расширение сфер влияния. В этом конфликте верх одержали США. Но поскольку главным хозяйственным итогом войны стал распад единого, всеохватывающего мирового рынка с обособлением мировой социалистической системы во главе с СССР, то стратегический лейтмотив США и их союзников после Второй мировой войны сводился к достижению мирового господства через подготовку и развязывание новой войны.

По существу, структура победы обрисована четко. Но победа у СССР, Великобритании, Франции, США и в то время еще зависимых стран была различной. Для США главное значение имели выгоды второго порядка, а для СССР — выгоды первого и второго порядков. Выгоды, полученные победителями во Второй мировой войне, имели вполне материальное выражение: финансовые репарации, контрибуции, трофеи — оборудование и техника, приток

научно-технических кадров, технологий, патентов, расширение зоны влияния, стимулирование научно-технического и экономического роста, новые рабочие места, принудительные инвестиции в восстановление разрушенных экономик, отнюдь не безвозмездные и не альтруистичные программы помощи, ликвидация барьеров доступа на рынки поверженных противников, контроль над их политическими режимами и параметрами экономической политики.

Но главное, что получили США, фиксируя свои преимущества победителя на долгий ряд лет, по крайней мере на одно-два поколения, — возможность контроля наднациональной модели экономического развития, текущей и перспективной. В этом контексте важно, что проигравшие в войне Германия и Япония до сих находятся по немногим, но существенным параметрам в парадигме зависимых от США стран с ограниченным технологическим, военным и политическим суверенитетом, тогда как в отношениях с Россией их поведение мало напоминает проигравшие стороны.

Выигрыш США можно свести к следующему: установление выгодной США финансовой модели мировой экономики и право одностороннего отказа от нее, если она перестала выполнять свои задачи; установление или подтверждение главенствующей роли американских и переплетенных с ними британских финансовых институтов, их глобальных аналогов, нивелирование роли других финансовых центров (Цюрих, Париж, Берлин, Бейрут, Гонконг, Сингапур); поэтапное разрушение колониальных зон (сначала Германии и Японии, затем Великобритании, Франции, Португалии), либерализация мировых рынков в интересах корпораций США; перемещение в США золотых запасов и контроль привязанных к доллару валют других стран; подавление экономических конкурентов, в том числе через международные институты, а также институты зависимого развития Германии и Японии, а после холодной войны — постсоветских и других стран; контроль ведущих руководящих и экспертных позиций в международных организациях; всемерная поддержка достижения компаниями США лидерства сначала в промышленном производстве, затем в наиболее выгодных инновационных областях, финансовом секторе, «высших услугах капитализма»[25].

Суммарно все эти эффекты раз за разом решали фундаментальную экономическую проблему США — балансирование реального и фиктивного секторов экономики за счет сжигания необеспеченных долговых обязательств. В конечном счете, это обеспечивало сначала выход на роль лидера мировой экономики после Первой мировой войны, а затем формирование сверхпотребляющего по отношению к остальному миру общества. Долгосрочное удержание такого состояния требует глобального контроля над поставками стратегических ресурсов, рынками сбыта и ключевыми коммуникациями. Главными инструментами такого контроля выступают глобальная долларовая и многофункциональная силовая инфраструктура США.

Следует подчеркнуть, что главным выигрышем США и в холодной войне стало продление «срока годности» выгодной для них спекулятивно-долговой модели мировой экономики, которая сохраняет преемственность как с моделью экономического роста США, предполагающей эффективное управление дефолтами, так и с Бреттон-Вудской валютно-финансовой системой. Кроме того, был создан инструментарий для следующих факторов: неэквивалентного обмена «дорогих инноваций» на «дешевое сырье» и соответствующей структуры рынков; сжигания части инфляционной денежной массы в проектах в постсоциалистических и близких им странах, их квазиколонизация; утверждения США как главного арбитра в решении любых мировых вопросов; поддержки эволюции Японии, Китая и Индии на основе выгодной США модели социально-экономического развития; ослабления роли международных организаций в пользу США при сохранении контроля над ними; концентрации в США перспективных инновационных бизнесов и университетов.

Таким образом, три участника Второй мировой войны — Германия, Великобритания и США подразумевали мировое господство как свой важнейший целевой ориентир. Для Германии он означал утверждение своей власти совместно с Японией и Италией над Евразией и колониальной системой Франции и Великобритании, прежде всего в Азии и Африке. Для Великобритании речь шла о сохранении своей империи, имевшей глобальное значение и опиравшейся на доминирование фунта стерлингов в мировых торговле и расчетах. Для

США речь шла о создании новой мировой валютно-финансовой и торговой системы на базе доллара. Все государства, ориентированные на мировое господство, имели в виду устранение препятствий к его достижению, поэтому и структура препятствий для каждого участника была различной.

Созданная в каскаде промышленных революций XIX и XX вв. экономика ведущих стран мира нуждалась в источниках сырья и рынках сбыта, кредитной инфраструктуре и развитии международной торговли. К началу XX в. Великобританию, признанного гегемона мировой экономики и финансов, быстро догоняли США и Германия. Основные великие державы сформировали обширные колониальные владения и сферы влияния. Провал попытки Германии занять свое место и относительное отставание Великобритании от США в освоении новых индустрий, а также выпадение России из мировой торговли — все это создало беспрецедентную по масштабу и силе диспропорций ситуацию.

Особую важность имел кризис международных платежей: фунт стерлингов как мировая резервная валюта утрачивал свой статус по мере общего ослабления Британской империи. Кроме того, распад четырех империй с образованием множества новых государств в Европе создал крайне хаотичную ситуацию в экономике Европы. Ни одно из этих государств не было самодостаточным и нуждалось в развитии внешней торговли и в инвестициях, что в условиях кризиса международных платежей было весьма сложно. В итоге большинство новообразованных стран стало частью бартерной торговой зоны Германии.

Социальная революция и Гражданская война превратили Россию в международную парию, в отношении которой была осуществлена интервенция и введена экономическая блокада, а затем предъявлен иск в 18,5 млрд золотых рублей как условие возвращения к нормальному международному взаимодействию. США, ставшие к тому времени нетто-кредитором и Англии, и Франции, лидером по производству и экспорту ключевых товаров мировой торговли, заняли отстраненную позицию в разрешении клубка европейских проблем. При этом Лига Наций не смогла стать институтом согласования конфликтов и налаживания мирного сотрудничества. В итоге угроза силового разрешения возникших и накапливающихся противоречий существовала с разной интенсивностью весь межвоенный период. Когда окрепшая Германия начала «оптимизировать» свои отношения с соседями — Францией, Австрией, Чехословакией, то ведущая держава континента — Великобритания смотрела на это в целом благожелательно.

Однако перспектива ожидающегося силового разрешения противоречий европейского устройства оказала влияние на характер экономического подъема. «Для ведения войны необходимо было около 20 основных продуктов. Уголь — для общего производства. Нефть — для транспорта. Хлопок — для производства взрывчатых веществ. Шерсть. Железо. Резина — для транспорта. Медь — для военного снаряжения и всех видов электрооборудования. Никель — для производства стали и боеприпасов. Свинец — для боеприпасов. Глицерин — для динамита. Целлюлоза — для бездымного пороха. Ртуть — для детонаторов. Алюминий — для авиации. Платина — для химических приборов. Сурьма и марганец — для производств стали и металлургии вообще. Асбест. Слюда. Азотная кислота и сера — для производства взрывчатых веществ»[26].

Все эти продукты составляли основу продукции гражданского промышленного производства: тракторов, автомобилей, самолетов, судов. Ни одна великая держава не имела полноценного самообеспечения по стратегическим продуктам. Англия была обеспечена полностью только углем, ставшим, между прочим, и основой снабжения ее флота и баз, раскинувшихся по всему миру. Снабжение обеспечивал торговый и военный флот в основном из стран империи. 90% никеля давала Канада, 10% — французская Новая Каледония. Серьезный дефицит был по нефтепродуктам.

В несравненно лучшем положении находились США, добывая две трети нефти в мире и производя около половины мирового объема хлопка и меди. Зависимость от внешних поставок имелась по сурьме, резине, жести и частично марганцу. В этих условиях кризисное состояние международной торговой системы явилось одним из факторов предпочтения силового разрешения проблем.

Нефтяные вышки недалеко от Лос-Анджелеса

При всем известном естественном богатстве СССР отнюдь не был самодостаточен. Особенно не хватало сурьмы, никеля, резины, меди и серы. Материалы заседаний органов оборонно-промышленного комплекса 1920-х — начала 1930-х гг. полны тревоги из-за слабости «внутреннего покрытия» потребностей военной промышленности. На 1929 г., когда внешняя обстановка оценивалась как весьма напряженная, «недопустимая зависимость» сохранялась по важнейшим продуктам: никелю, алюминию, свинцу[27]. «Неизжитая острота сырьевой проблемы» долго сохранялась по цветным металлам и азоту. По ферросплавам, селитре, цинку, меди и олову лишь начинался переход на внутренние источники. «В первой пятилетке оборонная подготовка промышленности находила свой основной лимит в сырье... в первую очередь в форме «узости» сырьевой базы обороны и громадной зависимости от импорта», — отмечалось в аналитической записке Госплана в октябре 1932 г.[28] К началу войны по подавляющему большинству стратегических минералов СССР достиг высокого уровня самообеспеченности.

Страны оси — Италия и Япония импортировали почти всё. Для военного времени Италии требовалось импортировать 4 млн тонн различной продукции, которые частично можно было покрыть только из Албании — лишь на 2%. Поэтому важнейший аргумент для Италии в пользу альянса с Германией был связан с расчетом на подпитку ресурсами. У Японии такого соседа, как Германия, не было, поэтому вектор экспансии империи выстраивался не столько по меридианам, сколько по конусу месторождений острием на юг. Это, в свою очередь, предопределяло необходимость сильного флота для защиты критически важных линий снабжения, а также вытеснения европейских конкурентов.

Германия не производила ни хлопок, ни резину, ни жесть, ни платину, ни бокситы, ни ртуть, ни слюду. Запасы железной руды, меди, сурьмы, марганца, никеля, серы, шерсти и нефти были недостаточны. Во многом, если даже не в основном, нападение Германии на СССР в 1941 г. диктовалось невозможностью ее дальнейшей экономической экспансии на принципах сырьевой самодостаточности. В середине 1930-х гг. подобные иллюзии у немецкого руководства еще имелись, но основа промышленной мощи Германии находилась на ее территории. Не случайно в указаниях ставки А. Гитлера о ведении войны от 9 октября 1939 г. в разделе «Опасности положения Германии» отмечалась «самая большая и самая серьезная опасность»: «Предпосылкой для успешного ведения войны является бесперебойная работа предприятий Рурской области. Любое серьезное нарушение производства в этой области не может быть компенсировано ни в каком другом месте. А это обстоятельство рано или поздно приведет к нарушению военной экономики Германии и, следовательно, к крушению ее военных возможностей. Но это известно и противнику... Чем меньше у Англии и Франции надежд на возможность уничтожения германской армии в серии сражений, тем больше будут оба эти государства стремиться к созданию общих предпосылок для эффективного ведения войны на истощение и уничтожение»[29].

Потребность в устойчивой сырьевой базе не ограничивалась только нефтью Румынии, Австрии и Чехословакии, углем Силезии или самым крупным в Западной Европе Лотарингским железорудным бассейном, который обеспечивал сырьем черную металлургию Германии. Чехословакия покрыла Германии дефицит железной руды. Немецкая помощь Испании обернулась льготами в поставках оттуда железной руды и ртути. Финляндия поставляла никель. Синтетические заменители покрыли лишь часть потребностей в шерсти, пятую часть — в резине, треть — в нефтепродуктах.

Для удовлетворения своих нужд в мирное время Германия импортировала 5 млн тонн нефти из Венесуэлы, Мексики, Голландской Индии, США, России и Румынии. В военное время первые четыре поставщика выпадали. Нужды военного времени составляли порядка 12 млн тонн. Только захват румынских нефтяных скважин, производивших 7 млн тон в год, мог покрыть этот дефицит[30]. Добровольно Румыния не готова была бы так переориентировать поставки нефти в пользу Германии. Кроме того, А. Гитлер был одержим ощущением угрозы советского захвата Плоешти. Существовали и еще два сюжета, повлиявших на нефтяное мировоззрение фюрера: первый был связан с едва не введенным нефтяным эмбарго против

Вид на нефтеперерабатывающие заводы «Стандард» и «Астра Романа» в Плоешти

Италии из-за вторжения в Абиссинию; второй — с освобождением внутреннего нефтяного рынка Германии от господства «Стандард ойл», «Шелл» и других иностранных фирм, среди которых оказалась и сеть бензоколонок, которой владели большевики. История закончилась резким прекращением советских поставок нефтепродуктов в 1936 г. со ссылкой на трудности с иностранными платежами[31].

Неустойчивость ресурсной базы экономического подъема Германии требовала еще доступа к бакинской и грозненской нефти, углю Донбасса, урану, марганцу, ртути и железной руде Криворожского бассейна, черноземам Украины, рабской рабочей силе, удобным для расселения ландшафтам и сакральным объектам в Крыму, Поволжье и на Кавказе. Эти в основе своей экономические аргументы предопределяли военные планы Третьего рейха. Они были тщательно увязаны с заявками промышленности, деловых кругов, силовых корпораций на конкретные предприятия, месторождения, объекты.

В итоге за разными формами расширения сферы влияния Германии (аншлюс, оккупация, принуждение к союзу) просматривается сугубо экономическая логика — формирование необходимого спектра ресурсных запасов и поставок для экономической и военно-промышленной мощи, осуществления амбициозных технических программ[32]. Объем награбленных запасов металлов, моторного топлива и других ресурсов в оккупированных странах в два раза превышал объемы годового дохода самой Германии. Одним захватом Чехословакии Герма-

ния получила военные предприятия и имущество 35 дивизий, только в тяжелой артиллерии удвоив свои ресурсы[33]. Кроме того, был захвачен и чехословацкий золотой запас (23 тонны золота)[34]. В целом увеличение экономического потенциала Германии за четыре года после аншлюса Австрии составило по нефти и бокситам — более 20 раз, железной руде — почти в 8 раз, по чугуну и стали — более 2 раз. Почти в 4 раза больше стало у Германии людских ресурсов. Доля контрибуций с оккупированных стран в госбюджете Германии в 1940–1944 гг. непрерывно росла — с 11,4 до 26,4%[35].

К моменту нападения Германия превосходила СССР по выплавке стали в 3 раза, добыче угля — в 5 раз, выработке электроэнергии — в 2,3 раза. Всего же страны оси контролировали на 1941 г. треть ресурсов и населения земли[36]. Цель — установление мирового господства — на этом фоне отнюдь не казалась эфемерной. А. Шпеер заметил в своих мемуарах: «Претензии Гитлера на сверхмасштабность включали в себя... нечто большее: сверхразмеры должны были возвысить его, Гитлера, дело, укрепить его веру в себя. Возведение... монументов преследовало цель заявить о претензиях на мировое господство задолго до того, как Гитлер рискнул вслух сказать об этом своему ближайшему окружению»[37].

Помимо энергоресурсов и минералов стратегическое значение имело продовольствие. Как заявил на совещании 20 июля 1941 г. А. Розенберг, «немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке... Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения»[38]. В «зеленой папке» Г. Геринга — «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (не позднее середины июня 1941 г.) — отмечалось: «Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель компании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях... Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискаций... Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука»[39].

Стоит подчеркнуть, что установление оккупационного режима происходило под контролем военно-экономических штабов, развернутых во всей военной структуре Германии. В разгар наступления на сталинградском направлении 8 августа 1942 г. на совещании с руководителями экономических управлений на оккупированных территориях нацистским руководством были поставлены конкретные задачи по продовольственному снабжению рейха. В частности, Франции предписано было поставить 1,2 млн тонн продовольственного зерна, фуражного — 1 млн тонн, 350 тыс. тонн мяса и 6 млн гектолитров вина; Бельгии — 50 тыс. фуражного зерна; Норвегии — 500 тыс. тонн рыбы; России — 3 млн тонн зерна[40]. Очевидно, что обеспечивать такие объемы поставок на сугубо коммерческой основе с независимыми государствами было бы нереально.

Следует отметить, что в августе 1942 г. и Лондон, и Вашингтон всерьез рассматривали сценарии «краха русского фронта» и перспективу длительного доминирования держав оси в мире. Поражение СССР означало ликвидацию на длительный период возможности для США и Англии разгромить Германию[41].

Экономическим основанием для перспективы мирового господства Германии служила ее ожидаемая минерально-сырьевая обеспеченность: советские месторождения энергоносителей и стратегических минералов, продовольственный потенциал и перспектива выхода на Средний и Ближний Восток — к Ирану и Индии были существенным дополнением к имеющемуся у агрессора к началу нападения на СССР потенциалу. В приказе народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. был сделан акцент на трагической ресурсно-экономической подоплеке складывающейся обстановки: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет

в избытке... Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны... Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди... Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба... Если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог»[42].

Даже с учетом предприятий и людей, которых успели эвакуировать в восточные районы СССР, и запасов, которые успели вывезти или уничтожить, Германия за первый год войны получила серьезное приращение ресурсно-экономического потенциала, включая также захваченную военную технику и пленных. Сальдо приобретений и потерь было явно положительным и позволяло еще ставить стратегические цели всей кампании против СССР. Правда, уже в декабре 1941 г. в докладной записке начальника управления военной экономики и военной промышленности Германии отмечалось, что имеются некоторые резервы для удовлетворения более высокого спроса вермахта: сосредоточение производства на решающих видах орудий, техники и боеприпасов; решительный переход на заменители; упрощение конструктивных элементов и методов производства и уменьшение веса. При этом говорилось, что таких мер самих по себе «ни в коем случае не будет достаточно, чтобы при прежнем уровне обеспечения сырьем выпускать оружие, технику и боеприпасы в объеме, позволяющем восстановить полную боевую мощь»[43]. В 1943 г. наибольшее сопротивление Красной армии вермахт оказывал в ключевых добывающих районах — Донбассе и Никополе. В 1944 г., когда был открыт второй фронт и Красная армия вышла к довоенным границам, именно сохранение главных источников топлива и сырья диктовало военные решения вермахта[44].

У Советского Союза, строго говоря, не было экономических интересов, которые толкали бы его на агрессию. Весь межвоенный период проходил в неиссякаемом ожидании внешней агрессии, к которой, как это ясно осознавало советское руководство, страна не была готова. Главный экономический интерес СССР в межвоенный период состоял в том, чтобы успеть осуществить индустриализацию народного хозяйства, создав современный военно-промышленный комплекс. Реализация этой цели требовала форсированного импорта оборудования, технологий и технической помощи. Равнопорядковые задачи включали также обеспечение мобилизационных запасов и продовольственной безопасности, вызывавшее необходимость проведения ускоренной коллективизации сельского хозяйства, а также финансового восстановления. К концу 1930-х гг. все эти стратегические задачи были в основном решены: сформирована новая энерго-сырьевая база, созданы новые промышленные районы на востоке, проложены новые стратегические магистрали, сформирована самостоятельная финансовая система и золотовалютные резервы. Ни одна из этих задач и их решений не провоцировала агрессивных мотиваций. Более того, по добыче минерального топлива Россия, даже после индустриализации, отставала от Германии и Великобритании и особенно от США[45].

Рассматривать экономические интересы СССР во Второй мировой войне нельзя без обращения к российской логике геополитического и геоэкономического поведения, складывавшейся за многие десятилетия до Великой Отечественной войны. Для России, отставшей в модернизации, переживавшей растущее внутреннее напряжение от быстро увеличивавшегося населения при нерешенном аграрном вопросе, геоэкономический выбор складывался особенно жестко: или остаться «Россией Петра Великого и Екатерины», следующей «всем историческим заветам и преданиям», развивая союз с Францией и Англией, или войти в «полное и бесповоротное подчинение Германии».

Представление о характере «вековых экономических устремлений» России дает записка министра иностранных дел России С. Д. Сазонова от 5 марта 1916 г. в ходе подготовки по-

зиции России на Экономической конференции союзных государств в Париже[46], в которой указаны ключевые моменты, сохранившие значение вплоть до окончания Второй мировой войны и даже далее.

Во-первых, «настоящая война[47] ознаменована, в отличие от всех предшествующих войн за последние столетия, глубоким вторжением всех воюющих государств в сферу частных прав неприятельских подданных», вплоть до ликвидации неприятельских предприятий. Отсюда — интерес в том, чтобы после войн не были предъявлены какие бы то ни было требования в отношении осуществленных мер в отношении неприятельских частных прав. Как ни парадоксально, именно эта проблема стала важнейшим вызовом для Советской России, затронув также и частные права граждан бывших союзников.

Во-вторых, охранение «совокупности имущественных интересов русских и союзных подданных в пределах неприятельских государств».

В-третьих, заинтересованность в предоставлении на парижском и лондонском рынках коммерческого кредита «в видах облегчения взаимных расчетов, вызванных нуждами промышленности и торговли». Интерес сохранялся вплоть до развертывания холодной войны.

В-четвертых, отмена союзными державами запрета на вывоз некоторых необходимых нам продуктов и предметов (селитра, станки, химические продукты, металлы, поковки, шерсть). Интерес устойчиво сохраняется вплоть до наших дней.

В-пятых, «борьба с засильем неприятеля» в некоторых нейтральных странах, например, в Китае.

В-шестых, меры по обеспечению потребности союзных держав в сырых материалах, орудиях производства и продуктах.

В-седьмых, меры к ограждению союзных рынков от наплыва произведений неприятельских стран, прежде всего Германии[48].

В-восьмых, установление эффективных железнодорожных тарифов.

В-девятых, привлечение иностранных капиталов.

В-десятых, меры по закреплению после войны дружественных и нейтральных рынков за продуктами союзных держав, включая развитие торгового флота.

Главное, что было сформулировано как фундаментальный экономический интерес России в ходе Первой мировой войны, начале 1920-х гг. и, в конечном счете, в целях индустриализации — избежать «экономического, а затем и политического порабощения более сильными и политически более расчетливыми соседями... Надо искать выход в развитии снабжения промышленности своим сырьем»[49].

Тот факт, что по мере формирования современной армии и обострения кризиса в Европе и на Дальнем Востоке Москва стала претендовать на расширение сферы своего влияния (Финляндия, Прибалтика, восточные районы Польши, Бессарабия, Болгария, Иран, Сахалин и Курилы), стремилась обезопасить выходы из Балтики и продвинуться в сторону Черноморских проливов, скорее относится к восстановлению традиционной сферы влияния и военно-стратегическим, нежели сугубо экономическим интересам. Разумеется, гарантирование доступа в Северное море, Средиземноморье, к южным морям, а также дальневосточные коммуникации — все это имело не только военное значение. Это тот случай, когда геоэкономика не может не быть геополитикой. С началом Великой Отечественной войны все эти военно-стратегические факторы постепенно приобретали экономический функционал, прежде всего возмещение материального ущерба, нанесенного фашистской агрессией, а также получение оборудования, технологий, разработок и специалистов.

Второй экономический узел мирового противостояния — борьба за пути доступа к важнейшим ресурсам, за коммуникационные магистрали. Транспортный комплекс охватывает помимо железных и автодорог, воздушных и морских трасс, также и трубопроводный транспорт, связь, частотный ресурс и прочее. В некотором смысле контроль над транспортными артериями является самоцелью. Достаточно вспомнить коллизии вокруг КВЖД и железной дороги Берлин — Багдад, Канала кайзера Вильгельма, поперечных дорог между восточным и западным побережьями Африки, Босфора и Дарданелл, Данцигского коридора, Суэцкого

и Панамского каналов, Гибралтара, Мальты, Ормузского пролива, трансокеанских трасс, нефте-, газо- и водопроводов и прочего.

Выстраивание и функционирование основных мировых стратегических магистралей, которое пришлось на конец XIX и весь XX в., сопровождалось нарастанием конфликтности между ключевыми стратегическими игроками. Контроль коммуникаций с сопутствующим извлечением транзитной ренты мотивировал стороны едва ли не во всех военных конфликтах в истории человечества. Достаточно небольшое количество «хабов» и связей между ними формировало и удерживает сегодня глобальную коммуникационную сеть[50]. Контроль коммуникаций определял столкновение интересов всех империй, доводя их часто до вооруженного конфликта. В XIX в. «владычицей морей» стала Великобритания. Ее военно-морской флот превосходил мощь (тоннаж) всех других держав вплоть до 1920-х гг. Вызов, брошенный ей в начале XX в. Германией, начавшей стремительно строить свои военно-морские силы, послужил важнейшим детонатором Первой мировой войны. Дело было не только в балансе военной мощи, но и в том, что раскинувшаяся по всему миру британская сеть также служила и ее энергетической базой, опиравшейся на уголь.

Полная интеграция военного и военно-экономического планирования стратегии Германии предусматривала тщательную увязку военных операций авиации, флота и сухопутных войск с захватом, поражением или защитой производственных объектов, коммуникаций, обеспечивающих поставку источников питания и сырья. Так, в «Директиве по борьбе с экономической мощью противника» указано: «Поскольку в случае войны с Англией Германия лишится своих атлантических коммуникаций... подготовить в первую очередь следующие мероприятия: усиленный обмен товарами с Италией; усиленный импорт из юго-восточного пространства; экономическое обеспечение отдельных поставок из Скандинавии, а также перенос перевалочных пунктов... в порты Южной Швеции; связанные с этим внутригерманские перемещения в экономике и порядок движения по коммуникациям»[51].

Однако причины войн не исчерпываются проблемами доступа к ресурсам, рынкам и транспортным артериям. В конце концов, сами по себе эти проблемы не предполагают именно военного решения. Вместе с тем войны все чаще выступают способом разрешения кризиса валютно-финансовой системы. Мировая система торговых и валютно-финансовых отношений имеет длительную историю, однако для понимания сути кризиса, вызвавшего обе мировые войны, важно проследить логику ее циклической эволюции после начала промышленной революции.

В каждом цикле складывается своя структура мировой монетарной системы, обеспечивающая мировой экономический рост на данном этапе развития. В XIX в. это была система, основанная на «золотом стандарте», «жестком курсе валют» и, главное, британском технологическом и экономическом превосходстве. Так, душевой валовой внутренний продукт (ВВП) в Британии составлял в 1820 г. 2121 доллар (в пересчете на 1990 г.), заметно опережая и прежнего мирового лидера — Нидерланды (1821 доллар), и будущего — США (1257 долларов), Германия как единое государство в тот момент на карте мира вообще отсутствовала. Франция имела близкое к США значение — 1230 долларов[52]. Британский фунт стерлингов выступал в качестве мировой валюты, а золото — в качестве резерва. В 1913 г. Британия по душевому ВВП уже уступала США — 5150 к 5301, в 1950 г. отрыв США стал еще существеннее — 6907 к 9561. К 1950 г. мировой и резервной валютой после формирования Бреттон-Вудской системы стал уже доллар. Именно этот долгосрочный сдвиг экономической и валютной гегемонии лежал в основе растущих экономических противоречий XX в.

Существенные аспекты роста и упадка британской гегемонии, которой в двух мировых войнах безуспешно бросала вызов Германия, открыв тем самым путь для гегемонии американской, могут быть представлены следующими образом.

Во-первых, Британия стала мировым лидером, прежде всего в техническом прогрессе, повышении знаний и квалификации рабочей силы. Первый пароход появился в 1812 г., а в 1860 г. практически все британские суда использовали уголь как источник питания. Радикальные инновации коснулись не только промышленности, но и сферы услуг, в том числе

связи и банков. Отставание в технологическом развитии служит признаком неизбежного последующего ослабления и экономического влияния.

Во-вторых, существенный вклад в подъем Британии вносил экспорт, темпы роста которого в два раза опережали рост ВВП, а также практическое отсутствие в период 1820–1913 гг. войн, в которые была бы значительно вовлечена империя. В предшествующий период (1688–1815) шесть крупных войн Лондон вел суммарно 67 лет.

В-третьих, стремительно расширялись территориальные владения, ядром которых стала Индия. Общее население империи составило 412 млн человек — в 10 раз больше самой Британии. Открытие Суэцкого канала в 1869 г. резко повысило взаимосвязь регионов империи, сократило дистанцию на 30–40% от основных торговых портов. Быстро строилась сеть железных дорог в метрополии и колониях.

В-четвертых, безопасность империи гарантировалась военным флотом и сетью военно-морских баз (Гибралтар, Мальта, Кипр, Египет, Суэцкий канал, Аден, Гонконг).

В-пятых, была осуществлена широкая либерализация внешней торговли. К 1860 г. были сняты или снижены тарифные ограничения и обеспечены экстерриториальные права иностранцам как в метрополии, так во всех колониальных и зависимых от Лондона странах, включая Китай, Персию, Турцию. При этом де-факто в большинстве случаев банковские, страховые и транспортные услуги были монополизированы британскими гражданами и компаниями, сложилась дискриминация торговли в пользу Британии[53]. Торговля, экспорт капитала и улучшение коммуникаций стимулировали рост миграции. Всего за период 1820–1913 гг. Британию покинули 12 млн человек.

В-шестых, Британия в этот период стала мировым лидером в вывозе капитала. Среди основных стран-реципиентов ввоза британского капитала на 1914 г. были Канада, Аргентина, Индия, Бразилия, Австралия, Китай, Мексика, Южная Африка. В 1913 г. зарубежные активы Британии были эквивалентны полутора ее ВВП и обеспечивали доход, превосходящий ее внутренний национальный доход[54].

В итоге к 1913 г. Великобритания подошла во всем блеске своего имперского величия в качестве лидера мирового либерального экономического устройства на основе доминирования фунта стерлингов как мировой валюты, сохраняя позиции технологического лидера по многим отраслям.

Однако сдвиг в балансе мировых экономических сил наступил уже к началу XX в. А полвека, по сути, потребовались для того, чтобы возникли адекватная новому экономическому порядку и соотношению сил валютно-финансовая система и институты мировой торговли. За этот период произошло несколько принципиальных сдвигов.

Во-первых, изменились движущие технологические силы экономического роста. Уголь начал вытесняться нефтью как основным источником энергии, быстро изменялись технологии в металлургии и химической промышленности, началась эпоха двигателя внутреннего сгорания. Между 1913 и 1950 гг. США опережали Британию и другие европейские страны по темпам роста производительности труда.

Во-вторых, большой размер внутреннего рынка и бум на финансовом рынке позволил США проводить изоляционистскую политику в 1920-е гг., но Великая депрессия 1930-х гг. привела к росту протекционизма в США, существенно ограничив туда европейский экспорт, и к возвращению значительной части своих зарубежных инвестиций.

В-третьих, в Первой мировой войне Британия понесла существенные человеческие и материальные потери, хотя пропорционально и меньшие, чем Франция, Германия и Россия. При этом размер британских зарубежных активов к концу войны остался прежним, германские активы были конфискованы, две трети французских зарубежных активов утрачены. Получив часть колониальных владений Германии, Британия потеряла большую часть Ирландии. После Первой мировой войны Англия уступила роль главного мирового кредитора США, а Франция свела войну с отрицательным платежным балансом. Все остальные страны выступали исключительно как должники. США по итогам Первой мировой войны имели положительный торговый и платежный баланс. Англия с сильным отрицательным торговым балансом

еще сохраняла положительный расчетный баланс, прочие страны имели отрицательный расчетный баланс. Возросли масштабы эмиссии бумажных денег воюющими странами, и произошло изменение их золотого покрытия. Германия на 1913 г. имела 46,6% золотого покрытия всех бумажных денег, на 1918 г. — 7%; Франция соответственно — 61,9 и 18,1%; Англия — 93,2 и 20,1%; США —37,7 и 75,3%; Япония — 61,1 и 164,5%; Дания — 43,2 и 62%. В итоге наиболее устойчивыми денежными системами после Первой мировой войны стали японская, голландская, американская, датская и швейцарская[55]. Кроме того, произошло оскудение товарной номенклатуры в большинстве европейских стран[56]. Ликвидация последствий войны в европейских странах заняла большую часть 1920-х гг., тогда как США переживали мощный подъем.

В-четвертых, стремясь восстановить довоенную роль Лондона как мирового финансового центра и эмитента финансовых инструментов, привязанных к фунту стерлингов, Великобритания в 1920-е гг. проводила дефляционный курс, завышавший курс фунта и снижавший конкурентоспособность английских товаров и услуг. Начавшаяся в США депрессия вынудила Лондон провести девальвацию фунта, создать систему имперских преференций, что вело к ограничению экспорта и ухудшению платежного баланса.

В-пятых, начавшаяся Вторая мировая война потребовала от Великобритании напряжения всех ресурсов, продажи значительной части зарубежных активов, материальной, военной и финансовой помощи от США, Канады, Индии и Австралии. Представитель Индии на конференции в Сан-Франциско подчеркнул: «Мы говорим о великих державах и о малых державах; мы говорим об особой ответственности великих держав, а также об особых привилегиях великих держав. Мне бы хотелось представить в надлежащем виде то, что сделала Индия в этой войне. Два с половиной миллиона сынов Индии, солдат со всех концов страны, вступавших в армию добровольно, сражаются в настоящее время в различных частях мира против общего агрессора... Сразу же после великих стран — четырех держав... ближе всех по мощи вооруженных сил к этим четырем державам стоит Индия»[57].

Вторая мировая война еще больше подорвала экономику империи: война с Германией, захват японцами плохо охраняемых фрагментов империи в Азии, затем финансирование индийского участия в войне не за счет внутренних индийских налогов, как прежде, а привлекая займы. В итоге Индия к концу войны погасила довоенный долг метрополии в 1,2 млрд фунтов и даже скопила резерв в 5 млрд фунтов[58]. В 1947 г. Индия обрела независимость, в 1948 г. Великобритания ушла из Бирмы и Шри-Ланки, затем из африканских колоний. А в 1956 г. вывода английских войск из зоны Суэцкого канала потребовали США. Так завершился процесс смены мирового экономического гегемона.

Период 1914–1945 гг., вместивший в себя множество очагов военных конфликтов и две мировые войны, стал с точки зрения самоорганизации мировой торговой и валютно-финансовой системы периодом поиска новой структуры и базовой валюты. В этот же период произошла и смена технологического уклада. Сущность процесса состоит в том, что «с достижением технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические цепи нового уклада. Замещение технологических укладов требует, как правило, соответствующих социальных и институциональных нововведений, которые не только снимают или направляют в конструктивное русло социальную напряженность, но и прокладывают дорогу новому технологическому укладу и соответствующему ему типу потребления и образу жизни»[59].

Именно в этот межвоенный период США и Германия, опережая Великобританию и Францию, начали переход к четвертому технологическому укладу, чей исторический интервал охватил 1930–1980-е гг. Ядро четвертого технологического уклада составили автомобиле- и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти. В его недрах начали формироваться и элементы следующего, пятого уклада: радиоэлектроника, строительство трубопроводов, авиационная промышленность, производство и переработка

газа. Главное экономическое преимущество этого уклада обеспечивало массовое и серийное производство[60].

Между технологическими инновациями, инвестициями и финансами существует своя сложная взаимосвязь в силу разных механизмов генерирования реального и фиктивного капитала. «Каждая промышленная революция приводила к массовой замене одного набора технологий другим путем прямого замещения либо путем модернизации существующего оборудования, процессов и методов его использования. Каждая включала коренные изменения в жизни людей, организаций и навыках, стремительно ломая сложившиеся привычки. Каждая вела к периоду взрывного роста на финансовых рынках»[61].

Пока предприниматели и новаторы создают новые технологии и новые производства, деятельность «финансовых магнатов направлена на создание водоворотов, всасывающих огромное количество денег для перераспределения в более авантюрные начинания»[62]. Такая финансовая лихорадка, частично инвестируя и новые производства, вздувает цены на активы, создает ажиотаж и атмосферу азарта, а главное — постоянно растущий «финансовый пузырь», все дальше отрывающийся от реального обеспечения. Дальше — коллапс пузыря, кризис и социальные потрясения, если институты регулирования на национальном и международном уровнях оказываются не на высоте положения. Ситуацию хорошо описал английский экономист А. С. Пигу: «В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, существовало несколько употребляемых экономистами метафор... «Деньги — это обертка, в которую завернуты товары»... «Деньги — это вуаль, скрывающая действия настоящих экономических сил»... В течение 1920-х и 1930-х годов... деньги («пассивная вуаль»), приобрели черты злого гения... обертка стала вещью, способной взорваться. В целом деньги из мелочи стали всем... Затем, с началом Второй мировой войны, все снова изменилось. Рабочая сила, оборудование и организация вновь стали первостепенными. Роль денег уменьшилась до незначительной»[63].

«Деньги» в 1930-е гг., точнее дисфункции разваливающейся мировой торговой и расчетной системы — накопившиеся и невозвратные долги, неподъемные репарации, отрицательные торговые и платежные балансы, неустойчивые котировки и прочее, действительно, были главной головной болью всех европейских великих держав: и ослабевающего гегемона Великобритании, и Франции, и Италии, и Германии. Рост долгов и объемов бартерной торговли, сокращение мировой торговли стали ответом на дефицит платежных инструментов, роль которых ранее без проблем исполнял золотой фунт стерлингов и привязанные к нему валюты.

Кризис мировой торговли и платежей усугубился резким сжатием денежной массы в США (на треть) после целой эпохи послевоенного ажиотажного спроса на недвижимость и автомобили, перегрева фондового рынка и накачки денежной массы (на 62% с 1923 по 1929 г.), которые закончились крахом в 1929 г. и привели к затяжной депрессии вплоть до вступления США в войну[64]. Курсы акций в США упали в ходе экономического кризиса 1929–1933 гг. на 87%, в Великобритании — на 48%, в Германии — на 64%, во Франции — на 60%. Около 16 тыс. американских банков разорились. Это был глобальный коллапс для мировой торговли и платежей[65].

Меры, предпринятые администрацией США в рамках «нового курса» смягчили некоторые проблемы. С 1933 по 1937 г. расходы федерального бюджета выросли вдвое, резко усилилась концентрация банковского капитала: 10 банков теперь контролировали половину банковских активов США. Но только вступление во Вторую мировую войну принесло США полную занятость и рост промышленного производства, а главное — произошла концентрация капитала в руках немногих американских финансовых кланов. На фоне явной дисфункциональности мировой торговли и платежной системы это позволило им совместно с лидерами политической элиты сформулировать практическую цель по изменению глобальной финансовой архитектуры, институтов мировой торговли и обеспечения безопасности. Этот революционный сдвиг предельно ясно выразил и осуществил Ф. Рузвельт: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в западном полушарии, но и в предотвращении попадания восточного полушария

в зону контроля одной потенциально враждебной державы»[66]. Параллельно с этим была осуществлена реформа налоговой и бюджетной системы США, а также существенно улучшена организационная инфраструктура учета производства и финансовых потоков.

Таким образом, уже на рубеже XX в. стала складываться напряженная ситуация в системе международных расчетов. Увеличивающийся объем мировой торговли не был обеспечен адекватной системой международных расчетов. Предложение мировых денег и мировых резервных средств не отвечало росту торгового оборота между странами, в центре которого стояли лидеры промышленно развитых стран: Великобритания, Франция, Бельгия, США, Япония, Германия и Канада. До начала XX в. фунт стерлингов, обеспеченный золотым запасом Великобритании, справлялся с задачами обслуживания товарных потоков и движения капитала.

Обеспечивать рост объемов мировой торговли фунт не смог ввиду несоответствия золотого запаса и выросших объемов торговли. С середины 1890-х гг. Англия стала вводить торговые ограничения. Другие страны отреагировали сокращением импорта, введением пошлин и эмиссионным удешевлением производимой и экспортируемой продукции. Постепенно лидерство в торговле в структуре мировой экономики взяли на себя США, которые уже до Первой мировой войны стали основным мировым нетто-экспортером. Однако в 1913 г. доля фунта в международных расчетах все еще достигала 80%[67]. Хотя доллар США, опираясь на экономическую мощь, был уже потенциально готов к замещению фунта стерлингов в системе международных расчетов, США не обладали надлежащим золотым запасом для полноценного резервирования и обмена валют в мире. Не была достаточно развита и необходимая финансовая оргструктура. Но существенно, что к 1928 г. лишь ФРС США 100% валютных резервов формировала за счет золота, в отличие от Англии (10%).

В поисках эффективной системы расчетов на конференции в Генуе в 1922 г. были достигнуты договоренности о введении золотодевизного стандарта, в которой платежным и резервным средством были валюты США, Британии, Франции и золото, к которому были привязаны курсы валют. При этом вся система мировой торговли была разбита на несколько соответствующих валютных зон. По существу, была осуществлена попытка опереться в расчетах на золотой запас ведущих стран мировой экономики. Однако в этой системе отсутствовали наднациональные институциональные возможности взаимного регулирования условий международной торговли и возможности кредитоваться в валютах расчета для поддержания международной торговли и платежных балансов. Каждая страна вводила самостоятельные правила импорта (в основном ограничения на ввоз товаров) и экспорта. Несогласованность вела к ухудшению ситуации в системе международных расчетов и торговли. Дефицит платежных средств был велик, усугубляясь административными ограничениями на операции с валютой. Ситуацию значительно ухудшали отсутствие полноценной системы курсов и общая турбулентность на валютно-финансовых рынках, а также распространение бартера.

Между войнами оставались лишь три золотых валюты: доллар США, фунт стерлингов Великобритании, франк Франции. Но с началом экономического кризиса прокатился каскад обесценивания валют. Первыми рухнули валюты аграрных и колониальных стран, затем — Германии, Австрии и еще 23 государств. Германии не осталось иного пути, кроме увеличения степени автаркизации. 21 сентября 1931 г. был прекращен размен фунта на золотые слитки, вызвавший крах привязанных к фунтовым авуарам валют Индии, Малайзии, Египта и других стран; в 1933 г. девальвирован доллар с попутной конфискацией золота у физических и юридических лиц; в 1936 г. потерял золотое обеспечение франк. Все это сопровождалось бесконечными валютными и торговыми войнами, дроблением мировой валютной системы на блоки[68].

Таким образом, к 1936 г. система мировой торговли и расчетов практически разрушилась, уйдя преимущественно в двусторонние и бартерные операции. Выстроив к началу XX в. международное разделение труда, ведущие мировые державы своей несогласованной внутренней (в части инфляционного финансирования экономического роста) и внешней (в части введения торговых ограничений на импорт и отсутствия возможности регулирова-

ния платежного баланса) политикой на межгосударственном уровне подготовили условия для каскада кризисов мировой экономики. Последовавшая Великая депрессия обрушила экономики США и их основных торговых и финансовых партнеров — Великобритании и Франции. Так, в США объем производства в 1936 г. составлял 60% от уровня 1929 г.[69] Резкий рост экономической мощи США в начале XX в. позволял им установить контроль над Западной Европой уже к 1919 г. США должны были занять место Великобритании как главы мира, согласующего мировую торговлю, инвестиции и расчеты. По сути, от США требовалось осуществлять стабилизирующее лидерство[70], однако этого не случилось. В первую очередь потому, что в 1920-е гг. в структуре мировых резервов иностранной валюты на фунт стерлингов еще приходилось 77% (47% — в 1913 г.), доллар занимал второе место — 21%, удесятерив свою долю после 1913 г.[71]

Более важно то, что это был эпохальный для США вызов — первого вторжения США в мировую политику. Как подчеркнул в конгрессе В. Вильсон: «Вооруженный империализм тех, кто вчера был хозяином Германии, повержен, их незаконные амбиции завершились тяжелым поражением. Кто осмелится оживить эти амбиции?» Президент США понимал, что необходимо установить новую систему мировых политических отношений, сделав американизм основой миропорядка. Для этого требовалось разрушить мир колониальных держав, модернизировать его и создать своего рода мировую парламентскую систему[72].

В конечном итоге, реализации этой вызревающей миссии США помешали не только установка их влиятельных кругов на изоляционизм, но и сопротивление, и взаимное противоборство других все еще могущественных держав, прежде всего Англии и Франции, принцип самоопределения малых народов, породивший множество последствий, а также «проблема России». Но главный узел противоречий в тот решающий момент, который мог бы обеспечить уход от перспективы новой войны, затягивали два предельно конкретных вопроса: сохранение колониальной системы и репарации с Германии, включая перераспределение ее колоний. Суть противоречия заключалась в том, что «на деле же озлобленные победители просто жаждали материальной помощи США, но еще больше — материальной компенсации за счет Германии. Союзников возмущало, что держава, вступившая в войну последней и понесшая относительно других наименьшие потери, стремится диктовать свои условия»[73].

Версальский мир, принудивший Германию к множеству обязательств, стал одновременно и миной замедленного действия, предвещая неизбежность реванша[74]. Столь сильные факторы, как выпадение Германии и России из нормального торгового оборота, неурегулированные долговые проблемы, внутреннее социальное напряжение, вели к усилению дезорганизации потоков международного капитала, дезорганизации обменных курсов, росту протекционизма, усиливали склонность тогдашних акторов к силовому разрешению противоречий и ограничений суверенитета.

Для стабилизации национальных экономик и нормализации и возобновления роста мировой торговли требовалось кардинально решить несколько важных вопросов. Прежде всего необходимо было создать, согласовав весьма противоречивые экономические интересы, международно-признанные инструменты и институты, которые бы обеспечили регулирование тарифов и торговли и позволяли кредитовать платежные балансы стран во избежание повторения экспорта инфляции. И самое важное — требовалось найти решение для обеспечения международной торговли платежным средством и мировым резервным средством, а также разработать такую систему обменных курсов, которая была бы эффективна достаточно долгий период времени, по крайней мере 25–30 лет.

Межвоенные международные конференции и переговоры, включая и опыт работы Лиги Наций, ярко продемонстрировали тот факт, что способность ведущих держав найти взаимовыгодные решения явно оставляла желать лучшего. Должны были сложиться условия для принуждения правительств ведущих стран, прежде всего Великобритании и Франции, не только к плодотворной и конструктивной дискуссии по ключевым вопросам международных отношений, торговли, расчетов и инвестиций, но и к созданию реально дееспособных международных институтов, которые бы отразили доминирующую экономическую роль США.

Вторая мировая война на деле стала способом демонтажа устаревшей мировой системы, парализующей торговлю и сотрудничество. Таким образом, важнейший экономический результат Второй мировой войны, гораздо более важный, нежели «распад всеобъемлющего, единого мирового рынка», — создание коалицией победителей системы наднациональных институтов нового поколения. Бреттон-Вудское соглашение 1944 г. предусматривало создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) (1945–1946), Генерального соглашения по тарифам и торговле (General Agreement on Tariffs and Trade — GATT, ГАТТ, 1947 г.) и системы международных расчетов, основанных на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Были установлены фиксированные в определенном коридоре валютные курсы, восстановлена связь ключевых валют с золотом и определена его фиксированная цена. К 1945 г. США аккумулировали, по разным оценкам, от 70 до 85% мировых золотых запасов.

При этих условиях Федеральная резервная система США (ФРС), созданная накануне Первой мировой войны, становилась эмитентом мировой платежной валюты и, по сути, «центральным банком» мировой экономики. В этом смысле именно ФРС и ее частные владельцы становилась главным бенефициаром страшной войны. Доходы ФРС складывались как от эмиссии наличных денег для всей мировой платежной системы (в виде разницы стоимости выпуска одной банкноты и ее номинала — сеньораж), так и от процентных платежей по предоставляемым займам в мировом масштабе. Следует подчеркнуть, что ФРС была создана в 1913 г., когда США обогнали по объему производства и экспорта Великобританию. После Первой мировой войны ФРС могла бы играть роль единственной опоры мировых расчетов, но не имела надлежащего объема золотых запасов. Эту задачу решили сначала «новый курс» с принудительным изъятием золота у населения США, а затем и Вторая мировая война.

Заслуживает внимания и такой существенный аспект, как место СССР и Германии в межвоенное время в международном разделении труда. В СССР в 1920-е гг. утвердилась хозяйственная система с минимальным объемом экспорта, покрывающая импорт преимущественно инвалютным золотым рублем. Западные страны, по сути, объявили экономический бойкот Советской России. Правда, советские представители внешней торговли весьма успешно решали задачи по критически важному импорту[75]. И Германия, и СССР стремились не только восстановить экономику, промышленность и армию, но и, как следствие, восстановить нарушенную «геополитическую справедливость» по итогам Первой мировой войны, забрать обратно потерянные в результате Первой мировой войны земли. У Германии позже появились более амбициозные планы мирового господства, а СССР, напротив, постепенно исключил коминтерновские идеалы из своего арсенала[76]. Обе страны выстроили новые системы стимулирования экономического развития с сильным вмешательством государства, в советском случае — вплоть до централизованного директивного планирования, распределения и перераспределения. Великая депрессия и прогрессирующее расстройство системы международной торговли и расчетов в конце 1930-х гг. мало затронули и Германию, и СССР.

Таким образом, к концу 1930-х гг. в мире было несколько крупных держав, недовольных сложившимся положением вещей в мировой экономике. Великобритания стремилась вернуть себе статус главной мировой империи. Имея разветвленную и потому уязвимую сеть поставок сырья, Лондон должен был удерживать глобальное военно-морское присутствие. США как ведущая экономика в мире, войдя в Великую депрессию и оградив свой рынок, были фундаментально заинтересованы в полной либерализации мировой торговли и ликвидации колониальных преференций. Расстройство мировой платежной и торговой системы не позволяло США воспользоваться своим доминирующим положением в промышленном производстве и экспорте. Германию не устраивало дискриминационное положение в структуре международной торговли и международных экономических и политических отношений. Наднационального инструмента бесконфликтного решения данных проблем не существовало. Бесплодность Лиги Наций оставила мир наедине с соперничеством нескольких держав, руководство которых имело личный опыт военного разрешения противоречий.

Но от мировой войны мир еще отделяли поэтапные шаги по силовому разрешению локальных проблем, в особенности по периметру границ Германии, отвергнувшей ограничения Версаля. Шаг за шагом сложилась ситуация, способная разрубить туго завязавшиеся узлы предвоенного миропорядка, лишенного какого-либо наднационального института урегулирования противоречий. За решением А. Гитлера все-таки напасть на Польшу, Францию и СССР стоит изменение международных условий. В английских правительственных кругах было немало тех, кто благожелательно относился к идее поворота агрессивных замыслов фюрера на Восток. Визит лорда Галифакса в Берлин в ноябре 1937 г., отставка министра иностранных дел А. Идена после споров с Н. Чемберленом в феврале 1938 г. — «эти события ускорили действия Гитлера»[77]. Англия и Франция спокойно приняли аншлюс Австрии, Н. Чемберлен помогал навязать условия Чехословакии при пассивности Франции.

Политика колебаний и умиротворения при неадекватных оценках потенциалов сторон создавала шаг за шагом новый уровень притязаний Германии. «Если позволить кому-либо нагревать паровой котел до тех пор, пока давление пара превысит опасный уровень, ответственность за взрыв ляжет на человека, разрешившего такой нагрев»[78]. «Котел» в итоге взорвался. Причины войны с Англией и СССР, придавшие экспансии Германии глобальный статус, виделись фашистскому руководству в весьма широком контексте, за которым стояли детально разработанные экономические замыслы и директивы.

Суть же официальных претензий А. Гитлера к СССР и Великобритании, зачитанных Г. Геббельсом утром 22 июня 1941 г. по германскому радио, сводилась к тому, что Англия помешала консолидации Европы в борьбе с СССР. Эта политика Англии, по мнению фюрера, традиционна и восходит к подавлению Испании, Голландии, Франции, а также к политике начала XX в., когда Англия начала «окружение» тогдашней Германской империи. Припомнил А. Гитлер и заявление У. Черчилля в 1936 г., что Германия становится «слишком сильной и поэтому ее нужно уничтожить». А. Гитлер нарисовал картину поверженной в 1918 г. Германии, нищеты и нужды, позорного неуважения к народу, вспомнив попутно Ж. Клемансо с его словами о 20 млн лишних людей в Германии, которых «нужно устранить с помощью голода, болезней или эмиграции». Он также охарактеризовал и состав противников — «эгоистическую всемирную коалицию богатства и власти», и состав своих союзников — из числа народов, «которым тоже не повезло» и которым «даже формально запрещалось право... на свою долю в богатствах этого мира».

Более существенно то, что определено в секретной «Директиве о борьбе с экономической мощью противника (экономической войне) и о мерах защиты отечественной экономики» (приложение IV к директиве верховного командования германских вооруженных сил № 37/39 от 10 мая 1939 г.): «Задача сухопутных войск может состоять в расширении германского жизненного пространства путем захвата территорий противника, имеющих особое значение для отечественной экономики... Предпосылкой для ведения экономической войны по единому плану являются единые критерии оценки экономики противника... Виды вооруженных сил во взаимодействии с верховным главнокомандующим (военно-экономический штаб и управление разведки и контрразведки) готовят данные для своих действий и передают в военно-экономический штаб верховного главнокомандования информацию, способствующую выработке общей военно-экономической оценки государств противника... Если предполагается продвижение немецких войск на территорию противника, то высшим войсковым штабам... надлежит установить, какие экономические объекты и сооружения службы снабжения на территории противника следует сохранить для их последующего использования в собственных интересах»[79].

Таким образом, Германия, на уровне риторики и идеологии жаждавшая мирового господства, ввиду имевшихся экономических ограничений могла стремиться только к достижению выгод первого порядка, которые ей были доступны и на основе вполне мирного сотрудничества. Однако расстройство мировой торговой и финансовой системы, как условие, и взявшие верх ошибочные трактовки своих подлинных интересов у элит Германии, Англии и Франции, как движущая сила, направили агрессию Германии по пути, не имевшему шансов на успех в случае длительной войны на экономическое истощение.

Современный взгляд на экономические последствия войны

Главный выигрыш США во Второй мировой войне — обеспечение возможности единоличного контроля институтов мировой валютно-финансовой и торговой системы. Необходимость сохранения этой возможности вне зависимости от уровня экономической мощи и роли США в мировой экономике потребовала создать силовой инструментарий, дополняющий контроль мировой валютной системы и позволяющий навязывать свою волю другим странам. Комплекс этих инструментов включает в себя контроль важнейших валютно-финансовых и коммуникационных инфраструктур, нормативного поля, инфраструктуры и контента средств массовой информации и Интернета, поставки вооружений и военной техники, управление доступом к космическим технологиям, неэквивалентную продажу инноваций, перенос энергоемких и неэкологичных производств в менее развитые страны, торговлю квотами на выбросы углекислого газа, манипулирование ценами и структурой поставок сырья, энергоресурсов, воды, медикаментов и продовольствия, контроль пандемий, а также манипулирование объемами денежной массы, производных финансовых инструментов, курсами валют, ценой на золото, контроль оффшорных зон и отмывания денег и прочее.

Фундаментальный экономический смысл этого набора рычагов — уравновешивание инфляционной финансовой накачки американской экономики и связанных с ней экономик[80], означающее подведение под избыточную массу финансовых инструментов реальных товарных ресурсов. В 1970-е гг. такую функцию стала играть нефть, связавшая долларовую массу, затем «резервная валюта» обрела авторитет за счет обеспечивающего ее товарного и разнообразного организационного капитала. Все это придает американскому финансовому «мыльному пузырю» вполне реальное наполнение. Оно и проявляется в виде американских инвестиций в другие страны, в первую очередь в страны Евросоюза, в стимулировании американского спроса на импорт, принудительной корректировке параметров стратегически важных производств, поставок и коммуникаций в Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Югославия, Судан и другие страны, контекстном управлении эволюцией потенциалов как союзников, так и противников. В результате выгоду от американского «мыльного пузыря» получают не только США, но и широкая коалиция государств и негосударственных заинтересованных сторон.

В такой экономике борьба за власть над инструментами глобального регулирования экономической активности в предельной формулировке — это борьба за мировое господство, за власть над умами и поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования. В прагматическом ключе речь идет о решении задач удержания контроля и стимулирования роста целевых зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов. При этом балансировка циклически нарушаемого равновесия финансового и реального секторов может длиться довольно длительное время. В частности, нынешний дисбаланс беспрецедентен, он бьет исторические рекорды уже более 15 лет.

В кризисе как управляемом стихийно протекающем процессе[81] чередуются активные и пассивные фазы. Они модулируют управляющее воздействие на поведение экономических агентов, мониторинг их реакции — шок, стресс, адаптацию, релаксацию и новую корректировку для выведения системы в желаемое временно устойчивое состояние. Ключевой момент активной фазы кризиса — это заранее спланированный и организованный момент сжатия финансовой массы, дающий импульс нарастающей волне требований возврата займов по кредитной цепочке, что в итоге упирается в невозврат долгов из-за невозможности перекредитования. Далее начинается запрограммированная перегруппировка активов и облика финансово-банковских корпораций на фоне панического шараханья из стороны в сторону дезориентированной массы индивидуальных и корпоративных инвесторов.

Когда, наконец, «сигнал затухает», то предстает новый уровень и конфигурация концентрации капиталов, добровольно-принудительная картелизация американских и других

корпораций и секторов. Именно это и имелось в виду при выработке стратегии текущего глобального кризиса. Однако стратегический замысел этим не исчерпывается, как это было и в случае с Великой депрессией. Для выхода США на лидирующие позиции в западном мире потребовалось участие в большой войне с соответствующим стимулированием реального производства и перекраиванием мировых финансовых и товарных рынков. Но войну эту сами США начать не могли. Эту привилегию должны были взять на себя другие ущемленные участники мировой политики и экономики.

Перечень событий, которые и сегодня втягивают мир в новый мегаконфликт, во многом повторяет предысторию Первой и Второй мировых войн. Однако сегодня есть основания полагать, что началась новая холодная война. Когда она на самом деле началась и прерывалась ли вообще — эти вопросы требуют прояснения. Ведь постоянное, пусть и циклическое сползание мира в новую бойню свидетельствует о том, что ни причины, ни мотивы, ни стиль разрешения противоречий не изменились. Повторяемость войн — сначала двух мировых, затем холодной и теперь имеющиеся признаки новой холодной войны — свидетельствует о наличии некоего устойчивого механизма, с определенной периодичностью выводящего человечество в состояние военного конфликта.

Основным выгодоприобретателем такого способа мирового развития, очевидно, является мир Севера, он же — Западный мир во главе с США и опирающиеся на их государственные структуры глобальные кланы. Поскольку политика действительно выражает экономические интересы, хотя и не исчерпывается ими, то именно перераспределение производственных ресурсов и возможностей потребления стоит за стратегиями поведения ряда основных мировых акторов.

Если ключевые ресурсы находятся в странах Юга (энергосырьевые, людские, транзитные), то технологические, военные и институциональные ресурсы в ходе мирового развития сосредоточились преимущественно в странах Севера. В мирной парадигме это выглядит как естественная основа обмена, торговли, сотрудничества, гармонии цивилизаций. В иной парадигме такое неравномерное распределение возможностей, может быть, и является поводом для силового перераспределения, эксплуатации и агрессии. Будучи изначально нарушением естественного распределения ресурсов, эта политика неизбежно оснащается силовым инструментарием. Века колонизации европейскими державами наглядное тому свидетельство. От них остались не только неравномерность развития стран и регионов, но и культура силового решения экономических в своей основе проблем.

К Первой мировой войне вел длительный путь, истоки которого обнаруживаются в невероятно быстром взлете Германии, консолидации США и имперской гегемонии Великобритании, а также дискриминированном положении России — после поражения в Крымской войне, и Франции — после поражения 1871 г. Решение внутренних проблем основными великими державами за счет колонизации мира быстро привело их к столкновению в основных точках пересечения интересов и коммуникаций. Вторая мировая война во многом доигрывала сюжетные партии, обозначенные итогами войны 1914—1918 гг. Очевидна и связь холодной войны и итогов Второй мировой войны.

Только когда обнаружился один победитель всех трех войн, стали очевидны вся партитура вековой драмы, ее главный стержень и главная модель победы. Она не сводится к военной силе. Именно на эти 100 лет приходится триумф кредитно-долговой модели экономического и технологического развития, которая позволила США совершить рывок к статусу нынешнего мирового гегемона, единственной сверхдержавы.

Россия в этом контексте устойчиво однообразно выступала по большей части в роли мирового донора. Еще до начала Первой мировой войны Россия, демонстрируя высокие темпы роста экономики и населения, оказалась в сильной долговой зависимости от Франции и Великобритании, а затем и США. Тем самым, по существу, произошло изъятие финансовых и материальных ресурсов, территорий и знаний из России, усугубленное революциями и Гражданской войной, последующими попытками мировой революции, эмиграцией значительной части квалифицированных специалистов[82]. Вторая мировая война также была для России

временем колоссальных потерь населения и материальных ресурсов. Масштаб материального ущерба, понесенного СССР в Великой Отечественной войне, оценивался в 128 млрд долларов[83]. Масштаб репарационных претензий к поверженной Германии оценен в 20 млрд долларов, из которых СССР претендовал на половину, но и она не была в итоге получена.

Кризис 1973 г. вывел отношения СССР и США в фазу разрядки, сопровождавшуюся началом поставок нефти и газа в Европу, подсаживанием на «кредитную иглу» западных стран, началом новой «утечки мозгов» и растущим заимствованием технологических решений с латентной выплатой технологической ренты. После ввода советских войск в Афганистан опять началась блокировка возможностей развития страны. Разрушение СССР дало новый импульс изъятию финансовых, людских и материальных ресурсов из страны. Кризис с 2008 г. — по настоящее время оборачивается тем же эффектом. Во всех случаях обнаруживается прямая связь экономического роста в США с втягиванием России в военно-политические конфликты. Усиление напряженности дает Западу основания для наращивания военных расходов, загрузки предприятий военно-промышленного комплекса и военного присутствия США в значимых регионах, а соответственно, создает условия для ускоренного замещения устаревающего технологического уклада. Механизм выхода из кризиса срабатывает по одному шаблону: сжатие и сжигание денежной массы в ходе кризиса и конфликта, затем и отчасти параллельно — наращивание денежной массы для посткризисного роста, таргетированного под новые отраслевые и технологические цели.

Во всех истоках и результатах войн столетия просматривается несколько общих характеристик и этапов стратегии российских оппонентов[84].

Во-первых, создание новых государственных образований, претендующих на новую идентичность и роль в международных отношениях. Для Второй мировой войны ту же роль играло переформатирование Германии из Веймарской республики в Третий рейх, структурирование стран на базе бывшей Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. Для холодной войны эту же роль играли образование ФРГ, ряда стран Азии — две Кореи, два Вьетнама, Тайвань и другие. В последние годы можно было наблюдать аналогичный процесс: Косово, искусственное сохранение обанкротившихся режимов в Грузии, Молдавии, на Украине, разделение Судана, «Новый халифат» с переформатированием границ на Ближнем Востоке, центробежные тенденции в ЕС и отдельных европейских странах.

Во-вторых, взращивание агрессивных политических общностей. В Германии накануне Первой мировой войны — множество полувоенных и политических обществ, нацеленных на германскую военную экспансию с последующим получением ими большинства в парламенте. Перед Второй мировой войной — содействие передаче власти фашистским режимам в Германии, Италии, Испании, а также милитаризации Японии. В годы холодной войны — создание инфраструктуры НАТО, помощь Китаю для противодействия СССР в третьем мире и создания военной угрозы СССР на Дальнем Востоке, острое соперничество в странах третьего мира. В 2014 г. — государственный переворот на Украине, формирование полностью зависимого политического режима, совершение преступлений против человечности. Появление вооруженной группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), начавшей вооруженную экспансию в ближневосточном регионе. Судя по отдельным терактам в Канаде, Норвегии, США, Франции и других странах Запада, агрессивные общности отнюдь не привилегия Востока.

В-третьих, инициирование глобального кризиса с каскадом локальных кризисов, усиливающих склонность к агрессивному решению экономических проблем. Перед Первой мировой войной случился кризис 1907 г. — «паника» в банковской системе США, затронувшая девять стран. Ей предшествовало резкое повышение ставок Банком Англии, вызвавшее отток капитала из США. Ответом стало создание ФРС и развертывание мировой войны. Второй мировой войне предшествовала Великая депрессия вслед за финансовым бумом 1920-х гг. Пусковым механизмом кризиса стало резкое сжатие денежной массы ФРС. Депрессия в США и Великобритании продолжалась вплоть до начала войны. В годы холодной войны особую роль сыграл кризис на рубеже 1970-х гг. В 1974 г. промышленное производство упало в США,

Японии, ФРГ, Италии, Франции на 13–22%. США оказались на грани полного дефолта и вынуждены были отказаться от золотого обеспечения доллара, однако подъем цен на нефть позволил подвести под инфлированную денежную массу нефтяное обеспечение и переложить американские проблемы на плечи других стран. Военные расходы выросли в 1970-е гг. как во время Второй мировой войны, обеспечив подъем реального сектора. С 2008 г., по сути, повторяется рисунок поведения всех параметров аналогично временам Великой депрессии.

В-четвертых, очаговые военные конфликты исполняют роль семян для взращивания большой войны. Накануне 1914 г. — аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, серия Балканских войн, Итало-турецкая война, кризис в Марокко и прочее. Очевидна и органическая связь Первой мировой войны с Русско-японской. Второй мировой войне тоже предшествовал каскад «очагов» — кровопролитная война в Китае, операции Италии в Африке, гражданская война в Испании, аннексия Германией Австрии, Судетской области, захват Чехословакии. В холодной войне — множество локальных конфликтов: Корея, Вьетнам, Индонезия, Ангола, Афганистан, Мозамбик и другие. Сегодня достаточно указать на перманентные конфликты и напряженность на Ближнем Востоке, в Африке, Индокитае, на Кавказе, в Приднестровье.

В-пятых, международное блокирование миротворческих усилий России (СССР, Российской Федерации). Так было с миротворческими инициативами Николая II, с Лигой Наций, в серии постсоветских конфликтов, с распадом Югославии, блокадой Ирака и Ливии.

В-шестых, непосредственное развертывание военного конфликта с массовыми жертвами и истощением ресурсов России. После Первой мировой войны помимо человеческих потерь Россией были утрачены территории, часть золотого запаса, внешние рынки, политические позиции, на 20 лет страна была вырвана из мирового научно-технического цикла. Вторая мировая война — сумма ущерба составила, по оценкам на сентябрь 1945 г., 2,6 трлн рублей, превысив все доходы бюджета в 1940 г. в 15 раз[85]. Велики и потери времен холодной войны. В 2014 г. потери еще предстоит оценить. Например, фондовый рынок в 2014 г. потерял половину капитализации. Ядерный паритет сегодня гарантирует территорию России от перенесения сюда масштабных военных действий. Правда, ядерный паритет не гарантировал СССР от распада. Поэтому акцент может быть сделан на поощрение террористических операций в наиболее чувствительных регионах и вовлечение России в военный конфликт за пределами ее территории. Так, среди недавних предложений России со стороны Франции — принять участие в решении проблем с Исламским государством на фоне усиления экономических санкций.

В-седьмых, на заключительном этапе большой войны — вступление в союз с Россией с целью сотрудничества в послевоенном устройстве мира на условиях США, но без активного противодействия России. Такова была разнообразная помощь в период индустриализации, ленд-лиз, поставки зерна, некоторых технологий и оборудования в годы холодной войны, нынешние поставки практически всех товаров, инвестиционные проекты, разрешенный экспорт в США российской техники (космические двигатели, вертолеты), сохраняющиеся, несмотря на санкции.

В-восьмых, помощь побежденным Россией агрессорам с созданием в них управляемых группировок, нацеленных на дальнейшее противостояние России. Такую роль играл «План Дауэса» в отношении Германии, снизивший репарационные платежи и обеспечивший приток американских инвестиций. После 1945 г. такую же роль играли «План Маршалла», «План Моргентау», создание проамериканских военных и торгово-экономических блоков. После 1991 г. страны Восточной Европы были затянуты через экономическую помощь в долговую петлю, в НАТО и ЕС. Сегодня поддерживаются антироссийские режимы на Украине и в других странах, оказывается антироссийское давление на все страны, пытающиеся проводить собственную линию по отношению к России, введены в действие первые меры стратегии дискриминирующих долгосрочных санкций.

В результате своего положения Россия была втянута в разрешение геополитических и геоэкономических задач бывшего противника. Фактический обмен западной финансовой

и товарной массы на дешевые материальные и людские ресурсы постсоветских государств предотвратил срыв экономики США и Европы в кризисный штопор. Была продана по заниженным ценам даже значительная часть запасов стратегических минеральных ресурсов, выстроены схемы вывода инвестиционного капитала из страны и ликвидации множества конкурентоспособных предприятий.

Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в облигациях США, также явилось одним из результатов окончания холодной войны. Вплоть до сегодняшнего дня объем российских вложений в американские гособлигации превышает 130 млрд долларов. Сюда следует добавить существенную «утечку умов» (более миллиона высококвалифицированных кадров) и объектов интеллектуальной собственности (здесь отрицательное сальдо составляло даже на 2012 г., когда уже многое «утекло», более 7 млрд долларов)[86]. Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с Российской Федерацией способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной собственности. Ежегодно он достигал в последние годы 140–150 млрд долларов, хотя и содействовал модернизации экономики, но усиливал импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим. Следует учесть и масштаб экономических, технологических и демографических потерь, а также упущенных альтернативных выгод, которые страна понесла в результате принятого курса «шоковой терапии» и экономических реформ, форсированной трансплантации рыночных институтов.

Освобождение России от неформальных и формальных условий, связанных с результатами холодной войны, в 1991 г. началось лишь с укреплением ее экономического положения, восстановлением военного потенциала, накоплением обоснованного недоверия к Западу, пробуждением массового патриотического самосознания. Глобальный финансовый кризис, осетино-грузинский конфликт, яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 г. и в период президентских выборов 2012 г., наконец, украинский кризис и государственный переворот на Украине катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности. По сути, Россия, поддержав воссоединение с Крымом, показала способность принимать серьезные геополитические решения как великая держава. Попытки России (деоффшоризация, импортозамещение и другие меры) выйти из дискриминационных форматов участия в мирохозяйственных отношениях, открыто манифестированных и усугубленных санкциями, стали неизбежным следствием принятых геополитических решений. Сама заявка на стремление России с партнерами по БРИКС принимать участие в формировании новых институтов мировой торговли и валютно-финансовой системы — это шаг к достижению выгод второго порядка в борьбе, которую страна ведет за свою независимость весь XX в.

Преобладание западной экономики над экономикой остального мира возникло сравнительно недавно по историческим меркам. Накануне Наполеоновских войн удельный вес только китайской экономики составлял треть мирового ВВП, а незападных стран в целом, включая Россию, — 70%[87]. Соотношение резко изменилось во второй половине XIX и XX в. как следствие глобальной колонизации, индустриального подъема западного мира и итогов мировых войн.

Россия через катаклизмы революций и двух войн сумела создать новую социальную систему и стала центром нового — второго мира. В итоге до 1990 г. относительно обособленно функционировали три экономические системы: развитых капиталистических стран, развивающихся стран — третий мир и социалистическая система, включившая Россию и Китай. На долю социалистического блока приходилась примерно пятая часть мирового ВВП. За период с 1950 по 2010 г. Китай увеличил в 4,5 раза свою долю в мировом ВВП; Индия ее удвоила; доля Россия снизилась в 4 раза[88].

Второй мир после 1991 г. исчез как геополитическая и геоэкономическая реальность, частично перейдя в категорию стран первого либо третьего мира. После безуспешных попыток утвердиться как полноправный член группы развитых стран Россия де-факто стала страной развивающегося мира, его авангардной группы, вместе с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР (БРИКС), а также Мексикой, Индонезией, Нигерией и Турцией (МИНТ). При

нынешних тенденциях к 2030 г. страны Юга произведут две трети мирового ВВП, оставив странам Севера треть.

Точка перелома двухвекового тренда приходится на 2008–2014 гг., когда доли западного и развивающегося блоков в мировом ВВП сравнялись. Иными словами, в настоящее время соотношение экономических сил развитого мира и мира развивающегося вышло на состояние 1870 г., когда стали завязываться коалиции и сюжеты будущей Первой мировой войны. Стоит заметить, что на США тогда приходилось около 2% мирового ВВП, а на страны, ныне объединенные в ЕС, — 23%. Долговременным итогом империалистической экспансии Запада, колонизации Азии, Африки и Латинской Америки и двух взаимосвязанных мировых войн стал сдвиг в мировой экономике к 1950 г.: примерно по 27% пришлось тогда на США и Западную Европу. Именно Запад (Север) стал главным выгодополучателем в течение 80-летнего отрезка мирового развития, а совокупный Юг — донором этого возвышения Запада. 80-летний интервал (1950–2030), судя по тенденции, возвратит прежнее соотношение Севера и Юга на начало XIX в. Мировые войны объективно стали способом установления и удержания выгодного Западу баланса сил в мировой экономике и политике.

В настоящее время международные отношения находятся в режиме относительной устойчивости с локальными пока турбулентностями за счет сложного сосуществования как рудиментов Вестфальского, Ялтинско-Потсдамского, Хельсинкского порядков, так и элементов монополярного и многополярного мира с наднациональными регуляторами и институтами, сложившимися в последнюю четверть века. Такая институциональная пестрота — признак фазы значительных изменений в эволюции мировой системы, ее активного «рыскания» по спектру траекторий дальнейшей эволюции. Именно это определяет интенсивность поиска рядом акторов новой модели развития, стремление других акторов законсервировать свои преимущества, генерируемые доминантной моделью, равно как и попытки использовать для выхода из кризисного тупика ранее отработанные схемы. Отсюда — возросший интерес к осмыслению истоков мировых войн XX в.

При этом ухудшение позиций в уровне производства, как показывает исторический опыт, может достаточно продолжительное время компенсироваться ранее достигнутым превосходством в области стратегических отраслей, военной мощи, технологических достижений, коммуникационных платформ, информационного влияния, всего комплекса факторов «твердой» и «мягкой» силы, организационного и интеллектуального преимущества. Благодаря этим факторам падение доли Запада в мировом потреблении происходит с замедлением по сравнению с падением доли в мировом производстве.

Склонность к возможности военного разрешения современного кризиса усиливается новейшими экономическими обстоятельствами[89]: во-первых, происходящее устойчивое усиление политической самостоятельности развивающихся стран (в первую очередь — БРИКС и МИНТ) на основе роста их экономического потенциала; во-вторых, накопление к настоящему времени в мировой экономике астрономической массы проблемных долгов. Это не только долги, обеспеченные имуществом заемщиков — предприятий и физических лиц, но и более 600 трлн долларов производных финансовых инструментов. Эти долговые обязательства в условиях кризиса оказались ничем не обеспечены, реальные товары и услуги под них даже и не предполагалось выпускать. Такие долги в явной или завуалированной форме занимают до трети балансов ведущих финансовых корпораций США и ЕС. Значительное списание этих долгов нереально — схлопывание финансового пузыря обернется каскадным ростом банкротств финансовых компаний и банков (сначала американских, а затем европейских), а далее и корпораций реального сектора со всем букетом социально-политических последствий. Государственная помощь США американским и аффилированным с ними зарубежным банкам за годы кризиса, по разным оценкам, составила от 16 до 32 трлн долларов, то есть не более 5% от общего объема деривативов.

В ходе множества глобальных и локальных экономических кризисов в течение XX в., за исключением Великой депрессии 1929–1933 гг., разница между объемами реального производства и объемами виртуальных невозвратных долгов не была столь катастрофична,

как сейчас. Причем выход даже из не столь масштабных кризисов происходил через войны, позволявшие списывать безнадежные задолженности. Сегодня списать безнадежные долги можно, только «повесив» их на кого-то путем именно военного принуждения под реальным или надуманным предлогом. Замещение невозвратных долгов реальными ресурсами частично произошло в ходе военных кампаний и «арабских революций» после сентябрьской 2011 г. трагедии попытки устройства большой межисламской войны (группа арабских стран против Ирана) с втягиванием в нее Израиля и России. Большая война в Азии с участием Китая, Индии, Пакистана, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама, Таиланда и других стран с желательным втягиванием в нее России пока тоже не удалась.

Ситуацию обострило то, что часть финансового истэблишмента США, обеспокоенная колоссальным объемом невозвратных долгов, вывела значительную часть своих активов из экономики США и доллара, вложив их большей частью в экономику Китая и ЕС. Эта группа рассматривала даже такой экзотический сценарий как распад США с последующим полным дефолтом по всем американским долгам. Конфликт по этому поводу между двумя глобальными американскими финансовыми кланами усугубил конкурентную ситуацию в западном мире, которая и без того весьма напряжена — как между товаропроизводителями-экспортерами из США и Европы, так и между финансовыми структурами из США и ЕС, ориентированными на разные валюты и разные финансовые центры.

Одним из методов балансировки реального и фиктивного секторов стало формирование мегапроектов, создающих квазиреальные активы, среди них проекты климатического потепления, сланцевого газа и нефти, альтернативной энергетики, множество проектов в сфере ИТ. Эти проекты выстраивают привлекательный образ будущего базового актива, оперирование которым позволяет манипулировать структурой и ценами энергопоставок, текущими и будущими финансовыми потоками, а также экономическими и политическими решениями. Эта технология привела, например, в США к обвалу цен на сжиженный природный газ: пострадавшая сторона — Катар, выигравшая — США, некоторые категории производственных предприятий и населения, потребляющих сжиженный природный газ или сланцевый газ. Однако проблему радикальной расчистки долгового навеса это не решило.

Для фундаментального уравновешивания и списания части задолженности необходим резкий рост объемов заказов для американского реального производственного бизнеса. В XX в. эта задача решалась только в условиях мировых войн и гонки вооружений. Ранее упомянутое выравнивание потенциалов Запада и развивающихся стран в терминах совокупного капитала выглядит следующим образом: совокупный капитал стран ЕС оценивается примерно в 635 трлн долларов, США — 608 трлн, стран БРИКС — 1187 трлн[90]. Принудительное изъятие 20–40% от этой суммы у стран БРИКС в пользу США и ЕС может стать реальным способом погашения безвозвратных долгов, расчистки балансов и стимулирования реального экономического роста в западном блоке.

Конкретные источники балансирования невозвратных долговых обязательств просматриваются на опыте мировых и локальных войн XX в. Среди них: закупка на Западе вооружения, продовольствия, индустриального оборудования и бытовых товаров за счет перемещения на Запад золотого запаса конфликтующих стран, поставок на Запад энергетических и сырьевых ресурсов по вынужденно сниженным ценам, получение «связанных» кредитов; допуск западных корпораций в стратегические сферы страны с вывозом прибыли за рубеж, отток на Запад в финансовой и товарной форме капиталов; арест депозитов и принудительное изъятие определенных активов; финансирование процесса и поставки оборудования и товаров в ходе послевоенного восстановления экономик стран — участниц мировых войн.

Таким образом, как и в прошедшие два века, Россия, а вслед за ней и другие страны БРИКС и МИНТ представляются некоторым акторам мировой экономики и политики мишенью для силовой экономической спецоперации в два этапа — «большой кризис» плюс «большая война». Однако сегодня сделать это можно лишь в ходе и в результате обширного военного конфликта с поэтапным втягиванием туда России и других стран. К счастью, трагический опыт XX в. вполне позволяет рассчитывать и на мирное разрешение накопившихся противоречий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война, М., 2002. С. 41–42.

[2] Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сб. документов. Т. 1. М., 2004. С. 16.

[3] *Мизес Л., фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 55–56.

[4] Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сб. документов. Т. 1. С. 18.

[5] Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. Т. 3. Ч. 1. М., 2008. С. 111.

[6] См.: Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014. С. 880.

[7] См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего // Экономические стратегии. 2014. № 6–7. С. 16–33.

[8] Подробнее см.: *Голдгейер Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009.

[9] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1941. С. 695.

[10] 7 сентября 1939 г., согласно записям Г. Димитрова, И. В. Сталин так характеризовал начавшуюся войну: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром!.. Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства!.. Мы, конечно, не пошли бы в батраки... Воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы... Выступить решительно против войны и ее виновников» (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 779–781).

[11] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 25.

[12] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2005. С. 548.

[13] Там же. С. 549.

[14] О прошлом во имя будущего. М., 1995. С. 139.

[15] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 4. М., 1999. С. 294.

[16] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 550–551.

[17] *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994. С. 14–15.

[18] Там же. С. 15.

[19] См.: Холодная война. В 2-х т. Т. 2. М., 2014. С. 984.

[20] К 1948 г. существенно выросли ВНП Швейцарии — до 125 пунктов, Норвегии — до 122 пунктов, Швеции — до 133 пунктов (Там же. С. 16).

[21] *Ван дер Вее Г.* Указ. соч. С. 18.

[22] Кстати, именно Дж. М. Кейнс провел тщательный анализ Версальского мира и репарационной политики по отношению к Германии после ее поражения в Первой мировой войне, именно он был автором альтернативной программы создания новой валютной системы в Бреттон-Вудсе.

[23] Подробнее см.: *Костиков И. В.* Дефолты на рынке муниципальных облигаций США: экономические аспекты. М., 2001.

[24] Отчетный доклад Центрального комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Правда. 1952. 6 октября, 15 октября.

[25] См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.

[26] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 42.

[27] Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. Т. 3. Ч. 1. С. 38.

[28] Там же. С. 741.

[29] *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. М., 2005. Т. 2. С. 154.

[30] См.: *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 43–44.

[31] Подробнее см.: *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. С 350–351.

[32] См: *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 154–155.

[33] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 42.

[34] *Звягинцев А.* Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010. С. 280.

[35] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 296.

[36] См. подробнее: *Козловский Е. А.* Геология. Уроки Великой войны // Экономические стратегии. 2010. № 3.

[37] *Шпеер А.* Воспоминания // Пер. с нем. Смоленск, 1997. С. 115.

[38] *Звягинцев А.* Указ. соч. С. 287.

[39] Там же. С. 288–289.

[40] Там же. С. 309–311.

[41] Подробнее см.: *Печатнов В. О.* Сталинградская битва и проблемы второго фронта // Вестник МГИМО- Университета. 2013. № 2 (29).

[42] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

[43] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 388.

[44] См.: *Шпеер А.* Указ. соч. С. 390–391.

[45] *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 2010. С. 42.

[46] Подробнее см.: Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. Тула, 2014. С. 261–287.

[47] Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

[48] Обеспокоенность России германской экономической экспансией до Первой мировой войны и после нее — важнейший момент в позиционировании. Германский импорт составлял 21% общего привоза в 1893 г., 35% — в 1903 г., 47% — 1913 г. Примечательна экстраполяция: «с такими темпами через 20 лет будет 70% в импорте». «Положение это не может быть терпимо: мы не должны питать своим импортом одну страну, притом страну, которая силою исторических условий на долгие годы останется нашим главным внешним соперником. Принятие самых решительных мер к предотвращению назревающей перед войной опасности монопольного захвата Германией нашего ввоза является одной из основных задач, стоящих перед русским государством... Предоставить Германии наибольшее благоприятствование — значит, сознательно идти на установление у нас монополии ее ввоза и поставить нашу страну, с народно-хозяйственной точки зрения, в данническое положение по отношению к Германии. Такое положение могло бы мыслиться как результат проигранной нами войны, но оно недопустимо как свободный выбор уверенного в своей победе народа» (Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 276–277).

[49] *Гриневецкий В. И.* Указ. соч. С. 37.

[50] Реконструкция Суэцкого и Панамского каналов с расширением их пропускной способности, попытка построить трансокеанский канал в Никарагуа, судьба северного и южного потоков, Великий китайский шелковый и чайный пути, в том числе в морской конфигурации, Северный морской путь, борьба вокруг трубопроводов в Европе, на Ближнем Востоке и Центральной Азии, сквозные меридиональные трассы в Африке и Южной Америке и прочее. Все это убедительные современные свидетельства большой значимости коммуникаций как пружины напряженности в международных отношениях.

[51] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 45.

[52] *Maddison A.* The world Economy. A millennium perspective. OECD, 2002. P. 90.

[53] См.: Ibid. P. 97–98.

[54] Ibid. P. 99–100.

[55] *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. С. 104–106.

[56] Там же.

[57] Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (26 апреля — 26 июня 1945 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 143.

[58] *Maddison A.* The world Economy. A millennium perspective. P. 103.

[59] *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития, М., 1993. С. 10; см. также: *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч.; *Садовничий В. А., Акаев А. А. и др.* Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М., 2014.

[60] *Глазьев С. Ю.* Указ. соч. С. 96–97.

[61] *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011. С. 24.

[62] Там же. С. 25.

[63] *Pigou A.* The Veil of Money. L., 1949. P. 18–19.

[64] См. подробнее: *Агеев А. А., Логинов Е. Л.* New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта» // Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 30–36.

[65] См.: Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 32.

[66] Цит. по: *Уткин А. И.* Рузвельт. М., 2000. С. 275.

[67] Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. М., 1994. С. 46.

[68] *Катасонов В. Ю.* Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М., 2014. С. 52–54.

[69] Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 32.

[70] *Катасонов В. Ю.* Указ. соч. С. 16.

[71] Там же. С. 50.

[72] *Уткин А. И.* Вудро Вильсон. М., 2010. С. 391.

[73] Там же. С. 448.

[74] Подробнее о проблемах Версальского мирного договора см.: *Keynes J. M.* A Revision of the Treaty. N. Y., Harcurt, 1922.

[75] Подробнее см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939.

[76] Подробнее см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. М., 2004.

[77] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 29.

[78] Там же. С. 27.

[79] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 42–43.

[80] *Логинов Е. Л., Логинов А. Е.* Энергетика России как инструмент глобализации евроазиатских энергосистем, рынков и объединений в формате интегрированного российского энергокластера // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 4. С. 18–23.

[81] *Агеев А. А., Логинов Е. Л.* New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта. С. 30–36.

[82] Существенен и такой аспект «данничества России» — в отношении импортной зависимости: «Без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать на *наши деньги* массу военных предприятий; другими словами, произвести на счет *генеральную мобилизацию* американской промышленности... В меньшей степени, но тоже значительной мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии... Ныне перед нами выступает иная задача, важности необыкновенной: хоть теперь стать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, *чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России*. При колоссальных, неисчерпаемых естественных богатствах России в этом нет ничего неосуществимого... Ведь совершенно неизвестно, когда закончится война и как сложатся обстоятельства не только после нее, но и в недалеком будущем *в отношении возможности беспрепятственного получения из-за границы предметов боевого снаряжения...* без полной самостоятельности... трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны» (Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. С. 596–607).

[83] См.: *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 161.

[84] См.: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.

[85] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 210–211.

[86] См.: Тенденции и перспективы развития мирового, евразийского и российского рынка интеллектуальной собственности. М., 2013. С. 8.

[87] См.: Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту. М., 2014.

[88] Там же. С. 161.

[89] См. подробнее: *Агеев А. И., Логинов Е. Л.* Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. С. 16–33.

[90] *Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л.* Пределы роста: 30 лет спустя. М., 2012.

ЗА ПРАВДУ ИСТОРИИ

Образ Победы как фактор национальной безопасности

Победа СССР над фашистской Германией и ее сателлитами, добытая сверхчеловеческим напряжением силы и воли многонационального советского народа и его армии, не стала историческим преданием. Спустя многие десятилетия она остается действенным фактором национальной жизни и мировой политики. Ныне нет на политической карте Союза Советских Социалистических Республик, не существует и советского народа как исторической общности, но смысл и содержание одержанной ими победы остаются в ряду тех величин, которые формируют историческое сознание масс, их социальное самочувствие и политическую позицию. Наследие Великой Победы, отметил В. В. Путин, «и сегодня во многом определяет внешнеполитические позиции России, и, что крайне важно, на этих героических традициях воспитываются молодые поколения наших людей»[1].

Масштаб и последствия Победы столь значительны, что ее образ является частью национального самосознания российского общества, выступает основой и инструментом формирования его духовно-нравственного облика. Культ Великой Победы, сбережение ее наследия, сохранение верности ценностям и идеалам, которые она отстояла, — не просто дань уважения и благодарности фронтовикам, отвоевавшим свободу и независимость для всех последующих поколений. Как говорится, это нужно не павшим, это нужно живым — нужно для того, чтобы в случае новых исторических вызовов народ оказался способен не подчиняться им, а дать достойный ответ.

Образ Великой Победы — наше достояние. Он призван показать современным поколениям россиян ценностные ориентиры и характеристики опыта, благодаря которым прошлое трансформируется в настоящее и закладывает фундамент будущего. По своему содержанию образ Победы — обобщенное, но живое, наглядное представление о том, кто в личностном, социальном, институциональном плане и как сокрушил беспрецедентного по мощи врага. Это духовное образование, которое в эмоционально-чувственной форме и с оценочной характеристикой воспроизводит в индивидуальном и общественном сознании состояние и жизнедеятельность общества, подчинившего себя девизу «Всё для фронта! Всё для победы!», формы его боевой и трудовой мобилизации.

Образ Победы — феномен объектно-субъектный. Его объективное содержание характеризуют те реальные изменения в стране и мире, которые принесла победа. Как известно, победа есть успех в войне, полное поражение противника. Нацистская Германия была повержена и 8 мая в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Декларация о поражении Германии и взятии верховной власти в отношении нее правительствами стран-победительниц была провозглашена 5 июня 1945 г. В соответствии с Актом о капитуляции все германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе, а также все другие силы, находившиеся под немецким командованием,

прекращали военные действия, полностью разоружались и передавали все оружие и военное имущество союзным командующим. Военная машина агрессора перестала существовать.

Но военный результат не исчерпывает всего содержания Великой Победы. Он является условием, исходным пунктом глубинных геополитических и социально-политических изменений. Военный разгром и политическое уничтожение фашизма означали, что вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР»[2], как отмечал И. В. Сталин в выступлении по радио 3 июля 1941 г., безусловно, снят с повестки дня. Советский народ отстоял суверенитет и независимость государства, а вместе с тем право строить и жить по своим законам, в своих интересах. Наше государство вышло из войны окрепшим в военном и экономическом отношении. Неизмеримо вырос авторитет СССР: в 1945 г. он имел дипломатические отношения с 52 государствами против 26 в предвоенные годы. Отныне он стал играть решающую роль во всех мировых делах. Новый, высокий международно-правовой статус Советского Союза закреплялся тем, что он стал одним из учредителей Организации Объединенных Наций и одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Победа Советского Союза привела к огромным социально-экономическим сдвигам в мире и предопределила развитие человечества в первые послевоенные десятилетия. Существенно изменилась политическая карта мира. Важным историческим фактом стало расширение территориальных границ СССР: к нему перешли часть Восточной Пруссии — нынешняя Калининградская область, Курильские острова и Южный Сахалин; в Китае были арендованы Порт-Артур и Дальний (Далянь). Сложилась Ялтинско-Потсдамская система мироустройства (ООН, международное право, международный трибунал), которая, несмотря на конфронтационный характер, на протяжении десятилетий обеспечивала достаточно высокий уровень стабильности и управляемости международной системы. На месте группы лимитрофных государств, выступавших как враждебный Советскому Союзу «санитарный кордон» вдоль его европейских границ, появились государства народной демократии. Вместе с Советским Союзом они, а также КНР, КНДР и ДРВ образовали мировую систему социализма. Рухнула система колониализма.

Другую сторону Великой Победы определяет та высокая цена, которую пришлось заплатить за нее советскому народу. Наша страна победила фашизм ценой огромных жертв и страшных испытаний. Великая Отечественная война поглотила огромные людские и материальные ресурсы, разорила среду обитания людей, нанесла ущерб природе. Эта кровавая схватка унесла миллионы человеческих жизней, искалечила судьбы людей, круто изменила их жизнь, принеся им страдания, лишения, горечь и печаль. Оккупанты полностью или значительно разрушили и сожгли 1710 городов и поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень[3]. Стране предстояло возродить города и поселки, восстановить железные дороги и промышленные предприятия, поднять материальный уровень жизни людей.

Выполнение этих задач осложнялось тем, что бывшие союзники практически сразу после окончания Второй мировой войны объявили СССР холодную войну, первые признаки которой обозначились еще в годы «горячей» войны. Союзнические военные действия против фашистской Германии втайне сопровождались разработкой планов их переориентации на борьбу с Советским Союзом. Так, правящие круги США в апреле 1945 г. приняли решение о «жесткой» позиции в отношении Советского Союза. Британский штаб объединенного планирования 22 мая 1945 г. подготовил окончательный вариант операции «Немыслимое». С ним ознакомился и поставил под ним свою подпись У. Черчилль. Этот план под грифом «Россия — угроза западной цивилизации» в деталях описывал нанесение удара англо-американских сил по советским войскам — союзникам по антигитлеровской коалиции. Начало военных действий намечалось на 1 июля 1945 г. Особенно циничным было намерение уже на ранних этапах военной кампании переформировать, перевооружить и использовать против Советского Союза 10 немецких дивизий[4]. До открытой войны дело тогда не дошло, но уже 5 марта 1946 г. У. Черчилль в речи, произнесенной в присутствии президента США Г. Трумэна в американском городе Фултон, открыто провозгласил холодную войну, которая, закончившись, как считается, с распадом СССР, в наши дни развертывается в новых формах.

Ленинградцы на Невском проспекте слушают сообщение о Победе

Это объективные слагаемые Победы. Но ее смысл и содержание осознаются, оцениваются и проявляются исключительно в форме субъективного определения. У каждого человека под влиянием множества факторов складывается собственное (субъективное) видение теперь уже удаленного во времени события всемирно-исторического масштаба и значения и собственное отношение к нему. В этом случае образ Победы складывается стихийно, без регулирующего воздействия со стороны самого человека или других людей. Он предстает как идеальное отражение людьми своего опыта повседневной жизни в условиях войны. Индивиды «повторяют» на уровне обыденного сознания содержание своего общественного бытия, не используя при этом средств и методов специальной познавательной деятельности. Неудивительно, что на индивидуальном уровне люди вкладывают в Победу разный смысл.

Если же, как, например, у нынешних поколений, собственного военного опыта нет, его заменяют рассказы ветеранов, мемуарные и художественные произведения, историческая литература. Память о минувшей войне передается из поколения в поколение, от родителей к детям, от сердца к сердцу. Но на этом уровне образ войны и Победы зачастую оказывается размытым или вовсе отсутствующим. Между тем давно сказано: народ, не знающий или забывший свое прошлое, не имеет будущего. Поэтому государство и общество заинтересованы в том, чтобы новые поколения знали, помнили и ценили подвиг народа, отстоявшего свободу и независимость страны, саму возможность их физического существования, чтобы лаконичная, но емкая по своей сути фраза «Спасибо деду за Победу!» определяла позицию каждого гражданина России.

Салют Победы над Московским Кремлем

Салют Победы на Стрелке Васильевского острова в Ленинграде

Следовательно, субъектами, формирующими образ Победы и предлагающими его массам, наряду с индивидами выступают различные институции государства и гражданского общества, которые прилагают целенаправленные усилия по разработке и внедрению в массы определенной точки зрения на события войны и победы. Их активностью объясняются изменения в содержании образа Победы и доминирующих позиций по отношению к войне и ее итогам. Обобщенным показателем этого является официальный и общественный статус Дня Победы — календарной даты 9 мая.

9 мая 1945 г. в шесть часов утра по московскому времени по радио был зачитан указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что этот день объявлен государственным праздником — Днем Победы. Первый День Победы праздновался так, как, наверное, отмечалось очень мало праздников в истории СССР и России. Люди на улицах поздравляли друг друга, обнимались, целовались, плакали. 9 мая вечером в Москве был дан Салют Победы, самый масштабный в истории СССР — тридцать залпов из тысячи орудий. Однако выходным днем 9 мая оставалось лишь три года. В 1965 г., в год 20-летия Победы, этот день вновь стал выходным, возобновились парады, масштабные салюты во всех городах-героях и чествования ветеранов.

Ныне 9 мая в соответствии с законом Российской Федерации «О днях воинской славы (победных днях) России» является праздничным нерабочим днем, что подкрепляется и конкретизируется федеральным законом «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Этот закон, в частности, устанавливает: «День 9 Мая является всенародным праздником — Днем Победы. День Победы — нерабочий день и ежегодно отмечается военным парадом и артиллерийским салютом». Военные парады с привлечением вооружения и военной техники и артиллерийский салют проводятся в столице Российской Федерации городе Москве, городах-героях, а также в городах, где дислоцированы штабы военных округов, флотов, общевойсковых армий и Каспийской флотилии.

Абсолютное большинство российских граждан согласны с тем, что День Победы является самым значительным среди других, отмечаемых в России государственных праздников: в 2005 г. так считали 62% опрошенных[5]. В сознании современного российского общества феномен Победы в Великой Отечественной войне представлен как великое достояние прошлого, как подвиг и слава нашего народа.

Вместе с тем нельзя не видеть, что в российском обществе формировались в прошлом и формируются сейчас разные образы Победы. Порой они искажаются, с одной стороны, апологетикой и, с другой — хулой. Поэтому вовсе не праздным являются вопросы: какой хотят ныне видеть ту войну государство и общество, какой образ ее адекватно отражает прошлую действительность и тем самым дает им ориентиры деятельности в настоящем и будущем?

В первое послевоенное десятилетие официальные трактовки Победы и пути к ней были сформулированы в неоднократно переиздававшемся сборнике приказов и выступлений И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В той концепции война, боевые действия Красной армии, жизнедеятельность советского тыла представлялись как героическая коллективная победа и описывались в мажорных тонах. О трудностях, жертвах, неудачах, в частности начального периода войны, не упоминалось вовсе или говорилось вскользь, как о малозначащих издержках в целом победоносного ведения войны. Лишь однажды, 24 мая 1945 г., на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии И. В. Сталин признал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города»[6]. Но эта мысль развития в литературе и печати того времени не получила.

С середины 1950-х гг., в период так называемой оттепели в СССР, появилась возможность по-новому осмыслить события Великой Отечественной войны. На смену героически возвышенным образам в произведениях на военную тему приходили обыкновенные, рядовые люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть и будни войны. Именно в это время заявили о себе так называемые окопная правда и лейтенантская проза — произведения писателей, прошедших войну, выживших и представивших на суд читателя свой боевой опыт в той или иной форме. В то же время на волне критики культа личности, реабилитации репрессированных стали по-

являться исследования, в которых говорилось о недостатках в подготовке страны к обороне, о поражениях и потерях в ходе войны, об ошибках и неправедных решениях политического и военного руководства страны и их тяжких последствиях. При этом и победа, и сама Великая Отечественная война неизменно освещались в положительном ключе, как национальный триумф и народная гордость. А в последующие десятилетия критика и вовсе была приглушена.

Ситуация изменилась с конца 1980-х гг. В перестроечные и постперестроечные годы наблюдался отказ от единственной идеологически определенной точки зрения на события войны и победу. С распадом СССР в нашей стране были отвергнуты советские трактовки и оценки событий военного времени, появились многочисленные концепции зачастую нарочито негативистской направленности. В печати, научных изданиях стали публиковаться ранее неизвестные широкой общественности документы. Начали обсуждаться разные острые проблемы той поры, причем нередко дискуссии велись и сейчас ведутся с диаметрально противоположных позиций[7].

Не только за рубежом, но и в родном Отечестве есть силы, которые не просто размывают образ Победы, но целеустремленно и старательно опошляют и уничижают его. Объектами их атаки стали ключевые моменты и переломные события советской эпохи, в первую очередь героические страницы и высшие символы Великой Отечественной войны. В большом количестве разного рода публикаций с удивительным постоянством предпринимаются попытки, призванные хотя бы на бумаге оболгать полководческое искусство советских военачальников, воинское мастерство бойцов и командиров, самоотверженность партизан, гражданское мужество тружеников тыла, единство общества, сплотившегося под лозунгом «Всё для фронта! Всё для Победы!». В российское общество настойчиво внедряется мысль о том, что война с фашистской Германией не была ни Великой, ни Отечественной, что это была схватка между двумя тоталитарными режимами, в которой Советский Союз и его армия продемонстрировали абсолютную социальную, политическую, военную никчемность.

Историческая память, Великая Отечественная война и победа в ней превратились в поле политико-идеологической борьбы. И это противоречиво воздействовало и до сих пор воздействует на формирование образа Победы в массовом сознании. Поскольку попытки оболгать Великую Отечественную войну и ее итоги не прекращаются, а в жизнь вступают новые поколения, еще не знающие историю, необходимы сознательные и целенаправленные усилия общества и государства, служащие формированию достойного и уважительного отношения к победе советского народа в Великой Отечественной войне, сохранению благодарной памяти о поколениях победителей. Победу в Великой Отечественной войне, ее значение для судьбы страны и всего человечества невозможно переоценить. И она не должна подвергаться сомнению никогда и ни при каких обстоятельствах. Это важно подчеркнуть, поскольку делаются попытки исказить ее историю, всячески принизить решающую роль нашей Родины в разгроме нацистской Германии.

Каков он, образ Победы 70 лет спустя? В нем органически соединились величины, сформировавшиеся во время войны и служившие достижению победы над врагом, и конструкции, возникшие уже после войны. Так, неотъемлемыми частями образа Победы являются навеки девятнадцатилетние мальчишки, что «страну заслонили собой», и ныне живущие ветераны Великой Отечественной войны; братская могила где-нибудь «у незнакомого поселка, на безымянной высоте» и мемориальный архитектурный ансамбль в Москве — Могила Неизвестного Солдата; песня «Священная война», впервые прозвучавшая 26 июня 1941 г. и ставшая своеобразным гимном Великой Отечественной войны, и песня «День Победы», написанная к 30-летию Великой Победы в 1975 г., являющаяся сегодня непременным знаковым атрибутом торжеств, посвященных Победе; Парад Победы 24 июня 1945 г. и ставшие славной традицией ежегодные парады Победы 9 мая.

В образе Победы нерасторжимо слиты ликование по поводу завоеванной военной славы и боль огромных потерь. Это — «радость со слезами на глазах». Этот образ нельзя писать ни исключительно в розовых тонах, ни исключительно черными красками. В содержательном плане образ Победы представляет собой сложное образование, составными частями которого выступает множество разноплановых феноменов. Их можно свести в несколько групп.

Парад Победы. Поверженные гитлеровские штандарты в руках советских воинов

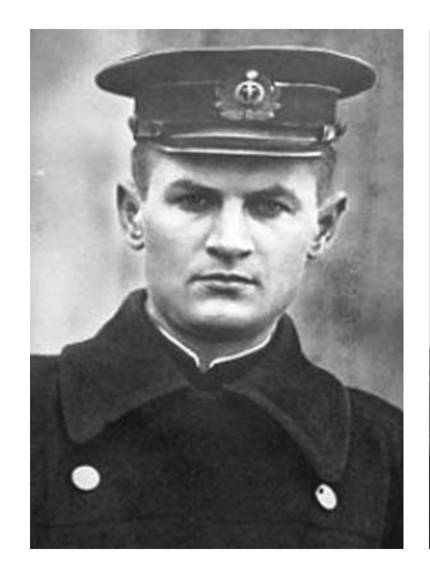
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков перед войсками на Параде Победы

Одну составляют творцы Победы. Это прежде всего простой красноармеец, собирательный образ которого олицетворяет любимый фронтовиками литературный персонаж Василий Тёркин. Именно на плечи солдат легли самые большие трудности, самые тяжелые испытания. Они во имя свободы Отечества были готовы закрыть собой амбразуру, броситься со связкой гранат под танк, таранить вражеский самолет, написать на стене Брестской крепости, не упомянув своего имени: «Умираю, но не сдаюсь, прощай, Родина».

За подвиги, совершенные на фронтах Великой Отечественной войны свыше 11 600 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, среди них представители более 60 национальностей СССР. Ордена Славы — почетнейшей солдатской награды, учрежденной 8 ноября 1943 г., были удостоены более 900 тыс. человек. Полными кавалерами Ордена Славы всех трех степеней стали около 2,5 тыс. человек. Орденами и медалями были награждены более 7 млн воинов. 10 900 боевых орденов было вручено соединениям, частям и кораблям Вооруженных сил СССР, десятки объединений и соединений, сотни частей и кораблей стали гвардейскими[8].

В истории Великой Отечественной войны были уникальные случаи, когда высшей воинской награды удостаивались все бойцы подразделения. О 28 героях-панфиловцах во главе с политруком В. Г. Клочковым, которые ценой своих жизней остановили у разъезда Дубосеково передовые танковые части немцев, рвавшиеся к Волоколамскому шоссе, известно многим.

В марте 1943 г. подвиг легендарных панфиловцев повторил взвод лейтенанта П. Н. Широнина из 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии. обороняя в течение пяти суток железнодорожный переезд близ села Тарановка южнее Харькова, взвод, усиленный 45-мм орудием, остановил врага. Потеряв 11 единиц бронетехники и до сотни солдат, враг не смог преодолеть рубеж. Когда к широнинцам подошла помощь, в живых оставались лишь шестеро героев, включая тяжелораненого командира. Все 25 бойцов взвода, включая лейтенанта П. Н. Широнина, удостоились звания Героя Советского Союза[9].

Герой Советского Союза
К. Ф. Ольшанский

Герой Советского Союза
Б. Н. Емельянов

Герой Советского Союза
Н. Ф. Гастелло

Герой Советского Союза
А. П. Маресьев

Герой Советского Союза
А. И. Маринеско

Плакат Б. Ефимова, Н. Долгорукова. 1942

Плакат А. Кокорекина. 1942

Плакат И. Серебряного. 1943

Плакат В. Иванова, О. Буровой. 1944

Плакат А. Кокорекина. 1945

Плакат В. Корецкого. 1945

Плакат В. Говоркова. 1948

Плакат В. Корецкого. 1950

Плакат В. Корецкого. 1948

Плакат В. Говоркова. 1952

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ,
ВЫПУЩЕННЫЕ В СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

19 НОЯБРЯ
ДЕНЬ
АРТИЛЛЕРИИ
30
коп
ПОЧТА СССР

Артиллерия - бог войны!
60
коп
ПОЧТА СССР

ТЫЛ ФРОНТУ
20
коп.
Почта СССР
20
коп.

ТЫЛ ФРОНТУ
30
коп.
Почта СССР
30
коп.

ТЫЛ ФРОНТУ
60
коп.
Почта СССР
60
коп.

ТЫЛ ФРОНТУ
Москва салютует.
1
рубль
Почта СССР
1
рубль

СТАЛИНГРАД-ГОРОД ГЕРОЙ
2·II·1943
2·II·1945
ПОЧТА
60
коп
СССР

ОЧИСТИМ РОДИНУ
почта
ссср
ОТ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЬЯ
20
коп

почта
ссср
СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!
30
коп

ВПЕРЕД НА ШТУРМ!
30
коп
ПОЧТА СССР

ПРИВЕТ ОСВОБОДИТЕЛЯМ!
60
коп
ПОЧТА СССР

почта
ссср
ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!
1
РУБ

ПОЧТА СССР
15
КОП
15

ПОЧТА СССР
ОРДЕН
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО
45
КОП
45

ПОЧТА СССР
ОРДЕН
ПОБЕДЫ
60
КОП
60

ПОЧТА
СССР
ОРДЕН
СЛАВЫ
1
РУБ
1

ПОЧТА
СССР
ОРДЕН
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО
2
РУБ
2

ПОЧТА
СССР
ОРДЕН
ПОБЕДЫ
3
РУБ
3

ПОЧТА СССР
ЗА ОТВАГУ
СССР
МЕДАЛЬ
ЗА ОТВАГУ
60
КОП
60

ПОЧТА СССР
СССР
ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ
МЕДАЛЬ
ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ
60
КОП
60

ПОЧТА СССР
ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ
СССР
МЕДАЛЬ
ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ
60
КОП
60

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ
30 КОП
СССР ПОЧТА

ПОЧТА СССР
30 КОП
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ХАНПАША НУРАДИЛОВ,
УНИЧТОЖИВШИЙ В БОЯХ 920 ФАШИСТОВ

ПОЧТА СССР

ПОЧТА СССР

ПОЧТА СССР
1 РУБ
ТУПОЛЕВ-2 БОМБАРДИРОВЩИК

ПОЧТА СССР

Победа. Художник Е. Моисеенко. 1972

Победители. Художник К. Антонов. 1985

Впереди мир. Художник В. Пузырьков. 1984

«Не плачь, деда!» Художник В. Лихо. 1985

При освобождении г. Николаева 28 марта 1944 г. геройский подвиг совершили 67 воинов десантного отряда (55 моряков, два связиста и 10 саперов), возглавляемого старшим лейтенантом К. Ф. Ольшанским. Десант был высажен в николаевском порту, чтобы облегчить наступавшим войскам взятие города. За двое суток десантники отбили 18 вражеских атак и уничтожили около 700 фашистов. Все 67 воинов, из них 55 посмертно, были удостоены звания Героя Советского Союза. 68-му участнику десанта — проводнику А. И. Андрееву звание Героя было присвоено в 1965 г.[10]

В Красной армии существовало и целое подразделение кавалеров ордена Славы, называвшееся Батальоном Славы. Это 1-й батальон 215-го гвардейского стрелкового полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии, личный состав которого в бою 14 января 1945 г. на р. Висле проявил исключительное мужество и героизм. Все солдаты, сержанты и старшины батальона (350 человек) были удостоены ордена Славы, командиры взводов — ордена Александра Невского, командиры рот — ордена Красного Знамени. Командиру батальона гвардии майору Б. Н. Емельянову было присвоено звание Героя Советского Союза[11].

Не все могут быть героями. Хотя какие именно качества должны характеризовать героя, сказать заранее невозможно. Но нет противоречия, когда говорится о всенародном подвиге. С одной стороны, для правого дела нужны не только герои. Обстоятельства порой требуют одного Данко, для того чтобы весь народ обрел свободу. С другой стороны, герой не может появиться в оппортунистической среде. Он готовится к подвигу всей жизнью и всем окружением. «Если все сосредоточены на одном, — писал 2,5 тыс. лет назад китайский полководец и военный теоретик Сунь-Цзы, — храбрый не может один выступить вперед, трусливый не может один отойти назад»[12].

Но таковы уж законы социальной психологии, что в массовом общественном сознании эпохальные события персонифицируются в ставших легендарными и символическими именах. Александр Матросов и Николай Гастелло, старший сержант Я. Ф. Павлов, выдающийся ас А. И. Покрышкин и А. П. Маресьев, А. И. Маринеско, которого мировая печать нарекла «подводником № 1», и многие другие[13] — славная плеяда героев олицетворяет мужество и стойкость, воинскую доблесть советского солдата.

Следующий ряд персоналий, обеспечивших военный разгром фашистской Германии и составляющих бесценные грани образа Победы, образует блестящая когорта советских военачальников — полководцев и флотоводцев, которые успешно осуществляли руководство крупными операциями. Их полководческий гений признали и наши союзники, и наши враги. За время войны 43 военачальника командовали войсками фронтов, 55 — возглавляли штабы фронтов, около 150 генералов командовали общевойсковыми армиями, 15 — танковыми армиями[14]. Некоторые из них на высоких должностях находились кратковременно. Например, за первые 14 месяцев боев на должностях командующих войсками фронтов побывали 36 человек[15]. Не все выдержали испытания войной, не все сумели достойно проявить себя, командуя войсками. Неудивительно, что в годы войны были военачальники, чьи имена ныне недостаточно известны даже историкам. Но уже к осени 1942 г. сформировался корпус талантливых военачальников, чьи ум и воля, полководческое мастерство доказали решающее превосходство советской военной школы над профессиональной выучкой генералов вермахта.

В течение 32 месяцев войны после осени 1942 г. должности командующих войсками фронтов получили всего семь военачальников. В то же время пять человек, будучи назначенными на должность командующего войсками фронта в 1941 г., в этой должности войну и завершили: А. И. Ерёменко, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков. Война длилась 43 месяца, и 36 из них командовал войсками фронта Л. А. Говоров, 34 — К. К. Рокоссовский[16]. Все они, а также А. М. Василевский, С. К. Тимошенко и Ф. И. Толбухин — маршалы Победы, награжденные орденом «Победа» (этого ордена был удостоен также генерал армии А. И. Антонов), на полях сражений доказали, что, как утверждал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, «советские полководцы по своему профессиональному уровню превзошли военачальников капиталистических стран»[17]. Они, и прежде всего принимавший Парад

Победы Г. К. Жуков, командовавший Парадом К. К. Рокоссовский, а также внесший существенный вклад в разработку и осуществление практически всех стратегических операций Вооруженных сил СССР А. М. Василевский, олицетворяют советское военное искусство, принесшее победу над германским вермахтом и союзными ему армиями.

В образ Победы навсегда вошла и фигура Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, в руках которого находились все рычаги управления воюющей страной и армией. Конечно, он в значительной степени ответственен за все ошибки, которые привели к тяжелым поражениям. Но ему принадлежит и заслуга мобилизации и организации всех сил народа на отпор захватчику.

В первые дни войны на самом высоком уровне было заявлено: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»[18]. Народ вел войну на промышленных предприятиях и колхозных полях, в научных лабораториях и учебных аудиториях. И сегодня нельзя без волнения говорить о том, что в сражающемся Сталинграде, блокированном врагом Ленинграде, фронтовой Москве, как и во многих других городах, даже полуразрушенные заводы и фабрики продолжали производить военную продукцию. Было и так, что эвакуированные на восток предприятия налаживали производство еще до того, как были возведены стены их корпусов.

Есть глубокий смысл в том, что тыл страны был назван трудовым фронтом. По всей стране на производство привлекались ранее не занятые в народном хозяйстве и на конкретном предприятии категории населения, в том числе эвакуированные. Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР только с июля по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, предприятия черной и цветной металлургии, строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны[19]. Основную часть мобилизованных составляли женщины. За 1941–1945 гг. среди рабочих и служащих их число увеличилось более чем на 15 млн (56% общего числа работающих): в промышленности они составили 52%, в сельском хозяйстве — 75%, в органах здравоохранения — 82%, в народном просвещении — 77,8%[20]. На предприятия пришло большое число молодых юношей, девушек и подростков.

Танкоград — неофициальное название тылового Челябинска за его вклад в победу, где действовало мощное производство танков. Во время Великой Отечественной войны население города выросло с 270 до 650 тыс. человек. На базе более 200 эвакуированных в 1941 г. предприятий, которые сливались с местными производствами, создавались гиганты индустрии. Все основные производственные подразделения перешли на казарменное положение. В холодных, кое-как отапливаемых паром от трех паровозных котлов цехах завода и под открытым небом в коробках новостроек люди работали по 16–18 часов, а бывало и по 20 часов. Систематически недосыпая и недоедая, они работали с полной отдачей сил и не покидали своих мест, пока не выполняли две-три нормы в смену. Массовое производство танков Т-34 было освоено всего за 33 дня. Танкоград за годы войны дал фронту 18 тыс. танков и САУ, 48,5 тыс. танковых дизелей, 85 тыс. комплектов топливной аппаратуры, 17,5 млн боеприпасов[21].

За время войны были награждены орденами и медалями свыше 294 тыс. тружеников тыла. Более 16 млн человек были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; орденами награждены сотни предприятий промышленности, транспорта, строительных и сельскохозяйственных организаций, ряд научно-исследовательских институтов[22].

Звучные мотивы в образе Победы связаны с боевой деятельностью советских партизан. Свыше 184 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и другими медалями СССР. 127 тыс. человек удостоились медали «Партизану Отечественной войны»[23].

Архитектурная композиция у входа в Аджимушкайские каменоломни

Памятник Сталинградской битвы — руины мельницы Гергардта (Грудинина)

Другая группа слагаемых образа Победы имеет топонимическую основу. Великая Отечественная война впечатала в народную память множество мест, с которыми были связаны потрясающие человеческое воображение примеры мужества и героизма советских людей — воинов и тружеников. Многие географические места вошли в историю как пространства воинской доблести. Это были и дотоле мало кому известные населенные пункты, и крупные промышленные и административные центры. Назовем лишь некоторые из них. Лесной массив Зеленая Брама — место ожесточенных боев в августе 1941 г.; железнодорожный разъезд Дубосеково, где навсегда прославили себя 28 героев-панфиловцев; поселок Аджим-Ушкай, ставший знаменитым благодаря 170-дневной героической обороне находящихся в его районе каменоломен; Хатынь — деревня в Беларуси, уничтоженная вместе с жителями 22 марта 1943 г. нацистскими карателями и их пособниками из 118-го батальона охранной полиции. Весь мир помнит несгибаемую доблесть городов-героев: Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Киева, Минска, Одессы, Севастополя, Новороссийска, Керчи, Тулы, Смоленска, Мурманска, Брестской крепости. Свыше 40 городов «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» удостоены почетного звания города воинской славы.

Еще одна группа слагаемых образа Победы — ее символы, как утвердившиеся в ходе войны, так и сложившиеся в послевоенное время. Символика — это упрощенное и наиболее доступное представление о войне и победе. Победная символика может быть вещной, как, например, красная звездочка на пилотке, фуражке советского воина. Во время войны она, как и в целом форма одежды красноармейцев, служила специфической формой идентификации человека, отождествления себя с армией, своеобразного заявления о признании ее традиций и готовности следовать им. Таковыми были знаменитая «катюша» и «тридцатьчетверка».

Таков и Дом Павлова в Сталинграде. На нейтральной полосе в центре города горстка наших бойцов захватила руины четырехэтажного жилого дома и два месяца отбивала ожесточенные атаки немцев. Дом был у них как кость в горле, но сломить защитников, общее число которых составляло 29 человек, они так и не смогли. Под названием Дом Павлова он навсегда вошел в историю как символ мужества и стойкости советских бойцов.

К числу символов подобного рода относятся и те феномены, которые вели солдат на подвиги. В их ряду особое место занимает Знамя, точнее — штурмовой флаг № 5, которое было водружено в ночь на 1 мая 1945 г. на крыше Рейхстага. Всего же над Рейхстагом во время штурма было поднято около 40 различных знамен, флагов и флажков[24]. Кроме того, Красные знамена были установлены на многих ключевых объектах Берлина: ратуше, здании гестапо, дворце Вильгельма, имперской канцелярии, Бранденбургских воротах, здании Королевской оперы. Знамя же, водруженное на куполе Рейхстага, было снято и 20 июня как Знамя Победы на специальном самолете отправлено в Москву. Ныне Знамя Победы, которое хранится в Центральном музее Вооруженных сил в Москве, законодательно объявлено официальным символом Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и государственной реликвией России.

Образ Победы — это и физически неуловимые состояния сознания и чувств, жизненные ценности советского общества, которые позволили одолеть мощного врага, такие как коллективизм, патриотизм и дружба народов, справедливость и милосердие, благородство и широта русской души, идея служения Отечеству. Социально-политическое и духовное единство советского общества, не знавшего социальных или этнических градаций, преданность Родине и любовь к ней советских людей стали моральной твердыней, позволившей одолеть врага. В Великую Отечественную войну весь мир увидел полководческий гений советских военачальников, ратную доблесть бойцов и командиров Красной армии, духовное единство и войсковое братство воинов различных национальностей, стойкость и мужество тружеников тыла, непоколебимую уверенность советских людей в правоте своего дела и его неминуемого торжества.

Великая Отечественная война и победа советского народа в ней — события эпохального масштаба и значения. Проходят годы, но они по-прежнему являются частью национально-

го сознания российского общества, действенным фактором, формирующим его духовный облик. Глубоко патриотические чувства, связанные с победой в Великой Отечественной войне и теми жертвами, которые были принесены каждой российской семьей ради этой победы, являются неотъемлемой частью жизни россиян. Преклонение современников перед бессмертным подвигом советского народа и его вооруженных сил выражается наряду со сбережением символов и реликвий военной поры в создании новых форм духовного единения с поколением фронтовиков. Образ Победы в наши дни находит практическое преломление во всемерной помощи ветеранам Великой Отечественной войны, движении поисковиков, уходе за воинскими захоронениями, мемориальными комплексами, памятниками и обелисками, участии в праздничных и торжественных мероприятиях, посвященных важнейшим событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Как символ глубокой любви и благодарной памяти Родины о бессмертном подвиге воинов, павших на полях сражений минувшей войны, горит Вечный огонь, зажженный на Могиле Неизвестного Солдата в Москве, Пискаревском мемориальном кладбище в Санкт-Петербурге, Мамаевом кургане в Волгограде, Малаховом кургане в Севастополе, площади Победы в Туле, у обелиска боевой славы на горе Митридат в Керчи, на площади Героев в Новороссийске, а также во многих других городах Российской Федерации. Одним из признанных символов Великой Победы, одержанной СССР над сильным и жестоким врагом, является монумент, установленный в берлинском Трептов-парке, — советский солдат с немецкой девочкой на руках.

С 2006 г. стала традиционной и проводится ежегодно с 24 апреля по 12 мая на средства предприятий и бюджета акция «Георгиевская ленточка» — раздача символических ленточек, посвященная празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне. Она проходит под лозунгами: «Победа деда — моя Победа!», «Повяжи. Если помнишь!», «Я помню! Я горжусь!», «Мы — наследники Великой Победы!», «Спасибо деду за Победу!» и другими. Главная цель акции — не дать забыть новым поколениям, кто и какой ценой одержал победу в самой страшной войне прошлого века, чьими наследниками они являются, чем и кем должны гордиться, о ком помнить. Ныне георгиевская ленточка стала символом победы над фашизмом.

Совсем недавно вошла в жизнь России акция «Бессмертный полк», призванная сохранить память о Великой Отечественной войне, о каждом, кто не жалея своей жизни, боролся за освобождение Родины. Суть акции — взять фотографию своего отца, деда, прадеда или любого другого родственника, принимавшего участие в Великой Отечественной войне, и выйти на построение «Бессмертного полка» в своем населенном пункте в День Победы 9 мая. Встать в ряды полка может каждый гражданин независимо от вероисповедания, национальности, политических и иных взглядов. Своеобразный парад «Бессмертного полка» прошел во многих городах и весях нашей страны.

В России в 2014 г. впервые отметили День Неизвестного Солдата. Новая памятная дата исторически связана с событиями 3 декабря 1966 г., когда в 25-ю годовщину разгрома фашистских войск под Москвой из братской могилы на 41-м километре Ленинградского шоссе к Кремлевской стене в Александровском саду был перенесен прах одного из защитников столицы. Памятнику был присвоен статус Общенационального мемориала воинской славы.

Образ Победы — не лубок, который ради наглядности изображения избегает полутонов и полутеней, и не сусальная картинка, выдержанная сплошь в слащавых тонах. Он включает в себя не только финальный триумф Красной армии — Красное знамя над Рейхстагом, маршала Г. К. Жукова, открывающего церемонию подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. Многие краски в нем отражают трудный путь к этому триумфу. Так, одним из символов Великой Отечественной войны стал дневник Тани Савичевой — ленинградской школьницы, которая с начала блокады Ленинграда вела дневник в записной книжке, оставшейся от ее старшей сестры Нины. В этом дневнике всего девять страниц, и на шести из них даты смерти близких людей.

Образ Победы — не бесстрастная и не смиренная констатация быльем поросшего исторического факта, а живая память о трагическом и в то же время героическом характере поистине эпической борьбы и эпохального значения военного разгрома фашизма. Обращение к былому не является лишь ритуальным выражением благодарности тем, кто, не щадя своих сил, здоровья и жизни, приближал победу, или приятным поводом для парадов, торжеств и застолий. Наша Победа — сакральна. И только осознав это, можно понять, почему это событие прошлого имеет непосредственное значение для нас, живущих здесь и сегодня. Образ Победы — поучительные выводы из опыта истории, своеобразный урок из прошлого для будущего. Знание того, что и почему случилось, как возникло и развивалось это событие, были ли и какие именно альтернативы ему и почему именно данная оказалась реализованной, имеет не только познавательное, но и инструментальное значение. Ответы на эти вопросы о прошлом помогают находить оптимальные решения актуальных задач в настоящем.

Абсолютное большинство граждан России считают — и для этого есть все основания, — что Великая Отечественная война явилась главным событием в истории нашей страны и мира. А победа в ней по всем меркам — политическим, стратегическим, морально-нравственным, мировоззренческим — стала моментом истины, когда наша страна и весь мир осознали неразрывность, цельность тысячелетнего пути нашего Отечества и бессмысленность попыток разговаривать с ним языком силы. 9 мая 1945 г. стало победным восклицательным знаком к известной фразе: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. На том стояла Русь и стоять будет». Она и сегодня имеет актуальный политический смысл.

Благодаря победе советского народа в Великой Отечественной войне был создан мощный социальный капитал, который вот уже на протяжении 70 лет служил и продолжает служить несокрушимым фактором национальной безопасности ранее СССР, а теперь его правопреемницы России. Речь идет прежде всего о том, что благодаря победе и на ее основе произошла новая идентификация народа. Не переидентификация: люди осознавали и чувствовали тождество, генетическую связь со всей тысячелетней историей своих предков, но в их самоощущении появились иные или по-иному звучащие идеи и ценности. Победа стала новым источником возросшего чувства национальной гордости народа, каждого его представителя. Под давлением тяжелых невзгод войны люди не только не согнулись, но выпрямились во весь рост, испытали невиданный доселе физический и духовный подъем. С победой в их самоопределении утвердилась новая ценность: «Мы — народ, своей кровью и своим подвигом защитивший себя и спасший мир от нового варварства, от фашизма». На этом выросло и окрепло чувство национального достоинства народа. Достоинство — это не гордыня, не самолюбование, но уважение к себе, сознание своей значимости и способности при любых обстоятельствах жить и действовать соответствующим образом. Это в каком-то смысле молчаливая, но твердая уверенность в своих силах. Извечно свойственная нашему народу психология победителя получила новые импульсы.

Наследие Великой Победы — это, во-первых, способ духовного воспроизводства, самоосмысления и самосознания российского общества, исключительно важный для решения актуальнейшей проблемы — выживания страны в экстремальных условиях. Во-вторых, это огромный опыт самоорганизации, целеполагания. Выдвижение единой грандиозной цели, способно сплотить общество, организовать и направить его социальную энергию на решение экстраординарных задач. Национальная идентификация как народа-победителя выражается в том, что народ верит в себя, в то, что многое может и всего добьется[25]. Наши предки всегда умели побеждать и заложенные ими традиции — ориентир и норма для новых поколений.

Не менее важно, что образ Победы, память о войне проясняют условия, источники и механизмы национального пробуждения и торжества. В их ряду особое место занимает социальная и межнациональная сплоченность советского общества. В войне многомиллионные массы восприняли себя единым целым, осознали общую цель, выходящую далеко за пределы личных и групповых, этнических и конфессиональных интересов. Их святое родство зиждилось на патриотизме советских людей, их любви и преданности своей Родине. Опыт войны, кроме того, показал, что для общенационального единения необходим волевой

импульс верховной власти, способной выразить и защитить высшие национальные интересы, возвысившись над распрями в обществе и расколами между обществом и властью.

Память о том великом единении миллионов самых разных людей и о совокупной тяжести понесенных ими жертв делает Победу сакральной и для тех, кто родился и всегда жил под чистым небом. Для многих миллионов Победа с ее символическим рядом образов остается общим языком, объединяющим, словно набат, людей на огромных пространствах. Этот набат служит призывом и позволяет мотивировать новое напряжение социальной энергии масс и направить ее на защиту и реализацию национально-государственных интересов России. Достигнутая 70 лет назад Победа ныне выступает мощным мобилизующим фактором, поднимающим народ на иную, но вполне реальную борьбу за сохранение тысячелетней России, за ее вековые ценности и исторические перспективы. Победа была и остается важным источником и инструментом патриотического воспитания граждан России. Для нынешних и будущих поколений она является ярким примером беззаветного служения своему Отечеству, дает нравственные уроки патриотизма и ответственности гражданина за судьбу державы.

Исторический смысл и современное значение Победы состоит и в том, что она стала новой блистательной страницей в военной истории страны, обогатила военный опыт народа, в концентрированном виде воплотила в себе, продемонстрировала торжество советской стратегии, высокий уровень военного искусства советских полководцев, героизм и военное мастерство советского солдата. За прошедшие десятилетия многое изменилось в военном деле. Современные войны по вооружению и техническому оснащению армий, по формам вооруженного противоборства и многим другим параметрам коренным образом отличаются от Великой Отечественной войны. Но воюет не техника, воюют люди, оснащенные техникой. Сила духа российского народа, проявленная в войне и приведшая к победе, оказалась оружием, которого нет больше ни у одного государства мира. Это оружие невозможно ни купить, ни позаимствовать и его никогда и никому не удавалось сломить.

И в этом смысле наследие Великой Отечественной войны имеет непреходящее значение. Усилия политического и военного руководства по максимальной мобилизации сил и средств страны на отпор врагу, достижения советского военного искусства в организации устойчивого взаимодействия всех родов войск и видов вооруженных сил, управление огромными массами войск и военной техники, боевая активность, воинская смекалка, инициатива и самоотверженность миллионов бойцов — вот что обеспечило победу советского оружия. Эти факторы ни в малой степени не утратили своего значения и в новых условиях. Следовательно, и победоносный опыт Великой Отечественной войны остается востребованным в политике обеспечения национальной и военной безопасности России. Впрочем, об этом можно говорить и от обратного: «О тяжких поражениях 1941 и 1942 годов нельзя забывать, чтобы не повторять ошибок в будущем»[26].

Победа 1945 г. является действенным фактором национальной безопасности Российской Федерации и потому, что она с новой силой показала миру абсолютную бесперспективность военного диктата по отношению к нашей стране. Историческая память мира, признавшего несокрушимую мощь народа, который третий раз в истории, защищая себя, спас человечество, составляет социальный капитал, укрепляющий национальную и военную безопасность России. «Россия в XVIII—XX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого — Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх», — отмечал русский философ Иван Ильин в работе «Против России» (1948)[27].

Неписаное правило для российских воинов — стоять «насмерть за родную землю» — позволяло даже, казалось бы, в безвыходных условиях находить решения, делающие их непобедимыми. Именно это не имеет прецедентов в истории. Великая Отечественная война дала новые и яркие подтверждения тому, что и в военном отношении «умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Обратимся к пророческим словам гоголевского персонажа Тараса Бульбы: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пере-

силила русскую силу!»[28] Великая Отечественная война подтвердила их силу и значимость. Победа в ней закрепила в исторической памяти мира, наших друзей и геополитических соперников понимание бесперспективности силового противоборства с Россией.

Избирательный подход к истории: причины, цели и последствия

Во все времена история являлась полем боя, когда у тех или иных стран и народов возникали желание или необходимость подкрепить устои своего государства или ослабить таковые у противной стороны. Информационное противоборство — понятие предельно широкое, обладающее целым рядом смыслов. Так может быть в самом широком смысле обозначена целенаправленная борьба или обострившиеся, носящие, как правило, политический характер противоречия субъектов социальных отношений, выливающиеся в открытую активную форму. При этом основания, цели и конкретные проявления такого противоборства приобретают идеологическое содержание.

Объект предпринимаемых в ходе противоборства усилий — общественное, групповое и индивидуальное сознание, причем как его рассудочный компонент, так и эмоционально-волевая составляющая. В масштабном информационном противоборстве, субъектами которого становятся государства и их союзы, используются самые разнообразные средства и методы: от агентурных до продуктов так называемой массовой культуры. Самым популярным и широким каналом и одновременно ареной информационной борьбы уже многие годы являются средства массовой информации. Однако они нередко оказываются всего лишь каналом отдельных информационных выпадов и массированных атак, или как иногда в таких случаях говорят — рупором.

Предметом информационного противоборства, как правило, становятся отношения и аспекты общественной жизни, в том числе в исторической ретроспективе. Информационное противоборство всегда отражает противоречия, так или иначе связанные с политическим противостоянием, в том числе на самых высших, включая международный, уровнях.

В качестве одного из важнейших предметов информационного противоборства традиционно выступает содержание истории. История — память и знание общества, народа, семьи, человека о себе и окружающем мире. Интерпретация фактов истории — это действенная форма влияния на сознание, а значит, защита прежних или внесение новых смыслов в понимание истории позволяет воздействовать на мировоззрение человека, различных социальных общностей, что, в свою очередь, дает возможность воздействовать на соотношение социальных и политических сил.

Само понятие «фальсификация истории» имеет негативный оценочный характер и употребляется, как правило, оппонентом определенной исторической интерпретации, не соответствующей его собственной позиции. Фальсификация (от лат. falsus — ложный; falsificatio, falsificare — подделывать) означает осознанное искажение смысла исторических фактов, особый их подбор, приводящий к ложным выводам. Фальсификация истории проявляется в самой разной степени и форме. От подробного описания одних реальных фактов, обстоятельств, событий при одновременном умалчивании о других (невыгодных, неинтересных субъекту информационной борьбы) до откровенной лжи. Разумеется, ложь об истории и ложь «в истории» деструктивны, как любой намеренный обман в корыстных целях. Не намного лучше и заблуждение, которое может привести к серьезным, а то и роковым ошибкам в оценках.

Главную трудность с точки зрения противодействия представляют собой те фальсификации, которые не являются примитивным обманом, а опираются на реальные события, понятные смыслы и мотивы, подлинные документы. Таким трактовкам противостоять сложно именно вследствие их достаточно высокой «профессиональности».

Фальсификация прошлого всегда предпринимается в чьих-то интересах. Если даже не удается определить конкретного заказчика, то всегда находятся общественно-политические силы, имеющие в этом свой интерес. Сущность информационного противоборства в области истории представляет собой войну мировоззрений, идеологий, смыслов за умы и души людей, за имплантацию в социальную жизнь выгодных участнику противоборства идей, настроений, элементов миропонимания, поведенческих принципов и норм. Наполнение новыми историческими смыслами обеспечивает изменение самосознания людей, формирует или разрушает идентификационные маркеры, корректирует деятельность.

Фальсификация военной истории имеет особое значение. Война — не только важная форма разрешения наиболее острых и масштабных социальных противоречий, но еще и суровое испытание, в котором проявляются важнейшие свойства общества. В войне сочетаются и разрушительные, и созидательные силы. Война разрушает материальные ценности как военного, так и невоенного назначения, создавая преимущественно средства ведения войны, стимулируя развитие и производство орудий и систем разрушения. При этом одним из наглядных примеров побочного результата создания оружия становится вклад в научно-техническое и технологическое развитие общества. В социальном отношении к следствиям войны нередко относят такие феномены, как рост патриотизма и рождение героев. В подобном же ключе можно рассуждать и о проблемах ответственности, чести, достоинства, самопожертвования.

И все же главный признак войны — резко негативный во всех его проявлениях по отношению к человеку. Война убивает и калечит, унижает достоинство, деформирует мировоззрение, рушит традиции, искажает сознание. В связи с этим, например, большое значение всегда имеет проблема ответственности, которая интерпретируется порой довольно причудливо. Так, зачастую счет предъявляется не тому, кто развязал войну, а проигравшему. Именно поэтому в силу своей противоречивой природы война приобретает особое значение в сфере информационного противоборства.

Война оставляет в общественном сознании, общественной практике в целом, культуре наиболее глубокие следы. Она обнажает и проверяет не только возможности и настроения отдельных людей, социальных групп, слоев, но и всего общества. Война показывает эффективность государства, его слабые и сильные стороны, наглядно демонстрирует его надежность, политическую привлекательность, меру и качество участия в мировой истории. Война много значит для национального самосознания вообще, а тем более для самосознания гражданина России, которая за свою долгую историю стала участницей многих войн и военных конфликтов, испытала всю тяжесть мировых войн.

Фальсификация отечественной военной истории предпринимается по различным мотивам. Но всегда важно понять, какую опасность они представляют для настоящего и будущего российского общества. Ложь в истории дезориентирует как отдельного человека, так и общество в целом. Искажение информации о прошлом меняет историческую логику, нарушает понимание важных социальных закономерностей, порождает в лучшем случае — социальные иллюзии, в худшем — элементы своеобразного «комплекса национальной неполноценности», эволюционной безысходности, космополитического нигилизма.

Таким образом, конкретно история Великой Отечественной войны особенно важна в двух отношениях: как отражение ее сущности, содержания, целей, результатов, то есть важнейшей формы решения наиболее острых и принципиальных противоречий, а также как относительно самостоятельная область формирования смыслов, важнейшая лаборатория информационного противоборства.

В информационном противоборстве побеждает активный, подготовленный, образованный, занимающий ясную и твердую мировоззренческую позицию субъект социальных отношений. Фальсификации не будут действенны, если субъект, на которого они направлены, наделен сложившимся зрелым мировоззрением. Формированию этого мировоззрения у каждого гражданина страны обязаны способствовать государственные и общественные институты. Важнейшими условиями противодействия фальсификациям истории России,

в том числе и военной, следует признать высокий уровень культуры граждан страны, образование, высокое чувство собственного достоинства.

История является одной из признанных констант общественного и личностного интереса. Обращение к истории всегда обусловлено как соображениями познавательного и мировоззренческого характера, так и практическими задачами. Познание прошлого является необходимой и неотъемлемой частью самоидентификации народа, средством и способом его самоутверждения в мире. К народу в еще большей мере можно отнести слова русского и киргизского писателя и дипломата Чингиза Айтматова, сказанные им об индивиде: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем»[29]. История, по словам древнегреческого историка Диодора Сицилийского, «добывает для юности разум стариков»[30].

Анализ того, что, почему и как происходило в прошлом, дает материал, объясняющий, что может быть в будущем. Немецкий писатель и философ Ф. Шлегель образно заметил: «История — это пророк, смотрящий в прошлое»[31]. Замечательный русский историк В. О. Ключевский считал: «Историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости»[32].

Давно сформулировано положение о том, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Она дает, вернее, в ней ищут и находят материал для обоснования и оправдания современной политики. И изменение внутри- или внешнеполитической ситуации, с одной стороны, смена политических ориентаций, целей и приоритетов — с другой, влекут за собой переоценку ценностей. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» констатируется: «Реакция на перспективу утраты историческим Западом своей монополии... находит свое выражение в политико-психологической установке на «сдерживание» России, включая попытки использовать в этих целях избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой войны и послевоенного периода». В этом же ряду находятся и факты чествования местных пособников фашистской Германии в странах Балтии, в Грузии, на Украине[33].

Отсюда следует несколько практически значимых выводов. Любой исследователь и всякое исследование всегда определенным образом ангажированы. В теоретическом плане об этом вполне определенно и аргументированно говорил английский философ и социолог К. Поппер[34]. Освещение истории практически никогда не бывает идеологически и политически нейтральным. Оно, с одной стороны, как правило, строится в соответствии с подмеченной И. Кантом человеческой слабостью — снисходительностью к собственным недостаткам, и потому в нем почти всегда присутствует объяснительная и оправдательная (в определенных случаях — обвинительная) интерпретация мотивов и действий своих праотцов. С другой стороны, в силу извечного восприятия мира в координатах жесткого деления на «мы — они» многие темы оказываются зараженными соображениями престижа, и подлинно рациональный подход к ним становится затруднен.

Исторический труд не может сводиться лишь к позитивному изложению фактов. Он по определению включает сюжеты, содержащие обзор и анализ других концептуальных подходов к описываемым событиям. При этом принципиально важно выяснить, раскрыть объективные и субъективные факторы, обусловливающие появление альтернативных, в том числе антагонистических интерпретаций, а равно возможных новых акцентов в собственной позиции. Видимо, здесь следует иметь в виду самые разные обстоятельства: политические, идеологические, социальные, социально-психологические, науковедческие и другие, вплоть до психологических и биографических особенностей исследователей. В то же время открытые и честные дискуссии позволят международному сообществу если не выработать общее видение истории, установить историческую правду, то по крайней мере не допустить превращения исторической темы в инструмент бесчестной политики.

Как писал В. О. Ключевский, прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что уходя оно не сумело «убрать своих последствий». «Изучение нашего прошлого, — подчеркивал он, — небесполезно с отрицательной стороны. Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь»[35]. В этой связи, например, очевидно, что Великую Отечественную войну выиграли люди со всеми их достоинствами и недостатками. Путь к победе проходил не по обустроенному тракту, а на ходу сооружаемым дорогам, полным рытвин и ухабов. Их возведение и движение по ним было сопряжено с ошибками, упущениями, издержками. Без честного разговора о них невозможно установление исторической правды. Она не совместима с тенденциозно-апологетическим освещением истории, хода и исхода войны, источников силы и факторов победы.

Чтобы говорить о причинах и целях избирательного подхода к истории Великой Отечественной войны, необходимо прежде всего сформулировать несколько базовых методологических положений. Великая Отечественная война была составной частью Второй мировой войны, и победа в ней достигнута совместными усилиями стран — участниц антигитлеровской коалиции. Нисколько не умаляя вклада союзников, следует исходить из того, что главная тяжесть борьбы легла на советский народ. Советский Союз и его вооруженные силы сыграли решающую роль в победоносном исходе мировой войны.

Война — не лабораторный эксперимент, проводимый в кабинетных условиях. В ходе нее неизбежны просчеты, в том числе стратегического масштаба. «У нашего правительства, — говорил И. В. Сталин в известном тосте за русский народ, — было немало ошибок»[36]. Но войну оценивают прежде всего не по ее ходу, а по ее исходу, конечному результату; не столько по тому, что было потеряно, стало платой за победу, сколько по тому, что страна и народ, а вместе с ними и благодаря им мир в целом приобрели благодаря одержанной победе. Война — явление сложное и многоаспектное. Ее итоги даже для победителя не сводятся исключительно к положительным приобретениям и изменениям. В них аккумулируются и слава побед, и горечь поражений.

Проблему фальсификации российской истории целесообразно рассматривать в общем контексте реального геополитического соперничества. Это объясняет внешнюю заинтересованность в фальсификации истории России применительно ко всем (а не только советской) формам ее существования.

История как наука состоит из трех слагаемых, трех уровней — факты, их интерпретации, оценки и выводы для будущего. И в отношении каждого из них возможна фальсификация. Фактическая составляющая истории предполагает сухой перечень событий: что, где, когда, кем было сделано. Ложную картину событий можно нарисовать, непосредственно извращая факты. Оценочная часть основывается на причинно-следственных связях между событиями и их объяснении. В этом случае фальсификация значительно тоньше: в ее основе лежат не отрицание, замалчивание или придумывание фактов, а фальшивые, ложные трактовки их мотивов, значения и прочего.

Фальсификация исторических событий периода Великой Отечественной войны идет по различным направлениям. Вот те, которые наиболее часто используются:

— возложение вины за развязывание войны на СССР (как вариант — равная ответственность СССР и Германии за все произошедшее, начиная как минимум с 1939 г.);

— отождествление нацизма и коммунизма;

— измышления по поводу характера войны, которая якобы была и не Отечественной, и не справедливой;

— гипертрофированное освещение проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, темы участия националистических организаций в карательных акциях на оккупированных Германией территориях;

— отрицание освободительной миссии Вооруженных сил СССР;

— умаление решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии.

Памятник легионерам СС в Эстонии

Нельзя не отметить, что именно на советско-германском фронте враг понес три четверти своих людских потерь. Урон в личном составе германского вермахта и его союзников, нанесенный Красной армией, был в 4 раза больше, чем на Западноевропейском и Средиземноморском театрах военных действий вместе взятых, а по числу убитых и раненых — в 6 раз. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: более 75% самолетов, до 75% танков и штурмовых орудий, 74% артиллерийских орудий. Открытие второго фронта также не изменило значения советско-германского фронта как главного в войне. Так, в июне 1944 г. против Красной армии действовало 181,5 немецких и 58 дивизий союзников Германии. Американским и английским войскам противостояли 81,5 немецких дивизий[37]. Так что все объективные факты свидетельствуют о том, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром нацистской Германии и ее союзников.

Еще одно из направлений фальсификация исторических событий периода Великой Отечественной войны — противопоставление народа и руководства страны. Здесь особо следует подчеркнуть, что массовый патриотический энтузиазм людей, во-первых, не имел антисоветской направленности. Он был в унисон с установками и целями, как говорили в то время, «коммунистической партии и советского правительства». Подтверждением этого является значительный приток граждан в ВКП(б). Причем в наиболее сложной, фронтовой обстановке он был значительно выше, чем в тылу. Во-вторых, чтобы этот энтузиазм стал материальной силой, нужна была большая организаторская работа. «Воссоздание промышленной базы за Уралом» происходило не на голом энтузиазме (эвакуация предприятий и работников из прифронтовой полосы, изменение схемы финансирования народного хозяйства, организация социалистического соревнования и прочее).

Логически абсурдно, оценивая ход и результаты социальных преобразований, противопоставлять государство и общество, власть и народ. В ряде работ проводятся попытки дегероизации народа и армии, а на фоне этого в современных условиях идет реабилитация и возвеличивание предателей, приспешников фашизма, коллаборационистов: ежегодное чествование ветеранов «лесных братьев» и ветеранов СС в странах Балтии, ОУН и бандеровцев на Украине, снос памятников в Грузии, Эстонии, Украине и Польше.

В основе современной фальсификации лежат псевдонаучные методы и принципы информационно-психологического воздействия на население. Общими методами фальсификации являются: прямая ложь и сокрытие фактов; абсолютизация частностей (в результате чего «из-за деревьев не видно леса»); преуменьшение (либо преувеличение) значения определенных фактов, обстоятельств («кое-где порой имело место»; «это было всеобщим явлением»); односторонняя информация; тенденциозный отбор фактов и соответствующая расстановка акцентов.

Необходимо выделить и частные методы фальсификации. К ним можно отнести отвлечение внимания от нужного события и одновременное создание «шумного интереса» вокруг незначительных фактов и событий. К примеру, с самого начала возникновения теории «решающих битв» («поворотных пунктов») Второй мировой войны расчет был сделан на то, чтобы отвлечь общественное мнение от главных сражений и битв на советско-германском фронте, убедить, что решающее значение имели битвы, в которых участвовали прежде всего англо-американские войска. В действительности многие сражения, предлагаемые на роль решающих, были всего лишь малозначимыми событиями Второй мировой войны.

Существуют и разновидности этого метода, заключающиеся, например, в умышленном создании ложного мнения вокруг каких-то исторических событий, чтобы затмить истинный объект исследования и всеобщего интереса. Скажем, в концепции «случайности поражения» немецких войск на советско-германском фронте фальсификаторы умышленно создают ложное мнение, что причинами поражения немецких войск явились плохие климатические условия.

Часто используются заведомо ложные, не внушающие доверия источники или тенденциозно подобранные факты, реально существующие документы, материалы, литература. Например, концепция «соучастия» Советского Союза в развязывании Второй мировой войны полностью построена на тенденциозной трактовке предвоенных событий, сфабрикованных документах и материалах. Другой пример — теория «арсенала демократии», в которой тенденциозно трактуется роль военно-промышленного потенциала США в разгроме Германии.

К частным методам фальсификации можно отнести и гиперболизацию какой-либо идеи, действия без представления подтверждающих доказательств, должной аргументации. Данный метод, например, лежит в основе теории «решающей роли ленд-лиза» в победе над Германией. Поставка вооружения, боеприпасов, продовольствия и других материалов по ленд-лизу возводится в ранг решающего экономического фактора победы. Применяется подгонка событий, фактов под определенную концепцию. Такие приемы характерны, к примеру, для взгляда на второй фронт как главный во Второй мировой войне, в которой отдельные исторические факты трактуются в нужном, но далеком от правды варианте.

Сложные явления часто сводятся к простым. Например, причины поражения Германии в войне жестко увязываются с ошибками в деятельности А. Гитлера. Этот метод характерен для различного рода версий причин Второй мировой войны, «случайности» этой войны и «случайности поражения» немецких войск на советско-германском фронте. Также используются бездоказательные положения, «ярлыки», рассчитанные на эксплуатацию стереотипов и «клише сознания» людей. К примеру, данный метод нашел применение в концепции «жестокости советского солдата», «советской оккупации Восточной Европы», «тоталитарного Советского Союза».

В числе других методов фальсификации можно назвать манипуляции с документами, использование ложных статистических данных и прочее. Очевидный факт: со временем однажды вынесенные и, казалось бы, окончательные оценки тех или иных событий и фигур изменяются. Пересмотр этот связан, во-первых, с тем, что достоянием исследователей, а вместе с ними и общественности становятся неизвестные ранее сведения. Во-вторых, глобализация мирового медиапространства обусловливает сопоставление различных, в том числе оппозиционных трактовок исторических фактов, что способствует как выработке общих подходов к ним, так и включению в научный оборот новых фактических и логических аргументов. В-третьих, изменение международной обстановки в целом и политической конъюнктуры в отдельных странах становится причиной и следствием нового истолкования известных событий.

Сегодня история (военная история в еще большей мере) является предметом острого информационного противоборства. При этом важно понимать, что столкновение позиций и взглядов носит не только и даже не столько науковедческий, сколько идеологический и политический характер. В конечном счете, вопрос упирается не в установление конкретного факта, будь то катынское дело, Сталинградская битва, открытие второго фронта, потери воюющих сторон, холокост, ленд-лиз или любой другой сюжет, а в таком выстраивании причинно-следственных связей, которое бы представляло в лучшем свете, обеляло и возвышало значение и роль одних и дискредитировало других.

Причем историческая дискредитация тоже не самоцель. Она призвана служить основанием, с одной стороны, западной политики сдерживания России, а с другой — предъявления ей как правопреемнице СССР различного рода претензий и требований по моральному, а то и материальному возмещению причиненного «ущерба». Целенаправленность и масштабность фальсификации истории дает основание предположить наличие скоординированной политики дискредитации Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза. Целью такой политики является, с одной стороны, снижение роли и значения России в современной системе международных отношений, а с другой — подрыв ее собственного потенциала посредством формирования соответствующего общественного мнения внутри страны, отвергающего важнейшие общенародные исторические ценности. Деструктивная деятельность некоторых, в том числе и российских электронных и печатных средств массовой информации объективно уже привела к тому, что часть граждан России, пусть и незначительная, испытывает комплекс исторической неполноценности.

Во внутреннем плане активность фальсификаторов истории еще одним своим результатом (а возможно, и целью) имеет отвлечение общества от собственных актуальных проблем. Характер современных войн и вооруженных конфликтов говорит о том, что информационное противоборство с использованием негативных образов вероятного противника для манипуляции общественным сознанием является одним из ключевых факторов. Имидж Вооруженных сил Российской Федерации является своеобразным символическим капиталом, который, не имея материальной основы, выступает мощным ресурсом их боевого потенциала. Он несет в себе оценочную и мотивационную нагрузку, оказывая влияние на людей тем, что моделирует их реакции, формирует устойчивое отношение к предметам, событиям, явлениям.

Отстаивание исторической истины, разоблачение фальсификаций необходимо вести, имея в виду, что прошлое — это не «преданья старины глубокой», имеющие лишь сугубо познавательный интерес. Оно должно служить своего рода лакмусовой бумагой, выявляющей проблемы сегодняшнего дня, помогающей понять и оценить современность. Отечественную историю необходимо анализировать в комплексном виде: за что боролись старшие поколения, чего они добились, какова судьба их наследия.

Очевидно, что поскольку фальсификация истории является универсальной угрозой, то и противостоять ей должны и государство, и общество. При этом нельзя забывать, что противодействие — активность вторичная, усилия ответные (в советское время говорили о контрпропаганде). Первичным является позитивное раскрытие исторической правды. Для этого необходимы:

— мобилизация научных и информационных ресурсов для стимулирования серьезных исследований по тем вопросам, которые вызывают интерес в обществе и провоцируют рождение мифов и концепций, якобы основанных на исторических фактах: мы должны обратить внимание общественности на то, какие темы истории стали предметом грубых манипуляций, разъяснять, что, кроме формирования неблагоприятного общественного фона, который мешает полноценному развитию отношений с другими странами и наносит ущерб нашим внешнеполитическим интересам, ничего другого это с собой не несет; смута в сознании россиян по-прежнему нужна геополитическим конкурентам России, потому что им так удобнее и проще добиваться своих целей, и напротив, «нам нужна Россия, гордая за свою историю»[38];

— инициирование на государственном уровне комплекса актуальных научно-исследовательских работ по исторической тематике, с тем, чтобы первичную информацию о важнейших

событиях прошлого российское общество получало не от зарубежных, а от российских историков-исследователей; данные отечественные разработки должны получить финансовую, информационную и прочую поддержку со стороны государства;

— продолжение широкой публикации архивных документов: пусть не со всех, но с большинства документов военного периода гриф секретности снят, и исследователям открыт доступ к ним, однако массовому читателю они почти неизвестны, что позволяет недобросовестным авторам их произвольно интерпретировать;

— консолидация научного сообщества России, а также прежде всего тех стран СНГ, население и территории которых в наибольшей степени пострадали от фашистской агрессии; практическая реализация данного направления предполагает регулярное проведение совместных симпозиумов, конференций, издание научных работ, посвященных наиболее знаковым событиям военного и послевоенного периодов (Ялтинская и Потсдамская конференции, освобождение стран Восточной Европы, сохранение европейского культурного наследия и прочее);

— постановка во всех авторитетных международных организациях, включая ООН, вопроса об ответственности стран и государственных деятелей, позволяющих себе попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, очернительство членов антигитлеровской коалиции, прямое или косвенное оправдание нацистов и их пособников;

— модернизация образовательного процесса в сфере истории: надо готовить школьные учебники, связанные единой исторической концепцией от первого и до последнего класса; сегодня рекомендуются многие десятки учебников, и критерии этих рекомендаций, мягко говоря, непрозрачны и уязвимы;

— перестройка историко-просветительской политики как в государственных, так и негосударственных средствах массовой информации: нужно стимулировать производство документальных и художественных фильмов, исторических ток-шоу и прочего, но с другим знаком и с другим качеством; цель (и одновременно критерий финансирования) — формирование позитивного исторического сознания.

Признание того, что цель фальсификаторов — не искажение исторических фактов, а решение политических проблем, разрушение духовных, цивилизационных основ государства и народа, неизбежно означает, что противодействие им должно включать помимо опровержения лжи еще и нечто другое, несоизмеримо более важное — укрепление и развитие этих самых духовных и цивилизационных основ. К счастью, духовное здоровье российского общества оказалось достаточно крепким. Инстинкт самосохранения помог людям почувствовать, что за якобы историческими спорами стоит вопрос о собственном будущем, будущем своих детей и внуков. Н. М. Карамзин писал: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье и умалять в своем повествовании бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом, может, он сделается тем, чем прежде всего должен быть историк»[39].

Основные направления фальсификации истории Великой Отечественной войны

Великая Победа Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками, 70-летие которой приходится на 2015 г., вызвала поистине огромный интерес советского народа к истории своей страны. Она создала благоприятные условия для развития творчества деятелей культуры и исторической науки, успешного формирования исторического сознания.

Гордость за свое Отечество была характерной чертой послевоенной историографии, что успешно использовалось в организации и проведении идеологической, политико-воспитательной и культурной работе в стране, в том числе и в вооруженных силах. И напротив, после разрушения Советского Союза, с одной стороны, в сознании российского общества продолжают действовать и актуальны сегодня тенденции, сложившиеся еще в советское время, а с другой — резко усилились тенденции попыток фальсификации и искажения героико-драматической истории России, негативное отношение к ее советскому периоду.

Такая сложная и противоречивая обстановка в полной мере отражается в современной отечественной и зарубежной историографии, фильмографии и другой медийной продукции, освещающей историю Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и России в целом. Причем потенциал негативного информационного воздействия на молодежь в последнее время значительно увеличился. Ареной столкновений становится и отечественная история, и военная история, и история военного строительства и деятельности политических органов Вооруженных сил СССР. Фальсификация и искажение новейшей истории России с течением времени оказывают все большее влияние на безопасность Российского государства, возможности его дальнейшего эффективного развития.

Военная история — это не только опорная точка военного мышления, но и одна из составляющих формирования мировоззрения и исторической памяти. Именно военная история помогает получить ответы на вопросы, поставленные современной эпохой, в частности определить, кто является агрессором, а кто — жертвой, оценить характер и последствия военных конфликтов. Поскольку военно-историческая наука является составной частью военной и исторической науки, то и результаты ее исследований, выносимые на публичное обсуждение через средства массовой информации, влияют на морально-психологическое состояние личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, определяют в конечном итоге состояние военной и информационной безопасности государства. Причем оба эти фактора являются значимыми сегментами более крупных сфер национальной безопасности России — внутренней и внешней безопасности государства.

Особую актуальность, важность международного масштаба данная проблема приобрела в последнее время. Впрочем, это происходит не впервые: аналогичные процессы имели место и в прошлом. Причина их кроется в следующем — стремлении к переделу собственности в мировом масштабе, когда силовые методы уже не приносят желаемых результатов, а необходимым условием достижения целей становятся разжигание национальной и религиозной нетерпимости, неприятие образа жизни других людей. И здесь на помощь политтехнологам приходит история, по большей части военная. Наибольшего эффекта такие меры достигают в той среде, где историческая память нации формируется на сиюминутных выгодах политических групп и бизнес-элит, где отсутствуют четко устоявшиеся оценки узловых проблем и событий истории — ведь именно их трактуют в ущерб безопасности государства. Особенно актуально это для национальной безопасности современной России, имеющей богатейшую военную историю.

Совпадение это или нет, но именно в это же время в некоторых республиках бывшего СССР, сокрушившего фашизм и освободившего Европу, активно развернулась «война с памятниками» Великой Победе. Наиболее часто это происходит в странах Прибалтики. К такого рода войне подключилась Грузия, где в декабре 2009 г. был снесен Мемориал славы в Кутаиси, воздвигнутый в память 300 тыс. грузин, погибших в годы Великой Отечественной войны. Немногим раньше с бросающейся в глаза одновременностью событий, в ноябре 2009 г., в столице Узбекистана был демонтирован монумент «Советскому воину — защитнику Отечества», установленный к 30-летию Победы, а уже в 2011 г. демонтирован памятник герою Великой Отечественной войны генерал-майору С. Рахимову, переименованы названные в его честь станция метро и районы в Ташкенте и Ферганской области. На Украине, на Львовщине, в том же году появилась улица имени батальона СС «Нахтигаль».

Причинами данного регресса исторической памяти некогда единой нации, кроме обстоятельств социального характера современного общества, являются фальсификация

и искажение исторических фактов, замена истинного уважения, гордости и памяти о Победе формальными вывесками и сомнительными акциями показного патриотизма. Происходит это на фоне отсутствия преемственности взглядов, устоев, традиций между СССР и государствами постсоветского пространства. Поэтому важная роль в патриотическом воспитании граждан современной России, формировании гражданской идентичности молодых поколений, в том числе на примере предмета настоящей национальной гордости — Великой Победы, должна отводиться государственным институтам: руководству Российской Федерации, федеральным органам исполнительной власти, политическим организациям, учреждениям науки, образования и культуры, государственным средствам массовой информации.

Причем средства массовой информации как элемент государственной составляющей противодействия попыткам фальсификации и искажению военной истории в ущерб интересам России особенно важны. Результатом сложившейся за последние годы ситуации информационного вакуума в объективном официальном освещении российской исторической и военной наукой ключевых событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, торжества коммерческого приоритета на медиа- и книгоиздательском рынке воспользовались силы, заинтересованные в переделе наследства России как державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба. Прежде всего эта роль заключается в поддержании на протяжении многих веков сбалансированного мирового порядка. Посредством принижения исторической роли России эти силы стремятся ограничить ее влияние на современные глобальные процессы, а искажая устоявшиеся представления о нашей истории, подорвать чувство собственного достоинства россиян.

Анализ публикаций академических журналов показал вовлеченность в общегосударственный процесс и творческую динамичность как редакций, так и авторского сообщества. Заметно увеличилось количество материалов, касающихся истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, что свидетельствует о действенности курса, взятого Российской Федерацией в мае 2009 г. Необходимо отметить выход в свет и более крупных научных работ. Одна из них — публикация в 2009 г. журналом «Вестник Архива Президента Российской Федерации» документов по теме «СССР — Германия: 1933–1941». Эти документы, отбиравшиеся специально для нужд Политбюро, были рассекречены лишь в 2008 г., и их публикация, безусловно, стала огромным приобретением для науки.

Вторая работа — коллективный труд «Вторая мировая война: взгляд из начала XXI века» под общей редакцией С. А. Тюшкевича и А. М. Соколова, призванный оказать помощь лекторам и пропагандистам. Среди его авторов известные историки: В. А. Золотарёв, В. П. Зимонин, В. Т. Иминов, А. С. Орлов, С. А. Тюшкевич, А. В. Усиков. В этой работе наряду с анализом хода военных действий в 1939–1945 гг. раскрывается процесс создания и политического противостояния двух группировок держав: агрессивной оси Рим — Берлин — Токио и антигитлеровской коалиции. Доказательно представлены цели войны, объявленные участниками коалиции во главе с СССР, Великобританией и США, — защита суверенитета, демократических свобод и институтов, отвечавшие интересам всех народов. В книге говорится о главных итогах и последствиях войны, показаны источники победы советского народа в Великой Отечественной войне, сформулированы уроки войны. Достоверно и обоснованно подаются факты и выводы о том, что Великая Отечественная война была основной частью Второй мировой, а Советский Союз внес решающий вклад в победу над Германией и Японией. Немаловажная практическая сторона книги — призыв к каждому из нас превратить историческое наследие Великой Победы в опорную точку развития современной России, ее духовный и морально-нравственный потенциал, фактор возрождения.

За последние годы в стране проведены десятки мероприятий международного, всероссийского и регионального масштабов, посвященные событиям военной истории России. Это научно-практические и военно-исторические конференции, форумы и научные круглые столы, встречи с ветеранами, телевизионные проекты и радиоэфиры, мемориальные акции и прочее. Организовывалась специальная секция и в ходе работы Всемирного русского народного собора в 2010–2012 гг. На всех этих мероприятиях, так или иначе, обсуждалась

проблематика попыток фальсификации и искажения военной истории в ущерб интересам России.

Очевидно, что обращаясь к такому прошлому, как Великая Отечественная война 1941–1945 гг., необходимо говорить о том главном, что выдвинуло это событие на особое место не только в российской, но и в мировой истории. В отличие от трех предыдущих крупных войн с участием России, где последняя потерпела поражения, в этой войне была одержана победа. Следовательно, победившее государство — Советский Союз, его общество, обрело вновь то, чего не было ранее или оказалось в значительной мере утрачено. Речь идет о единении и жертвенности людей разных национальностей, социальных, возрастных и религиозных групп во имя достижения единой цели, многократно усиливших социально-экономический и военный потенциал страны, духовную силу советского народа. Всё то, благодаря чему советский народ победил сильнейшего и опаснейшего за всю историю человечества врага, отразилось в характере Великой Отечественной войны как народной, освободительной, отечественной, священной. Ее образ стал символом могущества нашей страны.

Не меньшую угрозу для государства представляют равнодушие, формализм, замена истинного уважения к истории и патриотизма показным. Причинами сложившегося положения (помимо целенаправленной антигосударственной деятельности) являются недостаточные знания и желание изучать историю, искусственно созданный в обществе приоритет рыночного образования (экономического, юридического, торгового и прочего) над гуманитарным, да и в целом перевод образования на коммерческие рельсы, в сферу услуг. Именно они создают благоприятную среду для антигосударственной, антипатриотичной, антиобщественной деятельности.

Последствия такого кризиса исторической памяти вполне материальны и предсказуемы. Причем они могут оказаться для России гораздо серьезнее, чем финансовый и экономический кризисы. Опасность незнания истории и деятельности ее фальсификаторов таится в том, что в итоге это позволит противникам интересов России добиться уже стратегических социально-экономических целей, а именно: подорвать территориальную целостность Российской Федерации; нарушить единство многонационального и многоконфессионального российского народа; подорвать международный авторитет России, основы ее внешней политики, ослабить влияние в мире; создать экономические препятствия, в том числе для интеграции на постсоветском пространстве, участия иностранных государств в совместных с Россией экономических проектах, закупок российского вооружения и военной техники, предоставления России новых технологий; провоцировать напряженность и недоверие к руководству страны, дестабилизировать политические отношения между российскими партиями, объединениями и движениями; формировать в России атмосферу бездуховности и безнравственности, негативного отношения к ее культурному наследию и историческому прошлому, подорвать чувство собственного достоинства россиян.

К сожалению, крайне необходимые и значимые для государства меры и инициативы долгое время оставались в тени других приоритетов, а исторически состоявшиеся взгляды, устои и традиции предавались забвению. При этом, безусловно, никто не снимает моральной ответственности за сохранение исторической правды и патриотическое воспитание россиян и с каждого из нас как гражданина, как патриота.

В последнее время уже открыто, практически ультимативно через публикации на страницах средств массовой информации диктуются требования к России и ее народу о пересмотре итогов и уроков Великой Отечественной войны. И все это лишь для того, чтобы способствовать «сокращению «пропасти ценностей» между Россией и Европой, росту инвестиций, расширению торговых связей, что является главной целью Кремля», а в итоге «открывает большие возможности для усиления влияния Запада».

В целом события последних лет (2009–2015) наглядно продемонстрировали, что военная история и военно-историческая наука не являются сугубо прикладными сферами знаний в области военной безопасности государства. Военная история нашего Отечества оказалась в эпицентре борьбы за национальную безопасность России как во внутренней,

так и во внешней сфере. А это означает, что, с одной стороны, состояние в области военно-исторических знаний есть весомый фактор национальной безопасности государства, с другой — военно-историческое прошлое России является одним из объектов, на который проецируются угрозы ее национальной безопасности. Следовательно, нашему государству как никогда необходима система, обеспечивающая безопасность его военно-исторического наследия. Она должна вобрать в себя совокупность квалифицированных и в достаточной степени обеспеченных сил, средств (научные учреждения, научные кадры и профессионально ориентированный медиаиздательский холдинг) и управляемый комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию угроз в сфере военной истории государства и эффективную реализацию военно-исторических знаний как фактора развития России.

Вместе с тем слабое звено, укрепление которого позволит эффективно противодействовать фальсификации военной истории, воспитывать уважение и гордость за военно-историческое прошлое Отечества, сохранить память о героизме предков, избежав формализма и равнодушия, — это школа (начальная, средняя и высшая). Сегодня как никогда Отечеству нужны образованные учителя и педагоги, достойные учебники, соответствующие программы и ученики (студенты, курсанты, слушатели), которые, имея активную жизненную позицию и убеждения, впоследствии станут государственными деятелями, политиками, учеными, журналистами и педагогами. Не случайно М. В. Ломоносов стремился служить России не посредством исправления важных общественных «неисправ», а распространением в нем просвещения.

Большое значение имеют развитие и расширение общегосударственной тенденции актуализации исторических знаний в российском обществе, популяризация исторических знаний, в том числе военной истории, и формирование общероссийской исторической культуры в целом. Этому способствует создание Российского исторического общества (РИО) и Российского военно-исторического общества.

Целью РИО является объединение усилий общества, государства, ученых, творческих деятелей и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти. В состав Попечительского совета РИО вошли авторитетные государственные и творческие деятели, содействующие процессу объективного освещения отечественной и мировой истории.

Создание Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» исторически связано с аналогичной организацией — Императорским Российским военно-историческим обществом, которое существовало в Российской империи в 1907—1917 гг. Причем корни ее организации и основы деятельности также относятся к Военному ведомству. 24 февраля 1907 г. в Санкт-Петербурге начальник Военно-ученого архива Генерального штаба, профессор Академии Генерального штаба генерал-лейтенант А. З. Мышлаевский провел собрание инициативной группы, а в марте пригласил военных историков и лиц, заинтересованных в изучении военного прошлого России, на организационное собрание Русского военно-исторического общества. 7 апреля 1907 г. в приемном зале Генерального штаба прошло первое общее собрание членов-учредителей в составе 36 человек под председательством старшего по возрасту генерала от кавалерии Д. А. Скалона.

В наши дни продолжателями дел Императорского Российского военно-исторического общества являются военные историки современной России, осуществляющие свою деятельность в других организационных формах. Самостоятельными преемниками деяний прославленного общества можно назвать разработчиков 12-томника по истории минувшей войны и других капитальных работ Научно-исследовательский центр научного руководителя фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов», Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, «Военно-исторический журнал», военно-исторические архивы и музеи из состава Министерства обороны России, а также военно-исторические структуры всех силовых ведомств. Именно от них во многом в настоящее

время зависит выполнение актуальных целей и задач военно-исторической работы, патриотического воспитания граждан Российской Федерации, привлечения внимания общества к российской истории, противодействия попыткам фальсификации и искажению военной истории в ущерб интересам России.

Значимыми явлениями стали дополнение начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования изучением проблемы достоверности и фальсификации исторических знаний, опасности фальсификации прошлого России в современных условиях, а также фальсификации новейшей истории России — угрозы национальной безопасности страны; повышение престижа военного образования и конкурентоспособности высших военно-учебных заведений, укрепление междисциплинарных связей и приближение военного образования к федеральному государственному образовательному стандарту нового поколения.

Нельзя оставить без внимания и решение о возрождении Преображенского и Семеновского полков, а также других прославленных, легендарных частей и соединений Русской и Советской армии «для укрепления исторической преемственности в вооруженных силах». Причем тенденция актуализации исторических знаний в России устойчиво сохраняется, что выражается и в решении о разработке единого государственного учебника по отечественной истории.

Особая роль в данных общегосударственных процессах отводится Министерству обороны Российской Федерации. Это подчеркивает весомость военной истории как в исторической культуре, так и в безопасности Российского государства в целом. Из 149 пунктов государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.» 82 пункта реализуются Минобороны России. Основные решения Российского организационного комитета «Победа» также во многом осуществляются усилиями военного ведомства. Необходимо также отметить, что Министерство обороны Российской Федерации и вооруженные силы в целом способны влиять на воспитание не только той молодежи, которая становится в ряды защитников Отечества, проходя воинскую службу, но и на гораздо более широкий ее контингент, начиная со школьной скамьи, уроков мужества и заканчивая студенческой молодежью.

Большую роль по привлечению внимания специалистов к проблемам новейшей истории, облегчению доступа к архивам, консолидации прогрессивной части общества противодействию искажению истории играли комиссии разного уровня, в том числе и федерального масштаба по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Эти комиссии на региональном и муниципальном уровне организовали системную и целенаправленную работу по историческому и культурному просвещению населения, патриотическому и нравственному воспитанию молодежи, изучению отечественной истории и противодействию ее преднамеренному искажению и политизации.

Основными формами работы этих элементов являются: диспуты, совещания, конференции (круглые столы), видеомосты с участием представителей студенческой молодежи, преподавателей и учителей истории, ветеранской общественности; открытые занятия для учителей истории образовательных учреждений; издание учебных курсов и методических разработок по противодействию фальсификации истории и проведению мероприятий к памятным датам в истории России; конкурсы историко-публицистических и проектно-исследовательских работ («Живая родословная», «Летопись родного края») среди преподавателей вузов, учителей истории, обществознания и литературы, а также учащихся старших классов; экспертиза школьных учебников по истории России и выработка рекомендаций для разработки базового учебного пособия; проведение цикла передач на радио и телевидении о фальсификации истории; открытие историко-документальных выставок, подготовленных музеями и архивами, в том числе виртуальных в сети Интернет; организация работы клубов и центров патриотического воспитания; грантовая поддержка общественных инициатив патриотической направленности и многое другое.

Безусловно, это не весь арсенал форм и способов противодействия попыткам фальсификации и искажению военной истории. Кроме того, все очевиднее становится, что Россий-

скому государству как никогда необходима система, обеспечивающая безопасность его исторического наследия, включающая в себя совокупность квалифицированных и в достаточной степени обеспеченных сил, средств и управляемый комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию угроз в сфере истории государства и эффективную реализацию исторических знаний как фактора патриотизма граждан России и развития государства в целом.

Повышению системности и эффективности данной работы в государственных масштабах будут способствовать:

— разработка на государственном уровне комплекса мероприятий в сфере просвещения молодежи России и стран СНГ: в частности, содействие и поощрение написания и издания научной, учебной и научно-популярной литературы по важнейшим историческим событиям, разработка развивающих интеллектуальных игр (в том числе компьютерных) на достоверной исторической основе, подготовка молодых историков стран СНГ (ежегодный практикум по противодействию попыткам фальсификации и искажению истории);

— координация организации подготовки и проведения научных конференций и круглых столов по исторической проблематике, повышение реализации их результатов и охвата целевых аудиторий (как на этапах подготовки, проведения, так и информирования о результатах);

— выработка и реализация согласованной государственной политики в области защиты исторического прошлого России, проведение научных экспертиз и консультирования, эффективное использование университетского потенциала исторического знания и исторического образования; с этой целью целесообразно создать Национальный координационный центр (научно-методический) отечественной истории и военно-патриотического воспитания;

— увеличение объема государственного финансирования средств массовой информации патриотической направленности, целевой аудиторией которых является молодежь, обеспечение средствами из госбюджета подписки на подобные издания всех образовательных учреждений страны;

— выступление Минобрнауки и Минкультуры, других заинтересованных ведомств созаказчиками издания разрабатываемых военно-исторических трудов, что позволит снизить стоимость экземпляра за счет увеличения тиража и значительно расширить целевую аудиторию, а в конечном счете, даст более эффективное расходование бюджетных средств и позволит рассчитывать на высокий результат в образовании молодежи;

— издание единых базовых учебников и разработка программы-минимум по военной истории, воссоздание кафедры военной истории в военно-учебных заведениях, увеличение количества учебных часов на преподавание военной истории.

Борьба за правду истории, историческую память нации идет сейчас по всей стране и по всем фронтам. Задача государства — придать этой борьбе созидательное направление, так как история является делом государственным. Ф. М. Достоевский вложил в уста одного из своих «бесов» чеканную формулу: «Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш». Так было во времена Ф. М. Достоевского, так остается и сейчас. Люди, для которых понятия «Россия» и «зло» тождественны, к сожалению, не перевелись, а потому наш долг — всеми возможными способами защитить военно-историческое наследие российского народа от искажений и политических спекуляций, — должен стать повседневной обязанностью государственных, политических и общественных деятелей, ученых, педагогов и журналистов. Отношение к военному делу России, ее военной истории и памяти о подвигах предков должно стать в Российской Федерации главным критерием истинности патриотизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Красная звезда. 2004. 6 июля.

[2] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 14.

[3] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 2. М., 1994. С. 46.

[4] *Ржешевский О. А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 106.

[5] Советская Россия. 2005. 16 апреля.

[6] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 151.

[7] См., например: *Верхотуров Д. Н.* Виктор Суворов врет! Потопить «Ледокол». М., 2013; *Пыхалов И. В.* Самые подлые мифы о Сталине. Клеветникам вождя. М., 2012.

[8] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 47, 399; Т. 6. М., 2002. С. 137.

[9] Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 817.

[10] Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 477.

[11] Там же. Т. 6. С. 137.

[12] *Конрад Н. И.* Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М., Л., 1950. С. 43.

[13] Военная энциклопедия. Т. 5. С. 567.

[14] Военно-промышленный курьер. 2005. 27 апреля.

[15] Война. Народ. Победа. Материалы международной науч. конф. Москва. 15—16 марта 2005 г. М., 2008. С. 175.

[16] Там же. С. 177.

[17] *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 7.

[18] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 15.

[19] *Куманёв Г. А.* Вклад советской военной экономики в Победу // Война. Народ. Победа. Материалы международной науч. конф. Москва. 15—16 марта 2005 г. С. 208.

[20] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 47.

[21] Там же. Т. 8. М., 2004. С. 383.

[22] Там же. Т. 2. С. 47.

[23] Там же.

[24] Там же. Т. 3. М., 1995. С. 292—293.

[25] Российская газета. 2014. 5 декабря. № 278 (6550).

[26] Там же.

[27] *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 60.

[28] *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 2. М., 1966. С. 165.

[29] *Айтматов Ч. Т.* И дольше века длится день. М., 2004. С. 27.

[30] *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. М., 2003. С. 221.

[31] Там же. С. 222.

[32] *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Лекция 2. М., 1993. С. 54.

[33] Так, еще в декабре 2008 г. депутаты Верховной рады Украины большинством голосов поддержали предложение об официальном праздновании 100-летия со дня рождения лидера Организации украинских националистов (ОУН) С. Бандеры и 130-летия со дня рождения главы Директории Украинской народной республики С. Петлюры.

[34] «Многие «исторические теории» (их лучше было бы назвать квазитеориями) по своему характеру значительно отличаются от научных теорий, поскольку в истории количество находящихся в нашем распоряжении фактов, как правило, строго ограничено. Исторические факты нельзя воспроизвести или создать по нашей воле, и, кроме того, они собраны в соответствии с уже имеющейся у нас точкой зрения. Ведь так называемые исторические источники воспроизводят лишь те факты, которые являются достаточно интересными для воспроизведения. Поэтому источники часто содержат только те факты, которые соответствуют некоторой сконструированной заранее теории, и если мы не располагаем никакими дополнительными фактами, то проверить ту или иную историческую теорию чаще всего просто невозможно. Действительно, не следует считать, что любую общую интерпретацию можно подтвердить, даже установив, что она согласуется со всеми историческими данными. Мы должны помнить о том, что всегда найдется ряд других (возможно, несовместимых между собой) интерпретаций, согласующихся с теми же историческими данными. Получение же новых исторических фактов, способных сыграть роль решающего эксперимента, подобно тому, как это бывает в физике, в истории маловероятно. Историки часто не видят никакой другой интерпретации, которая соответствовала бы фактам столь же хорошо, как их собственная. Из сказанного, конечно, не следует, что все интерпретации равноценны. Всегда найдутся интерпретации, которые на самом деле не соответствуют фактам» (*Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 2. М., 1992. С. 300–301, 306–309).

[35] *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9-ти т. Т. IX. М., 1990. С. 359.

[36] *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 151.

[37] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 721, 724; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 121.

[38] *Нарочницкая Н. А.* Россия, гордая за свою историю // VIP-Premier. 2010. № 1–2.

[39] Русская старина. 1890. № 9. С. 453.

ВОЙНА КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

Источники вызовов и военных угроз после Второй мировой войны

Итоги Великой Отечественной войны и всей Второй мировой, в принципе, не изменили мирно-военный ход истории. Победители не использовали шанс создать систему движения общественной истории по мирному руслу. Возглавляющие США, Великобританию и СССР политики оказались не способными начать решение этой судьбоносной для народов и человечества задачи. Они не смогли отказаться от идей мессианства и господства, навязывания народам и всему человечеству своих представлений о свободе, демократии, социальном равенстве и других нормах и принципах устройства социальной жизни. При этом не учитывалось, что все это должно быть проверено и воспринято народами только в условиях длительного и стабильного мира, а не общественно-политической и тем более военной конфронтации. Государства-победители предпочли силовое навязывание своих подходов длительному и сложному согласованию национальных и общечеловеческих интересов. Результаты войны не были ими использованы для сворачивания причин и поводов подготовки к новым войнам, для табуирования войны во внутренней и внешней политике государств. Проблему неотложности перехода народов к невоенным цивилизациям политика перед ними даже не поставила, хотя война показала, к каким результатам для народов и человечества ведет ее дальнейшее развитие.

За годы войны произошел не сдвиг, а большой скачок в развитии средств и методов ведения военной борьбы, ее существенное расширение как межобщественного противоборства не только за счет применения массы нового, более мощного убойно-разрушительного оружия, но и за счет средств и методов информационной и организационной борьбы. Политики бывших союзников по войне с фашизмом и милитаризмом оказались не способными и не желающими решать геополитические и политико-идеологические проблемы, одновременно укрепляя мир и взаимовыгодное сотрудничество. В условиях войны в интересах победы над общим врагом они шли на компромиссы, обеспечивали единство действий, а в условиях завоеванного мира не проявили такой же настойчивости в его сохранении и укреплении. От политико-идеологической конфронтации государства, не успев разоружиться и перейти на мирную организацию общественной и государственной жизни, под благовидным предлогом переключились на использование результатов развития войны для укрепления национальной военной безопасности[1]. Произошло традиционное для мирно-военного хода истории использование результатов завершившейся войны для подготовки новой.

Начался невиданно быстрый рост убойно-разрушительного, дезориентирующего, дезорганизующего и деградирующего народы потенциала войны под предлогом создания системы

национальной безопасности на принципах устрашения и сдерживания вероятного противника. В политику вводилась ложная посылка: чем больше и страшнее у государства потенциал войны, тем меньшую опасность война для него представляет. В условиях сложившейся после Второй мировой войны ситуации самый большой военный потенциал оказался у США как государства, владеющего монополией на ядерное оружие и обладающего самыми большими финансово-экономическими ресурсами, развитыми информационными и организационными технологиями. При этом США заверяли мировое сообщество, что свой потенциал войны они используют только в оборонительных целях. Но история многократно свидетельствовала, что политика использования государствами своей военной мощи переменчива — будучи оборонительной, она в одночасье становится агрессивно-наступательной.

В результате США объективно явились инициатором быстрого послевоенного роста уровня и масштабов потенциала войны, величины ее показателей как угрозы национальной безопасности для других стран, хотя после войны этому государству никто не мог реально угрожать применением военной силы по причине его географического положения и военно-силового превосходства. Дело в претензии США на мировое лидерство-господство. Все 70 лет, прошедшие после войны, состояние мирно-военной погоды на планете в основном определяли и продолжают определять США. Только на рубеже XX–XXI вв. они «демократизировали» Югославию и Ирак, Ливию и Афганистан, сегодня объектами их пристального внимания являются государства на постсоветском пространстве.

Опыт прошедших войн и военных конфликтов, а также реалии сегодняшнего дня обязывают любое государство трезво учитывать в реализуемой им политике и стратегии то обстоятельство, что в современном мире все страны подвержены различного рода опасностям, в том числе и военным (включая ядерную), и постоянно сталкиваются с разнообразными вызовами и угрозами. И Россия не является исключением из этого правила.

Своевременная и адекватная реакция на вызовы и угрозы, предполагает знание их причин и источников. Причины определяются характером и особенностями переживаемой эпохи, а что касается источников, то их корни следует искать в истории человеческой цивилизации, европейской в первую очередь. Английский историк и философ Эдуард Гиббон, исследуя историю упадка и крушения Римской империи, еще в конце XVIII в. определил по этому поводу убедительную позицию. Он показал, что «бóльшая часть преступлений (особенно кровавых), нарушающих внутреннее спокойствие общества», происходит из-за необходимого, но неравномерного распределения собственности (когда ею пользуются немногие), жажды власти, нетерпимости к инакомыслию в разных формах, несоблюдения законов человеколюбия. Эти же факторы называли многие исследователи в последующие эпохи, включая и наше время.

Источники вызовов и военных угроз проявляются и действуют соответственно сложившимся обстоятельствам. С течением времени их содержательная сторона меняется незначительно, а вот формальная — подвержена значительным переменам. Например, вызовы и военные угрозы России со стороны Запада имеют давнюю историю: это и походы крестоносцев, шведских и польских захватчиков, и нашествие войск Наполеона, и агрессия нацистской Германии, и холодная война. Современные вызовы и угрозы России с Запада связаны с расширением НАТО, планами США по созданию противоракетной обороны и нарушению ракетно-ядерного баланса, вовлечением Украины в процесс противостояния с нашей страной и прочее. Нельзя забывать также о вызовах и угрозах со стороны международного терроризма.

Разрушение СССР, Организации Варшавского договора и всего социалистического лагеря обозначило начало коренной трансформации системы международных отношений. В последующую четверть XX в. проявился кризис либеральной модели капитализма, определились новые вызовы и угрозы глобальной и национальной безопасности. В современном мире идет перераспределение геополитических сил, формируется новая архитектура мироустройства. Этот процесс сопровождается многоаспектным и обостряющимся противоборством между ведущими державами с целью получение односторонних преимуществ для собственного

развития. Усиливается борьба, активно приобретающая транснациональный характер, за ресурсы существования: продовольствие, энергоресурсы, полезные ископаемые, пресную воду.

Международная обстановка существенно осложняется из-за стремления США к построению однополярного авторитарного миропорядка, попыток добиться безусловного доминирования в мире. Этой тенденции противостоит другая — связанная с формированием многополярного мира и появлением новых центров силы в Азии, Африке, Латинской Америке. В целом развитие международных отношений происходит в упорной борьбе с использованием самых разных форм и применением разнообразных средств, не в последнюю очередь — военных.

Современные вызовы и угрозы для России во многом обусловлены состоянием баланса военных сил, сложившимся еще на рубеже XX–XXI вв. И сегодня он явно в пользу США и НАТО. Это подтверждается уровнем военных расходов стран Запада, размещением их вооруженных сил по всему миру, активным продвижением программы ПРО, продолжающимся расширением Североатлантического альянса на восток с включением в сферу своего влияния Грузии и Украины. Военные базы США в настоящее время расположены по всему периметру российских границ. Особенно неблагоприятна для России архитектура безопасности в Европе. Рост конфликтного потенциала в мире подтверждается событиями на Ближнем Востоке, в Северной Африке.

Таким образом, стратегическая стабильность стремительно уходит в прошлое. На глобальном уровне мы наблюдаем жесткую конкуренцию стратегии построения нового авторитарного миропорядка в духе модернизированной Атлантической хартии и стратегии демократизации международных отношений, утверждения равноправного партнерства как основного звена глобального сотрудничества.

В этих условиях руководство Российской Федерации не может не учитывать опыт обеспечения национальной безопасности в предвоенный период, в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Он способствует точной и адекватной оценке современного положения, определению требований к военной политике сегодняшнего дня и на перспективу. Тем более что само понятие «национальная безопасность» в послевоенный период изменило свое содержание. До ядерной эры под этим термином подразумевалась прежде всего безопасность государства — его суверенитет, независимость, территориальная целостность. Однако сегодня безопасность государства не есть самоцель, ведь оно само призвано обеспечить безопасность общества в целом и каждого человека в отдельности. Общество тогда находится в безопасности, когда оно имеет возможность развиваться в условиях мира и свободы, осуществлять свое право на политический, социально-экономический и духовный выбор.

Вместе с тем XX в. в канун Второй мировой войны породил потребность в коллективной безопасности. С появлением ядерного оружия, других средств массового поражения эта потребность только возросла. Опыт борьбы с агрессором и победы над ним в 1945 г. не только подтвердил историческую правомерность идеи коллективной безопасности как средства предотвращения военной опасности и угрозы, но и значительно обогатил ее. Однако из-за холодной войны и военно-силового противостояния западного и восточного блоков эта система работала с заметными сбоями. С течением времени ведущие государства признали недопустимость ядерной войны, необходимость разоружения и демилитаризации, но позитивным тенденциям не суждено было стать реальностью из-за очередного изменения характера вызовов и угроз, разрушения биполярного мира.

Происходящая на наших глазах глобальная информатизация общества, будучи во многих отношениях благом, несет и новые риски. Информационная власть конкурирует с традиционной политической властью и даже с властью денег. От темпов информатизации общества, ее характера, а главное, от содержания и направленности информации теперь во многом зависит безопасность человека, общества и государства. Не будет преувеличением утверждать, что информационные войны стали реальностью. В этих условиях закономерно принятие «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в которой обозначены существующие угрозы и определены направления и меры их нейтрализации.

Следует признать, что в современной информационной войне, ведущейся против нашей страны, участвуют не только внешние, но и внутренние силы. Они пытаются привить народу России чувство национальной униженности и вины за свое прошлое; навязывают чуждый образ жизни, всячески дискредитируют отечественный исторический путь развития, особенно советский период; культивируют безнравственность, пошлость, насилие; формируют в сознании российских людей разрушительные, деструктивные психологические программы жизнедеятельности; навязывают обществу вместо научного знания различного рода предрассудки и оккультизм.

В информационной и психологической войне против нашей страны особое место занимает военная тематика — историческая и современная. Память о военных подвигах народов России, ратных делах по защите страны от иноземных захватчиков всегда имела и имеет структурообразующее значение. С ними связаны упрочение Российского государства, образование и расширение Российской империи, ее влияние на ход всемирной истории, а в XX в. — превращение СССР в одну из ведущих держав мира.

Кроме того, необходимо учитывать опасность угроз, обусловленных радикальными и зачастую негативными изменениями в социальной сфере, несостоятельностью ортодоксальной неолиберальной модели для нашего государства. Все острее встает вопрос о выборе дальнейшего пути исторического развития России.

В связи с названными обстоятельствами существенно возрастает потребность в новом теоретическом и практическом решении проблемы безопасности России — внешней и внутренней. Делаться это должно с учетом резко возросшей роли невоенных угроз и изменения роли военных факторов. Требуется внесение серьезных корректив в теорию и практику обеспечения оборонной мощи современной России и строительства ее вооруженных сил.

Эволюция типов войны: гибридная война

Война — довольно сложное и многогранное явление. Ее сущность скрывается за исторически меняющимися формами. В «Новой философской энциклопедии» война определяется в двух значениях: «1) состояние вражды, борьбы с кем-либо; по словам Дж. Локка, тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым вовлекает себя в состояние войны с ним; 2) организованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств»[2].

В советский период война определялась с позиций формационного подхода: «война — организованная вооруженная борьба между государствами (или группами государств), нациями (национально-освободительная или колониальная) или классами (гражданская война), свойственная антагонистическому классовому обществу»[3].

Одновременно с формированием новых способов производства, новых технологических укладов формируются и новые способы, технологии ведения войны. Вместе с эволюцией и прогрессом человека идет эволюция насилия[4]. Человек осваивает новые пространства и измерения бытия и одновременно появляются новые типы войны. Сочетание различных типов войны в конечном итоге и образует феномен гибридной войны. Ее понимание невозможно без классификации войн по соответствующим принципам и на основании сложившихся философских подходов к анализу социальных феноменов.

Необходимо обратить внимание на то, что война в классическом определении мыслится в непосредственном единстве с физическим вооруженным насилием. Характер оружия тоже физический — от меча до атомной бомбы. Объектом поражения здесь выступают физические структуры на уровне общества (материально-техническая база, инфраструктура

и прочее) и личности (тело). Все другие виды деятельности в классическом понимании войны — обеспечение физического вооруженного насилия. Но разве насилие является только физическим? И если его нет, то и войны нет? А если насилие носит косвенный, опосредованный характер?

С появлением атомного оружия человечество оказалось перед угрозой собственного уничтожения. В свое время Б. Лиддел Гарт писал, что с появлением водородной бомбы понятия «тотальная война» как метод и «победа» как цель войны становятся устаревшими концепциями[5]. А в современной России распространилась точка зрения, что «в настоящее время военно-технический потенциал сил сдерживания достиг такого уровня, что в сочетании с должной политической ответственностью государств позволяет надеяться на недопущение крупномасштабной войны, которая стала бы катастрофой глобального масштаба»[6].

Однако угроза самоуничтожения человечества в условиях атомной войны привела не к отказу от войны, а поставила вопрос о поиске новых форм и средств ведения войны вне угрозы всеобщего физического уничтожения человечества. С одной стороны, атомное оружие отменяет тотальную войну, но только в том типе войн, в котором она посредством атомного оружия достигает своего предела. Этот тип войн связан с оружием физического уничтожения, которое создавалось и развивалось на основе естественнонаучного знания, прежде всего физики. В данном типе войны объектом поражения является телесность (физика) человека, а на уровне общества — материально-техническая база и инфраструктура. В этом контексте формируется классическое понимание войны и средств вооруженного насилия, и в атомном оружии оно достигает своего предела[7].

Бытовало мнение, как у нас в стране, так и за рубежом, что это приведет к отказу от войны. Но данное обстоятельство открыло лишь другую сторону в развитии войны — поиск новых средств и форм ее ведения. Этот поиск ведет к появлению нового типа войн, и это вторая сторона последствий появления атомного оружия. Тотальная классическая война становится бессмысленной, так как ядерное оружие при его применении ставит под вопрос само физическое существование человечества. Но данный факт не меняет (и не отменяет) самого характера тех противоречий, которые лежат в основе войны и порождают ее, а лишь стимулирует поиск новых форм и способов ее ведения.

Атомное оружие стимулировало создание технологий ведения войны за пределами прямого физического насилия. Так, для Б. Лиддела Гарта это стратегия непрямых действий. Он писал, что «доведя разрушительность до крайности «самоубийства», атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию непрямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы»[8]. Стратегия непрямых действий определена китайским военным мыслителем Сунь Цзы: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»[9]. И именно эта стратегия открывает перспективы неклассической тотальной войны. Разговоры о том, что человечество отодвинуло угрозу тотальной войны, — лишь информационная завеса в условиях зарождения нового противостояния, неклассическим объектом поражения в котором становится сознание человека во всех своих формах и структурных образованиях.

Исторический период, когда классическая война дойдет до своего предела и поставит вопрос о новых формах и способах ее ведения, совпадает с развитием социальных технологий на основе социально-гуманитарных знаний, с началом формирования постмодернизма. Эти обстоятельства будут способствовать формированию образа неклассической войны. В данном случае под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служит сознание индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. Неклассическая война отличается от классической следующими признаками: объектом поражения (сознание, а не тело); использованием нефизического насилия; иррегулярным, непрямым характером. Этот тип

войн требует соответствующей методологии исследования, определенных исследовательских принципов и подходов[10].

В качестве исходного методологического принципа следует применить принцип многоуровневости человека (тело — душа — дух), общества и мироздания (вещество — энергия — информация). Классическая война ведется в плоскости телесности; неклассическая война происходит в плоскости сознания и духа человека и общества. Данная типология не противоречит логике. Война многогранна, при этом она постоянно развивается. В результате в типологии войны открывается еще одна ее грань, и появление ее нисколько не умаляет общепринятого понимания сущности войны как продолжения политики, но насильственными средствами. В данном случае учитываются другие виды насилия, а не только физическое, и многомерности человека и мира.

Несмотря на то что человечество перешагнуло порог XXI в. и вышло в космос, сохраняются устаревшие способы производства и технологические уклады, и поэтому следует учитывать типы войн, базирующиеся на них. Определенные субъекты войны могут использовать противоречия, например между племенами Африки, для решения своих геополитических и геоэкономических задач. В ряде регионов планеты в последние десятилетия наблюдается регресс, активно идет процесс архаизации социальных связей, и отношений и вместе с этими процессами в мир возвращаются архаические, казалось бы, оставшиеся в прошлом, способы ведения войны.

По физическим средам, в которых война протекает, выделяются войны континентальные (сухопутные), морские, воздушные, космические.

Война континентальная разворачивается, как правило, на пространстве одного из континентов с преимущественным использованием сухопутных сил. Основные цели войны достигаются прежде всего разгромом группировок вооруженных сил на континентальных театрах военных действий и захватом стратегически важных районов территории. Действия на морских театрах являются вспомогательными. Пример — Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Война океанская (морская) ведется на акваториях океанских и морских театров военных действий. Поставленные военно-политические цели достигаются главным образом в результате разгрома военно-морских сил противника и захвата его основных военно-морских баз, установления контроля над оперативно важными зонами морей и океанов. Такая война наиболее характерна для столкновения крупных морских держав.

Война воздушная связана с освоением воздушного пространства. Такие войны появились в начале XX в. В середине XX в. человек вышел в космос, и одновременно стала формироваться космическая война.

Воздушно-космическая война связывается с решающим значением военных действий в воздушно-космическом пространстве с использованием специально созданных для этих целей ударных, оборонительных и обеспечивающих средств. Первые проявления подобных войн уже есть. Это войны США на Ближнем Востоке, которые велись на определенных этапах в форме воздушно-космических наступательных операций, в ходе них уничтожались наземные группировки противника, его инфраструктура, экономическая база. В случае создания оружия космического и наземного базирования, противоракетных и противокосмических систем обороны, наступательных боевых средств для поражения космических объектов (целей), средств их вывода в космос и нанесения ударов из космоса по континентальным и океаническим группировкам данный тип войны может стать основной формой мировой войны с использованием средств физического вооруженного насилия.

По мере того как человек осваивает или создает новые пространства, возникают и новые типы и способы ведения войны. Так, на наших глазах человек вышел в киберпространство, и следом стала формироваться кибервойна[11], которая может вестись как самостоятельно, так и в сочетании с другими типами войны, например, финансово-экономической[12]. На основе возможностей современных информационных и коммуникационных систем формируется еще один тип войны — сетевой и сетецентричный[13].

По мере развития компьютерных и информационных систем формируется не только автоматизированное производство, но и автоматизированный характер ведения войны: на поле битвы выходят роботы, которые способны действовать практически во всех физических средах, не доступных человеку в силу ограниченных возможностей организма.

Одновременно с овладением информацией и переходом к новой постиндустриальной волне появляется феномен информационных войн, который меняет характер способов ведения войны в других типах, что отражается в классификации информационных войн. Термин «информационная война» появился в США еще в 1976 г. Единства взглядов различных научно-практических школ на это понятие до сих пор нет. Его создатель Т. Рона, столкнувшись с невозможностью загнать определение этого понятия в «прокрустово ложе» конкретной дефиниции, дал ему широкое определение: «Соревнование между соперниками, конкурентами или противниками на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях всего спектра состояний мира, кризиса, эскалации кризиса, конфликта, войны, прекращения войны, восстановления мира с применением информационных средств для достижения своих целей».

Из этого определяются ее разновидности:

— война в сфере руководства и управления войсками, нацеленная на «обезглавливание» системы управления войсками противника, то есть на физическое уничтожение центров и пунктов управления, нарушение систем управления войсками, линий коммуникаций и в целом системы управления;

— разведывательно-информационная война, которая предполагает нанесение противнику физического ущерба (огневого поражения, уничтожения) на основе широкого внедрения сенсоров и датчиков на поле боя на всю глубину боевого расположения противника в огромном количестве;

— электронная война, ведущаяся в сфере коммуникаций и включающая в себя радиоэлектронную и криптографическую войны;

— психологическая война, которая предполагает использование информационных возможностей и ресурсов против человеческого сознания;

— хакервойна — применительна к действиям и акциям хакеров для поражения компьютерных сетей как в отношении военных, так и государственных и частных (бизнес) информационных ресурсов;

— кибервойна — информационная война будущего, наиболее трудна для определения и понимания: информационный терроризм, «семантические атаки», симуляционные войны. Так, информационный терроризм является действиями хакеров, направленными не на нарушение функционирования всей информационной системы, а на использование ее базы данных для нанесения удара (ущерба) конкретному индивидууму;

— экономическая информационная война, которая может принимать одну из двух основных форм: информационную блокаду и информационный империализм. Так, информационная блокада имеет много общих черт с экономической блокадой, вся разница заключается только в том, что она ведется в виртуальном мире, посредством блокирования информационных потоков банков, фирм, предприятий, учреждений и организаций страны-противника. Информационный империализм основывается на сути экономического империализма: торговля — это война. Государства будут продвигать свои информационные системы, стремиться получить преимущества, представляемые доступом к информации;

— симуляционная война — виртуальное столкновение двух сторон, когда реальные боевые действия на поле боя будут перенесены в компьютерную реальность.

Наряду с типологией войн по физическим средам и пространствам выделяются войны по сферам жизнедеятельности общества. Традиционно в социальной философии общество делится на четыре открытые и взаимосвязанные между собой, хотя и относительно самостоятельные сферы общества: духовную, политическую, экономическую, социальную. В этой связи многие исследователи выделяют и соответствующие типы войн: духовная, экономическая, политическая, социальная. В этих типах войн объектами поражения выступают соот-

ветствующие системы, институты, связи и отношения. В настоящее время в России активно исследуется феномен экономической и финансово-экономической войны[14]. Экономическая война ведется против экономического развития страны с целью уничтожения ее потенциала в этой сфере. Эта война может вестись явно, через объявление санкций, торговой блокады, но может быть и скрытной.

Выделяются также типы войн и способы их ведения в соответствии с уровнями организации человека (дух, разум, тело), отражающей бытие как взаимодействие вещества, энергии и информации. На уровне духа следует выделить тип войны, который чаще всего называется информационно-психологической. Суть этих войн — разложение личности человека без применения видимого физического оружия и внешнего вторжения в страну — объект агрессии. Как правило, подобного рода война ведется средствами искусства и на основе детального знания конкретного антропологического типа[15]. Аналогичным же образом могут демонтироваться народы[16].

Информационно-психологическая война рассматривается как война нового типа, где объектом поражения являются сознание (как индивидуальное, так и общественное во всех своих формах: историческое, национальное, классовое, оборонное, профессиональное и прочее) и система управления[17]. В этой войне «использовались не танковые атаки, не бомбардировки с воздуха, а непрерывная серия ударов по общественному сознанию. В наше время уже не столько «бытие определяет сознание», сколько в гораздо большей степени непосредственное воздействие на него, управление сознанием»[18]. Задача информационной войны заключается «в том, чтобы заставить массы действовать в нужном направлении даже против своих интересов, а в стане противника расколоть людей, заставить их стать друг против друга»[19]. Другой особенностью было то, что «события этой войны происходили как бы за кадром, их истинный смысл не осознавался окружающими. Многие даже не поняли, что с ними произошло... В такой войне воздействие на сознание людей проводится как извне, так и изнутри страны, причем именно последнее имеет решающее значение»[20]. А из этого следует, что для определения своего и чужого нужны иные критерии. В формальном плане враг, линия противостояния, фронт теряют свою физическую очевидность.

Одним из первых аналитиков гибридной войны следует назвать русского военного теоретика Е. Э. Месснера и его концепцию мятежевойны[21]. Для его концепции характерны такие понятия, как «полувойна», «расщепление духа», «агрессодипломатия», «иррегулярство», «хаос», «мятежевойна», «ре-революция», «уснувшие войны», «нефть — оружие», «всемирная война», «полувсемирная война» и другие. Война предстает в форме всемирного тайфуна. Е. Э. Месснер отмечает, что типы войн базируются на различной мировоззренческо-методологической основе: «Со времен Наполеона войны велись по Наполеону, Клаузевицу, Дельбрюку (в русском варианте — по Жомини, Лееру, Михневичу). От Людендорфа (1916) стали воевать по экономисту Адаму Смиту, дополнив воевание армиями борьбой экономики. И. В. Сталин и У. Черчилль (оба — не генералы, не военные люди) добавили к Клаузевицу и Смиту положения штатских теоретиков военного искусства, революционеров Маркса, Энгельса, Каутского, дававших не армиям и экономике главные роли в воевании, а мятежу. С войны в Индокитае (начавшейся в 1947 г., в которой северовьетнамский «генерал» Джиап мятежом победил армию Франции), участие армий в военных конфликтах становится мало значительным: Клаузевица и Энгельса оттеснили глашатаи нового типа войны Джиап, Мао и Че Гевара. Изменилась не только концепция войны, но и философия военного искусства: если, по Ницше, сверхчеловек воевал вследствие природной воинственности, то хиппи-философ Маркузе уверяет, опираясь на Фрейда, что нынешнее восстание (мятеж) против «эстеблишмента» (социального строя) проистекает от сильнейшего из человеческих инстинктов — от эротического. Получается нечто с трудом воспринимаемое: повсеместное восстание против общественной системы, общественных нравов, повсеместный мятеж, всеместная, всемирная мятежевойна основаны на половом инстинкте?!»[22]

Ряд исследователей отмечает, что в современном мире войны ведутся и за энергетические ресурсы, и посредством энергетических систем и их элементов[23]. В этой связи выделяются

самые разные типы энергетических войн[24]. Распространенными энергетическими войнами являются войны газовые и нефтяные[25]. Исследователи отмечают, что сами нефть и газ превращаются в разновидность оружия и средство тотального господства над человечеством[26]. Из данных работ следует, что оружием в современной войне может быть все, что способно сломить волю противника, все, посредством чего кто-то, определенный социальный субъект, может навязать всем или кому-то свою волю.

Война, которая ведется на опережение, получила название преэмптивной (опережающий захват или силовое действие на опережение). Она ориентирована на смену режима, перехват национального суверенитета и строительство на месте «неправильной» нации новой, то есть нациоперестройка, или нациопеределка. Подобные способы ведения войны осуществляются в интересах вполне конкретных субъектов войны, которые рассматривают ее в качестве эффективного средства обеспечения мирового доминирования.

Еще одним типом современной войны, занимающим важное место в арсенале гибридных войн, является терроризм. Главное отличие терроризма от других видов войны состоит в том, что с помощью терактов лидеры терроризма стремятся к достижению максимального общественного резонанса, чтобы сформировать у людей чувство отсутствия безопасности и показать бессилие власти. Многие западные исследователи в связи с этим именно наличие «коммуникативной стратегии» считают сущностным признаком терроризма, отличающим это явление от каких-либо повстанческих или партизанских действий. Особенность этой войны в том то, что само понятие «террорист» является размытым. Антитеррористическую войну можно объявить кому угодно, когда угодно и за что угодно и при этом преследовать совершенно иные, скрытые цели.

Американский аналитик и политолог С. Хантингтон утверждал, что человечество подошло в своем развитии к такому этапу, когда источниками войн и террористических проявлений будут являться различия между цивилизациями не в экономической и политической системах общества, а прежде всего в духовной сфере, культуре и религии. По мнению ряда исследователей, главными противниками в грядущей «войне цивилизаций» будут выступать западный мир, с одной стороны, и исламско-конфуцианский (восточный) блок — с другой. Фронтами будущих террористических войн выступают «разломы» между цивилизациями — традиционные границы распространения влияния мировых религий (одним из таких «разломов» ныне является Россия).

Российский историк и социолог А. И. Фурсов дает анализ информационных войн, ведущихся мировыми элитами против России на протяжении последних двух столетий. В типологии войн он выделяет психоисторическую войну, понимая под ней «целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т. п.) определенной группы, как правило, интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира и т. п. как якобы ее (его) собственные. Задача проста — подавить волю к сопротивлению и экспроприировать общество в целом (ресурсы, территория, человеческий материал)»[27]. Цель психоисторической войны — разрушить организацию психосферы противника, посадив его на ложный информпоток, внедрив свои концепции его самости в пространстве и, главное, во времени, лишив его собственных смыслов и ценностей и навязав чуждые — разрушительные и парализующие волю к борьбе. Наиболее важное направление психоисторической войны — история. Битва за историю — это, по сути, главная битва организационной войны в психосфере, поскольку она подрывает последнюю сразу по нескольким направлениям, включая психоудары по исторической памяти, идентичности, традиционным для данной цивилизации ценностям[28].

Таким образом, полем битвы становится история, сознание личности и общества. Война из физического пространства переносится в историческое пространство. Отсюда следует, что необходимо создавать систему безопасности личности, общества, государства не только

на уровне пространства, но и на уровне времени/истории и формировать соответствующие силы и средства.

Для понимания феномена гибридных войн, следует обратить внимание на работы последних лет, написанные российскими авторами[29]: «С позиций этого подхода критерием войны являются не средства, а достигнутые цели, сопоставимые с целями, которые обычно преследуются в ходе традиционной войны. Это, как правило, уничтожение, разграбление, смена режима и оккупация. На современном этапе эти цели могут быть достигнуты без применения оружия»[30].

Следует остановиться на еще одной классификации, в которой война рассматривается как многофакторное и многоуровневое явление. В рамках концепции «обобщенного оружия» выделяются следующие приоритеты: мировоззренческий (методологический), хронологический (исторический), фактологический (идеологический), экономический (финансово-кредитная система), геноцидный (средства массового поражения), военный (обычное оружие)[31].

Не вдаваясь особо в критику данной концепции, важно обратить внимание на то, что она фиксирует определенную многоуровневую вертикаль войны. Первые три приоритета (мировоззренческий, хронологический и фактологический), по мнению авторов концепции, используется в качестве информационного оружия. Три последних уровня (экономический, геноцидный и военный) образуют «материальное оружие» войны. Появление данной концепции — попытка системного осмысления войны с позиции понимания человека как многофункционального субъекта. Каждый тип оружия предназначен для поражения определенной сферы (структуры) человека: сознания, мировоззрения, социальной организации, физической организации и прочего.

Осознание США значимости, например, «мировоззренческого приоритета» в войне и повседневной политике привело к тому, что на данный момент они являются лидером в создании и применении технологий ведения информационно-психологических войн как разновидности политики в отсутствие действительной войны. Эти технологии политическое руководство использует не только против тех, с кем воюет, но и против собственного населения. Апелляция к оружию в сфере политических отношений в настоящее время между ведущими странами не имеет общественной поддержки. И с этим политическому руководству США приходится считаться.

Выход из сложившейся ситуации США видят в возможности и необходимости использовать информационно-психологическое воздействие на общество для формирования единого «понимания» национальных интересов. Примером подобной высокотехнологичной манипуляции может служить следующее: когда стихийный пацифизм общества 1960—1970-х гг. вступил в конфликт с насильственной политикой США, в американских средствах массовой информации произошла трансформация терминологии описания военных конфликтов: вместо привычных слов «военная операция», «вторжение» и «атака» стали использовать «миротворческая операция», «гуманитарная миссия», «контроль ситуации». Происходит элементарная подмена понятий, которая активно внедряется в сознание людей.

Подобное воздействие получило трудно понимаемое название — консциентальное оружие. Создаются специальные «симуляционные машины», которые воссоздают ложную среду существования сознания, но не воспроизводят самого сознания. Систематическое воздействие искусственных моделей сознания и специально созданных образов на человека приводит к тому, что он как бы засыпает, то есть включаются определенные психофизиологические механизмы, тормозящие нормальное функционирование духовного мира индивида.

В массовом плане подобную информационную войну по поражению сознания в настоящее время выполняют многие средства массовой информации и коммуникации. В условиях применения консциентального оружия усложняется процедура идентификации, становится невозможным понимание служения Родине как свободного самоопределения личности, народа и воинства. Сам процесс идентификации в настоящее время характеризуется тем, что он проходит в условиях консциентальной войны под видом выражения плюрализма мнений

и свободы творчества. В сознание общества, например, внедряется большое количество заведомо ложных вариантов русской идеи, образа русского народа да и русской армии, являющихся составными частями «симуляционных машин». Все это существенно разрушает стереотипы служения русского воинства и формирует условия, в которых оно становится как бы неактуальным или совсем невозможным.

Особенностью трактовок современной войны является их непосредственная связь с постмодернизмом, который используется в качестве философского обоснования и методологии. Примером служит теория так называемых «сетецентричных войн». Создается мощная и всеобъемлющая сеть, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Война становится как бы сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — всё это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Возникает сеть «операций базовых эффектов», цель создания которой — надежный тотальный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

В концепцию сетевой войны органично укладывается концепция организационного оружия и организационной войны. «Оргвойна — это сознательная и целенаправленная атака на организованность целевого ядра, подсистем и управляющих связей системы противника. А поскольку речь идет о системах, в которых и целеполагающее ядро, и подсистемы, и связи состоят из людей, то в данном случае оргвойна — это прежде всего нужное атакующему управление мотивациями организационных решений противника во всех частях его социально-государственной системы»[32].

Анализ войны в контексте ее субъектности открывает еще одну важную сторону — анонимный характер субъекта-заказчика (организатора) войны. Как правило, объект (жертва) и участники войны очевидны, а вот субъект-заказчик (организатор) войны остается в тени. Особенностью современных войн и революций является их анонимность, отсутствие явного организатора, руководителя войны, революции даже для самих участников[33]. Аспект анонимных, невидимых субъектов войны исследовался в свое время советским историком-англоведом Е. Б. Черняком. Среди его работ следует выделить монографии «Невидимые империи» и «Пять столетий тайной войны»[34], где показано, что тайные, анонимные войны характерны для Англии и ее транснациональных корпораций. Всеми силами и средствами Англия стремилась стравливать между собой своих исторических конкурентов, блокируя саму возможность их развития.

Еще одной особенностью современной войны выступает ее иррегулярный характер. Считается, что война возможна в условиях, когда субъектами войны становятся мятежные массы. Особенностью современной войны может стать и ее непрямой характер, маскировка операций нападения под естественные социальные процессы и явления. Признание иррегулярности и непрямого характера современной войны ведет к неоправданному увеличению объема понятия «война», размыванию границы между насилием и ненасилием. Война также теряет свою четкую фиксированность содержания, устойчивость и легитимность. В нынешнюю эпоху войны все чаще официально не называются таковыми. Используется другая терминология для сокрытия зачинщиков и инициаторов войны.

И еще одна особенность современности. Классические представления К. Клаузевица о субъектах войны связаны с народом, армией, правительством. М. ван Кревельд в своих работах пытается показать, что в XX в. наметилась тенденция отмирания роли государства в войнах. По его мнению, стала меняться и сущность войны. Участниками войны становятся негосударственные структуры: политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. В этой связи вооруженные конфликты уже представляют собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия[35]. Стоит все же возразить М. ван Кревельду.

От того, что меняются субъекты войны в силу изменения субъектов политики, не исчезает сама сущность войны как продолжение политики насильственными средствами.

Особенностью же является появление большого количества новых типов войны и способов ее ведения. Их сочетание служит основой гибридных войн. Эти войны в условиях глобализации являются по сути мировыми, глобальными по своим целям и стратегическим задачам. Однако по форме они, как правило, локальные, замаскированные под естественные деструктивные социальные и антропологические процессы. Это связано с тем, что гибридные войны ведутся на основе теории хаоса. Если не удается достичь целей войны на театре военных действий классической обычной войны, то осуществляется перенос театра военных действий в сферы жизнедеятельности общества, в структуры организации самого человека. При этом субъект войны, то есть ее непосредственный заказчик, как правило, остается анонимным, скрытым[36]. Особенностью гибридных войн является тот факт, что оружием в них может выступить все, что угодно. Это обусловлено тем, что в современном технологическом укладе очень много технологий двойного назначения.

Другой особенностью является сама техногенность современного общества: разрушение технических систем общества по последствиям может стать равнозначным ведению классической войны. В современных условиях в рамках технологий гибридной войны она по сути превращается в своеобразный конструктор: из всего арсенала сил, средств, способов ведения войны выбирается тот набор, который оптимально соответствует целям и задачам конкретной войны. В условиях гибридной войны «хамелеонность» и парадоксальность войны многократно возрастают, так что уже практически невозможно отличить войну от естественных мирных отношений и состояний общества.

Информационные войны современности

В рамках проблемы взаимосвязи отечественного военно-исторического опыта и современного этапа военного строительства представляется важным рассмотреть вопросы ведения современной информационной войны. Именно в информационном пространстве уже с конца XX в. начинаются и заканчиваются все без исключения военные конфликты и локальные войны. Любая потенциально возможная «горячая» война против нашей страны начнется с попыток противника нанести нам максимальный урон с помощью современных средств ведения противоборства в информационном пространстве, за границами собственно «горячей» фазы. Более того, можно смело считать фактом, что современная информационная мировая война, в которую втянуты едва ли не все страны — субъекты мировой политики, уже идет полным ходом в режиме войны «всех против всех».

Информация в любые времена выступает как системообразующий элемент военных операций. Ее ключевая роль в достижении победы на поле боя является общепризнанной. В сочинениях Сунь Цзы, К. Клаузевица и других выдающихся военных теоретиков всех эпох и народов эта тема отражена интересно и ярко. Военная практика полна свидетельств того, что полководцы, военачальники всегда активно стремились извлечь максимальную пользу из информационного преимущества над противником.

Пониманию важности информации в военном деле и определению оптимального соотношения военных и информационных операций в структуре общих действий по ведению современной войны способствует изучение опыта информационного противоборства воюющих сторон в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1942 г. немецкие подразделения пропаганды были выделены в самостоятельный род войск. В начале 1943 г. войска пропаганды вермахта включали: 21 роту пропаганды сухопутных войск, семь взводов военных корреспондентов сухопутных войск, взвод военных корреспондентов «Великая Германия», восемь батальонов пропаганды на оккупированной территории, состоящих из добровольцев-пропагандистов.

Советские органы госбезопасности (НКГБ и НКВД) оказывали противодействие фашистской пропаганде, разрушению средств связи и дезорганизации управления (например, с помощью ложных приказов). В этих целях с началом войны были срочно созданы специальные силы, при организации работы которых тщательно учитывались формы и способы действий пограничных войск в процессе охраны государственной границы в мирное время. «Встречная» работа подразделений спецпропаганды Красной армии против немецких войск вплоть до середины 1942 г. отличалась бессистемностью, однако после создания в июне 1942 г. Совета военно-политической пропаганды, эффективность информационного воздействия на немецких солдат и население Германии существенно возросла. Первый масштабный позитивный опыт информационно-психологического воздействия на противника был приобретен в ходе Сталинградской битвы. Осуществлялись и структурные изменения органов пропаганды. В августе 1944 г. 7-й отдел Главного политического управления был развернут в управление. В 1944 г. появилось новое понятие «пропагандистская операция», под которым подразумевались комплекс разработанных пропагандистских действий в области печатной и устной пропаганды, наглядной агитации, использование военнопленных, в том числе возвращение их в свои подразделения, и прочее. Все эти действия были сконцентрированы тематически вокруг одной идеи, подчинены характеру боевой операции, планам и задачам командования. В 1944—1945 гг. было проведено 27 пропагандистских операций.

Чтобы успешно прогнозировать характер информационных военных операций ближайшего будущего, надо дать оценку современным взглядам и практике подготовки и проведения информационных войн, прежде всего армии США. Известно, что современная концепция информационно-психологических войн США основана на трудах и практическом опыте стратагемной политики китайских военных и политических деятелей, таких как выдающийся полководец и государственный деятель Сунь Цзы. При оценке этого факта сразу возникает вопрос: можно ли современный острый политический конфликт называть информационно-психологической войной, если даже в те времена, когда основные ее положения уже были сформулированы (IV в. до н. э.), традиционное военное искусство не только не потеряло своего значения, но и начало активно развиваться именно в направлении массированного применения грубой вооруженной силы? То есть, если на зачаточной стадии развития военного искусства не произошло вытеснения новыми формами психологической борьбы более примитивных и архаичных форм прямой вооруженной агрессии, то почему это должно произойти сейчас, при современном уровне развития систем вооружений и военного искусства в целом?

Сегодня все более заметна возрастающая роль психологических операций в современных войнах и локальных вооруженных конфликтах: они становятся более психологическими, напоминающими масштабную пиар-кампанию, а собственно военные операции постепенно оттесняются на второй план и играют четко определенную и ограниченную роль, отведенную им в общем военном сценарии. Современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия.

Для эффективной стратегии строительства современных Вооруженных сил России важно определить, какие из современных средств ведения войн выйдут на передний план в будущих войнах, хотя бы в среднесрочном периоде. Есть все основания полагать, что таким средством или «орудием главного калибра» станет информационно-психологическое оружие, которое уже сейчас занимает особое место в арсенале средств ведения боевых действий.

Так как человек является решающим звеном в любых процессах окружающей нас действительности, то воздействие на его психику может приводить как к положительным, так и к отрицательным последствиям развития этих процессов. Продуманные и целенаправленные воздействия такого рода чаще всего незаметны, проявляются постепенно, экономически менее обременительны, экологически безопасны и самое главное — трудно устранимы. Хорошо известно, что 80% болезней человека — психические, то есть зависят от ослабления его

психики, за которым следует ослабление всех физиологических, жизненных осей человека. Информационное воздействие является основой коммуникативных процессов. Человек, будучи участником информационного взаимодействия, выступает в системе коммуникации сложным элементом общества.

Если говорить о строгих определениях и категориях информационной войны, то прежде всего нужно выделить следующие основные понятия:

— информационно-психологические воздействия на человека могут привести к двум видам взаимодействующих изменений: во-первых, это изменения психики, психологического здоровья человека, а поскольку в случае информационных воздействий трудно говорить о границах нормы и патологии, показатели изменения могут быть нарушающими адекватное отражение мира и места в нем и нарушающими отношение человека к миру; во-вторых, информационно-психологические воздействия на человека ведут к сдвигам в ценностях, жизненных позициях, ориентирах, мировоззрении личности. Специально организованные воздействия на психику человека могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер. В современном мире с целью достижения политических и иных целей жестко сплетаются конструктивные и деструктивные процессы за овладение психикой человека. Между противниками господствуют взаимно деструктивные отношения, внутри каждой из сторон идет ожесточенная борьба за доминирование процессов конструктивных над деструктивными;

— к объектам воздействия информационно-психологического оружия относится психика принимающих решение лиц, прежде всего военно-политического руководства страны; отдельного человека, военнослужащих и гражданского населения, в том числе дружественных, нейтральных государств; национальных и религиозных меньшинств; оппозиционных сил (партий); определенных социальных групп (интеллигенция, предприниматели, домохозяйки и другие);

— информационно-психологическое оружие как совокупность специальных методов и средств скрытого и насильственного воздействия на психику людей с целью управления их поведением (деятельностью) в нужном для воздействующей стороны направлении или уничтожение (гибель) людей;

— информационно-техническое оружие как совокупность специальных методов и средств, которые основаны на использовании электромагнитных волн (излучений) различной длины и мощности и вредительских (деструктивных) программ с целью воздействия на радиоэлектронные средства, элементы радиоэлектроники, программные средства автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, применяемые в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на гражданских и военных объектах, и приводят к ухудшению их функционирования или исключению нормального функционирования по своему предназначению;

— к объектам воздействия информационно-технического оружия можно отнести: радиоэлектронные средства, средства электронно-вычислительной техники, программное обеспечение, среду распространения электромагнитных и акустических волн.

К основным разновидностям информационно-технического оружия, основанного на применении электромагнитных волн (излучений) различной длины и мощности, и вредительских (деструктивных) программ можно отнести средства: радиоподавления, функционального поражения, изменения условий распространения радиоволн, ускоренного старения радиоэлектронной аппаратуры.

Радиоподавление — воздействие на радиоэлектронные средства противника, которые применяются в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на гражданских и военных объектах, путем создания электромагнитных излучений (помех) и изменения условий распространения электромагнитных волн, приводящего к непродолжительному ухудшению функционирования систем по своему предназначению.

Воздействуя на приемные устройства, помехи имитируют или искажают наблюдаемые и регистрируемые оконечной аппаратурой сигналы, изображения либо исключают выделение

полезных сведений, ведение радиопереговоров и прочее. Под действием помех радиоэлектронные средства и системы могут перестать быть источником сведений, несмотря на их полную исправность и работоспособность.

Функциональное поражение — специальное воздействие на радиоэлектронные средства и системы, информационные средства автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, радиоэлектронные элементы, применяемые в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на объектах противника и гражданского назначения, исключающее их нормальное функционирование. Функциональное поражение включает радиоэлектронное поражение, специальное программно-техническое воздействие. К средствам функционального поражения относятся СВЧ-генераторы и лазерные средства поражения. Средства функционального поражения представляют в настоящее время серьезную опасность для систем связи и информатизации России.

Специальное программно-техническое воздействие — поражение программ средств автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, применяемых в вооружении, военной технике, на военных и гражданских объектах, в информационных системах и средствах управления войсками и оружием, путем внедрения вредительских (деструктивных) программ в программы этих средств или разрушающих закладных устройств непосредственно в устройства этих средств, что приводит к разрушению или искажению программ (алгоритмов) и информационных массивов, хранящихся и циркулирующих в этих системах, и исключает их нормальное функционирование.

Средства изменения условий распространения радиоволн — это средства, которые изменяют свойства среды распространения (отражения) радиоволн путем применения средств постановки пассивных помех, средств создания в атмосфере искусственных образований, средств изменения свойств контрастности объектов.

Ускоренное старение радиоэлектронной аппаратуры, применяемой в радиоэлектронных средствах, вооружении, военной технике, на военных и гражданских объектах, в системах управления войсками и оружием, в том числе в системах связи, — воздействие на нее путем облучения специальными электромагнитными и другими излучениями (импульсами), приводящее к преждевременному (ранее установленного срока) повреждению, разрушению (необратимому изменению характеристик) электронных, полупроводниковых и ферритовых, оптических, акустических и других элементов радиоэлектроники.

Таким образом, в настоящее время и в обозримом будущем информационное оружие во многих случаях способно сыграть решающую роль в достижении победы над противостоящей стороной в ходе ведения современных войн. Нельзя не учитывать в этой связи того обстоятельства, что Всемирная паутина в ее нынешнем состоянии представляет очень мощный инструмент для того, чтобы подстрекать к терроризму, вербовать новых членов, пополнять фонды и потенциально также осуществлять атаки на сетевую инфраструктуру. Существуют вебсайты, регулярно посещаемые десятками тысяч людей, на которых доступна террористическая литература, а теракты прославляются. Создаются социальные сети и поддерживаются виртуальные сообщества, которые позднее могут использоваться для мобилизации поддержки. Есть вебсайты, дающие приют виртуальным учебным лагерям. Благодаря электронной коммерции Интернет также является одним из основных средств отмывания денежных средств, с помощью которого террористы могут создавать и перемещать капиталы и другие материальные ресурсы.

По мнению некоторых исследователей, кибертерроризм является разновидностью так называемого супертерроризма, характерная черта которого — использование или угроза применения в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающих массовое поражение населения или нанесение ощутимого экономического или экологического ущерба. Несмотря на то что к настоящему времени существует совсем немного очевидных свидетельств активного использования Интернета террористами с целью проведения атак на инфраструктуры, подключенные к информационным сетям, угроза кибертерроризма становится все более реальной. Хакеры уже неоднократно демонстрировали свою

способность преодолевать защитные системы различных государственных и общественных учреждений, например Пентагона, считавшихся самыми защищенными.

В настоящее время кибертерроризм обладает серьезным потенциалом разрушения, так как многие критические инфраструктуры связаны с внешним миром через компьютерные сети. Особо можно выделить угрозу потенциального соединения кибератак с традиционными физическими нападениями или проведения их во время крупных стихийных бедствий и возникновения чрезвычайных ситуаций. Кибертеррористы могут также стремиться причинить и экономический ущерб, прежде всего там, где коммуникации и информационный обмен существенно влияют на функционирование различных организаций, структур, объединений и на глобальную экономическую систему.

На данный момент террористы наиболее активно используют киберпространство и Интернет именно для поддержки своей активности. Многие террористические группировки активно используют компьютеры и Интернет для связи. Киберпреступления нацелены на компьютеры или существуют благодаря им. Есть мнение, согласно которому киберпреступность не является уникальным явлением ввиду того, что киберпространство служит всего лишь новым, специфичным инструментом, который используется при совершении уже известных преступлений. Киберпреступность может включать в себя хищение интеллектуальной собственности, нарушение патентов, торговых секретов или законов о копирайте. Шпионаж через компьютерные сети также можно отнести к киберпреступности, как и, безусловно, кибертерроризм.

В национальной стратегии США по обеспечению безопасности киберпространства (2003) особо отмечено, что ввиду сложности, а часто невозможности определения источника угроз в киберпространстве, необходимо сосредоточиться на главном — предотвращении кибератак против критически важной инфраструктуры, снижении уязвимости к таким атакам, минимизации ущерба и времени восстановления в случае нападения. Также четко определено, что правительство оставляет за собой право контрудара «в приемлемой форме», если Соединенные Штаты подвергнутся компьютерному нападению.

В феврале 2011 г. была принята новая национальная военная стратегия США (NMS). В ней уделяется особое внимание задаче обеспечения свободы действий в космосе и киберпространстве. Там говорится: «Наша способность эффективно работать в космосе и киберпространстве становится все более важной для нанесения поражения агрессору. США столкнулись с постоянно растущей и распространяющейся угрозой от государственных и негосударственных структур в космосе и киберпространстве. Мы должны нарастить наши способности к проведению операций при непригодности или недоступности общего пространства. Космос и киберпространство позволяют вести глобальное противоборство в воздухе, на земле и на море». В документе также особо отмечается тот факт, что «если произойдет крупномасштабное кибервторжение или возникнет ущерб от кибернападения, то мы будем считать злонамеренных акторов ответственными и должны будем обеспечить широкий диапазон вариантов, гарантирующих наш доступ к использованию киберпространства».

В качестве ответных действий рассматривается применение кибероружия, или вредоносного кода, спроектированного для атаки и выведения из строя вражеских компьютерных систем. Подобным информационно-электронным противодействием занимается Совместный центр информационных операций под управлением Стратегического командования США. В нем Объединенная оперативная группа глобальных сетевых операций координирует и направляет действия по защите компьютерных сетей и систем министерства обороны, а по соответствующему приказу совершает нападение на компьютерные сети для обеспечения выполнения как оперативных задач на театре военных действий, так и задач в интересах национальной обороны.

Американские военные эксперты в последнее время выступают с обвинениями в адрес официального Пекина о создании последним многочисленных инструментов для организации кибератак, в разработке вирусов, а также содержании специальных отрядов хакеров, которые время от времени совершают те или иные незаконные диверсионные действия в от-

ношении других государств. «Народно-освободительная армия Китая продолжает создавать средства для кибератак, а также в крупных количествах разрабатывает вирусы, атакующие компьютерные системы не только в США, но и ряде других стран», — говорится в отчете Министерства обороны США. По данным американской стороны, эта активность КНР является частью внешней военной политики, в которую последнее время входят не только традиционные военные силы, но и новые баллистические ракеты, а также так называемые высокотехнологичные киберподразделения.

Вместе с тем независимые международные эксперты отмечают, что за последние несколько лет своими киберподразделениями обзавелись многие страны, а не только Китай. В самих США такие отряды также есть. Несмотря на это, по заявлению американцев, впервые о данных подразделениях в КНР стало известно еще в 2000 г., и с тех пор их активность постоянно увеличивается, а штат сотрудников растет. «Китай на сегодня постоянно исследует возможности атаки слабозащищенных правительственных и гражданских сетей, причем поиск данных сетей ведется постоянно», — говорят в Пентагоне. В отчете американских военных отмечается, что в 2005 г. в КНР были проведены масштабные военные киберучения, о которых официальные китайские средства массовой информации умолчали. Отдельно в докладе говорится и об активности Китая в отношении Тайваня, который сам себя позиционирует как независимое островное государство. В КНР же считают его отколовшейся провинцией. В докладе напоминают, что Китай уже неоднократно обещал напасть на Тайвань, если тот официально объявит о своей независимости. Военные отмечают: «Локальная военная кампания будет в первую очередь включать в себя массированную атаку и выведение из строя всех компьютерных сетей острова»[37].

В связи с интенсивным увеличением пользователей сети Интернет она становится обширным полем для ведения информационного противоборства, одним из новейших методов которого является блоггинг. Блогосфера сегодня дает возможность любому человеку общаться со всем миром напрямую, передавая и получая информацию меньше чем за секунду, минуя какие бы то ни было границы. Система «друзей» позволяет распространять информацию тысячам адресатов в короткий промежуток времени. Именно поэтому ведущие спецслужбы мира стали использовать блоггинг в информационных войнах[38]. В каждой стране имеются площадки для ведения блогов. Также подобные площадки имеют многие крупные города и корпорации. Одними из самых распространенных блог-платформ в Рунете являются — Liveinternet и Livejournal.

Спецслужбы выбирают площадку, ориентируясь на предпочтения целевой аудитории либо руководствуясь посещаемостью данного интернет-ресурса. На каждой площадке работает одно отделение — в сферах политики, экономики, промышленности и прочих. Одной темой занимаются два-три блоггера-разведчика, каждый из которых ведет три-четыре вымышленных персонажа с разными характерами, живущих в разных местах, возможно, даже разноязычных. Причем, если три выдуманных иностранными блоггерами персонажа, скажем, ругают Россию, один должен нелепо и глупо ее хвалить. В конце дискуссии последнего персонажа разубеждают «фактами». Складывается впечатление реального общения, в которое вмешиваются тысячи человек, и блоггеры их подводят к нужным выводам.

Иногда блог создается с нуля. Выбирается старая тема-новость, которая вызывала ажиотаж, затем на эту тему пишутся сообщения, которые должны привлечь внимание и вызвать соответствующий интерес. Оригинальный, нигде не повторяющийся контент вызывает доверие у читателей. Основная тема должна соответствовать разведзадаче. К примеру, создается блог «Имперские амбиции России». Среди ничего не подозревающих обывателей ищутся «друзья», которые должны быть активными участниками дискуссий в блогосфере. Разведчики подбирают в «друзья» журналистов центральных средств массовой информации, заходящих в блогосферу, активистов общественных движений, людей, ведущих популярные блоги. Далее разведблоггеры отслеживают втянутых в общение лиц, а также то, как информация передается из одного блога в другой. Перед этим блог «разогревается», под различными предлогами в него привлекаются «друзья». Когда площадка достаточно наполнена

посетителями, происходит вброс необходимой информации и ее практически мгновенное распространение по всем адресатам.

Примером успешного проведения информационной операции в блогосфере является освещение событий грузино-югоосетинской войны в августе 2008 г. Уже через несколько часов после начала вооруженного конфликта появилась информация о нападении большой России на маленькую Грузию, подкрепленная фотографиями разрушенного города, плачущих детей и мертвых взрослых. Она мгновенно облетела всю американскую и европейскую блогосферу, и уже буквально через час после грузинской агрессии волна «праведного гнева» обрушилась на представителей российского посольства почти во всех странах мира. Мировое интернет-сообщество в большинстве своем приняло сторону истинного агрессора. Реальные факты вызывали мало доверия и были неэффективны, как, например, то, что на большинстве фотографий представлены не разрушенные русскими грузинские города, а Цхинвал после атаки грузинских войск.

В блогосфере, в отличие от форумов, довольно трудно определить реальных людей, там создается идеальное пространство для разведок и информационных войн. Западные спецслужбы стали формировать блоггинговые подразделения несколько лет назад. Информационные операции с использованием блогов проводятся в несколько этапов:

1. Выбор блогосферы. Разведка ведется постоянно на всем интернет-пространстве. При необходимости та или иная тема активизируется и продвигается. Персонажи, придуманные в разведывательных структурах, регулярно отправляют сообщения (пишут посты), но в минуты нападения усиливают свою деятельность.

2. Создание персонажей. При появлении новых площадок или постов придумываются новые персонажи, которые привлекают таких же персонажей с других площадок и ведут за собой «друзей». При необходимости фальсифицируются даты создания блога или поста.

3. Создание имиджа. Посетители и участники блога должны часто видеть темы, необходимые разведчикам, причем в нужном ключе. Например: «Россия ведет агрессивную политику» или «Газопровод России опасен для Европы». Целевая аудитория привыкает видеть в ком-то угрозу. Складывается определенное отношение. Несогласных переубеждают как своими силами, так и силами «друзей».

4. Ретрансляция. Удачные блоги и посты копируются на площадки с похожими блогами и темами. Даются активные ссылки на оригинал обсуждения. Основная цель — увеличение радиуса цитируемости для поисковых машин.

5. Штурмовой блог. Когда подготовка проведена, создается штурмовой блог, на который выкладывается первичная информация, после чего начинается атака.

Приведенные выше методы разведблоггинга решают лишь одну задачу — искажение информационного поля. Для решения других задач применяются иные разновидности блогов. Так, при добывании информации, дезинформации, создании положительного имиджа своей стране, определенному политику или компании используются блоги совершенно разного характера. Все зависит от целей операции и алгоритмов ее выполнения. Четких критериев пока нет, они только разрабатываются. С совершенствованием сети трансформируются и они. На сегодняшний день первенство в сфере блоггинговой разведки удерживают США, за ними идут Китай и Великобритания.

Появление нового вида войн — информационных, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а за счет воздействий на его морально-психологическое состояние, приходится на начало XXI в. Если придерживаться классификации войн с точки зрения смены общественных формаций, то можно представить поколения войн в следующем виде:

— первое поколение — войны времен античных, аграрных и кочевых обществ;
— второе поколение — войны эпохи мануфактурного производства;
— третье поколение — войны ранних индустриальных обществ;
— четвертое поколение — войны развитых индустриальных обществ;
— пятое поколение — локальные конфликты и холодная война ядерной эпохи;

— шестое поколение — неконтактные дистанционные войны с применением высокоточных вооружений[39].

В настоящее время мы вступили в эпоху войн седьмого поколения — информационно-сетевых, которые явились следствием следующих факторов:

— развития средств вычислительной техники и коммуникаций, что привело к возрастанию роли информации в жизни человеческого общества, по эффективности своего влияния превзошедшей многие материальные виды ресурсов;

— успехов психологии в области изучения поведения людей и управления их мотивациями, что позволило оказывать заданное воздействие на большие группы людей в нужных направлениях;

— технического прогресса в области разработки нелетальных средств воздействия на людей, которые заменили традиционные виды оружия.

Борьба в информационном пространстве велась во все времена существования человечества, как в военные, так и в мирные периоды, явно, а чаще всего скрытно между государствами в защиту своих интересов, за зоны политического и экономического влияния, источники сырья и рынки сбыта, спорные территории. Она постоянно ведется не только на международной арене, но и внутри каждого государства, в первую очередь за власть, собственность и политическое влияние, возможность манипулировать настроениями и поведением больших масс людей. Контролируя потоки информации, управляя ее предоставлением обществу, можно влиять на общественные процессы. Это является одной из причин ожесточенной борьбы соперничающих группировок за контроль над средствами информации, а значит, над сознанием и поведением населения страны.

Традиционная война против государства, обладающего ядерным оружием, в наше время чрезвычайно опасна. Это может привести к катастрофе, потому что геополитическое ресурсы любого государства, такие как сырье, территория, экономика и население, материальны, хорошо осязаемы. Угроза их утраты воспринимается нацией как подрыв основ ее физического выживания. В таких обстоятельствах, при наличии реальной угрозы, нация в течение короткого времени мобилизуется на ее отражение, а инициатор войны становится в общественном мнении агрессором. Поэтому современные политтехнологи, обслуживающие интересы правящих верхушек стран Запада, стремятся перевести агрессию из материального пространства в информационное. Для этого им требуется трансформировать ментальное поле общественно-политической системы, которая стоит на очереди для аннексии. В первую очередь осуществляется переориентация или уничтожение традиционных ценностей народа, чтобы информационная атака воспринималась данным обществом как добровольное желание дальнейшего восхождения по пути прогресса. В данном случае внешняя агрессия в массовом сознании отражается как цивилизационная трансформация архаичного общества другим обществом, стоящим на более высокой ступени развития.

Здесь следует отметить, что технологии сетевых войн были хорошо отработаны уже в годы так называемой холодной войны, как формы тотального разрушения геополитического противника. На рубеже XX–XXI вв. в западном обществе были разработаны многочисленные технологии скрытого разрушительного воздействия, имеющие комплексный характер и в своей совокупности оформившиеся в новый тип войн — информационно-сетевые.

Таким образом, мы можем дать следующее определение информационно-сетевой войны: это подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах ее геополитических пространств[40], осуществляемое преимущественно в скрытой форме. При этом в зависимости от конкретных задач воздействия на противника, решаемых в данный период времени, та или иная область общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии. В качестве примеров, относящихся к России, можно отметить разрушение оборонно-промышленного комплекса страны, реформы в армии, образовании, пенсионном обеспечении населения и другие.

Целью информационно-сетевой войны является прочное закрепление большей части стратегически важных ресурсов страны-противника за геополитическим агрессором. При

этом «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется элитой страны-жертвы в значительной степени добровольно, поскольку воспринимается ею не как захват, а как путь к восходящему развитию. Это порождает сложность в распознавании технологии и методов информационно-сетевой войны, по сравнению с традиционной войной, а также отсутствие своевременной реакции на действия агрессора, поскольку у жертвы не оказывается никаких мер противодействия этому. В данной ситуации жертва оказывается беззащитной и неготовой дать своевременный и адекватный отпор агрессору. При этом, если результаты «горячих» войн со временем оспариваются и пересматриваются (примерами тому являются Первая и Вторая мировые войны), то результаты информационно-сетевой войны пересмотру не подлежат до тех пор, пока сами акторы-агрессоры не утратят своих позиций в ходе реализации законов мировой геополитической динамики.

Но как именно будут утрачены эти позиции в будущем, в настоящее время не ясно. Сложность данного вопроса состоит в том, что фронт информационно-сетевой войны располагается в ментальном пространстве человеческого общества, в котором уже произошло замещение базовых ценностей нации-жертвы на психологические установки и мифы агрессора. Массовое сознание не может своевременно распознать факт имплантации ментальных вирусов, а политическая и культурная элиты, ставшие объектом информационно-сетевой войны, не имея достаточной квалификации для выявления информационной агрессии и организации адекватного отпора сетевому врагу, обречены на сокрушительное геополитическое поражение.

Фактически в информационно-сетевую войну включаются практически все общественные институты: в первую очередь, средства массовой информации и религиозные организации, учреждения культуры, неправительственные организации, общественные движения, финансируемые из-за рубежа. Даже деятели науки, работающие по зарубежным грантам, вносят свой вклад в разрушение государства. Все они осуществляют так называемую «распределенную атаку», нанося многочисленные, точечные разрушающие воздействия по общественной системе страны под лозунгами «развития демократии» и «соблюдения прав человека». Благодаря современным политтехнологиям и накопленному опыту воздействия на массовое сознание, даже геноцид можно вести без применения газовых камер и массовых расстрелов населения. Достаточно создать условия для сокращения рождаемости и увеличения смертности.

Другой особенностью информационно-сетевых войн является отсутствие жесткой иерархии в сетевой структуре агрессора. Это объясняется ее гетерогенностью, выражающейся в значительной автономности государственных и негосударственных элементов данной структуры, в которой нет ярко выраженных вертикальных связей. Зато имеются многочисленные горизонтальные связи, действие которых нерегулярно. Отсутствие иерархии и регулярности взаимодействия не позволяет четко выявить существование и деятельность такой сетевой структуры.

Так что же движет деятельностью таких сетевых структур? Источником энергии является информация, которая в них циркулирует, а своеобразными запалами — хозяева узловых точек данной сети. Примеры этому — информационные контенты серверов социальных сетей Facebook и Twitter, находящихся под контролем американских спецслужб.

Как сообщила британская газета «Гардиан», в США уже осуществляется пропагандистская работа с использованием Twitter, Facebook и других социальных сетей. Центром управления данной программой является база ВВС США «Макдилл» в штате Флорида. Здесь задействованы 50 операторов, каждый из которых может управлять действиями около 10 агентов влияния, зарегистрированных в различных странах мира и ведущих информационную войну по всем правилам политических технологий разрушения государств. Стоимость данной программы, по оценке британской газеты, оценивается в 2,76 млн долларов. Она предусматривает для каждого из таких бойцов информационной войны наличие убедительной легенды и меры по защите от разоблачения. По словам пресс-секретаря Центрального командования вооруженных сил США Билла Спикса, любое воздействие на американскую

аудиторию запрещено правилами. В связи с этим английский язык не используется: в системе информация представлена только на арабском, урду, пушту, фарси и некоторых других языках в зависимости от тех стран, которые представляют интерес для Вашингтона с точки зрения воздействия на их общественную стабильность.

Выявление и квалификация актов информационной войны является задачей спецслужб каждого государства, заботящегося о своей безопасности. Это тем более важно, что вследствие непроявленного характера информационной агрессии она не воспринимается обществом в качестве непосредственной угрозы существованию государства. Поэтому задачей экспертного сообщества и спецслужб является проявление этих угроз с целью информирования руководства страны, которое должно принимать соответствующие меры. Иллюстрацией этому может послужить пример, который был приведен в работе Н. Комлевой. Расследование в Конгрессе США в январе 2002 г. теракта 11 сентября 2001 г. показало, что ключевые должностные лица в американском руководстве проявили бездействие после того, как разведывательные структуры США доложили о существовании угрозы теракта и даже определили время его совершения. Но президент США и его советник по национальной безопасности не квалифицировали представленную информацию как важную и, более того, правдоподобную.

Что касается сферы информационно-сетевого противоборства, то оно охватывает следующие пространства:

— географическое — установление контроля над территорией посредством глобальных (в том числе и космических) информационных и разведывательных систем, поощрение сепаратистских движений и террористической активности в различных формах на территории противника, вовлечение противника в конфликты малой интенсивности, а также организация волнений народных масс и цветных революций;

— экономическое — навязывание противнику кабальных кредитов, введение эмбарго, организация экономических санкций и провокаций;

— идеологическое — использование клеветы, искажение информации, подмена понятий, внесение ментальных вирусов и мифологем в сознание населения противника;

— сетевое — организация хакерских атак и внесение компьютерных вирусов различного рода в вычислительные и коммуникационные системы и базы данных.

Какова бы ни была конечная цель информационно-сетевой борьбы, ближайшей задачей всегда является затруднение доступа людей к достоверной информации. Важность этого момента объясняется тем, что оперативность и качество принимаемых решений на всех уровнях общественной структуры непосредственно зависят от полноты и достоверности представляемой информации.

В информационном противоборстве стороны используют различные методы. К ним можно отнести: сокрытие критически важной информации о положении дел в данной области; погружение ценной информации в массив так называемого «информационного мусора» в соответствии с принципом «спрятать лист в лесу»; подмена понятий или искажение их смысла; отвлечение внимания на малозначимые события; применение понятий, которые на слуху у публики, однако не имеют не только определения, но и значимости; подача негативной информации, которая лучше воспринимается аудиторией по сравнению с позитивными новостями; ссылка на факторы, не имеющие реального смысла, а также на некорректно проведенные социологические и маркетинговые исследования; введение табу на определенные виды информации и новостей, несмотря на их общеизвестность. Делается это с целью недопущения широкого обсуждения критичных для определенных структур вопросов и тем; откровенная ложь с целью недопущения негативной реакции населения и зарубежной общественности; в арсенале информационных войн есть такие средства, как «информационная бомба» и «информационная мина». Первая служит детонатором лавинообразного нарастания процесса в обществе, в то время как вторая закладывается заранее и срабатывает в определенный момент, в ходе процесса для доведения его до логического конца. Примерами «информационных мин» являются «утечки» информации из официальных органов государства или из таких сайтов, как «Викиликс».

Типичным примером применения технологии информационно-сетевой войны являются восстания народных масс в странах Ближнего Востока. И если в случае Туниса и Египта эти технологии не были достаточно проявлены, то в Ливии состоялся «генеральный прогон» войн седьмого поколения. Ливийская «революция» предстала на экранах мировых средств массовой информации как некий симулятор, отфотошопленная «копия без оригинала», ход которой был подан глобальными масс-медиа без всякого соотнесения с действительностью, зато в точном соответствии со сценарием, написанным западными политтехнологами.

Спровоцированные на «революционные» выступления информационными атаками из социальных сетей Facebook и Twitter, арабские общества привели в движение революционное цунами на Ближнем Востоке. Взрыв на «арабской улице» показал, что социальные сети стали своего рода запалом для неспокойной атмосферы Ближнего Востока. Практически во всех странах, вовлеченных в этот водоворот событий, революционный флешмоб был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети, электронную почту и мобильные телефоны. При этом следует учитывать тот факт, что управляющие серверы глобальных электронных сетей Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и контролируются американскими спецслужбами, имеющими доступ ко всей циркулирующей в них информации. Это позволяет организовать рассылку сообщений заранее подобранной «клиентуре» — своим агентам влияния в странах арабского Востока, которые по сигналу извне собирают в нужное время и в нужном месте критическую массу людей, используя для этого так называемое сарафанное радио.

Люди «арабской улицы», в большинстве своем ничего не знающие об Интернете, социальных сетях, а зачастую и не имеющие компьютеров и сотовых телефонов, готовы бить витрины, жечь автомашины и бросать камни в полицию, потому что почувствовали возможность расквитаться с властями предержащими за ту бедность, на которую их обрекли правящие режимы. Службы безопасности подвергшихся информационному вторжению государств оказались бессильны противостоять насилию в новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Оказалось, что невозможно было предвидеть начало уличных беспорядков, как и источники рассылки подстрекательских сообщений, а после начала беспорядков отключение доступа в Интернет и мобильной связи уже ничего не дало, так как процесс приобрел характер лесного пожара.

Бессильной здесь оказалась и мировая политическая прогностика, задачей которой является отслеживание и прогнозирование общественных тенденций. Фактически события на Ближнем Востоке высветили несостоятельность современной футурологии как науки о будущем. Причиной этому являются опора на классический детерминизм развития исторических процессов и линейная аппроксимация общественных тенденций. Однако все возрастающая сложность и динамизм современных обществ, появление многочисленных, неявно выраженных связей между общественными структурами, повторение роли субъектов общественного процесса привели к торжеству хаоса на улицах и площадях арабских городов.

Динамика современного мира стала настолько велика, что пока аналитики занимаются оценкой ситуации и разработкой прогноза, сам объект исследования изменяет свою структуру и направление развития. Существующие в нем тенденции меняют свои траектории движения. Появляется «веер сценариев» будущего, которые оказываются полезными только с академической точки зрения. Однако жизнь ставит перед политическими аналитиками другие задачи: от одних требуется выявить тенденции, угрожающие стабильности общества; другим поставлена задача определения путей и подходящих моментов времени для «открытия» заданной общественной системы с целью ее разрушения или деформации. Примером этому является политика гласности М. С. Горбачёва, которая открыла каналы для подрыва основ советского общества, что идеологически обезоружило людей и привело к геополитической катастрофе — развалу СССР.

Другим примером является самосожжение Мухаммеда Буазизи в Тунисе, которое стало бикфордовым шнуром, взорвавшим Ближний Восток. Поэтому следует иметь в виду, что

современный мир взрывоопасно насыщен людьми с крайне негармонизированным мотивационным внутренним миром. «Молодые люмпены», как их называют социологи, — деклассированная масса с непроявленными социальными корнями, без четких нравственных понятий и политических ориентиров. Активность таких элементов социума в повседневной жизни простирается от обычной коммерческой лихорадки до спекуляций на фондовом и валютном рынках, а при нарастании революционной ситуации у них поднимается антисистемный протестный заряд. Он развивается на фоне нереализованных амбиций, как это было и в случае самосожжения М. Буазизи — молодого человека с высшим образованием, вынужденного торговать овощами. Эти люди, находясь в постоянном поиске своего места в жизни, по существу, становятся марионетками, попадая под влияние социальных сетей, настроений уличной толпы или идеологии радикальных движений. И если у таких людей отсутствует внутренний моральный стержень, то невозможно представить, какие мотивы возобладают у них в следующий момент времени.

Это наполняет современную прогностику психологическими и конфессиональными веяниями и придает ей оттенок загадочности и мистицизма, что пытаются использовать некоторые аналитики для поднятия своего имиджа, чему благоприятствует театрализованность событий на улицах городов, приобретающая форму политической драмы с элементами насилия, противостоянием сторон и жертвами участников этого псевдореволюционного действа. Освещающие эти события СМИ и информация в социальных сетях еще более накаляют обстановку массового психоза. Этому способствуют прямые репортажи, снятые на камеры сотовых телефонов неизвестно кем и неизвестно где, сообщения о многочисленных жертвах, павших от рук правительственных сил, но не показанных из якобы гуманных соображений, репортажи из якобы захваченных повстанцами городов, беспорядочная стрельба из зенитных пулеметов для демонстрации обстановки боевых действий, обломки якобы сбитых самолетов правительственной авиации, бомбившей повстанцев, «переход» на сторону народа сына Каддафи, бегство ливийских дипломатов в США и Францию. Однако если внимательно присмотреться, то видно, что в средствах массовой информации разыгрывается виртуальная война, смонтированная и отретушированная на компьютерах и вброшенная в виртуальное пространство в качестве информационной жвачки для обоснования санкций Совета Безопасности ООН.

Если Тунис и Египет были первыми пробами заокеанских режиссеров этого псевдореволюционного спектакля, то Ливия — это первая реальная боевая операция мировой информационно-сетевой войны Запада против неугодных режимов. Если на Балканах, в Афганистане и Ираке Вашингтон использовал все средства и методы глобального передела мира, имевшие целью смену лидеров в тех странах, которые представляют стратегический интерес для США, то сейчас Запад инициирует приведение к власти в странах Ближнего Востока лидеров нового поколения, идущих на смену тем, кто получил образование, воспитание в СССР, — технократов западной формации и западного менталитета, которые призваны упрочить позиции Соединенных Штатов при одновременном вытеснении Китая, ЕС и России из региона Большого Ближнего Востока. Это пример попытки реализации информационно-сетевой стратегии «управляемого хаоса», которая стала новым средством сохранения американского глобального лидерства с минимальными финансовыми затратами.

В этих условиях укреплению обороноспособности нашего государства, консолидации российского социума необходимо придавать первостепенное значение. Лишь сильные вооруженные силы и сплоченное общество Российской Федерации способны эффективно противостоять угрозам и вызовам XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В качестве идеологического прикрытия был востребован девиз древних «хочешь мира — готовься к войне».

[2] Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 1. М., 2010. С. 425.

[3] Философская энциклопедия. В 5-ти т. Т. 1. М., 1960. С. 276.

[4] *Энгельгардт М. А.* Прогресс как эволюция жестокости. М., 2014.

[5] *Лиддел Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., СПб., 2008. С. 10.

[6] Новая философская энциклопедия. С. 426.

[7] Этапам развития данного типа войн посвящено исследование: *Слипченко В. И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.

[8] *Лиддел Гарт Б.* Указ. соч. С. 12.

[9] *Сунь Цзы.* Искусство стратегии. М., СПб., 2007. С. 82.

[10] См.: Проблемы безопасности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука–XXI». 2008. № 3. Неклассические войны современности.

[11] См.: *Гриняев С. Н.* Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск, 2004; *Ларина Е. С., Овчинский В. С.* Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М., 2014; *Роговский Е. А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М., 2014.

[12] См.: *Везерфорд Дж.* История денег: Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М., 2001.

[13] См.: *Коровин В. М.* Третья мировая сетевая война. СПб., 2014; *Он же.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. М., 2009; *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М., 2011, и др.

[14] См.: *Катасонов В. Ю.* Украина: экономика смуты или деньги на крови. М., 2014; *Он же.* Экономическая война против России и сталинская индустриализация. М., 2014; *Стариков Н. В.* Спасение доллара — война. СПб., 2010; *Он же.* Хаос и революции — оружие доллара. СПб., 2011.

[15] См.: *Сондерс Ф. С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013.

[16] См.: *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М., 2007.

[17] *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003. С. 5.

[18] Там же. С. 7.

[19] Там же. С. 28.

[20] Там же.

[21] См.: *Месснер Е. Э.* Всемирная мятежевойна. М., 2004; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005.

[22] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 198–199.

[23] *Гришин В. И.* Энергетические войны. М., 2009; *Симонов К. В.* Глобальная энергетическая война. М., 2007.

[24] *Энгдаль Ф. У.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. Изд. 3-е, пересм. М., 2014.

[25] *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2013; *Рар А.* Россия жмет на газ. М., 2008.

[26] *Месснер Е. Э.* Нефть — оружие // Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 254–254.

[27] *Фурсов А. И.* Мир. Хаос. Порядок. Введение в серию // *Дехийо Л.* Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господства в Европе. М., 2005. С. 7–8.

[28] См.: Там же. С. 197–198.

[29] *Грачёва Т. В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2008; *Она же.* Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009; *Она же.* Когда власть не от Бога. Рязань, 2010; *Она же.* Память русской души. Рязань, 2011; *Она же.* Последнее искушение России. Рязань, 2013.

[30] *Грачёва Т. В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. С. 7.

[31] См.: Тайна концептуальной власти. М., 2000. С. 14–19.

[32] *Кургинян С. Э.* Ода страху. О праве оперировать понятием «оргоружие» // Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. М., 2007. С. 5; также см.: *Овчинский В., Сундиев В.* Организационное оружие (аналитический доклад) // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 43–59; *Султанов Ш.* Стратегическое мышление и организационное оружие // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 94–103.

[33] *Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б.* Анонимная война. М., 2014.

[34] См.: *Черняк Е. Б.* Невидимые империи. М., 1987; *Он же.* Пять столетий тайной войны. М., 1972.

[35] См.: *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006; *Он же.* Трансформация войны. М., 2005.

[36] *Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б.* Указ. соч.

[37] Cybersecurity. ru. Пентагон: Китай изготавливает кибероружие и содержит масштабные военные киберподразделения. 2007. 29 мая.

[38] Разведка. 2010. № 2. С. 62.

[39] *Карякин В. В.* Мир вступил в эпоху войн седьмого поколения — информационно-сетевых войн // Информационные войны. № 3. 2011.

[40] *Золотарёв В. А.* Когда нация становится жертвой // Военно-промышленный курьер. 2013. 1 мая. № 17 (485).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже семь десятилетий, но она, как и прежде, продолжает оставаться неисчерпаемым источником для выводов и уроков, которые актуальны и жизненно необходимы для современного и будущего развития России, да и всего мира. Будучи сложнейшим многофакторным явлением, война дала импульс процессам, и по сей день остро ощущаемым обществом в самых различных областях: политике, экономике, идеологии, военном строительстве, социальной и духовной жизни, демографии, бытовой повседневности.

Вопреки ожиданиям фронтового поколения, что Великая Отечественная война станет последней, сменится эпохой мирного созидательного труда, а поверженный фашизм уже никогда не сможет поднять голову, вторая половина XX в. и первые полтора десятилетия XXI в. оказались наполнены большими и малыми войнами, чреваты угрозой Третьей мировой войны. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции, в то время когда еще не стихли последние сражения Второй мировой войны, перешли в стан потенциальных противников, и мир, разделившийся на два противостоящих друг другу лагеря, охватила гонка вооружений.

В этих условиях усилия народов Советского Союза, его правопреемницы Российской Федерации по обеспечению национальной и военной безопасности, сохранению суверенитета и территориальной целостности, строительству вооруженных сил, соответствующих современному уровню развития военного дела, неизменно опирались и опираются на богатейший опыт войны и победы. С учетом этого обстоятельства авторский коллектив двенадцатого тома решал задачу исключительно важного научного и общественно-политического звучания — раскрыть итоги Великой Отечественной войны, извлечь уроки, адекватные вызовам и угрозам XXI в. во имя национальной безопасности Российской Федерации, ее будущего.

Говоря об итогах войны, в первую очередь следует обратить внимание на то, что в ходе нее была решена историческая задача по ликвидации фашистско-милитаристской политической системы и военной машины в Германии, Италии, Японии и других странах гитлеровского блока. В силу сложившихся обстоятельств и логики Второй мировой войны Советский Союз оказался единственной страной, способной остановить агрессора и тем самым создать условия для реального объединения всех антифашистских сил в борьбе с агрессией и победы над захватчиками.

При этом победа СССР в Великой Отечественной войне продемонстрировала единство в решении национальных и общечеловеческих задач. Защитив свою Родину, советские люди спасли от порабощения и физического истребления целые народы, предотвратили гибель многих государств, не позволили уничтожить мировую цивилизацию. В войне, где противоборство велось не на жизнь, а на смерть, проявился огромный политический, организаторский, духовный потенциал советского общества и государства, раскрылись величие души

нашего народа, его героизм, способность к выживанию и готовность к самопожертвованию во имя спасения Родины и человеческой цивилизации в целом.

Безусловно, победа во Второй мировой войне стала возможной благодаря общим усилиям народов антигитлеровской коалиции. Тем не менее решающую роль в разгроме фашистского блока сыграл Советский Союз, его вооруженные силы. Главные события вооруженной борьбы с фашизмом происходили на советско-германском фронте. Здесь решительность политических и военных целей воюющих сторон обусловили бескомпромиссный характер вооруженного столкновения, достижение важнейших стратегических результатов, оказавших определяющее воздействие на ход и исход войны. Народ повел войну, которая одновременно была и отечественной, и освободительной, и всенародной. Как бы подчас трагически ни складывались события на фронте, наши соотечественники всегда ощущали свое духовное и моральное превосходство над захватчиками.

Говоря об итогах войны, невозможно обойти стороной вопрос ее цены. Авторы тома далеки от уподобления понятий «цена войны» и «цена победы», понимая под первой размер непосредственных жертв и потерь, а под второй — комплексное, не сводимое к какому-то одному показателю выражение результатов ожесточенной борьбы на фронте и трудовой деятельности в тылу, выражение как обретений, так и жертв. Великая Победа стала результатом органичной взаимосвязи военной, политической, дипломатической, идеологической, нравственной, экономической побед, одержанных нашим народом над фашизмом.

Дискуссия по поводу содержательного наполнения указанных выше понятий в литературе не завершена, тем не менее очевидно, что ни для одного народа в мире цена победы не была столь высока, как для советского народа. И это не проявление высокомерия по отношению к другим народам, а констатация реальной действительности, подкрепленная в данном труде основательными фактологическими и статистическими данными.

Важнейшим итогом войны стало возмездие, настигшее фашистско-милитаристских агрессоров, которые, будучи олицетворением сил мировой реакции, не только препятствовали свободной и демократической жизни народов и государств, но и угрожали последним физическим уничтожением. Выступив против миролюбивых народов, против государств антигитлеровской коалиции, против демократии и свободы, фашизм сам сгорел в огне вызванного им пожара. И это закономерный итог борьбы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции с силами зла и агрессии.

Историческое возмездие мирового сообщества воплотилось в справедливое наказание главных военных преступников. Впервые в истории народы, одержавшие Великую Победу, привлекли к уголовной ответственности и вынесли суровый приговор инициаторам агрессивной войны. Неотвратимость расплаты за причиненное зло, будучи подкреплена международным правом, стала одним из сильнейших общественно-политических воспитательных факторов всемирного значения.

Важнейший итог войны заключается в реализации приоритета общечеловеческих ценностей, становлении и развитии демократических порядков во многих государствах мира. Годы Второй мировой войны, в которой Великая Отечественная была основной ее частью, стали временем согласованных действий различных социально-политических сил в борьбе с общей опасностью. Важная роль в достижении победы и послевоенном устройстве мира принадлежит антигитлеровской коалиции — уникальному политическому и военному союзу периода Второй мировой войны. Уже на пути к победе над фашизмом стали вырабатываться новое понимание истории, новый образ действий государств, независимо от их общественного строя.

Утвердившаяся по воле народов-победителей Ялтинско-Потсдамская система мироустройства оказалась настолько устойчивой и сбалансированной, что мировому сообществу удается вот уже семь десятилетий избегать глобального военного конфликта, что при размерах арсеналов современных видов оружия, накопленного за послевоенный период, уже само по себе явление уникальное.

Человечеством предприняты гигантские усилия с тем, чтобы военная сила была исключена из средств решения межгосударственных проблем. С точки зрения исторического развития закрепление победы над Германией и Японией как главными поджигателями Второй мировой войны получило выражение в образовании Организации Объединенных Наций, заключении мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией, решении проблемы денацификации Германии, установлении справедливых границ между государствами.

В результате изменения послевоенной геополитической ситуации и роста международного влияния Советскому Союзу удалось осуществить историческую задачу формирования вокруг собственного цивилизационного ядра геополитического континентального блока, ставшего на долгие годы гарантией стабильности в Европе и мире и обеспечившего безопасность нашей страны. Сложился новый геополитический ландшафт планеты, а благодаря победе над германским нацизмом и японским милитаризмом мир приобрел, по крайней мере на десятилетия, иммунитет к фашизму и экстремизму.

Планетарная цивилизация обрела важный инструмент внеблокового миростроительства — Организацию Объединенных Наций. При всем несовершенстве этого механизма ее роль в формировании миропорядка на основе всестороннего учета интересов всех субъектов международных отношений, предотвращении новой глобальной войны, преодолении бедности и нищеты на планете трудно переоценить.

В то же время послевоенное геополитическое пространство, определяемое разнонаправленными векторами политических сил, из многополярного трансформировалось в биполярное. Появились два противоборствующих лагеря: с одной стороны, СССР и его союзники, с другой — трансатлантическое сообщество. Противоречия между лагерями охватывали, по сути, весь мир. Но в силу двухполярности и примерного равенства сил между мировыми полюсами они не перерастали из стадии холодной войны в полномасштабную горячую войну.

В середине 1970-х гг. при самом активом участии СССР произошло смягчение международной обстановки, усилилось сотрудничество между государствами, появились признаки создания системы коллективной безопасности в Европе. В 1975 г. на совещании в Хельсинки 33 европейских государства, США и Канада подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, содержащий признание сложившихся в итоге победы над фашизмом и послевоенного развития территориальных границ, необходимости мирного урегулирования споров, принципа создания надежной основы для исключения агрессии из международных отношений.

Это важное историческое событие получило дальнейшее развитие в связи с обострением международной обстановки на рубеже 1970–1980-х гг., когда угроза ядерной войны стала особенно ощутимой. Однако после очередного обострения холодной войны во второй половине 1980-х гг. наступила очередная разрядка: улучшились отношения между двумя сверхдержавами — СССР и США, начался процесс реального ядерного и общего разоружения.

На рубеже 1980–1990-х гг. произошла смена моделей международных отношений. Исчезло резкое противостояние по линии Восток — Запад. Существенно изменилась геополитическая карта Европы. Казалось, что общественное мнение, политики, государственные и военные деятели начали усваивать истину, что в ядерный век надо мыслить новыми категориями, ибо речь идет о выживании и сохранении всего человечества. Однако исторический процесс в очередной раз проявил свою сложную нелинейную природу. Действительность начала XXI в. показала, что военная сила продолжает играть большую роль в международных отношениях, да и в жизни отдельных государств и народов. Стремлению решать спорные вопросы политическими и другими невоенными средствами противостоит сильная тенденция к использованию привычных военно-силовых методов. Об этом свидетельствуют многочисленные локальные вооруженные конфликты и вмешательство стран НАТО в дела суверенных народов Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, а в последнее время — и Украины. Одновременно мировому сообществу брошен вызов со стороны международного терроризма и других сил, опирающихся на мощную военную силу.

Такого рода явления и процессы, по сути, в той или иной мере — отголоски Второй мировой войны либо концептуально связанные с ней, делают особенно актуальной задачу извлечения уроков из прошлого во имя будущего. И первый из них — урок, обязывающий учитывать коренное изменение места и роли войны, военного насилия в жизни общества вообще. Очевидно, что гонка вооружений и терроризм сдерживают социальный прогресс, тормозят экономическое развитие стран и не позволяют повышать уровень жизни народов. Отсюда следует, что категорическим императивом нашего времени является не только предотвращение ядерной войны, борьба с международным терроризмом, но и урегулирование, недопущение локальных вооруженных конфликтов, гонки вооружений, применения военной силы. Все противоречия и спорные вопросы могут и должны разрешаться политическими и иными ненасильственными средствами. Обеспечение безопасности государств больше не является функцией только военной силы.

Существенным уроком минувшей войны стала также необходимость отказа от национального, расового, классового эгоцентризма, чрезмерной идеологизации международных отношений. Различные страны и народы ощущают жизненную потребность в сотрудничестве ради предотвращения войны, борьбы с ядерной опасностью и терроризмом. То, что это возможно, убедительно показали создание и функционирование во время Второй мировой войны антигитлеровской коалиции, ее решительная победа над блоком государств-агрессоров. Ныне сотрудничество государств мира приобретает новые черты и сталкивается с новыми проблемами, получившими статус глобальных. Здесь важно находить пути решения самых острых и спорных вопросов, идти на разумные и приемлемые для каждой из сторон компромиссы, формулировать взаимовыгодные решения.

Одним из уроков войны является также необходимость закрепления добытой высокой ценой победы. Это обязательная предпосылка необратимости позитивных процессов, получивших начало в ходе справедливой войны и в результате разгрома германского фашизма, а затем и японского милитаризма. Закрепление победы создавало условия для восстановления пострадавшей в ходе войны страны и ее последующего прогрессивного развития. Оно также оказалось благоприятным и для развития общедемократических процессов в других странах, реализации новых возможностей в решении проблемы войны и мира.

Наша страна, одержав победу над нацистской Германией и милитаристской Японией, вышла из войны с огромным морально-политическим авторитетом, сильной в военном отношении, но с ослабленной войной экономикой и грузом больших потерь. Во время войны советские люди, образно говоря, расправили плечи и почувствовали свою силу. Это позволило Советскому Союзу уже к середине 1950-х гг. в основном ликвидировать причиненные фашистами разрушения, поднять из развалин сотни городов, тысячи сел и деревень. Был восстановлен и превзойден довоенный промышленный потенциал, ожило сельское хозяйство. В области образования, науки и культуры страна сделала огромный рывок вперед. Советский Союз первым шагнул в космос. Были и другие достижения в материальной, социальной и духовной областях жизни советского общества. Место и роль СССР в мировом сообществе возросли многократно.

В то же время война вскрыла противоречия, накопившиеся в обществе, обозначила существенные недостатки системы управления, способов решения национальных, социальных и политических проблем. К сожалению, ни правящая партия, ни общество в целом не проявили к этой стороне советской действительности необходимого внимания. Примерно с середины 1970-х гг. экономика страны стала утрачивать динамизм в своем развитии, нарастали застойные явления во всех сферах жизни советского общества. Лишь на первый взгляд они не были связаны с наследием Великой Отечественной войны. На самом деле именно в период войны приобрели обостренные формы крайняя степень централизации управления страной, включая экономику, ее милитаризация, примат идеологии. Но в условиях военного времени они были и легко объяснимы, и что самое главное — необходимы, выступив одним из решающих источников победы над врагом.

Однако война закончилась, а эти явления не только не прекратились, но и приобрели дополнительную динамику. Произошло то, что нередко наблюдалось в жизни победителей, будь то народы или отдельные индивидуумы: сама победная обстановка не побуждала к критическому переосмыслению действительности и внесению необходимых корректив. Так, к сожалению, произошло и в СССР. Постепенно страна, выигравшая войну, и ее народ-победитель стали отставать от побежденных. Деформировалось единое экономическое и оборонное пространство, обострились прежние и возникли новые политические, этнонациональные, территориальные противоречия. На пространстве бывшего СССР вспыхнули вооруженные конфликты, ухудшилась духовно-нравственная атмосфера. В конце концов, произошла крупнейшая геополитическая катастрофа XX в. — Союз Советских Социалистических Республик распался.

Республики, бывшие ранее в составе СССР, оказались отброшены в своем развитии назад. Некоторые из них (страны Балтии, Украина), придав своей государственной политике антироссийский характер и поощряя рост неонацистских настроений, встали на путь фальсификации истории, оправдания преступлений германских нацистов и их пособников из числа местных коллаборационистов, отрицания освободительной миссии Вооруженных сил Советского Союза.

Причин этому несколько, и прямо выводить их из победы, достигнутой в 1945 г., было бы неправильно. В то же время правомерно полагать, что победа оказала на власть и общество в СССР чрезмерное успокаивающее воздействие. Годы, минувшие после распада Советского Союза в 1991 г., показывают: явно недооценивалась опасность появления в стране-победительнице германского нацизма таких отвратительных явлений, как радикальный национализм, ксенофобия, этнонациональные и идеолого-мировоззренческие конфликты. Долго пребывавшие в подсознании значительного числа людей, сегодня они дали на постсоветском пространстве бурные всходы и грозят реваншем.

Трудно об этом писать и говорить, но в 2014 г. опасность для России стала исходить с территории дружественной Украины, где в результате государственного переворота к власти пришли силы, исповедующие неонацистскую идеологию. Их поддержка со стороны США и других стран НАТО, режим экономических санкций, введенных против России, продолжающееся продвижение Североатлантического альянса к границам России и попытки США разрушить сложившийся в мире стратегический баланс сил — эти и другие подобные акции еще более актуализировали урок, связанный с обеспечением национальной безопасности. Он состоит в необходимости надежной защиты страны от любых внешних угроз, в том числе и военных. Такая защита должна строиться на поддержании необходимого и достаточного оборонного потенциала (военной мощи) и активном участии России в построении стабильной системы международных отношений во всех областях: политической, экономической, социальной, военной, экологической, духовной.

Бесспорно, характер ведения боевых действий, системы вооружений, способы ведения войны после победного 1945 г. изменились кардинально. В данном труде не случайно ведется речь о новых технологиях, связанных с информационным противоборством, гибридными войнами. Оттесняя собственно военные операции на второй план, современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия.

Борьбу политических оппонентов за «современную» интерпретацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн российская сторона вправе рассматривать как одно из проявлений информационной и психологической войны, развернутой против нашей страны. Невиданные ранее масштабы приобрели попытки фальсификаторов извратить новейшую историю Европы, результаты войны, достижения победы.

Поэтому в числе уроков Великой войны и Великой Победы над фашизмом особое место занимают патриотизм, готовность к защите Отечества. Воспитание любви к Родине, гордости за право быть наследниками Великой Победы, уважения к своей истории, делам и традициям предшествующих поколений есть жизненная потребность россиян. Правдивая история нашей страны становится ныне одним из краеугольных камней возрождения гражданского самосознания народа и формирования национальной идеи, отвечающей требованиям современного этапа развития страны, ее духовной основой. Из этого исходили члены авторского коллектива двенадцатого тома, авторы всего многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Приложение

ХРОНОГРАФ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941 год

10 июня, вторник (12 дней до начала войны)

Согласно распоряжению главкома сухопутных войск Германии днем «Д» операции «Барбаросса» определялось 22 июня. 21 июня в 13 часов по берлинскому времени войскам планировалось передать сигнал «Дортмунд» о начале операции. В 3 часа 30 минут 22 июня должно было начаться наступление германских войск (позднее срок был перенесен на 3 часа утра).

12 июня, четверг (10 дней до начала войны)

Нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко отдал директивы о выдвижении к западной границе стрелковых дивизий, располагавшихся в глубине территории приграничных военных округов. Предполагалось, что всего из внутренних округов должно быть выдвинуто на запад 26 дивизий, однако к 22 июня в районах назначения выгрузилось только 13 дивизий.

13 июня, пятница (девять дней до начала войны)

В этот день нарком обороны маршал С. К. Тимошенко просил у председателя Совнаркома И. В. Сталина разрешения дать указание на приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность и развертывание первых эшелонов по планам прикрытия. Однако И. В. Сталин, боясь осложнить отношения с Германией и дать ей повод для провокаций, до последнего момента так и не смог решиться на этот необходимый для страны шаг.

14 июня, суббота (восемь дней до начала войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение ТАСС об опровержении слухов о готовящемся нападении Германии на СССР.

19 июня, четверг (три дня до начала войны)

Командование округами было предупреждено о возможности нападения Германии в ближайшие дни без объявления войны. В то же время приказа о приведении войск в полную боевую готовность не последовало.

20 июня, пятница (два дня до начала войны)

Народный комиссар обороны маршал С. К. Тимошенко издал приказ о маскировке самолетов, взлетных полос, аэродромных сооружений.

21 июня, суббота (один день до начала войны)

Штабы групп немецких армий, сосредоточенные на границе с СССР, получили условный сигнал «Дортмунд», что означало — начать вторжение.

В то время как германские войска были полностью отмобилизованы, советским требовалось еще немалое время на отмобилизование и слаживание. Вместо 237 дивизий, которые в соответствии с пла-

ном предполагалось развернуть на западе, к началу войны оказалось всего 186 (включая три дивизии в Крыму). 10 дивизий внутренних округов находились в движении, остальные готовились к нему, будучи рассредоточенными от Архангельска до Забайкалья.

22 июня, воскресенье (1-й день войны)

В 3 часа 15 минут (4 часа 15 минут по московскому времени) Германия и ее союзники напали на СССР. Первые удары вражеской авиации пришлись по местам базирования советских самолетов новейших типов, пунктам управления, портам, складам, железнодорожным узлам. Массированные воздушные удары врага сорвали организованный выход первого эшелона приграничных военных округов к государственной границе.

В 5 часов 30 минут немецкий посол в Москве Ф. Шуленбург вручил министру иностранных дел Советского Союза В. М. Молотову ноту германского правительства об объявлении войны.

В 5 часов 45 минут на совещание к И. В. Сталину прибыли высшие военные, партийные и государственные деятели, в том числе С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, Л. П. Берия, Л. З. Мехлис. На совещании в Кремле были приняты важнейшие решения, положившие начало превращению страны в единый военный лагерь.

В 7 часов 50 минут берлинское радио оповестило весь мир о начале войны Германии против СССР. Большинство населения о начале войны узнало по радио в 12 часов 15 минут из выступления заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова.

Западные приграничные военные округа были преобразованы во фронты.

Президиум Верховного Совета СССР издал указы: «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам»; «О военном положении»; «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»; «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Военное положение вводилось в семи союзных республиках, а также в Архангельской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калининской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях, Краснодарском крае, Крыму и городах Москве и Ленинграде. Мобилизации подлежали военнообязанные 1905—1918 гг. рождения.

Начались приграничные сражения советских войск в Прибалтике, Белоруссии и на Украине (завершились 29 июня).

Началась летне-осенняя кампания 1941 г. В ходе первого этапа кампании (22 июня — середина июля) были проведены оборонительные операции в Прибалтике, Белоруссии и Западной Украине. Второй этап (середина июля — сентябрь) включал оборонительные операции под Ленинградом, Смоленском и Киевом. Третий этап (октябрь — начало декабря) охватывал оборонительные и наступательные операции под Москвой, а также под Ленинградом, в Заполярье, Донбассе, Крыму.

Патриарший Местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (И. Н. Страгородский) обратился к верующим с посланием, в котором церковь благословила всех православных на защиту священных границ Отечества. В послании подчеркивалось, что всякий может и должен полагать свою душу за народ и Родину, как это делали Александр Невский, Димитрий Донской и тысячи безвестных православных воинов. Митрополит призвал верующих готовиться к труду и жертвам в борьбе с фашистскими разбойниками, а Православная церковь разделит судьбу народную. Послание было разослано по всем приходам.

Италия и Словакия объявили войну Советскому Союзу.

23 июня, понедельник (2-й день войны)

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) создана Ставка Главного командования Вооруженных сил СССР. В состав Ставки вошли: народный комиссар обороны маршал С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК СССР И. В. Сталин, заместитель председателя СНК, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, заместители народного комиссара обороны Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и С. М. Будённый, а также нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. При Ставке был создан институт постоянных советников.

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о немедленном вводе в действие мобилизационного плана по производству боеприпасов и патронов. За его выполнение особая ответственность была возложена на парторганизации Москвы, Горького, Свердловска, Челябинска, Новосибирска и других промышленных центров.

24 июня, вторник (3-й день войны)

«Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации под председательством Л. М. Кагановича.

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании Советского информационного бюро (Совинформбюро) для руководства работой по освещению в периодической печати и по радио международных, военных событий и внутренней жизни страны (с 14 октября 1941 по 3 марта 1942 г. находилось в Куйбышеве). Руководителем Совинформбюро был назначен Л. З. Мехлис, а с июня 1942 г. — А. С. Щербаков.

СНК СССР принял постановление о перемещении в тыл из прифронтовой полосы оборудования и основных кадров авиапромышленности Ленинграда, Риги, Таллина, Могилёва, Минска и Днепропетровска.

СНК СССР было принято постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Истребительные батальоны предназначались для борьбы с фашистскими парашютистами и диверсантами, а также для охраны важных оборонных и народно-хозяйственных объектов.

В газетах «Известия» и «Красная звезда» был опубликован текст песни «Священная война» (слова поэта В. И. Лебедева-Кумача). Краснознаменный хор Красной армии под руководством А. В. Александрова (он и был автором музыки) впервые исполнил эту песню на Белорусском вокзале, откуда уходили на фронт поезда с войсками. Песня как набат звала весь народ на смертельный бой с фашистскими захватчиками.

Во Всесоюзном гастрольно-концертном объединении и Мосэстраде было создано более 40 концертных бригад для обслуживания действующей армии. В одни из первых бригад вошли Л. Русланова, М. Гаркави, Т. Церетели, И. Набатов, И. Юрьева.

25 июня, среда (4-й день войны)

Народный комиссар обороны СССР издал директиву о создании стратегического фронта обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр.

Ставка Главного командования приняла решение развернуть второй стратегический эшелон обороны в составе 19, 20, 21 и 22-й армий резерва Ставки на рубеже Сущёво — Невель — Витебск — Могилёв — Гомель — Чернигов — реки Десна и Днепр до Кременчуга.

В Москве вышел приказ № 1 по гарнизону «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве» (введен в действие с 27 июня 1941 г.). В столице был введен комендантский час. Устанавливалось время работы организаций местного и областного значения с 8 часов 30 минут, а союзного и республиканского — с 9 часов утра. Воспрещалось движение по городу с полуночи до 4 часов утра, а также любое фотографирование и киносъемка без разрешения коменданта гарнизона. Въезд в столицу разрешался только гражданам с московской пропиской или по спецпропускам.

Совинформбюро предупредило население о том, что гитлеровцы сбрасывают по 5–10 парашютистов-диверсантов в форме советских милиционеров для порчи линий связи. В сообщении отмечалось, что в тылу действующих армий созданы истребительные батальоны для уничтожения диверсантов. Руководство ими возложено на НКВД СССР.

26 июня, четверг (5-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

В Октябрьском районе Полесской области организован и приступил к действию один из первых партизанских отрядов в Белоруссии, получивший наименование «Красный Октябрь». Отряд возглавили Т. П. Бумажков и Ф. И. Павловский.

Правительство Ирана заявило о соблюдении полного нейтралитета.

Финляндия объявила войну Советскому Союзу.

Глава Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий (И. Н. Страгородский) на молебне в Богоявленском кафедральном соборе призвал верующий народ пожертвовать собой «за други своя» и победить заклятого врага. Подчеркнув, что над Отечеством и православной верой нависла страшная угроза, митрополит убеждал верующих не предавать без борьбы родную землю, не изменять Христу и своим лучшим историческим заветам. Он сказал, что военная гроза принесет не только бедствия, но и духовное оздоровление общества, она унесет равнодушие ко благу Отечества, двурушничество и служение личной наживе.

27 июня, пятница (6-й день войны)

ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об эвакуации населения, промышленных объектов и материальных ценностей из прифронтовой полосы.

СНК СССР принял постановление о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов и камней.

Началось формирование Особой группы войск при НКВД СССР, которая в октябре 1941 г. была преобразована в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Бригада предназначалась для выполнения особых заданий Верховного командования и НКВД СССР.

Венгрия объявила войну Советскому Союзу.

Ставка ГК продолжала создавать глубокоэшелонированную оборону на дальних подступах к Москве. С этой целью Ставка приказала выдвинуть 24-ю и 28-ю резервные армии к линии, удаленной на 180–250 км от переднего края второго стратегического эшелона, занять и прочно удерживать рубеж Нелидово — Белый — Ельня — Дорогобуж — р. Десна до Жуковки (50 км северо-западнее Брянска). Особое внимание обращалось на организацию обороны направлений Смоленск, Вязьма, Рогачёв, Медынь.

29 июня, воскресенье (8-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) направили директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой наряду с другими мерами по превращению страны в единый военный лагерь для оказания всенародного отпора врагу содержались указания о развертывании подполья и партизанского движения, определялись организационные формы, цели и задачи борьбы.

Приграничные сражения в Прибалтике, Белоруссии и на Украине (22–29 июня) завершились тяжелым поражением Красной армии. Западные приграничные военные округа безвозвратно потеряли треть своего личного состава. На оккупированной территории осталось более половины их запасов. И все же при всей тяжести последствий первых ударов агрессора Вооруженные силы СССР не только устояли, но и сохранили способность к дальнейшему сопротивлению.

30 июня, понедельник (9-й день войны)

К концу июня советское военно-политическое руководство поняло, что для отражения агрессии необходима мобилизация всех сил страны. С этой целью был создан чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным, занимавшим в то время посты председателя Совета народных комиссаров СССР, секретаря ЦК ВКП(б) и члена Ставки Главного командования (с 10 июля — председатель Ставки). В состав ГКО также вошли: В. М. Молотов — заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов — заместитель председателя СНК и член Ставки ГК, Г. М. Маленков — секретарь ЦК ВКП(б) и Л. П. Берия — заместитель председателя СНК и нарком внутренних дел. В руках ГКО концентрировалась вся полнота власти в государстве.

При Бюро Совнаркома СССР создан Комитет по распределению рабочей силы.

В Ленинграде началось формирование народного ополчения. За один день в части народного ополчения были призваны 10 890 человек.

Войска Венгрии, которая 27 июня объявила о своем вступлении в войну против СССР, перешли границу и вступили в боевые действия.

Руководство нацистской Германии официально обратилось к правительству Японии с просьбой вступить в войну против СССР.

1 июля, вторник (10-й день войны)

Советское правительство предложило правительству Великобритании заключить соглашение о союзе в борьбе против фашистской Германии.

Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял свое первое постановление, которое касалось увеличения выпуска пожарных машин в Москве и усиления противопожарной безопасности столицы и таких ее пригородов, как Красногорск, Кунцево, Мытищи, Реутов, Бабушкин, Ухтомск, Люблино, Перово. В течение всей войны ГКО ежедневно принимал в среднем 7–8 постановлений.

ГКО принял постановление об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово».

СНК СССР принял постановление о расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени.

Совнарком СССР своим постановлением утвердил «Положение о военнопленных», статьи которого строго соответствовали положениям Гаагской и Женевской конвенций.

Совнарком СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне».

На предприятиях Москвы началась массовая запись в народное ополчение: на заводе «Красный пролетарий» записались 1 тыс. человек; на трансформаторном заводе имени Куйбышева — 320 человек; на фабрике № 1 Московского городского управления легкой промышленности — 58 человек; на 1-й меховой фабрике — 55 человек.

2 июля, среда (11-й день войны)

Ставка Главного командования отдала директиву командующему войсками Закавказского военного округа с требованием не допускать действий, способных спровоцировать Иран и Турцию на вступление в войну.

МГК ВКП(б) поручил партийным организациям столицы возглавить работу по формированию народного ополчения по районам и завершить ее к 6 июля. Предполагалось сформировать по одной дивизии в каждом районе Москвы (всего было 25 районов) общей численностью 270 тыс. человек из числа не подлежащих призыву трудящихся столицы и области в возрасте от 17 до 55 лет.

Военный совет Московского военного округа принял постановление «О добровольной мобилизации в дивизии народного ополчения».

Артистические бригады общей численностью до 700 человек только за первые семь дней работы дали свыше 400 концертов на мобилизационных пунктах Москвы и Подмосковья.

3 июля, четверг (12-й день войны)

По радио выступил председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. В его речи и в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. была изложена общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу.

Государственный Комитет Обороны утвердил план эвакуации основного артиллерийского и стрелкового оружия, приборов и патронов, в котором предусматривалось перебазирование из Москвы, Тулы и Ленинграда в города Поволжья и Сибири 26 заводов Наркомата вооружения.

4 июля, пятница (13-й день войны)

ГКО принял решение о разработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны с использованием ресурсов и предприятий на Волге, Урале и в Западной Сибири.

ГКО одобрил инициативу трудящихся Москвы и дал указание о формировании к 7 июля 12 дивизий народного ополчения.

Продолжалось создание формирований народного ополчения и в других городах. В Ленинграде формировалась Ленинградская армия народного ополчения. Всего летом и осенью было создано до 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков, десятки отдельных батальонов и рот. Их численность составила свыше 2 млн человек.

Началась оборона войск Северного фронта на западных и юго-западных подступах к Ленинграду (завершилась 23 сентября 1941 г.).

Утром 1-я немецкая танковая дивизия достигла южной окраины первого российского города — Острова и с ходу форсировала реку Великую.

С нападением нацистской Германии на СССР абвер и СД продолжали забрасывать на советскую территорию подготовленных агентов. В 1941 г. по сравнению с 1939 г. объем заброски увеличился в 14 раз. Некоторые итоги этой работы подвел В. Канарис в докладной записке верховному командованию вермахта от 4 июля 1941 г.

5 июля, суббота (14-й день войны)

ГКО принял постановление об эвакуации из центральных областей в Западную Сибирь части кадров и оборудования для производства авиаприборов.

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О реорганизации службы МПВО г. Москвы». В системе МПВО создавались четыре полка, один отдельный батальон и две отдельные роты численностью 11,3 тыс. человек.

6 июля, воскресенье (15-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения».

ГКО принял постановление о мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции.

В Москве завершено формирование 12 дивизий народного ополчения.

7 июля, понедельник (16-й день войны)

Войска Красной армии испытывали большие потребности в противотанковых средствах, в том числе и ближнего боя. ГКО принял постановление «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)». Наркомпищепром СССР был обязан организовать снаряжение литровых бутылок огнеметной смесью в количестве 120 тыс. штук в сутки. Гранаты-бутылки предназначались для пехотных частей: зажженная бутылка забрасывалась во вражеский танк. ГКО установил сроки: начало всех работ — с 10 июля, а снабжение фронта — с 14 июля 1941 г.

В газете «Правда» опубликованы сообщения о массовых формированиях отрядов народного ополчения в Москве, Ленинграде, Калинине и других городах Советского Союза.

Исполком Моссовета принял постановление «Об эвакуации взрослого населения».

В постановлении «О формировании МПВО г. Москвы», принятом в этот день, намечалось сформировать четыре полка, 26 отдельных батальонов и одну отдельную роту МПВО г. Москвы общей численностью 33 167 человек; за личным составом закреплялась зарплата по месту работы: 100% — для комсостава, 50% — для всех. Утверждались расходы на питание формирований — 8658,5 тыс. рублей в месяц.

8 июля, вторник (17-й день войны)

В КГБ СССР была сформирована военно-чекистская группа организаторов подпольной работы для выполнения заданий в тылу врага в Смоленской области.

9 июля, среда (18-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О противовоздушной обороне Москвы», в котором намечалась широкая программа увеличения сил и средств ПВО столицы. Постановление ГКО также предусматривало значительное увеличение формирований МПВО столицы.

ГКО принял постановление «О создании службы маскировки при Московском совете».

Постановлением «О мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в г. Москве и прилегающих районах» ГКО расширил обязанности истребительных батальонов: они должны были бороться с антисоветскими выступлениями, нести патрульную службу, теснее взаимодействуя с милицией.

Государственный Комитет Обороны принял постановление об образовании в местностях, объявленных на военном положении, городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны.

В Витебской области Белорусской ССР был создан партизанский отряд под командованием М. Ф. Шмырёва (батька Минай).

10 июля, четверг (19-й день войны)

С целью повышения надежности и оперативности руководства войсками действующей армии Государственный Комитет Обороны образовал главные командования Северо-Западного (Северный, Северо-Западный фронты, Северный и Балтийский флоты), Западного (Западный фронт, Пинская военная флотилия) и Юго-Западного (Юго-Западный и Южный фронты, Черноморский флот) стратегических направлений.

К 10 июля немецкие войска продвинулись в глубь территории СССР на западном направлении до 600 км, на северо-западном и юго-западном — до 300 км.

За 17 дней, с 24 июня по 10 июля, артисты столичной эстрады дали на сборных пунктах свыше 1200 концертов для бойцов, отъезжающих на фронт.

Рейхсминистру восточных оккупированных территорий А. Розенбергу была представлена докладная записка о лагере военнопленных в Минске, где находились приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Вся система гитлеровских лагерей для советских военнопленных была рассчитана на их быстрое, тотальное истребление.

11 июля, пятница (20-й день войны)

Завершено формирование отрядов народного ополчения тульских заводов и фабрик, которые начали обучение.

12 июля, суббота (21-й день войны)

В Москве подписано соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. Это соглашение положило начало антигитлеровской коалиции.

13 июля, воскресенье (22-й день войны)

МГК ВКП(б) принял решение ограничить прием в народное ополчение и одновременно вернуть на предприятия, в учреждения и учебные заведения специалистов высшей квалификации, уже вступивших в дивизии.

14 июля, понедельник (23-й день войны)

В 15 часов 15 минут батарея реактивных минометов капитана И. А. Флёрова произвела первый залп по противнику под Оршей, положив начало боевому применению качественно нового вида оружия.

Первые три дивизии народного ополчения Ленинграда общей численностью 31 тыс. человек были переданы в Лужскую оперативную группу.

В ночь на 14 июля 1941 г. линию фронта перешла первая разведывательно-диверсионная группа во главе с младшим лейтенантом Г. Я. Герчиком, подготовленная войсковой частью № 9903. Задание группы — разведка вражеской группировки, захват пленных, документов, проведение диверсий на шоссейных и железных дорогах.

15 июля, вторник (24-й день войны)

Главное политическое управление РККА выпустило обращение «К военнослужащим, сражающимся в тылу противника», напечатанное в виде листовки оно было разбросано с самолетов над всей оккупированной территорией.

Харбинская резидентура НКГБ СССР сообщила о японских планах создания на Дальнем Востоке буферного государства. После занятия немцами Москвы японцы планировали сформировать из русских эмигрантов (преимущественно казаков) части, которые вторгнутся на советскую территорию и, независимо от размера захваченной территории, провозгласят антисоветскую власть.

16 июля, среда (25-й день войны)

Издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В соответствии с указом во всех полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной армии были введены должности военных комиссаров, а в ротах, батареях и эскадронах — должности политических руководителей (политруков). Управления и отделы политпропаганды реорганизовывались в политуправления и политотделы (20 июля 1941 г. указ был распространен и на Военно-морской флот).

Президиум Верховного Совета СССР утвердил «Положение о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Государственный Комитет Обороны в своем приказе от 16 июля потребовал от командования Западного фронта организовать оборону Смоленска.

В связи с прорывом танковых группировок врага в центре Западного фронта Государственный Комитет Обороны принял решение о защите Москвы на линии Можайска и о строительстве Можайской линии обороны в 120–130 км от Москвы.

В соответствии с постановлением ГКО «О подготовке резервов в системе НКО и ВМФ» при НКО была создана специальная группа по формированию дивизий, противотанковых и артиллерийских полков, которая в августе 1941 г. развернута в Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии.

В ночь на 16 июля авиация Балтийского флота и Северо-Западного фронта нанесла удар по Берлину, Штеттину, Нойбранденбургу.

В районах Смоленской области, захваченной противником, начали действовать 32 подпольных райкома ВКП(б), организовано 19 партизанских отрядов. Отряд Шульца из партизанского соединения «Батя» впервые в Смоленской области вступил в бой с кадровыми немецкими частями.

Московский горисполком объявил, что с 17 июля 1941 г. в столице вводится карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров.

Начальный период Великой Отечественной войны, продолжавшийся с 22 июня до середины июля, закончился поражением Вооруженных сил Советского Союза. Противник добился крупных оперативно-стратегических результатов. Его войска продвинулись в глубь советской территории на 300–600 км. Под натиском врага Красная армия была вынуждена отступать почти повсеместно. Латвия, Литва, почти вся Белоруссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией.

В начале кампании вермахт также понес потери, которых он не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. На 13 июля, по данным начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера, только в сухопутных войсках были убиты, ранены и пропали без вести свыше 92 тыс. человек, а урон в танках составил в среднем 50%.

С середины июля наступательные возможности агрессора оставались большими: 183 боеспособные дивизии и 21 бригада.

17 июля, четверг (26-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял решение по усилению Можайской линии обороны и назначении командующих, членов военных советов и начальников штабов 32, 33 и 34-й армий.

По решению ГКО органы 3-го управления НКО были преобразованы в особые отделы, а само 3-е управление — в Управление особых отделов. Они были подчинены НКВД, а уполномоченные в полках и отделы в дивизиях — одновременно и своим комиссарам. Главной задачей особых отделов на период войны являлись решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

18 июля, пятница (27-й день войны)

Совет народных комиссаров СССР принял постановление о введении карточной системы в Москве, Ленинграде и отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей.

ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Были определены задачи партийного подполья в организации и руководстве партизанским движением. Секретари партийных органов обязывались непосредственно возглавить народную борьбу в тылу врага.

19 июля, суббота (28-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР назначил председателя Совнаркома И. В. Сталина народным комиссаром обороны СССР.

20 июля, воскресенье (29-й день войны)

Народные комиссариаты внутренних дел и государственной безопасности СССР объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР.

После упорных боев героические защитники Брестской крепости прекратили дальнейшую борьбу. После отхода главных сил здесь остались часть подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий, 33-го инженерного полка и пограничная застава. Наступавшие части 45-й и 31-й пехотных дивизий поддерживала огнем осадная артиллерия. Эти соединения понесли большие потери, только 45-я дивизия потеряла 1137 человек, в том числе 61 офицера.

21 июля, понедельник (30-й день войны)

Правительство Великобритании в своем послании отклонило предложение советского правительства от 18 июля 1941 г. об открытии второго фронта против нацистской Германии на севере Франции и на севере Норвегии, ссылаясь на неподготовленность союзников и недостаточность их сил для данной операции.

9-я дивизия народного ополчения г. Москвы вышла в район Бородино, овеянного славой героев Отечественной войны 1812 г. В дивизию влился отряд ополченцев Тимирязевского района столицы в количестве 817 человек, а также отряд ополченцев Подольского района Московской области. Ополченцы приступили к оборудованию оборонительных позиций и устройству заграждений.

22 июля, вторник (31-й день войны)

ГКО принял постановление «Об организации противовоздушной обороны важнейших промышленных и экономических объектов СССР».

23 июля, среда (32-й день войны)

Распоряжением ГКО «Об обеспечении бесперебойного радиовещания и радиопередач» перебрасывались пять радиопередатчиков: четыре — в Куйбышев, один — в Свердловск. В этих городах создавались новые радиоцентры.

Штаб оперативного руководства вермахта издал приказ об ужесточении мер к населению оккупированных территорий на Востоке.

24 июля, четверг (33-й день войны)

Во время налета вражеской авиации на Москву сброшено 1638 зажигательных бомб, в результате четыре дома сгорело.

26 июля, суббота (35-й день войны)

По распоряжению ГКО Телеграфное агентство Советского Союза переводится в Куйбышев. Переезд сотрудников и переброска аппаратуры, архива должны были завершиться к 28 июля 1941 г.

27 июля, воскресенье (36-й день войны)

Главный экономический штаб «Восток» в оккупированных областях распространил распоряжение, в котором сформулировал основные постулаты оккупационной политики в СССР. Целью экономического руководства являлось обеспечение потребности военных отраслей Германии и достижение возможно большей производительности труда. Предполагалось также максимальное изъятие продовольствия для нужд военной экономики Третьего рейха.

Исполком Моссовета принял решение о финансировании работ по восстановлению жилых домов, подвергшихся разрушению от воздушных бомбардировок.

28 июля, понедельник (37-й день войны)

ГКО принял постановление «Об улучшении работы Генерального штаба Красной Армии и центральных управлений НКО». В составе НКО было создано Управление тыла во главе с генерал-лейтенантом А. В. Хрулёвым. Введены должности начальника тыла — заместителя командующего фронтом и армии по тылу.

29 июля, вторник (38-й день войны)

В Москве состоялись переговоры И. В. Сталина и личного представителя президента США Г. Гопкинса. В переговорах приняли участие представители советского правительства и вооруженных сил. Официальная цель миссии Г. Гопкинса (29 июля — 1 августа) — обсуждение вопросов о военных поставках США в СССР. Неофициально он должен был выяснить, «как долго продержится Россия» в борьбе против немецких агрессоров.

По решению ГКО войска Западного фронта и части главнокомандования Западного направления были объединены в единый Западный фронт под командованием маршала С. К. Тимошенко. Центральный фронт был подчинен непосредственно Ставке Верховного командования. Все резервные армии Ржевско-Вяземской линии передавались в распоряжение создаваемого Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова, который из-за разногласий с И. В. Сталиным по вопросам ведения вооруженной борьбы был отстранен от должности начальника Генерального штаба. Фронт подчинялся непосредственно Ставке. Начальником Генерального штаба был назначен Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников.

С первых дней войны началась добровольная материальная и финансовая помощь Красной армии со стороны населения. Инициаторами движения за создание Фонда обороны были рабочие московского завода «Красный пролетарий», которые выступили с призывом о ежемесячном отчислении в создаваемый фонд однодневного заработка. Среди колхозников одними из первых решили отчислить в Фонд обороны по 10 трудодней с каждого работающего члены колхоза «Ленинский путь» Оренбургской области. Правительство, которое крайне нуждалось в средствах для обороны страны, в свою очередь, приняло меры, чтобы это движение приняло массовый и организованный характер. 29 июля 1941 г. газета «Правда» опубликовала сообщение, что денежные взносы можно помещать в любое отделение Госбанка СССР на специальный счет.

30 июля, среда (39-й день войны)

В Лондоне было подписано соглашение между правительством СССР и польским эмигрантским правительством о взаимной помощи в войне против Германии и формировании польских воинских частей на территории Советского Союза. Правительство СССР согласилось на создание на своей территории

польской армии под командованием, назначенным польским правительством. Польская армия в оперативном отношении должна была подчиняться Верховному командованию СССР, в составе которого должен был состоять представитель польской армии.

1 августа, пятница (41-й день войны)

В высших учебных заведениях столицы начались занятия. В Московском государственном университете приступили к учебе студенты второго, третьего и четвертого курсов ряда факультетов.

ГКО принял решение эвакуировать 103 машиностроительных, станкостроительных и инструментальных предприятия Москвы и Московской области.

2 августа, суббота (42-й день войны)

В Вашингтоне было заключено соглашение о продлении сроком на один год (до 6 августа 1942 г.) действовавшего между СССР и США торгового соглашения.

3 августа, воскресенье (43-й день войны)

В Богоявленском кафедральном соборе в Москве митрополит Киевский и Галицкий Николай (Б. Д. Ярушевич) произнес Слово за литургией. Он говорил о месте верующего человека в годину испытаний, о том, что А. Гитлер рвет на клочки даже подписанные им договоры, он расправляется с христианством и воскрешает язычество, а верующие люди идут в Красную армию, народное ополчение и партизанские отряды, куют победу у станков и на колхозных полях. Он подчеркнул, что любить Родину, защищать Родину, умереть за Родину — это высший христианский подвиг, выполнение одного из своих земных назначений.

6 августа, среда (46-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 43 белорусских партизана, проявивших доблесть и мужество в партизанской борьбе. Это были первые партизаны Великой Отечественной войны, получившие высокие награды государства.

7 августа, четверг (47-й день войны)

Государственный Комитет Обороны утвердил предложенный Советом по эвакуации порядок эвакуации и размещения предприятий на новых местах. ГКО принял постановление о перебазировании на Урал (Магнитогорск, Нижний Тагил, Златоуст) некоторых цехов и части оборудования московских заводов «Серп и молот» и «Электросталь», выпускавших качественную сталь.

8 августа, пятница (48-й день войны)

Самолеты 1-го минно-торпедного полка ВВС Балтийского флота под командованием полковника Е. Н. Преображенского, базировавшегося на острове Сааремаа, произвели первый налет на Берлин.

9 августа, суббота (49-й день войны)

С 9 по 12 августа 1941 г. в Атлантике, близ острова Ньюфаундленд состоялась первая Атлантическая конференция лидеров Соединенных Штатов Америки и Великобритании Ф. Рузвельта и У. Черчилля. На ней было принято решение о созыве в Москве совещания по вопросу о поставках для СССР по ленд-лизу (поставки начались с ноября 1941 г.). Большое значение имел документ, который Ф. Рузвельт и У. Черчилль обнародовали 14 августа и который широко известен как Атлантическая хартия.

10 августа, воскресенье (50-й день войны)

Советское правительство заявило правительству Турции о готовности СССР оказать ей помощь и содействие в случае нападения на Турцию какой-либо европейской державы. Такое же заявление сделало и правительство Великобритании.

11 августа, понедельник (51-й день войны)

Согласно решению ГКО 12 дивизий московского народного ополчения должны быть переформированы по штатам регулярных войск Красной армии и введены в состав Резервного фронта — в 32, 33 и 34-ю армии.

Авиация Балтийского флота нанесла еще один удар по Берлину.

14 августа, четверг (54-й день войны)

В Москве подписано советско-польское военное соглашение, в котором оговаривались условия и порядок формирования на территории СССР польской армии.

В Центральном парке культуры и отдыха в Москве открылась выставка боевых трофеев. На ней экспонировались вооружение и снаряжение немецких самолетов, сбитых на подступах к Москве.

16 августа, суббота (56-й день войны)

ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Его главная направленность — развертывание основной военно-промышленной базы в восточных районах.

В Москве было подписано соглашение между СССР и Великобританией о товарообороте, кредите и клиринге. По его условиям Советскому Союзу для оплаты товаров предоставлялся кредит в сумме 10 млн фунтов стерлингов сроком на пять лет при 3% годовых.

Газета «Московский большевик» рассказала об экспонатах выставки боевых трофеев в ЦПКиО имени Горького в Москве. По данным газеты, сюда поместили самолеты, сбитые младшим лейтенантом В. Талалихиным, капитаном К. Титенковым. Здесь показали остатки вражеского самолета, наскочившего на трос аэростата в ночь с 10 на 11 августа и рухнувшего в Москву-реку; экипаж самолета погиб.

Совинформбюро сообщило, что в Фонд обороны к этому дню поступило 153,5 млн рублей, при этом от населения столицы — свыше 10,5 млн рублей деньгами, на более 4,5 млн рублей облигациями государственных займов и большое количество золотых монет, золота-лома, золотых и серебряных вещей.

17 августа, воскресенье (57-й день войны)

В Москве состоялся многотысячный митинг, посвященный обороне столицы. На митинге выступили председатель Мосгорисполкома В. П. Пронин, Герой Советского Союза В. В. Талалихин, командир зенитной батареи И. В. Клец, прожекторист Э. Ц. Левин, председатель Краснопресненского райисполкома Н. В. Попова, поэт В. И. Лебедев-Кумач. На митинге принято обращение к жителям Москвы, летчикам, зенитчикам, бойцам МПВО с призывом: «Сделать каждый дом, каждое предприятие неприступной крепостью!».

19 августа, вторник (59-й день войны)

Авиация Балтийского флота нанесла удар по Берлину.

Главное политическое управление Красной армии направило в войска директиву «О работе среди населения оккупированных областей и партийно-политическом руководстве партизанским движением».

Британская федерация углекопов в своей телеграмме выразила благодарность и восхищение героической борьбой Красной армии против фашистских агрессоров. Британские углекопы послали в подарок советским шахтерам 70 тыс. фунтов стерлингов.

21 августа, четверг (61-й день войны)

К этому дню на оккупированной территории Смоленской области действовало 19 партизанских отрядов общей численностью 750 человек.

На Горьковском автозаводе прекращен выпуск легковых автомобилей, на освободившейся производственной площади стало налаживаться производство танков, броневиков, снарядов и боеприпасов.

23 августа, суббота (63-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление об укреплении Можайской линии обороны под Москвой.

Нарком обороны СССР издал приказ «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу».

Народный комиссар обороны издал приказ «О сдаче радиоприемников и радиоустановок в местные органы связи».

Трудящиеся Москвы направили ленинградцам письмо, в котором выразили поддержку в их борьбе против врага.

24 августа, воскресенье (64-й день войны)

Постановлением ГКО «О денежном содержании личного состава истребительных батальонов» закреплялась ежесуточная оплата питания каждого бойца-истребителя — 8 рублей, а также месячная зарплата истребителей — 300 рублей.

25 августа, понедельник (65-й день войны)

Издан приказ НКО о выдаче водки военнослужащим передовой линии действующей армии.

26 августа, вторник (66-й день войны)

Народный комиссар обороны издал приказ о представлении в Генеральный штаб списков военнослужащих, сдавшихся в плен врагу.

Наркомат финансов СССР опубликовал сообщение о том, что в Фонд обороны от населения страны поступило 276,1 млн рублей.

27 августа, среда (67-й день войны)

Наркомпрос РСФСР опубликовал приказ о подготовке школ к новому учебному году, который должен был начаться 1 сентября во всех начальных, неполных средних и средних школах. В учебный процесс должны были вовлекаться все дети школьного возраста, как проживавшие в данной местности, так и прибывшие из других областей и республик.

28 августа, четверг (68-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

29 августа, пятница (69-й день войны)

Государственный Комитет Обороны расформировал главное командование войск Северо-Западного направления, а фронты, входившие в его состав, подчинены непосредственно Ставке ВГК.

Орловский обком ВКП(б) направил всем районным и городским комитетам ВКП(б) области директивное письмо с предложением приступить к формированию партизанских отрядов. За короткий срок в них были зачислены 4386 человек, из которых сформировано 72 партизанских отряда.

31 августа, воскресенье (71-й день войны)

Партизанское движение набирало силу и ширилось. В Калининской области партизанское движение охватывало все новые и новые районы. В это время здесь насчитывалось 55 отрядов в составе 1650 человек. Только в районе Невеля партизаны Калининской области совершили более 80 налетов на немецкие войска. Партизанский отряд Н. З. Коляды продолжал содействовать кавалерийской группе Л. М. Доватора во время ее рейда по тылам противника в Смоленской области.

В соответствии с соглашениями между СССР, США и Великобританией в Архангельск прибыл первый английский конвой судов (кодовое название «Дервиш») с военными грузами.

Проведена мобилизация военнообязанных, родившихся в 1908–1904 гг., и призывников 1923 г. рождения.

Московский завод «Компрессор» отправил на фронт первые «катюши» (БМ-13).

2 сентября, вторник (73-й день войны)

В Ленинграде произведено первое снижение продовольственных норм по карточкам. Рабочим и ИТР стали выдавать по 600 граммов хлеба в день, служащим — по 400 граммов, иждивенцам и детям до 12 лет — по 300 граммов.

3 сентября, среда (74-й день войны)

Советское правительство направило Великобритании второе послание с предложением «создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий».

Советская авиация нанесла удары по Берлину и Либаве.

В концлагере Освенцим впервые для уничтожения узников был применен газ «Циклон Б».

4 сентября, четверг (75-й день войны)

Завершились налеты советской авиации на Берлин. Всего самолеты 1-го минно-торпедного полка ВВС Балтийского флота и 81-й авиационной дивизии авиации дальнего действия с 8 августа совершили девять ударов по столице Третьего рейха.

5 сентября, пятница (76-й день войны)

ЦК ВКП(б) принял постановление о создании Центральной комиссии во главе с А. А. Андреевым по осуществлению и укреплению связи тыла и фронта.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) создавались городские, районные, областные, краевые и республиканские комиссии по сбору теплых вещей, а в учреждениях, на предприятиях, в сельских советах и колхозах — комиссии содействия.

6 сентября, суббота (77-й день войны)

На предложение советского правительства от 3 сентября 1941 г. об открытии второго фронта правительство Великобритании ответило, что в «настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции».

ГКО принял постановление «О переселении немцев из г. Москвы, Московской области и Ростовской области».

7 сентября, воскресенье (78-й день войны)

В ночь с 7 на 8 сентября 1941 г. разведотдел штаба и в/ч № 9903 Западного фронта впервые осуществили выброску парашютных разведывательно-диверсионных отрядов в тыл врага.

8 сентября, понедельник (79-й день войны)

Германское верховное командование издало распоряжение об обращении с советскими военнопленными. В нем указывалось, что немецким солдатам самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия к пленным, а тем более их поддержки. Чувство гордости и превосходства арийского солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия.

11 сентября, четверг (82-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени».

Государственный Комитет Обороны принял постановление о создании оперативной группы гвардейских минометных частей Брянского фронта к 14 сентября 1941 г. в районе Курска. Находясь в подчинении Брянского фронта, группа предназначалась для проведения определенных боевых операций по указанию Ставки.

12 сентября, пятница (83-й день войны)

В Ленинграде проведено второе снижение продовольственных норм по карточкам. Рабочим и ИТР стали отпускать по 500 граммов хлеба в день, служащим и детям до 12 лет — по 300 граммов, иждивенцам — по 250 граммов.

13 сентября, суббота (84-й день войны)

Советское правительство направило третье послание правительству Великобритании. Учитывая отказ английского правительства открыть второй фронт на западе в 1941 г., советское правительство предложило высадить 25–30 английских дивизий в Архангельске или перевезти их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с войсками Красной армии на территории Советского Союза.

Совинформбюро сообщило, что за период войны московские артисты дали для Красной армии более 3800 концертов.

14 сентября, воскресенье (85-й день войны)

Состоялась радиоперекличка трех городов: Москвы, Ленинграда и Киева. Представители этих городов рассказали о героической борьбе против фашистов.

15 сентября, понедельник (86-й день войны)

Государственный Комитет Обороны утвердил состав советской делегации: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Н. Г. Кузнецов (нарком ВМФ), В. А. Малышев (нарком танковой промышленности), А. И. Шахурин (нарком авиапромышленности), Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления) — на конференцию представителей правительств СССР, США и Великобритании в Москве.

Директивой Генерального штаба московские дивизии народного ополчения включены в состав регулярных соединений Красной армии.

Управление автотранспортной и дорожной службы НКО СССР завершило комплектование 50 отдельных автотранспортных батальонов резерва Ставки (началось 15 июля 1941 г.). На Вологодском заводе ремонтировали и восстанавливали газогенераторные грузовики, а на московских заводах — бензиновые автомобили и тракторы.

Из США до 15 сентября было отправлено в СССР 8 млн патронов, 10 тыс. бомб и 10 тыс. радиостанций; на пароходы были погружены 49 самолетов и девять авиамоторов.

16 сентября, вторник (87-й день войны)

Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал В. Кейтель в своем приказе потребовал от командиров всех степеней: «...следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях,

как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие».

17 сентября, среда (88-й день войны)

ГКО принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», которое имело большое значение в подготовке резервов действующей армии.

18 сентября, четверг (89-й день войны)

Объявлен приказ НКО о преобразовании 100, 161, 127 и 153-й стрелковых дивизий, отличившихся в боях под Ельней, в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии. Этим было положено начало созданию советской гвардии.

19 сентября, пятница (90-й день войны)

Правительство Великобритании отказалось принять предложение советского правительства от 13 сентября 1941 г. о выделении 25–30 английских дивизий для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР.

21 сентября, воскресенье (92-й день войны)

Моссовет установил порядок пользования метро как бомбоубежищем.

Секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии П. К. Пономаренко представил И. В. Сталину доклад о развертывании диверсионной работы в тылу оккупантов.

24 сентября, среда (95-й день войны)

В Лондоне открылась межсоюзническая конференция с участием представителей Великобритании, СССР, Австралии, Бельгии, Греции, Канады, Люксембурга, Новой Зеландии, Норвегии, Польши, Национального комитета «Свободная Франция», Чехословакии, Югославии и других стран.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об уборке урожая сельскохозяйственных культур», которое предписывало полностью завершить все работы до наступления заморозков. Привлекалось все трудоспособное население, в том числе и учащиеся, а также население городов и поселков городского типа (но не в ущерб работе предприятий и учреждений). Казалось, давалось право на дополнительное поощрение натурой передовиков уборки.

26 сентября, пятница (97-й день войны)

При Совете по эвакуации образовано Управление по эвакуации населения.

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что в Фонд обороны поступило 587 500 тыс. рублей, 1,2 кг платины, 42 кг золота, 1890,4 кг серебра, на 1 383 154 рубля иностранной валюты по курсовой стоимости, на 875,1 млн рублей облигаций государственных займов. Из сельской местности в Фонд обороны поступило 12 959,2 тонны зерна, 6409,3 тонны скота и птицы, 5886,6 тонны молока и молочных продуктов. Газета также сообщила, что от населения Москвы в Фонд обороны поступило свыше 55 млн рублей.

Советское правительство признало Ш. де Голля — председателя Национального комитета «Свободная Франция» — руководителем «всех свободных французов, где бы они ни находились».

27 сентября, суббота (98-й день войны)

Завершились боевые действия советских войск, окруженных противником восточнее Киева. Вырваться удалось лишь незначительной части бойцов и командиров Юго-Западного фронта.

29 сентября, понедельник (100-й день войны)

Началась Московская конференция представителей трех держав — СССР, США и Англии по вопросам взаимных военных поставок (завершилась 1 октября 1941 г.). Момент был в высшей степени напряженный — враг рвался к столице, на следующий день А. Гитлер назначил проведение операции «Тайфун» по захвату Москвы.

30 сентября, вторник (101-й день войны)

Войска группы армий «Центр» в рамках операции «Тайфун» перешли в наступление на Москву на орловском направлении — началась Московская битва (завершилась 20 апреля 1942 г.). Первым ее этапом являлась Московская стратегическая оборонительная операция советских войск (завершилась 5 декабря 1941 г.).

В поселке Вешняки под Москвой началась подготовка специальных разведывательно-диверсионных кадров для борьбы в тылу врага.

Особая разведывательно-партизанская часть № 9903 штаба Западного фронта для подготовки боевых групп переместилась в Вязьму.

На территории СССР началось формирование Польской армии (командующий — генерал В. Андерс).

1 октября, среда (102-й день войны)

В Москве завершилась конференция представителей СССР, США и Великобритании, в ходе которой был подписано трехстороннее соглашение — первый в ходе войны протокол о поставках.

Трудовой героизм ленинградцев дал возможность выпустить и направить на фронт во втором полугодии 1941 г. 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, 13 тыс. орудий и минометов, свыше 3 млн снарядов и мин, около 40 тыс. авиабомб. За это время было достроено 84 и переоборудовано 186 кораблей разных классов.

Начались воинские и грузовые перевозки на Ладожском озере по маршруту Осиновец — Новая Ладога.

В Ленинграде произошло третье снижение продовольственных норм по карточкам. Рабочие и ИТР стали получать по 400 граммов хлеба в день, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет — по 200 граммов.

Народный комиссариат финансов СССР сообщил, что в Фонд обороны поступило 683 800 тыс. рублей, 1,4 кг платины, 51,4 кг золота, 2248,9 кг серебра, на 1 429 551 рубль иностранной валюты по курсовой стоимости, на 1025 млн облигаций государственных займов. Из сельской местности поступило 14 819 тонн зерна, 7757,1 тонны скота и птицы, 6926,6 тонны молока и молочных продуктов.

2 октября, четверг (103-й день войны)

Командующий тыловым районом группы армий «Центр» генерал М. Шенкендорф приказал создать карательные отряды для борьбы с партизанами.

3 октября, пятница (104-й день войны)

Партизаны Брянщины успешно завершили бои с немецкой карательной группировкой. Партизаны вывели из строя до 3500 солдат и офицеров и не пустили фашистов в брянские леса.

4 октября, суббота (105-й день войны)

По решению Ставки ВГК для обороны Тулы был создан боевой участок в составе Тульского военно-технического училища, Тульского рабочего полка и 14-й запасной стрелковой бригады.

В своем приказе от 4 октября народный комиссар обороны потребовал решительным образом искоренить случаи незаконных репрессий, рукоприкладства, самосуды и шире развернуть воспитательную работу в войсках.

5 октября, воскресенье (106-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление о защите Москвы, определившее главным рубежом сопротивления Можайскую линию обороны.

ГКО принял решение о формировании полков противотанковой обороны (ПТО): четыре полка — за счет сил и средств Московского корпуса ПВО и 20 полков — из средств центральных управлений НКО и Московского военного округа. В каждом полку имелось 16 зенитных пушек: восемь — калибром 85 мм и восемь — калибром 37 мм (либо 45 мм). Полки должны быть сформированы до 15 октября 1941 г.

7 октября, вторник (108-й день войны)

На 7 октября 1941 г. население Москвы внесло в Фонд обороны 64 945 147 рублей деньгами и на 10 263 190 рублей облигациями государственных займов.

10 октября, пятница (111-й день войны)

В связи со сложной ситуацией под Москвой ГКО постановил перебазировать из столицы в глубокий тыл металлургические заводы и все основные предприятия, производящие военную технику, вооружение и боеприпасы. Началась массовая эвакуация оборудования и людей из Москвы и Московской области.

В боях под Вязьмой в 29-й стрелковой дивизии (бывшая 7-я ДНО) в рукопашной схватке был тяжело ранен и захвачен в плен студент Планового института В. Я. Плеядов. Бежав из плена в Италии, он стал командиром Русского ударного партизанского батальона, сражавшегося в рядах итальянского Сопротивления.

11 октября, суббота (112-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о призыве по мобилизации военнообязанных запаса до 40-летнего возраста, призывников 1922 и 1923 гг. рождения. Кроме того, разрешалось «поставить годный для армии конский состав и мехтранспорт». Призыв и поставку закончить 18 октября 1941 г.

12 октября, воскресенье (113-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о строительстве обороны на ближних подступах к Москве и в самом городе. Она включала в себя полосу обеспечения и два оборонительных рубежа. В зону обороны входили части Московского гарнизона, дивизии народного ополчения и дивизии, прибывшие из Резерва Ставки ВГК.

ГКО принял постановление «Об охране Московской зоны», которым вся ответственность за наведение жесткого порядка на тыловых участках фронта по линии Калинин — Ржев — Можайск — Тула — Коломна — Кашира возложена на НКВД СССР.

Главное командование сухопутных войск вермахта отдало указание о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением. Группе армий «Центр» приказывалось капитуляцию Москвы не принимать, «даже если она будет предложена противником». Войска предупреждались об опасности от мин замедленного действия. Из-за возможных эпидемий «ни один немецкий солдат не должен вступить в эти города (Ленинград и Москва. — *Прим. ред.*). Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно». Давалось также указание, что до захвата города «следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство».

15 октября, среда (116-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы и взрыве предприятий, складов и учреждений метро (исключая водопровод и канализацию)».

Согласно постановлению ГКО для Красной армии в октябре было отпущено продовольственных пайков на 8 млн 29 тыс. человек, а также для раненых и больных в госпиталях — на 450 тыс. человек.

17 октября, пятница (118-й день войны)

В Москве сформированы и отправлены на фронт для защиты столицы 25 коммунистических (рабочих) рот и батальонов общей численностью более 11,5 тыс. человек. Из коммунистических и рабочих батальонов сформирована 3-я Московская коммунистическая дивизия.

18 октября, суббота (119-й день войны)

ГКО принял постановление о формировании из личного состава ВМФ 25 стрелковых бригад, которые должны участвовать в боевых действиях на сухопутных фронтах.

19 октября, воскресенье (120-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к ней районах».

22 октября, среда (123-й день войны)

По решению Государственного Комитета Обороны начали создаваться Тульский, Рязанский, Орехово-Зуевский, Коломенский и Серпуховской городские комитеты обороны.

Исполком Моссовета принял решение об эвакуации наиболее ценного промышленного оборудования (станки, электромоторы, компрессоры, прессы, насосы, скобяные изделия, цветные металлы) и о дополнительной мобилизации населения на строительство линии укреплений и баррикад в Москве, а также о развертывании к 25 октября дополнительно 10 тыс. больничных коек для раненых солдат и офицеров.

ГКО принял постановление о переселении немцев 25—30 октября 1941 г. из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР.

27 октября, понедельник (128-й день войны)

Части 2-й танковой армии врага овладели Плавском, что в 50 км южнее Тулы. Войска Тульского гарнизона приведены в полную боевую готовность и развернуты на позициях по окраинам города. Завершилось формирование Тульского рабочего полка (началось 23 октября), в котором насчитывалось 1500 человек. Кроме того, в Туле было создано 79 истребительных батальонов (10 256 человек) и сформирована 330-я стрелковая дивизия. Одновременно с отрядами народного ополчения создавались партизанские отряды. В октябре 1941 г. во вражеском тылу действовали 31 партизанский отряд и 73 диверсионные группы.

29 октября, среда (130-й день войны)

Генеральный штаб передал командующему Брянским фронтом распоряжение НКО об организации военного парада в Куйбышеве, куда переместились правительственные учреждения, Генеральный штаб, дипломатические миссии.

30 октября, четверг (131-й день войны)

В полосе Западного фронта противоборствующие стороны перешли к обороне. Линия фронта стабилизировалась на рубеже 70—110 км к западу от Москвы. Приближающаяся зима заставила германское командование искать способы овладения столицей Советского Союза до наступления морозов. Взятием Москвы А. Гитлер надеялся поднять дух населения не только Германии, но и своих сателлитов.

Завершился один из самых тяжелых и драматических этапов не только битвы под Москвой, но всей Великой Отечественной войны. В третий раз с начала Восточной кампании войска вермахта прорвали стратегическую оборону, окружив 64% дивизий, 84% танковых бригад и 80% артиллерийских полков РГК от общего количества во всех трех фронтах к началу битвы. В итоге, войскам Западного фронта пришлось отступить на 230—250 км, а Брянского — на 360 км.

1 ноября, суббота (133-й день войны)

По данным Народного комиссариата финансов СССР, к 1 ноября 1941 г. в Фонд обороны поступило около 1 млрд рублей деньгами, около 1300 млн рублей облигациями государственных займов, много иностранной валюты, платины, золота, серебра и драгоценностей.

3 ноября, понедельник (135-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О польской армии на территории СССР». Общая численность польской армии на территории СССР определялась в 30 тыс. человек.

5 ноября, среда (137-й день войны)

Опубликовано сообщение, что население Москвы внесло в Фонд обороны страны более 86 млн рублей, а также 1410 граммов платины, 7719 граммов золота, около 373 кг серебра и более чем на 5 тыс. рублей по номиналу золотой монеты.

6 ноября, четверг (138-й день войны)

В Москве в 19 часов в подземном зале станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, на котором с докладом выступил И. В. Сталин.

Президент США Ф. Рузвельт распространил действие закона о передаче в займы или в аренду орудий и военных материалов (закон о ленд-лизе) на СССР. Советскому Союзу был предоставлен кредит в размере 1 млрд долларов.

7 ноября, пятница (139-й день войны)

В 8 часов утра в Москве на Красной площади начался традиционный парад войск Красной армии. Парад принимал Маршал Советского Союза С. М. Будённый, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев. Части, снаряженные для боя, прямо с парада уходили на фронт. Этот поистине исторический и мужественный парад продемонстрировал решимость отстоять Москву. Сообщения о военном параде в прифронтовой Москве стали сенсацией, облетевшей весь мир.

На параде с речью выступил председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный главнокомандующий, нарком обороны СССР И. В. Сталин.

8 ноября, суббота (140-й день войны)

Произошло первое сокращение продовольственных норм для войск Ленинградского фронта. Для бойцов и командиров первой линии норма хлеба уменьшилась с 800 до 600 граммов в день, для тыловых частей — с 600 до 400 граммов.

Президент США Ф. Рузвельт отдал распоряжение приступить к осуществлению помощи СССР на основе закона о ленд-лизе.

9 ноября, воскресенье (141-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление об учреждении должности командующего ПВО страны и подчинении ему Войск ПВО страны и военных округов. Заместителем наркома обороны СССР по ПВО и командующим Войсками ПВО страны был назначен генерал-лейтенант М. С. Громадин.

ГКО принял постановление «О восстановлении производства предприятий черной металлургии, эвакуированных на Урал и в Сибирь, и о наращивании мощности за счет ввода в действие новых агрегатов в ноябре и декабре 1941 г. и в январе 1942 г.».

Управление НКВД по Москве и области завершило подготовку 76 диверсионных групп, в которых насчитывалось 455 человек. Большая часть этих групп придана партизанским отрядам Московской области.

13 ноября, четверг (145-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О формировании национальных войсковых соединений» (башкир, туркмен, казахов, калмыков, киргизов, чеченцев, ингушей, кабардинцев), всего 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад.

В Ленинграде объявлено о новом, четвертом по счету снижении норм выдачи продовольствия: трудящиеся города стали получать по рабочей карточке 300 граммов и по карточкам остальных категорий — 150 граммов хлеба.

15 ноября, суббота (147-й день войны)

Группа армий «Центр» возобновила наступление на Москву. Ее войска вводились в сражение в течение пяти суток. Среди причин, обусловивших разновременность перехода врага в наступление, следует отметить успешные действия 237 отрядов и 468 групп партизан Московской, Калининской, Смоленской, Курской, Орловской и Тульской областей.

В связи с возобновлением наступления немцев на Москву советское командование на время отказалось от контрнаступления.

Опубликовано сообщение о состоявшейся конференции немецких военнопленных, на которой была принята декларация с осуждением преступной войны против Советского Союза, начатой А. Гитлером.

17 ноября, понедельник (149-й день войны)

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об организации политотделов в МТС и совхозах».

СНК СССР принял постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О производстве и ремонте тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, запасных частей и плане сельскохозяйственных работ на 1942 г.».

20 ноября, четверг (152-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о порядке присвоения воинских званий начальствующему составу Красной армии в годы войны.

22 ноября, суббота (154-й день войны)

На Ладожском озере открылась ледовая трасса (Дорога жизни), проложенная от порта Осиновец до портов Кобона и Лаврово, — единственная военно-стратегическая транспортная магистраль, связывавшая до марта 1943 г. осажденный Ленинград с тыловыми районами страны.

24 ноября, понедельник (156-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об освобождении от наказания бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, с остатком срока до 3 лет (кроме ст. 58)».

Партизаны Подмосковья вели активную борьбу с оккупантами. В ночь на 24 ноября в Угодско-Заводском районе была проведена одна из самых крупных операций подмосковных партизан. Сводный партизанский отряд (отряды под командованием В. Карасёва, Г. Пигосова и В. Бабакина, а также истребительные батальоны) и армейский отряд особого назначения под командованием капитана В. В. Жабо (общая численность 302 человека) разгромили гарнизон и штаб 12-го армейского корпуса в поселке Угодский Завод Московской области.

25 ноября, вторник (157-й день войны)

Советское правительство направило послам всех стран, имеющих с СССР дипломатические отношения, ноту, в которой сообщалось о зверствах германских властей в отношении советских военнопленных.

30 ноября, воскресенье (162-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление об организации на московских заводах массового производства ППШ. К производству автоматов было привлечено 106 столичных предприятий.

3 декабря, среда (165-й день войны)

Газета «Правда» сообщила, что заводы, эвакуированные в Заволжье, на Урал, в Сибирь, быстро вступают в строй. Многие заводы и фабрики, эвакуированные в восточные районы Советского Союза, на новом месте начали выпускать для фронта танки, самолеты, пушки, боеприпасы.

4 декабря, четверг (166-й день войны)

В Москве завершились советско-польские переговоры (начались 3 ноября), на которых была подписана декларация правительств СССР и Польши о дружбе и взаимной помощи в войне против нацистской Германии.

5 декабря, пятница (167-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об отсрочке выборов в Верховный Совет СССР». Выборы откладывались на один год ввиду обстоятельств военного времени.

Стратегическая оборонительная операция войск Западного, Брянского, Резервного и Калининского фронтов против группы армий «Центр» (началась 30 сентября 1941 г.) в ходе Московской битвы завершилась. Главным результатом операции стали срыв германского плана окружения и захвата советской столицы и окончательная остановка противника под Москвой.

Вопреки всем прогнозам германского командования о том, что переход обескровленных советских войск в большое наступление уже невозможен, 5 декабря началось контрнаступление Красной армии под Москвой — стратегическая наступательная операция советских войск (завершилась 7 января 1942 г.), часть Московской битвы.

6 декабря, суббота (168-й день войны)

Огромную помощь в подготовке контрнаступления и перешедшим в наступление фронтам оказали жители Москвы. К этому времени столица и область направили на фронт 114 тыс. коммунистов и более 300 тыс. комсомольцев.

Лечебные учреждения города подготовили для приема раненых 25 тыс. коек. Предприятия местной промышленности в декабре 1941 г. поставили на фронты 20 тыс. автоматов ППШ.

8 декабря, понедельник (170-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О развитии добычи угля в восточных районах СССР».

10 декабря, среда (172-й день войны)

Народы Советского Союза к 1 декабря добровольно сдали для воинов Красной армии 1 174 972 пары валенок, 523 107 полушубков, 2 062 706 овчин, 2 767 232 кг шерсти, около 10 млн пар меховых рукавиц, шерстяных носков, теплого белья и других теплых вещей.

11 декабря, четверг (173-й день войны)

Житель деревни Куребино Серебряно-Прудского района Тульской области И. П. Иванов повторил подвиг Ивана Сусанина. Патриот завел вражескую колонну из 40 автомашин в глубокий овраг. 30 автомашин, сотни винтовок, патронов, много продовольствия осталось на дне оврага. И. П. Иванов был зверски убит фашистами.

12 декабря, пятница (174-й день войны)

Продолжалась эвакуация предприятий и населения из Москвы. На 12 декабря к эвакуации были подготовлены 523 предприятия Москвы и Московской области. На 10 декабря вместе с предприятиями были перемещены в тыл 564 248 работников промышленности и членов их семей. Общее число эвакуированных москвичей достигло 2 млн человек.

В г. Бузулуке началось формирование 1-го отдельного чехословацкого батальона.

13 декабря, суббота (175-й день войны)

В ночь на 13 декабря по радио прозвучало сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. В нем впервые раскрывались планы захватчиков и сообщалось о срыве «второго генерального наступления на Москву». Сообщение всколыхнуло буквально весь народ, вызвав огромный эмоциональный подъем.

14 декабря, воскресенье (176-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О разминировании объектов на предприятиях Москвы в связи с изменившейся обстановкой на Западном фронте».

18 декабря, четверг (180-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановления о формировании литовской и эстонской дивизий.

20 декабря, суббота (182-й день войны)

Опубликовано сообщение о том, что в кинотеатрах столицы с исключительным успехом демонстрируются фильм «Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г.» и специальный выпуск о торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г. За две недели эти документальные фильмы в столице увидели свыше 600 тыс. зрителей. Отпечатано 650 копий фильма, более половины из них разослано в действующую армию и города страны. Несколько экземпляров фильма было направлено в Англию, США, Китай и другие страны.

24 декабря, среда (186-й день войны)

В Москве началась предновогодняя торговля елками. Цены на елки колебались от трех до пяти рублей. В столице было выделено 100 помещений (клубов, дворцов культуры, районных дворцов пионеров и Колонный зал Дома Союзов), где с 1 по 10 января должны были состояться праздники новогодних елок для московских школьников.

25 декабря, четверг (187-й день войны)

Благодаря Дороге жизни произошло первое повышение норм выдачи хлеба для ленинградцев. Рабочие и ИТР стали получать по 350 граммов, служащие, иждивенцы и дети — по 200 граммов. Однако заметного улучшения это не принесло. Смертность среди жителей блокадного Ленинграда продолжала расти.

ГКО принял постановление «О польской армии на территории СССР», в котором ее общая численность увеличивалась до 96 тыс. человек (согласно постановлению ГКО от 3 ноября 1941 г. — 30 тыс. человек).

26 декабря, пятница (188-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

29 декабря, понедельник (191-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне». К 1 февраля 1942 г. планировалось восстановить 15 шахт, а к 15 февраля — 12 шахт.

31 декабря, среда (193-й день войны)

Большую помощь войскам Красной армии оказывали партизаны. К концу 1941 г. на оккупированных врагом территориях действовало около 3,5 тыс. партизанских отрядов и групп, насчитывавших в общей сложности 90 тыс. человек.

В Куйбышеве подписано советско-польское соглашение о предоставлении правительством СССР правительству Польской Республики займа в 100 млн рублей для оказания помощи польским гражданам, проживающими на территории Советского Союза.

К концу 1941 г. в восточных районах страны было размещено 1910 крупных предприятий, в том числе 122 авиазавода, Наркомата танковой промышленности — 43 завода, вооружения — 71, боеприпасов — 96, черной металлургии — 199, минометной промышленности — 80, химической промышленности — 91, среднего машиностроения — 65, тяжелого машиностроения — 57.

Декабрь 1941 — начало января 1942 г.

7 января 1942 г. контрнаступление советских войск под Москвой завершилось. Стратегическая наступательная операция (началась 5 декабря 1941 г.) продемонстрировала всему миру, что хваленый блицкриг провалился с треском, что «непобедимый вермахт» под ударами русского штыка умеет и отступать. Впервые во Второй мировой войне войска Красной армии остановили, а затем нанесли крупное поражение дотоле считавшей себя непобедимой германской армии и, отбросив ее от Москвы на 100–250 км, сняли угрозу советской столице и Московскому промышленному району.

Под Москвой немцы не только утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, но главное, проиграли свою «молниеносную войну» против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига поставил Третий рейх перед перспективой длительной, затяжной войны.

В декабрьские дни 1941 г. народы всего мира узнали, что Красная армия может не только отступать, но и способна противостоять войскам вермахта. В Московской битве был развеян миф о непобедимости вермахта. Успех под Москвой оказал огромное влияние на дальнейший ход как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны.

1942 год

1 января, четверг (194-й день войны)

В Вашингтоне подписана декларация 26 государств об использовании всех военных и экономических ресурсов этих стран для борьбы против фашистского блока (Декларация Объединенных Наций).

3 января, суббота (196-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о восстановлении железных дорог на освобожденной от оккупантов территории, что явилось важнейшей оборонной задачей.

ГКО принял постановление «О Чехословацкой бригаде на территории Союза ССР». Общая численность бригады достигала 2350 человек.

Исполком Московского областного совета представил первому секретарю МК ВКП(б) А. С. Щербакову справку «О ходе поступления вещей от населения по г. Москве и Московской области для граждан, пострадавших от немецких оккупантов».

4 января, воскресенье (197-й день войны)

ГКО принял постановление, в котором требовалось в городах, освобождаемых частями Красной армии от войск противника, выставлять гарнизоны из состава войск НКВД. Численность внутренних войск НКВД, предназначенных для этой цели, доводилась до 100 тыс. человек.

6 января, вторник (199-й день войны)

ГКО принял постановление о восстановлении в Москве автозавода, а также о возвращении из эвакуации части оборудования и рабочих кадров завода «Станколит» для организации производства мин.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке».

Наркомат иностранных дел СССР выступил с нотой «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими советской территории».

7 января, среда (200-й день войны)

Завершилось контрнаступление Красной армии под Москвой (началось 5 декабря 1941 г.). На полях Подмосковья было нанесено первое крупное поражение немецкой армии во Второй мировой войне и развеян миф о ее непобедимости. Красная армия вырвала у врага стратегическую инициативу и создала условия для перехода в общее наступление. Германия проиграла под Москвой свою «молниеносную войну» против Советского Союза и оказалась перед перспективой ведения длительной, затяжной войны.

Ставка ВГК отдала директиву, в которой поставила задачу войскам Красной армии на развитие общего наступления.

В газете «Известия» была опубликована нота Народного комиссариата иностранных дел СССР «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях».

8 января, четверг (201-й день войны)

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 7 января Красная армия перешла в общее наступление (завершилось 20 апреля 1942 г.) на западном направлении. Начался заключительный этап Московской битвы.

10 января, суббота (203-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О порядке въезда в г. Москву рабочих эвакуированных фабрик, заводов и учреждений».

Газета «Московский большевик» сообщила, что при строительстве оборонительных сооружений на ближних подступах к Москве был найден глиняный горшок, наполненный древнерусскими серебряными монетами. Клад передали Московскому отделению Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.

11 января, воскресенье (204-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки и изобретений, искусства и литературы за 1941 г. При присуждении премий преимущество отдавалось работам и изобретениям, имевшим оборонное значение.

В Кольский залив прибыл конвой PQ-7 (вышел из Исландии 31 декабря 1941 г.), состоявший из девяти союзных транспортов и советского транспорта «Чернышевский», в охранении английских кораблей: двух эсминцев, подводной лодки, четырех тральщиков. Накануне в Кольский залив вошел легкий крейсер «Камберлэнд».

12 января, понедельник (205-й день войны)

Исполком Моссовета установил нормы отпуска хлеба по карточкам на человека в день: рабочим всех категорий — 600 граммов хлеба вместо 800, рабочим оборонных предприятий — 700 граммов, служащим — 500 граммов вместо 600, иждивенцам и детям — 400 граммов. Рабочим, занятым на оборонных предприятиях, предлагалось оформить новые карточки. По старым выдавалось вместо обозначенных

на талоне 600 граммов — 400, вместо 400 граммов — 300, по 100-граммовым талонам всех категорий — без изменений. Новые нормы отпуска хлеба вводились с 14 января 1942 г.

13 января, вторник (206-й день войны)

Из Кольского залива вышел в Англию конвой QP-5 в составе двух английских танкеров и двух советских транспортов в охранении легкого крейсера «Камберлэнд» и двух эсминцев.

В Лондоне состоялась конференция представителей союзных стран, оккупированных Германией. В декларации объявлялось, что одна из целей войны — наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти преступления, независимо от того, совершены последние по их приказу, или лично, или при их соучастии в любой форме.

16 января, пятница (209-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление, которым устанавливал сокращенные сроки выслуги в присвоении очередных воинских званий лицам начальствующего состава Военно-морского флота, находящимся в действующих частях и соединениях Красной армии.

Исполком Моссовета разрешил привлекать местное население в порядке обязательной трудовой повинности на железные дороги Московского узла для проведения работ по снегоборьбе.

17 января, суббота (210-й день войны)

На оккупированной врагом территории Знаменского района Смоленской области партизаны, подпольщики при поддержке местного населения вместе с высадившимся десантом бойцов Красной армии освободили 65 населенных пунктов.

18 января, воскресенье (211-й день войны)

Успешно действовали партизаны Ленинградской области. По указанию Военного совета Северо-Западного фронта 2-я Ленинградская партизанская бригада разгромила немецкий гарнизон и овладела г. Холм, взятие которого ударом с фронта представляло большую сложность для наступающих войск. Однако части фронта не сумели использовать достигнутый успех, вовремя подойти к городу и соединиться с партизанами. В результате партизанские подразделения вынуждены были покинуть город.

19 января, понедельник (212-й день войны)

Брянские партизаны продолжали наносить удары по оккупантам. Партизанский отряд под командованием М. П. Ромашина (впоследствии командовал партизанской бригадой имени Н. А. Щорса) взорвал на станции Батагово железнодорожный мост и селекторную связь на магистрали Брянск — Сухиничи.

20 января, вторник (213-й день войны)

С 17 по 20 января в Мурманск прибывали корабли конвоя PQ-8 (вышел из Англии 8 января 1942 г.) в составе восьми транспортов, в том числе один советский, в сопровождении легкого крейсера, двух эсминцев, трех тральщиков.

В газете «Правда» была опубликована информация о том, что на постройку танковой колонны имени ВЛКСМ собрано свыше 101,3 млн рублей, авиаэскадрилий — более 37 млн, бронепоездов — около 6 млн. Кроме того, было собрано облигаций госзаймов на сумму около 20 млн рублей, серебра — 1305 кг и заработано 313 626 трудодней.

22 января, четверг (215-й день войны)

В Куйбышеве было подписано советско-польское соглашение о займе на сумму 300 млн рублей правительству Польской Республики на содержание польской армии на территории СССР. Такое же соглашение было подписано и о займе правительству Чехословацкой Республики на содержание чехословацкой бригады на территории СССР.

23 января, пятница (216-й день войны)

СНК ССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей».

24 января, суббота (217-й день войны)

Произведена вторая прибавка хлебного пайка в осажденном Ленинграде. Рабочие и ИТР стали получать 400 граммов хлеба, служащие — 300 граммов, иждивенцы и дети — по 250 граммов, войска первой линии — 600 граммов, в тыловых частях — 400 граммов.

25 января, воскресенье (218-й день войны)

Моссовет принял решение о выдаче продовольственных карточек на февраль 1942 г. Выдаче подлежало 2 млн 575 тыс. карточек.

В газете «Правда» опубликована телеграмма рабочих Викторианской железной дороги (г. Мельбурн, Австралия), поздравлявших русских железнодорожников с героической и успешной борьбой против гитлеровского фашизма.

29 января, четверг (222-й день войны)

Первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б) А. С. Щербаков направил записку заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну с просьбой оказать помощь в снабжении населения Москвы мясом.

В Тегеране подписан договор между СССР, Великобританией и Ираном о союзе в войне против Германии и ее сателлитов. Согласно договору союзные государства могли размещать на территории Ирана сухопутные, морские и воздушные силы.

31 января, суббота (224-й день войны)

Беспрецедентные меры, предпринятые советским правительством по перебазированию предприятий на восток, переводу народного хозяйства на военные рельсы начали давать результаты. К концу 1941 г. на новых местах было размещено 1910 крупных предприятий. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР.

1 февраля, воскресенье (225-й день войны)

ГКО принял постановление о пополнении дивизий и бригад действующей армии личным составом.

Согласно переписи эвакуированного населения по состоянию на 1 февраля 1942 г. в восточных районах страны были размещены 7417 тыс. эвакуированных. В связи с проведением летом 1942 г. эвакуации количество эвакуированных во многих восточных областях к осени 1942 г. еще более увеличилось.

2 февраля, понедельник (226-й день войны)

В Москве возобновились занятия в высших учебных заведениях: на четвертом курсе восьми факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова, в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и в других вузах.

4 февраля, среда (228-й день войны)

Опубликовано сообщение о введении в состав Государственного Комитета Обороны заместителей Совнаркома СССР Н. А. Вознесенского и А. И. Микояна.

ГКО принял постановление, в котором было определено формальное распределение обязанностей между членами Государственного Комитета Обороны, придавшее его деятельности более организованный характер.

Газета «Комсомольская правда» опубликовала обращение воинов Дальнего Востока, подхвативших движение за создание Фонда помощи детям, которое возникло во второй половине 1941 г. Дальневосточники предлагали выделять из заработной платы часть средств на воспитание детей.

Газета «Московский большевик» опубликовала сообщение, в котором говорилось, что жители Москвы за январь 1942 г. передали в Фонд обороны 12 млн 480 тыс. рублей. А всего к 1 февраля москвичи внесли в отделения и главную кассу Московской городской конторы Госбанка 142 млн 80 тыс. рублей и большое количество платины, золота и серебра.

5 февраля, четверг (229-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению угольных шахт Подмосковного бассейна в первом полугодии 1942 года». В течение шести месяцев намечалось ввести в эксплуатацию 67 шахт.

8 февраля, воскресенье (232-й день войны)

ГКО принял решение об увеличении коечной сети эвакогоспиталей, в котором обязал руководителей Кировской, Московской, Горьковской и других областей к 10 февраля 1942 г. увеличить в порядке уплотнения фактически развернутую к 1 февраля коечную сеть эвакогоспиталей на 40%.

МК и МГК ВКП(б) направили письмо в Государственный Комитет Обороны, в котором доложили об итогах борьбы в тылу врага, где действовал 41 партизанский отряд общей численностью 1800 человек.

10 февраля, вторник (234-й день войны)

Сдана в эксплуатацию вновь построенная железнодорожная ветка Войбокало — Кобона, которая связала восточный берег Ладожского озера с сетью железных дорог страны, что значительно увеличило доставку грузов для блокированного Ленинграда.

В Московской области создалось крайне тяжелое положение со снабжением населения хлебом. Секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов и председатель Мособлсовета П. С. Тарасов обратились за помощью к заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну.

11 февраля, среда (235-й день войны)

Газета «Московский большевик» сообщила, что одна из фугасных бомб упала во двор университета в непосредственной близости от памятника М. В. Ломоносову, повредив взрывной волной часть нового здания. Пьедестал памятника пришлось заменить. Газета также сообщила, что на факультетах МГУ в программы занятий внесены коррективы, учитывающие военную обстановку.

12 февраля, четверг (236-й день войны)

С 9 по 12 февраля в Кольский залив вошли корабли и транспорты конвоев PQ-9 и PQ-10 (эти конвои, соединившись, вышли из Рейкьявика 1 февраля 1942 г.). Всего прибыло шесть английских и четыре советских транспорта, английский танкер, два эсминца, пять тральщиков (два из них куплены в Англии для Северного флота).

13 февраля, пятница (237-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 35 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и на предприятиях.

Был издан также указ о мобилизации женщин, которые могли заменить призываемых в армию военнообязанных мужчин, до того служивших в милиции и военизированной охране.

14 февраля, суббота (238-й день войны)

При Государственном Комитете Обороны был образован Транспортный комитет, в который вошли четыре члена Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным, наркомы путей сообщения и водного транспорта, начальник тыла и начальник Управления военных сообщений НКО.

Крестьянин Матвей Кузьмин повторил подвиг Ивана Сусанина. Схваченный с сыном гитлеровцами в ночь на 14 февраля, М. К. Кузьмин под угрозой согласился провести немецкую воинскую часть в тыл советских войск. Предупредив через сына нашу часть (Калининский фронт), он вывел вражеский отряд к деревне Малкино (Малкинские высоты), расположенной в районе Великих Лук, под огонь советских воинов. Отряд был уничтожен. М. К. Кузьмин погиб от рук гитлеровцев. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

15 февраля, воскресенье (239-й день войны)

ГКО принял постановление о призыве в Красную армию военнообязанных в возрасте до 45 лет, зачисленных в местные команды МПВО, предложив горсоветам заменить их лицами, не подлежащими призыву по состоянию здоровья и возрасту, а также женщинами. СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением повысили нормы обязательных поставок мяса государству. Новая норма для колхозов достигала от 3,5 до 5 кг мяса с одного гектара земельной площади.

19 февраля, четверг (243-й день войны)

СНК СССР принял постановление «Об образовании отделов рабочего снабжения (ОРСы) в первую очередь на заводах оборонной промышленности и других отраслей тяжелой индустрии».

20 февраля, пятница (244-й день войны)

Продолжался интенсивный обстрел Ленинграда немецкой артиллерией, которая в этот день выпустила по городу 325 снарядов из орудий калибром от 155 до 210 мм.

22 февраля, воскресенье (246-й день войны)

Партизаны разгромили немецкий гарнизон поселка и железнодорожной станции Дедовичи Ленинградской области. Из 900 солдат и офицеров противника были уничтожены 602 человека, а также 13 дзотов, склад боеприпасов, узел связи и большое количество военного имущества.

23 февраля, понедельник (247-й день войны)

В опубликованной статье «В Отечественной войне Русская православная церковь и ее глава выполняют заветы Патриарха Тихона» архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергий сообщил, что к 23 февраля храмы Москвы выделили на подарки бойцам Красной армии 1,5 млн рублей.

25 февраля, среда (249-й день войны)

Делегации Таганского, Пролетарского и Ростокинского районов Москвы привезли около 100 тыс. подарков и многочисленные письма бойцам и командирам южного участка Западного фронта.

1 марта, воскресенье (253-й день войны)

Партизаны Ленинградской области отправили обоз с продовольствием для населения осажденного города на Неве. Обоз состоял из 200 саней, на которых перевозилось 400 центнеров хлеба, круп, около 15 центнеров жиров и масла, мед, мясо и другие продукты.

Эвакуированный в 1941 г. из Подмосковья на Урал завод «Электросталь» выпустил первые поковки, а с 15 марта стал полностью давать плановую продукцию.

Возобновил свою деятельность Дом-музей П. И. Чайковского в Клину (освобожден 15 декабря 1941 г.).

2 марта, понедельник (254-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О подготовке МТС Московской, Ленинградской, Калининской, Тульской, Орловской и Курской областей к весеннему севу 1942 г.».

Газета «Московский большевик» сообщила, что для учащихся 5–10 классов школ Московской области весенние каникулы отменили. В восточных районах области, несмотря на близость фронта, школы работали без особых перебоев.

5 марта, четверг (257-й день войны)

Постановлением ГКО дальняя и тяжелая бомбардировочная авиация преобразовывалась в авиацию дальнего действия с непосредственным подчинением Ставке Верховного главнокомандования.

В Куйбышеве оркестр Большого театра под руководством С. А. Самосуда впервые в СССР исполнил Симфонию № 7 (Ленинградскую) Д. Д. Шостаковича.

6 марта, пятница (258-й день войны)

Московский областной комитет ВКП(б) направил в ГКО отчет о деятельности партизанских отрядов и истребительно-диверсионных групп. Всего в партизанских отрядах и разведывательно-диверсионных группах сражались более 15 тыс. человек.

9 марта, понедельник (261-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении размера обязательных поставок овощей государству колхозами». Общий размер поставок овощей, начиная с урожая 1942 г., повышался на 450 тыс. тонн.

11 марта, среда (263-й день войны)

Войска Калининского фронта вели затяжные бои по уничтожению вражеских гарнизонов в городах Холм, Белый, Велиж и отражали контратаки врага на демидовском направлении; в центре вели бои с оленинской группировкой противника.

В полосе Западного фронта противник оборонялся, сдерживая огнем и частными контратаками наступление советских войск. Части восточной группировки 33-й армии продолжали бои в районе станции Угрюмово, пытаясь пробиться к окруженным соединениям армии. 160-я стрелковая дивизия вела кровопролитные бои на восточном берегу р. Угры.

12 марта, четверг (264-й день войны)

Исполком Моссовета принял решение «Об открытии эвакуационного приемника для инвалидов Отечественной войны».

13 марта, пятница (265-й день войны)

Премьер-министр и начальники генеральных штабов армии и флота Японии обратились к императору с докладом о стратегических планах на 1942 г. В частности о политике в отношении СССР в докладе говорилось: «...прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР». Эти предложения легли в основу стратегического планирования на новый этап войны, которое началось весной 1942 г.

14 марта, суббота (266-й день войны)

В Кольский залив вошли последние суда из союзного конвоя PQ-12. Всего прибыло 15 транспортов, в том числе четыре советских, 11 английских.

Партизаны нескольких отрядов из соединения С. А. Ковпака в ночном налете овладели железнодорожной станцией Тетерев.

18 марта, среда (270-й день войны)

Партизаны Навлинского района Орловской области в ночном бою разгромили вражеский гарнизон деревни Синезёрки, расположенной на железнодорожной линии Брянск — Навля.

20 марта, пятница (272-й день войны)

Из Рейкьявика вышел союзный конвой PQ-13 в составе 19 транспортов в охранении легкого крейсера «Тринидад», двух эскадренных миноносцев, трех сторожевых кораблей и трех тральщиков.

В г. Куйбышеве представители правительств СССР и Японии подписали протокол о пролонгации рыболовной конвенции 1928 г. на 1942 г.

21 марта, суббота (273-й день войны)

В Москве сложилось тяжелое положение с продовольствием в связи со срывом его поставок в феврале — марте 1942 г. Председатель исполкома Моссовета и секретарь МГК ВКП(б) обратились к заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну с просьбой завезти продовольствие в Москву воинскими маршрутами. Положение с продовольствием в Москве стало выправляться лишь в конце апреля — начале мая. В это время была погашена задолженность по карточкам за март и апрель 1942 г.

К 21 марта 1942 г. добровольные взносы граждан в Фонд обороны составили 2282 млн рублей деньгами, свыше 1915 млн рублей облигациями государственных займов, 7740,1 кг серебра, 89,1 кг золота. От колхозов и колхозников поступило большое количество продовольствия.

22 марта, воскресенье (274-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об организации сбора и вывоза трофейного имущества, лома черных и цветных металлов».

23 марта, понедельник (275-й день войны)

Завершился тысячекилометровый рейд нескольких белорусских партизанских отрядов через Любанский, Старобинской, Краснослободский и Ленинский районы Минской и Пинской областей. В течение трех недель партизаны разгромили целый ряд полицейских участков.

25 марта, среда (277-й день войны)

Известный русский композитор С. В. Рахманинов, живший в США, переслал в Фонд обороны СССР сбор с нескольких своих концертов.

28 марта, суббота (280-й день войны)

ГКО и Ставка ВГК начали рассматривать стратегический план действий Вооруженных сил Советского Союза на весенне-летний период 1942 г.

В ставке А. Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово»), укрытой в лесах близ восточнопрусского города Растенбург, состоялось специальное совещание высшего военного руководства Третьего рейха, на котором и был окончательно принят план летнего наступления. Позднее это решение было оформлено в директиву верховного главнокомандования № 41 от 5 апреля 1942 г.

Газета «Московский большевик» сообщила, что в соответствии с постановлением ГКО жители Москвы и Московской области весной 1942 г. привлекались к выполнению отдельных видов работ, в частности к заготовке топлива для железнодорожного транспорта.

29 марта, воскресенье (281-й день войны)

Советское правительство направило послание британскому правительству, в котором высказывалось пожелание выступить с публичным предупреждением о том, что Англия будет рассматривать применение ядовитых газов против СССР со стороны Германии или Финляндии, как если бы это нападение было осуществлено против самой Англии.

Эскадренные миноносцы «Гремящий», «Сокрушительный» и «Ориби» Северного флота подошли к союзному конвою PQ-13, который 20 марта вышел из Рейкьявика, и заняли место в охранении.

В Колонном зале Дома Союзов впервые в Москве прозвучала Симфония № 7 Д. Д. Шостаковича. Дирижировал оркестром С. А. Самосуд.

30 марта, понедельник (282-й день войны)

Авиация, надводные корабли и подводные лодки Северного флота совместно с союзниками вели борьбу против немецких сил, атаковавших накануне конвой PQ-13 (вышел из Исландии 20 марта 1942 г.).

1 апреля, среда (284-й день войны)

Газета «Красная звезда» опубликовала сообщение о том, что жители Алтайского края доставили второй эшелон с подарками для воинов Западного фронта. Всего было доставлено 18 вагонов мясных изделий, масла, меда, сыра, битой птицы и других продуктов, а также белье и тысячи индивидуальных подарков.

2 апреля, четверг (285-й день войны)

Первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков, председатель Мосгорисполкома В. П. Пронин направили записку заместителям председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому и А. И. Микояну, в которой сообщалось о состоянии снабжения населения Москвы продовольственными товарами.

Академики В. Л. Комаров, Т. Д. Лысенко, Е. А. Чудаков, Е. М. Ярославский, А. Ф. Иоффе, А. И. Абрикосов, Л. А. Орбели, А. Н. Фрумкин, М. Б. Митин, Е. С. Варга, А. Е. Ферсман, И. П. Бардин, Л. С. Штерн и другие обратились ко всем научным работникам с призывом принять участие в строительстве танковой колонны «За передовую науку».

3 апреля, пятница (286-й день войны)

В Ленинград прибыл обоз с продовольствием из Ленинградского партизанского края (начал движение 1 марта).

В АН СССР создана Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам (прекратила существование с окончанием войны), с целью улучшения технического оснащения ВМФ.

4 апреля, суббота (287-й день войны)

В 1942 г. Русская православная церковь праздновала самую раннюю Пасху. В связи с имевшимся ограничением передвижения по Москве в православных приходах остро стоял вопрос о полуночных службах. Однако этот вопрос был решен. В шесть часов утра в субботу 4 апреля по радио было передано сообщение о распоряжении коменданта Москвы, разрешающего свободное движение в Москве в ночь на 5 апреля.

4 апреля вступило в действие соглашение между США и Великобританией о новом разделении стратегических зон ответственности: Тихий океан стал зоной ответственности США, Индийский — Великобритании.

5 апреля, воскресенье (288-й день войны)

Государственный Комитет Обороны издал постановление об образовании Московского фронта ПВО на базе Московского корпусного района ПВО.

Германское верховное главнокомандование отдало директиву № 41 о подготовке нового наступления на советско-германском фронте. Планировалось, «сохраняя положение на центральном участке», то есть на московском направлении, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. Для того чтобы скрыть направление главного удара в летней кампании и создать у советского командования ложное впечатление о подготовке крупного наступления на московском направлении, верховным главнокомандованием вермахта были даны указания штабу группы армий «Центр» по разработке дезинформационной операции под кодовым названием «Кремль».

Партизаны полностью очистили от оккупантов Октябрьский район Полесской области БССР и заложили основу партизанского края, который находился под контролем партизан до прихода войск Красной армии в 1944 г.

7 апреля, вторник (290-й день войны)

В связи с тяжелым положением, сложившимся в оборонной промышленности по выпуску военного снаряжения, ГКО принял постановление «Об организации сбора касок на местах боев». Устанавливалось вознаграждение лицам, сдавшим НКО стальные шлемы.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих».

8 апреля, среда (291-й день войны)

В Лондоне началось совещание представителей президента США Дж. Маршалла и Г. Гопкинса с У. Черчиллем и английским комитетом обороны по выработке стратегического плана действий против Германии (завершилось 14 апреля 1942 г.).

9 апреля, четверг (292-й день войны)

ГКО принял постановление о перевозке грузов для Ленинграда и Ленинградского фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 г.

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об обеспечении строительства дополнительной линии укреплений вокруг Москвы».

10 апреля, пятница (293-й день войны)

Президиум Верховного Совета Союза ССР принял указ «О местных налогах и сборах». Городские и районные советы получали право взимать налог со строений, земельную ренту, сбор с владельцев транспортных средств, скота, разовый сбор на колхозных рынках.

12 апреля, воскресенье (295-й день войны)

Газета «Красная звезда» опубликовала сообщение о том, что жители Новосибирской области отправили для воинов Северо-Западного фронта подарки на сумму свыше 1,5 млн рублей.

13 апреля, понедельник (296-й день войны)

ГКО принял постановление «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии».

ГКО принял постановление «О замене во фронтовых, армейских и запасных частях и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей».

СНК СССР принял постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Обязательный минимум трудодней в году для трудоспособных колхозников повышался в зависимости от местности до 100–150.

14 апреля, вторник (297-й день войны)

В Лондоне завершилось совещание представителей президента США Дж. Маршалла и Г. Гопкинса с У. Черчиллем и английским комитетом обороны по выработке стратегического плана действий против Германии («План Маршалла»), которое началось 8 апреля.

15 апреля, среда (298-й день войны)

СНК СССР принял постановление о строительстве электростанций на Урале.

17 апреля, пятница (300-й день войны)

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) мобилизация трудоспособного населения в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» была распространена и на сельских жителей в целях привлечения их на работу в колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ.

19 апреля, воскресенье (302-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление, в котором обязал Военный совет Балтийского флота силами Ладожской военной флотилии организовать воинские перевозки для осажденного Ленинграда и Ленинградского фронта через Ладожское озеро, а также эвакуацию предприятий и населения Ленинграда.

В Мурманск прибыл конвой PQ-14 (вышел из Рейкьявика 8 апреля 1942 г.) в составе семи транспортов, пяти эсминцев, четырех корветов, двух тральщиков. На переходе от конвоя отстали и вернулись в Исландию 16 транспортов, один транспорт был потоплен.

20 апреля, понедельник (303-й день войны)

Завершилась Московская битва (началась 30 сентября 1941 г.), которая по размаху и напряженности не имела себе равных за период Второй мировой войны и длилась в течение 203 дней и ночей. В общей сложности в сражении участвовали 7 млн 35 тыс. человек, более 53 тыс. орудий и минометов, почти 6,5 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов.

22 апреля, среда (305-й день войны)

В преддверии поездки В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон важное значение имел вопрос об оформлении политического сотрудничества с Великобританией. В конце 1941 г. советское правительство выдвинуло предложение о заключении двух договоров — военного (о союзе и взаимопомощи в войне) и политического (о военном сотрудничестве).

В стране начало развертываться движение о посевах сверх плана «гектаров обороны» и помощи колхозам и совхозам, пострадавшим от фашистской оккупации. С почином выступили жители Выселковского района Краснодарского края.

24 апреля, пятница (307-й день войны)

Закончилось функционирование Дороги жизни — автомобильной дороги по льду Ладожского озера, соединявший с 24 ноября 1941 г. блокированный Ленинград с тылом страны. За период действия доро-

ги по ней было доставлено более 361 тыс. тонн грузов, в том числе продовольствия и фуража — около 271 тыс. тонн, боеприпасов и взрывчатых веществ — около 32 тыс. тонн, горюче-смазочных материалов — 32 тыс. тонн и 23 тыс. тонн угля. За это же время из Ленинграда были эвакуированы 514 069 жителей города, раненых и больных военнослужащих.

25 апреля, суббота (308-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О транспортных вопросах в Иране».

Немецкие самолеты повторили налет и обстрел Ленинграда и кораблей, стоявших на Неве. Фашисты потеряли два самолета. Всего в апреле при участии 596 самолетов только на корабли было сброшено 93 бомбы весом 1 тыс. кг и более.

26 апреля, воскресенье (309-й день войны)

ГКО принял постановление о подчинении Главного управления гражданского воздушного флота (ГВФ) командующему ВВС Красной армии.

По настоянию советского правительства из Исландии вышел конвой PQ-15, состоявший из 25 транспортов. Три из них были потоплены авиацией врага.

27 апреля, понедельник (310-й день войны)

На 27 апреля 1942 г. на территории Смоленской и частично Орловской областей перед войсками Западного и Калининского фронтов действовал 51 партизанский отряд общей численностью около 19 тыс. человек. Наиболее крупными отрядами были: «Дедушка» — 5277 человек, имени С. Г. Лазо — 2143, «Жабо» — 1603 человека.

28 апреля, вторник (311-й день войны)

В газете «Известия» была опубликована нота Народного комиссариата по иностранным делам СССР о зверствах немецко-фашистских войск, разосланная накануне всему дипломатическому корпусу.

29 апреля, среда (312-й день войны)

Партизанский отряд «Лазо», действовавший в Смоленской области, разгромил вражескую колонну и уничтожил свыше 170 гитлеровцев, захватил четыре станковых и три ручных пулемета, пять минометов, 10 велосипедов и большое количество боеприпасов.

1 мая, пятница (314-й день войны)

Началась летне-осенняя кампания 1942 г. (завершилась 18 ноября 1942 г.). Кампания открылась активными действиями обеих противоборствующих сторон. Советские войска стремились удержать стратегическую инициативу и развить успех, достигнутый зимой, а противник настойчиво хотел вернуть утраченную инициативу.

2 мая, суббота (315-й день войны)

Из встречного конвоя QP-11 (13 транспортов) вражеские надводные корабли потопили один транспорт. В легкий крейсер «Эдинбург», на борту которого находилось значительное количество золота, попали две немецкие торпеды. 2 мая английские тральщики экипаж сняли, а крейсер затопили.

В конце апреля — начале мая германское командование в целях создания более благоприятных условий для летнего наступления на юго-западном направлении приступило к подготовке наступательной операции под Харьковом (кодовое наименование «Фридерикус-1») по ликвидации Барвенковского выступа.

4 мая, понедельник (317-й день войны)

Секретариат ВЦСПС принял постановление об открытии домов отдыха и санаториев для рабочих и служащих.

5 мая, вторник (318-й день войны)

ГКО принял постановление «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-морской флот».

6 мая, среда (319-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны».

В Кольский залив вошел конвой PQ-15 в составе 20 транспортов, двух ледоколов, шести эсминцев, четырех траулеров, трех тральщиков, корабля ПВО. Из состава конвоя на переходе погибли три союзных транспорта и польская подводная лодка.

Советское правительство направило правительству Великобритании письмо с просьбой принять меры к отправке в течение мая в советские порты 90 пароходов с военными грузами, застрявших в Исландии и на подходе из Америки в Исландию.

7 мая, четверг (320-й день войны)

Приказом народного комиссара обороны СССР на базе ВВС Южного фронта была сформирована 4-я воздушная армия под командованием генерал-майора К. А. Вершинина.

Народный комиссар обороны Союза ССР на основе постановления ГКО от 3 мая 1942 г. издал приказ о введении денежных наград за эвакуацию танков во фронтовых условиях.

8 мая, пятница (321-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о сформировании гвардейских минометных полков и отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13.

9 мая, суббота (322-й день войны)

Противник нанес очередной удар в Крыму — во фланг и тыл 51-й и 47-й армиям в сторону побережья Азовского моря. Войска Крымского фронта предпринимали попытки сдержать наступление немцев на Керченском полуострове. Однако запланированный штабом 44-й армии контрудар по прорвавшемуся противнику не состоялся.

11 мая, понедельник (324-й день войны)

В связи с болезнью Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова Государственный Комитет Обороны освободил его от обязанностей начальника Генштаба Красной армии, оставив на должности заместителя народного комиссара обороны. Исполнение обязанностей начальника Генштаба было возложено на первого заместителя маршала Б. М. Шапошникова генерала А. М. Василевского.

ГКО принял постановление «О порядке выдачи водки войскам действующей армии».

12 мая, вторник (325-й день войны)

ГКО принял постановление «Об организации сбора стреляных орудийных и винтовочных гильз населением прифронтовой полосы».

13 мая, среда (326-й день войны)

ГКО принял постановление «О повышении окладов содержания и присвоении званий снайперам на фронте».

НКВД доложил Верховному главнокомандованию СССР информацию, полученную от своего зарубежного агента, о планах стран фашистского блока по дальнейшему ведению войны.

14 мая, четверг (327-й день войны)

В ходе своего наступления в Крыму враг ворвался на окраины Керчи. Главком Северо-Кавказского направления маршал С. М. Будённый с разрешения Ставки ВГК отдал приказ войскам Крымского фронта эвакуироваться на Таманский полуостров.

15 мая, пятница (328-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об усилении огневых средств в 50-ти стрелковых дивизиях».

ГКО принял постановление о формировании 18 артиллерийских противотанковых полков.

Объединенный партизанский отряд под командованием С. А. Ковпака вышел в рейд по Сумской области (завершился 24 мая 1942 г.).

16 мая, суббота (329-й день войны)

Партизаны Ленинградского партизанского края сорвали вторую карательную экспедицию. Против партизан действовал карательный отряд численностью до 1 тыс. человек, поддержанный артиллерией и танками.

18 мая, понедельник (331-й день войны)

ГКО принял постановление, в котором приказывалось «прекратить призыв в Красную армию работников железнодорожного транспорта», а также «возвратить на железнодорожный транспорт ранее призванных в Красную армию паровозных машинистов, помощников паровозных машинистов, поездных диспетчеров и дежурных по станции».

В этот же день Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об оплате за проезд в Московском метрополитене».

Газета «Правда» опубликовала сообщение, что в Куйбышевской области в Фонд обороны и помощи колхозам, освобожденным от оккупантов, было засеяно 4685 гектаров зерновых и овощных культур.

19 мая, вторник (332-й день войны)

ГКО принял постановление об организационном укреплении органов тыла фронтов, армий, корпусов и дивизий. Во фронтах вводилась должность заместителя начальника тыла.

Заместитель председателя СНК, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов на советском бомбардировщике отправился в Англию. Вместе с «мистером Брауном» (под таким именем В. М. Молотов совершал свою поездку) в Лондон прибыл военный представитель СССР генерал-майор Ф. М. Исаев.

20 мая, среда (333-й день войны)

ГКО принял постановление «Об усилении борьбы с парашютными десантами противника на Кавказе».

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об учреждении ордена Отечественной войны I и II степени».

Открылся путь в Ленинград по малой трассе: из бухты Морье до Кобоны. С 23 по 29 мая по ней производились экстренные перевозки воинских частей и вооружения для Ленинградского фронта с восточного на западный берег. Были перевезены 18 184 бойца и командира и 430 тонн вооружения и продовольствия.

Началось строительство первой очереди Большого Чуйского канала в Киргизии протяженностью 80 км.

21 мая, четверг (334-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ о введении для военнослужащих гвардейских частей и соединений Красной армии и Военно-морского флота гвардейских воинских званий.

В Лондоне продолжались переговоры министра иностранных дел СССР с британским правительством, в ходе которых обсуждались условия подписания двух договоров.

22 мая, пятница (335-й день войны)

В ходе советско-британских переговоров в Лондоне премьер-министр У. Черчилль признал серьезнейшую опасность для своей страны в том случае, если бы вермахту удалось прорвать линию советского фронта и нанести удар по Британским островам или по Кавказу и Ирану через Баку. Однако он отказался поддержать советское предложение о том, чтобы оттянуть с советско-германского фронта в 1942 г. в Западную Европу 40 немецких дивизий, и ограничился ссылкой на подготовку операции в Европе в 1943 г. Переговоры по этому вопросу показали, что открытия второго фронта на 1942 г. союзники не планировали.

24 мая, воскресенье (337-й день войны)

ГКО принял постановление «Об эвакуации населения из г. Ленинграда».

Затянувшаяся суровая зима задержала навигацию на Ладожском озере. Только в ночь на 24 мая из Морья в Кобону вышел первый эшелон судов, состоящий из трех канонерских лодок, транспорта и пяти тральщиков с баржами. Систематические перевозки грузов по водной Дороге жизни начались только с 28 мая.

26 мая, вторник (339-й день войны)

В Лондоне был заключен договор между СССР и Великобританией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны».

28 мая, четверг (341-й день войны)

Из-за суровой зимы водная Дорога жизни по Ладожскому озеру начала действовать лишь с 28 мая. Из Новой Ладоги в порт Осиновец вышел первый конвой судов с грузами для осажденного Ленинграда.

29 мая, пятница (342-й день войны)

Завершилось Харьковское сражение (началось 12 мая 1942 г.) войск Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта. Достигнутый в начале сражения успех не был своевременно развит. Противник воспользовался медлительностью советского командования, окружил главные силы фронтов и достаточно быстро закончил их ликвидацию.

После заключения союза с Великобританией министр иностранных дел СССР В. М. Молотов продолжил свой путь на бомбардировщике и 29 мая прибыл в Вашингтон.

ГКО принял постановление о выселении ряда национальностей с Северного Кавказа.

30 мая, суббота (343-й день войны)

ГКО принял постановление «О создании при Ставке ВГК Центрального штаба партизанского движения». Начальником штаба был назначен П. К. Пономаренко.

Союзный конвой PQ-16, вышедший из Исландии 19 мая, в течение шести дней подвергался непрерывным атакам самолетов и подводных лодок врага и потерял семь судов. Для встречи и сопро-

вождения конвоя наша авиация совершила 2 тыс. самолето-вылетов. В воздушном бою погиб один из прославленных летчиков Великой Отечественной войны командир авиаполка Герой Советского Союза подполковник Б. Ф. Сафонов.

31 мая, воскресенье (344-й день войны)

Ленинградский горисполком принял специальное решение о мобилизации населения города на быстрейшее завершение оборонительных работ.

1 июня, понедельник (345-й день войны)

Объединенный партизанский отряд С. А. Ковпака во взаимодействии с другими партизанскими отрядами Сумской области завершил очищение Путивльского района от оккупантов.

2 июня, вторник (346-й день войны)

В связи с начавшейся навигацией на Ладожском озере и активностью авиации противника на водных коммуникациях при формировании и организации конвоев командующий Ленинградской группой войск Ленинградского фронта генерал Л. А. Говоров отдал указания Балтийскому флоту, Ладожской военной флотилии и авиационной группе об обеспечении конвоев на Ладожском озере.

3 июня, среда (347-й день войны)

Приказом НКО на базе ВВС Северо-Кавказского фронта образована 5-я воздушная армия (командующий — генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов).

На вооружение советских ВВС был принят фронтовой бомбардировщик Ту-2, конструкции А. Н. Туполева. До конца года промышленность выпустила 63 таких самолета.

5 июня, пятница (349-й день войны)

Войска Волховской группы Ленинградского фронта начали действия по деблокаде 2-й ударной армии, однако успеха не имели.

Завершены работы по прокладке подводного трубопровода на Ладожском озере между г. Осиновец и косой Кареджи.

7 июня, воскресенье (351-й день войны)

Продолжалась героическая оборона Севастополя (началась 30 октября 1941 г.) Для бомбардировки Севастополя немцы совершали около 2 тыс. самолето-вылетов ежедневно. Рано утром соединения 11-й немецкой армии начали третий штурм Севастополя. Главный удар наносился с севера и северо-востока в направлении восточного берега Северной бухты, вспомогательный — из района Комары через Сапун-гору на юго-восточную окраину Севастополя.

10 июня, среда (354-й день войны)

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль вручил министру иностранных дел СССР В. М. Молотову памятную записку, в которой, как и в советско-английском коммюнике, повторялся тезис «никакого обещания в этом вопросе» (имеется в виду открытие второго фронта).

В Вашингтоне послом СССР в США М. М. Литвиновым и государственным секретарем США К. Хэллом было подписано советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии».

12 июня, пятница (356-й день войны)

Опубликованы советско-американское и советско-английское коммюнике по результатам советско-американских и советско-английских переговоров. В обоих коммюнике присутствовала фраза о втором фронте, тем не менее глава британского правительства У. Черчилль оговорил, что оно не связывает себя определенным обязательством в отношении даты открытия второго фронта.

13 июня, суббота (357-й день войны)

Командование Северного фронта предприняло меры по прикрытию союзного конвоя PQ-17, который должен был выйти из Исландии ориентировочно 25 июня 1942 г. Командующий флотом приказал нанести воздушные удары по немецким тяжелым крейсерам «Адмирал Шеер» и «Лютцов», которые переходили в Альта-фиорд с намерением действовать против конвоя PQ-17.

16 июня, вторник (360-й день войны)

Народный комиссар обороны издал приказ о формировании центрального и региональных штабов партизанского движения.

18 июня, четверг (362-й день войны)

Экспедиция подводных работ особого назначения совместно с командой вспомогательных судов Ладожской военной флотилии, водолазами 27-го отряда подводно-технических работ аварийно-вспо-

могательной службы Балтийского флота завершила прокладку нефтепровода от мыса Осиновец до Кареджской косы (началась 21 мая 1942 г.). Общая протяженность трассы составляла 29,85 км (подводная часть — 21,45 км).

22 июня, понедельник (366-й день войны)

В связи с обострением весной 1942 г. обстановки на фронте и вновь возникшей необходимостью эвакуации людей и государственных ценностей из областей, которым угрожала оккупация, ГКО издал постановление о создании Комиссии по эвакуации (председатель — Н. М. Шверник). Под руководством комиссии в 1942 г. были эвакуированы свыше 150 крупных предприятий, значительные запасы продовольствия, около 8 млн человек.

24 июня, среда (368-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что в Фонд обороны со дня его создания по 1 июня было внесено 2740 млн рублей, 94 кг золота, 11,5 кг платины, 9 тыс. кг серебра, на 1165 тыс. рублей драгоценных вещей, иностранной валюты по курсовой стоимости на 7547 тыс. рублей, облигаций государственных займов на 2163 млн рублей и вкладов, хранящихся в сберегательных кассах, на 35 млн рублей.

26 июня, пятница (370-й день войны)

Генерал-полковник А. М. Василевский назначен начальником Генерального штаба Красной армии.

27 июня, суббота (371-й день войны)

Из Хваль-фиорда (Исландия) вышел крупный союзный конвой PQ-17 в составе 36 транспортов и трех спасательных судов. Для разгрома конвоя немецкое командование разработало операцию под кодовым названием «Рессельшпрунг» («Ход конем»).

Министерство иностранных дел Японии направило своему послу в Берлине телеграмму, в которой содержался ответ японского правительства на предложение Германии развернуть активные боевые действия против Советского Союза на Дальнем Востоке. В телеграмме сообщалось, что «переход Японии... к активным мероприятиям против Советского Союза излишне распылил бы силы Японии и отнюдь не повлек бы за собой благоприятной, с точки зрения общего положения, обстановки».

28 июня, воскресенье (372-й день войны)

В результате нового наступления вермахта на восточном фронте началась Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция Брянского, Воронежского (с 7 июля), Юго-Западного (до 12 июля) и Южного фронтов (завершилась 24 июля 1942 г.). Войска советских фронтов оборонялись почти в 900-километровой полосе: Белев, верховье р. Сейм, Красный Лиман (юго-восточнее Изюма), Таганрогский залив (восточнее Таганрога).

1 июля, среда (375-й день войны)

Начальник управления НКВД по г. Москве и Московской области М. И. Журавлёв в своей докладной записке первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакову в начале июля сообщал о проведении мероприятий по разминированию районов Московской области.

2 июля, четверг (376-й день войны)

С 18 июня по 2 июля немецкое командование предприняло массированные удары по Мурманску с целью сорвать перевозки по нашим внешним коммуникациям. Городу был нанесен значительный ущерб. В связи с воздушной угрозой в районе Кольского залива было принято решение все транспорты конвоя PQ-17, находившиеся в это время в море, разгружать в Архангельске.

3 июля, пятница (377-й день войны)

Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко в своей докладной записке в Ставку ВГК сообщил о состоянии партизанских отрядов на 1 июля 1942 г. Центральный и фронтовые штабы партизанского движения поддерживали связь с 608 партизанскими отрядами, в которых насчитывалось 81 546 человек.

5 июля, воскресенье (379-й день войны)

Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «о необходимых мероприятиях по г. Ленинграду». Оно предусматривало эвакуацию нетрудоспособного населения и определенной части высококвалифицированных рабочих, промышленного оборудования, а также укрепление войсковой обороны и другие оборонительные мероприятия. Несмотря на то что зимой 1941–1942 гг. по Ладоге были вывезены около 555 тыс. человек, к началу июля 1942 г. в Ленинграде еще оставались 1 млн 100 тыс. жителей.

6 июля, понедельник (380-й день войны)

Командование Северного флота предпринимало все меры по оказанию помощи конвою PQ-17, который по приказанию английского адмиралтейства был рассеян и следовал практически без охраны. Но все эти меры не могли исправить положения: 23 транспорта, входившие в состав конвоя PQ-17, были потоплены. Они унесли с собой на дно 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и около 100 тыс. тонн других грузов. Всего до Архангельска дошло 11 транспортов, на которых было доставлено 896 автомашин, 164 танка, 87 самолетов и более 57 тыс. тонн других грузов. После разгрома конвоя PQ-17 отправка союзных конвоев в СССР была приостановлена.

10 июля, пятница (384-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной армии».

11 июля, суббота (385-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.».

12 июля, воскресенье (386-й день войны)

НКВД СССР доложил ГКО данные, присланные резидентом НКВД в Стокгольме, о планах немецкого наступления на курско-воронежском направлении и о людских и материальных резервах Германии.

13 июля, понедельник (387-й день войны)

В связи с начавшейся летом 1942 г. второй волной эвакуации из южных районов страны и большим потоком эвакуированных сталинградские обком партии и облисполком 13 июля приняли специальное решение о строительстве дополнительных переправ и мостов: через Дон — 12, через Хопер — 9, через Волгу — 7. Из 15 районов правобережья Дона и из Сталинграда эвакуировались детские дома, семьи командно-политического состава, производилась передислокация 23 госпиталей.

14 июля, вторник (388-й день войны)

Постановлением ГКО были введены отличительные знаки для раненых военнослужащих Красной армии.

15 июля, среда (389-й день войны)

Партийные и советские организации Сталинграда и области проводили большую работу по формированию и подготовке народного ополчения, сооружению оборонительных укреплений. Возобновилось начатое еще осенью 1941 г. строительство трех сталинградских оборонительных обводов (внешнего, среднего и внутреннего), а с 15 июля — и четвертого (городского) обвода. Но к началу Сталинградской битвы, несмотря на все усилия, они оказались подготовленными лишь на 40–50%.

18 июля, суббота (392-й день войны)

После катастрофы с конвоем PQ-17 премьер-министр Великобритании У. Черчилль известил И. В. Сталина о приостановке Англией и США отправки в СССР конвоев северным путем и о планировании и подготовке операции «Торч» — совместной англо-американской операции по вторжению во Французскую Северную Африку осенью 1942 г.

23 июля, четверг (397-й день войны)

В директиве № 45, подписанной А. Гитлером 23 июля, группе армий «Север» были даны конкретные указания о подготовке к началу сентября новой операции по захвату Ленинграда.

В директиве № 45 вражеского командования был изложен замысел операции вермахта по овладению Кавказом (условное наименование «Эдельвейс»).

Началась Сталинградская стратегическая оборонительная операция советских войск (завершилась 18 ноября 1942 г.), положившая начало битве под Сталинградом (завершилась 2 февраля 1943 г.).

25 июля, суббота (399-й день войны)

К 25 июля 1942 г. в связи с потерей Ростова-на-Дону, а еще раньше Керчи (15 мая 1942 г.) и Севастополя (3 июля 1942 г.) на южном крыле советско-германского фронта сложилась исключительно сложная обстановка. С севера нависла вражеская группа армий «А», которая вышла широким фронтом на Дон и захватила на левом берегу ряд плацдармов. С Керченского полуострова угрожала ударом через пролив 11-я армия. Захватив Севастополь, германское командование получило возможность широко использовать Евпаторийский, Ялтинский и Феодосийский порты Крыма, что способствовало значительной активизации вражеского флота.

На юге страны Турция, в зависимости от успехов гитлеровских войск, все чаще стала нарушать свой нейтралитет. Она сосредоточила на границе с СССР 26 своих дивизий.

Началась битва за Кавказ (завершилась 9 октября 1943 г.). Она включала в себя оборонительные (25 июля — 31 декабря 1942 г.) и наступательные (1 января — 9 октября 1943 г.) операции, проведенные Красной армией с целью обороны Кавказа и разгрома вторгшихся в его пределы немецко-фашистских войск.

26 июля, воскресенье (400-й день войны)

В связи с массированными налетами авиации противника прекратилось движение барж с нефтепродуктами по Волге. Оно возобновилось 12 августа, но вновь было прервано 24 августа — уже на весь период навигации.

28 июля, вторник (402-й день войны)

Спустя несколько дней после потери Ростова-на-Дону народный комиссар обороны И. В. Сталин подписал приказ № 227, известный под названием «Ни шагу назад!».

Объединенный партизанский отряд С. А. Ковпака во взаимодействии с партизанскими отрядами под командованием А. Н. Сабурова нанес несколько ударов по гарнизонам оккупантов в Сумской области.

29 июля, среда (403-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ об учреждении орденов Суворова 1, 2 и 3-й степеней, ордена Кутузова 1-й и 2-й степеней и ордена Александра Невского.

31 июля, пятница (405-й день войны)

Посол СССР в США М. М. Литвинов и государственный секретарь США К. Хэлл обменялись в Вашингтоне нотами о продлении до 6 августа 1943 г. действующего торгового соглашения между СССР и США, заключенного в 1937 г.

4 августа, вторник (409-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение о почине колхозников Каргопольского района Архангельской области, которые обязались заготовить 10 тонн соленых и 100 кг сушеных грибов, 4 тонны ягод. Призыв каргопольских колхозников подхватили жители всей области.

7 августа, пятница (412-й день войны)

По дну Ладожского озера от мыса Осиновец до Кареджской косы началась прокладка электрического кабеля (завершилась 7 октября 1942 г.).

9 августа, воскресенье (414-й день войны)

В осажденном Ленинграде была исполнена Симфония № 7 (Ленинградская) Д. Д. Шостаковича. В Большом зале филармонии собрались защитники города. Гитлеровцы, узнав об этом, пришли в бешенство. Симфония исполнялась под грохот нашей артиллерии. К концу 1942 г. героическая симфония более 60 раз исполнялась в зарубежных странах.

10 августа, понедельник (415-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время».

С целью не допустить перехода Турции в лагерь фашистского блока и нейтрализовать давление на нее со стороны Германии советское и британское правительства предприняли совместную акцию. 10 августа 1942 г. послы СССР и Великобритании в Анкаре от имени своих правительств сделали турецкому правительству заявление об уважении территориальной неприкосновенности Турецкой Республики и о готовности оказать ей всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы.

12 августа, среда (417-й день войны)

В Москву прибыл премьер-министр Великобритании У. Черчилль в сопровождении группы военных и дипломатов.

13 августа, четверг (418-й день войны)

Во время московских переговоров И. В. Сталин вручил У. Черчиллю меморандум, где снова в категоричной форме выражалось несогласие советского правительства с отказом правительства Великобритании от создания второго фронта в Европе в 1942 г.

14 августа, пятница (419-й день войны)

Опубликовано сообщение об установлении Советом народных комиссаров СССР льгот при обучении в высших учебных заведениях и техникумах для участников войны, возвратившихся из Красной армии и Военно-морского флота после ранения, контузии, увечья или болезни.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в письменном ответе И. В. Сталину на его меморандум от 13 августа 1942 г., доказывая невозможность открытия второго фронта в Европе в 1942 г., заявил, что западные державы не нарушили никакого обещания Советскому Союзу и «самым лучшим видом второго фронта в 1942 г., единственно возможной, значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Торч», то есть высадка англо-американских войск в Северной Африке».

16 августа, воскресенье (421-й день войны)

В связи с оживлением в летний период советского судоходства в Арктике и предстоящим прибытием с Тихоокеанского флота для усиления Северного флота Экспедиции особого назначения (лидер «Баку», эсминцы «Разумный», «Разъяренный») немецкое командование решило нанести удар по нашим арктическим коммуникациям и портам. Операция получила кодовое название «Вундерланд» («Страна чудес») и осуществлялась с 16 по 31 августа 1942 г. В этот день тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» вышел из Нарвика и направился в район операции.

18 августа, вторник (423-й день войны)

В газете «Известия» было опубликовано англо-советское коммюнике о переговорах глав правительств СССР и Великобритании в Москве (начались 12 августа 1942 г.), во время которых был принят ряд решений, охватывающих область войны против Германии и ее сателлитов.

А. Гитлер издал директиву № 46, в которой потребовал к началу зимы во что бы то ни стало уничтожить основные силы партизан.

21 августа, пятница (426-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению выполнения рабочими норм выработки и повышению заработной платы работниками угольных и сланцевых шахт Наркомугля». Предусматривалось установление прогрессивной оплаты рабочим, выполняющим и перевыполняющим норму.

24 августа, понедельник (429-й день войны)

ГКО принял постановление «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузнецком бассейне».

Из-за массированных налетов авиации прекратилось движение барж с нефтепродуктами по Волге. С этого момента и практически по март 1943 г. для кавказских ГСМ остался единственный путь — через Красноводск, новый пункт налива Гурьев и далее через Среднюю Азию, Урал и Волгу. Из Баку и Махачкалы была организована буксировка железнодорожных цистерн морем в Красноводск и Гурьев. Колесные пары перевозились на баржах. Всего через Красноводск в 1942 г. было подано 2550,8 тыс. тонн нефтепродуктов, а через Гурьев — 326,2 тыс. тонн.

25 августа, вторник (430-й день войны)

В Сталинграде введено осадное положение. Городской комитет обороны обратился к населению с воззванием: «Все на строительство баррикад! Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!».

26 августа, среда (431-й день войны)

СНК СССР принял постановление об учреждении должности заместителя Верховного главнокомандующего и назначении на эту должность генерала армии Г. К. Жукова, который освобождался от должности командующего войсками Западного фронта.

28 августа, пятница (433-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсию по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения».

29 августа, суббота (434-й день войны)

Гитлеровская оккупационная администрация делала все, чтобы за счет захваченных территорий СССР удовлетворить потребности немецких войск и населения самой Германии в продуктах питания. Сельское хозяйство оккупированных районов Советского Союза подверглось жесточайшему разграблению. 29 августа 1942 г. начальник штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал В. Кейтель по распоряжению А. Гитлера издал секретный приказ «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием».

31 августа, понедельник (436-й день войны)

При Центральном штабе партизанского движения состоялось совещание командиров и руководителей орловских, белорусских и украинских партизан. Совещание наметило провести рейды партизан-

ских соединений С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова на Правобережную Украину. Партизаны Орловщины получили задание на удержание южного массива брянских лесов.

1 сентября, вторник (437-й день войны)

В Москве состоялось совещание руководителей и командиров партизанского движения. А 5 сентября Верховный главнокомандующий подписал приказ «О задачах партизанского движения».

2 сентября, среда (438-й день войны)

Ставка ВГК отдала директиву об обеспечении проводки караванов судов в Баренцевом море с 6 сентября 1942 г.

Центральным событием сентября 1942 г. по-прежнему оставалась оборона советских войск в районе Сталинграда и на Северном Кавказе. Под Сталинградом советские соединения начали отход к внутреннему оборонительному обводу Сталинграда, который находился в 25–30 км от среднего обвода. Ожесточенные бои за этот обвод продолжались до 12 сентября.

3 сентября, четверг (439-й день войны)

Обеспокоенный тяжелым положением советских войск в районе Сталинграда, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин направил распоряжение представителю Ставки ВГК Г. К. Жукову о мерах по защите Сталинграда.

4 сентября, пятница (440-й день войны)

Ленинград, все еще отрезанный от всей страны, оставался в тяжелом положении. Однако в сентябре начались занятия в трех высших учебных заведениях и 84 школах (до войны в городе действовало 467 школ). И хотя теперь школы работали без перебоев, трудностей не становилось меньше. Подчас школьники и учителя умирали от истощения прямо в классах.

5 сентября, суббота (441-й день войны)

Большой вклад в вооруженную борьбу вносили партизаны и подпольщики, сражавшиеся в тылу вражеских войск. Подлинно патриотическое движение отражало ненависть народа к захватчикам. Конкретная программа этой борьбы, определившая направление ее развития в ходе коренного перелома, была изложена в подписанном Верховным главнокомандующим 5 сентября 1942 г. приказе «О задачах партизанского движения».

6 сентября, воскресенье (442-й день войны)

Постановлением ГКО маршал К. Е. Ворошилов назначен главнокомандующим партизанским движением.

9 сентября, среда (445-й день войны)

С целью защиты конвоя PQ-18 ВВС Северного флота и приданная им авиация приступили к нанесению систематических ударов по аэродромам противника.

В республиках Закавказья было объявлено военное положение. Местное население строило оборонительные рубежи, вступало в народное ополчение, истребительные батальоны.

12 сентября, суббота (448-й день войны)

В этот день у И. В. Сталина проходило совещание, на котором Г. К. Жуков и А. М. Василевский докладывали свои предложения по стратегическому плану на зимнюю кампанию 1942–1943 гг. План Сталинградской контрнаступательной операции был утвержден 13 октября и получил кодовое название «Уран».

К 12 сентября захватчикам ценой огромных жертв удалось приблизиться к Сталинграду на расстояние 2–10 км от него. С этого дня оборона города была возложена на 62-ю и 64-ю армии. Удаление переднего края советских войск от Волги не превышало 10–12 км. Это ограничивало их маневр силами и средствами как из глубины, так и по фронту.

13 сентября, воскресенье (449-й день войны)

ГКО принял постановление «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Карагандинском угольном бассейне».

В связи с угрозой наступления вермахта ГКО принял постановление «О демонтаже грозненских нефтеперерабатывающих заводов», что сказалось на поставках горючего в армию.

Начался второй этап (13 сентября — 18 ноября 1942 г.) обороны Сталинграда. Изнурительные и кровопролитные для обеих сторон сражения шли на окраинах и в черте Сталинграда. Одновременно советские войска вели наступательные действия севернее города и предпринимали контрудары в районе межозерных дефиле южнее города.

17 сентября, четверг (453-й день войны)

Оккупанты начали против партизан южного массива брянских лесов крупную карательную экспедицию, в которой участвовали 102-я и 108-я венгерские дивизии, 14 полицейских батальонов и другие части, поддержанные танками и авиацией.

18 сентября, пятница (454-й день войны)

Конвой PQ-18, вышедший из Исландии в начале сентября, был атакован в Белом море самолетами противника. Всего же за время перехода этого конвоя немецкой авиации удалось потопить семь транспортов, а подводным лодкам — три. Конвой QP-14 потерял три транспорта. Немецкий флот и авиация лишились четырех подводных лодок и 41 самолета.

19 сентября, суббота (455-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указы «О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г.» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Предельный возраст женщин, подлежащих мобилизации, повышался до 50 лет.

21 сентября, понедельник (457-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что 19 тыс. москвичей приняли участие в воскреснике по разгрузке дров. За день было разгружено и распилено 55 тыс. кубометров дров.

22 сентября, вторник (458-й день войны)

В связи с тяжелым положением в нефтяных районах Кавказа ГКО принял постановление «О мероприятиях по всемерному увеличению добычи нефти в Казахстаннефтекомбинате, Пермьнефтекомбинате и в трестах «Бугурусланнефть», «Сызраньнефть», «Ишимбайнефть», «Туймазанефть», «Туркменнефть», «Калининнефть» и «Ворошиловнефть». По существу, это была программа создания мощного нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплекса в Волго-Уральском регионе.

В этот же день ГКО принял постановление «О всемерном форсировании увеличения производства авиабензина, автобензина, толуола, масла и смазок на нефтеперерабатывающих заводах Центра, Востока и Средней Азии», которое предусматривало срочные меры по существенному наращиванию выпуска горюче-смазочных материалов.

24 сентября, четверг (460-й день войны)

ГКО принял постановление «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузнецком бассейне».

26 сентября, суббота (462-й день войны)

СНК СССР принял постановление об учреждении должности заместителя Верховного главнокомандующего и назначении на эту должность генерала армии Г. К. Жукова.

Заместитель народного комиссара обороны Г. К. Жуков утвердил положения о штрафных батальонах и ротах действующей армии, которые были введены в действие приказом народного комиссара обороны И. В. Сталина № 298 от 28 сентября 1942 г.

27 сентября, воскресенье (463-й день войны)

С 27 сентября борьба за Сталинград вступила в новую фазу: центром боев вплоть до 8 октября стали заводские поселки и район Орловки. Обескровливание немецко-фашистской армии в летне-осенних сражениях создавало благоприятные условия для решительного контрнаступления, идея которого возникла в Ставке ВГК еще в дни тяжелых летних сражений, когда противник готовился к штурму Сталинграда. Принципиальное решение было принято Ставкой ВГК 13 сентября. С этого времени началась подготовка контрнаступления.

28 сентября, понедельник (464-й день войны)

Опубликовано советско-французское коммюнике «Об отношении правительства СССР к движению «Сражающаяся Франция» и Французскому национальному комитету. В коммюнике советское правительство признало Французский национальный комитет (ФНК) во главе с Ш. де Голлем руководящим органом «Сражающейся Франции» и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и территорий, которые не признают капитуляции, и представлять их интересы при правительстве СССР.

Постановлением ГКО от 28 сентября фронтовые штабы партизанского движения (кроме Ленинградского) были переформированы в представительства ЦШПД на фронтах, а их руководители введены

в состав военных советов фронтов. Для руководства борьбой на территории республик стали создаваться республиканские штабы партизанского движения.

29 сентября, вторник (465-й день войны)

Конвой PQ-18 завершил сосредоточение в Архангельском порту. Из 40 транспортов конвоя были проведены 27. Всего было доставлено 149 797 тонн грузов. После перехода конвоев PQ-18 и QP-14 англо-американское командование прекратило движение союзных конвоев до наступления полярной ночи.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» все рабочие и служащие мужского и женского пола, работавшие в государственных предприятиях и учреждениях в прифронтовых районах, переводились на положение мобилизованных и закреплялись за теми предприятиями и учреждениями, на которых они работали. Самовольный уход с предприятий мобилизованных рассматривался как дезертирство.

Между СССР и Великобританией было заключено соглашение об обмене технической информацией, о котором договорились во время московских переговоров У. Черчилль и И. В. Сталин.

Правительство СССР и Французский национальный комитет (ФНК) — руководящий орган «Сражающейся Франции», опубликовали коммюнике. В нем ФНК признавался в качестве единственного органа, обладающего правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий и представлять их интересы.

30 сентября, среда (466-й день войны)

В г. Краснодоне (оккупирован 20 июля 1942 г.) Ворошиловградской области Украины прошло организационное собрание, на котором была создана единая организация «Молодая гвардия». Она насчитывала свыше 100 человек. В январе 1943 г. «Молодая гвардия» была выдана провокатором. От преследования ушли лишь 11 человек.

В итоге сентябрьских боев на сталинградском направлении центр борьбы переместился на городской оборонительный обвод и на улицы города. Немцы захватили значительную часть высот, которые проходили по западным окраинам Сталинграда. До Волги им отсюда оставалось несколько сотен метров, но преодолеть их они так и не смогли. Для генерала В. И. Чуйкова и его штаба значительно усложнилось и управление войсками. Его командный пункт, оборудованный на обрыве правого берега Волги, восточнее Мамаева кургана, находился всего в 2 км от врага и подвергался непрерывному обстрелу.

Из Великобритании в СССР за период с 1 октября 1941 по 30 сентября 1942 г. доставили 2 тыс. самолетов, 1800 танков, 1100 пулеметов, 500 противотанковых пушек, а также другие виды оружия и техники, сырьевые материалы и продовольствие: 14 тыс. тонн алюминия, 8,6 тыс. тонн олова, 37 тыс. тонн каучука, 14 тыс. тонн меди, 13 тыс. тонн никеля, 60 тыс. тонн пшеницы и муки, 77 тыс. тонн сахара. В 1941–1942 гг. помощь западных союзников при всей ее значимости для СССР в основном по военно-техническим причинам отставала от запланированных протоколами норм. Заметное увеличение поставок началось только с лета 1943 г.

1 октября, четверг (467-й день войны)

События на советско-германском фронте свидетельствовали, что к началу октября 1942 г. вермахт начал терять свои наступательные возможности, в том числе и на главном направлении — сталинградском. Войска группы армий «Б» начали переходить к обороне и вели активные боевые действия лишь в районах Сталинграда.

4 октября, воскресенье (470-й день войны)

В Ставке ВГК состоялось совещание, в котором принимали участие командующие фронтами сталинградского направления. На совещании обсуждались вопросы подготовки предстоявшего контрнаступления.

6 октября, вторник (472-й день войны)

Начался вывод ледоколов, транспортов и боевых кораблей из Арктики (завершился 4 декабря 1942 г.). С 6 октября по 6 ноября четыре ледокола, два ледокольных парохода и 22 транспорта в восьми конвоях, а также три корабля Экспедиции особого назначения (ЭОН-18) Тихоокеанского флота (лидер «Баку», эсминцы «Разумный», «Разъяренный») перешли с Диксона и из устья Енисея в пролив Югорский Шар.

Завершились 20-дневные бои партизан южного массива брянских лесов против карательной экспедиции оккупантов. Партизаны, сохранив основные силы, ушли из удерживаемых населенных пунктов. Вместе с ними ушли в леса свыше 25 тыс. семей жителей деревень, сожженных карателями.

В Вашингтоне заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, советский посол в США М. М. Литвинов и английский посланник Р. Кэмпбелл подписали второй протокол о поставке Советскому Союзу военного снаряжения, боеприпасов и сырья.

7 октября, среда (473-й день войны)

Завершилась прокладка электрического кабеля по дну Ладожского озера (началась 7 августа 1942 г.). Всего от мыса Осиновец до Кареджской косы было проложено пять кабельных силовых линий.

8 октября, четверг (474-й день войны)

Особый отдел НКВД Сталинградского фронта отправил в НКВД докладную записку «О положении в оккупированной немцами части города Сталинграда».

9 октября, пятница (475-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии». В соответствии с директивой Ставки ВГК в действующей армии для личного состава был установлен краткосрочный отдых.

13 октября, вторник (479-й день войны)

ГКО принял постановление «О подчинении уполномоченных особых отделов и начальников особых отделов соединения командиру части или соединения».

14 октября, среда (480-й день войны)

Главное командование сухопутных войск Германии издало оперативный приказ № 1 о переходе войск вермахта к стратегической обороне на всем советско-германском фронте, за исключением Сталинграда.

В районе Сталинграда немецкое командование, готовясь к генеральному штурму, постоянно наращивало свои силы.

Создав перевес в силах, вражеское командование 14 октября начало штурм позиций защитников сталинградских заводов: Тракторного, «Красный октябрь» и «Баррикады».

15 октября, четверг (481-й день войны)

В ходе тяжелых боев за Сталинград противник занял Сталинградский тракторный завод, закрепился на западном склоне Мамаева кургана, а к середине октября овладел его вершиной, северными и южными склонами.

Ставка ВГК отдала директиву войскам, действовавшим на Северном Кавказе. Ставка потребовала от командования Закавказского фронта «основное внимание уделить помощи и непосредственному руководству войсками Черноморской группы».

18 октября, воскресенье (484-й день войны)

В осажденном Ленинграде был открыт «Блокадный театр» (вначале — Городской). В состав театра вошли артисты Радиокомитета, часть труппы театра имени А. С. Пушкина. Первый спектакль — пьеса «Русские люди» К. М. Симонова. В 1942 г. в репертуаре театра был «Фронт» А. Е. Корнейчука.

19 октября, понедельник (485-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что население Башкирии собрало и отправило 75 железнодорожных вагонов с подарками фронтовикам.

22 октября, четверг (488-й день войны)

Немецко-финское командование предпринимало попытки прервать перевозки по Ладожскому озеру. Оно развернуло борьбу на сообщениях озера кораблями своей флотилии. Гитлеровцы 22 октября предприняли очередную попытку блокировать подходы к порту Новая Ладога. С этой целью они решили захватить остров Сухо. Однако гарнизон острова (всего 100 человек) оказал ожесточенное сопротивление и отразил нападение врага.

23 октября, пятница (489-й день войны)

Проводимые советским командованием дезинформационные мероприятия по плану операции «Марс» дали положительные результаты. В «Журнале военных действий верховного командования вермахта» 23 октября записан вывод начальника генерального штаба сухопутных войск генерала К. Цейтлера: «В первую очередь удар Красной армии последует на центральном участке советско-германского фронта, и лишь во вторую очередь — где-нибудь на Дону».

24 октября, суббота (490-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцовом морях».

25 октября, воскресенье (491-й день войны)

Началась Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная операция войск Северной группы Закавказского фронта (завершилась 12 ноября 1942 г.). Цель операции — не допустить прорыва немецких войск к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам и в Закавказье — часть битвы за Кавказ.

26 октября, понедельник (492-й день войны)

Начался рейд партизанских соединений под командованием С. А. Ковпака, С. В. Руднева (1360 человек) и А. Н. Сабурова (1628 человек) на Правобережную Украину (завершился 11 декабря 1942 г.).

2 ноября, понедельник (499-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям на территории СССР». Председателем комиссии был назначен Н. М. Шверник.

4 ноября, среда (501-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О переводе части служащих на производство».

Совнарком Союза ССР принял постановление «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные огороды рабочих и служащих».

5 ноября, четверг (502-й день войны)

На средства, собранные населением Пензенской области, было построено и передано фронту восемь авиационных эскадрилий.

6 ноября, пятница (503-й день войны)

Гитлеровцы продолжали претворять в жизнь свой варварский план стереть Ленинград с лица земли. Они постоянно бомбили и обстреливали город. Только с ноября 1942 по март 1943 г. они обрушили на него 7454 снаряда, 390 фугасных и 1854 зажигательные бомбы. 6 ноября 1942 г. 250-килограммовая бомба причинила серьезные повреждения Аничкову мосту через Фонтанку.

В Москве состоялось торжественное заседание Моссовета, посвященное 25-й годовщине Октябрьской революции, на котором с докладом выступил И. В. Сталин.

10 ноября, вторник (507-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями, флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков».

11 ноября, среда (508-й день войны)

Немецкое командование предприняло последнюю попытку овладеть Сталинградом и начало наступление в районе завода «Баррикады».

Изданное 11 ноября 1942 г. «Наставление по борьбе с бандами на востоке» требовало захваченных в плен бойцов партизанских отрядов и подпольных организаций после допроса немедленно, прямо на месте вешать или расстреливать.

13 ноября, пятница (510-й день войны)

Заместитель Верховного главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский доложили на совместном заседании ГКО, Ставки ВГК и Политбюро ЦК ВКП(б) уточненный план контрнаступления под Сталинградом (операция «Уран»). Контрнаступление должно было начаться 19–20 ноября 1942 г.

18 ноября, среда (515-й день войны)

Завершилась Сталинградская стратегическая оборонительная операция (началась 23 июля 1942 г.). В ходе оборонительной операции войск Сталинградского (Донского), Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов при содействии Волжской военной флотилии план германского командования, рассчитанный на быстрый выход к Волге в районе Сталинграда и овладение этим городом, полностью провалился, как и план всей летне-осенней кампании 1942 г. На берегах Волги окончательно был положен предел победному шествию германского вермахта, начатому им еще в сентябре 1939 г.

После издания 5 сентября приказа Верховного главнокомандующего «О задачах партизанского движения» масштаб борьбы в тылу врага постоянно возрастал. На 18 ноября 1942 г. на связи в Центральном штабе партизанского движения, которым руководил член ЦК ВКП(б) генерал П. К. Пономаренко, находилось 1083 партизанских отряда и соединения общей численностью почти 95 тыс. человек.

19 ноября, четверг (516-й день войны)

Началась Сталинградская стратегическая контрнаступательная операция (завершилась 2 февраля 1943 г.). Основная идея контрнаступления заключалась в двухстороннем охвате сталинградской группировки противника с последующим ее окружением и уничтожением.

20 ноября, пятница (517-й день войны)

Государственный Комитет Обороны отдал распоряжение об отправке группы транспортов в Англию и США для ремонта и последующего перебазирования на Дальний Восток.

21 ноября, суббота (518-й день войны)

ГКО принял постановление «Об обеспечении коммуникаций города Ленинграда и Ленинградского фронта в зиму 1942—1943 гг.».

22 ноября, воскресенье (519-й день войны)

Командующий 6-й немецкой армией генерал Ф. Паулюс в 18 часов 22 ноября радировал в штаб группы армий «Б», что армия окружена, положение с боеприпасами критическое, запасы горючего на исходе, а продовольствия хватит всего на 12 дней. Он просил разрешения самостоятельно прорываться из окружения, однако получил отказ.

23 ноября, понедельник (520-й день войны)

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов во взаимодействии с Донским фронтом завершили окружение сталинградской группировки врага.

24 ноября, вторник (521-й день войны)

С целью отвлечения вражеских резервов от сталинградского направления, где советские войска 19 ноября перешли в контрнаступление, войска Калининского и Западного фронтов начали наступление согласно плану «Марс».

Совет народных комиссаров СССР принял постановление о продовольственной норме для военнопленных противника, которая составляла на одного человека: хлеб ржаной — 600 граммов, картофель, овощи — 500 граммов, мясо и жиры — 93 грамма, крупа — 80 граммов.

25 ноября, среда (522-й день войны)

В Москве подписано соглашение между представителем Красной армии и представителем военного командования «Сражающаяся Франция» об участии французской авиационной эскадрильи в операциях советских войск. В этом же месяце в Иваново началось формирование эскадрильи «Нормандия», которая в апреле 1943 г. приступила к боевым действиям в составе ВВС СССР.

25 ноября 1942 г. отдел иностранных армий «Ост» выпустил памятную записку. Ее авторы настоятельно рекомендовали использовать в массовом порядке «русских добровольцев» на службе в вермахте. При этом объяснялось, что «если каждая группа армий в своем тыловом районе будет располагать надежными русскими частями общей численностью от 70 до 90 батальонов, то проблему банд (имеются в виду партизаны. — *Прим. ред.*) можно рассматривать как решенную». Эту заманчивую для рейха перспективу стали особенно тщательно разрабатывать в конце 1942 — начале 1943 г.

Нацистская оккупационная администрация претворяла в жизнь политику жесточайшего разграбления захваченных территорий СССР. О фактической стороне грабежа можно судить по признанию А. Розенберга, прозвучавшему на заседании «Германского трудового фронта» в ноябре 1942 г.: «Вы не должны забывать, что там было отнюдь нелегко; и вы не можете себе представить, насколько велика была нагрузка, если за эти дни с востока в Германию прибыло 3 тыс. поездов с продовольствием; следует прибавить к этому, что вся находящаяся на востоке армия снабжается на месте, причем в это снабжение не входит то, что солдаты раздобывают сами себе. Но об этом, разумеется, не следует говорить открыто».

29 ноября, пятница (526-й день войны)

К концу ноября 1942 г. ЦШПД по указанию Ставки ВГК разработал операцию под кодовым наименованием «Лампа». Партизаны должны были путем широкого применения специальных мин, в том числе замедленного действия, вывести из строя десять основных железнодорожных магистралей, пересекающих оккупированную территорию СССР с востока на запад на протяжении почти 1500 км, а также две рокады длиной 1150 км. Однако из-за напряженных боевых действий на фронте ГКО и Ставка ВГК не смогли выделить необходимое количество самолетов для переброски мин. Операцию пришлось проводить зимой 1942—1943 гг. не одновременно всеми партизанскими формированиями, как это предполагалось с самого начала, а поэтапно, силами отдельных партизанских частей и соединений.

30 ноября, понедельник (427-й день войны)

Завершился первый этап Сталинградской контрнаступательной операции (операция «Уран») Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов (началась 19 ноября 1942 г.). В ходе операции советские войска окружили в районе Сталинграда крупнейшую группировку противника. Глубина продвижения советских войск за 12 дней операции составила от 40 до 120 км. Удаленность внешнего фронта от внутреннего составляла от 40 до 110 км.

1 декабря, вторник (528-й день войны)

Советские партизанские отряды нанесли удары по железнодорожному узлу Сарны. Началась операция «Сарненский крест» (завершилась 5 декабря 1942 г.).

В СССР прибыла первая группа французских летчиков-добровольцев, пожелавших сражаться вместе с советскими летчиками против самолетов люфтваффе. В составе группы было 13 летчиков, 40 механиков и мотористов.

2 декабря, среда (529-й день войны)

ГКО принял постановление «Об организации производства самоходных артиллерийских установок».

Ставка ВГК утвердила план операции «Искра» — операции войск Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда. Готовность операции — 1 января 1943 г. Координация действий обоих фронтов была поручена маршалу К. Е. Ворошилову.

3 декабря, четверг (530-й день войны)

Ставка ВГК утвердила представленный командованием Юго-Западного фронта план операции «Сатурн». Начало операции «Сатурн» по ходатайству представителя Ставки ВГК генерала Н. Н. Воронова и Военного совета фронта, которые ссылались на незавершенность подготовительных мероприятий, было перенесено на 16 декабря.

В начале декабря ЦШПД по распоряжению Ставки ВГК разработал оперативный план для партизан Краснодарского края, Ростовской и Сталинградской областей — усилить диверсии на железной дороге Краснодар — Сталинград.

5 декабря, суббота (532-й день войны)

Введена в строй самая мощная в СССР и Европе пятая доменная печь (объемом 1340 кубометров) на Магнитогорском металлургическом комбинате.

ВЦСПС принял постановление «О постройке на средства рабочих и служащих танков для танковой бригады и самолетов для эскадрильи истребителей и эскадрильи штурмовиков».

6 декабря, воскресенье (533-й день войны)

В Москву прибыла делегация Монгольской Народной Республики, которая привезла около 240 вагонов подарков для солдат и офицеров действующей армии.

7 декабря, понедельник (534-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О разрешении приема хлеба в фонд Красной армии из личных запасов хлеба колхозников».

8 декабря, вторник (535-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение о том, что в Подмосковном угольном бассейне началось ускоренное строительство новых мощных шахт, которые должны войти в эксплуатацию в 1943 г.

9 декабря, среда (536-й день войны)

Президиум Верховного Совета Союза ССР своим указом отложил выборы в Верховный Совет СССР до декабря 1943 г. Одновременно на этот же срок были продлены полномочия Верховного Совета СССР первого созыва.

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что колхозники Тамбовской области в течение двух недель собрали и внесли на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» 40 млн рублей.

11 декабря, пятница (538-й день войны)

Закончился рейд партизанского соединения С. А. Ковпака и С. В. Руднева на Правобережную Украину. За время рейда партизаны истребили 370 немецких солдат и офицеров, уничтожили шесть железнодорожных мостов, 20 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах.

12 декабря, суббота (539-й день войны)

Началась операция войск вермахта под кодовым названием «Винтергевиттер» («Зимняя гроза») с целью деблокады окруженной под Сталинградом немецко-фашистской группировки — 6-й полевой армии и части сил 4-й танковой армии (завершилась 23 декабря 1942 г.).

Началась Котельниковская операция (завершилась 30 декабря 1942 г.), включавшая в себя оборонительные и наступательные действия войск левого крыла Сталинградского фронта с целью отражения наступления и разгрома противника, пытавшегося деблокировать окруженную в районе Сталинграда группировку, — часть контрнаступления Красной армии под Сталинградом.

13 декабря, воскресенье (540-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о повышении с 1 декабря 1942 г. заработной платы медицинским работникам.

После анализа обстановки под Сталинградом и на Северном Кавказе Ставка ВГК в ночь на 14 декабря приняла важное решение: о внесении изменений в план операции «Сатурн». За счет уменьшения размаха наступательной операции советских войск на Среднем Дону и ограничения поставленных перед ними задач решалась сложная проблема организации более тесного оперативного взаимодействия между войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов при разгроме котельниковской группировки врага.

14 декабря, понедельник (541-й день войны)

В соответствии с распоряжением ГКО от 20 ноября 1942 г. началась отправка в Англию и США транспортов для ремонта. С 14 по 24 декабря из Архангельска в Иоканьги было отправлено 14 транспортов.

15 декабря, вторник (542-й день войны)

Из Лох-Ю вышел один из последних в 1942 г. союзный конвой (JW-51-A) в составе 16 транспортов, семи эсминцев, двух корветов, тральщика и двух траулеров, прибывший в Кольский залив 25 декабря.

В газете «Правда» было опубликовано сообщение о том, что комсомольцы и молодежь Ярославской области собрали на строительство авиаэскадрильи «Ярославский комсомолец» 4,2 млн рублей.

Делегация колхозников Тамбовской области передала танковому корпусу генерала А. Ф. Попова танковую колонну «Тамбовский колхозник» в составе 96 боевых машин, приобретенных на добровольные взносы жителей Тамбовской области.

16 декабря, среда (543-й день войны)

Началась Среднедонская наступательная операция (кодовое название «Малый Сатурн») войск Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов (завершилась 31 декабря 1942 г.).

В газете «Правда» было опубликовано сообщение о сборе колхозниками Горьковской области 60 млн рублей на строительство авиаэскадрильи «Валерий Чкалов».

18 декабря, пятница (545-й день войны)

В результате трехдневных напряженных сражений войск Юго-Западного и Воронежского фронтов в ходе Среднедонской операции вражеский фронт от Новой Калитвы до станицы Чернышевской протяженностью до 200 км оказался расчлененным на четыре изолированных участка. Советские войска продвинулись на глубину более 40 км.

20 декабря, воскресенье (547-й день войны)

Завершилась Ржевско-Сычёвская наступательная операция армий левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронта (началась 24 ноября 1942 г.) — часть отвлекающей операции «Марс». В ходе ожесточенных боев лишь на отдельных направлениях наши войска смогли достигнуть небольших успехов. Но своими активными действиями войска фронтов сковали крупные силы агрессора. Тем самым они не только не позволили немецкому командованию перебрасывать войска с московского направления под Сталинград, но и заставили его к уже переброшенной до начала операции «Марс» 21 дивизии дополнительно послать на западное направление из резерва ОКХ и стран Западной Европы еще 15 дивизий и две бригады.

22 декабря, вторник (549-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ об утверждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда».

Из Исландии вышел в море последний в 1942 г. союзный конвой (JW-51-B) в составе 14 транспортов, шести эсминцев, двух корветов, тральщика, двух траулеров, который прибыл в Кольский залив 3 января 1943 г. Всего в течение 1942 г. в северные и арктические порты СССР было доставлено 814 654 тонны грузов, за рубеж отправлено 366 023 тонны грузов.

24 декабря, четверг (551-й день войны)

В ходе Среднедонской операции (началась 16 декабря 1942 г.) к исходу 24 декабря соединения Юго-Западного фронта завершили разгром основных сил 8-й итальянской армии, окруженных в районах Алексеево-Лозовского и станицы Верхнечирская.

25 декабря, пятница (552-й день войны)

Усиленная работа Дороги жизни во вторую блокадную зиму, благодаря которой защитники города на Неве получали продовольствие, оружие, военную технику и боеприпасы, позволила уже с 25 декабря, то есть еще до прорыва блокады города, повысить нормы выдачи хлеба: рабочим — на 100 граммов, служащим, инвалидам и детям — на 75 граммов в сутки. Улучшение продовольственного положения ленинградцев незамедлительно сказалось на производстве, особенно оборонных заводов.

26 декабря, суббота (553-й день войны)

Президиум Верховного Совета Союза ССР принял указ «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР командующему Военно-воздушными силами Красной армии, командующим воздушными армиями, авиацией дальнего действия, истребительной авиацией ПВО территории страны, командирам авиакорпусов, авиадивизий, авиаполков».

Газета «Правда» опубликовала сообщение, в котором приводились сведения о сдаче жителями областей и республик средств на строительство военной техники и оружия. Так, жители Калининской области собрали 45 млн рублей, Горьковской — 87 млн, Оренбургской— 40 млн, Казахстана — около 16 млн.

28 декабря, понедельник (555-й день войны)

С провалом попытки Э. Манштейна деблокировать 6-ю армию германское верховное командование вынуждено было принять решение об оставлении Северного Кавказа. 28 декабря появился «Оперативный приказ № 2», в котором А. Гитлер подчеркивал свое намерение удержать 6-ю армию в укрепленном районе и создать условия для ее освобождения.

30 декабря, среда (557-й день войны)

Завершилась Котельниковская операция (началась 12 декабря 1942 г.). Попытка германского командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде была сорвана.

31 декабря, четверг (558-й день войны)

Завершилось (началось 16 декабря 1942 г.) наступление войск Юго-Западного и Воронежского фронтов на Среднем Дону (операция «Малый Сатурн»), которое явилось развитием контрнаступления советских войск под Сталинградом. За 16 дней советские войска продвинулись на 150–200 км, освободили территорию с 1246 населенными пунктами общей площадью 31 тыс. кв. км.

Завершилась Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция советских войск (началась 25 июля 1942 г.). В течение пятимесячной борьбы советские войска, несмотря на отступление к предгорьям Главного Кавказского хребта, в районы Орджоникидзе и Туапсе, сумели решить исход оборонительных операций в свою пользу.

1943 год

1 января, пятница (559-й день войны)

К 1 января 1943 г. Ленинградский и Волховский фронты в основном завершили подготовку к операции по прорыву блокады Ленинграда. По просьбе командования Ленинградского и Волховского фронтов Ставка ВГК перенесла начало операции «Искра» на 10–12 января.

В связи с расширением стратегического наступления Красной армии Центральный штаб партизанского движения отдал приказ о расширении партизанской борьбы.

В газете «Правда» опубликовано сообщение о вступлении в строй третьей очереди Московского метрополитена протяженностью 6,2 км.

2 января, суббота (560-й день войны)

Народный комиссар обороны отдал приказ об упорядочении работы по эвакуации военнопленных с фронта. Приказ подписан заместителем народного комиссара обороны генералом А. Хрулёвым.

5 января, вторник (563-й день войны)

Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны от 2 января 1943 г. «О сборе трофейного имущества на фронтах и обеспечении его хранения» нарком обороны СССР издал приказ «О сборе и вывозе трофейного имущества на фронтах и обеспечении его хранения».

6 января, среда (564-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР учредил новые знаки различия для личного состава Красной армии — погоны.

Претворяя в жизнь поистине варварский план «стереть город Петербург с лица земли», немецкие войска постоянно бомбили и обстреливали город. Зимой 1942—1943 гг. были разрушены сотни жилых домов, пострадало немало памятников культуры мирового значения. Так, 6 января 1943 г. 250-килограммовая бомба вывела из строя разводной пролет Республиканского (Дворцового) моста.

7 января, четверг (565-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «о бесплатной отправке писем военнослужащими и в их адреса».

8 января, пятница (566-й день войны)

Наркомат обороны издал приказ «О мерах повышения дисциплины среди военнослужащих, находящихся на излечении в тыловых госпиталях».

Представитель Ставки ВГК генерал-полковник Н. Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский во избежание напрасных жертв предъявили командованию окруженных между Волгой и Доном немецких войск ультиматум, но он был отклонен командованием 6-й армии, выполнявшим приказ А. Гитлера «стоять до конца».

10 января, воскресенье (568-й день войны)

Войска Донского фронта начали операцию «Кольцо» (завершилась 2 февраля 1943 г.) с целью ликвидации окруженной под Сталинградом группировки врага.

11 января, понедельник (569-й день войны)

Завершилась подготовка войск Ленинградского и Волховского фронтов к операции по прорыву блокады Ленинграда.

12 января, вторник (570-й день войны)

Указами Президиума Верховного Совета СССР г. Ворошиловск был переименован в Ставрополь, а Орджоникидзевский край — в Ставропольский.

Началась наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда (завершилась 30 января 1943 г.). Замыслом операции, получившей кодовое название «Искра», предусматривалось нанести встречный удар двух фронтов — Ленинградского с запада и Волховского с востока — в общем направлении на Синявино.

С первых дней Великой Отечественной войны монгольский народ активно помогал фронту. Осуществлялся сбор подарков для воинов Красной армии. На собранные населением МНР средства была построена танковая колонна «Революционная Монголия» и 12 января 1943 г. передана в дар Красной армии. Кроме того, в стране был организован сбор средств на создание специальной авиаэскадрильи «Монгольский арат» и закупку лошадей для Красной армии.

13 января, среда (571-й день войны)

Продолжались упорные бои под Ленинградом, где войска Ленинградского и Волховского фронтов начали прорыв блокады города (операция «Искра»). Немецкое командование перебросило в район севернее Синявино части трех пехотных дивизий и предприняло яростные контратаки в районе Московской Дубровки. К исходу дня был освобожден Рабочий поселок № 8.

Войска Северо-Западного фронта проводили очередную операцию с целью ликвидации Демянского выступа. В район боев срочно были возвращены три ранее отправленные отсюда дивизии. С прибытием этих подкреплений наступление Северо-Западного фронта окончательно заглохло.

Началась Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная операция войск Воронежского, 13-й армии Брянского и 6-й армии Юго-Западного фронтов (завершилась 3 марта 1943 г.).

15 января, пятница (573-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение о завершении строительства и сдаче в эксплуатацию новой доменной печи на Чусовском металлургическом заводе, построенной в короткий срок — за семь месяцев. С пуском печи мощность завода увеличилась более чем в два раза.

16 января, суббота (574-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР для высшего командного состава авиации, артиллерии и бронетанковых войск были введены следующие воинские звания: маршал авиации, маршал артиллерии, маршал бронетанковых войск.

18 января, понедельник (576-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР генералу армии Г. К. Жукову присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

20 января, среда (578-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны».

21 января, четверг (579-й день войны)

Командующий войсками Воронежского фронта издал приказ о мобилизации военнообязанных на освобожденной от противника территории.

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что трудящиеся Москвы и Московской области кроме внесенных 75 млн рублей на строительство вооружения для Красной армии дополнительно внесли 315 млн рублей.

23 января, суббота (581-й день войны)

Советское правительство продолжало принимать меры по восстановлению сельскохозяйственного производства на освобожденных от оккупации территориях. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление, в соответствии с которым намечался ряд мер по восстановлению машинно-тракторных станций (МТС) и колхозов в освобождавшихся от немецких оккупантов районов Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Сталинградской, Воронежской, Курской, Орловской областей и Украинской ССР.

25 января, понедельник (583-й день войны)

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в приказе от 25 января 1943 г. за успешные боевые действия по прорыву блокады Ленинграда объявил благодарность войскам Ленинградского и Волховского фронтов, поздравил их с одержанной над врагом победой.

27 января, среда (585-й день войны)

Советские войска завершили уничтожение россошанской группировки врага, окруженной в ходе Острогожско-Россошанской операции. К 27 января завершилась ликвидация войск, вырвавшихся из котла и отошедших в район восточнее Валуек. На этом завершилась Острогожско-Россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта (началась 13 января 1943 г.), продолжавшаяся 15 суток.

Президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль сообщили И. В. Сталину о результатах конференции в Касабланке, на которой, по существу, было принято решение об отказе открытия второго фронта в 1943 г.

29 января, пятница (587-й день войны)

Началась Ворошиловградская наступательная операция войск Юго-Западного и правого крыла Южного фронта (операция «Скачок») с целью разгрома немецкой группы армий «Дон» и освобождения Донбасса (завершилась 18 февраля 1943 г.).

В освобождении Донбасса большая роль отводилась партизанам и подпольщикам. Учитывая, что наступающим соединениям необходимо было преодолеть реки Дон и Северский Донец, а также ряд мелких рек, которые имели толщину льда только 25 см, они должны были смелыми и дерзкими действиями захватывать мосты, разрушать коммуникации врага, выводить из строя его тыловые объекты, нарушать связь и прочее.

30 января, суббота (588-й день войны)

Завершилась операция «Искра» войск Ленинградского и Волховского фронтов (началась 12 января 1943 г.). Прорыв блокады стал переломным этапом в битве за Ленинград. Поражение немецких войск в январе 1943 г. имело огромное военно-политическое значение. Рухнули мечты А. Гитлера, что «Ленинград сам поднимет руки. Он падет рано или поздно. Никто не освободит его, никто не сумеет пройти через созданные линии, Ленинграду придется умереть голодной смертью». Была устранена угроза соединения немецких и финских войск. Резко улучшилось снабжение города, Ленинградского фронта и Балтийского флота всем необходимым для жизни и боевых действий. Появилась реальные возможности подготовить окончательный разгром вражеских войск под Ленинградом.

1 февраля, понедельник (590-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об изменении знаков различия — погон для Маршалов Советского Союза и введении знаков различия — погон для маршалов авиации, артиллерии и бронетанковых войск».

2 февраля, вторник (591-й день войны)

Указом Президиум Верховного Совета СССР учреждена медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней.

Завершилась операция «Кольцо» Донского фронта (началась 10 января 1943 г.), а с ней и Сталинградская контрнаступательная операция (началась 19 ноября 1942 г.). В ходе операции «Кольцо» советские войска полностью разгромили или взяли в плен 22 окруженные дивизии и 160 отдельных частей противника.

Завершилась Сталинградская битва (началась 17 июля 1942 г.), длившаяся 200 дней и ночей. Поражение и огромные потери вермахта и его союзников резко ухудшили военно-политическое и экономическое положение нацистской Германии, поставили ее перед началом глубочайшего кризиса. Правящие круги Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии стали искать предлоги для выхода из войны. Япония и Турция окончательно отказались от вступления в войну с Советским Союзом. Грозный призрак неизбежного поражения впервые возник в сознании населения Германии.

Для решения важных задач партизаны совершали рейды по глубоким тылам врага. Впервые за Великую Отечественную войну совершили такой рейд партизаны соединения под командованием М. И. Наумова. За 65 дней рейда соединение прошло с боями 2400 км по территории Курской, Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской, Винницкой, Киевской и Житомирской областей.

6 февраля, суббота (595-й день войны)

Начались регулярные перевозки по вновь построенной после прорыва блокады Ленинграда железной дороге Шлиссельбург — Поляны, соединившей Шлиссельбург с железнодорожной линией Мга — Волховстрой. 6 февраля по ней прошел первый продовольственный поезд в Ленинград.

ВЦСПС принял постановление «о передаче 100 млн рублей из средств профсоюзов на строительство авиасоединений и танковых колонн для Красной армии».

7 февраля, воскресенье (596-й день войны)

Военная индустрия требовала все больше металла. Поэтому Государственный Комитет Обороны принимал действенные меры для увеличения его выплавки. Развернутая программа подъема черной металлургии содержалась в принятых 7 февраля 1943 г. постановлениях ГКО о мерах неотложной помощи черной металлургии и плане строительства и наращивания ее мощностей.

8 февраля, понедельник (597-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР учредил орден Кутузова 3-й степени. Орденом награждался командный состав Красной армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями и за достигнутые успехи в операциях.

Партизанские отряды вели активные действия по нарушению коммуникаций врага. В ночь с 7 на 8 февраля ленинградские партизаны взорвали железнодорожный мост через р. Узу на линии Псков — Порхов.

9 февраля, вторник (598-й день войны)

С февраля 1943 г. к общему стратегическому наступлению советских войск, начатому на южном, юго-западном и северо-западном участках советско-германского фронта, подключились войска западного и центрального направлений.

В послании И. В. Сталину У. Черчилль сообщил о подготовке открытия второго фронта в Европе в августе — сентябре 1943 г.

11 февраля, четверг (600-й день войны)

В Ленинграде после прорыва блокады впервые были повышены нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим горячих цехов — 700 граммов (до этого 575 граммов), рабочим и инженерно-техническим работникам — 500 (400), служащим — 400 (300), иждивенцам — 300 (250), детям до 12 лет — 300 (250).

12 февраля, пятница (601-й день войны)

Командующий войсками Воронежского фронта дал указание начальникам тыла армий об учете и сборе скота для нужд войск.

15 февраля, понедельник (604-й день войны)

Указом Президиум Верховного Совета СССР для личного состава Военно-морского флота СССР введены новые знаки различия — погоны.

16 февраля, вторник (605-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР генералу армии А. М. Василевскому присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

17 февраля, среда (606-й день войны)

С потерей 14 февраля Харькова и прорывом войск Юго-Западного фронта в район Павлограда обстановка для противника резко обострилась. 17 февраля А. Гитлер прибыл в штаб воссозданной 13 февраля группы армий «Юг», располагавшейся в районе Запорожья. В течение двух дней фюрер вместе с А. Йодлем, Э. Манштейном, Э. Клейстом и другими генералами обсуждали различные варианты контрнаступления, которое планировалось для перехвата инициативы у советских войск. Взять реванш за Сталинград — такова была главная идея А. Гитлера и его генералитета.

18 февраля, четверг (607-й день войны)

Завершилась Ворошиловградская наступательная операция войск Юго-Западного и правого крыла Южного фронта (операция «Скачок») с целью освобождения Донбасса (началась 29 января 1943 г.). В результате операции, несмотря на некоторые просчеты советского командования, войска фронта все же очистили от оккупантов северную часть Донбасса, передовыми частями вышли к днепровским переправам в районах Запорожья и Днепропетровска, создали серьезную угрозу флангу и тылу его донбасской группировки.

Завершилась Ростовская наступательная операция войск Южного фронта (началась 1 января 1943 г.). В результате операции советские войска продвинулись на глубину 300—450 км, освободили большую часть Ростовской области.

19 февраля, пятница (608-й день войны)

К 19—20 февраля 1943 г. войска вермахта в основном завершили подготовку к контрнаступлению на юге советско-германского фронта. Началось оборонительное сражение войск правого крыла (6-я и 1-я гвардейская армии, подвижная группа) Юго-Западного фронта в Донбассе (завершилось 1 марта 1943 г.).

21 февраля, воскресенье (610-й день войны)

Король Великобритании Георг VI направил председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину телеграмму по случаю 25-й годовщины Красной армии.

22 февраля, понедельник (611-й день войны)

Через Шлиссельбург в Ленинград и обратно в течение 1943 г. проследовало более 4700 поездов. Вдоль южного берега Ладожского озера началось автомобильное движение. Продолжала работу и Дорога жизни. Планы командования вермахта задушить город голодом рухнули навсегда.

23 февраля, вторник (612-й день войны)

В Ленинграде после прорыва блокады второй раз повышены нормы выдачи хлеба по карточкам (первый раз повышение норм было проведено 11 февраля).

25 февраля, четверг (614-й день войны)

В газете «Правда» опубликованы сообщения: коллектив завода № 92 на собранные из личных сбережений средства изготовил дивизионные пушки для десяти полков и оружие для трех танковых бригад; по инициативе колхозников Ершовского района Саратовской области создан «фонд здоровья бойцов Красной армии», в который было сдано 10 тыс. литров молока.

27 февраля, суббота (616-й день войны)

В «Правде» опубликовано письмо бойцам-армянам от армянского народа (всего 335 316 подписей). В нем сообщалось: за несколько дней жители Армянской ССР внесли 36 млн рублей на постройку танковой колонны «Колхозник Армении».

1 марта, понедельник (618-й день войны)

К марту 1943 г. тяжелая обстановка сложилась на юго-западном направлении. Стремительное наступление немцев, начавшееся 19 февраля, привело к глубокому рассечению фронта обороны 6-й и 1-й гвардейской армий Юго-Западного фронта. Фактически они оборонялись в трех изолированных друг от друга группировках. В ходе сражения советские войска отошли на глубину 100—120 км. Вместе с тем только 1 марта командующий Воронежским фронтом генерал Ф. И. Голиков принял решение на переход к обороне и утвердил его в Ставке ВГК.

5 марта, пятница (622-й день войны)

26-я сессия Малого хурала Монгольской Народной Республики приняла решение о строительстве авиаэскадрильи «Монгольский арат». С этой целью были собраны и переданы Государственному банку СССР денежные средства в сумме 2 млн тугриков.

В опубликованном в «Правде» письме фронтовикам-татарам от татарского народа (более 1,5 млн подписей) сообщалось: на строительство танков и самолетов жители Татарской АССР внесли свыше

185 млн рублей, собрали в Фонд обороны 39 млн рублей, отправили фронтовикам на 24 млн рублей подарков, собрали 23 тыс. полушубков, 54 тыс. пар валенок, 56 тыс. телогреек и теплых шаровар, 106 тыс. пар теплого белья.

7 марта, воскресенье (624-й день войны)

Немецкие войска продолжали развивать наступление на харьковском направлении. Ожесточенные сражения разгорелись и югу от Харькова.

Своим постановлением Государственный Комитет Обороны расформировал Центральный штаб партизанского движения, действовавший при Ставке ВГК, как «выполнивший свою роль по развитию и руководству партизанским движением».

8 марта, понедельник (625-й день войны)

Партизаны усиливали борьбу с оккупантами, нанося массированные удары по коммуникациям врага в интересах наступавших фронтов Красной армии. Еще в конце ноября 1942 г. ЦШПД по указанию Ставки ВГК разработал операцию под кодовым наименованием «Лампа». Операция из-за недостатка самолетов для переброски мин проводилась поэтапно. Один из этапов операции — минирование участков полотна Брянского железнодорожного узла минами замедленного действия. В феврале 1943 г. его провели брянские и курские партизаны.

11 марта, четверг (628-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР присвоил Верховному главнокомандующему Вооруженными силами СССР И. В. Сталину воинское звание Маршала Советского Союза.

12 марта, пятница (629-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что жители Марийской АССР дополнительно внесли в фонд строительства авиаэскадрильи «Марийский колхозник» 10 млн 822 тыс. рублей (ранее было собрано 20 млн рублей).

13 марта, суббота (630-й день войны)

В приказе А. Гитлера № 5 были определены общие цели военных действий на востоке на весну и лето 1943 г. Группы армий «Центр» и «Юг» после весенней распутицы должны были нанести встречный удар и разгромить советские войска, действовавшие в районе Курска. Эта операция считалась главной.

Жители Тульской области продолжали вносить средства в Фонд обороны, а также на строительство танковой колонны «Тульский колхозник», авиасоединения «Тула», авиаэскадрильи имени Героя Советского Союза А. Чекалина. Всего было внесено свыше 102,6 млн рублей.

14 марта, воскресенье (631-й день войны)

Жители освобожденных районов Ростовской области внесли около 15,2 млн рублей на строительство танковой колонны «Донской казак» для передачи 5-му гвардейскому Донскому казачьему кавалерийскому корпусу.

15 марта, понедельник (632-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ о награждении московского завода «Компрессор» Народного комиссариата минометного вооружения СССР орденом Трудового Красного Знамени.

18 марта, четверг (635-й день войны)

Делегация жителей Мытищинского района Московской области передала одной из воинских частей истребители «Москва», построенные на собранные в районе средства. Всего Мытищинский район передал на строительство танков и самолетов около 6 млн рублей, послал на фронт 20 тыс. индивидуальных подарков.

Заслуженный артист РСФСР С. М. Балашов на средства, полученные за свои концерты, приобрел танк и передал его в подарок Красной армии.

19 марта, пятница (636-й день войны)

Мужественно бились с врагом женщины-летчицы. 19 марта 1943 г. летчицы 586-го истребительного авиационного полка ПВО младшие лейтенанты Т. У. Памятных и Р. И. Сурначевская на самолетах Як-1 смело атаковали две группы бомбардировщиков Ю-88 численностью до 20 самолетов и, ведя неравный бой, в течение десяти минут сбили четыре «юнкерса».

20 марта, суббота (637-й день войны)

Бывший начальник транспортной службы группы армий «Центр» полковник Г. Теске, описывая действия партизан в тылу группы армий, выделил по своему значению взрыв брянскими партизанами

важнейшего моста через Десну. Операция по взрыву крупнейших трехпролетных мостов, находившихся в полосе действий 2-й немецкой танковой армии, была проведена партизанской бригадой имени Щорса и отрядом имени Ворошилова (всего 1225 человек).

21 марта, воскресенье (638-й день войны)

Газета «Труд» опубликовала сообщение, что театры Московской области за истекший период войны дали до 5 тыс. спектаклей и концертов, в том числе около 2 тыс. — в воинских частях, госпиталях и на фронте, более 1 тыс. — в колхозах и совхозах во время полевых работ.

Состоялась передача Красной армии бронепоезда «Московский метрополитен», построенного на средства, собранные работниками метро.

Газета «Правда» опубликовала сообщение, что работники шелкоткацкого и красильно-отделочного комбината «Красная Роза» внесли из своих трудовых сбережений на строительство Московской танковой колонны 250 тыс. рублей.

22 марта, понедельник (639-й день войны)

На Западный фронт направлена французская авиаэскадрилья «Нормандия» (командир — майор Ж. Л. Тюлан). Она вошла в состав 303-й истребительной авиадивизии 1-й воздушной армии.

Закончились бои партизан Освейского и Дриссенского районов партизанского края в Белоруссии против карателей, которые, понеся большие потери, были вынуждены прекратить боевые действия. В ходе так называемых усмирительных акций гитлеровцы захватывали скот, зерно, картофель и другую сельскохозяйственную продукцию, а дома и постройки нередко сжигали прямо вместе с людьми. Так, 22 марта 1943 г. эсэсовцы заживо сожгли в сарае 149 жителей деревни Хатынь, в том числе 75 грудных и малолетних детей. Таких деревень-мучениц на захваченной врагом территории было множество, только в одной Белоруссии — 628. Полностью уничтожалось еврейское население, а его имущество расхищалось.

24 марта, среда (641-й день войны)

Газета «Труд» сообщила о том, что в Москве за последнее время оказана помощь 18,5 тыс. семьям фронтовиков, 16,5 тыс. членов семей устроены на работу.

25 марта, четверг (642-й день войны)

Завершилась Харьковская оборонительная операция левого крыла Воронежского фронта (началась 4 марта 1943 г.). К 25 марта войска фронта, отойдя на 100–150 км, остановили противника на рубеже Краснополье, Белгород, далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас Курского выступа.

26 марта, пятница (643-й день войны)

После завершения Сталинградской битвы на совещании финского руководства было принято решение, что «война подошла к решающему поворотному моменту и что Финляндии при первой подходящей возможности необходимо найти способ выхода из войны». Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов 26 марта 1943 г. сообщил в Вашингтон, что Финляндия, если она хочет мира, должна разорвать отношения с Германией, добиться вывода немецких войск из своей страны и отвести свои войска на границу, установленную советско-финляндским мирным договором 1940 г., а также возместить Советскому Союзу половину ущерба, причиненного ею в ходе совместной с Германией войны.

27 марта, суббота (644-й день войны)

Подписан приказ народного комиссара обороны СССР «О сборе памятников и реликвий Отечественной войны при Артиллерийском историческом музее Красной армии».

В вечернем сообщении Совинформбюро от 27 марта 1943 г. впервые за долгие месяцы военных действий прозвучала фраза о том, что на фронтах существенных изменений не произошло.

29 марта, понедельник (646-й день войны)

В целях согласования англо-американской линии по вопросам послевоенного устройства мира министр иностранных дел Великобритании А. Иден неофициально посетил в марте 1943 г. Вашингтон. 29 марта советский посол в США М. М. Литвинов информировал НКИД о миссии А. Идена в Вашингтоне.

30 марта, вторник (647-й день войны)

Во вторую блокадную зиму Дорога жизни по-прежнему играла важную роль в обеспечении жизнедеятельности Ленинграда и войск Ленинградского фронта. Только с 19 ноября 1942 по 30 марта 1943 г., то есть за 102 дня работы ледовой трассы, в Ленинград было доставлено 206 094 тонны грузов, в том числе 111 813 тонн продовольствия.

31 марта, среда (648-й день войны)

С завершением февральско-мартовских сражений зимняя кампания 1942–1943 гг. в основном завершилась (началась 19 ноября 1942 г.). Зимняя кампания, продолжавшаяся почти пять месяцев, многократно ускорила развитие кризисных тенденций в лагере врага, положила начало необратимым изменениям в военно-политической обстановке, массовому изгнанию захватчиков с оккупированной ими советской земли. В итоге зимней кампании Красная армия освободила территорию общей площадью свыше 480 тыс. кв. км. В центре советско-германского фронта образовался так называемый «курский балкон» — исходный плацдарм для нанесения фланговых ударов по орловской и белгородско-харьковской группировкам врага.

Крупную и эффективную операцию провели партизаны Калининской области, взорвав в одну ночь четыре железнодорожных и шесть дорожных мостов на железнодорожной магистрали Новосокольники — Себеж и шоссейной дороге между этими городами. Это была одна из первых координированных операций, проводившихся крупными силами партизан с определенными оперативными целями, указанными Центральным штабом партизанского движения.

1 апреля, четверг (649-й день войны)

В этот день французская авиационная эскадрилья «Нормандия» (сформирована в ноябре 1942 г.), включенная в состав 1-й воздушной армии Западного фронта, впервые вступила в бой.

2 апреля, пятница (650-й день войны)

Началась навигация на Ладожском озере. Корабли Ладожской флотилии приступили к перевозке и обеспечению перевозок грузов и войск между портами Кобона и Осиновец.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин направил У. Черчиллю и Ф. Рузвельту послание по поводу прекращения весной 1943 г. поставок грузов в СССР.

3 апреля, суббота (651-й день войны)

Партизаны Орловщины совершили первый массовый выход на железную дорогу Брянск — Рославль для срыва воинских перевозок противника. Свыше 100 партизанских диверсионных групп вышли одновременно на участок железной дороги длиной в 60 км, взорвали его в 73 местах, пустили под откос четыре воинских эшелона противника и разрушили железнодорожный мост через р. Тросну. Железная дорога была выведена из строя на двое суток.

4 апреля, воскресенье (652-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйств города Сталинграда и Сталинградской области».

Начальник тыла Ленинградского фронта представил в Совнарком СССР доклад о работе ледовой трассы в период с 19 декабря 1942 по 30 марта 1943 г. «За 102 дня работы трассы перевезено с восточного берега Ладожского озера на западный в тоннах всего грузов 206 094. В том числе: продовольствия — 111 813».

В «Правде» опубликовано сообщение СНК СССР, что жители Советского Союза, воины Красной армии и ВМФ, партизаны с 9 декабря 1942 по 31 марта 1943 г. внесли в Фонд обороны Красной армии свыше 7 млрд рублей, много драгоценных вещей, большое количество продуктов.

5 апреля, понедельник (653-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О Трофейном комитете при ГКО».

6 апреля, вторник (654-й день войны)

Премьер-министр Англии У. Черчилль направил И. В. Сталину личное послание, в котором говорилось, что он предпримет все возможные меры для возобновления конвоев. Кроме того, У. Черчилль сообщил, что американо-английская авиация будет «из месяца в месяц усиливать бомбардировку Германии».

7 апреля, среда (655-й день войны)

В газете «Труд» опубликовано сообщение, что старатели Ленских приисков в ознаменование столетия золотой промышленности Лены собрали и передали правительству два пуда (32 кг) золота на приобретение оборудования для одного из заводов.

12 апреля, понедельник (660-й день войны)

Командование вермахта вело активную разработку плана действий в районе Курска. В основу его были положены предложения генерала В. Моделя: ударом двух групп армий с севера и юга в общем направлении на Курск окружить и уничтожить крупные силы Красной армии. 12 апреля этот план был представлен А. Гитлеру. В нем впервые упоминалось название предстоявшей операции «Цитадель».

В это же время после детального обсуждения предложений военных советов фронтов, мнения Генерального штаба Ставка ВГК выработала план действий на лето и осень 1943 г. На Курском выступе было принято решение преднамеренной обороной на заранее подготовленных рубежах истощить и обескровить ударные группировки немецких войск, а затем переходом в контрнаступление завершить их разгром.

13 апреля, вторник (661-й войны)

Жители Железнодорожного района Москвы передали Красной армии два бронепоезда — «Московский железнодорожник» и «Советский железнодорожник».

14 апреля, среда (662-й день войны)

В целях увеличения производства электроэнергии ГКО принял постановление «О вводе новых мощностей электростанций в 1943 г.».

В апреле между членами антигитлеровской коалиции — США и Англией с одной стороны и СССР с другой — обнаружились разногласия не только по вопросам Польши, но и Финляндии. Посол США в СССР У. Стэндли 14 апреля уведомил НКИД о намерении президента США встретиться с И. В. Сталиным и снять все подозрения и недоверие. Послу был дан положительный ответ.

15 апреля, четверг (663-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. железные дороги были объявлены на военном положении.

А. Гитлер после рассмотрения плана действий вермахта в районе Курска, представленного 12 апреля В. Моделем, подписал оперативный приказ № 6, согласно которому войскам групп армий «Юг» и «Центр» начиная с 28 апреля предстояло за шесть дней подготовиться к переходу в наступление на Курск.

16 апреля, пятница (664-й день войны)

Газета «Московский большевик» опубликовала сообщение о восстановлении прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Сталинградом.

18 апреля, воскресенье (666-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 17 апреля наградил московский завод «Динамо» орденом Ленина, а работников завода — орденами и медалями.

19 апреля, понедельник (667-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принимал меры для улучшения работы топливной промышленности. Программа ее развития содержалась в постановлении ГКО от 19 апреля «О шахтном строительстве наркомугля в 1943 г.».

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Совнарком СССР принял постановление о реорганизации управления особых отделов НКВД в Главное управление контрразведки НКО Смерш.

20 апреля, вторник (668-й день войны)

Государственный Комитет Обороны уделял большое внимание развитию нефтяной промышленности. В соответствии с постановлением ГКО от 20 апреля 1943 г. «О мерах по частичному восстановлению Грозненской нефтяной промышленности», а также от 22 июня 1943 г. «О мерах неотложной помощи нефтяной промышленности» нефтепромыслы стали получать больше оборудования и материалов, ускорились геологическая разведка и освоение новых месторождений нефти, особенно в районах Поволжья и на Урале.

22 апреля, четверг (670-й день войны)

Указом Президиум Верховного Совета СССР командующим и членам военных советов военных округов предоставлено право вручать награжденным ордена и медали СССР.

23 апреля, пятница (671-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О государственном централизованном фонде литературы для восстановления библиотек, разрушенных фашистами». Фонд создавался в количестве 4 млн книг при Народном комиссариате просвещения РСФСР в Москве с филиалами в областных, краевых и республиканских центрах.

24 апреля, суббота (672-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей в 1943 г.».

Рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции Г. Гиммлер встретился с командирами дивизий СС «Мертвая голова», «Рейх», «Адольф Гитлер». Встреча состоялась в здании Харьковского университета. В своей речи Г. Гиммлер отметил: «Я хочу сказать и думаю, что те, кому я это говорю, и без того понимают, что мы должны вести войну и наш поход с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы — живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету, абсолютно неправильно. Такое нельзя себе допустить. И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекут кровью».

26 апреля, понедельник (674-й день войны)

Утвержден оперативный план действий партизан Украины на весенне-летний период 1943 г. План предусматривал парализовать работу 26 крупнейших железнодорожных узлов в тылу группы армий «Юг».

27 апреля, вторник (675-й день войны)

Оккупанты продолжали вести борьбу с партизанами и подпольщиками. С началом войны гитлеровцы издали несколько директивных документов, которые требовали ужесточить борьбу с сопротивлением советских граждан. 27 апреля 1943 г. вышла директива генерального штаба сухопутных войск Германии, подписанная А. Гитлером. В ней указывалось на необходимость «вести борьбу с бандитизмом (то есть с партизанами и подпольщиками. — *Прим. ред.*) еще более интенсивно и продуманно».

28 апреля, среда (676-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О выплате пенсий и пособий военнослужащим и их семьям, пенсионерам и многодетным матерям в местностях, освобожденных от неприятеля».

29 апреля, четверг (677-й день войны)

ГКО принял постановление «О формировании 1-й чехословацкой отдельной пехотной бригады» на территории СССР.

1 мая, суббота (679-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение о ходе работ по восстановлению Сталинграда. В городе восстановлено свыше 50 тыс. кв. метров жилой площади, 18 бань, четыре больницы, 10 амбулаторий, 30 детских садов и площадок, 33 столовые и 22 продовольственных магазина. Жители города очистили от камня и мусора 200 тыс. кв. метров городской площади, отстроили 13 дорожных мостов. В городе открылись три молочные кухни, восемь столовых и буфетов с горячими завтраками для детей.

2 мая, воскресенье (680-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными другим лицам».

5 мая, среда (683-й день войны)

Президент США Ф. Рузвельт сообщил послу СССР в Вашингтоне М. М. Литвинову, что он отправляет в Москву своего представителя Д. Дэвиса для передачи И. В. Сталину важного секретного послания об организации встречи с ним на Аляске в конце июля.

6 мая, четверг (684-й день войны)

Государственный Комитет Обороны своим постановлением удовлетворил просьбу Союза польских патриотов в СССР о сформировании на территории СССР 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Срок формирования дивизии установлен с 15 мая по 5 июня 1943 г.

9 мая, воскресенье (687-й день войны)

Указом Президиум Верховного Совета СССР на морском и речном транспорте введено военное положение.

10 мая, понедельник (688-й день войны)

За успешное и досрочное выполнение апрельской программы Московскому автомобильному заводу имени Сталина вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции Г. Гиммлер в своей служебной записке от 10 мая 1943 г. определил силы СС для «борьбы с бандитизмом» (имеются в виду партизаны и сочувствовавшие им).

11 мая, вторник (689-й день войны)

Командование 2-й немецкой танковой армии издало приказ о проведении операции «Цыганский барон» по ограблению и насильственному захвату гражданского населения Брянской области.

13 мая, четверг (691-й день войны)

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление, направленное на развитие коневодства в стране. В соответствии с государственным планом на 1943 г. поголовье лошадей в колхозах должно увеличиться по сравнению с 1942 г. на 5,3%, а в совхозах — на 6,6%.

15 мая, суббота (693-й день войны)

По инициативе Союза польских патриотов в СССР в Селецких лагерях Московского военного округа (50 км севернее Рязани на р. Оке) началось формирование из добровольцев-поляков 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко (командир — полковник З. Берлинг).

17 мая, понедельник (695-й день войны)

Партизаны отряда «Пламя» Минской области на станции Пуховичи перед отходом эшелона с горючим открыли в цистернах с бензином краны, в результате чего бензин из 33 цистерн вылился по пути со станции Пуховичи до станции Талька.

В стране продолжал набирать силу патриотический почин населения по сбору средств в Фонд обороны. Активное участие в сборе средств принимала и Церковь. 17 мая 1943 г. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин направил в Ленинград телеграмму, которая была опубликована в газете «Правда». В ней говорилось: «Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской епархии, собравшим, кроме внесенных ранее 3 682 143 рублей, дополнительно 1 769 200 рублей на строительство танковой колонны Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной армии».

19 мая, среда (697-й день войны)

Партизаны Лепельской партизанской зоны Витебской области начали бои против крупной карательной экспедиции противника, которая насчитывала до 20 тыс. солдат и офицеров, до 60 танков и много другой техники.

В Москву прибыл личный представитель Ф. Рузвельта Д. Дэвис, который привез секретное послание. И. В. Сталин и В. М. Молотов дважды встречались с ним.

20 мая, четверг (698-й день войны)

Партизаны брянских лесов начали бои против крупной карательной экспедиции, которую противник предпринял в связи с подготовкой наступления в районах Орла и Курска. Ожесточенные бои длились до начала июня.

23 мая, воскресенье (701-й день войны)

Органы агентурной разведки представили в Государственный Комитет Обороны новые данные, подтверждающие сообщения о приготовлениях врага к большому стратегическому наступлению в районе Орла и Курска.

24 мая, понедельник (702-й день войны)

ГКО принял постановление «Об упразднении института заместителей командиров по политчасти рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, отдельных взводов и частичном сокращении политработников других категорий».

25 мая, вторник (703-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление об упразднении института заместителей командиров рот, батарей, эскадрилий, начальников штабов соединений по политической части и о переводе освободившихся политработников на командно-строевую работу.

26 мая, среда (704-й день войны)

После встреч с Д. Дэвисом, личным представителем президента США, И. В. Сталин 26 мая отправил Ф. Рузвельту письмо, в котором давал согласие на встречу с ограниченным количеством советников

в июле или августе, но не в июне, так как ожидалось крупное германское наступление. Время встречи устанавливалось предварительно и подлежало уточнению. Об У. Черчилле не упоминалось.

27 мая, четверг (705-й день войны)

В Малом театре в Москве состоялась премьера спектакля по пьесе Л. Леонова «Нашествие».

Газета «Известия» опубликовала сообщение ТАСС об описании шведской газетой «Свенска дагбладет» деятельности партизан Белоруссии.

28 мая, пятница (706-й день войны)

Подписано советско-чехословацкое соглашение о предоставлении правительству Чехословацкой Республики денежных средств, материалов и обслуживания для содержания чехословацкой бригады на территории СССР в период войны.

29 мая, суббота (707-й день войны)

Продолжалось отражение партизанами Брянской области карательной операции гитлеровцев.

31 мая, понедельник (709-й день войны)

В мае 1943 г. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин направил детям г. Омска, собравшим на строительство танка «Малютка» 160 886 рублей, благодарственное письмо. Танк «Малютка» был построен. Воевала на нем сержант 56-й танковой бригады Екатерина Петлюк. За первый же бой она получила благодарность, вскоре была награждена орденом Красной Звезды, а позднее за отличие в боях под Орлом — орденом Отечественной войны.

1 июня, вторник (710-й день войны)

После прорыва блокады Ленинграда и постройки железной дороги по южному берегу Ладожского озера немецкое командование упорно стремилось сорвать перевозки и нарушить движение поездов в Ленинград. 1 июня вражеская авиация произвела массированный удар по мостам через р. Волхов. Несмотря на героические действия личного состава частей ПВО, неприятелю все же удалось прорваться к объектам и сбросить на мосты около 400 авиабомб. Мосты были выведены из строя.

2 июня, среда (711-й день войны)

Жители Раменского района Московской области отправили освобожденным районам Подмосковья более 45 тыс. предметов домашнего обихода и одежды, свыше 60 тыс. пудов картофеля, около 5 тыс. пудов зерна. Колхозники района обязались восстановить в 50 колхозах Московской области животноводческие фермы, для чего приступили к выращиванию у себя свыше 2 тыс. голов разного скота.

3 июня, четверг (712-й день войны)

Д. Дэвис, личный представитель президента США, прибыл в Вашингтон из Москвы. В то время, когда посланник президента вел беседы в Москве с советскими руководителями и уверял их в важности организации встречи Ф. Рузвельта и И. В. Сталина, установлении атмосферы доверия и устранения подозрительности во взаимоотношениях межу двумя странами, в Вашингтоне проходила конференция глав правительств США и Великобритании, на которой в течение двух недель — с 12 по 25 мая — обсуждались вопросы военной стратегии.

Работники Московской окружной железной дороги передали Красной армии бронепоезд, построенный ими на свои личные сбережения.

4 июня, пятница (713-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны».

8 июня, вторник (717-й день войны)

Решением Государственного Комитета Обороны от 8 июня 1943 г. железнодорожным частям Воронежского фронта было поручено проложить за два месяца новую линию Старый Оскол — Ржава протяженностью 95 км.

12 июня, суббота (721-й день войны)

Начался карпатский рейд соединения украинских партизан под командованием генерала С. А. Ковпака. По приказу Украинского штаба партизанского движения (УШПД) соединение двинулось через Полесскую, Ровенскую, Львовскую, Тернопольскую и Станиславскую области к Карпатам и нанесло там удар по нефтяным объектам Дрогобыча, которые до сих пор надежно обеспечивали врага горючим.

15 июня, вторник (724-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мерах по неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей».

16 июня, среда (725-й день войны)

Президент США Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину, что в июле, августе и сентябре СССР получит из Канады и США первичного алюминия 5 тыс. длинных тонн (мера веса, принятая в морском флоте США и Англии, равная 1016,047 кг. — *Прим. ред.*) в месяц и вторичного алюминия 1 тыс. длинных тонн. В течение оставшегося периода 1943 г. в СССР будет дополнительно отправлено 78 бомбардировщиков Б-25 и 600 истребителей П-40-Н.

17 июня, четверг (726-й день войны)

СНК СССР принял постановление «Об утверждении Инструкции о порядке назначения и выплаты пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава».

19 июня, суббота (728-й день войны)

В ходе карпатского рейда партизанского соединения под командованием С. А. Ковпака (начался 12 июня) партизаны нанесли удар по нефтяным объектам Дрогобыча, которые до сих пор надежно обеспечивали врага горючим. За пять суток — с 19 по 24 июля — партизаны взорвали 41 нефтяную вышку, 13 нефтехранилищ, три нефтеперегонных и озокеритный заводы.

22 июня, вторник (731-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мерах неотложной помощи нефтяной промышленности».

В день второй годовщины нападения нацистской Германии на СССР в Москве на огромном поле в Парке культуры и отдыха имени М. Горького была развернута выставка трофейного оружия, захваченного советскими войсками в 1941—1943 гг.

27 июня, воскресенье (736-й день войны)

Партизаны и подпольщики проводили многочисленные диверсии. Так, подпольщик Г. Антоненко, работавший сцепщиком вагонов на железнодорожной станции Орша, 27 июня заложил в один из эшелонов магнитные мины. В результате взрыва сгорели 52 вагона с авиамоторами и бензином.

28 июня, понедельник (737-й день войны)

Газета «Правда» сообщила, что в Воронежской области за пять месяцев, прошедших со дня освобождения районов, оккупированных врагом, в городах и селах восстановлены и открыты 47 больниц.

29 июня вторник (738-й день войны)

Государственный Комитет Обороны рассмотрел вопросы противовоздушной обороны страны и принял специальное постановление.

Активно действовали партизаны Мурманской и Архангельской областей. 29 июня партизаны парализовали движение противника по дорогам Куостари — Никель, Никель — Ивало, Алакурти — Кемиярви, Куолаярви — Савусоли.

4 июля, воскресенье (743-й день войны)

«Правда» опубликовала сообщение, что завод имени В. Куйбышева после перерыва возобновил работу по производству паровозов и выпустил первый товарный паровоз «Эр». Одновременно специальная комиссия приняла усовершенствованный паровоз «Серго Орджоникидзе», выпущенный заводом, который был эвакуирован в 1941 г. из Брянска на восток страны и возобновил там работу.

5 июля, понедельник (744-й день войны)

Началась Курская битва — оборонительная (5—23 июля) и наступательные (12 июля — 23 августа) операции Великой Отечественной войны, проведенные Красной армией в районе Курского выступа по срыву наступления немецких войск и разгрому стратегической группировки противника (завершилась 23 августа 1943 г.).

Генеральный штаб РККА издал приказ о переформировании 1-й истребительной авиационной эскадрильи «Сражающейся Франции» в 1-й отдельный истребительный авиационный полк «Нормандия».

10 июля, суббота (749-й день войны)

В Москве состоялось торжественное вручение медалей «Партизану Отечественной войны», учрежденной 2 февраля 1943 г., 332 участникам партизанского движения в Московской области.

12 июля, понедельник (751-й день войны)

Начался второй (наступательный) этап Курской битвы (завершился 23 августа 1943 г.). В полосе Воронежского фронта на прохоровском направлении по обе стороны железной дороги Белгород — Курск, где противоборствующие стороны решали свои задачи активными наступательными действиями,

развернулось встречное сражение, получившее в истории название Прохоровского. Основные события произошли юго-западнее Прохоровки. Сражение развернулось на фронте от Берёзовки (30 км северо-западнее Белгорода) до Ольховатки. Танковое сражение продолжалось целый день. Это была борьба количества против качества.

13 июля, вторник (752-й день войны)

12–13 июля на территории СССР по инициативе ЦК Компартии Германии создан руководящий орган движения немецких патриотов-антифашистов — Национальный комитет «Свободная Германия». Президент — поэт-коммунист Э. Вайнерт, члены — В. Пик, В. Ульбрихт, А. Аккерман, В. Флорин и другие.

14 июля, среда (753-й день войны)

С учетом плана летне-осенней кампании и начавшегося летнего наступления вермахта Ставка ВГК отдала приказ Центральному штабу партизанского движения на проведение операции с целью нарушения работы железнодорожного транспорта противника и вывода из строя перевозимых по железной дороге живой силы, военной техники и материальных средств. Операция получила название «Рельсовая война».

16 июля, пятница (755-й день войны)

В полосе Воронежского фронта противник, исчерпав все свои наступательные возможности, был вынужден с 16 июля начать частичный отвод своих войск в исходное положение.

22 июля, четверг (761-й день войны)

В соответствии с планом операции «Рельсовая война» первый удар нанесли орловские партизаны, содействуя развитию наступления войск Центрального и Брянского фронтов в операции «Кутузов». В ночь на 22 июля по сигналу начальника Орловского штаба партизанского движения четыре партизанские бригады (всего 4550 человек) напали на железнодорожную линию Брянск — Навля — хутор Михайловский и на восьми участках в одну ночь взорвали 5133 рельса, полностью остановив движение на этой важнейшей для захватчиков магистрали.

24 июля, суббота (763-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке присвоения воинских званий военнослужащим Красной армии».

25 июля, воскресенье (764-й день войны)

Партизаны Ленинградской области нанесли удар по железнодорожному участку Псков — Остров, разрушили 3 тыс. метров железнодорожного полотна и уничтожили 1900 метров телеграфно-телефонной связи и железнодорожный мост.

28 июля, среда (767-й день войны)

После разгрома немецкого вермахта на Курской дуге дальновидные политики США стали осознавать, что СССР сможет и без помощи союзников завершить разгром Германии, освободить всю Европу, выйдя из войны могучей мировой державой. По соображениям «баланса сил», было признано нецелесообразным обострять отношения с советским партнером бесконечным оттягиванием открытия второго фронта. 28 июля 1943 г. президент США Ф. Рузвельт выступил по радио по поводу желательности дружественных отношений между США и СССР в послевоенном мире.

3 августа, вторник (773-й день войны)

В соответствии с планом операции «Рельсовая война» (продолжалась до 15 сентября) партизаны нанесли основной удар по коммуникациям противника. Удар был приурочен к переходу в контрнаступление войск Воронежского и Степного фронтов под Курском.

5 августа, четверг (775-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О пенсиях личному вольнонаемному составу, занятому на возведении оборонительных рубежей в органах управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной армии».

В ходе Орловской наступательной операции соединения 3-й и 63-й армий Брянского фронта при содействии авиации дальнего действия рано утром 5 августа полностью очистили г. Орел от врага (оккупирован 3 октября 1941 г.).

Партизанские отряды Киевщины разгромили крупный немецкий гарнизон и на короткое время освободили г. Радомышль. Партизаны уничтожили узел связи, мосты и другие важные сооружения города, захватили и роздали населению 3 тонны сахара, 250 голов скота, 2 тыс. метров ткани.

Французская авиаэскадрилья была реорганизована в авиационный полк «Нормандия».

6 августа, пятница (776-й день войны)

Продолжалась партизанская операция «Рельсовая война». Партизаны, действовавшие в полосах наступления Калининского и Западного фронтов, разрушили железную дорогу Чаусы — Могилёв.

7 августа, суббота (777-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об изменении пункта «б» статьи 3 указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

8 августа, воскресенье (778-й день войны)

И. В. Сталин информировал Ф. Рузвельта о взятии Орла и Белгорода, широком и успешном наступлении Красной армии. Он предложил организовать совещание ответственных представителей двух государств, определить круг обсуждаемых вопросов либо в Астрахани, либо в Архангельске. На следующий день И. В. Сталин высказался за встречу глав трех правительств.

9 августа, понедельник (779-й день войны)

По плану Центрального штаба партизанского движения партизанская бригада имени Ленина 9 августа на участке Лунинец — Буды важной для врага железнодорожной линии Вильнюс — Барановичи — Лунинец — Сарны взорвала 2 тыс. рельсов. Ремонт дороги продолжался до середины сентября.

10 августа, вторник (780-й день войны)

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР офицерский состав Военно-морского флота делился на группы младшего, старшего и высшего офицерского состава.

Государственный Комитет Обороны СССР удовлетворил просьбу Союза польских патриотов в СССР о формировании 2-й польской дивизии.

Союз польских патриотов в СССР получил разрешение Государственного Комитета Обороны на формирование 1-го польского корпуса (создан в марте 1944 г., командир — генерал-майор З. Берлинг).

11 августа, среда (781-й день войны)

Обеспокоенный положением на советско-германском фронте, и прежде всего под Курском, А. Гитлер отдал приказ об ускоренном оборудовании так называемого «Восточного вала» (нем. Ostwall).

12 августа, четверг (782-й день войны)

Под ударами войск Западного фронта, которые проводили Спас-Деменскую операцию (часть Смоленской наступательной операции) немецкое командование начало отвод своих войск из Спас-Деменского выступа.

В ходе Орловской наступательной операции войска Центрального фронта, нанесшие 15 июля удар на Кромы, успешно продвигались вперед. 12 августа соединения 65-й и 70-й армий овладели г. Дмитровск-Орловский (оккупирован 2 октября 1941 г.).

13 августа, пятница (783-й день войны)

Началась Донбасская наступательная операция войск Юго-Западного и Южного фронтов (завершилась 22 сентября 1943 г.).

14 августа, суббота (784-й день войны)

В этот день газета «Правда» писала, что колхозы Московской области оказывают большую помощь районам, пострадавшим от немецкой оккупации. Так, колхозы Пушкинского района выделили колхозам Осташковского района более 600 голов крупного рогатого скота. В Рузский район направлялось 50 племенных быков, в Истринский район — 600 овец.

15 августа, воскресенье (785-й день войны)

В ходе партизанской операции «Рельсовая война» на железнодорожной линии Сарны — Лунинец между станциями Белая и Удрицк рельсовый удар нанесла 2-я партизанская бригада особого назначения. Партизанам помогали крестьяне из местных сел.

16 августа, понедельник (786-й день войны)

Завершился рейд партизанского соединения под командованием Я. И. Мельника (начался 19 июня 1943 г.). За время рейда соединение прошло по занятой врагом территории 1500 км через Полесскую, Житомирскую, Винницкую и Каменец-Подольскую области, провело 16 боев.

18 августа, среда (788-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР предоставил командующему артиллерией Красной армии, командующим артиллерией фронтов, командующим Восточным и Западным фронтами противово-

здушной обороны, командующим артиллерией армий право награждать отличившихся в боях воинов орденами и медалями.

19 августа, четверг (789-й день войны)

Газета «Известия» сообщила, что жители Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Саратова и других городов собрали для восстановления библиотек освобожденных районов страны 500 тыс. книг.

Главы правительств США и Англии, принимавшие участие в работе конференции в Квебеке (14–24 августа), согласились на встречу с И. В. Сталиным, но только не в Астрахани или Архангельске, как предлагал И. В. Сталин, а на Аляске, в г. Фербенкс.

21 августа, суббота (791-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР предоставил командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии, командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронтов и армий право награждать воинов орденами и медалями СССР. Награждение производить от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением.

22 августа, воскресенье (792-й день войны)

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». При СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации.

23 августа, понедельник (793-й день войны)

Завершилась Курская битва (началась 5 июля 1943 г.). По своим масштабам, концентрации войск, напряженности боевых действий, а главное — по значению результатов и последствий битва под Курском стоит в ряду крупнейших битв Второй мировой войны. С этого времени и до конца войны Вооруженные силы Советского Союза удерживали стратегическую инициативу в своих руках. В битве под Курском окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта.

Англо-американские войска, не встретив серьезного сопротивления немецко-итальянских соединений, в августе 1943 г. освободили Сицилию и вступили на Апеннинский полуостров.

В Москву возвратился в полном составе дипломатический корпус СССР, переведенный по решению советского правительства осенью 1941 г. в Куйбышев (ныне Самара).

24 августа, вторник (794-й день войны)

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР командующий Военно-воздушными силами Красной армии получил право награждать летчиков орденами и медалями.

Газета «Правда» сообщила, что из Куйбышева в Москву возвратился после эвакуации коллектив Государственного академического Большого театра Союза ССР.

26 августа, четверг (796-й день войны)

Советское правительство признало французский Комитет национального освобождения как представителя государственных интересов Французской Республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против фашизма, и решило обменяться полномочными представительствами.

Началась битва за Днепр — наступательные операции Великой Отечественной войны, проведенные советскими войсками с целью освобождения Левобережной Украины, Донбасса, Киева, а также захвата стратегических плацдармов на правом берегу Днепра (завершилась 23 декабря 1943 г.).

Командование вермахта приняло решение об отводе 17-й армии через Керченский пролив в Крым, но начало отвода все время откладывалось. Более того, продолжались работы по совершенствованию обороны на «Голубой линии».

29 августа, воскресенье (799-й день войны)

В 1943 г. в Гемфурте, в районе г. Кассель руководители фашистской разведки создали детскую диверсионную школу. Специальные команды разъезжали по оккупированной советской территории и отбирали детей, в основном из детских домов. Истощенных и больных уничтожали, крепких увозили в Германию. Будущих диверсантов приучали к мысли о том, что они дети великого рейха, что Советской России уже нет и больше никогда не будет. Их инструкторы разрешали им делать всё, поощряли драки, проповедовали культ силы, учили детей быть жестокими. В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 г. несколько групп детей на парашютах было сброшено в тыл Красной армии от Калинина до Харькова. Но и эта операция провалилась. Все дети вместе с парашютами и взрывчаткой сами явились в воинские части, милицию, органы госбезопасности и рассказали все о себе, товарищах и школе, где они учились.

Советская разведка приняла решение ликвидировать школу, которая к тому времени передислоцировалась в Польшу. Туда был направлен наш разведчик, который склонил заместителя начальника школы на свою сторону и вывел всех детей в расположение частей Красной армии.

5 сентября, воскресенье (806-й день войны)

3-я Ленинградская партизанская бригада вела тяжелые бои с крупной карательной экспедицией оккупантов (до 6 тыс. карателей) в Новоржевском районе Калининской области. В ходе боев командир бригады А. В. Герман погиб.

7 сентября, вторник (808-й день войны)

Советские войска, проводившие Донбасскую операцию (началась 13 августа), сломив сопротивление врага, вышли к центру Донбасса — г. Сталино (Донецк). К 7 сентября было освобождено свыше 100 населенных пунктов, в том числе Макеевка, Константиновка, Краматорск, Славянск.

Отступая с Левобережной Украины, оккупанты превращали оставляемые районы в «зону пустыни». 7 сентября Г. Гиммлер также издал подобный приказ, адресованный высшему руководству войск СС и полиции на Украине.

13 сентября, понедельник (814-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил звание Героя Советского Союза участникам подпольной организации «Молодая гвардия» У. М. Громовой, И. А. Земнухову, О. В. Кошевому, С. Г. Тюленину, Л. Г. Шевцовой, 44 молодогвардейца были награждены орденами.

15 сентября, среда (816-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную армию».

Продолжалось успешное развитие наступление войск Красной армии в рамках Черниговско-Полтавской операции (началась 26 августа), части битвы за Днепр. 15 сентября командование вермахта отдало приказ об отводе войск группы армий «Юг» на линию рек Сож, Днепр и Молочная, на так называемый «Восточный вал».

Завершились основные удары советских партизан по плану операции «Рельсовая война» (июль — сентябрь 1943 г.). За время ее проведения было разрушено около 215 тыс. рельсов, что составляло 1342 км одноколейного железнодорожного пути.

16 сентября, четверг (817-й день войны)

Несмотря на то что в январе 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана, гитлеровцы продолжали обстреливать город на Неве. Ставка ВГК в своем приказе от 16 сентября 1943 г. потребовала от командования Ленинградского фронта и Балтийского флота усилить контрбатарейную борьбу.

18 сентября, суббота (819-й день войны)

Наступление Красной армии продолжалось на всех направлениях: смоленском, рославльском, киевском, запорожском, мелитопольском, днепропетровском, полтавском и красноградском. Были освобождено свыше 700 населенных пунктов.

20 сентября, понедельник (821-й день войны)

В ночь на 20 сентября началась вторая операция («Концерт») «Рельсовой войны».

23 сентября, четверг (824-й день войны)

Продолжалось форсирование Днепра войсками Центрального и Воронежского фронтов. Части и соединения 13-й армии Центрального фронта, захватившие накануне плацдарм на правом берегу Днепра, преодолевая ожесточенное сопротивление врага продвинулись до 35 км на запад от Днепра и захватили плацдарм на правом берегу Припяти в ее устье.

24 сентября, пятница (825-й день войны)

Фронт форсирования Днепра советскими войсками с каждым днем расширялся. 13-я армия Центрального фронта, соединения которой первыми преодолели водную преграду, вели ожесточенные бои в междуречье Днепра и Припяти (продолжались до 30 сентября).

25 сентября, суббота (826-й день войны)

Ленинградский обком ВКП(б) сообщил в ЦК ВКП(б): за время войны партизаны Ленинградской области уничтожили 55 166 вражеских солдат, организовали 516 крушений воинских эшелонов, взорвали 65 железнодорожных и 608 шоссейных мостов, 220 складов, разгромили 53 гарнизона противника, уничтожили 2307 автомашин, 91 самолет и 152 танка.

Монголия передала советским ВВС построенную на собранные жителями страны деньги авиаэскадрилью «Монгольский арат».

26 сентября, воскресенье (827-й день войны)

Бои за плацдармы, захваченные на правом берегу Днепра, разгорались с каждым днем. В этот день соединения 13-й армии во взаимодействии с партизанами захватили плацдармы: один — северо-восточнее Чернобыля (протяженностью до 10 км), второй — юго-восточнее этого города (10 км по фронту, до 8 км глубиной).

Началась Нижнеднепровская стратегическая наступательная операция (завершилась 20 декабря 1943 г.) — завершающая операция битвы за Днепр.

30 сентября, четверг (831-й день войны)

Завершилась Черниговско-Полтавская стратегическая наступательная операция войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов (часть битвы за Днепр), которая началась 26 августа 1943 г. Пять советских фронтов (Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного) в конце сентября на 700-километровом фронте вышли к Днепру — от Лоева до Запорожья. Расчеты немецкого командования на длительную оборону Левобережной Украины были сорваны.

1 октября, пятница (832-й день войны)

3-я Ленинградская партизанская бригада совершила ночной налет на участки железной дороги Псков — Порхов и Чихачёво — Дедовичи. Партизаны уничтожили 4270 рельсов, 25 тыс. метров линий связи, семь железнодорожных мостов, паровоз, четыре вагона.

По сведениям германского генерального штаба, на 1 октября 1943 г. было привлечено против партизан и на охрану объектов 14 дивизий: шесть охранных, четыре авиаполевые и четыре резервные. Для этих же целей и союзники Германии выделили еще столько же сил: венгры — девять дивизий, румыны — три дивизии и горнострелковый корпус, словаки — две дивизии.

2 октября, суббота (833-й день войны)

Бюро МК ВКП(б) и исполком Моссовета утвердили план восстановления школ, больниц, электростанций, жилых домов, коммунально-бытовых предприятий и учреждений в районах, освобожденных от оккупантов.

4 октября, понедельник (835-й день войны)

Государственный Комитет Обороны, учитывая просьбу делегатов антифашистского движения румынских военнопленных в СССР, принял постановление о формировании 1-й румынской добровольческой дивизии имени Т. Владимиреску. Формирование соединения проходило до марта 1944 г. в Солецких лагерях под Рязанью.

5 октября, вторник (836-й день войны)

В начале октября 1943 г. немецкое командование продолжало проводить в жизнь ранее принятое решение — любой ценой удержаться на рубеже «Восточного вала», навязать Красной армии позиционные формы ведения войны, выиграть время для проведения политических комбинаций, направленных на подрыв антигитлеровской коалиции. 5 октября штаб оперативного руководства сформулировал вывод: «В этом году уже нельзя ожидать большого наступления на Западе» и предложил послать с Запада новые, свежие соединения на советско-германский фронт. Только в течение сентября сюда из Западной Европы было переброшено 13 пехотных дивизий.

8 октября, пятница (839-й день войны)

Приказом наркома обороны № 294 от 8 октября 1943 г. введено «Положение о наградах и премиях для личного состава Военно-воздушных сил Красной армии, авиации дальнего действия, истребительной авиации ПВО, ВВС Военно-морского флота, за боевую деятельность и сохранение материальной части».

9 октября, суббота (840-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР установил следующие дополнительные воинские звания: Главный маршал артиллерии, Главный маршал авиации, Главный маршал бронетанковых войск, маршал войск связи, Главный маршал войск связи, маршал инженерных войск, Главный маршал инженерных войск.

Завершилась Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция (началась 1 января 1943 г.) — важнейшая составная часть битвы за Кавказ. Советские войска на Северном Кавказе прошли с боями около 800 км, освободив территорию общей площадью около 200 тыс. кв. км. Одержанная победа оказала большое влияние на позицию Турции, которая с этого времени стала отказываться от прогерманской ориентации.

10 октября, воскресенье (841-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР учрежден орден Богдана Хмельницкого трех степеней. Всего этим орденом за время Великой Отечественной войны были награждены 8420 человек.

14 октября, четверг (845-й день войны)

Воронежский фронт продолжал вести боевые действия севернее и южнее Киева. Одновременно шло усиленное строительство переправ через Днепр. За 11 суток был построен мост. Вечером 14 октября через него была пропущена первая автомашина, а в течение ночи на правый берег переправились 350 автомашин и 12 танков. Активно велось строительство переправ и на других участках.

17 октября, воскресенье (848-й день войны)

В ночь на 17 октября последняя вражеская бомба упала на Ленинград. Город продолжал жить и бороться в тяжелых условиях блокады. За 1943 г. по Ленинграду гитлеровцы выпустили 70 тыс. артиллерийских снарядов.

Газета «Правда» сообщила, что в Донбассе восстановлены главные и станционные пути, построены многие мосты, вступили в строй 18 вокзалов, 24 станции, десятки зданий, отремонтировано и построено заново 10 паровозных и вагонных депо, 158 путевых казарм, 107 будок, 42 водокачки, 19 угольных складов, 20 пунктов технического осмотра вагонов.

19 октября, вторник (850-й день войны)

Правительства СССР, Великобритании, США и Канады подписали в Лондоне третье соглашение о поставках предметов снабжения в Советский Союз.

По данным Центрального штаба партизанского движения, партизаны Гдовского, Лядского и Осьминского районов Ленинградской области, разгромив немецкие гарнизоны и местные комендатуры, взяли под свой контроль территорию в 1140 кв. км со 172 деревнями. Население было взято под защиту партизан, на освобожденной территории началось восстановление советской власти.

В Москве открылась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (завершилась 30 октября 1943 г.) с участием военных советников и экспертов.

22 октября, пятница (853-й день войны)

Группа партизан 5-й Ленинградской партизанской бригады отбила у немецких оккупантов обоз с 7 тыс. пудов хлеба, отобранного у населения, и вернула его местным жителям.

Партизаны Лепельской партизанской бригады во время штурма Лепеля сожгли железнодорожную станцию, сельхозкомендатуру, завод строительных материалов, четыре склада с продовольствием, шесть вещевых складов, три склада с боеприпасами, уничтожили 15 дзотов, девять танков и танкеток, 10 автомашин, бронемашину, пять минометов, две пушки, четыре трактора и захватили много трофеев.

26 октября, вторник (857-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Возрождалась индустрия юга страны. Туда направлялись кадры, оборудование, строительные материалы.

28 октября, четверг (859-й день войны)

В Кубинке под Москвой писатель А. Н. Толстой передал танкистам танк Т-34 «Грозный», построенный на Сталинскую премию СССР, полученную им за роман «Хождение по мукам».

30 октября, суббота (861-й день войны)

Завершила свою работу конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (началась 19 октября 1943 г.). Участники конференции договорились о подписании декларации четырех держав — США, Великобритании, СССР и Китая — относительно всеобщей безопасности, о необходимости учреждения международной организации, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств. Было решено образовать комиссию для совместной разработки предложений о создании Организации Объединенных Наций.

В целом конференция подготовила условия для встречи большой тройки в Тегеране.

1 ноября, понедельник (863-й день войны)

Завершилась операция партизанских сил «Концерт» на коммуникациях врага (началась 19 сентября 1943 г.) — продолжение операции «Рельсовая война» (3 августа — 15 сентября 1943 г.). В ходе операции было подорвано 148 557 рельсов. Операция была прекращена из-за отсутствия взрывчатки. Однако в результате «Концерта» пропускная способность железных дорог снизилась на 35—40%.

3 ноября, среда (865-й день войны)

Началась Киевская стратегическая наступательная операция войск 1-го Украинского фронта с целью разгрома группировки немецких войск в районе Киева и освобождения столицы Украины (завершилась 12 ноября 1943 г.). Наступление с лютежского плацдарма (севернее устья р. Припять) началось утром 3 ноября. Такого сильного удара с лютежского плацдарма немецкое командование не ожидало.

5 ноября, пятница (867-й день войны)

В ходе Киевской наступательной операции произошел резкий перелом, явившийся следствием предыдущих двухдневных ожесточенных боев. Угроза окружения заставила немецкое командование начать отвод своих войск в юго-западном направлении. На окраинах Киева завязались уличные бои.

6 ноября, суббота (868-й день войны)

В ходе Киевской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта продолжали бои за Киев. На рассвете 6 ноября советские войска штурмом овладели Киевом — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. Захватчики за время оккупации Киева, продолжавшейся 778 дней, разграбили и разрушили город. Гитлеровцы десятками тысяч сгоняли киевлян в концентрационные лагеря, морили голодом, подвергали пыткам, расстреливали. Более 195 тыс. киевлян были казнены, свыше 100 тыс., в основном юношей и девушек, угнаны на каторжные работы в Германию. Немцы превратили в развалины многие улицы, полностью разгромили прекрасный Крещатик, взорвали Успенский собор Киево-Печерской лавры, здание цирка, сожгли Театр юного зрителя, консерваторию, разрушили Академию наук УССР, большинство медицинских учреждений города, 140 школ, 900 зданий государственных и общественных организаций, свыше 800 предприятий, лучшие кинотеатры и клубы. Фашисты вывезли из Киева многие исторические ценности украинского народа.

8 ноября, понедельник (870-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об учреждении ордена «Победа». Для награжденных орденом «Победа» учреждалась мемориальная доска для внесения на нее имен кавалеров ордена «Победа». Мемориальная доска устанавливалась в Большом Кремлевском дворце.

В этот же день указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден и орден Славы трех степеней.

9 ноября, вторник (871-й день войны)

44 государства, включая СССР, подписали в Вашингтоне соглашение о создании администрации по оказанию помощи и восстановлению Объединенных Наций.

11 ноября, четверг (873-й день войны)

Газета «Правда» сообщила: сдана в эксплуатацию новая пассажирская электрифицированная железнодорожная линия Курский вокзал — Кунцево. Она соединила семь вокзалов столицы, а также ряд московских районов и пригороды.

13 ноября, суббота (875-й день войны)

Завершилась Киевская стратегическая наступательная операция 1-го Украинского фронта (началась 3 ноября 1943 г.). Войска фронта образовали стратегический плацдарм на правом берегу Днепра по фронту более 300 км и в глубину до 150 км.

Началась Киевская оборонительная операция 1-го Украинского фронта с целью отражения контрнаступления противника на киевском направлении (завершилась 22 декабря 1943 г.).

В кинотеатре г. Порхова (ныне Псковской области) советские патриоты организовали взрыв, в результате которого были убиты 380 солдат и офицеров противника.

16 ноября, вторник (878-й день войны)

Газета «Известия» опубликовала сообщение о ходе восстановления разрушенных городов и сел. Так, в деревнях и селах освобожденных районов Калининской области построено и восстановлено 18 306 жилых домов, Смоленской — 25 511 крестьянских домов, в городах Смоленской области — 8726 квартир, школы и другие помещения.

17 ноября, среда (879-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании в СССР югославского отдельного пехотного батальона.

19 ноября, пятница (881-й день войны)

Белорусские партизанские бригады «Железняк» и «Большевик», выполняя задание советского командования, разгромили понтонную переправу отступавших немецких войск через р. Березину в районе деревни Горваль. Партизаны захватили 83 машины, в том числе тягач, бронетранспортеры и вездеходы.

20 ноября, суббота (882-й день войны)

Газета «Правда» сообщила, что в Москве открыты две новые станции метрополитена — «Новокузнецкая» и «Павелецкая».

22 ноября, понедельник (884-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что за 1943 г. в СССР выплавка чугуна увеличилась более чем на 20%, стали — более чем на 12%, выжиг кокса — на 17%. Производительность труда с апреля 1942 по апрель 1943 г. увеличилась в танковой промышленности — на 38%, в авиационной — на 30%, в электропромышленности — на 27%, в промышленности вооружения — на 15%.

27 ноября, суббота (889-й день войны)

Оккупанты заживо сожгли всех жителей (280 человек) деревни Красуха Порховского района Псковской области и уничтожили все жилые и хозяйственные постройки.

28 ноября, воскресенье (890-й день войны)

В столице Ирана — Тегеране открылась первая совместная встреча глав правительств трех держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании (завершилась 1 декабря 1943 г.). В дипломатической истории Второй мировой войны она заняла важное место.

30 ноября, вторник (892-й день войны)

30 ноября, в день рождения У. Черчилля, на Тегеранской конференции И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль обсуждали вопрос об открытии второго фронт в Европе. Ф. Рузвельт сообщил, что операция «Оверлорд» «намечается на май 1944 г. и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции».

1 декабря, среда (893-й день войны)

В Тегеране завершилась конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (началась 28 ноября 1943 г.). На конференции основными были военные вопросы, в особенности вопрос об открытии второго фронта в Европе. Итоги конференции показали, что при наличии доброй воли и реалистичном подходе к проблемам международных отношений вполне возможно плодотворное сотрудничество. Убедительным и наглядным подтверждением стали военные и политические события ближайших и последующих лет.

3 декабря, пятница (895-й день войны)

Газета «Правда», отмечая трудовой подвиг ленинградцев, писала: в ноябре заводы и фабрики Ленинграда изготовили 4080 пулеметов, 17 083 автомата ППС, произвели и снарядили 212 600 снарядов и мин. В декабре к ним добавились 1130 пулеметов и 16 520 автоматов ППС, 258 800 мин и снарядов, которые дал Ленинград фронту. Была решена задача обеспечения войск боеприпасами. В сентябре — декабре ленинградская промышленность дала фронту 920 тыс. артиллерийских и минометных выстрелов. К концу года свыше 75% заводов города работали на нужды фронта.

5 декабря, воскресенье (897-й день войны)

Газета «Московский большевик» сообщила, что Московская область передала освобожденным районам Запорожской области Украины 100 тракторов. Для обслуживания их выехали 50 трактористов и механиков.

10 декабря, пятница (902-й день войны)

Американские и австралийские солдаты, сражавшиеся в юго-западной части Тихого океана, направили приветствие солдатам Красной армии.

11 декабря, суббота (903-й день войны)

ВЦСПС принял постановление «О проведении новогодних елок и организации отдыха для школьников в зимние каникулы». На эти цели выделялось 3,1 млн рублей.

В «Известиях» опубликовано сообщение, что правительства СССР и Канады заключили соглашение о преобразовании миссий СССР в Канаде и Канады в СССР в посольства.

12 декабря, воскресенье (904-й день войны)

Заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза А. М. Василевский издал приказ «О сборе документальных материалов, оставленных врагом, а также документов государственных архивов и советских учреждений».

В Москве подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой Республикой.

15 декабря, среда (907-й день войны)

В Лондоне состоялось организационное заседание Европейской консультативной комиссии, созданной по решению Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

17 декабря, пятница (909-й день войны)

Местная промышленность Московской области досрочно выполнила план 1943 г. По сравнению с 1942 г. валовый выпуск продукции составил 135,1%. До конца года коллективы предприятий обязались выпустить сверх плана валовой продукции на 15 млн рублей, а товаров широкого потребления — на 22 млн рублей.

18 декабря, суббота (910-й день войны)

Изменилась обстановка внутри Франции. После полной оккупации страны режим Виши окончательно стал придатком гитлеровских властей. 18 декабря 1943 г. глава «государства» Виши маршал Ф. Петэн письменно заверил А. Гитлера: «Изменения во французских законах впредь будут согласовываться с немецкими оккупационными войсками». Это еще больше подтолкнуло развитие борьбы партизан во Франции.

21 декабря, вторник (913-й день войны)

Совнарком СССР утвердил текст нового Государственного гимна Советского Союза (слова С. В. Михалкова и Г. Г. Эль-Регистана, музыка А. В. Александрова). Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводилось с 15 марта 1944 г.

Газета «Красная звезда» опубликовала сообщение о деятельности американского комитета по оказанию помощи СССР в войне. В сообщении указано, что за первые 10 месяцев 1943 г. в СССР отправлено из США медикаментов, одежды, продовольствия на 10 млн 250 тыс. долларов.

В той же газете рассказано о том, что в Англии завершен сбор средств на оборудование госпиталя в Сталинграде. Вместо намеченных 75 тыс. было собрано 142 тыс. фунтов стерлингов.

22 декабря, среда (914-й день войны)

Газета «Правда» опубликовала сообщение Совнаркома СССР о введении нового Государственного гимна Советского Союза.

23 декабря, четверг (915-й день войны)

Завершилась битва за Днепр (началась 26 августа 1943 г.) пяти советских фронтов с привлечением 500 тыс. партизан. Битва развернулась на огромном фронте протяженностью почти 800 км. В ходе ее Вооруженные силы Советского Союза добились крупных военно-политических результатов. Попытка немецкого командования остановить их на так называемом «Восточном валу» была сорвана. С захватом стратегических плацдармов на Днепре были созданы условия для наступления в Белоруссии, полного освобождения Правобережной Украины и нанесения ударов на западном и юго-западном направлениях.

24 декабря, пятница (916-й день войны)

На огромном пространстве от Полесья до Черного моря вновь развернулась гигантская битва. Боевые действия на Правобережной Украине известны в истории Великой Отечественной войны как Днепровско-Карпатская стратегическая наступательная операция (24 декабря 1943 — 6 мая 1944 г.). Цель операции — освобождение Правобережной Украины.

25 декабря, суббота (917-й день войны)

Народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия в конце декабря представил И. В. Сталину донесение о работе НКВД за 1943 г.

26 декабря, воскресенье (918-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР предоставил право награждения орденами и медалями СССР командующему ВВС Красной армии, командующим воздушными армиями, авиацией дальнего действия, истребительной авиацией ПВО страны, командирам авиационных корпусов, дивизий, полков.

На Магнитогорском металлургическом комбинате вступила в строй крупнейшая в Европе домна № 6 (строительство велось с лета 1943 г.).

31 декабря, пятница (923-й день войны)

Завершилась летне-осенняя кампания 1943 г., начатая битвой под Курском. От оккупантов было освобождено почти две трети временно захваченной ими советской территории. Боевые действия были перенесены в Белоруссию и на Правобережную Украину.

1944 год

1 января, суббота (924-й день войны)

По радио состоялось первое исполнение нового Государственного гимна Советского Союза.

В захваченной немцами Польше по инициативе Польской рабочей партии образована Крайова Рада Народова (КРН) — высший представительный подпольный орган демократических сил Польши. Декретом КРН создана Армия Людова.

Агентство «Рейтер» сообщило, что английская авиация в 1943 г. сбросила на Германию 134 тыс. тонн бомб — почти в 4 раза больше, чем в 1942 г. Немцы сбросили на Англию в 1943 г. 2400 тонн бомб.

3 января, понедельник (926-й день войны)

На территории СССР завершено формирование 2-й чехословацкой пехотной бригады.

5 января, среда (928-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что в Киеве (освобожден 6 ноября 1943 г.) возобновили работу заводы «Транссигнал», «Красный экскаватор», имени Ф. Э. Дзержинского, железнодорожный узел, молочный комбинат, хлебопекарни, 52 школы, несколько больниц, 16 поликлиник, 13 консультаций, четыре детские больницы, открыто 116 магазинов и 1840 столовых.

7 января, пятница (930-й день войны)

В Донбассе развернулись строительно-монтажные восстановительные работы более чем на 150 основных шахтах, на которых были заняты 60 тыс. рабочих.

8 января, суббота (931-й день войны)

1-я польская дивизия, сформированная на территории СССР, выступила на фронт.

9 января, воскресенье (932-й день войны)

Жители Мытищинского района Московской области доставили в Мытищи для семей фронтовиков красный обоз — свыше 100 подвод с сельскохозяйственными продуктами и промышленными товарами, изготовленными артелями промысловой кооперации.

11 января, вторник (934-й день войны)

В газете «Известия» опубликовано заявление советского правительства, в котором предлагалось установить советско-польскую границу по так называемой «линии Керзона». Западные границы Польши предлагалось расширить путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее захваченных Германией.

В той же газете опубликовано высказывание президента США Ф. Рузвельта о решающей роли СССР в войне, сделанное им в своем послании конгрессу США 10 января.

13 января, четверг (936-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял решение о расформировании Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Руководство партизанским движением на оккупированной территории было возложено на ЦК коммунистических партий союзных республик, обкомы, крайкомы и штабы партизанского движения.

14 января, пятница (937-й день войны)

Войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и силы Балтийского флота перешли в наступление под Ленинградом и Новгородом. Началась Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция (завершилась 1 марта 1944 г.).

Газета «Вечерняя Москва» сообщила, что из собранного москвичами в 1943 г. металлического лома после его переплавки можно изготовить 8500 средних танков.

18 января, вторник (941-й день войны)

Начальник 3-го отдела 4-го управления НКГБ СССР сообщал: «Руководитель оперативной группы, действующей в Ровенской области УССР, подполковник госбезопасности тов. Медведев сообщает, что немцы, отступая, организуют крупные вооруженные банды украинских националистов-мельниковцев для борьбы с регулярными частями Красной армии и для работы в нашем тылу с заданиями уничтожения советского актива».

20 января, четверг (943-й день войны)

Вступил в эксплуатацию Покровский радиус Московского метрополитена. В 6 часов 20 января началось движение поездов от Курского вокзала до Измайлова. На новой линии протяженностью 7,2 км действовало три станции.

22 января, суббота (945-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление о мерах по восстановлению совхозов Запорожской, Полтавской, Черниговской и Днепропетровской областей.

24 января, понедельник (947-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указы о награждении предприятий за образцовое выполнение заданий правительства по производству и обеспечению Красной армии и Военно-морского флота теплой одеждой, обувью, снаряжением и парашютно-десантным имуществом, выполнение специальных заданий командования.

25 января, вторник (948-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мобилизации советских граждан в освобождаемых от фашистской оккупации районах Западной Украины и Западной Белоруссии».

26 января, среда (949-й день войны)

Гитлеровцы усиливали репрессии по отношению ко всем тем, кто высказывал недовольство войной, критические замечания в адрес фашистского руководства. Были расширены права и обязанности работавшего под непосредственным руководством фюрера имперского военного трибунала. Активизировалась деятельность военно-полевых судов. Все чаще стали выноситься смертные приговоры по политическим мотивам. Приказом А. Гитлера офицерам, унтер-офицерам и «просто храбрым солдатам» было предоставлено право без суда и следствия расстреливать на месте «неповинующихся» и «недисциплинированных».

28 января, пятница (951-й день войны)

В Москве с 28 января по 1 февраля проходила X сессия Верховного Совета СССР первого созыва.

29 января, суббота (952-й день войны)

В связи с тем, что в первые дни Ровно-Луцкой операции (началась 27 января) два кавалерийских корпуса добились значительного успеха, командующий 1-м Украинским фронтом в ночь на 29 января повернул их на юго-восток. В результате стремительного наступления они оказались в тылу немцев, оборонявших Ровно. Действиям корпусов способствовали партизанские соединения и отряды, действовавшие в Полесье.

30 января, воскресенье (953-й день войны)

Завершился первый этап (начался 14 января 1944 г.) Ленинградско-Новгородской стратегической операции. Советские войска продвинулись на 30—100 км, полностью освободили Ленинград от блокады.

Началась Никопольско-Криворожская наступательная операция войск 3-го и 4-го Украинских фронтов (завершилась 29 февраля 1944 г.) — часть стратегического наступления советских войск на Правобережной Украине.

31 января, понедельник (954-й день войны)

Газета «Правда» сообщила, что за два года после изгнания фашистских захватчиков в Подмосковье восстановлено и построено 22 тыс. домов колхозников, восстановлены все шахты Мосбасса, начали работать 179 предприятий союзной, республиканской и местной промышленности.

2 февраля, среда (956-й день войны)

Состоялось вручение гражданам Сталинграда меча от имени английского короля с надписью «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, — от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Меч был передан У. Черчиллем И. В. Сталину на ялтинской встрече глав союзных держав в 1943 г.

4 февраля, пятница (958-й день войны)

Советское правительство разрешило американской авиации использовать аэродромы СССР для «челночных операций».

5 февраля, суббота (959-й день войны)

В «Правде» опубликовано сообщение о выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». На 1 января 1944 г. в освобожденных районах было восстановлено 575 МТС, 969 МТМ и девять ремонтных заводов. Восстановлено и вновь построено в сельской местности 266 050 домов, куда переселились из землянок 1 153 630 человек.

11 февраля, пятница (965-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О возобновлении строительства Невинномысского канала и Свистухинской ГЭС в Ставропольском крае», с тем чтобы обеспечить их ввод в 1945 г.

В Оттаве подписано соглашение между правительствами СССР и Канады о принципах предоставления Канадой военных поставок Советскому Союзу.

15 февраля, вторник (969-й день войны)

К исходу 15 февраля советские войска в основном выполнили задачи второго этапа Ленинградско-Новгородской наступательной операции (начался 31 января 1944 г.). Начался третий этап операции (завершился 1 марта). Перед войсками Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов стояла задача не дать противнику времени и возможности закрепиться на промежуточных рубежах и совместными усилиями разгромить его группировку в районе г. Остров.

16 февраля, среда (970-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что за год с момента освобождения Краснодарского края здесь восстановлены и начали работать свыше 1 тыс. промышленных предприятий и промысловых артелей, совхозы, МТС, 2 тыс. школ, 70 клубов, 200 библиотек, институты, больницы, музеи, театры, кино. В городах восстановлено и вновь построено 13 тыс. домов.

18 февраля, пятница (972-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О неотложных мерах помощи черной металлургии».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства».

19 февраля, суббота (973-й день войны)

Совнарком СССР большое внимание уделял проблемам улучшения питания населения, особенно горожан. С этой целью он издал постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.».

20 февраля, воскресенье (974-й день войны)

В Москве состоялся общегородской воскресник в помощь детям фронтовиков. Заработок участников воскресника, трудившихся на производстве, а также вся сверхплановая продукция, выработанная в этот день на предприятиях текстильной и легкой промышленности, были зачислены в Фонд помощи детям фронтовиков.

В «Правде» опубликовано сообщение, что жители Адыгейской области собрали на строительство боевых самолетов для Красной армии 2 млн 300 тыс. рублей, а донецкие шахтеры — 18 млн 500 тыс. рублей на строительство авиаэскадрильи «Освобожденный Донбасс».

23 февраля, среда (977-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР Московский институт стали награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В честь 26-й годовщины Красной армии и побед, одержанных Вооруженными силами Советского Союза, залпы салюта гремели не только в Москве, но и в Ленинграде, Киеве, Днепропетровске, Гомеле и Ростове.

24 февраля, четверг (978-й день войны)

В Москве состоялось вручение орденов СССР офицерам 1-й отдельной чехословацкой бригады. Орден Ленина и медаль Золотая Звезда были вручены Герою Советского Союза поручики А. А. Сохору.

25 февраля, пятница (979-й день войны)

Военный совет 1-го Белорусского фронта 25 февраля 1944 г. принял постановление «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской республики».

26 февраля, суббота (980-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О неотложных мерах по восстановлению животноводства колхозов в районах Белорусской ССР, освобожденных от немецких захватчиков».

28 февраля, понедельник (982-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о развитии производства металлорежущих станков.

1 марта, среда (984-й день войны)

Информационное бюро Народного комиссариата иностранных дел СССР сообщило, что советское правительство направило финскому правительству в ответ на его неофициальную просьбу свои условия относительно прекращения военных действий и выхода Финляндии из войны.

2 марта, четверг (985-й день войны)

Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии издало директиву об оплате труда военнопленных: несоветские военнопленные должны были получать 0,7 рейхсмарки, а советские — 0,35 рейхсмарки.

3 марта, пятница (986-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждены ордена Ушакова и Нахимова 1-й и 2-й степеней, а также медали Ушакова и Нахимова.

6 марта, понедельник (989-й день войны)

На юге Правобережной Украины в районах нижнего течения Днепра и Южного Буга войска 3-го Украинского фронта (командующий — генерал армии Р. Я. Малиновский) начали Березнеговато-Снигирёвскую наступательную операцию (завершили 18 марта 1944 г.), часть Днепровско-Карпатской стратегической операции.

7 марта, вторник (990-й день войны)

В связи с неудовлетворительной работой по учету погибших и пропавших без вести военнослужащих народный комиссар обороны издал специальный приказ (по поручению наркома обороны приказ подписан заместителем наркома Н. А. Булганиным).

Старший мастер В. Ф. Краснов московского завода «Динамо» предложил новый способ отливки снарядов. В результате производительность труда формовщиков возросла на 45% и увеличился выпуск снарядов. Этот опыт был распространен и на другие заводы.

8 марта, среда (991-й день войны)

Германское верховное командование отдало приказ о создании на восточном фронте системы «крепостей» и опорных пунктов. Их предписывалось удерживать любой ценой, даже в случае окружения. Этим немецкое командование надеялось «сковать как можно больше сил противника».

9 марта, четверг (992-й день войны)

После нападения вооруженных банд украинских националистов (29 февраля) на колонну машин, в которой следовал командующий 1-м Украинским фронтом, и тяжелого ранения генерала Н. Ф. Ватутина Ставка ВГК отдала приказ о ликвидации в тылу вооруженных банд и диверсионных групп и мерах безопасности при передвижениях командиров, штабов и войск.

По мере приближения фронта к венгерской и румынской границам в этих странах усиливалось недовольство профашистскими режимами. Руководство нацистской Германии, опасаясь выхода Венгрии из войны, ввело свои войска в Венгрию (операция под кодовым названием «Маргарита-1»).

11 марта, суббота (994-й день войны)

Советское правительство согласилось на установление непосредственных отношений между советскими и итальянскими правительствами и об обмене представителями.

В газете «Правда» опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, содержащее тексты директив и приказов правительства и военного командования нацистской Германии об истреблении советских военнопленных и мирных граждан.

Штаб американских вооруженных сил на Европейском театре военных действий сообщил, что в феврале американская авиация сбросила на германские объекты 24 тыс. тонн бомб и сбила 905 вражеских самолетов.

14 марта, вторник (997-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1944 г.».

Совнарком СССР принял постановление «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства».

15 марта, среда (998-й день войны)

Указом Президиума Верховного Совета СССР Центральный институт переливания крови при Наркомздраве СССР награжден орденом Ленина.

Управление НКГБ по Орловской области направило в 4-е управление НКГБ СССР сообщение о задержании группы немецких парашютистов, которые были выброшены «с задачей по организации бандитских групп и отрядов в брянских лесах путем вербовок людей из числа дезертиров Красной армии, скрывающихся в лесах преступных элементов и в особенности за счет власовцев».

16 марта, четверг (999-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР по просьбе польских организаций в Советском Союзе принял решение о преобразовании 1-го польского корпуса в Польскую армию (командующий — генерал-лейтенант З. Берлинг).

17 марта, пятница (1000-й день войны)

В газете «Правда» опубликованы сообщения, что в течение 5–6 месяцев в Донбассе заново построено и восстановлено 460 мелких и 17 основных шахт, в которых добывается в среднем 31 тыс. тонн угля в сутки. Сообщалось, что в освобожденных районах Украины возобновили работу 48 высших учебных заведений и 10 612 школ.

19 марта, воскресенье (1002-й день войны)

Советские войска освободили из немецкого лагеря смерти в местечке Азаричи Полесской области 33 434 человека, из них 15 960 детей, которых немцы намеревались уничтожить. За время существования лагеря в нем были замучены и убиты 30 тыс. человек.

20 марта, понедельник (1003-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.».

22 марта, среда (1005-й день войны)

Главное политическое управление Красной армии направило начальникам политуправлений Белорусского, Орловского, Харьковского, Северокавказского, Приволжского, Уральского и Московского военных округов указания о воспитательной работе с призывниками, мобилизованными в освобожденных от немецкой оккупации районах.

23 марта, четверг (1006-й день войны)

В ночь на 23 марта английская авиация совершила очередной налет на Германию. На Франкфурт было сброшено свыше 3 тыс. бомб — рекордный за время войны смертоносный груз.

24 марта, пятница (1007-й день войны)

Ставка ВГК в своей директиве указала командующему войсками 2-го Белорусского фронта, при каких условиях возможны совместные действия с польскими партизанами.

26 марта, воскресенье (1009-й день войны)

В ходе Уманско-Ботошанской операции передовые отряды 27-й и 52-армий 2-го Украинского фронта, преследуя противника, вышли к р. Прут, на границу СССР с Румынией. Они были первыми из тех, кто восстановил нарушенную агрессором в июне 1941 г. государственную границу СССР.

26 марта 1944 г. делегация финского правительства прибыла в Москву. Здесь были конкретизированы пункты советских условий: интернирование германских войск в Финляндии или их изгнание до конца апреля, возмещение ущерба, причиненного СССР военными действиями; демобилизация финской армии до довоенного уровня в течение четырех месяцев; возвращение СССР области Петсамо (Печенга). Был внесен новый пункт о возвращении Советским Союзом полуострова Ханко Финляндии. Однако финское правительство при поддержке парламента отказалось заключить перемирие на этих условиях и заявило о невозможности осуществить интернирование немецких войск в Финляндии.

27 марта, понедельник (1010-й день войны)

Военный совет 1-го Украинского фронта принял постановление «Об оказании помощи колхозам и совхозам УССР в проведении весеннего сева 1944 г.».

29 марта, среда (1012-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.».

31 марта, пятница (1014-й день войны)

В московских газетах опубликовано сообщение о том, что молодежь Московской области внесла в Фонд помощи детям фронтовиков 24 млн рублей и 1370 тонн продовольствия.

Управление контрразведки Смерш сообщило в ГКО о захвате советскими войсками документа, свидетельствующего о наличии соглашения между руководством так называемой «Украинской повстанческой армии» (УПА) с гитлеровским командованием. В нем сообщается «что между руководством УПА и немцами достигнуто соглашение, в силу которого участники так называемой «Украинской повстанческой армии» не будут совершать нападений на немецкие воинские части, а также будут передавать

немцам захваченных ими военнослужащих Красной армии, советских партизан и засылать в районы, занятые Красной армией, своих разведчиков».

1 апреля, суббота (1015-й день войны)

Закончился львовско-варшавский рейд партизанского соединения П. П. Вершигоры. За время рейда соединение прошло с боями 2100 км через Ровенскую, Волынскую, Львовскую, Брестскую, Пинскую области, Люблинское воеводство и часть Восточной Пруссии. В ходе рейда были освобождены 10 тыс. советских граждан, угнанных оккупантами в Германию.

2 апреля, воскресенье (1016-й день войны)

В ходе наступления Красной армии на Украине отдельные подразделения направлялись в тыл противника и действовали там смело и дерзко. 2 апреля продолжала действовать в тылу врага разведывательная группа (танковый взвод и взвод автоматчиков) 16-й гвардейской механизированной бригады 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта. Высланная в тыл неприятеля 27 марта, она разгромила вражескую группу, освободила и вооружила 300 советских граждан и соединилась с партизанами, образовав крупный вооруженный отряд. Громя вражеские гарнизоны, штабы, склады, отходившие колонны войск, отряд с богатыми трофеями и пленными 2 апреля соединился с наступавшими соединениями 40-й армии 2-го Украинского фронта.

С выходом 26 марта Красной армии на границу с Румынией начался новый этап войны — поход в Европу. В связи с вступлением советских частей на территорию Румынии советское правительство сделало специальное заявление.

3 апреля, понедельник (1017-й день войны)

СНК ССР принял постановление «О возврате эвакуированного скота колхозам освобожденных от немецкой оккупации районов Украинской ССР».

4 апреля, вторник (1018-й день войны)

Корабли и авиация Северного флота обеспечивали встречу и прикрытие конвоя, прибывшего из Англии в Кольский залив. После прихода этого конвоя дальнейшие поставки военного снаряжения Советскому Союзу, как и в предыдущие годы, были прерваны почти на пять месяцев — до конца августа.

5 апреля, среда (1019-й день войны)

Начались оборонительные бои партизан Полоцко-Лепельской зоны (Белоруссия) против карательной экспедиции оккупантов (завершились 30 апреля 1944 г.). Стремясь обезопасить тылы своих войск, немецкое командование бросило против партизанского края шесть дивизий регулярных войск, 12 полков СС и полиции общей численностью до 60 тыс. солдат и офицеров, 137 танков, 60 самолетов и 235 орудий. Им противостояли 12 партизанских бригад.

7 апреля, пятница (1021-й день войны)

Корабли и авиация Северного флота обеспечивали выход союзного конвоя (38 транспортов) из Кольского залива в Англию. Одновременно с этим авиация флота нанесла удар по конвою противника у норвежского побережья в районе Бек-фьорда. Потоплено и повреждено три транспорта и два сторожевых корабля.

8 апреля, суббота (1022-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О создании пограничных округов».

Началась Крымская стратегическая наступательная операция войск 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии Ф. И. Толбухин), Отдельной Приморской армии (командующий — генерал А. И. Еременко), сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии (завершилась 12 мая 1944 г.) с целью освобождения Крыма.

10 апреля, понедельник (1024-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О линии поведения советских войск на территории Румынии».

На территории СССР завершено формирование чехословацкого армейского корпуса.

12 апреля, среда (1026-й день войны)

В Москву прибыла делегация Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Было достигнуто соглашение о помощи НОАЮ и о том, что часть делегации останется в Москве как постоянная военная миссия Верховного штаба НОАЮ.

В этот день в Стокгольме посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай передала послу Финляндии в СССР в Советском Союзе Ю. К. Паасикиви условия перемирия.

13 апреля, четверг (1027-й день войны)

Советские войска продолжали стремительное наступление в Крыму. Освободив Феодосию, Евпаторию, Симферополь, они устремились к Севастополю.

15 апреля, суббота (1029-й день войны)

В СССР продолжала действовать карточная система распределения основных продуктов питания и промышленных товаров. Для дополнительного удовлетворения спроса советских людей в потребительских товарах в Москве, а затем в Ленинграде, Киеве, Свердловске и других крупных городах была введена свободная продажа продовольственных и промышленных товаров по более высоким ценам в специальных магазинах и ресторанах.

16 апреля, воскресенье (1030-й день войны)

Правительство Финляндии сообщило советскому правительству, что не принимает условия перемирия, предложенные СССР. Отказ финнов от переговоров вынуждал советское Верховное главнокомандование пересмотреть свои планы в отношении этой страны и возобновить военные действия против финской армии.

17 апреля, понедельник (1031-й день войны)

Завершилась Уманско-Ботошанская операция войск 2-го Украинского фронта (началась 5 марта 1944 г.). Главным итогом операции стало освобождение значительной части территории Украины, Молдавии и вступление войск 2-го Украинского фронта в пределы Румынии.

В ходе Крымской наступательной операции (началась 8 апреля) войска отдельной Приморской армии, пройдя за шесть дней 250 км, вышли к укрепленным позициям противника под Севастополем и приступили к подготовке его штурма.

Советское правительство направило ноту болгарскому правительству с протестом против использования фашистской Германией территории и портов Болгарии в войне против СССР.

18 апреля, вторник (1032-й день войны)

Народный комиссар государственной безопасности СССР направил органам НКГБ указания о мероприятиях по очищению освобожденной территории от агентуры противника.

20 апреля, четверг (1034-й день войны)

В Германии с каждым днем увеличивающиеся трудности повседневной жизни вызывали ропот среди населения. Наряду со скептицизмом в отношении победы Германии значительная часть населения стала проявлять недоверие к нацистскому руководству и А. Гитлеру. Эта тенденция была отмечена службой безопасности во время празднования дня рождения А. Гитлера 20 апреля 1944 г. К этому времени три четверти немцев уже были убеждены в том, что Германия войну проиграла. Они считали, что правительство должно добиваться мира, а не стремиться изо всех сил продолжать войну.

23 апреля, воскресенье (1037-й день войны)

Советское правительство в ответ на предложение датского «Совета свободы» от 18 апреля 1944 г. дало согласие на установление дипломатических отношений с «Борющейся Данией».

24 апреля, понедельник (1038-й день войны)

С началом наступления 4-го Украинского фронта в Крыму А. Гитлер отдал приказ об эвакуации войск с полуострова, но Севастополь объявил «городом-крепостью», который надлежало оборонять до конца. Эвакуация войск из города с 24 апреля была запрещена.

В «Правде» опубликованы сообщения: жители Приморского края внесли в Фонд обороны 31 млн 243 тыс. рублей деньгами и 5 млн 700 тыс. рублей облигациями; население Якутской АССР собрало на строительство танков 10 млн рублей, на восстановлений хозяйства освобожденных районов — 2 млн 400 тыс. рублей.

25 апреля, вторник (1039-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление, в котором были определены планы добычи угля на второй квартал.

27 апреля, четверг (1041-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о восстановительных работах первой очереди на важнейших железнодорожных направлениях.

Одним из важных направлений нацистской пропаганды оставалось запугивание немцев приходом на германскую территорию вражеских войск, особенно Красной армии. 27 апреля всем редакциям периодических изданий от правительства поступило указание как можно шире показывать «бесчинства большевиков» на занятой Красной армией территории.

В Москве продолжался сбор средств на строительство танковой колонны «Советский школьник». Учащиеся школы № 407 Первомайского района внесли 6204 рубля.

30 апреля, воскресенье (1044-й день войны)

Завершились бои партизан Полоцко-Лепельского партизанского края Белоруссии против карательной экспедиции противника. Партизаны нанесли карателям ощутимый урон в живой силе, подбили и подорвали на минах 58 танков и, выйдя с территории партизанского края, передислоцировались в другие районы.

1 мая, понедельник (1045-й день войны)

Указами Президиума Верховного Совета СССР учреждены медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа».

По данным управления по делам военнопленных верховного главнокомандования вермахта, общее число истребленных советских военнопленных составляло 3 291 157 человек (всего в плену находились 5,75 млн советских военнопленных), из них: умерли в лагерях 1,981 млн человек, расстреляны и убиты «при попытке к бегству» или переданы гестапо для «ликвидации» 1 030 157 человек, погибли «в пути» 280 тыс. человек. В числе этих жертв немецким командованием учтены кроме военнослужащих попавшие в плен партизаны, подпольщики, личный состав незавершенных формирований народного ополчения, местной противовоздушной обороны, истребительных батальонов и милиции, а также военизированных формирований гражданских ведомств и часть лиц, угнанных на каторжные работы.

4 мая, четверг (1048-й день войны)

Чрезвычайная государственная комиссия представила материалы о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецкими захватчиками в Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области, которые были опубликованы в газете «Правда» 5 мая 1944 г.

5 мая, пятница (1049-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что закончено строительство и введена в действие первая очередь Уральского металлургического завода по производству проката и штампов из алюминиевых сплавов, необходимых для обеспечения выпуска самолетов и авиамоторов.

6 мая, суббота (1050-й день войны)

Завершилось наступление четырех Украинских фронтов на Правобережной Украине — Днепровско-Карпатская стратегическая наступательная операция (началась 24 декабря 1943 г.). В результате операции советские войска освободили от оккупантов Правобережную Украину, часть Молдавии, на протяжении более 400 км восстановили государственную границу СССР и вторглись в пределы территории сателлита Германии — Румынии.

8 мая, понедельник (1052-й день войны)

4-й Украинский фронт продолжал штурм севастопольских позиций противника, его войска вышли к внутреннему оборонительному обводу Севастополя.

В 1944 г. Советскому Союзу приходилось нести крупные материальные затраты на восстановление разрушенного войной народного хозяйства и возмещение других понесенных потерь. Помощь в этом оказывали и союзники. Так, 8 мая 1944 г. британское правительство приняло решение о предоставлении СССР нового кредита в сумме 25 млн фунтов стерлингов (в дополнение к уже выданному по соглашению от 16 августа 1941 г.).

9 мая, вторник (1053-й день войны)

Войска 4-го Украинского фронта в ходе Крымской операции при поддержке сил Черноморского флота и авиации дальнего действия освободили Севастополь (оккупирован 3 июля 1942 г.) — главную военно-морскую базу Черноморского флота.

11 мая, четверг (1055-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о мероприятиях по увеличению добычи нефти в 1944 г.

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что на Челябинском металлургическом заводе сданы в эксплуатацию новая доменная печь № 1 мощностью в 300 тыс. тонн чугуна в год и агломерационная фабрика на Бакальских рудниках.

12 мая, пятница (1056-й день войны)

В соответствии с постановлением ГКО от 8 мая 1944 г. Генеральный штаб Красной армии отдал директиву командующему Московским военным округом о формировании югославских частей.

13 мая, суббота (1057-й день войны)

Правительства СССР, Великобритании и США сделали совместное заявление, обращенное к правительствам Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии, с предложением выйти из войны, прекратить сотрудничество с нацистской Германией, оказать сопротивление гитлеровцам и этим сократить срок борьбы в Европе, уменьшить собственные жертвы, внести тем самым вклад в победу союзников.

15 мая, понедельник (1059-й день войны)

В Москве вступила в строй станция метрополитена «Электрозаводская». Ее оформление посвящено тылу и его героическим труженикам.

16 мая, вторник (1060-й день войны)

В Лондоне состоялось подписание соглашений правительств СССР, США и Англии с правительством Норвегии о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными войсками.

Фронтовой филиал Московского Малого театра дал первый спектакль для населения освобожденного Севастополя.

17 мая, среда (1061-й день войны)

В «Правде» опубликованы сообщения: жители Воронежской области внесли 44 млн 310 тыс. рублей на строительство вооружения для Красной армии; жители Иркутской области дополнительно сдали 19 млн 773 тыс. рублей на строительство танковой колонны, а также 16 млн 503 тыс. рублей деньгами и 81 млн 737 тыс. рублей облигациями в Фонд помощи освобожденным районам; рыбаки Камчатки, Сахалина, Охотска, Приморья и Амура внесли 14 млн 231 тыс. рублей деньгами и 8 млн 62 тыс. рублей облигациями на строительство военной техники.

18 мая, четверг (1062-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об экономии электроэнергии в промышленности» в связи с выявленным расточительным использованием электроэнергии на предприятиях ряда областей и городов страны.

Советское правительство направило ноту правительству Болгарии по поводу продолжавшегося его сотрудничества с Германией.

19 мая, пятница (1063-й день войны)

Генеральный штаб Красной армии отдал директиву о сформировании 3-й чехословацкой пехотной бригады.

20 мая, суббота (1064-й день войны)

Газета «Правда» сообщила: коллектив Государственного академического Малого театра собрал 1 млн рублей на строительство авиационного звена боевых самолетов «Малый театр», 457 782 рубля — в Фонд обороны страны и 70 тыс. рублей — в Фонд помощи детям фронтовиков.

21 мая, воскресенье (1065-й день войны)

В газете «Труд» опубликовано сообщение, что вторая турбина Зуевской ГРЭС (Донбасс), а также Днепродзержинская (Приднепровье) ГРЭС дали первый промышленный ток после начала ее восстановления.

Работники Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко собрали в фонды обороны и помощи детям фронтовиков 155 тыс. рублей в дополнение к ранее внесенным 518 704 рублям.

22 мая, понедельник (1066-й день войны)

Советское правительство заявило о признании Крайовой Рады Народовой в качестве представительства польского народа.

23 мая, вторник (1067-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства».

В Ворошиловградской области (Украинская ССР) восстановленный трубопрокатный завод начал выпускать продукцию в довоенных масштабах.

24 мая, вторник (1068-й день войны)

На территории СССР завершено формирование югославской добровольческой пехотной бригады, насчитывавшей около 2 тыс. человек.

25 мая, среда (1069-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение: за время войны население Советского Союза внесло в фонды обороны страны и Красной армии свыше 14 млрд рублей и более 4 млрд рублей облигациями государственных займов, а также много платины, золота, серебра, разных драгоценностей.

26 мая, четверг (1070-й день войны)

Молодежь Марийской АССР внесла более 2 млн 217 тыс. рублей на строительство вооружения для Красной армии. Воины Архангельского военного округа собрали 1 млн 647 тыс. 800 рублей деньгами и 2 млн 588 тыс. 900 рублей облигациями в Фонд Главного командования.

27 мая, пятница (1071-й день войны)

Газета «Правда» сообщила о завершении строительства и освоения четырех гидролизных заводов по выработке винного спирта из древесных отходов лесозаводов. Это позволило увеличить производство боеприпасов и сэкономить государству миллионы пудов хлеба.

28 мая, суббота (1072-й день войны)

Завершено восстановление Мариупольского трубопрокатного завода имени В. Куйбышева.

29 мая, понедельник (1073-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах, рабочих поселках СССР».

31 мая, среда (1075-й день войны)

Ставка ВГК отдала директивы командующим войсками 1, 2 и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов о подготовке и проведении Белорусской стратегической наступательной операции (операция «Багратион»).

Срок готовности и начало наступления для 1-го и 2-го Белорусских фронтов приказывалось определить маршалу Г. К. Жукову, для 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского — маршалу А. М. Василевскому.

1 июня, четверг (1076-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что в Сталинграде за 1943 г. отстроено и вновь сооружено 379 тыс. кв. метров жилой площади. За январь — апрель 1944 г. строители сдали еще 11 тыс. кв. метров жилья.

На Северо-Донецкой ГРЭС вступила в строй вторая турбина. Промышленность получила дополнительно 12 тыс. кВт электроэнергии. Продолжалось восстановление третьей турбины.

2 июня, пятница (1077-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о восстановлении электростанций и электросетей для Криворожского железорудного бассейна и Никопольских марганцевых рудников.

Государственный Комитет Обороны объявил благодарность работникам Московского метростроя за успешную работу по строительству третьей очереди Московского метрополитена в трудных условиях военного времени.

Президиум Верховного Совета СССР принял указы о награждении Московского метростроя орденом Трудового Красного Знамени, орденами и медалями строителей Метростроя.

6 июня, вторник (1081-й день войны)

Вооруженные силы США, Великобритании и их союзников начали операцию по вторжению в Северо-Западную Францию, кодовое название «Оверлорд» (Overlord). Эта операция означала открытие второго фронта в Европе. В ходе нее была осуществлена высадка морского и воздушного десантов в Нормандии, захвачен стратегический плацдарм, переброшены на него дополнительные силы, а затем развернуто наступление на юг и юго-восток.

7 июня, среда (1082-й день войны)

В готовящейся операции «Багратион» немаловажная роль отводилась белорусским партизанам. К лету 1944 г. на белорусской земле насчитывалось 143 тыс. партизан, входивших в состав 150 партизан-

ских бригад и 49 отдельных отрядов, которые должны были действовать совместно с войсками Красной армии.

8 июня, четверг (1083-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О многодетных матерях и об охране материнства».

В «Правде» опубликовано сообщение, что на освобожденной территории восстановлено более 30 тыс. км главных железнодорожных путей, свыше 2500 станций и разъездов, более 1 тыс. больших и средних мостов общей протяженностью свыше 90 тыс. метров, а также 4500 малых мостов и труб.

9 июня, пятница (1084-й день войны)

В газете «Московский большевик» опубликовано сообщение, что московские школьники во время войны собрали 140 тыс. тонн металлолома, свыше 1 млн рублей на постройку танковой колонны «Московский пионер», послали на фронт 250 тыс. подарков. Школьники столицы выработали 300 тыс. трудодней на колхозных полях Подмосковья.

10 июня, суббота (1085-й день войны)

Началась Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция войск правого крыла Ленинградского и левого крыла Карельского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями (завершилась 9 августа 1944 г.) — завершающая операция битвы за Ленинград.

11 июня, воскресенье (1086-й день войны)

Газета «Известия» опубликовала сообщение Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) СССР о поставках Советскому Союзу вооружения, стратегического сырья, промышленного оборудования и продовольствия Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Канадой. Поставки достигли своего пика в 1944 г., почти 90% из них были американскими.

13 июня, вторник (1088-й день войны)

В ночь на 13 июня Германия впервые применила против Великобритании новое оружие. По Лондону и южным районам Англии были выпущены первые самолеты-снаряды ФАУ-1. Однако оно не оказало того воздействия на англичан, которого ожидали в Германии. Из нацеленных на Англию 10 500 ракет ФАУ-1 на ее территорию упало 3200, из них на Лондон — 2500.

Как только стало известно о применении немцами самолетов-снарядов ФАУ-1, на заседании ГКО 13 июня были вызваны нарком авиапромышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС А. А. Новиков и конструктор В. Н. Челомей, которым поставлена задача создать беспилотное боевое средство. Данное постановление ГКО было выполнено уже к декабрю 1944 г., а в начале 1945 г. десятки отечественных самолетов-снарядов 10Х были готовы к применению. Однако, учитывая, что их использование повлечет за собой большие жертвы среди мирного населения, было решено воздержаться от их применения.

14 июня, среда (1089-й день войны)

СНК СССР предложил всем советским государственным учреждениям отметить 14 июня как день демонстрации солидарности Объединенных Наций в их общей борьбе против агрессии и поднять на своих зданиях Государственный флаг СССР в честь Объединенных Наций.

17 июня, суббота (1092-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке грузов в Югославию».

Завершено восстановление Сталинградского тракторного завода.

18 июня, воскресенье (1093-й день войны)

Широким фронтом шло восстановление Донбасса, где оккупанты хозяйничали около двух лет и нанесли большой урон.

20 июня, вторник (1095-й день войны)

В целях содействия войскам, готовящимся к переходу в наступление в рамках операции «Багратион», в ночь на 20 июня 150 бригад и 49 отдельных отрядов белорусских партизан нанесли одновременный удар по железнодорожным коммуникациям, питающим группу армий «Центр». Началась партизанская рельсовая операция. Только за одну ночь было взорвано свыше 28,5 тыс. рельсов.

21 июня, среда (1096-й день войны)

Началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция войск левого крыла Карельского фронта с целью разгрома противника в Южной Карелии и восстановления на этом участке государст-

венной границы СССР (завершилась 9 августа 1944 г.), часть стратегической Выборгско-Петрозаводской операции.

22 июня, четверг (1097-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О праве на переход в польское гражданство военнослужащих польской армии в СССР и лиц, помогающих ей в борьбе за освобождение Польши, а также членов их семей».

Огромную помощь войскам фронтов, готовившихся к проведению Белорусской наступательной операции (операции «Багратион»), в получении сведений о противнике оказали партизаны и подпольщики. За шесть месяцев 1944 г. они передали разведорганам фронтов 5865 оперативных документов, захваченных у противника.

В «Правде» опубликовано сообщение: выставку образцов трофейного вооружения, захваченного у врага, за год со дня открытия в Москве посетили более 3,5 млн человек.

23 июня, пятница (1098-й день войны)

В Москве прошло специальное совещание членов Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки, Генштаба, на котором был обсужден план операции 1-го Украинского фронта на львовском направлении.

Третья годовщина войны СССР против нацистской Германии ознаменовалась началом мощного наступления Красной армии в Белоруссии, вошедшего в историю под названием операция «Багратион». Впервые за три года войны не немецкая армия, а советская открывала летнюю кампанию крупной наступательной операцией силами нескольких фронтов. Грандиозное сражение развернулось на фронте 700–1100 км.

Железнодорожники Московско-Рязанской железной дороги внесли на строительство танковой колонны 2 млн 117 тыс. рублей деньгами и 2 млн 637 тыс. рублей облигациями, 2 млн 253 тыс. рублей за неиспользованный отпуск.

24 июня, суббота (1099-й день войны)

Успешному продвижению англо-американских войск в ходе Нормандской десантной операции (началась 6 июня 1944 г.) способствовал ряд факторов: слабость войск противника и почти полное отсутствие немецкой авиации (всего 156 самолетов), высокая активность движения Сопротивления, нарастающая мощь самих союзных войск по мере поступления во Францию новых соединений и техники. Но главной причиной было согласование стратегических усилий союзных государств, скоординированное наступление на рейх с запада и востока, достигнутое на Тегеранской конференции. Для восстановления своих сил на востоке германское командование было вынуждено в январе — мае 1944 г. перебросить на советско-германский фронт из Германии 40 дивизий и четыре бригады, что оказало существенную помощь США и Англии в открытии второго фронта.

26 июня, понедельник (1101-й день войны)

Белорусские партизаны осуществили третий этап операции «Рельсовая война» (первый этап — 3 августа, второй — 19 сентября 1943 г.). В результате всех трех этапов партизаны Белоруссии взорвали почти 182,5 тыс. рельсов, пустили под откос 5494 воинских эшелона, три бронепоезда.

Чрезвычайный и Полномочный Посол США А. Гарриман вручил советскому правительству почетные грамоты президента Ф. Рузвельта для передачи городам Сталинграду и Ленинграду в ознаменовании их героической обороны.

29 июня, четверг (1104-й день войны)

За умелое руководство войсками при разгроме бобруйской группировки противника командующему 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовскому было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

30 июня, пятница (1105-й день войны)

По решению Совнаркома СССР в Москве учреждена Академия медицинских наук СССР.

1 июля, суббота (1106-й день войны)

Газета «Московский большевик» сообщила: 250 студентов и аспирантов Московского архитектурного института выезжают в районы Ленинградской, Курской, Орловской, Тульской, Смоленской и Калининской областей для обследования исторических памятников архитектуры, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками.

3 июля, понедельник (1108-й день войны)

Завершился первый этап Белорусской стратегической операции. Поздно вечером столица Белоруссии была освобождена от захватчиков (оккупирована 28 июня 1941 г.). За 12 дней советские войска продвинулись на 225—280 км. В центре стратегического фронта образовалась гигантская 400-километровая брешь, заполнить которую командование вермахта в короткие сроки не имело сил. В лесах восточнее Минска были окружены главные силы 4-й немецкой армии.

4 июля, вторник (1109-й день войны)

Для дезорганизации железнодорожных перевозок неприятеля Ставка ВГК приказала командующему авиацией дальнего действия маршалу А. Е. Голованову подготовить и провести воздушную операцию с целью вывода из строя важнейших железнодорожных коммуникаций в Западной Белоруссии, Литве и Польше.

5 июля, среда (1110-й день войны)

Советское правительство приняло решение о развертывании проектирования и строительства скоростных пассажирских самолетов. Конструкторский коллектив под руководством С. В. Ильюшина начал проектировать пассажирский многоместный самолет Ил-12.

8 июля, суббота (1113-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР установил почетное звание «Мать-героиня» и учредил орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства».

11 июля, вторник (1116-й день войны)

Из Берлина отправлена телеграмма немецкой администрации в оккупированных районах Белоруссии с требованием усиления угона в Германию детей для работы в военной промышленности.

12 июля, среда (1117-й день войны)

По распоряжению Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) в западных районах республики и на территории Польши в борьбу с подходившими резервами врага включились партизанские формирования.

Оперативная группа 4-го управления НКГБ, действовавшая на территории Польши, сообщила о сотрудничестве польских националистов с оккупационными властями.

13 июля, четверг (1118-й день войны)

Завершилось наступление войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке (началось 10 июня 1944 г.). Советские войска вступили на территорию южных районов Финляндии.

1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева начал стратегическую наступательную операцию на львовском направлении. Операция впоследствии была названа Львовско-Сандомирской.

16 июля, воскресенье (1121-й день войны)

В Минске состоялся митинг и парад партизанских соединений. За три года борьбы с немецкими захватчиками белорусские партизаны вывели из строя около 500 тыс. оккупантов и их пособников, подорвали и уничтожили более 18,7 тыс. автомашин, уничтожили более 7300 км телефонно-телеграфной линии связи, сбили и сожгли на аэродромах 305 немецких самолетов, подбили 1355 танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий разного калибра, 939 воинских складов, разгромили 948 штабов и гарнизонов врага. Партизаны захватили 85 орудий, 278 минометов, 1874 пулемета, около 21 тыс. винтовок и автоматов, свыше 4600 тыс. патронов.

17 июля, понедельник (1122-й день войны)

В ходе операции «Багратион» вермахт понес огромные потери, превышавшие потери под Сталинградом. Из 47 генералов вермахта, воевавших в качестве командиров корпусов и дивизий, 21 был взят в плен. Некоторые зарубежные издания того времени ставили под сомнение реальный масштаб советских побед летом 1944 г. Чтобы продемонстрировать успехи СССР в войне, поднять дух москвичей и жителей других городов было решено провести пленных немцев во главе с их генералами по улицам Москвы и Киева. Операцию проводило НКВД, она получила название по имени музыкальной комедии — «Большой вальс». 17 июля по центральным улицам Москвы под конвоем прошли около 57 600 солдат и офицеров, захваченных в плен в Белоруссии.

18 июля, вторник (1123-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о восстановлении угольной промышленности Донбасса.

19 июля, среда (1124-й день войны)

Главное политическое управление Красной армии издало директиву о партийно-политической работе в войсках в связи с их вступлением на территорию Румынии.

24 июля, понедельник (1129-й день войны)

В районе Люблина советские войска освободили один из крупнейших концентрационных лагерей, созданных нацистами в Польше в 1940–1941 гг., — лагерь смерти в Майданеке. На основной территории в 95 гектаров кроме жилых бараков размещалось семь газовых камер, несколько крематориев, бункер (тюрьма), виселицы и другие устройства массового уничтожения узников. С осени 1942 г. узников уничтожали путем отравления газом «Циклон Е». Всего через Майданек прошли, по данным Нюрнбергского процесса, около 1,5 млн человек 50 национальностей, большинство составляли поляки, евреи, русские.

25 июля, вторник (1130-й день войны)

Войска 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции завершили окружение группировки противника в районе Львова.

В Германии объявлена новая тотальная мобилизация. Предельный возраст женщин, попадавших под действие закона о трудовой повинности, увеличился с 45 до 50 лет. К ноябрю из центральных и местных органов управления в военное производство были направлены 330 тыс. бывших служащих.

27 июля, четверг (1132-й день войны)

Советские войска завершили освобождение территории РСФСР от немецко-фашистских захватчиков.

Карельский фронт в ходе Свирско-Петрозаводской операции вышел к государственной границе СССР с Финляндией.

В ходе Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта утром 27 июля освободили Львов — областной центр Украины, важный узел дорог и крупный промышленный и культурный центр (оккупирован 30 июня 1941 г.). Почти одновременно с освобождением Львова ночным штурмом был взят город и крепость Перемышль (оккупирован 27 июня 1941 г.).

28 июля, пятница (1133-й день войны)

В ходе Белорусской операции 8-я гвардейская армия, 1-я армия Войска Польского и 69-я армия 1-го Белорусского фронта вслед за 2-й танковой армией вышли к Висле южнее Варшавы, форсировали ее и захватили плацдармы на западном берегу реки в районе Магнушева и Пулавы.

31 июля, понедельник (1136-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мероприятиях по восстановлению объектов Балтийского флота» и «О задачах советских войск в связи с вступлением на территорию Польши».

Ставка ВГК отдала директиву командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, главнокомандующему вооруженными силами Польши и командующему 1-й польской армией о порядке мобилизации на освобожденной территории Польши.

1 августа, вторник (1137-й день войны)

В 17 часов началось Варшавское вооруженное восстание (завершилось 2 октября 1944 г.). Оно было организовано и начато подчиненной польскому лондонскому эмигрантскому правительству Армией Крайовой (АК) во главе с генералом Т. Бур-Комаровским.

2 августа, среда (1138-й день войны)

Несмотря на то что вооруженное восстание в Варшаве началось 1 августа, а правительство Великобритании располагало такой информацией давно, в советский Генеральный штаб сообщение о восстании поступило лишь 2 августа.

4 августа, пятница (1140-й день войны)

В Варшаве продолжались бои польских патриотов с гитлеровцами. В течение первой недели боевых действий повстанцам удалось достичь определенных успехов, освободить ряд районов города. На первых порах западные союзники обеспечивали повстанцев оружием и боеприпасами, которые сбрасывали с самолетов. Но в дальнейшем положение повстанцев с каждым днем ухудшалось. Не хватало боеприпасов, медикаментов, продовольствия и даже воды. Поляки несли большие потери.

8 августа, вторник (1144-й день войны)

Советское командование, несмотря на всю сложность оперативной обстановки (значительные потери в ходе операции «Багратион», усталость войск, мощные контрудары противника в районе

Магнушева и Пулавы, отставание тылов Красной армии), оказывало помощь польским патриотам, поднявшим 1 августа вооруженное восстание в Варшаве. 8 августа Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский представили Верховному главнокомандующему И. В. Сталину проект плана Варшавской операции, которую предполагалось начать 25 августа силами 1-го Белорусского фронта с целью занятия Варшавы.

9 августа, среда (1145-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О гвардейских воздушно-десантных дивизиях».

Завершилась Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция советских войск (началась 10 июня 1944 г.) — завершающая операция битвы за Ленинград. В результате боевых действий на Карельском перешейке и в южной Карелии была полностью ликвидирована угроза Ленинграду с севера, Финляндия выведена из войны на стороне нацистской Германии.

Завершилась битва за Ленинград (началась 10 июля 1941 г.). 900-дневная героическая оборона Ленинграда сковала крупные силы немецких войск и всю финскую армию. Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества и непобедимости советского народа. Медалью «За оборону Ленинграда» (учреждена 22 декабря 1942 г.) награждены около 1,5 млн человек.

11 августа, пятница (1147-й день войны)

СНК СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению предприятий легкой промышленности в освобожденных районах УССР в 1944 г.».

14 августа, понедельник (1150-й день войны)

Союзники поставили перед советским руководством вопрос о челночных полетах американских бомбардировщиков из Бари (Италия) на советские базы, чтобы оказывать более эффективную помощь польским повстанцам, поднявшим вооруженное восстание в Варшаве, путем сбрасывания необходимых им грузов. Ответ советских руководителей, упрекавших союзников в том, что они своевременно не поставили их в известность о готовившемся восстании, был отрицательным. 15 августа А. Я. Вышинский передал его послу Великобритании в Москве А. Керру. В нем Варшавское восстание характеризовалось как авантюра, с которой советское правительство «не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно».

15 августа, вторник (1151-й день войны)

ЦК КП(б) Украины направил в Государственный Комитет Обороны докладную записку о мероприятиях по развитию партизанского движения на территории Чехословакии, Румынии и Венгрии в связи с просьбой о помощи представителей компартий этих стран.

19 августа, суббота (1155-й день войны)

Прославленный авиационный ас полковник А. И. Покрышкин награжден третьей медалью Золотая Звезда. Он стал первым в стране трижды Героем Советского Союза.

20 августа, воскресенье (1156-й день войны)

Началась Ясско-Кишинёвская наступательная операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов (завершилась 29 августа 1944 г.). Войска фронтов тесно взаимодействовали с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией.

21 августа, понедельник (1157-й день войны)

В Думбартон-Оксе (Вашингтон) открылась конференция представителей СССР, США и Великобритании по вопросу о создании международной организации для поддержания мира и безопасности (завершилась 28 сентября 1944 г.). Конференция была созвана в соответствии с Декларацией четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности (подписана представителями СССР, США, Великобритании и Китая), принятой на Московском совещании в октябре 1943 г. Конференция представителей США и Китая была проведена с 29 августа по 7 октября 1944 г.

В телеграмме германского посланника в Будапеште в МИД Германии сообщалось о возможности сближения с польским эмигрантским правительством.

22 августа, вторник (1158-й день войны)

Советское командование оказывало помощь польским патриотам. На варшавском направлении проводились наступательные операции, чтобы отвлечь силы врага.

23 августа, среда (1159-й день войны)

Оккупанты продолжали грабить контролируемые территории. 23 августа 1944 г. оперативный штаб А. Розенберга отдал предписание о вывозе ценностей из рейхскомиссариата Остланд.

24 августа, четверг (1160-й день войны)

Продолжалась Ясско-Кишинёвская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов. Советские войска вышли на оба берега Прута, овладели Кишинёвом (оккупирован 16 июля 1941 г.), румынским городом Хуши. Были созданы благоприятные условия не только для ликвидации главных сил группы армий «Южная Украина», но и для стремительного наступления в глубь румынской территории.

25 августа, пятница (1161-й день войны)

Советское правительство опубликовало заявление, подтверждающее позицию Советского Союза о целях вступления Красной армии в Румынию.

25 августа финский посланник в Стокгольме (Швеция) вручил советскому посланнику заявление финского правительства с просьбой принять правительственную делегацию для переговоров о перемирии или заключения мира.

29 августа, вторник (1165-й день войны)

Завершилась Белорусская наступательная операция советских войск (началась 23 июня 1944 г.) — одна из самых крупных операций не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. От захватчиков была очищена обширная территория Белоруссии — 80% и четвертая часть Польши. Выход Красной армии к границе Восточной Пруссии и Висле открывал новые перспективы для проведения крупных операций в целях окончательного освобождения Прибалтийских республик, Польши, овладения Восточной Пруссией и глубокого вклинения на варшавско-берлинском направлении. Катастрофа в Белоруссии вынудила германское командование перебросить сюда крупные стратегические резервы с запада, что, разумеется, создавало благоприятные условия для наступательных действий союзников после высадки их войск в Нормандии и ведения коалиционной войны в Европе.

В конце августа войска 1-го Украинского фронта, отразив все контрудары противника, успешно завершили Львовско-Сандомирскую наступательную операцию (началась 13 июля 1944 г.) и в соответствии с директивой Ставки ВГК 29 августа перешли к обороне.

После обращения финского правительства о возобновлении переговоров (25 августа) советское правительство через своего посланника в Стокгольме сообщило о согласии принять финскую делегацию при следующих условиях: финское правительство публично объявит о разрыве отношений с Германией и предъявит ей требование о выводе немецких войск из пределов Финляндии не позже 15 сентября 1944 г.; в случае невывода Германией своих войск к указанному сроку, то они должны быть разоружены и переданы союзникам в качестве военнопленных. Эти условия были согласованы с правительствами Великобритании и США.

30 августа, среда (1166-й день войны)

Началось Словацкое национальное вооруженное восстание. Центром его стал г. Банска-Быстрица, где разместились руководящие органы восстания. Повстанческая территория ограничилась срединной Словакией. Западная Словакия участия в восстании не принимала. Чехословацкое правительство в Лондоне обратилось ко всем словакам, чехам и народу Подкарпатья с призывом поддержать восстание.

31 августа, четверг (1167-й день войны)

В газете «Известия» опубликовано совместное заявление руководителей американской, советской и английской делегаций на конференции в Думбартон-Оксе об основных принципах создания международной организации по сохранению мира и безопасности.

Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика обратились через НКИД СССР к советскому правительству с просьбой оказать срочную помощь восставшему словацкому народу.

1 сентября, пятница (1168-й день войны)

СНК СССР принял постановление о мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства в Литовской, Латвийской и Карело-Финской ССР, о мероприятиях по восстановлению Новгорода.

2 сентября, суббота (1169-й день войны)

В этот день из резиденции президента Финляндии К. Маннергейма было отправлено два послания. В одном, предназначенном германскому правительству, выражалась полная признательность Финляндии своему союзнику — немецкой армии. Второе послание свидетельствовало о принятии Финляндией условий, предъявленных советской стороной.

Советское руководство, основываясь на заключенном 8 мая 1944 г. соглашении с чехословацким правительством «Об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления войск Красной армии на территорию Чехословакии», по просьбе чехословацкой стороны от 31 августа сразу же отреагировало на события в Словакии. Оно приняло решение оказать помощь восставшим в Словакии.

3 сентября, воскресенье (1170-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О строительстве газопровода Саратов — Москва».

4 сентября, понедельник (1171-й день войны)

Финляндия вышла из войны против Советского Союза и заявила о разрыве отношений с Германией.

5 сентября, вторник (1172-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление об оказании помощи Народно-освободительной армии Югославии.

Советское правительство направило Болгарии ноту о разрыве с ней дипломатических отношений и объявило состояние войны между СССР и Болгарией, которая, как говорилось в заявлении, «фактически ведет войну против Советского Союза уже с 1941 г.».

6 сентября, среда (1173-й день войны)

Правительство Болгарии объявило о разрыве отношений с Третьим рейхом и запросило условия перемирия с СССР. В качестве ответной меры в этот же день немцы начали разоружать находившиеся в Югославии болгарские части. И если в районе Скопле сделать это им удалось, то у г. Прилепа (70 км южнее Скопле) завязались ожесточенные бои между германскими и болгарскими войсками.

7 сентября, четверг (1174-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение об открытии Ленинградского академического театра оперы и балета. Здание театра, разрушенное немцами, было восстановлено в период блокады руками ленинградцев.

8 сентября, пятница (1175-й день войны)

С целью разгрома противника в Восточных Карпатах и оказания помощи национальному вооруженному восстанию в Словакии войска левого крыла 1-го и 4-го Украинских фронтов начали Восточно-Карпатскую стратегическую наступательную операцию (завершилась 28 октября 1944 г.).

Германия произвела первый боевой пуск одноступенчатой баллистической ракеты ФАУ-2 (V-2, А-4) по Великобритании. Из 4300 ракет ФАУ-2, запущенных в основном по городам Великобритании, более 2 тыс. ракет взорвались при пуске или вышли из строя в полете и только 1054 упали на территорию этой страны, в том числе около 500 в пределах Лондона. В результате применения ФАУ-1 (первый боевой пуск по Великобритании осуществлен 13 июня 1944 г.) на территории Великобритании было разрушено свыше 30 тыс. зданий, потери населения составили 33 тыс. человек.

12 сентября, вторник (1179-й день войны)

В Москве подписано соглашение между правительствами Советского Союза, США, Великобритании с одной стороны и правительством Румынии с другой о перемирии.

13 сентября, среда (1180-й день войны)

Начальник оперативного управления, заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал-полковник С. М. Штеменко информировал командование 1-м Украинского фронта о количестве оружия, переброшенного войскам словацкой повстанческой армии по состоянию на 13 сентября 1944 г.: автоматов — 480, противотанковых ружей — 136, пулеметов ручных — 110, пулеметов станковых — 48, пулеметов ДШК — 5, тола — 1904 кг.

14 сентября, четверг (1181-й день войны)

Началась Прибалтийская стратегическая наступательная операция (завершилась 24 ноября 1944 г.). Цель — разгром вражеских войск в Прибалтике и завершение освобождения Прибалтийских республик.

В Варшаве продолжалась борьба повстанцев с немецким гарнизоном. Советские войска, пытаясь оказать помощь повстанцам, на варшавском направлении проводили наступательные операции, чтобы отвлечь силы врага. Соединения 47-й армии 1-го Белорусского фронта 14 сентября штурмом овладели городом и крепостью Прага, мощным узлом обороны немцев на р. Висле. Попытки войск фронта прорваться к Варшаве продолжались.

15 сентября, пятница (1182-й день войны)

Войска 3-го Украинского фронта по согласованию с болгарским правительством вступили в столицу Болгарии — Софию. В нее вошли части 34-го стрелкового корпуса генерала И. С. Кособуцкого. Сюда же перебазировались две авиационные дивизии.

16 сентября, суббота (1183-й день войны)

В газете «Известия» опубликовано коммюнике польско-советской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в концентрационном лагере Майданек. Комиссия установила, что в лагере были уничтожены почти 1,5 млн человек.

17 сентября, воскресенье (1184-й день войны)

Выход Болгарии из гитлеровской коалиции и прорыв Красной армии на Балканы привели к важным стратегическим результатам. Третий рейх лишился не только продовольственно-сырьевых ресурсов страны, но и возможности распоряжаться болгарской армией, 12 дивизий которой несли оккупационную службу в Югославии и Греции. Утратив порты на Черном море, германское командование было вынуждено отдать распоряжение о потоплении имевшихся там кораблей. Ухудшилось положение немецких групп армий «Ф» и «Е». Уязвимость коммуникаций с ними заставила начать подготовку к эвакуации немецких войск из Греции и Южной Югославии.

19 сентября, вторник (1186-й день войны)

Завершились советско-финляндские переговоры, в результате которых были подписаны соглашения о перемирии.

23 сентября, суббота (1190-й день войны)

Опубликовано сообщение, что на средства, полученные В. Яхонтовым за концертные выступления, построен танк «Владимир Маяковский».

25 сентября, понедельник (1192-й день войны)

Несмотря на новый виток тотальной мобилизации, Германия испытывала все более острый недостаток в людских ресурсах как для вооруженных сил, так и для военной промышленности. Нацистские власти шли на крайние меры, чтобы как-то восстанавливать потери. Были сформированы батальоны, состоявшие из больных людей, ранее считавшихся непригодными к военной службе. 25 сентября А. Гитлер подписал директиву о создании фольксштурма, в который включалось способное держать оружие мужское население в возрасте от 16 до 60 лет, не призванное в вермахт.

26 сентября, вторник (1193-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о передаче в распоряжение Польского комитета национального освобождения муки и медикаментов для населения Праги (правобережная часть Варшавы).

Газета «Московский большевик» сообщила: восстановлен разрушенный фашистскими захватчиками Бородинский военно-исторический музей. Здание реставрировано в прежнем виде, значительно пополнена экспозиция. В октябре 1944 г. музей должен был принять первых посетителей.

28 сентября, четверг (1195-й день войны)

Опубликовано сообщение об итогах работы Европейской консультативной комиссии, закончившей разработку документа о безоговорочной капитуляции Германии и документа о порядке оккупации Германии войсками СССР, Великобритании и США.

Завершилась конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (Вашингтон) по вопросу о создании международной организации для поддержания мира и безопасности (началась 21 августа 1944 г.). По результатам работы было опубликовано совместное коммюнике участников конференции.

Издан приказ заместителя народного комиссара обороны СССР о предоставлении льгот беременным женщинам и матерям, находящимся на службе или работающим в Вооруженных силах СССР.

29 сентября, пятница (1196-й день войны)

В Думбартон-Оксе (Вашингтон) началась конференция по вопросу о создании международной организации для поддержания мира и безопасности представителей США и Китая в соответствии с Декларацией четырех государств, подписанной СССР, США, Великобританией и Китаем в октябре 1944 г. (завершилась 7 октября 1944 г.). Конференция представителей СССР, США и Великобритании проводилась с 21 августа по 28 сентября 1944 г.

1 октября, воскресенье (1198-й день войны)

Государственный Комитет Обороны поручил Госплану СССР разработать основные показатели по восстановлению и развитию угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций на 1945—1946 гг.

2 октября, понедельник (1199-й день войны)

В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова начался новый, 190-й, учебный год. Приступили к учебе более 6 тыс. студентов и около 300 аспирантов. За время войны в университете было создано пять новых факультетов.

4 октября, среда (1201-й день войны)

После освобождения советскими войсками заключенных концлагеря в районе Львова они рассказали об условиях их содержания. Один из французских военнопленных показал: «Мы обратили внимание на плохой вид русских военнопленных. Было 10 января, и термометр показывал 10—15 градусов ниже нуля, а многие из них были только в сорочках, кальсонах, босые, без шапок и все страшно худые, почти скелеты. Когда мы принимали душ, то заметили, что у всех у них были штыковые раны на спине и ягодицах».

7 октября, суббота (1204-й день войны)

В Думбартон-Оксе (Вашингтон) завершилась конференция по вопросу об учреждении международной организации по поддержанию мира и безопасности. Были подготовлены предложения о создании международной организации безопасности, которые легли затем в основу Устава Организации Объединенных Наций. Вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности на Думбартон-Окской конференции не был согласован (решен позднее на Крымской конференции 1945 г.).

8 октября, воскресенье (1205-й день войны)

Опубликовано сообщение о полном восстановлении Волховской гидроэлектростанции. В строй были введены восемь главных гидроагрегатов.

9 октября, понедельник (1206-й день войны)

В Москву прибыли премьер-министр Великобритании У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден.

11 октября, среда (1208-й день войны)

Венгерская правительственная делегация в Москве, возглавляемая генералом Г. Фераго, подписала предварительные условия соглашения о перемирии.

17 октября, вторник (1214-й день войны)

В ходе Белградской операции соединения 3-го Украинского фронта и НОАЮ в 12 км юго-восточнее Белграда в районе Смедерево окружили вражескую группировку (до 20 тыс. человек) и приступили к ее уничтожению.

18 октября, среда (1215-й день войны)

Член Военного совета 3-го Белорусского фронта генерал В. Е. Макаров направил в Главное политическое управление Красной армии донесение, в котором доложил обстановку на освобожденной территории Восточной Пруссии: «По опросам населения установлено, что вся приграничная зона в пределах 10—15 км была немцами заранее выселена, скот, домашняя птица, продовольствие, инвентарь и все личные вещи были вывезены... На подступах к границе обнаружено большое количество расстрелянных немцами из литовского населения».

20 октября, пятница (1217-й день войны)

Соединения 4-го гвардейского механизированного корпуса, 57-й армии 3-го Украинского фронта и 1-й армейской группы Народно-освободительной армии Югославии при содействии Дунайской военной флотилии и 17-й воздушной армии освободили Белград, завершив Белградскую стратегическую наступательную операцию (началась 28 сентября 1944 г.).

21 октября, суббота (1218-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об установлении ежегодного праздника Дня артиллерии Красной армии». Было установлено, что День артиллерии должен ежегодно праздноваться 19 ноября. С 1964 г. отмечался как День ракетных войск и артиллерии. С 1988 г. отмечается в третье воскресенье ноября.

22 октября, воскресенье (1219-й день войны)

Войска Карельского фронта продолжали развивать наступление в рамках Петсамо-Киркенесской операции. В ходе пятидневных боев соединения 14-й армии продвинулись на 25–35 км. Под их ударами противник откатывался в западном направлении и вынужден был оставить Никель. Советские войска вышли к Киркенесскому укрепленному району. В целях завершения разгрома противника советские войска перенесли боевые действия на территорию Норвегии.

24 октября, вторник (1221-й день войны)

Ставка ВГК в своей директиве приказала командованию 2-го и 4-го Украинских фронтов «действовать на поле боя против венгерских войск так же, как и против немецких, не делая разницы между ними, о чем довести до сведения всех войск фронта».

25 октября, среда (1222-й день войны)

В ходе Петсамо-Киркенесской операции в ночь на 25 октября советские войска начали штурм Киркенеса. Героическими усилиями советских воинов к часу дня город был очищен от немецких войск. Побережье от Лиинахамари до Бек-фьорда было очищено от противника.

27 октября, пятница (1224-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о линии поведения советских войск на территории Венгрии. В нем подчеркивалось, что Красная армия не имеет других целей, кроме разгрома немецко-фашистских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах.

28 октября, суббота (1225-й день войны)

Завершилась Восточно-Карпатская стратегическая операция войск левого крыла 1-го Украинского. Оттянув на себя крупные силы противника, советские войска оказали прямую помощь Словацкому национальному восстанию.

В Москве подписано соглашение о перемирии между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки с одной стороны и Болгарией с другой.

29 октября, воскресенье (1126-й день войны)

Завершилась Петсамо-Киркенесская наступательная операция (началась 7 октября 1944 г.). Войска 14-й армии Карельского фронта при содействии Северного фронта продвинулись на запад на 150 км, пересекли советско-норвежскую границу, полностью освободили район Петсамо (Печенги) и северные районы Норвегии.

Началась Будапештская операция войск 2-го и части сил 3-го Украинских фронтов (завершилась 13 февраля 1945 г.). Цель — освобождение Будапешта и вывода Венгрии из войны.

1 ноября, среда (1229-й день войны)

После трехлетнего перерыва в Ленинграде состоялось открытие концертного сезона Ленинградской филармонии. В первых концертах оркестр филармонии под управлением Е. А. Мравинского исполнил 5-ю симфонию П. И. Чайковского.

3 ноября, пятница (1231-й день войны)

По решению советского правительства населению Югославии было передано 50 тыс. тонн продовольственного зерна из запасов Красной армии.

По распоряжению начальника тыла Красной армии 3-й Украинский фронт должен был «для лечения раненых и больных из частей и соединений НОАЮ» развернуть «в городе Белграде и его районах эвакуационные госпитали различных профилей емкостью не менее 5000 коек».

6 ноября, понедельник (1234-й день войны)

Перед зданием Московского государственного университета открыт памятник М. В. Ломоносову на том же месте, где стоял его бюст, разрушенный при бомбежке осенью 1941 г.

8 ноября, среда (1236-й день войны)

В Ленинграде после трехлетнего перерыва вновь открылись залы Эрмитажа.

9 ноября, четверг (1237-й день войны)

Образован Освободительный комитет венгерского национального восстания (ОКВНВ). Его возглавил известный антифашист Э. Байчи-Жилински, которому удалось бежать из фашистской тюрьмы. С участием военных был разработан план восстания, который предусматривал изгнание фашистов из страны при поддержке Красной армии. Намечалось также создание независимой и демократической Венгрии, осуществление коренных социальных преобразований.

13 ноября, понедельник (1241-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР издал указ о проведении в День артиллерии — 19 ноября — ежегодного артиллерийского салюта в Свердловске, Горьком, Перми и Туле, которые играли «важную роль в развитии артиллерии».

14 ноября, вторник (1242-й день войны)

СССР, США и Великобритания подписали соглашение о контрольном механизме в Германии, подготовленное Европейской консультативной комиссией.

15 ноября, среда (1243-й день войны)

Делегация Варшавы, прибывшая в Москву 12 ноября, передала председателю Московского совета в дар столице Советского Союза бронзовый герб Польши в знак признательности за помощь советского народа и его армии польскому народу и населению Варшавы.

16 ноября, четверг (1244-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение об увеличении в 1944 г. по сравнению с прошлым годом уборочной площади всех сельскохозяйственных культур почти на 12 млн гектаров.

18 ноября, суббота (1246-й день войны)

Начальник спецшколы Украинского штаба партизанского движения представил начальнику Украинского ШПД докладную записку о подготовке иностранцев для развития партизанского движения на территории Венгрии, Румынии и Чехословакии с мая по ноябрь 1944 г.

19 ноября, воскресенье (1247-й день войны)

Совнарком СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению г. Севастополя».

В Советском Союзе впервые отмечался День артиллерии. Опубликован приказ Верховного главнокомандующего, в котором подчеркивалось большое значение артиллерии как главной ударной силы Красной армии. В 26 городах страны произведен салют.

20 ноября, понедельник (1248-й день войны)

Военный совет 3-го Украинского фронта передал по акту в распоряжение Национального комитета освобождения Югославии «захваченные и освобожденные от немецких оккупантов войсками 3-го Украинского фронта при содействии войск Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии Борские рудники меди и плавильные печи со всеми своими постройками, оборудованием, готовой продукцией и сырьем».

22 ноября, среда (1250-й день войны)

В «Правде» опубликовано сообщение, что предприятия Народного комиссариата тяжелого машиностроения за 10 месяцев 1944 г. дали продукции на 31,4% больше, чем за тот же срок в 1943 г.

24 ноября, пятница (1252-й день войны)

Войска Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов завершили Прибалтийскую стратегическую наступательную операцию (началась 14 сентября1944 г.). С выходом Красной армии к границам Восточной Пруссии с северо-востока значительно улучшилось ее положение на центральном участке советско-германского фронта. Однако главная цель наступления в Прибалтике — разгром группы армий «Север» — не была достигнута.

25 ноября, суббота (1253-й день войны)

Опубликовано советско-югославское коммюнике по вопросу образования объединенного югославского правительства на основании соглашений, заключенных между председателем Национального комитета освобождения Югославии маршалом И. Броз Тито и председателем королевского правительства доктором И. Шубашичем, и создания демократической федеративной Югославии.

26 ноября, воскресенье (1254-й день войны)

Глава временного правительства Французской Республики генерал Ш. де Голль прибыл в Москву. И. В. Сталин принял его в тот же вечер. Переговоры продолжались до 10 декабря и завершились подписанием советско-французского договора.

29 ноября, среда (1257-й день войны)

В течение года на трех крупнейших металлургических заводах Днепропетровской области завершено восстановление трех доменных, 13 мартеновских печей и 13 прокатных станов. Заводы начали работать на полный металлургический цикл.

Газета «Московский большевик» информировала москвичей о том, что возвращены все ценные коллекции Третьяковской галереи, которые в начале войны были эвакуированы в глубь страны, и они разместятся в отремонтированных залах галереи.

30 ноября, четверг (1258-й день войны)

Глава временного правительства Французской Республики генерал Ш. де Голль прибыл в Сталинград, где от имени французского народа передал городу мемориальную доску. В своей речи он сказал: «Я передаю горячий привет сражающегося французского народа героическому Сталинграду — символу наших побед над врагом».

1 декабря, пятница (1259-й день войны)

ГКО принял постановление «О мерах помощи Днепрострою по восстановлению Днепровской гидроэлектростанции».

5 декабря, вторник (1263-й день войны)

Президиум Верховного совета СССР принял указ об учреждении медали «За оборону советского Заполярья» и о награждении этой медалью участников обороны.

6 декабря, среда (1264-й день войны)

Государственный Комитет Обороны преобразовал авиацию дальнего действия в 18-ю воздушную армию и ввел ее в состав ВВС Красной армии.

8 декабря, пятница (1266-й день войны)

ГКО принял постановление о неотложных мерах помощи по материальному снабжению железных дорог на зиму 1944—1945 гг.

10 декабря, воскресенье (1268-й день войны)

В Москве подписан Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской Республикой. Договор заключен сроком на 20 лет.

11 декабря, понедельник (1269-й день войны)

В Вашингтоне состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Чили.

12 декабря, вторник (1270-й день войны)

Советское правительство приняло предложение правительства Республики Никарагуа об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Никарагуа.

13 декабря, среда (1271-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О восстановлении железных дорог через Карпатский перевал».

В газетах опубликовано сообщение, что из 160 сахарных заводов Украины восстановлено 93. С начала сезона сахароварения восстановленные заводы выработали 6 млн пудов сахара.

14 декабря, четверг (1272-й день войны)

В связи с военной обстановкой Президиум Верховного Совета СССР отложил выборы в Верховный Совет СССР до декабря 1945 г. (состоялись в феврале 1946 г.).

НКГБ СССР отдал указание областным управлениям по противодействию биодиверсиям и террору путем применения ядов.

15 декабря, пятница (1273-й день войны)

Опубликовано обращение немецких генералов, находившихся в советском плену, к народу и армии Германии с призывом «покончить с войной прежде, чем совместное наступление объединенных сил противника уничтожит немецкую армию и то последнее, что еще осталось у нас на Родине». Обращение подписали 50 человек, в том числе и фельдмаршал Ф. Паулюс.

16 декабря, суббота (1274-й день войны)

Началось контрнаступление немецких войск в Арденнах (завершилось в январе 1945 г.) — операция «Вахта на Рейне».

17 декабря, воскресенье (1275-й день войны)

В Хельсинки подписано советско-финляндское соглашение о поставках Финляндией товаров в возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией советской территории.

18 декабря, понедельник (1276-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об охране тыла и коммуникаций действующей Красной армии на территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии».

20 декабря, среда (1278-й день войны)

Ставка ВГК отдала директиву командующим войсками 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, командующему 37-й отдельной армией о проведении мобилизации трудоспособных немцев на территории Румынии, Югославии, Болгарии, Чехословакии и Венгрии независимо от подданства и вывоз их в Советский Союз на работу. Копия директивы была направлены народному комиссару внутренних дел и его заместителю, начальнику Главного управления войск НКВД по охране тыла и его заместителю.

В газете «Правда» опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях фашистских захватчиков на территории Прибалтики.

22 декабря, пятница (1280-й день войны)

В газете «Правда» опубликована статья «Аргентина — убежище гитлеровцев», в которой по обзорам зарубежной печати давалась характеристика деятельности в Аргентине нацистских «специалистов», бегущих из Германии.

23 декабря, суббота (1281-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР отложил на один год выборы в местные органы законодательной власти.

24 декабря, воскресенье (1282-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О реорганизации фронтов ПВО и передислокации штабов фронтов ПВО».

25 декабря, понедельник (1283-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Французской Республикой.

После выхода войск Красной армии на югославскую территорию в соответствии с решением советского правительства оказывалась большая помощь остро нуждающемуся населению городов и сел Югославии. Первая партия зерна — 800 тонн — была доставлена жителям Белграда еще в первый день освобождения города.

26 декабря, вторник (1284-й день войны)

В ходе наступления в Будапештской операции, возобновившейся 20 декабря, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов к исходу 26 декабря соединились у Эстергома (35 км северо-западнее Будапешта), завершив окружение 188-тысячной группировки врага (около 10 дивизий и ряд частей родов войск).

27 декабря, среда (1285-й день войны)

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов захватили пригороды Будапешта на восточном и западном берегах Дуная и расчленили окруженную группировку на две части.

29 декабря, пятница (1287-й день войны)

В связи с обращением финляндского правительства в Союзную контрольную комиссию с просьбой об оказании помощи населению страны продовольствием и горючим, Государственный Комитет Обороны принял постановление «О поставках товаров в Финляндию».

31 декабря, воскресенье (1289-й день войны)

Сумма добровольных взносов верующих в фонды обороны, помощи раненым, помощи детям и семьям бойцов Красной армии составила 150 млн рублей. Русская православная церковь призвала христиан всего мира к борьбе против фашистских захватчиков.

1945 год

1 января, понедельник (1290-й день войны)

К началу 1945 г. советско-германский фронт и рубеж, занимаемый англо-американскими войсками, разделяло более 1 тыс. км. Причем Берлин находился как раз посредине. Красная армия с востока, англо-американские войска с запада готовили сокрушительные удары.

Мощные удары Вооруженных сил Советского Союза, а также успехи англо-американских войск и сил движения Сопротивления привели к окончательному распаду фашистского блока в Европе: Италия,

Финляндия, Румыния, Болгария и Венгрия были выведены из войны на стороне нацистской Германии и объявили ей войну. Таким образом, Германия оказалась практически изолированной. Единственным ее союзником осталась Япония.

2 января, вторник (1291-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение о завершении строительства (началось зимой 1943 г.) первого в Казахстане металлургического завода.

3 января, среда (1292-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление: согласиться с предложением британского правительства о поставках по четвертому протоколу вооружения и военных материалов, производимых в порядке взаимной помощи, а также не подлежащих оплате медикаментов.

4 января, четверг (1293-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение о том, что на Урале в Свердловской области танковые заводы в 1944 г. произвели боевых машин сверх плана на 300 млн рублей, производство пушек увеличилось по огневой мощи и полтора раза, авиазаводы перевыполнили годовой план и повысили производительность труда на 24%, производство патронов за это время возросло более чем на 40%.

5 января, пятница (1294-й день войны)

В «Правде» опубликовано сообщение, что в Средней Азии завершены основные работы на стройке Андижанского газопровода.

6 января, суббота (1295-й день войны)

Британский премьер-министр посетил командный пункт командующего 21-й группой армий фельдмаршала Б. Монтгомери. Прибывший сюда же главнокомандующий союзными войсками Д. Эйзенхауэр объяснил У. Черчиллю, с каким нетерпением он ждет помощи от русских. Глава английского правительства вполне разделял его мнение. В тот же день У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой оказать помощь в связи с наступлением немецких войск в Арденнах.

В «Правде» опубликовано сообщение: колхозы и совхозы Ростовской области сдали в Фонд Красной армии 500 тыс. пудов хлеба.

7 января, воскресенье (1296-й день войны)

В ответ на просьбу британского премьера У. Черчилля от 6 января И. В. Сталин в своем письме сообщал: «...учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка [ВГК] решила... не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января».

Газета «Московский большевик» опубликовала сообщение о начале строительства газопровода Саратов — Москва.

8 января, понедельник (1297-й день войны)

На Северном Урале завершено создание новой мощной топливно-энергетической базы для снабжения углем и электроэнергией горной и металлургической промышленности, в первую очередь для производства алюминия. В эксплуатацию были введены Богословская ТЭЦ и Волчанский угольный разрез мощностью 2 млн тонн угля в год.

10 января, среда (1299-й день войны)

В Подмосковье завершено восстановление шахт Московского угольного бассейна, при этом построено и введено в эксплуатацию 11 новых шахт. После восстановления Московский угольный бассейн стал давать в два с лишним раза больше угля, чем до войны.

11 января, четверг (1300-й день войны)

Вооруженные силы Советского Союза ранее намеченного срока завершили подготовку стратегического наступления пяти фронтов по всему советско-германскому фронту. Это наступление включало две взаимно увязанные стратегические операции: Восточно-Прусскую и Висло-Одерскую.

12 января, пятница (1301-й день войны)

1-й и 2-й Белорусские, 1-й Украинский фронты при содействии левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов начали Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию (завершилась 3 февраля 1945 г.).

Начало наступления советских войск стимулировало переход союзных войск на западном фронте к более энергичным действиям, способствовало положительным переменам в моральном состоянии американских войск.

Началась Западно-Карпатская стратегическая наступательная операция войск 4-го и основных сил 2-го Украинских фронтов (завершилась 18 февраля 1945 г.).

13 января, суббота (1302-й день войны)

Началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция 2-го и 3-го Белорусских фронтов, части сил 1-го Прибалтийского фронта и сил Балтийского флота (завершилась 25 апреля 1945 г.). Цель — разгром вражеской группировки в Восточной Пруссии и северной части Польши.

14 января, воскресенье (1303-й день войны)

Начавшееся ранее запланированного срока мощное советское январское наступление спутало все карты германского руководства. Оно вынуждено было отказаться от активных действий на западе и срочно перебрасывать силы на восток. А. Гитлер отдал приказ об отводе группы армий «Б» на новую линию обороны. Одновременно он приказал начать переброску 6-й танковой армии СС с запада на советско-германский фронт.

15 января, понедельник (1304-й день войны)

В ночь на 17 января комендант гарнизона Варшавы с разрешения генерального штаба сухопутных войск вермахта начал отвод войск. Узнав об этом, А. Гитлер приказал арестовать офицеров генерального штаба, ответственных за составление донесений и распоряжений, и назначить расследование деятельности начальника генерального штаба Г. Гудериана, а гарнизону Варшавы — удерживать город любой ценой. Однако восстановить оборону уже не удалось.

17 января, среда (1306-й день войны)

Утром соединения 1-й польской армии одновременно с частями 61-й армии и 47-й армии 1-го Белорусского фронта завязали бои на улицах Варшавы. К полудню были ликвидированы остатки вражеских войск, а многострадальная столица Польши полностью освобождена.

В газете «Правда» опубликовано сообщение: жители Кузбасса в 1944 г. внесли 538 млн рублей на оснащение механизированного корпуса Красной армии, на военный заем, в денежно-вещевую лотерею и Фонд обороны.

18 января, четверг (1307-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановления: о создании Комитета для разработки мероприятий по дальнейшему восстановлению Донбасса; о планах нагрузки и выработки электроэнергии, а также добычи угля и сланца на первый квартал 1945 г.

В связи с успешным наступлением Красной армии в Восточной Пруссии и от Вислы к Одеру среди военно-политического руководства нацистской Германии царило смятение. Вначале оно запретило эвакуацию местного населения из Восточной Пруссии. Однако затем был отдан приказ о срочной эвакуации жителей. Всеобщая паника охватила население. Гонимые страхом почти 4 млн человек устремились на Земландский полуостров, к Пиллау и на косу Фрише-Нерунг, а также за Вислу — к Данцигу (Гданьску) и Гдыне.

20 января, суббота (1309-й день войны)

Советское командование продолжало оказывать помощь в налаживании мирной жизни в освобожденной Варшаве. К 20 января инженерные части Красной армии и Войска Польского навели через Вислу понтонный и построили деревянный мосты. Советское правительство приняло решение оказать материально-техническую помощь в восстановлении польской столицы, а также выделило безвозмездно значительное количество продовольствия, в том числе 60 тыс. тонн хлеба, и медикаменты.

В Москве подписано соглашение о перемирии между СССР, США и Великобританией с одной стороны и Венгрией с другой.

26 января, пятница (1315-й день войны)

В ходе Варшавско-Познанской операции 1-я и 2-я гвардейские танковые армии 1-го Белорусского фронта достигли старой германо-польской границы. Обстановка на берлинском направлении менялась быстро. Немецкое командование, стремясь остановить наступление советских войск, образовало в Восточной Померании новую группу армий «Висла» во главе с министром внутренних дел Германии рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, который быстро создал в Померании сильную группировку.

27 января, суббота (1316-й день войны)

Ставка ВГК утвердила решение маршала Г. К. Жукова на форсирование Одера с ходу и наступление на Берлин, однако предупреждала о необходимости обезопасить правое крыло от возможных контрударов противника с севера.

Войска 1-го Украинского фронта овладели г. Освенцимом и заняли территорию нацистского концентрационного лагеря. Экспертная комиссия установила, что только в этом лагере были уничтожены не менее 4 млн граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что население Ленинграда в течение 1944 г. добровольно отработало на восстановлении города свыше 25 млн человеко-часов.

29 января, понедельник (1318-й день войны)

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о Государственном народно-хозяйственном плане на первый квартал 1945 г.

Мощное зимнее наступление Красной армии вынудило германское командование прекратить активные действия на западном фронте. После переброски из района Арденн 6-й танковой армии СС на восточный фронт немецкие войска откатились на те позиции, с которых они начинали свое наступление в Арденнах.

31 января, среда (1320-й день войны)

В ходе Варшавско-Познанской операции передовые части 2-й гвардейской танковой и 5-й ударной армий 1-го Белорусского фронта форсировали Одер северо-западнее Кюстрина и захватили плацдарм на левом берегу в районе Кинитц, Гросс, Нойендорф, Рефельд. До Берлина оставалось 70 км.

Командование немецкой группы армий «Висла», образованной 26 января в Восточной Померании, готовило контрудар в тыл вышедшим к Одеру войскам 1-го Белорусского фронта с севера. С этой целью планировалось использовать разрыв между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, который увеличился до 200 км.

Правительства СССР и Финляндии подписали соглашение о снабжении Финляндии из СССР продовольствием в обмен на стратегическое сырье.

1 февраля, четверг (1321-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение об успешных работах по восстановлению Сталинградского тракторного завода.

2 февраля, пятница (1322-й день войны)

Продолжалось возрождение из руин Сталинграда. Кроме тракторного завода, успешно восстанавливался металлургический завод «Красный Октябрь», где введено в действие восемь мощных мартеновских печей, прокатный стан-блюминг. Начали работу железнодорожный узел города и судоремонтные заводы.

3 февраля, суббота (1323-й день войны)

В ночь со 2 на 3 февраля группа советских офицеров узников-смертников попыталась совершить массовый побег из концентрационного лагеря Маутхазен. Однако из 419 человек удалось спастись лишь десятерым. Немецко-фашистский концлагерь с особо жестоким режимом в районе австрийского города Маутхаузен был создан 8 августа 1938 г. как филиал концлагеря Дахау. С марта 1939 г. — самостоятельный лагерь. Имел 49 филиалов, наиболее крупные: Гузен, Эбензе, Мельк. За время существования Маутхаузена через него прошли около 335 тыс. человек из 15 стран. Первые 2 тыс. советских военнопленных поступили в лагерь в ноябре 1941 г.

4 февраля, воскресенье (1324-й день войны)

В разгар зимнего наступления Красной армии в Ялте открылась вторая конференция глав правительств СССР, США и Англии (завершилась 11 февраля 1945 г.). Она проходила в период, когда война в Европе близилась к завершению и жизнь выдвигала на повестку дня определение общих принципов послевоенного устройства мира. Совещание проходило в Ливадийском дворце в окрестностях Ялты. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились, что будут требовать от Германии только безоговорочной капитуляции. Они полностью исключили возможность заключения перемирия с немецко-фашистским правительством.

6 февраля, вторник (1326-й день войны)

Конструкторский коллектив, руководимый А. И. Микояном и М. И. Гуревичем, завершил создание реактивного истребителя МиГ-9. Это был цельнометаллический самолет-среднеплан с двумя турбореактивными двигателями РД-20. Истребитель развивал скорость более 900 км в час.

8 февраля, четверг (1328-й день войны)

Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О развитии сельской электрификации».

Ставка ВГК, учитывая угрозу нанесения противником удара по правому крылу 1-го Белорусского фронта из Восточной Померании, уточнила задачи 2-му, 3-му Белорусским и 1-му Прибалтийскому фронтам. 2-му Белорусскому фронту предписывалось повернуть на запад, разгромить противника в Померании и выйти к Одеру.

Многие советские воины, оказавшиеся во вражеском плену, продолжали вести борьбу. Сбитый в воздушном бою 13 июля 1944 г. летчик-истребитель 2-й воздушной армии старший лейтенант М. П. Девятаев был тяжело ранен и захвачен в плен. За попытку к бегству он был приговорен к сожжению. Десять военнопленных во главе с М. П. Девятаевым захватили на аэродроме бомбардировщик противника и на нем перелетели линию фронта. М. П. Девятаеву было присвоено звание Героя Советского Союза, а остальные участники побега награждены орденами. За время войны М. П. Девятаев совершил 180 боевых вылетов, сбил девять самолетов.

10 февраля, суббота (1330-й день войны)

Началась Восточно-Померанская операция войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов и части сил Балтийского флота (завершилась 4 апреля 1945 г.).

11 февраля, воскресенье (1331-й день войны)

В Ялте завершилась Крымская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании (началась 4 февраля 1945 г.).

13 февраля, вторник (1333-й день войны)

Корабли и авиация Северного флота обеспечивали прикрытие и непосредственное охранение очередного конвоя (28 судов), прибывшего из Англии в Кольский залив.

Войска 2-го Украинского фронта при содействии войск 3-го Украинского фронта после полуторамесячной осады и упорных боев завершили разгром окруженной группировки противника в Будапеште. Завершилась стратегическая Будапештская наступательная операция (началась 29 октября 1944 г.). Венгрия была выведена из войны на стороне нацистской Германии.

14 февраля, среда (1334-й день войны)

В то время, когда танковые соединения 1-го Украинского фронта находились в 80 км от Дрездена, англо-американское командование начало воздушную операцию «Удар грома» — бомбардировку Дрездена. На город было брошено свыше 1300 бомбардировщиков Б-17 «Летающая крепость» и Б-24 «Либерейтор». В общей сложности на Дрезден обрушилось 1477,7 тонны фугасных бомб, включая 529 по 1800 кг и одна весом 3600 кг, 1181,6 тонны зажигательных бомб.

17 февраля, суббота (1337-й день войны)

В газете «Красная звезда» опубликовано сообщение о том, что на 1 февраля 1945 г. в Красной армии и Военно-морском флоте насчитывалось 6418 Героев Советского Союза.

В этой же газете рассказывалось о том, что жители Таганрога в 1944 г. собрали из личных средств 3 млн 954,5 тыс. рублей на строительство танковой колонны «Таганрог», которая в середине февраля 1945 г. была передана 1-му Украинскому фронту.

18 февраля, воскресенье (1338-й день войны)

СНК СССР принял решение об оказании помощи Польше в восстановлении Варшавы и удовлетворил просьбу польского правительства об оказании материально-технической помощи в размере 50% расходов, предусматриваемых планом восстановления основных районов столицы.

Завершилась стратегическая Западно-Карпатская наступательная операция войск 4-го Украинского и основных сил 2-го Украинского фронтов (началась 12 января 1945 г.). В результате операции советские войска овладели большей частью территории Словакии и южными районами Польши.

Вблизи Красноярска вступил в строй построенный за годы войны крупный завод машиностроения на базе эвакуированного из Бежицы завода «Красный профинтерн». Всего начали работу 15 цехов, их производственная площадь — 72 тыс. кв. метров.

19 февраля, понедельник (1339-й день войны)

Жители Восточной Пруссии, Померании, Силезии и других восточных районов Германии, напуганные геббельсовской пропагандой, продолжали двигаться на запад. По официальным данным, оглашенным 19 февраля 1945 г. для служебного пользования, число эвакуированных из восточных районов достигло 8 млн 350 тыс. человек.

20 февраля, вторник (1340-й день войны)

ГКО принял постановление о военных трофеях на территории Польши, согласно которому все промышленные объекты с оборудованием и сырьем передавались польским властям.

В преддверии борьбы за Берлин последовало распоряжение германской имперской канцелярии, согласно которому не предусматривалась всеобщая эвакуация города, разрешался лишь негласный выезд женщин и детей, а высшим имперским органам управления предписывалось оставаться в столице. Однако большинство министерств постепенно стало ее покидать. Они перевозили свои архивы и имущество в Тюрингию и в район Гарца.

21 февраля, среда (1341-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано сообщение, что к концу 1944 г. было восстановлено и введено в эксплуатацию 35 районных электростанций, в том числе Зуевская и Волховская ГРЭС.

23 февраля, пятница (1343-й день войны)

Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами Советского Союза 45 офицеров французского авиационного полка «Нормандия — Неман».

Турция объявила войну Германии и Японии.

24 февраля, суббота (1344-й день войны)

В газете «Правда» опубликовано постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1945 г.».

27 февраля, вторник (1347-й день войны)

Газета «Труд» сообщила, что за два года в Воронеже сдано в эксплуатацию больше 400 тыс. кв. метров жилой площади. Работают 42 школы, восемь высших учебных заведений, открыто 166 магазинов, 225 ларьков, 164 столовые, восемь колхозных рынков.

2 марта, пятница (1350-й день войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о производстве на заводах Наркомата тяжелого машиностроения шахтных подъемных машин в 1945 г.

Газета «Правда» сообщила, что в городах и поселках Московской области за 1944 г. капитально отремонтировано около тысячи домов, десятки бань и прачечных; высажено 275 тыс. деревьев и кустарников; приведены в исправность 210 тыс. кв. метров дорог и тротуаров, восстановлено большое количество мостов.

4 марта, воскресенье (1352-й день войны)

В Белоруссии создан Фонд помощи семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. В этот фонд уже поступило 2 млн 343 тыс. рублей, 200 тыс. пудов (1 пуд — 16 кг) хлеба и свыше 100 тыс. пудов картофеля.

5 марта, понедельник (1353-й день войны)

В нацистской Германии началась предсмертная агония гитлеровского режима. Она проявлялась в насилии по отношению не только к военнослужащим, но и к гражданскому населению. В феврале 1945 г. был отдан приказ А. Гитлера, согласно которому ни один человек, находившийся в концентрационных лагерях, не должен был попасть в руки союзников. Согласно распоряжению ОКВ от 5 марта подлежали аресту члены семей военнослужащих, «сдавшихся в плен без оказания вооруженного сопротивления». Особенно интенсивно эсэсовцы истребляли узников, когда к концлагерям приближались войска Красной армии или западных союзников.

6 марта, вторник (1354-й день войны)

Началась Балатонская оборонительная операция войск 3-го Украинского фронта с участием 1-й болгарской и 3-й югославской армий, продолжавшаяся до 15 марта.

8 марта, четверг (1356-й день войны)

В газете «Красная звезда» опубликовано сообщение, что на 1 февраля 1945 г. орденами и медалями СССР награждены 72 196 женщин — воинов Красной армии. 44 женщины удостоены звания Героя Советского Союза.

12 марта, понедельник (1360-й день войны)

В Швейцарии западные союзники продолжали сепаратные переговоры с представителями Третьего рейха. Советское правительство, получив от союзников первое сообщение об этих переговорах лишь 12 марта, заявило британскому послу А. Керру, что СССР не возражает против их продолжения с целью

заключения соглашения о местной капитуляции немецких войск в Италии, но при условии участия в них советских представителей.

13 марта, вторник (1361-й день войны)

В этот день министр пропаганды нацистской Германии Й. Геббельс в своем дневнике сделал следующую запись: «Настроение германского народа как в тылу, так и на фронте все больше падает. Органы пропаганды рейха постоянно жалуются на это в своих донесениях. Народ чувствует нашу полную бесперспективность в войне... Что касается восточного фронта, то хотя и признается его известная стабильность, тем не менее в ближайшее время ожидается советский удар по Берлину и Дрездену. Полагают, что именно здесь будет предрешен исход войны. Однако надеются, что у нас еще достаточно резервов для отражения этого удара».

15 марта, четверг (1363-й день войны)

Завершилась Балатонская оборонительная операция войск 3-го Украинского фронта (началась 6 марта 1945 г.). За десять дней наступления ударная группировка противника безуспешно пыталась прорваться через р. Драву на северо-восток.

16 марта, пятница (1364-й день войны)

ГКО принял решение об оказании помощи населению Закарпатской Украины продовольствием, семенами и промышленными товарами.

Началась Венская наступательная операция войск 3-го Украинского фронта и левого крыла 2-го Украинского фронта (завершилась 15 апреля 1945 г.).

19 марта, понедельник (1367-й день войны)

Ставка ВГК издала первую директиву по Дальневосточной кампании, в которой намечалось создание южнее Хабаровска нового фронтового объединения. Тогда же из состава Дальневосточного фронта была выделена Приморская группа войск.

А. Гитлер издал приказ «Выжженная земля» на территории рейха. На занимаемой союзниками территории приказывалось уничтожить все промышленные, транспортные и военные объекты, сооружения связи, материальные ценности.

Газета «Правда» сообщила об ущербе, нанесенном захватчиками Ленинградской области, который превысил 19 млрд рублей. На оккупированной территории области они разрушили все колхозы, совхозы и МТС, уничтожили более 3 тыс. населенных пунктов, более 850 промышленных предприятий.

25 марта, воскресенье (1373-й день войны)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвердили Государственный план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1945 г.

26 марта, понедельник (1374-й день войны)

Несмотря на сложные условия и упорное сопротивление немцев, войска 3-го Белорусского фронта вышли к заливу Фриш-Гаф. Германское командование заранее начало спешную эвакуацию войск на Земландский полуостров. Фронт приступил к подготовке разгрома кёнигсбергской группировки немцев.

30 марта, пятница (1378-й день войны)

В ходе Венской операции подвижные соединения правого крыла 3-го Украинского фронта вступили в пределы Австрии.

1 апреля, воскресенье (1380-й день войны)

Советское командование завершало планирование Берлинской операции. На заседании Ставки ВГК был утвержден ее замысел. На ее подготовку отводились короткие сроки, начать операцию планировалось не позднее 16 апреля, а завершить через 12–15 дней. Ставка спешила, опасаясь, как бы союзники не опередили советские войска в овладении Берлином.

Газета «Правда» сообщила, что за время войны, к началу 1945 г., на востоке СССР было построено и пущено 10 доменных печей, 43 мартеновские и электросталеплавильные печи, 21 прокатный и трубный стан, 12 коксовых батарей. Возникли новые металлургические заводы в Челябинске, Магнитогорске, Новокузнецке, Актюбинске, первые заводы черной металлургии в Узбекистане и Казахстане.

2 апреля, понедельник (1381-й день войны)

В связи с вступлением войск 2-го и 3-го Украинских фронтов на территорию Австрии Ставка ВГК отдала директиву по поведению советских войск.

3 апреля, вторник (1382-й день войны)

Завершилось восстановление первой очереди киностудии «Ленфильм». В строй вступили цеха съемочной техники, осветительный, звукотехники, монтировочный и обработки пленки. Студия начала съемки художественных фильмов.

4 апреля, среда (1383-й день войны)

Войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов завершили Восточно-Померанскую наступательную операцию (началась 10 февраля 1945 г.), разгромили группу армий «Висла» и заняли Восточную Померанию.

5 апреля, четверг (1384-й день войны)

Правительство СССР денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете, заключенный 13 апреля 1941 г., ввиду того что Япония как союзница Германии помогает Третьему рейху в его войне против СССР. Это было серьезным предупреждением правительству Японии о том, что продолжение Японией войны против союзников СССР неизбежно приведет Токио к поражению.

Опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний захватчиков на территории Латвии. Нацисты истребили 250 тыс. мирных граждан Латвии и 327 тыс. советских военнопленных.

6 апреля, пятница (1385-й день войны)

Войска 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом начали Кёнигсбергскую наступательную операцию (завершилась 9 апреля 1945 г.), часть стратегической Восточно-Прусской операции.

Советские войска продолжали штурм австрийской столицы. С целью сохранения города от разрушения и спасения его жителей от напрасных жертв армии фронтов совершили обходной маневр.

9 апреля, понедельник (1388-й день войны)

После массированных ударов советской артиллерии и авиации (около 1,5 тыс. самолетов) по уцелевшим узлам сопротивления 11-я гвардейская армия атаковала противника в центре Кёнигсберга. Комендант крепости генерал О. Лаш был вынужден отдать приказ подчиненным войскам о капитуляции. Опасная группировка немецких войск, нависавшая над правым флангом советско-германского фронта, была ликвидирована.

В разгар боев за Вену правительство СССР выступило с заявлением об Австрии, в котором указывалось, что советское правительство «не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии».

10 апреля, вторник (1389-й день войны)

ГКО принял постановление о мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса, о плане добычи нефти и выработке нефтепродуктов во втором квартале 1945 г.

12 апреля, четверг (1391-й день войны)

Умер президент Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельт. Его место в Белом доме занял вице-президент Г. Трумэн.

13 апреля, пятница (1392-й день войны)

Завершилось сражение войск 3-го и 2-го Украинских фронтов за Вену. К 14 часам советские войска полностью заняли Вену — шестую по счету европейскую столицу.

16 апреля, понедельник (1395-й день войны)

Началась Берлинская операция советских войск (завершилась 8 мая 1945 г.). К операции были привлечены войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов.

В армиях 1-го Белорусского фронта были подготовлены специальные государственные флаги СССР размером 1,5 на 3 метра. Каждая армия, наступавшая на Берлин, изготовила один такой флаг, который предназначался для водружения на поверженном здании парламента Третьего рейха — Рейхстаге. Однако в 3-й ударной армии заготовили девять знамен, по числу входивших в ее состав стрелковых дивизий. В свою очередь, корпуса, дивизии, полки и даже подразделения имели свои красные флаги. Лучшим воинам поручалось установить их на объекте, захваченном у противника, что в ходе войны стало традицией.

19 апреля, четверг (1398-й день войны)

1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты завершили прорыв обороны и начали маневр на окружение главных сил берлинской группировки противника.

20 апреля, пятница (1399-й день войны)

Ставка ВГК направила командующим войсками и военным советам 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов директиву, в которой потребовала «от войск изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с немцами лучше. Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды... Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне».

21 апреля, суббота (1400-й день войны)

К вечеру 21 апреля 2-я гвардейская танковая армия, а вместе с ней стрелковые соединения 3-й и 5-й ударных армий 1-го Белорусского фронта вышли к северо-восточной окраине Берлина. Наступавшая на южном фланге главной ударной группировки фронта 1-я гвардейская танковая армия отстала. До столицы ей оставалось еще 20 км.

В Москве подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой.

22 апреля, воскресенье (1401-й день войны)

В ночь на 22 апреля девять красных флагов, изготовленных в 3-й ударной армии, были вручены представителям стрелковых дивизий. Флаг под № 5 (именно ему впоследствии суждено было стать Знаменем Победы) был вручен 150-й стрелковой дивизии генерала В. М. Шатилова, части которой оказались на острие штурма здания Рейхстага.

После полудня в убежище имперской канцелярии А. Гитлер провел последнее оперативное совещание. На нем присутствовали В. Кейтель, А. Йодль, М. Борман, Г. Кребс и другие. А. Гитлер согласился с предложением А. Йодля снять с западного фронта все войска и бросить их в сражение за Берлин. 12-й армии генерала В. Венка, занимавшей оборону вдоль Эльбы против американских войск, приказывалось развернуться фронтом на восток и двигаться на Потсдам, Берлин на соединение с окруженными южнее Берлина 9-й и 4-й танковой армиями, а также отрезать войска 1-го Украинского фронта, ворвавшиеся в столицу с юга.

Прекращая сопротивление на западе, А. Гитлер намеревался создать благоприятную почву для соглашения с англо-американским руководством. Как заявил генерал А. Йодль начальнику штаба люфтваффе генералу К. Коллеру в личной беседе 23 апреля, «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов».

Адмирал К. Дёниц, который должен был возглавить войска, находящиеся в Северной Германии, получил от А. Гитлера телеграмму следующего содержания: «Битва за Берлин — решающая для судеб Германии. Все остальные задачи имеют второстепенное значение. Отложить все мероприятия военно-морских сил и поддержать Берлин переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше».

23 апреля, понедельник (1402-й день войны)

Военный совет 1-го Белорусского фронта издал приказ о деятельности военных и государственных органов в Германии.

Войска 1-го Украинского фронта ворвались в Берлин с юга; одновременно на дрезденском направлении войска фронта вышли к Эльбе северо-западнее Дрездена.

В связи с выходом советских войск к Эльбе Ставка ВГК отдала директиву, в которой определила порядок встречи с американскими и английскими войсками.

24 апреля, вторник (1403-й день войны)

В Москве начала работу XI сессия Верховного Совета СССР первого созыва.

Газета «Красная звезда» опубликовала сообщение, что во Владимире введена в эксплуатацию первая очередь нового тракторного завода, строительство которого было начато в 1943 г. Завод выпустил первые 500 тракторов.

25 апреля, среда (1404-й день войны)

Завершилась стратегическая Восточно-Прусская наступательная операция войск 2-го, 3-го Белорусских, части сил 1-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота (началась 13 января 1945 г.). Несмотря на то что противник в Восточной Пруссии был прижат к морю и рассечен на части, дальнейшая борьба по его уничтожению заняла более двух месяцев.

2-я гвардейская танковая и 47-я армии 1-го Белорусского фронта, обойдя Берлин севернее, соединились с 4-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта западнее города. Главные силы врага оказались расчлененными на две изолированные группировки: берлинскую и франкфурт-губенскую.

Произошла первая встреча советских и американских войск на Эльбе в районе г. Торгау.

В Сан-Франциско открылась конференция государств — учредителей Организации Объединенных Наций (завершилась 26 июня 1945 г.). Конференция была созвана от имени СССР, США, Великобритании и Китая для подготовки, во исполнение решения Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г., окончательного текста Устава ООН.

26 апреля, четверг (1405-й день войны)

Советские войска приступили к рассечению берлинской группировки противника на отдельные части. Войска 1-го Белорусского фронта действовали с севера, востока и запада, а 1-го Украинского фронта — с юга и юго-запада. От группировки, окруженной в Берлине, удалось отсечь Потсдам — пригород столицы. Штурм Берлина начали четыре общевойсковые армии и столько же танковых обоих фронтов.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, не давая немецкому командованию опомниться, приступили к уничтожению двухсоттысячной франкфуртско-губенской группировки (завершили 1 мая 1945 г.). Для этого было выделено пять общевойсковых и основные силы двух воздушных армий.

29 апреля, воскресенье (1408-й день войны)

Войска 1-го Белорусского продолжали в Берлине занимать квартал за кварталом. Первой к Рейхстагу вышла 3-я ударная армия генерала В. И. Кузнецова. До Рейхстага оставалось каких-нибудь 500 метров, но они оказались необычайно трудными. Система обороны на подступах к зданию включала три траншеи, прикрытые минными полями и противотанковым рвом с водой, 15 железобетонных дотов. Ходы сообщения связывали траншеи с подвалами Рейхстага. В целом оборона была прочной.

Немцы подписали акт о капитуляции войск группы армий «Ц» (он вступал в силу со 2 мая) в Италии. При подписании документа о капитуляции присутствовал генерал А. П. Кисленко — советский представитель в Консультативном совете по делам Италии.

30 апреля, понедельник (1409-й день войны)

Соединения 1-го Белорусского фронта всю ночь на 30 апреля готовились к штурму Рейхстага, являвшегося важнейшим опорным пунктом центрального участка обороны города. Первая попытка овладеть зданием с ходу окончилась неудачей. Началась тщательная подготовка штурма. Новая атака началась в 18 часов. Первые группы советских воинов сумели ворваться в Рейхстаг лишь в десятом часу вечера. Первыми на крышу здания с боем пробились воины штурмовой группы капитана В. Н. Макова, которая атаковала вместе с батальоном С. А. Неустроева, в составе сержанта М. П. Минина, старших сержантов Г. К. Загитова, А. Ф. Лисименко и А. П. Боброва, все они были артиллеристами-разведчиками из 136-й армейской пушечной бригады. Пробившись на крышу, добровольцы водрузили красное полотнище, врученное им командованием 79-го стрелкового корпуса, прикрепив его к металлической трубе-штанге скульптурной группы богини Победы, что располагается на фасаде парадного входа западной части здания. Произошло это в 22 часа 40 минут.

Через некоторое время на той же скульптурной группе укрепили свой флаг воины штурмовой группы майора Бондаря. На западном фасаде крыши красный флаг установили разведчики 674-го полка, возглавляемые лейтенантом Сорокиным.

Полковые разведчики сержант М. А. Егоров, младший сержант М. В. Кантария и политработник батальона лейтенант А. П. Берест, которым было поручено водрузить красный флаг № 5 Военного совета 3-й ударной армии как Знамя Победы, в то время еще находились на наблюдательном пункте 756-го стрелкового полка, который располагался в здании МВД (дом Гиммлера). Примерно в третьем часу ночи 1 мая у конной скульптуры Вильгельма I, что на восточной части здания, М. А. Егоров и М. В. Кантария в сопровождении лейтенанта А. П. Береста установили красный флаг Военного совета 3-й ударной армии. Во второй половине дня 2 мая М. А. Егоров и М. В. Кантария закрепили на куполе Рейхстага большое красное полотнище. Красный флаг № 5 Военного совета 3-й ударной армии уже как Знамя Победы был ими снят. Знамя находилось в штабе 756-го стрелкового полка, а затем было передано на хранение в политотдел 150-й стрелковой дивизии, где и находилось до 19 июня. Во второй половине мая по распоряжению начальника политотдела дивизии на полотнище была сделана надпись: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идриц. див.».

Многие воины были представлены к наградам, а вся группа капитана В. Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса — к званию Героя Советского Союза. Однако в первых числах мая 1945 г. из различных частей, участвовавших в штурме Рейхстага стали поступать сообщения о том, что именно их бойцы первыми водрузили Знамя Победы, и ходатайствовали о присвоении им звания Героя Советского Союза. В связи с этим командующий фронтом маршал Г. К. Жуков принял решение никого к Звезде Героя не представлять вплоть до окончательного уточнения. Группа капитана В. Н. Макова была награждена орденами Красного Знамени. Такую же награду получили М. А. Егоров и М. В. Кантария, а звание Героя Советского Союза им было присвоено вместе с командирами штурмовавших рейхстаг батальонов В. И. Давыдовым, С. А. Неустроевым и К. Я. Самсоновым только через год — 8 мая 1946 г., к первой годовщине Победы над нацистской Германией. 15 мая этого высокого звания были удостоены другие участники штурма Рейхстага.

Потеряв всякую надежду на спасение, А. Гитлер застрелился. Его преемником на посту президента Третьего рейха и верховного главнокомандующего стал гросс-адмирал К. Дёниц, стоявший несколько в стороне от нацистской партии, но являвшийся горячим поклонником нацизма. В германских правящих кругах его рассматривали как «человека, наиболее приемлемого для западного мира», а потому связывали с ним надежды на достижение какой-либо договоренности с западными державами в противовес Советскому Союзу.

1 мая, вторник (1410-й день войны)

Начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Г. Кребс по договоренности с советским командованием в 3 часа перешел линию фронта в Берлине и был принят командующим 8-й гвардейской армией генералом В. И. Чуйковым. Г. Кребс сообщил о самоубийстве А. Гитлера, а также передал список членов нового имперского правительства, предложение Й. Геббельса и М. Бормана о временном прекращении военных действий в столице, чтобы подготовить условия для мирных переговоров между Германией и СССР. Ответ был предельно краток: заставить берлинский гарнизон немедленно и безоговорочно капитулировать. В 18 часов стало известно, что германские руководители отклонили требование о безоговорочной капитуляции. В 18 часов 30 минут по районам, удерживаемым противником, был произведен мощный огневой налет. Боевые действия продолжались в течение всей ночи. Когда остатки гарнизона были расчленены на изолированные группы, гитлеровцы поняли, что сопротивление бесполезно.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов завершили ликвидацию франкфуртско-губенской группировки немецких войск (начата 26 апреля 1945 г.).

Ставка ВГК поставила задачу командованию 1-го Украинского фронта не позднее 4 мая передать 1-му Белорусскому фронту рубеж по Эльбе, а высвободившиеся силы стремительно бросить на Прагу.

В Москве на Красной площади впервые за годы войны состоялся первомайский военный парад.

2 мая, среда (1411-й день войны)

После отказа немецкого командования от безоговорочной капитуляции войска 1-го Белорусского фронта усилили удары по врагу. В первом часу ночи 2 мая по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 8-й гвардейской армии, приняла радиограмму на русском языке: «Просим прекратить огонь. К 12 час. 50 мин. (ночи. — *Прим. ред.*) по берлинскому времени высылаем парламентеров на Потсдамский мост». В указанное время на мост прибыл немецкий офицер, который от имени генерала Г. Вейдлинга заявил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление.

В полосе 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта утром 2 мая сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Г. Вейдлинг. По его словам, такое решение он принял самостоятельно, так как Й. Геббельс отравился. По предложению советского командования Г. Вейдлинг подписал приказ берлинскому гарнизону прекратить сопротивление и сложить оружие.

Несколько позже подобный приказ от имени временного имперского правительства подписал заместитель министра пропаганды Г. Фриче, который предложил выступить с обращением к немецким войскам берлинского гарнизона о прекращении всякого сопротивления. Началась массовая сдача в плен. К 15 часам гитлеровцы полностью прекратили сопротивление в Берлине. Только в этот день советские войска взяли в плен в районе города до 135 тыс. человек.

Войска 1-го Белорусского фронта, которые в период штурма Берлина обходили его с севера и юга, теперь продвигались к Эльбе. Передовые отряды 61-й армии встретились южнее Виттенберга с 84-й пехотной дивизией американских войск.

Главные силы 1-го Украинского фронта начали перемещение на юг, готовясь для наступления на Прагу.

3 мая, четверг (1412-й день войны)

Газета «Правда» сообщила, что строители Красноярского завода комбайнов завершили начатое в годы войны строительство, монтаж и оборудование первой очереди завода и выпустили первые 350 комбайнов.

4 мая, пятница (1413-й день войны)

Вновь назначенный главнокомандующим германскими военно-морскими силами адмирал флота Г. Фридебург подписал акт о сдаче всех германских вооруженных сил в Голландии, северо-западной Германии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании командующему 21-й группой армий фельдмаршалу Б. Монтгомери.

5 мая, суббота (1414-й день войны)

В Праге и других городах Чехословакии вспыхнуло вооруженное восстание, которое охватило почти всю территорию Чехии и Моравии. Наиболее острые события развернулись в Праге. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Шернер приказал подавить восстание, которое перерезало основной путь намеченного отхода немцев на запад.

В газете «Правда» подведены итоги о добровольных взносах граждан Советского Союза в Фонд обороны и Фонд Красной армии. Всего в фонды обороны и Красной армии поступило свыше 17 млрд рублей наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд рублей драгоценностей, свыше 4 млрд 500 млн рублей облигаций государственных займов, более 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательные кассы (в ценах 1941 г.), а также большое количество продовольствия. Эти средства были израсходованы на оборонные цели: на них построено свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, восемь подводных лодок, 16 военных катеров и прочее. Кроме того, выпущенные советским правительством четыре денежно-вещевые лотереи дали фронту и стране около 12,5 млрд, а три военных займа, проведенные в 1942—1944 гг., — 62 млрд 984 млн рублей.

6 мая, воскресенье (1415-й день войны)

Германское командование бросило против слабо вооруженных пражских повстанцев пехотные, танковые, артиллерийские, авиационные части и соединения. Гитлеровцы снова овладели частью Праги. Пражские повстанцы передали в эфир призыв о помощи. Ставка ВГК отдала приказ войскам 1-го Украинского фронта оказать срочную помощь жителям Праги. Началась Пражская стратегическая наступательная операция советских войск (завершилась 11 мая 1945 г.).

7 мая, понедельник (1416-й день войны)

По германскому радио было объявлено о безоговорочной капитуляции Германии. На западном фронте в 2 часа 41 минуту (по центральноевропейскому времени) генералы А. Йодль, У. Смит и представитель СССР генерал И. А. Суслопаров в присутствии свидетеля от Франции подписали протокол о капитуляции. Германские войска должны были с 23 часов 1 минуты 8 мая, оставаясь в районах расположения, прекратить боевые действия на всех фронтах. Условия капитуляции, подписанные в Реймсе, считались не окончательными. Их должен был заменить акт о всеобщей капитуляции.

Союзники достигли договоренности, согласно которой было решено акт о безоговорочной капитуляции оформить в Берлине.

8 мая, вторник (1417-й день войны)

Завершилась Берлинская стратегическая операция советских войск (началась 16 апреля 1945 г.).

Подписание Акта о военной капитуляции, как был дословно назван этот документ, подводивший черту под существованием вермахта, было осуществлено в полдень 8 мая. Церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции нацистской Германии проводилась в юго-восточной части Берлина, в Карлсхорсте, в здании военно-инженерного училища. Новый документ окончательно закрепил подписанные в Реймсе условия прекращения военных действий и полного разоружения вермахта с 23 часов 1 минуты центральноевропейского времени 8 мая.

Президиум Верховного Совета СССР объявил 9 мая днем всенародного торжества — праздником Победы.

9 мая, среда (1418-й день войны)

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин выступил по радио с обращением к советскому народу по поводу победоносного завершения Великой Отечественной войны.

В этот же день был объявлен соответствующий приказ Верховного главнокомандующего по войскам Красной армии и Военно-морскому флоту.

Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Ею были награждены более 14,9 млн человек.

Продолжалась Пражская наступательная операция. В ночь на 9 мая 4-я и 3-я гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта совершили 80-километровый бросок и подошли к Праге. При активной поддержке населения советские войска к 10 часам утра полностью очистили Прагу от остатков немецких войск.

10 мая, четверг (1-й день после войны)

Советские войска продолжали прием капитулировавших немецких войск. Мелкие группы немцев на территории Чехословакии и Австрии пришлось уничтожать вплоть до 19 мая.

11 мая, пятница (2-й день после войны)

Военный совет 1-го Белорусского фронта издал постановление о снабжении продовольствием населения Берлина.

12 мая, суббота (3-й день после войны)

Европейская консультативная комиссия (с участием Франции) — постоянный орган участников антигитлеровской коалиции (организационное заседание состоялось 15 декабря 1943 г.) — рассмотрела документ о безоговорочной капитуляции Германии. После внесения поправок и дополнений этот документ был принят в качестве декларации, заменившей Акт о капитуляции Германии. Подписание декларации было проведено в Берлине 5 июня 1945 г.

16 мая, среда (7-й день после войны)

Опубликована последняя оперативная сводка Совинформбюро, сообщавшая о том, что советские войска закончили прием сдавшихся в плен немецких войск по всему советско-германскому фронту.

17 мая, четверг (8-й день после войны)

С 9 по 17 мая советские войска взяли в плен или приняли при капитуляции 1 390 978 солдат и офицеров, а также 101 генерала противника.

Газета «Правда» опубликовала сообщение, что советское правительство выделило в 1945 г. 325 млн рублей на кредитование индивидуального жилищного строительства рабочих и служащих. Особое внимание обращено на кредитование рабочих и служащих, проживающих в освобожденных районах. Для них выделено свыше 80 млн рублей, из которых около 18 млн уже выдано застройщикам.

18 мая, пятница (9-й день после войны)

В газете «Правда» опубликована информация, что за время Великой Отечественной войны 1026 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, из них один летчик — А. И. Покрышкин удостоен этого звания трижды, а 24 — дважды.

19 мая, суббота (10-й день после войны)

Советские войска ликвидировали последние, все еще пытавшиеся продолжать сопротивление мелкие группы гитлеровцев на территории Чехословакии и Австрии.

Вечером состоялось заседание Государственного Комитета Обороны, на котором были заслушаны расчеты Генерального штаба по переброске войск и материальных средств на Дальний Восток, сосредоточению их по будущим фронтам.

На этом заседании И. В. Сталин внес предложение провести в Москве Парад Победы.

В тот же день на Знамени Победы, хранящемся в политотделе 150-й стрелковой дивизии, к имеющейся надписи «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идриц. див.» были сделаны добавления: «79 ск», а потом и «3 УА 1 БФ».

23 мая, среда (14-й день после войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление о мероприятиях по восстановлению железных дорог в 1945 г.

ГКО принял постановление об оказании помощи продовольствием населению Венгрии.

По требованию советского правительства было упразднено немецкое правительство К. Дёница, а члены и офицеры его кабинета, а также офицеры штаба верховного командования арестованы. Несмотря на все меры предосторожности, адмирал Г. Фридебург покончил жизнь самоубийством, принял яд. К. Дёниц и А. Йодль в тот же день были отправлены в концлагерь.

24 мая, четверг (15-й день после войны)

Правительство СССР устроило в Кремле прием в честь командующих войсками фронтов и командармов Красной армии.

Заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил ордена «Победа» Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову, И. С. Коневу, К. К. Рокоссовскому, Р. Я. Малиновскому и Ф. И. Толбухину.

Генеральный штаб Красной армии на основе решений ГКО и ЦК ВКП(б) издал директиву о проведении 24 июня 1945 г. Парада Победы.

26 мая, суббота (17-й день после войны)

Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения». Предусматривался перевод ряда предприятий на выпуск гражданской продукции. Во всех отраслях развертывалась работа по переквалификации рабочих и инженерно-технических работников.

29 мая, вторник (20-й день после войны)

Ставка ВГК отдала директиву о переименовании с 24 часов 10 июня 1-го Белорусского фронта в Группу советских оккупационных войск в Германии. Штаб группы размещался в Берлине. Главнокомандующим Группой назначался командующий войсками 1-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Войска оккупационной группы должны были дислоцироваться на территории Германии.

Директивой Ставки 1-й Украинский фронт переименовывался в Центральную группу войск (ЦГВ). Штаб группы размещался в районе Вены. Главнокомандующим Центральной группой войск назначался командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Войска ЦГВ дислоцировались на территории Чехословакии, Венгрии и Австрии.

2-й Белорусский фронт переименовывался в Северную группу войск (СГВ) во главе с главнокомандующим Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским. Штаб группы располагался в районе Лодзи (временно в районе Бромберга). Войска группы располагались на территории Польши.

3-й Украинский фронт переименовывался в Южную группу войск (ЮГВ). Главнокомандующим войсками группы был назначен Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. Штаб располагался в районе Кэлэраш. Войска ЮГВ дислоцировались на территории Румынии и Болгарии.

30 мая, среда (21-й день после войны)

Приказом Ставки ВГК от 30 мая главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии маршал Г. К. Жуков был назначен представителем советского Верховного главнокомандования в Контрольном совете по оккупации Германии.

31 мая, четверг (22-й день после войны)

Опубликовано сообщение, что по договоренности между правительствами союзных держав создается Контрольный совет из представителей верховного командования СССР, Великобритании, США и Франции, который будет осуществлять высшую власть союзных держав в Германии на время оккупации.

5 июня, вторник (27-й день после войны)

В Москве в Центральном доме Красной армии состоялось вручение наград офицерскому составу воинской части «Сражающейся Франции» — авиационного полка «Нормандия — Неман».

В пригороде Берлина подписана Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и временным правительством Французской Республики.

6 июня, среда (28-й день после войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об учреждении медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Ею были награждены более 16,1 млн человек.

В «Правде» опубликовано краткое изложение соглашений между правительствами СССР, США, Великобритании и временным правительством Французской Республики о зонах оккупации и контрольном механизме в Германии. Четыре главнокомандующих вооруженными силами союзников в Гер-

мании (СССР, США, Великобритании, Франции) составляли Контрольный совет, все решения которого должны были приниматься единогласно.

СНК СССР утвердил положение о Советской военной администрации в Германии.

9 июня, суббота (31-й день после войны)

Президиум Верховного Совета СССР принял указы об учреждении медалей «За освобождение Белграда», «За взятие Берлина», «За взятие Будапешта», «За освобождение Варшавы», «За взятие Вены», «За взятие Кёнигсберга» и «За освобождение Праги».

19 июня, вторник (41-й день после войны)

Французские летчики авиационного полка «Нормандия — Неман» на 41 боевом самолете Як-3 (переданы советским правительством в дар Франции) отбыли на родину. В 1956 г. на здании бывшей французской военной миссии в Москве была установлена мемориальная доска с именем 42 летчиков полка «Нормандия — Неман», погибших в боях на советско-германском фронте.

22 июня, пятница (44-й день после войны)

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин издал приказ № 270 о Параде Победы.

На самолете из Берлина в Москву доставлено Знамя Победы, которое 30 апреля было водружено над зданием Рейхстага, на котором написано: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идрицк. див. 79 ск 3 УА».

В Москве ровно через четыре года со дня нападения нацистской Германии на Советский Союз открылась XII сессия Верховного Совета СССР, которая приняла закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии».

24 июня, воскресенье (46-й день после войны)

На Красной площади в Москве состоялся парад войск действующих армии и флота, а также войск Московского гарнизона — Парад Победы. На парад были выведены сводные полки фронтов в составе 1 тыс. человек — представители всех родов войск, а также по 36 боевых знамен особо отличившихся частей и соединений. Возглавлял этот полк командующий войсками фронта. Кроме того, в параде принимали участи сводные полки Наркомата обороны СССР, Военно-морского флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона. Принимал парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовал парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Парад длился два часа. Из-за дождя демонстрация москвичей была отменена.

В День Победы в Москве прогремел салют 30 залпами из тысячи орудий.

25 июня, понедельник (47-й день после войны)

В Кремле состоялся прием, устроенный советским правительством в честь участников Парада Победы. Выступая на приеме, И. В. Сталин произнес тост.

26 июня, вторник (48-й день после войны)

Завершила работу конференция государств — учредителей Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. СССР совместно с США, Великобританией и другими государствами подписал Устав ООН с его основополагающими принципами демократии и свобод.

13 июля, пятница (65-й день после войны)

В Германию для участия в Потсдамской (Берлинской) конференции большой тройки начали съезжаться делегации СССР, США и Великобритании.

16 июля (понедельник, 68-й день после войны)

В Потсдам для участия в конференции глав трех держав специальным поездом прибыл И. В. Сталин.

В США произведен первый экспериментальный взрыв атомной бомбы.

17 июля (вторник, 69-й день после войны)

Конференция глав трех держав состоялась в Потсдаме — небольшом городе около Берлина — и проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. Местом заседаний был избран дворец Цецилиенхоф, сооруженный в 1913–1916 гг. Его окружает огромный парк «Новый сад». Члены делегаций обосновались в Бабельсберге, что в 4 км восточнее Потсдама. Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, американскую — новый президент Г. Трумэн, английскую — У. Черчилль (28 июля после поражения консерваторов на парламентских выборах его сменил новый премьер-министр К. Эттли). В работе конференции участвовали также министры иностранных дел СССР (В. М. Молотов), США (Дж. Бирнс) и Великобритании (А. Иден, затем Э. Бевин), их заместители и другие высокопоставленные дипломаты, а также представители военных

ведомств трех стран. Председателем конференции был избран Г. Трумэн. В ходе Берлинской конференции выявились большие разногласия сторон в подходе к решению многих важнейших политических проблем.

6 августа, понедельник (три дня до начала Советско-японской войны)

США сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

8 августа, среда (один день до начала Советско-японской войны)

СССР объявил войну Японии.

9 августа, четверг (1-й день Советско-японской войны)

Около 1 часа ночи по хабаровскому времени Вооруженные силы Советского Союза начали боевые действия на Дальнем Востоке против Японии.

Началась Маньчжурская стратегическая наступательная операция Красной армии (завершилась 2 сентября).

США сбросили атомную бомбу на Нагасаки.

2 сентября, воскресенье (25-й день Советско-японской войны)

На борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции милитаристской Японии в войне в Восточной Азии и на Тихом океане.

Завершилась Вторая мировая война (началась 1 сентября 1939 г.).

Президиум Верховного Совета СССР издал указ об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией.

4 сентября

Президиум Верховного Совета СССР издал указ об упразднении Государственного Комитета Обороны в связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране. Все дела ГКО переданы Совету народных комиссаров.

30 сентября

Президиум Верховного Совета СССР издал указ об учреждении медали «За победу над Японией».

Именной указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Географический указатель

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Итоги и уроки войны

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Э. А. Суровый*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Векторная графика карт и схем *В. Г. Курочкин*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 27.02.15. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
ООО «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 28-30, корпус 1, помещение 014П

ISBN978-5-9950-0539-1

